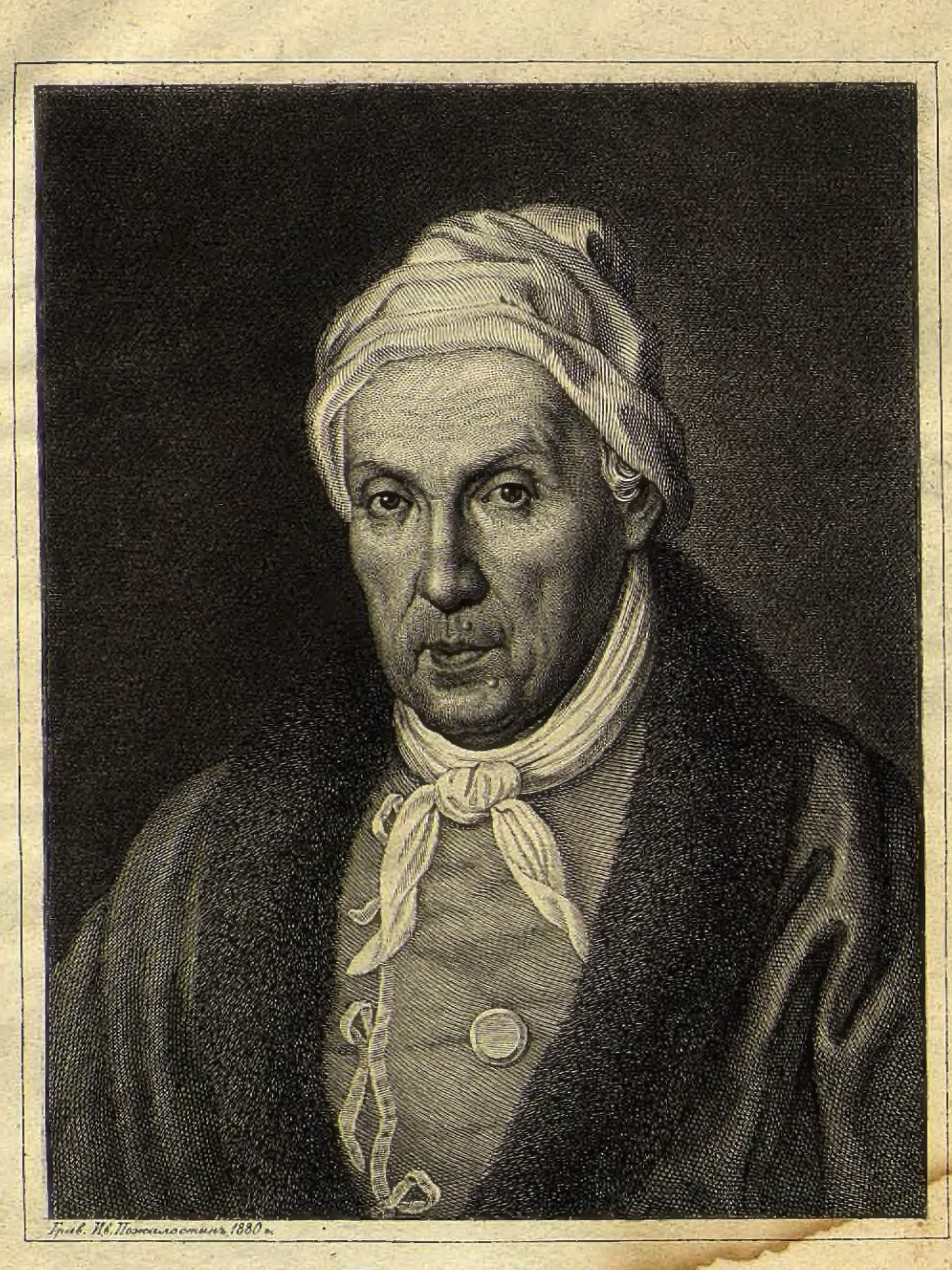

R 461/278
[т. 1]
[т. 1]

ЖИЗНЬ ДЕРЖАВИНА

Гавриилъ Державинъ

ЖИЗНЬ ДЕРЖАВИНА

ПО ЕГО СОЧИНЕНІЯМЪ И ПИСЬМАМЪ И ПО ИСТОРИЧЕСКИМЪ ДОКУМЕНТАМЪ

ОПИСАННАЯ

Я. ГРОТОМЪ

[Т. 1]

ИЗДАНІЕ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ

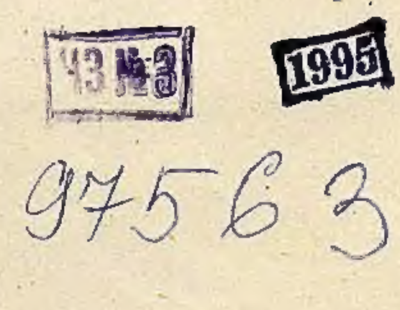
САНКТПЕТЕРБУРГЪ
ВЪ ТИПОГРАФІИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ
(Вас. Остр., 9 лин., № 12)
1880

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ. Санктпетербургъ, сентябрь 1880 года.

Непремѣнный Секретарь, Академикъ *К. Веселовскій.*

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ планѣ академическаго изданія сочиненій Державина біографія поэта, вопреки соблюдаемому обыкновенно въ подобныхъ изданіяхъ порядку, отнесена была къ концу; цѣлью моею при этомъ было имѣть возможность воспользоваться всѣми матеріалами, которые должны были войти въ предыдущіе томы.

Сравнительно позднее появленіе предлагаемой нынѣ біографіи, составляющей собственно VIII-й томъ всего изданія, объясняется не столько продолжительностью труда, какого она требовала, сколько желаніемъ положить въ основаніе ея какъ можно болѣе источниковъ, масса которыхъ въ послѣднія два десятилѣтія быстро возрастала съ каждой новой книгой нашихъ историческихъ сборниковъ. Дѣйствительно, такое выжиданіе вполнѣ оправдалось, въ особенности тѣмъ богатствомъ матеріала, какое представили выходившіе одинъ за другимъ томы *Архива князя Воронцова*.

Кромѣ того, я долженъ сознаться, что трудъ мой замедлялся отчасти и собственными моими сомнѣніями относительно объема, какой слѣдовало дать ему при существованіи Записокъ Державина. Но по мѣрѣ того, какъ работа подвигалась, мнѣ становилось все яснѣе, что одинъ болѣе или менѣе бѣглый очеркъ жизни

его не отвѣчалъ бы ни идеѣ академическаго изданія, ни вообще цѣли новой біографіи поэта. При неполномъ изложеніи обстоятельствъ неудобно было бы коснуться многихъ характеристическихъ частностей и установить вѣрный взглядъ на человѣка, личность котораго необходимо было окончательно выяснить. Требовалось притомъ разработать обильныя данныя, разбросанныя въ цѣломъ изданіи и не лишенныя значенія для всей бытовой и культурной исторіи русскаго общества во второй половинѣ прошлаго и въ началѣ нынѣшняго столѣтія.

Исчислять посторонніе источники, которые прошли чрезъ мои руки, было бы излишне, такъ какъ они при каждомъ случаѣ означаются особыми ссылками. Читатели могли давно замѣтить, что кромѣ печатной литературы важнымъ пособіемъ служили мнѣ архивы не только столичные, но и провинціальные, а также и сохранившіяся въ большомъ количествѣ семейныя бумаги какъ самого поэта, такъ и близкихъ къ нему лицъ. Многія подробности собраны мною на мѣстахъ, гдѣ онъ жилъ и дѣйствовалъ, частью изъ письменныхъ документовъ, частью изъ достовѣрныхъ устныхъ преданій. Что касается Записокъ Державина, то само собой разумѣется, что ни одного изъ его показаній я не принималъ безъ критики, и всякій разъ, когда было возможно, повѣрялъ ихъ другими источниками. Благодаря этому, добытыя мною свѣдѣнія оказывались иногда точнѣе и полнѣе тѣхъ, которыя самъ онъ сообщаетъ, забывая подробности или смѣшивая эпохи. Иногда ему просто неизвѣстны закулисныя пружины обстоятельствъ его жизни, только теперь раскрывающіяся изъ письменныхъ свидѣтельствъ того времени. Важнымъ источникомъ для повѣрки мемуаровъ Державина служила мнѣ между-прочимъ переписка его. Чтобы придать болѣе объективности своему труду, я заставлялъ говорить самые факты устами лицъ, являющихся въ біографіи, будучи убѣжденъ, что удачно выбранныя подлинныя свидѣтельства современниковъ гораздо живѣе и ярче всякихъ пересказовъ характеризуютъ эпоху и ея дѣятелей. Не даромъ въ англійской ли-

тературѣ біографіи знаменитыхъ людей обыкновенно являются подъ заглавіемъ «Life and letters», и письма занимаютъ въ нихъ выдающееся мѣсто.

Здѣсь позволю себѣ напомнить мысль, высказанную мною въ самомъ началѣ изданія. Предпринимая его, я всего болѣе былъ увлеченъ историческимъ интересомъ предстоявшаго труда и желаніемъ представить въ настоящемъ свѣтѣ жизнь и дѣятельность одного изъ самыхъ даровитыхъ русскихъ людей въ связи съ его вѣкомъ: по своимъ обширнымъ и разнообразнымъ отношеніямъ Державинъ казался мнѣ достоинъ сдѣлаться центромъ цѣлаго круга изслѣдованій о тогдашней эпохѣ, независимо отъ вопроса, каковъ будетъ результатъ ихъ для оцѣнки собственной его личности. Его поэтическія произведенія, сами по себѣ, имѣли далеко не исключительное значеніе въ планѣ нашего изданія. Въ какой мѣрѣ мнѣ удалось выполнить такую задачу, предоставляю рѣшить другимъ.

Встрѣчающіяся въ текстѣ біографіи звѣздочки означаютъ ссылки на дополнительныя примѣчанія, которыя будутъ помѣщены въ послѣднемъ, IX томѣ изданія, куда сверхъ того войдутъ разнаго рода приложенія, какъ-то: особенно любопытное изъ документовъ, послужившихъ матеріалами для біографіи, литература библіографіи сочиненій Державина и переводовъ ихъ на разные языки, свѣдѣнія о его портретахъ и бюстахъ, статья о языкѣ поэта и т. п., наконецъ общій указатель ко всему изданію.

Къ настоящему тому приложены:

1) Портретъ Державина, гравированный Н. П. Пожалостинымъ съ подлинника, писаннаго въ послѣднее время жизни поэта художникомъ Васильевскимъ. За доставленіе подлиннаго портрета обязанъ я владѣльцу его, живущему въ Малороссіи графу В. С. Капнисту.

2) Снимокъ съ части подлиннаго прошенія Державина объ увольненіи его изъ Казанской гимназіи (стр. 59). Этотъ любопытный документъ полученъ мною отъ профессора Казанскаго университета М. П. Петровскаго.

3) Карта саратовскихъ колоній, составленная служившимъ по управленію ихъ г. Шмальценомъ (стр. 179).

4) Видъ дома, который Державинъ занималъ въ Петрозаводскѣ (стр. 369), по фотографіи, доставленной нынѣшнимъ олонецкимъ губернаторомъ Г. Г. Григорьевымъ.

5) Изображеніе водопада Кивачъ, рѣзанное на деревѣ г. Даугелемъ съ подлиннаго рисунка акварелью, работы академика Г. П. Гельмерсена (стр. 388).

6) Видъ дома, принадлежавшаго Державину въ Петербургѣ, нынѣ занимаемаго Римско-Католическою коллегіей (рисунокъ Воробьева, доставленный покойнымъ Д. В. Полѣновымъ, литографія г. Брезе; стр. 612).

7 и 8) Планъ внутренности обоихъ этажей этого дома, съ означеніемъ между-прочимъ залы, гдѣ собиралась Бесѣда любителей русскаго слова (стр. 749 и 750). Доставленъ, вмѣстѣ съ слѣдующимъ за симъ изображеніемъ и многими другими рисунками, относящимися къ біографіи поэта, близкимъ къ нему человѣкомъ, который самъ и рисовалъ ихъ, А. П. Кожевниковымъ.

9) Видъ памятника надъ гробницей Державина въ Хутынскомъ монастырѣ (стр. 1004).

10) Видъ памятника, воздвигнутаго ему въ Казани (стр. 1020), по фотографіи, сообщенной профессоромъ Казанскаго университета Д. А. Корсаковымъ.

Іюль 1880 года.

Я. Гротъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	стр.
Предисловіе	I.
ГЛАВА ПЕРВАЯ. Общій взглядъ на Державина	5.
ГЛАВА ВТОРАЯ. Годы дѣтства и воспитанія (1743—1762).	
1. Предки и родители Державина	19.
2. Первое дѣтство	24.
3. Оренбургская школа	28.
4. Смерть отца. Домашнее воспитаніе	31.
5. Тогдашнее состояніе Россіи. Казанская гимназія	35.
6. Поступленіе въ гимназію. Первый ея директоръ	40.
7. Учителя и ученіе	43.
8. Успѣхи и отличія. Двѣ поѣздки. Празднество	47.
9. Чтенія Державина. Выходъ изъ гимназіи	52.
ГЛАВА ТРЕТЬЯ. Военная служба до Пугачевщины (1762—1773).	
1. Солдатская жизнь въ казармѣ	64.
2. Воцареніе Екатерины II. Отъѣздъ въ Москву	68.
3. Несбывшаяся мечта. Унтеръ-офицеръ. Отпускъ въ Казань	70.
4. Товарищи. Первыя литературныя знакомства	73.
5. Вторичный отпускъ. Жизнь въ Москвѣ. Серебряковъ	76.
6. Возвращеніе въ Петербургъ. Производство въ прапорщики	81.
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ. Пугачевщина. Дѣятельность въ Казани (1773—1774).	
1. Бибиковъ. Поступленіе въ секретную комиссію	87.
2. Прибытіе въ Казань. Успѣхи Пугачева	93.
3. Посылка въ Самару. Воззваніе къ Калмыкамъ	95.
4. Пожертвованіе Казанцевъ. Рѣчь Державина. Отъѣздъ его.	100.
ГЛАВА ПЯТАЯ. Дѣятельность въ Саратовскомъ краю (1774).	
1. Посылка на Иргизъ. Серебряковъ и Герасимовъ	107.
2. Распоряженія въ Малыковкѣ. Поѣздка въ Саратовъ	112.
3. Воинскія предпріятія Державина. Князь Голицынъ. Производство въ поручики	117.
4. Смерть Бибикова. Князь Щербатовъ	123.
5. Переписка съ Брантомъ. Довѣріе генераловъ	134.
6. Частная переписка	141.

*

ГЛАВА ШЕСТАЯ. Дѣла въ Саратовѣ и ихъ послѣдствія (іюль и августъ 1774 года).

стр.

1. Поѣздка въ Саратовъ. Павелъ Потемкинъ .... 149.
2. Саратовскія пререканія........ 154.
3. Экспедиція въ Петровскъ........ 163.
4. Пугачевъ въ Саратовѣ........ 167.
5. Державинъ въ Сызрани. Бѣдствіе Малыковки........ 175.
6. Колоніи. Походъ въ Киргизскую степь........ 179.

Приложеніе: Извлеченія изъ подлинныхъ донесеній командовавшихъ лицъ .... 189.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ. Невзгоды подъ начальствомъ графа Панина (1774—1776).

1. Графъ П. И. Панинъ........ 193.
2. Неудовольствія противъ Державина........ 197.
3. Мѣры для поимки Пугачева. Суворовъ. Выдача самозванца 202.
4. Первыя извѣстія о поимкѣ Пугачева .... 206.
5. Новыя непріятности........ 210.
6. Поѣздка Державина къ графу П. И. Панину........ 217.
7. Окончаніе командировки въ Казань и опять на Иргизѣ .. 221.
8. Пребываніе въ Москвѣ. Обращеніе къ Г. А. Потемкину. Развязка........ 223.

Приложеніе: Пугачевскій указъ........ 232.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ. Служба при генералъ-прокурорѣ (1777—1783).

1. Сближеніе съ кн. Вяземскимъ. Сослуживцы въ сенатѣ ... 235.
2. Семейство Бастидонъ. Женитьба .... 241.
3. Разныя порученія. Новая должность. Начало неудовольствій........ 247.
4. Разрывъ съ кн. Вяземскимъ. Увольненіе........ 252.

Приложеніе: Приказъ генералъ-прокурора и письмо Храповицкаго .... 259.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ. Двѣ эпохи литературнаго развитія (1762—1782).

1. Поэтическіе начатки. Образцы. Приговоръ Елагина ...... 263.
2. Первые печатные труды .... 272.
3. Поэтическое перерожденіе. Литературныя связи .... 275.
4. Участіе въ «С. Петербургскомъ Вѣстникѣ»........ 284.
5. Ода Фелицѣ. Ея происхожденіе и послѣдствія........ 293.

Приложеніе: Анекдотъ по поводу эпиграммы на Сумарокова. 302.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ. Собесѣдникъ любителей россійскаго слова (1783—1784).

1. Связь съ «Фелицею». Планъ изданія. Сотрудники........ 305.
2. Участіе Екатерины II въ «Собесѣдникѣ» .... 309.
3. Внутренняя полемика «Собесѣдника». Императрица и Фонъ-Визинъ........ 317.
4. Главный критикъ «Собесѣдника» Любословъ. Неизвѣстный и графъ Н. П. Румянцовъ........ 328.
5. Нарышкинъ и княгиня Дашкова........ 334.
6. Дальнѣйшее участіе Державина въ «Собесѣдникѣ»....... 340.
7. Членъ Россійской академіи .... 350.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ. Губернаторъ въ Петрозаводскѣ и въ Тамбовѣ (1784—1788).

стр.
1. Назначеніе олонецкимъ губернаторомъ. Отпускъ........ 357.
2. Преобразованіе губернскаго управленія. Намѣстники и губернаторы .... 361.
3. Тутолминъ. Переселеніе Державина. Открытіе губерніи.. 365.
4. Отношенія между намѣстникомъ и губернаторомъ .... 370.
5. Двѣ партіи. Оригинальное взысканіе.................. 377.
6. Дѣло о медвѣдѣ...................................... 382.
7. Обозрѣніе губерніи и открытіе города Кеми............ 387.
8. Занятія въ дорогѣ. Отъѣздъ въ Петербургъ............. 391.
9. Офиціальная полемика противъ Тутолмина .... 394.
10. Отношеніе къ литературѣ и наукѣ.................... 398.
11. Новое назначеніе. Пребываніе въ Петербургѣ. Пріѣздъ въ Тамбовъ. Гудовичъ .... 402.
12. Пріязнь между намѣстникомъ и губернаторомъ.......... 409.
13. Старанія объ успѣхахъ образованія и общежитія....... 411.
14. Прежнія неустройства. Улучшенія. Выписка указовъ и чиновниковъ .... 415.
15. Постройки. Описаніе губерніи. Заботы о судоходствѣ..... 425.
16. Вѣсти изъ Петрозаводска .... 427.
17. Дѣло по клеветѣ Сатина. Загряжскій .... 439.
18. Открытіе народнаго училища .... 445.
19. Захарьинъ и сказанная имъ рѣчь...................... 452.
20. Открытіе театра въ память учрежденія училища........ 459.
21. Дальнѣйшія подробности учрежденія училищъ........... 462.
22. Малыя училища въ уѣздныхъ городахъ.................. 467.
23. Пріисканіе директора училищъ........................ 471.
24. Учрежденіе типографіи .... 474.
25. Ревизія губерніи. Начало неудовольствій .... 479.
26. Путешествіе императрицы и проѣздъ князя Вяземскаго .. 483.
27. Купецъ Матвѣй Бородинъ. Откупное дѣло .... 490.
28. Комиссіонеръ Потемкина Гарденинъ. Провіантское дѣло. 499.
29. Ссора двухъ дамъ .... 507.
30. Вины Державина и опредѣленія сената .... 513.
31. Нѣкоторые частные случаи .... 524.
32. Тамбовская переписка и отношеніе губернатора къ литературѣ.. 531.
33. Общій взглядъ на тамбовское губернаторство.......... 548.

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ. Судъ. Оправданіе и возвышеніе (1789—1796).

1. Пребываніе въ Москвѣ .... 555.
2. Хлопоты въ Петербургѣ .... 559.
3. Рѣшеніе судьбы Державина въ Москвѣ .... 563.
4. Милость императрицы. Жизнь въ столицѣ .... 577.
5. Сближеніе съ Зубовымъ. «Изображеніе Фелицы» .... 581.
6. Сближеніе съ Потемкинымъ. Праздникъ его. «Водопадъ». 589.
7. Знакомство съ Дмитріевымъ и Карамзинымъ.............. 602.
8. Поправленіе обстоятельствъ. Приближеніе къ императрицѣ 611.
9. Кабинетскій секретарь .... 616.
10. Литературная дѣятельность.......................... 627.

стр.
11. Знакомство съ Коцебу и съ Мертваго .... 640.
12. Сенаторъ .... 647.
13. Дѣло Дмитріева съ Всеволожскимъ .... 652.
14. Президентъ-коммерцъ коллегіи .... 658.
15. Комиссія о растратѣ денегъ въ Заемномъ банкѣ .... 664.
16. Частная жизнь. Смерть жены .... 675.
17. Второй бракъ .... 682.
18. Литературная дѣятельность .... 685.
19. Отношеніе къ дѣлу Радищева .... 692.
20. Послѣднія пѣсни при Екатеринѣ II .... 697.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ. Дѣятельность при Павлѣ I (1796—1801).
1. Опала и примиреніе .... 710.
2. Московское изданіе сочиненій Державина .... 716.
3. Участіе въ совѣстныхъ судахъ и опекахъ .... 719.
4. Шкловская командировка .... 725.
5. Вторая командировка въ Бѣлоруссію .... 728.
6. Новыя назначенія .... 737.
7. Отдѣльные случаи .... 744.
8. Частная жизнь .... 747.
9. Литературная дѣятельность въ Павлово время .... 755.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ. Служба при Александрѣ I (1801—1803).
1. Воцареніе новаго императора .... 773.
2. Дѣятельность въ первое время .... 775.
3. Калужское слѣдствіе .... 783.
4. Участіе въ проектѣ преобразованія сената 788
5. Учрежденіе министерствъ .... 796.
6. Начало управленія министерствомъ юстиціи .... 800.
7. Борьба противъ мнѣнія графа Потоцкаго .... 808.
8. Другія столкновенія по управленію министерствомъ .... 818.
9. Участіе въ еврейскомъ комитетѣ .... 826.
10. Окончательная немилость 830
11. Пасквили на Державина .... 836.
12. Два непріятныя дѣла .... 844.
Приложеніе: Варіантъ замѣтки на проектѣ Державина ... 852.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ. Положеніе въ отставкѣ (1803—1816).
1. Отношенія ко двору .... 855.
2. Литературныя связи и предпріятія .... 857.
3. Эпиграммы и басни Державина .... 866.
4. Драматическія сочиненія .... 877.
5. Переписка съ преосв. Евгеніемъ и автобіографія .... 887.
6. «Бесѣда любителей русскаго слова» и «Арзамасъ» .... 900.
7. Послѣдній періодъ поэзіи Державина .... 928.
8. Отношенія къ Жуковскому, Карамзину и Вяземскому .... 939.
9. Путешествіе въ Малороссію .... 949.
10. Черты домашней жизни въ Петербургѣ .... 956.
11. Экзаменъ въ царскосельскомъ лицеѣ .... 974.
12. Черты деревенской жизни въ Званкѣ .... 977.
13. Послѣднее лѣто въ деревнѣ. Болѣзнь и смерть .... 988.
14. Завѣщанія. Дарья Алексѣевна. Аракчеевъ и Фотій .... 1005.
15. Чествованіе памяти Державина .... 1016.
16. Заключеніе .... 1022.

ЖИЗНЬ ДЕРЖАВИНА.

Потомство — грозный судія.

Мой истуканъ.

Lorsqu'on juge les hommes célèbres, on peut, sans blesser la morale, mettre dans la balance où on pèse leurs actions, le poids des circonstances dans lesquelles ils se trouvaient, et faire ainsi de leurs qualités et de leurs défauts une part convenable à leur époque, à leur position et aux moeurs de leur pays.

Mémoires du c-te de Ségur.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

ОБЩІЙ ВЗГЛЯДЪ НА ДЕРЖАВИНА.

Долго имя Державина совмѣщало въ себѣ понятіе и литературнаго, и гражданскаго величія. При жизни своей онъ пользовался славой геніальнаго поэта и заслуженнаго сановника. Въ печати выражалось безусловное благоговѣніе къ его таланту: изрѣдка появлялись, правда, рукописные пасквили на нѣкоторыя обстоятельства его служебной дѣятельности, но въ литературѣ не слышалось ни одного голоса противъ него. Еще и въ 20-хъ и 30-хъ годахъ нашего столѣтія журналы единогласно превозносили его: это мы видимъ въ *Сынѣ Отечества*, въ *Московскомъ Телеграфѣ*, въ *Библіотекѣ для Чтенія* и проч.[1]. Лучшіе представители русской мысли выражали глубокое уваженіе къ Державину. Назовемъ для примѣра княгиню Дашкову, И. И. Шувалова, Дмитріева, Карамзина, М. Н. Муравьева, Болховитинова, Батюшкова, Жуковскаго, Пушкина, Гоголя, Полевого, С. Т. Аксакова. Хотя уже и Мерзляковъ изрѣдка съ робостію намекалъ на недостатки въ одахъ Державина, но только въ началѣ 1840-хъ годовъ его впервые призвала на судъ болѣе взыскательная критика: Бѣлинскій, не менѣе высоко цѣня его талантъ, выставилъ однакожъ слабыя стороны его произведеній, именно невыдержанность ихъ въ цѣломъ и частностяхъ, преобладаніе дидактики, отсутствіе художественности въ

[1] См. въ концѣ тома библіографію литературы о Державинѣ, отдѣлъ критики.

отдѣлкѣ и примѣсь реторики. Но, признавая эти недостатки, Бѣлинскій въ то же время говорилъ: «Нечего жалѣть, что Державинъ не былъ поэтомъ-художникомъ; лучше подивиться тѣмъ свѣтозарнымъ проблескамъ поэзіи и художественности, которыми такъ часто и такъ ярко вспыхиваетъ дидактическая по своему преобладающему элементу поэзія этого могучаго таланта... Талантъ Державина великъ, но онъ не могъ сдѣлать больше того, что позволили ему его отношенія къ историческому положенію общества въ Россіи... Богатырь поэзіи по своему природному таланту, Державинъ, со стороны содержанія и формы своей поэзіи, замѣчателенъ и важенъ для насъ, его соотечественниковъ: мы видимъ въ немъ блестящую зарю нашей поэзіи... Не съ легкою ношею, а весь дойдетъ Державинъ до позднѣйшаго потомства».... Такимъ образомъ Бѣлинскій, какъ онъ самъ впослѣдствіи высказалъ, умѣлъ равно уберечься «и отъ дѣтскаго, безотчетно восторженнаго удивленія къ Державину, и отъ ложной гордости успѣхами современности, гордости, которая мѣшаетъ отдавать справедливость заслугамъ прошедшаго» [1].

Но совершенный переворотъ во взглядахъ большинства нашихъ литературныхъ судей на Державина произошелъ внезапно въ концѣ 50-хъ годовъ. Это было въ тѣсной связи съ обнаружившимся въ началѣ нынѣшняго царствованія, послѣ крымской войны, движеніемъ во внутренней жизни Россіи: какъ нарочно, въ то самое время въ первый разъ появились Записки Державина [2]. Незадолго передъ тѣмъ въ литературѣ возникло новое направленіе, весьма мѣтко названное *обличительнымъ*. Оно было тогда въ полномъ разгарѣ. Записки Державина представляли обширное поле для приложенія къ писателю и гражданскому дѣятелю вновь заявленныхъ требованій. Державинъ имъ не удовлетворялъ, и вотъ на него ополчилась почти вся тогдашняя наша печать. Современникамъ открылось любопытное и поучительное зрѣлище.

[1] См. *Сочиненія Бѣлинскаго*, ч. VII, стр. 79, 80, 84, 86, 88, 93, 150; также ч. X, стр. 157, и многія другія мѣста. Ср. мою статью: *Бѣлинскій и его мнимые послѣдователи* въ *С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ* 1861 года, № 109.

[2] Въ московскомъ журналѣ *Русская Бесѣда* 1859 г., кн. I — V.

Выходки противъ Державина сдѣлались любимою темой журнальныхъ критиковъ, хотѣвшихъ прослыть передовыми людьми; не безъ злорадства пользовались всякимъ случаемъ, чтобы кстати и некстати бросить грязью въ сверженнаго идола. Настало время, которое предсказывалъ поэтъ, когда, воображая свой бюстъ на царскосельской колоннадѣ, онъ обращался къ самому себѣ съ словами:

«Увы! легко случиться можетъ,
Поставятъ и тебя льстецомъ...
. . . .
То, можетъ-быть, и твой кумиръ
Черезъ рѣшетки золотыя
Слетитъ и разсмѣшитъ весь міръ,
Стуча съ крыльца, ступень съ ступени,
И скатится въ древесны тѣни»... [1].

Въ Державинѣ стали отрицать всякое достоинство: его бранили въ журналахъ и учебникахъ, бранили съ профессорскихъ каѳедръ, бранили на школьныхъ скамьяхъ. Къ сожалѣнію, эта односторонняя хула, смѣнившая прежній безсознательный восторгъ, часто отзывалась ожесточеніемъ, несовмѣстнымъ съ просвѣщенной критикой, и большею частью обличала въ судьяхъ самыя поверхностныя понятія о томъ, что̀ составляло предметъ ихъ безпощадныхъ приговоровъ. Здѣсь опять невольно припоминаются какъ бы пророческія слова, сказанныя Бѣлинскимъ въ статьѣ о Державинѣ за шестнадцать лѣтъ до эпохи, о которой рѣчь идетъ: «Чѣмъ одностороннѣе мнѣніе», замѣтилъ онъ, «тѣмъ доступнѣе оно для большинства, которое любитъ, чтобъ хорошее непремѣнно было хорошимъ, а дурное дурнымъ, и которое слышать не хочетъ, чтобъ одинъ и тотъ же предметъ вмѣщалъ въ себѣ и хорошее и дурное. Вотъ почему толпа, узнавъ, что за какимъ-нибудь великимъ человѣкомъ водились слабости, свойственныя малымъ людямъ, всегда готова сбросить великаго

[1] Въ одѣ *Мой истуканъ*, I, 618.

съ его пьедестала и ославить его негодяемъ и безнравственнымъ человѣкомъ»[1].

Но такимъ прискорбнымъ ослѣпленіемъ не могли заразиться люди, понимавшіе, что каковы бы ни были недостатки, раскрытые въ Державинѣ его записками, сущность его таланта и значеніе его въ литературѣ нисколько отъ того не измѣнялись. Тогда-то II-е Отдѣленіе Академіи наукъ рѣшилось безотчетному осужденію поэта противопоставить полное историко-критическое изданіе сочиненій его, какъ самое широкое и твердое основаніе для серіозной критики*. Никто не станетъ отрицать, что этотъ трудъ, въ характерѣ котораго съ самаго начала легко было замѣтить отсутствіе всякаго пристрастія, мало по малу способствовалъ къ возстановленію въ обществѣ болѣе спокойнаго отношенія къ Державину. Впрочемъ тутъ дѣйствовала конечно и та отрезвляющая охота къ изученію прошлаго, которая съ 60-хъ годовъ стала замѣтно развиваться въ русскомъ читающемъ мірѣ. По мѣрѣ того, какъ расширялся его кругозоръ, гулъ легкомысленнаго глумленія надъ поэтомъ болѣе и болѣе умолкалъ, яснѣе и яснѣе становилось его историческое значеніе. Правда, и теперь еще слышатся отголоски вызванной имъ бури; и теперь еще появляются статьи, въ которыхъ не жалѣютъ красокъ, чтобъ представить неблагопріятные для его памяти факты въ преувеличенномъ или даже извращенномъ видѣ; и теперь еще разсѣянные въ учебникахъ нападки на Державина поддерживаютъ въ школѣ какое-то исключительное предубѣжденіе противъ этого писателя **; но по крайней мѣрѣ уже весьма многіе понимаютъ, что крайности въ этомъ направленіи устарѣли и стали смѣшными; уже и въ литературѣ и въ школѣ встрѣчаются безпристрастныя и здравыя сужденія о Державинѣ.

Мы сами далеки отъ преувеличенія заслугъ его; но думаемъ, что при всѣхъ своихъ недостаткахъ онъ имѣетъ полное право на почетное мѣсто въ литературной и общественной исторіи русскаго народа. Если мы, несмотря на заблужденія и слабости другихъ писателей, — Кантемира, Ломоносова, Сумарокова, даже

[1] *Соч. Бѣлинскаго* VII, 65.

ославленнаго Тредьяковскаго,—внимательно знакомимся съ трудами ихъ, то не заслуживаетъ ли и Державинъ серiознаго изученiя? Въ ряду русскихъ людей всѣхъ вѣковъ онъ всегда останется знаменитымъ историческимъ лицомъ. По силѣ и самобытности таланта онъ былъ конечно первымъ русскимъ поэтомъ 18-го столѣтiя и однимъ изъ самыхъ крупныхъ представителей поэзiи во всѣ времена и у всѣхъ народовъ. Кромѣ того, онъ игралъ замѣтную роль въ администрацiи и общественной жизни; имя его тѣсно связано со многими памятными событiями второй половины прошлаго и начала нынѣшняго вѣка.

Призванiе писателей — развивать и направлять духовную жизнь народа. Они должны будить въ немъ мысль и поддерживать уваженiе ко всему, что́ дорого для человѣчества. Особенно важно призванiе литературы въ такiя эпохи, когда общество еще мало образовано, когда въ немъ преобладаютъ невѣжество и чувственные инстинкты: тогда писатель, здраво понимающiй свою задачу, можетъ имѣть на своихъ согражданъ великое нравственное и воспитательное влiянiе. Таково именно было положенiе Державина: когда еще не была выработана у насъ простая и легкая прозаическая рѣчь, онъ заговорилъ новымъ по звучности и складу русскимъ стихомъ; очаровывая читателей, онъ пробуждалъ въ нихъ возвышенныя чувства и ставилъ передъ ними идеалы въ живыхъ примѣрахъ отечественныхъ героевъ и сановниковъ, напоминая въ яркихъ образахъ святыя истины, вѣчные законы добра и чести. При всемъ несовершенствѣ своихъ одъ со стороны художественной выдержки и внѣшней отдѣлки, онъ вполнѣ удовлетворялъ тогдашнимъ эстетическимъ требованiямъ. Такимъ образомъ онъ безспорно отвѣчалъ потребностямъ своего времени, и вотъ въ чемъ можетъ-быть заключалась одна изъ главныхъ причинъ его необычайнаго успѣха.

При изображенiи дѣятеля другой эпохи надо всего болѣе остерегаться часто повторяющейся между нами ошибки, именно обсужденiя и оцѣнки понятiй и поступковъ его по отношенiю къ нынѣшнимъ требованiямъ. Какъ ни избита осуждающая этотъ прiемъ истина, считаемъ нелишнимъ напомнить ее. Конечно, для

насъ поэзія Державина утратила значительную долю своего обаянія; но съ исторической точки зрѣнія мы должны цѣнить ее тѣмъ выше, что школьное образованіе его было крайне плохо, что вся обстановка его, съ самаго вступленія въ свѣтъ, была въ рѣзкомъ противорѣчіи съ его наклонностями и могла бы подавить ихъ, еслибъ онѣ были слабѣе. Зная сферу, въ которой онъ провелъ свою молодость и первые годы зрѣлаго возраста, мы не можемъ не удивляться относительной высотѣ достигнутаго имъ развитія, силѣ самороднаго дарованія, вышедшаго съ такимъ блескомъ изъ борьбы съ обстоятельствами. Новѣйшіе критики часто упрекали его за лесть, за корыстныя побужденія въ творчествѣ; въ какой степени справедливы эти обвиненія, окажется далѣе; теперь же мы только спросимъ, такія ли побужденія заставляли его неустанно трудиться надъ усовершенствованіемъ своего таланта, читать и распространять свои свѣдѣнія и въ душной атмосферѣ казармы, и въ тревогахъ походной жизни, и въ охлаждающемъ умъ канцелярскомъ быту. Ни военная служба, ни соприкосновеніе съ бюрократіей, ни наконецъ дворская жизнь не погубили его дарованія; за любовь къ литературѣ его гналъ начальникъ, бранилъ чиновный людъ, осмѣивали царедворцы; но онъ всетаки остался вѣренъ своему призванію и до конца не измѣнилъ поэзіи. Многіе въ наше время утверждали, что самъ онъ ставилъ свою службу выше авторства, но это несправедливо: мысль его стиха: «А я піитъ, и не умру»[1] была не разъ выражаема имъ и въ другихъ формахъ. Если иногда онъ говорилъ, что пишетъ только *въ свободное отъ дѣлъ время*[2], то это было лишь для успокоенія другихъ, для того, чтобы оправдать себя въ глазахъ начальства и тѣхъ, которые твердили, что стихотворство мѣшаетъ дѣлу, что писатель не годенъ для службы.

Какъ государственный человѣкъ, онъ конечно не пріобрѣлъ особеннаго значенія для потомства, оставилъ менѣе слѣдовъ своего существованія; но и на этомъ поприщѣ онъ памятенъ по своей энергіи, честности, человѣчности и гражданскому муже-

[1] Въ одѣ *На смерть графини Румянцовой*, I, 221.

[2] «Отъ должностей въ часы свободны» въ одѣ *На Новый годъ*, I, 119.

ству. Многіе общественные вопросы рѣшались имъ съ замѣчательнымъ практическимъ смысломъ; многія тяжебныя дѣла окончены имъ съ полнымъ безпристрастіемъ и справедливостью, снискавшими ему общее довѣріе и славу неподкупнаго судьи. Мы увидимъ впослѣдствіи, какъ часто его избирали въ третейскіе судьи и опекуны. Не много было русскихъ людей, которые бы въ такой мѣрѣ какъ онъ умѣли соединить литературную дѣятельность съ общественною и служебною. Чтобы убѣдиться въ томъ, стóитъ хоть слегка пробѣжать семь томовъ его сочиненій, изъ которыхъ послѣдній, содержащій его труды въ прозѣ, могъ бы разростись въ нѣсколько такихъ же объемистыхъ книгъ, еслибъ мы не ограничились въ немъ строгимъ выборомъ изъ всего имъ написаннаго прозаическою рѣчью. Ту же разборчивость соблюдали мы впрочемъ и при печатаніи его переписки и неизданныхъ, особенно драматическихъ, сочиненій его и переводовъ. И все это писалось посреди столь же кипучей практической дѣятельности, среди исполненія должностныхъ обязанностей и порученій, среди хлопотъ и превратностей разнообразной и тревожной службы на разныхъ поприщахъ. И между тѣмъ рукописи его, исчерченныя поправками, показываютъ, что онъ нелегко удовлетворялся тѣмъ, чтó выливалось изъ-подъ пера его, что онъ не только въ стихахъ, но и въ прозѣ часто возвращался къ первымъ наброскамъ своимъ, измѣнялъ, а иногда и совершенно передѣлывалъ по нѣскольку разъ то, что писалъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ очень много читалъ: изъ самыхъ сочиненій его и собственныхъ его объясненій къ нимъ можно видѣть, сколько произведеній древней и новой литературы, отчасти весьма обширныхъ, было ему извѣстно и какъ хорошо онъ помнилъ прочитанное.

Въ 18-мъ вѣкѣ рѣзкіе, угловатые характеры были гораздо обыкновеннѣе чѣмъ въ наше время, когда болѣе распространенное между всѣми сословіями и притомъ болѣе искуственное воспитаніе подводитъ всѣхъ подъ одинъ довольно общій уровень образованія и на всѣхъ кладетъ однообразную печать сдержанности и приличія. Вмѣсто нынѣшняго сходства формъ и пріемовъ прежніе люди зачастую обнаруживали особенности, которыя въ наше время навлекаютъ на человѣка кличку чудака. «Свое-

образіе», по замѣчанію князя Вяземскаго, «обыкновенная принадлежность людей стараго чекана»[1]. Такихъ людей можно встрѣтить немало, напр., въ лѣтописяхъ европейскихъ университетовъ за прошлое столѣтіе; въ наше время мы причислили бы къ подобнымъ характерамъ также Ломоносова, Сумарокова и Тредьяковскаго. Къ тому же разряду людей можно отнести и Державина. Его отзывъ о самомъ себѣ, «что горячъ и въ правдѣ чортъ» (II, 178), не былъ самохвальствомъ. Эту сторону своей личности высказалъ онъ преимущественно въ многочисленныхъ ссорахъ и горячихъ спорахъ съ своими начальниками и сослуживцами, когда ради строгаго соблюденія закона не хотѣлъ допускать въ ихъ дѣйствіяхъ ни малѣйшаго произвола; изъ этого благороднаго источника происходили и столкновенія его съ самою императрицею, когда онъ удостоился приближенія къ ней.

Для оцѣнки характера его въ связи со всею эпохою, къ которой онъ принадлежалъ, необходимо вглядѣться въ замѣчательный ходъ его службы, представляющей непрерывный рядъ смѣнявшихся, какъ приливъ и отливъ, возвышеній и паденій, успѣховъ и неудачъ. Сынъ бѣднаго дворянина, не получившій почти никакого воспитанія, чему обязанъ онъ своимъ сравнительно блестящимъ положеніемъ во второй половинѣ царствованія Екатерины? Съ одной стороны, безъ сомнѣнія, самому себѣ, но съ другой—и особенному характеру этого царствованія. Быстрыя, разнородныя способности Державина, его энергія, смѣлость и подвижность, его поэтическій даръ въ такомъ вѣкѣ, когда литературные труды высоко цѣнились монархами, все это не могло не выдвинуть его впередъ и не обратить на него милостей государыни, которая, любя отличать все необыкновенное, еще болѣе готова была возвышать людей, умѣвшихъ хвалить и прославлять ее. Будь Державинъ человѣкъ дюжинный или, по крайней мѣрѣ, менѣе тревожный, не столько рѣшительный и настойчивый,—онъ, послѣ перваго паденія, вѣроятно уже не поднялся бы вторично. Но онъ не успокоивался отъ не-

[1] Въ выдержкахъ *изъ старой записной книжки*, *Русскій Архивъ 1874*, стр. 173, по поводу воспоминаній о Натальѣ Кирилловнѣ Загряжской.

удачъ: послѣ каждой невзгоды онъ снова начиналъ борьбу съ обстоятельствами и всякій разъ выходилъ изъ нея побѣдителемъ. Только въ старости, при императорѣ Александрѣ I, чуждый движенію встрепенувшагося общества, Державинъ долженъ былъ уступить напору новыхъ идей и окончательно сойти съ поприща гражданской дѣятельности. Возвысясь довѣріемъ императрицы и двухъ государей, онъ не хотѣлъ для поддержанія себя въ ихъ милости жертвовать своими убѣжденіями и не сохранилъ вполнѣ благоволенія ни одного изъ трехъ монарховъ, а въ послѣднее царствованіе подвергся даже совершенной опалѣ. Своими иногда ошибочными взглядами, нѣкоторыми поступками, которые съ точки зрѣнія нравственнаго достоинства конечно не могутъ быть оправданы, онъ платилъ дань своему вѣку и особенно жалкому своему воспитанію. Мы не можемъ также отрицать въ немъ излишней самоувѣренности, заносчивости, всегдашней наклонности къ превышенію власти, непомѣрнаго самолюбія и самообольщенія, изъ которыхъ истекала также его податливость вліянію лести и похвалы; но зато твердость, съ какою онъ отстаивалъ свои мнѣнія и правила, самое отсутствіе въ немъ всякой уклончивости и уступчивости въ сношеніяхъ даже съ такими людьми, отъ которыхъ зависѣла его судьба, многія общественныя заслуги, его горячее сочувствіе всякому истинному величію, всякому благородному порыву и поступку, его добродушіе и просвѣщенное отношеніе къ подчиненнымъ ему лицамъ и подвластнымъ людямъ, примиряютъ насъ съ Державинымъ, какъ человѣкомъ, и не позволяютъ намъ слишкомъ рѣзко или иронически осуждать его недостатки.

Въ Державинѣ есть еще одна сторона, которая придаетъ изученію его особенную занимательность. Въ нашей старой литературѣ это одно изъ самыхъ живыхъ лицъ: въ его дѣятельности чрезвычайно много жизни и движенія. Онъ принадлежитъ къ разряду людей, наиболѣе высказывающихся; это свойство, въ соединеніи съ запальчивостью его нрава и рѣзкостью языка, играло важную роль въ его столкновеніяхъ. Той же особенности его мы обязаны тѣмъ, что изъ всѣхъ старинныхъ писателей нашихъ онъ оставилъ намъ самые обильные матеріалы для своей біографіи,

для объясненія связи своихъ сочиненій съ современною дѣйствительностью. Уже и въ самыхъ стихахъ своихъ онъ высказывается болѣе нежели кто-либо другой изъ нашихъ поэтовъ 18-го вѣка, не исключая и хвастливаго Сумарокова; но, кромѣ того, Державинъ въ старости задумалъ присоединить къ своему поэтическому наслѣдію подробные комментаріи и хронологическія указанія, что́ не приходило на мысль ни одному изъ остальныхъ современныхъ ему русскихъ писателей; а за тѣмъ онъ, для объясненія своей служебной дѣятельности, написалъ еще и свои записки. Тщательное сбереженіе почти всѣхъ хранившихся у Державина до кончины его рукописей также выдвигаетъ его изъ большинства нашихъ дѣятелей и служитъ къ чести какъ его самого, такъ и пережившихъ его родственниковъ. Но по этому самому, при многосторонней его дѣятельности, при обширности и разнообразіи его сношеній, при громадной массѣ матеріаловъ, сохранившихся относительно его еще и въ архивахъ, и въ печатной литературѣ, біографія Державина представляетъ трудъ довольно сложный.

Мы надѣемся, что предыдущія вступительныя замѣтки достаточно выясняютъ, до какой степени этотъ писатель достоинъ обстоятельнаго изученія и въ жизни, и въ произведеніяхъ своихъ. Въ заключеніе, чтобы дополнить образъ его, попытаемся представить нѣкоторыя внѣшнія черты его личности. Въ порѣ полнаго развитія силъ Державинъ былъ высокаго роста, держался прямо, имѣлъ быстрыя движенія, твердую походку. Въ обыкновенномъ настроеніи духа пріемы у него были мягкіе, во всемъ существѣ его чувствовалось добродушіе, расположеніе къ людямъ. Подчиненнымъ своимъ и молодымъ литераторамъ онъ всегда оказывалъ участливое вниманіе. Крупныя черты лица его никогда не были правильны и красивы; носъ и губы были у него довольно толстые; но вообще это было доброе русское, привѣтливое лицо, съ перваго же взгляда внушавшее сочувствіе и довѣріе. Говорилъ онъ скороговоркою, но, по словамъ И. И. Дмитріева, «отрывисто и не красно» [1]; намъ извѣстно сверхъ

[1] *Взглядъ на мою жизнь.* М. 1866. Стр. 56 и 57.

того, что онъ нѣсколько шепелялъ; зато рѣчь его отличалась искренностью, простотою и живостью. Особеннымъ жаромъ воспламенялась она и глаза его загорались яркимъ блескомъ, когда онъ высказывалъ одну изъ любимыхъ идей своихъ, когда напр. говорилъ о томъ, что задумавъ какое-нибудь доброе дѣло, не слѣдуетъ мѣшкать («Добро творить—не собираться, А должно дѣлать, дѣлать вмигъ» [1]), или разсуждалъ о величіи и славѣ Россіи, или разсказывалъ о дѣлѣ, въ которомъ ему приходилось горячо отстаивать правду. Когда ничто не возбуждало его, онъ въ позднѣйшіе годы легко предавался дремотѣ, даже посреди общества. Глядя на его открытую физіономію, бесѣдуя съ нимъ, трудно было не повѣрить словамъ поэта о самомъ себѣ:

«Не умѣлъ я притворяться,
На святого походить,
Важнымъ саномъ надуваться
И философа брать видъ.
Я любилъ чистосердечье,
Думалъ нравиться лишь имъ,
Умъ и сердце человѣчье
Были геніемъ моимъ»....

Сознавая свои недостатки, онъ обезоруживаетъ строгаго потомка заключительными словами этой пьесы:

«Брось, мудрецъ, на гробъ мой камень,
Если ты не человѣкъ» [2].

[1] *Аристиппова баня* III, 89.
[2] *Признаніе* II, 646.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

ГОДЫ ДѢТСТВА И ВОСПИТАНІЯ.

(1743—1762.)

1. ПРЕДКИ И РОДИТЕЛИ ДЕРЖАВИНА.

Происхожденіе Державина отъ мурзы Багрима, которое льстило его воображенію и доставляло ему любимую поэтическую прикрасу, подтверждается семейными документами. Они содержатъ свѣдѣніе, что этотъ мурза, въ княженіе Василія Васильевича Темнаго, въ 15-мъ столѣтіи, выѣхалъ изъ Большой Орды служить на Руси, былъ крещенъ самимъ великимъ княземъ въ православную вѣру и при этомъ получилъ имя Ильи. Ему пожалованы были вотчины въ нынѣшнихъ Владимірской, Новгородской и Нижегородской губерніяхъ. Отъ сыновей его произошли Нарбековы, Акинфовы, Кеглевы; у Дмитрія Ильича Нарбекова былъ, въ числѣ другихъ дѣтей, сынъ *Держава*, начавшій службу въ Казани. Такъ возникъ родъ Державиныхъ, которые «служили по городу Казани дворянскую службу», почему и называются въ актахъ «казанцами» *.

Уже въ срединѣ 17-го столѣтія они являются владѣльцами помѣстьевъ на берегахъ рѣки Мёши, «по нагайской дорогѣ», верстахъ въ 35 или 40 отъ Казани. Волга, противъ этого города, круто поворачиваетъ на юго-востокъ и течетъ въ этомъ направленіи до устья несущейся съ востока величественной Камы. Прямой уголъ, образуемый обѣими могучими рѣками, перерѣзывается отъ сѣвера къ югу быстрою Мёшой, которая, стремясь въ воды Камы, въ низовьяхъ своихъ извивается параллельно съ Волгой. Мёша, удобная для устройства мельницъ, изстари привлекала къ себѣ поселенцевъ. Нѣкоторыя изъ прилегающихъ къ ней помѣстьевъ рано уже перешли въ собственность Держа-

виныхъ и Козловыхъ. Тутъ этимъ двумъ родамъ принадлежали между-прочимъ деревни Кармачи, Бутыри и Сокуры *.

Ранѣе всѣхъ потомковъ Державы въ актахъ поименованъ Василій, родившійся повидимому еще въ 16-мъ столѣтіи. Впрочемъ мы знаемъ его только по тремъ его сыновьямъ, изъ которыхъ одинъ, Иванъ, является въ прямой линіи прадѣдомъ нашего поэта.

Сынъ Ивана Васильевича Державина Николай, болѣе извѣстный «по мірскому званію» подъ именемъ *Девятаго*, значится подъ 1687 годомъ въ числѣ городовыхъ дворянъ, участвовавшихъ въ крымскомъ походѣ, точно такъ же какъ нѣсколько ранѣе показанъ ходившимъ на крымскихъ Татаръ двоюродный братъ его Иванъ Яковлевичъ Державинъ.

Николай Ивановичъ Девятый, дѣдъ Гавріила Романовича, былъ женатъ на дочери другого казанца, Богдана Нармацкаго, и наслѣдовалъ послѣ отца своего помѣстье въ Кармачахъ, гдѣ, кромѣ господской усадьбы, получилъ «крестьянъ три двора, людей въ нихъ семь человѣкъ, два недоросля, бобыльской одинъ дворъ, въ немъ два человѣка, да у помѣщика живутъ во дворѣ, за скудостію, крестьянскій сынъ, да два недоросля» **.

Николай Ивановичъ, имѣвшій кромѣ того домъ въ Казани, умеръ въ концѣ 1742 года, 87-ми лѣтъ отроду, менѣе чѣмъ за годъ до рожденія своего знаменитаго внука, оставивъ трехъ сыновей: Ивана, Романа и Василія. Изъ нихъ Иванъ былъ позднѣе лейтенантомъ во флотѣ, Василій подполковникомъ ландмилицкаго Билярскаго драгунскаго полка, а *Романъ*, отецъ поэта, служилъ попеременно въ разныхъ гарнизонныхъ полкахъ. Это былъ конечно человѣкъ безъ дальняго образованія, но онъ обладалъ опытностью, имѣлъ навыкъ въ дѣлахъ и пріобрѣлъ довѣріе своихъ сослуживцевъ. Такъ мы имѣемъ право заключать по должностямъ и служебнымъ порученіямъ, которыя на него возлагались. Во время крымской кампаніи, въ концѣ царствованія Анны Іоанновны, онъ былъ полковымъ казначеемъ, потомъ имѣлъ надзоръ за межеваніемъ нѣкоторыхъ владѣльческихъ земель, а въ 1754 году былъ командированъ въ Яранскъ (нынѣ Вятской губерніи) на слѣдствіе по дѣлу какихъ-то купцовъ. Въ этомъ са-

момъ году онъ въ чинѣ подполковника Пензинскаго пѣхотнаго полка вышелъ въ отставку и въ ноябрѣ мѣсяцѣ умеръ отъ чахотки, развившейся въ слѣдствіе удара лошади. Ему было тогда не болѣе 48-ми лѣтъ; онъ родился въ 1706, а въ 1722 поступилъ рядовымъ на службу въ Бутырскій полкъ и слѣдовательно хорошо помнилъ время Петра Великаго *. Женатъ онъ былъ на сосѣдкѣ и дальней родственницѣ своей, вдовѣ Феклѣ Андреевнѣ Гориной, жившей въ деревнѣ Кармачахъ, гдѣ и самъ онъ имѣлъ участокъ. Первый мужъ ея былъ капитанъ гарнизоннаго Свіяжскаго полка Григорій Савичъ Горинъ. По отцу она принадлежала къ роду Козловыхъ, которые, какъ уже было замѣчено, издавна владѣли помѣстьями въ однѣхъ съ Державиными дачахъ и уже прежде породнились съ ними: дѣдъ Феклы Андреевны, ротмистръ Федоръ Васильевичъ Козловъ, умершій въ 1730 году, былъ женатъ на вдовѣ Никиты Васильевича Державина **.

Родители поэта были очень небогатые мелкопомѣстные дворяне. Имъ принадлежало, правда, нѣсколько имѣній, но все это были ничтожныя дачи съ малымъ числомъ душъ. Впослѣдствіи поэтъ называлъ свои родовыя имѣнія «казанскія бѣдныя деревнишки» и считалъ въ нихъ не болѣе 150 душъ. За годъ до смерти Романа Державина, слѣдовательно въ 1753 году, пожаловано было ему въ Оренбургской губерніи по рѣкѣ Кутулуку (въ Бузулуцкомъ уѣздѣ нынѣшней Самарской губерніи) 300 четвертей пахотной земли, а для поселенія на нихъ онъ купилъ 13 душъ, которыхъ Фекла Андреевна, по смерти его, и перевела на эту землю. Это было началомъ образовавшагося тутъ впослѣдствіи села Богородскаго (иначе Смоленскаго), болѣе извѣстнаго подъ именемъ *Державина*. Послѣ перваго мужа, Фекла Андреевна наслѣдовала, на седьмую часть, небольшое число крестьянъ въ Шацкомъ уѣздѣ Тамбовской губерніи. И эти люди были переведены въ оренбургское имѣніе.

Романъ и Фекла Державины жили то въ казанской деревнѣ, то въ губернскомъ городѣ. Они вели тихую, но не всегда спокойную жизнь, потому что должны были часто тягаться съ сосѣдями. Съ главнымъ изъ этихъ послѣднихъ, отставнымъ пол-

ковникомъ Яковомъ Федоровичемъ Чемадуровымъ, секундъ-майоръ Державинъ имѣлъ ссору еще въ 1742 году, незадолго до своей женитьбы. Онъ служилъ тогда въ казанскомъ гарнизонѣ и въ августѣ мѣсяцѣ отпущенъ былъ въ деревню Кармачи. 16-го сентября онъ былъ по приглашенію въ гостяхъ у Чемадурова, а въ ноябрѣ подалъ въ губернскую канцелярію челобитную, въ которой жаловался, что Чемадуровъ, задумавъ лишить его жизни, поилъ его какимъ-то «особливымъ крѣпкимъ медомъ», отчего Романъ Державинъ, по собственному сознанію, «сталъ быть и не безъ шумства». Тогда Чемадуровъ приказалъ своей прислугѣ и людямъ бывшаго тутъ же шурина своего, недоросля Бѣлавина, бить Державина до смерти, и они, стащивъ его съ лошади, жестоко избили, вынули у него изъ кармана кошелекъ съ деньгами, золотую медаль, печать, золотой перстень, у снятой съ него шпаги изогнули клинокъ и «столкали его съ двора»; отъ такихъ побоевъ онъ былъ нѣсколько времени боленъ. Изъ производства дѣла, возникшаго по этой жалобѣ, видно, что въ числѣ свидѣтелей, на которыхъ ссылался Романъ Державинъ, были также отецъ его Николай Ивановичъ (вскорѣ послѣ того умершій) и мачиха Афимья Михайловна, а въ нанесеніи побоевъ участвовалъ калмыкъ Иванъ, котораго истецъ, на основаніи тогдашнихъ законовъ, просилъ подвергнуть пыткѣ. Съ своей стороны Чемадуровъ въ оправданіе свое приводилъ, что онъ, приглашая Державина въ гости, никакого злого умысла не имѣлъ, поилъ его тѣмъ же медомъ, который и самъ пилъ; Державинъ же кромѣ того пилъ водку и пиво и, сдѣлавшись пьянъ, всячески бранилъ Бѣлавина. Чемадуровъ сталъ говорить ему, чтобы онъ унялся или отправился домой; а Державинъ, вышедъ на крыльцо, ругалъ хозяина «непотребными словами», и билъ его двоюроднаго брата Останкина; затѣмъ сѣлъ на лошадь, обнажилъ шпагу и гонялся съ нею по двору за людьми; тогда Чемадуровъ велѣлъ отнять у него шпагу и свести его со двора. Вскорѣ послѣ этой ссоры, именно черезъ двѣ недѣли, Державинъ женился[1]. Чѣмъ

[1] Свѣдѣніями объ этомъ дѣлѣ мы обязаны статьѣ С. М. Шпилевскаго: *Дѣло секундъ-майора Р. Н. Державина*, напечатанной въ № 4-мъ *Древ. и Нов. Россіи* 1878 года.

кончилось дѣло, намъ неизвѣстно; но оно любопытно во многихъ отношеніяхъ и пополняетъ извѣстіе поэта о семейной враждѣ Державиныхъ съ домомъ Чемадуровыхъ, которая продолжалась до 80-хъ годовъ прошлаго столѣтія. Для насъ важно также почерпаемое изъ этого дѣла свѣдѣніе о времени женитьбы отца поэта: оказывается, что онъ женился 36-ти лѣтъ отроду, въ концѣ сентября или въ самомъ началѣ октября 1742 года, т. е. почти ровно за девять мѣсяцевъ до рожденія старшаго сына, Гаврилы.

Изъ времени перваго дѣтства поэта сохранилось воспоминаніе еще объ одномъ любопытномъ эпизодѣ, который рисуетъ намъ тогдашніе нравы нашего мелкопомѣстнаго дворянства. Происшествіе относится къ іюлю 1746-го года и извѣстно намъ изъ дошедшихъ до насъ отрывковъ подлиннаго дѣла. Рядомъ съ Державиными владѣлъ землею капитанъ Зміевъ, который самъ жилъ однакожъ въ другомъ имѣніи (селѣ Чирпахъ). Державины и Зміевы давно вели тяжбу другъ съ другомъ: Романъ Николаевичъ утверждалъ, что лѣтъ за 50 передъ тѣмъ, при жизни отца его, покойный помѣщикъ Андрей Никитичъ Зміевъ насильно завладѣлъ въ Сокурахъ большимъ участкомъ земли и построилъ тутъ дворъ себѣ и нѣсколько крестьянскихъ дворовъ. Теперь слуга Зміевыхъ подалъ въ губернскую канцелярію жалобу, что дворовыя дѣвки Ѳеклы Андреевны, по приказанію своей госпожи, загнали на ея дворъ пятнадцать индѣекъ Зміевой и ощипали ихъ догола; когда же скотница Зміевыхъ, увидя это, стала говорить о томъ Державиной, то послѣдняя будто бы «изъ своихъ рукъ била ее палкой безвинно». Послѣ того Зміева посылала къ сосѣдкѣ, для объясненія, своего двороваго человѣка, а онъ бранилъ Ѳеклу Андреевну «неподобною бранью, и похвалялся озорничествомъ своимъ привесть Державина и людей его въ крайнее разореніе». Въ бытность же въ губернской канцеляріи этотъ служитель называлъ самого Романа Николаевича «пакостникомъ, и жену его безчестилъ напрасно». Такъ показывала обвиняемая сторона; самъ же доносившій отрицалъ это, заявляя, что когда онъ приходилъ къ Державиной, то она попалась ему на улицѣ и сказала, что «напрасно де я тѣмъ индѣйкамъ еще и головъ не велѣла оборвать». Между тѣмъ скотница Державиныхъ обвинялась въ томъ,

что по наущенію своей помѣщицы украла у Зміевскаго крестьянина изъ табуна барана; а вдобавокъ противники утверждали, что въ домѣ Державиной найдена была подъ печкой утка Зміевой.

Впослѣдствіи майоръ Державинъ жаловался, что Зміева, «невѣдомо какого ради вымыслу, собрався многолюдствомъ съ людьми и со крестьяны, приходила ко двору его и бранила истца и его жену всякою ругательною бранью и велѣла въ домѣ Державина сыскивать жену его и людей». Зміева возражала, что она изъ церкви ходила гулять съ дворовыми своими бабами и крестьянками для осмотру своихъ крестьянъ и домовъ ихъ, и когда поравнялась съ усадьбой Державиныхъ, то оттуда вышли старостина жена и дворовая женщина, и стала Зміева говорить имъ объ обидѣ отъ ихъ господъ, по не бранила ихъ и сыскивать ихъ хозяйки и людей ея не приказывала: притомъ самой Державиной на ту пору вовсе и дома не было, да и Зміевой сбираться было не для чего и не съ кѣмъ, такъ какъ и крестьяне всѣ были для работъ въ полѣ. Слуга ея прибавилъ, что названныя двѣ женщины стали предъ госпожой его «невѣжничать» и кричать на нее, такъ что она поспѣшила уйти, «причитая, что знатно онѣ чинятъ такое наглое озорничество съ позволенія помѣщика или помѣщицы своей», т. е. Державиныхъ.

Романъ Николаевичъ искалъ на Зміевой заочнаго безчестья, но противная сторона доказывала, что, по силѣ указовъ, заочныхъ безчестій взыскивать не велѣно. Объ исходѣ этого дѣла мы также изъ уцѣлѣвшихъ бумагъ узнать не могли; видно только, что оно отложено было за неприсутствіемъ въ губернской канцеляріи губернатора, такъ какъ два члена и губернаторскій товарищъ Толстой, по просьбѣ судившихся, были устранены отъ участія въ производствѣ *.

2. ПЕРВОЕ ДѢТСТВО.

Предыдущимъ разсказомъ мы нѣсколько опередили рожденіе Гаврилы Романовича, которому было три года, когда случилась описанная ссора. Убогая чета жила и умерла бы невѣдомо для

свѣта, еслибъ не далъ ей Богъ сына, который своими дарованіями и судьбой навѣки прославилъ имя Державиныхъ. Первенецъ Феклы Андреевны родился 3-го іюля 1743 года, въ воскресенье, и былъ названъ по празднуемому 13-го числа этого мѣсяца собору архангела *Гавріила*. Мѣсто его рожденія въ точности не извѣстно. Самъ онъ, и въ запискахъ своихъ, и въ стихахъ, называетъ своею родиной Казань; но въ деревняхъ, гдѣ его родители имѣли собственность, живетъ преданіе, что онъ увидѣлъ свѣтъ въ Кармачахъ или Сокурахъ (нынѣ Лаишевскаго, а прежде Казанскаго уѣзда), верстахъ въ 40 отъ губернскаго города.

Въ 1862 году одинъ изъ владѣльцевъ Кармачей, г. Покровскій, показывалъ намъ мѣсто подъ горою, гдѣ нѣкогда стоялъ домъ Державиныхъ, а въ то время находился грунтовой сарай: тамъ, по словамъ его, родился поэтъ. По другому преданію, его родиной было сосѣднее имѣніе Сокуры, въ которомъ онъ провелъ и часть своего дѣтства. Какъ бы ни было, естественно, что онъ, живя нерѣдко и въ близкой Казани, признавалъ себя тамошнимъ уроженцемъ. Въ позднемъ уже возрастѣ онъ посвятилъ воспоминаніямъ о своемъ дѣтствѣ нѣсколько стиховъ, дышащихъ искреннимъ чувствомъ и задумчивостью:

«Какъ время катится въ Казани золотое!
О колыбель моихъ первоначальныхъ дней,
Невинности моей и юности обитель!
Когда я освѣщусь опять твоей зарей
И твой попрежнему всегдашній буду житель?
Когда наслѣдственны стада я буду зрѣть,
Васъ, дубы камскіе, отъ времени почтенны,
По Волгѣ между селъ на парусахъ летѣть
И гробы обнимать родителей священны?
Звучи, о арфа, ты все о Казани мнѣ»[1]...

Новорожденный былъ такъ малъ, тощъ и слабъ, что сочли нужнымъ, по мѣстному народному обычаю, запекать его въ хлѣбѣ. Черезъ годъ родился у него братъ. Старшій, живой и острый маль-

[1] *Арфа* II, 189.

чикъ, сдѣлался любимцемъ отца, тогда какъ мать показывала болѣе нѣжности къ меньшому, смирному и разсудительному Андрею. Позднѣе родилась дочь Анна, но она жила недолго. Второй сынъ достигъ только 26-ти лѣтняго возраста (ум. 1770).

Гаврила выучился читать уже на пятомъ году. Этимъ онъ обязанъ былъ матери, которая и потомъ пріохочивала его къ чтенію, особенно духовныхъ книгъ, награждая его за вниманіе игрушками и сластями. Припомнимъ, что то же самое разсказывалъ и Крыловъ о своей матери. Изъ немногихъ сохранившихся писемъ Феклы Андреевны, въ которыхъ только подпись—ея руки, мы узнаёмъ, что она была женщина безъ образованія, едва умѣвшая писать, но вмѣстѣ съ тѣмъ эти вѣроятно диктованныя ею письма, проникнутыя нѣжностью и благочестіемъ, а также и отзывы о ней ея сына даютъ намъ право заключать, что она была умная и заботливая мать, понимавшая цѣну образованія, не боявшаяся трудовъ и тревогъ для блага своихъ сыновей. Послѣ первыхъ ея уроковъ учителями Державина въ чтеніи и письмѣ сдѣлались, какъ онъ выражается, «церковники», т. е. какой-нибудь дьячокъ или пономарь. Извѣстно, что не только въ первой половинѣ 18-го вѣка, но еще и въ послѣдующія десятилѣтія люди этого званія были у насъ главными проводниками грамотности. Кутейкинъ, созданный Фонъ-Визинымъ (почти ровесникомъ Державина), былъ лицомъ современнымъ еще въ 80-хъ годахъ, когда появился *Недоросль*. Подобія трехъ наставниковъ, выведенныхъ здѣсь на сцену, являются намъ и въ воспитаніи нашего поэта: далѣе мы встрѣтимъ при немъ и Вральмана и Цыфиркина.

Рано началась для маленькаго Гаврилы кочующая жизнь. Ему не было еще и года, когда отецъ его командированъ былъ на слѣдствіе въ Яранскъ (нынѣ городъ Вятской губерніи); потомъ, по службѣ же, онъ отправился въ Ставрополь (на Волгѣ, въ Самарской губерніи), а оттуда, въ концѣ 1749 или въ началѣ 1750 года, въ Оренбургъ. Мальчикъ странствовалъ вмѣстѣ съ родителями, и эти раннія передвиженія по Волгѣ не могли не подѣйствовать на его воспріимчивое воображеніе. Между тѣмъ надо было приготовить его къ первому государственному экзамену, или, какъ тогда выражались, «смотру», которому подверга-

лись дворянскія дѣти по достиженіи семилѣтняго возраста. Таковъ былъ законъ, изданный Анною Іоанновной за нѣсколько лѣтъ до рожденія Державина. Заботы Петра Великаго о введеніи въ Россіи принудительнаго школьнаго образованія не переставали занимать и его преемниковъ, которые нѣсколько разъ подтверждали постановленіе о смотрахъ недорослей. По указу 1737 года семилѣтнихъ сыновей должно было представлять—въ Петербургѣ въ герольдію, а въ Москвѣ и другихъ городахъ—къ генералъ-губернаторамъ и губернаторамъ для повѣрки возраста и для испытанія, чему мальчикъ дома учился. Затѣмъ, когда ему минетъ двѣнадцать лѣтъ, онъ долженъ былъ такимъ же образомъ явиться на второй смотръ и доказать, что умѣетъ «совершенно читать и чисто писать». Послѣ этого родители могли держать недоросля дома не иначе какъ давъ письменное обязательство, что онъ, кромѣ того или другого иностраннаго языка (по ихъ выбору) и закона Божія, будетъ обучаемъ ариѳметикѣ и геометріи; въ противномъ же случаѣ они принуждены были отдавать его «въ государственныя академіи или другія школы». Въ пятнадцать лѣтъ молодой человѣкъ подвергался новому смотру въ Петербургѣ или Москвѣ и могъ быть отпускаемъ къ родителямъ только подъ тѣмъ условіемъ, что сверхъ ариѳметики и геометріи будетъ учиться географіи, фортификаціи и исторіи. Въ двадцать лѣтъ онъ обязанъ былъ поступить непремѣнно на службу *.

Когда Державину минуло семь лѣтъ, онъ находился съ отцомъ въ Ставрополѣ, и въ годовщину дня своего рожденія, 3-го іюля 1750 года, вмѣстѣ съ братомъ былъ представленъ въ мѣстную провинціальную канцелярію, а въ слѣдующемъ августѣ мѣсяцѣ они «смотрѣны» въ оренбургской губернской канцеляріи. Въ выданномъ оттуда отцу ихъ пашпортѣ сказано, «что Гаврила по седьмому, а Андрей по шестому году уже начали обучаться своимъ коштомъ словесной грамотѣ и писать, да и впредь де ихъ, ежели время и случай допуститъ, желаетъ оный отецъ ихъ своимъ же коштомъ обучать ариѳметикѣ и прочимъ указнымъ наукамъ до указныхъ лѣтъ». Къ этому прибавлено, что мальчики, по просьбѣ отца, отданы «на его коштъ для обученія до двѣнад-

цатилѣтняго возраста, съ такимъ обязательствомъ чтобъ онъ ихъ, имѣя при себѣ до второго смотру, обучалъ, а какъ имъ двѣнадцать лѣтъ отроду будетъ, то бъ ихъ на второй смотръ объявилъ, какъ повелѣно, безотлагательно».

3. ОРЕНБУРГСКАЯ ШКОЛА.

Изъ приведеннаго пашпорта, помѣченнаго въ Оренбургѣ 1752-мъ годомъ, можно заключить, что Романъ Николаевичъ поселился на время въ названномъ городѣ, только что перенесенномъ на новое мѣсто, т. е. нѣсколько ниже прежняго по теченію Яика. Тамошнимъ краемъ управлялъ тогда столь памятный въ его лѣтописяхъ первый оренбургскій губернаторъ Иванъ Ивановичъ Неплюевъ, бывшій при Петрѣ Великомъ резидентомъ въ Константинополѣ, а позднѣе, короткое время, малороссійскимъ губернаторомъ[1]. Въ началѣ царствованія Елисаветы Петровны, въ 1742-мъ году, онъ былъ назначенъ командиромъ учрежденной при Аннѣ Іоанновнѣ оренбургской экспедиціи. Неплюевъ прежде всего перевелъ Оренбургъ на удобнѣйшее мѣсто и, съ цѣлію имѣть болѣе рукъ для построекъ, исходатайствовалъ, чтобы въ этотъ городъ, вмѣсто Сибири, ссылаемы были преступники изъ купцовъ и мастеровыхъ[2]. Такимъ-то образомъ попалъ туда, между прочими, приговоренный къ каторжной работѣ нѣмецъ Іосифъ Розе. Съ обычною смѣтливостью заѣзжаго иностранца онъ сумѣлъ извлечь выгоду изъ своего положенія и завелъ въ Оренбургѣ школу для мальчиковъ и дѣвочекъ. При скудости тогдашнихъ средствъ къ образованію во всей Россіи, а тѣмъ болѣе въ такомъ отдаленномъ краю, естественно было, что мѣстное дворянство стало охотно отдавать въ эту школу своихъ дѣтей. Въ числѣ другихъ помѣщенъ былъ къ Розе и будущій нашъ лирикъ. Судя по портрету этого педагога, переданному намъ въ немногихъ чертахъ Державинымъ, это былъ не только достойный землякъ

[1] См. *Жизнь И. И. Неплюева* (имъ самимъ писанная), напеч. подъ редакціей Л. Н. Майкова въ *Р. Архивѣ* 1871. Стр. 644 и 655—662.

[2] Указы 1744 марта 19 и 1745 іюня 7 (*П. С. Зак.* XII, №№ 8906 и 9170).

Фонъ-Визинова Вральмана, попавшаго въ наставники изъ кучеровъ, но еще и такой образецъ, съ котораго копія далеко оставила бы за собой Адама Адамовича. Онъ былъ развратенъ и жестокъ, изобрѣталъ для своихъ учениковъ мучительныя, а подчасъ даже и неблагопристойныя наказанія, и вмѣстѣ съ тѣмъ былъ круглый невѣжда: обязываясь преподавать нѣмецкій языкъ, онъ самъ не зналъ его грамматически и заставлялъ своихъ учениковъ только затверживать и переписывать вокабулы, которыя писалъ для нихъ красивымъ почеркомъ. Очень жаль, что Державинъ, въ своихъ запискахъ вообще не щедрый на бытовыя подробности, не захотѣлъ обстоятельнѣе описать намъ подвиги Розе. Иначе мы, можетъ-статься, получили бы для біографіи нашего поэта такую же яркую страницу, какую далъ намъ майоръ Даниловъ въ разсказѣ о своемъ учителѣ пономарѣ, дѣйствовавшемъ на педагогическомъ поприщѣ лѣтъ за тридцать до Розе[1]. Сходство въ пріемахъ иностранныхъ наставниковъ съ нашими, въ ту эпоху, не должно удивлять насъ: тогда и въ самой Германіи воспитаніе было еще на очень низкой степени развитія; тамъ еще около середины 18-го столѣтія обученіе дѣтей въ провинціи часто было въ рукахъ ремесленниковъ, и для возбужденія прилежанія усердно прибѣгали къ розгамъ[2]. Къ разряду такихъ иностранныхъ педагоговъ принадлежалъ и Розе. О множествѣ ихъ въ тогдашнемъ русскомъ обществѣ и не въ одной провинціи мы имѣемъ даже офиціальныя свидѣтельства. Такъ, въ представленіи Шувалова объ учрежденіи Московскаго университета, между побудительными причинами къ его основанію прямо означено то обстоятельство, что помѣщики, по своей необразованности или по необходимости, принимали къ себѣ въ домъ такихъ учителей, которые всю свою жизнь были лакеями, парикмахерами или занимались другими подобными ремеслами[3].

Нѣмецкій языкъ, бывшій почти единственнымъ предметомъ обученія въ школѣ Розе, считался тогда такою же принадлеж-

[1] См. *Записки артиллеріи майора М. В. Данилова*, писанныя въ 1771 г. и изданныя въ Москвѣ 1842.

[2] Fr. Körner. Geschichte der Pädagogik. Leipzig 1858. Стр. 133.

[3] *П. С. Зак.* XIV, № 10,346.

ностью образованнаго человѣка, какъ позднѣе французскій. Это началось со временъ Петра Великаго, когда выгоды службы и занятія по другимъ отраслямъ дѣятельности привлекали въ Россію толпы Нѣмцевъ, находившихъ себѣ здѣсь и хлѣбъ и почести. Въ царствованіе Анны Іоанновны ихъ значеніе у насъ еще усилилось. При дворѣ Елисаветы, во время дѣтства Державина, сталъ господствовать уже языкъ французскій, но на отдаленную провинцію такое нововведеніе еще не могло распространиться. Впрочемъ появленію иностраннаго наставника вдали отъ столицы во всякомъ случаѣ не могли не радоваться мѣстные дворяне. Итакъ, рожденный на границахъ Азіи, маленькій потомокъ татарскаго мурзы случайно пріобрѣтаетъ въ Оренбургѣ, т. е. еще далѣе отъ Европы, важное орудіе для дальнѣйшаго образованія. Пробывъ у Розе года два или три, Державинъ, какъ самъ онъ свидѣтельствуетъ, умѣлъ уже читать, писать и говорить по-нѣмецки. Возможность узнать въ подлинникѣ труды Геллерта, Гагедорна, Галлера, Клейста, Гердера, Клопштока, не могла не имѣть великаго значенія для русскаго литературнаго таланта. Это первое умственное завоеваніе было тѣмъ драгоцѣннѣе для Державина, что онъ впослѣдствіи не настолько ознакомился съ языками латинскимъ и французскимъ, чтобы свободно читать писанныя на нихъ книги; древніе писатели остались ему доступны только въ нѣмецкихъ и русскихъ переводахъ.

Другимъ пріобрѣтеніемъ Державина въ оренбургской школѣ былъ твердый, красивый почеркъ, который ему сообщилъ Розе, какъ отличный калиграфъ, а оттуда и успѣхи мальчика въ рисованіи перомъ. Не любя оставаться безъ дѣла, онъ рано пристрастился къ этому занятію. Лубочныя картинки, купленныя у ходебщиковъ, были тогда единственными его оригиналами: въ промежуткахъ между уроками и по вечерамъ онъ только и дѣлалъ, что срисовывалъ разныхъ богатырей, раскрашивая ихъ чернилами и охрой; всѣ стѣны его каморки были обиты и оклеены этими первыми опытами художника-самоучки. Такимъ-то образомъ уже въ дѣтствѣ его началá проявляться та неутомимая дѣятельность, которая навсегда и осталась отличительною чертою Державина.

4. Смерть отца. Домашнее воспитание.

Въ предыдущіе годы Романъ Николаевичъ получалъ командировки по межеванію владѣльческихъ земель. При немъ былъ геодезистъ, и молодой Гаврила, сопровождая ихъ, почувствовалъ охоту къ инженерному дѣлу, для котораго его талантъ къ черченію былъ бы такъ пригоденъ; но ему не было суждено попасть на это поприще. Въ октябрѣ 1753 года отецъ его выпросилъ себѣ у Неплюева отпускъ въ казанскую деревню, а оттуда въ Москву для исходатайствованія отставки изъ Военной коллегіи. Взявъ съ собою и любимаго сына, отецъ изъ Москвы сбирался ѣхать въ Петербургъ, чтобы записать его въ Сухопутный кадетскій корпусъ или въ артиллерію. Въ Москвѣ у Романа Николаевича были связи, и нашлись люди, которые предлагали ему опредѣлить мальчика въ гвардію, но ни то, ни другое предположеніе не могло осуществиться за однимъ во всѣ времена непреодолимымъ препятствіемъ: у отца истощился кошелекъ, и пришлось воротиться въ деревенскую глушь съ неудавшимися планами воспитанія или обезпеченія судьбы сына. Семья поселилась въ Сокурахъ. Между тѣмъ Роману Николаевичу вышла отставка «за имѣющимися у него болѣзньми», какъ сказано въ полученной имъ по этому случаю бумагѣ, гдѣ онъ названъ Оренбургскаго гарнизона Пензинскаго полку подполковникомъ и гдѣ въ то же время обѣщано представить его къ награжденію «полковничьимъ рангомъ». Любопытно, что эта бумага объ увольненіи отъ службы отца славнаго лирика подписана отцомъ знаменитѣйшаго полководца, Васильемъ Ивановичемъ Суворовымъ *. Впослѣдствіи между сыновьями обоихъ установилась многолѣтняя пріязнь. Бумага помѣчена 31-мъ января 1754 года [1]. Но не долго Романъ Николаевичъ пользовался своей новой свободой: какъ замѣчено выше, онъ умеръ уже въ ноябрѣ того же года,

[1] Замѣтимъ, что не прежде какъ въ указѣ о производствахъ 26-го іюня 1762 года, Романъ Державинъ, давно умершій, упомянутъ въ числѣ удостоенныхъ чина полковника при отставкѣ (см. изданную Пл. И. Барановымъ *Опись высочайшимъ указамъ, хранящимся въ архивѣ пр. сената*, III, 512).

и одиннадцатилѣтній Гаврила, вмѣстѣ съ братомъ и сестрой, очутился сиротою на попеченіи матери.

О тогдашнемъ положеніи ея можно судить по разсказу сына, что ей нечѣмъ было заплатить 15-ти руб. долга, оставшагося послѣ мужа. Въ то время, при безпорядочномъ межеваніи земель, нерѣдко случалось, что одинъ помѣщикъ захватывалъ у другого часть его дачи и строился на ней. Мы уже упомянули о жалобѣ Романа Николаевича на сосѣда его Зміева, поселившагося въ Сокурахъ на землѣ Державиныхъ. Когда семья ихъ осиротѣла, часть родовой собственности ея оставалась въ чужомъ владѣніи, такъ что вдова принуждена была вести тяжбу съ сосѣдями. Поэтъ яркими красками изображаетъ намъ хлопоты и униженія, которымъ Фекла Андреевна подвергалась, посѣщая судей съ своими малолѣтными сыновьями. Простоявъ напрасно по нѣскольку часовъ сряду въ ихъ переднихъ, она при выходѣ ихъ ничего не могла добиться и возвращалась домой въ слезахъ. Тогдашнія впечатлѣнія глубоко запали въ душу мальчика, и конечно ими внушены были, черезъ сорокъ лѣтъ, стихи:

«А тамъ вдова стоитъ въ сѣняхъ
И горьки слезы проливаетъ,
Съ груднымъ младенцемъ на рукахъ
Покрова твоего желаетъ» [1]...

Съ тѣхъ поръ Державинъ, какъ самъ онъ свидѣтельствуетъ подобно Руссо [2], никогда не могъ смотрѣть равнодушно ни на какую несправедливость, особенно на притѣсненіе вдовъ и сиротъ.

Не находя нигдѣ правосудія, вдова была вынуждена отдать лучшія свои угодья купцу Дряблову въ пожизненную аренду за сто рублей. Не прежде какъ лѣтъ черезъ двадцать-пять сынъ ея, служа въ сенатѣ, успѣлъ полюбовно кончить ея тяжбу съ Чемадуровымъ, отъ котораго возвратилъ нѣсколько семействъ, отнятыхъ отцомъ этого помѣщика.

Между тѣмъ наступалъ срокъ второго смотра, которому подлежали дворянскіе сыновья въ двѣнадцать лѣтъ. Такъ какъ

[1] *Вельможа* I, 631.
[2] VI, 418.

при этомъ они должны были доказать познанія въ ариѳметикѣ и геометріи, то Фекла Андреевна и взяла для обученія обоихъ своихъ мальчиковъ сперва гарнизоннаго школьника Лебедева, а потомъ артиллеріи штыкъ-юнкера Полетаева[1]: какъ обученіе грамотѣ было тогда въ рукахъ причетниковъ, вынесшихъ свою мудрость изъ духовныхъ училищъ, такъ знаніе цыфири распространяли служивые, побывавшіе въ гарнизонныхъ школахъ. Но Лебедевъ и Полетаевъ сами мало смыслили въ своей наукѣ, обучали безъ правилъ и доказательствъ, и въ ариѳметикѣ довольствовались первыми дѣйствіями, а въ геометріи черченіемъ фигуръ. Державинъ остался на всю жизнь плохимъ математикомъ.

Несмотря на свои скудныя средства, вдова въ 1757 году собралась съ сыновьями въ Москву, чтобы тамъ представить ихъ въ герольдію; оттуда она хотѣла ѣхать въ Петербургъ и по желанію покойнаго мужа отдать ихъ въ одно изъ двухъ-трехъ, считавшихся тогда высшими, учебныхъ заведеній. Но при ней не было документовъ о происхожденіи и службѣ Романа Николаевича, и ей чуть было не пришлось вернуться домой безъ успѣха даже въ явкѣ дѣтей; къ счастью, нашелся родственникъ, выручившій семью изъ затрудненія. Это былъ двоюродный братъ покойнаго отца, жившій въ Можайскомъ уѣздѣ подполковникъ Иванъ Ивановичъ Дятловъ. Пріѣхавъ нарочно въ Москву, онъ написалъ такъ-называемую *сказку*, въ которой, исчисливъ главныхъ изъ предковъ Державина, представилъ удостовѣреніе о первомъ смотрѣ братьевъ въ оренбургской канцеляріи и просилъ «отпустить обоихъ недорослей Гаврилу и Андрея, за его обязательствомъ, въ домъ до возрасту указныхъ шестнадцати лѣтъ» *.

Въ этихъ хлопотахъ прошло много времени, настала распутица, и надо было воротиться въ Казань; но вдова все еще не разставалась съ мечтою исполнить желаніе покойнаго мужа и отправить мальчиковъ на воспитаніе въ Петербургъ. Впослѣдствіи Гаврила Романовичъ жалѣлъ, что она не оставила его въ Мо-

[1] Офицерскій чинъ штыкъ-юнкера занималъ мѣсто между чинами сержанта и поручика.

сквѣ, гдѣ уже съ 1755 года существовала гимназія. Вопросъ о его будущемъ образованіи разрѣшился неожиданно, и можетъ-быть не совсѣмъ для него благопріятно, учрежденіемъ именно въ то время такого же заведенія въ родной Казани.

Какъ проводилъ онъ время отъ одиннадцати-до пятнадцати-лѣтняго возраста? Ограничивались ли въ эти четыре года всѣ его занятія уроками Лебедева и Полетаева, или онъ учился еще чему-нибудь? Читалъ ли, рисовалъ ли онъ, пользуясь плодами пребыванія въ школѣ Розе? Объ этомъ Державинъ не сообщилъ намъ ничего. Есть только свѣдѣніе, что онъ эти годы прожилъ отчасти въ имѣніи Сокурахъ, лежащемъ верстахъ въ двухъ отъ берега Мёши. Окрестности этой деревни однообразны. Можетъ-быть, во время дѣтства Державина, около Сокуровъ были значительные лѣса, но теперь ихъ болѣе нѣтъ: мѣстность представляетъ характеръ степи. Видъ нѣсколько оживляется ближе къ Мёшѣ, вьющейся змѣей у подошвы невысокой горы, на которой стоитъ деревня Обуховка; вблизи Каиновская роща, строевой лѣсъ, перерѣзываемый оренбургскою проселочной дорогой. По этой самой дорогѣ Державины ѣздили изъ Сокуровъ въ село Егорьево, принадлежа къ его приходу, такъ какъ церковь въ Сокурахъ тогда уже пришла въ совершенную ветхость и въ ней не было службы. Егорьево, съ желтою каменною церковью на горѣ, своими непривѣтливыми окрестностями очень напоминаетъ Сокуры. Нѣсколько ниже по теченію Мёши лежитъ болѣе живописная Комаровка съ своей мельницей и рядомъ крестьянскихъ избъ на краю высокой и густой рощи, которая рѣзко отдѣляется на горизонтѣ отъ окружающихъ ее полей. Но съ полверсты далѣе опять начинаются поля, и утомленному однообразіемъ взору не на чемъ отдохнуть. Понятно, что такимъ образомъ мѣстность, среди которой Державинъ провелъ часть своего дѣтства, не много могла доставить пищи его воображенію. Но мы уже видѣли, что онъ рано успѣлъ ознакомиться съ болѣе величавыми видами Волги. Можетъ-быть, онъ уже бывалъ и на Камѣ, берега которой съ ихъ дѣвственными лѣсами едва ли не красивѣе волжскихъ. Обрывистый, стоящій стѣною глинистый берегъ ея, гдѣ какъ исполины среди другихъ деревьевъ высятся дубы, не могъ не пора-

зить поэта [1]. Недаромъ онъ впослѣдствіи (въ царствованіе императора Павла) припомнилъ камскіе дубы въ стихотвореніи *Арфа*, откуда мы уже привели нѣсколько строкъ.

Около того же времени одна изъ картинъ Волги, запечатлѣвшихся съ дѣтства въ его воображеніи, отразилась у него въ стихахъ *на праздникъ воспитанницъ дѣвичьяго монастыря* (1797 г.)[2]. Тутъ онъ вспоминаетъ тѣ безчисленныя стаи птицъ, которыя собираются на рѣкахъ, впадающихъ въ Каспійское море, о чемъ съ большимъ одушевленіемъ разсказывалъ подъ старость и С. Т. Аксаковъ [3]. Навсегда врѣзались въ памяти мальчика Державина обширные виды нашего юго-востока,

«Гдѣ степи какъ моря струятся,
Сѣдымъ волнуясь ковылемъ» [4].

Въ то же время жизнь въ провинціи, въ близкомъ соприкосновеніи съ народомъ, при совершенномъ отсутствіи чужеземныхъ элементовъ, должна была положить печать свою на весь строй мыслей Державина и на языкъ его. Здѣсь источникъ того тѣснаго родства съ кореннымъ русскимъ бытомъ и простонародною рѣчью, которое такъ отразилось на всемъ, что онъ писалъ отъ ранней молодости до поздней старости. Здѣсь же начало его глубокаго знакомства съ Священнымъ Писаніемъ, и той искренней вѣры, какою дышитъ вся поэзія Державина.

5. ТОГДАШНЕЕ СОСТОЯНІЕ РОССІИ. КАЗАНСКАЯ ГИМНАЗІЯ.

Передъ вступленіемъ въ новый періодъ жизни будущаго поэта перенесемся мыслію въ тогдашнее состояніе Россіи и

[1] Характеристикой упоминаемыхъ здѣсь мѣстностей я обязанъ описанію, доставленному мнѣ въ 1862 году, во время моего путешествія по Волгѣ, тогдашнимъ учителемъ нижегородскаго женскаго училища Н. Н. Овсянниковымъ.

[2] II, 80.

[3] *Дѣтскіе годы Багрова внука*, М. 1858, стр. 338.

[4] *Благодарность Фелицѣ* I, 154.

припомнимъ нѣкоторыя явленія, которыя могутъ дать намъ понятіе о характерѣ эпохи.

Представимъ себѣ прежде всего время рожденія Державина: еще не кончилась первая половина 18-го вѣка, то многозначительное полустолѣтіе, котораго начало ознаменовано было бурною дѣятельностью Петра Великаго, основаніемъ новой столицы, полтавскою побѣдой, нейштадтскимъ миромъ, учрежденіемъ Академіи наукъ; за этимъ послѣдовалъ, и такъ недавно еще миновалъ, десятилѣтній періодъ ненавистной Бироновщины. Преданія обо всемъ этомъ были еще свѣжи въ годы дѣтства нашего поэта, и слѣды того нерѣдко встрѣчаются въ сочиненіяхъ его. Такъ въ письмѣ къ Сперанскому (которое впрочемъ не пошло въ дѣло) [1] онъ разсказываетъ о времени Петра Великаго: «... почти не было ни правосудія, ни управленія, ни охраненія въ безопасности, какъ истинное благоустройство требовало. Все на одной простой вѣрности и правдѣ содержалось. Много лѣтъ прошло послѣ него (т. е. Петра I), какъ я, уже вышедши изъ ребятъ, былъ самъ самовидецъ, что приходятъ къ воеводѣ истецъ и отвѣтчикъ, приносятъ ему по связкѣ колачей, по полтинѣ или по рублю денегъ, кладутъ на столъ и пересказываютъ свое дѣло съ душевною искренностію, какъ оно было. Онъ ихъ выслушиваетъ, уличаетъ одного въ обидѣ, другого наклоняетъ къ снисхожденію и уговариваетъ наконецъ къ миру. Когда они замолчатъ, беретъ ихъ руки, соединяетъ ихъ и приказываетъ поцѣловаться. Они ему кланяются, даютъ съ обѣихъ сторонъ также по полтинѣ или по рублю и отходятъ оба довольными. Вотъ какимъ образомъ большею частію рѣшались гражданскія дѣла; а кто не бралъ такихъ короткихъ мѣръ и по судамъ таскался, тотъ иногда и въ пятьдесятъ лѣтъ не получалъ окончанія, ходя по коллегіямъ и по сенату».

О нравахъ и порядкахъ Бироновщины разсѣяно много воспоминаній въ строфахъ Фелицы и въ примѣчаніяхъ къ ней самого поэта.

Около времени рожденія Державина появилось на свѣтъ и

[1] VI, 218.

нѣсколько другихъ писателей, играющихъ видную роль въ исторіи нашей литературы. Это были: Княжнинъ, Фонъ-Визинъ, княг. Дашкова, Новиковъ, Хемницеръ, Богдановичъ. Сама русская литература, въ собственномъ смыслѣ, только что зарождалась; въ ея слабыхъ начаткахъ еще слышался лепетъ младенца. Названнымъ писателямъ суждено было дать ей голосъ болѣе твердый. Со вступленіемъ ихъ въ возрастъ самостоятельной дѣятельности совпадаетъ воцареніе великой подвижницы русскаго просвѣщенія, Екатерины II.

При рожденіи Державина единственнымъ источникомъ высшаго свѣтскаго образованія оставалась наша Академія наукъ, которая тогда не прожила еще и двадцати лѣтъ. Она была въ то время поприщемъ борьбы науки съ бюрократіей и отважныхъ стычекъ молодой русской силы съ высокомѣріемъ ученыхъ переселенцевъ. Самовластный Шумахеръ, въ слѣдствіе поданныхъ на него жалобъ, былъ удаленъ отъ должности, а на мѣсто его назначенъ совѣтникъ Нартовъ. Вскорѣ послѣ того, въ февралѣ 1743 г., Миллеръ возвратился изъ своего десятилѣтняго, столь богатаго результатами, путешествія по Сибири. Прошло только два года со времени прибытія Ломоносова, съ обильными плодами науки, изъ заграничнаго университета. За неуваженіе, оказанное имъ нѣкоторымъ сочленамъ, за разныя *продерзости* онъ, по опредѣленію слѣдственной комиссіи, сидѣлъ подъ арестомъ, но уже дарованія его, съ самаго появленія оды на взятіе Хотина, обращаютъ на себя вниманіе: уже извѣстно нѣсколько одъ его, и незадолго передъ тѣмъ онъ воспѣлъ день рожденія великаго князя Петра Федоровича, за годъ передъ тѣмъ прибывшаго въ Петербургъ по зову недавно воцарившейся императрицы. Но будущая наслѣдница русскаго престола еще живетъ безмятежно въ Цербстѣ, не предвидя блестящаго жребія, который ее ожидаетъ.

Въ самый годъ рожденія Державина происходило въ Петербургѣ довольно оригинальное, небывалое на Руси литературное состязаніе. Тредьяковскій завелъ съ Ломоносовымъ и Сумароковымъ споръ о ямбѣ и хореѣ, доказывая, что различный характеръ стиховъ, написанныхъ неодинаковымъ размѣромъ, зависитъ не отъ

ихъ формы, а отъ содержанія пьесы; другіе двое напротивъ утверждали, что только ямбъ способенъ выражать благородныя и возвышенныя мысли; хорей же годенъ исключительно для нѣжнаго или веселаго настроенія. Желая передать рѣшеніе спора на судъ публики, всѣ трое переложили въ стихи одинъ и тотъ же 143-й псаломъ, Ломоносовъ и Сумароковъ ямбами, Тредьяковскій хореями. Книга была напечатана въ 1744 году, подъ заглавіемъ: *Три оды парафрастическія*[1]. Такимъ образомъ при академіи нашей русская литература стала обнаруживать первые признаки жизни; оттуда, въ лицѣ Ломоносова, должно было начаться ея движеніе и развитіе. Оттуда же, въ значительной мѣрѣ, развился планъ основанія Московскаго университета, дѣятельность котораго должна была вскорѣ отозваться далеко за предѣлами Москвы.

Одновременно съ нашимъ первымъ университетомъ возникли при немъ, для приготовленія студентовъ, двѣ гимназіи: одна для дворянъ, другая для разночинцевъ, раздѣленіе, понятное при тогдашнемъ взглядѣ на сословныя отношенія. То же еще и позднѣе, въ царствованіе Екатерины II, было соблюдено при учрежденіи женскаго воспитательнаго заведенія въ Смольномъ монастырѣ. Но двухъ московскихъ гимназій, составлявшихъ въ сущности одно и то же училище, было конечно недостаточно для потребностей государства, и потому университетъ, вѣроятно по мысли своего куратора Шувалова и при главномъ участіи своего просвѣщеннаго директора Мелиссино, представилъ сенату о необходимости основать въ нѣкоторыхъ другихъ городахъ гимназіи, откуда молодые люди могли бы переходить въ высшія учебныя заведенія, т. е., кромѣ университета, въ Академію наукъ или Сухопутный шляхетный корпусъ. Опираясь въ своихъ просвѣтительныхъ планахъ на созданный имъ университетъ, Шуваловъ въ то же время обращался и къ помощи Академіи наукъ: онъ просилъ ея членовъ высказаться, гдѣ и какія гимназіи должны быть учреждены въ Россіи. До насъ дошелъ отзывъ академика

[1] Куника *Сборникъ Матеріаловъ для исторіи Императорской Академіи Наукъ.* II, 419—434.

Фишера, который долго путешествовалъ съ ученою цѣлью по Сибири. Онъ отвѣчалъ, что при недостаточномъ еще пониманіи пользы ученія въ Россіи, на первый случай всего нужнѣе основать гимназію въ Казани, а черезъ нѣсколько лѣтъ можно будетъ «разводить» такія училища и въ другихъ городахъ. Извѣстно однакожъ, что не ранѣе какъ спустя четверть столѣтія (1786) дѣло народнаго образованія у насъ замѣтно подвинулось учрежденіемъ первоначальныхъ школъ, а для пріобрѣтенія бóльшаго числа среднихъ учебныхъ заведеній Россія должна была прожить еще двадцать-пять лѣтъ и дождаться 19-го вѣка.

Казань была поставлена въ исключительное положеніе, какъ главный центральный пунктъ нашей восточной окраины, которая, по отдаленности своей отъ Москвы, наиболѣе нуждалась въ средствахъ къ образованію. До тѣхъ поръ въ Казани было только нѣсколько элементарныхъ училищъ, гдѣ ученіе ограничивалось грамотою и первыми началами арифметики. Это былъ одинъ изъ тѣхъ городовъ, въ которыхъ при Аннѣ Іоанновнѣ заведены были *гарнизонныя школы* для обученія солдатскихъ дѣтей, чѣмъ и объясняется присутствіе въ Казани бывшихъ наставниковъ Державина, Лебедева и Полетаева. Для учрежденія новой гимназіи университетъ вызвался отправить туда въ преподаватели нѣсколькихъ студентовъ. При посредствѣ Шувалова это представленіе было одобрено, и 21-го іюля 1758 года состоялся указъ объ учрежденіи въ Казани двухъ соединенныхъ гимназій по образцу московскихъ и на тѣхъ же правахъ; жалованье учителямъ, какъ и всѣ прочія издержки на это училище, должно было производиться изъ университетскихъ суммъ. Для предварительныхъ распоряженій, какъ то для пріисканія дома и т. п., въ Казань посланъ былъ отъ университета одинъ изъ учителей Московской гимназіи, капитанъ Траубенталь [1].

[1] Шевырева *Исторія Московскаго университета*, стр. 53 и д. Для дальнѣйшихъ свѣдѣній объ основаніи и первомъ времени существованія Казанской гимназіи служили мнѣ источниками, кромѣ записокъ Державина: *Полное Собр. Зак.* т. XIV и XV; *Біограф. словарь профессоровъ и преподавателей Моск. университета; Прибавленія къ Казанскому Вѣстнику* 1828, № 39 и слѣдд.; В. Владимірова *Историч. Записка о 1-й Казанской гимназіи*, Казань

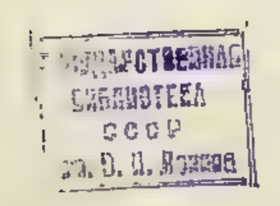
6. ПОСТУПЛЕНІЕ ВЪ ГИМНАЗІЮ. ПЕРВЫЙ ЕЯ ДИРЕКТОРЪ.

Появленіе гимназіи на родинѣ Державина не могло не измѣнить плановъ Феклы Андреевны насчетъ воспитанія сыновей. Она конечно обрадовалась возможности избѣжать разлуки съ ними, и тотчасъ же рѣшилась отдать ихъ въ новое заведеніе. Директоромъ его былъ назначенъ одинъ изъ состоявшихъ при Московскомъ университетѣ трехъ асессоровъ, т. е. чиновниковъ, опредѣленныхъ при его правленіи для исполненія разныхъ порученій. Это былъ извѣстный по своей авторской и переводческой дѣятельности Михаилъ Ивановичъ Веревкинъ. По прибытіи въ Казань онъ поспѣшилъ нанять одинъ изъ предложенныхъ ему для помѣщенія училища домовъ, именно каменный домъ генералъ-майора Кольцова, съ платою по 180 руб. въ годъ. Открытіе гимназіи послѣдовало 21-го января 1759 года. Въ семь часовъ утра собрались въ домъ ея какъ немногіе уже прибывшіе на мѣсто гимназическіе члены, такъ и принятые до тѣхъ поръ ученики, всего четырнадцать мальчиковъ, въ числѣ которыхъ находились и братья Державины. Остальные были дворянскія же дѣти. Вотъ имена отцовъ ихъ: майоръ *Тютчевъ*, отдавшій въ гимназію также двухъ сыновей, заводчикъ *Глазовъ*, подполковникъ Харитонъ *Сумароковъ*, асессоръ *Левашевъ*, вахмистръ *Дурневъ*, майоръ *Бутлеровъ*, капитанъ *Аристовъ*, подпоручикъ *Елагинъ*, подпоручикъ *Могутовъ*, капралъ *Глазовъ* и капитанъ *Рѣпьевъ*. Это большею частью фамиліи и теперь извѣстныя въ Казани. Мальчики явились сперва въ губернскую канцелярію, а оттуда отправлены были въ гимназію. По прочтеніи указа объ ея учрежденіи, отслуженъ былъ молебенъ за здравіе императрицы, а въ заключеніе акта всѣмъ преподавателямъ и ученикамъ розданы выписки изъ гимназическаго регламента. Но такъ какъ еще не всѣ поступавшіе въ заведеніе были на лицо, то занятія отложе-

1867; А. Артемьева *Казанскія гимназіи* въ XVIII столѣтіи, Спб. 1874 (оттискъ изъ *Журнала Мин. Нар. Просв.*); *Москов. Городской Листокъ* 1847, № 14—16, статья Перевощикова; *Заволжск. Муравей* 1832—33 г. и *Русск. Бесѣда* 1860, № 1, ст. М. П. Петровскаго о Веревкинѣ.

ны на три дня и ученики распущены по домамъ. Въ тотъ же день Веревкинъ отправилъ къ куратору рапортъ о принятіи имъ надъ гимназіями «команды» и открытіи ихъ. Характеристическій конецъ рапорта показываетъ намъ, что̀ составляло главную заботу директора и чѣмъ онъ надѣялся всего болѣе угодить Шувалову. Веревкинъ тутъ напоминаетъ, «въ какомъ предпочтеніи всѣ отдающіе дѣтей своихъ въ гимназіи содержатъ французскій языкъ, и для того», доноситъ онъ, «гимназіи приняли за сто рублевъ учителя первыхъ началъ французскаго и нѣмецкаго языковъ (въ чемъ состоитъ наиглавнѣйшая теперь надобность) француза Дефоржа, свидѣтельствованнаго въ знаніи своемъ въ Императорскомъ Московскомъ университетѣ и снабденнаго оттуда одобрительнымъ атестатомъ»... 25-го января, въ понедѣльникъ, начались уроки. Учениковъ было всего тридцать; но число ихъ быстро возрастало, такъ что около времени лѣтнихъ вакацій оно дошло уже до девяноста-пяти. Долго являлись почти исключительно дворянскія дѣти; не прежде мая мѣсяца можно было открыть классы и въ «разночинской гимназіи». Такъ образовалась эта педагогическая колонія Московскаго университета, который, насколько позволяло ему собственное мало обезпеченное положеніе, долгое время дѣлился съ нею и умственными, и матеріальными средствами.

Посмотримъ теперь, каковъ былъ первый директоръ новой гимназіи. При избраніи Веревкина въ эту должность изъ асессоровъ университета (что̀ могло быть отчасти слѣдствіемъ столкновеній его съ сослуживцами), ему было всего двадцать шесть лѣтъ. Воспитанный въ Сухопутномъ кадетскомъ корпусѣ, онъ считался весьма образованнымъ для своего времени человѣкомъ, былъ уменъ, остеръ, отличался необыкновеннымъ трудолюбіемъ и уже обращалъ на себя вниманіе, какъ литераторъ. Владѣя французскимъ языкомъ, онъ былъ ловокъ въ обществѣ и говорилъ красно; умѣлъ при случаѣ бросить пыль въ глаза и продать товаръ лицомъ; но ему недоставало основательности и твердыхъ нравственныхъ началъ. Однакожъ исполненіемъ своихъ педагогическихъ обязанностей Веревкинъ вполнѣ оправдалъ свой выборъ: онъ неутомимо заботился объ успѣхахъ молодежи,

пріискивалъ годныхъ учителей и хлопоталъ о пріобрѣтеніи учебныхъ пособій, а это было тогда не легко, особенно въ Казани. Надо было, напр., безпрестанно просить университетъ о присылкѣ нѣмецкихъ и французскихъ азбукъ и грамматикъ: болѣе 30-ти учениковъ должны были довольствоваться шестью экземплярами нѣмецкой азбуки. Веревкинъ уже завелъ было учительскіе «конвенты», но университетскія власти, которымъ посылались протоколы этихъ собраній, вѣроятно усмотрѣли въ нихъ опасное начало самоуправленія и запретили ихъ подъ предлогомъ, что они не могутъ быть допускаемы безъ разрѣшенія куратора. Понимая уже значеніе, какое могла имѣть Казань для изученія восточныхъ языковъ, Веревкинъ позднѣе предлагалъ завести при гимназіи классъ татарскаго языка: «со временемъ», писалъ онъ, «могутъ на ономъ отыскиваемы быть многіе манускрипты; правдоподобно, что оные подадутъ нѣкоторый, можетъ-быть и не малый, свѣтъ въ русской исторіи». Прибавимъ, что Веревкинъ простиралъ свои заботы объ образованіи края даже за предѣлы гимназіи: онъ просилъ университетъ выслать двадцать экземпляровъ *Московскихъ Вѣдомостей* для распространенія въ мѣстномъ обществѣ; но эти старанія оказались преждевременными: изъ доставленныхъ десяти экземпляровъ послѣ долгаго времени разошлось только четыре.

Естественно, что въ молодомъ обществѣ особенно дорожатъ внѣшнимъ лоскомъ образованія, развязностью въ обращеніи, практическимъ навыкомъ въ иностранныхъ языкахъ. Все это высоко цѣнилось и самимъ Шуваловымъ, и людьми, отъ него зависѣвшими. Объ этомъ заботились всюду, начиная отъ двора и до провинціальной гимназіи. Веревкинъ старался возбудить въ своихъ гимназистахъ любовь къ легкому чтенію, заставлялъ ихъ выучивать наизусть сочиняемыя преподавателями на разныхъ языкахъ рѣчи, представлять трагедіи Сумарокова, танцовать и фехтовать, чтобъ было чѣмъ, на публичныхъ экзаменахъ, удивлять казанское общество. Понятно, что талантливый мальчикъ, слыша безпрестанно о славѣ Фенелона и Мольера, Ломоносова и Сумарокова, могъ еще на школьной скамьѣ пристраститься къ поэзіи и къ авторству. Но при недостаткѣ хорошихъ образцовъ

и разумныхъ руководителей даже въ родномъ языкѣ неизбѣжна была тяжкая, многолѣтняя борьба съ трудностями еще не созданной формы, чтобы выбраться на путь самостоятельнаго творчества. Одну выгодную сторону имѣло это не требовавшее большихъ напряженій образованіе, которое, хотя и въ нѣсколько усиленной мѣрѣ, долгое время еще господствовало въ русскихъ учебныхъ заведеніяхъ: оно, по крайней мѣрѣ нѣкоторымъ любознательнымъ юношамъ, оставляло много досуга для самодѣятельности, поощряло ихъ къ свободнымъ занятіямъ и тѣмъ самымъ служило къ развитію ихъ дарованій. Этимъ отчасти объясняется, какъ изъ среды первоначальныхъ питомцевъ скудной учебными средствами гимназіи могъ явиться писатель, который, несмотря на самыя неблагопріятныя обстоятельства, успѣлъ своимъ оригинальнымъ талантомъ пріобрѣсти всесвѣтную извѣстность. Не надо забывать, что Веревкинъ самъ принадлежалъ къ пишущей братіи; это могло способствовать къ развитію въ Державинѣ охоты сдѣлаться авторомъ.

7. Учителя и ученіе.

Что касается собственно преподаванія въ гимназіи, то, по свидѣтельству самого Державина, главною цѣлью было *научить читать, писать и говорить сколько-нибудь по грамматикѣ*. Предметы преподаванія были: законъ Божій, исторія и географія, ариѳметика, геометрія съ фортификаціей, языки: латинскій, французскій и нѣмецкій, рисованіе, музыка, танцы и фехтованіе. Иностранными языками занимались во всѣхъ классахъ дворянской половины. Уроки вообще продолжались отъ 7-ми до 11-ти часовъ утра и отъ часу до 5-ти послѣ обѣда. Державинъ не скрываетъ, что въ гимназіи, «по недостатку хорошихъ учителей», его учили «едва ли съ лучшими правилами какъ и прежде». Въ запискахъ своихъ онъ называетъ, и то по случайному поводу, только двухъ изъ своихъ наставниковъ, именно: капитанъ-поручика Морозова и пастора Гельтергофа: первый, вскорѣ умершій, училъ геометріи, фортификаціи и рисованію, второй — нѣмецкому языку. О Морозовѣ есть свидѣтельство, что онъ, «за недо-

вольнымъ знаніемъ русскаго штиля, весьма темно или совсѣмъ невразумительно задавалъ свои письменные уроки, а на самой практикѣ, безъ дальнихъ изъясненій, всякую проблему наизусть училъ». Изъ такихъ уроковъ Державинъ не могъ извлечь никакой пользы; впослѣдствіи онъ приписывалъ свою слабость въ математикѣ недостаточнымъ къ ней способностямъ, но въ сущности большая доля этой слабости происходила конечно отъ плохого первоначальнаго ученія. О Гельтергофѣ скажемъ въ своемъ мѣстѣ. Имена остальныхъ учителей Державина извѣстны намъ изъ другихъ источниковъ.

Законъ Божій преподаваемъ былъ только по воскресеньямъ и праздничнымъ днямъ, два часа до обѣдни, семинаристомъ Котельницкимъ, нарочно для того возведеннымъ въ санъ священника. Онъ былъ рекомендованъ тогдашнимъ казанскимъ епископомъ Гавріиломъ (Кременецкимъ), который полюбилъ Веревкина, посѣщалъ гимназію въ торжественныхъ случаяхъ и, въ знакъ особеннаго своего вниманія къ ней, однажды прислалъ книги въ подарокъ лучшимъ ученикамъ.

Хотя Траубенталю, при отправленіи его въ Казань, и было поручено пріискать для русской грамоты особаго преподавателя, но такого не нашлось, и родному языку обучалъ, вмѣстѣ съ латинскимъ, студентъ Моревъ. Этотъ учитель ежедневно занимался латынью, а по суботамъ русскимъ правописаніемъ, т. е. вѣроятно ограничивался диктовкой. Впослѣдствіи Державинъ не разъ сознавался въ незнаніи грамматики.

Для французскаго и нѣмецкаго сначала былъ одинъ и тотъ же учитель, парижскій уроженецъ Дефоржъ (Léon de Forges), но скоро число желавшихъ учиться этимъ языкамъ такъ увеличилось, что нужно было раздѣлить преподаваніе ихъ. Для французскаго, въ помощь Дефоржу взятъ былъ Лакассанъ, а потомъ присланъ изъ Московскаго университета еще Дювилляръ (Duvillard), которому, не въ примѣръ другимъ, положено жалованье по 250 руб., что́ уже приближалось къ содержанію инспектора (300 руб.; директоръ получалъ 400). Высшіе оклады учителямъ, не исключая и преподавателя русскаго языка, не превышали 120 руб. въ годъ. При неудовлетворительности учеб-

ныхъ пособій и недостаткѣ практики усиленіе преподаванія французскаго языка не могло имѣть большихъ результатовъ: Державинъ ему не выучился.

Нѣмецкому сначала обучалъ отставной поручикъ голштинской службы, Тихъ (Tiech); потомъ явились и другіе учителя этого языка. Самымъ замѣчательнымъ изъ нихъ, какъ и вообще изъ учителей казанской гимназіи во время Державина, оказывается названный выше Гельтергофъ (Hölterhof). О немъ сохранились довольно подробныя свѣдѣнія. Онъ родился въ Германіи близъ Рейна, получилъ въ университетѣ Галле степень магистра и былъ пасторомъ на островѣ Эзелѣ; но, по весьма сомнительному обвиненію въ политическихъ замыслахъ отвезенъ въ Петербургъ и посаженъ въ крѣпость, а оттуда, послѣ многолѣтняго заключенія, сосланъ въ Казань и здѣсь приглашенъ Веревкинымъ въ преподаватели гимназіи. Впослѣдствіи онъ былъ профессоромъ въ Московскомъ университетѣ, и въ 1770-хъ годахъ издалъ два составленные имъ русско-нѣмецкіе словаря, одинъ этимологичесскій, а другой алфавитный. Въ слѣдующее за тѣмъ десятилѣтіе мы находимъ его въ Сарептѣ, куда онъ отправился доживать вѣкъ между своими единовѣрцами, гернгутерами, и гдѣ занимался преподаваніемъ русскаго языка, съ которымъ успѣлъ хорошо ознакомиться въ Казани и въ Москвѣ. Любимый и уважаемый всѣмъ населеніемъ Сарепты, онъ достигъ тамъ маститой старости и умеръ 96-ти лѣтъ, въ 1806 году *.

Мы не можемъ положительно сказать, насколько Державинъ обязанъ былъ Гельтергофу знаніемъ нѣмецкаго языка; но намъ извѣстно, что онъ выражался на немъ легко и даже писалъ довольно правильно. Во всякомъ случаѣ нельзя оставить безъ вниманія, что онъ всего болѣе успѣлъ въ томъ предметѣ, преподаватель котораго замѣтно выдавался изъ ряда своихъ сослуживцевъ по Казанской гимназіи. Не надо однакожъ забывать, что основаніе знакомству Державина съ нѣмецкимъ языкомъ было положено еще въ дѣтствѣ его, въ школѣ Розе.

Географіи и исторіи училъ сначала помощникъ Веревкина Траубенталь, а позднѣе назначенный инспекторомъ гимназіи магистръ Оттенталь. Между учителями и директоромъ происходили

раздоры. Вообще въ управленіи гимназіи было много элементовъ несогласія. Веревкинъ настойчиво требовалъ отъ университета учебниковъ и полнаго по штату содержанія своимъ подчиненнымъ, а университетъ, не имѣя къ тому средствъ, досадовалъ на слишкомъ неугомоннаго директора; когда же этотъ жаловался на учителей, ему изъ Москвы отвѣчали только, что онъ «не директоръ, а асессоръ и командиръ», и что учителя должны, не умничая, безпрекословно ему повиноваться. Траубенталь, кичась своимъ капитанскимъ рангомъ, никого не хотѣлъ слушаться. Заносчивый Любинскій, студентъ обучавшій арифметикѣ, представилъ Веревкину, что Морозовъ неспособенъ преподавать геометрію, и взялъ эту часть себѣ, а Морозову передалъ свои уроки. Въ одномъ изъ тогдашнихъ университетскихъ ордеровъ было сказано: «Студенту Любинскому, яко извѣстно безпокойному человѣку, приказать, чтобы онъ смирно и тихо себя велъ, и новостей, какъ и здѣсь въ бытность свою при университетѣ, не выдумывалъ». Оттенталь, лишившись мѣста инспектора, злобился на Веревкина, а Дювилляръ завидовалъ, что его землякамъ Деформу и Лакассану было увеличено жалованье. Кончилось тѣмъ, что Оттенталь и Дювилляръ тайкомъ уѣхали въ Москву и подали доносъ на директора. Но не будемъ предупреждать событій.

Несмотря на дурное преподаваніе въ гимназіи, Державинъ, по даровитости своей, занялъ съ самаго начала видное мѣсто между учениками, которыхъ число къ концу перваго полугодія возросло уже до ста-одиннадцати. Въ исходѣ іюня были экзамены, и за тѣмъ, послѣ публичнаго акта, ученики распущены на лѣтнія вакаціи до 1-го августа. На актѣ, какъ водится и нынче, присутствовали городскія власти, духовные, гражданскіе и военные чины. Студентъ Любинскій прочелъ небольшую латинскую рѣчь «о пользѣ наукъ», а за нимъ восемь прилежнѣйшихъ учениковъ выступили по-двое и произнесли, по-французски, по-нѣмецки, по-латыни и по-русски, краткія же рѣчи «о нуждѣ, чтобы знать учимое ими». Имена этихъ юношей неизвѣстны, но такъ какъ Державинъ черезъ нѣсколько времени упомянутъ въ числѣ первыхъ девяти учениковъ дворянской гимназіи, то по всей вѣроятности и онъ былъ между молодыми ораторами. Въ заключеніе

учитель Никита Моревъ сказалъ русскую рѣчь. Изъ гимназіи отправились въ приходскую церковь, гдѣ гимназическій священникъ отслужилъ молебенъ о здравіи государыни и напутствовалъ молодыхъ людей краткимъ наставленіемъ, чѣмъ имъ заниматься на каникулахъ. По поводу этого-то учебнаго торжества преосвященный, на другой день, прислалъ гимназистамъ библію и латинскій лексиконъ съ своеручными надписями, и кромѣ того по книжкѣ каждому изъ говорившихъ рѣчи. Веревкинъ вслѣдъ за тѣмъ просилъ университетъ представить куратору, не выразитъ ли онъ преосвященному свою благодарность.

8. Успѣхи и отличія. Двѣ поѣздки. Празднества.

Передъ возобновленіемъ въ августѣ мѣсяцѣ классовъ было опять собраніе съ рѣчами, и Веревкинъ, посылая эти рѣчи при рапортѣ «главной командѣ», ходатайствовалъ о награжденіи тѣхъ учениковъ, которые въ каникулярное время «много впередъ успѣли въ наукахъ». Кураторъ приказалъ напечатать въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* имена лучшихъ учениковъ Казанской гимназіи, и въ № 64, отъ 10-го августа 1759 г., мы читаемъ между прочимъ: «Наиприлежнѣйшими себя оказали и отмѣнную похвалу заслужили: гвардіи капралъ Николай Левашевъ, гвардіи жъ солдатъ Сергѣй Полянскій и ученикъ Петръ Лазаревъ. Равнымъ образомъ и нижеписанные еще, *за свою прилежность, успѣхи и доброе поведеніе*, похвалы достойными нашлись, а именно: Василій и Дмитрій Родіоновы, Петръ Нарманскій, *Гаврила Державинъ*, Алексѣй и Петръ Норовы».

Изъ гимназическихъ товарищей своихъ самъ Державинъ не называетъ никого, кромѣ своего меньшого брата Андрея, который, какъ онъ говоритъ, по застѣнчивости своей казался тупъ, однакожъ успѣвалъ въ математикѣ; во всемъ остальномъ Гаврила бралъ надъ нимъ верхъ своею бойкостью. Особенную охоту оказывалъ будущій лирикъ «къ предметамъ, касающимся воображенія»: къ рисованію, музыкѣ и поэзіи. Мы видѣли, что онъ еще въ школѣ Розе пристрастился къ рисованію и полюбилъ инженерное искуство. Въ гимназіи его чертежи и рисунки, сдѣлан-

ные перомъ, до того понравились директору, что онъ захотѣлъ похвастать ими передъ Шуваловымъ. Спустя около года послѣ открытія гимназіи, т. е. зимою 1759—1760 годовъ, Веревкинъ, взявъ отпускъ въ Москву и Петербургъ, повезъ съ собою, для представленія куратору, работы отличнѣйшихъ изъ своихъ учениковъ. Это были геометрическіе чертежи и карты Казанской губерніи, украшенныя разными фигурами и ландшафтами. Шуваловъ, такъ заботившійся о развитіи искуства въ Россіи и незадолго передъ тѣмъ основавшій Академію художествъ, былъ очень пріятно пораженъ неожиданными плодами ученья въ отдаленной, полуазіятской странѣ.

Цѣль Веревкина была вполнѣ достигнута: при этомъ случаѣ утверждены разныя представленія его, напримѣръ о возвышеніи окладовъ нѣкоторымъ преподавателямъ и объ отнесеніи на казенный счетъ содержанія бѣднѣйшихъ учениковъ. Въ то же время тѣ, которыхъ работы были представлены Шувалову, записаны, по ихъ желанію, солдатами въ разные гвардейскіе полки, а одинъ изъ нихъ, Державинъ, объявленъ кондукторомъ Инженернаго корпуса. Вмѣстѣ съ тѣмъ и самому Веревкину оказано почетное вниманіе: для бо́льшаго авторитета при управленіи гимназіей, онъ, сохраняя прежнюю должность, получилъ назначеніе быть товарищемъ казанскаго губернатора. Извѣстіе о наградахъ, привезенное имъ при возвращеніи въ Казань, въ мартѣ мѣсяцѣ, произвело большую радость въ гимназіи. Ученики надѣли мундиры, каждый по будущему званію своему; съ тѣхъ поръ Державинъ, въ кондукторской формѣ, исполнялъ на училищныхъ празднествахъ обязанность артиллериста и фейерверкера. Казалось, давнишнее желаніе мальчика и покойнаго отца его осуществилось.

Вскорѣ послѣ своего пріѣзда Веревкинъ на время перевелъ гимназію въ губернаторскій домъ, съ цѣлію между-тѣмъ построить особое для нея зданіе [1]. По этому поводу гимназисты были распущены на цѣлый мѣсяцъ. Впрочемъ тутъ была и дру-

[1] Уже послѣ Веревкина гимназія была переведена въ новое помѣщеніе, частью въ купленный для нея, частью въ новопостроенный домъ. Эти зданія сгорѣли при разореніи Казани Пугачевымъ.

гая, можетъ-быть еще болѣе важная причина, — приготовленія къ большому празднеству. Въ Москвѣ день коронаціи императрицы, 25-ое апрѣля, и за тѣмъ еще два слѣдующіе дня ежегодно посвящались празднованію годовщины открытія университета. Веревкинъ, выпросивъ у Шувалова позволеніе отпраздновать эти дни и въ Казани, готовилъ торжество на славу. Описаніе трехдневнаго ликованія сохранилось въ любопытномъ рапортѣ его куратору, отъ имени котораго были разосланы приглашенія. Въ первый день, послѣ молебна (съ архіерейскою службою) и пушечной пальбы, почетные гости вошли въ гимназическую аудиторію и слушали рѣчи, опять на четырехъ языкахъ. Потомъ начался обѣдъ, въ которомъ участвовало 117 человѣкъ. «Три длинныя линіи изъ столовъ касались между собою одними концами, составляя ими три тупые угла. На отдаленныхъ концахъ поставлены были изображенія частей свѣта, по которымъ распространяются области всемилостивѣйшей нашей самодержицы, — Европы, Азіи и Африки (?)», а въ серединѣ, гдѣ сходились столы, сдѣлана была крутая, ущелистая гора (Парнассъ), на которую по узкимъ тропинкамъ всходило сто человѣческихъ фигуръ, съ книгами и инструментами въ рукахъ. Большая часть всходившихъ падали на трудномъ пути, но Ломоносовъ и Сумароковъ (оба тогда еще здравствовали) вслѣдъ за Аполлономъ и Музами достигали благополучно вершины, чтобы пѣть Елисавету по приказанію Юпитера. Его повелѣніе прислано было черезъ представленнаго тутъ же Меркурія, и Веревкинъ, при описаніи своего празднества входя болѣе и болѣе въ пафосъ, не можетъ удержаться отъ слѣдующаго размышленія: «Меркурій летящимъ внизъ такъ искусно былъ на тонкомъ волоскѣ прилѣпленъ, что я самъ, то зная, не могъ волоса видѣть. Послѣ обѣда», продолжаетъ онъ, «почти смеркаться стало, и для того я гостей моихъ немного удержавъ, повелъ въ комедію. Представлена была Мольерова пьеса: *Школа мужей* (Странный выборъ!). Вотъ, милосердый государь, и въ Тартаріи Мольеръ уже извѣстенъ. Театръ, ей-Богу, такой, что желать лучше не можно: партеръ, обитый красною каразеею, въ 12-ти лавкахъ состоявшій, помѣстилъ въ себѣ четыреста человѣкъ; въ парадизѣ такая была тѣ-

снота, что смотрители картиною казалися. Актерамъ надавали денегъ столько, что я ихъ теперь въ непостыдное платье одѣть могу. Послѣ комедіи былъ ужинъ, балъ, игра и разговоры о наукахъ. Изъ обѣдавшихъ одинъ преосвященный, за слабостію своею, не ужиналъ». 26-го числа праздникъ былъ въ гимназіи, а въ третій и послѣдній день 270 гостей приглашено было на загородный губернаторскій дворъ, что на Арскомъ полѣ». Кромѣ холоднаго ужина для этихъ лицъ, данъ былъ, подъ открытымъ небомъ, народный праздникъ, на которомъ, по счету Веревкина, присутствовало около 17,000 человѣкъ. Тутъ было выставлено для черни нѣсколько жареныхъ быковъ, барановъ и живности; потомъ сожгли фейерверкъ, конечно при участіи Державина; вечеръ кончился баломъ; домъ и садъ были иллюминованы.

Въ заключеніе Веревкинъ сознается, что всѣ празднества (нуждающейся въ деньгахъ гимназіи) стоили ему болѣе 630 руб. и приписываетъ слѣдующія крайне любопытныя строки, столько же рисующія написавшаго ихъ, какъ и всю эпоху: «Ежели я васъ тѣмъ прогнѣвалъ, что много издержалъ, то прикажите мнѣ не давать жалованья пока выслужу. Довольно, батюшка, что кроткой государынѣ воздана хотя слабая, но всеусердная почесть. Ты прославленъ, и цѣлый многолюдный городъ погруженъ былъ мною въ никогда не бывалое здѣсь веселіе! Въ деньгахъ у меня крайній недостатокъ; прикажите ихъ поскорѣе переслать изъ положенной на содержаніе гимназій суммы 1000 рублевъ».

По мѣрѣ своего развитія Державинъ все болѣе выдавался изъ ряда своихъ товарищей. Обративъ на себя вниманіе Веревкина своимъ талантомъ къ рисованію, онъ въ его глазахъ пріобрѣлъ вѣсъ и своею энергіей. Это видно изъ двухъ случаевъ, въ которыхъ Веревкинъ, предпринимая поѣздки по должности губернаторскаго товарища, бралъ съ собою для помощи нѣсколько учениковъ, и во главѣ ихъ Державина. Въ первый разъ цѣлію командировки было снятіе плана съ города Чебоксаръ. Державинъ въ своихъ запискахъ подробно разсказываетъ и страшный пріемъ, придуманный при этомъ Веревкинымъ, и притѣсненія, которымъ подверглись съ его стороны богатые заводчики въ Чебоксарахъ и хозяева судовъ, проходившихъ мимо города.

Для повѣрки разстояній между рядами домовъ онъ заказалъ огромныя рамы, шириной въ 8 саженъ, съ желѣзными связями и цѣпями, и велѣлъ носить ихъ поперекъ улицъ. Когда какой-нибудь домъ настолько выступалъ впередъ, что не давалъ пройти рамѣ свободно, то надъ воротами надписывалось: *ломать.* Проходившія по Волгѣ суда были задерживаемы, а бурлаковъ ихъ сгоняли для ношенія чудовищныхъ рамъ. Въ то же время были пріостановлены работы па городскихъ кожевенныхъ заводахъ. Всѣ эти мѣры должны были вызвать со стороны заинтересованныхъ стараніе «умилостивить» крутого распорядителя, и потому бросаютъ тѣнь на его безкорыстіе. Между тѣмъ Державинъ, по его приказанію, чертилъ огромной величины планъ, занимаясь этимъ па чердакѣ большого купеческаго дома, такъ какъ чертежъ ни въ какой обыкновенной комнатѣ умѣститься бы не могъ; но этотъ планъ остался недодѣланнымъ: его пришлось «свернуть, и уложивъ подъ гнетомъ на телѣгу, отвезти въ Казань». Тѣмъ и кончилась экспедиція.

Другая поѣздка предпринята была лѣтомъ 1761 года къ развалинамъ древней столицы Болгарскаго царства, къ селенію Бо́лгарамъ (нынѣ Спасскаго уѣзда село Успенское, въ 120-ти верстахъ отъ Казани): по порученію Шувалова Веревкинъ долженъ былъ описать эти развалины и доставить древности, какія тамъ отыщутся. Но самъ онъ, пробывъ въ Болгарахъ нѣсколько дней, соскучился и уѣхалъ; Державинъ же съ товарищами работалъ тамъ до глубокой осени и привезъ въ Казань описаніе развалинъ, планъ бывшаго города, рисунки остатковъ нѣкоторыхъ строеній, надписи гробницъ, наконецъ собраніе монетъ и другихъ вещей, вырытыхъ имъ изъ земли. Со всею этой археологической добычей Веревкинъ намѣревался въ концѣ года ѣхать въ Петербургъ и поднести ее Шувалову, при отчетѣ о гимназіи; но этому не суждено было исполниться. Выше было уже замѣчено о доносѣ двухъ гимназическихъ преподавателей па директора: его обвиняли главнымъ образомъ въ растратѣ казенныхъ денегъ; подробности дѣла неизвѣстны, да онѣ сюда и не относятся. Намъ достаточно упомянуть, что Веревкинъ, въ слѣдствіе доноса, былъ уволенъ «за непорядочные поступки», и что

на мѣсто его былъ присланъ изъ Москвы магистръ Савичъ, которому при этомъ случаѣ, для большей важности, дали званіе профессора. О немъ есть свидѣтельства его сослуживцевъ, какъ о человѣкѣ трудолюбивомъ и дѣльномъ; на то же намекаютъ и слова Державина, что по новости училища преподаватели въ немъ «до прибытія профессора Савича» были плохіе. Однакожъ Державинъ недолго оставался въ гимназіи при новомъ директорѣ и почти при самомъ поступленіи его уѣхалъ на службу въ Петербургъ. Но прежде нежели разскажемъ о причинѣ его выхода, мы должны коснуться еще одной стороны пребыванія его въ этомъ учебномъ заведеніи, именно его свободныхъ занятій.

9. Чтенія Державина. Выходъ изъ гимназіи.

Въ гимназіи между прочимъ учили музыкѣ, и преподавателя ея звали Орфеевымъ. У Державина явилась охота играть на скрипкѣ, но обстоятельства не позволили развиться этому таланту. Въ то же время, какъ самъ онъ разсказываетъ, чтеніе стало пробуждать въ немъ способность къ стихотворству. Изъ прочитанныхъ имъ въ гимназіи книгъ онъ при этомъ называетъ оды Ломоносова, трагедіи Сумарокова, также переводы: *Телемака*, *Аргениды* и *Маркиза Г.* Эти книги принадлежали тогда къ числу наиболѣе распространенныхъ въ Россіи. Собраніе сочиненій Ломоносова (въ двухъ книгахъ) вышло третьимъ изданіемъ отъ 1757 до 1759 года; изъ трагедій же Сумарокова уже были напечатаны отдѣльно: *Хоревъ*, *Синавъ и Труворъ*, *Гамлетъ*, *Артистона*. Изъ дѣлъ гимназіи видно, что вскорѣ послѣ ея открытія Веревкину было прислано отъ университета, кромѣ *Московскихъ Вѣдомостей*, 10 экземпляровъ сочиненій Ломоносова.

Три книги, которыя гимназистъ Державинъ читалъ въ русскихъ переводахъ, обходили тогда всю Европу и были перелагаемы на многіе языки. Онѣ въ серединѣ 18-го столѣтія вездѣ читались съ жадностію. *Телемакъ*, который сами Французы провозгласили эпопеей, переводился не только прозой, но и стихами; Тредьяковскій, даже и въ формѣ своего пресловутаго

перевода, не былъ изобрѣтателемъ[1]. Впрочемъ, когда Державинъ учился въ гимназіи, приснопамятная *Телемахида* еще не родилась: въ его рукахъ могъ быть только переводъ въ прозѣ, сдѣланный неизвѣстно кѣмъ и изданный въ Петербургѣ въ 1747 году. «Ироическая пiима» Тредьяковскаго, который съ презрѣніемъ отзывался о первоначальномъ прозаическомъ переводѣ *Телемака*, появилась лишь черезъ девятнадцать лѣтъ послѣ того, уже при Екатеринѣ II; но будущій творецъ *Телемахиды* напечаталъ, въ 1751 году, переводъ другой, по его словамъ, столько же «несравненной пiимы», въ которой онъ видѣлъ самую «превосходную философію политическую».

Это была *Аргенида*, изданная въ первый разъ въ 1621 году, въ Парижѣ, на латинскомъ языкѣ. Авторомъ ея былъ жившій во Франціи шотландецъ, Іоаннъ Барклай (John Barclay), сторонникъ изгнаннаго дома Стюартовъ, написавшій по-латыни, отчасти стихами, нѣсколько замѣчательныхъ сатирическихъ сочиненій. *Аргенида* есть имя вымышленной сицилійской царицы, подъ которою, какъ полагали современные критики, онъ разумѣлъ Францію или династію Валуа. Весь этотъ политическій романъ не что иное какъ изображеніе, подъ покровомъ любимой тогда аллегоріи, состоянія Франціи и другихъ западныхъ государствъ въ эпоху лиги, съ цѣлію служить руководствомъ въ наукѣ правленія.

Романы съ такою цѣлію сдѣлались однимъ изъ господствующихъ родовъ литературы послѣдующаго времени; отброшена была только аллегорія. Успѣхъ *Телемака* вызвалъ множество подражателей Фенелону; въ 1730 году французскій аббатъ Террассонъ издалъ книгу, которую впослѣдствіи перевелъ Фонъ-Визинъ подъ заглавіемъ: *Жизнь Сиѳа, царя египетскаго*. Такими же нравственно-политическими романами были во второй половинѣ 18-го вѣка: *Велизарій* Мармонтеля и *Нума Помпилій* Флоріана, также переведенные вскорѣ на русскій языкъ. Наконецъ, одинъ изъ тогдашнихъ писателей нашихъ, Херасковъ, не

[1] Пушкинъ обмолвился, замѣтивъ о Тредьяковскомъ: «Мысль перевести Фенелоновъ эпосъ стихами и самый выборъ стиха доказываетъ необыкновенное чувство изящнаго». *(Соч. Пушк.*, изд. Анненк., V, 88.)

довольствуясь переводомъ послѣдней изъ названныхъ книгъ, вздумалъ и самъ приняться за сочиненіе нравоучительныхъ романовъ въ этомъ вкусѣ: такъ явились сперва его *Кадмъ и Гармонія*, а потомъ *Полидоръ*, длинныя, убійственныя повѣствованія, и однакоже передъ вторымъ изъ нихъ авторъ, безъ всякаго состраданія къ читателю, объявляетъ, что для прочтенія *Полидора* необходимо напередъ прочесть всего *Кадма*. Сохранилось преданіе, что *Аргенида* Барклаева, которая подала намъ поводъ коснуться всѣхъ этихъ романовъ, составляла любимое чтеніе Лейбница. Ее усвоили себѣ почти всѣ европейскія литературы; Нѣмцы и Французы перелагали ее по нѣскольку разъ; на польскомъ языкѣ кто-то далъ и ей, какъ послѣ бывало съ *Телемакомъ*, стихотворную форму. Русскихъ познакомилъ съ этою книгой Тредьяковскій, который, при всей своей неловкости въ обращеніи съ нашимъ новорожденнымъ письменнымъ языкомъ, заслуживаетъ однакожъ въ потомствѣ добраго слова за свое стараніе переводами лучшихъ иностранныхъ сочиненій способствовать къ образованію юнаго русскаго общества. *Аргениду*, такъ же какъ и Ролленеву исторію, безпримѣрный *трудоположникъ* перевелъ два раза: первый переводъ сдѣлалъ онъ еще бывши студентомъ Московской академіи, но самъ находилъ его негоднымъ, и впослѣдствіи, по приказанію графа К. Г. Разумовскаго, перевелъ всю книгу снова. Перемѣшивая въ ней, по примѣру подлинника, прозу съ стихами, Тредьяковскій здѣсь въ первый разъ употребилъ гекзаметръ и позволилъ себѣ еще другую новость,—дактилическую рифму, окончательно введенную у насъ только Жуковскимъ. Въ концѣ каждой главы романа помѣстилъ онъ подробныя мифологическія и историческія примѣчанія. Такое чтеніе должно было, безъ сомнѣнія, обогатить умъ Державина множествомъ полезныхъ свѣдѣній, но вмѣстѣ съ тѣмъ не могло не подѣйствовать вредно на развитіе его вкуса и литературнаго языка. Слѣды этого вліянія писаній Сумарокова и Тредьяковскаго, читанныхъ Державинымъ въ молодости, никогда не переставали болѣе или менѣе отражаться на его сочиненіяхъ, особенно прозаическихъ.

Третье произведеніе иностранной литературы, съ которымъ

Державинъ, познакомился въ Казани, было: *Приключенія маркиза Г.* (*Глаголя*, по тогдашнему обыкновенію называть буквы славянскими ихъ именами). Оно состоитъ изъ шести томовъ, но Державинъ, находясь въ гимназіи, могъ имѣть въ рукахъ только первые четыре, переведенные И. П. Елагинымъ[1]. Содержаніе книги составляетъ разсказываемая самимъ героемъ исторія его жизни: маркизъ Глаголь странствуетъ и испытываетъ разнаго рода несчастія—потерю родныхъ, неволю и проч.; но и въ самыхъ горестныхъ обстоятельствахъ онъ остается добродѣтельнымъ; весь романъ пересыпанъ нравоучительными размышленіями и наставленіями. Такіе мемуары разныхъ вымышленныхъ лицъ, особливо же поучительныя описанія путешествій ихъ въ дальнія страны, со множествомъ приключеній, были въ большой модѣ. Подлинникъ этого романа вышелъ въ Парижѣ въ первый разъ въ 1729 г., безъ имени автора, подъ заглавіемъ: «Mémoires du marquis*** ou Aventures d'un homme de qualité qui s'est retiré du monde». Авторомъ былъ одинъ изъ самыхъ плодовитыхъ писателей 18-го вѣка, аббатъ Прево́, извѣстный между-прочимъ своею трагическою смертью подъ ножемъ анатома.

Русскіе во второй половинѣ 18-го столѣтія читали «маркиза Г.» тѣмъ съ большею жадностію, что для нихъ въ этомъ переводѣ была новостью гладкая и даже изящная, по своему времени, проза. И въ самомъ дѣлѣ, въ пятидесятыхъ годахъ что́ было имъ читать, кромѣ названныхъ книгъ? А тѣмъ болѣе, что́ было читать Державину въ Казани, гдѣ, безъ сомнѣнія, даже русскія книги составляли тогда рѣдкость, нѣмецкія же доставать было еще труднѣе? Тогда еще не было ни *Письмовника Курганова* (изд. 1769), ни романовъ Хераскова, ни даже сочиненій и переводовъ Федора Эмина, который началъ печатать ихъ только въ шестидесятыхъ годахъ. Самъ директоръ гимназіи, Веревкинъ, который лѣтъ черезъ тридцать послѣ того, въ старости, хвалился, что перевелъ 168 вальяжныхъ томовъ и собирался вдобавокъ переводить французскую *Энциклопедію*[2], въ то время издалъ еще не много.

[1] 5-я и 6-я части переведены позднѣе Лукинымъ. См. объ этомъ писателѣ статью А. Н. Пыпина въ *Отеч. Зап.*, т. LXXXIX, 1853 г. августъ.

[2] V, 789.

Русскіе писатели, съ трудами которыхъ Державинъ познакомился въ Казани, были еще живы; но Ломоносовъ и Тредьяковскій приближались уже къ концу своего поприща. Напротивъ, Сумароковъ и Елагинъ жили еще довольно долго послѣ того; ниже увидимъ, что съ первымъ нашъ поэтъ имѣлъ въ 1770 году недружеское столкновеніе въ Москвѣ и написалъ на него эпиграмму; въ домѣ же Елагина Державинъ былъ въ послѣдствіи (1775) однимъ изъ короткихъ знакомыхъ.

Чтеніе подстрекнуло молодого ученика попытаться итти по слѣдамъ современныхъ ему писателей: онъ сталъ украдкою сочинять стихи, романы и сказки, но уничтожалъ эти первые опыты, рѣдко показывая ихъ даже товарищамъ. Для насъ въ этомъ извѣстіи всего важнѣе то обстоятельство, что и недостаточное образованіе, пріобрѣтенное Державинымъ въ гимназіи, было болѣе плодомъ собственныхъ самостоятельныхъ занятій нежели преподаванія, и что еще въ училищѣ чтеніе, пробудивъ его врожденный талантъ къ соревнованію литературнымъ знаменитостямъ, навсегда привлекло его къ поприщу писателя; важно при этомъ и указаніе тѣхъ образцовъ, подражаніе которымъ надолго наложило на него мертвящія оковы ложной теоріи.

Въ то самое время, какъ Державинъ воспитывался въ Казанской гимназіи, въ Московскомъ университетѣ [1] учился другой русскій писатель — Фонъ-Визинъ, который однимъ годомъ былъ моложе Державина, но почти тремя годами ранѣе его уже началъ гимназическій курсъ. Любопытно сравнить ходъ развитія обоихъ этихъ талантовъ, которые въ дальнѣйшей литературной дѣятельности своей представляютъ между собой рѣзкія различія, но наиболѣе прославили себя почти одновременно, Державинъ — *Фелицей*, а Фонъ-Визинъ — *Недорослемъ*. Поло-

[1] Первоначальная московская гимназія помѣщалась въ одномъ зданіи съ университетомъ, и потому подъ названіемъ послѣдняго разумѣлись оба учрежденія. Это смѣшеніе мы находимъ не только у самого Фонъ-Визина (въ его *чистосердечномъ признаніи*), но и въ тогдашнемъ оффиціальномъ языкѣ: въ указѣ 1758 г. говорится «о учрежденіи въ Казани гимназіи съ такими же выгодами, какъ и въ Московскомъ *университетѣ*». (*П. Собр. Зак.* XV, № 10,860). Только въ 1759 г. Фонъ-Визинъ былъ «произведенъ въ студенты».

женіе Фонъ-Визина было настолько благопріятнѣе, насколько Москва была впереди Казани въ отношеніи къ общественной образованности и богаче педагогическими средствами. Изъ Казанской гимназіи возили въ Петербургъ только труды учениковъ; изъ Московской—самихъ гимназистовъ: въ число ихъ попалъ и Фонъ-Визинъ, когда ему было четырнадцать лѣтъ отроду. Въ Петербургѣ онъ познакомился лично съ Шуваловымъ, Ломоносовымъ, Дмитревскимъ, былъ въ театрѣ и пристрастился къ драматическому искуству. Сдѣлавшись студентомъ по возвращеніи въ Москву, онъ уже началъ переводить для печати, и первые опыты его были изданы еще до оставленія имъ университета. Онъ зналъ три языка: латинскій, нѣмецкій и французскій, которому выучился по собственной охотѣ, послѣ петербургской поѣздки, и, поступивъ на службу въ одинъ годъ съ Державинымъ (1762), онъ въ самомъ началѣ ея имѣлъ случай побывать за границей. Сколько задатковъ для болѣе быстраго и блестящаго развитія! Зато Фонъ-Визинъ, двадцати лѣтъ отъ роду, уже и снискалъ извѣстность своимъ *Бригадиромъ*, тогда какъ Державинъ еще и въ слѣдующія два десятилѣтія почти не обращалъ на себя вниманія. Прибавимъ, что ученіе Фонъ-Визина въ гимназіи и университетѣ продолжалось около семи лѣтъ, а Державинъ употребилъ на свой гимназическій курсъ всего три года. Но въ воспитаніи ихъ есть одна общая черта: оба они рано пристрастились къ самостоятельнымъ занятіямъ, и каждый по-своему удовлетворялъ этой наклонности.

Державинъ не успѣлъ кончить и скуднаго гимназическаго курса, когда, въ началѣ 1762 года, пришло изъ Петербурга требованіе, чтобъ онъ немедленно явился въ Преображенскій полкъ. За два года передъ тѣмъ Веревкинъ, какъ мы видѣли, привезъ Державину извѣстіе, что онъ, въ награду за свои успѣхи въ рисованіи и черченіи, объявленъ кондукторомъ инженернаго корпуса, послѣ чего гимназистъ носилъ даже мундиръ этого вѣдомства. Но между тѣмъ оказалось совсѣмъ другое: имя Державина очутилось въ спискѣ гимназистовъ, присланномъ отъ Шувалова въ канцелярію Преображенскаго полка, и въ слѣдствіе того онъ записанъ солдатомъ въ этотъ полкъ. Какъ

это сдѣлалось, не объяснено въ запискахъ Державина: всего вѣроятнѣе, что кураторъ забылъ обѣщаніе, данное Веревкину, и велѣлъ размѣстить всѣхъ отличившихся гимназистовъ въ разные гвардейскіе полки. Во всякомъ случаѣ поступленіе въ военную службу было противно планамъ какъ самого Державина, такъ и покойнаго отца его, который, въ послѣднюю свою поѣздку въ Москву, прямо отказался отъ сдѣлашаго ему предложенія отдать сына въ гвардію: издержки, сопряженныя съ службой этого рода, пугали Державиныхъ.

Видя постигшую молодого человѣка судьбу, мы въ недоумѣніи спрашиваемъ себя: отчего, при ясно-опредѣленной цѣли новой гимназіи служить разсадникомъ для высшихъ учебныхъ заведеній, Шуваловъ, вмѣсто того, чтобы пропускать лучшихъ воспитанниковъ ея въ университетъ, записывалъ ихъ преждевременно въ гвардейскіе полки? Вѣроятно, причиной тому были военныя обстоятельства, — Семилѣтняя война, поглощавшая такъ много людей. Извѣстно впрочемъ, что казанскіе гимназисты, сверстники Державина, отчасти въ видахъ улучшенія матеріальныхъ условій жизни, сами рвались въ военную службу, и что Московскій университетъ, съ прискорбіемъ замѣчая между ними такое неблагопріятное для науки стремленіе, убѣждалъ начальство гимназіи стараться всѣми мѣрами удерживать понятливыхъ и прилежныхъ учениковъ. Несмотря на то, въ теченіе одного 1761 года изъ гимназіи выбыло тридцать-пять человѣкъ для поступленія въ военную службу.

При записаніи Державина въ Преображенскій полкъ, ему изготовленъ былъ пашпортъ, по которому онъ могъ пробыть въ гимназіи только до наступленія 1762 года и который съ тѣхъ поръ оставался въ полковой канцеляріи. По смерти Елисаветы Петровны, новый императоръ, Петръ III, замышляя походъ въ Данію одновременно съ продолжавшеюся Семилѣтней войной, приказалъ потребовать на службу въ полки всѣхъ отпускныхъ. Въ слѣдствіе этого-то пришла въ гимназію бумага и о Державинѣ. Онъ былъ очень озадаченъ такимъ неожиданнымъ вызовомъ, но надо было ѣхать не теряя времени, потому что съ истеченія срока отпуску шелъ уже второй мѣсяцъ. И вотъ директоръ Савичъ получилъ слѣдующую просьбу:

№ 10 подано Апреля 4 дня 1762 году записано [illegible]

Отъ Казанского разночинца лейб гвардии пре-
ображенского полку салдата Гаврилы
Державина

Доношение

К сему доношенiю лейб
гвардии преображенского полку рядовой Гаврило
Державин [illegible]

Лит. Н. Брезе, С.П.Б. Средняя-Подьяческая д. № 4

«Въ Казанскіи гимназіи: лейбъ-гвардіи Преображенскаго полку солдата Гаврилы Державина

«Доношеніе.

«Нахожусь я именованной въ реченныхъ гимназіяхъ съ 759 году, гдѣ обучался до сего 762 году въ разныхъ классахъ, и прошлаго 761 года записанъ я въ лейбъ-гвардіи Преображенской полкъ, о чемъ Казанская гимназія сама не безызвѣстна. А нынѣ склонность моя и лѣта болѣе не дозволяютъ быть при оной гимназіи, а желаю вступить въ дѣйствительную службу Его Императорскаго Величества въ вышеозначенной лейбъ-гвардіи Преображенскій полкъ. *Къ сему*

«Того ради Казанскія гимназіи покорно прошу сіе мое доношеніе принять, меня изъ оныхъ гимназій выключить и дать о поступкахъ моихъ въ бытность при гимназіяхъ атестатъ и для проѣзду моего въ Санктъ-Петербургъ пашпортъ. Февраля 2 дня 1762 году. *Доношенію лейбъ-гвардіи Преображенскаго полку солдатъ Гаврило Державинъ руку приложилъ»* *.

Въ одномъ неконченномъ сочиненіи [1], которое онъ началъ было писать въ 1811 году для чтенія въ Бесѣдѣ любителей россійскаго слова, Державинъ говоритъ: «Недостатокъ мой исповѣдую въ томъ, что я былъ воспитанъ въ то время и въ тѣхъ предѣлахъ имперіи, когда и куда не проникало еще въ полной мѣрѣ просвѣщеніе наукъ не только на умы народа, но и на то состояніе, къ которому принадлежу. Насъ научали тогда: вѣрѣ — безъ катихизиса, языкамъ — безъ грамматики, числамъ и измѣренію — безъ доказательствъ, музыкѣ — безъ нотъ, и тому подобное. Книгъ, кромѣ духовныхъ, почти никакихъ не читали, откуда бы можно было почерпнуть глубокія и обширныя свѣдѣнія». Эти замѣчательныя слова показываютъ, какъ самъ Державинъ ясно понималъ, чего ему недоставало въ сравненіи съ людьми, которые въ молодости были счастливѣе его и получили болѣе удовлетворительное воспитаніе. Около того времени, когда высказано было это скромное сознаніе, начиналъ свое общественное воспитаніе знаменитѣйшій русскій поэтъ, ко-

[1] *Разсужденіе о достоинствѣ государственнаго человѣка.* VII, 629.

торый талантомъ своимъ долженъ былъ затмить и Державина, и всѣхъ своихъ предшественниковъ. Какъ Царскосельскій лицей, возникшій черезъ сто лѣтъ послѣ рожденія Ломоносова, гордится именемъ Пушкина на первой страницѣ своей исторіи, такъ и начало Казанской гимназіи озарено славой Державина. Временно закрытая въ 1789 году, но возстановленная императоромъ Павломъ, эта гимназія 21-го января 1868 праздновала столѣтнюю годовщину своего существованія и удостоилась тогда получить наименованіе «Императорской». Въ высочайшемъ рескриптѣ, данномъ по этому случаю на имя министра народнаго просвѣщенія, находятся между-прочимъ слѣдующія слова: «Изъ семнадцати тысячъ ея воспитанниковъ многіе съ честью подвизались въ различныхъ отрасляхъ государственной службы и на поприщѣ науки и литературы; имя одного изъ нихъ — Державина останется навсегда незабытымъ и дорогимъ для русскаго народа» [1]. Сопоставленіе Державина съ Пушкинымъ, кстати подвернувшееся подъ перо наше, подаетъ намъ поводъ припомнить здѣсь еще другое сравненіе между этими двумя поэтами. «Превосходный стихъ Державина», по замѣчанію г. Шелгунова, «дѣлалъ его такимъ популяризаторомъ новыхъ идей, которыя онъ изъ кружка интеллигенціи и вельможества, въ которомъ вращался, проводилъ въ начинавшую читать грамотную публику, что воспитательное его значеніе было конечно гораздо больше, чѣмъ въ первой половинѣ 19-го вѣка воспитательное значеніе Пушкина» [2]. Наконецъ, въ довершеніе параллели между обоими замѣчательными писателями, можно привести то, что и Пушкинъ развитіемъ своимъ гораздо болѣе былъ обязанъ своей самодѣятельности и обширной начитанности нежели правильному ученію, которымъ онъ, вообще говоря, мало пользовался. «Скоро явится свѣту новый Державинъ», говорилъ о Пушкинѣ маститый лирикъ незадолго передъ своею кончиной. Но Пушкинъ настолько же сталъ выше Державина, насколько Россія шагнула впередъ въ полустолѣтіе, протекшее отъ учрежденія Казанской гимназіи до основанія лицея.

[1] *Сѣверная Почта* 1868 г., № 17.

[2] *Дѣло* 1874 г., кн. 1, въ статьѣ *Попытки русскаго сознанія.*

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

ВОЕННАЯ СЛУЖБА ДО ПУГАЧЕВЩИНЫ.

(1762—1773.)

1. СОЛДАТСКАЯ ЖИЗНЬ ВЪ КАЗАРМѢ.

Двѣнадцать лѣтъ военной службы со времени пріѣзда Державина въ Петербургъ составляютъ одинъ изъ безотрадныхъ періодовъ въ жизни его. Тяжкій тѣлесный трудъ, грубая среда, невѣжество и развратъ товарищей, наконецъ полное нравственное паденіе, вотъ что пришлось испытать или увидѣть въ своемъ новомъ положеніи даровитому юношѣ съ благородными наклонностями. Вмѣсто жизни сердца, какой можно бы ожидать отъ него въ этомъ возрастѣ при другихъ обстоятельствахъ, мы видимъ его въ отношеніяхъ совсѣмъ не платоническаго свойства. Литературная дѣятельность его въ эти годы еще слаба и незамѣтна. Уже ему грозитъ неминуемая погибель, но къ счастію, дорогія воспоминанія дѣтства, остатокъ благочестія, пустившаго глубокіе корни въ его сердцѣ, наконецъ еще не подавленная энергія духа заставляютъ его сдѣлать внезапное надъ собою усиліе—и спасаютъ его. Такъ какъ онъ тогда еще не игралъ никакой роли, и отъ этой эпохи не сохранилось писемъ его, то понятно, что почти единственнымъ матеріаломъ для его біографіи за это время служатъ его записки, но по этой именно причинѣ онѣ составляютъ драгоцѣнный источникъ для свѣдѣній о тогдашней жизни Державина, какъ и вообще для исторіи нашихъ общественныхъ нравовъ, особливо военнаго быта, въ 60-хъ годахъ прошлаго столѣтія.

Изъ Казани Державинъ пріѣхалъ въ Петербургъ въ мартѣ 1762 года, то-есть за три съ небольшимъ мѣсяца до восшествія на престолъ Екатерины II. Когда онъ явился въ Преображен-

скій полкъ, залежавшійся пашпортъ, изготовленный для него на прожитіе въ Казани, оказался просроченнымъ. Дежурный офицеръ, майоръ Текутьевъ, строгій служака и крикунъ, взглянувъ на пашпортъ, расхохотался съ словами: «Э, братъ, просрочилъ!» По приказанію его, Державинъ отведенъ былъ вѣстовымъ въ полковую канцелярію и тамъ подвергся формальному допросу. Но такъ какъ обнаружилось, что онъ въ просрочкѣ не виноватъ, то его и приняли въ полкъ, зачисливъ въ 3-ю роту рядовымъ.

При этомъ естественно представляется вопросъ: отчего Державинъ поступилъ въ солдаты, когда многіе другіе дворяне около того же времени начинали военную службу въ гвардіи прямо съ офицерскихъ или по крайней мѣрѣ съ унтеръ-офицерскихъ чиновъ? Фонъ-Визинъ, кончившій свое воспитаніе почти одновременно съ Державинымъ, еще при поступленіи въ Московскій университетъ былъ записанъ въ Семеновскій полкъ сержантомъ и, разумѣется, только считался въ полку [1]; Потемкинъ, въ 1760 году исключенный изъ того же университета, числился капраломъ гвардіи [2]. Одною изъ причинъ этой разности было то, что выходившимъ изъ университета (какъ и изъ Сухопутнаго кадетскаго корпуса), или получившимъ оттуда аттестатъ о своихъ познаніяхъ положено было давать оберъ-офицерскіе чины. О выпускѣ же изъ гимназій прямо въ службу собственно не было закона, а было опредѣлено переводить оттуда въ Кадетскій корпусъ, въ Академію наукъ или въ Университетъ [3]. Впрочемъ, за исключеніемъ сказанной привилегіи въ пользу питомцевъ университета, кажется, не было точныхъ правилъ о вступленіи дворянъ въ службу: какъ во многомъ другомъ, такъ и въ этомъ господствовалъ произволъ, и все рѣшала такъ называемая протекція. Начинать военную службу съ званія рядового заведено было Петромъ Великимъ, и оставалось при немъ въ обыкновеніи, какъ видно напр.

[1] *Библіограф. Запис. 1851 г.*, № 1-й стр. 2. По краткой запискѣ о службѣ Фонъ-Визина (соч. кн. Вяземскаго, стр. 465), онъ считался въ Семеновскомъ полку уже съ 1755 г. и былъ пожалованъ армейскимъ поручикомъ.

[2] «Списки замѣчательныхъ лицъ» въ *Чтен. Общ. Ист. и Др.* 1860, 1 кн.

[3] *Полн. С. З.* XV, 11. 144.

изъ записокъ князя Я. П. Шаховского, который 14-ти лѣтъ (1719 г.) былъ представленъ въ Семеновскій полкъ и въ немъ «былъ по нѣскольку времени солдатомъ, капраломъ, каптенармусомъ и сержантомъ» [1], на самомъ дѣлѣ отправляя эти должности; но послѣ Петра обычай этотъ сталъ ослабѣвать, и молодые дворяне, бывъ въ малолѣтствѣ записаны въ гвардію, оставались дома до достиженія по старшинству офицерскихъ чиновъ, какъ разсказываютъ тотъ же князь Шаховской и князь И. М. Долгорукій. Изъ извѣстныхъ лицъ, начавшихъ уже послѣ Петра Великаго службу свою также въ нижнихъ чинахъ, назовемъ князя Н. В. Репнина, обоихъ графовъ Паниныхъ (поступившихъ въ гвардію солдатами при Аннѣ Іоанновнѣ) и историка, князя М. М. Щербатова, который съ 1746 г. проходилъ унтеръ-офицерскіе чины, подобно Шаховскому, въ Семеновскомъ полку. Болотовъ разсказываетъ, что и онъ лѣтъ 10-ти отроду изъ отцовскаго дома былъ отданъ въ армейскій полкъ солдатомъ, а черезъ мѣсяцъ произведенъ въ капралы (первый унтеръ-офицерскій чинъ). Какъ много опредѣленіе молодыхъ людей въ службу зависѣло отъ связей и положенія ихъ родителей, видно изъ того, что и изъ товарищей Державина по гимназіи одни, уже при поступленіи въ нее, были записаны въ солдаты, напр. два брата Полянскіе, а другіе, напр. Левашевъ, въ капралы (Семеновскаго полка, какъ и первые). Любопытно замѣтить, что около того же времени какъ Державинъ начиналъ свою службу въ Преображенскомъ полку, т. е. въ началѣ 1762 г., Новиковъ солдатомъ же поступилъ въ Измайловскій полкъ [2].

У Державина, какъ самъ онъ говорилъ, «протекторовъ» не было, и вотъ конечно главная причина, почему онъ, сдѣлавшись солдатомъ девятнадцати лѣтъ безъ четырехъ мѣсяцевъ, только черезъ десять лѣтъ получилъ первый офицерскій чинъ (NB. Румянцовъ-Задунайскій на 19-мъ году отъ рожденія былъ уже капитаномъ арміи). Впрочемъ поступленіе хотя и въ рядовые старѣйшаго гвардейскаго полка, безъ сомнѣнія, считалось

[1] *Зап. Шахов.* Спб. 1872, стр. 2.

[2] *Библіограф. Зап.* 1858 г., № 6.

отличіемъ. Такъ какъ у Державина не было въ Петербургѣ никакого пристанища, то его помѣстили въ казармѣ со сдаточными солдатами (т. е. такими, которые *сданы* были въ рядовые изъ крестьянъ); ему пришлось жить вмѣстѣ съ тремя женатыми и двумя холостыми товарищами. По разсказу И. И. Дмитріева, Державинъ пошелъ *на хлѣбы* къ семейному солдату. Флигельману[1] приказано было учить новичка ружейнымъ пріемамъ и фрунтовой службѣ, и въ короткое время онъ оказалъ такіе успѣхи, что могъ участвовать въ парадѣ, бывшемъ въ присутствіи Петра III, великаго охотника, какъ выражается Державинъ, до военныхъ ученій. Въ то же время нашъ поэтъ, съ другими солдатами, долженъ былъ то ходить на ученье и стоять въ караулѣ на ротномъ дворѣ, то отправлять разныя черныя работы, какъ то ходить за провіантомъ, чистить каналы, разгребать снѣгъ около съѣзжей, усыпать пескомъ учебную площадку и т. п. Все это покажется намъ менѣе страшнымъ, когда мы вспомнимъ, что въ свое время и самъ Петръ Великій дѣлалъ то же, добровольно начавъ службу съ рядового.

Вскорѣ Державинъ отыскалъ бывшаго своего начальника по гимназіи, Веревкина, и отнесъ ему бумаги и вещи, вывезенныя по его порученію изъ Болгаръ: за неожиданнымъ отъѣздомъ Веревкина изъ Казани онѣ оставались въ рукахъ Державина. Веревкинъ представилъ его, вмѣстѣ съ этими работами и найденными древностями, И. И. Шувалову. Это была первая встрѣча вельможи съ молодымъ человѣкомъ, который съ этихъ поръ на всю жизнь сохранилъ къ нему неизмѣнную преданность[2]. Несмотря на доброту и любезность своего бывшаго начальника, Держа-

[1] Это унтеръ-офицеръ, который движеніями, вмѣсто команды, показываетъ, какіе пріемы должна дѣлать рота.

[2] Припомнимъ стихи: «Приди, мой благодѣтель давный».
(*Приглашеніе къ обѣду* I, 665).

«И ты, другъ музъ, другъ смертныхъ роду,
Фаросъ младыхъ вельможъ и мой».
(*На выздоровленіе Мецената* I, 120).

См. также *Эпистолу* на возвращеніе Шувалова изъ чужихъ краевъ (I, 50).

вичъ, какъ видно, не посмѣлъ при этомъ случаѣ напомнить о прежнемъ обѣщаніи помѣстить его въ кондукторы. Впрочемъ въ то время еще нельзя было предвидѣть удаленія Шувалова на многіе годы изъ Россіи, и Державинъ имѣлъ полное право надѣяться, что солдатская служба его, при покровительствѣ внимательнаго сановника, не будетъ слишкомъ продолжительна. Шуваловъ принялъ своего кліэнта очень привѣтливо и, желая поощрить его талантъ къ рисованію и черченью, послалъ его къ извѣстному граверу Чемесову въ Академію художествъ[1]. Чемесовъ также обласкалъ поэта, хвалилъ принесенные имъ рисунки, звалъ его къ себѣ и обѣщалъ доставить ему чрезъ Шувалова средства продолжать занятія науками и литературой. Но объ этомъ нечего было и думать при безпрестанныхъ ротныхъ и баталіонныхъ ученіяхъ, заведенныхъ Петромъ III; къ тому же заниматься музыкой и рисованіемъ было почти невозможно при тѣснотѣ и неудобствѣ казарменнаго помѣщенія. Оставалось только по ночамъ, когда всѣ улягутся, читать случайно-добытыя книги, да пописывать стихи. Тогда-то, по словамъ Дмитріева, Державинъ между-прочимъ переложилъ на рифмы бывшіе въ ходу у военныхъ «площадные прибаски насчетъ каждаго гвардейскаго полка»[2]. Подмѣтивъ въ немъ страсть къ письменнымъ занятіямъ, видя его то съ перомъ въ рукахъ, то за книгою, его товарищи, и особенно жены ихъ, стали просить его писать для нихъ грамотки къ отсутствующимъ ихъ родственникамъ. Державинъ, стараясь при этомъ употреблять простонародныя выраженія, чрезвычайно угодилъ имъ. Еще болѣе заслужилъ онъ ихъ расположеніе тѣмъ, что иногда давалъ имъ взаймы по рублю или по два изъ своихъ небольшихъ средствъ (при отъѣздѣ изъ Казани онъ получилъ отъ матери сто рублей). Спустя нѣсколько времени, солдатскія жены, по его просьбѣ, уговорили своихъ мужей отправлять за него очередную службу и ра-

[1] Ср. III, 333.

[2] Повторяются ли они въ полкахъ еще и теперь, мнѣ не извѣстно; но въ молодости моей мнѣ случилось прослушать цѣлый рядъ подобныхъ двустишій весьма площаднаго содержанія. Пожалуй, это и было упоминаемое Дмитріевымъ произведеніе его пріятеля.

боту. Такимъ образомъ онъ успѣлъ пріобрѣсти уваженіе всей роты, и когда Петръ III объявилъ гвардіи походъ противъ Даніи, то сослуживцы Державина выбрали его своимъ казначеемъ, поручивъ ему артельныя деньги и заготовленіе всего нужнаго для похода, который однакожъ, какъ извѣстно, не состоялся.

2. Воцареніе Екатерины II. Отъѣздъ въ Москву.

Случайная встрѣча съ бывшимъ учителемъ Казанской гимназіи, Гельтергофомъ, о которомъ было говорено выше, чуть было не измѣнила положенія Державина. Гельтергофъ, жалѣя о тяжкой участи одного изъ лучшихъ учениковъ своихъ, вызвался похлопотать, черезъ окружавшихъ императора Нѣмцевъ, о переводѣ молодого человѣка въ офицеры голштинскаго отряда. Но совершившійся вскорѣ переворотъ помѣшалъ исполненію этого плана, — «благодаря Провидѣнію», многозначительно прибавляетъ Державинъ.

Въ событіяхъ 28-го іюня участвовалъ и Преображенскій полкъ: по словамъ поэта, 3-я рота вмѣстѣ съ прочими прибѣжала къ Зимнему дворцу, вокругъ котораго уже прежде расположились полки Семеновскій и Измайловскій: Преображенцы поставлены были внутри дворца и приведены архіепископомъ къ присягѣ въ вѣрности императрицѣ, которая также успѣла уже пріѣхать во дворецъ въ сопровожденіи Измайловскаго полка. Часу въ 4-мъ по полудни полки были отведены къ деревянному дворцу на Мойкѣ [1], а вечеромъ пошли подъ предводительствомъ самой Екатерины въ Петергофъ, откуда на другой день возвратились въ городъ. Державинъ очень пораженъ былъ тѣмъ, что́ видѣлъ, но сознается, что въ отчужденномъ своемъ положеніи, вовсе не зная обстоятельствъ, не могъ особенно сочувствовать ни той, ни другой сторонѣ. Къ тому же накапунѣ переворота у него изъ-подъ подушки украли деньги, и этотъ «непріятный случай сдѣлалъ его совсѣмъ невнимательнымъ къ ве-

[1] Между Полицейскимъ мостомъ и Большою Морской, гдѣ впослѣдствіи построенъ былъ всѣмъ извѣстный домъ Косиковскаго.

щамъ постороннимъ». Впрочемъ и воръ и деньги были вскорѣ отысканы товарищами Державина, которые приняли живое участіе въ его горѣ. По словамъ И. И. Дмитріева, онъ стоялъ на часахъ въ петергофскомъ дворцѣ въ ту ночь, когда Екатерина отправилась оттуда въ Петербургъ. Другое преданіе, которое много разъ повторялось въ печати, говоритъ, что Державинъ въ день восшествія на престолъ Екатерины стоялъ на часахъ въ Зимнемъ дворцѣ. Ни одного изъ этихъ извѣстій нѣтъ между подробностями, сообщаемыми самимъ Державинымъ; по общему же характеру записокъ его можно навѣрное сказать, что еслибъ то или другое изъ приведенныхъ свѣдѣній было справедливо, то онъ никакъ не умолчалъ бы о такомъ замѣчательномъ для него обстоятельствѣ.

Когда спокойствіе совершенно возстановилось, гвардіи назначено было итти въ Москву для торжества коронаціи: въ августѣ мѣсяцѣ Державинъ получилъ пашпортъ съ приказаніемъ отправиться туда же и явиться въ полкъ въ первыхъ числахъ сентября, т. е. ко времени прибытія въ Москву и самой императрицы. «Снабдясь кибитченкой и купя одну лошадь», говоритъ Державинъ, «потащился потихоньку». Денегъ у него было въ то время не много, особенно послѣ того, какъ другой солдатъ изъ дворянъ, Шишкинъ, съ которымъ онъ подружился, перебралъ въ долгъ почти все, что у него было. Очень наглядно описываетъ Державинъ костюмъ, въ которомъ онъ, до возвращенія полку прежней формы, щеголялъ передъ глазѣвшими на него Москвичами: онъ носилъ тогда кургузый мундиръ голштинскаго покроя, съ золотыми петлицами, съ камзоломъ и брюками изъ желтаго сукна; на затылкѣ красовалась у него толстая прусская коса, выгнутая дугою, а подлѣ ушей какъ грибы торчали букли, слѣпленные густой сальной помадой.

Государыня, не доѣзжая Москвы, остановилась на нѣсколько дней въ селѣ Петровскомъ гр. Разумовскаго. Державинъ, въ числѣ другихъ солдатъ, наряженныхъ на караулъ, стоялъ здѣсь въ саду на ночномъ пикетѣ; можетъ-быть это-то обстоятельство и послужило поводомъ къ упомянутымъ выше невѣрнымъ слухамъ. Послѣ коронаціи, бывшей 22-го сентября, императрица ча-

сто присутствовала въ сенатѣ, который тогда помѣщался въ кремлевскомъ дворцѣ: когда она проходила туда, Державинъ, стоя на часахъ, имѣлъ случай, наравнѣ съ другими тутъ же бывшими, цѣловать ея руку, «ни мало не помышляя», прибавляетъ онъ, «что будетъ со временемъ ея статсъ-секретарь и сенаторъ». Послѣ коронаціи дворъ оставался въ Москвѣ еще до половины іюня 1763 года. На масляницѣ Державинъ былъ свидѣтелемъ происходившаго на улицахъ народнаго маскарада, памятникомъ котораго осталась небольшая книжка, напечатанная при Московскомъ университетѣ подъ заглавіемъ: «Торжествующая Минерва, общенародное зрѣлище, представленное большимъ маскарадомъ въ Москвѣ» [1].

3. Несбывшаяся мечта. Унтеръ-офицеръ. Отпускъ въ Казань.

Въ Москвѣ Державинъ опять жилъ съ солдатами, горюя, что не могъ заниматься. Услышавъ, что бывшій начальникъ его И. И. Шуваловъ также пріѣхалъ на коронацію и намѣренъ предпринять путешествіе въ чужіе краи, онъ задумалъ воспользоваться этимъ случаемъ, чтобы побывать за границей. Написавъ письмо, въ которомъ просилъ Шувалова взять его съ собой, онъ самъ отправился къ этому вельможѣ и подалъ ему свою просьбу, когда тотъ, сбираясь ѣхать во дворецъ, вышелъ въ прихожую, гдѣ его дожидались многіе просители. Шуваловъ остановился, прочиталъ письмо и велѣлъ притти въ другой разъ за отвѣтомъ. Но дѣло разстроила тетка Державина, двоюродная сестра матери его Фекла Савична Блудова, урожденная Новикова [2]. Какъ женщина стараго вѣка, она видѣла въ путешествіи источникъ ересей и всякаго зла, Шувалова же, какъ человѣка съ европейскимъ образованіемъ, считала опаснымъ *фармазономъ*, однимъ изъ тѣхъ «отступниковъ отъ вѣры, ере-

[1] VI, 436.

[2] Сынъ ея былъ Николай Яковлевичъ Блудовъ, отецъ графа Дмитрія Николаевича. Анекдотъ, разсказанный мнѣ покойнымъ графомъ по поводу упоминаемаго въ текстѣ обстоятельства, см. VI, 437.

тиковъ, богохульниковъ, преданныхъ антихристу, о которыхъ разглашали, что они заочно за нѣсколько тысячъ верстъ непріятелей своихъ умерщвляютъ, и тому подобныя бредни». Фекла Савична энергически воспротивилась намѣренію своего любознательнаго племянника, порученнаго ей сестрою, дала ему страшный нагоняй за дерзкіе замыслы и накрѣпко запретила ходить къ Шувалову, подъ угрозою написать къ матери, если онъ ея не послушаетъ. Скрѣпя сердце, Державинъ долженъ былъ отказаться отъ своей мечты, и не являлся болѣе къ своему покровителю. Въ серединѣ апрѣля [1] Шуваловъ уѣхалъ надолго, и дѣло было непоправимо: отъ Державина ускользнулъ единственный случай, который могъ бы имѣть великое значеніе въ дальнѣйшемъ умственномъ развитіи и во всей судьбѣ его. Послѣ того, обстоятельства уже никогда не позволяли ему думать о возможности посѣтить чужіе края.

Какъ простой солдатъ, Державинъ обязанъ былъ между-прочимъ нерѣдко разносить къ офицерамъ своего полка отданные съ вечера приказы, а такъ какъ эти офицеры стояли въ разныхъ частяхъ Москвы, то ему приходилось иногда прогулять всю ночь. Такія прогулки по пустыннымъ, занесеннымъ снѣгомъ улицамъ были не совсѣмъ безопасны: разъ, проходя на Прѣсню, онъ «потонулъ было въ снѣгу»; на него напали собаки, и чтобы спастись отъ нихъ, онъ долженъ былъ прибѣгнуть къ тесаку. Въ другой разъ съ нимъ былъ довольно забавный случай. Къ 3-й же ротѣ Преображенскаго полка принадлежалъ прапорщикъ князь Ф. А. Козловскій, извѣстный нѣсколькими литературными трудами, умомъ, который обворожилъ Вольтера, и геройскою смертью въ Чесменскомъ бою. Какъ стихотворецъ, онъ нравился Державину по легкости слога и въ то время даже служилъ ему образцомъ. Живя въ Москвѣ у другого знаменитаго въ ту эпоху писателя, В. И. Майкова, Козловскій однажды читалъ

[1] Изъ *Спб. Вѣдомостей* 1763 г. апрѣля 18, № 31, видно, что Шувалову разрѣшенъ былъ отпускъ указомъ 4-го марта того же года. Онъ возвратился не прежде осени 1777, и тогда Державинъ привѣтствовалъ его извѣстной «эпистолой».

ему вслухъ какую-то трагедію, какъ вдругъ чтеніе было прервано приходомъ вѣстового. Отдавъ приказъ, Державинъ изъ любопытства пріостановился въ дверяхъ. «Поди, братецъ, служивый, съ Богомъ», сказалъ ему Козловскій: «что тебѣ здѣсь попусту зѣвать? вѣдь ты ничего не смыслишь». И бѣдный поэтъ долженъ былъ смиренно удалиться. Иному можетъ показаться страннымъ, отчего Державинъ, осмотрѣвшись въ полку, не старался сблизиться съ такими людьми, каковъ былъ, напр., Козловскій; но не имѣя никакихъ особенныхъ правъ на вниманіе, какъ могъ рядовой, хотя бы и изъ дворянъ, навязываться въ знакомство кому бы то ни было изъ своихъ командировъ?

Естественно, что такое унизительное положеніе болѣе и болѣе тяготило Державина, особливо когда многіе, даже младшіе его товарищи прежде него получили унтеръ-офицерскій чинъ, благодаря только протекціи. Такая несправедливость заставила его обратиться къ своему майору, графу Алексѣю Григорьевичу Орлову, съ письмомъ, въ которомъ онъ объяснилъ ему свои права на повышеніе. Просьба эта была уважена, и Державинъ произведенъ въ капралы [1], первый унтеръ-офицерскій чинъ. Вниманіе Орлова никогда не изгладилось изъ памяти поэта, и въ 1796 г. онъ въ пьесѣ *Аѳинейскому витязю* говорилъ:

«Изъ одного благодаренья
По чувству сердца моего
Я пѣснь ему пою простую» [2].

Въ своемъ новомъ чинѣ Державину захотѣлось показаться матери, и онъ отпросился въ годовой отпускъ въ Казань. Въ дорогѣ, на Клязьмѣ, случилась у него крупная ссора съ перевозчиками, которые силой хотѣли принудить его заплатить болѣе условленной платы. Эта ссора чуть не кончилась трагически: онъ уже хотѣлъ было выстрѣлить изъ ружья, но къ счастью, оно осѣклось. Любопытны обстоятельства, которыя онъ по этому поводу разсказываетъ. Отправляясь въ Казань, онъ нашелъ себѣ попутчи-

[1] По запискамъ 28 іюня, а по формулярному списку 15 мая 1763 года.
[2] I, 1766.

ковъ: то были сослуживецъ его Аристовъ (также капралъ) и молодая, прекрасная собой «благородная дѣвица, имѣвшая любовную связь съ бывшимъ директоромъ гимназіи Веревкинымъ», который теперь опять былъ въ Казани[1]. Въ путешествіи, будучи безпрестанно съ нею и обходясь попросту, Державинъ живостью своею и разговорами такъ ей понравился, что товарищъ, сколько ему ни завидовалъ и какія ни дѣлалъ на всякомъ шагу препятствія, не могъ помѣшать «соединенію ихъ пламени». Пріѣхавъ въ Казань, онъ желалъ чаще видѣться съ своей красавицей, но будучи не большого чина и не богатъ, не успѣлъ въ своихъ стараніяхъ найти къ ней доступъ: она жила у Веревкина, подъ одной крышей съ его женою.

По порученію матери Державинъ вскорѣ долженъ былъ ѣхать въ Шацкъ для вывода оттуда небольшого числа крестьянъ, доставшихся ей на седьмую часть отъ перваго ея мужа, Горина. По исполненіи этого и мать и сынъ съѣхались въ оренбургской деревнѣ, гдѣ и прожили остальную часть лѣта. Въ исходѣ сентября мать отправила его, по дѣламъ имѣнія, въ Оренбургъ. На пути туда было съ нимъ опять приключеніе. Пока у коляски его чинили ось, онъ пошелъ къ рѣчкѣ съ ружьемъ, какъ вдругъ наткнулся на стадо кабановъ. Одинъ изъ нихъ бросился на него и разорвалъ ему икру; пуля изъ его ружья предупредила вторичное нападеніе. Державинъ видитъ въ своемъ спасеніи чудесное покровительство Божіе. Недѣль шесть пролежалъ онъ послѣ того въ Оренбургѣ, пользуясь попеченіями тамошняго губернатора, князя Путятина.

4. ТОВАРИЩИ. ПЕРВЫЯ ЛИТЕРАТУРНЫЯ ЗНАКОМСТВА.

По возвращеніи въ Петербургъ, Державинъ получилъ въ казармѣ помѣщеніе уже съ дворянами. Въ матеріальномъ отно-

[1] Державинъ выражается неточно, говоря, что «Веревкинъ былъ возвращенъ на прежнее свое мѣсто»: послѣ умершаго вскорѣ преемника его, Савича, директоромъ гимназіи 19-го декабря 1763 года назначенъ былъ надворный совѣтн. Кожинъ, остававшійся въ этой должности лишь нѣсколько мѣсяцевъ: уже въ 1765 году его замѣнилъ Канщъ. Веревкинъ дѣйствительно возвращенъ былъ въ Казань, но только товарищемъ губернатора.

шеніи бытъ его нѣсколько улучшился, но безпрестанное сообщество съ молодыми людьми, которые страстно предавались карточной игрѣ и всякаго рода разгулу, привели его на край пропасти. Между тѣмъ однакожъ въ немъ жило какъ будто предчувствіе, что талантъ выведетъ его въ люди. Продолжая писать стихи, онъ началъ изрѣдка показывать ихъ своимъ сослуживцамъ. Стансы солдатской дочери Наташѣ доставили ему похвалу всѣхъ товарищей и пріязнь братьевъ Неклюдовыхъ, изъ которыхъ одинъ былъ унтеръ-офицеромъ, а другой сержантомъ. Напротивъ, сатирическими и непристойными стихами на счетъ одного капрала, жену котораго любилъ полковой секретарь, онъ надѣлалъ себѣ хлопотъ. Когда-то Державинъ нарисовалъ этому секретарю перомъ гербовую печать его и за то попалъ къ нему въ милость, чтó было очень важно, потому что тотъ былъ въ великой силѣ у подполковника, гр. Бутурлина; теперь же онъ изъ покровителя сдѣлался врагомъ Державина. Стихи, гдѣ онъ былъ осмѣянъ, разгласились неожиданнымъ образомъ. Одинъ изъ офицеровъ, нося ихъ въ карманѣ, подалъ ихъ вмѣсто приказа гренадерскому капитану, а тотъ разсказалъ этотъ анекдотъ своимъ товарищамъ. Обиженный полковой секретарь сталъ гнать молодого стихотворца и всегда вычеркивалъ его имя изъ ротнаго списка, подававшагося къ производству въ чины. Такимъ образомъ Державинъ пробылъ четыре года въ капралахъ.

Къ числу знакомыхъ, которыхъ онъ посѣщалъ въ эту эпоху, принадлежалъ (какъ мы знаемъ изъ записокъ Дмитріева) уроженецъ Казани Осокинъ, отецъ котораго имѣлъ тамъ суконную фабрику. Молодой Осокинъ, впослѣдствіи самъ издавшій книгу по части сельскаго хозяйства[1], любилъ литературу, писалъ стихи и былъ знакомъ съ нѣкоторыми изъ тогдашнихъ писателей: онъ задавалъ имъ иногда пирушки, на которыя приглашалъ и Державина, какъ земляка своего. Тутъ дочь Кондратовича играла на гусляхъ и была душою бесѣды; тутъ же поэтъ увидѣлъ и

[1] «Примѣчанія для приведенія въ лучшую доброту разныхъ россійскихъ шерстей» и проч., соч. Ивана Осокина. Спб. 1791. См. Смирд. Роспись, № 5062.

Тредьяковскаго. Встрѣчи съ современными литераторами должны были поддерживать въ немъ охоту къ авторству.

Въ концѣ 1766 года полковымъ секретаремъ назначенъ былъ Петръ Васильевичъ Неклюдовъ, одинъ изъ названныхъ выше братьевъ, хорошо расположенныхъ къ Державину. Съ этихъ поръ служба его стала принимать болѣе благопріятный оборотъ. Императрица вознамѣрилась ѣхать въ Москву для открытія коммиссіи о составленіи проекта новаго уложенія. Державинъ назначенъ въ фурьеры [1] и командированъ, при подпоручикѣ Лутовиновѣ, на ямскую подставу для надзора за исправнымъ приготовленіемъ лошадей къ проѣзду двора. Этотъ Лутовиновъ посланъ былъ въ Яжелбицы, а старшій братъ его въ Зимогорье. Оба, картежники и кутилы, проводили почти все свое время, съ ноября 1766 до конца марта слѣдующаго года, въ близлежащемъ Валдаѣ, этомъ, по словамъ Державина, «извѣстномъ по распутству селѣ». Тамъ они иногда цѣлыя ночи на пролетъ просиживали въ кабакѣ; тамъ и ему зачастую приходилось быть съ ними, но, говоритъ онъ, никакими принужденіями они не могли ни разу заставить его напиться пьянымъ, такъ какъ онъ и вообще вовсе не пилъ не только вина, но даже ни пива, ни меду. Въ обществѣ этихъ двухъ офицеровъ онъ научился только играть въ карты. Въ то же время однакожъ онъ не оставлялъ и стихотворства, и написалъ въ первый разъ правильные шестистопные ямбы, на проѣздъ императрицы. Кабинетъ-министръ Ад. Вас. Олсуфьевъ, проѣзжая здѣсь вслѣдъ за дворомъ, велѣлъ всѣмъ гвардейскимъ командамъ отправляться также въ Москву. Лутовиновы, а за ними, разумѣется, и Державинъ, опрометью поскакали туда; въ селѣ Подсолнечномъ, гдѣ не случилось лошадей, братья подняли страшный шумъ, начали буянить и чуть было не вступили въ кровавую драку съ стоявшею здѣсь другою командой; Державинъ приписываетъ себѣ отклоненіе этого «вздорнаго междоусобія». Но старшему Лутовинову, который кромѣ того не платилъ ямщикамъ прогоновъ, все это не прошло даромъ: по жалобѣ, принесенной Олсуфьеву при его

[1] 22 сент. 1766 г. Отъѣздъ государыни послѣдовалъ 7-го февраля 1767 года (См. *Сборн. Ист. Общ.* X, 170).

проѣздѣ, этотъ офицеръ былъ разжалованъ за свои безчинства. Меньшой братъ, по словамъ Державина, избѣгъ подобной участи только тѣмъ, что поручилъ ему и деньги свои, и плату прогоновъ.

5. Вторичный отпускъ. Жизнь въ Москвѣ. Серебряковъ.

Между тѣмъ еще въ самомъ началѣ 1767 года, то-есть черезъ три съ половиною мѣсяца послѣ назначенія въ фурьеры, Державинъ былъ произведенъ въ каптенармусы; когда же, въ началѣ весны, гвардіи приказано было возвратиться въ Петербургъ, то онъ опять отпросился въ отпускъ въ Казань, куда около того же времени[1] и императрица отправилась по Волгѣ съ блестящею свитой. Какъ на это историческое плаваніе, такъ и на маскарадъ, данный государынѣ въ Казани, Державинъ написалъ стихи[2], которые впослѣдствіи были напечатаны въ *С.-Петербургскомъ Вѣстникѣ.* Изъ Казани онъ, вмѣстѣ съ матерью и меньшимъ братомъ Андреемъ[3], поѣхалъ въ Оренбургскую губернію и прожилъ тамъ до глубокой осени. Возвращаясь изъ отпуска, онъ взялъ съ собою и брата своего, котораго потомъ изъ Москвы отправилъ въ Петербуръ и записалъ также въ Преображенскій полкъ. Самъ же онъ остановился въ Москвѣ для покупки, по порученію матери, имѣнія на Вяткѣ, получилъ отсрочку на два мѣсяца и не возвращался въ Петербургъ болѣе двухъ лѣтъ. Какъ это возможно было при его службѣ въ Преображенскомъ полку, будетъ сейчасъ объяснено.

Въ Москвѣ жилъ онъ на этотъ разъ у своего троюроднаго брата Ивана Яковлевича Блудова, въ собственномъ его домѣ за Арбатскими воротами на Поварской. Въ томъ же домѣ жилъ

[1] 28-го апрѣля 1767 года.

[2] III, 239.

[3] Еще гимназистомъ, по разсказу Державина; но невѣроятно, чтобы этотъ юноша, бывшій только годомъ моложе своего брата и вмѣстѣ съ нимъ отданный въ гимназію, такъ долго оставался въ ней: не относится ли это обстоятельство къ первой, выше описанной поѣздкѣ поэта? Впослѣдствіи онъ могъ легко смѣшать эпохи, что́ дѣйствительно встрѣчается у него и въ другихъ случаяхъ.

еще и другой братъ Блудова, поручикъ Сергѣй Тимофеевичъ Максимовъ, и общество этихъ обоихъ родственниковъ завлекло Державина еще болѣе прежняго въ карточную игру, сперва въ маленькую, а потомъ и въ большую, такъ что онъ вскорѣ проигралъ деньги, полученныя отъ матери на покупку имѣнія. Забывъ о срокѣ своего отпуска, онъ хотѣлъ отыграться; когда же это не удалось, то, занявъ денегъ у Блудова, купилъ на свое имя деревню и заложилъ ему какъ это имѣніе, такъ и материнское, хотя и не имѣлъ на то права. «Попавъ въ такую бѣду, ѣздилъ», говоритъ Державинъ, «съ отчаянія день и ночь по трактирамъ искать игры. Спознакомился съ игроками, или, лучше, съ прикрытыми благопристойными поступками и одеждою разбойниками; у нихъ научился заговорамъ, какъ новичковъ заводить въ игру, подборамъ картъ, поддѣлкамъ и всякимъ игрецкимъ мошенничествамъ». Словомъ, нашъ поэтъ сдѣлался отъявленнымъ шулеромъ. Въ запискахъ его прибавлено, что къ счастью, «никакой выигрышъ не служилъ ему въ прокъ, и потому онъ не могъ сердечно прилѣпиться къ игрѣ, а игралъ по нуждѣ. Когда же не на что было не только играть, но и жить, то, запершись дома, ѣлъ хлѣбъ съ водою и маралъ стихи при слабомъ иногда свѣтѣ полушечной сальной свѣчки или при сіяніи солнечномъ сквозь щелки затворенныхъ ставней». Такой образъ жизни и уже полугодовая просрочка отпуска могли дорого обойтись Державину. Но покровительствовавшій ему полковой секретарь Неклюдовъ рѣшился спасти молодого человѣка, и безъ всякой со стороны его просьбы велѣлъ причислить его къ московской командѣ. Тогда Державинъ былъ уже сержантомъ. Въ теченіе того же 1768 года былъ онъ короткое время однимъ изъ секретарей («сочинителемъ») депутатской законодательной комиссіи и ѣздилъ опять, по вызову матери, въ Казань.

Оставшись въ Москвѣ и послѣ этого отпуска, Державинъ продолжалъ вести прежній образъ жизни, и въ слѣдствіе того съ нимъ было нѣсколько не совсѣмъ пріятныхъ случаевъ. Такъ однажды, когда онъ въ каретѣ четверкой возвращался изъ Вотчинной коллегіи, куда ѣздилъ по своимъ дѣламъ, его окружили при звукахъ трещетокъ будочники, и взявъ лошадей подъ уздцы,

повезли чрезъ всю Москву въ полицію. Сутки просидѣлъ онъ съ другими арестантами въ караулѣ. На слѣдующее утро повели его въ судейскую и хотѣли заставить жениться на дочери приходскаго дьякона, которая хаживала къ Блудову и Максимову. Дѣло объ этомъ, начатое ея родителями, тянулось съ недѣлю; но такъ какъ ничѣмъ нельзя было доказать его связи съ этою дѣвушкой, то наконецъ и должны были его выпустить. Въ другой разъ одинъ изъ трактирныхъ его пріятелей, оскорбленный откровеннымъ предостереженіемъ Державина насчетъ поведенія своей жены, захотѣлъ угостить его бастоннадою и зазвалъ къ себѣ. Державинъ нашелъ у него за ширмами трехъ постороннихъ людей; одинъ изъ нихъ лежалъ на постели, и Державинъ, узнавъ въ немъ офицера, который однажды въ его присутствіи проигрался на бильярдѣ, тотчасъ напомнилъ ему объ этомъ. Между тѣмъ хозяинъ вступилъ съ Державинымъ въ разговоръ, и всячески стараясь вывести его изъ терпѣнія, началъ уже дѣлать троимъ пріятелямъ знаки, чтобъ они принялись за дѣло. Но лежавшій на постелѣ здоровенный, приземистый малый, имѣвшій подлѣ себя арясину, сказалъ совершенно неожиданно хозяину: «Нѣтъ братъ, онъ правъ, а ты виноватъ, и ежели кто изъ васъ тронетъ его волосомъ, то я вступлюсь за него и переломаю вамъ руки и ноги». Хозяинъ и остальные два пріятеля, говоритъ Державинъ, удивились и онѣмѣли. Этотъ защитникъ былъ землемѣръ, недавно пріѣхавшій изъ Саратова, поручикъ Петръ Алексѣевичъ Гасвицкій. Начавшаяся такимъ образомъ между ними дружба продолжалась во всю жизнь Державина: свидѣтельствомъ ея остается его переписка съ Гасвицкимъ [1].

У Максимова Державинъ встрѣчалъ бывшаго монастырскаго слугу, экономическаго крестьянина Ивана Серебрякова, изъ села Малыковки (нынѣшн. города Вольска), близъ котораго было имѣніе Максимова. Этотъ Серебряковъ будетъ впослѣдствіи часто встрѣчаться намъ при изложеніи дѣятельности Державина во время Пугачевщины. Поводъ, по которому онъ былъ вытребованъ

[1] V и VI. Подлинная переписка была мнѣ доставлена покойнымъ К. К. Фойхтомъ.

въ Москву, заключался въ томъ, что онъ подавалъ императору Петру III проектъ заселенія береговъ рѣки Иргиза выходящими изъ Польши раскольниками; проектъ былъ утвержденъ, но при исполненіи его происходили разныя злоупотребленія, и на Иргизъ принимались всякаго рода люди, никогда не бывавшіе въ Польшѣ. Во время слѣдствія по этому дѣлу Серебряковъ содержался въ Сыскномъ приказѣ. Съ нимъ вмѣстѣ сидѣлъ атаманъ Запорожцевъ Черняй. Извѣстно, что подъ предводительствомъ Черняя и Желѣзняка эти казаки, опустошивъ польскую Украину, разорили турецкую слободу Балту и тѣмъ подали поводъ къ первой при Екатеринѣ II войнѣ съ Турціей. Переловленные въ слѣдствіе того Запорожцы, въ томъ числѣ и Желѣзнякъ, отправлены были въ Сибирь; Черняй же, подъ предлогомъ болѣзни, остался въ Москвѣ, и тюрьма свела его съ Серебряковымъ. По разсказамъ Черняя, награбленныя Запорожцами богатства были зарыты въ землю, жемчугъ же и червонцы спрятаны въ пушки. Серебряковъ передалъ это Максимову, и они вмѣстѣ стали придумывать, какъ бы добыть эти сокровища; а такъ какъ безъ помощниковъ нельзя было выполнить такого плана, то Максимовъ склонилъ на свою сторону нѣсколькихъ сенатскихъ чиновниковъ и другихъ лицъ [1]. Прежде всего надо было выпустить на волю Черняя и Серебрякова. Для освобожденія перваго воспользовались закономъ, которымъ разрѣшалось посылать колодниковъ, по требованіямъ ихъ заимодавцевъ, въ магистратъ, а изъ магистрата позволено было отпускать ихъ подъ присмотромъ для разныхъ надобностей. На имя Черняя составленъ былъ подложный вексель, съ помощію котораго и удалось доставить ему свободу. Серебряковъ же былъ отданъ Максимову на поруки. Всѣ эти обстоятельства нужно намъ будетъ имѣть въ виду при разсказѣ о дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ Серебрякова. Мимоходомъ замѣтимъ, что исторіею Желѣзняка и Черняя Державинъ воспользовался въ своей комедіи *Дурочка умнѣе умныхъ*, въ которой являются два лица подъ этими самыми именами [2].

[1] Образъ мыслей Максимова виденъ изъ письма его къ Державину, отъ 23-го янв. 1774 г. (V, 8).

[2] IV, 513.

Разсказывая о разныхъ подобныхъ исторіяхъ, случившихся съ нимъ въ Москвѣ, Державинъ не упомянулъ еще объ одной непріятности, которую навлекъ на себя несчастною игрою въ карты. Въ концѣ 1769 года мать прапорщика Д. И. Дмитріева[1] подала въ полицію жалобу, что Державинъ и Максимовъ, обыгравъ ея сына, взяли съ него вексель въ 300 руб. на имя одного купца, а потомъ выпросили у него купчую въ 500 рублей на пензинское имѣніе его отца. Въ слѣдствіе этой жалобы, въ полицію призывали для допроса какъ Дмитріева, такъ и обвиняемыхъ, и еще двухъ свидѣтелей. Дмитріевъ показалъ, что, познакомившись съ Державинымъ въ іюлѣ 1769 года, онъ нѣсколько разъ игралъ съ нимъ въ банкъ Фаро на кредитъ (у нихъ наличныхъ денегъ не было) при Максимовѣ, и подтвердилъ заявленіе матери. Напротивъ, Державинъ и Максимовъ отреклись отъ всякой игры съ Дмитріевымъ, а насчетъ векселя и купчей объяснили, что эти документы имѣли совершенно другое, вполнѣ законное происхожденіе. Дѣло это поступило было въ Юстицъ-коллегію, но за отсутствіемъ прикосновенныхъ лицъ остановилось, и наконецъ, въ 1782 году, за давностію лѣтъ производство его прекращено[2].

Таковы были люди и обстоятельства, посреди которыхъ Державину пришлось жить въ Москвѣ. Насталъ уже 1770 годъ. Тогда наконецъ глубокое нравственное униженіе, до котораго они довели его, сдѣлалось ему невыносимымъ; совѣсть пробудилась въ немъ и онъ рѣшился насильно вырваться изъ окружавшей его среды, а для этого единственнымъ средствомъ было оставить Москву. Но чтобы найти въ себѣ довольно силы къ тому, онъ долженъ былъ долго бороться съ собой, какъ самъ говоритъ въ написанной имъ передъ отъѣздомъ въ Петербургъ пьесѣ *Раскаянье*, въ которой онъ, сравнивая Москву то съ Вавилономъ, то съ магнитной горой, сознается, что она неодолимою силой влечетъ его къ себѣ, и между-прочимъ такъ выражается:

[1] Вовсе не родственника часто упоминаемому здѣсь извѣстному писателю Ивану Ивановичу Дмитріеву.

[2] Изъ подлиннаго дѣла, доставленнаго мнѣ въ копіи Г. В. Есиповымъ (VI, 450).

«Повѣса, мотъ, буянъ, картежникъ очутился
И, вмѣсто чтобъ талантъ мой въ пользу обратилъ,
Порочной жизнію его я погубилъ»...

Впрочемъ, Державинъ и въ Москвѣ не оставлялъ вполнѣ стихотворства: извѣстны между-прочимъ двѣ эпиграммы, написанныя имъ здѣсь. Мы обратимъ на нихъ вниманіе, когда будетъ рѣчь о его литературной дѣятельности за это время.

6. ВОЗВРАЩЕНІЕ ВЪ ПЕТЕРБУРГЪ. ПРОИЗВОДСТВО ВЪ ПРАПОРЩИКИ.

Въ мартѣ 1770 г., когда въ Москвѣ уже начиналась моровая язва, Державинъ окончательно собрался въ Петербургъ. Занявъ 50 руб. у пріятеля своей матери, онъ опрометью бросился въ сани и поскакалъ. Въ Твери его чуть было не удержалъ одинъ изъ прежнихъ друзей его, но онъ, поплатясь всѣми остальными своими деньгами, успѣлъ таки наконецъ выбраться оттуда. Ѣхавшій изъ Астрахани садовый ученикъ, который везъ ко двору виноградныя лозы, ссудилъ его 50 р., но и эти деньги онъ въ новгородскомъ трактирѣ проигралъ почти всѣ: у него оставалось едва столько, сколько нужно было на проѣздъ, да крестовикъ, полученный отъ матери, который онъ сохранилъ до конца жизни. Подъѣзжая къ Петербургу, онъ наткнулся въ Тоснѣ на карантинную заставу, гдѣ ему объявили, что надо будетъ просидѣть здѣсь двѣ недѣли. Это показалось нетерпѣливому сержанту цѣлымъ вѣкомъ, да и чѣмъ было ему жить столько времени? Онъ сталъ упрашивать карантиннаго начальника не задерживать его, представляя, что у него, какъ у человѣка небогатаго, почти нѣтъ и платья, которое бы нужно было окуривать и провѣтривать. Ему указали на бывшій при немъ сундукъ съ бумагами, большую часть которыхъ составляли его юношескіе опыты въ стихотворствѣ, накопившіеся въ теченіе многихъ лѣтъ, начиная со времени его воспитанія въ Казанской гимназіи. Чтобы уничтожить это препятствіе, Державинъ не задумываясь употребилъ самое простое средство: въ присутствіи караульныхъ сжегъ сундукъ со всѣмъ, что въ немъ было. Мы увидимъ одна-

кожъ впослѣдствіи, что не всѣ ранніе опыты его были такимъ образомъ уничтожены.

Возвратясь въ Петербургъ, Державинъ засталъ своего брата Андрея уже капраломъ, но больнымъ въ чахоткѣ, почему и отправилъ его въ Казань; тамъ бѣдный молодой человѣкъ, несмотря на нѣжныя попеченія матери, прожилъ только до осени и умеръ 25-ти лѣтъ отъ роду. Издержавъ въ дорогѣ послѣднія свои деньги (кромѣ завѣтнаго рубля), Державинъ принужденъ былъ занять 80 р. у своего сослуживца, земляка и стараго товарища по гимназіи, Киселева. На эту сумму выигралъ онъ еще сотни двѣ рублей у подпоручика Протасова, съ которымъ сблизился въ Москвѣ и который впослѣдствіи былъ кавалеромъ при великомъ князѣ Александрѣ Павловичѣ. Державинъ въ это время часто видѣлся съ этимъ офицеромъ; они составляли кружокъ съ Петромъ Васильевичемъ Неклюдовымъ и Александромъ Васильевичемъ Толстымъ, капитаномъ 10-й роты, въ которой тогда находился и Державинъ. Послѣдній часто оказывалъ имъ услуги перомъ своимъ: онъ писалъ для нихъ то дѣловыя бумаги, то письма, между прочимъ и любовныя для Неклюдова. Сверхъ того онъ имъ угождалъ и искуствомъ своимъ срисовывать перомъ гравюры лучшихъ художниковъ. Къ этому-то времени, вѣроятно, относится и копія, сдѣланная Державинымъ съ гравированнаго портрета Елисаветы Петровны, работа, которую Дмитріевъ, едва ли вѣрно, относитъ къ гимназическимъ годамъ поэта. По словамъ Державина, «честные и почтенные люди» очень полюбили его и, кажется, имѣли на него хорошее вліяніе. Они же вскорѣ помогли ему получить первый офицерскій чинъ. Вотъ какъ это было.

Въ 1771 г. Державинъ переведенъ былъ въ 16-ую роту и сдѣланъ фельдфебелемъ. Эту должность исполнялъ онъ такъ усердно и исправно, что когда назначено было итти въ лагерь подъ Красный Кабачекъ, то капитанъ роты Корсаковъ, вовсе не зная службы, какъ и большая часть тогдашнихъ офицеровъ, возложилъ всю свою надежду на Державина. Но такъ какъ и онъ еще не былъ знакомъ съ порядкомъ вступленія въ лагерь, а между тѣмъ не хотѣлъ ударить лицомъ въ грязь, то и сталъ

учиться у солдатъ, недавно переведенныхъ въ гвардію изъ армейскихъ полковъ: каждый день, вставая на зарѣ, онъ собиралъ роту и, разставя колья, назначалъ лагерныя улицы и входы, и вводилъ въ нихъ людей. Во время лагеря Державинъ снискалъ въ такой степени довѣріе всѣхъ офицеровъ и унтеръ-офицеровъ, что они избрали его въ хозяева и поручили ему общую свою кассу. Къ новому году собраніе ротныхъ командировъ и прочихъ офицеровъ (которое въ то время подавало мнѣніе о производствахъ изъ унтеръ-офицеровъ) нашло фельдфебеля достойнымъ повышенія въ прапорщики. Но этому старался помѣшать полковой адъютантъ Желтухинъ (впослѣдствіи вятскій губернаторъ), который хотѣлъ дать ходъ своему брату и легко могъ успѣть въ томъ, пользуясь большимъ вліяніемъ на майора Маслова. Желтухинъ сталъ гнать Державина, чтобы представить его неисправнымъ, и однажды поставилъ его подъ ружье за то, что онъ пришелъ за приказомъ минутою позже пріѣзда адъютанта на полковой дворъ. По наговорамъ Желтухина, майоръ дѣйствительно рѣшилъ: Державина, за бѣдностію, въ офицеры гвардіи не производить, а выпустить въ армейскіе офицеры. Но названные выше Неклюдовъ, Протасовъ и Толстой объявили положительно, что если Державинъ «не аттестуется», то они никого другого аттестовать не могутъ. Это подѣйствовало: 1-го января 1772 г. онъ произведенъ въ прапорщики той же 16-ой роты, въ которой служилъ фельдфебелемъ. Такимъ образомъ, двадцати восьми лѣтъ отроду Державинъ наконецъ офицеръ! «Бѣдность», говоритъ онъ, «была для него въ самомъ дѣлѣ великимъ препятствіемъ носить званіе гвардейскаго офицера съ приличіемъ: особливо такъ какъ тогда болѣе даже нежели нынѣ блескъ богатства и знатность предпочитались скромнымъ достоинствамъ и ревности къ службѣ». Къ счастію, онъ могъ получить изъ полка въ ссуду, съ вычетомъ изъ жалованья, сукно, позументъ и другія вещи. Продавъ сержантскій мундиръ и занявъ небольшую сумму, онъ купилъ англійскіе сапоги и старенькую карету, послѣднюю въ долгъ, и такимъ образомъ кое-какъ обзавелся всѣмъ нужнымъ. Мы видимъ изъ этого, какъ тогда дѣйствительно распространена была роскошь между гвардейскою молодежью, а это указываетъ

на общую въ то время черту нравовъ русскаго дворянства: только что произведенному офицеру понадобилась карета. Жилъ онъ тогда на Литейной (гдѣ были и Преображенскія казармы) «въ маленькихъ деревянныхъ покойчикахъ, хотя бѣдно, однакожъ порядочно, устраняясь отъ всякаго развратнаго сообщества». Замѣчательна причина, которою онъ объясняетъ послѣднее обстоятельство: «ибо» прибавляетъ онъ, «имѣлъ любовную связь съ одною хорошихъ нравовъ и благороднаго поведенія дамою. Какъ былъ очень къ ней привязанъ, а она не отпускала его отъ себя уклоняться въ дурное знакомство, то и исправилъ онъ по малу свое поведеніе». Не менѣе характеристично и его замѣчаніе, что онъ въ это время игралъ въ карты уже не по страсти, а благоразумно и умѣренно—«по необходимости, для прожитку». Самымъ короткимъ изъ тогдашнихъ пріятелей его, между офицерами, былъ поручикъ Алексѣй Николаевичъ Масловъ, человѣкъ довольно умный и начитанный, особливо во французской литературѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ вѣтреный и безпутный: за дружбу съ нимъ Державинъ впослѣдствіи дорого поплатился, неосторожно поручившись за него по банковому долгу въ значительной суммѣ. Изъ-за этого онъ не разъ попадалъ въ большія затрудненія. Кончилось однакожъ тѣмъ, что онъ, впослѣдствіи заплативъ за Маслова въ банкъ болѣе 7,000 р., выигралъ дѣло противъ отца его, неправильно заложившаго сыновнее имѣніе, и купилъ съ публичнаго торга изъ этого имѣнія 300 душъ въ Рязанской губерніи *.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

ПУГАЧЕВЩИНА. ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ ВЪ КАЗАНИ.

(1773—1774.)

1. БИБИКОВЪ. ПОСТУПЛЕНІЕ ВЪ СЕКРЕТНУЮ КОМИССІЮ.

Грозная общественная буря, глубоко потрясшая всѣ слои населенія обширной части Русскаго государства, вовлекла въ вызванную ею борьбу и нашего въ то время тридцатилѣтняго поэта. Обогативъ его многостороннимъ опытомъ и плодотворнымъ непосредственнымъ знакомствомъ съ русскимъ народомъ и Россіей, эта тревожная эпоха окончательно вывела его изъ прежняго скромнаго положенія, изъ темной неизвѣстности, и проложила ему путь къ первымъ успѣхамъ въ службѣ и литературѣ.

Въ исходѣ сентября 1773 года въ Петербургѣ праздновалось бракосочетаніе великаго князя Павла Петровича съ Дармштадтскою принцессой Наталіей Алексѣевной. Въ то самое время при дворѣ начались смутные толки о волненіяхъ на юго-востокѣ Россіи и о виновникѣ ихъ, Пугачевѣ. 15-го сентября комендантъ Яицкаго городка (нынѣ Уральска) Симоновъ писалъ, что этотъ Донской казакъ скитается въ степи по направленію къ сызранской дорогѣ. Затѣмъ стали приходить извѣстія о быстромъ возрастаніи его толпы и взятіи имъ, одной за другою, крѣпостей по рѣкѣ Яику, почти до Оренбурга. 5-го октября наконецъ онъ сталъ подъ самымъ этимъ городомъ, и съ тѣхъ поръ цѣлые полгода осаждалъ его. Со вступленія на престолъ Екатерины II являлось въ разныхъ мѣстахъ уже нѣсколько обманщиковъ, выдававшихъ себя за Петра III, но ни одинъ изъ нихъ не имѣлъ успѣха; къ Пугачеву же толпами приставали недовольные Яицкіе казаки, между которыми, въ слѣдствіе злоупотребленій мѣстнаго начальства, давно уже происходили безпорядки. Посланный противъ са-

мозванца въ октябрѣ мѣсяцѣ генералъ Каръ, при недостаточности бывшихъ въ распоряженіи его силъ, не могъ ничего сдѣлать, сбирался въ Петербургъ для объясненія съ Военной коллегіей и кончилъ тѣмъ, что подъ предлогомъ болѣзни позорно уѣхалъ въ Москву[1]. Императрица въ негодованіи поспѣшила уволить Кара отъ службы и на мѣсто его избрала генералъ-аншефа Бибикова*.

Окончивъ съ блестящимъ успѣхомъ усмиреніе польскихъ конфедератовъ, Бибиковъ (какъ онъ думалъ, въ слѣдствіе чьей-то интриги, можетъ-быть гр. З. Г. Чернышева, президента Военной коллегіи), получилъ было повелѣніе отправиться въ турецкую армію подъ начальство нерасположеннаго къ нему Румянцова, и такимъ образомъ изъ главнокомандующаго долженъ былъ сдѣлаться корпуснымъ генераломъ. Онъ однакожъ безропотно принялъ это назначеніе, собирался въ Молдавію и только выпросилъ позволеніе пріѣхать передъ тѣмъ на короткое время въ Петербургъ. Здѣсь онъ и находился, когда императрица увидѣла въ немъ надобность для усмиренія Пугачева. Державинъ, со словъ сына Бибикова[2], разсказываетъ, что она объявила Александру Ильичу новое назначеніе, подойдя къ нему съ особенною привѣтливостью, на придворномъ балѣ, и что Бибиковъ смѣло отвѣчалъ государынѣ словами народной пѣсни:

Сарафанъ ли мой, дорогой сарафанъ!
Вездѣ ты, сарафанъ пригожаешься,
А не надо, сарафанъ, и подъ лавкой лежишь.

29-го ноября ему дана была подробная инструкція въ рескриптѣ, писанномъ самою государыней. Съ званіемъ главнокомандующаго ему были предоставлены самыя обширныя полномочія, и въ распоряженіе его отданы въ неспокойныхъ мѣстностяхъ всѣ духовныя, военныя и гражданскія власти. Онъ долженъ былъ на первый случай ѣхать прямо въ Казань и дождать-

[1] См. мои *Матеріалы для ист. Пуг. бунта* въ *Зап. Ак. наукъ*, т. I, прил. № 4, и статью Д. Г. Анучина въ *Воен. Сборн.* 1869 г., т. LXVII; также *Русск. Родосл. книгу*, II, 30.

[2] *Записки о жизни и службѣ А. И. Бибикова.* Спб. 1817. Стр. 241.

ся тамъ войскъ, отправляемыхъ Военной коллегіей, а между тѣмъ ознакомиться на мѣстахъ съ положеніемъ дѣлъ и, созвавъ казанское дворянство, стараться возбудить его къ патріотическимъ пожертвованіямъ и подвигамъ. Для вразумленія народа ему данъ былъ особый печатный манифестъ съ повелѣніемъ распространять его «между толпами бунтовщиковъ и въ ихъ окрестностяхъ» [1].

Не даромъ Екатерина въ своемъ рескриптѣ назвала Бибикова «истиннымъ патріотомъ». Въ тогдашнемъ русскомъ обществѣ мало было людей съ такимъ пониманіемъ своихъ обязанностей, съ такимъ высокимъ образованіемъ и благороднымъ образомъ мыслей. Не любя внѣшняго блеска, ненавидя лесть, онъ дорожилъ однимъ существеннымъ и всегда служилъ дѣлу, а не лицамъ. Екатерина II, хотя по разнымъ причинамъ и не особенно благоволила къ нему, однакожъ въ опасныхъ случаяхъ умѣла имъ пользоваться. Такъ на другой годъ послѣ своего воцаренія она послала его въ Казань для усмиренія бунта крестьянъ на уральскихъ заводахъ (такъ называемой Дубинщины), и онъ при этомъ дѣйствовалъ съ такимъ благоразуміемъ, человѣколюбіемъ и знаніемъ народа, что достигъ цѣли безъ кровопролитія: тысячи виновныхъ были пощажены, и только двадцать человѣкъ зачинщиковъ сосланы. Конечно воспоминаніе о тогдашнихъ его распоряженіяхъ имѣло вліяніе на императрицу въ новомъ ея выборѣ. При учрежденіи въ Москвѣ комиссіи для сочиненія проекта новаго уложенія, Бибиковъ, избранный сначала депутатомъ отъ костромскаго дворянства, былъ назначенъ императрицею, изъ числа трехъ кандидатовъ, маршаломъ собранія. Какъ военачальникъ, Бибиковъ, дѣйствуя въ Польшѣ противъ конфедератовъ, успѣлъ обратить на себя вниманіе перваго полководца того вре-

[1] Рескриптъ на имя Бибикова, вмѣстѣ съ другими бумагами, касающимися дѣятельности его и Кара во время Пугачевщины, въ первый разъ былъ напечатанъ мною въ *Запискахъ Академіи наукъ*, т. I, прилож. № 4, и отдѣльною брошюрой.—Особый же манифестъ, данный главнокомандующему для распространенія въ народѣ, можно найти въ *П. С. З.*, въ *Запискахъ Бибикова* и въ *Исторіи Пугачевскаго бунта*, Пушкина. Онъ начинается словами: «Нѣтъ, да и не можетъ быть въ свѣтѣ общества» и т. д.

мени, Фридриха II, который собственноручнымъ письмомъ звалъ его къ себѣ. Но въ жизни Бибикова есть черты, ставящія его еще выше какъ человѣка. Такъ, не слѣдуя примѣру своего бывшаго начальника Румянцова, который въ семилѣтнюю войну не отдавалъ ему должной справедливости, Бибиковъ въ польскую кампанію особенно отличалъ своего подчиненнаго Суворова и испросилъ ему награду (орденъ Александра-Невскаго), которой самъ еще не имѣлъ [1]. Замѣчательно, что Бибиковъ, какъ и гр. Панинъ не одобрялъ раздѣла Польши. Посреди своей политической дѣятельности онъ занимался и литературою. Владѣя языкомъ лучше большей части современныхъ ему русскихъ вельможъ (какъ доказываютъ его письма), Бибиковъ между прочимъ перевелъ знаменитую въ свое время поэму Фридриха II о военномъ искуствѣ [2]. Здѣсь не мѣсто останавливаться на другихъ его заслугахъ и обстоятельствахъ его жизни. Замѣтимъ только, что о любви Бибикова къ просвѣщенію свидѣтельствуетъ также школа для унтеръ-офицеровъ изъ дворянъ, учрежденная имъ при Измайловскомъ полку, къ которому онъ самъ принадлежалъ. Въ характерѣ его были два не легко совмѣстимыя качества: мучительная заботливость, не дававшая ему покоя, и рядомъ съ нею веселость, шутка, соединенныя съ хладнокровіемъ, позволявшимъ ему всегда владѣть собою. Таковъ былъ человѣкъ, который на 45-мъ году жизни (онъ былъ ровесникъ Екатерины) долженъ былъ начать борьбу съ дерзкимъ бродягой, угрожавшимъ спокойствію всего государства.

При назначеніи Бибикова главнокомандующимъ, ему между-прочимъ поручены были и слѣдственныя дѣла о сообщ-

[1] О благоразуміи и благородномъ образѣ мыслей Бибикова убѣдительно свидѣтельствуетъ письмо, писанное имъ изъ Варшавы къ графу Никитѣ Ивановичу Панину. См. П. И. Бартенева *Біографію гр. А. И. Моркова*, въ *Русск. Бесѣдѣ* 1857 г., № 4.

[2] Чтó сдѣлано было около того же времени извѣстнымъ Василіемъ Майковымъ въ стихахъ и гораздо позже (1817) какимъ-то Вороновымъ въ прозѣ.—Сопровождая императрицу въ ея знаменитомъ путешествіи по Волгѣ, Бибиковъ участвовалъ въ переводѣ *Велисарія*.

никахъ Пугачева; для этого къ нему командированы капитанъ Лунинъ, служившій при немъ еще въ Польшѣ, и два офицера гвардіи по собственному его выбору. Они должны были, подъ его предсѣдательствомъ, составить въ Казани слѣдственную комиссію (подъ именемъ секретной) и исполнять его порученія. Слухъ объ этомъ пробудилъ честолюбіе Державина, который давно тяготился однообразіемъ вседневной строевой службы и не могъ надѣяться участвовать въ походѣ, такъ какъ гвардіи тогда на войну не посылали, а чтобы ѣхать въ армію волонтеромъ, у него недоставало средствъ. Итакъ, узнавъ о предоставленномъ Бибикову выборѣ офицеровъ, Державинъ захотѣлъ попытать счастія. Не бывъ лично знакомъ съ генераломъ, но наслышавшись о его достоинствахъ, онъ рѣшился, безъ всякаго посторонняго посредничества, представиться ему. Это былъ одинъ изъ тѣхъ смѣлыхъ поступковъ въ жизни Державина, которые не разъ выводили его изъ затруднительныхъ обстоятельствъ и давали направленіе дальнѣйшей судьбѣ его. Явясь къ Бибикову въ первыхъ числахъ декабря 1773 года, Державинъ объяснилъ ему, что будучи уроженцемъ Казани и довольно хорошо зная ту сторону, онъ предлагаетъ свои услуги. Бибиковъ отвѣчалъ, что къ сожалѣнію не можетъ исполнить его желанія, потому что уже выбралъ двухъ извѣстныхъ ему офицеровъ (это были капитанъ-поручикъ Семеновскаго полка Савва Ивановичъ Мавринъ и Измайловскаго — подпоручикъ Собакинъ)[1]; однакожъ генералъ вступилъ въ разговоръ съ развязнымъ прапорщикомъ, и, какъ вскорѣ оказалось, почувствовалъ къ нему расположеніе. Вечеромъ того же дня Державинъ, котораго очень огорчила неудача, съ удивленіемъ прочиталъ въ полковомъ приказѣ, что долженъ опять явиться къ генералъ-аншефу Бибикову. При вторичномъ свиданіи ему было приказано: черезъ три дня быть готовымъ къ отъѣзду.

Мы видѣли, что въ молодые годы Державина судьба све-

[1] Впослѣдствіи въ комиссію назначено было еще два офицера: см. VI, 463. Мавринъ позднѣе былъ посланъ въ Оренбургъ и оставался тамъ до самой поимки Пугачева.

ла его съ И. И. Шуваловымъ; теперь она приближала его къ другому знаменитому современнику высокихъ качествъ. Это новое сближеніе могло сдѣлаться многозначительнымъ для будущности нашего поэта. Между нимъ и просвѣщеннымъ начальникомъ установились въ короткое время самыя дружелюбныя отношенія, которыя служатъ къ чести того и другого; къ сожалѣнію, смерть скоро положила конецъ поприщу Бибикова.

О дѣятельности Державина во время Пугачевщины дошли до насъ самыя подробныя свѣдѣнія, основанныя не только на запискахъ его, но и на современной событіямъ офиціальной и частной его перепискѣ, на журналѣ, тогда же веденномъ имъ, и разныхъ черновыхъ бумагахъ его руки, а также и на другихъ подлинныхъ документахъ, хранящихся въ архивахъ. Поэтому мы имѣемъ всѣ средства для повѣрки показаній, встрѣчающихся въ его запискахъ; но одно уже добросовѣстное сбереженіе всѣхъ его бумагъ отъ этой эпохи служитъ доказательствомъ, что ему нечего было опасаться самаго мелочного анализа дѣйствій его со стороны любопытнаго потомка, и надобно сказать безпристрастно, что Державинъ съ честію выдерживаетъ такой анализъ. Конечно, въ его поступкахъ и за это время легко замѣтить ошибки и увлеченія, общія впрочемъ всѣмъ участвовавшимъ въ тогдашнихъ правительственныхъ распоряженіяхъ, но мы не найдемъ въ его поведеніи ничего, что̀ бы могло бросить тѣнь на его честность и правдивость.

Въ Петербургѣ Державинъ случайно узналъ, что во Владимірскомъ гренадерскомъ полку, который стоялъ при Ладожскомъ каналѣ и долженъ былъ также отправиться въ Казань, нѣкоторые недовольные солдаты сбирались положить оружіе передъ Пугачевымъ. Державинъ, находя, что въ тогдашнее смутное время нельзя было оставлять такого обстоятельства безъ вниманія, разсказалъ объ этихъ толкахъ Бибикову. Тотъ счелъ нужнымъ предписать начальствамъ тѣхъ губерній, гдѣ войска должны были проходить, чтобы за солдатами названнаго полка строго наблюдали. Распоряженіе это было не напрасно: по пріѣздѣ въ Казань Бибиковъ, по свидѣтельству Державина, получилъ отъ нижегородскаго губернатора Ступишина донесеніе, что между

гренадерами Владимірскаго полка дѣйствительно были злоумышленники, но что они уже наказаны.

2. Прибытіе въ Казань. Успѣхи Пугачева.

По распоряженію главнокомандующаго, согласно съ данными ему приказаніями, избранные имъ въ «секретную комиссію» офицеры должны были, еще прежде него, ѣхать въ Казань. Вслѣдъ за другими пустился въ путь и Державинъ. Между Петербургомъ и Москвой его обогналъ самъ Бибиковъ, выѣхавшій 9-го декабря. Онъ везъ съ собою помянутый манифестъ, напечатанный при сенатѣ въ 1200 экземплярахъ. Этотъ самый манифестъ положено было перепечатать въ Москвѣ церковными буквами. Для этого, а также для распоряженій объ отправкѣ бывшихъ тамъ полковъ къ Казани, Бибиковъ пробылъ въ Москвѣ четыре дня отъ (14-го до 18-го декабря). Здѣсь въ то время еще не вполнѣ изгладились слѣды моровой язвы, и недавно успокоившаяся чернь волновалась опять, съ явнымъ сочувствіемъ къ самозванцу.

Такимъ образомъ Державинъ пріѣхалъ въ Казань ранѣе Бибикова. Назначеніе полководца, памятнаго въ этомъ краю по своей дѣятельности во время бывшихъ тамъ за десять лѣтъ передъ тѣмъ волненій, произвело на мѣстныхъ жителей самое благопріятное впечатлѣніе. При одномъ извѣстіи о скоромъ его прибытіи многіе Казанцы, отъ страха удалившіеся, стали возвращаться въ городъ. Совсѣмъ другого рода молву готовили себѣ нѣкоторые изъ подчиненныхъ Бибикова. Старшимъ офицеромъ секретной комиссіи былъ Лунинъ. Вотъ что писалъ о немъ въ частномъ письмѣ архимандритъ Платонъ Любарскій[1]: «На сихъ дняхъ прибылъ сюда г. капитанъ Лунинъ съ канцеляріею

[1] Архимандритъ Спасо-Преображенскаго монастыря, умершій въ 1811 г. екатеринославскимъ архіепископомъ, авторъ «Краткаго извѣстія» о взятіи Пугачевымъ Казани, напечатаннаго Пушкинымъ въ приложеніяхъ къ *Исторіи Пугачевскаго бунта*. Множество писемъ Любарскаго къ Бантышу-Каменскому хранится въ Государственномъ архивѣ, откуда заимствованы и предлагаемые отрывки.

и командою для строжайшаго по оренбургскимъ дѣламъ слѣдствія; для комиссіи и содержанія секретныхъ колодниковъ занялъ онъ насильно семинарію и тѣмъ насъ не мало утѣснилъ, да чуть ли и совсѣмъ скоро не выживетъ. Онъ не смотритъ ни на какія привилегіи и состоянія». Державинъ также говоритъ въ своихъ запискахъ, что прибывшіе въ Казань офицеры, какъ люди зажиточные, имѣвшіе тамъ много знакомыхъ, а иные и родственниковъ, шумно встрѣчали наступившіе святки; онъ же, напротивъ, жилъ уединенно въ домѣ своей недостаточной матери, пользуясь случаями, чтобы отъ крестьянъ, пріѣзжавшихъ изъ его «деревнишекъ» съ оренбургскаго тракта, разузнавать о движеніи злодѣйскихъ шаекъ и расположеніи умовъ въ народѣ.

Наконецъ, въ ночь съ 25-го на 26-е декабря, т. е. на второй праздникъ Рождества, прибылъ въ Казань и самъ главнокомандующій. Пріѣздъ его окончательно успокоилъ городъ: всѣ стали вѣрить, что опасность совершенно миновалась и что «благоразуміе и храбрость героя», какъ выразился тотъ же Платонъ, скоро положатъ конецъ мятежу. Такое ослѣпленіе жителей Казани продолжалась почти до самаго разгрома этого города Пугачевымъ. Между тѣмъ у Бибикова еще не было войска: оно начало приходить только 29-го числа, и медленность, съ какою полки собирались, крайне тревожила его при безпрерывно получаемыхъ извѣстіяхъ объ усиленіи Пугачева и распространеніи грознаго мятежа. Безпокойство нетерпѣливаго военачальника выражалось во всѣхъ его донесеніяхъ императрицѣ и письмахъ къ женѣ. «День и ночь работаю какъ каторжный», писалъ онъ къ послѣдней: «рвусь, надсаждаюсь и горю, какъ въ огнѣ адскомъ». Онъ ясно видѣлъ опасное положеніе края, не скрывалъ его отъ государыни и понималъ всю великость своей отвѣтственности. Конечно, самъ Пугачевъ былъ въ то время еще далеко: овладѣвъ всѣми крѣпостями между Яицкимъ городкомъ и Оренбургомъ, онъ осаждалъ оба эти важные пункта. Но шайки его разливались все выше и выше по Волгѣ и прилегающимъ къ ней съ востока областямъ. Неистовыя толпы врывались въ села и города, и устрашенные жители принимали ихъ съ покорностью. Буйные Башкирцы, поднявшись поголовно, производили грабе-

жи и убійства въ селеніяхъ и на заводахъ, и окружили Уфу; Калмыки также взбунтовались. Но особенно тревожило Бибикова своеволіе черни, которая не только не сопротивлялась самымъ ничтожнымъ шайкамъ, но шла толпами на встрѣчу Пугачеву. Въ то же время воеводы и вообще мѣстныя власти искали спасенія въ бѣгствѣ. «Гарнизоны», писалъ Бибиковъ женѣ, «никуда носа не смѣютъ показать, сидятъ по мѣстамъ какъ сурки и только что рапорты страшные присылаютъ». По плану Бибикова, войска должны были со всѣхъ сторонъ сходиться къ Казани, — изъ Тобольска, Малороссіи, Польши, даже изъ Петербурга, — чтобы потомъ, подъ собственнымъ его главнымъ начальствомъ, итти къ Оренбургу и не дать Пугачеву проникнуть, съ одной стороны во внутреннія губерніи, а съ другой — въ сѣверовосточный край, гдѣ онъ могъ соединиться съ Башкирцами и заводскими крестьянами.

3. Посылка въ Самару. Воззваніе къ Калмыкамъ.

Черезъ два дня по пріѣздѣ Бибикова въ Казань Державинъ отправился къ нему вечеромъ, и разсказавъ о разъѣзжающихъ вокругъ города шайкахъ, напомнилъ ему, что пора начать дѣйствовать: «Знаю», возразилъ съ нѣкоторой досадой Бибиковъ: «но что дѣлать? войска́ еще не пришли». Конечно, онъ не нуждался въ подобномъ напоминаніи, и самъ не терялъ времени. Тотчасъ по прибытіи въ Казань онъ видѣлся съ престарѣлымъ и больнымъ губернаторомъ фонъ-Брантомъ, который уѣхалъ было въ Козьмодемьянскъ, но вернулся, услышавъ о скоромъ прибытіи новаго главнокомандующаго. Потомъ разосланъ былъ съ нарочными въ назначенныя мѣста привезенный Бибиковымъ манифестъ.

Между тѣмъ пришло извѣстіе, что 25-го декабря, въ самый день Рождества, Самарой овладѣла толпа мятежниковъ, которую жители и духовенство встрѣтили съ колокольнымъ звономъ, съ крестами, съ хлѣбомъ и солью, какъ прежде въ крѣпостяхъ по Яику встрѣчали самого Пугачева. Получивъ донесеніе о томъ, главнокомандующій послалъ въ Симбирскъ приказаніе майору

Муфелю и подполковнику Гриневу очистить Самару. Для производства же тамъ слѣдствія онъ рѣшился употребить Державина. 29-го декабря, т. е. на другой день послѣ приведеннаго разговора, генералъ въ присутствіи собранныхъ у него дворянъ, подошелъ къ этому офицеру и тихо сказалъ ему: «Вы отправляетесь въ Самару; сейчасъ же возьмите въ канцеляріи бумаги и ступайте». Державинъ принужденъ былъ уѣхать такъ поспѣшно, что едва могъ наскоро проститься съ матерью.

Зачѣмъ онъ ѣхалъ, было ему самому неизвѣстно. Бибиковъ, передавая ему свое приказаніе, такъ таинственно взглянулъ на него, что онъ готовился уже на вѣрную гибель. Подробности порученія были изложены въ двухъ запечатанныхъ пакетахъ, которые онъ долженъ былъ открыть не прежде какъ удалясь на тридцать верстъ отъ Казани. Изъ нихъ оказалось однакожъ, что дѣло было не такъ страшно, какъ онъ думалъ: ему предписывалось ѣхать въ Симбирскъ, тамъ присоединиться къ Гриневу и вмѣстѣ съ нимъ итти на освобожденіе Самары, а между тѣмъ наблюдать, въ какомъ состояніи находятся войска, во всемъ ли они исправны и каковъ духъ офицеровъ. Пушкинъ справедливо замѣчаетъ, что Бибиковъ сначала сомнѣвался въ духѣ своего войска. По бывшимъ уже случаямъ измѣны онъ сталъ недовѣрчивъ и обѣщалъ государынѣ строго преслѣдовать «недостойныхъ военнаго званія людей». По освобожденіи Самары Державинъ долженъ былъ отыскать виновныхъ въ сдачѣ города, и зачинщиковъ отправить скованными въ Казань, менѣе виновныхъ наказать плетьми, а о тѣхъ, которые дѣйствовали по страху, донести, представивъ и самыя показанія ихъ.

Любопытны разсказываемыя поэтомъ подробности проѣзда его до Симбирска, куда онъ прибылъ 30-го декабря: по словамъ его, въ народѣ замѣтенъ былъ духъ злоумышленія; мѣстами не хотѣли ему давать и лошадей, такъ что онъ долженъ былъ требовать ихъ приставя пистолетъ къ горлу старосты. Не доѣзжая верстъ пять до Симбирска, онъ увидѣлъ крестьянъ, которые, по распродажѣ въ городѣ своихъ товаровъ, возвращались порожнёмъ. Желая отъ нихъ узнать, въ чьихъ рукахъ находится Симбирскъ, онъ приказывалъ стоявшему у него на

запяткахъ слугѣ остановить какого-нибудь мужика. Когда же тотъ, какъ человѣкъ вялый и непроворный, не рѣшался на это, то Державинъ положилъ его на свое мѣсто въ повозку, а самъ, ставъ на запятки и притворясь дремлющимъ, схватилъ одного изъ встрѣчныхъ: отъ него онъ услышалъ, что въ Симбирскѣ есть военные люди, но что они ходятъ не въ солдатскихъ мундирахъ, а въ крестьянскомъ платьѣ и собираютъ по городу шубы. Это обстоятельство заставило Державина подозрѣвать, не взятъ ли Симбирскъ Пугачевцами. Одно только показаніе, что у всѣхъ тамошнихъ солдатъ ружья со штыками, успокоило его, потому что бунтовщики не могли имѣть штыковъ. Итакъ онъ въѣхалъ въ Симбирскъ. Это было уже часу въ 10-мъ вечера. Воевода объявилъ, что Гриневъ съ своею командой уже часа за два передъ тѣмъ выступилъ по самарской дорогѣ для соединенія съ Муфелемъ. Державинъ поспѣшилъ нагнать Гринева. Они нашли Самару уже занятою Муфелемъ, который еще 28-го числа выгналъ оттуда толпу, состоявшую изъ нѣсколькихъ тысячъ, большею частью Ставропольскихъ Калмыковъ и отставныхъ солдатъ. Толпа эта бѣжала въ пригородъ Алексѣевскъ, лежащій въ 25-ти верстахъ отъ Самары, выше по той же рѣкѣ.

Въ Самарѣ Державинъ узналъ, что когда къ городу приближалась злодѣйская шайка, то жители для переговоровъ съ нею посылали нарочныхъ и что въ этомъ особенно участвовали священники. Они, по его мнѣнію, заслуживали бы тотчасъ быть отосланными въ секретную комиссію; но чтобъ не дать повода обвинять правительство въ утѣсненіи вѣры, Державинъ въ рапортѣ Бибикову просилъ напередъ прислать въ Самару новыхъ священниковъ, а потомъ уже отослать прежнихъ куда слѣдуетъ. Въ отвѣтѣ на этотъ рапортъ Бибиковъ выразилъ ему свою признательность; предположеніе же Державина «о наказаніи пойманныхъ злодѣевъ для устрашенія прочихъ» главнокомандующій передалъ на разсмотрѣніе генералъ-майора Мансурова, которому поручено было охранять Самарскую линію[1]: ему между тѣмъ

[1] Рядъ крѣпостей вдоль рѣки Самары почти до Оренбурга. Центръ ихъ составлялъ Бузулукъ; далѣе шли Тоцкая, Сорочинская и др. крѣпости.

Бибиковъ предписалъ важнѣйшихъ только преступниковъ повѣсить, «а другихъ пересѣчь, ибо всѣхъ казнить будетъ много».

Другое распоряженіе Державина было также одобрено его начальникомъ: чтобъ имѣть возможность вполнѣ удостовѣриться, можно ли полагаться на Гринева и его подчиненныхъ, Державинъ рѣшился прервать на нѣсколько дней самарское слѣдствіе и принять участіе въ походѣ подъ Алексѣевскую крѣпость, куда шелъ Гриневъ съ цѣлью прогнать укрывшуюся тамъ шайку. Это было выполнено удачно, и Державинъ, видѣвъ на дѣлѣ усердіе команды и ея начальниковъ, далъ о нихъ Бибикову самый похвальный отзывъ. Отсюда начались дружескія отношенія между Державинымъ и Гриневымъ [1].

Пригородъ Алексѣевскъ былъ почти весь населенъ отставными гвардейскими солдатами; нѣкоторые изъ нихъ были въ Невскомъ монастырѣ на погребеніи Петра III, и несмотря на то, тамошнее населеніе также поддалось обману. Чтобы дать примѣръ строгости, Державинъ, по приказанію Бибикова, велѣлъ, на церковной оградѣ передъ собраннымъ народомъ, пересѣчь плетьми виновныхъ солдатъ. Въ высшей степени мягкій человѣкъ, Бибиковъ видѣлъ необходимость, при тогдашнихъ чрезвычайныхъ обстоятельствахъ, дѣйствовать страхомъ и прибѣгать къ жестокимъ мѣрамъ. Смертныя казни и тѣлесныя кары для обузданія народа были въ общемъ планѣ распоряженій правительства; это необходимо имѣть въ виду при тѣхъ наказаніяхъ, которыя въ эту эпоху не разъ приходилось совершать и Державину.

Изъ-подъ Алексѣевска онъ вмѣстѣ съ Гриневымъ ходилъ и къ Красному Яру (верстахъ въ 15-ти оттуда, на рѣкѣ Соку), чтобы наказать Калмыковъ, которые, овладѣвъ Ставрополемъ, увезли оттуда начальниковъ, послѣ убитыхъ ими, и нѣсколько пушекъ. Разсѣявъ Калмыковъ и отнявъ у нихъ эти пушки, Гриневъ присоединился къ генералу Мансурову. По приказанію Бибикова Мансуровъ долженъ былъ отъ своего имени написать къ Калмыкамъ увѣщательное посланіе. Трудъ этотъ взялъ

[1] О Петрѣ Гриневѣ см. V, 9.

на себя Державинъ. «Кто вамъ сказалъ», говорилось между прочимъ въ этомъ воззваніи, «что государь Петръ III живъ? Послѣ одиннадцати лѣтъ смерти его откуда онъ взялся? Но ежели бъ онъ и былъ живъ, то пришелъ ли бъ онъ къ казакамъ требовать себѣ помощи? Нѣтъ развѣ на свѣтѣ государей, друзей его и сродниковъ, кто бъ за него вступился, кромѣ бѣглыхъ людей и казаковъ? У него есть отечество, Голштинія, и свойственникъ, великій государь Прусскій, котораго вы ужасъ и силу, бывши противъ его на войнѣ, довольно знаете. Стыдно вамъ, Калмыкамъ, слушаться мужика, бѣглаго съ Дона казака Емельяна Пугачева, и почитать его за царя, который хуже васъ всѣхъ, для того что онъ разбойникъ, а вы всегда были люди честные[1]». Далѣе письмо убѣждаетъ Калмыковъ поспѣшить принести государынѣ повинную, потому что въ противномъ случаѣ всѣ погибнутъ при первомъ появленіи ея войскъ.

Донося императрицѣ объ этомъ распоряженіи, Бибиковъ представилъ ей и самое письмо, какъ заслуживающее особеннаго вниманія, при чемъ упомянулъ, что его сочинялъ «поручикъ Державинъ», котораго онъ нарочно для того посылалъ въ Самару по его знакомству съ нравами и образомъ мыслей Ставропольскихъ Калмыковъ. Изъ такого отзыва можно заключить, что Бибиковъ былъ вполнѣ доволенъ редакціей Державина. Иное впечатлѣніе произвела она на императрицу, которая въ отвѣтѣ своемъ главнокомандующему замѣтила: «Письмо Мансурова къ Калмыкамъ такого слога, что онаго конечно не напечатаю[2]». Въ сущности Екатерина была непріятно поражена не слогомъ письма, который повидимому вполнѣ соотвѣтствовалъ его назначенію, а смысломъ нѣкоторыхъ выраженій, которыя могли показаться ей неумѣстными или безтактными. Сколько намъ извѣстно, тогда въ первый разъ на Державина было обращено вниманіе Екатерины II.

По возвращеніи въ Самару, онъ продолжалъ допрашивать жителей. Чтобы предупредить всякую огласку тайныхъ показа-

[1] VII, 20.
[2] *Р. Арх.* 1866 г., 394.

ній и дерзкихъ рѣчей, онъ долженъ былъ производить это слѣдствіе совершенно одинъ, даже безъ писца, такъ что ему приходилось самому записывать всѣ показанія: называя порученное ему дѣло «непріятною комиссіей», Державинъ конечно имѣлъ въ виду не только самое свойство его, но и тягость сопряженной съ нимъ механической работы. Самъ Бибиковъ, прося князя Вяземскаго прислать писцовъ, писалъ ему: «Нѣтъ возможности исправиться, и офицеры сами съ Зряховымъ» (секретаремъ тайной экспедиціи, присланнымъ также изъ Петербурга) «день и ночь пишутъ, потому что число колодниковъ умножается». Однакожъ и въ послѣдующее время командировки своей Державинъ оставался безъ писца. Окончивъ допросы и отправивъ важнѣйшихъ преступниковъ въ секретную комиссію, Державинъ въ Самарѣ дождался генерала Мансурова и потомъ возвратился въ Казань. Такъ кончилась первая его служебная поѣздка во время Пугачевщины.

Въ отсутствіи его, Бибиковъ получилъ отъ государыни приказаніе собирать свѣдѣнія о всѣхъ лицахъ, пострадавшихъ отъ мятежа, о захваченныхъ въ измѣнническую толпу и лишенныхъ жизни, о ихъ женахъ и дѣтяхъ. Оцѣнивъ распорядительность Державина и его способность къ письменнымъ дѣламъ, Бибиковъ поручилъ ему же составлять алфавитные списки, какъ всѣмъ главнымъ сообщникамъ Пугачева, такъ и лицамъ, отъ нихъ пострадавшимъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ возложилъ на него еще и другую работу—веденіе журнала всей дѣловой перепискѣ по бунту, съ описаніемъ и самыхъ мѣръ, принимаемыхъ къ прекращенію его. Сохранившаяся часть этого труда напечатана въ VII томѣ *.

4. Пожертвованіе казанцевъ. Рѣчь Державина. Отъѣздъ его.

Державинъ долженъ былъ также «возбуждать въ землякахъ своихъ ревность къ оборонѣ» и склонять ихъ къ образованію на свой счетъ вооруженныхъ отрядовъ. Это было одною изъ обязанностей, возложенныхъ на Бибикова Екатериною: рескриптомъ 29-го ноября ему между-прочимъ было повелѣно созвать къ себѣ все въ Казани и въ окрестностяхъ ея находящее-

ся дворянство, и изобразивъ ему живыми красками опасное положеніе края, стараться подвигнуть это сословіе къ вооруженію части людей своихъ. Бибиковъ, при содѣйствіи Державина, умѣлъ въ короткое время съ большою ловкостью исполнить это щекотливое порученіе. Но ни Державинъ, ни впослѣдствіи Пушкинъ, излагая распоряженія Бибикова, не знали, что онъ въ этомъ случаѣ буквально слѣдовалъ повелѣніямъ императрицы. Умолчалъ о томъ и сынъ его, который притомъ, — что́ очень странно, — въ запискахъ о службѣ Александра Ильича не сообщилъ данныхъ ему при его назначеніи рескриптовъ [1].

Черезъ предводителя дворянства всѣ мѣстные дворяне къ концу года были созваны въ городъ, и 29-го декабря происходило первое собраніе ихъ. Рано утромъ въ этотъ день по всѣмъ улицамъ Казани слышалось публичное чтеніе повѣстки отъ полиціи, чтобы всѣ горожане сходились въ соборъ, а потомъ, часу въ 10-мъ, раздался звонъ въ большой соборный колоколъ. Въ церкви прочитанъ былъ извѣстный манифестъ, привезенный главнокомандующимъ изъ Петербурга и послѣ молебна приглашены въ квартиру генерала всѣ дворяне, а съ ними и преосвященный Веніаминъ, тотъ самый, который впослѣдствіи навлекъ на себя несправедливое подозрѣніе въ измѣнѣ: при восшествіи на престолъ Екатерины II онъ занималъ архіепископскую каѳедру въ Петербургѣ, а вскорѣ послѣ того (еще въ 1762 году) былъ переведенъ въ Казань. На этомъ-то собраніи Бибиковъ подошелъ къ Державину и объявилъ ему приказаніе тотчасъ же ѣхать въ Самару. Оно было немедленно исполнено [2].

По отъѣздѣ Державина было новое собраніе дворянъ, 1-го января 1774 года. Бибиковъ обратился къ нимъ съ патріотическою рѣчью, въ которой, представивъ бѣдствія, ожидающія ихъ въ случаѣ ниспроверженія законнаго порядка, грозилъ наказаніемъ за измѣну, обѣщалъ награды за вѣрность и усердіе, и вызывалъ дворянство на содѣйствіе правительству. Рѣчь его произвела силь-

[1] Они не явились и во 2-мъ изд. Записокъ Бибикова хотя уже были напечатаны мною года за три до того.

[2] См. рапортъ Державина изъ Симбирска, отъ 30-го декабря 1773 г. V, 3.

ное впечатлѣніе: собраніе съ большимъ одушевленіемъ приступило въ тотъ же день къ общему между собою совѣщанію и единогласно опредѣлило выставить на свой счетъ вооруженный конный корпусъ, давъ по одному человѣку съ каждыхъ двухсотъ душъ. Опредѣленіе это было окончательно изготовлено уже 3-го января и тогда же препровождено къ главнокомандующему при письмѣ отъ имени дворянства всего Казанскаго уѣзда *.

Извѣстно, какъ Екатерина II оцѣнила это пожертвованіе: въ рескриптѣ на имя Бибикова, назвавъ себя «помѣщицей Казанской губерніи», она объявила, что слѣдуетъ примѣру дворянства и также даетъ по рекруту съ каждыхъ 200 душъ въ тамошнихъ дворцовыхъ волостяхъ своихъ. Благодарность дворянства за эту милость, возбудившую общій восторгъ, взялся выразить Державинъ и написалъ рѣчь, обращенную къ государынѣ. Для выслушанія рѣчи дворяне, въ первыхъ числахъ февраля, приглашены были въ домъ губернскаго предводителя И. Д. Макарова, который и прочелъ ее передъ портретомъ Екатерины. Рѣчь эта, которую Державинъ въ одной изъ своихъ рукописей называетъ «первымъ опытомъ малыхъ своихъ способностей», тогда же была напечатана въ *С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ*. Въ ней поэтъ торжественнымъ тономъ, во вкусѣ Ломоносова, иногда съ истиннымъ одушевленіемъ, восхваляетъ дѣйствія императрицы въ тогдашнихъ трудныхъ обстоятельствахъ, начиная съ самаго назначенія Бибикова. «Величіе монарховъ», говоритъ онъ, «наипаче познается въ томъ, что они умѣютъ разбирать людей и употреблять ихъ во благовременіи: то и въ немъ (т. е. въ Бибиковѣ) не оскудѣваетъ ваше тончайшее проницаніе. На сей случай здѣсь надобенъ министръ, герой, судья, всенародный чтитель святыя вѣры. По прозорливому вашего императорскаго величества соизволенію, мы все сіе въ немъ видимъ, за все сіе изъ глубины сердецъ нашихъ любомудрой душѣ твоей восписуемъ благодареніе»[1]. Такія похвалы Бибикову были конечно искреннимъ выраженіемъ общаго о немъ мнѣнія, которое, какъ мы видѣли, давно уже утвердилось въ тамошнемъ краю. По поводу этихъ похвалъ, Бибиковъ, пред-

[1] VII, 23.

ставляя рѣчь Екатеринѣ, оговорился такимъ образомъ: «Признаюсь, всемилостивѣйшая государыня, что претительно подносить сочиненіе, гдѣ дворянство почтило и меня хвалами, но всѣ сіи хвалы относятся, какъ къ главному источнику, къ вашему императорскому величеству. Дворянство же о поднесеніи сего убѣдительно меня просило»[1]. Въ заключеніи рѣчи Державинъ такъ выражается по поводу принятаго императрицею названія казанской помѣщицы: «Та, которая владычествуетъ нами, подражаетъ нашему примѣру... Признаёмъ тебя своею помѣщицею. Принимаемъ тебя въ свое товарищество. Когда угодно тебѣ, равняемъ тебя съ собою. Но за сіе ходатайствуй и ты за насъ у престола величества твоего» и т. д. Рѣчь была представлена императрицѣ при томъ же донесеніи, какъ и письмо къ Калмыкамъ; однакожъ сочинившій ее «казанскій дворянинъ» не былъ названъ по имени. Но рѣчь эта произвела совсѣмъ другое впечатлѣніе, чѣмъ то письмо: въ отвѣтѣ своемъ главнокомандующему императрица замѣтила, что «рѣчь, говоренная въ собраніи дворянскомъ, прямо благородными мыслями наполнена», и вслѣдъ затѣмъ присланъ былъ манифестъ, который повелѣно прочесть во всѣхъ церквахъ и положить въ архивѣ каждаго города въ нѣсколькихъ экземплярахъ. Это распоряженіе было вызвано тѣмъ, что нѣкоторые уѣзды послѣдовали примѣру Казанскаго; манифестъ относился и къ нимъ; въ Казани же и мѣщане приняли участіе въ составленіи конныхъ отрядовъ.

Когда прибылъ въ Казань этотъ манифестъ, Бибиковъ готовился уже къ отъѣзду, и не могъ дождаться собранія дворянъ (12-го марта), въ которомъ онъ былъ читанъ. По состоявшемуся тутъ опредѣленію предводитель дворянства Макаровъ препроводилъ по экземпляру этого манифеста, чрезъ нарочнаго, подполковника Бутлерова, при поздравительномъ письмѣ, какъ къ Бибикову, такъ и къ Державину, «какъ имѣвшему участіе въ полезныхъ опредѣленіяхъ казанскаго общества»[2].

[1] См. изданныя мною *Бумаги Кара и Бибикова* въ *Запискахъ Академіи наукъ*, I, прил. № 4.

[2] V, 14.

Бибиковъ не имѣлъ причины долѣе оставаться въ Казани. Склонивъ дворянъ къ патріотическимъ пожертвованіямъ, дождавшись посланныхъ къ нему на подкрѣпленіе войскъ и направивъ ихъ по тремъ дорогамъ къ осажденному Оренбургу, главнокомандующій могъ считать свое дѣло въ Казани оконченнымъ. 7-го марта прибылъ туда князь Щербатовъ; сдавъ ему дѣла, Бибиковъ на другой же день выѣхалъ по оренбургской дорогѣ, въ намѣреніи остановиться въ Кичуевскомъ шанцѣ [1] или въ Бугульмѣ, чтобъ быть между обоими корпусами своей арміи. Однимъ командовалъ князь Петръ Михайловичъ Голицынъ, бывшій при немъ уже въ Польшѣ и оттуда вмѣстѣ съ нимъ вызванный; ему поручено было заграждать московскую дорогу между Казанью и Оренбургомъ. Другой корпусъ былъ подъ предводительствомъ Павла Дмитріевича Мансурова, который изъ города Самары долженъ былъ доставлять провіантъ Оренбургу и Яицкому городку, а также предпринимать поиски вверхъ по рѣкѣ Самарѣ до крѣпости Бузулуцкой на такъ называемой Самарской линіи; обоимъ корпусамъ предписано было соединиться въ Сорочинской крѣпости и потомъ итти вмѣстѣ къ осажденному городу.

Державинъ выѣхалъ изъ Казани еще за день до Бибикова. Главнокомандующій, оцѣнивъ способности и полюбивъ свойства смѣлаго и рѣшительнаго офицера, нашелъ полезнымъ расширить кругъ дѣйствій его и дать ему въ другомъ мѣстѣ болѣе самостоятельное назначеніе: онъ послалъ его въ окрестности Саратова съ порученіями, для объясненія которыхъ необходимо напередъ войти въ нѣкоторыя подробности относительно тамошняго края и положенія дѣлъ.

[1] Крѣпость у рѣки Кичуя по Закамской линіи, простиравшейся по направленію къ Оренбургу до рѣки Ика.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ ВЪ САРАТОВСКОМЪ КРАЮ.

(1774.)

1. ПОСЫЛКА НА ИРГИЗЪ. СЕРЕБРЯКОВЪ И ГЕРАСИМОВЪ.

Верстъ сто-сорокъ выше Саратова, въ Волгу впадаетъ рѣка Большой Иргизъ, которая, вышедши изъ Общаго Сырта, орошаетъ потомъ длинную низменную полосу заволжской степи. Вдоль Иргиза расположено нѣсколько селеній, жители которыхъ большею частью раскольники. Главнымъ изъ этихъ селеній была нѣкогда слобода *Мечетная* (нынѣ уѣздный городъ Самарской губерніи Николаевскъ) съ близлежащимъ Филаретовымъ скитомъ. Есть по этой рѣкѣ и нѣсколько другихъ раскольничьихъ монастырей, которые, по словамъ Екатерины II, издавна служили «укрывательствомъ ворамъ и бѣглымъ, коимъ раскольники, тамо скиты и монастыри заведшіе, за добродѣтель почитаютъ давать пристанище» [1].

Другой притонъ для людей этого рода представляли берега двухъ степныхъ рѣкъ поюжнѣе Иргиза. Начинаясь верстахъ въ тридцати отъ него, Большой и Малый Узени текутъ почти параллельно другъ съ другомъ по направленію къ устью Урала и, не доходя до него, кончаются огромнымъ разливомъ озеръ, соединяющихся между собой протоками.

Противъ впаденія Иргиза въ Волгу, на нагорномъ (правомъ) берегу ея, лежитъ городъ Вольскъ, который въ занимающую насъ эпоху еще составлялъ дворцовое село *Малыковку*. Мѣстоположеніе его такъ живописно, что, по увѣренію нѣкоторыхъ,

[1] Письмо къ гр. П. И. Панину. *Чт. въ Общ. Ист. и Др.* 1858, кн. II 56.

напоминаетъ южный берегъ Крыма [1]. По другую сторону Волги лѣсистыя горы огибаютъ городъ дугою, которая сѣвернымъ концомъ своимъ упирается въ Волгу. Нынѣшній Вольскъ находится въ предѣлахъ губерніи Саратовской, но при Пугачевѣ село Малыковка принадлежало къ Симбирской провинціи огромной Казанской губерніи, которая на сѣверъ простиралась до Перми, а на югъ до Астрахани [2]. Петръ Великій пожаловалъ это село Меньшикову; когда же у послѣдняго были отобраны всѣ имѣнія, то оно перешло въ дворцовое вѣдомство. Тамошніе дворцовые и экономическіе крестьяне были въ большинствѣ раскольники. Жители, остальную часть которыхъ составляли Татары и колонисты, промышляли преимущественно рыболовствомъ и хлѣбной торговлей. При учрежденіи намѣстничествъ, послѣ Пугачевщины, Малыковка преобразована въ уѣздный городъ Вольскъ [3].

Извѣстно, что еще при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ множество раскольниковъ бѣжало отъ преслѣдованій правительства въ предѣлы Польши, гдѣ они укрывались особенно въ бѣлорусской слободѣ Вѣткѣ [4]. Чтобы побудить ихъ возвратиться, имъ, при Петрѣ III, обѣщаны были разныя льготы, и между-прочимъ позволено свободно селиться по Иргизу. Вотъ почему Пугачевъ, въ началѣ своего шатанія, бѣжалъ въ Вѣтку, а оттуда при-

[1] Н. И. Костомарова *Поѣздка въ г. Вольскъ* въ *Памятной книжкѣ* Саратовской губерніи на 1859 годъ.

[2] Обнимая нынѣшнія Казанскую, Вятскую, западную половину Пермской, части Симбирской, Пензинской и Саратовской, она раздѣлялась на 5 провинцій.

[3] Именнымъ указомъ, 7-го ноября 1780 г., даннымъ генералъ-поручику Якоби, было предписано составить Саратовское намѣстничество изъ 9-ти уѣздовъ между прочимъ *Волскаго*, и въ числѣ дворцовыхъ селъ, которыя при этомъ велѣно «устроить городами», названо: *Малыково*, съ переименованіемъ въ *Волскъ*. Названіе это обыкновенно производятъ отъ имени Волги и пишутъ «Волгскъ» или «Волжскъ», но это неправильно. Для объясненія достаточно замѣтить, что первоначально предполагалось назвать этотъ городъ Екатериноволъскомъ (т. е. построеннымъ по волѣ Екатерины). До Саратова отсюда 138 верстъ. Такъ по крайней мѣрѣ гласитъ достовѣрное преданіе.

[4] На островѣ рѣки Сожа, въ нынѣшней Могилевской губерніи.

шелъ на Иргизъ [1]. Здѣсь онъ посѣтилъ въ Мечетной раскольничьяго игумна Филарета, который при этомъ одобрилъ его планъ взбунтовать Яицкое войско и обѣщалъ свое содѣйствіе. Съѣздивъ въ Яицкій городокъ, Пугачевъ возвратился на Иргизъ и явился въ Малыковкѣ продавцомъ рыбы. Но тутъ провѣдали о немъ, какъ подозрительномъ человѣкѣ, два крестьянина, изъ которыхъ съ однимъ мы уже познакомились во время пребыванія Державина въ Москвѣ, а другой будетъ отнынѣ играть важную роль въ командировкѣ Гаврилы Романовича. Это были—Иванъ Серебряковъ и Трофимъ Герасимовъ. Послѣднему удалось открыть мѣстопребываніе Пугачева въ Малыковкѣ: по указанію Герасимова онъ былъ схваченъ и отправленъ въ Казань; но отсюда, въ іюнѣ 1773 года, онъ опять бѣжалъ на Яикъ: послѣдствія этого бѣгства извѣстны.

Естественно было, что на Иргизѣ и въ Малыковкѣ ожидали вторичнаго появленія самозванца. Это-то предположеніе, впрочемъ на дѣлѣ не оправдавшееся, и было причиною отправленія Державина въ Малыковку. Поводомъ къ тому послужилъ пріѣздъ Серебрякова въ Казань съ предложеніемъ своихъ услугъ правительству.

Прежде всего надо знать, чтó за человѣкъ былъ этотъ Серебряковъ. Изъ разсказовъ Державина о его поступкахъ мы въ правѣ видѣть въ немъ продувного плута, прошедшаго чрезъ огонь и воду, готоваго на все для своей выгоды. Какъ уже было замѣчено выше, онъ былъ однимъ изъ составителей проекта о поселеніи на Иргизѣ выходящихъ изъ Польши раскольниковъ; когда же эта мѣра была разрѣшена, то Серебряковъ, участвовавшій въ приведеніи ея въ дѣйствіе, сталъ допускать на Иргизъ всякаго рода бѣглыхъ людей, въ томъ числѣ и крѣпостныхъ. Вслѣдствіе этого онъ былъ потребованъ для допроса въ Москву

[1] «Въ Польшу Пугачевъ пошелъ съ тѣмъ чтобъ оттуда притти на форпостъ и явить себя выходцемъ и тамо объявить свое желаніе къ поселенію на Иргизѣ въ дворцовую Малыковскую волость, ибо Пугачеву давно было извѣстно, что тамъ всякаго званія бѣглыхъ селиться допускаютъ безъ всякаго затрудненія». (Изъ допросовъ Пугачеву *Чтенія въ обществѣ Исторіи и древн. Росс.* 1858, кн. II).

и посаженъ въ тюрьму при Сыскномъ приказѣ, гдѣ очутился вмѣстѣ съ извѣстнымъ запорожцемъ Черняемъ. Въ Москвѣ нашелся для обоихъ освободитель: пріятель Державина по родству съ Блудовымъ, Максимовъ, картежникъ и пройдоха, а притомъ владѣлецъ помѣстьевъ около Малыковки, былъ знакомъ съ Серебряковымъ и, имѣя связи въ кругу сенатскихъ чиновниковъ, взялъ его на поруки. Въ то же время онъ весьма ловкимъ способомъ, какъ мы видѣли, доставилъ свободу Черняю, явно надѣясь участвовать съ ними обоими въ дѣлежѣ награбленной казакомъ добычи. Съ такою цѣлью они втроемъ отправились на Днѣпръ, но такъ какъ тамошній край, по близости къ театру турецкой войны, былъ занятъ войсками, и слѣдовательно искать предполагавшихся тамъ кладовъ было очень опасно, то Максимовъ и Серебряковъ, видя трудность предпріятія, «отпустили Черняя, или», прибавляетъ Державинъ, «куда дѣвали—неизвѣстно». Между тѣмъ, при появленіи Пугачева, когда еще не знали кто онъ таковъ, родилась мысль, не Черняй ли это, освобожденный изъ заключенія, и потому приняты были мѣры къ отысканію Серебрякова и Максимова. Тогда-то, чтобъ избѣжать бѣды и, можетъ-быть, загладить вины свои, они рѣшились предложить Бибикову свои услуги къ поимкѣ Пугачева.

Серебряковъ воображалъ, что самозванцу, въ случаѣ его пораженія, «некуда будетъ броситься на первый случай», кромѣ какъ въ пустынные глухіе притоны по Иргизу и Узенямъ, къ своимъ доброжелателямъ раскольникамъ. Пользуясь пріобрѣтеннымъ въ Москвѣ знакомствомъ съ Державинымъ, Серебряковъ явился къ нему въ Казань, чтобъ быть представленнымъ Бибикову. Въ привезенномъ имъ доношеніи на имя генерала было подробно описано, какъ товарищу Серебрякова, крестьянину Герасимову, удалось уже разъ выслѣдить Пугачева, и затѣмъ онъ просилъ поручить имъ обоимъ поймать злодѣя, когда онъ будетъ снова искать убѣжища въ тѣхъ же мѣстахъ. Для исполненія такого плана, Серебряковъ предлагалъ ввѣрить надзоръ за ихъ распоряженіями подпоручику Максимову, какъ тамошнему помѣщику и офицеру, хорошо знакомому съ краемъ и его населеніемъ.

Бибиковъ, принявъ Серебрякова ночью наединѣ въ своемъ кабинетѣ, сказалъ потомъ Державину: «Это птица залетная и говоритъ много дѣльнаго; но какъ ты́ его представилъ, то и долженъ съ нимъ возиться, а Максимову его я не повѣрю». Въ этомъ недовѣріи къ Максимову Бибиковъ показалъ свою проницательность: мы уже видѣли, ка́къ этотъ легкомысленный офицеръ въ Москвѣ завлекъ Державина въ большую игру и что́ предпринялъ потомъ вмѣстѣ съ бѣглымъ разбойникомъ Черняемъ. Письма его къ Державину показываютъ, что онъ по образованію стоялъ такъ же низко, какъ и въ нравственномъ отношеніи. Что касается сущности предположеній Серебрякова, то, не отвергая вѣроятія ихъ, Бибиковъ рѣшился командировать на Иргизъ Державина.

Въ особомъ «тайномъ наставленіи» отъ 6-го марта ему поручалось ѣхать въ Саратовъ, а оттуда въ Малыковку, съ тѣмъ чтобы заранѣе разставить Пугачеву сѣти на Иргизѣ и Узеняхъ, а между тѣмъ собирать свѣдѣнія о тѣхъ, къ кому обманщикъ могъ прибѣгнуть, развѣдывать о его дѣйствіяхъ и намѣреніяхъ, подсылать въ толпу его надежныхъ лазутчиковъ, наблюдать расположеніе умовъ и стараться направлять образъ мыслей населенія. Инструкція оканчивалась слѣдующимъ образомъ:

«Наконецъ, для вступленія въ дѣло возьмите себѣ въ помощь представленныхъ вами, извѣстныхъ Серебрякова и Герасимова, изъ которыхъ Серебряковъ примѣченъ мною какъ человѣкъ съ разумомъ и довольно тамошнія обстоятельства знающій; но разсужденіе здравое и собственный вашъ умъ да будетъ вамъ лучшимъ руководителемъ; а ревность и усердіе къ службѣ представитъ вамъ такіе способы, которые не бывъ на мѣстѣ и по заочности предписать не можно, ихъ же Герасимова и Серебрякова къ тому по разсмотрѣнію вашему употребите, для чего они въ команду вашу точно и поручаются.

«Впрочемъ я, полагаясь на искуство ваше, усердіе и вѣрность, оставляю болѣе наблюденіе дѣла, для котораго вы посылаетесь, собственной вашей расторопности. И надѣюсь, что вы какъ все сіе весьма тайно содержать будете, такъ не упустите ни-

какого случая, коимъ бы не воспользоваться, понимая силу прямую посылки вашей»[1].

Это заключеніе показываетъ, какъ много Бибиковъ полагался на способности, усердіе и ловкость Державина; вмѣстѣ съ тѣмъ однакожъ онъ счелъ нужнымъ предостеречь его противъ излишней запальчивости: давъ ему письма къ мѣстнымъ властямъ, онъ замѣтилъ въ той же инструкціи: «Для снисканія и привлеченія къ вамъ отъ тамошнихъ людей довѣренности, ласковое и скромное съ ними обращеніе всего болѣе вамъ способствовать будетъ». На разныя издержки по порученному дѣлу Державину тогда же отпущено четыреста рублей изъ экстраординарной суммы. О своихъ дѣйствіяхъ онъ долженъ былъ доносить какъ Бибикову, такъ и двумъ главнымъ послѣ него генераламъ, князю Голицыну и Мансурову, а для переписки съ ними получилъ особый ключъ цыфирнаго письма, которымъ иногда и пользовался.

2. Распоряженія въ Малыковкѣ. Поѣздка въ Саратовъ.

7-го марта Державинъ выѣхалъ изъ Казани съ подорожною на семь подводъ, выданной ему за печатью Бибикова, на которой былъ вырѣзанъ столь идущій къ обоимъ девизъ: Vigil et audax (бдителенъ и смѣлъ). Онъ взялъ съ собою и Серебрякова, но изъ Симбирска предусмотрительно отправилъ его впередъ, боясь, что если они вмѣстѣ явятся въ Малыковку, то это возбудитъ толки въ народѣ.

По пріѣздѣ туда первой заботой его было пріискать надежныхъ лазутчиковъ. Серебряковъ и Герасимовъ привели къ нему дворцоваго красноярскаго крестьянина Дюпина, который взялся съѣздить на Иргизъ за раскольничьимъ старцемъ Іовомъ. Этотъ, какъ удостовѣряли всѣ трое, былъ по усердію своему особенно годенъ для подсылки къ бунтовщикамъ, тѣмъ болѣе что зналъ Пугачева въ лицо: онъ познакомился съ бродягой, когда тотъ въ первый разъ укрывался на Иргизѣ. Черезъ два

[1] V, 10.

дня Дюпинъ воротился съ Іовомъ. Державинъ рѣшился употребить обоихъ, такъ какъ за нихъ ручались Серебряковъ и Герасимовъ, у Дюпина же была на Иргизѣ «семья и цѣлая изба дѣтей». Они взялись ѣхать на Яикъ съ тайными порученіями Державина; Іовъ долженъ былъ постоянно оставаться въ толпѣ Пугачева и по возможности присылать извѣстія обо всемъ, что̀ тамъ будетъ происходить. Державинъ далъ имъ на путевыя издержки сто рублей, и обнадежилъ ихъ милостью правительства. Сверхъ того онъ снабдилъ ихъ «наставленіемъ»: Іову поручалось сперва доставить яицкому коменданту Симонову письмо, въ которомъ Державинъ просилъ у него свѣдѣній и ободрялъ его; потомъ итти въ сборище Пугачева подъ Оренбургъ и развѣдать тамъ подробно обо всѣхъ касающихся до него обстоятельствахъ. А чтобы прибытіе Іова къ мятежникамъ не показалось подозрительнымъ, Державинъ научилъ его разсказывать, что онъ присланъ Филаретомъ, извѣстнымъ игумномъ Мечетной слободы, который, при первомъ появленіи Пугачева на Иргизѣ, благословилъ его на дерзкое предпріятіе[1], но послѣ былъ схваченъ въ Сызрани и отвезенъ въ Казань. Іовъ долженъ былъ сказать, что видѣлся съ нимъ въ Казани и слышалъ отъ него слѣдующее: Филаретъ склонилъ въ пользу Пугачева очень многихъ, но они требовали, для своей безопасности, чтобъ игуменъ побывалъ у царя (самозванца) и возвратился къ нимъ съ увѣреніемъ въ его милости, а такъ какъ это теперь за неволею Филарета невозможно, то вмѣсто него отправился Іовъ, съ тѣмъ чтобы Пугачевъ выслалъ его къ нимъ обратно съ ожидаемымъ удостовѣреніемъ; Филаретъ же, взятый въ секретную комиссію, готовъ скорѣе вытерпѣть всевозможныя истязанія и даже быть замученнымъ до смерти, нежели открыть что-нибудь. Кажется однакожъ, что самъ Державинъ потомъ нашелъ эту сказку неудобною и замѣнилъ ее другою: по крайней мѣрѣ въ запискахъ своихъ онъ разсказываетъ, что научилъ посланныхъ говорить Пугачеву, что они бѣжали къ нему съ Иргиза отъ страха скорой казни за то, что принимали его въ своихъ жилищахъ.

[1] VI, 519.

Предполагая, между тѣмъ, и возможность измѣны со стороны своихъ повѣренныхъ, Державинъ, согласно съ инструкціей Бибикова, старался увѣрить ихъ, будто онъ пріѣхалъ въ Малыковку для встрѣчи гусарскихъ полковъ, идущихъ изъ Астрахани, и для закупки имъ провіанта. Разглашая это и вообще въ населеніи, Державинъ, какъ самъ онъ сознается, имѣлъ тайную цѣль: въ случаѣ, если скопища Пугачева уклонятся по Иргизу къ Волгѣ, гдѣ никакихъ войскъ не было, — «нѣсколько ихъ отъ того удержать», какъ говоритъ Державинъ въ подлинномъ журналѣ, веденномъ имъ во время Пугачевщины. Къ сожалѣнію, онъ въ старости, когда писалъ свои записки, слишкомъ усилилъ это довольно умѣренное выраженіе, сказавъ, что намѣревался удержать впаденіе мятежниковъ во внутренность имперіи или пріостановить ихъ до прибытія на Яикъ генерала Мансурова и что «это была истинная его цѣль, которая ему и удалась». Такой планъ показывалъ бы излишнюю самонадѣянность въ подпоручикѣ, при которомъ не было никакого войска, тѣмъ болѣе, что это предпріятіе далеко выходило изъ границъ даннаго ему порученія. Мы увидимъ, въ какой мѣрѣ слова его впослѣдствіи получили оправданіе.

Въ то же время онъ приказалъ Серебрякову и Герасимову находиться на Иргизѣ и Узеняхъ, чтобы предупреждать сообщеніе съ Пугачевымъ, ловить подсылаемыхъ имъ лазутчиковъ, выставивъ для этого особыхъ надсмотрщиковъ на дорогахъ и перевозахъ; въ случаѣ же ожидаемаго вскорѣ пораженія Пугачева примѣчать, не появится ли онъ между жителями, и если онъ въ самомъ дѣлѣ будетъ укрываться у нихъ, то немедленно увѣдомить о томъ Державина.

«Словомъ сказать», писалъ онъ имъ между-прочимъ, «чтобъ уши ваши и глаза были вездѣ, дабы чрезъ нерадѣніе не упустить того, чего смотрѣть должно. Исполняя же сіе, какъ можно хранить вамъ себя отъ того, чтобъ никакихъ на васъ жалобъ не было: нигдѣ ничего силою не брать, ибо должность ваша оказать свое усердіе состоитъ токмо въ проныръливыхъ съ ласкою поступкахъ, и то весьма скрытымъ, а не явнымъ образомъ. Нигдѣ жителей никакъ не стращать, но еще посла-

блять имъ ихъ языкъ, дабы извѣдать ихъ сокровенныя мысли; уговаривать, чтобъ они ничего не боялись и оставались бы въ своихъ мѣстахъ, а ежели можно, то подавать еще искуснымъ образомъ и поводъ, чтобъ они привлекали къ себѣ желанное нами. Поступайте такъ, чтобъ вамъ, кажется, ни до чего дѣла не было, въ противномъ же случаѣ вы принудите о себѣ мыслить и догадываться, что вы не просто разъѣзжаете» [1].

При такомъ взглядѣ на дѣло Державинъ не могъ быть доволенъ распоряженіями стоявшаго на Иргизѣ капитана Лодыгина, который, не кстати пугая народъ казнями и висѣлицами, могъ только разогнать тамошнихъ жителей и тѣмъ самымъ сдѣлать прибытіе туда Пугачева невозможнымъ. Поэтому Державинъ, увѣдомляя Бибикова о первыхъ своихъ дѣйствіяхъ, жаловался на Лодыгина: ...«не прикажете ли ему», писалъ онъ, «остаться въ своемъ домѣ и помолчать? а если онъ здѣсь надобенъ, то по крайней мѣрѣ сообщалъ бы мнѣ, что̀ онъ намѣренъ дѣлать» [2]. На это Бибиковъ отвѣчалъ:

«Всѣ принятыя вами на первый случай распоряженія производятъ во мнѣ особливое удовольствіе. Я на благоразуміе ваше полагаюсь... Капитана Лодыгина не терпите. Я къ нему посылаю при семъ ордеръ, чтобъ онъ или въ домѣ своемъ остался и жилъ бы спокойно, или ѣхалъ бы въ Казань. Если же онъ не поѣдетъ, то имѣете отправить его подъ присмотромъ въ Казань» [2]. *

Сдѣлавъ въ Малыковкѣ все, что̀ на первый случай было нужно, Державинъ согласно съ инструкціей, поспѣшилъ въ Саратовъ, стоящій верстахъ въ 140-а оттуда. Этотъ городъ находился тогда въ предѣлахъ Астраханской губерніи, куда въ исходѣ 1773 года назначенъ былъ новый начальникъ, дѣятельный, строгій и даже нѣсколько жесткій Петръ Никитичъ Кречетниковъ, родной братъ болѣе извѣстнаго Михаила Никитича. Ему при этомъ было предписано оставаться, пока требовать будутъ обстоятельства, въ Саратовѣ, какъ городѣ ближайшемъ къ театру военныхъ дѣйствій. Главною цѣлью поѣздки

[1] V, 24.
[2] V, 17 и 23.

туда Державина было желаніе получить въ свое распоряженіе отрядъ изъ войска, которымъ располагалъ губернаторъ въ Саратовѣ. Поводомъ къ тому могло служить полученное въ Малыковкѣ извѣстіе о готовности Киргизъ-Кайсаковъ присоединиться къ Пугачеву, для чего они, по его приглашенію, уже и собирались на Узеняхъ. Вручая Кречетникову письмо Бибикова о содѣйствіи подателю, Державинъ упомянулъ объ этомъ извѣстіи и указывалъ на угрожавшую со стороны Киргизовъ опасность. Въ то время гвардейскій офицеръ пользовался, особливо въ провинціи, еще гораздо бо́льшимъ почетомъ нежели нынѣ: военные люди, носившіе уже высшіе чины и званія, въ видѣ отличія были назначаемы въ старѣйшіе полки гвардіи майорами или полковниками. Поэтому Державинъ, снабженный полномочіями главнокомандующаго, могъ справедливо ожидать отъ губернатора полнаго вниманія къ своему ходатайству. Но Кречетниковъ, вѣроятно оскорбившись его требовательнымъ тономъ, наотрѣзъ отказалъ ему, и между ними съ перваго же свиданія произошло недоразумѣніе, которымъ начинается рядъ столкновеній командированнаго офицера съ мѣстными властями. Къ этому, конечно, отчасти способствовалъ настойчивый и заносчивый характеръ Державина, но были тому и другія болѣе глубокія причины: онѣ заключались главнымъ образомъ, какъ будетъ ниже показано, въ отношеніяхъ самихъ высшихъ начальниковъ между собою. Въ подлинныхъ документахъ за это время есть доказательства, что Кречетниковъ былъ недоволенъ самимъ Бибиковымъ и, въ рапортѣ отъ 19-го марта, косвенно жаловался сенату на недостатокъ войска въ Саратовѣ. Пока былъ живъ Бибиковъ, такъ хорошо понимавшій Державина, несогласія между властями не могли быть опасны для послѣдняго, но по смерти достойнаго полководца обстоятельства перемѣнились.

Первая неудача не могла однакожъ заставить честолюбиваго офицера отказаться отъ своего плана. Онъ придумалъ другой способъ достигнуть цѣли. Въ Саратовѣ была (какъ и теперь существуетъ, хотя на другихъ основаніяхъ) контора для управленія колонистами, поселенными въ началѣ царствованія Екатерины II по обѣ стороны Волги, внизъ по теченію, начиная отъ

устья Иргиза. Эта контора была подчинена учрежденной въ Петербургѣ «канцеляріи опекунства иностранныхъ», которая, на правахъ государственной коллегіи, состояла подъ предсѣдательствомъ графа Гр. Гр. Орлова. Въ распоряженіи саратовской «конторы опекунства иностранныхъ» было нѣсколько артиллерійскихъ ротъ [1] (всего 600 человѣкъ), которыя, какъ и самая контора, не зависѣли отъ губернатора. Начальникъ этой конторы, статскій совѣтникъ Михаилъ Михайловичъ Лодыжинскій, былъ даже въ непріязненныхъ отношеніяхъ съ Кречетниковымъ. Сблизясь вѣроятно тогда же съ Лодыжинскимъ, Державинъ послалъ нарочнаго къ Бибикову и выпросилъ у него позволеніе, въ случаѣ надобности, брать фузелерныя роты саратовской конторы. Главнокомандующій благодарилъ его за усердіе, а конторѣ предписалъ дать ему людей, съ тѣмъ, чтобы начальникъ команды «непремѣнно и дѣйствительно» исполнялъ его требованія.

3. Воинскія предпріятія Державина. Князь Голицынъ. Производство въ поручики.

По возвращеніи въ Малыковку, Державинъ услышалъ, что на Иргизѣ, за крайними селеніями, явилось на хуторахъ нѣсколько человѣкъ изъ шайки Пугачева. Онъ тотчасъ же приказалъ Серебрякову и Герасимову взять двадцать надежныхъ крестьянъ и ѣхать съ ними на Иргизъ. На это нужно было согласіе двухъ лицъ: дворцоваго управителя, Федора Кузьмича Шишковскаго, и экономическаго казначея, поручика Василія Ермолаевича Тишина. Послѣдній (изъ новгородскихъ дворянъ) находился въ дальнемъ родствѣ съ Державинымъ: Николай Яковлевичъ Блудовъ былъ женатъ на родной сестрѣ Тишина, Екатеринѣ Ермолаевнѣ, и отъ этого-то брака родился въ 1785 году графъ Дмитрій Николаевичъ Блудовъ [2]. Шишковскій безпрекословно отрядилъ къ Державину десять человѣкъ, Тишинъ же отозвался, что безъ осо-

[1] Три роты 1-го артиллерійскаго фузелернаго полка.

[2] Ср. «Краткую біографію графа Д. Н. Блудова» (стр. 67), въ приложеніяхъ къ *Отчету св. Кирилло-Меѳодіевскаго братства* за 1874—1875 г. Спб. 1877; также Е. П. Ковалевскаго *Графъ Блудовъ и его время*. Спб. 1866.

беннаго разрѣшенія начальства не можетъ дать людей «въ невѣдомую посылку», тѣмъ болѣе, что Серебряковъ, по прежнимъ его дѣламъ, требуется «въ юстицію» и у него, какъ подозрительнаго человѣка, люди подъ присмотромъ быть не могутъ.

Сильно взволнованный этимъ отказомъ, Державинъ съ негодованіемъ жаловался Бибикову на неповиновеніе казначея. Но Александръ Ильичъ, измученный слишкомъ напряженною дѣятельностью, былъ уже безнадежно боленъ и не могъ самъ отвѣчать. За него написалъ отвѣтъ родственникъ его, избранный въ начальники казанскаго ополченія (но къ сожалѣнію не оправдавшій этого выбора) генералъ-майоръ Александръ Леонтьевичъ Ларіоновъ. Въ этомъ письмѣ было сказано, что главнокомандующій «съ крайнимъ огорченіемъ внималъ поступокъ» Тишина и приказалъ послать ему ордеръ, «чтобъ онъ немедленно приказаніе Державина исполнилъ и никогда не смѣлъ отговариваться. Сіе снисхожденіе», продолжалъ Ларіоновъ, «показывается ему для того, чтобъ онъ особливымъ радѣніемъ и стараніемъ о исполненіи вами ему предписываемаго вину свою загладилъ. И чтобъ никакой надежды на экономическое правленіе не полагалъ и волѣ вашей повиновался, о томъ и въ оное правленіе предложеніе послано»[1]. Казначей долженъ былъ смириться и въ точности исполнить требованіе Державина. Однакожъ неудовольствія между ними возобновлялись и послѣ. Трудно при этомъ слагать вину на одного Тишина, но нельзя умолчать, что противъ него есть еще и другое свидѣтельство, именно жалоба протопопа Кирилла въ письмѣ къ Державину. Жители Малыковки, по письменнымъ приговорамъ, дали мѣсто подъ постройку духовнаго правленія. Тишинъ, поссорившись съ священникомъ, пришелъ съ своими людьми къ начатому строенію, велѣлъ имъ разломать сдѣланное и разогналъ работниковъ палкой, грозя высѣчь ихъ плетьми. «Когда протопопъ» говорилъ онъ, «у Державина милости ищетъ, такъ я посмотрю, какъ онъ его защититъ»[2]. Мы увидимъ впослѣдствіи, какою ужасною смертію погибъ отъ пугачевской толпы этотъ самый Тишинъ со всѣмъ своимъ семействомъ.

[1] V, 39.
[2] V, 153.

Требуя помощи отъ малыковскихъ властей, Державинъ учтивымъ письмомъ обратился и къ Кречетникову съ возобновленіемъ просьбы прислать 20 или 30 казаковъ, но получилъ вторичный отказъ.

Бибиковъ, въ послѣднемъ письмѣ своемъ къ Державину, отъ 31-го марта, радостно сообщилъ ему важное извѣстіе о пораженіи Пугачева княземъ Голицынымъ при крѣпости Татищевой, въ слѣдствіе чего съ Оренбурга снята была осада, продолжавшаяся уже полгода. Здѣсь скажемъ нѣсколько словъ объ этомъ первомъ побѣдителѣ самозванца, храбромъ и образованномъ генералѣ, съ которымъ Державинъ скоро вступитъ въ частыя сношенія и который полюбитъ его такъ же какъ Бибиковъ. Князь Петръ Михайловичъ съ отличіемъ участвовалъ, подъ начальствомъ Бибикова, уже въ польской кампаніи; сынъ знаменитаго петровскаго генералъ-адмирала, онъ былъ пятью годами старше Державина, и судя по дѣйствіямъ его въ Пугачевщину, конечно прославился бы еще болѣе, еслибъ дѣятельности его не прекратила ранняя смерть уже въ 1775 году. Извѣстно, впрочемъ ничѣмъ недоказанное, преданіе о смерти его отъ предательскаго удара Шепелева на дуэли, устроенной будто бы Потемкинымъ изъ ревности[1]. Во время Пугачевщины Голицынъ велъ походный журналъ, которымъ пользовался Рычковъ въ своей лѣтописи объ осадѣ Оренбурга[2].

Соединившись на Самарской линіи съ Мансуровымъ, Голицынъ пошелъ къ Оренбургу. На пути его лежала крѣпость Татищева, которая, находясь при Яикѣ, открывала дорогу съ одной стороны къ Оренбургу, а съ другой — къ Яицкому городку. Здѣсь-то Пугачевъ встрѣтилъ шедшія противъ него войска, имѣя 9,000 человѣкъ съ 36-ю пушками, и 22-го марта былъ разбитъ на голову, причемъ потерялъ двѣ трети своей толпы и всю свою

[1] Опроверженіе этого преданія см. въ *Р. Арх.* 1867, стр. 479. Это не тотъ ли самый Шепелевъ, который, во время Пугачевщины, служилъ въ арміи князя Голицына и, послѣ занятія Яицкаго городка Мансуровымъ, разсѣялъ шайку Калмыковъ на р. Току? (Донес. кн. Щербатова 20 мая 1774 г. изъ Оренбурга). Впослѣдствіи, по отбытіи кн. Голицына изъ Башкиріи, полковникъ Шепелевъ остался тамъ главнымъ военачальникомъ.

[2] Этотъ журналъ сохранился въ Госуд. Архивѣ.

артиллерію[1]. Сначала надѣялись, что и самъ онъ въ числѣ убитыхъ, но вскорѣ оказалось, что онъ бѣжалъ въ степь за рѣку Сакмару: у Сакмарскаго городка князь Голицынъ настигъ его и вторично разбилъ. Освобожденный Оренбургъ благословлялъ побѣдителей. Генералъ Мансуровъ 4-го апрѣля былъ отряженъ къ Яицкому городку, который уже давно былъ въ рукахъ мятежниковъ, а крѣпость его три мѣсяца терпѣла осаду.

О второмъ пораженіи Пугачева увѣдомилъ Державина Ларіоновъ, сообщая притомъ, что самозванецъ пробрался въ Башкирію и намѣренъ оттуда устремиться опять на Яикъ. Это извѣстіе подало Державину мысль итти самому на освобожденіе Яицкаго городка. Полученное между тѣмъ свѣдѣніе о походѣ Мансурова не измѣнило плана смѣлаго подпоручика, который полагалъ, что пока разлитіе рѣкъ будетъ задерживать генерала, онъ (Державинъ) съ другой стороны подступитъ къ городку. Итакъ онъ началъ составлять вооруженный отрядъ. Еще прежде саратовская контора опекунства колонистовъ отправила, по его требованію, часть своихъ фузелеровъ въ крайнюю колонію Шафгаузенъ и, съ тѣми, которые тамъ уже находились, отдала въ его распоряженіе до 200 человѣкъ съ двумя пушками. Начальникъ этого отряда, капитанъ артиллеріи Елчинъ, долженъ былъ исполнять приказанія Державина. Имѣя, сверхъ того, сотни полторы малыковскихъ крестьянъ, послѣдній снова обратился еще и къ Кречетникову съ просьбою отпустить съ нимъ партію стоявшихъ на Иргизѣ казаковъ. По этому поводу завязалась у него любопытная переписка съ астраханскимъ губернаторомъ, все еще жившимъ въ Саратовѣ. Кречетниковъ подъ благовиднымъ предлогомъ опять отказалъ ему и совѣтовалъ присоединиться къ гусарскому майору Шевичу, посланному тоже на Яикъ, «почему и можете», заключалъ онъ съ ироніей, «пользоваться уже не малѣйшимъ числомъ казаковъ, а цѣлыми эскадронами»[2].

[1] Подробное описаніе этой битвы см. въ статьѣ Д. Г. Анучина: *Дѣйствія Бибикова въ Пугачевщину*, *Р. Вѣстн.* 1872, авг., стр. 496.

[2] V, 35 и 48. Въ этомъ же томѣ можно найти и всю переписку Державина съ Кречетниковымъ.

Не успѣвъ добромъ получить желаемую помощь, Державинъ всетаки рѣшился поставить на своемъ и по пути взять съ Иргиза Донскихъ казаковъ опекунской конторы, отданныхъ ею въ распоряженіе губернатора. Не зная еще про смерть Бибикова, онъ передъ выступленіемъ написалъ ему длинный рапортъ съ похвалами конторѣ и съ жалобой на Кречетникова, письма котораго приложилъ въ копіи. Онъ очень хорошо понималъ, что въ сущности не имѣлъ права удаляться отъ мѣста, гдѣ ему поручено было стеречь Пугачева, и потому счелъ нужнымъ заранѣе оправдаться въ своемъ предпріятіи. Онъ представлялъ, съ одной стороны, что успѣетъ вернуться прежде нежели Пугачевъ можетъ притти на Иргизъ, а съ другой, — что если Мансуровъ и предупредитъ его въ Яицкомъ городкѣ, то никакой бѣды не произойдетъ отъ напрасно-сдѣланнаго марша (верстъ до 500 въ одинъ конецъ, по расчету Кречетникова).

Принявъ всѣ нужныя мѣры, склонивъ Максимова къ пожертвованію ста четвертей муки въ пользу Яицкаго городка и переправивъ этотъ провіантъ черезъ Волгу, Державинъ, 21-го апрѣля, и самъ выступилъ съ своимъ отрядомъ, но уже на другой день встрѣтилъ возвращавшагося съ Яика посланца своего, старца Іова, который вручилъ ему письмо Мансурова съ извѣстіемъ, что этотъ генералъ занялъ Яицкій городокъ 16-го апрѣля, за пять дней до выступленія Державина. Такъ первое воинское предпріятіе его было прервано въ самомъ началѣ своемъ, къ немалому торжеству Кречетникова.

Этотъ опытный служака не даромъ предсказывалъ Державину именно такой исходъ дѣла, утверждая, что полученныя имъ свѣдѣнія не могутъ быть вѣрны и приглашая его пріѣхать въ Саратовъ, «если вамъ желательно истину о состояніи Яика вѣдать», на что Державинъ очень учтиво отвѣчалъ, что если у него не будетъ дѣла на Иргизѣ, то онъ непремѣнно явится. Вообще замѣчательна сдержанность, съ какою онъ возражалъ на колкія насмѣшки и остроты своего противника. Конечно предпріятіе Державина было опрометчиво, но надо сознаться, что онъ выказалъ въ этомъ случаѣ распорядительность, отвагу и рѣшимость, драгоцѣнныя въ военномъ человѣкѣ при тогдашнихъ обстоятельствахъ.

Въ концѣ послѣдняго письма своего Кречетниковъ снисходительно приписалъ своею рукою: «Сейчасъ курьеръ привезъ къ вамъ въ моемъ пакетѣ письмо, кое при семъ посылаю; между тѣмъ по надписи вижу васъ порутчикомъ, то всеусердно имѣю честь поздравить, желая, чтобъ безъ замедленія и высшими преимуществами воспользоваться». Это извѣстіе о своемъ производствѣ Державинъ получилъ 30-го апрѣля: въ *С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ*[1] имя его напечатано въ числѣ множества тогда же произведенныхъ въ слѣдующій чинъ гвардейскихъ офицеровъ; въ главѣ же этихъ производствъ стоитъ имя генералъ-поручика Григорія Александровича Потемкина, который особливымъ указомъ 15-го марта пожалованъ былъ въ подполковники Преображенскаго полка, такъ что Державинъ сдѣлался его сослуживцемъ.

Мы видѣли, что письмо Мансурова изъ Яицкаго городка было привезено старцемъ Іовомъ, котораго Державинъ подсылалъ къ Пугачеву, какъ надежнаго лазутчика. Мансуровъ писалъ, что онъ вырвалъ этого человѣка изъ челюстей смерти, что Іовъ былъ въ заключеніи, терпѣлъ истязанія и откупался отъ присужденной ему казни деньгами, которыя съ трудомъ занималъ. Обстоятельство, что Іовъ попалъ въ руки Пугачева, тогда какъ онъ долженъ былъ играть роль его приверженца, показалось Державину подозрительнымъ, и потому въ отвѣтѣ Мансурову онъ спрашивалъ: «Захваченные вашимъ превосходительствомъ въ Яицкѣ злодѣи по строгомъ ихъ разспросѣ не докажутъ ли, что они имѣли съ здѣшними раскольниками, а особливо въ бытность мою здѣсь, переписку, ибо мнѣ чудно, что ни одинъ шпіонъ, посланный мною на Яикъ, ко мнѣ не возвращался, даже и сей самый Іовъ, имѣя важныя наставленія въ разсужденіи Пугачева, попался къ нимъ въ руки. Неужто былъ онъ столь нерасторопенъ, что самъ себя открыть могъ?» Сомнѣнія Державина выражены имъ еще полнѣе и положительнѣе въ позднѣйшемъ письмѣ къ Мансурову же, гдѣ онъ между-прочимъ говоритъ: «По смятности его (т. е. Іова) разсказовъ, для меня его похожденія непонятная загадка. Какъ онъ раскольникъ, а они

[1] 11 апрѣля 1774 г., № 29.

всѣ подозрѣваются въ доброжелательствѣ къ злодѣю, то не было ли отъ него, вмѣсто услуги, какихъ пакостей[1]»?

Послѣ носился слухъ, прибавляетъ Державинъ въ запискахъ своихъ, что Іовъ и товарищъ его Дюпинъ, по словамъ его убитый, сами пришли къ бывшей въ Яицкомъ городкѣ женѣ Пугачева Устиньѣ, объявили о своемъ порученіи и открыли письмо къ Симонову.

4. Смерть Бибикова. Князь Щербатовъ.

Первое извѣстіе о кончинѣ любимаго начальника Державинъ получилъ не прежде 24-го апрѣля въ краткомъ письмѣ астраханскаго губернатора. Оно должно было сильно поразить его. Не суждено было Бибикову доѣхать до Оренбурга вслѣдъ за войсками. Горячка, слѣдствіе непомѣрныхъ трудовъ и невниманія къ здоровью, остановила его въ Бугульмѣ. Адъютантъ штаба главнокомандующаго Алексѣй Мих. Бушуевъ, рукою котораго писана большая часть донесеній Бибикова императрицѣ, въ самомъ началѣ апрѣля сообщалъ Державину: «Онъ крайне боленъ, и вчерашній вечеръ были мы въ крайнемъ смущеніи о его жизни, но сегодня смогъ онъ подписать всѣ мои бумаги съ великимъ трудомъ. Онъ приказалъ о семъ таить, однакожъ я, по преданности моей къ вамъ, не могу того отъ васъ скрыть, съ тѣмъ только, чтобъ никому не сказывать. Машмейеръ (докторъ) увѣряетъ насъ, что онъ чрезъ нѣсколько дней встанетъ, и самъ изъ крайняго смущенія сдѣлался веселъ». Причиною видимаго улучшенія въ ходѣ болѣзни было извѣстіе о побѣдѣ при Татищевой: оно оживило страждущаго, но не надолго. Бибиковъ самъ уже понималъ свое положеніе и за два дня передъ смертью, въ послѣднемъ донесеніи государынѣ, дрожащею рукою приписалъ на поляхъ: «Si j'avais un seul habile homme, il m'aurait sauvé; mais hélas, je meurs sans vous voir...» (Если бъ при мнѣ былъ хоть одинъ искусный человѣкъ, онъ бы спасъ меня; но увы, я умираю вдали отъ васъ)[2].

[1] V, 58.

[2] *Бумаги Кара и Бибикова. Зап. Ак. Наукъ.* I, прил. 4.

Екатерина, въ самый день полученія этихъ строкъ (20-го апрѣля, наканунѣ Свѣтлаго воскресенья), своей рукою написала въ Москву князю Волконскому, чтобъ онъ немедленно отправилъ къ больному лѣкаря Самойловича, «дабы не мѣшкавъ ѣхалъ къ нему и посмотрѣлъ, не можно ли какъ-нибудь возстановить здравіе, столь нужное въ теперешнихъ обстоятельствахъ, сего генерала» [1]. Но уже было поздно: еще 9-го апрѣля Бибикова не стало. Эта внезапная и невознаградимая утрата привела въ уныніе не только его приближенныхъ, напр. Бушуева и Кологривова, которые въ письмахъ выражали свое горе Державину [2], но и всю Россію. Платонъ Любарскій, сказавшій слово на погребеніе Бибикова (24-го апрѣля), писалъ чрезъ нѣсколько дней Бантышу-Каменскому: «О Бибиковѣ я уже писалъ; теперь нечего, ибо объ немъ или много, или уже ничего лучше не упоминать. О Бибиковъ! или бы онъ вѣчно жилъ, или ужъ его никогда бы на свѣтѣ не было! тѣло его здѣсь еще, до упаденія въ Волгѣ воды» (по желанію семейства покойнаго, оно должно было отвезено быть въ его имѣніе). Какъ обыкновенно бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, молва приписывала эту кончину отравѣ и обвиняла въ ней польскихъ конфедератовъ [3]. Между тѣмъ блестящее начало дѣятельности Бибикова возбудило общую увѣренность въ скоромъ прекращеніи мятежа. Думали, что Пугачевъ, бѣжавъ къ Башкирцамъ или Киргизамъ, уже не оправится, что ничего не будетъ стоить «поймать или истребить его съ коренемъ», какъ говорилъ архимандритъ Платонъ. Однакожъ, какъ обманчивы были эти надежды, оказалось очень скоро: изъ юго-восточной окраины государства мятежъ съ ужасною быстротою разлился до средней Волги и внутреннихъ великорусскихъ губерній, откуда угрожалъ самой Москвѣ.

Глубоко опечалила Державина кончина Бибикова: онъ терялъ въ немъ покровителя, который цѣнилъ и уважалъ его, которому онъ былъ уже такъ много обязанъ, и терялъ человѣка, къ кото-

[1] *Москвит.* 1845, № 5, стр. 37.

[2] V, 98 и 113.

[3] *Соч. Пушкина*, изд. Исакова, VI, 75. Ср. ниже показаніе Мамаева.

рому самъ чувствовалъ сердечную преданность. Въ стихахъ, написанныхъ имъ на этотъ случай, слышится искреннее чувство, и какъ дорога́ была ему память добраго начальника, видно изъ того, что онъ спустя много лѣтъ снова принялся за эту пьесу и передѣлалъ ее, отказавшись почти отъ всѣхъ другихъ стиховъ, написанныхъ одновременно съ нею [1]. Когда, еще гораздо позднѣе, сынъ покойнаго готовилъ *Записки о жизни и службѣ* его, Державинъ, по желанію сенатора Бибикова, написалъ краткую характеристику отца его, которая и напечатана при названныхъ запискахъ [2].

Вмѣстѣ съ извѣстіемъ о смерти начальника Державинъ получилъ отъ Кречетникова увѣдомленіе, что въ должность главнокомандующаго вступилъ старшій по умершемъ генералъ, князь Федоръ Фед. Щербатовъ, который и донесъ императрицѣ о кончинѣ Бибикова. Въ рескриптѣ отъ 1-го мая за нимъ утверждена главная команда, однакожъ съ оговоркою «впредь до новыхъ повелѣній» и притомъ съ значительнымъ ограниченіемъ власти: онъ могъ распоряжаться только военною силой, дѣйствуя притомъ по соглашенію съ губернаторами. О секретной комиссіи, къ которой принадлежалъ Державинъ, не было ничего упомянуто; въ черновомъ же проектѣ рескрипта было даже сказано: «комиссія, изъ офицеровъ гвардіи нашей въ Казани составленная, имѣетъ оставаться особенно отъ васъ въ нынѣшнемъ ея положеніи». Въ окончательной редакціи эти слова исчезли вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими выраженіями, которыя могли бы дать слишкомъ высокое понятіе о довѣріи императрицы къ Щербатову. О секретной комиссіи Екатерина умолчала, въ намѣреніи подчинить ее особому довѣренному лицу, и дѣйствительно вскорѣ поручила начальство надъ нею Павлу Сергѣевичу Потемкину. Но еще до того въ этомъ учрежденіи послѣдовала важная перемѣна. Въ освобожденномъ Оренбургѣ оказалось такъ много колодниковъ, что Бибиковъ призналъ необходимымъ учредить и тамъ слѣдственную комиссію, отдѣльную отъ Казан-

[1] I, 16, и III, 298.
[2] VII, 30.

ской. Императрица одобрила это предположеніе, съ тѣмъ чтобы каждая изъ обѣихъ комиссій состояла въ вѣдѣніи мѣстнаго губернатора. Бранту и Рейнсдорпу при этомъ поручалось: «конфирмовать чинимыя по дѣламъ рѣшенія, наказуя злодѣевъ по мѣрѣ ихъ преступленія и соображая наказанія съ природнымъ намъ человѣколюбіемъ; экстракты изъ дѣлъ присылать въ тайную при сенатѣ экспедицію» [1]. Въ то же время повелѣно было отправить въ Оренбургъ изъ Казани офицеровъ Лунина и Маврина съ секретаремъ и писцами, на мѣсто же выбывшихъ прислать въ Казань изъ Москвы другихъ двухъ оберъ-офицеровъ (Волоцкого и Горчакова) [2].

Щербатовъ, находя, что около Казани все успокоилось и что распоряжаться войсками ему удобнѣе будетъ изъ Оренбурга, передалъ дѣла по Казанской губерніи Бранту, а самъ 10-го мая выступилъ съ 300 Малороссійскихъ казаковъ, которыхъ потомъ оставилъ въ Бузулуцкой крѣпости, и 19-го числа прибылъ въ Оренбургъ. Этимъ онъ конечно исполнилъ планъ своего предшественника, но по принимавшимъ новый оборотъ обстоятельствамъ присутствіе главнокомандующаго, какъ вскорѣ обнаружилось, было нужнѣе въ Казани.

Кончина Бибикова повлекла нѣкоторыя измѣненія въ штабѣ войскъ. Почти весь составъ его былъ распущенъ по желанію фаворита Потемкина, пріобрѣтавшаго въ это время все болѣе и болѣе силы. Служившіе при Бибиковѣ волонтерами гвардейскіе офицеры просились назадъ въ свои полки подъ предлогомъ, что главная опасность миновалась, и уже на другой день послѣ прибытія въ Оренбургъ Щербатовъ писалъ императрицѣ, что

[1] Рескрипты 26-го апрѣля кн. Щербатову, Бранту и Рейнсдорпу. Причиною этого распоряженія было приведено то, что въ Казанской секретной комиссіи по 12-е апрѣля содержалось не менѣе 169 колодниковъ и что число это должно было еще увеличиться въ слѣдствіе новыхъ сраженій.

[2] Капитанъ Преображенскаго полка Семенъ Борис. Волоцкой сдѣлался жертвою болѣзней, распространившихся въ Казани послѣ разоренія ея Пугачевымъ. Его похороны были 25-го августа. По словамъ Любарскаго, это былъ пречестный человѣкъ. Горчаковъ былъ прапорщикомъ Семеновскаго полка.

по поданнымъ ему настоятельнымъ просьбамъ онъ уволилъ четырехъ офицеровъ. Сверхъ того Преображенскій майоръ Кологривовъ былъ отставленъ съ чиномъ полковника и сбирался въ Петербургъ. «Вотъ судьба какова!» писалъ онъ своему пріятелю Державину изъ Казани: «человѣку и счастіе превращается въ несчастіе... Спѣшу скорѣй уѣхать изъ сего мѣста, дабы сколько нибудь опомниться отъ горести» [1].

При такихъ перемѣнахъ не могъ и Державинъ оставаться спокойнымъ насчетъ своего будущаго положенія. Не зная, чтó ему предпринять, онъ совѣтовался съ Кологривовымъ и Мавринымъ. Оба отвѣчали очень неопредѣленно. «Думаю», писалъ Кологривовъ, «что ты по своей комиссіи долженъ быть подчиненъ здѣшнему (казанскому) губернатору или, какъ у тебя есть военная команда, то по оному будешь болѣе принадлежать въ команду князя Ф. Ф. Щербатова, чего бы я лучше желалъ, ибо онъ человѣкъ очень честный и тебя заочно полюбилъ; впрочемъ самъ разсудишь: тебѣ больше всѣхъ по твоей комиссіи извѣстно, гдѣ лучше быть» [2].

Мавринъ съ своей стороны говорилъ: «О дѣлахъ вашихъ другого наставленія дать не могу, какъ съ прописаніемъ ввѣреннаго вамъ дѣла входить письменнымъ сношеніемъ въ ту или другую комиссію, и какъ главные плуты и содѣтели великихъ злодѣяніевъ всѣ почти въ вѣдѣніи оренбургской комиссіи, а потому и уповаю, что изыскиваемыя вами нечестивыя каверзы слѣдуютъ сюда быть присыланы. Не говорю о чрезвычайности ввѣренной вамъ: въ такомъ случаѣ, чаятельно, вы наставленіе имѣете» [2].

Державинъ видѣлъ, что его положеніе стало невѣрнымъ, и думалъ уже проситься назадъ въ полкъ, на что намекалъ и въ перепискѣ съ самимъ Щербатовымъ. Бушуевъ, жалуясь, что новый начальникъ, вопреки праву адъютантовъ выбирать себѣ назначеніе, самовластно опредѣляетъ его въ дѣйствующіе полки и

[1] Впослѣдствіи Кологривовъ былъ рязанскимъ вице-губернаторомъ и продолжалъ переписываться съ Державинымъ: см. т. V.

[2] V, 95 и 98.

старается утѣшить его однимъ ласковымъ обращеніемъ, писалъ Державину: «Изъ рапортовъ вашихъ угадываю и вашу мысль, но не думаю, чтобъ безъ указа военной коллегіи васъ онъ уволилъ, почитая важнымъ ваше дѣло, что́ изъ ордера усмотрите, и потому что коллегіи далъ онъ о вашей экспедиціи знать, описывая съ похвалою ваши распоряженія и предпріимчивость. Между тѣмъ вы только одинъ подобно мнѣ мучиться здѣсь остались, а прочіе гвардейскіе всѣ отпущены»[1]. О добромъ расположеніи къ себѣ новаго главнокомандующаго Державинъ слышалъ уже и отъ Кологривова, да и самъ Щербатовъ писалъ ему, что императрица повелѣваетъ вести дѣла совершенно на прежнемъ основаніи, отнюдь не измѣняя «связи и теченія» ихъ, почему онъ, главнокомандующій, и надѣется, что Державинъ не поскучаетъ продолжать свое дѣло съ тѣмъ же усердіемъ. Одно изъ послѣдующихъ писемъ, полученныхъ имъ отъ главнокомандующаго изъ Оренбурга, начиналось словами: «Я всегда съ особливымъ удовольствіемъ рапорты ваши получаю, усматривая изъ нихъ особливое попеченіе и труды ваши, съ которыми исполняете вы возлагаемое на васъ дѣло. Всѣ послѣдніе рапорты ваши дѣлаютъ вамъ честь, а во мнѣ производятъ къ вамъ признаніе»[2].

Естественно было, что видя такое вниманіе къ своей дѣятельности, Державинъ перемѣнилъ намѣреніе, тѣмъ болѣе что вскорѣ князь Голицынъ и Мансуровъ также стали, въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ, изъявлять ему свое довѣріе. Особенно долженъ онъ былъ ободриться, когда, въ противоположность рѣзкимъ сужденіямъ Кречетникова, всѣ три генерала стали рѣшительно одобрять не удавшійся его планъ итти на помощь Яицкому городку. Теперь сами военачальники совѣтовали или даже предписывали ему дѣйствовать вооруженною рукою, къ чему давно стремилось его честолюбіе, и такимъ образомъ роль его, по крайней мѣрѣ на время, измѣнялась. Генералы писали ему, чтобы онъ со своими отрядами при-

[1] V, 113.
[2] V, 105.

нялъ участіе въ истребленіи или поимкѣ разбѣжавшихся шаекъ Пугачева. Щербатовъ приказывалъ ему составить отъ Иргиза до Яика цѣпь изъ фузелерныхъ ротъ и Донскихъ казаковъ для прикрытія теченія Волги. По просьбѣ Державина, доблестному полковнику Денисову, шедшему съ Дона съ пятьюстами казаковъ, велѣно было оставить сотню въ Малыковкѣ *. Прибывъ туда въ началѣ мая мѣсяца, Денисовъ сталъ требовать провіанта для своего отряда. Державинъ, уже отправивъ на Яикъ къ Мансурову весь пожертвованный Максимовымъ запасъ, былъ въ затрудненіи. Кречетниковъ, у котораго онъ просилъ провіанта изъ саратовскихъ магазиновъ, опять отказалъ ему. Между тѣмъ Державинъ, по требованію Мансурова, закупалъ провіантъ въ Сызрани чрезъ тамошняго воеводу Иванова, который очень почтительно переписывался съ нимъ и увѣдомлялъ, что припасовъ заготовлено на 2,000 руб., но что для отправки ихъ надо ждать прикрытія съ пушками, такъ какъ по степи бродятъ большія партіи Калмыковъ, «съ которыми безъ орудій сладить никакъ нельзя, потому что они имѣютъ кольчуги и поступаютъ азартно». Возстаніе Калмыковъ было слѣдствіемъ занятія Яицкаго городка Мансуровымъ: часть непокорныхъ Яицкихъ казаковъ, подъ предводительствомъ Овчинникова, перебралась черезъ Самарскую линію и пробѣжала въ Башкирію; другая же часть, разсыпавшись по степи, успѣла возмутить Оренбургскихъ и Ставропольскихъ Калмыковъ и склонила ихъ бѣжать за Овчинниковымъ также черезъ Самарскую линію [1].

Вѣсть о разбояхъ этихъ Калмыковъ была причиною, что Державинъ уже не довольствовался сотнею казаковъ, а съ разрѣшенія Щербатова требовалъ, чтобы Денисовъ ему отрядилъ ихъ двѣсти, съ остальными же шелъ бы къ Сызрани для прикрытія провіанта, который оттуда будетъ посланъ. Денисовъ сначала медлилъ, но скоро долженъ былъ исполнить это требованіе и весьма учтиво извѣстилъ о томъ Державина. Между тѣмъ къ воинской предпріимчивости послѣдняго обращались уже не только Щербатовъ и Мансуровъ: Кречетниковъ, который

[1] Донесеніе Щербатова отъ 20-го мая изъ Оренбурга, въ Гос. архивѣ.

недавно издѣвался надъ нею, теперь посылалъ ему изъ Саратова одно письмо за другимъ, вызывая его на помощь другимъ отрядамъ противъ калмыцкихъ шаекъ. Къ одному изъ этихъ писемъ губернаторъ своеручно прибавилъ: «Я не уповаю, чтобъ такое ихъ большое число было, какъ пишутъ изъ Сызраня, но сколько имѣется, то нужно истребить, *о чемъ благоволите постараться*»[1]. Державинъ сбирался и самъ итти противъ Калмыковъ, которые появились на Иргизѣ со всѣми своими пожитками, съ женами и дѣтьми; но между тѣмъ пришло извѣстіе, что посланный Мансуровымъ съ Яика подполковникъ Муфель съ 800 человѣкъ успѣлъ уже, въ концѣ мая, кончить дѣло, разсѣявъ шайку изъ 1000 слишкомъ Калмыковъ, предводимую Дербетевымъ. «Этотъ воръ и мятежникъ», писалъ Мансуровъ Державину, «истребленъ, взятъ въ плѣнъ и, будучи отправленъ ко мнѣ, въ дорогѣ отъ ранъ издохъ».

Что касается предоставленныхъ Державину фузелерныхъ ротъ, то Лодыжинскому непріятно было удаленіе ихъ изъ Саратова. Еще прежде, узнавъ о намѣреніи перваго итти на Яикъ, онъ объяснялъ ему, что этотъ отрядъ отпущенъ только для охраненія колоній. Теперь же, когда грабежи усилились и бунтовщики уводили лошадей, да и «на нагорной сторонѣ появились такіе разбои, что и днемъ бѣднымъ колонистамъ проѣзда не было», Лодыжинскій находилъ, что артиллерійскія роты гораздо нужнѣе ему самому, и поэтому просилъ: всѣхъ фузелеровъ возвратить въ Саратовъ. Они сдѣлались ему еще необходимѣе послѣ пожара, постигшаго Саратовъ 13-го мая. «Городъ весь выгорѣлъ въ два часа времени», писалъ онъ Державину: «дѣла́ и денежную казну спасъ я съ своими людьми и съ половиною караула; огонь мгновенно распространился по всему городу и не допустилъ никого притти на помощь. Всѣ мы чисты осталися... Для разсѣянныхъ повсюду колонистскихъ и казенныхъ вещей караулъ удвоить принужденъ»[2]. Требуя, въ слѣдствіе того, назадъ свои роты, онъ въ припискѣ такъ оправдывался: «Я все

[1] V, 90.
[2] V, 99 и 105.

для васъ сдѣлалъ, что можно было, а глава низовыхъ странъ (т. е. Кречетниковъ) не то поетъ». Такъ какъ незадолго передъ тѣмъ Калмыки, грабившіе около колоній, были на голову разбиты Муфелемъ, то Державинъ, съ своей стороны, покуда не имѣлъ болѣе надобности въ конторской командѣ и безъ затрудненія отпустилъ ее назадъ въ Саратовъ, оставивъ у себя только 25 человѣкъ съ унтеръ-офицеромъ для содержанія колодниковъ подъ карауломъ и для разсылокъ. Но при этомъ онъ просилъ контору, въ случаѣ непредвидимой надобности, опять выслать ему свои роты. Бумага оканчивалась саркастическою выходкой противъ перваго начальника команды, капитана Елчина, котораго сперва считали очень храбрымъ, но о которомъ послѣ Лодыжинскій, извиняясь передъ Державинымъ въ своей ошибкѣ, писалъ, что «онъ великій трусъ и только любитъ стрѣлять попустому холостыми зарядами». — «О бранныхъ подвигахъ капитана Елчина», говорилъ Державинъ, «я думаю, контора меня донесть уволитъ. Яко не бывшій въ сраженіи и яко младшій его, съ удивленіемъ молчу!» [1].

О предшествующей дѣятельности Державина извѣстно еще, что онъ устроилъ по Волгѣ пикеты на лодкахъ, чтобы, какъ онъ писалъ Щербатову, «иногда рыбачій ботикъ не унесъ язву, заразившую наше отечество». Соображая, что водою Пугачевъ можетъ скорѣе и незамѣтнѣе пробраться на Кубань, Державинъ прибавлялъ, что еслибъ такая предосторожность, почти не требующая особыхъ издержекъ, была взята по Камѣ и Волгѣ, «то бы какъ земля, такъ и вода стерегли Пугачева». Около того же времени Державинъ отправилъ въ Казань, какъ онъ думалъ было, «важнѣйшаго и секретнѣйшаго колодника», выбѣжавшаго изъ яицкой степи и называвшаго себя Мамаевымъ [2]. Въ слѣдствіе его разнорѣчивыхъ показаній, его допрашивали нѣсколько разъ, и допросы посылали въ Оренбургъ, требуя о немъ свѣдѣній. Оттуда

[1] V, 106. Однакожъ насъ миритъ съ Елчинымъ извѣстіе, что при нападеніи Пугачева на Саратовъ этотъ офицеръ былъ въ числѣ немногихъ оставшихся вѣрными долгу, а потомъ онъ отличился и при оборонѣ Царицына. (Рапортъ Цыплетева отъ 26-го августа въ Госуд. архивѣ.)

[2] V, 76.

Мавринъ отвѣчалъ, что этотъ злодѣй «въ главной толпѣ у Пугачева отнюдь не былъ», а находился нѣсколько времени въ Яицкой крѣпости у коменданта Симонова, но оттуда бѣжалъ въ городъ къ мятежникамъ, и здѣсь отправлялъ должность писаря. Мавринъ находилъ этого преступника очень важнымъ и совѣтовалъ отправить его къ императрицѣ въ Петербургъ. Однакожъ Державинъ на это не рѣшился, боясь произвести пустую тревогу, и колодникъ отправленъ былъ въ Казань. Сохранилась инструкція, данная Державинымъ по этому случаю одному изъ фузелеровъ, который долженъ былъ везти Мамаева подъ конвоемъ въ повозкѣ, окруженной шестью солдатами съ примкнутыми штыками и заряженными ружьями [1]. Щербатовъ не дождался его въ Казани и съ дороги писалъ Державину: «Этимъ вы оправдали то неусыпное стараніе и похвальныя распоряженія, кои къ особенной вамъ чести вездѣ въ рапортахъ вашихъ вижу» [2]. Изъ свѣдѣній, въ новѣйшее время появившихся въ печати, оказывается, что Мамаевъ дѣйствительно не былъ такимъ важнымъ преступникомъ, какого въ немъ сначала предполагали. Это былъ солдатъ пѣхотнаго армейскаго полка, который бѣжалъ изъ Смоленска въ Саратовъ, а оттуда, послѣ наказанія батогами и четырехмѣсячнаго заключенія въ острогѣ, былъ отправленъ въ Казань, гдѣ содержался одновременно съ Пугачевымъ. Потомъ онъ бѣжалъ въ Яицкій городокъ и хотѣлъ пробраться на Узени, но былъ пойманъ и привезенъ къ коменданту Симонову, передъ которымъ назвался погонщикомъ Богомоловымъ. Во время сидѣнія Симонова съ вѣрными ему людьми въ ретраншаментѣ Мамаевъ находился въ его отрядѣ, но, страдая отъ голода, бѣжалъ къ бунтовщикамъ, которые, услышавъ отъ него что онъ прежде былъ подьячимъ, поручили ему исправлять за ихъ писарями увѣщательныя письма къ коменданту. Но пробывъ въ этой толпѣ 16 дней, Мамаевъ, испугавшись приближенія генерала Мансурова, бѣжалъ на Иргизъ и по совѣту одного крестьянина отдался въ руки Серебрякова, а этотъ отправилъ его въ

[1] V, 76.
[2] V, 86.

Малыковку къ своему начальнику. Мамаевъ былъ допрашиваемъ нѣсколько разъ Державинымъ, потомъ въ Казанской секретной комиссіи и наконецъ, въ Оренбургской. На одномъ изъ послѣднихъ допросовъ онъ утверждалъ, что его показанія Державину были ложны и будто бы исторгнуты у него побоями; но такъ какъ онъ съ самаго начала безпрестанно лгалъ и выдумывалъ, то и это увѣреніе могло быть вымышленнымъ [1]. Державину онъ говорилъ между прочимъ, что былъ кабинетскимъ секретаремъ у Пугачева, что вмѣстѣ съ нимъ бѣжалъ изъ Казани на Яикъ и что по дорогѣ они заѣзжали къ игумну Филарету, а потомъ посылали въ Петербургъ двухъ Яицкихъ казаковъ, чтобы извести императрицу и великаго князя, другихъ же людей посылали въ Казань для отравленія Бибикова. На слѣдующій день однакожъ пріѣхавшій съ Яика купецъ узналъ Мамаева, и изъ разговора между ними сдѣлалось яснымъ, что все разсказанное Мамаевымъ было выдумано. Державинъ потребовалъ, чтобы въ концѣ протокола допросу онъ письменно сознался въ этомъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ «Державинъ, желая удостовѣриться, не было ли и въ самомъ дѣлѣ такого рода происшествія, о которомъ разсказывалось въ показаніи, призвалъ какого-то раскольничьяго старца и сказалъ Мамаеву: — Ну вотъ, ты показывалъ будто бы все навралъ на себя напрасно, а вѣдь вотъ это (указывая на старца) отецъ Филаретъ: онъ самъ говоритъ, что ты съ Пугачевымъ къ нему пріѣзжалъ; такъ для чего же ты меня обманываешь? — Нѣтъ, я его не знаю, отвѣчалъ Мамаевъ. — «Какъ! такъ вы не пріѣзжали ко мнѣ? спросилъ старецъ, уставя на Мамаева глаза: побойся ты Бога! лучше, дуракъ, скажи правду, такъ тебѣ ничего не будетъ. — Виноватъ передъ Богомъ! завопилъ Мамаевъ: такъ и было, мы съ Пугачевымъ пріѣзжали къ нему. — Ну, такъ врешь же, дуракъ! разсмѣявшись замѣтилъ Державинъ: теперь я вижу, что ты все тутъ перепу-

[1] Въ запискахъ Державина сказано, что Мамаевъ «сперва ни о какихъ почти особенныхъ злодѣйствахъ не говорилъ, потомъ сталъ объявлять наиужаснѣйшія, а наконецъ сталъ казаться сумасброднымъ *безъ всякихъ пристрастныхъ распросовъ*» (т. е. безъ истязаній). VI, 482.

талъ; чуть было я не послалъ твоего вранья въ Петербургъ». Затѣмъ Державинъ отправилъ его въ Казанскую секретную комиссію, гдѣ, не смотря на застращиваніе Мамаева легкими ударами плети и застѣнкомъ, онъ упорно отвѣчалъ, что все взвелъ на себя напрасно отъ одного только страха и отчаянія [1].

5. Переписка съ Брантомъ. Довѣріе генераловъ.

Въ это время въ сношеніяхъ Державина является новое лицо, именно казанскій губернаторъ, Яковъ Ларіоновичъ фонъ-Брантъ, котораго неспособность къ такому важному посту въ тогдашнихъ обстоятельствахъ достаточно видна изъ записокъ Бибикова. Хотя извѣстный графъ Сиверсъ и признавалъ въ немъ благоразуміе и мужество [2], но этого отзыва Брантъ вовсе не оправдалъ своимъ поведеніемъ: Павелъ Потемкинъ, находясь въ Казани при нападеніи на нее Пугачева, называлъ Бранта губернаторомъ ничего не разумѣющимъ. Когда, въ первый разъ пойманный, Пугачевъ, прежде своихъ успѣховъ на Яикѣ, содержался въ Казани, Брантъ поступалъ очень странно. Арестанта допрашивали небрежно и пропустили много времени прежде нежели дѣло было представлено въ сенатъ. Ходили слухи, что жена губернатора, родомъ Русская, узнавъ объ умѣніи Пугачева разсказывать, посылала за нимъ каждый вечеръ и не могла уснуть безъ его розсказней: по ея просьбѣ съ него сняли кандалы и онъ былъ переведенъ изъ губернской канцеляріи въ обыкновенный острогъ. Когда же онъ бѣжалъ изъ Казани, циркуляръ о томъ губернатора былъ разосланъ только четыре недѣли спустя. При этомъ погоня за нимъ была направлена въ такія мѣста, гдѣ вовсе не было повода искать его [3].

По отъѣздѣ Щербатова изъ Казани, охраненіе безопасности губерніи и завѣдываніе секретной комиссіей лежало на губернаторѣ. Увѣдомляя о томъ Державина, онъ просилъ «благороднаго

[1] *Русская Старина* 1876 г., XVII, 53 — 65.

[2] Blum. Ein russischer Staatsmann II, 34.

[3] *Москвитянинъ* 1845, № 9, стр. 26.

и почтеннаго поручика» (выраженіе, употребленное въ письмѣ его), чтобы тотъ, донося обо всѣхъ обстоятельствахъ въ Оренбургъ главнокомандующему, вмѣстѣ съ тѣмъ давалъ знать о нихъ и ему, губернатору, а также присылалъ бы захваченныхъ людей въ казанскую секретную комиссію. Это побудило Державина въ запискахъ своихъ сказать, что онъ въ то время не зналъ, кто былъ его настоящій начальникъ, и рѣшился выполнять всякое предписаніе, лишь бы оно клонилось къ пользѣ службы.

Отвѣтъ Державина Бранту, написанный по-нѣмецки въ видѣ частнаго письма, очень замѣчателенъ[1]. Любопытно это письмо уже и потому, что оно составляетъ почти единственный изъ сохранившихся документовъ, по которому можно судить о степени знакомства Гаврилы Романовича съ нѣмецкимъ языкомъ; но особенное вниманіе заслуживаетъ письмо это по своему содержанію. Находя, что теперь въ мѣстности, порученной его наблюденію, все успокоилось и покуда не нужно никакихъ распоряженій, Державинъ проситъ позволенія представить на обсужденіе губернатора или секретной комиссіи подробный докладъ по особенно важному предмету, и тутъ же предварительно объясняетъ, въ чемъ дѣло. Главную причину общаго неудовольствія противъ правительства онъ видитъ въ лихоимствѣ чиновниковъ: «надобно», говоритъ онъ, «остановить грабительство, или, чтобъ сказать яснѣе, безпрестанное взяточничество, которое почти совершенно истощаетъ людей. Въ секретной инструкціи, данной мнѣ покойнымъ Александромъ Ильичемъ, было мнѣ между прочимъ предписано разузнавать образъ мыслей населенія. Сколько я могъ примѣтить, это лихоимство производитъ наиболѣе ропота въ жителяхъ, потому что всякій, кто имѣетъ съ ними малѣйшее дѣло, грабитъ ихъ. Это дѣлаетъ легковѣрную и неразумную чернь недовольною и, если смѣю говорить откровенно, это всего болѣе поддерживаетъ язву, которая теперь свирѣпствуетъ въ нашемъ отечествѣ».

Извѣстно, что повсемѣстное распространеніе лихоимства давно уже озабочивало у насъ правительство: еще Елисавета Петровна, на одрѣ предсмертной болѣзни, обратила внима-

[1] V, 101 и 109.

ніе на это гибельное зло, и въ указѣ отъ 16-го августа 1760 года призывала сенатъ «всѣ свои силы и старанія употребить къ искорененію зла» и «къ достиженію правды», при чемъ приписывала неисполненіе законовъ «внутреннимъ общимъ непріятелямъ, которые свою беззаконную прибыль присягѣ, долгу и чести предпочитаютъ». «Несытая алчба корысти», говорилось въ указѣ, «до того дошла, что нѣкоторыя мѣста, учрежденныя для правосудія, сдѣлались торжищемъ, лихоимство и пристрастіе — предводительствомъ судей, а потворство и упущеніе — одобреніемъ беззаконникамъ»[1]. Екатерина II уже съ первыхъ дней своего царствованія энергически возставала противъ этой заразы[2], которую называла «скверноприбытчествомъ», во время же Пугачевщины она приписывала наиболѣе этому злу малодушіе властей, которое считала столько же вреднымъ общему благу, какъ и самого Пугачева. Князь Вяземскій и Бибиковъ, бывъ посланы одинъ за другимъ для усмиренія заводскихъ крестьянъ, въ донесеніяхъ императрицѣ съ подробностію говорили о взяточничествѣ, распространенномъ не только между низшими губернскими чиновниками, но и между воеводами; наконецъ, въ послѣднемъ періодѣ Пугачевщины, графъ Панинъ, раздѣляя мысли государыни о взяткахъ, какъ источникѣ нравственнаго ничтожества служащихъ, не разъ прибѣгалъ къ угрозѣ строгихъ наказаній за это гнусное злоупотребленіе[3]. Понятно, что и Державинъ, какъ изъ сношеній съ Бибиковымъ, такъ и изъ собственныхъ своихъ наблюденій, легко могъ притти ко взгляду, изложенному въ письмѣ къ Бранту. До него никто еще такъ рѣзко не высказывалъ мысли о прямой связи между бунтомъ и безнравственностью чиновнаго міра. Справедлива ли была эта мысль, или нѣтъ, она во всякомъ случаѣ заслуживала вниманія. Но минута была слишкомъ неблагопріятна для заботъ о мѣрахъ къ улучшенію нравовъ, и изъ дальнѣйшей

[1] Пл. И. Баранова. *Опись выс. указамъ въ сенат. архивѣ*, т. III, стр. XII.

[2] Указъ 18-го іюля 1762 г. *П. С. З.* XVI, № 11.616. *Р. Вѣстн.* 1861 окт. *Разсказы изъ р. ист.* С. Соловьева, стр. 312—314.

[3] *Сб. Ист. Общ.* VI. Бумаги гр. П. И. Панина.

переписки Державина не видно, какъ письмо его было принято Брантомъ.

Напрасно правительство и военачальники ласкали себя мечтою, что послѣ двухъ побѣдъ князя Голицына Пугачевъ уже не опасенъ. Со смертію Бибикова исчезло единство дѣйствій противъ возмущенія, и вскорѣ, какъ сказалъ поэтъ въ элегіи на смерть главнокомандующаго:

«Разстроилось побѣдъ начало,
Сильнѣе разлилася язва».

Щербатовъ всѣ неудачи объяснялъ приверженностью простого народа къ злодѣю и великимъ пространствомъ земли, которое повсюду обнять войсками не было возможности и которое причиняло замедленіе въ перепискѣ. Онъ не сознавалъ, что неуспѣхъ происходилъ главнымъ образомъ отъ нераспорядительности полководцевъ: не только самъ онъ, но и князь Голицынъ, одинъ изъ способнѣйшихъ военачальниковъ въ этой борьбѣ, оставались безъ дѣла на югѣ, тогда какъ ихъ присутствіе могло бы быть гораздо полезнѣе на сѣверовостокѣ.

Что же происходило тамъ, пока Державинъ, вмѣстѣ съ генералами, воображалъ, что около Саратова уже не нужно было брать никакихъ предосторожностей?

Потерпѣвъ пораженіе при Татищевой и потомъ при Сакмарскомъ городкѣ, Пугачевъ бросился черезъ Общій Сыртъ къ селеніямъ и заводамъ, расположеннымъ вдоль рѣки Бѣлой, и тамъ, подкрѣпленный взбунтовавшимися снова Башкирцами, быстро переходилъ изъ одного мѣста въ другое. Но пребываніе въ томъ краю бдительнаго Михельсона заставило Пугачева опять устремиться къ Яику, и теперь онъ началъ было, въ верховьяхъ этой рѣки, забирать крѣпости, какъ прежде по среднему ея теченію. Однакожъ это ему не удалось. Овладѣвъ Магнитною, гдѣ былъ раненъ въ руку, онъ не посмѣлъ долѣе оставаться на Яикѣ и перешелъ за Уральскія горы въ Киргизскую степь. Здѣсь взялъ онъ также нѣсколько крѣпостей на Уйской линіи (рѣка Уя впадаетъ въ Тоболъ), но при Троицкой, бывшей

уже въ его рукахъ, ему нанесъ пораженіе генералъ Деколонгъ, до тѣхъ поръ отличавшійся только своимъ бездѣйствіемъ въ Исетской провинціи. Сраженіе при Троицкой было 21-го мая, почти ровно черезъ два мѣсяца послѣ битвы при Татищевой. На другой день Пугачеву пришлось въ первый разъ стать лицомъ къ лицу съ грознымъ противникомъ, Михельсономъ, который недавно освободилъ Уфу и часто уже разгонялъ мятежническія шайки. Теперь онъ, 22-го мая, довершилъ пораженіе Пугачева, загородивъ ему дорогу къ Челябинску, и живо преслѣдовалъ его въ Уральскихъ горахъ. Самозванецъ хотѣлъ итти къ Екатеринбургу, но при Кунгурѣ встрѣтилъ энергическій отпоръ секундъ-майора Попова и въ серединѣ іюня поворотилъ къ Камѣ, а оттуда, взявъ и истребивъ огнемъ пригородокъ Осу, устремился къ Казани.

Успѣхъ при Троицкой возбудилъ въ военачальникахъ такія же надежды, какъ прежде побѣда Голицына при Татищевой. Щербатовъ еще не зналъ въ точности, куда бѣжалъ Пугачевъ, но воображалъ, что онъ, спасшись только съ восемью человѣками и находясь въ краю, гдѣ много войска, не будетъ въ состояніи собрать новыя силы, а поспѣшитъ искать убѣжища на Иргизѣ. Поэтому Щербатовъ 12-го іюня писалъ Державину, что считаетъ присутствіе его въ томъ краю нужнымъ и что всѣ прежде сдѣланныя имъ тамъ распоряженія должны быть возстановлены. Вскорѣ и Брантъ изъ Казани послалъ Державину приказаніе возобновить мѣры для задержанія Пугачева на Иргизѣ; при этомъ казанскій губернаторъ извѣщалъ, что онъ, по совѣту Державина, при устьѣ Камы и въ Симбирскѣ «учредилъ преграды» изъ сыскныхъ командъ и нѣсколькихъ судовъ.

Между тѣмъ Державинъ, незадолго до того, отправилъ своихъ сподручниковъ, Серебрякова и Герасимова, съ провіантомъ въ Яицкій городокъ, къ Мансурову, который обласкалъ ихъ. Они тотчасъ увѣдомили Державина, что разнесли его письма и посылки; Павелъ Дмитріевичъ (такъ писалъ Герасимовъ), «поговоря, приказалъ мнѣ Трофиму всегда къ себѣ ходить и отъ квартиры не отлучаться, и самого о происшедшемъ распрашивалъ, и за поимку Косого ваше высокоблагородіе весьма благодарилъ,

и до насъ, по вашей милости, весьма милостивъ и изволилъ говорить, что Косой очень надобный человѣкъ» и проч. Этотъ Косой былъ житель Мечетной слободы, у котораго останавливался Пугачевъ послѣ своей первой поѣздки на Яикъ и передъ посѣщеніемъ Малыковки.—Въ слѣдствіе новаго приказанія Щербатова, Серебряковъ и Герасимовъ опять понадобились Державину, и онъ потребовалъ ихъ обратно, а вмѣстѣ съ тѣмъ просилъ генераловъ удалить съ Иргиза всякія военныя команды, безъ чего Пугачевъ конечно не придетъ туда укрываться.

Какъ много начальники надѣялись на Державина, забывая, что онъ собственно не располагалъ никакою военной силой, видно между прочимъ изъ письма Щербатова къ Мансурову, отъ 2-го іюля, гдѣ въ числѣ мѣръ, принимаемыхъ Брантомъ, упоминается намѣреніе его писать къ поручику Державину «о такомъ же учрежденіи на берегу командъ», а въ концѣ письма Щербатовъ проситъ увѣдомить г. Державина, чтобъ онъ, «по требованію губернатора и по своему собственному расположенію, взялъ нужныя къ тому предосторожности».

Въ слѣдствіе полученныхъ приказаній Державинъ опять усилилъ свою дѣятельность: по обѣ стороны Волги разставилъ онъ пикеты, каждый изъ 35-ти человѣкъ, которые день и ночь должны были дѣлать разъѣзды вверхъ по рѣкѣ, чтобы ловить подсылаемыхъ Пугачевымъ для возмущенія народа «передовщиковъ». По деревнямъ подтвердилъ онъ приказаніе имѣть крѣпкіе караулы и на Волгѣ изготовилъ суда. Сверхъ того онъ рѣшился опять потребовать изъ Саратова команду, чтобы употреблять ее вмѣстѣ съ стоявшими на Иргизѣ казаками и ополченіемъ изъ обывателей. Наконецъ, замѣчая, что выбираемые міромъ старшины крестьянскаго общества въ Малыковкѣ по большей части пьяницы и плуты, которые потакаютъ ворамъ и подъ видомъ осмотровъ сами грабятъ, онъ особымъ приказомъ предписалъ мѣстнымъ властямъ озаботиться выборомъ другихъ, болѣе надежныхъ людей, «хотя самыхъ первостатейныхъ мужиковъ», которые бы злодѣевъ ловили и истребляли, донося о всѣхъ попыткахъ возмущать народъ. «Ежели», заключалъ Державинъ, «впредь сотники и прочіе начальные явятся въ неис-

правленіи своей прямой должности, то причтется сіе вамъ въ слабость, а вы можете на сей случай ихъ выбрать не народомъ, ищущимъ ему потатчиковъ, но сами собою, на кого вы положиться можете» [1].

На просьбу о присылкѣ команды Державинъ на этотъ разъ получилъ отказъ: несмотря на продолжавшіяся съ нимъ дружескія сношенія, Лодыжинскій не могъ рѣшиться, въ угожденіе ему, уменьшить и безъ того скудныя оборонительныя средства Саратова. Но дѣло не ограничилось одной этой неудачей; едва Державинъ успѣлъ принять обозначенныя здѣсь мѣры, какъ неожиданное несчастіе разстроило его дѣятельность. 13-го іюля пожаръ истребилъ Малыковку: люди лишились не только оружія, но и пропитанія; нельзя было уже и думать о вооруженіи судовъ бывшими у крестьянъ фалконетами. Находя затѣмъ, что ему нечего болѣе дѣлать въ Малыковкѣ и увѣдомивъ о томъ генераловъ, Державинъ рѣшился ѣхать въ Саратовъ, гдѣ Кречетниковъ давно совѣтовалъ ему побывать. Онъ отправился изъ Малыковки черезъ два дня послѣ пожара, сдѣлавъ еще послѣднія распоряженія на случай тревоги во время своего отсутствія. Онъ располагалъ еще небольшимъ остаткомъ саратовской команды и сотнею Донскихъ казаковъ. Фузелеры должны были по отъѣздѣ его оставаться безотлучно при селѣ и ночью оберегать его квартиру. Послѣдняя предосторожность указываетъ на опасеніе, которое и въ самомъ дѣлѣ оправдалось двукратнымъ покушеніемъ сжечь домъ, гдѣ онъ стоялъ: можно подозрѣвать, что были люди, желавшіе отмстить ему за его заботы объ охраненіи порядка. Онъ приказалъ въ случаѣ надобности вооружить народъ противъ мятежниковъ; если же средства для обороны Малыковки окажутся недостаточными, то командамъ отступить къ Саратову, куда отправить и вѣрныхъ изъ обывателей, а также отвезти казну и дѣла на приготовленныхъ заранѣе лодкахъ. Впрочемъ обо всякой опасности Державинъ велѣлъ немедленно извѣщать себя съ нарочнымъ.

[1] V, 131.

6. ЧАСТНАЯ ПЕРЕПИСКА.

Болѣе четырехъ мѣсяцевъ было прожито Державинымъ то въ Малыковкѣ, то въ колоніяхъ. До сихъ поръ мы видѣли его тутъ по большей части только въ офиціальныхъ сношеніяхъ, но сохранились слѣды и частныхъ его связей за это время. Служебная его переписка показываетъ въ немъ человѣка, пользующагося вниманіемъ и довѣріемъ своихъ начальниковъ; въ частныхъ къ нему письмахъ онъ является лицомъ, которое считаютъ вліятельнымъ, котораго расположеніемъ или даже покровительствомъ дорожатъ; ему стараются угождать, въ немъ ищутъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ эти письма указываютъ намъ на нѣкоторыя весьма характеристическія бытовыя черты эпохи. Какъ самые ранніе остатки изъ всей дошедшей до насъ переписки поэта, они тѣмъ болѣе заслуживаютъ вниманія.

Мы уже сообщили кое-что изъ его сношеній съ своими сослуживцами подъ начальствомъ Бибикова, — съ Кологривовымъ, Бушуевымъ, Мавринымъ, также съ Лодыжинскимъ. Теперь просмотримъ его переписку съ нѣкоторыми другими лицами.

Къ числу ихъ принадлежалъ, во-первыхъ, подполковникъ Петръ Гриневъ, тотъ самый, которому Бибиковъ, по полученіи извѣстія о занятіи Самары мятежниками, поручилъ очистить этотъ городъ [1]. Державинъ присоединился къ нему и засвидѣтельствовалъ передъ Бибиковымъ о его благонадежности: вотъ начало ихъ взаимной пріязни. Послѣ того Гриневъ пошелъ съ генераломъ Мансуровымъ по Самарской линіи и былъ главнымъ участникомъ въ пораженіи шайки, овладѣвшей Бузулуцкою крѣпостью. Въ письмѣ, писанномъ недѣли черезъ двѣ послѣ этого дѣла, онъ благодаритъ Державина за присланную водку, обѣщаетъ по просьбѣ его купить ему лошадь, и жалуется, что не получилъ награды за бузулуцкое сраженіе, въ которомъ онъ, какъ мы

[1] Этого Гринева не слѣдуетъ смѣшивать съ однофамильцемъ его, подпоручикомъ Алексѣемъ Гриневымъ, который обвинялся въ перепискѣ съ Пугачевымъ, однако былъ оправданъ. (V, 9. Ср. *Матеріалы для ист. Пуг. бунта. Сборн. отд. русск. яз. и сл.* XVIII, № 4, стр. 131.)

знаемъ изъ подлинныхъ документовъ, дѣйствительно отличился. «Возьмите участіе», пишетъ онъ, «въ жалости моей при сраженіи подъ бузулуцкой крѣпостью: кто имянинникъ, тому пирога нѣтъ, отчего и по сѣхъ поръ не выздоровѣлъ». Позднѣе Гриневъ, при письмѣ изъ Яицкаго городка, куда онъ вступилъ съ Мансуровымъ, посылаетъ Державину калмыцкую дѣвочку съ пожеланіемъ, чтобы она ему «пондравилась». Здѣсь раскрывается передъ нами любопытная черта нравовъ того вѣка, на которую есть указанія и въ другихъ письмахъ. Въ Уфимскомъ краѣ, по свидѣтельству С. Т. Аксакова [1], было весьма обыкновеннымъ дѣломъ покупать Киргизятъ и Калмычатъ обоего пола у ихъ родителей или родственниковъ, и эти малолѣтные инородцы становились крѣпостными людьми покупателя. Державинъ, повидимому, обращался къ разнымъ лицамъ съ просьбой о доставленіи ему добычи этого рода. «Братецъ сударикъ», писалъ ему армейскій гусаръ Соловьевъ, сблизившійся съ нимъ въ Казани, «касательно до Калмычатъ и Башкирчатъ, такъ мы еще ихъ не видали, а если случай допуститъ, такъ вѣрьте, что не пропущу вамъ тѣмъ служить» [2]. Муфель же увѣдомлялъ Державина: «По прибытіи моемъ въ Яицкій городокъ, изъ плѣнныхъ Калмычатъ для васъ мальчиковъ двухъ и дѣвочекъ двухъ же выбравъ, отправлю къ вамъ» [3]. Наконецъ, уже послѣ усмиренія бунта, пріятель Державина Вильгельми изъ колоній пишетъ ему: «Ваша дѣвушка растетъ и тѣломъ и умомъ-разумомъ» (Ihre Jungfer nimmt zu an Grösse, Weisheit und Verstand).

Названный выше майоръ Соловьевъ былъ храбрый воинъ, служившій при Бибиковѣ въ Казани и потомъ участвовавшій въ походѣ подъ Алексѣевскъ. Державинъ отозвался о немъ главнокомандующему съ большою похвалой: онъ вмѣстѣ съ Гриневымъ напалъ на извѣстнаго пугачевскаго атамана Арапова, ворвавшагося въ Самару, и разбилъ 10-ти тысячную толпу Калмыковъ. Объ этомъ самъ онъ въ своемъ письмѣ такъ напоминаетъ Держа-

[1] *Сем. Хроника*, 233.
[2] V, 29.
[3] V, 114.

вину: «Это правда, вы сказали, что *завоевался*: я все время былъ отдѣленъ впередъ и въ иномъ мѣстѣ сутокъ и за трое не получалъ сикурса, и не имѣлъ время къ вамъ писать, а все сидя на лошади, оглядался во всѣ стороны какъ волкъ, чтобъ иногда злодѣи не похитили и меня... Однако, какъ то ни есть, а имя Соловьева съ гусарами *его глупскому величеству* (Пугачеву) довольно чрезъ Арапова извѣстно, который отъ меня и по сіе время бѣжитъ» [1].

Во время проѣзда изъ Казани въ Малыковку, Державинъ сблизился съ сызранскимъ воеводой Ив. Вас. Ивановымъ, который, сдѣлавшись его усерднымъ приверженцемъ, съ тѣхъ поръ и сообщаетъ ему всякіе слухи и вѣсти, разсылаетъ къ начальствующимъ лицамъ его рапорты, хлопочетъ по порученіямъ его о закупкѣ и отправкѣ провіанта; вообще предлагаетъ почтительно свои услуги, а вмѣстѣ и самъ прибѣгаетъ къ его помощи, прося подкрѣпленія людьми. Дѣйствительно, въ концѣ іюня Державинъ послалъ ему, съ разрѣшенія Мансурова, сотню Донскихъ казаковъ. Человѣкъ безъ большаго образованія, Ивановъ писалъ однакожъ довольно правильно, хотя иногда и слишкомъ ужъ кудревато. «Извольте, государь мой», говорилъ онъ, «быть увѣрены: что́ принадлежитъ до высочайшихъ интересовъ и ихъ особъ и для общества къ пользѣ, представляю себя жертвою, какъ должность моя велитъ, и какія бы ни коснулись вамъ надобности, прошу меня къ тому употреблять, что́ и исполнено будетъ въ неукоснительномъ времени».

Такимъ же почитателемъ Державина былъ Петръ Ивановичъ Новосильцовъ, служившій секретаремъ въ саратовской «конторѣ опекунства иностранныхъ» и слѣдовательно подчиненный Лодыжинскаго [2]. Исполняя также разныя порученія Державина, дѣлая для него закупки по хозяйству и туалету [3], онъ настоятельно звалъ его въ Саратовъ, называя Малыковку скучнымъ мѣстомъ

[1] V, 29. Очеркъ біографіи Соловьева V, 876.

[2] Впослѣдствіи с.-петербургскій вице-губернаторъ и генералъ-провіантмейстеръ. О немъ и его родѣ см. кн. П. Долгорукова *Рос. Родословную книгу*, ч. IV, стр. 168; также въ *Воспоминаніяхъ* Вигеля (одна изъ 1-хъ главъ).

[3] V, 44.

и пеняя ему, что онъ совсѣмъ забылъ городъ, гдѣ, говорилъ онъ, и кратковременнымъ пребываніемъ вашимъ «несказанно обрадованы бы были многіе усердные къ вамъ изъ нашихъ согражданъ».

Съ родственникомъ Державина Максимовымъ читатель уже знакомъ изъ предыдущихъ главъ. У него было близъ Малыковки, на Волгѣ, между Саратовомъ и Сызранью, два имѣнія: Терса и Сосново. О тонѣ его писемъ можно судить по слѣдующему привѣтствію отъ 23-го января 1774 г.: «Братецъ, душа моя Гаврила Романовичъ. Сердцемъ и душою радуюсь, услыша о вашемъ пріѣздѣ въ Казань, а паче въ Самару. За приписку въ письмѣ брата Ивана Яковлевича (Блудова) нижайше благодарствую; точно, что́ вы писали, оба да и я третій, великіе дураки: у насъ денегъ нѣтъ. Напиши, голубчикъ, стихи на быка, у котораго денегъ много: какой умница онъ, а у кого денегъ нѣтъ, великій дуракъ! Вѣдь на меня и въ Москвѣ гнѣваются, а въ Казани бѣсятся, все за деньги. Чортъ знаетъ, откуда зараза въ людей вошла, что всѣ уже нынѣ въ гошпиталяхъ валяются, одержимы не болѣзнію, а только деньгами, деньгами, деньгами» [1].

Максимовъ считалъ себя обязаннымъ Державину: въ томъ же письмѣ онъ, на своемъ полуграмотномъ языкѣ, благодаритъ Гаврилу Романовича за помощь въ полученіи деревни, т. е. вѣроятно въ счастливомъ окончаніи какой-нибудь тяжбы: «Дай Богъ», говоритъ онъ, «чтобы я въ жизни имѣлъ такую жъ радость, чтобъ вамъ за то заслужить».

Часто переписывался съ нашимъ поэтомъ и управлявшій саратовскою конторою М. М. Лодыжинскій. Любопытно, что онъ, пересылая къ Державину письма, которыя получалъ на его имя, нерѣдко извинялся въ томъ, что они распечатаны. Между тѣмъ Бушуевъ писалъ Гаврилѣ Романовичу: «Письма партикулярныя посылайте осторожнѣе: они всѣ распечатываются». Однажды Державинъ выразилъ Лодыжинскому свое подозрѣніе или, по крайней мѣрѣ, удивленіе по поводу такихъ странныхъ присылокъ. Тотъ отвѣчалъ: «Повелѣнія я никакого не имѣю письма распечатывать и ко мнѣ всегда запечатанныя привозятся,

[1] V, 8.

а только нечаянною ошибкою, отъ множества писемъ полученныхъ, вдругъ сіе послѣдовало; вы жъ не токмо прежнія, но и при томъ письмѣ другое получили нераспечатанное, почему сами можете заключить, что сіе сдѣлалось неумышленно; а что оно никѣмъ не читано, въ томъ клянусь вамъ честію, ибо по распечатаніи скоро усмотрѣно, что принадлежитъ не къ намъ» [1].

Самая дружеская переписка была у Державина съ однимъ изъ крейсъ-комиссаровъ колоній на луговой сторонѣ Волги (къ юго-западу отъ устья Иргиза), гдѣ Гаврила Романовичъ нерѣдко, въ эту эпоху, также долженъ былъ находиться. Это былъ жившій то въ колоніи Панинской, то въ Шафгаузенѣ, капитанъ Іоаннъ Вильгельми—Иванъ Давыдовичъ, какъ его называли порусски,—человѣкъ сердечный, общительный, веселый и притомъ масонъ; онъ особенно полюбилъ Державина: всѣ письма его (до 20-ти), писанныя по-нѣмецки, безъ фразъ и лести, доказываютъ искреннюю пріязнь и преданность.

Въ серединѣ апрѣля Вильгельми разослалъ по колоніямъ циркуляръ о томъ, чтобы по требованіямъ присланнаго поручика гвардіи Державина ему оказываемо было всякое содѣйствіе и особенно давались бы подводы. Черезъ недѣлю была пасха, и Вильгельми писалъ ему: «Христосъ воскресъ! Я и семья моя искренно благодаримъ васъ за добрыя ваши пожеланія, и взаимно поздравляемъ васъ отъ всего сердца. Когда вы возвратитесь, то получите здѣсь наши пасхальныя яица. Вамъ же да будетъ дано счастіе положить къ стопамъ великой нашей монархини Пугачева вмѣсто краснаго яичка» [2]. Въ Малыковкѣ Державинъ безпрестанно чувствовалъ недостатокъ въ первыхъ потребностяхъ жизни, и потому, какъ Новосильцовъ изъ Саратова, такъ Вильгельми изъ колоній доставляли ему разные предметы; напр. къ этому самому письму приложенъ былъ между-прочимъ кожаный колетъ. Въ другой разъ онъ посылаетъ Державину корзинку салату или снабжаетъ его кофеемъ. «Прошу васъ», пишетъ онъ однажды,

[1] V, 125 и 126.

[2] Ihnen aber sey das Glück bestimmt, den Pugatscheff unserer grossen Monarchin zum Osterey zu Füssen zu legen. V, 61.

«прислать мнѣ завтра изъ Малыковки хорошую лодку, въ которой я бы могъ отправить къ вамъ 800 или 1000 р. мѣдью (казенныхъ денегъ); здѣсь же нѣтъ ни одной годной лодки». Адресъ на этомъ письмѣ написанъ былъ по-французски [1].

Въ іюнѣ Вильгельми поѣхалъ въ Симбирскъ закупать хлѣбъ для колоній. Онъ увѣдомляетъ Державина о ходѣ своего дѣла и о смятеніи, распространяемомъ по Волгѣ слухами про Пугачева, такъ что онъ не рѣшается даже, какъ предполагалъ прежде, ѣхать и въ Казань. Оставивъ семью свою въ колоніяхъ, онъ поручаетъ жену Державину, прося навѣщать ее и заблаговременно предостеречь въ случаѣ опасности, чтобы она успѣла перебраться на другую сторону Волги. Наконецъ, 10-го іюля, извѣщая Державина о конченной закупкѣ 7,000 четв. ржи, Вильгельми пишетъ: «Здѣсь новая армія Пугачева производитъ столько шума и ужаса, что повѣрить трудно; въ случаѣ надобности поручаю вамъ мой домъ». Вильгельми и послѣ Пугачевщины продолжалъ переписываться съ Державинымъ: «Вы, почтеннѣйшій другъ», говорилъ онъ однажды, «оставили въ сердцѣ моей семьи чувство искреннѣйшей пріязни и чистѣйшаго уваженія, которыя по гробъ не угаснутъ» [1]. Но здоровье Вильгельми въ это время было уже совершенно разстроено; принужденный ходить на костыляхъ, онъ въ 1776 г. поѣхалъ лѣчиться въ Сарепту (вмѣстѣ съ Лодыжинскимъ, который между тѣмъ, лишившись жены, просилъ Державина не оставлять осиротѣвшихъ дѣтей его), и мы уже навсегда теряемъ обоихъ изъ виду. Вильгельми скоро умеръ.

Обзоръ переписки Державина, до отъѣзда его въ Саратовъ, знакомитъ насъ съ характеромъ его частныхъ сношеній за это время. Если значительная доля изъявляемой ему приверженности и должна быть отнесена на счетъ его положенія, то всетаки нельзя не видѣть въ этихъ чувствахъ и отклика на собственныя его симпатическія свойства, внушавшія любовь и довѣріе: на его добродушіе, участливое отношеніе къ людямъ и общительность. Такимъ рисуютъ его многія свидѣтельства и въ позднѣйшее время.

[1] V, 117 и 300.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

ДѢЛА ВЪ САРАТОВѢ И ИХЪ ПОСЛѢДСТВІЯ.

(Іюль и августъ 1774.)

1. ПОѢЗДКА ВЪ САРАТОВЪ. П. С. ПОТЕМКИНЪ.

Отправляясь въ Саратовъ, послѣ бывшаго въ Малыковкѣ пожара, Державинъ намѣревался лично похлопотать, чтобы опекунская контора вторично отпустила ему часть своей артиллерійской команды и вмѣстѣ изслѣдовать обстоятельство, которое контора приводила какъ главную причину своего отказа, т. е. будто въ колоніяхъ на луговой сторонѣ Волги становилось неспокойно.

Была у него еще и другая цѣль при этой поѣздкѣ. Въ Покровской слободѣ (противъ Саратова на другомъ берегу Волги, ширина которой тутъ составляетъ болѣе четырехъ верстъ) живутъ переселенные при Петрѣ Великомъ Малороссіяне [1]. До Державина дошло, будто всѣ они втайнѣ согласились бѣжать къ Пугачеву въ Башкирію. Доносчикомъ былъ малыковскій дворцовый крестьянинъ Василій Ивановъ Поповъ, который сказывалъ, что недавно самъ онъ это слышалъ въ Покровской слободѣ отъ своего пріятеля. Такое показаніе повидимому подтверждалось полученнымъ съ Иргиза извѣстіемъ, что тамъ шатаются Малороссіяне, развѣдывая, гдѣ именно стоятъ наши команды. Державинъ послалъ Попова къ Лодыжинскому съ письмомъ объ изслѣдованіи этого дѣла. Долго не получая отвѣта, онъ рѣшился на мѣстѣ развѣдать, справедливо ли обвиненіе Малороссіянъ, которые могли быть въ сношеніяхъ съ малыковскими жителями.

[1] Ихъ переведено туда, послѣ волненій, бывшихъ при Мазепѣ, около 400 семей. Они промышляютъ, главнымъ образомъ, перевозкою на волахъ элтонской соли.

По пріѣздѣ въ Саратовъ, Державинъ узналъ, что Лодыжинскій передалъ дѣло коменданту Бошняку, а Бошнякъ далъ Попову отрядъ казаковъ, которые забирали Малороссіянъ подъ стражу и стали грабить ихъ домы. Между тѣмъ обвиняемые рѣшительно отреклись отъ всякаго злого умысла, и Поповъ за ложный доносъ посаженъ подъ караулъ. Надо замѣтить, что когда въ 1772 году Пугачевъ былъ взятъ въ Малыковкѣ и отправленъ въ Симбирскъ, то извозчикомъ былъ этотъ самый Поповъ, впослѣдствіи оказавшійся большимъ плутомъ и пьяницей. Пугачевъ тогда говорилъ ему, что оставилъ у раскольничьяго игумна Филарета (на Иргизѣ) 470 рублей. Поповъ, возвратясь домой, писалъ къ Филарету и требовалъ этихъ денегъ подъ угрозой извѣта. Когда впослѣдствіи Пугачевъ овладѣлъ Саратовомъ, то Малороссіяне отыскали Попова, все еще сидѣвшаго подъ карауломъ, и изранили его такъ, что жизнь его висѣла на волоскѣ [1]. При окончательномъ слѣдствіи долговременное заключеніе и это насиліе вмѣнены Попову въ наказаніе, и въ приговорѣ онъ отнесенъ къ разряду оправданныхъ.

Удостовѣрясь въ неосновательности доноса Попова на Малороссіянъ, Державинъ старался лично склонить контору иностранныхъ къ отпуску съ нимъ фузелеровъ, но настоянія его были напрасны: Лодыжинскій слишкомъ хорошо усвоилъ себѣ смыслъ пословицы: «своя рубашка къ тѣлу ближе».

Въ Саратовѣ Державинъ получилъ отъ сызранскаго воеводы Иванова сообщеніе о бѣдствіи, постигшемъ его родную Казань. Пугачевъ, съ уральскихъ заводовъ бросившись къ Камѣ, овладѣлъ на этой рѣкѣ пригородомъ Осою. Вѣсть о томъ заставила Щербатова двинуться изъ Оренбурга къ Казани; чтобы скорѣе поспѣть туда, онъ на пути отдѣлился отъ войска и прибылъ въ Бугульму на почтовыхъ. Здѣсь онъ узналъ о разоре-

[1] См. мои *Матеріалы для исторіи Пугач. бунта*, въ *Сборн. русск. яз. и сл.* XVIII, стр. 131. Также *Русскую Старину* 1876 г., XVI, стр. 612—619, гдѣ однакоже годы означены невѣрно, что́ особенно важно въ отношеніи къ игумну Филарету, который, какъ извѣстно, послѣ освобожденія его при разореніи Казани Пугачевымъ, не былъ отыскань.

нiи Казани. Пугачевъ, ворвавшись въ городъ, опустошилъ большую половину его огнемъ и мечемъ, но не могъ овладѣть крѣпостью, гдѣ заключились городскiя власти и множество жителей. Михельсонъ не успѣлъ нагнать его до Казани, но подошелъ къ ней уже въ вечеру того же дня. Услышавъ о его приближенiи, Пугачевъ встрѣтилъ его въ 7-ми верстахъ отъ города, около села Царицына, и здѣсь былъ совершенно разбитъ, чтó повторилось въ слѣдующее утро на Арскомъ полѣ, а черезъ два дня опять близъ Царицына. Послѣ этихъ пораженiй самозванецъ устремился вверхъ по Волгѣ. Думали, что онъ пойдетъ на Москву, и уже тамошнiй градоначальникъ кн. Волконскiй готовился встрѣтить его; но Пугачевъ у Кокшайска переправился черезъ Волгу и обратился на югъ, — только не къ Дону, какъ того ожидали, а по нагорному берегу Волги. Понятно, что онъ не хотѣлъ слишкомъ удаляться отъ низовыхъ областей и Яика, чтобы въ случаѣ неудачи имѣть куда укрыться. Вѣсть о несчастiи Казани была знаменательна для Саратова, и Державинъ поспѣшилъ передать ее тамошнимъ властямъ.

Почти въ то же время онъ получилъ другое, лично для него очень важное извѣстiе. На сцену дѣйствiя вступалъ новый человѣкъ, и въ немъ еще новый начальникъ для Державина. Екатерина II, назначая кн. Щербатова главнокомандующимъ въ военныхъ дѣйствiяхъ, не подчинила ему секретныхъ комиссiй, а отдала ихъ въ вѣдѣнiе губернаторовъ—Бранта въ Казани и Рейнсдорпа въ Оренбургѣ. Между тѣмъ, однакожъ, понимая необходимость связи въ дѣйствiяхъ обѣихъ комиссiй, она прiискивала человѣка, которому могла бы поручить ихъ съ полнымъ довѣрiемъ, и выборъ ея остановился на молодомъ генералъ-майорѣ Павлѣ Сергѣевичѣ Потемкинѣ, внучатномъ братѣ любимца. Павелъ Потемкинъ былъ человѣкъ свѣтскiй, получившiй порядочное образованiе (по преданiю, въ Моск. университетѣ), большой почитатель Вольтера и Руссо, которыхъ онъ переводилъ, обходительный, любезный, но безъ особенныхъ способностей и безъ твердыхъ нравственныхъ правилъ. Его литературные труды, между-прочимъ драма въ пяти дѣйствiяхъ на подвиги Русскихъ въ Архипелагѣ, давно забыты. Только что

кончившаяся турецкая война, въ которой онъ отличился, доставила ему георгіевскій крестъ и генеральскій чинъ. Вызвавъ его изъ дѣйствующей арміи, императрица инструкціей 11-го іюня возложила на него новыя важныя обязанности и, кромѣ начальства надъ секретными комиссіями, поручила ему: изслѣдовать причины возмущенія, изыскать на мѣстѣ лучшія средства къ искорененію этихъ причинъ и придумать новыя основанія, на которыхъ можно впредь установить «поселянскій порядокъ» и повиновеніе взбунтовавшагося «яицкаго народа». Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ долженъ былъ принимать въ свое вѣдѣніе казаковъ, возвращавшихся съ раскаяніемъ, и «персоною своею» внушая Яицкимъ казакамъ уваженіе и довѣріе, умиротворять ихъ [1].

Прибывъ въ Казань въ ночь на 8-е іюля, то-есть ровно за четыре дня до нашествія Пугачева, Павелъ Потемкинъ принялъ начальство надъ стоявшими тамъ полками, но ничего не могъ сдѣлать къ спасенію города: 12-го числа, какъ онъ послѣ доносилъ императрицѣ, онъ вышелъ съ отрядомъ изъ 400 человѣкъ на встрѣчу мятежниковъ, но былъ не въ силахъ остановить ихъ и едва успѣлъ укрыться въ крѣпости. На другое утро онъ выступилъ оттуда только тогда, когда Михельсонъ, разбивъ Пугачева, на разсвѣтѣ занялъ Арское поле и далъ знать о своемъ приближеніи казанскимъ властямъ. Здѣсь Потемкинъ, по словамъ Михельсона, «своимъ присутствіемъ былъ свидѣтель вторичной побѣдѣ надъ Пугачевымъ» [2], слѣдовательно, самъ въ ней не участвовалъ.

Вскорѣ опредѣлились отношенія Державина къ Потемкину.

[1] См. статью мою *П. С. Потемкинъ во время Пугачевщины*, гдѣ документъ этотъ вмѣстѣ съ другими напечатанъ цѣликомъ, въ *Русск. Старинѣ* 1870, II, 400.

[2] Послѣ этого выраженія и въ виду другихъ донесеній Михельсона, для насъ не совсѣмъ понятенъ отзывъ Екатерины II въ одномъ письмѣ къ А. Г. Орлову: «О пугачевскихъ обстоятельствахъ только теперь сіе вамъ скажу, что Павелъ Потемкинъ, послѣ послѣдней той шайкой большой проказы, его совершенно разбилъ» *(Сб. Р. Ист. Общ.* I, 99). Сказано ли это до полученія донесеній Михельсона, по слухамъ, или на основаніи того, что писалъ самъ П. Потемкинъ?

Щербатовъ, узнавъ о прибытіи въ Казань послѣдняго, поспѣшилъ отправить къ нему всѣ рапорты Державина и другія бумаги, относившіяся къ дѣятельности этого офицера, о которомъ въ то же время отозвался съ большой похвалою. Вслѣдъ за тѣмъ и Потемкинъ сталъ переписываться очень благосклонно съ своимъ новымъ подчиненнымъ. «Разсматривая дѣла, вами произведенныя», писалъ онъ, «съ особливымъ удовольствіемъ находилъ я порядокъ оныхъ, образъ вашего намѣренія и связь его съ дѣлами, а потому вамъ нелестно скажу, что таковый помощникъ много облегчитъ меня при обстоятельствахъ, въ какихъ я наѣхалъ Казань»[1]. Нѣсколько позже Потемкинъ сообщаетъ Державину о мѣрахъ, принятыхъ противъ Пугачева: Михельсонъ его преслѣдуетъ, графу Меллину приказано отрѣзать его отъ московской дороги, а Мюфелю — итти съ третьей стороны, отъ Симбирска. «Какъ по таковымъ обстоятельствамъ», продолжаетъ онъ, «можетъ-быть принужденъ будетъ злодѣй обратиться на прежнее гнѣздо, то представляется вамъ пространное поле къ усугубленію опытовъ ревности вашей къ службѣ нашей премудрой монархини. Я увѣренъ, что вы знаете совершенно цѣну ея щедротъ и премудрости. Способности же ваши могутъ измѣрить важность дѣла и предстоящую вамъ славу, ежели злодѣй устремится въ вашу сторону и найдетъ въ сѣти, отъ васъ приготовляемыя. Не щадите ни трудовъ, ни денегъ: двадцать тысячъ и болѣе готовы наградить того, кто можетъ сего варвара, разорителя государственнаго, представить. Увѣдомляйте меня чаще какъ возможно, какіе объ немъ слухи есть въ вашей сторонѣ. Здѣсь многіе думаютъ, что онъ пробирается на Донъ, но я не думаю, а думаю, что если не усилитъ онъ своей толпы, то пойдетъ или на Яикъ, или къ вамъ (т. е. въ Малыковку). За лишнее почитаю подтверждать вамъ, что трудъ вашъ будетъ имѣть должное воздаяніе: вы извѣстны, что ея императорское величество прозорлива и милостива, а по мѣрѣ и важности дѣлъ вашихъ, будучи посредникъ дѣлъ, не упущу я ничего представлять ея величеству съ достойной справедли-

[1] V, 144.

востью, и могу удостовѣрить васъ, что хотя не имѣлъ случая васъ знать, но, видя дѣла ваши, съ совершеннымъ признаніемъ пребываю вашего высокоблагородія искренній слуга Павелъ Потемкинъ»[1]. Послѣ такихъ доказательствъ высокаго мнѣнія начальниковъ о дѣятельности Державина, насъ не должно удивлять, если онъ иногда придавалъ ей слишкомъ большую важность и выходилъ изъ границъ, которыя ему предписывало его служебное положеніе.

2. САРАТОВСКІЯ ПРЕРЕКАНІЯ.

Посмотримъ, чтó происходило между тѣмъ въ Саратовѣ. Это былъ въ то время важнѣйшій городъ обширной Астраханской губерніи, расположенной по обѣ стороны Волги: граница ея начиналась на сѣверѣ отъ устья Самары, а на югѣ обнимала все теченіе Терека. Въ губернскомъ городѣ Астрахани было немного болѣе 3,500 жителей, тогда какъ населеніе Саратова простиралось почти до 7,000. Не надо однакожъ забывать, что этотъ городъ, какъ выше показано, очень пострадалъ отъ бывшаго въ маѣ 1774 года пожара. Многія улицы представляли печальный видъ пожарища; мѣстами строились новые домá. Уцѣлѣли между-прочимъ на краю города обширные хлѣбные магазины, принадлежавшіе колонистамъ и потому бывшіе въ вѣдѣніи Лодыжинскаго.

При отправленіи Кречетникова на губернаторство послѣ Бекетова, ему приказано было оставаться въ Саратовѣ, какъ менѣе отдаленномъ мѣстѣ[2]. Несмотря на то, новый губернаторъ, неизвѣстно по какимъ побужденіямъ, 25-го іюня уѣхалъ въ Астрахань и цѣлый мѣсяцъ оставался въ дорогѣ. Можетъ-быть онъ думалъ, что Пугачевъ, потерпѣвъ нѣсколько пораженій, уже не опасенъ: послѣдствія показали недальновидность этого соображенія. Уѣхавъ такъ не во-время, онъ оставилъ Саратовъ

[1] V, 145.

[2] Высоч. повелѣніе отъ 22-го окт. 1773 г. и рапортъ Кречетникова Военной коллегіи 14-го дек. того же года, въ Госуд. архивѣ.

на жертву несогласій двухъ начальниковъ, не хотѣвшихъ подчиняться другъ другу. Полковникъ Бошнякъ[1], бывшій тамъ комендантомъ съ 1771 г. и исправлявшій вмѣстѣ должность воеводы, считалъ себя выше Лодыжинскаго, чиновника гражданскаго и притомъ «человѣка новаго», какъ самъ онъ называлъ себя по недавнему своему опредѣленію въ тогдашнюю свою должность. Тѣмъ не менѣе Лодыжинскій, будучи бригадиромъ[2], слѣдовательно по чину старше Бошняка, и нося званіе главнаго судьи опекунской конторы, смотрѣлъ на себя, какъ на первое въ городѣ лицо. Такого же мнѣнія о немъ былъ и Державинъ. Служивъ прежде по инженерной части, Лодыжинскій, въ вопросѣ о способѣ обороны Саратова, могъ конечно считаться болѣе свѣдущимъ нежели Бошнякъ, человѣкъ хотя и храбрый, но, какъ видно изъ его поступковъ, ограниченный и нерѣшительный[3]. Лодыжинскій не зависѣлъ отъ губернатора; по одному этому Кречетниковъ не могъ быть особенно расположенъ къ нему, а съ Державинымъ онъ уже прежде имѣлъ столкновенія. Уѣзжая изъ Саратова, Кречетниковъ поручилъ охраненіе города коменданту, но съ тѣмъ чтобы онъ совѣщался съ другими начальниками и дѣйствовалъ съ общаго согласія[4]. Въ этомъ распоряженіи заключалось уже сѣмя раздора. Когда получено было извѣстіе о разореніи Казани и о направленіи, взятомъ Пугачевымъ, то Лодыжинскій, по предложенію Державина, рѣшился созвать совѣтъ для обсужденія мѣръ къ оборонѣ города*. Извѣстно, что такія совѣщанія въ тогдашнихъ обстоятельствахъ бывали и въ другихъ городахъ.

[1] Иванъ Константиновичъ происходилъ отъ греческаго дворянскаго рода Кондосколиди. Въ Россію отецъ его прибылъ изъ Греціи при Петрѣ Великомъ съ княземъ Кантемиромъ; два сына его, Иванъ и Константинъ, оставшіеся въ Нѣжинѣ, приняли по семейнымъ причинамъ фамилію своего крестнаго отца, Бошняка (*Р. Стар.* 1879, т. XXV, кн. III, стр. 211).

[2] Лодыжинскій былъ собственно статскимъ совѣтникомъ, но назывался бригадиромъ, точно такъ же какъ и до сихъ поръ гражданскихъ чиновниковъ 4-го класса и выше зовутъ генералами. Какъ видѣли въ предыдущей главѣ, онъ управлялъ конторою по дѣламъ колонистовъ.

[3] Анучинъ. *Графъ Панинъ, усмиритель Пугачевщины. Русскій Вѣстникъ* 1869, № 3, стр. 41.

[4] Рапортъ астрах. губернатора сенату 7-го авг., № 249, въ Гос. архивѣ.

24-го іюля Лодыжинскій пригласилъ въ свою контору коменданта, нашего пріѣзжаго офицера и еще Кикина, своего товарища по должности. Комендантъ былъ того мнѣнія, что надо укрѣпить Саратовъ и дожидаться нападенія; Державинъ же, а за нимъ и другіе находили, что по обширности и положенію города укрѣпить его въ короткое время невозможно, притомъ нѣтъ въ достаточномъ количествѣ ни войска, ни артиллеріи для занятія такого значительнаго пространства. Поэтому, согласно съ настоятельнымъ требованіемъ Державина, положено было, въ случаѣ приближенія мятежниковъ, итти къ нимъ вооруженною силой на встрѣчу, а чтобъ укрыть казенныя деньги и тѣхъ жителей, которые неспособны носить оружіе, — построить земляное укрѣпленіе близъ города на берегу Волги, въ томъ мѣстѣ, гдѣ находятся конторскіе магазины и казармы. Лодыжинскій, какъ бывшій штабъ-офицеръ инженернаго корпуса, составилъ уже и планъ такого укрѣпленія. Для постройки его комендантъ, — который въ должности воеводы имѣлъ въ своемъ вѣдѣніи и полицію, — согласился въ одинъ изъ ближайшихъ дней прислать работниковъ съ инструментами. Онъ обѣщалъ также отдать артиллерійской командѣ, для исправленія, городскія пушки, поврежденныя отъ пожара. Державинъ, съ своей стороны, вызвался отрядить, изъ бывшихъ въ распоряженіи его казаковъ, 50 человѣкъ для разъѣздовъ, а въ случаѣ приближенія Пугачева, отдать и всю свою двухсотенную команду.

На другой день Державинъ, совершенно успокоенный, поскакалъ обратно въ Малыковку, чтобы приготовить вооруженныхъ крестьянъ для встрѣчи Пугачева или поимки его въ случаѣ бѣгства, и, дѣйствительно, ему удалось собрать толпу тысячи въ полторы обывателей, которую онъ и поручилъ своему повѣренному, Герасимову.

Во время краткаго пребыванія въ Малыковкѣ Державинъ поспѣшилъ чрезъ нарочныхъ извѣстить кн. Щербатова, Мансурова и Бранта о положеніи дѣлъ въ Саратовѣ. Онъ выражалъ при этомъ надежду, что саратовское войско будетъ въ состояніи отразить Пугачева, если онъ вздумаетъ попытаться пройти

на Донъ. Но Державина сильно безпокоили, съ одной стороны. несогласія саратовскахъ властей, а съ другой, общее настроеніе жителей. По первому обстоятельству онъ просилъ Щербатова прислать поскорѣе ордеръ, кому, за отсутствіемъ губернатора, быть главнымъ начальникомъ. О расположеніи же умовъ онъ писалъ: «Народъ здѣсь отъ казанскаго несчастія въ страшномъ колебаніи. Должно сказать, что если въ страну сію пойдетъ злодѣй, то нѣтъ надежды никакъ за вѣрность жителей поручиться. Хотя не можно ничего сказать о какомъ-либо явномъ замѣшательствѣ, однако по тайному слуху всѣ ждутъ чаемаго ими Петра Федоровича. Внѣдрившаяся въ сердца язва, начавшая утоляться, кажется оживляется и будто ждетъ только случая открыть себя. Ни разумъ, ни истинная проповѣдь о милосердіи всемилостивѣйшей нашей государыни,—ничто не можетъ извлечь укоренившагося грубаго и невѣжественнаго мнѣнія. Кажется бы нужно нѣсколько преступниковъ въ сей край прислать для казни: авось либо незримое здѣсь и страшное то позорище дастъ нѣсколько иныя мысли» [1]. При письмѣ къ Бранту была отправлена и копія съ опредѣленія, къ которому Державинъ, какъ онъ выразился, «подвигъ начальниковъ» въ Саратовѣ.

Но между тѣмъ, уже въ самый день отъѣзда его оттуда, Бошнякъ объявилъ, что не исполнитъ опредѣленія, наканунѣ постановленнаго. Поводомъ къ тому былъ только что привезенный отъ князя Щербатова отвѣтъ на выраженныя ему комендантомъ опасенія. Увѣдомляя Бошняка о побѣдахъ Михельсона, о стремленіи Пугачева къ Курмышу и о преслѣдованіи его, главнокомандующій заключалъ такъ: «Городу же Саратову опасности быть не можетъ, потому что отъ стороны Симбирска и Самары приказалъ я обратить, для перехваченія сего изверга, стоящія тамъ войски». Воротившійся съ этой бумагой офицеръ (Мосоловъ) сообщилъ въ дополненіе слухъ, будто Пугачевъ бѣжитъ такъ стремительно, что почти всѣхъ своихъ оставляетъ на дорогѣ, а самъ убирается на перемѣнныхъ лошадяхъ» [2].

[1] V, 147 и 148.

[2] Письмо Новосильцова къ Державину отъ 26 іюля. V, 143.

Въ этихъ извѣстіяхъ Бошнякъ увидѣлъ желанный предлогъ отступиться отъ опредѣленія, подписаннаго имъ неохотно. Онъ положительно отказался дать рабочихъ людей и не слушалъ никакихъ убѣжденій Лодыжинскаго и другихъ лицъ, которыя понимали, что «опасность не только не миновалась, но еще умножилась» [1]. Между тѣмъ и Бошнякъ долженъ былъ такъ же хорошо понимать это, потому что онъ, въ одинъ день съ ордеромъ кн. Щербатова, получилъ изъ Пензы офиціальное извѣстіе, что Пугачевъ съ толпою изъ 2,000 человѣкъ уже въ пятидесяти верстахъ отъ Алатыря, откуда до Саратова менѣе 400 верстъ. Не смотря на то, Бошнякъ въ тотъ же день написалъ Кречетникову, что, въ слѣдствіе увѣдомленія Щербатова, онъ впредь до новыхъ извѣстій рѣшился предположеннаго земляного укрѣпленія не дѣлать. Лодыжинскій и его сторонники, не имѣя возможности безъ согласія Бошняка добыть работниковъ, сочли нужнымъ прибѣгнуть къ энергической помощи Державина. Новосильцовъ и Свербеевъ [2] тотчасъ же написали ему въ Малыковку обо всемъ происходившемъ въ Саратовѣ. «Всѣ здѣшніе господа медлители», сообщалъ Свербеевъ, «состоятъ въ той же нерѣшимости, а пречестные усы (Бошнякъ), въ бытность свою вчера здѣсь (т. е. въ конторѣ), благоволили обеззаботить всѣхъ насъ своимъ упрямствомъ, при чемъ нѣкоторые съ пристойностью помолчали, нѣкоторые пошумѣли, а мы, будучи зрителями, послушали и, пожелавъ другъ другу покойнаго сна, разошлись, и тѣмъ спектакль кончился. Пріѣзжай, братецъ, поскорѣе и нагони на нихъ страхъ: авось, подѣйствуютъ всего лучше ваши слова и тѣмъ успокоятся жители» [3].

По этимъ письмамъ Державинъ 30-го іюля воротился въ Саратовъ и узналъ тамъ слѣдующее:

По поводу извѣстій о приближеніи Пугачева, 27-го числа было новое совѣщаніе, на этотъ разъ при участіи мѣстнаго ку-

[1] V, 146—150.

[2] О Новосильцовѣ уже было говорено; Николай Як. Свербеевъ былъ его родственникъ и сослуживецъ по «конторѣ опекунства иностранныхъ».

[3] V, 144.

печества и членовъ Низовой соляной конторы. Здѣсь первоначальное опредѣленіе было возобновлено, но Бошнякъ не подписалъ его. Купечество дало отъ себя работниковъ, и въ продолженіе двухъ дней нѣсколько сотъ человѣкъ трудились надъ укрѣпленіемъ. Между тѣмъ пришло извѣстіе, что Пугачевъ уже въ Алатырѣ и идетъ къ Саранску. Бошнякъ началъ убѣждаться въ необходимости какихъ-нибудь предосторожностей. Онъ соглашался имѣть около провіантскихъ магазиновъ небольшое укрѣпленіе, но считалъ всетаки нужнымъ возобновить валъ, окружавшій весь городъ, поставивъ на немъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ батареи. Объ этомъ прислалъ онъ Лодыжинскому 28-го числа особое мнѣніе, объясняя, что онъ, какъ комендантъ, не можетъ оставить города и церквей, остроговъ и складовъ вина на расхищеніе злодѣямъ.

Неудобство плана сдѣлать укрѣпленіе вокругъ всего города было признано уже на первомъ совѣщаніи, и потому лица, подписавшія тогда опредѣленіе, отправились 29-го къ коменданту и старались переубѣдить его. Бошнякъ не только не принялъ ихъ доводовъ, но на слѣдующій день уже находилъ всякое укрѣпленіе около провіантскихъ магазиновъ излишнимъ, такъ какъ они лежатъ въ ямѣ, и предлагалъ перевезти провіантъ въ городъ подъ защиту задуманнаго имъ вала, а также и лагерь перемѣстить оттуда на большую дорогу, расположивъ его «передъ самымъ городомъ близъ каменной часовни, гдѣ и воды было бы довольно». Съ этимъ мнѣніемъ Бошнякъ 30-го числа поѣхалъ въ опекунскую контору и вмѣстѣ съ тѣмъ объявилъ только что полученный отъ Кречетникова ордеръ, чтобы всѣ бывшіе въ городѣ воинскіе чины отданы были въ распоряженіе коменданта. Но съ мыслію его о способѣ укрѣпленія Саратова Лодыжинскій не соглашался, находя, что провіантскіе магазины во всѣхъ отношеніяхъ удобнѣйшее для укрѣпленія мѣсто, тѣмъ болѣе что тамъ сложено болѣе 20,000 четвертей муки и немалое количество овса. Въ этомъ смыслѣ Лодыжинскій и Державинъ, только что вернувшійся въ Саратовъ, съ жаромъ оспаривали Бошняка. Но онъ, не склоняясь на ихъ сторону, въ тотъ же день началъ строить укрѣпленіе по своему собственному плану и написалъ обо

всемъ этомъ Кречетникову, увѣдомляя его вмѣстѣ съ тѣмъ, что онъ требуетъ изъ Царицына на помощь майора Дица съ его отрядомъ. Дица звалъ въ Саратовъ и Державинъ.

Тогда же, сильно раздраженный упорствомъ Бошняка, Державинъ рѣшился высказать ему откровенно свои мысли и написалъ къ нему длинное, заносчивое письмо, въ которомъ, сославшись на свое полномочіе, язвительно осмѣиваетъ разсужденія Бошняка, какъ вовсе незнакомаго съ инженернымъ дѣломъ, грозитъ донести обо всемъ П. С. Потемкину, объявляетъ, что онъ со всѣми подписавшими опредѣленіе беретъ на себя отвѣтственность въ принятомъ рѣшеніи, и, наконецъ, снова настаиваетъ на постройкѣ укрѣпленія по мысли Лодыжинскаго. (Это письмо, въ первый разъ напечатанное Пушкинымъ, можно найти въ V томѣ нашего изданія, стр. 150.) Письмо въ томъ же родѣ было наканунѣ послано къ Бошняку и отъ Лодыжинскаго, который выражался еще безцеремоннѣе своего пріятеля и просто дразнилъ коменданта своими грубыми выходками *.

1-го августа Державинъ внесъ въ магистратъ предложеніе, чтобы укрѣпленіе было безотлагательно построено въ томъ или другомъ мѣстѣ; онъ требовалъ: приложить къ тому всѣ силы, не исключая ни одного человѣка способнаго къ работѣ, и приготовиться къ защитѣ до послѣдней капли крови, а ежели кто обнаружитъ недостатокъ усердія, тотъ будетъ признанъ измѣнникомъ и немедленно отосланъ, скованный, въ секретную комиссію. Въ подкрѣпленіе этого приговора онъ взялъ съ жителей подписку, которою они, въ случаѣ колебанія или перехода къ Пугачеву, сами себя обрекали на смертную казнь.

Предложеніе Державина магистрату привело къ тому, что въ тотъ же день состоялось собраніе всѣхъ бывшихъ въ городѣ офицеровъ. Видя продолжавшееся упорство коменданта, тутъ же присутствовавшаго, всѣ единодушно соединились противъ него и составили опредѣленіе, подъ которымъ для выигранія времени согласились подписываться безъ соблюденія старшинства, кому какъ случится. Въ этомъ опредѣленіи было между-прочимъ сказано, что «какъ комендантъ, съ 24-го іюля продолжая почти всякій день непонятныя отговорки, поныне почти ни на чемъ не

утвердился и потому къ безопасности здѣшняго города никакого начала не сдѣлано и время почти упущено, то всѣ нижеподписавшіеся согласно опредѣлили: несмотря на несогласіе означеннаго коменданта, по вышеписанному учрежденію дѣлать непремѣнно исполненіе», т. е. поспѣшно строить укрѣпленіе по плану Лодыжинскаго. Этотъ общій приговоръ позволяетъ догадываться, что ссора Державина съ Бошнякомъ не была частнымъ между ними дѣломъ, какъ можно бы заключить изъ записокъ поэта, а выражала неудовольствіе большинства саратовскаго общества противъ упрямаго коменданта. По послѣднему опредѣленію, работы надъ укрѣпленіемъ возобновились, но черезъ два дня опять были прекращены. Послали спросить полиціймейстера (Мальцова), чтó это значитъ. Онъ отвѣчалъ, что наканунѣ получилъ отъ коменданта приказаніе объявить народу черезъ сотскихъ и десятскихъ, что никто на работы не наряжается, но что желающіе могутъ итти отъ себя. Державинъ кипѣлъ гнѣвомъ и негодованіемъ: немедленно онъ опять написалъ въ магистратъ, строго требуя отчета въ нарушеніи письменнаго обязательства[1]. По праву члена секретной комиссіи, онъ настаивалъ, чтобы воеводская канцелярія прислала къ нему зачинщиковъ ослушанія.

Бошнякъ между тѣмъ не уставалъ жаловаться Кречетникову на дѣйствія своихъ противниковъ, между-прочимъ и на поданное въ магистратъ предложеніе Державина, прося внушить имъ, чтобы они прекратили споры, которые производятъ въ народѣ волненіе. «Въ происшедшихъ спорахъ», писалъ онъ въ одномъ изъ своихъ рапортовъ, «они, а особливо г. поручикъ Державинъ, всячески меня ругательными и весьма безчестными словами поносили и бранили, и онъ г. Державинъ намѣрялся меня, яко совсѣмъ—по ихъ мнѣнію—осужденнаго, арестовать, въ чемъ я при теперешнемъ весьма нужномъ случаѣ вашего превосходительства и не утруждаю, а послѣ буду просить должной по закону сатисфакціи... Да и какъ я тому бригадиру Лодыжинскому паки про полученный мною отъ вашего превосходительства ордеръ напомянулъ токмо, онъ и на то мнѣ объявилъ, что онъ хотя и читалъ,

[1] V, 159.

но не помнитъ, да и контора де у губернатора не подъ властію». Наконецъ, Бошнякъ жаловался, что офицеры, подписавшіе послѣднее опредѣленіе (майоры Бутыркинъ, Салмановъ, Зоргеръ, Быковъ и Тимонинъ), созваны были безъ его вѣдома, хотя и отъ имени его, и «отобрали у него команду», почему и просилъ новыхъ приказаній о мѣрахъ, какія слѣдовало принять.

Кто былъ правъ? кто виноватъ? Мы не знаемъ, чѣмъ кончилось бы дѣло, еслибъ принято было предложеніе Державина итти на встрѣчу Пугачеву и сразиться съ нимъ въ полѣ, но знаемъ, что послѣдствія не оправдали мнѣнія и поступковъ Бошняка: вмѣсто того, чтобы, по желанію самого губернатора, энергически дѣйствовать заодно съ другими, комендантъ посылалъ за нѣсколько сотъ верстъ просить разрѣшенія у своего начальника. Отвѣты Кречетникова получены были уже послѣ занятія Саратова Пугачевымъ; послѣдній ордеръ его даже и писанъ былъ только тогда, когда мятежники уже были въ этомъ городѣ. Именно, въ день ихъ прихода, 6-го августа, онъ писалъ коменданту, что одобряетъ его предположеніе о городскомъ валѣ и что должно тотчасъ же приступить къ постройкѣ его «всѣмъ гражданствомъ». Еще позднѣе Кречетниковъ просилъ сенатъ подтвердить Лодыжинскому, чтобъ онъ въ приготовленіяхъ къ оборонѣ Саратова поступалъ согласно съ распоряженіями коменданта, которому онъ губернаторъ въ своемъ отсутствіи поручилъ охраненіе города, какъ первому тамъ военному начальнику. При этомъ онъ не забылъ сослаться на указъ 1764 г., по которому губернаторы въ смутное время «берутъ надъ всѣми въ губерніи своей главную команду», но прибавилъ, что ему Кречетникову, по крайнему недостатку людей, никакъ нельзя притти на помощь Саратову *. Разумѣется, сенатъ ничего уже не могъ сдѣлать по такому представленію. Эти обстоятельства еще разъ доказываютъ, какъ несостоятельны были по большей части правительственныя лица, которымъ пришлось дѣйствовать во время Пугачевщины.

Пока Бошнякъ жаловался на своихъ противниковъ Кречетникову, Державинъ то же дѣлалъ въ своей перепискѣ съ Павломъ Потемкинымъ. «Комендантъ», писалъ онъ въ рапортѣ, который впослѣдствіи былъ доставленъ въ руки императрицы, «яв-

нымъ дѣлается развратителемъ народа и посѣваетъ въ сердца ихъ интригами недоброхотство… чернь ропщетъ и указываетъ, что имъ комендантъ не велитъ»[1]. — «Къ крайнему оскорбленію», отвѣчалъ Потемкинъ, «получилъ я вашъ рапортъ, что г. полковникъ и саратовскій комендантъ Бошнякъ, забывая долгъ свой, не только не вспомоществуетъ благому учрежденію вашему къ охраненію Саратова, но и препятствуетъ укрѣплять оный: того для объявите ему, что я именемъ ея императорскаго величества объявляю, что ежели онъ что-либо упуститъ къ воспріятію мѣръ должныхъ, какъ на пораженіе злодѣя, стремглавъ бѣгущаго отъ деташаментовъ майора гр. Меллина и подполковника Муфеля, такъ и на укрѣпленіе города Саратова по положенію условному, о коемъ вы мнѣ доносили: тогда я данною мнѣ властію отъ ея величества по всѣмъ строгимъ законамъ учиню надъ нимъ судъ»[2].

Разумѣется, что и это письмо опоздало. Мы увидимъ впослѣдствіи, что тѣмъ дѣло не кончилось: Бошнякъ, благодаря Кречетникову, нашелъ могучаго заступника въ графѣ П. И. Панинѣ, въ глазахъ котораго Державину сильно повредила его ссора съ комендантомъ. Князь Голицынъ, какъ и Потемкинъ, былъ совершенно на сторонѣ нашего поэта, но это тѣмъ болѣе навлекло на послѣдняго нерасположеніе Панина, смотрѣвшаго косо на обоихъ генераловъ.

3. Экспедиція въ Петровскъ.

Пока въ Саратовѣ происходили описанные споры, Пугачевъ быстро приближался къ этому городу. Никогда еще его злодѣйства не были такъ многочисленны и ужасны. Устрашенные жители встрѣчали его съ покорностью, и города́ сдавались одинъ за другимъ. Въ Саратовѣ уже знали, что онъ 1-го августа вступилъ въ Пензу. Державинъ писалъ Потемкину, что тамъ онъ «взялъ довольно пороху и пушекъ, да болѣе 200,000 казенныхъ денегъ. Вотъ ему помощь», прибавлялъ Державинъ, «еще про-

[1] V, 160.
[2] V, 172.

изводить злодѣянія его. Мы его покупаемъ за 20,000[1], а онъ за насъ, уповаю, не пожалѣетъ всѣхъ 200,000»[2]. Державинъ продолжалъ принимать дѣятельныя мѣры къ огражденію Саратова. Еще прежде онъ поставилъ противъ Сызрани, на луговой сторонѣ, сотню изъ казаковъ, остававшихся на Иргизѣ, и велѣлъ этому отряду дѣлать разъѣзды до Самары, а другую сотню расположилъ въ Малыковкѣ, съ тѣмъ чтобы и она разъѣзжала какъ до Сызрани, такъ и къ сторонѣ Пензы. Теперь онъ приказалъ на большомъ протяженіи свести суда съ нагорнаго берега на луговой или затопить ихъ. Но этого казалось ему еще мало: онъ жаловался Потемкину на недостаточность своей власти и просилъ подтвердить мѣстнымъ начальствамъ, чтобы его слушались.

Наконецъ пришло извѣстіе, что Пугачевъ идетъ на Петровскъ (крѣпость на р. Медвѣдицѣ), откуда до Саратова только девяностосемь верстъ. Тамошній воевода, полковникъ Зимнинскій, бѣжалъ черезъ Саратовъ въ Астрахань. Секретарь его, Яковлевъ, также искалъ спасенія въ Саратовѣ, гдѣ, однакожъ, впослѣдствіи былъ убитъ мятежниками. Изъ властей въ Петровскѣ остался на свою бѣду только воеводскій товарищъ Буткевичъ (изрубленный при вступленіи туда Пугачева). Въ городѣ не было принято никакихъ мѣръ; успѣли только вывезти часть казны въ Сызрань. Жители бунтовали.

Еще на первомъ совѣщаніи, происходившемъ въ Саратовѣ 24-го іюля, Державинъ обязался дать свою команду для разъѣздовъ къ сторонѣ Петровска и, въ случаѣ приближенія Пугачева, присоединить ее къ саратовскому отряду. Когда обстоятельства того потребовали, онъ, правда, не могъ дать команды, которая оставалась въ Малыковкѣ, но зато взялся ѣхать лично въ Петровскъ, выпросивъ изъ опекунской конторы сто человѣкъ Донскихъ казаковъ съ есауломъ Фоминымъ[3]. Поводъ къ

[1] См. выше, стр. 153.

[2] V, 161.

[3] Вмѣстѣ съ фузелерными ротами эта сотня казаковъ была въ распоряженіи Лодыжинскаго. Она командировалась къ нему какъ для предосторожности отъ воровскихъ набѣговъ, такъ и для развозки и препровожде-

этому предпріятію былъ слѣдующій. Державинъ писалъ въ Петровскую воеводскую канцелярію, чтобы оттуда прислали въ Саратовъ казну и государственныя дѣла (архивъ). Согласно съ этимъ деньги и бумаги дѣйствительно были сложены на подводы, но городской сотникъ съ мірскими людьми, а потомъ и воинская команда съ своимъ офицеромъ остановили возы, сбросили съ нихъ кладу и не позволили забирать изъ воеводской канцеляріи остальное. Тогда секундъ-майоръ Буткевичъ написалъ Державину (3-го августа), чтобъ онъ для вывоза денегъ и бумагъ немедленно командировалъ въ Петровскъ «человѣкъ до ста» [1]. Державинъ рѣшился въ тотъ же день исполнить это требованіе и притомъ лично присоединиться къ командѣ. Цѣлью его при этомъ было вывезти изъ Петровска не только казну и дѣла, но также пушки и порохъ, узнать силы Пугачева и подать саратовскимъ властямъ примѣръ рѣшимости. Съ вечера 3-го числа онъ послалъ впередъ свой отрядъ [2], приказавъ по станціямъ заготовить себѣ лошадей. Проведя почти всю слѣдующую ночь безъ сна, онъ написалъ къ Потемкину рапортъ обо всемъ, что́ видѣлъ въ Саратовѣ, и о предпринятомъ дѣлѣ. Тогда-то разгоряченному воображенію поэта явилось видѣніе, о которомъ онъ разсказываетъ въ своихъ запискахъ. Стоя середи своей комнаты (въ крестьянской избѣ) и разговаривая съ Лодыжинскимъ, Новосильцовымъ и Свербеевымъ, онъ посмотрѣлъ нечаянно въ маленькое боковое окно и увидѣлъ въ немъ голову остова, бѣлую, будто она вся была изъ тумана; ему казалось, что она, вытараща глаза, хлопала губами. Хотя, говоритъ онъ, трудно было при этомъ защититься отъ суевѣрнаго страха, однакожъ онъ

пія писемъ, денежной казны, лошадей и рогатаго скота по колоніямъ. Есаулъ Фоминъ былъ командированъ въ Саратовъ въ 1770 году (Анучинъ, *Р. Вѣстн.* 1869, № 3, стр. 43).

[1] V, 159.

[2] 80 человѣкъ, по словамъ капитана Саратовскаго баталіона Ивана Сапожникова, отправленнаго, послѣ взятія Саратова, изъ Царицына въ Петербургъ, и составившаго, по требованію Панина, записку о саратовскихъ происшествіяхъ. По другому свѣдѣнію, казаковъ при Державинѣ было только 60.

не отложилъ своей поѣздки и никому не сказалъ о видѣніи, которое всякій счелъ бы за дурное предзнаменованіе.

4-го числа, рано утромъ, Державинъ пустился въ путь вмѣстѣ съ майоромъ Гогелемъ, офицеромъ польской службы, который, по поводу переселенія польскихъ выходцевъ на Иргизъ, жилъ въ колоніяхъ [1] и добровольно присоединился къ нему. Верстахъ въ 15-ти отъ Петровска, возвращавшійся курьеръ Бошняка сказалъ имъ, что Пугачевъ верстъ за тридцать отъ города по ту сторону его и будетъ въ немъ ночевать. Державинъ надѣялся еще поспѣть туда во-время, чтобы, по крайней мѣрѣ, заклепать пушки и затопить порохъ; но, проѣхавъ еще пять верстъ, онъ услышалъ отъ встрѣченнаго имъ мужика, что мятежники уже только въ пяти верстахъ отъ Петровска. Нечего было дѣлать: Державинъ остановился, чтобы послать погоню за отправленными впередъ казаками. Гогель вызвался ѣхать къ нимъ самъ, желая развѣдать, въ какомъ числѣ приближающаяся толпа. Нагнавъ казаковъ, онъ отрядилъ четырехъ человѣкъ къ Петровску. Долго они пропадали; наконецъ, только двое вернулись [2], сознаваясь, что они были у Пугачева, который уже въ городѣ. Тогда и прочіе казаки объявили есаулу, что они поѣдутъ къ мнимому государю. Гогель, примѣтивъ, что они и его самого хотятъ схватить, поспѣшилъ удалиться, а есаулъ прибѣгнулъ къ хитрости и сказалъ имъ: «Ну, ребята, когда вы не слушаетесь меня, то я съ вами; только дайте мнѣ попридержать или заколоть офицеровъ». Они его отпустили. Державинъ между тѣмъ отправилъ къ графу Меллину малыковскаго крестьянина съ письмомъ объ ускореніи помощи Саратову, но едва онъ успѣлъ отпустить его, какъ увидѣлъ скачущаго во весь духъ Гогеля и за нимъ Фомина; они

[1] Лодыжинскій, въ одномъ изъ своихъ писемъ, называетъ Гогеля «вызывательскимъ повѣреннымъ»; князь Голицынъ, въ рапортѣ Панину, говоритъ про Гогеля: «яко находящійся при правленіи колонистскихъ дѣлъ». По словамъ Державина, Федоръ Федоровичъ Гогель былъ крейсъ-комиссаромъ, т. е. завѣдывалъ однимъ изъ округовъ колоній.

[2] Въ одномъ извѣстіи объ этой экспедиціи упоминается и есаулъ Волжскихъ казаковъ Татаринъ, но, кажется, ошибочно. См. объ этомъ ниже примѣч. на стр. 172.

кричали: «Казаки измѣнили, спасайтесь!» Державинъ вмѣстѣ съ ними поскакалъ къ Саратову. Самъ Пугачевъ съ нѣсколькими изъ своихъ сообщниковъ гнался за ними верстъ десять. Они уже были у него въ виду, но, благодаря прыткости своихъ лошадей, не были настигнуты. Въ руки мятежниковъ попалъ только слуга Державина, нанятый имъ въ Казани гусаръ изъ польскихъ конфедератовъ. Когда Державинъ ускакалъ верхомъ, этотъ человѣкъ остался назади въ кибиткѣ его съ ружьями и пистолетами, и былъ захваченъ людьми Пугачева. Ниже увидимъ, какую роль онъ позднѣе взялъ на себя въ отношеніи къ своему бывшему господину.

Пушкинъ, въ первый разъ, сообщилъ довольно вѣрныя, хотя и не совсѣмъ точныя свѣдѣнія объ экспедиціи Державина подъ Петровскъ[1]. Въ наше время нѣкоторые критики находили бѣгство его въ этомъ эпизодѣ постыднымъ, но едва ли справедливо: оставленный своимъ отрядомъ, онъ внезапно очутился почти лицомъ къ лицу съ толпой въ нѣсколько тысячъ человѣкъ. Начать сопротивляться значило бы вступить, безъ всякой надобности и пользы, въ неравный бой: итакъ Державинъ могъ говорить объ этомъ случаѣ не краснѣя, и добросовѣстно передалъ въ своихъ запискахъ подробности дѣла. Мы дополнили ихъ по подлиннымъ актамъ. Графу Панину онъ писалъ впослѣдствіи: «Здѣсь признаться должно вашему сіятельству, что я, Гогель и есаулъ до Саратова спаслись бѣгствомъ, но и въ сей необходимости я не позабылъ своего долга»[2].

4. ПУГАЧЕВЪ ВЪ САРАТОВѢ.

Державинъ возвратился въ Саратовъ въ четвертомъ часу утра 5-го августа. Опасность сдѣлалась неминуемой, а между тѣмъ войска въ городѣ было очень мало: около 400 артиллери-

[1] *Соч.* его, VI, 195.

[2] V, 240. Рапортъ Державина Потемкину объ этой экспедиціи V, 167. Ср. VI, 497. Но относительно казаковъ, отдѣлившихся отъ Фомина и Державина, есть другое свидѣтельство, снимающее съ нихъ упрекъ въ измѣнѣ и раскрывающее, что всѣ они при первой возможности оставили Пугачева. См. Анучина *Русск. Вѣстн.* 1869, № 3, стр. 47—49.

стовъ, 270 казаковъ (Волжскихъ и Саратовскихъ), да человѣкъ 720 гарнизонныхъ солдатъ[1]. Пушекъ было всего 12, но вполнѣ исправныхъ между ними только четыре (въ томъ числѣ одна мортира).

Лодыжинскій и Державинъ рѣшились еще разъ попытаться склонить коменданта къ принятію ихъ плана обороны. Они пригласили его въ контору. Отказавшись сначала ѣхать, онъ однакожъ прибылъ туда часу въ 7-мъ утра, но ничего положительнаго не обѣщалъ. Черезъ часъ Лодыжинскій вновь отправился къ нему, взявъ съ собою своихъ сослуживцевъ Кикина и Батурина, артиллерійскаго майора Семанжа, а также и Державина, «яко очевиднаго свидѣтеля всѣмъ происшествіямъ». Послѣдній при этомъ случаѣ возобновилъ свое смѣлое предложеніе итти со всѣми силами, какія есть, на встрѣчу Пугачеву; когда же на это не соглашались, то онъ подалъ такое мнѣніе, къ которому присталъ и Лодыжинскій: такъ какъ вслѣдъ за Пугачевымъ идутъ наши войска, которыя должны подоспѣть не позже какъ дня черезъ три послѣ него, то нужно придумать средство, какъ бы продержаться до того времени, а для этого можно построить на первый случай грудной оплотъ (или ретраншаментъ) изъ кулей муки и и́звести и за нимъ отсидѣться подъ прикрытіемъ пушекъ. Однакожъ и этотъ планъ не былъ признанъ удобоисполнимымъ[2].

Комендантъ рѣшился дѣйствовать по собственному усмотрѣнію: послѣ полудня, часу въ третьемъ, па московскую (петровскую) дорогу выведено было около двухъ сотъ пѣшихъ солдатъ, вооруженныхъ одними кольями, безъ огнестрѣльнаго оружія; они были расположены поперекъ дороги, влѣво отъ Соколовой горы. Такое распоряженіе, по мнѣнію противной партіи, было чрезвычайно необдуманно: Соколова гора, господствуя надъ всѣмъ городомъ, представляла непріятелю самое удобное для батареи мѣсто: съ нея можно было обстрѣливать и городской валъ, отдѣляв-

[1] Это свѣдѣніе о численности войска въ Саратовѣ заимствовано изъ офиціальныхъ источниковъ. Державинъ же показываетъ приблизительно 800 чел. пѣхоты и 600 казаковъ (V, 147 и 149).

[2] Тѣмъ не менѣе изъ письма Лодыжинскаго видно, что онъ въ два дня успѣлъ сдѣлать половину такого ретраншамента.

шійся отъ нея только буеракомъ, за которымъ кое-гдѣ было поставлено по жалкой пушкѣ. Спереди, по описанію Державина[1], были рвы, которые могли служить мятежникамъ вмѣсто траншей, съ одной стороны названная гора, съ другой — открытое поле, а сзади строеніе, куда атакующіе безопасно могли отступить въ случаѣ неудачи; люди не были размѣщены въ опредѣленномъ количествѣ. «Жители безъ начальника», продолжаетъ Державинъ, «и толпы безъ присмотра собирались гдѣ хотѣли... тутъ я вообразилъ, что это ратуетъ на Тамерлана нѣкакій древній воевода: нарядный былъ безпорядокъ! Хотя Пугачевъ и грубіянъ, но, какъ слышно, и онъ умѣлъ пользоваться всегда таковыми выгодами. Сего не довольно. Майоры Зоргеръ и Бутыркинъ сказывали мнѣ, что городовыя пушки заколочены ядрами и что ежели де мы сего не усмотрѣли, то можетъ-быть со всѣми сіе случилось. Услышавъ сіе, я ужаснулся! Пошелъ къ коменданту и спросилъ его съ учтивостію, въ присутствіи бригадира и прочихъ, объ ономъ; онъ отвѣчалъ, что это бездѣлица и что это пушкари, учившися, изъ шалости сдѣлали».

Своими настойчивыми спорами Державинъ до такой степени возстановилъ противъ себя Бошняка, что еще наканунѣ петровской экспедиціи послѣдній могъ объявить ему приказаніе губернатора немедленно удалиться на Иргизъ, какъ мѣсто, собственно назначенное для его пребыванія[2]. Хотя послѣ этого Державинъ имѣлъ полное право не дожидаться нападенія Пугачева на Саратовъ, тѣмъ болѣе, что онъ, пріѣхавъ сюда на время съ особою цѣлью, безъ воинской команды, вовсе не былъ обязанъ участвовать въ защитѣ Саратова по плану, который горячо оспаривалъ, однакожъ, по чувству чести русскаго офицера, онъ рѣшился раздѣлить опасность съ жителями города: выпросилъ себѣ у майора Семанжа роту, не имѣвшую офицера, и уже взялъ ее въ свою команду, какъ вдругъ неожиданное обстоятельство заставило его отказаться отъ этого плана, потребовавъ его присутствія въ другомъ мѣстѣ. Поздно вечеромъ

[1] Рапортъ гр. П. И. Панину, отъ 5-го октября 1774 г. V, 241.

[2] Ордеръ объ этомъ Кречетникова Бошняку см. V, 149.

того же дня, находясь у Лодыжинскаго вмѣстѣ съ Семанжемъ, онъ получилъ отъ своего повѣреннаго Герасимова рапортъ съ тревожнымъ извѣстіемъ. Припомнимъ, что Державинъ успѣлъ собрать въ Малыковкѣ до 1,500 вѣрныхъ крестьянъ, которыхъ, по его распоряженію, Герасимовъ долженъ былъ привести на помощь Саратову. Они уже были на пути, но въ селѣ Чардышѣ, услышавъ объ измѣнѣ казаковъ подъ Петровскомъ и неудачѣ Державина, отказались итти безъ него далѣе и требовали, чтобъ онъ, если еще живъ, самъ повелъ ихъ. «То не изволите ли», писалъ Герасимовъ, «пріѣхать къ намъ поспѣшнѣе сами и ободрить проклятую чернь собою? Недалеко отъ сего мѣста село Усовка бунтуетъ, да и всѣ жительства не надежны, и мы съ ними хотѣли драться. Кричатъ по улицамъ во весь народъ, что де батюшка нашъ Петръ Федоровичъ близко, и онъ де васъ всѣхъ перевѣшаетъ. Боюсь, чтобъ и наши того жъ не затѣяли: извольте поспѣшить къ намъ поскорѣе»[1]. Такого требованія Державинъ не могъ оставить безъ исполненія: рѣшился ѣхать, о чемъ и сообщилъ Лодыжинскому, умолчавъ однакожъ о волненіи крестьянъ, чтобъ не произвести еще бо́льшаго смятенія въ Саратовѣ. Желая, напротивъ, ободрить жителей, онъ обѣщалъ просить Мансурова итти изъ Симбирска на помощь Саратову, и для этого онъ, дѣйствительно, отправилъ къ названному генералу другого своего повѣреннаго, Серебрякова[2]. Самъ же онъ выѣхалъ изъ Саратова въ ночь на 6-е августа, черезъ нѣсколько часовъ по полученіи письма Герасимова и часовъ за пятнадцать до прихода туда Пугачева. По нагорной сторонѣ уже слишкомъ опасно было ѣхать среди бунтующаго народа, и потому онъ переправился черезъ Волгу въ село Покровское (ле-

[1] V, 166.

[2] Это порученіе сдѣлалось гибельнымъ для Серебрякова: въ дорогѣ, на иргизской степи, онъ попалъ въ руки шатавшейся шайки и былъ убитъ— очень кстати, говоритъ Державинъ въ своихъ запискахъ, какъ для самого себя, такъ и для замѣшаннаго съ нимъ въ уголовное дѣло Максимова и для многихъ сенатскихъ чиновниковъ. Впослѣдствіи оказалось, что убійцы Серебрякова были бѣглые солдаты; главный изъ нихъ, Иванъ Григорьевъ, былъ повѣшенъ Державинымъ.

жащее на другомъ берегу рѣки, противъ Саратова). Въ ожиданіи здѣсь лошадей онъ написалъ длинный рапортъ Потемкину, гдѣ отдалъ ему отчетъ и въ своей поѣздкѣ подъ Петровскъ, и въ позднѣйшихъ обстоятельствахъ.

Между тѣмъ начальствующіе въ Саратовѣ, въ виду предстоявшей опасности, заботились о заблаговременномъ вывозѣ оттуда казенныхъ денегъ и бумагъ. Въ день возвращенія Державина изъ-подъ Петровска, Лодыжинскій, бывъ у Бошняка рано утромъ, просилъ помочь ему въ пріисканіи судовъ и доставить чрезъ полицію извозчиковъ для перевозки на суда денежной казны. Бошнякъ обѣщалъ, но ничего не сдѣлалъ. Къ вечеру казначей, поручикъ Стихеусъ, насилу могъ достать одно судно и, не имѣя лошадей, долженъ былъ прибѣгнуть къ караульнымъ и случившимся въ Саратовѣ колонистамъ для переноса на рукахъ мѣдной монеты, которой было въ конторѣ около 27,000 руб.[1] Они проработали до 4-го часа по полудни слѣдующаго дня, т. е. до той минуты, когда мятежники уже начали вступать въ городъ. Тогда на это же судно сѣлъ самъ Лодыжинскій съ Кикинымъ и Батуринымъ; они отплыли въ Царицынъ и прибыли туда благополучно на шестыя сутки (11-го августа)[2].

Для удаленія конторскихъ дѣлъ и остальной монеты (15,000 мѣдью и серебромъ) было взято судно съ невыгруженною еще мукою; но оно было не такъ счастливо какъ первое: его разграбили въ пути дворцовые крестьяне; бывшіе на немъ чиновники и служители подверглись истязаніямъ и были отвезены къ Пугачеву, конвой же и купцы отпущены въ Саратовъ. Бошнякъ также успѣлъ отправить водою дѣла воеводской канцеляріи и казну ея, составлявшую болѣе 50,000 руб., съ воеводскимъ товарищемъ Телегинымъ и служителями. Они прибыли въ Цари-

[1] Замѣчательно, какими массами мѣдныя деньги накоплялись въ тогдашнихъ казначействахъ: есть преданіе, что при взятіи Саратова мятежники стрѣляли мѣдными пятаками, которыхъ у Пугачева было много, такъ какъ въ Пензѣ онъ взялъ 136 боченковъ мѣдныхъ денегъ. Анучинъ *Р. Вѣстн.* 1869, № 3, стр. 52.

[2] Описаніе этого переѣзда, сдѣланное самимъ Лодыжинскимъ, см. V, 283.

цынъ въ одинъ день съ судномъ Лодыжинскаго. Но въ Саратовѣ оставалась еще порядочная сумма казенныхъ денегъ (26,000 руб.), которая попала въ руки мятежниковъ.

По показанію Бошняка, къ нему уже въ 9 часовъ утра 6-го числа пришелъ майоръ Семанжъ и объявилъ, что Лодыжинскій уѣхалъ. Наканунѣ вечеромъ начальникъ опекунской конторы приказалъ Семанжу: присоединивъ казаковъ къ артиллерійской командѣ, выступить въ ночь на встрѣчу мятежникамъ; если же отразить ихъ окажется невозможнымъ, то примкнуть къ командѣ, составленной Бошнякомъ за городскимъ валомъ, и быть у него въ подчиненіи. Въ ночь на 6-е Семанжъ, дѣйствительно, двинулся по петровской дорогѣ съ 300 рядовыхъ и 27-ю офицерами, и въ двухъ верстахъ отъ Саратова расположился лагеремъ. Поутру посланные Семанжемъ въ разъѣздъ Волжскіе казаки (62 человѣка) бѣжали къ Пугачеву, стоявшему уже только въ трехъ верстахъ отъ города. Вернулся одинъ есаулъ Тарарінъ; казаки за нимъ погнались, и онъ едва спасся, заколовъ двухъ изъ нихъ [1]. Между тѣмъ комендантъ вывезъ на встрѣчу самозванца свои десять пушекъ, поставилъ въ боевой порядокъ всѣхъ воинскихъ людей по валу, по обѣимъ сторонамъ московскихъ воротъ, а остальныхъ казаковъ и саратовскихъ жителей, вооруживъ ихъ чѣмъ только могъ, протянулъ отъ праваго фланга до буерака [2].

Вскорѣ Семанжу дано было знать комендантомъ, что мятежники уже врываются въ Саратовъ съ другой стороны. Семанжъ поспѣшилъ въ городъ и, донеся обо всемъ Бошняку, сталъ съ нимъ въ одинъ полигонъ за валомъ. Они обложились рогатками и, гдѣ удобно было, поставили пушки. Жители стали вдоль вала группами, въ небольшомъ разстояніи одна отъ другой. Пугачевъ приближался. Съ нимъ было, по словамъ Пушкина, до 10,500 человѣкъ, въ томъ числѣ 300 Яицкихъ каза-

[1] См. о немъ V, 9, гдѣ однакожъ невѣрно сказано (на основаніи ошибки въ одномъ рапортѣ царицынскаго коменданта Цыплетева), что это произошло во время петровской экспедиціи.

[2] Изъ записки капитана Сапожникова.

ковъ, да около 150 Донскихъ, которые перебѣжали къ нему уже изъ Саратова; остальную массу составляли Калмыки, Башкирцы, Татары и всякая сволочь. По показанію же Бошняка, вся толпа самозванца не превышала тутъ 4,000 человѣкъ. Они подъѣхали къ валу и стали разговаривать съ казаками. Тогда же многіе изъ городскаго войска стали перебѣгать къ мятежникамъ. По совѣту бывшаго бургомистра, купца Матвѣя Протопопова, жители послали къ Пугачеву первостатейнаго купца Кобякова для переговоровъ о сдачѣ города. Бошнякъ велѣлъ Семанжу дать выстрѣлъ изъ пушки картечью. Окружавшіе майора долго его останавливали; когда же онъ, не смотря на то, наконецъ выстрѣлилъ, то стали кричать, что онъ сгубилъ лучшаго человѣка (разумѣя Кобякова). Особенно Саратовскіе казаки съ большимъ азартомъ кричали на Семанжа и, стащивъ съ лошади есаула Винокурова, такъ что онъ упалъ замертво, всѣ передались. Съ такимъ же озлобленіемъ жители, особенно Протопоповъ, бранили Бошняка за то, что онъ велѣлъ стрѣлять, не дождавшись возвращенія посланнаго. Между тѣмъ, Кобяковъ вернулся съ запечатаннымъ письмомъ. Бошнякъ разорвалъ бумагу, не распечатывая конверта, и растопталъ ее [1]. Но обыватели продолжали говорить, что не хотятъ драться съ Пугачевымъ; офицеры и солдаты дурно исполняли свою обязанность. Тѣмъ временемъ мятежники открыли огонь изъ восьми пушекъ, изъ которыхъ, впрочемъ, только одна доставала въ укрѣпленіе. Послѣ десятаго выстрѣла часть жителей съ оружіемъ побѣжала въ толпу; другая, именно все купечество, бросилась въ городъ. Оборону продолжали только артиллеристы и баталіонные солдаты, окинувшись рогатками. Мятежники, съ крикомъ поскакавъ съ Соколовой горы, поставили пушки противъ редута, и въ половинѣ 2-го часа по полудни началась съ обѣихъ сторонъ пальба, продолжавшаяся около часу; но убитъ былъ только одинъ фузелеръ. Семанжъ, отчасти строгостью, отчасти лаской, успѣлъ два раза удержать солдатъ отъ бѣгства.

[1] Объ этомъ поступкѣ Бошняка первоначально упоминается только въ собственныхъ рапортахъ его.

Наконецъ, однакожъ, вся артиллерійская команда, внезапно поднявшись вмѣстѣ съ своими офицерами, также ушла въ толпу. Бошнякъ велѣлъ отступать. Но едва успѣли вывезти два орудія и, сомкнувшись съ остававшимися еще при знаменахъ солдатами саратовскаго баталіона (человѣкъ до 70), вышли изъ укрѣпленія, какъ новая измѣна разстроила въ самомъ началѣ правильное отступленіе. Баталіонный командиръ, секундъ-майоръ Салмановъ, которому приказано было, построивъ солдатъ въ карэ, итти съ половиною строя, вдругъ поворотилъ со всѣми бывшими при немъ и ушелъ къ Пугачеву, оставя Бошняка и Семанжа только съ 66-ю человѣками офицеровъ и рядовыхъ. Этотъ небольшой отрядъ продолжалъ отступленіе подъ выстрѣлами мятежниковъ, отстрѣливаясь изъ своихъ ружей и вездѣ отражая нападавшихъ, которые преслѣдовали горсть храбрыхъ верстъ шесть, пока не стемнѣло. Продолжая свой маршъ внизъ по Волгѣ, отступавшіе верстахъ въ 35-ти отъ Саратова сѣли въ лодку[1] и 11-го августа прибыли благополучно въ Царицынъ «со знаменами и со всею воеводскаго вѣдомства казною», какъ доносилъ Бошнякъ Кречетникову и Панину.

Подъ вечеръ 6-го августа Пугачевъ въѣхалъ въ Саратовъ съ частію своихъ людей; остальныя толпы его расположились по Улѣшамъ. Въ соборной церкви, куда онъ прежде всего отправился, всѣ жители, какъ самаго города, такъ и окрестностей, были приведены къ присягѣ. По обыкновенію, начались грабежи и убійства; между жертвами было нѣсколько оставшихся офицеровъ. Нѣкоторые изъ жителей успѣли бѣжать, въ томъ числѣ и членъ соляной конторы генералъ-аудиторъ лейтенантъ Савельевъ, который, со своими подчиненными и служителями, цѣлыхъ пять сутокъ скитался въ лѣсу. Отъ смерти избавился также гарнизонный капитанъ Мосоловъ, по артиллеріи капитанъ князь Баритаевъ былъ впослѣдствіи изрубленъ въ Камышенкѣ. Одинъ изъ передавшихся Пугачеву казаковъ, пяти-

[1] По свѣдѣніямъ г. Анучина Бошнякъ нагналъ Лодыжинскаго и пересѣлъ на его судно, но у Камышенки опять отдѣлился (*Р. Вѣстн.* 1869, № 3, стр. 52).

десятникъ Уфимцевъ, назначенъ саратовскимъ комендантомъ. Изъ острога были выпущены всѣ колодники, винные погреба разграблены, амбары открыты для безденежной раздачи хлѣба. На другой день Пугачевъ съ шестью сообщниками пріѣхалъ къ Троицкой церкви, гдѣ спрятана была часть денежной казны опекунской конторы, и велѣлъ сложить ее на возы. Денежная казна соляной конторы находилась на суднѣ, не успѣвшемъ отплыть. Оно было задержано со всѣми бывшими на немъ людьми. Пониже Улѣшей Пугачевъ велѣлъ этимъ людямъ раздѣться и плыть черезъ Волгу, а своихъ заставилъ стрѣлять по нимъ изъ ружей: несчастные всѣ до одного погибли.

9-го числа, въ суботу, Пугачевъ со своими толпами ушелъ внизъ по Волгѣ, приказавъ слѣдовать за собой и захваченному судну съ деньгами. По уходѣ самозванца, въ соборной церкви былъ отслуженъ молебенъ съ колокольнымъ звономъ. 11-го августа въ Саратовъ прибыли Муфель и гр. Меллинъ. Они остановились было въ 50-ти верстахъ, не считая себя довольно сильными для пораженія мятежниковъ, но, узнавъ, что Пугачевъ уже выступилъ, продолжали путь. Отставшая въ городѣ шайка была истреблена Меллиномъ, казаки же Муфеля на слѣдующее утро разбили другую въ полѣ. 14-го числа пришелъ и Михельсонъ; они всѣ трое двинулись вслѣдъ за Пугачевымъ. Начальство надъ городомъ временно поручено названному выше лейтенанту Савельеву.

5. Державинъ въ Сызрани. Бѣдствіе Малыковки.

Мы оставили Державина въ Покровской слободѣ, гдѣ онъ, по выѣздѣ изъ Саратова, долженъ былъ ждать лошадей и провелъ ночь за рапортомъ къ П. С. Потемкину. Потерявъ столько времени, онъ уже не успѣлъ, какъ намѣревался, присоединиться къ собраннымъ крестьянамъ: услышавъ о разореніи Саратова, онъ боялся, чтобъ они не передались Пугачеву, а потому и счелъ благоразумнѣйшимъ распустить ихъ. Послѣ этого онъ провелъ два дня въ ближайшихъ колоніяхъ, надѣясь чрезъ обывателей узнать, куда направился Пугачевъ, — на Яикъ, или внизъ по

Волгѣ. Остановившись у своего пріятеля, крейсъ-комиссара Вильгельми, онъ едва не попалъ въ руки бунтовщиковъ. Бывшій его слуга изъ польскихъ конфедераторовъ, схваченный, какъ выше было разсказано, подъ Петровскомъ, взялся за 10,000 руб. доставить ускользнувшаго офицера Пугачеву. Полякъ прибылъ въ колоніи съ прокламаціей, успѣлъ привлечь къ себѣ многихъ колонистовъ и разослалъ нарочныхъ искать обреченнаго на гибель. 8-го числа Державинъ услышалъ объ угрожающей ему опасности. Его спасъ егерь капитана Вильгельми: этотъ служитель, посланный подробнѣе развѣдать въ чемъ дѣло, поспѣшно воротился съ извѣстіемъ, что шайка, ищущая Державина, завтракаетъ въ сосѣдней колоніи. Державинъ взялъ лошадь, примчавшую егеря, поскакалъ въ Сызрань, до которой было 90 верстъ, къ Мансурову, и благополучно пріѣхалъ въ этотъ городъ 15-го августа. Самъ Мансуровъ прибылъ туда только наканунѣ. Извѣщеніе, отправленное Державинымъ изъ-подъ Петровска объ опасности Саратова, было получено генераломъ за недѣлю, при переправѣ черезъ Волгу. Но Мансуровъ, вопреки всѣмъ ожиданіямъ, не думалъ итти на помощь Саратову, имѣя при себѣ только слабый отрядъ, состоявшій большею частью изъ ненадежныхъ Яицкихъ казаковъ, которые прежде сами участвовали въ бунтѣ. Вмѣстѣ съ Мансуровымъ Державинъ рѣшился дождаться въ Сызрани князя Голицына.

Этотъ генералъ, отправленный Щербатовымъ изъ Оренбурга въ Башкирію, дѣйствовалъ тамъ съ большимъ успѣхомъ и очистилъ край по обѣ стороны рѣки Бѣлой до Уфы. Послѣ несчастія Казани онъ приблизился къ Мензелинску, откуда могъ продолжать слѣдить за Башкирцами. Здѣсь, въ послѣднихъ числахъ іюля, получилъ онъ неожиданно рескриптъ императрицы о принятіи отъ кн. Щербатова главнаго начальства надъ войсками. 8-го іюля, слѣдовательно еще до разоренія Казани, Екатерина подписала какъ этотъ рескриптъ, такъ и другой на имя кн. Щербатова съ повелѣніемъ ему «немедленно возвратиться ко двору для изустнаго донесенія о настоящихъ того края обстоятельствахъ». Мы видѣли, что императрица уже при назначеніи Щербатова не вполнѣ довѣряла его способностямъ; естественно

было еще болѣе усомниться въ нихъ послѣ новыхъ успѣховъ Пугачева. Впрочемъ, кн. Голицынъ очень не долго оставался преемникомъ Щербатова: уже черезъ три недѣли послѣ того какъ состоялся помянутый рескриптъ, именно 29-го іюля, главное начальство по усмиренію бунта было ввѣрено графу П. И. Панину. 30-го іюля Голицынъ, по вызову Щербатова, прибылъ въ Казань, 1-го августа принялъ команду надъ войсками, а 8-го, находясь еще въ Казани, получилъ увѣдомленіе гр. Панина о назначеніи послѣдняго главнокомандующимъ. Въ ночь на 10-е августа онъ оставилъ Казань, чтобы, направясь внизъ по Волгѣ, быть ближе къ наступательнымъ движеніямъ противъ Пугачева. Изъ Симбирска онъ отправился на соединеніе съ Мансуровымъ и 16-го числа доносилъ Панину [1], что въ два дня прошелъ болѣе 160 верстъ. Главною цѣлью его, какъ онъ писалъ, было помѣшать Пугачеву пробраться опять въ тамошнія мѣста; онъ надѣялся настигнуть его въ Саратовѣ и атаковать съ двухъ сторонъ. Но изъ предыдущаго разсказа намъ уже извѣстно, что этотъ планъ не могъ удаться, такъ какъ Пугачевъ былъ въ Саратовѣ уже 6-го августа.

Съ Мансуровымъ и Державинымъ Голицынъ свидѣлся въ селѣ Колоднѣ, близъ Сызрани, и отъ нихъ узналъ о послѣднихъ событіяхъ. Мансуровъ, по его приказанію, долженъ былъ, взявъ подъ свою команду отряды Муфеля и Меллина, отправиться съ ними для преслѣдованія Пугачева. Державинъ же пробылъ нѣсколько дней при князѣ, чтобы дождаться отъ П. Потемкина, изъ Казани, повелѣнія: что̀ предпринять и куда обратиться, такъ какъ въ мѣстахъ, порученныхъ его наблюденію, уже не для чего было оставаться послѣ того, какъ чрезъ нихъ прошелъ Пугачевъ.

Малыковка, по близости своей къ Саратову, не могла избѣгнуть той же участи. Державинъ предвидѣлъ это и, не смотря на свое опасное положеніе при проѣздѣ черезъ колоніи, имѣлъ столько присутствія духа, что принялъ важную предосторожность: онъ послалъ въ Малыковку приказаніе казначею и управителю увезти казну и бумаги на какой-нибудь островокъ на

[1] Изъ села Томашева, отъ Сызрани 40 верстъ ближе къ Саратову.

Волгѣ и тамъ окопаться. Тишинъ и Шишковскій въ точности исполнили это, взявъ съ собою своихъ женъ, лучшихъ крестьянъ и десятка два солдатъ.

9-го августа толпа малыковскихъ обывателей, услышавъ о приближеніи мятежниковъ, поѣхала къ нимъ на встрѣчу. Семнадцать сообщниковъ Пугачева, ворвавшись въ село, велѣли искать управителя и казначея, расхитили ихъ имущество, выпустили на волю около 15-ти колодниковъ и, разбивъ питейный домъ, заставили народъ пить за здоровье государя Петра Федоровича: многіе присоединились къ нимъ.

Неподалеку, въ селѣ Воскресенскомъ, стоялъ отрядъ Донскихъ казаковъ; есаулъ Богатыревъ послалъ часть ихъ въ Малыковку, но изъ этой партіи четверо, бросивъ копья и ружья, тотчасъ же пристали къ бунтовщикамъ. Прочіе успѣли схватить девять человѣкъ изъ этихъ послѣднихъ и отвести ихъ къ Богатыреву. Остальные восемь мятежниковъ стали разъѣзжать по селу, били крестьянъ плетьми и вѣшали непокорныхъ, таскали соль изъ амбаровъ и грабили деньги. Къ вечеру всѣ они лежали пьяные передъ кружаломъ. Обыватели, перешедшіе на сторону самозванца, поставили при нихъ караулъ, и ночь прошла спокойно. Но утромъ опять полилась кровь, въ слѣдствіе неосторожности казначейши. Живя на островѣ и не подозрѣвая, что Малыковка уже въ рукахъ мятежниковъ, она уговорила мужа съѣздить къ оставленнымъ дома дѣтямъ. По указанію безжалостнаго лодочника, супруговъ схватили, мучили, били плетьми, и наконецъ, застрѣливъ, повѣсили на мачтахъ; потомъ отыскали дѣтей и также убили. Послѣ разныхъ другихъ неистовствъ злодѣи, взявъ на селѣ пятьдесятъ лошадей, со всѣми приставшими къ нимъ крестьянами и судорабочими разбѣжались разными дорогами внизъ по Волгѣ. Богатыревъ послалъ за ними погоню, и нѣкоторые были переловлены. Затѣмъ Малыковки болѣе не тревожили: Шишковскій и бывшіе при немъ солдаты спокойно воротились въ село[1].

[1] Всѣ эти подробности заимствованы изъ подлинныхъ документовъ, хранящихся въ Государственномъ архивѣ.

КАРТА

СѢВЕРНОЙ ГРУППЫ КОЛОНІЙ НА ЛУГОВОЙ СТОРОНѢ ВОЛГИ.

(къ стр. 107 и 179)

Лит. Н. Брезе, С.П.Б. Средн. Подьяческая, № 4.

6. Колоніи. Походъ въ киргизскую степь.

Было уже сказано о возмущеніи бо́льшей части колонистовъ. Въ Сызрани Державинъ, извѣстивъ о томъ Мансурова, далъ ему подписать воззваніе къ нимъ, составленное по-нѣмецки капитаномъ Вильгельми и переведенное по-русски Державинымъ. Въ этой бумагѣ, названной манифестомъ, генералъ обращается къ колонистамъ какъ «къ разсудительнымъ Европейцамъ» и приглашаетъ ихъ усмириться, обѣщая поспѣшить на защиту ихъ; упорнымъ же угрожаетъ жестокою казнію. Тутъ же объявлено, что тому, кто доставитъ Пугачева живымъ, будетъ выдано 25,000 р., а за мертваго половина этой суммы. Обнародованіе этого воззванія принялъ на себя писавшій его Вильгельми, съ тѣмъ чтобъ ему дали 80 казаковъ для обороны отъ нападавшихъ Киргизовъ.

Слухи о набѣгахъ этихъ инородцевъ дошли до кн. Голицына. Нужно было принять мѣры для возстановленія въ колоніяхъ спокойствія и безопасности. Такъ какъ отрядъ Голицына былъ очень не великъ, а притомъ часть его отправлена въ другую сторону, къ Пензѣ и Сызрани, то ему самому не съ чѣмъ было итти на помощь разоряемымъ селеніямъ. Тогда-то Державинъ, не получая отвѣта отъ Потемкина, вызвался предпринять съ крестьянами поискъ на Киргизъ-кайсаковъ, и просилъ только дать ему въ подкрѣпленіе небольшое число военныхъ людей. Голицынъ согласился.

Здѣсь мѣсто нѣсколько ближе ознакомить читателя съ заволжскими колоніями, гдѣ Державинъ жилъ не разъ во время Пугачевщины, гдѣ онъ на досугѣ занимался поэзіей и написалъ свои извѣстныя «Читалагайскія оды».

Уже въ началѣ своего царствованія Екатерина II прибѣгнула къ вызову иностранцевъ для заселенія нѣкоторыхъ малолюдныхъ мѣстностей Россіи, для содѣйствія успѣхамъ земледѣлія и промышленности. Такъ возникли, лѣтъ за десять до Пугачевщины, нѣмецкія колоніи по обѣ стороны Волги, около Саратова. Онѣ состоятъ изъ четырехъ группъ—двухъ на нагорномъ и двухъ на луговомъ берегу рѣки. Мы должны коснуться только послѣднихъ, и именно той группы, которая, начинаясь въ 35-ти верстахъ отъ Саратова колоніею Екатеринштадтъ, тянется верстъ

на пятьдесятъ вверхъ по Волгѣ, почти до впаденія въ нее Иргиза, или до окрестностей города Вольска (бывшаго села Малыковки). Въ этой группѣ 41 колонія; онѣ раздѣлены на четыре крейса или округа. На сѣверѣ крайняя къ Иргизу колонія называется Шафгаузенъ; на югѣ же онѣ кончаются Тонкошкуровскимъ округомъ, который вдается клиномъ въ обширную Уральскую степь, по обѣ стороны рѣки Большого Карамана [1].

Первоначальные поселенцы собрались почти изъ всѣхъ странъ Германіи, даже изъ Эльзаса и Лотарингіи, изъ Швейцаріи и Нидерландовъ. Болѣе всего высельниковъ было, однакожъ, изъ Гессена и Швабіи. Сборнымъ мѣстомъ ихъ для отправленія въ Россію былъ Регенсбургъ. По прибытіи первой партіи въ Кронштадтъ, Екатерина милостиво привѣтствовала своихъ гостей въ Ораніенбаумѣ. Число первыхъ поселенцевъ къ 1770 г. составляло около 27,000 душъ или 8,000 семей; но послѣ Пугачевщины оставалось лишь съ небольшимъ 23,000 душъ или 5,500 семействъ [2]. Нынче всѣ жители колоній говорятъ по-русски, но въ быту сохраняютъ особенности своего происхожденія.

Преданія о Пугачевщинѣ до сихъ поръ живы между колонистами: «Когда я»,—писалъ намъ въ 1860-хъ годахъ г. Пундани, бывшій пасторъ колоніи Баратаевки, — «опредѣлился сюда лѣтъ сорокъ тому назадъ, нѣкоторые старожилы Шафгаузена разсказывали мнѣ про Пугачевщину и говорили, что тамъ стояли двѣ пушки, которыя потомъ отправлены были на Иргизъ». Отъ первыхъ же поселенцевъ идетъ преданіе, что при холмѣ, въ чертѣ

[1] Нынче эти колоніи принадлежатъ частью къ Николаевскому, частью къ Новоузенскому уѣзду. Первоначально всѣхъ колоній было 102; около 1850 года было образовано еще 15 выселковъ изъ разныхъ колоній. Число всѣхъ колонистовъ простирается нынѣ за 100,000. Въ однѣхъ колоніяхъ населеніе протестантское, въ другихъ католическое, и замѣчательно, что послѣднія далеко отстали отъ первыхъ въ промышленности и благосостояніи. Названія колоній не одни и тѣ же по-нѣмецки и по-русски: такъ Паниновская у Нѣмцевъ Schönchen, Тонкошкуровка — Marienthal.

[2] Численныя показанія относительно колонистовъ основываются на бывшей въ рукахъ моихъ неизданной исторіи саратовскихъ колоній, составленной на нѣмецкомъ языкѣ г. Шнейдеромъ. На его отвѣтственности и оставляю эти показанія.

Баратаевки, когда-то стояло войско, и теперь еще тамъ видны остатки укрѣпленій.

Недолго иностранцы, поселившіеся за Волгой, наслаждались спокойствіемъ. Уже въ 1771 году пришли изъ-за яицкихъ степей Киргизъ-кайсаки и опустошили двѣ верхнія колоніи. Слухъ о всеобщей неурядицѣ во время пугачевскаго бунта вызвалъ ихъ на новые грабежи: они повторили свой набѣгъ лѣтомъ 1774 г., но, возвращаясь, наткнулись близъ Яика на казаковъ и принуждены были бросить часть добычи и плѣнныхъ. 15-го августа, въ день Успенія, колонія Тонкошкуровка опять подверглась такому вторженію. Киргизы напали на нее въ то время, когда жители были въ церкви; многихъ перебили, другихъ потащили въ плѣнъ. Разбѣжавшіеся по лѣсамъ возвратились вечеромъ, но нашли свои дома разграбленными и отправились въ Покровскую слободу искать себѣ тамъ пристанища.

Черезъ нѣсколько дней послѣ этого набѣга, Державинъ взялся итти на Киргизовъ съ крестьянами, которыхъ онъ надѣялся набрать въ Малыковкѣ и другихъ селеніяхъ. По его желанію, князь Голицынъ обѣщалъ дать ему сверхъ того часть казаковъ изъ отряда Мансурова и 25 Бахмутскихъ гусаръ; наконецъ, капитанъ Вильгельми вызвался набрать для него 300 колонистовъ. Начальство надъ послѣдними предполагалось поручить упомянутому выше Гогелю, также изъявившему готовность участвовать въ этой экспедиціи, которую Голицынъ, въ данной Державину бумагѣ, назвалъ «столь благороднымъ для общества дѣломъ».

21-го августа Державинъ выступилъ съ гусарами. На пути онъ долженъ былъ остановиться въ двухъ селахъ для совершенія казней. Князь Голицынъ отправилъ съ нимъ восемь колодниковъ, виновныхъ въ задержаніи курьера и отсылкѣ его къ Пугачеву. Главный изъ нихъ и былъ повѣшенъ въ томъ самомъ селѣ (Поселкахъ), гдѣ это случилось. Въ другомъ селѣ (Сосновѣ) такому же наказанію подвергся самый виновный изъ солдатъ, оказавшихся убійцами Серебрякова.

Прибывъ въ Малыковку, Державинъ нашелъ ее еще подъ впечатлѣніемъ совершившихся тамъ недѣли за двѣ передъ тѣмъ ужасовъ. Когда тамъ провѣдали о приближеніи его съ частію

отряда Голицына, то обыватели, боясь заслуженнаго наказанія за предательство, схватили участниковъ въ убіеніи семейства Тишиныхъ и посадили ихъ подъ караулъ. Державинъ тотчасъ допросилъ ихъ и, по данной ему власти, приговорилъ къ смерти. Одинъ изъ нихъ принадлежалъ къ извѣстной впослѣдствіи купеческой фамиліи; это былъ Семенъ Сапожниковъ, который въ современныхъ актахъ поименованъ между экономическими крестьянами, поѣхавшими изъ Малыковки на встрѣчу къ бунтовщикамъ. Этою казнью Державинъ желалъ какъ можно сильнѣе подѣйствовать на колебавшійся народъ, и потому, созвавъ всѣхъ обывателей села, обставилъ ее особенною торжественностью, о чемъ подробно разсказано въ его запискахъ [1]. Зачинщики были повѣшены, а 200 человѣкъ высѣчены плетьми.

Затѣмъ, по требованію Державина, въ Малыковкѣ набрано было 700 конныхъ вооруженныхъ ратниковъ съ обозомъ изъ ста телѣгъ. Во время остановки въ этомъ селѣ получено было имъ нѣсколько важныхъ бумагъ, въ томъ числѣ извѣстный циркуляръ новаго главнокомандующаго гр. Панина о мѣрахъ строгости для обузданія народа [2], потомъ разрѣшеніе П. Потемкина Державину пріѣхать въ Казань и два приказа кн. Голицына о производствѣ слѣдствій и казней въ селахъ. Въ одной изъ этихъ бумагъ князь повторялъ свое обѣщаніе прислать въ подкрѣпленіе 50 Яицкихъ казаковъ, но Державинъ не дождался ихъ и 30-го августа переправился черезъ Волгу. Дѣйствительно, надо было спѣшить: пока Державинъ шелъ въ степь, Киргизы еще разъ опустошили нѣсколько колоній: 28-го августа они въ числѣ 50—60 человѣкъ ворвались въ Тонкошкуровку, захватили всѣ табуны, увлекли до 200 несчастныхъ, большею частью женщинъ и дѣтей, — между-прочимъ, однакожъ, и католическаго патера. Объ этомъ Вильгельми на другой день писалъ Державину [3]; не знаемъ, получилъ ли тотъ во-время письмо его.

Остановясь въ селеніи Красный Яръ, на Иргизѣ, Держа-

[1] VI, 505.
[2] V, 210.
[3] Тамъ же 195.

винъ написалъ Голицыну, что онъ «еще третьяго дня могъ бы съ Киргизъ-кайсаками имѣть дѣло, но сіи вѣтреные воры бѣгаютъ съ мѣста на мѣсто по степи и не даютъ наказать себя». Въ Красномъ Ярѣ сдѣлалъ онъ привалъ, чтобы добыть съѣстныхъ припасовъ и сождать крестьянъ, еще собиравшихся изъ нѣкоторыхъ селъ, а также казаковъ кн. Голицына. Что же касается допроса и наказанія виновныхъ, то онъ писалъ: «Алексѣевскихъ жителей мнѣ было пересѣчь некогда... Когда буду возвращаться, то вашего сіятельства приказъ исполню. Малыковскіе жители, грабившіе приказчика Смирнова, разберутся также какъ я возвращуся, и что отъ нихъ отобрано будетъ, приказчику возвращу».

Въ колоніяхъ къ Державину присоединился Гогель, но безъ людей, которые нужны были дома для охраненія своихъ жилищъ и семействъ. Въ отрядѣ былъ еще офицеръ, поручикъ саратовскаго баталіона Зубрицкій. Все ополченіе состояло изъ 700 крестьянъ и 25 гусаръ; ни казаки, ни поджидаемые еще крестьяне во-время не явились. Оставя сотню крестьянъ на Иргизѣ для прикрытія тамъ селеній, Державинъ 1-го сентября выступилъ изъ Краснаго Яра и пошелъ степью, по направленію къ Узенямъ. Трое сутокъ подвигался отрядъ, не встрѣчая тѣхъ, кого искалъ. Только въ четвертый день, на разсвѣтѣ, завидѣли съ пригорка облако пыли, которое, какъ послѣ оказалось, скрывало болѣе тысячи Киргизовъ. Это было въ верховьяхъ рѣки Малаго Карамана. Державинъ тотчасъ раздѣлилъ своихъ гусаръ на два отряда и, поручивъ одинъ Гогелю, а другой Зубрицкому, велѣлъ имъ атаковать шайку съ фланговъ, а самъ, прикрывъ свою пушку и сдѣлавъ изъ обоза вагенбургъ, сталъ противъ центра. Завязалась стычка, и скоро Киргизы, бросая добычу, ударились въ бѣгство. На мѣстѣ осталось ихъ убитыми 48 человѣкъ, въ плѣнъ взято только шестеро («ибо», говоритъ Державинъ, «люди разгоряченные легче кололи, нежели брали въ плѣнъ»); по мнѣнію Державина, разбитая партія состояла изъ 1,000 человѣкъ, «и я бы всѣхъ не упустилъ», писалъ онъ, «еслибъ воины мои были не мужики, и лошади были у нихъ, какъ у Киргизовъ, легкія». Но всего важнѣе было то, что у Киргизовъ отбито 811 колонистовъ, 20 покров-

скихъ Малороссіянъ и трое Русскихъ [1]. Нельзя описать радости освобожденныхъ: они на колѣняхъ благодарили своихъ избавителей, помогали другъ другу, подбирали вещи и складывали ихъ на телѣги. Люди, имущество и скотъ были поручены Гогелю для доставленія въ колоніи. Онъ повелъ также и плѣнныхъ Киргизовъ; часть взятыхъ лошадей отдана была гусарамъ. По прибытіи въ колоніи, Державинъ собралъ крейсъ-комиссаровъ и сдалъ имъ какъ освобожденныхъ людей, такъ и отбитый скотъ. Возвратившіеся колонисты нашли свои домá разграбленными, отчасти разоренными; все было пусто: даже спасшіеся отъ Киргизовъ люди разбѣжались и лишь понемногу приходили назадъ на свои пепелища. Набѣги Киргизовъ оставили по себѣ глубокіе слѣды въ восьми колоніяхъ по Большому Караману; онѣ много лѣтъ не могли сравняться съ другими, расположенными по Волгѣ. Чтобы оградить разоренныя жилища отъ повторенія подобныхъ опустошеній, Державинъ разставилъ по колоніямъ посты и учредилъ разъѣзды изъ жителей. Съ того времени военная команда съ орудіями оставалась въ колоніяхъ до тѣхъ поръ, пока не была построена линія укрѣпленій отъ Оренбурга до Астрахани. Въ Тонкошкуровкѣ и Екатеринштадтѣ возведены были даже шанцы съ батареями. Однакожъ, хищные сосѣди не тревожили болѣе колонистовъ, которые уже просили было переселить ихъ на Кавказъ *.

Немедленно по возвращеніи въ колоніи, Державинъ написалъ къ Голицыну рапортъ объ успѣшномъ окончаніи своего предпріятія, прибавляя, что онъ готовъ былъ продолжать маршъ еще далѣе въ степь, за той киргизской партіей, которая шла впереди другихъ и успѣла увесть около 150 поселенцевъ; но онъ не могъ этого сдѣлать по большому числу отбитыхъ имъ плѣнныхъ, которые нуждались въ одеждѣ и пищѣ и были такъ измучены, что надо было везти ихъ на лошадяхъ. Наконецъ, Державинъ въ своемъ письмѣ къ князю Голицыну горячо хвалилъ своихъ сподвижниковъ, Гогеля и Зубрицкаго, особенно перваго, «яко болѣе всѣхъ при семъ случаѣ рачившаго и тру-

[1] V, 208, и рапортъ кн. Голицына графу Панину 7-го октября.

дившагося». Не даромъ и въ колоніяхъ до сихъ поръ сохранилась память о Гогелѣ, какъ спасителѣ ихъ отъ Киргизовъ. Вѣроятно, ходатайство о немъ Державина не осталось безъ удовлетворенія: въ апрѣлѣ слѣдующаго года Вильгельми писалъ поэту: «Итакъ, Гогель въ Польшѣ и не доволенъ 2,000 руб.; боюсь, что жалобы не принесутъ ему никакой пользы». Рапортъ свой Державинъ отправилъ къ князю Голицыну съ Герасимовымъ, прося, для поощренія другихъ крестьянъ, наградить его званіемъ мѣщанина. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ послалъ къ князю и двухъ оставшихся въ живыхъ плѣнныхъ Киргизовъ (прочіе умерли отъ ранъ), которые показывали, что товарищи ихъ сдѣлали набѣгъ безъ вѣдома хана, по наущенію киргизскаго владѣльца Короная.

Какъ извѣстіе объ этомъ успѣхѣ порадовало князя Голицына, видно изъ отвѣта его Державину (отъ 7-го сентября):

«Я не въ состояніи описать моего удовольствія, получа вашъ рапортъ, въ которомъ нашелъ, что вы надъ Киргизъ-кайсаками одержали совершенную побѣду, освободя отъ неволи болѣе осьмисотъ несчастныхъ колонистовъ, которые были въ оковахъ. Однимъ словомъ, чрезъ хорошее ваше учрежденіе совсѣмъ привели вы тамошній край въ спокойствіе и безопасность. Признаться должно, что ваша побѣда не столь велика бы была, когда бы вы имѣли команду военныхъ людей, но тѣмъ болѣе пріобрѣли вы себѣ чести, одержавъ побѣду такими людьми, которые ни образа нашей битвы, ни малѣйшей привычки не имѣютъ. За все сіе приношу вамъ искреннее мое благодареніе, равно какъ и соучаствовавшимъ съ вами: г. Гогелю и поручику Зубрицкому, а командѣ вашей вы объявите, что безъ награжденія не останется. Я же спѣшу о столь достохвальныхъ вашихъ подвигахъ донести главнокомандующему, г. генералъ-аншефу и трехъ россійскихъ орденовъ кавалеру графу П. И. Панину»[1] и т. д.

[1] V, 211. Въ то же время и князь Иванъ Баратаевъ, вѣроятно адъютантъ князя Голицына, писалъ къ Державину: «Какъ вы насъ обрадовали присланнымъ, что такимъ войскомъ, какое у васъ, прогнали Киргизцовъ, съ ихъ урономъ, и освободили пропадшихъ душъ изъ неволи. Богомъ клянусь, князь этому такъ доволенъ, по всему свѣту эхо пойдетъ».

Въ тотъ же день кн. Голицынъ, стоявшій тогда на луговой сторонѣ Волги, въ селѣ Широкомъ Буеракѣ, поспѣшилъ донести гр. Панину о подвигѣ Державина. Передавъ подробно содержаніе полученнаго отъ него рапорта, генералъ ссылается на его отзывъ «о лютости киргизъ-кайсацкихъ тиранствъ въ иностранныхъ селеніяхъ». При этомъ князь Голицынъ выписываетъ слѣдующія слова Державина: «Какъ щедродарная рука премудрой нашей императрицы тщилась ихъ насаждать (т. е. насаждать колоніи), такъ варварство свирѣпствовало преобратить оныя въ пустыню. Кто охотникъ до просвѣщенія, тотъ заплачетъ, глядя на ученыхъ людей книги; кто домостроитель, тотъ потужитъ о сокрушеніи домоводства; а кто человѣкъ, тотъ содрогнется и возрыдаетъ, смотря на тѣла, по частямъ изорванныя и избіенныя, гдѣ и младенцы пощажены не были, которыхъ при одной колоніи Маріенталѣ собралъ я двадцать-восемь и предалъ погребенію» [1]. Далѣе Голицынъ приводитъ мнѣніе Державина, что Киргизъ-кайсаки дѣйствовали по наущенію Пугачева, «отъ котораго, по объявленію плѣнныхъ, присыланы были въ ихъ орду бѣглые изъ Татаръ съ Яику казаки».

Упомянувъ потомъ о засвидѣтельствованіи Державина въ пользу Гогеля и Зубрицкаго, князь Голицынъ такъ выражается: «Я, препоручая сихъ офицеровъ въ протекцію вашего сіятельства, за долгъ себѣ поставляю особливо рекомендовать начальника ихъ г. Державина, который, по его усердію и ревности къ службѣ ея императорскаго величества, удостоивается (т. е. становится достойнымъ) за свои подвиги монаршаго благоволенія». Гр. Панинъ, въ отвѣтѣ кн. Голицыну, приказалъ выразить Державину свою благодарность и обѣщалъ донести о немъ императрицѣ; но между тѣмъ до Панина уже начали доходить со стороны астраханскаго губернатора наговоры на Державина по саратовской исторіи, которые должны были возбудить въ главнокомандующемъ предубѣжденіе противъ этого офицера. Изъ

[1] Въ черновомъ рапортѣ Державина, изъ котораго отрывки напечатаны въ V Томѣ нашего изданія, нельзя было вполнѣ разобрать этихъ строкъ. См. тамъ стр. 210.

всѣхъ современныхъ свидѣтельствъ оказывается, что смѣлое предпріятіе Державина противъ Киргизъ-кайсаковъ было по справедливости оцѣнено какъ начальствомъ его, такъ и окрестнымъ населеніемъ. Тотчасъ по возвращеніи его изъ степи, Вильгельми писалъ ему: «Благодареніе Богу и вамъ, что вы освободили нашихъ плѣнныхъ». Еще черезъ годъ опекунская контора сочла нужнымъ выразить ему свою благодарность за спасеніе столькихъ людей и имущества, «о чемъ», прибавлено въ бумагѣ, «и канцелярія опекунства иностранныхъ (центральное учрежденіе, въ вѣдѣніи котораго находилась контора) давно уже увѣдомлена». Дѣло съ Киргизъ-кайсаками распространило извѣстность Державина: о немъ услышалъ Суворовъ; яицкій комендантъ Симоновъ особымъ письмомъ выразилъ желаніе сблизиться съ Державинымъ: «слыша» писалъ онъ, «отъ всѣхъ бывшихъ здѣсь генераловъ объ отличныхъ вашихъ свойствахъ, касательныхъ до совершенной похвалы, полагалъ я въ сердцѣ моемъ всегда обязанность, чтобъ удостоиться вашего знакомства» [1]:

Несмотря, однакожъ, на общія похвалы себѣ, которыя слышалъ Державинъ, добрыя отношенія его къ начальствующимъ лицамъ должны были измѣниться, въ слѣдствіе назначенія графа П. Панина. Но прежде нежели перейдемъ къ изложенію обстоятельствъ этой перемѣны, взглянемъ на послѣднія порученія, возложенныя на Державина княземъ Голицынымъ.

25-го августа Пугачевъ былъ окончательно разбитъ настигнувшимъ его полковникомъ Михельсономъ при Черномъ Ярѣ, во 100 верстахъ за Царицыномъ. Сначала не знали, куда онъ бѣжалъ послѣ этого пораженія; кн. Голицынъ думалъ, что онъ направился вверхъ по луговой сторонѣ Волги. Узнавъ потомъ о бѣгствѣ его къ Узенямъ, генералъ просилъ Державина послать туда «вѣрныхъ подлазчиковъ»: «теперь», писалъ онъ, «предстоитъ намъ случай совсѣмъ его сокрушить..... я на васъ полную надежду возлагаю, что вы не пропустите всего того, что можетъ служить къ пользѣ нашего предпріятія». Самъ онъ шелъ на Ир-

[1] V, 229.

гизъ, съ тѣмъ чтобъ оттуда итти къ Яицкому городку, и назначилъ Державину свиданіе въ селѣ Красномъ Ярѣ.

Въ распоряженіи Державина оставались еще малыковскіе крестьяне, съ которыми онъ ходилъ въ степь. Выбравъ изъ нихъ сто самыхъ надежныхъ, онъ рѣшился отправить ихъ какъ будто для преслѣдованія Киргизовъ, а въ самомъ дѣлѣ съ тѣмъ, чтобы они, приставъ къ шайкѣ Пугачева, старались поймать его. Князь Голицынъ одобрилъ этотъ планъ, и передъ выступленіемъ съ своимъ корпусомъ изъ Краснаго Яра, 9-го сентября, отдалъ приказъ, въ которомъ между прочимъ было упомянуто, что команда поручика Державина тронется за часъ до корпуса, т. е. въ 4 часа утра, и будетъ «патрули свои посылать по сторонамъ, открывая землю сколько можно далѣе и болѣе» [1]. Чтобы возвысить духъ крестьянъ и предупредить всякое покушеніе къ измѣнѣ, онъ приказалъ имъ въ полночь собраться въ лѣсу, и поставивъ въ ихъ кругъ священника съ евангеліемъ на налоѣ, привелъ ихъ къ присягѣ, а чтобы подѣйствовать на нихъ и страхомъ, совершилъ тутъ же казнь надъ преступникомъ: именно повѣсилъ того изъ убійцъ Тишина, который въ свое время успѣлъ скрыться и избѣгнулъ казни, постигшей его сообщниковъ въ Малыковкѣ. Для обезпеченія себя въ вѣрности посылаемыхъ крестьянъ, Державинъ взялъ у нихъ женъ и дѣтей въ залогъ, а въ поощреніе далъ имъ, съ разрѣшенія князя, по пяти рублей на каждаго. Крестьяне подъ присягою обѣщали употребить всѣ усилія, чтобы привести Пугачева живого или мертваго, и отправились подъ начальствомъ избраннаго ими же старшины. Вслѣдъ за ними, рано утромъ 10-го сентября, князь съ своимъ корпусомъ пошелъ къ Яицкому городку, чтобы въ случаѣ нападенія защитить это открытое мѣсто; Державинъ же съ остальными крестьянами остался на Иргизѣ, въ слободѣ Мечетной, съ тѣмъ чтобы, по порученію Голицына, наблюдать за всѣми по этой рѣкѣ лежащими селеніями. «Присутствіе ваше здѣсь», говорилъ князь, «за необходимое почитаю до тѣхъ поръ, пока не

[1] V, 287. Села Краснаго Яра не должно смѣшивать съ городомъ на Соку и колоніей того же имени.

откроются точные замыслы самозванца». Кромѣ того, онъ поручалъ Державину постоянно имѣть свѣдѣнія отъ стороны Узеней и смотрѣть за всѣми командами, расположенными въ колоніяхъ, гдѣ еще было вовсе не спокойно: и послѣ пораженія Пугачева бродили еще бунтующія шайки, да и между колонистами являлись измѣнники.

15-го числа, разосланные по степи подзорщики возвратились, правда, не съ пустыми руками, но и не съ Пугачевымъ: они привели бывшаго при немъ полковникомъ заводскаго крестьянина Мельникова, который разсказалъ чрезвычайно важную новость: Пугачевъ былъ схваченъ своими сообщниками на Узеняхъ и увезенъ въ Яицкій городокъ для передачи бывшему тамъ отъ секретной комиссіи офицеру Маврину: посланный Державинымъ отрядъ опоздалъ двумя днями на мѣсто, гдѣ казаки связали самозванца. Извѣстіе о поимкѣ Пугачева подало Державину мысль немедленно увѣдомить объ этомъ счастливомъ событіи Потемкина.

Въ это самое время надъ головою нашего поэта стали собираться тучи. До сихъ поръ онъ по своей командировкѣ имѣлъ нѣсколько непріятныхъ столкновеній только съ мѣстными властями, всѣ же начальники показывали ему особенное расположеніе. Теперь онъ вдругъ увидѣлъ совсѣмъ другое со стороны новаго главнокомандующаго, съ которымъ еще не былъ въ непосредственныхъ сношеніяхъ.

ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ ГЛАВѢ VI.

1. Изъ донесеній Павла Потемкина [1]. — 2-го августа 1774 года, на другой день по прибытіи въ Казань князя Голицына, П. С. Потемкинъ доносилъ императрицѣ: «Я уповаю, всемилостивѣйшая Государыня, что дѣла возьмутъ другой оборотъ... Весьма ослабно пекся губернаторъ [2] о соблюденіи города; но столько жъ слабо командиръ воинскій *(князь Щербатовъ)* пекся соблюсти пространство имперіи, въ которую теперь впустили злодѣя. Я съ отчаяніемъ нашелъ на такія обстоятельства, и не имѣя возможности помочь къ пользѣ дѣлъ и службы вашего величества, имѣю вѣчное

[1] Въ дополненіе къ тѣмъ, которыя напечатаны мною въ *Русск. Старинѣ* 1870 г. II, 400:

[2] Т. е. Брантъ. Это писано наканунѣ смерти его.

сокрушенiе, что былъ въ числѣ *(тѣхъ)*, кои не могли спасти Казань; хотя самъ Богъ свидѣтель, что я не щадилъ жизни моей, но сего не довольно было соблюсти городъ и поправить дѣла.

«Сердце мое обливается кровiю отъ горести, всемилостивѣйшая Государыня, видѣть въ такой разстройкѣ дѣла. Множество причинъ стѣснилися къ произведенiю зла, изъ коихъ первая есть лихоимство»...

2. 11-го августа: «О оборотахъ злодѣя имѣемъ здѣсь извѣстiе, что онъ, прошедши Саранскъ и Пензу и оставя варварства своего слѣды повсюду, обратился чрезъ Петровскъ на Саратовъ: я весьма опасаюсь, чтобы по несогласiю тамошнихъ командировъ не удалось ему сорвать сей городъ до прибытiя деташаментовъ Муфеля и гр. Меллина, которые соединились въ Пензѣ и поспѣшаютъ настичь злодѣя. Но ежели, Боже сохрани, удастся ему въ Саратовѣ, то весьма усилится онъ ополченiемъ и людьми.

«Слабости правителей и мѣстъ суть виною, что злодѣй, будучи разбитъ, бѣжалъ какъ отчаянный и могъ вновь сдѣлаться сильнымъ. Въ Кокшайскѣ онъ перебрался чрезъ Волгу съ 50-ю человѣкъ, въ Цывильскѣ онъ былъ только во 150; въ Алатырѣ въ 500; въ Саранскѣ около 1,200, гдѣ досталъ пушки и порохъ, а въ Пензѣ и въ Саранскѣ набралъ болѣе 1,000 человѣкъ и умножилъ артиллерiю и припасы. Такимъ образомъ, изъ бѣглеца дѣлается сильнымъ и ужасаетъ народъ. Я съ нетерпѣнiемъ ожидаю извѣстiй отъ полковника Муфеля и генералъ-майора Меллина, котораго усердiе и добрая воля къ службѣ вашего императорскаго величества достойны монаршаго воззрѣнiя, ибо онъ прибылъ въ Пензу и соединился съ Муфелемъ невѣроятнымъ образомъ скоро, и ничего больше не желаетъ какъ только чтобъ настичь злодѣя».

3. Изъ донесенiя князя Голицына отъ 4-го августа изъ Казани: «Нижегородскiй губернаторъ Ступишинъ увѣдомляетъ, что самозванецъ по всѣмъ своимъ слѣдамъ оставилъ возмутителей, кои удачно въ томъ и успѣваютъ, подходя изъ нихъ нѣкоторые и къ Нижнему верстахъ въ 15-ти.

«Симбирскiй комендантъ писалъ, что въ Саранскѣ дворовые люди и крестьяне, помѣщиковъ своихъ разграбя, самопроизвольно къ Пугачеву пристаютъ по большей части отъ пьянства и что самозванецъ обѣщаетъ каждому по 100 р. на мѣсяцъ и вѣчную волю, ослушниковъ же лишаетъ жизни.

4. Рапортъ графа Меллина князю Щербатову отъ 2-го августа изъ Саранска: «Удивительно мнѣ, что не только крестьяне, но и священническiе, монашескiе и архимандритскiе чины дѣлаютъ всему государству возмущенiе, возмущая чувственный и нечувственный народъ, тѣмъ поминая въ небытность уже его злодѣйское варварское имя въ службѣ Божiей при литургiяхъ и молебнахъ, которое уже св. Синодомъ на анаѳемѣ проклято, что учинено здѣсь архимандритомъ Александромъ... Дворянство и купечество и всѣ обыватели въ Саранскѣ никакого сопротивленiя съ злодѣемъ не дѣлали».

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

НЕВЗГОДЫ ПОДЪ НАЧАЛЬСТВОМЪ ГРАФА ПАНИНА.

(1774 — 1776.)

1. ГРАФЪ П. И. ПАНИНЪ.

Графъ Петръ Панинъ, извѣстный до тѣхъ поръ особенно какъ «покоритель Бендеръ», вскорѣ послѣ взятія этой крѣпости въ 1770 году вышелъ въ отставку. Такой неожиданный шагъ приписывали тому, что онъ былъ недоволенъ полученными за свой подвигъ наградами (Георгія 1-й степ. и 2,500 душъ крестьянъ)[1]. Живя въ Москвѣ, онъ громко порицалъ дѣйствія правительства, такъ что императрица считала его «персональнымъ себѣ оскорбителемъ» и поручила московскому градоначальнику князю М. Н. Волконскому наблюдать за нимъ, называя его, въ перепискѣ съ этимъ вельможею, «дерзкимъ болтуномъ». Между тѣмъ братъ его, Никита Ивановичъ, какъ государственный канцлеръ и воспитатель наслѣдника престола, принадлежалъ къ числу самыхъ близкихъ къ государынѣ лицъ, и доказательствомъ милости, какою онъ пользовался, служили пожалованныя ему въ сентябрѣ 1773 года, при празднованіи совершеннолѣтія великаго князя, щедрыя награды.

Когда, послѣ паденія Казани, Екатерина II увидѣла необходимость болѣе энергическихъ мѣръ противъ Пугачева и сама уже думала ѣхать въ Москву, чтобы стать во главѣ своей арміи, Никита Панинъ указалъ ей, для этого дѣла, на своего брата, который незадолго передъ тѣмъ выражалъ намѣреніе вооружить своихъ крестьянъ, итти съ ними противъ Пугачева и подчинить-

[1] См. изданную мною *Переписку Екатерины II съ графомъ П. И. Панинымъ* въ *Запискахъ Акад. наукъ*, т. III, прил. № 4.

ся начальнику перваго настигнутаго имъ въ пути отряда. Екатерина, на собранномъ ею совѣтѣ, одобрила, хотя и неохотно, предложеніе канцлера, и 29-го іюля подписала въ Петергофѣ бумаги о назначеніи Петра Панина главнокомандующимъ войскъ, дѣйствовавшихъ противъ Пугачева. Рескриптомъ императрицы даны были Панину тѣ же обширныя полномочія, какими пользовался Бибиковъ, и управленію его ввѣрены со всѣми мѣстными властями три губерніи: Казанская, Оренбургская и Нижегородская, при чемъ ему предоставлено «съ полною и неограниченною довѣренностію изысканіе и употребленіе всякихъ средствъ и мѣръ къ прекращенію продолжающихся безпокойствъ, по лучшему его усмотрѣнію». О томъ, что̀ происходило въ душѣ императрицы при облеченіи Панина такою властію, ясно свидѣтельствуетъ ея собственноручная записка къ Потемкину, гдѣ она говоритъ, что Никита Панинъ «изъ братца своего изволитъ дѣлать властителя съ безпредѣльною властію въ лучшей части имперіи» и т. д. [1]. Между тѣмъ бумаги о графѣ Петрѣ Ивановичѣ Панинѣ, въ самый же день ихъ подписанія, были отправлены съ нарочнымъ въ Москву. Съ какимъ восторгомъ честолюбивый вельможа, съ этой минуты сдѣлавшійся изъ недовольнаго самымъ усерднымъ слугой императрицы, принялъ извѣстіе о своемъ назначеніи, видно изъ первыхъ писемъ его къ ней. Но страдая подагрой и разными болѣзненными припадками, хотя ему было еще не болѣе 53-хъ лѣтъ отроду, Панинъ опасался, что новая дѣятельность его можетъ быть внезапно прервана болѣзнію или даже смертію: чтобы въ такомъ случаѣ предупредить послѣдствія, подобныя тѣмъ, какія повлекла за собою кончина Бибикова, онъ просилъ императрицу избрать тогда же генерала, который могъ бы замѣнить его, какъ скоро будетъ нужно. Екатерина и безъ того уже писала Румянцову, чтобъ онъ поскорѣе прислалъ изъ арміи Суворова; тѣмъ легче она теперь изъявила согласіе дать ему новое назначеніе при Панинѣ.

Со времени разоренія Казани, Москва съ трепетомъ ждала

[1] *Сборн. Истор. Общ.* XIII, 420.

Пугачева. Слухъ о мирѣ съ Турціей, въ слѣдствіе котораго большей части генераловъ повелѣно было изъ дѣйствующей арміи отправиться въ «зараженныя бунтомъ мѣста», значительно успокоилъ умы жителей древней столицы; однакожъ нападеніе на нее все еще казалось вѣроятнымъ. Екатерина, еще до назначенія гр. Панина, отправила туда нѣсколько полковъ подъ командою генералъ-майора Чорбы и дѣятельно переписывалась съ княземъ Волконскимъ. Послѣ избранія Панина, она просила ихъ обоихъ дѣйствовать единодушно; между тѣмъ и сама сбиралась ѣхать въ Москву вмѣстѣ съ великимъ княземъ Павломъ Петровичемъ.

Вступивъ въ новую должность 2-го августа, графъ Панинъ имѣлъ нѣсколько совѣщаній съ княземъ Волконскимъ и не хотѣлъ оставлять Москвы, пока не выяснится вполнѣ планъ движеній Пугачева. Наконецъ, 17-го августа, Панинъ выѣхалъ въ Коломну. Удержавъ подъ своимъ собственнымъ главнымъ предводительствомъ отрядъ генералъ-майора Чорбы, онъ намѣревался итти до самыхъ передовыхъ отрядовъ. Черезъ Коломну и Переславль-Рязанскій, онъ направилъ путь на Шацкъ, а оттуда на Керенскъ, Нижній Ломовъ и Пензу. Замѣчая, что въ мѣстахъ, гдѣ проходитъ Пугачевъ, подсылаемые имъ люди въ тылу его возмущаютъ крестьянъ, и такимъ образомъ составляются новыя многочисленныя шайки, графъ Панинъ рѣшился на самыя строгія мѣры. Въ первое время послѣ его назначенія распространился было въ народѣ слухъ, что братъ дядьки наслѣдника ѣдетъ съ хлѣбомъ и солью на встрѣчу императору. Чтобы скорѣе опровергнуть этотъ слухъ, Панинъ захотѣлъ показать всѣмъ, какую хлѣбъ-соль онъ везетъ, и немедленно приступилъ къ жестокимъ казнямъ. Тогда убѣдились, что если уже братъ дядьки великаго князя такъ дѣйствуетъ, то признаваемый за Петра III есть подлинно самозванецъ. Обнародовавъ печатное, сенатомъ утвержденное, увѣщаніе ко всѣмъ жителямъ трехъ ввѣренныхъ ему губерній, онъ вслѣдъ за тѣмъ разослалъ циркуляръ о наказаніяхъ бунтовщикамъ: между-прочимъ предписывалось во всѣхъ непокорныхъ селеніяхъ поставить и впредь до указа не снимать «по одной висѣлицѣ, по одному ко-

лесу и по одному глаголю для вѣшанія за ребро»[1]. Изо всѣхъ мѣстъ, гдѣ онъ останавливался, Панинъ писалъ подробныя донесенія императрицѣ, поражающія насъ своимъ плодовитымъ велерѣчіемъ и подобострастнымъ тономъ, особливо въ сравненіи съ безыскуственными донесеніями Бибикова, который и подписывался не иначе, какъ *всеподданнѣйшій*, тогда какъ Панинъ къ этому всегда прибавлялъ еще слово *рабъ*. Екатерина отвѣчала ему очень подробно и милостиво, обыкновенно на нѣсколько донесеній разомъ; эти отвѣты писались начерно собственной ея рукою[2]. Вначалѣ Панина очень тревожило, что онъ долго не получалъ извѣстій объ успѣхахъ передовыхъ отрядовъ. Эту заботу онъ не разъ выражалъ въ перепискѣ своей съ княземъ Петромъ Михайловичемъ Голицынымъ, который до его назначенія былъ короткое время главнокомандующимъ и котораго онъ теперь называлъ «надежнѣйшимъ своимъ содѣйственникомъ».

24-го августа графъ Панинъ находился въ селѣ Ухоловѣ, на полудорогѣ между Переславлемъ-Рязанскимъ и Шацкомъ. Вдругъ къ нему прискакалъ въ одномъ кафтанѣ, на открытой телѣгѣ, Суворовъ и, получивъ его приказанія, тотчасъ же отправился для принятія начальства надъ самыми передовыми отрядами. Панинъ поспѣшилъ донести о томъ императрицѣ; Екатерина рескриптомъ изъявила Суворову свое благоволеніе «за таковую хвалы достойную проворную ѣзду» и приложила двѣ тысячи червонцевъ на экипажъ, «котораго онъ за нужно не нашелъ взять»; но, несмотря на скорую ѣзду, Суворовъ на этотъ разъ опоздалъ: онъ явился къ Панину только наканунѣ послѣдняго пораженія Пугачева Михельсономъ, при Черномъ Ярѣ, и поспѣлъ въ Царицынъ не ранѣе 3-го сентября.

[1] См. этотъ циркуляръ, V, 288. Прочитавъ его, Екатерина писала графу Панину: «Печатное ваше объявленіе.... сочинено въ простомъ и очень понятномъ для подлаго народа слогѣ и довольно явственно доказываетъ, съ какимъ хлѣбомъ и солью вы намѣрены встрѣчать общественнаго врага». (*Бумаги графа П. И. Панина* въ *Сборн. Ист. Общ.* VI, 119.)

[2] Всѣ эти черновыя письма императрицы къ Панину и подлинныя донесенія его хранятся въ Госуд. архивѣ. Напечатанный текстъ почти совершенно согласенъ съ ними.

Изъ подчиненныхъ лицъ, участвовавшихъ въ распоряженіяхъ и дѣйствіяхъ противъ Пугачева, особенною благосклонностію Панина пользовался капитанъ Измайловскаго полка Лунинъ. Онъ былъ, какъ сказано въ своемъ мѣстѣ, старшимъ изъ офицеровъ, взятыхъ еще Бибиковымъ въ члены секретной комиссіи, учрежденной въ Казани для слѣдствія и суда надъ сообщниками Пугачева. При избраніи Панина въ главнокомандующіе, Лунинъ находился въ Петербургѣ и повезъ ему въ Москву указъ и рескриптъ о его назначеніи. Вниманіе императрицы къ Лунину доставило ему видное положеніе и при Панинѣ, который, приближаясь постепенно къ театру главныхъ военныхъ дѣйствій, поручилъ ему истребленіе бунтовщичьихъ шаекъ въ тылу Пугачева, и въ донесеніяхъ своихъ всегда отзывался о немъ съ особенною похвалой.

2. Неудовольствія противъ Державина.

Не такъ счастливъ какъ Лунинъ былъ товарищъ его по секретной комиссіи. Вскорѣ послѣ вступленія графа Панина въ новую должность, всѣ обстоятельства какъ будто нарочно соединились къ тому, чтобы совершенно испортить положеніе Державина.

Мы видѣли, что Павелъ Потемкинъ полюбилъ его, а отношенія между Панинымъ и Потемкинымъ были недружескія. Императрица, поручивъ Панину усмиреніе мятежа, не подчинила ему Потемкина, который продолжалъ попрежнему посылать прямо къ ней свои донесенія. Это легко могло поселить недоразумѣнія между обоими генералами. Графъ Панинъ не могъ не знать объ отношеніяхъ Павла Потемкина къ Державину, получивъ еще въ Москвѣ отъ князя Голицына копію съ рапорта этого офицера начальнику секретныхъ комиссій, гдѣ, извѣщая о своемъ намѣреніи отправиться въ Петровскъ и выражая свои опасенія за Саратовъ, онъ въ рѣзкихъ словахъ жаловался на Бошняка: «комендантъ явнымъ дѣлается развратителемъ народа и посѣваетъ въ сердца ихъ интригами недоброхотство, говоря, чтобъ не наряжалъ ихъ полицеймейстеръ на работу ретраншамента, а какъ хотятъ де они сами; чрезъ то чернь ропщетъ и указываетъ, что имъ комендантъ не велитъ». Сообщая потомъ о нѣкоторыхъ

изъ своихъ распоряженій, Державинъ прибавляетъ: «Кажется, всѣ беру мѣры, но не стаетъ моихъ силъ по желанію и усердію моему все исполнять, за препятствіемъ разныхъ мнѣній. Снимите съ меня, ваше превосходительство, бремя сіе, которое назвать изволили вы пространнымъ полемъ, либо дайте силъ къ удобоношенію его. Прикажите подтвердить въ округу сію, чрезъ непосредственное могущество свое, чтобъ меня еще лучше внимали. О, когда бы, при соотвѣтствованіи усердью моему Божіей помощи, былъ я вами довольно силенъ, то, кажется, на что бъ я не пустился къ службѣ моему отечеству и моей всемилостивѣйшей императрицѣ!» [1].

Конечно князь Голицынъ, хорошо расположенный къ Державину, послалъ къ графу Панину эту бумагу съ самымъ добрымъ намѣреніемъ. Самъ онъ вмѣстѣ съ тѣмъ писалъ главнокомандующему: «Я по такому противному его (коменданта) поступку осмѣлился предложить генералу Мансурову (какъ старшему изъ начальниковъ надъ отрядами, преслѣдующими Пугачева), дабы онъ, достигнувъ до Саратова, если въ самомъ дѣлѣ усмотритъ въ помянутомъ комендантѣ къ должности его неспособность, въ такомъ бы случаѣ перемѣнилъ его достойнымъ начальникомъ. Я уповаю, что измѣнникъ не осмѣлится учинить покушеніе на сей городъ (Саратовъ), какъ снабденный довольнымъ числомъ гарнизона» и проч. Изъ этихъ строкъ видно, какъ Голицынъ вѣрилъ Державину; но онъ не могъ оказать ему худшей услуги, какъ препроводивъ къ Панину письмо, въ которомъ этотъ офицеръ искалъ поддержки и помощи Павла Потемкина, да притомъ жаловался на Бошняка: Бошнякъ пользовался покровительствомъ Кречетникова, а Кречетниковъ, какъ мы скоро увидимъ, былъ въ дружелюбныхъ отношеніяхъ съ Панинымъ.

Первое извѣстіе о взятіи Пугачевымъ Саратова главнокомандующій прочелъ еще въ Москвѣ, въ рапортѣ Михельсона, шедшаго по слѣдамъ злодѣя. Потомъ, уже по выѣздѣ изъ Москвы, онъ получилъ болѣе обстоятельное донесеніе объ этомъ событіи отъ царицынскаго коменданта Цыплетева, слышавшаго о томъ

[1] V, 160.

отъ самого Бошняка, который,—какъ было разсказано,—отбившись отъ Пугачева, сѣлъ на Волгѣ въ лодку и 11-го августа прибылъ благополучно въ Царицынъ. Представляя Екатеринѣ рапортъ Цыплетева, графъ Панинъ обратилъ особенное ея вниманіе на то прискорбное обстоятельство, что при Саратовѣ въ первый разъ передались Пугачеву не одни казаки, но и регулярныя императорскія войска и бывшая тамъ полевая артиллерійская команда съ нѣкоторыми «ихъ проклятыми» офицерами.

Но еще болѣе подробныя свѣдѣнія о погромѣ Саратова привезъ Панину капитанъ тамошняго баталіона Сапожниковъ. Этотъ офицеръ, прибывшій въ Царицынъ вмѣстѣ съ Бошнякомъ, ѣхалъ теперь въ Петербургъ съ депешею астраханскаго губернатора въ сенатъ. Многіе карантины, учрежденные около Москвы во время моровой язвы 1771 года, оставались, въ видѣ предосторожности, еще нѣсколько лѣтъ послѣ того[1]). Сапожникова остановили было въ коломенскомъ карантинѣ, но потомъ отправили вслѣдъ за графомъ Панинымъ, къ которому онъ и явился въ Уховѣ, въ одинъ день съ Суворовымъ. По требованію Панина, онъ составилъ для него записку («сказку») объ обстоятельствахъ нападенія Пугачева на Саратовъ. Очень естественно, что этотъ офицеръ смотрѣлъ на событія глазами Бошняка. Пристрастный взглядъ его всего яснѣе обнаруживается въ самомъ началѣ записки, гдѣ извѣстная экспедиція подъ Петровскъ приписана исключительно коменданту, о Державинѣ же нѣтъ и помину. Панинъ препроводилъ эту записку въ подлинникѣ къ императрицѣ. Въ отвѣтѣ ея были слѣдующія любопытныя строки: «Если заподлинно комендантъ саратовскій поступалъ такъ, какъ въ сказкѣ капитана Сапожникова показано, то онъ достоинъ чтобъ вѣрность его не осталась безъ награжденія, что поручаю вамъ наиприлежнѣйше разсмотрѣть и въ ясность привести, а потомъ представить ко мнѣ. Доходили до меня гвардіи поручика Державина о семъ комендантѣ письма, кои не въ его пользу были; а какъ сей Державинъ самъ изъ города отлучился будто

[1] Пекарскаго *Любитель литературы Екатерининскихъ временъ. Отечеств. Зап.* 1856, CV, 496.

за сысканьемъ секурса, а вы объ немъ нигдѣ не упоминаете, то уже его показанье нѣсколько подвержено сомнѣнію, которое прошу, когда случай будетъ, пообъяснить навѣданіемъ объ обращеніяхъ сего гвардіи поручика Державина и соотвѣтствовала ли его храбрость и искуство его словамъ, а присланъ онъ былъ туда отъ покойнаго генерала Бибикова»[1].

Изъ этихъ строкъ оказывается, что жалобы Державина на Бошняка были хорошо извѣстны Екатеринѣ. Вѣроятно, Павелъ Потемкинъ отправлялъ къ ней, при своихъ донесеніяхъ, и рапорты уважаемаго имъ подчиненнаго или сообщалъ ихъ частнымъ образомъ своему могущественному родственнику. Около этого самаго времени начальникъ секретныхъ комиссій писалъ Державину: «Я уже о расторопности и усердіи вашемъ представлялъ высочайшему двору». Въ донесеніи императрицѣ отъ 11-го августа Потемкинъ говоритъ о саратовскихъ событіяхъ, какъ о чемъ-то ей уже извѣстномъ, и выражается такъ: «Я весьма опасаюсь, чтобы по несогласію тамошнихъ командировъ не удалось ему (т. е. Пугачеву) сорвать сей городъ до прибытія деташаментовъ», и проч.[2]

Понятно, какъ должно было подѣйствовать на графа Панина сомнѣніе въ его подчиненномъ, выраженное самою государыней, и насколько этимъ должно было усилиться уже пробужденное въ душѣ его нерасположеніе къ Державину. А между тѣмъ чувство это получило еще новую пищу. Надо вспомнить, что Державинъ, передъ разногласіемъ съ Бошнякомъ, давно уже былъ не въ ладахъ съ начальникомъ его, астраханскимъ губернаторомъ. Мы видѣли, что когда, въ началѣ своей командировки, онъ пріѣзжалъ въ Саратовъ съ рекомендательнымъ письмомъ отъ Бибикова, то остался очень недоволенъ пріемомъ Кречетникова; потомъ, уѣхавъ, просилъ у него казаковъ, но не получивъ ихъ, жаловался Бибикову и велъ съ губернаторомъ переписку, въ которой съ обѣихъ сторонъ были высказаны разныя колкости. 28-го августа Кречетниковъ изъ Астрахани пи-

[1] *Сборн. Ист. Общ.* VI, 120.
[2] См. выше стр. 190.

салъ гр. Панину: «Саратовъ злодѣями взятъ и разоренъ не иначе какъ по предательству купцовъ и на остатокъ (т. е. *напослѣдокъ)* гарнизоннаго майора Салманова и артиллерійской команды, кои всѣ добровольно изъ фрунта къ нему ушли; сей богомерзкой измѣнѣ спомоществовало несогласіе опекунской конторы главнаго судьи, статскаго совѣтника Лодыжинскаго съ комендантомъ, полковникомъ Бошнякомъ, коему заблаговременно отъ меня наставленіе дано было, чтобъ онъ взялъ всѣ воинскія команды въ свое распоряженіе [1], но Лодыжинскій, и съ нимъ *вѣтреный человѣкъ гвардіи поручикъ Державинъ*, того не сдѣлали и сбирались его арестовать, а потомъ сбирали на совѣтъ купцовъ и гарнизонныхъ штабъ-офицеровъ *противъ коменданта* и тѣмъ его ослабили, и укрѣпленія никакого не сдѣлали [2], а какъ самое зло настало и злодѣй пришелъ, то въ тотъ самый день коменданту команду отдали, а сами — Лодыжинскій въ Царицынъ, а Державинъ на Яикъ поѣхали [3]. Итакъ люди, возмутясь, въ столь непростительное зло впали и таковые плоды отъ разныхъ командъ неподчиненныхъ одинъ другому послѣдовали».

Подлинное письмо написано собственной рукой Кречетникова весьма поспѣшно, неразборчиво и притомъ въ самомъ неофиціальномъ тонѣ, который, несмотря на примѣсь лести, явно указываетъ на очень короткія отношенія между обоими генералами. Отдавъ отчетъ въ своихъ распоряженіяхъ, Кречетниковъ прибавляетъ: «Итакъ, донося вашему сіятельству все сдѣланное мною, буду ожидать милостивой вашей апробаціи, кою я во вѣкъ мой почиталъ и почитать не престану». Это письмо ко-

[1] Здѣсь Кречетниковъ забываетъ то, что̀ онъ нѣсколько разъ повторялъ въ ордерахъ своихъ Бошняку, именно требованіе, чтобъ онъ «совѣтовалъ» съ Лодыжинскимъ и дѣйствовалъ съ нимъ «единодушно». (Подлинники въ Госуд. архивѣ.)

[2] Но они-то и требовали особаго укрѣпленія; комендантъ же сперва не хотѣлъ никакого, а потомъ сталъ укрѣплять старинный валъ, окружавшій весь городъ, что̀ было неисполнимо и, дѣйствительно, осталось безъ исполненія.

[3] Послѣднее было невѣрно: Державинъ уѣхалъ въ противуположную сторону — въ Сызрань. См. выше стр. 176.

печно еще усилило дѣйствіе приказанія императрицы объ изслѣдованіи поведенія Державина.

3. Мѣры для поимки Пугачева. Суворовъ. Выдача самозванца.

Графъ Панинъ успѣлъ доѣхать только до Шацка, когда пришло извѣстіе о бѣгствѣ Пугачева отъ Царицына; вскорѣ получена вѣсть и о совершенномъ пораженіи его 25-го августа при Черномъ Ярѣ. Теперь оставалось только овладѣть обезсиленнымъ самозванцемъ. Къ этой цѣли одновременно стремились всѣ начальники отрядовъ за Волгою, гдѣ главныя распоряженія военными дѣйствіями ввѣрены было князю Голицыну. Изъ подчиненныхъ ему лицъ мы видимъ въ этомъ дѣлѣ съ одной стороны Суворова, съ другой Державина.

Голицынъ, увѣдомляя Державина о переправѣ Пугачева на луговую сторону, просилъ его употребить всевозможныя средства, чтобы во-первыхъ удостовѣриться, куда именно злодѣй направитъ свое бѣгство, а во-вторыхъ, чтобы съ помощію обывателей поймать или умертвить его; при чемъ князь уполномочивалъ Державина выдать на это сколько нужно будетъ денегъ, которыя онъ, Голицынъ, приметъ на свой собственный счетъ. Поэтому онъ предписывалъ Державину послать на Узени вѣрныхъ *подлазчиковъ* (лазутчиковъ), а между тѣмъ и самъ сбирался переправиться за Волгу и дѣйствовать вдоль Иргиза, въ случаѣ же надобности — подкрѣпить Державина. Здѣсь мимоходомъ припомнимъ, что послѣдній незадолго передъ тѣмъ совершилъ съ отрядомъ крестьянъ свою удачную экспедицію въ степь, противъ Киргизовъ, разграбившихъ нѣмецкія колоніи. Это дѣло, за которое Голицынъ въ той же бумагѣ благодарилъ Державина, еще увеличило уваженіе его къ этому офицеру: князь звалъ его къ себѣ и обѣщалъ написать Потемкину, «что пребываніе ваше», какъ онъ выражался, «въ здѣшнихъ мѣстахъ весьма нужно и чтобы вы для того не были отсюда отлучены» [1].

[1] V, 213 и 222.

Между тѣмъ и Суворовъ, пробывъ только одинъ день въ Царицынѣ, отправился по луговой сторонѣ преслѣдовать Пугачева, за которымъ передъ собою велѣлъ итти также графу Меллину. 9-го сентября Суворовъ былъ на рѣкѣ Еруслане, и въ рапортѣ, посланномъ оттуда къ Панину, два раза упомянулъ о Державинѣ, имя котораго конечно тутъ въ первый разъ сдѣлалось ему извѣстно. «Г. поручикъ лейбъ-гвардіи Державинъ», писалъ Суворовъ главнокомандующему, «при рѣкѣ Караманѣ Киргизцевъ разбилъ... Самъ же г. Державинъ», говорилъ онъ далѣе, «уставясь отрядилъ 120 человѣкъ преслѣдовать видимыхъ людей на Караманѣ до Иргиза»[1].

Пройдя въ слѣдующія сутки 80 верстъ, Суворовъ 10-го числа былъ на рѣчкѣ Таргунѣ, притокѣ Еруслана, впадающаго въ Волгу, и оттуда отнесся уже къ самому Державину съ слѣдующимъ ордеромъ, доказывающимъ, какую добрую славу пріобрѣлъ тогда этотъ офицеръ.

«О усердіи къ службѣ ея императорскаго величества вашего благородія я уже много извѣстенъ; тожъ и о послѣднемъ отъ васъ разбитіи Киргизцевъ, какъ и о посланіи партіи для преслѣдованія разбойника Емельки Пугачева отъ Карамана; по возможности и способности ожидаю отъ вашего благородія о пребываніи, подвигахъ и успѣхахъ вашихъ частыхъ увѣдомленій. Я нынѣ при деташаментѣ графа Меллина слѣдую къ Узенямъ на рѣчкѣ Таргунѣ, до вершинъ его верстъ съ 60, оттуда до 1-го Узеня верстъ съ 40. Деташаментъ полковника Михельсона за мною суткахъ въ двухъ. Иду за реченнымъ Емелькою, поспѣшно прорѣзывая степь. Иргизъ важенъ, но какъ тутъ слѣдуетъ отъ Сосновки его сіятельство князь Голицынъ, то отъ Узеней не учиню ли или прикажу учинить подвигъ къ Яицкому городку[2].

Александръ Суворовъ».

10-го сентября 1774 г.

Таково было первое начало дружескихъ отношеній между великимъ полководцемъ и славнымъ лирикомъ Екатерины, — отношеній, продолжавшихся до самой кончины перваго.

[1] V, 219.
[2] V, 218.

Ни тому, ни другому однакожъ не было суждено овладѣть Пугачевымъ. 11-го числа Суворовъ былъ на Маломъ Узенѣ, и здѣсь, раздѣливъ бывшій съ нимъ отрядъ на четыре части, «жегъ камышъ, укрывающій разбойника» (слова изъ рапорта Суворова графу Панину), «но буде бы и тамъ онъ не отыскался, такъ по слѣдамъ его настигать постараюсь, превозмогая во всемъ усталость, даже до самаго города Яика... Надежда блистаетъ!» такъ заключалъ Суворовъ: «Сейчасъ со всѣмъ деташаментомъ Меллина иду къ другому или Большому Узеню. Михельсону тоже подтвердилъ слѣдовать за мною весьма поспѣшно»[1].

Но надежда обманула Суворова. Правда, Пугачевъ дѣйствительно попалъ въ руки правительства, но безъ всякаго участія преслѣдовавшихъ его послѣ пораженія при Черномъ Ярѣ.

По повелѣнію князя Голицына, комендантъ Яицкаго городка Симоновъ 10-го сентября отправилъ па нижнеяицкіе форпосты сотника Харчева съ 50-ю казаками, чтобы помѣшать разбитому Пугачеву пробраться за рѣку Яикъ «па бухарскую сторону»; въ случаѣ же приближенія его шайки, напасть на нее, а особливо стараться поймать его самого. Пугачевъ, послѣ пораженія при Черномъ Ярѣ (при *Купецкой Ватагѣ*, по словамъ Харчева), перебравшись черезъ Волгу, имѣлъ при себѣ не болѣе 150 Яицкихъ казаковъ. На совѣтѣ съ ними онъ ихъ уговаривалъ итти въ Сибирь и тамъ возмутить народъ; но товарищи его, не согласясь на это, заставили его бѣжать съ ними на Узени, любимый притонъ преступниковъ тамошняго края. Тамъ шайка Пугачева нашла выпущенныхъ изъ Яицкаго городка колодниковъ. Капитанъ Мавринъ освободилъ большое число арестантовъ и изъ нихъ же подговорилъ многихъ «во всѣ стороны метаться» и распространять слухъ, что виновные, которые съ раскаяніемъ явятся къ нему, Маврину, будутъ прощены, «а кто Емельку свяжетъ, тотъ еще и награжденіемъ воспользуется». Тогда бывшіе при Пугачевѣ Яицкіе казаки, уже и безъ того переставшіе вѣрить ему, отправили въ Яицкій городокъ шпіо-

[1] Подлинное въ Госуд. архивѣ.

новъ и, удостовѣрясь въ истинѣ слуховъ, рѣшились выдать самозванца.

Командированный изъ этого города Харчевъ, провѣдавъ обо всемъ въ пути, пошелъ на Бударинскій форпостъ, куда направилась шайка Пугачева. Еще не доходя до этого мѣста, онъ встрѣтилъ двухъ отряженныхъ изъ этой шайки казаковъ: яицкаго—Чумакова, и илецкаго — Творогова, который въ послѣднее время скрѣплялъ всѣ указы мнимаго императора. Они объявили, что ѣдутъ въ Яицкій городъ съ раскаяніемъ и предложеніемъ выдать Пугачева, если получатъ завѣреніе, что онъ будетъ принятъ съ честью. Харчевъ, замѣтивъ въ рѣчахъ ихъ двусмысленность, отобралъ у нихъ оружіе и деньги, и отправилъ обоихъ, съ однимъ изъ своихъ казаковъ, въ городъ. Продолжая путь, онъ, 14-го числа по утру, передъ Бударинскимъ форпостомъ съѣхался съ ихъ товарищами и требовалъ выдачи злодѣя, который наружно былъ еще въ прежнемъ у нихъ почтеніи и оставался не связаннымъ; но казаки отвѣчали, что сами его доставятъ въ руки правительства. Харчевъ, не рѣшаясь тронуть его, по многочисленности бывшей съ нимъ шайки, провожалъ ихъ до Коловертной лощины; здѣсь же, съ помощью воровского полковника Федулева, снялъ съ Пугачева одежду и обличивъ его передъ казаками въ самозванствѣ, привелъ ихъ въ раскаяніе; потомъ, достигнувъ Кошъ-яицкаго форпоста, взялъ его отъ нихъ подъ свой караулъ, заклепалъ въ колодку и привезъ въ Яицкій городокъ, въ самую полночь на 15-е сентября. Чрезъ нарочнаго Харчевъ предварилъ Симонова объ успѣхѣ дѣла, и комендантъ выслалъ на встрѣчу ему, для помощи, сержанта Бардовскаго [1].

По прибытіи въ городъ, шайка, состоявшая еще изъ 114-ти человѣкъ, была посажена подъ караулъ, въ ретраншаментъ. Самъ же Пугачевъ (по выраженію Маврина въ рапортѣ князю Голицыну) былъ «можно сказать принесенъ на головахъ» къ этому офицеру. При первомъ допросѣ онъ объявилъ прямо свое настоящее происхожденіе, не обнаружилъ однакожъ ни раскаянія,

[1] См. изданныя мною *Бумаги, относящіяся къ поимкѣ Пугачева*, въ *Сборникѣ Отд. русск. яз. и сл.*, XV.

ни робости, но при дальнѣйшемъ ходѣ слѣдствія сознавался, что согрѣшилъ передъ Богомъ и государыней, и т. п.

Вслѣдъ за нимъ, на другой день, Суворовъ прибылъ также въ Яицкій городокъ, и писалъ между-прочимъ Панину. «Не уповаю, чтобы вашему высокографскому сіятельству противно быть могло, когда я выпровоженіемъ отсюда разбойника Пугачева поспѣшу».

4. Первыя извѣстія о поимкѣ Пугачева.

Мы уже видѣли, чтó между тѣмъ дѣлали князь Голицынъ и Державинъ. Голицынъ 9-го сентября переправился на луговую сторону Волги и, отрядивъ партіи въ разныя стороны, самъ пошелъ сперва вверхъ по Иргизу, а потомъ въ Яицкій городокъ. 14-го сентября къ Державину привели пугачевскаго полковника Мельникова, который бѣжалъ отъ самозванца, когда тому измѣнили его сообщники [1].

Державинъ немедленно отправилъ Мельникова подъ крѣпкимъ карауломъ къ Голицыну. Князь стоялъ на рѣчкѣ Камеликѣ, въ 130-ти верстахъ отъ Яицкой крѣпости, когда 15-го сентября ему представили бродягу. Онъ поспѣшилъ отправить къ графу Панину въ Пензу подполковника Пушкина съ радостнымъ извѣстіемъ объ арестованіи Пугачева. Въ рапортѣ князя Голицына, написанномъ по этому случаю, насъ поражаетъ показаніе, что Мельникова схватили на Узеняхъ *двое вѣрныхъ Яицкихъ казаковъ*, отправленные туда имъ, *Голицынымъ*, съ тѣмъ, чтобы тайно склонить извѣстнаго казака Перфильева къ поимкѣ или умерщвленію Пугачева [2]. Изъ этого слѣдовало бы, что Державинъ, какъ въ журналѣ, веденномъ имъ во время Пугачевщины, такъ и въ позднѣйшихъ своихъ запискахъ, несправедливо приписалъ *своему* отряду поимку Мельникова. Для устраненія противорѣчія между обоими показаніями надо припомнить, что Голицынъ, по военной командѣ, былъ начальникомъ Державина и по-

[1] См. выше стр. 189.
[2] V, 289.

этому, кажется, считалъ себя въ правѣ смотрѣть на распоряженіе своего подчиненнаго, какъ на свое собственное. Можетъ-быть, къ сотнѣ крестьянъ, отряженныхъ послѣднимъ, дѣйствительно присоединились два казака, посланные первымъ, и онъ, донося графу Панину о результатѣ экспедиціи, не нашелъ нужнымъ упоминать еще и о крестьянахъ Державина [1]. Почти въ такомъ же смыслѣ князь Голицынъ 17-го сентября писалъ Державину: «злодѣй привезенъ въ Яицкій городъ отряженною *отъ меня* изъ сего города партіею». Впрочемъ партія Харчева, доставившая Пугачева къ Маврину, была отправлена Симоновымъ, по крайней мѣрѣ, въ слѣдствіе ордера Голицына; экспедиція же, кончившаяся поимкою Мельникова, предпринята была по мысли и по предложенію Державина, и справедливѣе было бы, еслибъ Голицынъ въ рапортѣ Панину не умолчалъ объ офицерѣ, которому обязанъ былъ и этимъ, хотя незначительнымъ успѣхомъ, и удовольствіемъ закончить свой рапортъ начальнику слѣдующими словами: «За счастіе себѣ поставляю то, что какъ я первый имѣлъ удачу сначала усилившемуся извергу рода человѣческаго сломить рога сильнымъ его подъ Татищевою крѣпостью пораженіемъ, такъ и теперь первый же имѣю честь возвѣстить вашему сіятельству о конечной его гибели». Извѣстіе о взятіи Пугачева кн. Голицынъ получилъ отъ Державина съ присланнымъ имъ Мельниковымъ.

Секундъ-майоръ Пушкинъ, посланный къ главнокомандующему изъ Яицкаго городка съ рапортомъ Голицына, служилъ во 2-мъ гренадерскомъ полку. Не только князь, при этомъ случаѣ, отзывался о немъ съ особенною похвалою, но и прежде еще Бибиковъ свидѣтельствовалъ предъ императрицей объ отличной храбрости и расторопности Пушкина. Въ дѣлѣ при Сорочин-

[1] Изъ современныхъ документовъ видно, что Голицынъ прежде, дѣйствительно, посылалъ на Узени развѣдчиковъ, но, какъ самъ онъ писалъ Державину, эта партія, возвратясь 12-го числа, «не нашла никакихъ знаковъ, что̀ и удостовѣряетъ меня о какомъ-либо другомъ намѣреніи злодѣя» (V, 221). Послѣ же того, еслибъ Голицынъ и отправилъ на Узени новую партію, она никакъ не успѣла бы вернуться одновременно съ державинскою. Ср. VI, 509 и 510.

ской крѣпости онъ занялъ мѣсто поднятаго на копья неустрашимаго майора Елагина и прогналъ мятежниковъ. По приказанію Голицына, Пушкинъ заѣхалъ къ Державину въ Мечетную и просилъ сказать откровенно, не далъ ли онъ знать о поимкѣ Пугачева прямо отъ себя главнокомандующему или кому другому изъ генераловъ. Державинъ отвѣчалъ, что онъ послалъ увѣдомленіе только своимъ непосредственнымъ начальникамъ, князю Голицыну и Потемкину. Пушкинъ былъ доволенъ этимъ, полагая, что такимъ образомъ Потемкинъ, живя въ отдаленной Казани, не успѣетъ дослать курьера до Петербурга ранѣе Панина, находившагося въ Пензѣ, куда онъ, Пушкинъ, и поскакалъ не теряя времени. Впослѣдствіи, когда надъ Державинымъ разразился гнѣвъ графа Панина, онъ объяснялъ себѣ свою невзгоду тѣмъ, что когда курьеръ, посланный имъ къ Потемкину, проѣзжалъ черезъ Сызрань, то тамошній воевода, услышавъ съ какимъ извѣстіемъ онъ ѣдетъ, отправилъ нарочнаго къ графу Панину, который будто бы изъ этого и узналъ, что помимо его важная вѣсть послана Державинымъ къ Потемкину; Потемкинъ же успѣлъ предупредить Панина въ сообщеніи ея императрицѣ. Но Державинъ ошибался.

Графъ Панинъ въ первый разъ узналъ о поимкѣ Пугачева отъ голицынскаго курьера, какъ видно изъ слѣдующаго донесенія его отъ 18-го сентября:

«Имѣю счастіе поздравить ваше императорское величество со избавленіемъ имперіи отъ язвительнѣйшаго ея врага Пугачева. Какое получилъ я въ сію минуту извѣщеніе о его поимкѣ, кажется со всѣмъ вѣроятной, оное оригинально спѣшу симъ препроводить съ подателемъ, правящимъ при мнѣ должность флигель-адъютанта, княземъ Лобановымъ, моимъ внукомъ роднымъ, коего, а наипаче еще генералъ-майора князя Голицына, какъ главнаго виновника первому низложенію силъ сего государственнаго врага, такъ и первому же извѣщателю о ввержепіи его въ заслуженныя имъ оковы и оказавшаго толикую неутомленность, рвеніе и усердіе службою въ ономъ вашему императорскому величеству, дерзаю повергнуть въ монаршую милость и благоволеніе, самъ же постараюсь обстоятельнѣйшую вѣдомость при-

нести къ вашему императорскому величеству въ самое полученіе ея, пребывая на всю жизнь», и проч.

По странной случайности курьеръ Державина прибылъ въ Казань въ тотъ же самый день, какъ Пушкинъ въ Пензу, и Павелъ Потемкинъ, не теряя ни минуты, слѣдовательно одновременно съ Панинымъ, написалъ императрицѣ:

«Сейчасъ получилъ я отъ поручика гвардіи Державина, находящагося для защищенія колоній отъ набѣговъ Киргизъ-кайсаковъ, наипріятнѣйшее извѣстіе, что изверга и злодѣя Пугачева, на Узеняхъ, т. е. на рѣчкѣ идущей къ Яицку, поймали и, связавъ, подъ стражею повезли въ Яицкой городокъ.

«Я поспѣшаю донести вашему императорскому величеству сію пріятнѣйшую вѣдомость чрезъ ротмистра Бушуева, который сначала при покойномъ генералъ-аншефѣ Александрѣ Ильичѣ Бибиковѣ находился, и котораго повергая къ стопамъ вашего императорскаго величества, какъ и себя въ монаршую милость, съ неизреченнымъ благоговѣніемъ во всю жизнь пребывать главнымъ предметомъ поставляю» и проч.

Естественно, что пензинское донесеніе должно было дойти до Петербурга ранѣе казанскаго, хотя и отправленнаго въ тотъ же день. Такъ и случилось: доказательствомъ тому служатъ слѣдующія строки изъ письма Екатерины къ московскому градоначальнику, князю Волконскому, отъ 27-го сентября: «Съ послѣднимъ курьеромъ я получила извѣстіе изъ Пензы отъ графа Панина, что Яицкіе казаки связали Пугачева и везутъ его въ Яицкій городокъ». И самому графу Панину императрица писала: «Теперь отвѣтствовать осталось мнѣ на ваше доброизвѣстительное письмо о поимкѣ врага Пугачева, которая *первая вѣсть* отовсюду подтверждается».

Такимъ образомъ Державинъ справедливо приписывалъ себѣ честь сообщенія правительству перваго извѣстія о поимкѣ Пугачева, но онъ не зналъ, что оно въ Петербургъ дошло прямымъ путемъ чрезъ главнокомандующаго. Между тѣмъ эта вѣсть расшевелила честолюбіе генераловъ. Потемкинъ, благодаря Державина въ самый день полученія ея, приписалъ на поляхъ своего письма: «Желалъ бы я охотно, чтобы злодѣй былъ доста-

вленъ въ комиссію, а не въ военную команду, поелику оной посредство къ тому споспѣшествовало». Это значило, другими словами: «Устройте, чтобъ Пугачевъ былъ доставленъ ко мнѣ, а не къ главнокомандующему»[1].

Но Державинъ не могъ этого устроить, и въ слѣдствіе того, какъ ему казалось, Потемкинъ сталъ также коситься на него. Буря подымалась однако съ другой стороны.

5. Новыя непріятности.

Мы видѣли уже, какъ астраханскій губернаторъ, въ письмѣ къ графу Панину, жаловался на Державина, называя его *вѣтренымъ человѣкомъ*. Теперь, по приказанію Панина, вызванному повелѣніемъ императрицы, началось изслѣдованіе. Кречетниковъ, узнавъ объ окончательномъ пораженіи Пугачева, потребовалъ Бошняка въ Астрахань. Комендантъ, уже много разъ писавшій ему о саратовскихъ происшествіяхъ, лично представилъ подробное объясненіе, въ которомъ конечно не были пощажены Лодыжинскій и Державинъ. Въ свою очередь Лодыжинскій ѣздилъ также въ Астрахань и подалъ губернатору оправдательный рапортъ. Эти и другія бумаги, хранящіяся въ Государственномъ архивѣ, доставили намъ возможность прослѣдить всѣ сокровенныя пружины послѣдствій саратовской ссоры.

Кречетниковъ, получивъ объясненія Бошняка и Лодыжинскаго, препроводилъ обѣ бумаги въ сенатъ, и въ своемъ донесеніи повторилъ, почти слово въ слово, жалобы Бошняка на его противниковъ: «Лодыжинскій и Державинъ», писалъ между-прочимъ губернаторъ, «не только съ нимъ (комендантомъ) въ наилучшей оборонѣ не согласовали и производили споръ, но и другихъ штабъ-офицеровъ и купцовъ отъ послушанія его отвратили, а Державинъ въ собраніи всячески его ругалъ и поносилъ безчестными словами, намѣреваясь яко осужденнаго арестовать, и 6-го августа, когда злодѣй съ своей толпою приближался, Лодыжинскій и Державинъ невѣдомо куда скрылись и его, комен-

[1] V, 226.

данта, оставили съ малою командою». Тогда же и въ томъ же духѣ Кречетниковъ донесъ обо всемъ этомъ князю Орлову, какъ начальнику Лодыжинскаго, и графу Петру Панину, какъ главнокомандующему, который поручилъ ему изслѣдовать дѣло.

Графъ Панинъ немедленно предписалъ князю Голицыну, а для большей вѣрности еще и генералу Мансурову, истребовать у Державина объясненіе, почему онъ оставилъ Саратовъ передъ самымъ приходомъ туда Пугачева? Правда, въ ордерѣ Голицына Державину пилюля была позолочена благодарностью за пораженіе Киргизовъ, но это не уменьшало ея горечи. Вотъ эта бумага (отъ 23-го сентября):

«Его сіятельство главнокомандующій, за доказанную вами въ пораженіи Киргизъ-кайсаковъ услугу, предписываетъ свою благодарность и вниманіе по уваженію оной, и что онъ о семъ дѣлѣ, по точности моего ему донесенія, какъ объ васъ, такъ и одобренныхъ вами въ отличности чинахъ, не оставитъ донести ея императорскому величеству.

«Въ слѣдствіе его жъ сіятельства повелѣнія изволите прислать ко мнѣ къ доставленію ему рапортъ, въ которомъ объясните обстоятельство, какимъ образомъ не случились вы быть при защищеніи своего поста въ городѣ Саратовѣ и какая должность, кѣмъ и отъ кого поручена и съ какою командою вамъ была, а потомъ для чего, куда и за сколько времени предъ злодѣйскимъ нападеніемъ на помянутый городъ, съ какимъ числомъ команды отлучиться были принуждены; и сіе я точными объяснилъ словами, какъ его сіятельство мнѣ предписать изволилъ» [1].

Этотъ запросъ, заключавшій въ себѣ обидное подозрѣніе, сильно взволновалъ и огорчилъ честолюбиваго офицера, который еще недавно доказалъ свою отвагу добровольными экспедиціями подъ Петровскъ и противъ Киргизовъ и который притомъ до сихъ поръ привыкъ пользоваться полнымъ довѣріемъ и уваженіемъ своихъ начальниковъ. Смѣлый и самонадѣянный, онъ рѣшился, вопреки положительному приказанію, отвѣчать глав-

[1] V, 228.

нокомандующему не чрезъ Голицына, а прямо отъ себя. 5-го октября онъ отправилъ въ Пензу обширный рапортъ или вѣрнѣе отчетъ, въ которомъ на 4-хъ листахъ особенно большого формата и убористаго письма изложилъ всѣ свои дѣйствія [1]. Вотъ заключеніе его: «Сіе есть, ваше сіятельство, сколько нибудь ясное описаніе комиссіи моей до паденія Саратова и исторія объ отлучкѣ отъ онаго; но чтобъ не изволили помыслить, что я многорѣчіемъ хотѣлъ затмить силу справедливости и не по важности мнѣ вышеизображенныхъ вопросовъ отвѣчалъ, то короче донесу: комиссія моя, по приложенному здѣсь наставленію, какая и отъ кого дана была, видима: команды я не имѣлъ. Постъ мой былъ подвиженъ, гдѣ я заблагоразсужу. Въ Саратовѣ былъ я для объявленія награжденія за поимку злодѣя и проповѣди о неприлѣпленіи къ нему, для чего и собраны были отъ меня подписки подъ смертною казнію. Отлучился я отъ него, что услышалъ наклоненія къ бунту въ другомъ мѣстѣ, для меня важнѣйшемъ. Удалился я въ Сызрань, что мнѣ уже не можно стало въ мѣстѣ безъ команды, гдѣ случился я, никакъ обойтися. За 15 часовъ я изъ Саратова выѣхалъ, не имѣвъ при тысячѣ человѣкъ близко войска никакой опасности» (т. е. опасенія), «кромѣ ихъ безпорядка. Зрите, ваше сіятельство, мой справедливый долгъ, а прочее, что я дѣлалъ, то изъ особливаго моего усердія къ службѣ нашей всемилостивѣйшей императрицѣ и что должно быть безчувственному, ежели смотрѣть равнодушно на гибель своего отечества и не прилагать крайнихъ силъ вымыслить ему помощь. Подлинныхъ документовъ для того я здѣсь не приложилъ, что ежели ваше сіятельство, къ чести моей, прикажете нарядить судъ, то я и тогда оные представлю». Однакожъ, удерживая у себя подлинники, Державинъ приложилъ копіи съ 13-ти офиціальныхъ писемъ, полученныхъ имъ отъ разныхъ лицъ по его командировкѣ.

Такое многословное оправданіе, подкрѣпленное еще цѣлою кипою бумагъ и присланное мимо посредствующихъ начальниковъ, должно было показаться дерзостью строгому глав-

[1] V, 233.

нокомандующему. Несмотря на то, графъ Панинъ, желая дать полезный урокъ молодому офицеру, удостоилъ отвѣчать ему прямо отъ себя и притомъ тономъ не столько жесткимъ, сколько насмѣшливымъ и покровительственно-снисходительнымъ. Начавъ увѣдомленіемъ, что онъ получилъ рапортъ Державина со всѣми приложеніями, Панинъ продолжаетъ: «По весьма великой его подлинно обширности, конечно имѣли вы настоящую причину подумать, что при моемъ нынѣшнемъ многозаботномъ ея императорскому величеству служеніи, можетъ онъ мнѣ представиться къ прочтенію великимъ обремененіемъ, но въ томъ и оправдалось ваше обо мнѣ благое заключеніе: я при полученіи его хотя уже половину ночи въ дѣлахъ по моей службѣ упражнялся, но другую половину не оставилъ употребить въ самое внятное его прочтеніе». Въ этомъ отвѣтѣ его отразился взглядъ сановника восемнадцатаго вѣка на высокое значеніе чина и служебнаго старшинства. Оцѣнивъ по донесенію Державина умъ его и дарованія, графъ Панинъ не могъ простить неопытному, по его мнѣнію, офицеру смѣлости, съ какою онъ обсуживалъ распоряженія старшихъ и вмѣшивался въ нихъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Панинъ, иронически отдавая справедливость краснорѣчію Державина и забывая, что самъ онъ прежде велѣлъ благодарить его за киргизскую экспедицію, говоритъ, что доказательствомъ его усердія «будутъ служить только одни слова». Всего обиднѣе для Державина было то, что въ противоположность ему Панинъ выставлялъ саратовскаго коменданта, «который не покидалъ своего города, защищалъ его не токмо до самой послѣдней крайности, но и при сущей измѣнѣ и передательствѣ къ злодѣю его подчиненныхъ, съ оставшими при немъ самыми вѣрнѣйшими и усерднѣйшими къ ея императорскому величеству изъ оныхъ рабами, прошелъ съ ружьемъ въ рукахъ сквозь всю столь многоужасающую злодѣйскую толпу [1], въ

[1] Такъ самъ Бошнякъ описывалъ свое отступленіе въ рапортахъ своихъ, но въ сущности дѣло происходило нѣсколько иначе: изъ всѣхъ документовъ видно, что онъ только ретировался верстъ шесть подъ выстрѣлами мятежниковъ, почти не попадавшими въ его отрядъ. Подробнѣе см. V, 252, въ примѣчаніи.

такую опять крѣпость, на которую злодѣй по примѣчанію устремлялся жъ, а не туда, гдѣ бъ онъ безопасенъ былъ; почему и представляется мнѣ, что гораздо легче сему коменданту предъ военный судъ явиться, еслибъ обстоятельство того востребовало, нежели вамъ по изъявленію вами желанія военнаго суда: ибо регулы военныя, да и всѣ прочіе законы пріемлютъ въ настоящее доказательство и вѣроятность больше существительныя дѣйствія, нежели сокровенность человѣческихъ сердецъ, изъявляемыхъ словами. Сего ради, по истинному къ вамъ усердію, совѣтую отложить желаніе ваше предстать предъ военный судъ».

Любопытно заключеніе письма: «Впрочемъ будьте увѣрены, что все сіе изъ меня извлекло усердіе къ людямъ, имѣющимъ природныя дарованія, какими васъ Творецъ вселенной наградилъ, по истинному желанію обращать ихъ въ прямую пользу служенія владѣющей нашей великой государынѣ и отечеству и по той искренности, съ которою я пребыть желаю, какъ и теперь съ почтеніемъ есмь вашего благородія вѣрный слуга

графъ Петръ Панинъ» [1].

Теперь, имѣя въ рукахъ своихъ уже столько данныхъ по обстоятельствамъ, которыя Екатерина поручила ему разъяснить, Панинъ счелъ благовременнымъ отвѣчать на ея запросъ, и въ донесеніи отъ 17-го октября писалъ: «По окончательному исполненію повелѣній вашего величества... вступили ко мнѣ по моимъ требованіямъ столь великія, особливо отъ Державина изъясненія, что и меня раба вашего удивили дерзновеннымъ дозволеніемъ себѣ толикаго распространенія въ извиненіи, которое требуетъ въ непорочной истинѣ нѣсколькихъ только словъ; но по прочтеніи онаго заставили меня и къ единому вашего величества любопытству поднести оныя здѣсь всѣ въ оригиналѣ... Смѣю при томъ, всемилостивѣйшая государыня! о саратовскомъ комендантѣ съ подчиненными ему офицерами, пробившимися сквозь злодѣя, то присовокупить, что они въ точности исполнили, и заслугу свою показали по настоящей своей вашему императорскому ве-

[1] V, 251—253.

личеству присягѣ, гдѣ каждый обѣщается и долженъ въ потребномъ случаѣ не щадить своего живота и гдѣ отъ всякаго требуется не витійственныхъ словъ и вмѣшиванія въ чужія, себѣ не принадлежащія и выше своего званія должности и дѣлá, но существительныхъ всякаго по своему званію дѣйствъ и безмолвственнаго повиновенія одного другому по предписанному въ регулахъ порядку, отъ которыхъ, кажется мнѣ, по приближеніи злодѣя на Саратовъ далеко было отступлено собираніемъ совѣтовъ съ приглашеніемъ и купечества. Усердіе мое о истинномъ соблюденіи установленныхъ отъ вашего императорскаго величества безмолвственныхъ повиновеній, по формѣ правительства самодержавной власти и по чинамъ одного надъ другимъ установленныхъ, не могло меня воздержать, чтобъ Державину не сдѣлать такого предложенія, какое вы изволите здѣсь въ копіи усмотрѣть, а саратовскому коменданту дать повелѣніе, чтобъ онъ тамошнихъ купцовъ Кобякова и Протопопова прислалъ сюда скованныхъ» и проч.[1].

При строгости, съ какою графъ Панинъ смотрѣлъ на Державина, можетъ показаться страннымъ, почему онъ отказалъ ему въ судѣ. Возможно, что онъ, по нѣкоторому свойственному ему добродушію, съ одной стороны дѣйствительно щадилъ подчиненнаго, рисковавшаго своею будущностью; но съ другой стороны онъ вѣроятно не желалъ и огласки пререканій, происходившихъ въ средѣ мѣстнаго начальства, при чемъ обнаружилось бы и предосудительное отсутствіе астраханскаго губернатора, который пользовался особеннымъ покровительствомъ главнокомандующаго *. Нельзя было также упускать изъ виду, что Державинъ своими дѣйствіями во время этой командировки заслужилъ полное одобреніе многихъ высоко-стоявшихъ лицъ: Бибикова, князей Щербатова и Голицына, Павла Потемкина и Суворова, чему онъ имѣлъ въ рукахъ самыя убѣдительныя доказательства. Поэтому гораздо проще и удобнѣе должно было казаться графу Панину вести дѣло безъ суда, по своему личному усмотрѣнію.

Бошнякъ, успѣвшій съ помощью своего покровителя, Кре-

[1] *Сборн. Истор. Общ.* VI, 166.

четникова, распространить въ высшемъ начальствѣ убѣжденіе, что онъ съ оружіемъ въ рукахъ «*пробился сквозь* злодѣйскую толпу», не удовольствовался этимъ: онъ самъ въ ноябрѣ мѣсяцѣ ѣздилъ въ Симбирскъ къ графу Панину и получилъ тамъ разрѣшеніе снова вступить въ свою комендантскую должность. Еще прежде того саратовскіе измѣнники, которые въ сраженіи при Черномъ Ярѣ попали въ руки правительства, были преданы графомъ Панинымъ «скоро-рѣшительному» военному суду, который приказано произвести случившемуся тогда въ Саратовѣ генералу Мансурову. Состоявшійся объ нихъ приговоръ былъ препровожденъ главнокомандующимъ къ императрицѣ вмѣстѣ съ новымъ засвидѣтельствованіемъ въ пользу Бошняка. Екатерина, отвѣчая 20-го ноября разомъ на восемь донесеній Панина, дала въ письмѣ своемъ слѣдующій отзывъ по этому предмету: «Касательно до дѣла поручика Державина и саратовскаго коменданта нашла я, что вашъ отвѣтъ, сдѣланный Державину, и правила, изъ которыхъ оной истекаетъ, суть таковы безпорочны, какъ отъ ревности вашей къ службѣ ожидать надлежало, и сей отвѣтъ таковъ хорошъ и полезенъ быть можетъ сему молодому человѣку, что конечно образъ мысли его исправитъ, буде природное въ немъ здравое разсужденіе есть. Саратовскаго коменданта поведеніе, о которомъ вы обновляете похвалу, не оставлю безъ взысканія» (т. е. вознагражденія). Государыня не замедлила исполнить это обѣщаніе: въ началѣ слѣдующаго года, послѣ казни Пугачева, она пожаловала не только самому Бошняку 370 душъ, но и женѣ его 2,000 руб., «потому что комендантша», какъ сказано было въ одномъ частномъ письмѣ къ Державину, «жаловалась, что все потеряла при нападеніи Пугачева на Саратовъ» [1].

[1] См. V, 264, нѣмецкое письмо премьеръ-майора Саратовскаго баталіона Зоргера, который участвовалъ въ отступленіи отъ Саратова, но не былъ награжденъ, и, прося заступничества Державина, между-прочимъ объяснялъ: «Что я былъ отъ Пугачева не далѣе чѣмъ полковникъ Бошнякъ, этому доказательствомъ то, что онъ остался невредимъ, а я получилъ двѣ раны».

Что касается Державина, то графъ Панинъ, напротивъ, совершенно забылъ или не захотѣлъ сдержать свое обѣщаніе довести до свѣдѣнія императрицы объ услугѣ, оказанной имъ въ пораженіи Киргизъ-кайсаковъ. Строгій и оскорбительный отвѣтъ главнокомандующаго долженъ былъ нанести жестокій ударъ самолюбію офицера, избалованнаго своими отношеніями съ другими генералами. Чрезъ нѣсколько дней послѣ того Державинъ получилъ и отъ князя Голицына, по прежнему благосклоннаго къ нему, частное письмо о неудовольствіи Панина.

«Я съ крайнимъ моимъ сожалѣніемъ», писалъ Голицынъ, «на сіе слѣдствіе взирая и будучи исполненъ истиннымъ моимъ къ вамъ доброжелательствомъ, изыскиваю всѣ удобь-возможныя средства къ утоленію графскаго гнѣва... но какъ не вижу еще въ семъ случаѣ мнимаго мною успѣха, то и пишу теперь къ Павлу Сергѣевичу (Потемкину), дабы онъ, находясь надъ вами командиромъ, оказалъ вамъ въ настоящемъ происшествіи прямую свою протекцію»[1]. Но Голицынъ, не зная отношеній между обоими генералами, напрасно надѣялся въ этомъ случаѣ на помощь Потемкина. Притомъ можно почти навѣрное сказать, что еслибъ этотъ послѣдній узналъ, какъ императрица смотрѣла на Державина, то онъ, даже и будучи въ душѣ на сторонѣ его, всетаки ничего бы для него не сдѣлалъ. Между тѣмъ однакожъ Павелъ Потемкинъ, еще вовсе не подозрѣвая невзгоды, которой подвергся Державинъ, звалъ его въ Казань, откуда самъ онъ, по своей инструкціи, сбирался ѣхать на Яикъ для изслѣдованія въ источникѣ настоящихъ причинъ бунта.

6. Поѣздка Державина къ графу П. И. Панину.

Итакъ Державинъ во второй половинѣ октября отправился въ Казань, но этою поѣздкою рѣшился онъ воспользоваться и для того, чтобы побывать у графа Панина въ Симбирскѣ. Онъ откровенно сознается, что язвительный отвѣтъ главнокомандующаго «внушилъ молодому чувствительному къ чести

[1] V, 254.

офицеру желаніе ѣхать къ графу и, лично съ нимъ объяснившись, разсѣять и малѣйшее въ немъ невыгодное о себѣ заключеніе».

До сихъ поръ мы въ своемъ изложеніи основывались на подлинныхъ документахъ, которые намъ удалось отыскать для дополненія и повѣрки записокъ Державина. Но въ сообщеніи обстоятельствъ его представленія Панину мы принуждены ограничиться свидѣтельствомъ самого поэта. Разсказъ о свиданіи съ Панинымъ составляетъ одну изъ самыхъ живыхъ и всего лучше написанныхъ страницъ въ запискахъ Державина. Мы представимъ его здѣсь въ сокращенномъ видѣ.

Подъ самымъ Симбирскомъ Державинъ встрѣтилъ гр. Панина, ѣхавшаго съ большою свитою на охоту; поэтому онъ отправился прежде къ князю Голицыну, который въ то время былъ также въ Симбирскѣ. Голицынъ чрезвычайно удивился смѣлости Державина и совѣтовалъ ему лучше ѣхать, не останавливаясь, въ Казань и тамъ искать покровительства Потемкина. Державинъ при этомъ услышалъ между-прочимъ, что Панинъ уже недѣли двѣ (слѣдовательно съ полученія его рапорта) повторяетъ при всѣхъ за столомъ, что онъ ждетъ отъ государыни повелѣнія повѣсить Державина вмѣстѣ съ Пугачевымъ.

Но это не испугало нашего пріѣзжаго поручика: по возвращеніи Панина съ охоты, Державинъ поспѣшилъ явиться къ нему; послѣ первыхъ словъ графъ спросилъ, видѣлъ ли онъ Пугачева. — «Видѣлъ на конѣ подъ Петровскомъ», отвѣчалъ офицеръ. — «Прикажи привести Емельку», сказалъ Панинъ Михельсону. Чрезъ нѣсколько минутъ введенъ былъ самозванецъ въ оковахъ по рукамъ и по ногамъ, въ старомъ засаленномъ тулупѣ. Онъ сталъ на колѣни. Графъ спросилъ: «Здоровъ ли, Емелька»? — Ночи не сплю, все плачу, батюшка, ваше графское сіятельство. — «Надѣйся на милосердіе государыни», и съ этимъ словомъ Панинъ приказалъ увести его. Такъ, по предположенію Державина, гордый начальникъ хотѣлъ съ одной стороны похвалиться тѣмъ, что Пугачевъ въ его рукахъ, а съ другой, уколоть Державина, давъ ему почувствовать, что онъ при всѣхъ своихъ усиліяхъ не могъ поймать злодѣя. Послѣ удаленія Пуга-

чева главнокомандующій и всѣ бывшіе тутъ штабъ- и оберъ-офицеры пошли ужинать. Державинъ, хотя и не получилъ приглашенія, однакожъ отправился вслѣдъ за другими и занялъ мѣсто у графскаго стола, помня, что онъ гвардейскій офицеръ и сиживалъ во дворцѣ за однимъ столомъ съ императрицей. Замѣтивъ его, графъ нахмурился, заморгалъ по своей привычкѣ глазами и вышелъ подъ предлогомъ, что забылъ отправить курьера къ государынѣ.

На другое утро, еще до разсвѣта, Державинъ, явившись опять къ главнокомандующему, ждалъ его нѣсколько часовъ. Наконецъ, около обѣдни, графъ вышелъ въ пріемную галерею, гдѣ уже собралось много военныхъ; на немъ былъ широкій атласный шлафрокъ сѣраго цвѣта и большой французскій колпакъ, перевязанный розовыми лентами. Панинъ прошелъ нѣсколько разъ по галереѣ, ни съ кѣмъ не говоря ни слова, и даже не посмотрѣлъ на дожидавшагося поручика. Тогда Державинъ рѣшился самъ подойти къ нему и сказалъ: «Я имѣлъ несчастіе получить вашего сіятельства неудовольственный ордеръ, беру смѣлость объясниться». Графъ удивился, но велѣлъ Державину итти за собою и повелъ его въ кабинетъ чрезъ цѣлый рядъ комнатъ. Доро́гой онъ съ сердцемъ дѣлалъ выговоръ Державину, между прочимъ за то, что онъ въ Саратовѣ неуважительно обращался съ комендантомъ и даже разъ прогналъ его отъ себя.

Сознаваясь во всемъ, Державинъ оправдывался пылкостію своего нрава и прибавилъ: «Кто бы сталъ васъ обвинять, что вы, бывъ въ отставкѣ на покоѣ, изъ особливой любви къ отечеству и приверженности къ службѣ государыни, приняли на себя въ столь опасное время предводить войсками? Такъ и я, когда все погибало, забывъ себя, внушалъ въ коменданта и во всѣхъ долгъ присяги къ оборонѣ города». Панинъ, надменный, но вмѣстѣ и великодушный, какъ характеризуетъ его Державинъ, былъ тронутъ этимъ и другими откровенными объясненіями его и наконецъ сказалъ ему: «Садись, мой другъ, я твой покровитель». Вслѣдъ за тѣмъ, по докладу камердинера, вошли съѣхавшіеся въ Симбирскъ военачальники: князь Голицынъ, Огаревъ, Чорба, Михельсонъ. Первый, при-

нимавшій въ Державинѣ особенное участіе, тотчасъ бросилъ на него испытующій взглядъ, желая угадать, что̀ произошло между нимъ и графомъ. Державинъ старался веселымъ видомъ показать, что гроза миновалась. Вскорѣ развязный и шуточный разговоръ его съ главнокомандующимъ еще болѣе убѣдилъ присутствовавшихъ въ добромъ расположеніи къ нему вельможи. Выходя изъ кабинета, графъ Панинъ пригласилъ его къ обѣду, за столомъ посадилъ его противъ себя и много съ нимъ разговаривалъ. Державинъ замѣтилъ *сильное любочестіе и непомѣрное тщеславіе* въ разсказахъ *этого впрочемъ честнаго и любезнаго начальника.* Послѣ обѣда графъ пошелъ отдыхать. Въ 6 часовъ пополудни свита, какъ дѣлалось обыкновенно при дворѣ Екатерины, опять собралась. И въ этотъ разъ графъ Панинъ много разговаривалъ съ Державинымъ, вспоминая семилѣтнюю войну, турецкій походъ и особенно взятіе Бендеръ, которымъ онъ не мало превозносился; при этомъ онъ часто возвращался къ мысли, которая преобладала и въ строгомъ письмѣ его къ Державину, т. е. что молодымъ людямъ во всѣхъ дѣлахъ нужна «практика»; потомъ Панинъ сѣлъ играть въ вистъ съ Голицынымъ, Михельсономъ и еще кѣмъ-то. Тутъ Державинъ испортилъ все дѣло одною неловкостью. Во время игры онъ подошелъ къ хозяину, и сказавъ, что ѣдетъ въ Казань къ генералу Потемкину, спросилъ, не угодно ли будетъ что приказать. Графъ не могъ скрыть своей досады и, отвернувшись, сухо отвѣчалъ: *Нѣтъ!* Державинъ послѣ думалъ, что ошибка его состояла въ безцеремонности, съ какою онъ, не желая попусту тратить время, потревожилъ графа середи игры, вмѣсто того чтобы побыть еще въ мѣстѣ пребыванія главнокомандующаго и потомъ откланяться ему въ особомъ представленіи; но причина неудовольствія скрывалась, кажется, глубже и объясняется опять-таки отношеніями между главнокомандующимъ и начальникомъ секретныхъ комиссій. Первый, послѣ пріема, сдѣланнаго имъ Державину, былъ непріятно пораженъ, услышавъ, что онъ ѣдетъ искать благосклонности Потемкина. Нерасположеніе къ Державину снова пробудилось въ душѣ графа. Вѣроятно, оно осталось не безъ вліянія на то обстоятельсто, что Державинъ послѣ того такъ долго не получалъ никакой награды

за службу во время Пугачевщины, тогда какъ другіе офицеры, употребленные въ эту же пору по секретной комиссіи или по другимъ порученіямъ, были своевременно награждены.

7. Окончаніе командировки въ Казани и опять на Иргизъ.

Отъ графа Панина Державинъ отправился, по вызову Потемкина, въ Казань. Здѣсь ему показалось, что и въ расположеніи къ нему этого начальника произошла перемѣна. Можетъ быть, дѣйствительно Потемкинъ былъ недоволенъ тѣмъ, что несмотря на выраженное имъ желаніе, Пугачевъ былъ доставленъ не къ нему, а къ Панину. Тогда же Потемкинъ, для своихъ соображеній, потребовалъ отъ Державина инструкцію, данную ему Бибиковымъ. Представляя ее, Державинъ приложилъ и бумаги, полученныя имъ отъ начальствующихъ лицъ, а кромѣ того краткій отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ («Сокращеніе комиссіи») [1], гдѣ, говоря о распоряженіяхъ для защиты Саратова, между-прочимъ замѣтилъ: «Я и теперь не обинуяся хочу осужденія, ежели я вступилъ не въ свое дѣло, ежели я помѣшалъ кому что дѣлать и ежели найдусь въ чемъ-нибудь тутъ виноватымъ».

Извѣстна роль, какую въ началѣ появленія Пугачева игралъ раскольничій игуменъ Филаретъ, къ которому самозванецъ не безъ успѣха обращался за совѣтомъ и содѣйствіемъ. Въ первый періодъ бродяжничества Пугачева Филаретъ былъ схваченъ въ Сызрани, отвезенъ въ Казань и тамъ посаженъ въ темницу. Но при разгромѣ этого города Пугачевъ выпустилъ его, и Филаретъ скрылся. Понятно, что слѣдственная комиссія считала особенно важнымъ имѣть въ своихъ рукахъ этого человѣка, и потому еще въ іюлѣ Потемкинъ просилъ Державина принять мѣры къ отысканію его. Для этого Державинъ употребилъ между-прочимъ хитрость, написавъ къ Филарету подложное письмо, которымъ казначей скита отецъ Фадей звалъ его къ себѣ и обѣщалъ оставить его въ покоѣ, если онъ уплатитъ 2,000 руб. Но никакіе поиски не удавались. По пріѣздѣ Державина въ Ка-

[1] V, 291.

занъ Потемкинъ возвратился къ этому порученію и нашелъ необходимымъ послать Державина вторично въ Малыковку. Въ данномъ ему по этому случаю длинномъ ордерѣ Потемкинъ, расточая похвалы его усердію въ исполненіи порученій Бибикова, попрежнему возлагаетъ на него большія надежды и обѣщаетъ свое засвидѣтельствованіе о его заслугахъ передъ императрицей. Эта инструкція, составленная очевидно по образцу Бибиковской, объясняетъ намъ, почему послѣдняя была нужна Потемкину.

Естественно, что приказаніе ѣхать опять въ отдаленный край не могло быть пріятно Державину, который полагалъ, что уже кончилъ тамъ свое дѣло, и надѣялся вскорѣ возвратиться въ Петербургъ къ прежней своей жизни, къ своимъ друзьямъ и любимымъ занятіямъ. Поэтому неудивительно, что Державинъ въ такомъ неожиданномъ порученіи увидѣлъ знакъ нерасположенія къ себѣ Потемкина. Какъ бы ни было, приходилось ѣхать, и онъ уже собирался въ путь, но, разъѣзжая по городу въ суровое и сырое время года (въ ноябрѣ), схватилъ горячку, которая надолго задержала его въ Казани. Еще онъ не выздоровѣлъ, когда императрица, въ декабрѣ мѣсяцѣ, повелѣла П. С. Потемкину ѣхать въ Москву для участія въ допросѣ Пугачева. Наконецъ Державинъ поправился и, вѣроятно въ февралѣ 1775 года, долженъ былъ снова отправиться въ Саратовскій край, между тѣмъ какъ другіе офицеры, принадлежавшіе къ секретной комиссіи, отпущены были въ Москву. Это было тѣмъ досаднѣе, что въ то время тайныя мѣры къ отысканію Филарета не имѣли смысла, такъ какъ «для поиска его», говоритъ Державинъ, «отправлены были уже гласно отъ гр. Панина военныя команды» и по распоряженію генерала Волкова стоявшій на Иргизѣ гусарскій эскадронъ разыскивалъ бѣглыхъ. Впрочемъ, вскорѣ послѣ отъѣзда Державина всѣмъ офицерамъ гвардіи приказано было возвратиться въ полки; но такъ какъ онъ получилъ отъ Потемкина ордеръ о томъ не ранѣе какъ въ концѣ марта, во время самой распутицы, то и не могъ тотчасъ же явиться. По его бумагамъ оказывается, что онъ оставался на Волгѣ до 7-го мая, а въ запискахъ своихъ онъ даже говоритъ, что «пробылъ

всю весну и небольшую часть лѣта 1775 года въ колоніяхъ праздно». Во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что онъ былъ въ Москвѣ при праздновании мира съ Турціею 10-го іюля. Въ послѣдніе мѣсяцы, проведенные имъ большею частью въ колоніяхъ, онъ, имѣя довольно досуга для литературныхъ занятій, написалъ и перевелъ изъ сочиненій Фридриха II нѣсколько одъ «при горѣ Читалагаѣ». Кромѣ того, онъ вѣроятно тогда же составлялъ журналъ, въ которомъ изложилъ по мѣсяцамъ обстоятельства своей командировки и который впослѣдствіи послужилъ основаніемъ для разсказа объ этой эпохѣ въ его запискахъ [1].

Въ проѣздъ черезъ Казань, на пути въ Москву, онъ тамъ почти не останавливался. Не только городской домъ его матери, но и имѣнія ея, какъ казанскія, такъ и оренбургскія, были разорены; сама старушка, едва спасшаяся отъ рукъ мятежниковъ, была сокрушена горемъ, и свиданіе ея съ сыномъ не было радостно послѣ столькихъ потерь и въ виду лишеній, которыхъ оба должны были ожидать въ будущемъ. Въ запискахъ сына ея есть свѣдѣніе, что она, при разореніи Казани Пугачевымъ попала къ нему въ плѣнъ. Мы не знаемъ подробностей этого обстоятельства; но вѣроятно, дѣло состояло только въ томъ, что она, вмѣстѣ съ множествомъ другихъ жителей города, пробыла короткое время въ той «многотысячной толпѣ, которую», по словамъ современника, «злодѣй великимъ протяженіемъ влекъ за собою» [2].

8. ПРЕБЫВАНІЕ ВЪ МОСКВѢ. ОБРАЩЕНІЕ КЪ Г. А. ПОТЕМКИНУ. РАЗВЯЗКА.

Въ Москвѣ Державинъ увидѣлъ себя въ неблагопріятныхъ служебныхъ обстоятельствахъ: въ его полку были новые началь-

[1] Журналъ этотъ вошелъ въ составъ записокъ поэта и напечатанъ въ VI-мъ Томѣ нашего изданія съ дополненіями изъ первоначальной рукописи: см. тамъ стр. 470—509.

[2] Любарскій. *Краткое извѣстіе* и проч. *Соч. Пушкина*, VI, 535.

ники, вовсе его не знавшіе — графъ (вскорѣ князь) Григорій Александровичъ Потемкинъ и майоръ Федоръ Матвѣевичъ Толстой. Оба приняли его безъ всякаго вниманія — потому, думаетъ Державинъ, что первый слышалъ о немъ холодные отзывы своего родственника, Павла Сергѣевича, а послѣдній противъ него предубѣжденъ былъ наговорами своего любимца, офицера Цурикова, который еще до командировки Державина былъ съ нимъ въ ссорѣ. Велѣно было «числить его при полку просто, какъ бы явившагося изъ отпуска или изъ какой незначущей посылки». А тутъ, какъ нарочно, встрѣтился еще одинъ непріятный случай. Державинъ наряженъ былъ во дворецъ на караулъ; такъ какъ въ отсутствіи его графъ Потемкинъ измѣнилъ строевой порядокъ, то нашъ офицеръ, не зная этого, и скомандовалъ невѣрно. Такая ошибка тѣмъ болѣе была сочтена непростительною, что «рота, наряженная въ караулъ, была на щегольство Потемкинымъ по его вкусу въ новый мундиръ одѣта, и предъ фельдмаршаломъ графомъ Румянцовымъ-Задунайскимъ, пріѣхавшимъ тогда въ Москву для торжества мира, смотрѣвшимъ изъ дворцовыхъ оконъ, должна была заходить повзводно. За сію невинную ошибку, когда выступилъ полкъ въ лагерь на Ходынку, провинившійся офицеръ не въ очередь назначенъ на палочный караулъ». Конечно и всякій другой, на мѣстѣ Державина, былъ бы чувствительно оскорбленъ такимъ приговоромъ послѣ роли, которую онъ игралъ во время Пугачевщины, послѣ уваженія, какое ему оказывали значительныя лица въ непосредственныхъ съ нимъ сношеніяхъ. Тѣмъ больнѣе было это униженіе для пылкаго, честолюбиваго, самонадѣяннаго Державина, который хвалился своею чрезвычайною ревностію въ порученномъ ему дѣлѣ и приписывалъ себѣ большія въ немъ заслуги. Прибавимъ къ тому стѣсненное положеніе, въ которомъ онъ находился: къ дурнымъ, и безъ того уже, домашнимъ его обстоятельствамъ, присоединилось еще то, что человѣкъ, за котораго онъ когда-то поручился въ дворянскомъ банкѣ, Алексѣй Николаевичъ Масловъ, не только не платилъ своего долга казнѣ, но и скрылся совершенно, такъ что Державинъ обвиненъ былъ въ подложномъ ручательствѣ, и банковое взысканіе обращено на

него; а такъ какъ собственнаго его имущества на удовлетвореніе претензіи казны было недостаточно, то и имѣніе матери его было взято въ опеку [1].

Покровителей у Державина не было; тѣ, которые во время опаснаго бунта такъ высоко цѣнили его дѣятельность, такъ выхваляли его и обнадеживали своимъ предстательствомъ предъ императрицей, — П. С. Потемкинъ и князь Голицынъ, — забыли его услуги и свои обѣщанія, когда увидѣли нерасположеніе къ нему Панина. Но вдругъ у Державина мелькнула надежда пріобрѣсти новаго покровителя. Проѣзжая чрезъ Свіяжскъ, услышалъ онъ отъ тамошняго воеводы, что съ нимъ желаетъ познакомиться въ Москвѣ князь Щербатовъ, — не тотъ, который былъ недавно его начальникомъ, а Михаилъ Михайловичъ, герольдмейстеръ, дѣйствительный камергеръ, уже извѣстный тогда въ литературѣ тремя первыми томами своей Исторіи и изданіемъ Журнала Петра Великаго. Такое желаніе со стороны знатнаго и довольно высоко стоявшаго лица крайне удивило Державина. Явясь къ князю въ Москвѣ, онъ узналъ причину этого приглашенія, не менѣе для него лестную: Щербатовъ, получивъ отъ императрицы для храненія во ввѣренномъ ему архивѣ донесенія, относившіяся ко второй эпохѣ бунта, пожелалъ лично узнать офицера, который распоряжался и писалъ такъ энергически [2].

Князь Щербатовъ принялъ Державина очень ласково, но вмѣстѣ съ тѣмъ назвалъ его несчастливымъ и прибавилъ: «Графъ П. И. Панинъ — страшный вашъ гонитель. При мнѣ у императрицы за столомъ описывалъ онъ васъ весьма черными красками, называя васъ дерзкимъ, коварнымъ и т. п.» — Какъ громъ поразило это Державина, сознается онъ въ своихъ запискахъ;

[1] См. выше стр. 84.

[2] Это обстоятельство заставляетъ думать, что императрица читала не только отвѣтъ гр. Панина на приведенный нами въ своемъ мѣстѣ подробный отчетъ Державина, но и самый этотъ отчетъ, а сверхъ того вѣроятно и нѣкоторые другіе рапорты его, можетъ-быть и письмо къ Бошняку: бумаги эти были конечно представлены Екатеринѣ Панинымъ вмѣстѣ съ жалобами его на Державина.

онъ выразилъ надежду на покровительство новаго своего доброжелателя, который, какъ онъ предполагалъ, могъ помочь ему оправдаться предъ государыней. «Нѣтъ, сударь», отвѣчалъ Щербатовъ: «я не въ состояніи подать вамъ какой-либо помощи: графъ Панинъ нынѣ при дворѣ въ великой силѣ, и я ему противуборствовать никакъ не могу».

Державинъ рѣшился дѣйствовать: онъ просилъ майора Толстого представить его общему ихъ начальнику, новому временщику, графу Г. А. Потемкину; когда же это не удалось, то написалъ къ будущему князю Таврическому письмо, въ которомъ, указавъ на своихъ уже награжденныхъ товарищей, коротко исчислилъ все сдѣланное имъ во время командировки и просилъ сравнять его съ этими офицерами[1]. Строго судить его за такой шагъ значило бы не принимать въ соображеніе духа времени и вообще нѣкоторыхъ привычекъ, глубоко вкоренившихся въ наши общественные нравы: подобныя письма подавались многими въ то время, можетъ-быть подаются нѣкоторыми еще и теперь. Для примѣра можно привести очень похожую на это просьбу Безбородки, поданную Потемкину же незадолго до окончанія первой турецкой войны: «Я далѣе и больше отстаю не отъ сверстниковъ уже своихъ, но и отъ младшихъ и меньшихъ, съ коими бы могло нѣсколько поровнять меня удовлетвореніе фельдмаршальской обо мнѣ рекомендаціи о пожалованіи меня въ Малороссійскій

[1] Письмо это (V, 269) писано 11-го іюля 1775 года, слѣдовательно на другой день послѣ празднованія мира и раздачи щедрыхъ наградъ. Въ началѣ письма Державинъ такъ оправдываетъ свой поступокъ: «Исполняя мой долгъ, когда бы я произвелъ и наивеличайшія отечеству услуги, то и тогда бы я ничего въ награду себѣ просить не отважился. Но ежели были со мной въ одной комиссіи Мавринъ, Собакинъ и Горчаковъ и получили нынѣ за труды свои высочайшую милость, то я нахожу себя предъ ними обиженнымъ. Я еще смѣю себя наиболѣе поставить имъ въ сравненіе, потому что я въ трудахъ своихъ не имѣлъ себѣ ни одного помощника и чрезъ цѣлый почти годъ, бывши въ гнѣздѣ бунтовщиковъ, былъ одинъ въ опасностяхъ». Нельзя не согласиться, что жалоба эта была совершенно основательна: наканунѣ Маврину, Собакину и Горчакову пожалованы были въ Полоцкой провинціи, въ Бѣлоруссіи, значительныя имѣнія со всѣми угодьями. (См. *Собраніе Новостей*, сент. 1775 г., стр. 94.)

Кіевскій полкъ съ чиномъ арміи полковника... На сихъ дняхъ по сенату вышла о нѣкоторыхъ резолюція, но я и на службѣ, въ походѣ пребывая, остаюсь безъ оной. Усугубляю мою нижайшую просьбу, чтобъ ваше высокопревосходительство, по милостивому вашему обѣщанію, не отреклись пособіемъ и предстательствомъ вашимъ доставить мнѣ, по послѣдней обо мнѣ реляціи, пожалованіе» [1].

Державинъ съ письмомъ своимъ самъ поѣхалъ къ Потемкину, въ деревню Черную Грязь [2], гдѣ императрица жила въ небольшомъ домикѣ: тамъ помѣщался и Потемкинъ. Ворвавшись къ графу на перекоръ камеръ-лакею, который стоялъ у дверей уборной, онъ подалъ свое письмо. Графъ, прочитавъ бумагу, сказалъ, что доложитъ государынѣ. Еще два раза Державинъ являлся къ Потемкину, который сначала успокоивалъ его обѣщаніями, но наконецъ, выведенный изъ терпѣнія, «отскочилъ съ негодованіемъ» и ушелъ къ императрицѣ.

Между тѣмъ Державинъ долженъ былъ хлопотать и у Голицына, чтобъ казна возвратила ему издержки за продовольствіе войска, которое въ 40,000 подводъ жило у него недѣли двѣ въ оренбургской деревнѣ. Ему слѣдовало тысячъ до 25, но онъ съ большимъ трудомъ выпросилъ у князя квитанцію только на 7 т. руб.: «и то», прибавляетъ Державинъ, «князь согласился только изъ особливаго къ нему благорасположенія».

Для полученія этихъ денегъ надо было явиться въ провіантскую канцелярію въ Петербургѣ, а такъ какъ въ то же время оттуда писали, что по порученію за Маслова положено описать въ казну все имѣніе Державина и самого его лично требовать къ отвѣту, то «оставя всякое исканіе наградъ, отпросился въ отпускъ и поскакалъ въ исходѣ сентября въ Петербургъ». Здѣсь надо было между прочимъ обзаводиться хозяйствомъ и одеждою. Болѣе 2 т. употребилъ онъ на уплату собственнаго своего бан-

[1] См. въ *Русск. Архивѣ* 1874 г. статью г. Григоровича: *Канцлеръ графъ Безбородко*, стр. 598.

[2] Купленную въ это время императрицею и переименованную въ село Царицыно. (*Сборникъ Русск. Истор. Общ.* V, 167, и XXIII, 13 и 26.)

коваго долга. Когда почти вся сумма была издержана, Державинъ вздумалъ опять поискать счастья въ игрѣ и на оставшіеся у него послѣдніе 50 руб. выигралъ у нѣкоего Жедринскаго и у графа Апраксина до 40 т. «Этотъ случай доказываетъ, какъ справедливо замѣтилъ гр. Саліасъ, до какой степени развита была тогда въ лучшемъ обществѣ страсть къ азартнымъ играмъ, и понятно, что правительство частыми указами и разными мѣрами старалось всячески искоренить эту язву тогдашняго времени, вносившую въ семьи разоренье, раздоръ, а иногда и преступленье» [1]. Вѣроятно счастіе въ игрѣ начало уже измѣнять Державину, когда онъ, по совѣту своего пріятеля Бушуева, рѣшился напомнить Потемкину его обѣщаніе и отправилъ къ нему въ Москву второе письмо (отъ 27-го октября 1775 г.) [2].

Отвѣта не было. Вскорѣ дворъ возвратился изъ Москвы. Державинъ продолжалъ играть и «можно было бы», говоритъ онъ въ своихъ запискахъ, «выиграть несравненно превосходныя суммы, но фортуна перемѣнилась». Между тѣмъ Потемкинъ впалъ на короткое время въ немилость и долженъ былъ удалиться отъ двора: онъ ѣздилъ въ Новгородъ. Это обстоятельство было благопріятно для Державина, потому что поубавило спесь и въ майорѣ Толстомъ, который держался Потемкинымъ. Въ Петровъ день 1776 г. рота Преображенскаго полка, по обыкновенію, была наряжена на караулъ въ Петергофъ. Попасть въ этотъ караулъ считалось почетнымъ, и Державинъ выпросился туда. При баталіонѣ гвардіи, наряженномъ для этого караула, командированъ былъ штабъ-офицеръ Измайловскаго полка Федоръ Яковлевичъ Олсуфьевъ, человѣкъ честный и доброжелательный. Державинъ, потерявъ надежду на Потемкина, просилъ у Олсуфьева позволенія подать чрезъ него письмо императрицѣ. Олсуфьевъ согласился. Письмо это напечатано въ запискахъ Державина [3] и повторяетъ, только пространнѣе, то,

[1] *Русск. Вѣстн.* 1876, № 9, стр. 78 (*Поэтъ Державинъ, правитель намѣстничества*).

[2] V, 271.

[3] VI, 530.

что было уже изложено въ письмахъ къ обоимъ Потемкинымъ. Приложивъ упомянутые въ немъ документы, Державинъ въ іюлѣ мѣсяцѣ поѣхалъ съ этими бумагами въ Петергофъ, гдѣ жила тогда императрица, и подалъ ихъ статсъ-секретарю у припятія прошеній Александру Андреевичу Безбородкѣ, который тогда входилъ въ силу. По возвращеніи двора въ Петербургъ, Безбородко объявилъ Державину, что государыня, принявъ милостиво его письмо, приказала спросить, какого награжденія онъ желаетъ [1]. Державинъ, не будучи уже въ нуждѣ, отвѣчалъ, что когда служба его удостоена вниманія монархини, то онъ ничего болѣе не желаетъ и доволенъ всѣмъ, что̀ получитъ.

Однакожъ дѣло не имѣло дальнѣйшаго хода до возвращенія Г. А. Потемкина, въ концѣ года, изъ Новгорода. Разъ, въ декабрѣ уже мѣсяцѣ, когда Державинъ наряженъ былъ во дворецъ на караулъ и съ ротою стоялъ во фрунтѣ по Милліонной улицѣ, Потемкинъ прислалъ за нимъ ординарца. «Государыня приказала спросить васъ», сказалъ вельможа, «чего вы по прошенію вашему за службу свою желаете?» Державинъ отвѣчалъ было ему то́ же, что и Безбородкѣ. «Вы должны непремѣнно сказать», возразилъ Потемкинъ. — Когда такъ, отозвался Державинъ, то за производство дѣлъ по секретной комиссіи желаю быть награжденнымъ деревнями наравнѣ съ сверстниками моими, гвардейскими офицерами; а за спасеніе колоній по собственному моему вызову, какъ за военное дѣйствіе, чиномъ полковника. — «Хорошо», сказалъ князь, «вы получите». Къ несчастію Державинъ, выходя, встрѣтилъ за дверьми майора Толстого, который, разспросивъ его о предметѣ разговора съ Потемкинымъ, приказалъ ему подождать и, возвратясь чрезъ четверть часа отъ князя, сказалъ: «Вдругъ быть полковникомъ всѣмъ покажется много; подождите до новаго года: вамъ по старшинству достанется въ капитанъ-поручики, тогда и можете уже

[1] Въ Государственномъ архивѣ сохранился и докладъ, поданный императрицѣ Безбородкой о просьбѣ Державина. Онъ напечатанъ нами при запискахъ поэта (VI, 534).

быть выпущены полковникомъ». Итакъ Державину приходилось еще ждать. Въ день новаго года (1777) онъ по порядку произведенъ былъ въ капитанъ-поручики. «Прошелъ и январь, а о наградѣ и слуху не было. Принужденъ былъ еще толкаться у князя въ передней». Наконецъ въ началѣ февраля, Потемкинъ, проходя мимо толпы просителей въ своей пріемной, замѣтилъ Державина и сказалъ бывшему тутъ же правителю своей канцеляріи, Коваленскому [1], сквозь зубы: «Напиши о немъ докладную записку». Коваленскій, не зная въ чемъ дѣло, просилъ Державина взять на самого себя этотъ трудъ. Державинъ составилъ записку и выразилъ въ ней желаніе, чтобы его перевели полковникомъ въ армію. Но Коваленскій черезъ нѣсколько дней объявилъ ему, что князь не одобрилъ этого доклада, по внушенію Толстого, будто Державинъ къ военной службѣ не способенъ, почему и велѣно заготовить другую записку о выпускѣ его въ статскую службу. Державинъ протестовалъ, опираясь на то, что онъ представляется къ наградѣ за военныя дѣйствія. Но князь не согласился на его просьбу и по вторичному докладу Коваленскаго. Тогда Державинъ, по порученію послѣдняго, написалъ новую записку, которая сохранилась въ его тетрадяхъ [2].

Въ слѣдствіе этой записки, указомъ 15-го февраля онъ былъ пожалованъ въ коллежскіе совѣтники и въ то же время получилъ 300 душъ въ Бѣлоруссіи [3], что́ конечно покажется очень немного, если принять въ соображеніе, что черезъ годъ Безбородкѣ было даровано 1,200 душъ. Въ новопріобрѣтенномъ отъ Польши краѣ Екатерина щедро раздавала свободныя земли:

[1] См. о немъ I и V.

[2] V, 293.

[3] Въ Себежскомъ уѣздѣ, между-прочимъ деревню Зуевку. Указы сенату отъ 15-го февраля 1777 года: 1) «Всемилостивѣйше пожаловали мы нашей лейбъ-гвардіи капитана-поручика Державина въ коллежскіе совѣтники, повелѣвая сенату опредѣлить его по способностямъ». 2) «Всемилостивѣйше пожаловали мы коллежскому совѣтнику Державину въ вѣчное и потомственное владѣніе въ Полоцкой провинціи Себежскаго Ключа часть Каниновскую со всѣми принадлежащими къ ней угодьями».

князь А. А. Вяземскій пожалованныя ему при празднованіи турецкаго мира 2,000 душъ «взялъ» также въ Бѣлоруссіи.

Такъ кончился для Державина періодъ жизни, въ который ему пришлось играть роль въ одномъ изъ важнѣйшихъ политическихъ событій внутренней исторіи Россіи и при этомъ на опытѣ извѣдать военныя тревоги и опасности.

Просматривая кипы бумагъ, составляющихъ далеко не полную переписку его во время Пугачевщины, мы прежде всего поражены неутомимою его дѣятельностью: ничто не ускользаетъ отъ его вниманія; онъ предусматриваетъ нужды и во-время увѣдомляетъ о нихъ кого слѣдуетъ, предлагаетъ и вызываетъ мѣры осторожности, сносится безпрерывно съ начальниками и другими лицами, идетъ самъ добровольно на встрѣчу опасностямъ, которыхъ легко могъ бы избѣжать,—словомъ, дѣлаетъ гораздо болѣе, нежели сколько собственно былъ обязанъ дѣлать по своему назначенію. Неудивительно, что онъ такимъ образомъ умѣлъ поставить себя высоко въ глазахъ всѣхъ своихъ непосредственныхъ начальниковъ, которые часто искали помощи въ немъ, какъ будто въ равномъ себѣ по власти. Но тѣ же свойства надѣлали ему и враговъ между мѣстными властями. Сохраняя полное безпристрастіе, нельзя не подтвердить собственнаго его свидѣтельства, что онъ способствовалъ къ огражденію иргизскихъ селеній и заволжскихъ колоній отъ окончательнаго разоренія Калмыками и Киргизами, возвратилъ около тысячи плѣнныхъ, два раза снабдилъ войско Мансурова и Муфеля провіантомъ и спасъ малыковскую казну отъ разграбленія, а вмѣстѣ съ тѣмъ истратилъ очень мало казенныхъ денегъ (не болѣе 600 руб.).

Правда, что дѣятельность Державина въ эту эпоху не привела къ особенно виднымъ результатамъ, но нельзя однакожъ не согласиться, что онъ, исполняя порученія Бибикова, Щербатова, Голицына, Павла Потемкина, выказалъ необыкновенную предпріимчивость и энергію. Не онъ одинъ испытывалъ при этомъ неудачи: военачальники съ значительными силами долго не имѣли успѣха въ борьбѣ съ Пугачевымъ; если исключить немногія частныя побѣды, одинъ Михельсонъ былъ счастливѣе. Не вино-

вать былъ Державинъ въ томъ, что ему поручено было дѣло, исполненіе котораго зависѣло отъ совершенно случайнаго, не осуществившагося условія, т. е. отъ вторичнаго появленія Пугачева на Иргизѣ. Поэтому Державинъ имѣлъ полное право считать себя обиженнымъ, когда другіе офицеры, сдѣлавшіе менѣе его, были награждены, онъ же одинъ оставленъ безъ вниманія. Наконецъ настойчивость его увѣнчалась успѣхомъ; но въ слѣдствіе интриги онъ былъ признанъ недостойнымъ продолжать военную службу. Скоро однакоже обстоятельства его приняли такой оборотъ, что онъ могъ не жалѣть о невольной перемѣнѣ поприща.

ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ ГЛАВѢ VII.

ПУГАЧЕВСКІЙ УКАЗЪ.

Самодержавнаго Императора Петра Феодоровича всероссійскаго и прочая, и прочая и прочая.

Сей мой имянной Указъ Красногорской крѣпости коменданту и сакмарскимъ казакамъ и всякаго званія людямъ.

Имянное мое повелѣніе, какъ деды и отцы ваши служили, такъ и вы послужите Мнѣ великому Государю вѣрно и не изменно до последней капли крови. Второе когда вы исполните Мое имянное повелѣніе и зато будите жалованы крестомъ и бородою, рѣкою и землею, травами и морями, и денежнымъ жалованьемъ и хлѣбнымъ провіантомъ и свинцомъ и порохомъ, и вѣчно вольностію и повелѣніе Мое исполнити съ усердіемъ, ко Мнѣ пріѣзжайте, то совершенно отъ меня за оное пріобрести можите къ себѣ Мою монаршискую милость. А ежели вы Моему Указу противится будите, то въ скорости возчувствовати на себя праведный мой гнѣвъ, власти всевышняго Создателя нашего и гнѣва моего избѣгнуть не можетъ ни кто тебя отъ сильный нашій руки защищать не можетъ.

Великій Государь
Петръ третій
Всероссійскій.

Въ равной силѣ листъ присланъ былъ Озерной крѣпости и къ атаману Пемирову.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

СЛУЖБА ПРИ ГЕНЕРАЛЪ-ПРОКУРОРѢ.

(1777 — 1783.)

1. СБЛИЖЕНІЕ СЪ КН. ВЯЗЕМСКИМЪ. СОСЛУЖИВЦЫ ВЪ СЕНАТѢ.

Ка́къ доволенъ былъ поэтъ своимъ новымъ положеніемъ, конечно при полученной наградѣ, видно изъ его *Изліянія благодарнаго сердца императрицѣ Екатеринѣ Второй*, — восторженнаго посланія или дифирамба въ прозѣ, который былъ отдѣльно напечатанъ вскорѣ послѣ оказанныхъ автору милостей. «Сокровища цѣлаго свѣта», говорится тутъ между-прочимъ: «вы менѣе для меня тѣхъ награжденій, которыя получилъ я отъ моей императрицы: они дѣлаютъ мнѣ честь, они славу жизни моей составляютъ, они слѣдствіе правосудія великой Екатерины» [1].

Дѣйствительно, горевать было не о чемъ: у Державина уже были связи въ великосвѣтскомъ кругу, и онъ могъ надѣяться получить скоро хорошее мѣсто при помощи пріобрѣтенныхъ еще въ гимназіи смѣлости и развязности, съ которыми тогда, какъ и теперь, легко было выходить въ люди. Эти качества уже принесли ему свою пользу, когда онъ задумалъ искать службы при Бибиковѣ. Мы увидимъ, что они и впослѣдствіи не разъ будутъ выручать его изъ бѣды. Къ числу старыхъ его пріятелей принадлежали Окуневы: при производствѣ его въ первый офицерскій чинъ, одинъ изъ нихъ помогъ ему обзавестись всѣмъ нужнымъ. Теперь Окуневъ выдалъ дочь свою за кн. Урусова, двоюроднаго брата княгини Вяземской, и могъ оказать Державину новую услугу, — ввелъ его въ домъ своего знатнаго родственника: Державинъ былъ приглашенъ туда на свадебный балъ.

[1] VII, 32.

Князь Александръ Алексѣевичъ Вяземскій почти во все время царствованія Екатерины II былъ однимъ изъ самыхъ вліятельныхъ сановниковъ. Онъ родился въ 1727 году, воспитывался, какъ тогда водилось, въ Сухопутномъ кадетскомъ корпусѣ и, вышедши въ офицеры, участвовалъ въ прусскихъ походахъ. Въ 1763 году онъ, по порученію новой императрицы, въ званіи генералъ-квартирмейстера усмирилъ бунтъ между крестьянами сибирскихъ заводовъ, а въ 1764 былъ назначенъ генералъ-прокуроромъ на мѣсто Глѣбова, который своею закоснѣлостью въ старыхъ формахъ дѣлопроизводства не нравился Екатеринѣ. Извѣстно «секретнѣйшее наставленіе», данное ею князю Вяземскому[1]. Она впослѣдствіи гордилась его выборомъ и считала его однимъ изъ надежнѣйшихъ своихъ учениковъ, хотя видѣла его недостатки и не разъ предостерегала его противъ недостойныхъ прислужниковъ [2]. Въ ея царствованіе генералъ-прокуроръ, изъ всѣхъ представителей разныхъ отраслей государственнаго управленія, имѣлъ обширнѣйшую сферу дѣятельности, соединяя въ своемъ лицѣ обязанности трехъ нынѣшнихъ министровъ: юстиціи, внутреннихъ дѣлъ и финансовъ (какъ «управляющій государственными доходами») и сверхъ того должность начальника тайной полиціи. Уже въ 1773 году Вяземскій получилъ Андреевскую ленту, а вскорѣ послѣ того, при праздновaніи турецкаго мира, 2,000 душъ въ Бѣлоруссіи «за попеченіе чтобы во время войны денежные платежи исправно текли». Какъ смотрѣли современники на силу князя Вяземскаго, видно напр. изъ отзыва графа А. Р. Воронцова, что «съ нимъ трудно бороться», что онъ «и въ отсутствіи правитъ своей канцеляріей» [3]. Въ послѣдніе годы своего царствованія Екатерина, говоритъ Державинъ, увидѣла, что слишкомъ много власти дала одному человѣку. Въ 1768 году онъ женился на княжнѣ Еленѣ Никитичнѣ Трубецкой, дочери извѣстнаго генералъ-прокурора при Елисаветѣ Петровнѣ. Въ Петербургѣ Вяземскіе жили въ своемъ

[1] *Сборн. Ист. Общ.* VII, 345.
[2] *Библіогр. Зап.* 1858, стр. 537.
[3] V, 677.

домѣ, что нынѣ зданіе министерства юстиціи, въ Малой Садовой; на лѣто они переѣзжали въ принадлежавшее имъ богатое село Александровское (гдѣ позднѣе возникла Александровская мануфактура), по Шлюссельбургской дорогѣ, верстахъ въ 12-ти отъ Петербурга. Это село, лежавшее на берегу Невы, состояло изъ каменныхъ домовъ, имѣло красивую церковь и трехъэтажный господскій домъ съ прекраснымъ англійскимъ садомъ. Верстахъ въ трехъ оттуда была у Вяземскихъ еще другая дача Мурзинка, гдѣ они помѣщали своихъ родныхъ и приближенныхъ: тамъ, въ нижнемъ этажѣ живалъ Васильевъ, а въ верхнемъ Державинъ. Сами Вяземскіе иногда жили на дачѣ и близъ Екатерингофа, на взморьѣ.

Супруги полюбили Державина; князь охотно игралъ въ карты *по маленькой*, и Державинъ попалъ въ число его постоянныхъ партнеровъ, читалъ ему вслухъ романы, проводилъ у него цѣлые дни. Въ сенатѣ открылась вакансія: Окуневъ, отецъ княгини Урусовой, служившій до сихъ поръ экзекуторомъ въ 1-мъ департаментѣ, получилъ болѣе выгодную должность въ другомъ вѣдомствѣ; кандидатомъ на его мѣсто явился Державинъ. Пріѣхавъ однажды на екатерингофскую дачу и заставъ князя за туалетомъ, онъ высказалъ ему свою просьбу. На ту пору въ прихожей генералъ-прокурора дожидалась какая-то бѣдная женщина. Князь Вяземскій велѣлъ Державину взять у нея челобитную и, прочитавъ, объяснить содержаніе. Повѣривъ разсказъ Державина по самой бумагѣ, онъ остался очень доволенъ его изложеніемъ и сказалъ: «Вы получите желаемое вами мѣсто». Въ тотъ же день, бывши въ Сенатѣ, онъ далъ о томъ предложеніе: Державинъ, пробывъ полгода въ отставкѣ (отъ февраля до августа), сдѣлался сенатскимъ экзекуторомъ. Хотя должность эта, по словамъ его, и не имѣла уже того значенія, какое ей далъ Петръ Великій, однакожъ все еще была «довольно видная» и, при особой протекціи князя, могла на первый случай вполнѣ удовлетворить честолюбіе начинавшаго свою карьеру чиновника. Бывая каждый день въ домѣ Вяземскаго, Державинъ скоро познакомился со всѣми сенаторами и съ другими важными лицами. Вигель справедливо замѣчаетъ, что канцелярія генералъ-проку-

рора была разсадникомъ полезныхъ для государства людей[1]. Нѣкоторые изъ тогдашнихъ сослуживцевъ Державина достигли впослѣдствіи высшихъ должностей, другіе заслуживаютъ вниманія какъ короткіе его пріятели, имена которыхъ встрѣчаются и въ разсказахъ его о самомъ себѣ, и въ перепискѣ. Назовемъ и тѣхъ, и другихъ.

Александръ Васильевичъ Храповицкій, позднѣе состоявшій при государынѣ у принятія прошеній, былъ въ это время оберъ-секретаремъ въ сенатѣ и любимцемъ князя Вяземскаго. Съ нимъ Державинъ былъ уже прежде знакомъ, и когда возвратился изъ своей казанской командировки въ Петербургъ, то Храповицкій помогъ ему получить деньги, которыя ему слѣдовали въ возвратъ суммы, истраченной имъ по казеннымъ дѣламъ.

Александръ Семеновичъ Хвостовъ, извѣстный острякъ и сатирикъ, двоюродный братъ пресловутаго бездарностью стихотворца того же имени, былъ также сенатскимъ оберъ-секретаремъ; ему, какъ и Храповицкому, Державинъ показывалъ свои поэтическіе опыты, и обоимъ обязанъ былъ полезными въ этомъ дѣлѣ совѣтами. Черезъ нѣсколько лѣтъ Хвостовъ перешелъ въ военную службу, потомъ оставилъ ее и подъ конецъ жизни (онъ умеръ въ 1820 г.) былъ директоромъ заемнаго банка.

Осипъ Петровичъ Козодавлевъ, будущій — при Александрѣ I — министръ внутреннихъ дѣлъ, служилъ экзекуторомъ во 2-мъ департаментѣ сената. Въ ранней молодости онъ былъ отправленъ съ другими молодыми людьми для своего образованія за границу[2], учился въ Лейпцигскомъ университетѣ, сдѣлался самъ литераторомъ, писалъ, переводилъ съ нѣмецкаго и сочинялъ очень легкіе для того времени стихи. Онъ во многихъ случаяхъ былъ полезенъ Державину, напр. позднѣе содѣйствовалъ успѣху при дворѣ оды Фелицѣ; но, послѣ многихъ лѣтъ взаимной

[1] *Воспоминанія* въ *Русск. Вѣстн.* 1864 г. № 4, с. 438, и № 8, с. 474.

[2] См. свѣдѣнія, полученныя мною о немъ отъ покойной графини А. М. Толстой, *Русск. Арх.* 1870, стр. 1775. Самъ онъ говоритъ о своемъ воспитаніи въ *Собесѣдникѣ люб. росс. сл.* XVI, 7.

пріязни, отношенія между ними измѣнились, и поэтъ въ своихъ запискахъ представляетъ Козодавлева человѣкомъ безхарактернымъ и малодушнымъ, готовымъ отвернуться отъ друга при первой перемѣнѣ обстоятельствъ. Можетъ-быть это было отчасти и справедливо, но мы знаемъ также, что когда Державинъ былъ тамбовскимъ губернаторомъ, то Козодавлевъ не одобрялъ его образа дѣйствій; знаемъ, что Державинъ, желая угодить княгинѣ Дашковой, отвергъ рекомендованнаго ему Козодавлевымъ Грибовскаго, что слѣдовательно могли быть и другія причины охлажденія между пріятелями, и такимъ образомъ вина въ ихъ разладѣ не должна быть слагаема на одного Козодавлева.

Иванъ Гавриловичъ Резановъ, оберъ-прокуроръ 1-го департамента и поэтому непосредственный начальникъ Державина, былъ также въ большой милости у Вяземскаго. Онъ служилъ прежде въ Саратовѣ, занимая тамъ, до Лодыжинскаго, мѣсто управляющаго опекунской конторы, а оттуда переведенъ былъ въ Петербургъ, въ должность вице-президента канцеляріи опекунства иностранныхъ, гдѣ сосредоточивалось высшее управленіе всѣми колоніями. Когда Державинъ былъ въ окрестностяхъ Саратова, Резановъ писалъ ему между прочимъ: «Я радуюсь сердечно, что ваше нынѣ пребываніе въ тѣхъ самыхъ мѣстахъ, которыя есть прямымъ доказательствомъ моихъ трудовъ и потеряннаго здоровья, а тѣмъ паче, что познавъ обстоятельства поселянъ, будете вѣрные мнѣ защитники въ разглашеніяхъ для меня вредныхъ, которыя нерѣдко и до вашихъ ушей доходили». Съ Резановыми Державинъ былъ въ давнишней пріязни: племянникъ Ивана Гавриловича, Николай Петровичъ Резановъ, извѣстный особенно своимъ посольствомъ въ Японію (1800 г.), въ дѣтствѣ считалъ Державина своимъ благодѣтелемъ и для упражненія переписывался съ нимъ по-нѣмецки; когда же поэтъ въ 1790-хъ годахъ занималъ должность статсъ-секретаря, то Н. П. Резановъ служилъ при немъ[1].

Оберъ-секретаремъ въ одномъ съ Державинымъ департа-

[1] Письма Резановыхъ см. V, 152 и 268.

ментѣ былъ Аркадій Ивановичъ Терскій, въ позднѣйшее время генералъ-рекетмейстеръ.

Тогда же Державинъ сблизился съ Алексѣемъ Ивановичемъ Васильевымъ (будущимъ государственнымъ казначеемъ[1] и графомъ), который былъ женатъ на княжнѣ Варварѣ Сергѣевнѣ Урусовой, другой двоюродной сестрѣ Вяземской, и давно служилъ при князѣ. Вскорѣ Васильевъ сдѣлался добрымъ пріятелемъ Державина и, во время управленія послѣднимъ Тамбовской губерніи, усерднымъ его комиссіонеромъ по денежнымъ дѣламъ. Несмотря на то, между ними произошли какія-то недоразумѣнія, и Державинъ говоритъ, что по тамбовскимъ дѣламъ онъ испытывалъ много непріятностей, зависѣвшихъ отъ Васильева по его вліянію на генералъ-прокурора[2]. Между тѣмъ мы имѣемъ о Васильевѣ самые благопріятныя для него свидѣтельства современниковъ; такъ Безбородко отзывается о немъ, какъ о человѣкѣ честномъ, твердомъ и знающемъ.

Таковы были люди, съ которыми Державинъ встрѣтился на службѣ и въ домѣ князя Вяземскаго. Нельзя не сказать, что онъ, поступивъ въ сенатъ, попалъ въ самую счастливую обстановку, изъ которой могъ извлечь много для себя пользы и въ настоящемъ, и въ будущемъ. У Вяземскихъ онъ сдѣлался домашнимъ человѣкомъ, и вдобавокъ ко всѣмъ услугамъ, угождалъ имъ стихами на ихъ супружескую любовь, хотя, какъ самъ онъ сознается, князь и княгиня уже знали модное искуство давать другъ другу свободу. (Одно изъ такихъ стихотвореній его напечатано въ III томѣ нашего изданія, с. 339). На годовщину дня свадьбы ихъ, который праздновался въ Александровскомъ, онъ написалъ идиллію. Въ позднѣйшую пору, въ 1791 году, совершенно въ другихъ обстоятельствахъ, онъ опять вспомнилъ этотъ день и сочинилъ *Родственное празднество*, маленькое драматическое представленіе[3], сыгранное семействомъ Васи-

[1] Эту должность занималъ Васильевъ сперва при императорѣ Павлѣ, а потомъ вторично при Александрѣ I; позднѣе онъ былъ министромъ финансовъ. См. VI, 699, 702, 719—722 и 741.

[2] VI, 702.

[3] VII, 499, и IV, 19.

льева, доказательство, что отношенія его и къ этому старинному пріятелю и къ Вяземскимъ никогда не были такъ дурны, какъ можно бы заключить по его запискамъ.

2. СЕМЕЙСТВО БАСТИДОНЪ. ЖЕНИТЬБА.

Державину легко было бы устроить судьбу свою въ домѣ Вяземскихъ. У нихъ часто гостила ихъ родственница, княжна Катерина Сергѣевна Урусова, не красивая собой дѣвица, но страстная любительница литературы, уже въ то время напечатавшая нѣкоторые изъ своихъ трудовъ. Сама княгиня Вяземская прочила ее за Державина, но онъ отдѣлался отъ этого сватовства шуткою: «Она пишетъ стихи», говорилъ онъ, «да и я мараю; занесемся оба на Парнассъ, — такъ некому будетъ и щи сварить». Однакожъ онъ навсегда остался въ дружескихъ отношеніяхъ съ Урусовой, звалъ ее своею кумой, а себя, смѣясь, ея мужемъ. Суженую свою онъ въ то время нашелъ совсѣмъ инымъ путемъ.

30-го августа 1777 года, слѣдовательно очень скоро послѣ поступленія на новую должность, Державинъ смотрѣлъ изъ квартиры Козодавлева на обычный въ этотъ день крестный ходъ, и былъ пораженъ наружностью дѣвицы, которую въ первый разъ встрѣтилъ тамъ. Это была дочь любимаго камердинера Петра III, покойнаго Якова Бенедикта Бастидона (Jacques Benoit Bastidont). Онъ былъ родомъ португалецъ, пріѣхалъ съ великимъ княземъ изъ Голштиніи и поступилъ къ большому двору. Въ Петербургѣ онъ женился на вдовѣ Матренѣ Дмитріевнѣ (прежняя фамилія ея неизвѣстна); они были обвѣнчаны въ дворцовой церкви, и на свадьбѣ ихъ присутствовала сама императрица Елисавета Петровна съ придворною свитой [1]. Когда родился великій князь Павелъ Петровичъ, то Матрена Дмитріевна была взята къ нему въ кормилицы. Спустя шесть лѣтъ, 8-го ноября 1760 года, у нея родилась дочь, названная по имени великой княгини Катериною. Этой дѣвушкѣ не было еще и семнадцати

[1] V, 309.

лѣтъ, когда ее узналъ Державинъ на 35-мъ году жизни. Во второй разъ онъ увидѣлъ ее въ театрѣ, а въ третій встрѣтился съ нею случайно въ прихожей Льва Тредьяковскаго (это былъ сынъ стихотворца, герольдмейстеръ), къ которому поѣхалъ, чтобы переговорить съ бывшимъ у него въ гостяхъ своимъ начальникомъ, Резановымъ, по особенному обстоятельству.

Оно состояло въ томъ, что Окуневъ и Храповицкій, поссорившись изъ-за пустяковъ, вздумали рѣшить дѣло дуэлью. Державинъ былъ приглашенъ въ секунданты къ Окуневу, тогда какъ Храповицкій выбралъ себѣ названнаго выше А. С. Хвостова; но Державинъ боялся не угодить Вяземскому, ставши противникомъ его любимца (Храповицкаго), и потому хотѣлъ напередъ посовѣтоваться съ Резановымъ. Однакожъ дуэль, благодаря стараніямъ секундантовъ, не состоялась. Подробный разсказъ поэта объ этомъ эпизодѣ любопытенъ по характеристическимъ чертамъ нравовъ, на которыя онъ указываетъ: съ одной стороны мы видимъ тутъ, какъ дешево въ то время цѣнили жизнь и какъ легко мирились; съ другой интересно, что подчиненный проситъ у своего начальника позволенія быть секундантомъ.

Между тѣмъ нашъ поэтъ былъ до того влюбленъ въ дѣвицу Бастидонъ, что увидѣвъ ее въ третій разъ, тутъ же объявилъ Резанову свое неизмѣнное намѣреніе свататься за нее. Породниться съ семействомъ, имѣвшимъ связи при дворѣ, могло казаться выгоднымъ. Катерина Яковлевна была молочная сестра великаго князя, а вдобавокъ блистала всѣми прелестями южной красавицы: черные какъ смоль волосы, огненные глаза, яркій румянецъ на смугломъ лицѣ, правильныя черты, миловидное выраженіе и скромные пріемы могли обворожить хоть кого, а тѣмъ болѣе впечатлительнаго поэта [1].

Однакожъ прежде рѣшительнаго шага онъ захотѣлъ поближе разглядѣть Катерину Яковлевну. На масляницѣ при дворѣ былъ объявленъ, по обыкновенію, всенародный маскарадъ, и Державинъ поѣхалъ туда съ своимъ пріятелемъ

[1] Портретъ ея приложенъ къ I-му Тому нашего изданія; см. стр. 58.

Гасвицкимъ (оба были въ маскахъ), чтобъ показать ему свою избранную. Увидѣвъ ее, поэтъ не могъ удержаться отъ радостнаго восклицанія: «Вотъ она!» которое заставило и мать и дочь съ любопытствомъ осмотрѣться. Друзья цѣлый вечеръ внимательно слѣдили за дѣвушкой и были въ восторгѣ отъ ея сдержанности. Гасвицкій, человѣкъ хотя и простой, но умный и прямодушный, вполнѣ одобрилъ выборъ своего спутника. Итакъ Державинъ рѣшился просить руки дѣвицы Бастидонъ. Пріятели облегчили ему это дѣло. На другой день послѣ маскарада, т. е. въ понедѣльникъ на первой недѣлѣ великаго поста, онъ обѣдалъ у князя Вяземскаго; бывшій тутъ же Хвостовъ ускорилъ развязку романа, выдавъ своими шутками тайну влюбленнаго; а Кириловъ, директоръ ассигнаціоннаго банка, старый знакомый Бастидоновъ, вызвался послѣ обѣда свезти къ нимъ Державина. Вдова съ дочерьми и сыномъ жила въ своемъ домѣ близъ церкви Вознесенья. Поэтъ такъ описываетъ это посѣщеніе.

Въ сѣняхъ встрѣтила пріятелей босая дѣвка съ сальной свѣчой въ мѣдномъ подсвѣчникѣ; хозяйки приняли ихъ въ гостиной, гдѣ послѣ та же служанка разносила чай. Катерина Яковлевна все время вязала чулокъ и иногда съ большою скромностью вмѣшивалась въ разговоръ. Державинъ былъ очарованъ ея простотой, опрятностью, умомъ и любезностію. Особенно ему понравилось, что она ни минуты не оставалась праздною, тогда какъ сестры ея сидѣли безъ дѣла, тараторили какъ трещетки, судили, рядили и хохотали. Уже на слѣдующій день Державинъ открылся матери; она попросила нѣсколько дней на размышленіе, т. е. на справки о женихѣ, между сослуживцами котораго у нея были знакомые, особенно Ив. Вас. Яворскій, экзекуторъ въ 3-мъ департаментѣ сената. Собранныя свѣдѣнія оказались благопріятными для претендента; все говорило въ пользу представлявшейся партіи: Державинъ былъ въ милости у сильнаго вельможи, имѣлъ множество связей и порядочное состояніе: къ наслѣдственнымъ, — правда, небольшимъ, имѣніямъ прибавились, кромѣ купленнаго матерью его, триста душъ, пожалованныхъ въ Бѣлоруссіи, да столько же доставшихся ему по поручитель-

16*

ству за Маслова, — веего, стало-быть, вмѣстѣ съ материнскимъ имѣніемъ, онъ могъ считать за собою около тысячи душъ. Пока Матрена Дмитріевна разъѣзжала за справками, влюбленный успѣлъ объясниться и съ самою дѣвушкой: она ему призналась, что онъ ей не «противенъ». Мать объявила однакожъ, что прежде сговора необходимо испросить на замужство дочери согласіе великаго князя, какъ покровителя ихъ семьи. Замѣтимъ здѣсь мимоходомъ, что сама она была на весьма дурномъ счету у императрицы, которая впослѣдствіи, въ бытность Державина статсъ-секретаремъ, однажды сказала о ней Храповицкому: «Она самая негодница и доходила до кнута, но такъ оставлено за то только, что была кормилицей великаго князя». Еще прежде того, именно при отрѣшеніи Державина (въ 1788 г.), Храповицкій, конечно также со словъ государыни, записалъ: «Онъ стихотворецъ и легко его воображеніе можетъ быть управляемо женою, коей мать злобна и ни къ чему не годна»[1]. Вполнѣ ли справедливы были эти строгіе отзывы? Прекрасныя свойства Катерины Яковлевны даютъ намъ право усомниться, чтобы мать такой благовоспитанной дѣвушки была лишена всякихъ достоинствъ.

Черезъ нѣсколько дней послѣ помолвки Державинъ представлялся Павлу Петровичу вмѣстѣ съ своей будущей тещей. Наслѣдникъ ласково принялъ ихъ въ своемъ кабинетѣ и обѣщалъ невѣстѣ приданое, «сколько въ его силахъ будетъ»[2]. Года черезъ два поэтъ напомнилъ объ этомъ обѣщаніи письмомъ къ князю Александру Борисовичу Куракину, объясняя, что въ ожиданіи милости занялъ деньги на покрытіе свадебныхъ издержекъ. Въ этомъ письмѣ Державинъ описываетъ свое тогдашнее финансовое положеніе: говоритъ, что на немъ 10,000 банковаго долгу, что у него 500[3] душъ и что весь доходъ его, включая и жалованье, не превышаетъ 1,500 руб., изъ которыхъ цѣлую треть онъ долженъ удѣлять на уплату процентовъ. Это показаніе со-

[1] *Дневникъ Храп.*, стр. 392 и 205.

[2] V, 356.

[3] По предшествовавшему исчисленію, у него собственнаго имѣнія (т. е. не считая материнскаго) было 600 душъ; но конечно въ теченіе двухъ лѣтъ количество душъ, по какимъ-нибудь обстоятельствамъ, могло измѣниться.

вершенно согласно съ обычнымъ положеніемъ денежныхъ дѣлъ Державина: мы постоянно видимъ въ нихъ безпорядокъ, у него вѣчныя хлопоты съ должниками и заимодавцами, вѣчныя просьбы о закладахъ, отсрочкахъ и пересрочкахъ.

Воспоминаніемъ сговора Державина остались стансы *Невѣстѣ*, изъ которыхъ мы приведемъ здѣсь начало и конецъ:

«Хотѣлъ бы похвалить; но чѣмъ начать, не знаю...
. . . .
Какъ счастливъ смертный, кто съ тобой проводитъ время!
Счастливѣе того — кто нравится тебѣ:
Въ благополучіи кого сравню себѣ,
Когда златыхъ оковъ твоихъ несть буду бремя?» [1]

Подлинныя рукописи поэта открыли намъ любопытную тайну происхожденія этихъ стиховъ: первоначальная, конечно не совсѣмъ сходная съ позднѣйшею редакція ихъ назначалась, двумя годами ранѣе, въ привѣтствіе невѣстѣ великаго князя Маріи Феодоровнѣ при ея пріѣздѣ въ Россію. Тогда пьеса не пошла въ ходъ, и счастливый женихъ радъ былъ случаю воспользоваться, съ нѣкоторою передѣлкой, куплетами, остававшимися у него подъ спудомъ.

Свадьба была 18-го апрѣля 1778 года. Мать Державина жила по-прежнему въ Казани. Незадолго передъ своей помолвкой, онъ получилъ отъ Феклы Андреевны письмо; старушка говоритъ, что уже другой годъ ждетъ сына въ Казань, жалуется на плохія дѣла по своимъ деревнямъ, на неправильный наборъ «лекрутовъ»... «И такъ мнѣ хлопоты надоѣли домашнія и приказныя, и всякія нужды ко мнѣ доходятъ, а я уже становлюсь весьма нездорова, а тебя не могу дождаться, хотя бы не надолго побывалъ, и весьма сумнѣваюсь, что пишешь быть, а долго нѣтъ». Между тѣмъ сынъ прислалъ ей нарочнаго съ извѣстіемъ о своихъ планахъ. Радуясь и благословляя его, она зоветъ его вмѣстѣ съ женою къ себѣ, посылаетъ ему «крестъ Спасителя со святыми мощами», и отвѣчаетъ также невѣстѣ на ея письмо,

[1] I, 58.

прилагая какой-то гостинецъ, «хотя и не въ драгихъ вещахъ состоящій, но отъ искренняго усердія» [1].

Въ августѣ новобрачные отправились въ Казань и возвратились въ Петербургъ только въ самомъ концѣ декабря. Въ эту поѣздку Державину удалось, благодаря своимъ связямъ въ сенатѣ, нѣсколько поправить дѣла матери: именно онъ кончилъ полюбовно многолѣтнюю, начавшуюся еще до рожденія его тяжбу своихъ родителей съ сосѣдомъ ихъ Чемодуровымъ, отецъ котораго присвоилъ себѣ изъ ихъ крестьянъ нѣсколько семей (см. выше стр. 23). Теперь Державиной возвращено было слѣдовавшее ей число душъ, а она, въ замѣнъ того, отказалась отъ значительнаго денежнаго иска. Въ это же время Державинъ, по просьбѣ Хераскова, собиралъ въ Казани свѣдѣнія о бѣдствіяхъ, причиненныхъ городу Пугачевымъ. Херасковъ оканчивалъ свою Россіяду, и съ этимъ, можетъ-быть, находилось въ связи его порученіе. Оставивъ жену въ Казани, Державинъ ѣздилъ и въ оренбургское свое имѣніе. На обратномъ пути онъ написалъ стихи. Былъ уже ноябрь мѣсяцъ; по Камѣ шелъ ледъ, и перевоза не было; поэтъ, задержанный въ деревнѣ Мурзихѣ, на берегу рѣки, излилъ свое нетерпѣніе въ *Пѣсенкѣ отсутствующаго мужа*, впослѣдствіи получившей заглавіе: *Препятствіе къ свиданію съ супругою*. Пьеса оканчивается стихами:

«Жизнь утѣхи и покою!
Возвратись опять ко мнѣ:
Жизнь съ столь милою женою —
Рай во всякой сторонѣ» [2].

Поэтъ говорилъ отъ души. По всѣмъ дошедшимъ до насъ свидѣтельствамъ, Катерина Яковлевна обладала всѣми условіями для семейнаго счастья. Съ пламенною душой она соединяла кроткій и веселый характеръ, любила тихую домашнюю жизнь и всего охотнѣе проводила время въ чтеніи, рисованіи и разныхъ

[1] V, 304—307.
[2] I, 66.

рукодѣліяхъ. Она пробовала писать и стихи, но болѣе въ видѣ шутки. Особенно славилась она, въ кругу родныхъ и друзей, искуствомъ вырѣзывать силуэты: къ изданію сочиненій Хемницера 1799 г. приложенъ силуэтъ его, сдѣланный ея рукою. Въ домѣ, купленномъ супругами, гостиная была обита соломенными, вошедшими тогда въ моду, обоями ея работы. Во всѣхъ дѣлахъ своего мужа она принимала самое живое участіе, его успѣхи и неудачи считала своими, и въ друзьяхъ его видѣла близкихъ себѣ людей. Всѣ они — Львовъ, Капнистъ, Хемницеръ, Карамзинъ, Дмитріевъ — были ея искренними почитателями, и нѣкоторые изъ нихъ оставили о ней восторженные отзывы*. Самъ Державинъ страстно любилъ ее: въ стихахъ своихъ онъ часто вдохновлялся ею, называя ее Плѣнирой, а среди непріятностей, которыя по службѣ навлекалъ на себя, она была его утѣшительницей. Въ домашнемъ быту своемъ онъ никогда не былъ такъ счастливъ, какъ въ шестнадцатилѣтній періодъ своего перваго брака.

3. Разныя порученія. Новая должность. Начало неудовольствій.

Въ первые два-три года послѣ женитьбы Державина добрыя отношенія его къ дому начальника продолжались; жена его была принята Вяземскими какъ родная. Князь оказывалъ ему большое довѣріе. Такъ, когда въ 1779 году по дежурству чиновниковъ въ сенатѣ открылись безпорядки и неисправности, то изслѣдованіе ихъ возложено было на Державина; представленное имъ по этому дѣлу донесеніе напечатано нами въ V томѣ (стр. 366). При перестройкѣ сенатскаго зданія, въ томъ же году, надзоръ за работами опять порученъ былъ поэту. Сенатъ тогда находился тамъ же, гдѣ и теперь, но въ другомъ домѣ (съ башнею), который прежде принадлежалъ гр. Остерману, а потомъ Бестужеву. Дѣломъ Державина было между-прочимъ устройство залы общихъ собраній, украшенной аллегорическими барельефами, которые придумывалъ Николай Александровичъ Львовъ. Здѣсь въ первый разъ, въ біографіи Державина, является этотъ замѣчательный человѣкъ, который съ этихъ поръ

до самой смерти своей (1803) пріобрѣтаетъ такое значеніе въ жизни и поэзіи Гаврилы Романовича. Въ 1780 году Екатерина II совершала свое знаменитое путешествіе въ Бѣлоруссію: Державинъ въ написанныхъ по этому поводу стихахъ намекнулъ на одинъ изъ львовскихъ барельефовъ, именно на барельефъ, представлявшій учрежденіе намѣстничествъ въ видѣ храма Правосудія, въ который монархиня вводитъ Истину, Человѣколюбіе и Совѣсть (I, 97). При осмотрѣ работъ этой залы, разсказываетъ поэтъ, князь Вяземскій, увидѣвъ на упомянутомъ сейчасъ барельефѣ изображеніе нагой Истины, нашелъ, что видъ ея былъ бы для сенаторовъ соблазнителенъ, и потому приказалъ Державину нѣсколько прикрыть ее. По вступленіи на престолъ императора Павла этотъ самый барельефъ, по распоряженію генералъ-прокурора князя Алексѣя Борисовича Куракина, былъ выломанъ и спрятанъ въ архивъ.

Въ концѣ 1780 года въ вѣдѣніи генералъ-прокурора были учреждены экспедиціи о государственныхъ доходахъ и расходахъ [1]; это было, собственно говоря, государственное казначейство, которое въ позднѣйшее время и развилось изъ этихъ экспедицій. При образованіи ихъ, въ число совѣтниковъ экспедиціи доходовъ былъ переведенъ и Державинъ. Этимъ онъ становился еще ближе къ князю Вяземскому. Къ тогдашнему-то положенію его относятся шуточные стихи оды *На Счастіе*:

«Судьи, дьяки и прокуроры,
Въ передней про себя брюзжа,
Умильные мнѣ мещутъ взоры
И жаждутъ слова моего.
А я всѣхъ мимо по паркету
Бѣгу, носъ вздернувъ, къ кабинету
И въ грошъ не ставлю никого» [2].

Надо было написать проектъ положенія о кругѣ дѣйствія и

[1] Или, точнѣе, четыре экспедиціи: о доходахъ, расходахъ, счетахъ и недоимкахъ.

[2] I, 252.

обязанностяхъ новыхъ экспедицій. Князь имѣлъ для этого въ виду Васильева и Храповицкаго, какъ самыхъ свѣдущихъ изъ своихъ чиновниковъ; но они, сославшись на свои и безъ того обременительныя занятія, указали ему на Державина. Хотя послѣдній былъ еще новъ въ гражданскихъ дѣлахъ, но какъ ни предсѣдательствующій въ этомъ отдѣленіи, старикъ Еремѣевъ, ни другіе два совѣтника, Саблуковъ и Бутурлинъ, не были способны къ такому труду, то князь Вяземскій, можетъ-быть и неохотно, согласился поручить его бывшему сенатскому экзекутору.

Державинъ, сознавая свою неопытность въ законовѣдѣніи, понималъ всю трудность задачи. Собравъ всѣ относившіяся къ дѣлу постановленія и другіе матеріалы, онъ заперся и проработалъ двѣ недѣли; вышла цѣлая книга. Князь Вяземскій, желая узнать мнѣніе своихъ сослуживцевъ объ этой работѣ, созвалъ всѣ четыре экспедиціи и приказалъ читать «начертаніе». Присутствовавшіе молчали, генералъ-прокуроръ сердился, и наконецъ самъ сдѣлалъ кое-какія поправки во вступленіи, гдѣ были изложены мотивы составленія этого проекта. Затѣмъ онъ былъ представленъ императрицѣ, которая и утвердила его. Возвращенный съ высочайшей конфирмаціей чрезъ Безбородку, этотъ уставъ тогда же вступилъ въ дѣйствіе и сохранялъ силу закона до 1820 года, когда экспедиція была преобразована въ департаментъ государственнаго казначейства. Это «начертаніе», въ томъ самомъ видѣ, какъ оно вышло изъ рукъ Державина, включено въ Полное Собраніе Законовъ (XXI, 15.120). Не замѣчательно ли, что человѣкъ, такъ мало учившійся, проведшій столько лѣтъ въ самыхъ неблагопріятныхъ для умственной дѣятельности обстоятельствахъ, и такъ недавно вступившій на поприще гражданской службы, могъ въ короткое время достаточно ознакомиться съ законами и положеніемъ финансовой части въ Россіи, чтобы составить такой уставъ? Естественно, что Державинъ впослѣдствіи гордился этимъ трудомъ; когда зашла рѣчь объ оцѣнкѣ его заслугъ, онъ препроводилъ списокъ устава, въ числѣ другихъ документовъ, къ своему доброжелателю, графу А. Р. Воронцову, съ замѣчаніемъ: «это начертаніе, по коему теперь казна управляется, хотя по мыслямъ князя Александра

Алексѣевича, однако сочинено моими трудами»[1]. Въ подтвержденіе своихъ словъ онъ приложилъ отзывъ самого Вяземскаго и письмо Храповицкаго; перваго мы не имѣли въ рукахъ; Храповицкій же, возвращая Державину подлинную рукопись устава, какъ «удостоившуюся высочайшей апробаціи», прямо называетъ его трудомъ Державина («имѣю честь препроводить при семъ трудъ вашъ»). Въ запискахъ своихъ однакожъ поэтъ жалуется, что Храповицкій хотѣлъ присвоить себѣ честь этого труда, такъ какъ скрѣпилъ его тетрадь по листамъ, что̀ собственно слѣдовало сдѣлать самому редактору.

Державинъ ждалъ награды, но ничего не получилъ; это, кажется, и было первымъ поводомъ къ неудовольствіямъ между нимъ и начальникомъ, и заставило его искать справедливости сторонними путями. Въ Государственномъ архивѣ нашлось подлинное прошеніе его на имя императрицы, въ которомъ говорится: «Продолжаю службу двадцать-второй годъ. За военную имѣлъ счастіе получить особливое монаршее благоволеніе. Вступя, по высочайшей волѣ, въ статскую, я нынѣ въ экспедиціи о государственныхъ доходахъ заслуживаю ли трудами и поведеніемъ моимъ шефа моего одобреніе, уповаю на его справедливый отзывъ. Между тѣмъ, производятся въ чины моложе меня; не упоминая о военной, и нынѣ двое въ статской пожалованы»[2]. Изъ сдѣланной на самомъ прошеніи отмѣтки видно, что въ слѣдствіе его Державинъ 18-го іюня 1782 года произведенъ былъ въ статскіе совѣтники, т. е. выпросилъ себѣ служебную награду помимо своего начальника. Понятно, что это не могло случиться безъ сильнаго предстательства. Кто же былъ новый покровитель нашего поэта? Мы видѣли, что еще до перехода его въ гражданскую службу ему удалось подать государынѣ просьбу чрезъ Безбородку, незадолго передъ тѣмъ переведеннаго на службу въ Петербургъ. Мы видѣли также, что Державинъ, въ бытность сенатскимъ экзекуторомъ, уже былъ знакомъ съ Н. А. Львовымъ, который вскорѣ послѣ того является правой рукой

[1] VII, 750.
[2] V, 366.

Безбородки и другомъ Гаврилы Романовича. Это объясняетъ намъ, чрезъ кого послѣдній могъ дѣйствовать для достиженія своихъ цѣлей. Извѣстно, какую радушную помощь всѣ нуждавшіеся находили въ Безбородкѣ, поставившемъ себѣ за правило не желать другому того, чего себѣ не желаешь, и пользоваться всякимъ случаемъ дѣлать добро; тѣмъ болѣе онъ былъ расположенъ помогать пріятелю Львова, уже заявившему себя своимъ талантомъ. Въ послѣдующіе годы мы имѣемъ уже явныя доказательства тому, что Безбородко дѣйствительно сдѣлался усерднымъ ходатаемъ за Державина, который чрезъ него выпрашивалъ себѣ разныя милости. Такъ, — вѣроятно, въ началѣ 1783 года, — поэтъ обращался къ Безбородкѣ съ просьбой выхлопотать ему ссуду для покрытія накопившагося на немъ долга (въ слѣдствіе убытковъ, понесенныхъ его имѣніями во время Пугачевщины) и уплаты значительныхъ суммъ по несчастному поручительству. 20-го февраля того же года онъ опять пишетъ Безбородкѣ, что, по его приказанію, «переговоря съ Николаемъ Александровичемъ», посылаетъ письмо на высочайшее имя, въ которомъ проситъ о предоставленіи ему права воспользоваться дарованною жителямъ разоренныхъ губерній милостью, т. е. получить въ ссуду 30,000 руб. подъ залогъ принадлежащихъ ему 700 душъ [1]. Въ случаѣ неисполненія этой просьбы, онъ указываетъ на необходимость «для исправленія своей экономіи» оставить службу [2]. Несмотря на эту, несовсѣмъ ловкую угрозу, просьба, повидимому, была удовлетворена: по крайней мѣрѣ къ ней были приложены Безбородкой два проекта указовъ: одного на имя графа Шувалова (директора ассигнаціоннаго банка), другого на имя Завадовскаго (директора дворянскаго банка) о выдачѣ Державину просимой ссуды. Еще свидѣтельство о милости, исходатайствованной ему тѣмъ же путемъ, находимъ въ письмѣ Львова къ женѣ (какого года, неизвѣстно): «Наканунѣ

[1] Къ прежнимъ 500 присоединилось 80, пріобрѣтенныхъ во время послѣдней поѣздки въ Казань, да въ 1779 году родственникъ его Синельниковъ доставилъ ему на Днѣпрѣ 130 душъ съ деревней Гавриловкой.

[2] V, 370.

того дня, какъ ты мнѣ прислала кошелекъ, который я отдалъ Катеринѣ Яковлевнѣ, удалось Александру Андреевичу выпросить 4000 руб. для Гаврилы Романовича». По значительности суммы, вѣроятно, впрочемъ, что это пожалованіе относится къ позднѣйшему времени, можетъ-быть къ эпохѣ назначенія Державина тамбовскимъ губернаторомъ. За годъ до того Державинъ писалъ Львову: «Александръ Андреевичъ — мой ангелъ-благотворитель, а ты его помощникъ во всѣхъ случаяхъ». (V, 842.)

4. РАЗРЫВЪ СЪ КНЯЗЕМЪ ВЯЗЕМСКИМЪ. УВОЛЬНЕНІЕ.

Отъ князя Вяземскаго конечно не могли укрыться милости, которыя помимо его умѣлъ выхлопатывать себѣ его подчиненный, и тѣмъ болѣе онѣ были непріятны ему, что это дѣлалось чрезъ Безбородку, бывшаго съ нимъ не въ дружескихъ отношеніяхъ. Кромѣ того, Вяземскому не могло быть неизвѣстно, что Державинъ былъ *сочинителемъ*, что онъ не только писалъ, но и печаталъ стихи и вращался въ обществѣ подобныхъ себѣ людей, какъ напр. Львова, Капниста, Хемницера: все это было своего рода преступленіемъ въ глазахъ вельможи, который всякаго чиновника, дерзавшаго пускаться въ литературу, презрительно называлъ «живописцемъ» и считалъ никуда не годнымъ[1]. Къ этому присоединились и другія причины неудовольствія. Для контроля за движеніемъ суммъ внутри государства были установлены довольно сложныя правила: казенныя палаты должны были ежемѣсячно доставлять генералъ-прокурору вѣдомости какъ всѣмъ поступающимъ въ нихъ доходамъ, такъ и суммамъ разсылаемымъ изъ нихъ въ опредѣленныя мѣста, напр. въ комиссаріатъ, въ провіантскую контору, въ адмиралтейство и проч.[2]. Сверхъ

[1] *Дневникъ чиновника* въ *Отеч. Зап.* 1855, CI, 156.

[2] О порядкѣ управленія финансами въ Россіи императрица въ 1778 г. писала къ Гримму: «Les affaires de finances chez vous sont un art que j'ignore; chez nous toute commune envoie ses charges deux fois l'année au trésorier du cercle; il n'y a en ferme que l'eau-de-vie; j'ai établi des chambres de finances dans chaque gouvernement; les trésoriers en dépendent» (*Сб. Ист. Об.* XXIII, 100).

того экспедиціи необходимо было сноситься съ казенными палатами по разсмотрѣнію вѣдомостей, посылать имъ замѣчанія и предложенія генералъ-прокурора, такъ что въ первый годъ по учрежденіи экспедиціи пришлось созвать въ Петербургъ всѣхъ вице-губернаторовъ, какъ предсѣдателей казенныхъ палатъ. Державинъ, по своей должности, настаивалъ на своевременныхъ сношеніяхъ съ палатами, тѣмъ болѣе что, по слухамъ, онѣ вмѣсто отсылки денегъ въ надлежащія мѣста, пускали ихъ въ оборотъ по частнымъ рукамъ въ свою пользу, а правительственныя учрежденія кое-какъ перебивались, прибѣгая къ другимъ источникамъ, и приходили въ разстройство. Но товарищъ Державина, совѣтникъ Бутурлинъ (зять извѣстнаго И. П. Елагина), человѣкъ лѣнивый, игрокъ и гуляка, избѣгая лишнихъ хлопотъ, считалъ такія сношенія ненужными и утверждалъ, что достаточно повѣрять палаты при годовыхъ отчетахъ. Положили отдать споръ на рѣшеніе князя. Между тѣмъ, Бутурлинъ умѣлъ возстановить его противъ своего противника, и когда при одномъ докладѣ Вяземскій началъ придираться къ бумагамъ, которыя Державинъ подносилъ къ подписанію, то Бутурлинъ сталъ поддерживать князя и еще болѣе натравлять его на товарища. Выведенный изъ терпѣнія, Державинъ сунулъ бумаги Бутурлину въ руки и сказалъ: «Пишите же вы сами, коли умѣете, лучше». Князь Вяземскій увидѣлъ въ этомъ выходку противъ самого себя и на другой день прислалъ къ Державину Васильева съ приказаніемъ подать въ отставку. Державинъ при первомъ же случаѣ лично исполнилъ это приказаніе, но княгиня вступилась за него и разсказала причину разлада между нимъ и Бутурлинымъ. Тогда князь выразилъ сожалѣніе въ своей поспѣшности и желаніе, чтобъ Державинъ остался у него на службѣ, чтó и было передано провинившемуся Васильевымъ: слѣдствіемъ было примиреніе начальника съ подчиненнымъ; но оно было непродолжительно.

Въ концѣ года (1782) встрѣтился подобный же поводъ къ неудовольствію. По смерти Еремѣева, предсѣдательствующимъ экспедиціи назначенъ былъ родственникъ князя, Сергѣй Ивановичъ Вяземскій. Державинъ требовалъ, чтобы на наступавшій

годъ, согласно съ закономъ и по прежнимъ примѣрамъ, составлена была смѣта доходовъ и расходовъ на основаніи прошлогодней табели; онъ считалъ это тѣмъ болѣе нужнымъ, что незадолго передъ тѣмъ окончена была новая ревизія и важно было знать, насколько въ слѣдствіе ея увеличился государственный доходъ. Правильность этого требованія видна изъ того, что губернскимъ начальствамъ передъ тѣмъ нѣсколько разъ подтверждаемо было составлять по всѣмъ губерніямъ окладныя книги и расчетныя описи о всѣхъ доходахъ и расходахъ и о присылкѣ такихъ книгъ къ назначенному сроку въ экспедицію. Предсѣдательствующій противился, ссылаясь на генералъ-прокурора, который будто бы приказалъ въ этомъ году новаго расписанія и табели для поднесенія императрицѣ не дѣлать, а руководствоваться прошлогодними. «Если такъ», сказалъ наконецъ Державинъ, «то запишите это приказаніе въ журналъ, чтобъ послѣ намъ не быть въ отвѣтѣ». Между тѣмъ однакожъ онъ рѣшился самъ изготовить матеріалы для исчисленія доходовъ на будущій годъ: взявъ у столоначальниковъ нужныя къ тому вѣдомости, онъ сказался больнымъ и выработалъ «правила, объясняющія источники доходовъ» по всему государству. Потомъ, въ одинъ изъ докладныхъ дней, онъ въ присутствіи всѣхъ членовъ экспедиціи, представилъ свой трудъ князю, замѣтивъ, что отсутствіе смѣты неминуемо возбудитъ неудовольствіе императрицы. Князь прогнѣвался: «Вотъ», закричалъ онъ, «новый государственный казначей, вотъ умникъ! Извольте же, сударь, отвѣчать, когда не будетъ доставать суммъ противъ табели на новые расходы по указамъ императрицы». Державинъ, глубоко огорченный такимъ пріемомъ, попросилъ приказать разсмотрѣть его работу. Вяземскій согласился, въ увѣренности, что въ ней найдутъ «какую-нибудь нелѣпицу». Вышло наоборотъ: собраніе управляющихъ и совѣтниковъ, какъ ни старались они подкопаться подъ Державина, вынуждено было одобрить правила и подало рапортъ, въ слѣдствіе котораго составлена была новая табель: доходовъ оказалось на 8 милл. более прошлогоднихъ.

Такъ разсказываетъ Державинъ объ обстоятельствахъ, подавшихъ ему поводъ оставить службу при князѣ Вяземскомъ. Къ

этому онъ прибавляетъ и извѣстный эпизодъ о наградѣ, полученной имъ за оду *Фелицъ* и еще увеличившей раздраженіе начальника, о чемъ мы подробнѣе будемъ говорить при разсмотрѣніи литературной дѣятельности Державина. Въ существенномъ сообщенныя нами съ его словъ обстоятельства не подлежатъ сомнѣнію, такъ какъ они совершенно согласны съ извѣстнымъ намъ и изъ другихъ свидѣтельствъ образомъ дѣйствій князя Вяземскаго. Державинъ объясняетъ его нежеланіе напередъ опредѣлять государственные доходы тѣмъ, чтобы въ случаѣ, когда государынѣ понадобятся деньги, отозваться неимѣніемъ ихъ по табели, а потомъ неожиданно удовлетворить требованію и удивить своею находчивостью. Сама императрица подтверждаетъ этотъ отзывъ: въ одномъ письмѣ къ Гримму (*Сб. И. Об.* XXIII, 236—237), подшучивая надъ неподатливостью князя на новыя издержки, она говоритъ: «Вы конечно согласитесь со мной, что надо беречь здоровье человѣка, который, кромѣ всякихъ другихъ добрыхъ и почтенныхъ качествъ, отличается еще и тѣмъ, что у него всегда бываютъ наготовѣ деньги для всѣхъ возможныхъ случаевъ, и это еще при такомъ ненасытномъ мотѣ, какъ я». Вотъ между-прочимъ почему Екатерина дорожила Вяземскимъ. Въ томъ самомъ году, когда вышелъ въ отставку Державинъ, и самъ генералъ-прокуроръ просилъ объ увольненіи, но императрица его не отпустила. Покойный Лонгиновъ полагалъ, что причиною его желанія удалиться были его отношенія къ Безбородкѣ, который въ это время пріобрѣталъ все болѣе вѣсу. Екатерина возвратила Вяземскому его просьбу съ любопытными замѣчаніями, въ которыхъ она убѣждаетъ его остаться на службѣ[1]. Державинъ вообще при разныхъ случаяхъ осуждаетъ князя Вяземскаго. Напр. объ отношеніяхъ его къ губернскимъ властямъ онъ замѣчаетъ, что генералъ-прокуроръ по какимъ-то причинамъ смотрѣлъ сквозь пальцы на самоуправство нѣкоторыхъ сатраповъ и даже къ управленію казны по ихъ губерніямъ не смѣлъ прикоснуться. Съ другой стороны Державинъ утверждаетъ, что такъ какъ учрежденіемъ о губерніяхъ генералъ-губернаторамъ дано было

[1] *Библ. Записки* 1858, стр. 538.

право въ извѣстныхъ случаяхъ входить съ докладами прямо къ императрицѣ и такимъ образомъ они могли вредить генералъ-прокурору, то Вяземскій старался внушить мысль, что они неохотно доставляютъ вѣдомости о мѣстныхъ доходахъ и расходахъ и ставятъ экспедицію въ необходимость изготовлять табель прямо отъ себя: этимъ бросалась тѣнь на губернскую администрацію и выставлялась важность генералъ-прокурора. По увѣренію Державина, Вяземскій управлялъ государственнымъ казначействомъ, въ противность законамъ, самовластно, раздавалъ жалованье и пенсіи по своему произволу, безъ высочайшихъ указовъ, и утаивалъ доходы, съ тѣмъ чтобы, какъ уже было упомянуто, выслуживаться предъ государыней, какъ бы вдругъ открывши новый источникъ. Кромѣ того Державинъ разсказываетъ, что Потемкинъ, имѣя безпрестанно надобность въ генералъ-прокурорѣ, умѣлъ, чрезъ любимца своего Фалѣева, склонить его на свою сторону, отдавъ ему на Днѣпрѣ, въ бывшей Запорожской Сѣчѣ, обширныя земли съ поселенными на нихъ казаками, болѣе 2,000 душъ, Вяземскій же, вопреки закону, продалъ ихъ еврею (Штиглицу).

Другіе современники князя Вяземскаго также возводятъ на него разныя обвиненія. Княгиня Дашкова жалуется на его невниманіе къ ея представленіямъ по Академіи наукъ, на излишнее вмѣшательство его въ дѣла академіи и придирки по ея отчетности. По словамъ княгини, онъ былъ человѣкъ дѣловой, умѣвшій охранять порядокъ и точность, но необразованный и мстительный: такъ между-прочимъ онъ мѣшалъ изготовленію ландкартъ, задерживалъ свѣдѣнія и матеріалы, которые доставлялись губернаторами [1].

Князь М. М. Щербатовъ, называя Вяземскаго человѣкомъ неблистательнаго ума, приписываетъ ему глубоко-обдуманную лесть: притворяясь глупымъ, онъ будто бы подавалъ видъ, что блестящее состояніе государства было только слѣдствіемъ точнаго исполненія имъ мудрыхъ наставленій императрицы, и такимъ образомъ пріобрѣлъ надъ нею большую власть [2].

[1] Memoirs, 305—317.

[2] *О поврежденіи нравовъ въ Россіи*, стр. 84.

По свидѣтельству бывшаго повѣреннаго въ дѣлахъ Франціи при петербургскомъ дворѣ (1769—1773 г.) Сабатьѐ де Кабра, князь Вяземскій своимъ возвышеніемъ обязанъ былъ дружбѣ Орловыхъ: его образовала сама императрица, не боясь, что этому «автомату» припишутъ ея собственныя заслуги. Дѣйствительно, прибавляетъ Сабатье, трудно найти человѣка болѣе ограниченнаго; характеръ у него низкій, злобный, подлый и по ничтожеству равный его познаніямъ»[1].

«Никита Ивановичъ (Панинъ)»—такъ разсказываетъ Порошинъ[2] — «изволилъ долго разговаривать со мною о нынѣшнемъ генералъ-прокурорѣ, князѣ Вяземскомъ, и удивляться, какъ фортуна его въ это мѣсто поставила: упоминаемо тутъ было о разныхъ случаяхъ, которые могутъ оправдать сіе удивленіе».

По свѣдѣніямъ Бантышъ-Каменскаго, Вяземскій былъ скупъ и завистливъ; въ его домѣ была тайная экспедиція, и онъ часто самъ присутствовалъ при допросахъ.

Извѣстный Жозефъ де Местръ разсказываетъ по дошедшему до него преданію, что когда Екатерина однажды пожелала обнародовать какую-то вовсе не важную записку, касавшуюся статистики одной губерніи, то Вяземскій поспѣшилъ къ императрицѣ и объявилъ ей, что если эта записка появится въ печати, то ему невозможно будетъ оставаться при своей должности[3].

Въ неудовольствіяхъ, происшедшихъ между нимъ и Державинымъ, виноваты были очевидно, какъ обыкновенно бываетъ, обѣ стороны: князь Вяземскій, дѣйствуя не совсѣмъ безукоризненно по своей должности, не терпѣлъ критики слишкомъ смѣлаго, незначительнаго передъ нимъ чиновника, и вмѣстѣ съ тѣмъ былъ недоволенъ имъ за его литературныя занятія; настоящая же вина Державина состояла въ проискахъ, которые онъ позволялъ себѣ на сторонѣ, въ слишкомъ рѣз-

[1] Catherine II, sa cour et la Russie en 1772, par Sabathier de Cabres, стр. 42.

[2] См. его *Записки*. стр. 505.

[3] *Русск. Арх.* 1871, стр. 67.

комъ и не всегда безпристрастномъ осужденіи того, что ему казалось неправильнымъ, наконецъ въ запальчивости. Въ этомъ послѣднемъ недостаткѣ онъ самъ сознавался, какъ видно изъ одного черноваго письма его къ Вяземскому: узнавъ отъ Васильева, что князь обвиняетъ его въ неблагодарности, онъ оправдывается и обѣщаетъ прислать откровенное письменное объясненіе насчетъ «нѣкоторыхъ особенныхъ неудовольствій, которыя начали безпокоить его тому уже года полтора и отчасу болѣе возрастаютъ... Словесно объясниться», такъ онъ заключаетъ, «я боюсь, чтобъ въ чувствительности моей или не сказать чего лишняго, или чего не пропустить, или по невразумительной скорости разговора моего вы меня понимать не будете»[1]. Объясненіе однакожъ не помогло, и наконецъ Державинъ, уже прославившійся своею *Фелицею* и другими стихотвореніями, напечатанными въ *Собесѣдникѣ* княгини Дашковой, рѣшился разстаться съ бывшимъ своимъ покровителемъ. Вотъ письмо, съ которымъ онъ обратился къ князю Вяземскому:

«Сіятельнѣйшій князь, милостивый государь. Деревенскія мои обстоятельства, касающіяся до экономіи, и желаніе матери моей, находящейся въ глубокой старости, требуютъ моего къ ней прибытія; въ разсужденіи чего всепокорнѣйше вашего сіятельства прошу исходатайствовать мнѣ всемилостивѣйшее увольненіе, если не на какое-либо довольное время для моего исправленія, то хотя вовсе отъ службы, для того что, употребя возможные труды въ трехгодичное время при дѣлахъ экспедиціи о государственныхъ доходахъ, кажется мнѣ оказался я не столько способенъ, чтобъ быть какъ-либо въ ней полезнымъ и заслужить лестное вашего сіятельства вниманіе. Со временемъ же могу принять должность гдѣ-либо въ другомъ мѣстѣ, способностямъ моимъ подручную»[2].

Князь Вяземскій приказалъ Державину подать просьбу объ отставкѣ, чрезъ герольдію, въ сенатъ. Письмомъ отъ 25-го ноября 1783 года поэтъ извѣстилъ княгиню Дашкову, что сдѣ-

[1] V, 376.
[2] Тамъ же.

лалъ это. Въ то же время онъ объяснялъ ей, что для уплаты долговъ принужденъ продать почти все свое имѣніе, и просилъ напечатать о томъ публикацію въ вѣдомостяхъ. Эта послѣдняя просьба его осталась однакожъ безъ исполненія, потому ли что самъ онъ перемѣнилъ намѣреніе, или княгиня уговорила его взять просьбу назадъ.

Указъ сената объ увольненіи Державина отъ должности состоялся 8-го декабря 1783 года, и тогда же было опредѣлено поднести всеподданнѣйшій докладъ объ увольненіи его вовсе отъ службы, но этого окончательнаго рѣшенія своей просьбы ему пришлось дожидаться еще довольно долго. 18-го января 1784 года онъ писалъ Львову: «Князю Вяземскому я хотя не такъ нуженъ былъ, какъ ты (Безбородкѣ), однакоже довольно нуженъ; но не хотѣлъ онъ и столько противъ меня быть благосклоненъ, чтобъ принять объясненія мои, а отпустилъ отъ себя, почти не говоря ни слова. Да притомъ и теперь не выпускаетъ отъ себя доклада; итакъ я сталъ какъ ракъ на мели, ни въ службѣ, ни въ отставкѣ»[1].

Между тѣмъ молва о ссорѣ поэта съ генералъ-прокуроромъ разнеслась по всему городу и дошла до самой императрицы. Наконецъ докладъ сената былъ поднесенъ ей; утвердивъ его 15-го февраля 1784 года, она поручила Безбородкѣ сказать Державину, что будетъ имѣть его въ виду. При увольненіи ему пожалованъ былъ, по закону, чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника.

ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ ГЛАВѢ VIII.

(Къ стр. 249.)

Переплетенная тетрадь, содержащая списокъ съ составленнаго Державинымъ проекта устава экспедицій о государственныхъ доходахъ и проч., отправленная имъ въ 1786 году къ графу А. Р. Воронцову, сохранилась въ Воронцовскомъ архивѣ, и съ обязательнаго разрѣшенія князя Семена Михайловича была доставлена мнѣ М. Ф. Шугуровымъ. Уставъ носитъ заглавіе: «Начертаніе должности учрежденныхъ при правительствующемъ

[1] V, 380.

сенатѣ четырехъ экспедицій... что всѣмъ имъ вообще, порознь каждой и ихъ чинамъ исполнять надлежитъ». Передъ уставомъ помѣщенъ слѣдующій приказъ князя Вяземскаго: «1781 года февраля 15-го дня дѣйствительный тайный совѣтникъ и генералъ-прокуроръ князь Вяземскій, получа поднесенное ея императорскому величеству начертаніе должности четырехъ эспедицій, для казеннаго управленія учрежденныхъ, съ таковымъ высочайшимъ отзывомъ, что всемилостивѣйшая государыня, по прочтеніи того начертанія, не только не находитъ ничего несходнаго учрежденіямъ или волѣ ея, но отдая ему всю справедливость, почитаетъ оное весьма достаточнымъ для наставленія тѣхъ экспедицій до будущаго установленія о генеральномъ управлени казною и для приуготовленія всего въ нужномъ порядкѣ къ помянутому установленію, — приказалъ то начертаніе, приложенное здѣсь за его подписаніемъ, хранить въ первой экспедиціи, а для надлежащаго свѣдѣнія и исполненія сообщить засвидѣтельствованныя и скрѣпленныя по листамъ копіи во вторую, третью и четвертую экспедиціи, также въ С.-Петербургскія и Московскія для статныхъ и для остаточныхъ суммъ казначейства.

Князь А. Вяземскій».

Въ самомъ началѣ тетради приклеено къ ней слѣдующее собственноручное письмо Храповицкаго къ Державину:

«Милостивый Государь мой Гаврила Романовичъ.

«Имѣя честь препроводить при семъ трудъ вашъ, удостоенный высочайшею ея величества апробаціею, долженъ предувѣдомить что по волѣ его сіятельства скрѣпилъ я по листамъ сіе начертаніе, но какъ можетъ случиться что по извѣстной скорости, съ каковою оное переписывано было, вкрались нѣкоторыя ошибки, то и прошу покорно совершить начатое и оконченное вами дѣло и просмотрѣть, нѣтъ ли ошибокъ.

«За дружеское увѣдомленіе о концертахъ нижайшую приношу благодарность, и со всею моею охотою къ тому приступая, ожидаю увѣдомленія, кому отдать деньги?

Съ совершеннымъ почтеніемъ
покорнѣйшій слуга
Александръ Храповицкій».

15-го февраля 1781.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

ДВѢ ЭПОХИ ЛИТЕРАТУРНАГО РАЗВИТІЯ.

(1762 — 1782.)

1. ПОЭТИЧЕСКІЕ НАЧАТКИ. ОБРАЗЦЫ. ПРИГОВОРЪ ЕЛАГИНА.

Съ дѣтства Державинъ обнаруживалъ охоту къ искуствамъ и литературѣ. Самъ онъ говоритъ, что въ гимназіи отличался живостью и воображеніемъ, а не точностью и усидчивостью. Тогда уже онъ хорошо рисовалъ, самоучкой игралъ на скрипкѣ, читалъ Ломоносова и Сумарокова, маралъ тайкомъ стихи. Все это ясно указываетъ на врожденныя эстетическія наклонности. Впрочемъ и самое тогдашнее время, и вся обстановка въ воспитаніи Державина должны были способствовать къ развитію въ немъ литературнаго направленія. Такъ называемый вѣкъ Людовика XIV-го надолго подчинилъ своему вліянію всѣ страны Европы. Въ Россіи оно стало замѣтно особенно въ царствованіе Елисаветы Петровны, и выразилось болѣе всего въ дѣятельности Шувалова. Ломоносовъ былъ, конечно, питомцемъ германской науки и поэзіи; но посредственно и онъ ощутилъ на себѣ отраженіе золотого вѣка французскихъ письменъ. У насъ литературное направленіе развилось сперва въ Сухопутномъ кадетскомъ корпусѣ, потомъ перешло въ Московскій университетъ, гдѣ нашло себѣ сильнаго двигателя и покровителя въ Шуваловѣ, а оттуда распространилось и на гимназіи, бывшія въ зависимости отъ университета. Первый директоръ Казанской гимназіи, гдѣ учился Державинъ, былъ самъ писателемъ. Тамъ водились извѣстнѣйшія тогда книги, тамъ бывали театральныя представленія; въ ученикахъ всячески возбуждалась охота пробовать и свои силы въ литературныхъ упражненіяхъ. Державинъ же, вдобавокъ зная нѣмецкій языкъ, могъ читать и гер-

манскихъ поэтовъ. Начальство хвастало имъ: Веревкинъ возилъ къ Шувалову напоказъ его чертежи и рисунки, посылалъ его въ Болгары для описанія тамошнихъ развалинъ и въ Чебоксары для измѣренія ширины улицъ.

Въ казармѣ, куда Державинъ попалъ изъ гимназіи, онъ естественно прослылъ грамотеемъ и сдѣлался секретаремъ не умѣвшихъ писать товарищей; по ночамъ онъ читалъ книги и маралъ стихи, познакомившись съ сочиненіями Клейста, Гагедорна, Геллерта, Галлера и Клопштока. Какъ сначала онъ писалъ грамотки для солдатскихъ женъ и площадные прибаски на каждый гвардейскій полкъ, такъ потомъ, уже бывши офицеромъ, сочинялъ то письма и просьбы по порученію сослуживцевъ или полковые доклады, то сатирическіе стихи и любовныя пѣсни. Тогда же онъ началъ переводить въ стихахъ Телемака, Мессіаду Клопштока и «Христіанина въ уединеніи», Цахаріэ[1]. Изъ числа самыхъ раннихъ своихъ опытовъ во время военной службы онъ упоминаетъ стансы солдатской дочери Наташѣ и стихи на проѣздъ императрицы въ Москву, писанные александрійскимъ размѣромъ. Ни та, ни другая пьеса не дошли до насъ. Поэтъ говоритъ, что возвращаясь въ началѣ 1770 года изъ Москвы для продолженія полковой службы въ Петербургѣ, онъ сжегъ цѣлый сундукъ съ своими рукописями[2]. Замѣтимъ однакожъ, что между его бумагами сохранилась одна тетрадь стиховъ, большая часть которыхъ очевидно принадлежитъ къ предшествовавшему времени. Судя по почерку, тетрадь эта писана около 1776 года, т. е. уже послѣ возвращенія поэта изъ саратовской командировки. Надо слѣдовательно полагать, что или у него оставались списки нѣкоторыхъ изъ его раннихъ стихотвореній, или онъ вскорѣ послѣ помянутаго ауто-да-фе снова написалъ ихъ на память.

Въ началѣ этой тетради помѣщено 19 любовныхъ пѣсенъ подъ заглавіемъ: *Пѣсни сочиненія Г... Р... Д...*, большею частью въ элегическомъ тонѣ. Почти всѣ онѣ слабы, языкъ ихъ тяжелъ, стихъ часто неправиленъ, а потому мы и не сочли себя

[1] См. VI, 457.
[2] См. выше стр. 81.

въ правѣ дать имъ мѣсто въ изданіи сочиненій нашего поэта. Не многія изъ этихъ пѣсенъ впослѣдствіи имъ самимъ перенесены въ другія тетради, и только двѣ напечатаны, именно: *Пени* и *Разлука* [1]. Послѣднюю онъ самъ цѣнилъ какъ одно изъ самыхъ удачныхъ юношескихъ произведеній своихъ, и часто возвращался къ ней въ разныя эпохи жизни.

За пѣснями, въ той же старинной тетради, слѣдуютъ болѣе пятидесяти разныхъ мелкихъ стихотвореній: эпиграммы, мадригалы, надписи, идилліи, шуточные и сатирическіе стихи, наконецъ молитвы. Кромѣ того, тутъ цѣлый рядъ такъ-называемыхъ *билетовъ*, т. е. двустишій, подобныхъ тѣмъ, которые подъ этимъ же заглавіемъ встрѣчаются въ сочиненіяхъ Сумарокова (ч. IX) и, кажется, имѣли скромное назначеніе служить литературной приправой къ конфетамъ. У Сумарокова собрано не менѣе 115-ти такихъ билетцевъ; вотъ напр. одинъ изъ нихъ:

«Ты мнѣ жалокъ, мой дружочекъ;
Возьми сахару кусочекъ».

Рядомъ съ этимъ двустишіемъ можно поставить слѣдующее у Державина:

«Одна рука въ меду, а въ патокѣ другая;
Счастлива будетъ жизнь въ весь вѣкъ тебѣ такая».

Въ томъ же собраніи разныхъ стихотвореній находится уже и одна ода къ Екатеринѣ II, писанная въ 1767 году. Съ этихъ поръ мы встрѣчаемъ у Державина часто повторяющіяся попытки воспѣть достойнымъ образомъ государыню, въ которой ему представлялся высшій идеалъ монарха, и въ то же время видимъ стремленіе обратить на себя ея вниманіе; попытки эти наконецъ увѣнчались полнымъ успѣхомъ въ Фелицѣ. Остановимся немного на самой ранней одѣ его. Онъ начинаетъ обращеніемъ къ истинѣ, желая пѣть съ нею одною, не сзывая Музъ съ Парнасса. Ему кажется великимъ дѣломъ воспѣвать царей *безъ лести;* когда же подобныя пѣсни лишены истины, то потомство при-

[1] I, 2 и 16.

знаётъ ихъ такими же баснями, какъ пѣсни Гомера. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ отвергаетъ излишнія украшенія и громкіе возгласы:

«Начто жъ на горы горы ставить
И вверхъ ступать, какъ исполинъ?
Я солнцу свѣтъ могу ль прибавить,
Умножу ли хоть лучъ одинъ?»

Переходя къ самымъ похваламъ Екатеринѣ, поэтъ, по примѣру Ломоносова (въ похвальномъ словѣ Елисаветѣ Петровнѣ), воображаетъ, что онъ слышитъ говоръ селъ и городовъ; потомъ онъ переносится въ судилища и изображаетъ кротость императрицы:

Стрѣлецъ, оружіемъ снабженный,
На сынѣ видя лютыхъ змѣй,
Любовью отчей побужденный
Спасти его напасти сей,
Поспѣшно лукъ свой напрягаетъ,
На сына стрѣлы обращаетъ;
Но чтобъ кровямъ его не литься
И жизнь безбѣдно сохранить,
Искусно мѣтитъ онъ и тщится
На немъ лишь змѣй однѣхъ убить.
Таковъ твой судъ есть милосердый,
Ты такъ къ намъ сердобольна мать...
Грозишь закона намъ стрѣлою;
Но жизнь преступшихъ ты блюдешь,
Насъ матерней казнишь рукою —
И крови нашей ты не льешь.

Надписи въ разсматриваемой тетради относятся большею частью къ Петру Великому и къ разнымъ случаямъ царствованія Екатерины II. Нѣкоторыя изъ раннихъ эпиграммъ и сатирическихъ стихотвореній Державина любопытны по намекамъ на современные нравы и лица и по простонародному языку. Между ними можно указать, напр., на пьесы *Бывальщина* и *Похвальные стихи Суровцову* (III, 463 и 465).

Къ числу лицъ, надъ которыми Державинъ въ то время упражнялъ свое остроумiе, принадлежалъ уже и Сумароковъ. Этотъ «Россiйскiй Расинъ», желая осмѣять Ломоносова, какъ автора эпической поэмы *Петръ Великiй*, написалъ ему эпитафiю, начинающуюся стихомъ:

«Подъ камнемъ симъ лежитъ Фирсъ Фирсовичъ Гомеръ»...

Державинъ вступился за Ломоносова и въ пародiю этой эпитафiи написалъ *Вывѣску*, взявъ эту форму эпиграммы у Сумарокова же, который такимъ образомъ осмѣялъ писаря Саву (Соч. Сумар. IX, 158). Въ *Вывѣскѣ* Державина то же число стиховъ, тотъ же размѣръ и тѣ же рифмы, какъ въ сатирической эпитафiи бичуемаго имъ Сумарокова:

«Терентiй здѣсь живетъ Облаевичъ Церберъ,
Который обругалъ подъячихъ выше мѣръ,
Кощунствовать своимъ *Опекуномъ* стремился,
Отважился, дерзнулъ, зѣвнулъ — и подавился:
Хулилъ онъ наконецъ дѣла почтенна мужа (т. е. Ломоносова),
Чтобъ сей изъ моря сталъ ему подобна лужа» [1].

Вотъ какъ Державинъ смотрѣлъ на различiе между Ломоносовымъ и Сумароковымъ. Эта маленькая пародiя была написана имъ въ Москвѣ въ 1768 году, когда прошло только три года со времени смерти Ломоносова: соперничество обоихъ писателей было у всѣхъ еще въ свѣжей памяти; Сумароковъ доживалъ свой вѣкъ въ Москвѣ и къ прежнимъ смѣшнымъ сторонамъ своимъ прибавлялъ новыя черты раздражительности, которыя роняли его въ общемъ мнѣнiи.

Приведенною здѣсь эпиграммою не ограничились выходки Державина противъ Сумарокова. Въ 1770 году нашъ драматикъ поссорился и съ содержателемъ московскаго театра и съ главнокомандующимъ, гр. Салтыковымъ, а наконецъ и со всею публикой, по поводу того, что на сценѣ появилась безъ его согласiя

[1] III, 241.

пьеса *Синавъ и Труворъ* и что во время представленія зрители, въ наказаніе автору, вели себя неприлично. Оскорбленный трагикъ жаловался императрицѣ; Екатерина въ ироническомъ отвѣтѣ совѣтовала ему сохранять спокойствіе духа, необходимое для его авторства, и прибавила, что ей пріятнѣе видѣть изображеніе страстей въ его драмахъ, нежели въ письмахъ его. Въ публикѣ узнали содержаніе этого письма, и на Сумарокова посыпались новыя насмѣшки, которыя вызвали его эпиграмму *На Кукушекъ въ Москвѣ*. Державинъ отвѣчалъ эпиграммой же *На Сороку* (т. е. на Сумарокова) *въ защищеніе Кукушекъ*[1]. Разсказываютъ, что эти стихи распространились по Москвѣ и дошли до самого Сумарокова, что онъ сталъ всячески разыскивать автора ихъ, но Державинъ, несмотря на то, въ это самое время съ нимъ познакомился, даже обѣдалъ у него и, по словамъ Пушкина, исподтишка наслаждался его бѣшенствомъ[2].

Эти выходки противъ одного изъ главныхъ дѣятелей тогдашней литературы знаменательны въ отношеніи ко всему авторству Державина. Онѣ показываютъ, что нашъ поэтъ, ставя себѣ за образецъ Ломоносова, не считалъ Сумарокова достойнымъ подражанія. Дѣйствительно, хотя въ отдѣльныхъ чертахъ сочиненій Державина и замѣтны слѣды вліянія Сумарокова, можно утверждать положительно, что въ кругу лучшихъ писателей екатерининской эпохи уваженіе къ Ломоносову исключало всякую мысль о подражаніи его сопернику, — правда, во многихъ отношеніяхъ также даровитому, но лишенному поэтическаго чутья и вкуса. Даже и о драматической производительности Сумарокова Державинъ не имѣлъ высокаго мнѣнія, и особенно охуждалъ его частыя заимствованія. Объ этомъ свидѣтельствуетъ одна изъ позднѣйшихъ его эпиграммъ, озаглавленная *Судъ о трагикахъ*. Въ ней онъ воображаетъ, что французскіе трагики, повстрѣчавъ на томъ свѣтѣ Эсхила, Софокла и Эврипида и признаваясь въ своихъ покражахъ, отвѣсили имъ поклонъ; Сумароковъ же и Княжнинъ, увидѣвъ Корнеля, Расина и Вольте-

[1] III, 249.
[2] *Соч. Пушкина*, VI, 87.

ра, затрепетали передъ ними. Замѣтивъ это, Мельпомена подходитъ къ новѣйшимъ трагикамъ и говоритъ имъ:

«Хоть лоскутки на васъ чужіе вижу я,
Но не отдамъ вѣнца я никому другому,
Какъ чувству собственну и генію прямому»[1],

т. е. она отказываетъ въ наградѣ не только нашимъ трагикамъ, но и французскимъ ихъ образцамъ, какъ слабымъ подражателямъ и литературнымъ татямъ.

Кромѣ эпиграммъ мы находимъ въ старѣйшей рукописи Державина и стихотворенія другого, близкаго къ нимъ рода поэзіи, именно нѣсколько басенъ. Уже въ періодъ молодости его, какъ и долгое время послѣ, басня поглощала много литературныхъ силъ. Съ легкой руки Лафонтена она пошла въ ходъ у всѣхъ европейскихъ народовъ, особенно у Нѣмцевъ, а потому не могли и мы не оказать ей особеннаго вниманія и гостепріимства. Почти всѣ стихотворцы платили болѣе или менѣе обильную дань этому вкусу. Въ Германіи въ 1750-хъ и 60-хъ годахъ явился, вслѣдъ за Геллертомъ, цѣлый легіонъ баснописцевъ. Въ Россіи Сумароковъ увлекъ на это поприще Майкова, а Майковъ, вмѣстѣ съ нѣмецкими поэтами, способствовалъ къ тому, что Державинъ въ юности также сталъ между-прочимъ пробовать себя и въ баснѣ. Вообще, первоначальныя рукописи его заставляютъ насъ думать, что онъ въ эту эпоху какъ будто колебался въ выборѣ рода поэзіи и по временамъ сознательно отказывался отъ торжественной оды. Рукописное собраніе его мелкихъ стихотвореній начинается именно выраженіемъ этого намѣренія въ небольшой идилліи, которая конечно только потому и заслуживаетъ вниманія:

«Не мыслю никогда за Пиндаромъ гоняться
И бурнымъ вихремъ вверхъ до солнца подыматься» и т. д.

Ту же мысль высказываетъ онъ иногда и въ другихъ ран-

[1] III, 520.

нихъ стихахъ своихъ; но это было только мимолетное настроеніе, какъ видно изъ отрывка, слѣдующаго непосредственно за указанной сейчасъ идилліей и начинающагося такъ:

«Что день, то звукъ и торжество;
Летятъ побѣдами минуты»...

Эти стихи, сильно отзывающіеся подражаніемъ Ломоносову, были вызваны успѣхами Русскихъ въ первую турецкую войну. Державинъ задумывалъ, кажется, очертить весь ходъ борьбы христіанъ противъ ислама. Вскорѣ ломоносовская ода надолго заглушила всѣ другія поэтическія стремленія молодого таланта. Но какъ мало ободренія онъ находилъ при первыхъ своихъ опытахъ въ этомъ родѣ, доказываетъ анекдотъ, разсказанный Дмитріевымъ, о неудачѣ, испытанной нашимъ поэтомъ въ 1775 году въ Москвѣ, вѣроятно, когда онъ пріѣхалъ туда ко времени празднованія турецкаго мира, возвращаясь окончательно изъ своей саратовской командировки. Этотъ случай такъ переданъ въ запискахъ Дмитріева [1]: «У Хераскова былъ обѣдъ. Между прочими гостьми находился Иванъ Перфильевичъ Елагинъ, извѣстный по двору и литературѣ. За столомъ разсуждали объ одахъ, вышедшихъ на случай прибытія императрицы. Началась всѣмъ имъ оцѣнка, большею частію не въ пользу лириковъ, и всѣхъ болѣе критикована была ода *какого-то* Державина. Это были точныя слова критика. Хозяйка толкаетъ Елагина въ ногу: онъ не догадывается и продолжаетъ говорить объ одѣ. Державинъ, бывшій тогда уже гвардіи офицеромъ, молчитъ на концѣ стола и весь рдѣетъ. Обѣдъ окончился. Елагинъ смутился, узнавъ свою неосторожность. Хозяева ищутъ Державина, но уже простылъ и слѣдъ его. Проходитъ день, два, три, Державинъ противъ обыкновенія своего не показывается Херасковымъ. Между тѣмъ какъ они тужатъ и собираются навѣстить оскорбленнаго поэта, Державинъ съ бодрымъ и веселымъ видомъ входитъ въ гостиную: обрадованные хозяева удвоили къ нему ласку свою и спра-

[1] *Взглядъ на мою жизнь*, стр. 66.

шиваютъ его, отчего такъ долго съ нимъ не видались. — «Два дня сидѣлъ дома съ закрытыми ставнями», отвѣчаетъ онъ: «все горевалъ объ моей одѣ: въ первую ночь даже не смыкалъ глазъ моихъ, а сегодня рѣшился ѣхать къ Елагину, заявить себя сочинителемъ осмѣянной оды и показать ему, что и дурной лирикъ можетъ быть человѣкомъ порядочнымъ и заслужить его вниманіе; такъ и сдѣлалъ. Елагинъ былъ растроганъ, осыпалъ меня ласками, упросилъ остаться обѣдать, и оттуда я прямо въ вамъ».

Оды, о которой здѣсь рѣчь идетъ, написанной будто бы на пріѣздъ императрицы въ Москву, не оказалось въ рукописяхъ Державина, да едва ли и могъ онъ написать такую оду, потому что во время этого пріѣзда государыни въ январѣ мѣсяцѣ, онъ былъ еще въ Казани: Дмитріевъ, писавъ свои записки по давнимъ воспоминаніямъ и разсказамъ, легко могъ ошибиться въ обозначеніи содержанія оды: скорѣе это могла быть одна изъ одъ, незадолго передъ тѣмъ написанныхъ Державинымъ на Волгѣ, и въ слѣдующемъ году напечатанныхъ, — Читалагайскихъ, — именно *ода на великость*, въ которой послѣднія строфы прямо относятся къ Екатеринѣ II:

«Богини, радости сердецъ,
Я здѣсь высотъ не восхваляю:
Помыслитъ кто, что былъ я льстецъ»... и т. д.

Это ли была ода, раскритикованная Елагинымъ, и послѣ можетъ-быть исправленная Державинымъ, или придворный литераторъ разумѣлъ совсѣмъ другую, до насъ не дошедшую оду, это вопросъ теперь не разрѣшимый, да и не важный; но важно то, что въ скоромъ времени Державинъ самъ вполнѣ созналъ ошибочность своего тогдашняго подражательнаго направленія.

Изъ неизданныхъ до послѣдняго времени опытовъ его за этотъ періодъ нельзя умолчать о его *Эпистолѣ къ Михельсону*[1]. Это собственно только начало задуманнаго имъ большого стихотворенія, въ родѣ эпической поэмы, замѣчательное единственно

[1] III, 311.

по мысли представить картину ужасовъ Пугачевщины, которыхъ свидѣтелемъ былъ самъ поэтъ, и воспѣть заслуги главныхъ дѣятелей въ этой кровавой борьбѣ, особенно Михельсона. Но оставшійся набросокъ, впослѣдствіи очевидно забытый авторомъ, страдаетъ устарѣлыми, неправильными формами языка и сильно отзывается подражаніемъ поэмѣ Ломоносова *Петръ Великій*. Любопытны стихи, относящіеся къ Павлу Потемкину: изъ нихъ мы узнаемъ, что

«Потемкинъ, сердце, духъ имѣя и проворство
Хотѣлъ чудовище воззвать въ единоборство,
Иль славно умереть, иль славно побѣдить;
Но былъ ему совѣтъ соблазна не чинить» [1].

Вѣроятно, этотъ отрывокъ писанъ Державинымъ во время его пребыванія въ Казани передъ вторичнымъ отъѣздомъ на Иргизъ.

2. Первые печатные труды.

Въ печати Державинъ явился въ первый разъ, однакожъ безъ имени, въ 1773 году: именно тогда въ журналѣ Рубана *Старина и Новизна* (ч. II) помѣщена была переведенная имъ съ нѣмецкаго *Ироида Вивлиды къ Кавну*, одинъ изъ любимыхъ сюжетовъ въ тогдашнихъ подражаніяхъ древнимъ, заимствованный нѣмецкимъ авторомъ изъ Превращеній Овидія. Державинъ увѣряетъ, что сдѣланный имъ русскій переводъ этого подражанія попалъ въ печать безъ его вѣдома; сравненіе же довольно чистаго и правильнаго языка *Ироиды* съ позднѣйшимъ слогомъ нашего поэта въ Читалагайскихъ одахъ его заставляетъ предполагать, что она была исправлена въ редакціи журнала. Поэтому мы и не помѣстили этого перевода въ нашемъ изданіи.

Въ томъ же году Державинъ напечаталъ въ типографіи Академіи наукъ, въ числѣ 50-ти экземпляровъ, свою оду на пер-

[1] III, 319.

вое бракосочетаніе великаго князя Павла Петровича [1], назвавъ себя «потомкомъ Аттилы, жителемъ рѣки Ра». Здѣсь въ первый разъ обнаружилась его охота придумывать загадочныя заглавія и скрываться подъ псевдонимами; потомкомъ Аттилы назвалъ онъ себя въ томъ же смыслѣ, какъ послѣ, при одѣ къ Фелицѣ, татарскимъ мурзою, а жителемъ рѣки Ра (Волги) — какъ казанскій уроженецъ. Самая ода — явное и съ тогдашней точки зрѣнія не неудачное подражаніе Ломоносову, хотя она и изобилуетъ неправильностями языка.

Вскорѣ по возвращеніи въ Петербургъ изъ командировки Державинъ опять попробовалъ явиться въ литературѣ, и на этотъ разъ съ цѣлымъ небольшимъ собраніемъ своихъ трудовъ: онъ напечаталъ при Академіи наукъ, безъ своего имени, книжечку подъ заглавіемъ *Оды переведенныя и сочиненныя при горѣ Читалагаѣ* [2]. Это названіе означало мѣстность въ саратовскихъ колоніяхъ, гдѣ онъ въ эпоху Пугачевщины нѣсколько времени стоялъ съ артиллерійскимъ отрядомъ. Тамъ у одного изъ жителей попался ему въ руки нѣмецкій переводъ нѣкоторыхъ славившихся въ то время одъ Фридриха II, и въ часы досуга онъ перевелъ четыре изъ нихъ русскою прозой. Тогда же написалъ онъ нѣсколько оригинальныхъ стихотвореній (*На смерть Бибикова*, *На великость*, *На знатность*, *На день рожденія ея величества*) и, какъ уже было упомянуто, издалъ все это вмѣстѣ въ одной книжкѣ. Здѣсь языкъ его все еще тяжелъ и неправиленъ; вдобавокъ опечатки иногда совершенно искажаютъ смыслъ; стихи поражаютъ высокопарностью тона и гиперболизмомъ образовъ, но уже выдаются и нѣкоторыя отличительныя особенности его поэзіи, выясняются источники его лирическаго настроенія — великіе историческіе характеры и событія. Онъ уже воспѣваетъ Екатерину, Бибикова, Румянцова; въ одѣ *на великость* уже онъ собираетъ, какъ позже въ Фелицѣ, черты дѣлъ и свойствъ великой государыни, и въ концѣ выражаетъ замѣчательную мысль, что для достиженія полноты величія нуж-

[1] III, 259.
[2] III, 271.

но пройти черезъ школу несчастія, примѣняя эту мысль къ Екатеринѣ II. Въ этихъ одахъ есть уже стихи, дающіе предчувствовать будущаго вдохновеннаго лирика.

Однакожъ изъ этихъ четырехъ одъ самъ Державинъ впослѣдствіи призналъ только двѣ, давъ имъ мѣсто въ собраніи своихъ сочиненій, да и то одна изъ нихъ была имъ передъ тѣмъ совершенно переработана, именно ода *на знатность*, подъ новымъ заглавіемъ: *Вельможа*. При этомъ она значительно распространена во всѣхъ своихъ частяхъ, но нѣкоторые стихи въ ней оставлены почти безъ измѣненія; таково между-прочимъ слѣдующее знаменитое мѣсто:

«Я князь, коль мой сіяетъ духъ,
Владѣлецъ — коль страстьми владѣю,
Боляринъ — коль за всѣхъ болѣю,
Царю, закону, церкви другъ»[1].

Ода *на смерть Бибикова* вся включена поэтомъ въ собраніе его сочиненій съ частными только поправками. Конечно онъ сохранилъ ее не только потому, что она въ цѣломъ удалась ему лучше другихъ, но и для того, чтобы передать потомству это вылившееся у него изъ души, искреннее и простое выраженіе любви и благодарности къ вельможѣ, который былъ однимъ изъ украшеній вѣка Екатерины. Такимъ образомъ въ одахъ Читалагайскихъ, несмотря на все ихъ несовершенство, мы видимъ ступень къ будущему блестящему развитію поэта и любопытную страницу изъ перваго періода его литературной жизни. Уже одно то, что молодой офицеръ въ тревогахъ походной жизни чувствуетъ охоту и находитъ досугъ продолжать свои любимыя занятія, есть явленіе замѣчательное. Недостатки Читалагайскихъ одъ объясняются неблагопріятными для образованія обстоятельствами юности Державина и заставляютъ насъ удивляться силѣ и смѣлости, съ какими онъ послѣ восторжествовалъ надъ оковами, наложенными на него воспитаніемъ. Но въ Читалагай-

[1] III, 297, и I, 628.

скихъ одахъ явственны уже, какъ мы замѣтили, и проблески таланта. Такого мнѣнія о нихъ былъ и современникъ поэта, Дмитріевъ. Державинъ самъ сознавался, что онѣ «писаны весьма нечистымъ и неяснымъ слогомъ»; но Дмитріевъ, несмотря на то, любилъ ихъ, находя, что авторъ и въ нихъ уже съ замѣчательной силой «карабкался на Парнассъ»[1]. Позднѣе Дмитріевъ же такъ отозвался объ этой книжкѣ: «Въ стихахъ, помѣщенныхъ въ ней, при нѣкоторыхъ недостаткахъ, уже показывались замашки или вспышки врожденнаго таланта и его главныя свойства: благородная смѣлость, строгія правила и рѣзкость въ выраженіяхъ»[2].

3. Поэтическое перерожденіе. Литературныя связи.

Державинъ самъ не былъ доволенъ тѣмъ, что̀ писалъ въ это время: нуженъ былъ только какой-нибудь сильный толчо́къ, чтобы пробудить въ немъ полное сознаніе недостатковъ своего стихотворства. Новый поворотъ въ его жизни, съ возвращеніемъ въ Петербургъ, не замедлилъ оказать это дѣйствіе, и впослѣдствіи онъ приблизительно такъ охарактеризовалъ прежній періодъ своей поэзіи и переходъ къ самостоятельному творчеству: «Правила поэзіи почерпалъ я изъ сочиненій Тредьяковскаго, а въ выраженіи и слогѣ старался подражать Ломоносову; но такъ какъ не имѣлъ его таланта, то это и не удавалось мнѣ[3]. Я хотѣлъ парить, но не могъ постоянно выдерживать, изящнымъ подборомъ словъ, свойственныхъ одному Ломоносову великолѣпія и пышности рѣчи. Поэтому, съ 1779 года избралъ я совершенно особый путь, руководствуясь наставленіями Баттэ и совѣтами друзей моихъ, Н. А. Львова, В. В. Капниста и Хемницера, при чемъ наиболѣе подражалъ Горацію. Однакожъ, не довѣряя ихъ похваламъ, я подъ своимъ именемъ ничего не изда-

[1] Слышано отъ графа Блудова и князя П. А. Вяземскаго.

[2] *Взглядъ на мою жизнь*, стр. 52.

[3] Князь Вяземскій (см. *Полное собраніе сочиненій* его, I, 16) выразилъ мысль, что Державинъ своимъ поэтическимъ развитіемъ отчасти былъ обязанъ и Петрову; но по крайней мѣрѣ въ собственныхъ сообщеніяхъ Гаврилы Романовича мы не находимъ ни малѣйшаго намека на это.

валъ, а исподоволь безъ подписи посылалъ свои стихи въ *С.-Петербургскій Вѣстникъ*, издатель котораго Брайко сообщалъ мнѣ, что читатели одобряютъ мои стихотворенія» [1].

Въ этой авторской исповѣди замѣчательна скромность, съ какою Державинъ говоритъ о себѣ въ сравненіи съ Ломоносовымъ; но въ сущности онъ такимъ признаніемъ не могъ ни произнести болѣе строгаго приговора поэзіи своего учителя, ни рѣшительнѣе похвалить самого себя. Дѣло въ томъ, что ему становилось невыносимо итти по слѣдамъ писателя, который въ поэтическомъ талантѣ много уступалъ ему, хотя по широтѣ генія и по образованію стоялъ гораздо выше. Общій характеръ господствовавшаго тогда рода поэзіи,—торжественныхъ одъ по образцу ломоносовскихъ,—заключался, при безжизненности содержанія, въ соблюденіи извѣстныхъ риторическихъ правилъ и украшеній и въ ораторской высокопарности («витійствѣ»). Державинъ, хотя и не сознавалъ ясно этихъ недостатковъ въ одахъ Ломоносова, но чувствовалъ, что не могъ въ такихъ оковахъ двигаться свободно, и испытывалъ безотчетную потребность быть вѣрнымъ истинѣ и природѣ. Эту потребность онъ созналъ еще яснѣе, когда познакомился съ теоріей Баттэ, который главнымъ требованіемъ искуства ставилъ «подражаніе изящной природѣ», а главною цѣлію — «нравиться» и вмѣстѣ «поучать». Хотя эта теорія и была еще далека отъ истины, но все же она болѣе прежнихъ давала простора таланту. Въ чемъ Державинъ послѣ того самъ полагалъ свой идеалъ поэзіи, видно изъ его обращенія къ Музѣ въ началѣ оды «Рѣшемыслу» [2]:

«Веселонравная, младая,
Нелицемѣрная, простая
Подруга Флаккова и *дщерь*
Природой даннаго мнѣ смысла»...

Послѣднія слова особенно знаменательны.

[1] VI, 443.
[2] I, 170.

Изъ приведеннаго выше признанія Державина легко понять, какую важную роль въ его поэтическомъ перерожденіи играли его новыя литературныя связи. Нельзя не пожалѣть, что онъ не сообщилъ намъ, когда и какъ познакомился съ названными имъ въ выписанномъ отрывкѣ людьми, но по собраннымъ нами изъ другихъ источниковъ свѣдѣніямъ мы можемъ предполагать, что изъ этихъ лицъ ранѣе другихъ сблизился онъ съ Капнистомъ, который въ 1772 году перешелъ изъ Измайловскаго полка въ Преображенскій, гдѣ тогда служилъ и Державинъ, воротившійся изъ Москвы въ 1770. По Измайловскому полку товарищемъ Капниста былъ Львовъ, который сошелся съ нимъ еще въ школѣ этого полка, а потомъ черезъ него могъ познакомиться и съ Державинымъ.

До возвращенія Державина изъ своей командировки нѣтъ никакихъ слѣдовъ его знакомства съ Хемницеромъ и Львовымъ. Можетъ-быть, онъ обратилъ на себя ихъ вниманіе своими Читалагайскими одами, изданными въ началѣ 1776 года; но вѣрнѣе, что онъ познакомился съ Львовымъ или черезъ Капниста, или въ то время, когда искалъ покровительства Безбородки. Мы видимъ, что вообще, по пріѣздѣ около этого времени въ Петербургъ, онъ пріобрѣтаетъ многія новыя знакомства и связи. Онъ самъ называетъ въ числѣ ихъ: А. П. Мельгунова (котораго пикники воспѣты имъ), князя А. И. Мещерскаго (извѣстнаго по одѣ на смерть его), С. В. Перфильева (къ которому поэтъ обращается въ этой одѣ), С. В. Беклемишева (вице-президента коммерцъ-коллегіи). Къ этимъ лицамъ можно прибавить: Я. И. Булгакова (съ которымъ онъ вскорѣ вступилъ въ переписку), Безбородку, графа А. Р. Воронцова и др. Тогда же поэтъ могъ встрѣтиться впервые съ Львовымъ и Хемницеромъ. Такимъ образомъ онъ попалъ въ литературный кружокъ, который и по положенію въ свѣтѣ, и по образованію принадлежавшихъ къ нему писателей, имѣлъ право считаться избраннымъ.

По вліянію, какое эти люди пріобрѣли на Державина, мы должны сообщить нѣсколько свѣдѣній о каждомъ изъ нихъ.

Одинъ Хемницеръ былъ почти ровесникомъ Державина (род. въ началѣ 1745 г.); Львовъ былъ семью, а Капнистъ цѣлыми

тринадцатью годами моложе нашего поэта. Несмотря на то, получивъ нѣсколько лучшее воспитаніе нежели онъ и зная иностранные языки, они могли быть ему полезны своими совѣтами.

Малороссіянинъ Василій Васильевичъ Капнистъ былъ второй сынъ Василія Петровича, который въ чинѣ бригадира, въ самый годъ рожденія этого сына (1757), былъ убитъ въ Семилѣтнюю войну, при Гросъ-Егерсдорфѣ. Прежде того императрица Елисавета пожаловала этому доблестному воину, за службу его, деревню Обуховку, лежащую въ одной изъ самыхъ живописныхъ мѣстностей Малороссіи (Полтавской губ. въ Миргород. уѣздѣ, на рѣкѣ Пслѣ). Онъ былъ женатъ два раза: первая жена его была дочь урядника; вторая — Дунина-Барковская, мать поэта [1]. Уже четырнадцати лѣтъ отроду юноша попалъ въ Петербургъ и поступилъ въ школу Измайловскаго полка; скоро онъ пристрастился къ литературѣ и сталъ съ жадностью просвѣщать себя чтеніемъ. Французскому языку онъ выучился вѣроятно дома, потому что уже лѣтъ девятнадцати писалъ на немъ не дурные стихи. Въ это время онъ былъ уже близокъ съ Державинымъ, и оба пріятеля, какъ мы узнаёмъ изъ ихъ рукописей, иногда работали вмѣстѣ: Капнистъ сочинилъ по-французски оду на кучукъ-кайнарджискій миръ; русскій подстрочный переводъ ея писанъ попеременно рукою то одного, то другого [2]. Впослѣдствіи Капнистъ перешелъ въ статскую службу и, благодаря Львову, сдѣлался его товарищемъ въ почтовомъ департаментѣ подъ начальствомъ Безбородки, но вскорѣ вышелъ въ отставку и поселился въ деревнѣ. Не обладая такимъ самобытнымъ талантомъ какъ Державинъ, Капнистъ далеко превосходилъ его въ свѣтскомъ образованіи, въ знаніи теоріи искуства, въ версификаціи и даже въ правильности русскаго языка, хотя и не могъ, въ употребленіи его, освободиться отъ слѣдовъ своего малороссійскаго происхожденія, даже на письмѣ. Знакомый

[1] Какъ мы слышали, у В. П. Капниста и отъ первой жены былъ сынъ, который разорился, и въ слѣдствіе того вдова мачеха начала тяжбу съ сосѣдомъ Тарновскимъ, присвоившимъ себѣ часть ихъ имѣнія. Эту тяжбу Василій Васильевичъ послѣ долгаго времени кончилъ полюбовно.

[2] I, 493.

и съ древними языками, Капнистъ содѣйствовалъ къ развитію въ Державинѣ любви къ Горацію, переводя для него цѣлыя оды и посланія римскаго поэта: въ бумагахъ Гаврилы Романовича нашлось нѣсколько русскихъ переводовъ съ греческаго и латинскаго, писанныхъ почеркомъ Капниста. На автографахъ стихотвореній Державина встрѣчаются поправки, сдѣланныя тою же рукой; онѣ означены въ нашемъ изданіи. Однажды Капнистъ передѣлалъ цѣлую пьесу Державина и предлагалъ свою редакцію въ замѣнъ первоначальной, отъ которой однакожъ поэтъ, къ счастью, не отказался: это была его *Ласточка* [1], одна изъ самыхъ удачныхъ по оригинальности и задушевности элегическихъ пьесъ его.

Николай Александровичъ Львовъ также не получилъ основательнаго воспитанія, но, будучи необыкновенно даровитъ и любознателенъ, онъ много читалъ, путешествовалъ и усвоилъ себѣ лоскъ свѣтскаго образованія. Какъ родственникъ М. Ф. Соймонова, начальника горнаго вѣдомства, онъ былъ вхожъ во многіе знатные дома. Особенно важно было для него сближеніе съ П. В. Бакунинымъ, который въ концѣ семидесятыхъ и началѣ восьмидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія игралъ видную роль въ нашемъ дипломатическомъ мірѣ. Бакунинъ пользовался уже расположеніемъ Панина, но получилъ еще болѣе вліянія при Безбородкѣ. Львовъ, служа въ коллегіи иностранныхъ дѣлъ, жилъ сперва у Бакунина, а потомъ переселился къ Безбородкѣ, которому тотъ рекомендовалъ его. О положеніи его при новомъ начальникѣ свидѣтельствуютъ подлинныя письма къ нему этого сановника, писанныя въ самомъ дружескомъ тонѣ*. Въ собраніи бумагъ Екатерины II, въ государственномъ архивѣ, нѣкоторыя изъ самыхъ интимныхъ писемъ ея сохраняются въ копіяхъ, писанныхъ, по порученію Безбородки, рукою Львова. Пламенный любитель всѣхъ отраслей искуства и знатокъ во многихъ изъ нихъ, — поэтъ, живописецъ, архитекторъ, механикъ, а отчасти и музыкантъ, Львовъ, въ этотъ вѣкъ изысканной роскоши и прихоти, былъ человѣкомъ неоцѣненнымъ для вельможи, неистощимаго въ заботахъ о возможно-великолѣп-

[1] I, 397.

номъ и изящномъ убранствѣ своего дома. По своимъ познаніямъ и опытности Львовъ вмѣстѣ съ тѣмъ былъ ловкимъ исполнителемъ служебныхъ порученій своего начальника [1]. Изъ художественныхъ работъ, исполненныхъ Львовымъ въ этой сферѣ дѣятельности, вниманія заслуживаютъ планъ церкви, воздвигнутой по волѣ императрицы въ Могилевѣ въ память бывшаго тамъ свиданія ея съ Іосифомъ II (планъ, одобренный ею предпочтительно передъ другими, тогда же представленными), и рисунки ордена св. Владиміра, учрежденнаго въ 1782 году.

Литературное развитіе Львова совершилось главнымъ образомъ подъ вліяніемъ французскихъ и италіянскихъ писателей: онъ любилъ легкую, шуточную поэзію, самъ писалъ стихи въ этомъ родѣ и между друзьями своими слылъ русскимъ Шапеллемъ: извѣстно, что въ то время каждый русскій писатель непремѣнно долженъ былъ уподобляться какому-нибудь иностранному образцу. Вмѣстѣ съ тѣмъ Львовъ щеголялъ остроуміемъ и оригинальностью въ литературныхъ взглядахъ; въ этомъ отношеніи онъ иногда составлялъ оппозицію общепринятымъ мнѣніямъ: такъ, признавая Ломоносова «богатыремъ русской словесности, сыномъ усилія, который трудности пересиливалъ дарованіемъ сверхъестественнымъ», онъ однакожъ указывалъ на «увѣчья», наносимыя языку этимъ писателемъ, и замѣчалъ между-прочимъ: «Ломоносовъ показалъ дорогу вездѣ просить милости. Я не считаю это ни благороднымъ подвигомъ, ни краснымъ словомъ, да и въ моральномъ смыслѣ не представляется мнѣ милость иначе, какъ простить преступленіе, и если милость безъ заслуги, то она, повѣрь мнѣ, чтó наказаніе невинному — угнетеніе общее; если же милость кто по заслугѣ получилъ, то она уже не милость, и слово сіе уменьшало бы достоинство дѣйствія; тогда бы была она только справедливость» [2]. Въ поэзіи Львовъ выше всего ставилъ простоту и естественность, зналъ уже цѣну народнаго языка и сказочныхъ преданій. Разнообразіемъ своихъ талантовъ и обширною дѣятельностію при его поло-

[1] *Соч. и письма Хемницера*, съ примѣчаніями Я. Грота, стр. 11.

[2] I, 359, также *Другъ просв.* 1804, III, № 9.

женіи въ высшемъ обществѣ, ему легко было пріобрѣсти репутацію тонкаго знатока искуствъ и мѣткаго критика. Такую репутацію составилъ онъ себѣ и при дворѣ и въ литературѣ [1].

Къ одной эстетической школѣ съ Львовымъ принадлежалъ и другъ его Хемницеръ. Сблизились они въ домѣ Соймонова, подъ начальство котораго свѣдущій въ горномъ дѣлѣ Хемницеръ поступилъ около 1770 года; лѣтъ черезъ шесть послѣ того Львовъ и онъ ѣздили съ Соймоновымъ за границу и вмѣстѣ были въ Парижѣ, посѣщали тамъ концерты и театры, восхищались игрой Лекена въ трагедіяхъ Корнеля, Расина и Вольтера. По общему обыкновенію того времени, Хемницеръ выступилъ на литературное поприще съ одою (на побѣду при Журжѣ, въ первую турецкую войну), напечатанною въ 1770 году; потомъ, въ 1774-мъ, онъ издалъ переводъ въ стихахъ героиды Дора́ «Письмо Барнвеля къ Труману изъ темницы» съ посвященіемъ Львову, котораго онъ уже называетъ «любезнымъ другомъ» и проситъ сообщить «безъ лести» свое мнѣніе объ этомъ переводѣ. Первые опыты Хемницера были чрезвычайно слабы: въ нихъ онъ еще плохо владѣетъ и языкомъ, и стихомъ; но вскорѣ, съ переходомъ къ баснѣ, онъ становится какъ бы новымъ человѣкомъ, усвоиваетъ себѣ простоту и естественность въ соединеніи съ народнымъ духомъ, какъ необходимымъ элементомъ новаго рода поэзіи, въ которомъ онъ созналъ свое призваніе. Это, конечно, не могло совершиться безъ вліянія Львова и Капниста. Ихъ усердное вмѣшательство въ авторскую дѣятельность Хемницера сдѣлалось въ недавнее время ясно изъ его рукописей, послужившихъ намъ основаніемъ для новаго изданія его трудовъ. Покойный М. А. Дмитріевъ справедливо замѣтилъ, что Хемницеръ «прошелъ черезъ сильное чистилище» [2].

Въ этомъ-то кругу вращался нашъ поэтъ, когда онъ говорилъ:

«Блаженъ. . . . .
Кто всю свою въ томъ ставитъ славу,
. . . .

[1] Тамъ же.
[2] *Мелочи изъ запаса моей памяти*, стр. 38.

Что всѣ сего блаженства міра
Находитъ онъ въ семьѣ своей,
Что нѣжная его Плѣнира
И вѣрныхъ нѣсколько друзей
Съ нимъ могутъ въ часъ уединенный
Дѣлить и скуку и труды»[1].

Въ самое то время, когда Хемницеръ въ первый разъ готовилъ къ печати свои басни, Державинъ, снова поселившійся въ Петербургѣ, присоединился къ кружку названныхъ литераторовъ и невольно подчинился вліянію ихъ эстетическихъ взглядовъ. Въ примѣчаніяхъ къ стихотворенію *Успокоенное невѣріе* онъ говоритъ, что эта первая по времени ода его (т. е. первая, написанная въ новомъ духѣ) была исправлена имъ вмѣстѣ съ друзьями его: Львовымъ, Капнистомъ, Хемницеромъ и А. С. Хвостовымъ, у послѣдняго въ домѣ[2]. Что́ касается Хвостова, то хотя онъ, какъ видно, попалъ въ этотъ кругъ черезъ сослуживца своего, Державина, но Львовъ и Хемницеръ не считали его своимъ; это доказываютъ многія направленныя противъ него эпиграммы Хемницера, обвиняющія его въ двоедушіи, въ томъ что и похвалу его, и брань можно купить и что онъ началъ нападать на стихи Львова, какъ скоро пересталъ нуждаться въ немъ[3].

Чѣмъ Державинъ былъ обязанъ этимъ друзьямъ, станетъ намъ понятно, если мы сравнимъ прежнія его стихотворенія съ тѣми, которыя онъ писалъ начиная съ 1779 года. Въ послѣднихъ мы находимъ образы и картины, взятые прямо изъ жизни, часто изъ простого быта, шуточныя и сатирическія выходки, народные обороты и неожиданныя, поражавшія своею новостью движенія. Какъ заклятые враги неестественной высокопарности, Львовъ и Хемницеръ безъ труда произвели рѣшительный переворотъ въ настроеніи и пріемахъ чуткаго поэта, а Капнистъ обратилъ его вниманіе на Горація. Хемницеръ, по

[1] *Видѣніе мурзы*. I, 160.
[2] I, 69.
[3] *Соч. и письма Хемницера*, стр. 353 и д.

ходатайству Львова, получилъ мѣсто консула въ Смирнѣ и тамъ черезъ два года (1784) умеръ печально, вдали отъ родины и друзей, въ полуварварскомъ краю, гдѣ былъ лишенъ почти всякаго сообщества съ образованными людьми. Во время своего отсутствія онъ постоянно переписывался съ Львовымъ: сохранившіяся письма бѣднаго изгнанника живо рисуютъ намъ его симпатическую личность и характеръ отношеній, связывавшихъ его съ покинутыми друзьями. Львовъ остался надолго главнымъ эстетическимъ совѣтникомъ Державина, который показывалъ ему, до выпуска въ свѣтъ, большую часть своихъ сочиненій; на многихъ рукописяхъ его сохранились сдѣланныя Львовымъ замѣтки и измѣненія, отчасти принятыя поэтомъ, какъ видно изъ печатныхъ текстовъ. Поправками Капниста онъ пользовался рѣже. Позднѣе въ окончательной отдѣлкѣ стихотвореній Державина сталъ принимать участіе И. И. Дмитріевъ. Не надо, однакожъ, преувеличивать этого значенія друзей нашего лирика въ его авторствѣ: у него была достаточная доза самоувѣренности и самолюбія, чтобы не слишкомъ легко подаваться на требованія поправокъ въ своихъ стихахъ. Само собою разумѣется, что внимательнѣе къ чужимъ совѣтамъ онъ былъ вначалѣ, пока не сдѣлался изъ ученика мастеромъ и не почувствовалъ, что твердо сталъ на ноги. Нѣтъ сомнѣнія, что и эстетическое чувство Катерины Яковлевны не осталось безъ вліянія на его духовное развитіе. Любовь Плѣниры придала какъ бы новыя крылья его таланту. Мы видимъ, что въ первые годы послѣ его женитьбы являются одно за другимъ многія изъ самыхъ знаменитыхъ его стихотвореній. Ода *Успокоенное невѣріе* была напечатана въ іюнѣ 1779 года въ *Академическихъ Извѣстіяхъ*, ученомъ журналѣ, который издавался при Академіи наукъ и которымъ, въ разное время, завѣдывали Румовскій, Крафтъ, Озерецковскій и Головинъ [1]. Въ этомъ журналѣ еще ранѣе, именно въ февралѣ того же года, явилось слабое стихотвореніе Державина *Пѣснь Екатеринѣ Великой* [2], котораго впослѣдствіи

[1] *Ученыя Записки Акад. наукъ*, изд. Куникомъ I, CXXXVI.

[2] III, 334.

онъ не помѣстилъ въ собраніи своихъ стихотвореній. *Успокоенное невѣріе* было, по его словамъ, первою одой его, пріобрѣтшей извѣстность, но съ бо́льшимъ блескомъ талантъ его явился въ другомъ журналѣ.

4. Участіе въ «С.-Петербургскомъ Вѣстникѣ».

Еще прежде напечатанія названныхъ двухъ стихотвореній въ *Академическихъ Извѣстіяхъ*, Державинъ сдѣлался постояннымъ сотрудникомъ *С.-Петербургскаго Вѣстника*. Этотъ ежемѣсячный журналъ возникъ въ началѣ 1778 года, предпринятый, какъ было сказано въ объявленіи, «обществомъ любителей наукъ» на счетъ книгопродавца Вейтбрехта. Кто именно были издатели, мы въ точности не знаемъ; Державинъ главнымъ изъ нихъ называетъ Брайко. Есть поводъ думать, что дѣятельное участіе въ этомъ изданіи, особенно въ правительственной части его, принималъ Арндтъ, извѣстный многими переводами съ русскаго на нѣмецкій языкъ и издававшій «St.-Petersburger Journal», гдѣ, въ концѣ 1777 года, и явилась подробная программа *С.-Петербургскаго Вѣстника*[1]. Г. Неустроевъ въ своемъ «Историческомъ розысканіи о русскихъ повременныхъ изданіяхъ»[2] полагаетъ, что этотъ журналъ основался въ слѣдствіе распаденія редакціи *Собранія Новостей*, къ которой принадлежалъ и Брайко. *С.-Петербургскій Вѣстникъ* былъ довольно замѣчательнымъ для своего времени журналомъ: несмотря на свой малый объемъ, онъ, сравнительно съ своими предшественниками, если исключить *Ежемѣсячныя сочиненія* академика Г. Ф. Миллера, былъ богатъ содержаніемъ и многостороненъ. Издатели старались соединить въ немъ съ литературнымъ интересомъ практическія свѣдѣнія разнаго рода. Онъ состоялъ изъ двухъ отдѣловъ: учено-литературнаго и правительственнаго; первый содержалъ, между-прочимъ, и библіографію, иногда съ критическими замѣчаніями, и матеріалы для русской исторіи; во вто-

[1] См. объ Арндтѣ въ моей статьѣ *Филологическія занятія Екатерины II*, *Русск. Архивъ* 1877 г., стр, 440—442.

[2] Стр. 217.

ромъ помѣщались правительственныя постановленія, политическія и придворныя извѣстія. Подписная цѣна была: въ Петербургѣ 4 р., а въ провинціи 4 р. 50 к. Несмотря на эту дешевизну и на относительное достоинство журнала, число подписчиковъ его въ 1779 году не превышало 292. «Вѣстникъ» издавался три съ половиною года, срокъ довольно продолжительный для тогдашнихъ, вообще недолговѣчныхъ журналовъ; только сборникъ Миллера просуществовалъ цѣлое десятилѣтіе. Лучшіе писатели того времени, Княжнинъ, Капнистъ, Хемницеръ, были въ числѣ сотрудниковъ *С.-Петербургскаго Вѣстника;* къ нимъ присоединился новый, въ то время еще неизвѣстный поэтъ, который именно тогда готовился вступить въ лучшій періодъ своего развитія и вскорѣ всѣхъ ихъ затмилъ: это былъ Державинъ. Въ каждой изъ семи частей (шесть книжекъ составляли часть) этого журнала мы находимъ по одному или болѣе стихотвореній его, однакожъ всегда безъ подписи.

Въ іюньской и іюльской книжкахъ 1778 года напечатаны его двѣ замѣчательныя *Пѣсни Петру Великому*, написанныя еще за два года передъ тѣмъ по поводу изготовленія знаменитой статуи Фальконета. Появленіе этихъ пѣсенъ въ журналѣ доставило имъ нѣкоторую извѣстность, особенно между масонами, которые почитали память Петра за то, что онъ, забывая свой санъ, трудился какъ простой смертный, и видѣли, что Державинъ воздалъ похвалу духу смиренія и христіанскаго братства, выражавшемуся въ дѣлахъ великаго монарха:

«Лучи величества скрывая,
Простымъ онъ воиномъ служилъ;
Вождей искуству научая,
Онъ самъ полки на брань водилъ.
Владыка будучи полсвѣта,
Герой въ поляхъ и на моряхъ,
Не презиралъ давать отчета
Своимъ рабамъ въ своихъ дѣлахъ»[1]...

[1] I, 32 и 33.

Разсказывая, что одна изъ этихъ пѣсенъ вошла въ большое употребленіе у масоновъ, Державинъ прибавляетъ, что они не разъ старались привлечь и его въ свои ложи, но что онъ никогда не подавался на ихъ приглашенія.

Въ сентябрѣ 1777 года И. И. Шуваловъ, послѣ четырнадцатилѣтняго отсутствія, наконецъ возвратился изъ чужихъ краевъ, куда онъ удалился въ началѣ царствованія Екатерины II, чувствуя себя не на мѣстѣ при дворѣ ея. Это возвращеніе было событіемъ въ глазахъ всѣхъ, цѣнившихъ заслуги и прежнее значеніе просвѣщеннаго вельможи. Многіе стихотворцы привѣтствовали его пріѣздъ; въ числѣ ихъ былъ и Державинъ. Въ августовской книжкѣ *С.-Петербургскаго Вѣстника* за 1779 годъ прочли «эпистолу» къ Шувалову, которая отзывалась подражаніемъ ломоносовскому посланію къ тому же вельможѣ и также была написана александрійскими стихами. Бакмейстеръ, заявляя въ своей Russische Bibliothek о появленіи этого посланія, замѣтилъ, что слово «эпистола» начинаетъ входить въ употребленіе и между русскими писателями [1].

«Предстатель россскихъ музъ, талантовъ покровитель,
Любимецъ ихъ и другъ, *мой вождь и просвѣтитель,*
Который истинну хвалу себѣ снискалъ,
Что въ счастьи не однимъ лишь счастіемъ блисталъ,
Любилъ отечество, науки ободряя,
Художества и вкусъ изящный насаждая
Елисаветиныхъ средь радостныхъ годовъ,
Былъ въ младости министръ, въ вельможѣ философъ,
Природой одаренъ и просвѣщенъ ученьемъ» [2].

Такъ начинаетъ поэтъ; далѣе онъ приглашаетъ знаменитаго мецената продолжать при Екатеринѣ II дѣло своей юности и превозноситъ его заслуги; въ концѣ авторъ даетъ знать о себѣ, указывая, что этотъ «лирный звонъ» идетъ

«съ предѣловъ болгарскихъ, съ отпадшихъ странъ Луны»,

[1] Russ. Bibl. V, 223.
[2] I, 51.

гдѣ Іоаннъ Грозный воздвигъ крестъ, гдѣ Елисавета чрезъ Шувалова водворила музъ и т. д. По этимъ признакамъ легко было угадать въ авторѣ бывшаго питомца казанской гимназіи: «эпистола» могла быть написана или, по крайней мѣрѣ, окончена во время пребыванія Державина въ Казани, когда онъ ѣздилъ туда вскорѣ послѣ своей женитьбы. Но посланіе это хотя дышитъ искренностью и не лишено теплоты, написано тяжелыми стихами, языкомъ часто неправильнымъ и страдаетъ неумѣстно-дидактическимъ тономъ, при множествѣ неудачныхъ выраженій; Державинъ самъ понялъ это впослѣдствіи и, сначала помѣстивъ «Эпистолу» въ собраніи своихъ сочиненій, исключилъ ее изъ второго изданія ихъ.

И вдругъ черезъ мѣсяцъ послѣ нея въ *Вѣстникѣ* явилась пьеса, въ которой никто не могъ бы узнать того же автора, и многіе спрашивали: кто писалъ это? кто этотъ новый талантъ, такъ много обѣщающій? Это была ода *на смерть князя Мещерскаго*, поразившая читателей небывалою звучностью стиха, силою и сжатостью поэтическаго выраженія, наконецъ величіемъ образовъ, въ которые облечена печальная истина о непрочности жизни и благъ ея. Въ концѣ поэтъ неожиданно обращается къ самому себѣ (I, 94):

«Какъ сонъ, какъ сладкая мечта,
Исчезла и моя ужъ младость:
Не сильно нѣжитъ красота,
Не столько восхищаетъ радость,
Не столько легкомысленъ умъ,
Не столько я благополученъ:
Желаніемъ честей размученъ;
Зоветъ, я слышу, славы шумъ».

Здѣсь Державинъ, сознавая свою возрастающую силу и въ общественномъ положеніи своемъ, и въ литературѣ, невольно рисуется передъ читателемъ. Такой оборотъ оды былъ для того времени и новъ, и смѣлъ.

Послѣ этой оды въ октябрьской книжкѣ находимъ: *Ключъ*, въ декабрьской стихи *на рожденіе порфиророднаго отрока*, да-

лѣе оды: *на отсутствіе государыни въ Бѣлоруссіи* (1780, май), и *къ первому сосѣду* (августъ), застольную пѣснь *Кружка* (сентябрь), наконецъ оду *Властителямъ и судьямъ* (ноябрь), не упоминая о другихъ, менѣе замѣчательныхъ, стихотвореніяхъ. Мы видимъ, что производительность Державина постепенно усиливается, а въ то же время становится и разнообразнѣе.

Въ одѣ *Ключъ* высказалась любовь къ поэзіи въ благоговѣніи къ Хераскову, который въ то время занималъ мѣсто куратора Московскаго университета и считался звѣздою первой величины на горизонтѣ русской литературы. Поэтъ, лично съ нимъ знакомый, переносится мыслью въ его подмосковное имѣніе Гребенево, рисуетъ картину тамошняго ключа и выражаетъ желаніе имѣть такую же чистую мысль и такой же звучный голосъ [1].

Стихи на рожденіе порфиророднаго отрока (великаго князя Александра Павловича) и на отъѣздъ императрицы въ Бѣлоруссію отличаются своею игривою легкостью. Тѣ и другіе, особливо же первые, въ которыхъ всего удачнѣе описаніе зимы, приводили въ восторгъ нѣсколько поколѣній и заучивались наизусть. И дѣйствительно, живость красокъ, разнообразіе и пластичность картинъ, прелесть языка, неслыханныя до того плавность и музыкальность стиха не могли не производить сильнаго впечатлѣнія на читателей. Но еще замѣчательнѣе была человѣчность понятій и чувствъ, выраженныхъ въ обѣихъ пьесахъ. Стихи, изображающіе приношеніе послѣдняго изъ слетѣвшихъ къ новорожденному геніевъ:

«Но послѣдній, добродѣтель
Зараждаючи въ немъ, рекъ:
Будь страстей своихъ владѣтель,
Будь на тронѣ человѣкъ и т. д.» [2], —

эти стихи, впослѣдствіи часто приводившіеся какъ пророчество, были въ свое время знаменательны, какъ выраженіе

[1] I, 77.
[2] I, 84.

требованія, которое уже начинало шевелиться въ русскомъ обществѣ и органомъ котораго являлся поэтъ, какъ одинъ изъ передовыхъ людей эпохи. Этотъ голосъ былъ конечно въ связи съ тѣми гуманными идеями, которыя вносились въ жизнь націи самымъ духомъ царствованія Екатерины, ея примѣромъ, ея законами и учрежденіями, о чемъ во второй изъ названныхъ пьесъ самъ поэтъ такъ выражается, описывая упомянутый выше барельефъ:

«Человѣчество тобою,
Истина и Совѣсть въ судъ
Сей начальствовать страною
Въ велелѣпіи грядутъ;
Благодать на нихъ сіяетъ,
Памятникъ изображаетъ
Твой изъ радужныхъ лучей;
Злость поверженна скрежещетъ,
Въ узахъ Ябеда трепещетъ» [1] и проч.

Позднѣйшая критика, не разъ утверждавшая, что Державинъ въ своихъ одахъ воспѣвалъ только блестящія побѣды и празднества царствованія Екатерины, совершенно упускала изъ виду ту сторону его поэзіи, образчикомъ которой можетъ служить приведенный краткій отрывокъ и которая впослѣдствіи нашла себѣ болѣе полное выраженіе въ одахъ, отмѣченныхъ именемъ Фелицы. Въ этой-то сторонѣ поэзіи Державина заключается, можетъ-быть, одно изъ главныхъ ея значеній для своего времени и вообще для русской мысли.

Въ нѣкоторыхъ изъ перечисленныхъ одъ являются не менѣе важные тоны, мысли и картины другого порядка; въ нихъ поэтъ напоминаетъ человѣку строгіе уроки жизни, превосходство и торжество духовнаго міра надъ тѣлеснымъ, обманчивый

[1] I, 97. Эти же мысли въ разнообразныхъ подробностяхъ развиты позднѣе въ *Изображеніи Фелицы*, гдѣ между-прочимъ поэтъ влагаетъ въ уста Екатерины слова: «Я человѣкъ» (I, 289). Тутъ же Наказъ ея названъ: «Скрижаль заповѣдей святыхъ».

блескъ земныхъ честей и наслажденій. Противоположность смерти и жизни, горя и радости рѣзко представляется намъ въ одѣ *къ первому сосѣду*, гдѣ яркими красками изображены роскошь и развратъ богатаго откупщика (Голикову) [1].

Застольная пѣсня *Кружка* [2], благодаря своему искренно-веселому тону и вполнѣ русскому складу, имѣла необыкновенный успѣхъ. Позднѣе она была положена на музыку придворнымъ музыкантомъ Трутовскимъ и вошла въ моду; въ Преображенскомъ полку, въ которомъ нѣкогда служилъ Державинъ, ее пѣли еще недавно, можетъ-быть поютъ еще и теперь; она изрѣдка слышится до сихъ поръ въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи.

Знаменитая ода *Властителямъ и судьямъ* [3], отданная также въ *С.-Петербургскій Вѣстникъ*, подверглась особенной участи: ее напечатали было въ ноябрьской книжкѣ 1780 года на самой первой страницѣ (подъ заглавіемъ: «Преложеніе 81-го псалма»), но передъ выпускомъ этого нумера положено было исключить ее и замѣнить разгонисто перепечатаннымъ началомъ повѣсти, которая за нею слѣдовала. Однакожъ, къ счастью библіографовъ, во всѣхъ извѣстныхъ намъ экземплярахъ этого журнала, листокъ съ одою сохранился, только надорванный, а перепечатанныя страницы приложены къ концу книжки. Какъ это сдѣлалось, о томъ не дошло до насъ никакихъ свѣдѣній. Самъ Державинъ, какъ кажется, впослѣдствіи забылъ это обстоятельство: въ своихъ объясненіяхъ онъ говоритъ, что названная ода въ первый разъ была напечатана въ *Зеркалѣ Свѣта*, гдѣ она появилась однакожъ не прежде 1787 года. Было высказано мнѣніе, будто запрещеніе ея находилось въ связи съ прекращеніемъ *Вѣстника* въ половинѣ слѣдующаго года [4], но для такого предположенія нѣтъ никакихъ данныхъ, да оно и невѣроятно, такъ какъ журналъ продолжался еще цѣлыхъ шесть мѣсяцевъ. Превосходство этой оды, по смѣлости ея содержа-

[1] I, 102.
[2] I, 46.
[3] I, 109.
[4] Неустроевъ. *Историческое розысканіе*, стр. 240.

нія и силѣ выраженія, такъ несомнѣнно, что еще и въ наше время, критики, которыхъ никакъ нельзя подозрѣвать въ пристрастіи къ Державину, видѣли въ ней гражданскую заслугу.

На одѣ *Властителямъ и судьямъ* можно лучше всего прослѣдить, какъ Державинъ постепенно вырабатывалъ нѣкоторыя изъ своихъ стихотвореній. Въ автографахъ его оказалось нѣсколько редакцій этой оды, и разница между первоначальнымъ и окончательнымъ текстомъ очень значительна: такимъ образомъ замѣчаніе И. И. Дмитріева, будто Державинъ, хотя охотно брался за передѣлку своихъ стиховъ, но рѣдко имѣлъ въ томъ удачу, далеко не во всѣхъ случаяхъ оправдывается. Изъ многократныхъ передѣлокъ, которымъ онъ въ разсматриваемую эпоху подвергалъ свои стихотворенія (напр. оду *На рожденіе порфиророднаго отрока* онъ перерабатывалъ три раза), можно только вывести заключеніе, что онъ много потрудился надъ своимъ поэтическимъ развитіемъ и что его слава не дешево ему досталась.

Въ большей части помѣщенныхъ въ *С.-Петербургскомъ Вѣстникѣ* стихотвореній Державина выражалось его новое эстетическое направленіе. Конечно, изъ вышеприведенныхъ словъ его[1] еще нельзя положительно выводить заключенія, что онъ въ своемъ творчествѣ строго держался теоріи, вычитанной у Баттё или заимствованной изъ совѣтовъ друзей; несмотря на то, однакожъ, мы можемъ, до нѣкоторой степени, изъ тогдашнихъ его одъ извлечь общія начала, которымъ онъ слѣдовалъ, тѣмъ болѣе что впослѣдствіи самъ онъ высказалъ ихъ въ своемъ *Разсужденіи о лирической поэзіи.* Здѣсь онъ говоритъ между прочимъ: «Величіе, блескъ и слава сего міра проходятъ, но правда, гремящая въ псалмопѣніяхъ славословіе Всевышнему, пребываетъ и пребудетъ вовѣки! По сему-то, думаю я, болѣе, а не по чему другому, дошли до насъ оды Пиндара и Горація, что и въ первомъ блещутъ искры богопочтенія и наставленія царямъ а во второмъ, при сладости жизни, правила любомудрія. Въ разсужденіи чего нравоученіе, кратко, кстати и хорошо сказанное, не только не портитъ высокихъ лирическихъ пѣсней, но даже

[1] См. стр. 275.

ихъ и украшаетъ»[1]. Эти слова объясняютъ намъ тотъ съ одной стороны возвышенный, съ другой — сатирическій характеръ, которымъ отличается поэзія Державина. Торжество вѣчнаго и духовнаго надъ преходящимъ и тлѣннымъ, вотъ главная тема ея. Мысль о поученіи, какъ одномъ изъ элементовъ поэзіи, конечно согласовалась съ природнымъ настроеніемъ ума нашего лирика и могла развиться особенно подъ вліяніемъ Горація; другое же требованіе піитики Державина — блестящія, живыя картины — какъ нельзя болѣе отвѣчало его богатому воображенію, и мы не можемъ не признать справедливымъ замѣчанія, давно сдѣланнаго нашею критикой, что онъ въ своихъ одахъ является по преимуществу поэтомъ-философомъ и живописцемъ. У него избранная тема служитъ по большей части только поводомъ къ развитію тѣхъ мыслей и картинъ, въ которыхъ заключается настоящее содержаніе его одъ; такъ напр. въ одѣ *На смерть князя Мещерскаго* лишь нѣсколько стиховъ относятся къ умершему, сущность же стихотворенія составляютъ остальныя девять строфъ. При такой свободѣ творчества можно отчасти согласиться съ мнѣніемъ Гэте, что «стихи на случай» (das Gelegenheitsgedicht) — первый и самый истинный родъ поэзіи[2].

Стихотворенія Державина, напечатанныя въ *С.-Петербургскомъ Вѣстникѣ*, безъ сомнѣнія тогда уже обратили на себя нѣкоторое вниманіе: на это намекаютъ собственныя слова его, что издатель журнала, «печатая ихъ, сообщалъ ему извѣстіе, что публика творенія его одобряетъ»[3]. Но такъ какъ они печатались безъ всякой подписи, и журналъ Брайко не имѣлъ обширнаго круга читателей, то ошибочно было бы думать, что Державинъ уже въ эту пору пріобрѣлъ извѣстность въ публикѣ. Къ числу людей, оцѣнившихъ новый талантъ, принадлежалъ И. И. Дмитріевъ, который жилъ въ Петербургѣ, но еще не былъ лично знакомъ съ Державинымъ. Впослѣдствіи Дмитріевъ самъ отдалъ намъ отчетъ о впечатлѣніи, какое на него тогда произ-

[1] VII, 292 и 569.

[2] Göthes Werke, XXV. Dichtung und Wahrheit. 10-s Buch, на 1-й стр.

[3] VI, 443.

водили стихи Державина. «Долго я не зналъ», говоритъ онъ, «объ имени автора упомянутыхъ стихотвореній. Хотя самъ писалъ и худо, но по какому-то чутью находилъ въ нихъ болѣе силы, живописи, болѣе, такъ-сказать, свѣжести, самобытности нежели въ стихахъ извѣстныхъ мнѣ современныхъ нашихъ поэтовъ. Къ удивленію, должно замѣтить, что ни въ обществахъ, ни даже въ журналахъ того времени не говорено было ничего объ этихъ прекрасныхъ стихотвореніяхъ. Малое только число словесниковъ — друзей Державина, чувствовали всю ихъ цѣну. Извѣстность его началась не прежде, какъ послѣ первой оды къ Фелицѣ» [1].

5. Ода Фелицѣ. Ея происхожденіе и послѣдствія.

Было уже показано, что Державинъ давно искалъ формы для выраженія мыслей, которыя ему внушала Екатерина; наконецъ сама она помогла ему найти эту форму и попасть на совершенно новый тонъ въ изображеніи ея дѣлъ и характера. Императрица, принимая дѣятельное участіе въ воспитаніи своихъ внуковъ, придумывая средства для развитія ихъ ума и сердца, написала для великаго князя Александра Павловича (когда ему еще не было и четырехъ лѣтъ) сказку о царевичѣ Хлорѣ. Въ этой сказкѣ, напечатанной въ 1781 году, молодой кіевскій царевичъ, гуляя, попадаетъ въ плѣнъ къ киргизскому хану, а этотъ приказываетъ ему найти *розу безъ шиповъ*, т. е. добродѣтель. Чтобы облегчить царевичу эту задачу, является дочь хана, веселая и любезная *Фелица*, но такъ какъ ее не отпускаетъ суровый мужъ ея, султанъ *Брюзга*, то она высылаетъ къ ребенку своего сына, *Разсудокъ*, который и провожаетъ его. На пути Хлоръ подвергается разнымъ искушеніямъ и между-прочимъ его зазываетъ въ избу свою мурза *Лѣнтягъ*, чтобы соблазнами отвратить его отъ цѣли. Но Разсудокъ насильно увлекаетъ его и приводитъ къ крутой каменистой горѣ, гдѣ растетъ роза безъ шиповъ. Взобравшись на гору, царевичъ срываетъ завѣтный

[1] *Взглядъ на мою жизнь*, стр. 53.

цвѣтокъ и спѣшитъ къ хану, который возвращаетъ мальчика отцу.

Этой-то аллегоріей, во вкусѣ бывшихъ тогда въ большомъ ходу восточныхъ сказокъ, и воспользовался Державинъ для своей оригинальной оды. Перенеся имя Фелицы на Екатерину, онъ начинаетъ обращеніемъ къ ней:

«Богоподобная царевна
Киргизъ-кайсацкія орды,
Которой мудрость несравненна
Открыла вѣрные слѣды
Царевичу младому Хлору
Взойти на ту высоку гору,
Гдѣ роза безъ шиповъ растетъ,
Гдѣ добродѣтель обитаетъ!
Она мой духъ и умъ плѣняетъ:
Подай найти ее совѣтъ» [1].

Счастливая идея, вдохновившая поэта, ведетъ его къ цѣлому ряду другихъ оригинальныхъ мыслей. Царевнѣ, идеалу добродѣтели, онъ противополагаетъ себя, какъ одного изъ ея мурзъ, — воплощеніе всякихъ недостатковъ. Въ шуточномъ тонѣ развиваются достоинства Фелицы и слабости ея вельможъ, при чемъ ловкими намеками задѣваются приближенные Екатерины — Потемкинъ, графъ Орловъ, князь Вяземскій и др. Какія же совершенства государыни тутъ восхваляются? Простота ея образа жизни, кабинетный трудъ, отсутствіе суевѣрія и изувѣрства; кротость, человѣколюбіе, правосудіе, любовь къ литературѣ. Въ мурзахъ же затрогиваются: лѣнь и нѣга, прихотливость, любовь къ пышности, сластолюбіе. При этомъ кстати являются черты современныхъ нравовъ въ противоположности съ прежними, припоминаются времена Анны Іоанновны, еще живущія въ свѣжемъ преданіи, выставляются мудрыя учрежденія, либеральные законы Екатерины. Словомъ, въ Фелицѣ представлено полное

[1] I, 129.

воплощеніе мечты поэта, выраженной при рожденіи старшаго внука государыни, — желанія видѣть «на тропѣ человѣка». Особенную прелесть изображеніямъ придавалъ игривый характеръ оды, при небывалой до тѣхъ поръ легкости и звучности стиха; шутка была въ духѣ Екатерины: Державинъ понялъ это и умѣлъ примѣниться къ ея вкусу. Замысловатая насмѣшка составляетъ, какъ извѣстно, господствующую черту русскаго народнаго ума, и потому можно сказать, что Державинъ, давъ одѣ національный оттѣнокъ, завершилъ развитіе этого рода поэзіи на русской почвѣ.

Вотъ почему намъ совершенно понятенъ успѣхъ «Фелицы» не только при дворѣ, но и въ публикѣ. Ода эта рисуетъ намъ въ яркихъ краскахъ дворъ Екатерины и жизнь вельможъ ея, исполненную фантастической роскоши, барской прихоти и страсти къ наслажденіямъ. Тутъ отразилась цѣлая сторона русскаго общества 18-го вѣка; современники узнавали здѣсь себя, видѣли знакомые лица и нравы, и не могли не восхищаться сходствомъ мастерской картины. Въ свою очередь и сама Екатерина съ удовольствіемъ увидѣла здѣсь идеалъ, къ которому она искренно стремилась. *Фелицей* Державинъ еще болѣе уяснилъ ей этотъ идеалъ, и сдѣлался, такъ-сказать, истолкователемъ его для другихъ, начерталъ *популярное* изображеніе императрицы; никто еще не говорилъ о ней всенародно съ такимъ одушевленіемъ и простотою. Неудивительно, что она въ самомъ дѣлѣ была тронута этимъ изображеніемъ, и мы можемъ вѣрить Державину, когда онъ разсказываетъ, что ода Фелицѣ послужила поводомъ къ «сепаратному указу, посланному въ Тамбовъ, которымъ колодниковъ, содержавшихся тамъ за оскорбленіе величества, запрещено было отправлять въ тайную, а велѣно кончить дѣло обыкновеннымъ порядкомъ уголовныхъ дѣлъ» [1].

Съ другой стороны, по смѣлости нѣкоторыхъ шуточныхъ намековъ оды на сильныхъ людей, мы не имѣемъ причины сомнѣваться и въ увѣреніи Державина, что онъ не рѣшался показывать «Фелицы», боясь послѣдствій ея для себя. Конечно шут-

[1] Тетрадь 1805 года.

ки оды были добродушны, въ нихъ дѣло шло о слабостяхъ сравнительно невинныхъ, но всетаки спрашивалось: захотятъ ли вообще великіе міра сего быть предметомъ шутки? потерпятъ ли они, какъ тогда выражались, «издѣвку» надъ собою? Посмотримъ, какъ самъ поэтъ, въ самомъ раннемъ изъ дошедшихъ до насъ автобіографическихъ разсказовъ своихъ, даетъ отчетъ о постепенномъ оглашеніи «Фелицы» [1].

«По сочиненіи оды авторъ показалъ ее собравшимся у него друзьямъ своимъ, Н. А. Львову, В. В. Капнисту и Хемницеру, которые хотя были ею довольны, однакожъ не совѣтовали выдавать ее въ свѣтъ, опасаясь, чтобъ нѣкоторые вельможи не приняли чего на свой счетъ и не сдѣлались бы его врагами; что̀ онъ и исполнилъ, спрятавъ рукопись въ свое бюро, гдѣ она цѣлый годъ, никому неизвѣстная, и сохранялась» [2]. Онъ жилъ тогда на Литейной въ домѣ П. В. Неклюдова, вмѣстѣ съ Козодавлевымъ, своимъ сослуживцемъ по экспедиціи о государственныхъ доходахъ. Разъ, въ 1782 году, понадобилось ему пойти въ свое бюро; случившійся тутъ Козодавлевъ, увидя рукопись, прочелъ изъ нея нѣсколько строкъ и, подъ клятвой никому постороннему не показывать, выпросилъ позволеніе дать ее прочесть теткѣ своей Аннѣ Осиповнѣ Бобрищевой-Пушкиной [3], любившей поэзію и особенно стихи Державина. Ввечеру того же дня поэтъ получилъ оду обратно, но черезъ нѣсколько дней, противъ всякаго чаянія, услышалъ, что она открыто читана въ домѣ И. И. Шувалова на обѣдѣ, въ присутствіи многихъ знатныхъ гостей (графа А. П. Шувалова, Завадовскаго, Стрекалова, Безбородки). Шуваловъ, призвавъ его къ себѣ, спрашиваетъ съ безпокойствомъ: «Какъ намъ быть? и что дѣлать? Оду вашу требуетъ къ себѣ князь Г. А. Потемкинъ: то отсылать ли ее къ нему такъ, какъ она есть, или выкинуть нѣкоторыя мѣста, кои

[1] Тетрадь 1805 года.

[2] Передавая этотъ отрывокъ, который до сихъ поръ въ цѣлости еще не былъ извѣстенъ, позволяю себѣ только нѣкоторыя измѣненія въ оборотахъ, при чемъ означаю ковычками тѣ мѣста, которыя остаются въ первоначальномъ видѣ.

[3] См. V, 489 и 526.

его изображаютъ?» Державинъ удивился, спросилъ, какъ Шуваловъ про нее знаетъ. Тотъ отвѣчалъ, что она у него есть, и признался, что получилъ ее подъ великимъ секретомъ; но, по случаю бывшаго за столомъ разговора о поэзіи и замѣчанія, что у насъ нѣтъ еще того легкаго рода, какимъ славится Франція, — любя автора, не вытерпѣлъ чтобы къ чести его не прочитать вслухъ перваго въ этомъ родѣ на русскомъ языкѣ сочиненія». Они де его чрезвычайно хвалили, но при всемъ томъ онъ опасается, чтобы князь Потемкинъ на Державина не разсердился. — Кто же Потемкину сказывалъ? — Андрей Петровичъ Шуваловъ: онъ, какъ человѣкъ придворный, видно хотѣлъ тѣмъ подслужиться. — Ежели это сочиненіе уже извѣстно стало, то когда вы его не пошлете или что-нибудь изъ него выкинете, князь въ самомъ дѣлѣ можетъ подумать, что оно на его счетъ написано; но какъ оно не что иное какъ изображеніе страстей человѣческихъ, писанное безъ всякаго намѣренія, то я подписываю на немъ свое имя и прошу отослать къ требователю. «Отозвавшись такимъ образомъ» (продолжаетъ самъ Державинъ), «хотя показалъ видъ бодрости, однакоже безпокоился, чтобы столь сильный человѣкъ, каковъ Потемкинъ, не растолковалъ стиховъ въ дурную сторону и не сдѣлалъ какихъ-нибудь непріятныхъ внушеній императрицѣ, и потому онъ разсказалъ про это обстоятельство другу своему Н. А. Львову, прося его развѣдать, чтó думаетъ графъ Безбородко, и не можетъ ли онъ предупредить съ лучшей стороны государыню. Львовъ, будто ненарочно прочитывая наизусть нѣкоторые стихи, вызывалъ тѣмъ графа на объявленіе его мыслей; хотя тотъ также хвалилъ ихъ, но говорилъ ли что-нибудь императрицѣ, неизвѣстно». Вскорѣ послѣ того, когда княгиня Дашкова сдѣлана была директоромъ Академіи наукъ, то Козодавлевъ, назначенный при ней совѣтникомъ, показалъ ей эту пьесу. Ода Державина подала ей мысль предпринять изданіе журнала *Собесѣдникъ любителей россійскаго слова*. Никого не предваривъ о томъ, она приказала напечатать Фелицу на первомъ листѣ этого журнала и поднесла на одобреніе государыни. Это было въ воскресенье, когда княгиня обыкновенно ѣздила во дворецъ съ докладомъ по академіи. На другое утро ра-

но императрица посылаетъ за ней. Дашкова застаетъ ее прослезившеюся, съ журналомъ въ рукахъ. «Кто, спросила она, авторъ Фелицы, который меня такъ тонко знаетъ?» Черезъ нѣсколько дней, когда Державинъ по обыкновенію обѣдалъ у своего начальника, князя Вяземскаго, скоро послѣ стола сказываютъ ему, что его спрашиваетъ почталіонъ. Онъ выходитъ и получаетъ большой конвертъ съ надписью: «Изъ Оренбурга отъ Киргизъ-кайсацкой царевны Державину». Въ конвертѣ была золотая табакерка, осыпанная брильянтами, и въ ней пятьсотъ червонцевъ (тысячи на три руб., какъ поэтъ пояснилъ въ письмѣ къ Дашковой); онъ идетъ къ князю, и спрашиваетъ, принять ли присланный подарокъ. Тотъ сперва грозно на него взглянулъ, но увидѣвъ табакерку послѣдней французской работы, догадался въ чемъ дѣло и говоритъ: «Вижу, братецъ: хорошо; для чего такой подарокъ не принять? Да за что бы это?» прибавилъ онъ съ видомъ нѣкотораго неудовольствія. — Не знаю, отвѣчаетъ поэтъ: развѣ не за сочиненье ли, которое кн. Дашкова, не спросясь меня, напечатала въ Собесѣдникѣ?» Надо было показать это сочиненіе; его стали читать втихомолку и перешептываться. Съ тѣхъ поръ особенно Державинъ почувствовалъ крайнее къ себѣ нерасположеніе своего начальника, который послѣ этого сталъ съ насмѣшками и придирками принимать отъ него бумаги, такъ что онъ, потерявъ терпѣніе, вынужденъ былъ выйти въ отставку.

Что «Фелица» была принята Екатериною милостиво, ясно изъ пожалованной Державину награды; но насчетъ того, какъ высказалась объ этой одѣ императрица при дворѣ, есть у самого Державина два не совсѣмъ согласныя между собою извѣстія. Въ одномъ онъ говоритъ, что она разослала оттиски тѣмъ приближеннымъ, на которыхъ въ одѣ были намеки, и притомъ подчеркнула относившіеся къ каждому стихи. Въ другомъ мѣстѣ сказано, что хотя императрицѣ очень понравилась ода, но она скрывала это отъ придворныхъ и подавала видъ, будто не принимаетъ на свой счетъ похвалъ поэта, дабы и вельможи не относили къ себѣ смѣлой, хотя и тонкой его критики. Чтобы согласить эти два извѣстія, надо предположить, что можетъ-быть государыня кому-нибудь и послала «Фелицу» съ

своими отмѣтками, но что вообще она держала себя такъ, какъ объяснено во второмъ извѣстіи. Поэтому-то, какъ думаетъ Державинъ, и подарокъ былъ ему пожалованъ подъ рукою. Затѣмъ ему позволено было лично принести благодарность императрицѣ, которая съ своей стороны любопытствовала увидѣть своего пѣвца. Онъ самъ описалъ намъ это представленіе: оно происходило въ Зимнемъ дворцѣ, при многихъ другихъ лицахъ; Екатерина встрѣтила его съ важнымъ видомъ; остановясь поодаль отъ него, нѣсколько разъ окинула его быстрымъ взоромъ и потомъ дала ему поцѣловать руку. Подъ впечатлѣніемъ этого милостиваго пріема, Державинъ задумалъ было особое стихотвореніе[1], но оно осталось неконченнымъ, или, вѣрнѣе, приняло послѣ другой видъ въ одѣ *Видѣніе Мурзы*, о которой поговоримъ въ своемъ мѣстѣ.

За содѣйствіе къ такому блестящему успѣху Державинъ считалъ себя обязаннымъ тремъ лицамъ: княгинѣ Дашковой, которая представила оду Екатеринѣ; Безбородкѣ, какъ посреднику въ доставленіи за нее награды, и Козодавлеву, какъ первому виновнику извѣстности «Фелицы». Получивъ подарокъ отъ «Киргизъ-кайсацкой царевны», Державинъ, на другой же день, написалъ благодарственныя письма ко всѣмъ троимъ[2]. Разсказавъ Дашковой о случившемся и выразивъ ей свой восторгъ, поэтъ кончаетъ такъ: «Я почелъ за нужное о происшедшемъ со мною донести вашему сіятельству и просить вашего милостиваго наставленія, кого мнѣ и какъ благодарить за полученный мною даръ». Безбородкѣ онъ пишетъ: «Думаю, сей даръ ни откуда, какъ отъ всемилостивѣйшей государыни мнѣ ниспосланъ и отправленъ отъ вашего превосходительства, какъ извѣстнаго мнѣ во многихъ случаяхъ благотворителя». Всего любопытнѣе письмо къ Козодавлеву. Поблагодаривъ его за поздравленіе «съ полученіемъ драгоцѣннаго дара изъ Оренбурга», поэтъ продолжаетъ: «Особливо же благодарю я васъ за распространенный слухъ, касательный до оды Фелицѣ, по которому дошла она

[1] I, 164.
[2] V, 367—369.

до свѣдѣнія покровительницы музъ... Вы всегда поощряли меня въ поэзіи и выхваляли малыя мои способности... Я для Фелицы сдѣлался Рафаэлемъ. — Рафаэль, чтобъ лучше изобразить Божество, представилъ небесное сіяніе между черныхъ тучъ. Я добродѣтели царевны противоположилъ моимъ глупостямъ. Не знаю, какъ обществу покажется такого рода сочиненіе, какого на нашемъ языкѣ еще не было. Но оставимъ сіе. Я болѣе всего благодаренъ вамъ за то, что вы познакомили меня съ истинною любительницею россійскаго слова, съ наперсницею Фелицы (*Дашковою*), и своимъ предстательствомъ подали мнѣ способъ узнать качества ея благороднаго и твердаго сердца».

Тѣмъ достовѣрнѣе для насъ, съ другой стороны, свидѣтельство самого Козодавлева о его участіи въ успѣхѣ оды Державина. Онъ былъ, какъ извѣстно, главнымъ помощникомъ Дашковой въ изданіи *Собесѣдника;* въ его рукахъ была вся внѣшняя сторона изданія, и въ послѣдней (XVI-й) книжкѣ журнала онъ помѣстилъ статью «о причинахъ возвышенія и упадка» его. Вотъ какъ объясняется тутъ «рожденіе Собесѣдника».

«Жившій въ Петербургѣ по дѣламъ своимъ нѣкоторый татарскій мурза, знающій весьма хорошо россійскій языкъ [1], сочинилъ въ исходѣ 1782 года оду къ премудрой Киргизъ-кайсацкой царевнѣ Фелицѣ. Сіе сочиненіе, какъ всѣмъ извѣстно, писано совсѣмъ инымъ слогомъ, какъ прежде такого рода стихотворенія писывались. Мурза прочелъ сію оду другу своему, нѣкоторому молодому Россіянину, который, такъ же какъ и онъ, наполненъ благоговѣніемъ къ сему примѣру земныхъ царей, а сверхъ того и благодарностію за изліянныя Фелицею на воспитаніе его щедроты, которыми онъ, будучи хотя Россіяниномъ, но, служа при ея дворѣ съ осьми лѣтъ своего возраста, пріобрѣлъ нѣкоторыя человѣку нужныя знанія, ибо Фелица посылала его учиться за тридевять земель въ десятое царство [2]. Истина, изображенная въ семъ прекрасномъ произведеніи татарскаго пера, восхитила его до слезъ, и онъ, будучи зна-

[1] Такъ авторъ Фелицы обозначенъ въ заглавіи оды при ея напечатаніи въ *Собесѣдникѣ*.

[2] См. выше стр. 238.

комъ со многими покровителями и любителями наукъ, взялъ сію оду къ себѣ и нѣкоторымъ изъ оныхъ далъ съ нея копіи; но она довольно долго пребывала въ карманахъ тѣхъ господъ и не доходила до ушей Фелицы за неимѣніемъ, можетъ-быть, курьера, который бы могъ ее доставить въ назначенное мѣсто.

«Въ началѣ 1783 года помянутый Россіянинъ опредѣлился въ какую-то должность при россійскомъ Парнассѣ (въ должность совѣтника при Академіи наукъ). Сіе подало ему случай показать сіе сочиненіе начальницѣ Парнасса, которая, красоты и истины находящіяся въ сей одѣ почувствовавъ, рѣшилась приказать ее напечатать; а дабы чрезъ то подать случай и другимъ сочинителямъ изощрять свои дарованія, вздумала она издавать книгу подъ заглавіемъ: *Собесѣдникъ любителей россійскаго слова.* Для исполненія предпріятія своего пригласила она мурзу, помянутаго Россіянина и нѣкоторыхъ другихъ сочинителей. Вотъ рожденіе Собесѣдника»...

Мы видимъ, что сущность обоихъ разсказовъ о происхожденіи «Фелицы» и началѣ извѣстности ея, одна и та же; но въ свидѣтельствѣ Козодавлева особенно важно подтвержденіе показанія Державина, что эта ода послужила первымъ поводомъ къ изданію знаменитаго журнала.

«Лишь только первый листъ сей книги, содержащій оду къ премудрой Фелицѣ (такъ продолжаетъ Козодавлевъ въ слѣдующей главѣ — о возвышеніи «Собесѣдника»), напечатался, то издатели читали оный каждому желавшему слушать сіе татарскаго мурзы стихотвореніе, и говорили встрѣчному и поперечному о красотахъ, находящихся почти въ каждомъ отдѣленіи сей оды. Болтливая богиня Слава вытвердила ее наизусть и распространила по всему городу. Къ премудрой Фелицѣ полетѣлъ листокъ по почтѣ, и лишь первая часть «Собесѣдника» печатаніемъ окончилась, какъ мурза получилъ изъ Оренбурга пакетъ, заключающій въ себѣ золотую брильянтами осыпанную табакерку, наполненную червонцами. Первая часть «Собесѣдника» вышла, и лишь о рожденіи сего изданія публика извѣстилась, то у каждаго читать по-русски умѣющаго очутилась она въ рукахъ. Каждый восхищался сею новорожденною книжкою, и хотя нѣкоторыя сочиненія и показались многимъ слишкомъ солоны, од-

накоже читались какъ грамотными, такъ безграмотными (?) читателями. Слухъ о щедромъ награжденіи, полученномъ мурзою отъ руки, награждать и ободрять умѣющія, поощрилъ хорошихъ сочинителей къ дальнѣйшимъ трудамъ, а въ дурныхъ возбудилъ зависть. Начали браниться. Дурные стихотворцы и ихъ пріятели ополчились на издателей. Пустословы или Любословы начали писать критики — загорѣлась война; но война сія еще болѣе возвысила «Собесѣдникъ». Онъ явился въ Москву и во многіе другіе города Россійской имперіи, гдѣ уже слухъ о немъ давно распространился, и повсюду увеличивалъ свою славу».

ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ ГЛАВѢ IX.

(Стр. 268.)

Вотъ подлинныя слова Пушкина: «Державинъ исподтишка писалъ сатиры на Сумарокова и пріѣзжалъ, какъ ни въ чемъ не бывало, наслаждаться его бѣшенствомъ». Дмитріевъ подробнѣе сообщаетъ это преданіе. Вотъ его слова: «Державинъ, поэтъ еще неизвѣстный, вступясь за Москвичей, сдѣлалъ на эпиграмму Сумарокова пародію и распустилъ ее по городу. Онъ выставилъ подъ ней только начальныя буквы имени своего и прозванія. Сумароковъ хлопочетъ, какъ бы по нимъ добраться до сочинителя. Указываютъ ему на одного секретаря рифмотворца: онъ скачетъ къ неповинному незнакомцу и приводитъ его въ трепетъ своимъ негодованіемъ. Вскорѣ послѣ того смѣлый Державинъ успѣлъ познакомиться съ Сумароковымъ: однажды у него обѣдалъ и лично утѣшался тѣмъ, что хозяинъ никак не подозрѣвалъ, что противъ него сидитъ и пируетъ тотъ самый, который столько раздражилъ желчь его». Есть еще третій разсказъ, относящійся къ этому обстоятельству. Въ журналѣ *Соревнователь* (1819. VI, 220) прибавлено, что по начальнымъ буквамъ, подписаннымъ подъ пародіей, Сумароковъ заподозрѣлъ въ сочиненіи ея молодого человѣка, который игралъ на домашнемъ театрѣ князя П. М. Волконскаго, именно Гаврилу Дружерукова. Сумароковъ призываетъ его къ себѣ. Молодой литераторъ, польщенный приглашеніемъ знаменитаго писателя, приходитъ къ нему. Нашъ трагикъ осыпаетъ его ругательствами за сатиру, и не принимая никакихъ оправданій, отпускаетъ такъ же, какъ и встрѣтилъ. Молодой человѣкъ былъ не злопамятенъ: по смерти Сумарокова онъ участвовалъ въ пожертвованіяхъ, собранныхъ по подпискѣ на погребеніе стихотворца и написалъ въ честь его: *Разговоръ въ царствѣ мертвыхъ Сумарокова съ Ломоносовымъ.* Замѣтимъ однакожъ, что по Сопикову и Смирдину, авторомъ этого *Разговора* былъ *А. Дружеруковъ.*

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

СОБЕСѢДНИКЪ ЛЮБИТЕЛЕЙ РОССІЙСКАГО СЛОВА.

(1783—1784.)

1. СВЯЗЬ СЪ ФЕЛИЦЕЮ. ПЛАНЪ ИЗДАНІЯ. СОТРУДНИКИ.

Имя Державина такъ тѣсно связано съ *Собесѣдникомъ* княгини Дашковой, что этому журналу, по всей справедливости, должна быть посвящена особая глава въ біографіи поэта*. Изъ его словъ, подтвержденныхъ и Козодавлевымъ, мы уже знаемъ, что первымъ поводомъ къ основанію *Собесѣдника* послужила ода Фелицѣ. И въ запискахъ своихъ Державинъ положительно говоритъ, что отъ нея «возымѣлъ свое начало *Собесѣдникъ*, какъ и самая Россійская академія»[1]. Послѣдняя половина этого свидѣтельства должна быть понимаема въ томъ смыслѣ, что изданіе *Собесѣдника*, предпринятое, между-прочимъ, въ видахъ усовершенствованія языка и обогащенія литературы, позднѣе развило въ княгинѣ Дашковой мысль учрежденія особаго ученаго общества съ тою же цѣлію. Что касается связи между возникновеніемъ журнала и *Фелицею*, то дѣло въ томъ, что, прочитавъ эту оду въ рукописи, княгиня, не задолго передъ тѣмъ назначенная директоромъ Академіи наукъ и уже мечтавшая о содѣйствіи успѣхамъ языка и словесности, увидѣла въ этомъ стихотвореніи задатки того и другого, и тогда же задумала, съ помощію Державина и другихъ даровитыхъ сотрудниковъ, основать при Академіи наукъ литературный журналъ. Императрица одобрила эту мысль и обѣщала поддержать предпріятіе своимъ непосредственнымъ въ немъ участіемъ. Въ апрѣлѣ 1783 г. въ академической газетѣ (№ 30 и 33) появилось объявленіе о *Собесѣдникѣ любителей россійскаго слова*, а 20-го мая вышла первая книжка его, которая знаменательно открывалась «одою къ премудрой

[1] VI, 559.

Киргизъ-кайсацкой царевнѣ Фелицѣ». Подписи имени подъ одой не было, но въ юмористическомъ заглавіи авторомъ ея показанъ «татарскій мурза, издавна поселившійся въ Москвѣ, а живущій по дѣламъ своимъ въ Санктпетербургѣ». Къ этому было прибавлено: «Переведена съ арабскаго языка 1782 года», при чемъ, однакожъ, редакція сочла нужнымъ помѣстить въ примѣчаніи оговорку: «Хотя имя сочинителя намъ неизвѣстно, но извѣстно намъ то, что сія ода точно сочинена на россійскомъ языкѣ». Многія страницы *Собесѣдника* бросаютъ свѣтъ на любопытную исторію этой оды. Въ разныхъ мѣстахъ журнала, и въ прозѣ, и въ стихахъ, говорится, что передъ ея появленіемъ бездарные стихотворцы совершенно уронили торжественныя оды, что онѣ всѣмъ наскучили своею сухостью и напыщеннымъ тономъ. Вотъ, напримѣръ, какъ одинъ изъ сотрудниковъ Дашковой, Княжнинъ, выразилъ тогдашній взглядъ лучшихъ писателей на этотъ родъ поэзіи:

«Я вѣдаю, что дерзки оды,
Которы вышли ужъ изъ моды,
Весьма способны докучать:
Онѣ всегда Екатерину,
За рифмой безъ ума гонясь,
Уподобляли райску крину,
И, въ чинъ пророковъ становясь,
Вѣщая съ Богомъ, будто съ братомъ,
Безъ опасенія перомъ —
Въ своемъ взаймы восторгѣ взятомъ —
Вселенну становя вверхъ дномъ,
Отсель въ страны богаты златомъ
Пускали свой бумажный громъ»[1] и т. д.

Истинному поэту, каковъ былъ Державинъ, естественно было пытаться обновить оду, приблизивъ ее къ дѣйствительности, замѣнивъ пустой наборъ громкихъ словъ вещественнымъ содержаніемъ и высокопарный тонъ просторѣчіемъ. На-

[1] *Собесѣдникъ*, кн. XI, 5.

чало этой мысли кроется уже въ легкой формѣ двухъ прежнихъ одъ Державина, помѣщенныхъ въ *С.-Петербургскомъ Вѣстникѣ*, — въ стихахъ на рожденіе порфиророднаго отрока и на отсутствіе государыни въ Бѣлоруссію. Полное развитіе эта идея получила въ *Фелицѣ*, гдѣ къ новымъ элементамъ тѣхъ двухъ одъ присоединились еще сатира и шутка, сдѣлавшіяся одною изъ принадлежностей цѣлаго ряда державинскихъ одъ. Вообще, съ этихъ поръ ода, подъ перомъ нашего лирика, получаетъ болѣе жизненное содержаніе: онъ можетъ быть названъ преобразователемъ оды; въ немъ совершился переходъ отъ старой ломоносовской поэзіи къ эпохѣ Карамзина и Дмитріева. На этой переходной ступени являются и другіе поэты, напр. Капнистъ и Княжнинъ; у нихъ языкъ правильнѣе и чище нежели у Державина, но послѣдній, по своему таланту, по своеобразію въ языкѣ и пріемахъ, стоитъ неизмѣримо выше ихъ и остается единственнымъ въ своемъ родѣ. При всѣхъ неровностяхъ и шероховатостяхъ своего стиха, онъ представляетъ мѣстами и какъ бы невзначай образцы той звучной и свободно-стройной строфы, которую окончательно развить могъ только русскій поэтъ 19-го вѣка.

Цѣль и планъ изданія *Собесѣдника* объяснены въ «предувѣдомленіи», напечатанномъ въ началѣ первой книжки его. Здѣсь сказано, что онъ долженъ служить къ распространенію знаній и просвѣщенія и къ пользѣ русскаго слова. Впослѣдствіи, къ этимъ двумъ цѣлямъ, какъ выражаемо было въ разныхъ статьяхъ, присоединилась еще третья — исправленіе нравовъ. Необыкновенно для того времени заявленное въ программѣ правило, что приниматься будутъ только оригинальныя («подлинныя») русскія сочиненія; допускаются однакожъ и подражанія; отвергнуты только переводы, «какого бы они рода ни были». Прибавленная къ этому оговорка сдѣлана, очевидно, въ пользу Державина, какъ назвавшаго свою оду переводомъ съ арабскаго. «Ежели», замѣчено тутъ, «напечатается что-нибудь подъ названіемъ перевода, то сіе только будетъ въ такомъ случаѣ, когда кто изъ сочинителей, желая остаться неизвѣстнымъ, назоветъ себя переводчикомъ». Желавшіе участвовать въ *Собесѣд-*

никъ приглашались присылать свои рукописи къ княгинѣ Дашковой, которая однакожъ предоставляла себѣ право устранять все «непристойное, нравамъ вредное или какому-либо лицу предосудительное». Извѣстно, что непосредственное участіе въ изданіи принимала сама императрица: кромѣ собственныхъ объемистыхъ трудовъ ея, въ немъ напечатанныхъ, о томъ свидѣтельствуетъ и сохранившаяся въ государственномъ архивѣ переписка о *Собесѣдникѣ* между Екатериною и Дашковой[1]: изъ этой переписки видно, что издательница представляла государынѣ многія статьи на предварительный просмотръ. Вся внѣшняя часть изданія, какъ-то: расчеты съ типографіей, корректура и проч., лежала на совѣтникѣ правленія Академіи Козодавлевѣ, который, кромѣ того, какъ литераторъ и подчиненное издательницѣ лицо, принадлежалъ къ числу самыхъ дѣятельныхъ сотрудниковъ журнала, о чемъ сама княгиня свидѣтельствуетъ въ своихъ запискахъ.

Срока для выхода книжекъ не было назначено, а предположено выпускать ихъ по мѣрѣ накопленія трудовъ и печатанія ихъ, при чемъ обѣщано о появленіи каждой книжки извѣщать публику чрезъ *С.-Петербургскія Вѣдомости*. Однакожъ *Собесѣдникъ* появлялся довольно правильно по одной книжкѣ каждый мѣсяцъ въ теченіе года и четырехъ мѣсяцевъ: только въ октябрѣ 1783 года вышло двѣ книжки. Прекратился онъ уже въ концѣ второго года своего существованія: такая ранняя смерть была слѣдствіемъ особенныхъ обстоятельствъ, которыя будутъ объяснены ниже. Одновременно съ *Собесѣдникомъ* другого журнала не выходило; поэтому естественно было, что послѣ прекращенія незадолго передъ тѣмъ *С.-Петербургскаго Вѣстника* всѣ лучшія силы тогдашней нашей литературы, по первому приглашенію княгини Дашковой, примкнули къ новому изданію, тѣмъ болѣе, что исключительное положеніе, въ какомъ оно находилось, не могло не привлекать къ нему сотрудниковъ. По

[1] Большая часть ея напечатана въ статьѣ Пекарскаго *Матеріалы для исторіи литературной и журнальной дѣятельности Екатерины II*, въ *Зап. Ак. наукъ*, т. III, прил. № 6. См. также мою статью въ *Сборн. Ист. Общ.*, т. XX.

свидѣтельству Козодавлева [1], «всякій умѣющій писать старался помѣщать въ *Собесѣдникѣ* свои сочиненія».

Между сотрудниками этого журнала явились: Богдановичъ, недавно попавшій въ знаменитости своею *Душенькой*, но не оправдавшій своей славы тѣми плохими стихами и статьями, которые сталъ помѣщать въ каждой почти книжкѣ *Собесѣдника* съ полною подписью своего имени; Капнистъ, давшій перепечатать свою извѣстную сатиру, сперва появившуюся въ *С.-Петербургскомъ Вѣстникѣ;* Костровъ, Фонъ-Визинъ и нѣкоторые другіе. Фонъ-Визинъ и Капнистъ, подобно Державину и Дашковой, печатали свои труды вовсе безъ подписи; такъ же поступали по большей части Княжнинъ и Козодавлевъ. Другіе подъ статьями или стихами ставили начальныя буквы или слоги своихъ именъ, напр. Ер. Кост. (Ермилъ Костровъ), М. Х. (Михаилъ Храповицкій), М. С. (Марья Сушкова)*. Были и псевдонимы, о которыхъ будетъ рѣчь послѣ. Что въ то время, до громкаго появленія Державина съ своею *Фелицей*, никто изъ современныхъ русскихъ писателей не пользовался еще особенною славой, видно изъ слѣдующихъ строкъ *Собесѣдника* (кн. IX, 244): «Бѣдные россійскіе писатели!... Не худо бы разсмотрѣть, отчего россійское стихотворство кажется погребено съ тѣломъ безсмертнаго Ломоносова и отчего подобные ему писатели, ежели нынѣ таковые есть, остаются въ неизвѣстности, хотя науки и письмена нынѣ покровительствуемы россійскою Минервою болѣе, нежели то во времена прошедшія бывало». Авторъ этихъ строкъ смѣется надъ людьми, не знающими *Душеньки* Богдановича, которая вмѣстѣ съ другими сочиненіями въ стихахъ лежитъ въ книжныхъ лавкахъ непроданною, тогда какъ многіе переводные романы переживаютъ по нѣскольку изданій.

2. Участіе Екатерины II въ Собесѣдникѣ.

Между безыменными сотрудниками *Собесѣдника* было еще одно лицо, — главная виновница успѣха его, благодаря тому особенному характеру, который вскорѣ сталъ отличать этотъ

[1] Въ статьѣ «о причинахъ возвышенія и паденія *Собесѣдника*», XVI, 10.

журналъ. То была сама Екатерина II, а своеобразный характеръ, усвоенный ею *Собесѣднику*, состоялъ въ сатирической шуткѣ и полемикѣ. Въ концѣ первой книжки было напечатано объявленіе, въ которомъ, рядомъ съ приглашеніемъ литераторовъ къ сотрудничеству, *издатели* просили всѣхъ любителей русскаго слова и *всю публику*, если кто захочетъ написать критику на помѣщенное въ *Собесѣдникѣ* сочиненіе, не искать стороннихъ типографій для напечатанія такихъ критикъ или *сатиръ*, но присылать ихъ прямо на имя княгини Дашковой, которая конечно прикажетъ напечатать ихъ безъ малѣйшей перемѣны въ томъ же *Собесѣдникѣ*. При этомъ выражена просвѣщенная мысль, что критика есть одно изъ лучшихъ средствъ къ очищенію языка и развитію литературы. Въ той же книжкѣ издатели, въ примѣчаніи къ одному письму, испещренному французскими словами, *просили всѣхъ* присылать имъ извѣстія объ иностранныхъ словахъ и реченіяхъ, употребляемыхъ модными женщинами и господчиками въ *русскихъ* разговорахъ, а они съ своей стороны публику увѣряютъ, что всѣ таковыя извѣстія предадутся тисненію и послужатъ къ осмѣянію тѣхъ людей, которые природнымъ языкомъ своимъ гнушаются. Замѣтимъ мимоходомъ, что въ этихъ двухъ приглашеніяхъ мы уже видимъ цѣли и задачи, для которыхъ журналъ вскорѣ окажется недостаточнымъ и у издательницы созрѣетъ планъ основать особую академію.

Прекрасное намѣреніе открыть въ журналѣ свободный доступъ критикѣ сообщило ему конечно много оживленія, но вмѣстѣ, какъ мы увидимъ, въ окончательномъ результатѣ погубило его.

Писатель, каждымъ вкладомъ котораго дорожили какъ украшеніемъ журнала, могъ конечно подѣйствовать своимъ примѣромъ на другихъ сотрудниковъ, и неудивительно, если шутка и сатира, отличающія *Фелицу*, рѣшили господствующее направленіе *Собесѣдника*. Можетъ-быть, подъ этимъ же вліяніемъ и сама императрица задумала свои *Были и Небылицы*; даже заглавіе ихъ какъ будто навѣяно стихомъ *Фелицы*:

«И быль и небыль говорить» [1].

[1] I, 143.

Со II-й книжки эти небрежные очерки нравовъ стали появляться каждый мѣсяцъ, и въ продолженіе цѣлаго полугодія безъ нихъ не выходилъ ни одинъ нумеръ *Собесѣдника*.

Но уже и первая книжка явилась не безъ участія царственной сотрудницы: это были двѣ странички, служившія предисловіемъ къ сочиненію совершенно иного рода, занимавшему ее въ то время, — къ *Запискамъ касательно россійской исторіи*.

Когда началось изданіе *Собесѣдника*, Екатерина II уже серіозно заботилась о будущемъ воспитаніи своихъ малолѣтныхъ внуковъ, изъ которыхъ старшему шелъ тогда только шестой годъ, а второму пятый. Уже тогда ее занимала мысль издать для нихъ маленькую педагогическую библіотеку изъ своихъ собственныхъ трудовъ, и съ этою цѣлію въ предыдущіе два года были напечатаны ею: азбука съ первоначальными нравственными правилами и двѣ нравоучительныя сказки о царевичахъ *Хлорѣ* и *Февеѣ*. Для той же Александро-Константиновской библіотеки, какъ она сама называла этотъ рядъ изданій, государыня трудилась и надъ составленіемъ русской исторіи для первоначальнаго чтенія. Обнародованіе этой исторіи въ журналѣ показалось ей лучшимъ средствомъ для распространенія своего труда въ публикѣ. «Записки» ея стали печататься въ *Собесѣдникѣ* постоянно и составляли каждый разъ самый значительный вкладъ, обыкновенно отъ 50-ти до 100 и однажды даже болѣе 200 страницъ, такъ что онѣ, вмѣстѣ съ *Былями и Небылицами*, заняли наибольшую часть журнала.

Уже во II-й книжкѣ его, на вызовъ издателей, явился и критикъ. Это былъ нѣкто назвавшій себя *Любословомъ* (очевидно съ намѣреніемъ передать по-русски значеніе чужеязычнаго «филологъ»), лицо, съ этой минуты пріобрѣтшее важность для *Собесѣдника* не только потому, что Любословъ и послѣ того не разъ возвращался съ своими замѣчаніями, но и потому, что заставилъ много говорить о себѣ въ журналѣ. Издатели конечно не могли отказать ему въ напечатаніи его критики, но тутъ же не сумѣли скрыть нѣкотораго неудовольствія, сказавъ, что считаютъ себя очень одолженными за трудъ, который «сія критика уповательно нанесла сочинителю оной, ибо ни единое Е, ни

единое И, нечаянно не у мѣста поставленныя, не пропущены». Любословъ, сознаваясь, что онъ вмѣстѣ съ издателями приведенъ былъ въ восторгъ «при общемъ торжествѣ возстановленія россійскихъ музъ», т. е. по поводу изданія *Собесѣдника*, но не нашелъ въ выраженіяхъ ихъ (т. е. издателей) того *довольства* (богатства языка?), *красоты* и *силы*, «кои внушаютъ намъ правила россійскаго краснорѣчія». Это было довольно смѣло. Въ слѣдовавшихъ за тѣмъ частныхъ замѣчаніяхъ задѣты были между-прочимъ и Державинъ, и Дашкова, и самъ авторъ *Записокъ о россійской исторіи*. Сказанное Любословомъ противъ нѣкоторыхъ выраженій оды къ Фелицѣ можно найти въ нашихъ примѣчаніяхъ къ этой одѣ. Относительно языка предисловія Екатерины было замѣчено: «вмѣсто *единакій* лучше *одинакій*; вмѣсто *выполнить* гораздо употребительнѣе *исполнить*». На это редакція возразила: «Слово *единакій* въ важномъ слогѣ гораздо пристойнѣе и правильнѣе нежели *одинакій*, также и слово *выполнить* весьма часто употребляется въ хорошихъ сочиненіяхъ». Кромѣ того непріятное впечатлѣніе, произведенное на Екатерину этою выходкой Любослова, выразилось тѣмъ, что редакція, признавъ пользу, «кою сія выработанная критика россійскимъ писателямъ принести можетъ», прибавила: «Однакоже одинъ изъ издателей нижайше проситъ, чтобъ дозволено было ему и не всегда исправныя свои сочиненія въ *Собесѣдникъ* помѣщать, думая, что честныя правила, здравый разсудокъ и пріятная шутка предпочтительны педантству» (стр. 103) и проч. Въ этой замѣткѣ всего любопытнѣе то, что императрица явно включена въ число издателей, а это безъ сомнѣнія не могло быть сдѣлано безъ ея согласія. Слѣдовательно, и во всѣхъ другихъ мѣстахъ, гдѣ упоминаются издатели, мы должны между ними разумѣть и ее.

Въ сочиненіяхъ и письмахъ Екатерины II нерѣдко повторяются однѣ и тѣ же любимыя мысли, почти въ одинакихъ выраженіяхъ. Такъ въ письмахъ къ г-жѣ Бьельке она говорила, какъ прежде въ письмахъ къ г-жѣ Geoffrin, о непріятномъ чувствѣ, которое всякій разъ испытываетъ, когда, входя въ большое общество, производитъ дѣйствіе медузиной головы, т. е. всѣхъ

заставляетъ молчать [1]. Такъ и въ *Быляхъ и Небылицахъ* мы встрѣчаемъ мысли, которыя уже гораздо ранѣе были выражаемы ею въ письмахъ ея къ Гримму, напр. «Во время сильнаго вѣтра отлично во мнѣ дѣйствуетъ воображеніе» (стр. 164), или: «Я не могу видѣть чистаго пера, чтобъ не пришла мнѣ охота обмокнуть онаго въ чернила; буде же еще къ тому лежитъ на столѣ бумага, то конечно рука моя очутится съ перомъ на той бумагѣ» (кн. III, 135). Это то, что она въ шутку называетъ *бумагомараньемъ* (кн. IV, 158) или, по-французски, écrituromanie, griffonnage [2]. Въ чемъ же состояло содержаніе этихъ *Былей и Небылицъ*, въ которыхъ встрѣчались подобныя шутки? Видя вездѣ вокругъ себя проявленіе человѣческихъ слабостей и недостатковъ, Екатерина хотѣла дѣйствовать противъ нихъ путемъ слова, но понимала, что при тогдашнемъ состояніи нашего общества нравоученіе могло проникать въ сознаніе его только въ пріятной и забавной формѣ. Поэтому она рѣшилась писать бѣглыя шуточныя замѣтки о нравахъ и смѣшныхъ сторонахъ современной жизни, почерпая ихъ повидимому изъ низкихъ слоевъ общества, но на самомъ дѣлѣ имѣя въ виду извѣстныя ей лица и отношенія, и пользуясь къ тому богатымъ запасомъ своихъ собственныхъ опытовъ и воспоминаній. Принимаясь писать, Екатерина въ *Быляхъ и Небылицахъ* часто предупреждаетъ, что она сама не знаетъ, о чемъ будетъ говорить, что она станетъ писать все, что̀ попадется на кончикъ пера, но въ сущности, въ большей части того, что̀ она выражаетъ, кроется намѣреніе. Въ одномъ мѣстѣ она объясняетъ, что *Были и Небылицы* «почерпнуты изъ моря естества», и тѣмъ даетъ знать, что источникомъ служитъ ей жизнь во всемъ своемъ разнообразіи; но въ другой разъ замѣчаетъ, что она касается только тѣхъ сторонъ жизни, которыя могутъ доставить пищу веселости: поэтому отказывается напр. взять на себя описаніе ябедника или лихоимца: «все», говоритъ она, «влекущее за собой гнусность и отвращеніе, въ *Быляхъ и Небылицахъ* мѣста имѣть не можетъ; изъ нихъ

[1] *Сборн. Истор. Общ.* I, X и XIII.

[2] См. ея письма къ Гримму въ *Сборн. Ист. Общ.* XXIII.

строго исключается все то, что не въ улыбательномъ духѣ» (кн. V, 152). Въ самомъ дѣлѣ, замѣчателенъ непринужденно-веселый тонъ, проникающій отъ начала до конца *Были и Небылицы;* видно, что въ это время и самая жизнь государыни была спокойна и ясна; это было передъ мирнымъ присоединеніемъ Крыма, когда къ ближайшему обществу ея принадлежалъ тогдашній любимецъ А. Д. Ланской. Знакомство, какое авторъ обнаруживаетъ съ самой скромной житейскою сферой, объясняется тою простой домашней обстановкой, въ которой Екатерина провела свое дѣтство и часть молодости.

Что́ придавало *Былямъ и Небылицамъ* особенный интересъ, это были разсѣянные въ нихъ портреты общественныхъ дѣятелей, изображенія, которыя она заимствовала то изъ своихъ наблюденій надъ живыми, то изъ воспоминаній о мертвыхъ. Разительный примѣръ тому мы находимъ на первыхъ страницахъ *Былей и Небылицъ*, гдѣ подъ именемъ Самолюбиваго изображенъ Чоглоковъ, мужъ оберъ-гофмейстерины, находившейся при дворѣ великой княгини (мужъ и жена представляются ею въ весьма неблагопріятныхъ краскахъ) *. Далѣе, въ портретѣ Нерѣшительнаго мы узнаемъ И. И. Шувалова. Является и Нарышкинъ со своимъ кубаремъ. Такъ же точно позднѣе въ *Быляхъ и Небылицахъ* осмѣивается вернувшійся недавно изъ-за границы графъ Николай Петровичъ Румянцовъ, въ лицѣ человѣка, который такъ плохо выражается на родномъ языкѣ, что его сочиненіе похоже на плохой переводъ съ иностраннаго.

Къ сожалѣнію, въ *Быляхъ и Небылицахъ* есть много портретовъ, которыхъ значеніе для насъ, потомковъ, вѣроятно навсегда утрачено. Современники были въ болѣе благопріятномъ положеніи и угадывали или по крайней мѣрѣ старались угадывать, на кого мѣтитъ то или другое описаніе. Зная, сколько по этому поводу было толковъ при выходѣ каждой новой книжки *Собесѣдника*, императрица придумала для своихъ *Былей и Небылицъ* особое лицо подъ именемъ *Угадаева*, съ которымъ вступила въ вымышленную переписку, увѣряя его, что *Были и Небылицы* «наполнены тѣмъ, что въ людяхъ водится, но люди тутъ

безъ имени, а описывается вообще умоположеніе человѣческое; до Карпа и Сидора тутъ дѣла нѣтъ». (кн. IV, 141). Недостатки, которые осмѣиваются въ этомъ сочиненіи, суть: самолюбіе и чванство, тщеславное и безвкусное щегольство, пристрастіе къ французскимъ нравамъ и языку; наконецъ слабость плохихъ авторовъ къ тому, что они пишутъ. Главныя лица, выведенныя въ *Быляхъ и Небылицахъ* для прикрытія собственныхъ размышленій автора и выраженія ихъ въ шуточномъ тонѣ, — это: во 1-хъ, дѣдушка, человѣкъ глубокомысленный и словоохотливый съ многозначительнымъ кашлемъ: хемъ, хемъ; онъ же повѣренный какихъ-то двухъ не въ ладу живущихъ супруговъ. Во 2-хъ, двоюродный братъ автора, «человѣкъ веселый и проказливый». Далѣе, дѣдушкина кума, дочь архангельскаго купца, высокая и толстая, воспитанная въ пансіонѣ на иностранный образецъ и выданная замужъ за отставного дворянина. Она старалась быть проворною, но по дородству своему часто падала, тѣмъ болѣе что по модѣ носила тѣсные башмаки на высокихъ тоненькихъ каблучкахъ. Описаніе ея дурного нрава даетъ случай къ насмѣшкамъ надъ масонствомъ и надъ таинственными масонскими словами, повидимому не заключающими въ себѣ никакого смысла. Дѣдушка говоритъ, что онъ ничего такъ не любитъ, какъ смѣшить другихъ, и самъ охотно смѣется. У него 15 внуковъ, передъ которыми онъ любитъ хвалить доброе старое время съ его шутовскими свадьбами, шутами и ледянымъ домомъ. Онъ самъ однакожъ сознается что настоящее лучше. Здѣсь любопытны черты прогресса, на которыя намекаетъ государыня. Между-прочимъ дѣдушка говоритъ: «мысли и умы, долго бывъ угнетены подъ тяжестію тайны, вдругъ яко плотина отъ сильной водополи прорвались, а накопленная вода стекаетъ до тѣхъ поръ, пока не осушивъ дна, онаго не откроетъ.» Потомъ дѣдушка выставляетъ преимущество современнаго воспитанія и наконецъ прибавляетъ: «Ничему я такъ не радовался послѣдніе сіи годы, какъ тому, что къ совѣстному разбирательству повсюду оказалось много охотниковъ. Маятникъ сей подаетъ о общемъ расположеніи добрую надежду, подобно какъ пульсъ врачу о состояніи больного.» Здѣсь рѣчь идетъ о совѣстныхъ судахъ,

явившихся за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ съ учрежденіемъ о губерніяхъ: императрица особенно гордилась этою новою формой суда, какъ видно и изъ частной ея переписки [1].

Въ изложеніи *Былей и Небылицъ*, какъ и въ содержаніи ихъ, сочинительница не держится никакого порядка, безпрестанно переходя отъ одного предмета къ другому; это безсвязныя, но остроумныя рѣчи о всякой всячинѣ, обо всемъ, что взбредетъ на умъ мыслящему, наблюдательному человѣку, и кажется, образцомъ ея въ этомъ случаѣ, болѣе всякаго другого автора, служилъ Стернъ. Для большей свободы въ переходѣ отъ одного предмета къ другому, государыня, сверхъ главнаго текста, вводитъ часто, въ видѣ отступленій, NB. и примѣчанія или вставляетъ какой-нибудь полемическій отвѣтъ на присланныя въ редакцію замѣтки. Для образчика тона и слога этой царственной шалости приведу самое начало *Былей и Небылицъ* подъ заглавіемъ *Предисловіе*: «Великое благополучіе! Открывается поле для меня и моихъ товарищей, зараженныхъ болячкою бумагу марать перомъ, обмакнутымъ въ чернила. Печатается *Собесѣдникъ* — лишь пиши, да пошли, напечатано будетъ. Отъ сердца я тому радъ. Увѣряю, что хотя ни единаго языка я правильно не знаю, грамматикѣ и никакой наукѣ не учился, но не пропущу сего удобнаго случая издать *Были и Небылицы;* хочу имѣть удовольствіе видѣть ихъ напечатанными» (кн. II).

Легко представить себѣ, съ какимъ любопытствомъ читались въ то время *Были и Небылицы*, происхожденіе которыхъ ни для кого не было тайной. Государынѣ было хорошо извѣстно, что это сочиненіе болѣе всего остального доставляло *Собесѣднику* читателей и что при выходѣ каждой новой книжки всѣ напередъ бросались на *Были и Небылицы.* Въ самомъ журналѣ нерѣдко являлись похвалы этимъ бесѣдамъ; замѣчали, напр., что въ нихъ разсѣяно множество тонкихъ, острыхъ, иногда и глубокихъ мыслей, но «онѣ ни мало не украшены слогомъ громкимъ, важнымъ и высокимъ» (кн. VI, 175). Вообще современники видѣли въ нихъ, какъ и въ *Фелицѣ* Державина, произведеніе совершенно въ но-

[1] *Сборн. Ист. Общ.*, XXIII, 47.

вомъ родѣ, небывалое въ литературѣ явленіе, которое служило къ украшенію и поддержкѣ журнала. Поэтому неудивительно, что сочиненіе *Былей и Небылицъ* сильно занимало императрицу и что она заранѣе подготовляла къ нимъ въ умѣ своемъ матеріалы, о чемъ сама въ шутку такъ выразилась: «На запасномъ дворѣ *Былей и Небылицъ* много различныхъ качествъ и количествъ, дѣйствительно дѣйствующихъ и еще въ дѣло неупотребленныхъ лицъ и вещей» (кн. V, 154).

3. ВНУТРЕННЯЯ ПОЛЕМИКА СОБЕСѢДНИКА. ИМПЕРАТРИЦА И ФОНЪ-ВИЗИНЪ.

Сама княгиня Дашкова постоянно писала для *Собесѣдника* то вымышленныя письма на имя редакціи (напр. изъ Звенигорода), то статьи въ прозѣ, то наконецъ стихи. Въ этомъ послѣднемъ родѣ особенно замѣчательно помѣщенное уже въ 1-й книжкѣ Посланіе ея къ слову *такъ*, гдѣ рядомъ съ плохими, прозаическими стихами встрѣчаются цѣлыя очень удачныя тирады. Высказанныя тутъ насмѣшки надъ дакальщиками должны были задѣть многихъ, и это въ послѣдующихъ выпускахъ не разъ отозвалось издателямъ. Сатирическія выходки *Собесѣдника*, вмѣстѣ съ обѣщаніемъ принимать всякія критики, имѣли послѣдствіемъ то не совсѣмъ обыкновенное въ исторіи періодической литературы явленіе, что въ этомъ журналѣ завязалась полемика сперва между издателями съ одной, и сотрудниками съ другой стороны, потомъ между сотрудниками, а напослѣдокъ, хотя глухо и непримѣтно, среди самихъ издателей, и тогда-то «царство раздѣлилось само въ себѣ» и *Собесѣдникъ* мало по малу зачахъ.

Изъ постороннихъ сотрудниковъ, послѣ Державина, особенное значеніе для этого журнала пріобрѣлъ Фонъ-Визинъ, и именно двумя изъ своихъ статей, хотя и небольшими, но, какъ выражаются въ наше время, забористыми: *Челобитною къ россійской Минервѣ отъ россійскихъ писателей* и *Вопросами*. Первая, напечатанная въ IV-й книжкѣ, указываетъ на ту характеристическую черту тогдашняго русскаго общества, что занятія литературою подвергались сильному гоненію со стороны нѣко-

торыхъ вельможъ. Это и было причиною тому, что многіе изъ участвовавшихъ въ *Собесѣдникѣ* не подписывались подъ своими трудами: для появленія въ журналѣ съ своимъ именемъ требовалось нѣкоторое гражданское мужество. Особенно отличался своею враждою къ литераторамъ, какъ мы уже видѣли, начальникъ Державина, князь А. А. Вяземскій, который, по словамъ поэта, говаривалъ: «Когда имъ заниматься дѣломъ, когда у нихъ рифмы на умѣ?» [1]. Княгиня Дашкова въ своихъ запискахъ подтверждаетъ свидѣтельство самого поэта о томъ, какъ смотрѣлъ на его авторство генералъ-прокуроръ. «Во всякой статьѣ, сколько-нибудь отзывавшейся сатирою», говоритъ она, «князь Вяземскій непремѣнно видѣлъ намеки на себя или на свою супругу, особливо когда онъ узналъ, что и Державинъ участвуетъ въ этомъ журналѣ. Державинъ отставленъ былъ имъ отъ должности: потому можно было предполагать, что онъ, какъ поэтъ, котораго всѣ читали съ восторгомъ, не упуститъ воспользоваться легкимъ способомъ мести, бывшимъ въ рукахъ его» [2]. Услышавъ объ этихъ подозрѣніяхъ, Державинъ обратился къ княгинѣ съ письмомъ отъ 25-го ноября 1783 года. «Осмѣливаюсь», пишетъ онъ, «ваше сіятельство поставить себѣ свидѣтельницею, что ни языкъ мой, ни перо мое не были никогда производителями никакой сатиры, тѣмъ паче съ намѣреніемъ кого-нибудь тронуть, кромѣ что обыкновенныя людскія слабости въ одѣ Фелицѣ оборотилъ я собственно на меня самого. Равномѣрно жъ не безызвѣстно вамъ и то, что никакъ не было сильнаго моего желанія ни печатать, ни выдавать въ свѣтъ и того сочиненія моего, ибо оно и до васъ дошло не чрезъ меня. Въ размолвкахъ вашихъ съ его сіятельствомъ князь Александромъ Алексѣевичемъ былъ я столь осторoженъ, что ни вы, ни онъ по справедливости сказать

[1] I, 155. О такомъ взглядѣ кн. Вяземскаго на литературу свидѣтельствуетъ также пріятель Державина Ахвердовъ; въ одномъ письмѣ къ поэту (въ 1786 г.) онъ говоритъ: «Стихотворство имѣетъ для всѣхъ прелести, кромѣ однакоже нашего *медвѣдя*, который и по сю пору утверждаетъ, что это пустошь. Но кто знаетъ, остался ли бы онъ въ сихъ мысляхъ, если бы зналъ грамотѣ?» (V, 544).

[2] *Современникъ* 1845 г. XXXVII, 30. Ср. выше стр. 254—258.

не можете, чтобъ я прибавлялъ жару въ сердца ваши, но старался еще по возможности моей, когда кстати и пристойно случалось, укротить несогласіе, обоихъ васъ недостойное. Но не взирая на сіе, многія отъ Собесѣдника долженъ былъ я терпѣть непріятности, которыя вливались даже и въ....[1], но короче сказать, которыя наконецъ такъ мнѣ наскучили, что я оставилъ службу; ибо подалъ я уже о увольненіи моемъ письмо. Вотъ плоды стихотворства, къ которому вы меня толь часто убѣждать изволили, и котораго я всемѣрно отказывался. — Но дѣло сдѣлано» [2].

Хотя Фонъ-Визинъ въ то время и не былъ знакомъ съ Державинымъ, но конечно онъ чрезъ княгиню Дашкову зналъ о положеніи поэта, и весьма вѣроятно, что оно-то главнымъ образомъ и дало автору *Недоросля* мысль написать въ видѣ шутки помянутую, по содержанію весьма не шуточную *Челобитную*, подписанную «россійскихъ музъ служителемъ Иваномъ Нельстецовымъ». Она составлена въ приказной формѣ по титулѣ и начинается словами: «Бьютъ челомъ россійскіе писатели». Жалоба направлена противъ людей, которые «высочайшею милостію достигли до знаменитости, не будучи сами умомъ и знаніемъ весьма знамениты»... «Сіи знаменитые невѣжды, возвышаясь на степени, забыли совершенно, что умы ихъ суть умы жалованные, а не родовые, и что по статнымъ спискамъ всегда справиться можно, кто изъ нихъ и въ какой торжественный день пожалованъ въ умные люди... Реченные невѣжды» вообразили «что къ отправленію дѣлъ ни въ какихъ знаніяхъ нужды нѣтъ, ибо де мы сами въ дѣлахъ безъ малѣйшаго въ нихъ знанія... Они употребляютъ во зло знаменитость своего положенія къ тяжкому предосужденію словесныхъ наукъ и къ нестерпимому притѣсненію насъ, именованныхъ. Они, исповѣдуя другъ другу невѣдѣніе свое въ вещахъ, которыхъ не вѣдать стыдно во всякомъ состояніи, постановили между собою условіе: всякое зна-

[1] Точки въ подлинникѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что тутъ говорится объ императрицѣ.

[2] V, 377.

ніе, а особливо словесныя науки, почитать не иначе, какъ уголовнымъ дѣломъ... Въ слѣдствіе чего учинили они между собою опредѣленіе: 1) Всѣхъ упражняющихся въ словесныхъ наукахъ къ дѣламъ не употреблять; 2) всѣхъ таковыхъ, при дѣлахъ уже находящихся, отъ дѣлъ отрѣшать». Челобитная кончается просьбой «таковое беззаконное и вѣкъ нашъ ругающее опредѣленіе отмѣнить; насъ же, яко граматныхъ людей, повелѣть по способностямъ къ дѣламъ употреблять... Къ поданію надлежитъ въ Собесѣдникъ». Очевидно, что здѣсь, если не исключительно, то главнымъ образомъ, имѣлась въ виду непріязнь князя Вяземскаго къ Державину, и, зная отношенія между княгинею Дашковой и генералъ-прокуроромъ, можно быть увѣреннымъ, что она съ радостью напечатала эту выходку противъ своего недоброжелателя, который, какъ она сама разсказываетъ, безпрестанно противодѣйствовалъ ей, дѣлалъ ей непріятности по ея представленіямъ объ Академіи наукъ и «долго не могъ ей простить, что она приняла подъ свое начальство такихъ людей, которыхъ онъ преслѣдовалъ и, лишивъ мѣстъ, оставилъ безъ куска хлѣба»[1]. Императрица, которая сама служила самымъ блестящимъ опроверженіемъ теоріи Вяземскаго, что нельзя соединять литературныхъ занятій съ дѣловыми или государственными, также не могла дурно принять челобитной Фонъ-Визина, безъ сомнѣнія обратившей на себя ея вниманіе. Что касается князя Вяземскаго, то припоминая приведенныя выше слова Дашковой о его мнительности, можно почти навѣрное сказать, что онъ въ сочиненіи *Челобитной* подозрѣвалъ Державина. Къ Вяземскому же, по всей вѣроятности, преимущественно относятся строки, которыми позднѣе княгиня Дашкова упрашивала государыню попрежнему помѣщать въ *Собесѣдникѣ* свои *Были и Небылицы*: «Ваше величество изволите видѣть, что не я одна такъ думаю о *Быляхъ и Небылицахъ* и что безъ нихъ нашъ журналъ упалъ бы. Скажу болѣе. Насъ будутъ еще болѣе чуждаться; и тѣ, которые мѣшаютъ писателямъ помогать намъ, сочтутъ себя болѣе чѣмъ когда-либо въ правѣ преслѣдовать всѣхъ осмѣливающихся вы-

[1] Mémoirs of the princess Daschkaw, 314—317.

казывать умъ и любовь къ литературѣ... Боюсь быть невиннымъ орудіемъ непріятностей, испытываемыхъ честными людьми отъ своихъ начальниковъ. Если бы автору *Былей и Небылицъ* угодно было сказать нѣсколько словъ въ ободреніе пишущихъ, то онъ обязалъ бы и скромную издательницу, и публику [1]».

Знаменитые *Вопросы* Фонъ-Визина были однимъ изъ послѣдствій вызова на критику, съ которымъ редакція *Собесѣдника*, въ самомъ началѣ изданія, обратилась къ публикѣ. Примѣръ самихъ издателей долженъ былъ поощрять и другихъ къ доставленію сатирико-полемическихъ статеекъ. «Посланіе княгини Дашковой къ слову *такъ*», гдѣ нѣкоторыя колкія выходки могли быть приняты за личности, имѣло послѣдствіемъ возраженіе, показавшееся издателямъ такъ неприличнымъ, что они сочли нужнымъ напомнить критику, съ кѣмъ онъ имѣетъ дѣло. Тѣмъ не менѣе редакція честно соблюдала свое обѣщаніе, и, не всегда одобряя присылаемыя критическія замѣтки, всетаки печатала ихъ. Къ числу такихъ присылокъ принадлежали и *Вопросы* Фонъ-Визина. Они появились въ III-й книжкѣ особою статьею вмѣстѣ съ отвѣтами Екатерины II, въ два столбца, и притомъ съ поясненіемъ, снова подтверждающимъ, что государыня открыто причисляла себя къ составу редакціи. «Издатели Собесѣдника», было тутъ сказано, «раздѣлили трудъ разсматривать присылаемыя къ нимъ сочиненія между собою понедѣльно, равно какъ и отвѣтствовать на оныя, ежели того нужда потребуетъ. Сочинитель *Былей и Небылицъ*, разсмотрѣвъ присланные *Вопросы* отъ неизвѣстнаго, на оные сочинилъ отвѣты, кои совокупно здѣсь прилагаются».

[1] Vous voyez, Madame, que l'opinion que j'ai des *Были и Небылицы* ne m'est point particulière, et que notre journal tomberait sans eux. Je dirai même plus. L'on nous désertera davantage, et ceux qui empêchent les écrivains de nous aider se croiront plus autorisés que jamais à persécuter tous ceux qui oseront assumer de l'esprit et du goût pour la littérature.... Je crains d'être l'instrument innocent des désagréments que des honnêtes gens reçoivent de leurs supérieurs. Si l'auteur des *Были и Небылицы* voulait avoir la bonté d'exprimer quelques sentiments qui encourageassent les auteurs, il obligerait l'humble éditeur, et le public en même temps. (Подлинники этой переписки въ Госуд. архивѣ.)

Конечно, и самъ Фонъ-Визинъ, и княгиня Дашкова чувствовали смѣлость нѣкоторыхъ изъ вопросовъ. Есть преданіе, что Дашкова, вмѣстѣ съ И. И. Шуваловымъ, уговаривала Фонъ-Визина не присылать въ журналъ своихъ вопросовъ, но онъ не послушался [1]. Сначала они такъ непріятно поразили Екатерину, что она приписала ихъ мщенію Шувалова. Относительно произведеннаго ими впечатлѣнія любопытно слѣдующее письмо императрицы къ Дашковой: «Внимательно перечитавъ», говоритъ Екатерина, «извѣстную статью, я нахожу ее не такъ предосудительною, какъ она мнѣ сперва казалась. Еслибъ можно было напечатать ее вмѣстѣ съ отвѣтами, сатира потеряла бы свою рѣзкость, хотя всетаки могла бы дать поводъ къ такимъ же или еще бо́льшимъ дерзостямъ. Она безъ сомнѣнія идетъ отъ оберъ-камергера въ отплату за портретъ *нерѣшительнаго* во второй части *Собесѣдника*. Замѣтьте, что 14-й пунктъ помѣщенъ два раза, можетъ-быть съ тѣмъ, чтобы можно было одинъ изъ нихъ исключить, не нарушая порядка нумеровъ. Не похожа ли эта мелочная предосторожность именно на оберъ-камергера, который при всѣхъ своихъ движеніяхъ дѣлаетъ одинъ шагъ впередъ, а другой назадъ?» [2].

Вотъ тѣ два пункта, отмѣченные цыфрою 14, съ отвѣтами на нихъ:

В. «14. Имѣя монархиню честнаго человѣка, что бы мѣшало взять всеобщимъ правиломъ удостоиваться ея милостей одними честными дѣлами, а не отваживаться проискивать ихъ обманомъ и коварствомъ?».	О. «На 14. Для того, что вездѣ во всякой землѣ и во всякое время родъ человѣческій совершеннымъ не родится».
В. «14. Отчего въ прежнія времена шуты, шпыни и балагуры чиновъ не имѣли, а нынче имѣютъ, и весьма большіе?».	О. «На 14. Предки наши не всѣ грамотѣ умѣли. NB. Сей вопросъ родился отъ *свободоязычія*, котораго предки наши не имѣли; буде же бы имѣли, то начли бы на нынѣшняго одного десять прежде бывшихъ».

[1] С. Глинка, *Русское Чтеніе* II, 137.
[2] Memoirs of the pr. Daschkaw II, 93.

Надобно согласиться, что оба эти вопроса были довольно безцеремонны не только въ отношеніи къ приближеннымъ Екатерины, но и къ самой государынѣ, которой тутъ было прямо высказано, что она награждала недостойныхъ. Оттого и въ одномъ изъ отвѣтовъ своихъ она не умѣла скрыть нѣкотораго раздраженія.

Нѣсколькими годами ранѣе Фонъ-Визина, подобную же шутку позволилъ себѣ Хемницеръ въ баснѣ *Заяцъ обойденный при произвожденіи*, въ которой позднѣе заяцъ замѣненъ мартышкой. Здѣсь мартышка жалуется, что левъ не далъ ей награды, хотя она

«Передъ самимъ царемъ два года съ половиной
Шутила всякій день».

Барсукъ ей отвѣчаетъ, что хотя это и правда, что трудъ ея конечно былъ не малъ, но произвесть ее по службѣ невозможно потому,

«Что оберъ-шутовъ въ службѣ нѣтъ» [1].

Намекъ на награды, выслуживаемыя шутовствомъ, находимъ мы также въ баснѣ Державина *Левъ и волкъ* (напечатанной въ VIII-й книжкѣ *Собесѣдника*), гдѣ волкъ жалуется, что онъ не получилъ ленты, когда

«И пификъ съ лентою, и съ лентою оселъ,
Когда ихъ носитъ шутъ, да и слуга простой.
Левъ далъ отвѣтъ: «Вѣдь ты не токмо не служилъ,
Но даже никогда умно и не шутилъ».

Нельзя кажется сомнѣваться, что во всѣхъ трехъ случаяхъ предметомъ намековъ служилъ оберъ-шталмейстеръ Л. А. Нарышкинъ, о которомъ сама Екатерина нѣкогда замѣтила, что онъ рожденъ арлекиномъ [2].

Позволить себѣ такіе вопросы можно было только при боль-

[1] I, 124. Также *Сочиненія и письма Хемницера*, Спб. 1873. Стр. 164.
[2] Mémoires, 162. Ср. I, 730.

шомъ довѣріи къ великодушію и снисходительности монархини. Прочитавъ въ первый разъ вопросы Фонъ-Визина, Екатерина сказала: «Мы отмстимъ ему», и дѣйствительно нѣкоторые изъ отвѣтовъ ея были такъ ловко придуманы, что Фонъ-Визинъ призналъ себя побѣжденнымъ.

Но главный отвѣтъ государыни, въ которомъ она сдержала и свое обѣщаніе мести, былъ данъ не въ этихъ шуточныхъ афоризмахъ, наскоро набросанныхъ и появившихся вмѣстѣ съ вопросами, а въ той главѣ *Былей и Небылицъ*, которая вслѣдъ за тѣмъ напечатана въ IV-й книжкѣ. Тамъ Екатерина отвѣчаетъ рѣзче устами *дѣдушки*. Этотъ старичокъ, прочитавъ *Вопросы и Отвѣты*, пускается въ сравненіе настоящаго съ давнопрошедшимъ: «Въ наши времена», говоритъ онъ, «никто не любилъ вопросовъ: ибо съ оными и мысленно соединены были непріятныя обстоятельства; намъ подобные обороты кажутся неумѣстны; шуточные отвѣты на подобные вопросы не суть нашего вѣка: тогда каждый, поджавъ хвостъ, отъ оныхъ бѣгалъ». Продолжая шутить на эту тему, императрица представляетъ, какъ различно вопросы и отвѣты подѣйствовали на друга ИИИ, который больше плачетъ нежели смѣется, и на ААА, который болѣе смѣется нежели плачетъ. Первый огорчается отъ свободоязычія, послѣдній уподобилъ вопросы сборной ухѣ, а отвѣты свѣжепросольнымъ огурцамъ, оттого что онъ былъ голоденъ и у него на умѣ было кушанье. Въ свою очередь и дѣдушка, будучи не въ духѣ, «твердилъ непрестанно межъ зубовъ повторенный 14-й вопросъ», прикашливая поминутно: хемъ, хемъ. «Отдохнувъ нѣсколько, началъ онъ разбирать подробно члены его, и говорилъ: отчего?.. отчего?.. Ясно оттого, что въ прежнія времена врать не смѣли, а паче письменно безъ — хемъ хемъ хемъ — опасенія... За симъ слѣдовало: шуты — дѣдушка всѣхъ ихъ по именамъ знаетъ, начиная съ древнихъ, отличившихся и отличенныхъ, во всѣхъ пяти эпохахъ нашей исторіи [1]»... (Тутъ приведены черты петровской и послѣдующей старины: припоминаются Бахусъ, на бочкѣ пере-

[1] Такъ Екатерина дѣлила русскую исторію въ своихъ посвященныхъ этому предмету *Запискахъ*.

ѣзжающій съ кардиналами черезъ Неву, свадьба въ Ледяномъ домѣ и проч.) «Когда дѣдушка дошелъ до шпыней, тогда разворчался необычайно и крупно говоря: шпынь безъ ума быть не можетъ, въ шпыньствѣ есть острота; за то, что человѣкъ остро что скажетъ, вѣдь не лишить его выгодъ тѣхъ, кои въ обществѣ даются въ обществѣ живущимъ, или обществу служащимъ». Но самую язвительную выходку дѣдушка приберегъ къ концу своего разсужденія: «Дѣло дошло до балагуровъ, кои бываютъ не скучны, когда къ словоохотію присоединяютъ природный умъ или знаніе, а скучны лишь Маремьяны, плачущіе и о всемъ въ мірѣ косо и криво пекущіеся, отъ коихъ уже въ десяти шагахъ слышенъ духъ *скрытой зависти* противу ближняго»... Это былъ тяжкій для Фонъ-Визина намекъ на побудительную причину его вопросовъ, — намекъ тѣмъ болѣе обидный, что онъ вовсе не согласовался съ благороднымъ образомъ мыслей и честнымъ характеромъ этого писателя и былъ явно вызванъ неудовольствіемъ за высказанную имъ правду.

Въ отвѣтахъ Екатерины отражается гордое сознаніе, что въ ея время сдѣлалось возможнымъ многое, что́ прежде было не мыслимо. Ея не могло не огорчить, что одинъ изъ передовыхъ людей ея царствованія повидимому не признаетъ безмѣрной разницы между настоящимъ и прошлымъ. Спрашивая: «Чѣмъ можно возвысить упадшія души дворянства?» Фонъ-Визинъ какъ будто не замѣтилъ именно того, что́ Екатерина съ особенною гордостью себѣ приписывала, и она отвѣчала: «Сравненіе прежнихъ временъ съ нынѣшними покажетъ несумнѣнно, колико души ободрены, либо упали; самая наружность, походка и проч. то уже оказываетъ». Въ самомъ дѣлѣ, на глазахъ современниковъ совершилась въ духѣ управленія и въ общемъ настроеніи неимовѣрная перемѣна; въ настоящемъ не узнавали Россію временъ Анны и даже Елисаветы. Непризнаніе этого успѣха не могло не быть чувствительнымъ для той, которая считала себя его виновницей. Въ *Быляхъ и Небылицахъ* она такъ говоритъ объ отсталомъ человѣкѣ: «онъ мысли и понятіе о вещахъ, кои сорокъ лѣтъ назадъ имѣлъ, и теперь тѣ же имѣетъ, хотя вещи въ существѣ весьма перемѣнились: напр. и нынѣ еще жалуется на

несправедливость воеводъ и ихъ канцелярій, коихъ однако ужъ нигдѣ нѣтъ. Въ свое время сей человѣкъ слылъ смышленымъ и знающимъ, но какъ нынѣ вещи перемѣнились и смыслъ распространился, а его понятіе отстало, онъ же къ тому понятію привыкъ и далѣе не пошелъ, то о настоящемъ говоритъ онъ, какъ говаривалъ сорокъ лѣтъ назадъ о тогдашнемъ» (кн. V, 141).

Въ одной книжкѣ съ этими строками помѣщено извиненіе, присланное Фонъ-Визинымъ въ видѣ письма на имя автора *Былей и Небылицъ*. Онъ самъ хорошо понялъ главную причину досады, явно просвѣчивавшей въ отвѣтахъ государыни, и зналъ, съ чего начать свое оправданіе: «Можете быть увѣрены», говоритъ онъ, «что я ни вамъ и никому изъ моихъ согражданъ не уступлю въ душевномъ чувствованіи неисчетныхъ благъ, которыя въ теченіе слишкомъ двадцати лѣтъ изливаются на благородное общество (т. е. на дворянъ). Надобно быть извергу, чтобъ *не признавать*, какое ободреніе душамъ подается». За тѣмъ Фонъ-Визинъ восхваляетъ данное незадолго передъ тѣмъ разрѣшеніе заводить частныя типографіи и выражаетъ надежду, что оно «послужитъ не только къ распространенію знаній человѣческихъ, но и къ подкрѣпленію правосудія». Не забылъ Фонъ-Визинъ коснуться и 14-го вопроса: «Статьею о шпыняхъ и балагурахъ», говоритъ онъ, «хотѣлъ я показать только несообразность балагурства съ большимъ чиномъ»... Далѣе онъ сознается что не умѣлъ исполнить своего добраго намѣренія и сообщить своимъ вопросамъ «приличнаго оборота», почему онъ и рѣшился не выпускать новыхъ, заготовленныхъ имъ вопросовъ, — чтобъ не давать другимъ повода къ дерзкому *свободоязычію*, которое онъ всей душой ненавидитъ. Напечатаніе этого письма», заключалъ авторъ вопросовъ, «будетъ для меня весьма лестнымъ знакомъ, что вы моимъ объясненіемъ довольны»; въ противномъ случаѣ онъ хотѣлъ «во всю жизнь за перо не приниматься».

Это оправданіе не только было напечатано въ слѣдующей книжкѣ *Собесѣдника*, но удостоилось чести явиться въ самомъ составѣ *Былей и Небылицъ* рядомъ съ отпущеніемъ, въ которомъ объясненіе Фонъ-Визина названо «добровольною исповѣдью», а самъ онъ «кающимся»; но тутъ же очень тонко при-

бавлено: «въ семъ случаѣ разрѣшеніе зависитъ не отъ кого иного, какъ отъ многоголовой публики; мое же дѣло тутъ постороннее».

Въ одной книжкѣ съ вопросами Фонъ-Визина, кромѣ отвѣтовъ императрицы, помѣщены и объясненія редакціи на разныя критическія замѣтки. Все это любопытно тѣмъ, что знакомитъ насъ съ толками, вызванными въ публикѣ появленіемъ *Собесѣдника*. Такъ нѣкоторые находили, что первыя двѣ части его заключаютъ въ себѣ одну пустошь, глупости и враки; другіе утверждали, что всѣ безъ подписи напечатанныя статьи написаны самими издателями: «превеликая толпа разнаго рода людей на нихъ гнѣвалась... Большая же часть читателей заражена охотою отгадывать. Всякая толстая баба на тонкихъ каблучкахъ сердится, думая, что навѣрное она — архангелогородская кума (являющаяся въ *Быляхъ и Небылицахъ*). Одинъ дѣдушка сколькимъ повернулъ головы! Съ какою хитростью доискиваются, кто мужъ и жена, которымъ дѣдушка былъ другъ!» «Вы», говоритъ издателямъ мнимый корреспондентъ, «имѣете противъ себя всю чернь авторовъ и читателей. Первые гнѣваются, для чего не печатаете того, что́ всѣхъ дремать заставляетъ; вторые — для чего печатаете то, что́ души отъ дремоты пробуждаетъ. Васъ не любятъ тѣ, которые не умѣютъ писать. Васъ не любятъ и тѣ, которые не умѣютъ читать». Тутъ опять прорывается неудовольствіе на Любослова: «чрезъ неумѣющихъ писать», продолжаетъ авторъ, «разумѣю я не тѣхъ, кои литеръ ставить не знаютъ, но тѣхъ прескучныхъ Любослововъ, кои слова́ безъ вещей писать любятъ» (кн. III, 151). Въ заключеніе пишущій совѣтуетъ издателямъ держаться своихъ хорошихъ сотрудниковъ: сочинителей *Записокъ* и *Былей*, какого-то звенигородскаго корреспондента — чуть ли не самой Дашковой — и Державина. О послѣднемъ сказано: «Продолжайте ободрять искусное и пріятное перо арабскаго переводчика». Статейка кончается словами: «держитесь принятаго вами единожды навсегда правила: не воспрещать честнымъ людямъ свободно изъясняться. Вамъ нѣтъ причины страшиться гоненія за истину подъ державою монархини,

Qui pense en grand homme et qui permet qu'on pense
(Epître de Voltaire à Catherine II)».

4. Главный критикъ Собесѣдника Любословъ. Неизвѣстный и графъ Н. П. Румянцовъ.

Изъ критиковъ *Собесѣдника* всѣхъ непріятнѣе издателямъ и сотрудникамъ былъ *Любословъ*. Уже первыя грамматическія и стилистическія замѣчанія его, какъ было показано, очень не понравились; его упрекали въ педантизмѣ, иронически называли грамматикомъ и выражали желаніе увидѣть никому не извѣстныя собственныя его сочиненія: онъ всѣмъ показался выскочкой и непризваннымъ критикомъ. Почти всѣ задѣтые имъ авторы, Капнистъ, Фонъ-Визинъ, княгиня Дашкова и сама императрица, возражали ему, — лучшее доказательство, что его обвиненія попали въ цѣль. Но еще болѣе раздражилъ онъ противъ себя участниковъ *Собесѣдника*, когда въ VII-й книжкѣ явилась его статья: *Начертаніе о россійскихъ сочиненіяхъ и россійскомъ языкѣ*, которую онъ написалъ, какъ самъ пояснилъ, именно съ тѣмъ чтобъ показать образчикъ своего авторства. Хотя вообще Любословъ выражалъ тѣ же мысли, которыя старались распространять сами редакторы *Собесѣдника*, напр. указывалъ на богатство и силу русскаго языка, осуждалъ предпочтеніе ко всему иностранному, выставлялъ древность и многочисленность славянскихъ народовъ въ Европѣ, наконецъ хвалилъ Екатерину II и Дашкову, но наставительный тонъ всей статьи, ученый складъ ея и требованіе соблюденія строгихъ правилъ при всякомъ сочиненіи, все это послужило новымъ поводомъ къ нападкамъ на Любослова. Не полюбился издателямъ и слогъ его. Особенно первый, длинный и дѣйствительно неловкій періодъ его статьи, съ натянутыми выраженіями, обратилъ на себя общее вниманіе, и многіе сотрудники журнала, не исключая самой Екатерины, стали насмѣшливо повторять нѣкоторыя изъ этихъ выраженій. Вотъ начало статьи: «Эпоха нынѣшняго времени, въ которое лучи мысленнаго свѣта, разливающіяся изъ общаго средоточія и озаряющіе, съ бо́льшею нежели когда-нибудь, силою обширные Россійскіе предѣлы, сильнымъ преломленіемъ въ умахъ Россіянъ возбуждаютъ стремительное рвеніе къ нравственному просвѣщенію, когда несравненныя Монархини великодушнымъ ободре-

ніемъ разныя знанія, художества и словесныя науки очевидно возрастаютъ, и, кромѣ многочисленныхъ переводовъ, собственныя сочиненія *съ чрезвычайною охотою, хотя безъ предписанныхъ правилъ, однако утвержденныя общимъ согласіемъ»* (не могла ли императрица принять этихъ словъ на счетъ своихъ *Былей и Небылицъ?*) «простираются отъ часу лучшими успѣхами, подаетъ мнѣ поводъ о семъ полезномъ и притомъ не безтрудномъ дѣлѣ расположить въ порядокъ начертанія мои, и сообщить опыя всѣмъ остроумнымъ словесныхъ наукъ любителямъ?»

Послѣ появленія этого *Начертанія,* на Любослова посыпались колкія выходки. Хотя Дашкова менѣе всѣхъ была задѣта имъ (именно только нѣсколькими легкими замѣчаніями о стихахъ посланія къ слову *такъ*), однакожъ и она, въ угожденіе государынѣ, очень рѣзко отозвалась о немъ [1], насмѣхаясь болѣе всего надъ его «превыспреннимъ и премногодлиннымъ періодомъ», въ которомъ авторъ «словами помыкаетъ, нагоняя слово на слово какъ ребятишки кнутами кубари посылаютъ... Мнѣ простаку кажется, что г. Любословъ *средоточіе* здраваго разсудка потерялъ». Ниже увидимъ, какъ сама императрица полемизировала противъ Любослова и чѣмъ особенно онъ навлекъ на себя ея неудовольствіе.

Кто былъ этотъ Любословъ? Изъ статьи и замѣтокъ его видно, что онъ былъ человѣкъ ученый, зналъ древніе языки и стоялъ въ уровень съ требованіями тогдашняго филологическаго образованія, хотя его разсужденія о признакахъ сравнительной древности языковъ и возбуждаютъ въ нынѣшнее время улыбку. Замѣчательны его довольно вѣрныя свѣдѣнія о славянскихъ народахъ. Указавъ на древность славянскихъ языковъ, онъ обращаетъ вниманіе на распространеніе ихъ «отъ горъ Алпійскихъ до Восточнаго океана, отъ Дуная до Ледовитаго моря»; затѣмъ

[1] См. письмо къ издателямъ передъ *Записками Разносчика* (кн. IX, стр. 9). Императрица, которой эта статья была предварительно представлена въ рукописи, замѣтила: «При чтеніи статьи Разносчика я бы побожилась, что сама писала ее, до такой степени она мнѣ кажется близкимъ подражаніемъ» (Memoirs of the pr. of Daschkaw II, 99 — 100).

онъ называетъ «Россіянъ, Поляковъ, Болгаръ, Сербовъ, Моравовъ, Кроатовъ, Чеховъ, Славянъ, Литву, Вендовъ, показующихъ ясно, и коль силенъ и великъ былъ народъ Славенскій, толикія произведшій поколѣнія» (кн. VII, 158). Такой взглядъ, въ то время довольно рѣдкій, заставляетъ предполагать, что авторъ этихъ строкъ зналъ о другихъ славянскихъ народахъ не по наслышкѣ, а самъ побывалъ на мѣстахъ ихъ жительствъ. Главнымъ предметомъ его занятій была однакожъ, повидимому, не филологія, а естествознаніе или математика; на эту мысль наводитъ насъ между-прочимъ его замѣчаніе, «что знаніе вещественныхъ наукъ превосходитъ красоту рѣчей.» Что Любословъ (хотя и выдавалъ себя за «филолога») любилъ математику, можно заключить изъ характера метафоръ его, предполагающихъ знакомство съ оптикой и астрономіей.

Въ одномъ письмѣ къ императрицѣ, писанномъ вѣроятно около середины декабря 1783 г., Дашкова говоритъ: «Я припоминаю теперь, что ваше величество третьяго дня сказали мнѣ, будто я разсердилась на *Морозова*, и такъ какъ изъ этого вы можете заключить о моемъ дурномъ расположеніи духа, то я должна объяснить вашему величеству всю правду. Я Морозова не знаю, и онъ почти одну меня щадилъ въ своихъ критикахъ: изъ этого вы усмотрите, что я не имѣла причины на него сердиться и что мнѣ напрасно приписывали это чувство»[1]. Такъ какъ тутъ рѣчь идетъ о *критикахъ* (т. е. о нѣсколькихъ критическихъ статьяхъ, а не объ одной) и притомъ касавшихся разныхъ лицъ, то имя Морозова не можетъ относиться ни къ кому иному, кромѣ Любослова. Дашкову онъ дѣйствительно задѣлъ только разъ и притомъ, какъ мы уже замѣтили, слегка. Не былъ ли это тотъ Иванъ Морозовъ, который въ 1783 году служилъ въ кабинетѣ при собственныхъ дѣлахъ и у принятія прошеній при Храповицкомъ? Что ему не чужды были какъ словесныя, такъ и естественныя науки, видно изъ его двухъ переводовъ съ нѣмецкаго: «Сокращеніе всѣхъ наукъ» и «Философиче-

[1] Подлинникъ въ Гос. архивѣ. Ср. Пекарскаго *Матеріалы*, стр. 78.

ское разсужденіе о перерожденіи животныхъ» (оба изданы въ 1780 годахъ) [1].

Еслибъ не свѣдѣніе, почерпаемое изъ указаннаго письма Дашковой, то за Любослова можно бы принять *Румовскаго*, который, по свидѣтельству митрополита Евгенія, помѣстилъ въ *Собесѣдникѣ* нѣсколько статей, между-прочимъ, какъ можно полагать, напечатанную въ 1-й книжкѣ *Систему міра*. Своею фразеологіею эта статья довольно близко подходитъ къ *Начертанію* Любослова. Впрочемъ противъ такого предположенія можно бы еще выставить вопросъ, вѣроятно ли, чтобы членъ обѣихъ академій захотѣлъ стать въ непріязненное отношеніе къ журналу, къ которому популярная между академиками предсѣдательница питала материнскія чувства? Поэтому еще менѣе можно допустить высказанную однимъ уважаемымъ литераторомъ догадку, что подъ именемъ Любослова скрывался Лепехинъ, который, по показанію Евгенія, также участвовалъ въ *Собесѣдникѣ**.

Изъ другихъ критиковъ этого журнала заслуживаютъ быть упомянутыми: во-первыхъ, кто-то назвавшійся «Невѣждой, желающимъ пріобрѣсть просвѣщеніе» и помѣстившій въ своихъ «сумнительныхъ предложеніяхъ» между-прочимъ нѣсколько замѣчаній на стихи *Фелицы*; во-вторыхъ, графъ Николай Петровичъ Румянцовъ. Статейка *Невѣжды* была сообщена въ рукописи Державину и напечатана въ IV-й книжкѣ *Собесѣдника* вмѣстѣ съ возраженіями поэта. И нападеніе, и защита очень оригинальны. Критикъ между-прочимъ осуждаетъ стихъ:

«Младой дѣвицы чувства нѣжа».

Державинъ отвѣчаетъ: «Ежели нѣтъ у г. Невѣжды прекрасной женщины, которая бы пріятными своими объятіями нѣжила его осязаніе; то не благоволитъ ли онъ приказать себя кому хорошенько ожечь или высѣчь? Когда сіе ему сдѣлаетъ хотя небольшую боль, то вѣроятнѣе всѣхъ ученыхъ доказательствъ изъ собственнаго своего опыта познаетъ онъ, что оскорблять чувства, слѣдовательно и нѣжить, можно» (кн. IV, 12). Окончивъ свои

[1] См. Сопикова и Смирд. *Роспись*.

замѣчанія, критикъ жалѣетъ, что можетъ-быть «помѣшалъ удовольствію, которое стихотворецъ отъ звука похвалъ вкушаетъ».— «Не коротко зная сочинителя» (говоритъ Державинъ), «напрасно г. Невѣжда сожалѣетъ объ этомъ: ибо свѣча его, какъ кажется, худо просвѣщаетъ, а сочинитель человѣкъ сырой, спитъ всегда крѣпко и мало слушаетъ похвалъ; то и не огорчается, если кто и вздумаетъ пресѣкать оныя. Ежели жъ кто его и разбудитъ не дѣльно, то онъ, безъ всякаго однако сердца, отзывается: Поди, братецъ, съ своими пустяками отъ меня прочь и не мѣшай мнѣ спать» (кн. IV, 15).

Графъ Румянцовъ, незадолго передъ тѣмъ возвратившійся изъ-за границы, прислалъ письмо на имя «сочинителя о россійской исторіи» (т. е. Екатерины II), напечатанное въ III-й книжкѣ безъ подписи. Критикъ, употребляя особенный риторическій пріемъ, какъ будто порицаетъ то, что составляетъ достоинство *Записокъ*, и говоритъ между-прочимъ: «Вамъ все кажется, чему повѣрить трудно, того въ исторіи и писать не должно. Да намъ-то что жъ за забава читать лишь бытія простыя и возможныя?.. Вы и слоновыя кости, въ Сибири лежащія, не вопрошаете... вы предпочитаете сему описаніе нравовъ и обычаѣвъ; а больше всего, мнѣ кажется, остерегаетесь витійства слога» (кн. III, 169). Но Екатеринѣ этотъ способъ одобренія повидимому не понравился; можетъ-быть ее укололъ слишкомъ поучительный тонъ письма и нѣкоторыя черезъ-чуръ фамильярныя выраженія. По крайней мѣрѣ, она не отвѣчала на это письмо, и выразила неодобреніе его тѣмъ, что въ слѣдующей главѣ *Былей и Небылицъ* (кн. IV, 172) представила дѣдушку гнѣвающимся на то, что въ *Собесѣдникѣ*, назначенномъ для очищенія языка, пишутъ авторы, которые «писавъ по-русски, думаютъ на иностранномъ языкѣ, ибо, читая по-русски, мысли и обороты иностраннаго языка намъ Русакамъ кажутся сумбуръ несносный» [1].

Надобно замѣтить, что Румянцовъ передъ тѣмъ долго жилъ

[1] Въ *Собесѣдникѣ* читаемъ: «какъ Русакамъ»; это очевидно опечатка. Такъ точно выше мы поставили «отзывается» вмѣсто не отвѣчающаго смыслу «открывается».

въ чужихъ краяхъ и нѣкогда слушалъ лекціи въ Лейденскомъ университетѣ. Правда, что у него можно найти нѣсколько галлицизмовъ; но нельзя вообще упрекать его въ нерусскомъ складѣ рѣчи. Затѣмъ въ VII-й книжкѣ появилась еще статья того же автора: «Предисловіе къ исторіи Петра Великаго» при письмѣ къ сочинителю *Былей и Небылицъ*. Остроумное, въ шуточномъ тонѣ написанное письмо тутъ же удостоилось такого же отвѣта. Что касается самаго предисловія, которое составляетъ родъ похвальнаго слова Петру Великому, то о немъ упомянуто лишь вскользь безъ всякаго отзыва, изъ чего можно заключить, что и оно, подобно прежнему письму, не понравилось. Еще яснѣе видно это изъ того, что когда въ VIII-й книжкѣ появился разборъ «предисловія» Румянцова, то Дашкова въ одной запискѣ къ императрицѣ замѣтила, что авторъ получилъ добрый урокъ. Причиной неудовольствія была, кажется, исключительная честь, воздапная въ статьѣ Петру Великому, такъ что на долю его продолжательницы приходилось ужъ слишкомъ мало: Екатерина названа его «порожденіемъ» и притомъ замѣчено, что дѣло «нашего гражданскаго положенія» могло бы быть имъ самимъ уже довершено, еслибъ тому не помѣшала многолѣтняя война. Зато и досталось Румянцову: въ «прошеніи къ издателямъ», въ VIII-й книжкѣ, опять несправедливые нападки на языкъ его и положительная просьба «впредь такихъ сочиненій не печатать». Еще рѣзче выходки Дашковой противъ того же автора въ IX-й книжкѣ, въ *Запискахъ Разносчика*. Хотя Румянцовъ нигдѣ не названъ, но въ обѣихъ статьяхъ очень прозрачные намеки на знатность и даже на графскій титулъ критикуемаго лица.

Такимъ образомъ мы видимъ въ *Собесѣдникѣ* совершенно особенное явленіе, чуждое нравамъ и обычаямъ нынѣшней журналистики: издатели печатаютъ всѣ доставляемыя имъ, противъ нихъ же направленныя замѣтки, но за тѣмъ сами же защищаются и полемизируютъ. Наконецъ однакожъ въ самой редакціи произошелъ разладъ: по выраженію Екатерины въ одномъ письмѣ къ Гримму [1], шутники или шуты (les bouffons) журнала разссо-

[1] *Сборн. Ист. Общ.* XXIII, 289.

рились съ издателями, веселый сатирическій характеръ въ немъ исчезъ, и это было началомъ паденія *Собесѣдника*.

5. Нарышкинъ и княгиня Дашкова.

Подъ шутниками *Собесѣдника* императрица разумѣла преимущественно Льва Ал. Нарышкина, хотя онъ, собственно говоря, былъ ея же орудіемъ въ этомъ журналѣ. Нарышкину, по самому свойству его ума и характера, многое должно было казаться смѣшнымъ въ личности княгини Дашковой, этого на его взглядъ «академика въ чепцѣ». Мы не знаемъ, по какимъ причинамъ государыня уже въ V-й книжкѣ (вышедшей 16-го сентября) заявила, что она намѣрена прекратить *Были и Небылицы*, такъ какъ дѣдушка уѣхалъ въ деревню, другъ ИИИ отправился въ полкъ, другъ ААА посланъ за масонскими дѣлами въ Швецію (намекъ на связь русскихъ масоновъ съ стокгольмскими), да и самъ авторъ думаетъ удалиться. Въ слѣдствіе такого прискорбнаго заявленія, одинъ изъ издателей (конечно, не кто другой какъ Дашкова) въ той же книжкѣ упрашиваетъ автора *Былей и Небылицъ* пощадить *Собесѣдникъ*, котораго, въ случаѣ ихъ отсутствія, уже ни раскупать, ни читать не станутъ. Въ слѣдующей книжкѣ явилось письмо къ издателямъ, писанное очевидно тѣмъ же перомъ и въ томъ же духѣ, но въ другой формѣ, т. е. *Были и Небылицы* какъ будто осуждаются за то, что въ нихъ нѣтъ риторическихъ общихъ мѣстъ и метафоръ, нѣтъ нравоученія и ученыхъ разсужденій, нѣтъ ни иносказаній, ни громкаго высокаго слога.

Это письмо, повидимому, произвело на государыню непріятное впечатлѣніе; въ VII-й книжкѣ (вышедшей 28-го октября) явился сатирическій отвѣтъ, подписанный: «Каноникъ, извѣстный покровитель Былей и Небылицъ, членъ общества незнающихъ, котораго принятая надпись есть Ignoranti Bambinelli.... обыкновенная же надпись текущимъ дѣламъ слово *мимо*».

Отъ княгини Дашковой не могло укрыться, что Каноникомъ былъ Нарышкинъ [1]; ей нетрудно было понять, что подъ *об-*

[1] Ср. Mémoirs II, 93.

ществомъ незнающихъ разумѣлась только-что основанная Россійская Академія, а можетъ-быть и Академія Наукъ. Содержаніе же отвѣта было очень колко и кончалось слѣдующею недвусмысленною фразой: «Сожалѣтельно конечно, что не всякому врачу разбирательство болѣзни повинуется: аще который примется не узнавъ, гдѣ, какъ, къ чему и для чего, тотъ со всею прилежностью ошибкамъ подверженъ быть можетъ; изъ сего слѣдуетъ неминуемо, что не должно рѣшительно располагать ни о чемъ, что не совершенно кому извѣстно и не судить ближняго своего, не зная его ни съ лица, ни съ бока, ни съ тыла и пр., и пр., и прочее». (VII, 119). Не надо упускать изъ виду, что Нарышкинъ не могъ перенести равнодушно 14-го вопроса Фонъ-Визина и долженъ былъ чувствовать нѣкоторое раздраженіе и противъ автора его, и противъ Дашковой. Дѣйствительно, въ письмѣ, откуда извлечено приведенное мѣсто, есть указаніе на то: «До метафоръ», говоритъ Каноникъ, «по совѣсти сказать, я не чрезмѣрный охотникъ съ того времени, какъ я слышалъ отъ сосѣда моего, какъ шуты, шпыни и балагуры оными аки шаромъ играютъ».

Къ объясненію отношеній между Нарышкинымъ и Дашковой служитъ одно свидѣтельство Державина. Онъ разсказываетъ [1], что *Были и Небылицы* писались императрицею въ собраніи многихъ приближенныхъ, которое для шутки называлось *палатою съ чутьемъ* и въ которомъ участвовала также княгиня Дашкова. Она была у государыни каждый день послѣ обѣда отъ 4-хъ часовъ до 7 и этимъ вошла въ большую силу. Между тѣмъ, при открытіи Россійской академіи, она, какъ президентъ этого учрежденія, произнесла рѣчь (по словамъ Державина, кѣмъ-то другимъ сочиненную), и Екатерина въ собраніи названной палаты позволила Нарышкину представить отсутствовавшую княгиню въ каррикатурѣ, смѣшнымъ голосомъ и съ шутовскими ужимками. Княгиня разсердилась и всѣхъ разбранила. Нарышкинъ, вмѣстѣ съ графомъ И. Г. Чернышевымъ, поднялъ на смѣхъ и это. Съ тѣхъ поръ императрица заперла княгинѣ Дашковой двери

[1] III, 625.

на послѣобѣденныя литературныя бесѣды и оставила за нею только право являться по воскресеньямъ для доклада; вмѣстѣ съ тѣмъ однакожъ пожаловала ей 25,000 руб. на постройку дачи, чтобы ей было чѣмъ послѣ обѣда заниматься. Въ слѣдствіе того *Собесѣдникъ* сталъ упадать: императрица перестала участвовать въ немъ, потому что все присланное ею княгиня, желая блеснуть умомъ, критиковала, переправляла и даже шутила насчетъ сочинительницы въ присутствіи не только многихъ соотечественниковъ, но и иностранцевъ. Въ этомъ свидѣтельствѣ Державина есть неточности и преувеличенія; но въ основаніи оно справедливо. Доказательствомъ тому служитъ напечатанная въ VIII-й книжкѣ *Общества незнающихъ ежедневная записка*, статейка, подписанная: «Скрѣпилъ извѣстный Каноникъ». *Записками* называла свои протоколы вновь учрежденная Россійская академія. Изъ первыхъ словъ заглавія видно, какъ именно называлось шуточное собраніе, едва ли въ самомъ дѣлѣ имѣвшее мѣсто, но предполагавшееся въ комнатахъ императрицы. Это названіе, которое на стѣнѣ было написано крупными буквами по италіянски: Ignoranti Bambinelli, объясняется въ самой статьѣ однимъ изъ опредѣленій общества: «Предписывается отказать пріемъ тому, кто не учась или учась не умѣетъ выговорить слово *не знаю*; наипаче знающимъ все, и о всемъ въ длину и поперекъ безумолкно разсуждающимъ, равномѣрно и тѣмъ, кои ближнему своему не даютъ выговорить ни слова» (VIII, 51). Мы здѣсь встрѣчаемся съ одною изъ любимыхъ мыслей Екатерины, которую она не разъ выражала и при другихъ случаяхъ; напр. по свидѣтельству графа Сегюра, она говорила ему: «Какъ жаль мнѣ этихъ бѣдныхъ ученыхъ! Они никогда не смѣютъ произнести двухъ самыхъ простыхъ словъ *не знаю*, которыя для насъ простыхъ невѣждъ такъ легки» и т. д. [1]. Согласно съ этимъ взглядомъ Екатерины II, и Державинъ въ *Фелицѣ* говоритъ объ «ученыхъ невѣждахъ», которые намъ

«Какъ мгла у путниковъ тмятъ вѣжды» (I, 140).

[1] Mém. de Ségur II, 124. См. также собственноручную замѣтку императрицы въ *Русск. Арх.* 1865 г. стр. 1279.

Что касается *палаты съ чутьемъ*, упомянутой Державинымъ въ приведенномъ выше свидѣтельствѣ, то въ пасквилѣ Каноника, о которомъ рѣчь идетъ, есть такое опредѣленіе: «Собраніе раздѣлить на двѣ палаты. Первая имѣетъ слыться палата съ чутьемъ, вторая безъ чутья. Члены будутъ переходить по временамъ, какъ болѣе или менѣе окажутъ способности, изъ одной палаты въ другую». Около того же времени императрица, въ своей перепискѣ съ Гриммомъ, нѣсколько разъ упоминая о *Собесѣдникѣ*, какъ весьма забавномъ журналѣ, говоритъ: «Чтобы позабавить васъ, мнѣ бы хотѣлось послать вамъ въ переводѣ нѣкоторыя шутки этого пестраго журнала: между-прочимъ тамъ является общество незнающихъ, раздѣленное на двѣ палаты: одна съ чутьемъ (такъ называется обоняніе охотничьихъ собакъ), другая—безъ чутья. Эти двѣ палаты судятъ обо всемъ вкривь и вкось; вторая рѣшаетъ по здравому смыслу дѣла́, которыя первая ей представляетъ; все это ведется такъ серіозно и офиціально, что читатель помираетъ со смѣху, и тутъ есть выраженія, которыя останутся поговорками»[1].

Вся статья содержитъ въ себѣ описаніе засѣданій общества незнающихъ; здѣсь дѣлаются самыя пустыя предложенія, теряется время въ нелѣпыхъ разсужденіяхъ или молчаніи, а рѣшенія по большой части заключаются въ одномъ словечкѣ: *мимо*. Безъ всякаго толку члены переводятся изъ одной палаты въ другую. Постановляются правила пріема сочиненій и избранія членовъ, при чемъ, какъ необходимое условіе, требуется въ членѣ веселость нрава; поэтому единодушно приняты сочиненія извѣстнаго Каноника, которыя какъ сущій кладъ хранятся въ архивѣ общества. Наконецъ тутъ не забытъ и Любословъ, выраженія котораго осмѣиваются на нѣсколькихъ страницахъ. Одну изъ главныхъ принадлежностей этой пародіи академическихъ протоколовъ составляютъ, такъ же какъ въ *Быляхъ и Небылицахъ*, примѣчанія и NB, которыя императрица не разъ рекомендовала и Гримму, какъ заслуживающія подражанія. Что вся статья принадлежала перу самой Екатерины, въ этомъ, кромѣ внутрен-

[1] *Сборн. Ист. Общ.* XXIII, 291.

нихъ доказательствъ, убѣждаетъ и то, что дошедшая до насъ часть рукописи *ежедневной записки* писана рукою императрицы [1].

Княгиня Дашкова не могла не оскорбиться, и при первомъ же свиданіи съ Нарышкинымъ выразила ему свое неудовольствіе. Произошли недоразумѣнія, которымъ не осталась чужда сама государыня. Въ серединѣ ноября, за нѣсколько дней до выхода VIII-й книжки, она особою запиской потребовала у княгини обратно продолженіе своихъ *Былей и Небылицъ* и все то, что было послано въ журналъ, но еще не напечатано. Исполняя волю императрицы, Дашкова умоляла ее попрежнему печатать въ *Собесѣдникѣ* названное сочиненіе и прислать статьи Каноника: «Я ихъ напечатаю съ большимъ удовольствіемъ; я въ отчаяніи, что повидимому дурно выразилась, ибо увѣряю васъ, что только послѣ того какъ самъ г. Каноникъ два раза со мною объяснялся о нихъ, я не могла удержаться чтобъ не дать ему совѣта, который долженъ быть извѣстенъ всякому вступающему на литературное поприще»[2]. Но напрасно Дашкова нѣсколько разъ возобновляла свою просьбу возвратить ей взятыя рукописи и приказать доставить продолженіе протоколовъ Каноника; напрасно она писала:«Я никогда не считала этого серіознымъ: ваше величество можете припомнить, что въ продолженіе трехъ недѣль, когда доходили до меня слухи о мнѣніи публики, что надъ возникающею академіей насмѣхаются, я не только не обращала на то вниманія, но сама шутила и диктовала Канонику»[3].... Въ *Собесѣдникѣ* есть однакожъ явное доказательство тому, что Дашкова немедленно по напечатаніи пародіи Каноника позволила себѣ маленькое мщеніе, и орудіе къ тому доставилъ ей Державинъ: нельзя, безъ сомнѣнія, считать случайностью, что вслѣдъ за подписью Каноника, на той же страницѣ, напечатана, конечно безъ означенія

[1] Часть этого автографа хранится въ Государственномъ архивѣ, другая въ Публичной библіотекѣ.

[2] Пекарскаго *Матеріалы*, стр. 78.

[3] Тамъ же.

подъ нею имени автора, басня: «Заслуги свои часто измѣряемъ мы несправедливо», о которой было уже упомянуто выше (стр. 323) по связи съ 14-мъ вопросомъ Фонъ-Визина.

Понятно, къ кому издательница относила употребленное въ этихъ стихахъ названіе *шута*. Дѣйствіе басни хотѣла она смягчить приписаннымъ къ ней въ прозѣ нравоученіемъ, «что самолюбіе наше употребляетъ разные вѣсы, когда свои или чужія достоинства мы вѣсимъ»; но тѣмъ не менѣе смыслъ басни былъ очень ясенъ и приложеніе ея легко.

Екатерина вполнѣ понимала, чего лишается *Собесѣдникъ* съ прекращеніемъ ея шутливыхъ статей. Вотъ что она писала на этотъ счетъ Гримму: «Я нахожу, что вы прекрасно пользуетесь примѣчаніями и NB петербургскаго ералашнаго журнала. Какъ бы вы хохотали за чтеніемъ разныхъ въ немъ пустяковъ; но теперь онъ ужъ не будетъ такъ хорошъ, потому что шутники этого журнала разссорились съ издателями; но послѣдніе останутся въ проигрышѣ: журналомъ не могли нахвалиться и городъ и дворъ» [1].

Однакожъ, чтобъ не вполнѣ лишить *Собесѣдникъ* своего сотрудничества, императрица продолжала въ каждой книжкѣ его помѣщать свои *Записки касательно россійской исторіи*. Какъ ни высоко цѣнила она это сочиненіе, отъ нея не могло укрыться, что не ему журналъ княгини Дашковой преимущественно былъ обязанъ своимъ успѣхомъ. Содержа большею частью сухія выписки изъ лѣтописей, *Записки* не могли привлекать читателей и спасти журналъ отъ быстраго паденія. Послѣ VIII-й книжки, гдѣ въ послѣдній разъ явились *Были и Небылицы* (вмѣстѣ съ протоколами Каноника), *Собесѣдникъ* кое-какъ продержался только полгода. Съ іюня 1784 г. онъ перестал̆ъ выходить регулярно; въ этомъ самомъ мѣсяцѣ послѣдовала кончина Ланского, повергшая Екатерину въ глубокую печаль, и продолжительный перерывъ въ изданіи *Собесѣдника* могъ быть въ прямой зависимости отъ этого событія. Княгиня Дашкова конечно ждала продолженія *Записокъ* по русской исторіи, но не дождалась ихъ,

[1] *Сборн. Истор. Общ.* XXIII, 291.

и наконецъ, не прежде сентября 1784 г., выпустила въ свѣтъ послѣднюю, XVI-ю книжку *Собесѣдника* съ неконченной статьею Козодавлева о причинахъ возвышенія и упадка этого журнала. Въ этой книжкѣ разсказаны только причины его возвышенія; *Собесѣдникъ* умеръ, не успѣвъ даже досказать своей автобіографіи. Да и какъ объяснилъ бы Козодавлевъ передъ публикой разладъ въ средѣ редакціи, бывшій виною погибели изданія? какъ прошелъ бы онъ невредимо между Сциллой и Харибдой?

6. Дальнѣйшее участіе Державина въ Собесѣдникѣ.

Въ *Собесѣдникѣ* напечатано шестнадцать пьесъ Державина, но изъ нихъ только пять совершенно новыхъ (если не считать еще трехъ мелочей): остальныя явились уже прежде въ *С.-Петербургскомъ Вѣстникѣ*. Перепечатка ихъ служитъ доказательствомъ, что онѣ до тѣхъ поръ были извѣстны немногимъ. Теперь только онѣ обратили на Державина общее вниманіе; нѣкоторыя изъ нихъ, какъ то: *Къ сосѣду моему Г.*, *На смерть кн. Мещерскаго*, *На рожденіе въ Сѣверѣ порфиророднаго отрока*, *Ключъ*, принадлежатъ къ числу самыхъ удачныхъ и впослѣдствіи самыхъ знаменитыхъ его произведеній. Новыя его оды были: *Фелица*, *Благодарность Фелицѣ*, *Рѣшемыслу*, *На присоединеніе Крыма* и ода *Богъ*. Изъ нихъ первая и послѣдняя наиболѣе утвердили его славу.

Фелица разомъ поставила его такъ высоко въ мнѣніи двора и публики, что уже во II-ой книжкѣ *Собесѣдника* Любословъ, критикуя нѣкоторыя его выраженія, замѣтилъ: «Впрочемъ соблюдаю глубокое почтеніе къ прекраснымъ сочиненіямъ сего знаменитаго стихотворца» [1]. Въ III-й книжкѣ, въ письмѣ къ издателямъ («Искреннее сожалѣніе объ участи гг. издателей Собесѣдника»), между-прочимъ говорится: «Продолжайте ободрять искусное и пріятное перо арабскаго переводчика» (намекъ на слова въ заглавіи *Фелицы*). Съ этой же книжки начинается появленіе стиховъ съ похвалами Державину; при чемъ впрочемъ

[1] *Собесѣдн.* II, 109.

слѣдуетъ замѣтить, что стихотворцы большею частью пользовались только его именемъ, чтобы хвалить самую Фелицу, т. е. не оду, а предметъ ея. Тутъ напечатанъ посвященный ему плохой сонетъ какого-то В. Жукова. Въ сентябрьской книжкѣ Марья Вас. Сушкова (сестра Храповицкихъ) помѣстила, за подписью М. С., «Посланіе китайца къ татарскому мурзѣ», въ стихахъ же. Ноябрьская книжка открывается посланіемъ Козодавлева (О. К.) «Къ татарскому мурзѣ», гдѣ въ шуточномъ тонѣ стихотворецъ упрекаетъ Державина за то, что онъ пересталъ пѣть Фелицу:

«Тотъ ангелъ во плоти, котораго ты пѣлъ,
Ужъ множество еще надѣлалъ добрыхъ дѣлъ
Для пользы своего любимаго народа»...

Затѣмъ исчисляются эти дѣла.

Здѣсь, такъ же какъ и въ «Челобитной» Фонъ-Визина, задѣтъ князь Вяземскій:

«Иль можетъ-быть тебя невѣжды увѣряютъ,
Что люди дѣльные стиховъ не сочиняютъ,
Что люди съ разумомъ не любятъ ихъ читать
И, словомъ, что стихи постыдно сочинять.
Невѣжды обо всемъ такъ мыслятъ справедливо,
Какъ мнѣніе слѣпцовъ о краскахъ есть нелживо.
О стихотворствѣ мысль оттуда ихъ идетъ,
Гдѣ въ вѣчной мрачности невѣжество живетъ».

За этимъ слѣдуетъ «замѣчательное по поэтическому представленію предмета»[1] описаніе храма Невѣжества.

Въ заключеніе Козодавлевъ говоритъ:

«Не слушай ты невѣждъ, возьмись опять за лиру:
. . . .
Младой и слабый стихъ того не изъяснитъ,

[1] Н. Добролюбовъ въ статьѣ о *Собесѣдникѣ*, *Соврем.* 1856, сент., стр. 56.

Какимъ усердіемъ мой духъ во мнѣ горитъ,
А ты, драгой мурза, такъ славишься стихами,
Что Музы, кажется, ихъ сочиняли сами».

Наконецъ и Ермилъ Костровъ въ томъ же тонѣ обратился къ автору *Фелицы*.

Кромѣ того, о Державинѣ упоминалось мимоходомъ и въ другихъ стихотвореніяхъ. Такъ въ посланіи: *Къ другу моему* (кн. VII, 40) говорилось:

«Мурза въ стихахъ своихъ къ Фелицѣ
Одну лишь истину писалъ:
Не льстя премудрой сей царицѣ,
Чтó сдѣлала она, сказалъ —
И звуки правды раздалися,
И нѣжны слезы полилися
У всѣхъ изъ радостныхъ очей»...

Въ «письмѣ» къ Ломоносову (кн. XIII, 170) Козодавлевъ, который въ то время, по порученію Дашковой, печаталъ его сочиненія, разсказываетъ великому человѣку, чтó дѣлается на Руси послѣ него, при чемъ, разумѣется, главная цѣль опять — восхвалить Екатерину. Потомъ указывается мѣсто, которое займетъ Державинъ въ области нашей поэзіи:

«Изъ новыхъ здѣсь творцовъ, послѣдователь твой,
Любимецъ Музъ и другъ нелицемѣрный мой,
Россійской восхитясь премудрою царицей,
Назвавъ себя мурзой, ее назвавъ Фелицей,
На верхъ Парнасса намъ путь новый проложилъ,
Великія дѣла достойно восхвалилъ;
Но онъ къ несчастію работаетъ лѣниво.
Я самъ къ нему писалъ стихами такъ учтиво,
Что кажется, нельзя на то не отвѣчать,
Но и теперь еще изволитъ онъ молчать.»

Впрочемъ, мы уже видѣли, что Державинъ не избѣгъ и нѣ-

которыхъ нападковъ со стороны тѣхъ критиковъ, которые рѣшились воспользоваться приглашеніемъ издателей *Собесѣдника* къ сообщенію своихъ замѣчаній на то, что̀ помѣщалось въ журналѣ. Сначала Любословъ, а потомъ кто-то назвавшій себя *Невѣждою*, указали въ *Фелицѣ* на нѣкоторыя, по мнѣнію ихъ, неудачныя выраженія. Замѣчанія послѣдняго были обстоятельнѣе и серіознѣе поправокъ перваго (см. въ нашемъ изданіи I, 136, и VII, 506), но поэтъ сумѣлъ отразить нападеніе: Добролюбовъ замѣчаетъ, что «опроверженія Державина оставили автора критики совершенно въ дуракахъ» [1].

Послѣ оды къ Фелицѣ первымъ новымъ стихотвореніемъ Державина въ *Собесѣдникѣ* была *Благодарность Фелицѣ*, замѣчательная поэтическими картинами природы. Здѣсь онъ какъ будто отвѣчаетъ тѣмъ, которые упрекали его, зачѣмъ онъ не продолжаетъ писать въ похвалу Екатерины. Любопытенъ взглядъ самого Державина на новую его оду. «Авторъ думаетъ», говоритъ онъ, «что не первая ли она въ россійской поэзіи, гдѣ натура не токмо въ картинахъ, но и въ ея колоритахъ изображена, какъ то: бѣлый ковыль, подобный льну пушистому, колеблется въ степяхъ и волнуется какъ море; небо въ жаркій день блещетъ подобно янтарю; вьются попутнымъ вѣтромъ флаги и за кораблемъ протягается серебряная гряда и т. п. Что же касается до того изложенія, гдѣ авторъ говоритъ: «когда отъ бремя дѣлъ случится свободный часъ имѣть, тогда онъ будетъ воспѣвать свою героиню»[2], сіе относится единственно къ тому, что князь Вяземскій почиталъ лѣнивыми и неспособными заниматься своею должностью тѣхъ, кои упражнялись въ поэзіи, въ чемъ отъ него даже императрица предубѣждена была, ибо хотя любила авторство, но не писала и не могла писать стиховъ. А потому-то авторъ, служа въ статской службѣ, употребилъ всѣ свои усилія въ доказательство, что несправедливо такое заключеніе: ибо, имѣя истинныя способности, можно въ томъ и другомъ предуспѣть, если кто только захочетъ пожертвовать симъ трудомъ, и

[1] *Соврем.* 1856 г., сент., стр. 49.
[2] I, 155.

напротивъ, кажется, голова поэта болѣе удобна на изобрѣтеніе какихъ-либо новыхъ постановленій» [1].

Но гораздо болѣе значенія имѣла другая ода, написанная Державинымъ съ цѣлью выразить государынѣ свою благодарность и вмѣстѣ отвѣтить на толки, которые распространяли о немъ люди, имъ задѣтые въ *Фелицѣ*, и вообще его недоброжелатели или завистники. Выше (стр. 299) было уже замѣчено, что онъ удостоился чести быть представленнымъ императрицѣ. Подъ впечатлѣніемъ этой минуты онъ тогда же набросалъ нѣсколько стиховъ, но отказался отъ продолженія ихъ, и 9-го мая началъ свое *Видѣніе мурзы*. Для характеристики тогдашняго настроенія поэта и взгляда его на собственное свое отношеніе къ Екатеринѣ и къ обществу, драгоцѣненъ сохранившійся въ его бумагахъ первоначальный эскизъ этой оды, написанный имъ, сперва стихами, а потомъ прозой, въ сильномъ увлеченіи. Здѣсь онъ особенно оправдывается отъ упрека въ лести. Повидимому до Державина дошло, что его передъ самою государыней обвиняли въ неискренности похвалъ. Екатерина, явившись передъ нимъ въ томъ самомъ образѣ, въ какомъ она представлена на знаменитой картинѣ Левицкаго, говоритъ ему между-прочимъ:

«Когда
Поэзія не сумасбродство,
Но вышній даръ боговъ, тогда
Сей даръ — боговъ лишь къ чести
И къ поученью ихъ путей
Быть долженъ обращенъ, — не къ лести
И тлѣнной похвалѣ людей.
Владыки свѣта — люди тѣ же;
Въ нихъ страсти, хоть на нихъ вѣнцы;
Ядъ лести ихъ вредитъ не рѣже,
А гдѣ поэты не льстецы?»...

Для полнаго уразумѣнія этой оды необходимо припомнить сказанное выше (стр. 298) о слухахъ, доходившихъ до автора относи-

[1] Тетрадь 1805 г.

тельно пріема Екатериною *Фелицы*: императрица въ глазахъ двора подавала видъ, что ее не трогали похвалы поэта, какъ будто отзывавшіяся лестью. Тревожное чувство, возбужденное въ Державинѣ такими слухами, и внушило ему помянутый эскизъ, тѣмъ болѣе замѣчательный, что онъ написанъ съ полною искренностью самымъ безыскуственнымъ, даже простонароднымъ языкомъ. Эта исповѣдь Державина показываетъ намъ, что онъ вовсе не безотчетно воспѣвалъ Екатерину и нѣкоторыхъ изъ дѣятелей ея царствованія, что онъ серіозно вдумывался въ то, что́ дѣлалъ какъ поэтъ. Здѣсь онъ опредѣлительно высказываетъ, что́ именно самъ разумѣетъ подъ лестью, и отдаетъ отчетъ въ томъ невольномъ восторгѣ, въ какой его давно приводили дѣла Екатерины. «Твой просвѣщенный умъ и великое сердце», говоритъ онъ, «снимаютъ съ насъ узы рабства, возвышаютъ наши души, даютъ намъ понимать драгоцѣнность свободы, толь свойственной существу разумному, каковъ есть человѣкъ, на что мы уповая, чувствуемъ свое счастіе и въ удовольствіи сердца своего мыслимъ, дѣлаемъ и говоримъ смѣло про себя и про тебя все то, что́ хотимъ, что́ пристойно гражданину, сообразующему волю свою съ законами. Мы нынѣ, напримѣръ, смѣемъ говорить, что хотимъ или не хотимъ ѣхать на комедію, на балъ и въ маскерадъ [1], будемъ и не будемъ тамъ до утра, можемъ не плясать и плясать, играть и не играть, пить и не пить для твоего удовольствія. Ты не желаешь также, чтобъ мы щолкали другъ друга по носкамъ для того чтобъ тебя потѣшить, чтобъ тебя повеселить». — Любопытны, далѣе, слѣдующія строки этого эскиза: «Ты меня и въ глаза еще не знала и про имя мое слыхомъ не слыхала, когда я, плѣненный твоими добродѣтелями, какъ дуракъ какой, при напоминаніи имени твоего, отъ удовольствія душевнаго плакалъ и, будучи приведенъ въ восторгъ, въ похвалу твою разные маралъ стихи, которыхъ бы, можетъ-быть, были достаточныя уже стопы на завертку въ щепетильномъ ряду товаровъ, ежелибъ я ихъ не дралъ и не сжигалъ въ печи... Судьба бро-

[1] Намекъ на то, что въ царствованіе Елисаветы Петровны въ театръ являлись по приказанію, подъ опасеніемъ строгаго взысканія за отсутствіе.

сила въ мѣшечекъ два жребія и стала мѣшечекъ трясть: одинъ жребій выдался тебѣ, богоподобная царевна, чтобъ царствовать и удивлять вселенную, а другой мнѣ, чтобъ воспѣвать тебя и дѣла твои шуточными моими татарскими пѣснями. А какъ въ противность судебъ ничего не дѣлается, то, слѣдуя моему жребію, и сталъ я нечувствительно пѣвцомъ твоимъ. Но, правду сказать, ежелибъ не для тебя, то не хотѣлось бы мнѣ быть и нынѣ въ числѣ шайки стихотворцевъ, которыхъ я, а особливо похвальныхъ одъ подносителей, почитаю подобными нищимъ, сидящимъ съ простертыми руками и ковшичками на мостахъ и воспѣвающими богатырей, которыхъ они мало или вовсе не знаютъ» [1].

Прозаическая часть эскиза не вошла однакожъ въ *Видѣніе мурзы*. Поэтъ удовольствовался однѣми самыми крупными чертами своего первоначальнаго плана. Ода эта долго лежала въ его портфели: большая часть ея была написана въ 1783 году, послѣдніе же стихи только черезъ много лѣтъ, передъ напечатаніемъ оды. Она явилась въ первый разъ въ 1-й книжкѣ *Московскаго Журнала* Карамзина на 1791 годъ. И. И. Дмитріевъ, который незадолго передъ тѣмъ познакомился съ Державинымъ, говоритъ, что она тогда (1790 г.) еще не была кончена [2]. Какъ высоко ее цѣнили, доказывается тѣмъ, что она въ томъ же году была перепечатана Дашковою въ *Новыхъ Ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ*, а въ 1792 г. была издана отдѣльно.

Чтобы русскій журналъ, проходившій притомъ чрезъ руки императрицы, вовсе не упоминалъ о Потемкинѣ, не могло бы не казаться страннымъ, и потому Дашкова не разъ просила Державина написать что-нибудь въ похвалу всемогущаго временщика. Въ октябрьской книжкѣ *Собесѣдника* явилась, въ слѣдствіе этого, его ода *Рѣшемыслу*. Какъ внѣшнимъ поводомъ къ «Фелицѣ» послужила сказка о царевичѣ Хлорѣ, такъ, въ параллель этой одѣ, стихи въ честь Потемкина были въ связи со сказкою о царевичѣ *Февеѣ* (подъ именемъ котораго опять разумѣлся

[1] III, 605—609.

[2] *Взглядъ* и пр., стр. 55. Племянникъ И. И. Дмитріева, М. А. Дмитріевъ, говоритъ, что послѣдніе два стиха были придуманы его дядей.

великій князь Александръ), гдѣ описывается мудрое воспитаніе и успѣшное развитіе въ разумѣ и смиренномудріи молодого Февея отъ дѣтства до женитьбы. Въ этой сказкѣ Потемкинъ является подъ именемъ Рѣшемысла, чѣмъ Державинъ и воспользовался для новой своей оды. Сказка о Февеѣ написана подъ вліяніемъ того вниманія, которое въ тогдашней литературѣ вообще обращалось на Китай. Рѣшемыслъ былъ ближній вельможа происходившаго оттуда сибирскаго царя Тао-ау, супруга котораго ѣзжала на златорогихъ оленяхъ и одѣвалась соболиными одѣялами. Какъ вообще въ своихъ литературныхъ трудахъ, такъ и здѣсь императрица почерпаетъ многія черты изъ своихъ собственныхъ воспоминаній; въ бытѣ изнѣженной китайской царицы она представила образъ жизни покойной своей тетки Елисаветы Петровны, какъ видно изъ сравненія сказки съ нѣкоторыми подробностями въ запискахъ Екатерины II. Въ сказкѣ о Февеѣ бояринъ Рѣшемыслъ привелъ къ своей хворой царицѣ врача, по совѣту котораго она перемѣнила образъ жизни и такъ поправилась въ здоровьѣ, что у нея даже родился сынъ, прозванный *Февеемъ*, т. е. краснымъ солнышкомъ (по имени Феба). Всѣми этими чертами ловко воспользовался Державинъ, чтобы въ шуточномъ тонѣ изобразить идеалъ вельможи въ лицѣ Рѣшемысла, —

«Великаго вельможи смысла,
Наперсника царицы сей,
Которая сама трудится
Для блага области своей
И спать въ полудни не ложится»...

Нарисовавъ образъ справедливаго, благотворительнаго и мужественнаго сановника въ общихъ чертахъ, Державинъ явно намекаетъ на Потемкина двумя стихами:

«Онъ вольность плѣнникамъ даритъ,
Героямъ шьетъ коты да шубы»;

а затѣмъ въ послѣдней строфѣ оговаривается:

«Но, Муза! вижу ты лукава» и т. д.

Въ XI книжкѣ *Собесѣдника* прочли оду на присоединеніе Крыма, написанную бѣлыми стихами, что тогда было у насъ такъ ново и смѣло, что Державинъ счелъ нужнымъ присоединить къ одѣ оправдательную замѣтку. Стихи начинаются яркою картиной летящаго съ Днѣпра къ Петрополю *Мира*. Во второй строфѣ матери и жёны, «не слыша громоваго треска» и видя однакожъ возвращеніе въ свой домъ героевъ, съ удивленіемъ спрашиваютъ ихъ: какъ это случилось? какой богъ, какой другъ человѣчества «безкровнымъ увѣнчалъ ихъ лавромъ»?

Далѣе воздана честь миролюбію Екатерины и искуству Безбородки:

. . . «трость,
Водимая умомъ обширнымъ,
Безсмертной пальмой обвилась».

Замѣчательно, что хотя этотъ вельможа былъ первымъ и главнымъ покровителемъ Державина, однакожъ поэтъ не посвятилъ ему ни одной цѣльной оды, ограничиваясь тѣмъ, что только мимоходомъ, при случаѣ, выражалъ ему свою благодарность. Такъ въ пьесѣ: *Приглашеніе къ обѣду*, относящейся къ 1795 году, онъ говоритъ между-прочимъ:

«Приди, мой благодѣтель давній,
Творецъ чрезъ двадцать лѣтъ добра!» [1].

Въ одѣ на присоединеніе Крыма нельзя пропустить безъ вниманія еще мысль объ изгнаніи Турокъ изъ Европы. Передъ громомъ русскаго флота—

«Магметъ, отъ ужаса блѣднѣя,
Заноситъ изъ Европы ногу,
И возрастаетъ Константинъ!»...

[1] I, 177, 184, 666.

Въ XIII книжкѣ *Собесѣдника* явилась ода *Богъ*, которою Державинъ достигъ апогея своей славы. Къ этой одѣ относится любопытная біографическая подробность. Ода *Богъ* была начата поэтомъ еще въ 1780 году въ Свѣтлое Христово воскресенье, по возвращеніи отъ заутрени; но служба и столичныя развлеченія долго не давали ему снова приняться за нее. Вышедши въ отставку въ февралѣ 1784 года, онъ рѣшился, для окончанія этой оды, на короткое время уединиться. Сказавъ женѣ, что ѣдетъ въ свое бѣлорусское имѣніе, котораго еще не видалъ, онъ остановился въ Нарвѣ и тамъ нанялъ себѣ на нѣсколько дней у старушки-нѣмки маленькую комнату. Тамъ и отдѣлана имъ большая часть оды. Запершись, онъ писалъ нѣсколько дней. Доказательствомъ, какъ воображеніе его было разгорячено, можетъ служить разсказъ его объ окончаніи оды: не дописавъ послѣдней строфы, уже ночью, онъ заснулъ передъ зарею; вдругъ ему показалось, что кругомъ по стѣнамъ бѣгаетъ яркій свѣтъ; слезы ручьями полились у него изъ глазъ; онъ всталъ и, при свѣтѣ лампады, разомъ написалъ послѣднюю строфу [1].

Въ то время духовная поэзія была въ ходу по всей Европѣ: почти каждый поэтъ посвящалъ хоть одну оду восхваленію величія Божія; въ большей части тогдашнихъ русскихъ журналахъ можно найти то оригинальные, то переводные стихи подобнаго содержанія. Естественно, что и Державинъ, сознавая свой поэтическій талантъ, хотѣлъ испробовать его на этой темѣ. Притомъ у него изъ самаго ранняго дѣтства было одно воспоминаніе, по которому онъ считалъ себя особенно призваннымъ къ выполненію такой задачи: мать ему разсказывала, что на другой годъ послѣ его рожденія была комета и что, глядя на нее, онъ произнесъ первое свое слово: *Богъ*. Успѣхъ оды превзошелъ всѣ его ожиданія; она производила общій восторгъ, выучивалась наизусть, перепечатывалась не разъ отдѣльно до изданія въ собраніи его сочиненій, переводилась на разные языки, и, болѣе всѣхъ другихъ его стихотвореній, способствовала къ

[1] I, 195. Относительно преданія о переводѣ оды *Богъ* на китайскій языкъ и проч. см. тамъ же, 190.

доставленію ему европейской извѣстности. Дѣйствительно, безпристрастная критика не можетъ не признать за этою одой неотъемлемыхъ достоинствъ: кромѣ блестящихъ картинъ природы и возвышенныхъ мыслей, она замѣчательна лирическимъ воодушевленіемъ и искренностью, которыя рѣзко отличаютъ ее отъ большей части произведеній этого рода на другихъ языкахъ. Въ ней нѣтъ ничего лишняго: поэтъ прямо стремится къ своей цѣли, и потому эта ода поражаетъ быстротою движенія, сжатостью и выдержанностью, чего именно недостаетъ другимъ стихотвореніямъ того же рода. Державину ставили иногда въ вину заимствованія, которыя здѣсь находили, называли оду *Богъ* подражаніемъ; но, по нашему мнѣнію, совершенно несправедливо: правда, въ ней есть мысли, встрѣчаемыя у Юнга, у Галлера, у Клопштока; но такого рода безсознательныя заимствованія или невольныя воспоминанія есть у всѣхъ поэтовъ и составляютъ неизбѣжное послѣдствіе ихъ чтеній; сущность пьесы заключается въ настроеніи поэта, въ общемъ содержаніи, въ главныхъ мысляхъ его, а не въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ второстепенныхъ чертахъ, разсѣянныхъ въ художественномъ созданіи.

Одою *Богъ*, если не считать коротенькой эпитафіи *Мудрецу нынѣшняго вѣка*, напечатанной въ XV книжкѣ, кончилось сотрудничество Державина въ *Собесѣдникѣ*, начавшееся *Фелицею*. Поэтъ вышелъ изъ этого періода своей литературной жизни съ громкою извѣстностью, которая могла вполнѣ удовлетворить и самому пылкому славолюбію, и, несмотря на испытанную въ службѣ неудачу, занялъ видное общественное положеніе. Ода *Богъ* съ XIII-ою книжкою явилась 28-го апрѣля, а менѣе чѣмъ черезъ мѣсяцъ, 22-го мая (1784 г.), онъ былъ назначенъ правителемъ Олонецкаго намѣстничества.

7. Членъ Россійской академіи.

Было уже показано, что планъ основанія Россійской академіи былъ только дальнѣйшимъ развитіемъ той же мысли, которая породила *Собесѣдникъ*, — желанія содѣйствовать успѣхамъ языка и литературы. Можетъ-быть, самая полемика, возникшая въ

Собесѣдникѣ въ слѣдствіе замѣчаній Любослова о языкѣ сотрудниковъ, а также печатавшіеся въ немъ Фонъ-Визинымъ *сословы* (синонимы) окончательно убѣдили издательницу въ необходимости грамматики и словаря, а средствомъ создать ихъ и въ то же время оживить литературу образцами сочиненій представилась Дашковой особая академія въ родѣ Французской [1].

При самомъ учрежденіи Россійской академіи въ 1783 году Державинъ, уже знаменитый поэтъ, включенъ былъ въ число тѣхъ 34-хъ лицъ, которыя въ первомъ же засѣданіи, 21-го октября, были избраны въ члены. Въ спискѣ ихъ онъ стоитъ 19-мъ и названъ: «первой экспедиціи государственныхъ доходовъ членъ, статскій совѣтникъ». Сначала, послѣ предсѣдательницы, идутъ высшіе духовные чины, потомъ гражданскіе сановники, а за ними писатели; Державинъ помѣщенъ послѣ Фонъ-Визина и Н. В. Леонтьева (баснописца), передъ Барсовымъ и Н. А. Львовымъ. Выше всѣхъ ихъ, по своему положенію въ службѣ, между П. В. Бакунинымъ и П. И. Турчаниновымъ, поставленъ Херасковъ [2]. Въ протоколахъ Россійской академіи за первое время ея существованія мы нѣсколько разъ встрѣчаемъ, въ числѣ присутствующихъ, имя Державина. Извѣстно, что уже черезъ мѣсяцъ послѣ своего открытія, академія приступила къ составленію русскаго словаря. Чтобы правильнѣе вести это дѣло, академики составили изъ себя три отдѣла: *грамматикальный* для грамматическихъ поясненій; *объяснительный*, который принялъ на себя опредѣленіе словъ, и *издательный*, долженствовавшій пещись вообще о распоряженіяхъ по изданію. Къ послѣднему отдѣлу причисленъ былъ и Державинъ. Потомъ, при распредѣленіи между членами собиранія словъ и расположенія ихъ въ азбучномъ порядкѣ, ему поручена была буква Т, и онъ исполнилъ эту работу съ удивительною скоростью: уже въ засѣданіи 16-го декабря того же года, академіи сообщены были собранныя имъ слова.

[1] См. статью мою о томъ по запискамъ княгини Дашковой въ *Современникѣ* 1845 г., XXXVII, 246—249.

[2] *Труды Росс. Академіи*, I.

Черновой списокъ ихъ, писанный собственною его рукой, сохранился между его бумагами въ особой тетради. Всѣхъ словъ тутъ 1,198,—гораздо болѣе нежели сколько впослѣдствіи дѣйствительно включено въ академическій словарь на ту же букву [1]. Это объясняется тѣмъ, что Державинъ записывалъ между-прочимъ и собственныя имена народовъ, которыя въ словарь не приняты, также областныя слова и заимствованныя изъ иностранныхъ языковъ, допущенныя академіею съ большими ограниченіями; кромѣ того онъ отмѣчалъ нѣкоторыя слова въ двоякой формѣ, напр. *тотъ* и *тѣмъ*, *трудить* и *тружу*, *тратить* и *трачу*. Вообще онъ понималъ задачу словаря шире нежели академія и болѣе держался правилъ Болтина, изложенныхъ въ его «примѣчаніяхъ», которыя были разосланы членамъ вмѣстѣ съ программою или «начертаніемъ для составленія толковаго словаря словено-россійскаго языка» [2]. На поляхъ экземпляра программы, доставленнаго Державину, есть нѣсколько замѣтокъ его руки, заслуживающихъ вниманія. Такъ, въ начертаніи было между прочимъ опредѣлено: «Провинціальныя, неизвѣстныя въ столицахъ реченія не должны имѣть въ словарѣ мѣста». Противъ этого Державинъ замѣтилъ: «Кажется, и провинціальныя слова, которыя имѣютъ выговоръ хорошій (*не противны слуху*, сказали бы мы нынче) и выраженіе смысла точное, не мѣшаютъ». Руководствуясь этимъ взглядомъ, онъ дѣйствительно занесъ въ свой списокъ нѣкоторые провинціализмы, напр. слышанное имъ по средней Волгѣ слово *тоурить* (напрягать, пялить), которое и употребилъ потомъ въ первой редакціи своей оды *на пріобрѣтеніе Крыма* [3]. Противъ правила о грамматическихъ обозначеніяхъ именъ поэтъ приписалъ: «Мужеское или женское имя, напримѣръ: *степень* какого роду?». Въ программѣ, далѣе, было правило: «Нужно упомянуть, что въ словено-рос-

[1] Разумѣю 2-е изданіе, составленное въ азбучномъ порядкѣ; въ первомъ слова́ расположены по производству.

[2] Это *начертаніе* напечатано въ приложеніяхъ къ соч. князя П. А. Вяземскаго *Фонъ-Визинъ*, а *примѣчанія* Болтина въ V т. *Соч. Державина.*

[3] I, 181.

сійскомъ языкѣ есть слова совершенно между собою въ знаменованіи сходствующія, но въ разныхъ слогахъ употребляются, напр. *чело*, *лобъ; око*, *глазъ; щека*, *ланита*». Державинъ съ замѣчательнымъ для того времени пониманіемъ возразилъ: «Сіе суть не сословы, а слова двухъ языковъ».

Вмѣстѣ съ помянутымъ «начертаніемъ» академикамъ разослано было особое наставленіе — «способъ, коимъ работа толковаго словаря скорѣе и удобнѣе производиться можетъ». Изъ этого наставленія видно, что главные труды по изготовленію словаря возлагались на пятнадцать академиковъ, при чемъ однакожъ и остальные приглашались къ участію. Тутъ же указаны матеріалы, именно прежніе лексикальныя пособія, частью печатныя, частью рукописныя, и въ числѣ послѣднихъ: «трудъ покойнаго Тауберта и словарь Кондратовича». — «Собраніе сихъ матеріаловъ», сказано далѣе, «должно быть раздѣлено поровну на 15 частей и отдано по одной части на каждаго изъ помянутыхъ 15 особъ для выписыванія изъ сихъ матеріаловъ всѣхъ словъ и реченій по алфавиту аналогическимъ порядкомъ». Такимъ образомъ намъ становится понятно, почему при многихъ словахъ въ спискѣ Державина мы находимъ ссылки то на словарь Тауберта, то на словарь Кондратовича. Шлёцеръ, пользовавшійся рукописью послѣдняго при изученіи русскаго языка, оставилъ намъ любопытное описаніе ея: при форматѣ in-folio она состояла изъ 781 листа, такъ что представляла кипу вышиною въ аршинъ; слова были расположены въ ней по производству съ латинскимъ переводомъ и написаны неимовѣрно разгонисто, отъ чего и происходилъ ея безобразный объемъ [1]. Державинъ, какъ видно изъ его тетради, ограничился исключительно составленіемъ списка словъ (на букву Т). Трудъ пополненія ихъ опредѣленіями смысла каждаго и грамматическими обозначеніями былъ не по немъ. Ему недоставало на это не только нужныхъ по-

[1] Автобіографія Шлёцера въ *Сборникѣ Отдѣленія русск. языка и сл.* XIII, 36. Въ *Матеріалахъ для біогр. Ломоносова* находимъ свѣдѣніе, что надъ довершеніемъ словаря Кондратовича много трудился Тредьяковскій, но Билярскій ошибается, говоря, что впослѣдствіи словарь этотъ былъ напечатанъ. Гдѣ осталась рукопись его, неизвѣстно.

знаній и терпѣнія, но и досуга при тогдашнихъ обстоятельствахъ его жизни.

Въ рукописяхъ Державина есть еще свидѣтельство его участія въ занятіяхъ Россійской академіи. Въ 1784 году въ ней возникъ вопросъ: писать ли *з* или *с* въ предлогахъ *из*, *воз*, *раз* и т. п., когда они употребляются слитно съ другими словами передъ извѣстными буквами. Члены приглашены были сообщить письменно свои мнѣнія по этому спорному предмету. Уцѣлѣвшая черновая записка о томъ Державина начинается такъ: «Кажется мнѣ, при всѣхъ этихъ предлогахъ надлежитъ держаться правописанія церковнаго, потому что оно отъ коренного словенскаго языка происходитъ и что, отдаляяся отъ него, вводятъ новизны, безъ коихъ обойтися можно». Далѣе онъ разсматриваетъ образованіе и произношеніе звуковъ, при чемъ конечно впадаетъ въ ошибки и недоразумѣнія, которыя были неизбѣжны при общемъ въ то время состояніи языкознанія, а тѣмъ болѣе при совершенно недостаточной въ этомъ дѣлѣ подготовкѣ Державина.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

ГУБЕРНАТОРЪ ВЪ ПЕТРОЗАВОДСКѢ И ВЪ ТАМБОВѢ.

(1784—1788.)

1. НАЗНАЧЕНІЕ ОЛОНЕЦКИМЪ ГУБЕРНАТОРОМЪ. ОТПУСКЪ.

Еще до оставленія службы при князѣ Вяземскомъ, Державинъ мечталъ о губернаторствѣ, особенно на своей родинѣ, въ Казанской губерніи. Былъ слухъ, что занимавшій тамъ эту должность генералъ-майоръ Иванъ Андреевичъ Татищевъ выходитъ въ отставку, и Державинъ мѣтилъ на его мѣсто, вѣроятно обнадеженный Безбородкой, что будетъ рекомендованъ на первую губернаторскую вакансію. Но самъ онъ все еще не получалъ увольненія, и въ началѣ 1784 года жаловался въ письмѣ къ Львову, что Вяземскій не выпускаетъ отъ себя доклада: «итакъ», говорилъ онъ, «я сталъ какъ ракъ на мели — ни въ службѣ, ни въ отставкѣ». Наконецъ, 15-го февраля, онъ былъ уволенъ съ чиномъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника, а 22-го мая послѣдовалъ указъ: «Всемилостивѣйше повелѣваемъ дѣйствительному статскому совѣтнику Державину отправлять должность правителя Олонецкаго намѣстничества».

Назначеніе *поэта*, гонимаго Вяземскимъ, въ губернаторы, было знаменательно: оно доказывало, что императрица, несмотря на силу генералъ-прокурора въ дѣлахъ его обширнаго и сложнаго вѣдомства, не подчинялась его вліянію въ вопросахъ, до него не касавшихся. Напечатанная въ *Собесѣдникѣ* челобитная Фонъ-Визина отъ имени русскихъ писателей о притѣсненіи ихъ вельможами не осталась безъ дѣйствія. Екатерина, будучи сама писательницей, очень хорошо понимала, что литературный талантъ самъ по себѣ не можетъ мѣшать служебной или общественной дѣятельности. При разсмотрѣніи жизни Державина

естественно представляется вопросъ: можетъ ли поэтъ, вообще литераторъ, быть годнымъ чиновникомъ или государственнымъ человѣкомъ? Вопросъ этотъ на практикѣ разрѣшенъ въ положительномъ смыслѣ многими замѣчательными дѣятелями. Не говоря о нѣкоторыхъ примѣрахъ тому, бывшихъ у насъ въ Россіи, напр. Кантемирѣ, Дмитріевѣ, графѣ Уваровѣ, припомнимъ Гизó, Тьера, лорда Брума, В. Гумбольдта и мн. др. Тѣмъ не менѣе предубѣжденіе противъ способности литераторовъ и ученыхъ къ служебнымъ дѣламъ довольно обыкновенно, и сама Екатерина, живое опроверженіе этого взгляда, однажды высказалась противъ министровъ-литераторовъ; впрочемъ надо замѣтить, что она говорила это подъ вліяніемъ нерасположенія къ Неккеру и Герцбергу [1]. На вопросъ, о которомъ рѣчь идетъ, нельзя кажется безусловно отвѣчать ни *да*, ни *нѣтъ*. Прежде всего спрашивается, въ какой мѣрѣ данное лицо посвящаетъ свою дѣятельность литературѣ или наукѣ. Само собою разумѣется, что тотъ, кто въ нихъ полагаетъ свою исключительную задачу, не долженъ вступать на служебное поприще. Нельзя не согласиться, что государство мало выиграло бы, еслибъ Карамзинъ принялъ постъ министра, или еслибъ Пушкинъ прилежно занимался по своей должности въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ. Но весьма ошибочна выражаемая часто мысль, будто литераторъ потому не годенъ для службы, что лишенъ того практическаго смысла, той сообразительности и проницательности, которые необходимы для служебныхъ и особенно административныхъ обязанностей. Способности человѣческія во всѣхъ званіяхъ весьма разнородны, и конечно въ числѣ людей, посвятившихъ себя наукѣ или литературѣ, многіе обладаютъ означенными условіями даже въ высшей степени, нежели тѣ, которые, по тѣмъ или другимъ побужденіямъ избравъ служебную карьеру, считаютъ себя привилегированными носителями административныхъ и всякихъ государственныхъ способностей. Между тѣмъ въ этихъ-то именно дѣятеляхъ часто и оказывается либо отсутствіе нужныхъ для занимаемой должности качествъ ума и характера, либо недостатокъ свѣдѣній, и при-

[1] *Сб. Ист. Общ.* XXIII, 509.

томъ не только спеціальныхъ (какихъ у насъ покуда большею частію и не требуется), но относящихся къ общечеловѣческому образованію. А такъ какъ къ расширенію познаній особенно способствуютъ ученыя и литературныя занятія, то выходитъ, что человѣкъ, вращающійся въ этомъ кругѣ дѣятельности имѣетъ, въ отношеніи къ свѣдѣніямъ, положительное преимущество передъ тѣмъ, чей умственный горизонтъ ограниченъ однообразною областью дѣлъ извѣстнаго рода.

Императрица Екатерина не считала поэтическаго таланта помѣхою для отправленія губернаторскихъ обязанностей, и, уваживъ ходатайство Дашковой, Безбородки, Воронцова, не усомнилась поручить управленіе губерніей автору *Фелицы* и оды *Богъ*. И онъ оправдалъ это довѣріе въ томъ отношеніи, что весь отдался заботамъ новой должности, надолго принеся въ жертву службѣ свое дарованіе. Что Державинъ оказался неудобнымъ на губернаторскомъ мѣстѣ, въ томъ не былъ виною талантъ его, а были тому другія причины, лежавшія частью въ характерѣ его, частью въ самомъ порядкѣ вещей и въ обстоятельствахъ, съ которыми онъ, именно по этому характеру, не въ состояніи былъ мириться. Кн. Вяземскій зналъ своего бывшаго подчиненнаго, и услышавъ о его назначеніи, сказалъ пророчески: «пусть по моему носу полѣзутъ черви, если онъ долго просидитъ губернаторомъ» [1].

Однакожъ Державинъ былъ не совсѣмъ доволенъ доставшеюся ему губерніей, тѣмъ болѣе, что, въ надеждѣ сдѣлаться преемникомъ Татищева, онъ уже отправилъ все свое имущество въ Казань. Но нечего было дѣлать: надо было удовольствоваться отпускомъ на родину, гдѣ жила его престарѣлая мать; она давно звала къ себѣ сына и невѣстку, чтобы навсегда проститься съ ними. Олонецкое намѣстничество пока существовало еще только на бумагѣ: оно должно было открыться не ранѣе декабря мѣсяца, и до тѣхъ поръ супруги рѣшились воспользоваться свободой; но къ своему величайшему огорченію, они не застали уже старушки въ живыхъ: она умерла дня за три до ихъ пріѣзда. Этого обстоятельства они никогда не могли забыть и не-

[1] VI, 539.

рѣдко со слезами вспоминали о немъ[1]; Державинъ горько жалѣлъ, что въ ожиданіи губернаторскаго мѣста слишкомъ долго откладывалъ свою поѣздку въ Казань. Феклу Андреевну похоронили рядомъ съ ея мужемъ въ казенномъ селѣ Егорьевѣ, у церкви, къ приходу которой принадлежала деревня Кармачи[2]. Въ оградѣ этой церкви до сихъ поръ видны двѣ гробницы съ именами родителей Державина. Къ этимъ могиламъ относится слѣдующее четверостишіе сына:

«О, праотцевъ моихъ и родшихъ прахъ священный!
Я не принесъ на гробъ вамъ злата и сребра
И не размножилъ вашъ собою родъ почтенный;
Винюсь: я жилъ, сколь могъ, для общаго добра» [3].

Оплакавъ смерть матери, Державинъ изъ Казани вмѣстѣ съ женой пустился въ Оренбургскій край, чтобы показать Катеринѣ Яковлевнѣ тамошнее свое имѣніе [4]. Пробывъ тамъ не болѣе трехъ дней, супруги отправились обратно въ Петербургъ. Въ Казани Гаврила Романовичъ 30-го августа сдѣлалъ распоряженіе о поминовеніи своихъ родителей, написавъ священнику села Егорьева, чтобы онъ и преемники его каждую суботу служили заупокойную литургію; на это онъ назначилъ изъ господскихъ доходовъ деревни Бутырей по семи рублей въ годъ [5]. Это распоряженіе должны были свято соблюдать всѣ будущіе владѣльцы Бутырей, а въ противномъ случаѣ егорьевскому священнику предоставлялось право жаловаться на наслѣдниковъ Державина. Посѣтивъ Егорьево въ 1862 году, я съ удивленіемъ узналъ, что это завѣщаніе не только давно уже не исполняется, но даже и вовсе неизвѣстно на мѣстахъ; самый подлинникъ письма Державина, въ которомъ оно было изложено, пропалъ безслѣдно *....

[1] Дмитріева *Взглядъ* и проч., 62.
[2] См. выше стр. 34.
[3] III, 512.
[4] См. выше стр. 21.
[5] V, 383.

2. ПРЕОБРАЗОВАНІЕ ГУБЕРНСКАГО УПРАВЛЕНІЯ, НАМѢСТНИКИ И ГУБЕРНАТОРЫ.

При назначеніи Державина губернаторомъ, ввѣренная ему Олонецкая губернія еще не была открыта. Дѣло преобразованія губернскаго управленія, въ которомъ Екатерина видѣла одно изъ главныхъ условій улучшенія всего государственнаго быта, занимало ее съ самаго вступленія на престолъ. Со времени раздѣленія Россіи на губерніи Петромъ Великимъ въ 1708 году организація ихъ въ полустолѣтіе мало подвинулась въ своемъ развитіи. Сначала ихъ было только восемь; потомъ, въ 1719 году, самъ Петръ увеличилъ число ихъ до одиннадцати. При воцареніи Екатерины II ихъ было шестнадцать; вскорѣ прибавлено еще четыре. Комиссія о порядкѣ государства (отдѣлъ комиссіи о составленіи проекта новаго уложенія) измѣнила отчасти составъ губерній и учредила пять новыхъ, а послѣ пріобрѣтенія Бѣлоруссіи и береговъ Азовскаго моря, вновь образованы три губерніи (Псковская, Могилевская и Азовская): всего къ 1775 году ихъ было, слѣдовательно, двадцать восемь[1]. Но понятно, что такое число административныхъ единицъ не соотвѣтствовало обширности пространства, занимаемаго Русскимъ государствомъ. Притомъ существовавшее раздѣленіе не имѣло правильнаго основанія; между частями не было соразмѣрности; губернскія власти и кругъ дѣйствія каждаго учрежденія не были въ точности разграничены; самая должность губернатора и его отношенія къ подчиненнымъ лицамъ не были достаточно опредѣлены. Первымъ шагомъ къ улучшенію мѣстной администраціи при Екатеринѣ II было изданіе въ 1764 году «наставленія губернаторамъ», точнѣе обозначавшаго ихъ отношенія и обязанности. Между-прочимъ оно предоставляло имъ право въ важныхъ случаяхъ посылать свои донесенія въ собственныя руки императрицы, чѣмъ ясно выражалось намѣреніе возвысить значеніе мѣстныхъ властей, которыя до тѣхъ поръ

[1] К. И. Арсеньева *Статистическіе очерки Россіи*, Спб. 1848. Ср. 59—117.

были въ полномъ и безотчетномъ распоряженіи коллегій. По окончаніи же первой турецкой войны, государыня сама занялась составленіемъ «учрежденія о губерніяхъ», которое и было издано 7-го ноября 1775 года.

Основная мысль этого важнаго узаконенія заключалась въ томъ, чтобы губернское управленіе, въ маломъ видѣ, было отраженіемъ государственнаго: столичнымъ коллегіямъ должны были отвѣчать въ губерніяхъ новыя учрежденія, названныя *палатами*. На каждую губернію полагалось отъ 300 тысячъ до 400,000 душъ, въ слѣдствіе чего число губерній увеличено до сорокá. Губернія считалась намѣстничествомъ, и потому въ каждой, по первоначальному проекту, долженъ былъ находиться, во-первыхъ, государевъ *намѣстникъ*, или *генералъ-губернаторъ;* во-вторыхъ, подчиненный ему *правитель намѣстничества*, или *губернаторъ*, а при немъ еще *поручикъ правителя*, или *вице-губернаторъ* для завѣдыванія дѣлами хозяйственными и финансовыми. На губернатора возлагалась вся отвѣтственность по управленію губерніи; намѣстнику же, какъ непосредственному органу верховной власти, принадлежалъ высшій на мѣстахъ надзоръ за администраціей и за дѣйствіями сословій, которымъ предоставленъ былъ выборъ лицъ въ разныя должности. Прежнее смѣшеніе вѣдомствъ было устранено особыми коллегіальными учрежденіями, при чемъ судебная власть отдѣлена отъ административной и получила новое устройство. Вмѣсто прежнихъ воеводскихъ и губернскихъ канцелярій, по части исполнительной и полицейской учреждены губернскія правленія, земскіе суды и приказы общественнаго призрѣнія; по части судебной — палаты гражданскаго и уголовнаго судовъ и уѣздные суды; по финансовому управленію — казенныя палаты и уѣздныя казначейства. Въ 1781 году императрица нѣсколько отступила отъ первоначальнаго своего плана: она признала излишнимъ назначать въ каждую губернію особаго намѣстника: въ составленномъ тогда расписаніи намѣстничествъ [1] ихъ положено только двадцать на сорокъ губерній, такъ что каждое намѣст-

[1] *Полн. Собр. З.* XXII, № 15, 171.

ничество, за исключеніемъ Петербургскаго, Московскаго и нѣкоторыхъ другихъ, включало по двѣ губерніи; въ немногихъ намѣстничествахъ было ихъ по три. Для замѣщенія новыхъ должностей разрѣшено было брать способныхъ людей изъ штабъ- и оберъ-офицеровъ, но не иначе какъ съ согласія военной коллегіи [1].

Къ сожалѣнію, предѣлы власти намѣстника и губернатора не были въ точности означены, отношенія между ними не были ясно опредѣлены, а это не могло не послужить поводомъ къ недоразумѣніямъ и раздорамъ. Притомъ главная цѣль Екатерины — чтобы между губерніями и верховнымъ правительствомъ не было посредствующихъ инстанцій — осталась недостигнутою: по обязанности имѣть надзоръ за мѣстнымъ управленіемъ, намѣстникъ пріобрѣталъ высшее значеніе и становился именно такою посредствующею инстанціей. Не вполнѣ осуществилась также мысль императрицы усилить мѣстныя установленія и правильно распредѣлить между ними дѣла́, ибо этому не могла не препятствовать, по самой сущности своей, власть генералъ-губернаторовъ, которые, бывъ облечены полнымъ довѣріемъ государыни, могли руководствоваться однимъ произволомъ и быть сами себѣ закономъ [2]. Они пользовались почти царскими почестями; имъ были подчинены даже войска въ ихъ губерніяхъ; при торжественныхъ выѣздахъ они сопровождались отрядомъ легкой конницы, адъютантами и молодыми дворянами, изъ которыхъ подъ ихъ «руководствомъ должны были образоваться полезные слуги государства». Наконецъ, считая себя представителями государева лица, они окружали себя такими атрибутами власти, что у Державина въ одѣ *На Счастіе* вырвался стихъ:

«На пышныхъ карточныхъ престолахъ
Сидятъ мишурные цари».

[1] *П. С. З.* XX, № 14.644. Ук. 28-го апрѣля 1777 года.

[2] И. Андреевскаго *О намѣстникахъ, воеводахъ и губернаторахъ*. А. Градовскаго *Высшая администрація въ Россіи XVIII в.* Его же. *Истор. очеркъ учрежденія генералъ-губернаторовъ* въ *Р. Вѣстникѣ* 1869, № 11 и 12; см. также *Голосъ* 1870, № 87.

Правда, для ограниченія власти намѣстника, въ учрежденіи о губерніяхъ было оговорено, что онъ не долженъ быть ни законодателемъ, ни судьею, не имѣетъ права ни издавать собственнымъ своимъ лицомъ новыхъ постановленій, или правилъ въ руководство, ни наказывать безъ суда; виновныхъ же обязанъ предавать дѣйствію законовъ и обращать въ новыя судебныя учрежденія; но понятно, что при отсутствіи всякаго контроля надъ этими высшими сановниками, такая оговорка лишена была значенія. Губернаторъ съ самостоятельнымъ и энергическимъ характеромъ не могъ не очутиться въ болѣе или менѣе тягостномъ и опасномъ положеніи отъ созданнаго новымъ учрежденіемъ порядка вещей. Державинъ вскорѣ испыталъ это на себѣ.

Открытіе намѣстничествъ на основаніи помянутаго учрежденія производилось въ десятилѣтіе отъ времени изданія его до 1785 г. Въ числѣ возникшихъ всѣхъ позднѣе была Олонецкая губернія, которая вмѣстѣ съ Архангельскою составила одно намѣстничество, ввѣренное генералъ-губернатору Тутолмину [1]. Правителями намѣстничества, т. е. губернаторами, были назначены: въ Архангельскую губернію Иванъ Романовичъ Ливенъ, въ Олонецкую Гавріилъ Романовичъ Державинъ.

Въ началѣ царствованія Екатерины II городъ Олонецъ, отъ котораго вся губернія получила названіе, входилъ въ составъ Новгородской провинціи, принадлежавшей къ Новгородской губерніи; позднѣе образованъ былъ Олонецкій уѣздъ, приписанный къ Петербургской губерніи, а наконецъ онъ, вмѣстѣ съ другими семью уѣздами [2], отдѣленъ въ новую губернію, съ назначеніемъ Петрозаводска центромъ ея управленія. Началомъ этого города послужилъ устроенный Петромъ Великимъ въ 1703 году, при самомъ устьѣ рѣки Лососинки, желѣзный заводъ для литья артиллерійскихъ снарядовъ, почему это новое селеніе долго и называлось просто Петровскимъ заводомъ. Въ 1777 году оно

[1] О его назначеніи императрица увѣдомила Потемкина письмомъ отъ 22-го мая 1784 года.

[2] Уѣздные города, сверхъ Петрозаводска и Олонца, были: Вытегра, Каргополь, Повѣнецъ, Лодейное поле, Пудожъ и Кемь. Послѣдніе три были вновь учреждены.

вошло въ составъ открытаго тогда Новгородскаго намѣстничества и объявлено уѣзднымъ (окружнымъ) городомъ Петрозаводскомъ, который въ 1781 г., вмѣстѣ съ другими городами Олонецкой области, присоединенъ къ С.-Петербургской губерніи. Въ слѣдующемъ году въ Петрозаводскъ переведены изъ Олонца присутственныя мѣста, при чемъ онъ переименованъ областнымъ, а въ 1784, по указу 22-го мая, онъ учрежденъ губернскимъ городомъ. Его населяли тогда купцы, мѣщане и разночинцы; всѣхъ жителей обоего пола считалось въ немъ около 3,000. Олонецкая губернія, по своему тогдашнему населенію (206,000 жит.), составляла только ⅔ опредѣленной для каждой губерніи мѣры, но обширное пространство, которое она обнимала (2,783 кв. м.), давало ей право на отдѣльное существованіе.

3. Тутолминъ. Переселеніе Державина. Открытіе губерніи.

Тимофей Ивановичъ Тутолминъ былъ тремя съ небольшимъ годами старше Державина. Лишившись отца шести лѣтъ отроду и получивъ воспитаніе въ Сухопутномъ кадетскомъ корпусѣ, онъ по выходѣ оттуда поступилъ въ военную службу и вскорѣ имѣлъ случай, сперва въ Семилѣтнюю, а потомъ въ турецкую войну, пройти хорошую практическую школу подъ знаменами Румянцова. Предводительствуя въ авангардѣ легкою конницею противъ Турокъ, онъ получилъ за отличіе чинъ полковника и Георгіевскій крестъ, а при праздновaніи мира въ Москвѣ былъ посланъ туда съ Сумскимъ гусарскимъ полкомъ. Лестные о немъ отзывы главнокомандующаго обратили на него вниманіе императрицы, и по открытіи Тверскаго намѣстничества ранѣе всѣхъ другихъ, въ 1775 г., туда назначенъ былъ Тутолминъ сперва вице-губернаторомъ, а потомъ и губернаторомъ. Начальникомъ его, т. е. намѣстникомъ въ Твери, былъ знаменитый Яковъ Ефимовичъ Сиверсъ. Они прекрасно ужились другъ съ другомъ: намѣстникъ считалъ его лучшимъ губернаторомъ и года черезъ три такъ ходатайствовалъ за него передъ императрицей: «Разстройство его дѣлъ заставляетъ его желать другого мѣста, не столь виднаго и дорогого какъ Тверь. Пожалованіе ему пятисотъ

крестьянъ помогло бы ему расплатиться съ своими кредиторами и сохранить въ глазахъ вашего величества пріобрѣтенную имъ репутацію чести, заслугъ и способностей» [1]. — «Онъ былъ въ Твери отъ всѣхъ за справедливаго, за умнаго и за дѣльнаго почитаемъ», такъ и Державинъ писалъ впослѣдствіи Львову [2]. Послѣ такихъ отзывовъ о Тутолминѣ можетъ однакожъ показаться страннымъ, почему Сиверсъ не постарался удержать его на службѣ въ своемъ намѣстничествѣ. Согласно съ приведеннымъ ходатайствомъ Тутолминъ былъ переведенъ, въ 1779 году, губернаторомъ же въ Екатеринославль, гдѣ онъ дослужился до чина генералъ-лейтенанта. По словамъ Бантышъ-Каменскаго, онъ такъ много сдѣлалъ для Новороссійскаго края, что Потемкинъ, готовясь къ пріему тамъ императрицы и желая присвоить себѣ всю честь улучшеній въ этой странѣ, позаботился объ удаленіи дѣятельнаго губернатора и устроилъ перемѣщеніе его съ юга на крайній сѣверъ. Уже въ Екатеринославлѣ Тутолминъ изумлялъ своею роскошною жизнію и расточительностью. По замѣчанію Вигеля, «онъ любилъ жить по-царски, и самыя щедроты императрицы были недостаточны для поддержанія его пышности» [3]. Близкій къ нему въ Петрозаводскѣ Брокеръ говоритъ въ своихъ запискахъ, «что когда онъ выѣзжалъ, то его всегда конвоировала большая свита штабъ-и оберъ-офицеровъ и вновь сформированныхъ драгуновъ. Въ табельные дни обѣдалъ онъ у подножія трона, а всѣ прочіе за большими столами; вечеромъ давался балъ съ церемоніею придворною» [4]. При этомъ разсказѣ невольно припоминаются выписанные выше два стиха Державина, который въ примѣчаніи къ нимъ поясняетъ, что «намѣстники всѣ почти, хотя зависѣли отъ мановенія императрицы, но чрезвычайно дурачились, представляя ея лицо, сидя великолѣпно на тронахъ, когда допускали къ себѣ, при открытіи губерній, народныхъ депутатовъ и выборныхъ судей» [5]. Нѣтъ сомнѣнія, что

[1] Blum. Ein russ. Staatsmann II, 378.

[2] V, 845.

[3] *Воспоминанія Вигеля, Русск. Вѣстникъ* 1864, № 5, стр. 184.

[4] *Русск. Архивъ* 1868, стр. 1419.

[5] III. 624.

Державинъ, писавъ это, преимущественно и мѣтилъ именно на Тутолмина.

Въ званіи намѣстника двухъ сѣверныхъ губерній, Тимофей Ивановичъ по Олонецкому краю оказалъ услуги особенно военному дѣлу: выписавъ мастеровъ изъ Англіи, онъ увеличилъ на петрозаводскомъ литейномъ заводѣ производство пушекъ; когда же возникла шведская война (1788 г.), то онъ сформировалъ ополченіе изъ казенныхъ крестьянъ и волонтеровъ и усилилъ гребной флотъ. Въ концѣ царствованія Екатерины онъ былъ генералъ-губернаторомъ въ новоприсоединенныхъ отъ Польши югозападныхъ губерніяхъ (Минской, Волынской и др.), при императорѣ Павлѣ подвергся опалѣ и аресту, а при Александрѣ былъ главноначальствующимъ въ Москвѣ съ 1806 года по 1809. Въ этомъ послѣднемъ году онъ по болѣзни оставилъ службу и умеръ 1-го ноября въ Петербургѣ. Въ весьма неблагопріятномъ свѣтѣ представляютъ его въ своихъ отзывахъ Державинъ и нѣкоторые изъ его сослуживцевъ (Свистуновъ и Поспѣловъ), но по происшедшей между намѣстникомъ и губернаторомъ ссорѣ эти сужденія должны быть конечно принимаемы съ большою осмотрительностію. Свистуновъ обвиняетъ его въ высокомѣріи, пристрастіи и сребролюбіи; а Державинъ, даже въ запискахъ своихъ, слѣдовательно уже послѣ смерти Тутолмина, называетъ его «человѣкомъ надменнымъ, но низкаго духа и угодникомъ случая» [1]. Для отношеній между намѣстникомъ и губернаторомъ Олонецкой губерніи чрезвычайно неблагопріятна была дружба перваго съ княземъ Вяземскимъ [2]. Она могла имѣть вліяніе на мнѣніе, которое намѣстникъ скоро сталъ высказывать, что Державинъ — «изрядный» (т. е. отличный) стихотворецъ, но плохой губернаторъ [3]. Такъ какъ между тѣмъ было извѣстно, что и Тутолминъ, въ бытность свою екатеринославскимъ губернаторомъ, писалъ стихи въ похвалу Потемкину, то въ отплату ему Державинъ говорилъ (въ письмѣ къ Львову): «Я обрадо-

[1] V, 530, и VI, 672.
[2] V, 846.
[3] V, 409.

вался, что онъ нашъ братъ, но съ тою только разностью, что онъ негодный стихоткачъ, какъ и худой законодатель». Намѣстникомъ двухъ сѣверныхъ губерній Тутолминъ оставался еще долго послѣ выбытія Державина изъ Петрозаводска и занималъ домъ близъ нынѣшняго городского сада (отъ этого дома слѣдовъ давно уже не осталось)[1]. Кромѣ того онъ имѣлъ дачу близъ города, въ Древлянкѣ, мѣстѣ гористомъ и живописномъ, гдѣ былъ роскошный домъ со всѣми барскими затѣями того времени. Намѣстникъ привезъ съ собой множество дворянъ, бывшихъ при немъ еще въ Екатеринославлѣ, такъ что петрозаводское общество вдругъ оживилось, и по улицамъ, до того пустыннымъ, стали сновать экипажи. При назначеніи въ намѣстники Тутолминъ считалъ неполныхъ десять лѣтъ своей гражданской дѣятельности. Еще менѣе времени прошло съ тѣхъ поръ какъ Державинъ оставилъ военную службу: кто изъ нихъ болѣе усвоилъ себѣ нужныя для новаго поприща условія, должно было конечно зависѣть отъ способностей, познаній и понятій того и другого.

Передъ отъѣздомъ въ Петрозаводскъ Державинъ представлялся императрицѣ. Финансы его были, по обыкновенію, въ весьма плохомъ состояніи. Хотя онъ и получилъ по этому случаю пособіе въ 2,000 руб., но принужденъ былъ сдѣлать еще заемъ для уплаты долга Еропкинымъ и заложилъ у какого-то англичанина разныя вещи, между-прочимъ и табакерку, пожалованную ему за *Фелицу*[2]. Вскорѣ по пріѣздѣ въ Петрозаводскъ онъ получилъ изъ казанскихъ деревень 2,700 руб., которые тотчасъ же отправилъ въ Петербургъ къ Львову для уплаты долговъ; главнымъ заимодавцемъ его былъ графъ Матвѣй Федор. Апраксинъ;

[1] Академикъ Озерецковскій, посѣтившій Петрозаводскъ въ 1785 г., говоритъ: «Намѣстническій домъ есть ветхое деревянное зданіе, лежащее возлѣ соборной церкви у березовой рощи, насажденной Петромъ Великимъ при дворцѣ, для пребыванія его на Петровскомъ заводѣ построенномъ, котораго нынѣ видно одно основаніе» (*Путешествіе по озерамъ Ладожскому и Онежскому*, стр. 166).

[2] См. переписку Державина V, 840. Въ запискахъ своихъ онъ говоритъ, что занялъ денегъ у банкировъ по 14-ти проц.

ДОМЪ, ГДѢ ЖИЛЪ ДЕРЖАВИНЪ ВЪ ПЕТРОЗАВОДСКѢ

(къ стр. 369).

«а что процентовъ христіанскихъ возьмутъ», писалъ Державинъ своему другу, «я *того не знаю*, но надобно ихъ заплатить по требованію»[1]. Между-прочимъ онъ поручалъ заплатить 200 р. Саблукову и Нелидову въ число должныхъ имъ, проигранныхъ въ карты, денегъ. При подобныхъ порученіяхъ Державинъ означаетъ суммы только приблизительно, предоставляя точный расчетъ самому Львову, котораго уполномочиваетъ, въ случаѣ недостатка денегъ, какую-нибудь вещь заложить[2]. Несмотря на такое незавидное положеніе своей казны, онъ при обзаведеніи своемъ въ Петрозаводскѣ сдѣлалъ одну совершенно лишнюю издержку, или, какъ самъ онъ выражается, «подурачился»: именно, обмеблировалъ на свой счетъ не только губернаторскій домъ, но и присутственныя мѣста. Вслѣдъ за мебелью, отправленной водою, и самъ онъ прибылъ въ Петрозаводскъ въ началѣ октября 1784 года. Тамъ онъ занялъ небольшой одноэтажный домъ на концѣ Англійской улицы, такъ названной потому, что въ ней жили выписанные для завода мастера́, большею частью Англичане. Этотъ въ то время казенный домъ (въ 11 оконъ со стороны фасада) принадлежалъ къ ряду зданій присутственныхъ мѣстъ, зданій, впослѣдствіи отданныхъ горному вѣдомству[3]. Онъ былъ деревянный, снаружи обложенъ кирпичемъ, внутри оштукатуренъ. Въ серединѣ фасада былъ балконъ, или родъ террасы. Съ обѣихъ сторонъ его стояло по небольшому флигелю; въ правомъ изъ нихъ находился кабинетъ губернатора. Во время нашего пребыванія въ Петрозаводскѣ, въ 1863 году, домикъ этотъ былъ еще цѣлъ, но стоялъ пустъ, и комнаты въ немъ были расположены нѣсколько иначе нежели при Державинѣ; рядомъ съ нимъ было губернское правленіе, противъ нынѣшняго губернаторскаго дома.

Торжественное открытіе губерніи началось 9-го декабря 1784 г. и продолжалось цѣлую недѣлю; богослуженіе совер-

[1] Тамъ же.

[2] V, 845.

[3] Озерецковскій говоритъ: «Отличаются въ Петрозаводскѣ казенные каменные домы, въ 1775 году въ полтора жилья построенные, которыхъ шесть» и проч. (*Путеш. по озерамъ Ладожскому и Онежскому*, стр. 166).

шалъ и произнесъ проповѣдь епископъ Амвросій (Серебренниковъ); празднества сопровождались рѣчами генералъ-губернатора, чтеніемъ узаконеній, пушечною пальбой, угощеніемъ народа на площади и пиршествами у Тутолмина. 17-го открыты намѣстническое правленіе, палаты, приказъ общественнаго призрѣнія и верхній земскій судъ, и тогда же произведены выборы изъ дворянъ, городскихъ жителей и крестьянъ въ члены губернскихъ и уѣздныхъ присутственныхъ мѣстъ. При открытіи намѣстническаго правленія Тутолминъ вручилъ присутствію постановленія о губернской администраціи, а прокуроръ прочелъ важнѣйшія статьи объ обязанностяхъ правленія. Императрица, получивъ донесеніе генералъ-губернатора объ открытіи губерніи, изъявила ему въ рескриптѣ отъ 28-го декабря свое удовольствіе и поручила объявить монаршее благоволеніе всѣмъ участвовавшимъ въ этомъ дѣлѣ, а равно и всему обществу губерніи.

4. Отношенія между намѣстникомъ и губернаторомъ.

Сначала намѣстникъ и губернаторъ жили между собой мирно и почти каждый день проводили другъ у друга вечера́; но это согласіе было непродолжительно, такъ какъ Тутолминъ на первыхъ же порахъ позволилъ себѣ превышеніе власти. Въ самый день открытія губернскаго правленія, онъ издалъ «новый канцелярскій обрядъ», или, говоря словами Державина, «цѣлую книгу законовъ, имъ написанныхъ», т. е. совсѣмъ новое постановленіе о производствѣ дѣлъ не только по этому правленію, но также по всѣмъ палатамъ и нижнимъ губернскимъ мѣстамъ. Державинъ находилъ, что этотъ «обрядъ» не былъ согласенъ ни съ законами вообще, ни съ учрежденіемъ о губерніяхъ, и прямо противорѣчилъ указу 1780 года, запрещавшему генералъ-губернаторамъ дѣлать собственно отъ себя какія бы ни было постановленія. Недоумѣвая, какъ поступить при такомъ явномъ нарушеніи закона самимъ намѣстникомъ, Державинъ приказалъ на первый случай готовить списки обряда для разсылки, объ исполненіи же его доложить впредь, а между тѣмъ рѣшился лично объясниться съ намѣстникомъ, и, взявъ съ собой указъ 1780 года, пошелъ

къ нему на домъ. Чтобы не оскорбить его самолюбія, Державинъ говорилъ, что по опытности его и знанію дѣлъ обрядъ конечно хорошъ, что надо удивляться, въ какое короткое время онъ составленъ, но что тѣмъ не менѣе онъ не можетъ быть исполненъ безъ высочайшей конфирмаціи. Тутолминъ сначала спорилъ и хотѣлъ самъ пріѣхать въ присутствіе, чтобъ настоять на исполненіи своихъ предписаній, но наконецъ согласился пріостановить ихъ, а 26-го декабря отправилъ къ князю Вяземскому нарочнаго съ письмомъ, въ которомъ просилъ его совѣта. Съ тѣмъ же курьеромъ и Державинъ писалъ какъ къ генералъ-прокурору, такъ и къ Безбородкѣ и къ графу А. Р. Воронцову. Черезъ нѣсколько дней Тутолминъ показалъ ему отвѣтъ князя, въ которомъ между-прочимъ было сказано: «Чего, мой другъ, въ законѣ нѣтъ, того и исполнять нельзя». Согласились, чтобъ въ исполненіе приведены были тѣ только статьи обряда, которыя прямо не противорѣчили законамъ. Державинъ надѣялся, что кто-нибудь изъ предсѣдателей или прокуроровъ поддержитъ его, и потребовалъ ихъ мнѣній, но все преклонилось передъ волей генералъ-губернатора: всѣ высшіе чины отозвались, что обрядъ нуженъ, удобенъ, полезенъ [1]. Къ этому способствовало полученное между тѣмъ Тутолминымъ отъ Вяземскаго другое письмо, въ которомъ говорилось, что такъ какъ подобный обрядъ уже введенъ въ Твери, то князь не находитъ препятствія къ исполненію и настоящаго. Это письмо разгласилось по всему городу, и губернскій прокуроръ, по приказанію генералъ-губернатора, настоялъ, чтобы обрядъ былъ цѣликомъ принятъ. Однакожъ покуда добрыя отношенія между обоими начальниками наружно удержались. Когда Тутолминъ въ первыхъ числахъ февраля поѣхалъ осматривать губернію, то Державинъ, принявъ на себя попеченіе о его домѣ, каждый день посѣщалъ семейство отсутствующаго и при смерти сына его показалъ роднымъ особенное участіе. Но по возвращеніи намѣстника причины раздора возобновились: онъ старался привести намѣстническое правленіе въ совершенную отъ себя зависимость и не только не давалъ ему рѣшать ни од-

[1] V, 413.

ного сколько-нибудь важнаго дѣла, но присвоилъ себѣ даже исключительное право перемѣщенія и представленія къ наградамъ чиновниковъ, привлекая ихъ этимъ способомъ на свою сторону и отвращая отъ губернатора. По увѣренію Державина, Тутолминъ стремился къ тому, чтобы намѣстническое правленіе считало его предложенія за указы, и, отнявъ такимъ же образомъ власть у палатъ, онъ хотѣлъ сдѣлаться одинъ производителемъ дѣлъ, судьею, правителемъ и чуть не законодателемъ [1].

Однажды, въ апрѣлѣ же мѣсяцѣ, онъ вздумалъ обревизовать присутственныя мѣста и остался недоволенъ, объявивъ, что нашелъ неисправность въ производствѣ дѣлъ, особенно въ низшихъ учрежденіяхъ, подчиненныхъ губернскому правленію, почему и вознамѣрился довести о томъ до свѣдѣнія императрицы. Изъ слѣдующаго разсказа Державина въ письмѣ къ Львову видно, какія неудовольствія произошли между обоими правителями во время самой ревизіи: «Можетъ-быть онъ скажетъ, что въ день его осмотра присутственныхъ мѣстъ остался я въ правленіи и не пошелъ съ нимъ, о чемъ мнѣ онъ послѣ выговаривалъ; но я на это имѣлъ причины: первое, онъ мнѣ сказалъ, что поѣдетъ осматривать суды; я былъ готовъ въ правленіи, принялъ его въ ономъ; при разныхъ его придиркахъ за свой обрядъ, я однако не показалъ ему никакого огорченія, проводилъ его въ совѣстный судъ; тутъ онъ бранью непристойною судей безвинно сдѣлалъ мнѣ много огорченія, но я и послѣ того вышелъ за нимъ въ сѣни, хотѣлъ провожать его по судамъ; но онъ надѣлъ съ неучтивостью и раздраженіемъ шапку, пошелъ въ карету и не пригласилъ меня; а какъ у меня кареты не было, то я и возвратился въ правленіе, за непристойное почти бѣгать за нимъ пѣшкомъ, а паче быть свидѣтелемъ его ругательствъ судьямъ, на счетъ мой относящихся. Не взирая на сіе, ввечеру мы съ Катериной Яковлевной поѣхали къ нему. Онъ при всѣхъ, чтобъ дать важность своей гордости, въ залѣ собранія не устыдился меня шпетить, якобы за неисправность мѣстъ, а въ самомъ дѣлѣ за вздорный свой обрядъ, что не всѣ его пустыя табели сдѣланы

[1] VII, 115.

были, ибо за его ужасно многорѣчивымъ камерально (или марально) лживымъ описаніемъ всей губерніи приказные служители были заняты. Я и тутъ стерпѣлъ,—но поутру при самомъ прощаньи онъ мнѣ оказалъ совершенное презрѣніе при цѣлой публикѣ: не говоря со мною ни слова, препоручалъ дѣла то тому, то другому, оказывалъ свои покровительства, въ грошъ меня не считая; съ тѣмъ и разстался, поселивъ во всѣхъ ко мнѣ явное неуваженіе»[1].

Въ позднѣйшихъ своихъ объясненіяхъ по ссорѣ съ Тутолминымъ Державинъ прибавляетъ, что намѣстникъ показалъ ему *даже и при купечествѣ* такое презрѣніе, что «дѣлалъ препорученія, до губерніи принадлежащія, вице-губернатору и другимъ, а этимъ вице-губернаторомъ (Зиновьевымъ) онъ прежде, пока тотъ не исполнялъ его обряда, былъ такъ недоволенъ, что хотѣлъ его удалить, теперь же выхвалялъ его и ставилъ губернатору въ примѣръ». На другое утро послѣ своей ревизіи Тутолминъ уѣхалъ въ Петербургъ, съ тѣмъ чтобъ подать жалобу на непокорнаго сослуживца.

Но Державинъ придумалъ отчаянную мѣру: чтобы отплатить своему противнику тою же монетой, онъ рѣшился, тотчасъ по отъѣздѣ его, въ свою очередь обревизовать тѣ присутственныя мѣста, которыя считались въ исключительномъ вѣдѣніи намѣстника. Тутолминъ призналъ ихъ состояніе вполнѣ удовлетворительнымъ, Державинъ же нашелъ въ нихъ «великое неустройство» и всякаго рода отступленія отъ законовъ въ слѣдствіе исполненія новаго обряда. Въ примѣръ нелѣпости нѣкоторыхъ распоряженій намѣстника онъ указалъ на примѣненіе къ лѣсистой Олонецкой губерніи правила, предписаннаго имъ прежде для Екатеринославской, именно, чтобы крестьяне всякое лѣто сажали и сѣяли лѣса и чтобы директоръ экономіи ежегодно представлялъ отчетъ о количествѣ взятыхъ подъ лѣса десятинъ. Или еще: установлялись такіе сборы и подати, о которыхъ въ правилахъ казеннаго управленія не было и помину. Понятно, что на эту рискованную ревизію по зову Державина не явились мно-

[1] V, 843—844.

гіе изъ чиновниковъ, въ томъ числѣ и вице-губернаторъ, отговорившійся болѣзнью. Все найденное губернаторомъ въ присутственныхъ мѣстахъ было тутъ же записано въ журналъ и подтверждено подписями присутствовавшихъ членовъ, которые, какъ онъ замѣчаетъ, при этомъ случаѣ безсознательно сами противъ себя свидѣтельствовали. Документы ревизіи Державинъ отправилъ немедленно (15-го апрѣля) къ Тутолмину при рапортѣ, въ которомъ не скрылъ отъ него, что вмѣстѣ съ тѣмъ о найденныхъ непорядкахъ донесено императрицѣ. Въ донесеніи своемъ онъ подробно изложилъ дѣйствія намѣстника и все, что считалъ въ нихъ противозаконнымъ. Такъ онъ писалъ между прочимъ: «Уголовная палата, не взирая, что генералъ-губернаторъ есть оберегатель изданныхъ узаконеній, ходатай за общую пользу и государеву, допустила его сдѣлаться не токмо судьею, но и производителемъ дѣлъ, ибо я нашелъ между бумагами резолюцію съ черненіемъ и примѣчаніями руки его. Предосудительнаго въ тѣхъ примѣчаніяхъ ничего нѣтъ, но сіе есть вѣсы и мечъ въ одной рукѣ». Далѣе говорится между прочимъ, «что всѣ чины,—прокуроры, предсѣдатели, совѣтники и др.—произвольно увольняются намѣстникомъ въ отпускъ на большіе сроки, а между тѣмъ въ журналахъ числятся или больными, или наличными... «Не можно было мнѣ, всемилостивѣйшая государыня, сего не вѣдать, что находящіеся чины въ важныхъ должностяхъ уѣзжали изъ губерніи. Всякій изъ нихъ прихаживалъ ко мнѣ и сказывалъ, что его высокопревосходительствомъ отпущенъ. Мнѣ оставалось токмо удивляться и отвѣчать, что ежели имѣютъ на сіе позволеніе главнокомандующаго, то мнѣ ничего дѣлать не остается, уповая по крайней мѣрѣ, что записано объ ихъ отпускѣ въ журналахъ ихъ мѣстъ или имѣютъ какіе-либо отъ него виды, ибо я и подорожныхъ никому не давалъ: людямъ, не имѣющимъ ни опыта въ дѣлахъ, ни твердости души, происходящей отъ знанія оныхъ, и живущимъ единымъ жалованьемъ, можно ли было кому не быть устрашену отъ великаго человѣка, который носитъ высочайшую довѣренность, прославляется своими дарованіями и беретъ, можетъ быть, у многихъ преимущество своимъ долговременнымъ

упражненіемъ и трудолюбіемъ въ дѣлахъ? Но я повергаюсь предъ освященнымъ в. и. в. престоломъ и признаюсь, что съ тѣхъ поръ, какъ я прочелъ ему в. и. в. узаконенія, воспрещающія притязать законодательную власть, а онъ ихъ не уважилъ, то я все потерялъ къ нему внутреннее почтеніе и, сохраняя наружность, соблюлъ ее до сихъ поръ. Теперь прибѣгаю подъ высочайшую десницу и испрашиваю защиты себѣ, защиты императорскимъ законамъ и преимуществамъ, или благоволите съ меня снять бремя служенія подъ его начальствомъ, меня отягощающее» (V, 417).

Это донесеніе было вложено въ письмо на имя Безбородки съ просьбою о его заступничествѣ и отправлено въ Петербургъ съ нарочнымъ, экзекуторомъ губернскаго правленія Николаемъ Федоровичемъ Эминымъ. Безбородко, недавно пожалованный въ графы Римской имперіи, пользовался въ это время полнымъ довѣріемъ государыни. Что донесеніе было имъ дѣйствительно представлено ей, видно изъ благодарственнаго письма къ нему Державина отъ 29-го апрѣля; притомъ и Львовъ, также чрезъ нарочнаго, передъ тѣмъ увѣдомилъ своего друга-губернатора, что графъ обѣщалъ исполнить его желаніе. Подъ впечатлѣніями этой доброй вѣсти Державинъ пишетъ къ Львову и Капнисту; онъ въ шуточномъ тонѣ говоритъ имъ о своихъ отношеніяхъ къ Тутолмину и подробно разсуждаетъ о дѣйствіяхъ обѣихъ сторонъ. Между-прочимъ изъ словъ его видно, какимъ важнымъ и рискованнымъ дѣломъ самъ онъ считалъ свое письмо къ императрицѣ. Объясняя, почему онъ заранѣе не сообщилъ Львову о своемъ намѣреніи, онъ такъ выражается: «Не выговаривай ты мнѣ за то, что я тебѣ пространно не описывалъ предпріятія моего. Ты, имѣя нѣжную душу и любя меня, прочетши напередъ письмо мое, не захотѣлъ бы рѣшительнымъ быть на пагубу мою; но я того непремѣнно желалъ. Для того я вложилъ письмо къ императрицѣ въ письмо Александра Андреевича, чтобъ ты тогда оное уже прочелъ, когда ему оно было не безызвѣстно. Отъ воли его зависѣло вручить императрицѣ; но ежели бы чтó лихо мнѣ послѣдовало, то бы ни ты себя, ни я тебя укорять не могли, поелику мы дружбою, то-есть такими узами обязались,

что въ случаѣ бѣшенства другъ у друга ножъ отнимать должны и поневолѣ не допущать другого себя къ несчастію: Александръ же Андреевичъ хотя благодѣтель нашъ, но я отъ него такого священнаго долга требовать не могу; и пусть бы я чрезъ него одного подвергся чему бы то ни было. Но когда гроза прошла, ты отъ радости вздохнулъ, — то я знаю цѣну твоему вздоху»[1].

Любопытно, что Львовъ считалъ недостаточнымъ покровительство Безбородки и обращался еще къ тогдашнему любимцу Ермолову съ просьбой предупредить государыню о дѣлѣ Державина, который потомъ благодарилъ за это своего друга. О дѣйствіи письма своего къ императрицѣ поэтъ говоритъ въ своихъ запискахъ, что формальнаго отвѣта не было, но послѣ стало извѣстно, что намѣстникъ былъ позванъ во дворецъ, гдѣ ему «прочтено было губернаторское донесеніе, и онъ долженъ былъ на колѣняхъ просить милости». О томъ, что Тутолминъ въ кабинетѣ императрицы бросился ей въ ноги, ходили дѣйствительно слухи, но тому были различныя толкованія. Противная Державину партія разсказывала, что Тутолминъ, по пріѣздѣ изъ Петрозаводска, нѣсколько разъ былъ приглашаемъ къ столу императрицы, что въ первый разъ, послѣ обѣда, она дала ему прочесть донесеніе Державина, а черезъ нѣсколько времени потребовала у него отзыва объ этой бумагѣ, и на замѣчаніе о ея неосновательности будто бы сказала, что и сама ничего не находитъ въ ней кромѣ поэзіи; будто бы Тутолминъ, откланиваясь, заявилъ, что проситъ одной милости: сталъ на колѣни и, поцѣловавъ руку государыни, ходатайствовалъ о пожалованіи Державину ордена Владиміра 2-й степени, что̀ она и одобрила, похваливъ Тутолмина за благородный поступокъ[1]. О степени достовѣрности этого разсказа можно судить уже по тому, что Державинъ со времени своего назначенія въ губернаторы не получалъ никакой

[1] V, 842.

[2] Это разсказывалъ мнѣ покойный Ф. П. Лубяновскій, нѣкогда адъютантъ Репнина, очень не благоволившій къ поэту по одному случаю, о которомъ будетъ сообщено въ своемъ мѣстѣ. Онъ увѣрялъ, что слышалъ этотъ разсказъ отъ самого Тутолмина въ бытность его московскимъ генералъ-губернаторомъ, и передавалъ его съ разными прикрасами, прибавляя

награды до 1787 года, когда управлялъ уже Тамбовской губерніей и былъ удостоенъ Владиміра не 2-й, а 3-й степени.

5. ДВѢ ПАРТІИ. ОРИГИНАЛЬНОЕ ВЗЫСКАНІЕ.

Оставшись на прежнемъ мѣстѣ послѣ ссоры съ Тутолминымъ, онъ могъ считать себя побѣдителемъ въ этой распрѣ, но положеніе его не могло не быть затруднительнымъ, тѣмъ болѣе что предсѣдателемъ одного изъ присутственныхъ мѣстъ (верхняго земскаго суда) былъ родной братъ намѣстника Николай Ив. Тутолминъ, который, разумѣется, всегда держалъ сторону послѣдняго. Въ слѣдствіе разлада между представителями высшей власти весь мѣстный чиновный людъ распадался на два лагеря: противниками губернатора были между-прочимъ вице-губернаторъ Зиновьевъ, прокуроръ и даже одинъ изъ совѣтниковъ правленія: по словамъ Гаврилы Романовича, они оказывали ему явное непослушаніе, которое онъ называлъ «благоприличнымъ бунтомъ» [1]. Вотъ напр. одинъ изъ случаевъ, показывающихъ, въ какихъ отношеніяхъ были между собою присутственныя мѣста, непосредственно подчиненныя губернатору, и тѣ, которыя признавали надъ собою исключительно власть намѣстника. 18-го іюля 1785 года правленіе требовало копій съ предложеній намѣстника, данныхъ гражданской палатѣ; отвѣтъ былъ тотъ, что палата, по точной силѣ законовъ, «не имѣетъ долгу и обязанности подвергать себя подъ надзираніе г. правителя, а потому и копій съ тѣхъ предложеній дать не можетъ».

Съ прокуроромъ (Грейцомъ) у губернатора были постоянныя препирательства. Грейцъ подалъ въ правленіе жалобу, что ему не показываютъ входящихъ дѣлъ и журналовъ. Оказалось, что онъ подъ предлогомъ болѣзни самъ не посѣщалъ правленія, а требовалъ, чтобъ ему на домъ приносили журналы и почту, на что онъ по закону не имѣлъ никакого права. Вообще онъ очень

въ заключеніе, что бывшій намѣстникъ не удовольствовался упомянутою просьбой, но при вторичной, прощальной аудіенціи просилъ еще послѣдней милости: чтобъ ему дозволено было самому надѣть на Державина пожалованный орденъ.

[1] V, 847.

небрежно исполнялъ свою должность; напримѣръ, одинъ колодникъ болѣе трехъ недѣль содержался въ тюрьмѣ не спрошеннымъ, и дѣла́ по бывшей Олонецкой области, въ нѣкоторыхъ судахъ, даже уголовныя, оставались болѣе десяти лѣтъ нерѣшенными, а прокуроръ о томъ губернскому правленію не доносилъ. Поэтому въ претензіи Грейца рѣшительно отказано, и правленіе (т. е. губернаторъ, который самъ писалъ почти всѣ резолюціи) объяснило ему, что еслибъ онъ дѣйствительно желалъ исполнять свои обязанности «и быть прямымъ орудіемъ въ неупустительномъ отправленіи дѣлъ, то бы онъ, видя такое множество входящихъ непрестанно бумагъ и ощутительный недостатокъ въ канцелярскихъ служителяхъ, по христіанской совѣсти устыдиться бы долженъ отвлекать секретарей и протоколиста отъ прямого ихъ дѣла, единственно, кажется, для прихотей своихъ, а вмѣсто того, входя тщательно въ производство дѣлъ, былъ бы сотрудникомъ правленію».

Разумѣется, что Грейцъ не преминулъ пожаловаться генералъ-губернатору, у котораго и безъ того были безпрестанныя столкновенія съ правленіемъ. Такъ онъ въ два новые города опредѣлилъ городничихъ и предложилъ о томъ правленію, но оно не сдѣлало затѣмъ никакого распоряженія, а на выраженное намѣстникомъ неудовольствіе отвѣчало, что эти два городничіе еще не утверждены сенатомъ. Палаты обыкновенно не удостоивали отвѣчать правленію на его многочисленныя сообщенія. Магистрату оно послало выговоръ за медленное теченіе дѣлъ и лѣность, и, получивъ отъ него неудовлетворительный отвѣтъ, дало указъ, «чтобы магистратъ впредь такихъ темныхъ рапортовъ присылать не осмѣливался»; иначе де правленіе долгомъ своимъ почтетъ «при первомъ подобномъ случаѣ излѣчить его (т. е. магистратъ) 96-ю статьею высочайшихъ учрежденій»[1]. Такъ какъ вина въ нерадѣніи магистрата возводилась правленіемъ на прокурора, то Грейцъ и по этому поводу жаловался Тутолмину. Послѣдствіемъ было написанное въ рѣзкихъ выраженіяхъ пред-

[1] Обязывавшею правленіе налагать пени и предавать суду за неисполненіе законовъ.

ложеніе намѣстника: прокуроръ объявленъ былъ совершенно правымъ, и при этомъ, наперекоръ правленію, приказано: всѣ поступающія туда дѣла, протоколы и журналы отсылать съ чиновникомъ («приказнымъ офицерскаго чина») въ камеру губернскаго прокурора и оставлять въ его рукахъ для надлежащаго по должности разсмотрѣнія, а вдобавокъ намѣстникъ заключилъ свою бумагу такимъ совѣтомъ: «Симъ рекомендую въ изъясненіи резолюцій своихъ соблюдать бóльшую умѣренность». При занесеніи всего этого дѣла въ журналъ правленія, протоколъ законченъ замѣчательною выпискою изъ наставленія губернаторамъ 1764 года, въ которой между-прочимъ заключалось слѣдующее: губернаторъ въ своей губерніи наблюдаетъ, чтобъ всѣ и каждый, исполняя свою должность съ возможнымъ раченіемъ, содержали ненарушимо указы и узаконенія, «чтобъ правосудіе и истина во всѣхъ судебныхъ и подчиненныхъ ему мѣстахъ обитали и чтобъ ни знатность вельможъ, ни сила богатыхъ совѣсти и правды омрачать, а бѣдность вдовъ и сиротъ, тщетно проливая слезы, въ дѣлахъ справедливыхъ утѣснена не была, и буде таковыхъ нерадивыхъ о должности своей примѣтитъ (губернаторъ), то можетъ онъ понуждать и исправлять ихъ разными въ законахъ изображенными способами, въ случаѣ же безнадежнаго исправленія имѣетъ власть отрѣшить отъ мѣста». Это не въ бровь, а въ глазъ мѣтило на прокурора.

Державинъ горячо сочувствовалъ человѣколюбивымъ идеямъ, положеннымъ въ основаніе наставленія губернаторамъ, откуда извлечены предыдущія строки, на которыя онъ не разъ оффиціально ссылался, причисляя къ способамъ утѣсненія «проволочку дѣлъ, привязки и нападки». Кромѣ того, желая подавать примѣръ добросовѣстнаго отношенія къ своимъ обязанностямъ, онъ заявлялъ въ журналахъ правленія, что «не токмо отъ гг. прокуроровъ и стряпчихъ, но и отъ всякаго состоянія людей во всякое время, ежели ему объявятъ противные законамъ и справедливости и собственные его поступки, то онъ съ благодарностію приметъ и исправится». Съ этою цѣлью онъ (употребляемъ опять подлинныя его слова) позволилъ къ себѣ входъ во всѣ часы дня людямъ всѣхъ состояній, не съ тѣмъ, чтобы принимать

ненужныя дѣла челобитчиковъ, но чтобы ускорять исполненіе приказаній и помощь угнетеннымъ [1]). Пользуясь такимъ позволеніемъ, въ концѣ января 1785 года къ губернатору пришелъ мѣщанинъ Мартьяновъ и со слезами просилъ защиты отъ городового магистрата, который безъ всякаго основанія отказывалъ ему въ выдачѣ паспорта для проѣзда въ Петербургъ, гдѣ онъ нанялся на мраморныя работы по постройкѣ Исакіевскаго собора. Державинъ тотчасъ же послалъ въ магистратъ своего секретаря съ приказаніемъ немедленно удовлетворить просителя. Вмѣсто того явился оттуда бургомистръ съ объясненіемъ, что по просьбѣ всѣхъ мѣщанъ-отцовъ въ магистратѣ состоялось опредѣленіе: безъ письменнаго ихъ согласія никого изъ дѣтей ихъ не отпускать; Мартьяновъ же разрѣшенія отца своего не представилъ. «Странны», говоритъ Державинъ въ данномъ имъ по этому поводу предложеніи, «показались мнѣ таковыя узы для обращающихся въ коммерціи»; однакожъ онъ посовѣтовалъ просителю доставить въ магистратъ письменное согласіе своего отца. Но каково было удивленіе Державина, когда черезъ нѣсколько дней онъ узналъ, что опредѣленія, на которое ссылался бургомистръ, никогда не бывало: въ подкрѣпленіе своего показанія онъ, правда, принесъ нѣсколько дѣлъ, касавшихся отношеній между родителями и дѣтьми, но прямо къ этому случаю они вовсе не относились. Итакъ губернаторъ приказалъ немедленно выдать Мартьянову паспортъ; магистрату, чрезъ намѣстническое правленіе, сдѣлано было замѣчаніе, на бургомистра наложена пеня, а чтобъ онъ впредь лучше зналъ законы и былъ точнѣе въ своихъ ссылкахъ, то магистратскому стряпчему предписано «шесть мѣсяцевъ каждый суботній день читать вслухъ магистрату высочайшія узаконенія и толковать оныя, дабы поученіе сіе могло послужить на предбудущее время въ спасительное средство избѣжать отъ вящшаго наказанія за преступленіе законовъ и утѣсненіе челобитчиковъ». Объ этомъ происшествіи извѣщены всѣ присутственныя мѣста губерніи съ тѣмъ, чтобъ всѣ чины впредь остерегались лживыхъ показаній, даже на словахъ; въ

[1] VII, 47 (предложеніе 16-го февраля 1785 г.).

концѣ же губернаторскаго предложенія по этому дѣлу повторено приведенное выше приглашеніе всѣмъ и каждому безстрашно указывать ему его «ошибки»; «чтó, ежели справедливо», прибавлялъ онъ, «то не токмо съ снисхожденіемъ и благодарностью принято будетъ, но, елико можно, исправлено, а чего уже исправить нельзя, въ томъ съ уничижительнымъ благоговѣніемъ не устыжусь я принести мое извиненіе поставленной надо мною вышней власти, и впредь исправлюсь».

Примѣромъ розни въ чиновномъ мірѣ въ слѣдствіе разлада между начальствовавшими лицами могутъ служить непріятности, причиненныя Державину совѣтникомъ правленія Соколовымъ. По донесенію секретаря Софонова, въ концѣ іюня возникло дѣло о какихъ-то неблагопристойныхъ поступкахъ этого совѣтника. Съ досады Соколовъ подъ предлогомъ болѣзни пересталъ ходить въ правленіе. 2-го іюля канцеляристъ носилъ къ нему на домъ, для скрѣпленія, протоколъ уже подписанный губернаторомъ. Но Соколовъ своей подписи не далъ, и вмѣсто того написалъ что-то на лоскуткѣ, который велѣлъ отнести къ Державину. Дня черезъ два послѣ того Соколовъ заходилъ въ правленіе, но журналовъ подписать и теперь не захотѣлъ. Поэтому, на другой день, губернаторъ въ присутствіи правленія словесно предложилъ, что такъ какъ Соколовъ уже почти цѣлую недѣлю въ правленіе не ходитъ, то не угодно ли правленію приказать освидѣтельствовать его въ болѣзни и потребовать, чтобъ онъ исполнилъ губернаторскія положѐнія, а если онъ находитъ ихъ неправильными, то въ непродолжительномъ времени письменно внесъ бы свое мнѣніе. Посѣтившій его, согласно съ этимъ опредѣленіемъ, штабъ-лѣкарь Рачъ заявилъ, что онъ страдаетъ гемороемъ и зубною болью. Между тѣмъ по городу распространился слухъ, что Державинъ билъ или толкалъ Соколова, такъ что у него явились синяки на спинѣ и на плечахъ. Виновникомъ такой клеветы оказался совѣтникъ казенной палаты Шишковъ, разсказавшій въ собраніи почти цѣлаго городского общества, что онъ слышалъ это отъ самого Соколова. Но Соколовъ заявилъ посланному къ нему въ слѣдствіе того коменданту Михайлову, что онъ съ Шишковымъ даже не видался и ничего подобнаго не

говорилъ. На другой день Державинъ черезъ правленіе поручилъ коменданту объявить какъ Соколову, такъ и всѣмъ чинамъ и обывателямъ слѣдующее: «Ежели въ самомъ дѣлѣ учинилъ я не только съ такимъ чиновнымъ человѣкомъ, каковъ г. Соколовъ, но и съ послѣднимъ гражданиномъ какой-либо неприличный моему характеру и ввѣренной мнѣ власти поступокъ, какъ то побои, брань или какого бы то ни было роду незаконное притѣсненіе, домогательство, укоризну или насмѣшку, то, не взирая на то, что ежели бы прошли установленные по законамъ на подачу жалобъ сроки, взносили бы на меня свои письменныя прошенія съ ясными доказательствами, куда слѣдуетъ по законамъ». Черезъ нѣсколько дней послѣ этой резолюціи Державинъ выѣхалъ изъ Петрозаводска для обозрѣнія губерніи и открытія города Кеми, что́, какъ онъ имѣлъ причину думать, было поручено ему Тутолминымъ изъ мести. Соколовъ и въ отсутствіи его не переставалъ останавливать ходъ дѣлъ своею строптивостью, такъ что еще и въ августѣ мѣсяцѣ Державинъ изъ Повѣнца приказалъ сдѣлать ему внушеніе; если же онъ не образумится, было прибавлено въ предложеніи, то при первомъ случаѣ имѣетъ г. старшій совѣтникъ (Свистуновъ, сторонникъ губернатора) отправить ко мнѣ нарочнаго и отрепортовать сенату, что я изъ-за поведенія г. Соколова долженъ буду прекратить обозрѣніе губерніи и возвратиться, не исполнивъ предписанія намѣстника открытіемъ города Кеми. Въ этой угрозѣ скрывалось, какъ кажется, желаніе воспользоваться первымъ благовиднымъ предлогомъ для сокращенія тягостнаго путешествія.

6. Дѣло о медвѣдѣ.

Всего нелѣпѣе было раздутое врагами Державина до невѣроятной степени и по этому самому въ своемъ родѣ знаменитое «дѣло о медвѣдѣ», причинившее ему, при всей пустотѣ своей, много безпокойства и непріятностей. Оно началось за нѣсколько дней до отъѣзда губернатора, въ іюлѣ, а кончилось только въ октябрѣ того же года. Въ запискахъ поэта оно разсказано не совсѣмъ точно: мы сообщимъ главныя черты его по подлиннымъ актамъ.

Въ губернаторскомъ домѣ, у асессора Аверьянова [1], жилъ ручной медвѣжонокъ. Туда часто хаживалъ близкій къ Державину чиновникъ, бывшій артиллеріи поручикъ Молчинъ, теперь засѣдатель верхняго земскаго суда, предсѣдатель котораго Николай Ивановичъ Тутолминъ, братъ намѣстника, въ это время находился въ отпуску въ Петербургѣ. 10-го мая въ судѣ присутствія не было. Когда Молчинъ въ этотъ день отправился въ судъ, медвѣжонокъ пошелъ за нимъ. Въ судебной камерѣ было на лицо два засѣдателя: секундъ-майоръ Скорняковъ и прапорщикъ Горловъ. Войдя въ комнату, Молчинъ шутя предлагалъ Скорнякову итти на встрѣчу новаго члена *Михайла Ивановича*, а потомъ самъ вышелъ и, отворивъ дверь прихожей, впустилъ медвѣдя. Другіе два чиновника, какъ приверженцы своего предсѣдателя и противники всего близкаго къ Державину, увидѣли въ этомъ неуваженіе къ судебному мѣсту и раскричались на Молчина; но тотъ, не обращая на нихъ вниманія, кормилъ медвѣдя хлѣбомъ. Тогда Горловъ велѣлъ сторожу выгнать четвероногаго гостя и при этомъ ударилъ мишку палкой. Молчинъ вступился за обиженнаго, напоминая, что вѣдь это медвѣдь — губернаторскій. Казалось бы, дѣло должно было тѣмъ и кончиться. Оно, дѣйствительно, какъ будто было предано забвенію. Но когда, спустя болѣе мѣсяца послѣ этого случая, вернулся предсѣдатель и ему наговорили небылицъ на Молчина, то онъ вздумалъ повести дѣло канцелярскимъ порядкомъ. Державинъ хотѣлъ предупредить непріятности, и такъ какъ предсѣдатель суда къ нему не счелъ нужнымъ явиться, то онъ призвалъ къ себѣ родственника его, еще третьяго Тутолмина, совѣтника казенной палаты, и просилъ его посовѣтовать предсѣдателю не начинать письменнымъ производствомъ пустого дѣла, которое не принесетъ чести ни мѣстнымъ властямъ, ни всей губерніи, «и можетъ только быть поводомъ къ смѣху цѣлой имперіи» [2]. То же объяснилъ губернаторъ и двумъ засѣдателямъ, пригласивъ ихъ къ себѣ. Но эти увѣщанія не имѣли никакого дѣйствія, и

[1] Въ запискахъ Державина онъ по ошибкѣ названъ Авериным.

[2] Рапортъ Державина сенату.

въ судѣ состоялось опредѣленіе послать рапорты какъ къ намѣстнику, такъ и въ правленіе «о учиненномъ Молчинымъ непорядкѣ и несоблюденіи должнаго къ присутственному мѣсту уваженія», при чемъ отъ правленія требовать резолюціи. Чтобы исполнить это требованіе, Державинъ 1-го іюля положилъ въ правленіи резолюцію, сущность которой заключалась въ слѣдующемъ: такъ какъ запрещено наполнять архивы пустыми бумагами [1], то, «чтобъ не уподобиться верхнему земскому суду по сему болѣе странности и смѣха нежели прямого уваженія достойному дѣлу, а паче не употребить священное императорскаго величества имя всуе,—не посылать въ оный судъ указа, а призвавъ чрезъ кого подлежитъ предсѣдателя Тутолмина, изъяснить ему: не можетъ онъ самъ не чувствовать, что скотъ и всякое другое безумное животное не въ состояніи само по себѣ, ежелибъ оно и очутилось какимъ бы то случаемъ ни было въ присутственномъ мѣстѣ, сдѣлать оному неуваженія или пренебреженія; а потому, — что впущенъ или введенъ былъ въ присутственную камеру медвѣжонокъ, казалось бы не весьма пристойно было дѣлать о томъ предложенія, протокола, посылать письменнаго рапорта и извѣщать правящаго генералъ-губернаторскую должность, якобы о какомъ по высочайшей службѣ интересномъ дѣлѣ». Далѣе въ предложеніи было сказано, что если дѣйствительно Молчинъ былъ виноватъ, то бывшіе при его поступкѣ засѣдатели могли тогда же донести о безпорядкѣ губернатору, а еслибъ онъ не обратилъ на то вниманія, то по закону наложить на Молчина штрафъ; а такъ какъ ни ими, ни стряпчимъ этого сдѣлано не было, то сами они, пропустивъ время, подлежали бы обвиненію. И потому, «чтобъ не начинать недѣльнаго дѣла»,— поручить предсѣдателю Тутолмину сдѣлать строгій выговоръ какъ засѣдателямъ своимъ и стряпчему, такъ и Молчину.

Но предсѣдатель Тутолминъ на вызовъ правленія не явился и опредѣленія его не исполнилъ. Тогда правленіе, въ засѣданіи 4-го іюля, сочло себя обязаннымъ предать его суду и просило о томъ мнѣнія намѣстника. Между тѣмъ Державинъ уѣхалъ на ре-

[1] Указъ 31 дек. 1765 г.

визію. Въ его отсутствіи Тимофей Ивановичъ, который въ то время также ѣздилъ по губерніи, прислалъ въ намѣстническое правленіе запросъ: на какомъ основаніи дѣло было рѣшено въ этомъ правленіи, а не въ земскомъ судѣ? Не удовлетворившись отвѣтомъ, генералъ-губернаторъ вошелъ съ донесеніемъ въ сенатъ, обвиняя Державина особенно въ неправильномъ веденіи дѣла и въ несправедливомъ приговорѣ о преданіи предсѣдателя Тутолмина суду уголовной палаты. Вяземскій торжествовалъ; въ общемъ собраніи сената онъ говорилъ: «Вотъ, милостивцы, какъ дѣйствуетъ нашъ умница стихотворецъ: онъ дѣлаетъ медвѣдей предсѣдателями!» Такъ какъ въ то время сенатъ, поясняетъ Державинъ, былъ въ крайнемъ порабощеніи у генералъ-прокурора, и намѣстники пользовались большимъ уваженіемъ, то естественно, что на имя губернатора послѣдовалъ строгій указъ съ требованіемъ отвѣта. Онъ отвѣчалъ, что съ тѣхъ поръ какъ земскій судъ вошелъ съ рапортомъ въ правленіе и къ намѣстнику, т. е. съ 17-го іюня, по 1-е іюля, прошло двѣ недѣли, въ которыя намѣстникъ, находясь тогда въ Лодейномъ полѣ (не далѣе 150 верстъ отъ Петрозаводска), могъ бы, еслибъ хотѣлъ, прислать свое заключеніе, но онъ молчалъ, и свою резолюцію потребовать отъ Молчина объясненія доставилъ тогда уже, когда къ нему пришло второе опредѣленіе, состоявшееся въ правленіи (4-го іюля), которымъ предсѣдатель преданъ суду уголовной палаты. Справка, наведенная по распоряженію губернатора, обнаружила, что эта бумага была помѣчена заднимъ числомъ (24-го іюня) какъ будто изъ Лодейнаго поля, а въ дѣйствительности отправлена изъ Каргополя, въ бытность Тутолмина въ этомъ городѣ, 15-го іюля. Вотъ почему правленіе, не получая ничего отъ намѣстника, и было вынуждено постановить свое опредѣленіе; резолюція же намѣстника получена была только 19-го, когда приговоръ о предсѣдателѣ не только состоялся, но и отправленъ былъ къ намѣстнику съ требованіемъ его мнѣнія. Тутолминъ утверждалъ также, что по закону въ подобномъ случаѣ слѣдовало просить у него не мнѣнія, а согласія. Державинъ доказывалъ противное. «Наипаче», говорилъ онъ въ своемъ рапортѣ, «казалось мнѣ весьма странно и безразсудно (въ благословенный и просвѣ-

щенный вѣкъ премудро царствующей надъ нами великой Екатерины, благоволившей преподать намъ божественныя правила, что дѣйствія, ничего въ себѣ не заключающія, ни мало не подлежатъ законамъ, что законы установлены только для того, чтобъ доставить спокойствіе людямъ, что наказанія должны быть извлекаемы изъ естества преступленій) заводить слѣдствіе и изысканіе о проступкѣ, происшедшемъ болѣе отъ незнанія службы, отъ легкомыслія и вѣтренности, нежели отъ злого сердца, проступкѣ, который не нанесъ ничего, ни вреда, ни убытка, ни безчестія»*... Рапортъ кончался выраженіемъ сенату благодарности за то, что это пустое дѣло, за которое губернаторъ считалъ несчастіемъ отвѣчать передъ сенатомъ, приказано изслѣдовать законнымъ порядкомъ, такъ какъ этимъ средствомъ могла легче «открыться его невинность, помрачаемая отъ недоброхотствующихъ ему людей». Сенатъ, кажется, удовольствовался этимъ объясненіемъ, и дѣло болѣе не возобновлялось.

7. Обозрѣніе губерніи и открытіе города Кеми.

Въ наказѣ 1764 года вмѣнено губернаторамъ въ обязанность каждые три года объѣзжать свою губернію. Непріятное положеніе, въ какомъ находился Державинъ, побудило его не отлагать предстоявшаго путешествія, и онъ писалъ Воронцову, что для нѣкотораго отдохновенія ѣдетъ осматривать губернію и, по возможности, далѣе въ лопскіе погосты[1]. 18-го іюля, наканунѣ отъѣзда, онъ сдѣлалъ распоряженіе, чтобы въ случаѣ важныхъ дѣлъ намѣстническое правленіе отправляло къ нему нарочныхъ курьеровъ. Съ собою взялъ онъ двухъ самыхъ образованныхъ изъ чиновниковъ своихъ, привезенныхъ имъ изъ Петербурга, — Адріана Моисеевича Грибовскаго, служившаго секретаремъ въ приказѣ общественнаго призрѣнія, и Николая Федоровича Эмина, экзекутора въ правленіи. Оба они впослѣдствіи пріобрѣли извѣстность и въ службѣ, и въ литературѣ (см. предыдущіе томы). Эминъ уже прежде ѣздилъ по губерніи: еще въ началѣ года, при

[1] V, 847.

учреждении пограничной стражи между русской и шведской Лапландіей, Державинъ, отправивъ его по этому дѣлу, поручилъ ему составить описаніе того края, которое и сохранилось въ рукописи. То, что Эминъ писалъ тогда съ дороги, было неутѣшительно и для отправлявшагося въ путь губернатора: «Что жъ касается до описанія моего», говорилъ этотъ чиновникъ, «доношу вашему превосходительству, что оно будетъ въ разсужденіи историческихъ истинъ весьма недостаточно, ибо на всѣ мои относительныя до происхожденія жителей края сего вопросы, общій и единогласный дается отвѣтъ: *не знаю*, такъ что и въ отборѣ домостройства и прочихъ полевыхъ производствъ, съ трудомъ нужное для вписанія дознаешь: рукописей нигдѣ почти не находилъ и замѣчалъ и самыя мелкости, дабы, удостоясь поднесть вашему превосходительству, увѣрить, что не отъ поспѣшности, но отъ недостатка свѣдѣній описаніе мое будетъ скудно»[1].

Кромѣ затрудненій этого рода, Державина ожидали разныя лишенія: повѣнецкій исправникъ Иконниковъ, въ отвѣтъ на письмо Грибовскаго, предупреждалъ губернатора о страшно дурномъ состояніи дорогъ и мостовъ, удивлялся ка́къ могли проѣзжать по нимъ даже крестьяне, и потому приложилъ къ письму своему маршрутъ для облегченія путешественникамъ переѣздовъ. Въ дорогѣ то Грибовскій, то Эминъ вели *поденную записку*, которая потомъ дополнена была свѣдѣніями, истребованными отъ мѣстныхъ властей, и въ обѣихъ редакціяхъ сохранилась въ бумагахъ Державина *. Цѣлью при этой работѣ было конечно составить топографическое описаніе губерніи, что́ было возложено на губернаторовъ особымъ указомъ 1777 года по поводу того, что губернаторы московскій и воронежскій, по собственному побужденію, представили въ сенатъ такія описанія и тѣмъ заслужили одобреніе правительства [2]. По упомянутой дневной запискѣ можно составить себѣ полное понятіе о ходѣ губернаторскаго путешествія.

По разнородности мѣстностей, чрезъ которыя лежалъ путь, нельзя было взять съ собою экипажей, и пришлось пуститься изъ Петрозаводска водою. Отплывъ на 12 верстъ, путешественники

[1] V, 406.
[2] *П. С. З.* XX, 14.671. — 1777 г. ноября 1.

пристали къ острову Попову, гдѣ нашли однѣ рыбачьи хижины, а оттуда, миновавъ множество мелкихъ островковъ, прибыли въ деревню Суйсаръ, лежащую на берегу Онежскаго озера, и тутъ ночевали. На другое утро, сѣвъ опять въ лодку, проѣхали 20 верстъ Онежскою губою и вышли, при впаденіи рѣки Суны въ озеро, въ деревнѣ Яничъ-поле. Эта рѣка, прославленная *Водопадомъ* Державина, мелка и не судоходна; среди живописныхъ береговъ ея путешественники въ маленькихъ лодкахъ поплыли по ней вверхъ, посѣтили бывшіе Кончезерскіе заводы, также купоросный заводъ, потомъ вернулись, и 21-го іюля отправились къ Кивачу, котораго поэтическое изображеніе, сдѣланное Державинымъ, послужило началомъ величественной оды на смерть Потемкина. На другой день, по рѣкѣ Тивдіи пустились къ извѣстнымъ мраморнымъ ломкамъ и по дорогѣ въ одной деревнѣ видѣли сточетырехлѣтняго старика, который, въ бытность Петра Великаго на марціальныхъ водахъ, наливалъ ему изъ колодезя воду.

26-го числа поднялись изъ озера рѣкою Водлою въ Пудожъ, недавно еще называвшійся Пудожскимъ погостомъ, и только за 3 недѣли передъ тѣмъ *открытый* какъ городъ самимъ намѣстникомъ. Проживъ тамъ 6 дней, возвратились въ Онежское озеро и посѣтили сперва на пустынномъ островѣ Польѣ древній монастырь (по преданію онъ древнѣе Соловецкаго), потомъ Шунгскій погостъ, Выгорѣцкое общежительство, — центръ безпоповщины, далѣе Данилову обитель и богатую Алексинскую скитню, гдѣ жило тогда до 700 дѣвицъ. Здѣсь путешественники были поражены дурнымъ состояніемъ богадѣльни, устроенной только для виду; богатые утопали въ нѣгѣ и роскоши, а бѣдные должны были безропотно переносить самовластіе и злоупотребленія строителя.

8-го августа прибыли въ Повѣнецъ, только въ 1782 году учрежденный городомъ изъ прежней Повѣнецкой пристани: открывалъ его начальникъ Петровскихъ заводовъ Ярцовъ (II, 555). Пробывъ здѣсь 4 дня, выѣхали верхомъ, потомъ продолжали путь то водою, то сухимъ путемъ, между-прочимъ горою Манселькою, отдѣляющею воды, текущія въ Бѣлое море, отъ впа-

ВОДОПАДЪ КИВАЧЪ

(къ стр. 388).

дающихъ въ Онежское озеро. Посѣтивъ затѣмъ оставленный Воицкій рудникъ, изъ котораго прежде добывали золото, путешественники были остановлены ненастьемъ и бурею, которая еще два раза застигала ихъ на Выгъ-озерѣ.

Теперь они направлялись къ Бѣлому морю. Поводомъ къ тому было полученное Державинымъ въ Пудожѣ предписаніе генералъ-губернатора ѣхать въ Кемь и открыть тамъ уѣздный городъ. По мнѣнію Державина, Тутолминъ, давая ему это порученіе, надѣялся, что онъ не будетъ въ состояніи его выполнить и такимъ образомъ докажетъ справедливость обвиненій въ умышленномъ противодѣйствіи и ослушаніи по службѣ. Доѣхать до Кеми, говоритъ Державинъ въ своихъ запискахъ, было почти невозможное дѣло, потому что по обширнымъ болотамъ и тундрамъ лѣтомъ нѣтъ проѣзду: въ Кемь можно попасть только изъ города Сумъ на судахъ, когда богомольцы въ маѣ и іюнѣ мѣсяцахъ ѣздятъ въ Соловецкій монастырь, а въ осенніе мѣсяцы, когда начинается сильный вѣтеръ, этотъ переѣздъ крайне опасенъ и никто, кромѣ рыбаковъ, добровольно туда не ѣздитъ. Но, не желая давать своимъ врагамъ новаго противъ себя оружія, Державинъ рѣшился, наперекоръ всѣмъ препятствіямъ, исполнить волю намѣстника, и дѣйствительно онъ ее исполнилъ, хотя съ большими трудностями.

Отъ Повѣнца до Сумъ, или Сумскаго острога, считалось 175 верстъ, а отъ Сумъ до Кеми — 95. Изъ устья рѣки Сумы (при которомъ лежитъ названная крѣпостца) пустились 19-го августа на большихъ лодкахъ по Бѣлому морю и, проплывъ 35 верстъ, пристали къ Туманскому острову, на которомъ нашли хижинку для промышляющихъ ловомъ тюленей. Переночевавъ здѣсь, проѣхали семь верстъ до устья рѣчки Сороки; далѣе опять поплыли Бѣлымъ моремъ и остановились на ночлегъ въ устьѣ рѣки Кеми, откуда оставалось еще десять верстъ до селенія того же имени, построеннаго подъ 64° сѣверной широты. По увѣренію Тутолмина, здѣсь были уже и присутственныя мѣста, и канцелярскіе служители, но Державинъ не нашелъ ни тѣхъ, ни другихъ. Чтобы хоть чѣмъ-нибудь ознаменовать «открытіе города», онъ рѣшился по крайней мѣрѣ отслужить обѣд-

ню и молебенъ съ водосвятіемъ; но, на бѣду, священника не оказалось дома: насилу его отыскали на какомъ-то островѣ, куда онъ поѣхалъ на сѣнокосъ. Обошли все селеніе, и окропили его святой водою. Тѣмъ обрядъ и кончился. Державинъ репортовалъ сенату объ открытіи города Кеми.

Противъ самой Кеми, верстахъ въ 60-ти, лежатъ въ Бѣломъ морѣ Соловки. Державинъ не хотѣлъ упустить случая побывать, на обратномъ пути, въ знаменитой обители. И вотъ смѣлые пловцы направились туда, но страшная буря съ грозою заставила ихъ воротиться. Жизнь ихъ была въ опасности. Эминъ и Грибовскій, отъ сильной качки, лежали уже безъ чувствъ на днѣ лодки; къ счастью, Державинъ не потерялъ присутствія духа: онъ еще во-время велѣлъ гребцамъ, «лапландцамъ, не умѣвшимъ управлять судномъ», перемѣнить направленіе и держать вправо къ островамъ: лодка вдругъ очутилась за камнемъ, который помѣшалъ волнамъ залить ее [1]. Поэтъ во всю жизнь не могъ забыть впечатлѣнія этихъ страшныхъ минутъ, и при назначеніи его сенаторомъ, въ 1793 году, воспоминаніе о нихъ послужило ему темою небольшого стихотворенія *Буря* (I, 561):

«Судно, по морю носимо,
Рѣетъ между черныхъ волнъ;
Бѣлы горы идутъ мимо,
Въ шумѣ ихъ надеждъ я полнъ.
Кто изъ тучъ бѣгущій пламень
Гаситъ надъ моей главой?
Чья рука за твердый камень
Малый челнъ заводитъ мой?
Ты, Творецъ, Господь всесильный,
Безъ котораго и власъ
Не погибнетъ мой единый,
Ты меня отъ смерти спасъ!»

[1] VI, 573. Въ *поденной запискѣ* объ этомъ плаваніи вовсе не упомянуто, конечно именно потому, что оно не имѣло никакого результата и ничего не представляло для цѣли дневника служить матеріаломъ къ топографическому описанію губерніи.

Черезъ четыре дня, именно 27-го августа, Державинъ со своими спутниками прибылъ въ городъ Онегу (на берегу Бѣлаго моря), «больной отъ верховой и телѣжной ѣзды», какъ сказано въ его дневникѣ. Несмотря на то, онъ на другой уже день отправился въ Каргополь, лучшій въ губерніи городъ, откуда, послѣ четырехдневнаго тамъ пребыванія, поѣхалъ на Вытегру и 13-го сентября возвратился въ Петрозаводскъ. Такимъ образомъ путешествіе его продолжалось два мѣсяца безъ недѣли.

8. Занятія въ дорогѣ. Отъѣздъ въ Петербургъ.

Во все это время Державинъ не переставалъ заниматься дѣлами, о чемъ свидѣтельствуетъ большое число бумагъ, присланныхъ имъ съ дороги въ намѣстническое правленіе (см. Т. VII). Изъ тогдашнихъ распоряженій его заслуживаетъ быть упомянутою мѣра, принятая имъ въ Пудожѣ по поводу производившагося въ губерніи генеральнаго межеванія. Вытегорскій земскій судъ доносилъ, что въ слѣдствіе приказовъ экспедиціи директора экономіи (Ушакова) въ Пудожскомъ погостѣ и въ цѣломъ Вытегорскомъ уѣздѣ происходили между крестьянами «раздоры и драки, близкіе къ смертоубійству и междоусобному возмущенію». Губернаторъ и самъ, во время личнаго обозрѣнія этой части края, замѣтилъ почти вездѣ озлобленіе крестьянъ другъ противъ друга, возникшее отъ раздѣленія земель между ними. Во всѣхъ селеніяхъ, гдѣ ему случалось быть, къ нему крестьяне приступали толпами и требовали, чтобъ онъ разсмотрѣлъ ихъ дѣло. Трудолюбивые жаловались, что тунеядцы и тѣ, которые прежде обращались совсѣмъ въ другихъ промыслахъ, отнимаютъ у нихъ всѣ полевыя и запольныя распашки, единственно для того, чтобы по поводу приказовъ директора экономіи воспользоваться чужимъ добромъ. Державинъ старался ихъ успокоить, совѣтуя произвести раздѣленіе земель общимъ мірскимъ приговоромъ; увидѣвъ же изъ рапортовъ нижняго земскаго суда, что при исполненіи приказовъ директора экономіи невозможно избѣжать неудовольствій, губернаторъ убѣдился въ необходимости, до обстоятельнаго о земляхъ разсмотрѣнія, остановить по губерніи раздѣлъ

ихъ вездѣ, гдѣ онъ еще не конченъ полюбовно, и потому отобрать отъ старостъ приказы директора экономіи, разосланные со времени открытія губерніи. Вмѣстѣ съ тѣмъ Державинъ предписывалъ казенной палатѣ потребовать какъ отъ экспедиціи директора экономіи, такъ и лично отъ Ушакова объясненія въ ихъ самопроизвольномъ образѣ дѣйствій, тѣмъ болѣе что Ушаковъ, наканунѣ отъѣзда губернатора, былъ приглашенъ въ правленіе и ему именно сказано было, что къ общему раздѣлу земель по губерніи должно приступать съ крайнею осторожностью, и что экспедиція напередъ должна доставить намѣстническому правленію обстоятельныя о земляхъ вѣдомости, безъ которыхъ оно не рѣшится никому дать своихъ предписаній объ общемъ по губерніи раздѣлѣ земель. Затѣмъ Державинъ писалъ, что экспедиція директора экономіи не должна была дѣйствовать безъ предварительнаго сношенія, чрезъ казенную палату, съ намѣстническимъ правленіемъ, которое въ силу законовъ управляетъ всею губерніею, имѣетъ попеченіе о сохраненіи вездѣ порядка, мира и тишины: поэтому экспедиція должна посылать приказы осмотрительнѣе: «ибо при обозрѣніи губерніи примѣчено мною» (сказано въ предложеніи), «что по просьбѣ какого-либо крестьянина или крестьянки, безъ всякихъ откуда-либо подлежащихъ справокъ или съ міромъ объясненія и разбирательства, предписываемо было чинить что-либо рѣшительно, отдать кому что или отнять, отъ чего происходятъ съ другой стороны неудовольствіе и новыя жалобы». Въ заключеніе Державинъ счелъ нужнымъ прибавить, что ежели казенная палата въ точности не исполнитъ всего здѣсь предписаннаго, то благоволитъ правленіе отрепортовать сенату, «дабы, въ случаѣ распространенія раздоровъ по раздѣлу земель, не могло оно понести какого на счетъ свой предосужденія или взысканія» (VII, 64).

Понятно, что распоряженіе Державина подало поводъ къ новымъ непріятностямъ. Намѣстникъ нашелъ это дѣйствіе противозаконнымъ и донесъ о томъ сенату. Губернаторъ, съ своей стороны, также отправилъ туда рапортъ и въ то же время просилъ Воронцова быть его защитникомъ, какъ въ сенатѣ, такъ и при дворѣ. Воронцовъ отвѣчалъ, что представленія Дер-

жавина подлежатъ разсмотрѣнію 1-го департамента, въ которомъ онъ не присутствуетъ, а потому и входить въ нихъ не можетъ. «Что же слѣдуетъ до происходимыхъ между вами и начальникомъ споровъ и несогласій, то также, по откровенности, скажу вамъ, что не произойдетъ отъ того никакой пользы обоимъ вамъ, а лучше совѣтовалъ бы я вамъ согласіе и, буде можно, всѣ сіи неудовольствія взаимно прекратить»[1]. Но исполнить этотъ благодушный совѣтъ было уже невозможно: раздоръ губернатора съ намѣстникомъ и нѣкоторыми изъ чиновниковъ принялъ слишкомъ серіозный характеръ; одному изъ двухъ высшихъ администраторовъ необходимо было сойти со сцены, и Державинъ нашелъ благовидный къ тому предлогъ. При обозрѣніи губерніи имъ не были осмотрѣны два югозападные уѣзда: Олонецкій и Лодейнопольскій. Объявивъ намѣстническому правленію, что онъ намѣренъ посѣтить и эти уѣзды, онъ снова выѣхалъ 28-го октября, а между тѣмъ испросилъ себѣ, черезъ нарочнаго, отпускъ, который позволилъ ему не возвращаться болѣе въ губернскій городъ: изъ села Сермаксы онъ поворотилъ прямо въ Петербургъ, гдѣ, благодаря предстательству его покровителей и вниманію императрицы къ его таланту, вскорѣ состоялся указъ о переводѣ бывшаго олонецкаго губернатора въ Тамбовъ. Такимъ образомъ, желаніе поэта перейти въ Казань и теперь не осуществилось; но послѣ всѣхъ ссоръ его съ сановникомъ, котораго поддерживалъ генералъ-прокуроръ, и это назначеніе могло считаться для Державина побѣдой. Между тѣмъ слухи о его неудовольствіяхъ распространились далеко и, разумѣется, при этомъ не было недостатка въ преувеличенныхъ и превратныхъ толкахъ. Изъ Казани его пріятель Федоръ Иван. Васильевъ (братъ Алексѣя Иван.) писалъ ему: «Скажи пожалуста, хотя коротенько, что такое у тебя сдѣлалось съ Тутолминымъ? Татищевъ[2] великія небылицы несетъ на тебя, будто ты какого-то чину человѣка[3] поколотилъ палкою въ правленіи, чему

[1] V, 690.

[2] Казанскій губернаторъ. V, 848.

[3] Совѣтника Соколова: см. выше стр. 381.

никогда я не стану вѣрить. Ей-ей, радъ бы я былъ, ежелибъ (ты) пріѣхалъ казанскимъ губернаторомъ; какъ можно, сердечный мой другъ, старайся».

Въ запискахъ Державина подробно изложены распоряженія его передъ окончательнымъ отъѣздомъ изъ Петрозаводска. Между-прочимъ, онъ снова осмотрѣлъ тамъ присутственныя мѣста, и въ кассѣ приказа общественнаго призрѣнія открылъ недочетъ 1,000 руб. Оказалось, что завѣдывавшій ею секретарь Грибовскій, проигравшись въ карты, уплачивалъ изъ казенныхъ денегъ долги свои разнымъ лицамъ, въ томъ числѣ вице-губернатору и губернскому прокурору. Чтобы поправить дѣло и не погубить чиновника, вообще добросовѣстно исполнявшаго свои обязанности, Державинъ пополнилъ кассу изъ своихъ средствъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ счелъ нужнымъ напугать не только провинившагося секретаря, но также вице-губернатора и прокурора. Послѣдніе сначала отнѣкивались отъ участія въ игрѣ съ Грибовскимъ; однакожъ наконецъ во всемъ сознались. Тогда Державинъ успокоилъ ихъ и все дѣло покончилъ смѣхомъ за бутылкой шампанскаго.

9. Официальная полемика противъ Тутолмина.

Изъ письменныхъ возраженій Державина на разныя распоряженія и показанія Тутолмина особенно любопытны замѣчанія на «камеральное описаніе» губерніи, составленное намѣстникомъ во время объѣзда ея зимою 1785 года (отъ 4-го по 24-е февраля). Это описаніе, представленное императрицѣ, было сообщено для свѣдѣнія и губернатору, который, велѣвъ переписать его въ нѣсколько рукъ, во время своего путешествія набросалъ на поляхъ этой копіи свои замѣтки и впечатлѣнія[1]. Еще прежде онъ насмѣшливо отзывался объ этомъ описаніи и, между-прочимъ, говорилъ въ письмѣ къ Львову: «Въ камеральныхъ его

[1] За доставленіе этой любопытной тетради я обязанъ М. Ф. Шугурову, который, съ разрѣшенія князя С. М. Воронцова, сообщилъ мнѣ многія важныя для біографіи Державина бумаги, хранившіяся въ этомъ драгоцѣнномъ собраніи историческихъ документовъ.

описаніяхъ написано, что открыты больницы и нормальныя школы подъ вѣдомствомъ приказа общественнаго призрѣнія; но это неправда, для того что еще и деньги не всѣ въ процентъ отданы, на которыя содержать заведенія приказа должно. Больница строится, а школъ и въ починѣ нѣтъ! Подобно о здѣшней коммерціи, о свойствѣ земли, о раскольникахъ и наврано и солгано»[1]. Въ тетради опроверженія развиваются подробно. Для краткости приведемъ два наиболѣе интересные примѣра. Тутолминъ говоритъ: «Вообще, во всѣхъ уѣздахъ несравненно болѣе зажиточныхъ, нежели бѣдныхъ поселянъ».—Державинъ возражаетъ: «Наоборотъ, можно сказать, что болѣе бѣдныхъ. Правда, что есть даже въ самыхъ Лопскихъ погостахъ такіе зажиточные крестьяне, что я мало таковыхъ видалъ внутри государства. Напримѣръ, нѣкоторые, имѣютъ нѣсколько чисто отстроенныхъ комнатъ съ голландскими печьми, содержатъ чай, кофе и французскую водку для гостей. Сами ихъ жены чисто одѣты; напримѣръ: въ Повѣнецкомъ уѣздѣ, въ Шунгскомъ погостѣ, хозяйка трактовала меня, выпося сама на большомъ краснаго дерева подносѣ, для меня и бывшихъ со мною, нѣсколько чашекъ кофе, вкусно свареннаго; одѣта была хотя въ тѣлогрѣю, но имѣла на ногахъ чулки шелковые и бѣлые глазетовые башмаки. Но, должно сказать, сіе-то малое количество зажиточныхъ крестьянъ и есть причиною, что болѣе бѣдныхъ. Они, наживъ достаточекъ подрядомъ или какимъ другимъ образомъ, раздаютъ оный въ безбожный процентъ, кабалятъ долгами почти въ вѣчную себѣ работу бѣдныхъ заимщиковъ, а чрезъ то усиливаются и богатѣютъ болѣе нежели гдѣ внутри Россіи, ибо при недостаткѣ хлѣба и прочихъ къ пропитанію нужныхъ вещей, прибѣгнуть не къ кому, какъ къ богачу, въ ближнемъ селеніи живущему. Сіе злоупотребленіе нужно, кажется, пресѣчь».

Далѣе, у Тутолмина сказано: «Наклонность къ обидѣ, клеветѣ, обманамъ и вѣроломству суть предосудительныя свойства обитателей сей страны». — На это Державинъ замѣчаетъ: «Все сіе о нравахъ Олончанъ, кажется, не очень справедливо. Еже-

[1] V, 845.

либъ они были обманщики и вѣроломцы, то за занятый долгъ не работали бы почти вѣчно у своихъ заимодавцевъ, имѣя на своей сторонѣ законы, оборонить ихъ отъ того могущіе; не упражнялись бы въ промыслахъ, гдѣ нерѣдко требуется устойка и сдержаніе слова; не были бы терпѣливы и послушны въ случаѣ притѣсненій и грабительствъ, чинимыхъ имъ отъ старостъ и прочихъ начальствъ и судовъ, въ глухой сей и отдаленной сторонѣ безстрашно прежде на всякія наглости поступавшихъ. По моему примѣчанію, я нашелъ народъ сей разумнымъ, расторопнымъ и довольно склоннымъ къ мирному и безссорному сожительству. Сіе по опыту я утверждаю. Разумъ ихъ и расторопность извѣстна, можно сказать, цѣлому государству, ибо гдѣ Олончане, по мастерству и промыслу своему, незнакомы? Нравы не сварливые и довольно мирные явственны мнѣ стали изъ того, что при случаѣ повелѣнія экономіи директора отнимать пахотныя земли[1], они, хотя съ ропотомъ и негодованіемъ, но были довольно смирны при такомъ обстоятельствѣ, при каковомъ въ другихъ губерніяхъ безъ убійствъ и большого какого зла дѣло не обошлось бы. Коротко сказать: надобно только умѣть съ симъ народомъ обходиться; тогда все изъ него сдѣлать можно съ лучшимъ успѣхомъ. Ревностныя услуги, сдѣланныя имъ Петру Великому, сіе доказываютъ. Безспорно, что главный начальникъ можетъ повстрѣчать при первомъ случаѣ множество челобитчиковъ, которые безъ того не отступятъ, чтобъ не прочелъ онъ нѣсколько бумагъ, ими принесенныхъ. Но сіе, можетъ-быть, происходитъ отъ того, что прежде въ нижнихъ мѣстахъ мало было оказываемо имъ правосудія, и для того они всегда старались достигать до вышняго командира, который, принявъ ихъ ласковымъ образомъ и съ кротостію прочтя ихъ бумаги, легко разсужденіемъ своимъ успокоить можетъ, такъ что они отходятъ отъ него весьма довольны, въ судебное ли мѣсто куда имъ прикажетъ, или тотчасъ оставляютъ свою претензію».

Въ нѣкоторыхъ изъ возраженій Державина нельзя отрицать явной придирчивости; тѣмъ не менѣе надо согласиться, что, во-

[1] См. выше стр. 391.

обще говоря, въ его замѣчаніяхъ видно болѣе знанія дѣла и наблюдательности, нежели въ описаніи Тутолмина, представляющемъ большею частью компиляцію изъ разныхъ источниковъ. Изъ своихъ замѣтокъ Державинъ сдѣлалъ послѣ связное извлеченіе, которое вмѣстѣ съ другими бумагами было доставлено Воронцову. Оно напечатано въ нашемъ изданіи [1], гдѣ читатель можетъ найти также часть возраженій Державина противъ составленнаго генералъ-губернаторомъ «канцелярскаго обряда». Тутолминъ съ своей стороны подалъ Потемкину и нѣкоторымъ другимъ высокопоставленнымъ лицамъ оправдательную записку. Державинъ отвѣчалъ подробными объясненіями. Записка и отвѣтъ равнымъ образомъ напечатаны нами [2], какъ весьма любопытные документы для исторіи губернскаго управленія и общественныхъ нравовъ Россіи въ послѣднюю четверть прошлаго вѣка. Справедливость требуетъ замѣтить, что краткая записка Тутолмина написана въ гораздо болѣе спокойномъ и умѣренномъ тонѣ нежели пространныя объясненія Державина, своею рѣзкостью очень напоминающія подобныя же бумаги, которыя нѣкогда писалъ Ломоносовъ въ столкновеніяхъ съ своими противниками. Несмотря на протекшія со времени смерти его два десятилѣтія, Державинъ, по своему нравственному воспитанію, принадлежалъ къ представителямъ того же періода русскаго общественнаго развитія. Впрочемъ, что касается замѣчанія нашего о характерѣ записки Тутолмина, то мы находимъ въ самой полемикѣ обоихъ лицъ слѣдующее: Тутолминъ говоритъ, что губернаторъ взводитъ на него клевету, «отъемлющую у него послѣднее и единое счастье быть извѣстнымъ миролюбивымъ человѣкомъ». — Державинъ возражаетъ: «Издавна примѣчено знающими сердце человѣческое, что трусъ выхваляетъ свою храбрость, жестокій свою кротость.... Я бы могъ сдѣлать картину миролюбиваго и кроткаго его нрава: пристойнѣе почитаю молчать. Кадетскій корпусъ, Сумскій полкъ могутъ за меня сказать».... Для повѣрки этихъ словъ, мы, къ сожалѣнію, не довольно знакомы съ обстоятельствами жизни Тутолмина.

[1] VII, 730.
[2] VII, 109.

10. Отношеніе къ литературѣ и наукѣ.

Само собою разумѣется, что посреди такихъ тревогъ по новой должности Державину было не до литературы. Много исписалъ онъ бумаги въ теченіе 1785 года, но эти писанія были не литературнаго свойства. Исключеніе составляетъ развѣ только рѣчь, сочиненная имъ по случаю открытія больницы въ день восшествія на престолъ и произнесенная петрозаводскимъ протоіереемъ Іоанномъ. Учрежденіе этой больницы, устроенной на 30 кроватей, каждый изъ препиравшихся между собой администраторовъ приписывалъ себѣ. Въ рѣчи есть одно довольно удачное мѣсто. Петръ Великій, сказано тутъ, устроилъ больницы въ городахъ, въ войскѣ, во флотѣ; онъ исцѣлилъ и успокоилъ прославившихъ его героевъ; но онъ не успѣлъ довершить своихъ трудовъ: Россію въ этомъ состояніи можно было уподобить евангельскому больному, не имѣющему благодѣтеля. Она, безъ общаго попечителя, скорбями сокрушенная, простирая къ небу руки, взывала: «Господи! человѣка не имамъ, да свержетъ меня въ купель». Въ сей день услышана молитва ея: воцарилася Екатерина Вторая, сошелъ къ намъ съ небесъ тотъ благотворный ангелъ, который возмущалъ и освящалъ воды Силоамскія. Среди звуковъ побѣдоноснаго оружія, среди цвѣтущихъ градовъ, среди торжествъ законодательства, среди фиміамовъ благочестія, раздается нынѣ повсюду гласъ милосердія: возстани, немощствующій; возьми одръ твой и ходи!». И вотъ мы видимъ осуществленіе такого призыва: въ эту лѣчебницу вводятся нынѣ больные неимущіе. «Екатерина отверзаетъ имъ покровъ свой: она печется о здравіи убогихъ, ввергаетъ ихъ въ купель исцѣленія и никто не воззоветъ уже: «Человѣка не имамъ!» Имѣешь ты теперь, страждущее человѣчество, общаго о тебѣ попечителя, общаго благотворителя въ неисчерпаемомъ милосердіи Помазанницы Вышняго. Въ семъ домѣ, щедротою ея устроенномъ, она тебя призритъ, насытитъ, исцѣлитъ и успокоитъ; здѣсь ты забудешь скорби твои; здѣсь, буде восхощешь, можешь сложить съ себя всѣ твои недуги, душевные и тѣлесные» [1] и т. д.

[1] VII, 124.

Была ли рѣчь эта прочитана императрицею, намъ неизвѣстно; изъ переписки Державина не видно даже, чтобы онъ, посылая ее въ Петербургъ, упомянулъ о себѣ, какъ авторѣ ея. Есть только свидѣтельство, что эта рѣчь въ Петербургѣ не обратила на себя вниманія. Именно, когда впослѣдствіи надѣлала шуму другая рѣчь Державина, читанная въ Тамбовѣ однодворцемъ Захарьинымъ, то Козодавлевъ писалъ ему: «Однодворецъ тамбовскій счастливѣе олонецкаго попа, говорившаго рѣчь при открытіи петрозаводской больницы».

Единственное стихотвореніе, написанное Державинымъ во время пребыванія его въ Петрозаводскѣ, было подражаніе псалму, озаглавленное *Упованіе на свою силу* и вызванное, какъ самъ онъ сообщаетъ, непріятностями его положенія; слѣдующіе стихи содержатъ намекъ на высокомѣріе Тутолмина:

«Онъ (Господь) кроткихъ въ милость принимаетъ
И праведнымъ даетъ покровъ;
Надменныхъ власть уничтожаетъ
И грѣшныхъ низвергаетъ въ ровъ»[1].

Но пребываніе въ Олонецкомъ краѣ отразилось въ двухъ позднѣйшихъ стихотвореніяхъ нашего поэта, именно въ *Водопадѣ* описаніемъ Кивача и въ *Бурѣ* воспоминаніемъ объ опасности, испытанной имъ на Бѣломъ морѣ (см. выше стр. 390). Нельзя также не упомянуть, что во время службы его въ Петрозаводскѣ въ первый разъ была напечатана одна изъ прежнихъ его пьесъ, написанная еще въ 1780 году, именно посвященные Ржевскому стихи *Счастливое семейство*[2], въ которыхъ особенно послѣдніе куплеты отличаются теплотою. Какимъ уваженіемъ тогда уже пользовалось въ литературѣ имя Державина, показываетъ похвальный отзывъ о «громкомъ прославившемся вновь творцѣ», сопровождавшій это стихотвореніе при появленіи его въ журналѣ *Покоящійся трудолюбецъ* (IV, 772)).

Еще въ 1781 году отправлены были отъ Академіи наукъ

[1] I, 211.
[2] I, 107.

три ученыя экспедиціи въ разные пункты Россіи для опредѣленія географическаго положенія мѣстъ посредствомъ астрономическихъ наблюденій: начальникомъ той изъ этихъ экспедицій, которая должна была посѣтить между-прочимъ Олонецкую губернію, назначенъ былъ академикъ Иноходцевъ. Извѣстно, что онъ же въ 1774 г. былъ помощникомъ академика Ловица по такой же экспедиціи въ Оренбургскій край и, застигнутый тамъ ужасами Пугачевщины, едва избѣгъ несчастной участи своего товарища. Новая экспедиція продолжалась около четырехъ лѣтъ.

Въ началѣ августа 1785 года, слѣдовательно во время отсутствія Державина, губернское правленіе получило предложеніе Тутолмина, отъ 30-го іюля, «чтобы во время пребыванія отправленной отъ Академіи наукъ экспедиціи въ губернскомъ городѣ Петрозаводскѣ и въ мѣстахъ Олонецкаго намѣстничества, со стороны гражданскихъ и земскихъ правительствъ чинить приказать въ слѣдующихъ ей надобностяхъ зависящія отъ нихъ пособія». Предложеніе это было послано къ Державину и возвратилось отъ него съ резолюціею: «Принять за извѣстіе, и буде какое учинитъ г. профессоръ требованіе касательно до астрономическихъ его наблюденій, то чинить пособіе».

29-го августа, въ правленіи слушаны отмѣтки, сдѣланныя Державинымъ на топографическіе запросы, присланные «отъ предводителя экспедиціи», академика Петра Иноходцева. Въ этой бумагѣ губернаторомъ указано было, отъ какихъ мѣстъ и лицъ, по тѣмъ или другимъ запросамъ слѣдовало требовать свѣдѣній, напримѣръ отъ казенной палаты: «Опредѣлить число жителей намѣстничества, означивъ именно: какого званія, сколько въ ономъ находится, кто какую платитъ подать и чѣмъ», или отъ нижнихъ земскихъ судовъ: «Назначить, гдѣ есть старыхъ городовъ оставшіяся развалины или городища, въ какихъ состоятъ остаткахъ и признакахъ, и нѣтъ ли о таковыхъ древностяхъ по преданію дошедшихъ какихъ извѣстій». Относительно пункта: «Въ городахъ или монастыряхъ, буде есть лѣтописцы, прислать съ съ нихъ копіи, за которыя Академія заплатить не отречется», было замѣчено: «О семъ, по многимъ дѣланнымъ развѣдываніямъ, такихъ лѣтописцевъ не имѣется». По другимъ пунктамъ,

сказано было, ожидать свѣдѣнія отъ губернатора; «посему о чемъ куда надлежитъ, съ приложеніемъ запросовъ, писать въ самой скорости и требовать отвѣтовъ; по которымъ же пунктамъ его превосходительствомъ опредѣлено выполнить въ правленіи, то по тѣмъ учиня должное исполненіе, господину надворному совѣтнику Иноходцеву неукоснительно доставить». Такъ какъ по остальнымъ запросамъ слѣдуетъ отбирать отвѣты по всей губерніи, а на это потребно не малое время, то «ему, господину надворному совѣтнику, дать знать, что ежели отъѣздъ его въ С.-Петербургъ такъ скоро воспослѣдуетъ, что онъ не будетъ имѣть время дождаться генеральнаго собранія по губерніи наименованныхъ въ его запросахъ всѣхъ соотвѣтствій (т. е. отвѣтовъ, справокъ), то имѣлъ бы ожидать оныхъ въ С.-Петербургѣ, ибо г. губернаторъ изволилъ предоставить себѣ, по полученіи въ правленіе, доставить ему оныя лично отъ себя безъ продолженія времени».

Кромѣ Иноходцева, Олонецкую губернію почти въ ту же пору, также въ отсутствіи Державина, посѣтилъ академикъ Озерецковскій. Любопытно свѣдѣніе о хозяйственной сторонѣ жизни въ тогдашнемъ Петрозаводскѣ, которое сообщаетъ этотъ ученый:

«Я былъ въ семъ городѣ въ Госпожинки», говоритъ онъ, «и, стоя въ суднѣ у пристани, видѣлъ, что по утрамъ привозили туда рыбаки на лодкахъ по большей части ряпушку и соленую палью, которая весьма противный испускала запахъ; несмотря на то, жители раскупали ее на-подхватъ, такъ что кто долго проспалъ, тому вонючей рыбы купить не оставалось. Изъ сего уже заключить можно, сколь много терпятъ нужды въ съѣстныхъ припасахъ служащія тамъ при разныхъ должностяхъ особы, которыя, не имѣя для домоводства никакихъ заведеній, каждый день должны пещись о покупкѣ чего-нибудь снѣднаго» [1].

Въ должности олонецкаго губернатора Державинъ не пробылъ и году; слѣдовательно говорить о результатахъ его дѣятельности на этомъ постѣ было бы странно. Впрочемъ, важнѣйшія изъ тогдашнихъ распоряженій его исчислены въ его запискахъ [2].

[1] *Путешествіе по озерамъ Ладожскому и Онежскому.* Спб. 1792. Стр. 168.

[2] VI, 576.

11. НОВОЕ НАЗНАЧЕНІЕ. ПРЕБЫВАНІЕ ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ. ПРІѢЗДЪ ВЪ ТАМБОВЪ. ГУДОВИЧЪ.

Во время пребыванія Державина въ Петербургѣ, 15-го декабря 1785 года, состоялся указъ сенату: «Всемилостивѣйше повелѣваемъ дѣйствительному статскому совѣтнику правящему должность правителя Олонецкаго намѣстничества Гавріилу Державину отправлять ту должность въ Тамбовскомъ намѣстничествѣ». — Губернаторомъ въ Петрозаводскъ тогда же переведенъ былъ изъ Пскова статскій совѣтникъ Зуевъ.

Тамбовское намѣстничество было открыто уже въ 1779 году. Въ расписаніи, изданномъ въ 1781, Тамбовская губернія была соединена съ Рязанскою подъ управленіемъ одного генералъ-губернатора. Должность эту сперва занималъ отецъ княгини Дашковой, графъ Романъ Ларіоновичъ Воронцовъ, открывшій намѣстничество; по смерти же его въ 1781 году, оно ввѣрено было Михаилу Федотовичу Каменскому, преемникомъ котораго съ 85-го года сдѣлался извѣстный уже въ то время своими военными заслугами генералъ-поручикъ и александровскій кавалеръ Иванъ Васильевичъ Гудовичъ. Въ протекшія съ учрежденія намѣстничества до назначенія Державина шесть лѣтъ Тамбовъ уже четыре раза мѣнялъ губернаторовъ [1]. Послѣднимъ передъ Державинымъ былъ Григорій Дмитріевичъ Макаровъ, управлявшій губерніею только годъ и оставившій ее въ большомъ неустройствѣ.

Тамбовская губернія по своему пространству (1,200 кв. м.) составляла менѣе половины Олонецкой, а по числу жителей (887,000) превосходила ее болѣе чѣмъ вчетверо; слѣдовательно, Державинъ вступалъ въ нѣсколько иныя противъ прежняго условія администраціи. Городъ Тамбовъ, первоначально построенный при царѣ Михаилѣ Федоровичѣ для защищенія границы отъ набѣговъ Крымскихъ Татаръ, не имѣлъ ни торговаго, ни промышленнаго значенія, и населеніе его въ 80-хъ годахъ прошлаго

[1] Это были: А. И. Салтыковъ, князь М. М. Давыдовъ, П. П. Коновницынъ и Г. Д. Макаровъ. (Кн. Туркестанова *Губернскій служебникъ*, Спб. 1869. стр. 34.)

столѣтія едва ли доходило до 10,000 человѣкъ; самую значительную часть жителей составляли однодворцы. По числу купечества Тамбовъ занималъ между городами той же губерніи седьмое мѣсто: первое принадлежало Козлову; за нимъ слѣдовалъ Моршанскъ [1].

Хотя Державинъ во многихъ отношеніяхъ могъ считать случившуюся въ его положеніи перемѣну за повышеніе, однако онъ все еще жалѣлъ, что не могъ получить того же мѣста на родинѣ. Въ Петербургѣ онъ встрѣтился съ тогдашнимъ казанскимъ губернаторомъ. По его словамъ, генералъ-майоръ Иванъ Андреевичъ Татищевъ былъ также недоволенъ своимъ начальникомъ, княземъ П. С. Мещерскимъ, и пріѣхалъ было съ тѣмъ, чтобы принести на него жалобу, но не рѣшился на то и подалъ видъ, что цѣлью его было выхлопотать себѣ орденъ, въ чемъ можетъ-быть и успѣлъ бы, говоритъ Державинъ, «еслибъ почтмейстера не трактовалъ пощечинами» [2]. Державинъ старался вывѣдать его мнѣніе на счетъ своего желанія сдѣлаться его преемникомъ, но тотъ «почти съ досадою отозвался, что мѣстомъ своимъ доволенъ», а потомъ, если вѣрить поэту, разглашалъ по всему городу, что Державинъ хлопоталъ о полученіи его губерніи.

Въ Петербургѣ въ это время находился также Гудовичъ, которому новый сослуживецъ и представился. Пребываніемъ своимъ въ столицѣ Гаврила Романовичъ пользовался особенно для полнаго очищенія себя въ глазахъ императрицы. Между тѣмъ сенатъ, подъ вліяніемъ князя Вяземскаго, не слишкомъ заботился о представленіи дѣла въ настоящемъ его свѣтѣ и едва не скрылъ отъ государыни поданнаго Державинымъ объясненія относительно раздѣла земель между крестьянами Олонецкой губерніи [3]. Главными ходатаями за поэта, при дѣятельномъ по-

[1] Другіе уѣздные города Тамбовской губерніи были: Лебедянь, Липецкъ, Усмань, Борисоглѣбскъ, Кирсановъ, Шацкъ, Елатьма, Темниковъ и Спасскъ. Уѣздный городъ Кадомъ, на рѣкѣ Мокшѣ, въ концѣ 1786 г. обращенъ, по представленію Гудовича, въ посадъ и округъ его причисленъ частью къ Темниковскому, частью къ Елатомскому уѣзду.

[2] V, 427.

[3] V, 429. Ср. выше стр. 391.

средничествѣ Львова, были попрежнему Безбородко и Воронцовъ; кромѣ того онъ умѣлъ настроить въ свою пользу Потемкина и тогдашняго фаворита (съ февраля 1785 г.) А. П. Ермолова. Извѣстно, что этотъ послѣдній былъ очень податливъ на просьбы о покровительствѣ; вѣроятно, Державинъ нашелъ къ нему доступъ черезъ Львова же. Впрочемъ, роль Ермолова уже кончалась, и друзья недолго могли разсчитывать на его поддержку.

Передъ отъѣздомъ Державинъ ему откланивался. На вопросъ представлявшемуся, правда-ли, что онъ хочетъ помѣняться губерніями съ Татищевымъ, Державинъ отвѣчалъ, что ввѣренными ему «постами» не можетъ желать мѣняться, какъ принадлежащими частнымъ лицамъ вещами, что вполнѣ доволенъ своимъ назначеніемъ и что разговоръ его съ Татищевымъ былъ шуткою [1]. По просьбѣ фаворита, Державинъ обѣщалъ купить ему въ Тамбовской губерніи рысистую лошадь, и впослѣдствіи исполнилъ это обѣщаніе, но переслать лошади до паденія Ермолова не успѣлъ. Точно такъ же опоздало и извѣщеніе Гаврилы Романовича, что по желанію фаворита пріискана ему для покупки деревня близъ Тамбова.

4-го февраля Державинъ выѣхалъ изъ Петербурга вмѣстѣ съ женою и братомъ ея, Александромъ Бастидономъ, который до того служилъ во флотѣ: его хотѣли пристроить въ Тамбовѣ, но онъ оказался совершенно негоднымъ и для гражданской службы [2]. За ними долженъ былъ выѣхать секретарь Савинскій, взявшій на себя доставку экипажей и фортепіанъ [3]. Переѣздъ до Москвы продолжался дней пять. Въ Москвѣ, гдѣ пробыли до 26-го февраля, Державинъ посѣтилъ, между-прочимъ, графа Ивана Ларіоновича Воронцова, дядю Александра Романовича, и былъ отлично принятъ имъ. Обстоятельство, что у Воронцовыхъ были имѣнія въ Тамбовской губерніи, еще болѣе сближало Державина съ этимъ просвѣщеннымъ семействомъ. Въ Рязани, гдѣ было

[1] V, 427.

[2] Онъ умеръ въ 1796 году, въ Петербургѣ, отъ ушиба ноги.

[3] Онъ получилъ въ Тамбовѣ мѣсто засѣдателя въ верхнемъ земскомъ судѣ, а впослѣдствіи былъ вице-губернаторомъ въ Новгородѣ.

постоянное мѣстопребываніе намѣстника, Державинъ не засталъ ни самого Гудовича, ни супруги его (рожденной Прасковьи Кириловны Разумовской), по вмѣстѣ съ Катериной Яковлевной былъ у дѣтей ихъ. Пріѣзжіе навѣстили также рязанскаго губернатора Алексѣя Андреевича Волкова, были обласканы имъ и женою его и ужинали у нихъ. При случившейся въ то время оттепели, путешественники отъ Москвы до Тамбова ѣхали цѣлыхъ восемь дней, въ иныя сутки проѣзжая не болѣе 50 верстъ, и прибыли на мѣсто не ранѣе 4-го марта, т. е. на весь переѣздъ отъ Петербурга употребили цѣлый мѣсяцъ.

Хотя Тамбовъ, по числу жителей, и былъ втрое значительнѣе Петрозаводска, однакожъ, по своему наружному виду, едва ли много отличался отъ послѣдняго: за неимѣніемъ архитекторовъ, домá были большею частью построены кое-какъ, безъ плановъ, и разрушались: казенныя строенія, не исправленныя много лѣтъ, просто походили на развалины; «тамъ мѣстá присутственныя», говоритъ Державинъ, — «не токмо самыя бѣдныя и тѣсныя хижины, но и весьма ветхи» [1]. По улицамъ, въ дождливое время, мѣстами не было проѣзда, такъ что и люди, и скотъ утопали въ грязи. Около времени назначенія Державина, начаты были кое-какія новыя казенныя постройки, но, по недостатку кирпича (заводовъ для этого матеріала по близости не было), онѣ замедлились, а потомъ турецкая война и вовсе остановила ихъ. Губернаторскій домъ былъ деревянный и стоялъ на площади, которая впослѣдствіи вошла въ составъ сада Александринскаго дѣвичьяго института; кабинетъ поэта былъ въ томъ мѣстѣ этого сада, гдѣ теперь, на пригоркѣ, стоитъ открытая бесѣдка. Нынче слѣдовъ дома не осталось; стѣны его пошли отчасти на позднѣйшія постройки. Окладъ жалованья тамбовскаго губернатора составлялъ по штату не болѣе 1,800 рублей, изъ которыхъ еще вычиталось 10 проц. на госпиталь.

Въ самый день своего пріѣзда въ Тамбовъ, Державинъ, давъ намѣстническому правленію такъ называемое «предложеніе» о своемъ вступленіи въ должность, поспѣшилъ увѣдомить о

[1] VII, 169.

томъ генералъ-губернатора не только официальнымъ рапортомъ, но и частнымъ письмомъ, извиняясь нездоровьемъ жены въ продолжительности своего путешествія.

Иванъ Васильевичъ Гудовичъ, въ то время 44-хъ лѣтъ отроду (слѣдовательно, двумя годами старше Державина), въ молодости посѣщалъ германскіе университеты и зналъ нѣсколько иностранныхъ языковъ. Поступивъ въ военную службу, онъ не разъ имѣлъ случай отличиться храбростью, и въ первую турецкую войну, въ 1770 году, произведенъ былъ сперва въ бригадиры, а потомъ и въ генералы. Черезъ 7 лѣтъ онъ дослужился уже до чина генералъ-поручика. Любимымъ развлеченіемъ его была охота, которой онъ, и живя въ Рязани, посвящалъ много времени. Гражданскія дѣла, повидимому, мало его интересовали. Въ сохранившейся краткой автобіографіи его [1], вообще весьма сухо составленной, подробно изложены внѣшнія обстоятельства военной его службы, но относительно его гражданской дѣятельности въ качествѣ намѣстника она не содержитъ почти ничего.

Во вторую турецкую войну Гудовичъ дѣйствовалъ съ блестящимъ успѣхомъ, особенно на Кавказѣ, гдѣ взялъ приступомъ Анапу, и былъ потомъ кавказскимъ генералъ-губернаторомъ. Императоръ Павелъ возвелъ его въ графы; при Александрѣ Павловичѣ, за новые подвиги на Кавказѣ, онъ былъ пожалованъ въ генералъ-фельдмаршалы, а позднѣе, въ 1812 году, назначенъ членомъ Государственнаго Совѣта, и умеръ почти 70 лѣтъ, въ 1820 году.

По свидѣтельству Бантышъ-Каменскаго, онъ былъ «нрава горячаго, правилъ строгихъ, любилъ правду и преслѣдовалъ только порочныхъ; съ виду казался угрюмымъ, неприступнымъ, между-тѣмъ какъ въ кругу домашнемъ или въ пріятельской бесѣдѣ былъ ласковъ и привѣтливъ» [2].

Но есть объ немъ и другіе отзывы; такъ Вигель, говоря о времени, когда Гудовичъ былъ главнокомандующимъ въ Москвѣ

[1] *Русск. Вѣстникъ* 1841, стр. 607: «Записка о службѣ генералъ-фельдмаршала графа И. В. Гудовича, имъ самимъ составленная».

[2] *Словарь достоп. людей* II[1].

(1809—1812), такъ о немъ выражается: «Можетъ-быть, въ зрѣлыхъ лѣтахъ имѣлъ онъ много твердости, но подъ старость она превратилась у него въ своенравіе. Несмотря на то, такъ сказать, выживъ изъ лѣтъ, онъ совершенно отдалъ себя въ руки одного своего родственника, который слылъ человѣкомъ весьма корыстолюбивымъ. Оттого-то управленіе Москвою шло не лучше нынѣшняго: все было продажное, все было на откупѣ» [1].

Съ этимъ согласны и показанія графа Ростопчина за то же время. Въ 1810 году онъ писалъ великой княгинѣ Екатеринѣ Павловнѣ: «Жаль губернатора Ланского; жаль, что графа Гудовича опеленали мерзавцы.... Злость Гудовича гонитъ Ланского, а вина его состоитъ въ томъ, что онъ не былъ похожъ на окружающихъ и не хотѣлъ съ ними быть въ связи; я знаю Ланского за честнаго и благомыслящаго человѣка.... Гр. Гудовичъ столько же мстителенъ, сколько грубъ, глупъ, гордъ и бѣшенъ» [2].

Если въ двухъ послѣднихъ отзывахъ и предположить преувеличенье, то все же такія качества, хотя бы и въ меньшей степени, угрожали опасностью отношеніямъ между намѣстникомъ и новымъ губернаторомъ, тѣмъ болѣе что эти отношенія уже и въ самихъ себѣ носили начала раздора, который долженъ былъ вспыхнуть ранѣе или позже, смотря по степени воспалительности приходившихъ въ соприкосновеніе характеровъ; а въ этомъ случаѣ, въ горючихъ матеріалахъ, по крайней мѣрѣ съ одной стороны, не было недостатка. По отзывамъ Державина, Гудовичъ былъ мягкосердеченъ, умѣренъ, но слабъ характеромъ и легко подчинялся вліянію людей болѣе энергическихъ.

12. Пріязнь между намѣстникомъ и губернаторомъ.

Державинъ былъ горячо рекомендованъ Гудовичу въ особомъ письмѣ отъ Безбородки. За него ходатайствовали также передъ новымъ начальникомъ графъ Андрей Шуваловъ и его супруга. Въ концѣ марта генералъ-губернаторъ возвратился въ Рязань. Въ Петербургѣ оба будущіе сослуживца произвели

[1] *Р. Вѣстн.* 1864, *сентябрь*, 173.

[2] *Р. Архивъ* 1869, стр. 761 и 762.

другъ на друга наилучшее впечатлѣніе. Кромѣ того, Державину нравилось, что Гудовичъ въ бумагахъ своихъ вездѣ ссылался на законы и только ихъ бралъ въ основаніе: «чего же мнѣ по моему нраву лучше?» писалъ новый губернаторъ своему бывшему совѣтнику, Свистунову. Онъ радовался также, видя въ предложеніяхъ намѣстника «единственно тѣ требованія, которыя точно къ его должности относятся, умѣренность въ изъясненіяхъ и предоставленіе должной власти намѣстническому правленію» [1]. Въ іюнѣ онъ уже благодарилъ Безбородку и Воронцова «за спокойствіе, которое нашелъ въ Тамбовской губерніи въ сожительствѣ тамошняго общества и подъ начальствомъ Ивана Васильевича»; послѣдняго онъ тутъ же называлъ кроткимъ, благорасположеннымъ, справедливымъ и честнымъ начальникомъ [2]. Вскорѣ послѣ того Гудовичъ провелъ недѣлю въ Тамбовѣ. «Онъ встрѣченъ былъ здѣсь съ нелицемѣрною отъ всѣхъ радостью», писалъ Державинъ къ графу А. Р. Воронцову 5-го іюля: «кроткое его, простое и снисходительное со всѣми обращеніе, образъ мыслей благородный и поступки, на истинныхъ правилахъ чести основанные, усугубили къ нему внутреннимъ всѣхъ благорасположеніемъ то почтеніе, которое по наружности начальникамъ отдается. Не знаю, оттого ли, что почувствована здѣсь во всей силѣ всѣми и мною самимъ кроткимъ и снисходительнымъ его нравомъ совершенная разность противъ взмѣрчивыхъ, горячихъ и самовольныхъ начальниковъ, но только скажу, такъ имъ всѣ заняты, что изъяснить того вашему сіятельству не могу. Напротивъ того и онъ кажется нами довольнымъ. Весьма онъ счастливъ и мы всѣ, ежели возможемъ удержать навсегда таковыя между насъ расположенія и спокойную жизнь, отъ чего и служба конечно будетъ имѣть свои успѣхи. За сіе же кому я болѣе обязанъ, какъ не вашему сіятельству и графу Александру Андреевичу? Благодарность моя вамъ вѣчно въ душѣ моей пребудетъ» [3]. Такимъ же образомъ благодарилъ Державинъ

[1] V, 438.
[2] VII, 693.
[3] V, 470, гдѣ однакоже письмо это ошибочно отнесено къ апрѣлю.

Ермолова и чету Шуваловыхъ, восклицая въ письмѣ къ графу Андрею Петровичу: «Осмѣлюсь попросту сказать: какая разница противъ бывшаго моего начальника!».

Съ своей стороны и Катерина Яковлевна, хваля вообще дешевую и веселую жизнь въ Тамбовѣ, писала Капнистамъ: «Начальникъ очень хорошъ; кажется, безъ затѣй, не криводушничаетъ, далъ волю Ганюшкѣ хозяйничать; теперь совершенный губернаторъ, а не пономарь»[1].—«Я здѣсь противъ Петрозаводска подлинно душевно и тѣлесно воскресъ», писалъ Державинъ на Пасхѣ къ Поспѣлову, служившему прежде въ Олонецкой губерніи при Тутолминѣ, а теперь въ петербургскомъ губернскомъ правленіи. Надо замѣтить, что и губернаторскій домъ въ Тамбовѣ былъ просторнѣе и удобнѣе, и тамошняя жизнь сравнительно дешевле. Когда Державинъ позднѣе приглашалъ перейти въ Тамбовъ петрозаводскаго чиновника Аверьянова, предлагая ему 400 руб., то онъ объяснялъ при этомъ, что тамъ эта сумма «несравненно выгоднѣе, нежели петрозаводскихъ 1,000 руб.».

Довольство новою жизнью отражается и въ веселомъ тонѣ всей переписки супруговъ за это время. Вотъ напримѣръ, какъ самъ Державинъ шутилъ въ письмѣ къ Капнистамъ отъ 4-го мая: «Гаврилъ, тамбовскій губернаторъ, и Екатерина, тамбовская губернаторша, здравія вамъ желаютъ и нарочнаго курьера въ Кременчугъ навѣдаться о здравьѣ вашемъ отправляютъ, и о себѣ объявляютъ, что они очень весело и покойно поживаютъ и всю петрозаводскую скуку позабываютъ, и васъ къ себѣ въ гости приглашаютъ, и балъ для васъ и пиръ сдѣлать обѣщаютъ» и т. д.[2].

Намѣстникъ и губернаторъ оказывали другъ другу разнаго рода любезности. Когда въ Тамбовѣ ожидали пріѣзда Гудовича въ половинѣ іюня, то Державинъ разослалъ циркуляръ городничимъ и исправникамъ тѣхъ уѣздовъ, чрезъ которые генералъ-губернаторъ долженъ былъ проѣхать. Сохранился написанный вчернѣ самимъ правителемъ намѣстничества ордеръ козловскому городничему Овцыну: «Пріуготовить что̀ нужно, а меня, коль

[1] V, 851.
[2] V, 850.

скоро въ городъ пріѣдетъ, чрезъ нарочнаго увѣдомить. Г. капитанъ-исправнику объявите тожъ, чтобъ онъ о семъ его высокопревосходительства прибытіи былъ извѣщенъ и непремѣнно встрѣтилъ его на своей границѣ, потребное число лошадей приготовилъ, по сношенію съ ряжскимъ или лебедянскимъ капитанъ-исправникомъ осмотрѣлъ мосты и дороги, и какъ скоро въ округу его въѣдетъ, мнѣ бы далъ знать какъ наискорѣе съ нарочнымъ».

Во время пребыванія Гудовича въ Тамбовѣ на этотъ разъ былъ праздникъ восшествія на престолъ, 28-го іюня. Къ этому дню губернаторъ приготовилъ особо-написанное имъ въ честь начальника театральное представленіе [1]. Въ концѣ галереи стоялъ храмъ, изъ котораго, въ подражаніе древнему аѳинскому обычаю, вышла группа дѣтей, одѣтыхъ въ бѣлое платье и увѣнчанныхъ гирляндами, на встрѣчу генералъ-губернатора. Послѣ пропѣтаго хоромъ привѣтствія, Гудовичу были поднесены: юношею, представлявшимъ Генія, вѣнокъ изъ дубовыхъ листьевъ, а дѣвицею корзина цвѣтовъ, съ изъявленіемъ признательности «за оказанныя обществу благодѣянія». Въ Тамбовѣ до сихъ поръ помнятъ, что роль Генія, или «Ангела», какъ говоритъ преданіе, исполнялъ извѣстный съ того времени всему городу Иванъ Александровичъ Камбаровъ, умершій ста лѣтъ слишкомъ въ 1876 году. Вечеръ кончился баломъ и иллюминаціей, освѣщавшею три картины. На одной изъ нихъ, изображавшей появленіе лучезарнаго Феба, была надпись: «Торжествуемъ приходъ своего благотворителя».

Гудовичъ былъ въ восторгѣ отъ оказанной ему чести. Одинъ изъ подчиненныхъ Державина, Тютчевъ, находясь вскорѣ послѣ того по дѣлу въ Рязани, писалъ ему: «Иванъ Васильевичъ, по возвращеніи изъ Тамбова, ежеминутно отзывался вашимъ угощеніемъ, которое ему показалось весьма пріятнымъ, и содержаніе всего приготовленнаго въ честь ему читалъ публично, и столько часто повторялъ оное, что мнѣ уже и разсказывать было нечего и каждый знаетъ по наслышкѣ столько, какъ бы сами

[1] IV 3.

были свидѣтелями онаго.... Вчера было собраніе у Алексѣя Андреича (Волкова, губернатора), и такъ случилось, что я съ нимъ сидѣлъ особо. Матерія дошла о Тамбовѣ; Алексѣй Андреичъ началъ говорить, что если поправится Тамбовъ, такъ это вами; я, будучи свидѣтелемъ, какъ вы трудитесь, разсказывалъ ему, что по приказу общественнаго призрѣнія нача́ла никакого не было и сколько вы стараетесь устроить къ доставленію разныхъ матеріаловъ, какъ для того, чтобъ сумма оная имѣла оборотъ свой, такъ и для выгодъ тамбовскимъ жителямъ, въ чемъ и онъ вамъ отдавалъ справедливость своимъ заключеніемъ, разсказывая также и свои заведенія оными жъ рабочими людьми и т. п.» [1].

Изъ этихъ строкъ между-прочимъ видно, что Державинъ уже тогда приступилъ къ улучшенію общественныхъ зданій въ губернскомъ городѣ. Еще въ маѣ шла переписка о постройкѣ дома для народнаго училища, сиротскаго дома, богадѣльни, больницы, дома для умалишенныхъ, рабочаго и смирительнаго. Кромѣ того перестраивали генералъ-губернаторскій домъ, присутственныя мѣста, церковь, и планы посылались въ Петербургъ Львову для сообщенія ихъ на просмотръ выписанному императрицею изъ Италіи архитектору Тро́мбара [2]. Въ самомъ началѣ своего пребыванія въ Тамбовѣ, Державинъ просилъ Волкова прислать планъ построеннаго въ Рязани дома общественныхъ собраній (клуба, или, по тогдашнему, «редута»). Особенно же онъ съ самаго начала заботился объ улучшеніи общественной жизни и воспитанія.

13. Старанія объ успѣхахъ образованія и общежитія.

Естественно, что тамбовское дворянство того времени, хотя и довольно зажиточное, стояло на низкой степени просвѣщенія, и не даромъ, конечно, одинъ изъ предмѣстниковъ Державина П. П. Коновницынъ (1782—1784) въ письмѣ къ нему изъ Петербурга упомянулъ о «невѣжествѣ» тамошнихъ жителей [3] и не-

[1] V, 515.
[2] V, тамъ же.
[3] V, 624.

умѣніи ихъ цѣнить просвѣтительныя мѣры Екатерины II. Для развитія общественной жизни Державинъ устроилъ у себя, два раза въ недѣлю, вечернія собранія: по воскресеньямъ танцы, по четвергамъ концерты. Сверхъ того, видя, что для образованія молодежи въ Тамбовѣ почти ничего еще не сдѣлано, онъ рѣшился, не теряя времени, принять личное участіе въ доставленіи средствъ къ воспитанію и открылъ свой собственный домъ для обученія дѣтей мѣстныхъ жителей, особенно дворянъ: именно, онъ завелъ у себя уроки для приходящихъ, пригласивъ учителей и распредѣливъ назначенную имъ умѣренную плату между родителями учащихся. Къ нему сходились мальчики и дѣвочки учиться то грамотѣ и ариѳметикѣ, то танцованію, для котораго опредѣлены были послѣобѣденные часы по два раза въ недѣлю и выписанъ танцмейстеръ съ дочерью. За билетъ на эти танцовальные уроки каждое лицо платило по 50 коп., а такъ какъ танцовало не менѣе двадцати паръ, то учитель каждый разъ получалъ до 20-ти рублей; кромѣ того онъ имѣлъ въ губернаторскомъ домѣ квартиру и столъ и давалъ въ другихъ домахъ отдѣльные уроки, получая тамъ по два рубля за часъ.

Въ концѣ года Державинъ писалъ въ Петрозаводскъ бывшему своему подчиненному (асессору Олонецкой уголовной палаты) Аверьянову, что у него собирается до полутораста дѣвицъ. Этотъ Аверьяновъ, бывшій придворный пѣвчій, спадшій съ голоса, зналъ музыку, и Державинъ еще при отъѣздѣ изъ Петрозаводска обѣщалъ перевести его въ Тамбовъ. «Здѣсь», писалъ онъ, «хотя есть въ двухъ домахъ изрядная музыка, которой плачу за балы и за симфоніи при столѣ по сту рублей на годъ; но хочется имѣть городовую музыку, чтобъ не зависѣла ни отъ кого, кромѣ меня» [1].

Онъ прибавляетъ, что такъ какъ въ Тамбовѣ дворянство достаточное, то Аверьяновъ можетъ найти учениковъ за особливую плату или «по крайней мѣрѣ будетъ всегда спабженъ не купленнымъ столовымъ запасомъ», и во всякомъ случаѣ не останется въ накладѣ, потому что изъ бывающихъ у губернатора

[1] V, 644.

дѣвицъ можетъ «избрать себѣ невѣсту съ небольшою деревенькою». Аверьяновъ дѣйствительно перешелъ на службу въ Тамбовъ (секретаремъ нижней расправы), ввелъ тамъ въ церковную службу греческое пѣніе и, по желанію губернатора, устроилъ по воскресеньямъ пѣвческій классъ для охотниковъ: «забавно и пріятно видѣть», говоритъ поэтъ, «когда слышишь вдругъ человѣкъ 400 дѣтей, смотрящихъ на одну черную доску и тянущихъ одну ноту.... По городу загремѣла вокальная музыка» [1].

Въ первые же мѣсяцы пребыванія Державина въ Тамбовѣ сдѣлано было и начало устройству тамъ театра. Представленіе 28-го іюня, въ присутствіи Гудовича, было первымъ къ тому шагомъ. Вслѣдъ за тѣмъ, въ домѣ губернатора завелись любительскіе спектакли; подъ непосредственнымъ руководствомъ Катерины Яковлевны дѣвицы шили и расписывали театральные костюмы, заучивали и репетировали роли. По примѣру Державиныхъ, и другіе дворяне устраивали у себя драматическія представленія. Въ особенно близкихъ отношеніяхъ къ губернаторскому дому стояло семейство Ниловыхъ,—помѣщикъ, бригадиръ Андрей Михайловичъ, нѣкогда сослуживецъ Державина въ Преображенскомъ полку, жена его, извѣстная нѣсколькими литературными трудами Елисавета Корнильевна (рожденная Бороздина) [2], и сынъ ихъ Петръ Андреевичъ, впослѣдствіи тамбовскій губернаторъ. У нихъ, въ деревнѣ, также былъ устроенъ театръ, какъ видно изъ одного письма, въ которомъ жена Нилова обѣщаетъ Державинымъ прислать въ Тамбовъ декоратора, прося однакожъ «отдать его на руки надежному человѣку», потому что онъ «опять пить началъ: у него въ Тамбовѣ много пьяныхъ друзей, которыхъ не худо бы къ нему не пускать для лучшаго успѣха его въ работѣ» [3]. У Ниловыхъ гостили дочери двухъ тамбовскихъ чиновниковъ, княжна Давыдова и Марія Орлова, которыя также являлись на сценѣ. Играли, между-прочимъ, переводы французскихъ комедій и оперъ, напримѣръ, Мармонтелеву:

[1] VI, 585.

[2] Труды ея исчислены въ *Русскомъ Архивѣ* 1865, стр. 1194. Подробнѣе о Ниловыхъ II, 185.

[3] V, 609.

Земира и Азоръ, также трагедіи Сумарокова и *Недоросля* Фонъ-Визина. Роль Вральмана исполнялъ домашній врачъ Ниловыхъ Лимнеліусъ [1]. Въ приготовленіяхъ къ тамбовскимъ спектаклямъ принималъ иногда участіе и самъ губернаторъ. Ноты для театра и концертовъ выписывались то изъ Петербурга черезъ пріятеля его, бригадира Петра Евгр. Озерова, то изъ Москвы черезъ княжну Волконскую, дочь сенатора Петра Михайловича. Въ началѣ 1787 года Державинъ испросилъ разрѣшеніе намѣстника построить въ Тамбовѣ особый театръ на мѣстѣ, избранномъ самимъ Гудовичемъ во время его пребыванія въ Тамбовѣ. На это ассигнована была сумма въ 1 т. руб., да столько же ежегодно на содержаніе театра, который долженъ былъ состоять въ вѣдѣніи приказа общественнаго призрѣнія. Для улучшенія строительной части Львовъ, по просьбѣ Державина, хлопоталъ о высылкѣ ему изъ Петербурга «искуснаго каменнаго мастера», италіянца Лукини, который уже въ іюнѣ 1786 года и былъ отправленъ въ Тамбовъ [2]. Надзоръ за постройкою театра порученъ былъ машинисту, италіянцу Барзанти, повидимому уже прежде находившемуся въ Рязани: по особенному къ нему расположенію, Гудовичъ назначилъ ему въ дополненіе къ жалованью сто руб. До окончанія постройки театра, представленія происходили у губернатора. Такъ было, напримѣръ, какъ увидимъ ниже, при праздновавіи открытія народнаго училища.

По этому можно уже судить, на какую широкую ногу Державины устроили свою жизнь въ Тамбовѣ. Они очень заботились объ увеселеніи общества, о томъ, чтобы сдѣлать свой домъ пріятнымъ и блестящимъ центромъ собраній мѣстнаго дворянства. Между-прочимъ, губернаторъ заказалъ себѣ черезъ Нилова бильярдъ по образцу того, который онъ видѣлъ у этого помѣщика въ деревнѣ. Для обивки мебели выписанъ былъ сафьянъ (140 штукъ козловъ разнаго цвѣта) изъ Казани. Изъ Петербурга, черезъ А. И. Васильева, высылались большими партіями вѝна; изъ Малороссіи получались отъ Капнистовъ варепья и конфеты. И домъ, и столъ у губернатора были открытые. Пе-

[1] V, 832.
[2] V, 493.

тербургскій пріятель его Львовъ, хорошо знавшій денежныя его обстоятельства, нерѣдко подшучивалъ надъ такимъ образомъ жизни, и уже по поводу праздника, даннаго въ честь Гудовича, писалъ: «Поскольку бишь вы за всякой праздникъ своихъ долговъ уплачиваете? Помнится мнѣ, что Катер. Яковл. мнѣ этого не написала. Только полно, что за праздникъ! Правда, онъ долженъ былъ быть весьма хорошъ; только нельзя ли, мой другъ, чтобы онъ былъ послѣдній? — или ты на банкъ надѣешься? отпиши-ка ты ко мнѣ объ этомъ»[1].

Однакожъ, этотъ образъ жизни не мѣшалъ Державину дѣятельно заниматься по своей должности, и уже съ самаго начала онъ энергически приступилъ къ устраненію многочисленныхъ неустройствъ по всѣмъ частямъ управленія.

14. Прежнія неустройства. Улучшенія. Выписка указовъ и чиновниковъ.

О томъ, какія неустройства Державинъ нашелъ въ губерніи, и о заботливости, съ какою онъ немедленно принялся за исправленіе ихъ, лучше всего свидѣтельствуетъ его замѣчательное письмо къ Гудовичу, писанное имъ уже въ концѣ марта, т. е. черезъ три недѣли по пріѣздѣ въ Тамбовъ. «Я только еще присматриваюсь», пишетъ онъ, «къ распорядкамъ, относящимся до управленія губерніи». Чтобъ не говорить, какъ обыкновенно бываетъ, «однихъ словъ на счетъ своихъ предмѣстниковъ», онъ рѣшился сдѣлать изъ текущихъ дѣлъ замѣтки и уже началъ, съ помощію совѣтника Аничкова, вносить все замѣченное въ одну тетрадь, съ тѣмъ чтобы потомъ, по разсмотрѣніи ея, представить намѣстнику одну общую картину всѣхъ недостатковъ, требовавшихъ исправленія. Между тѣмъ онъ тутъ же кратко изображаетъ, чтó найдено имъ съ перваго взгляда; сюда относилось слѣдующее:

1) Неимовѣрная недоимка.

2) Нестроеніе присутственныхъ мѣстъ и всего вообще го-

[1] V, 537

рода. О томъ и другомъ Гудовичъ предварялъ его еще въ Петербургѣ.

3) Запутанное, медленное и несогласное съ законами дѣлопроизводство.

4) Неточныя свѣдѣнія о границахъ губерніи и числѣ ея жителей, такъ что съ нѣкоторыхъ селеній неправильно взыскивались повинности, иногда по двумъ губерніямъ; съ другихъ безъ основанія не взыскивались онѣ вовсе, отъ чего происходила невѣрность въ сборѣ, а частью и недоимка.

5) Ужасное состояніе губернскихъ тюремъ.

6) Бездѣйствіе приказа общественнаго призрѣнія. При этомъ особенно упоминается, что по состоянію дорогъ въ распутицу губернаторъ не могъ доѣхать до смирительнаго дома и что кирпичные сараи, несмотря на приказаніе намѣстника, не строятся, потому что на постройку недостаетъ лѣса, а дровъ на обжиганіе кирпичей и совсѣмъ не заготовлено.

На представленіе своихъ замѣчаній и предположеній о мѣрахъ къ устраненію этихъ недостатковъ Державинъ проситъ дать ему недѣли четыре. «Я, можетъ-быть», прибавляетъ онъ, «и прежде удосужусь то сдѣлать, но чтобъ устоять въ словѣ, я сроку себѣ беру болѣе. Тогда же, ежели позволите для словеснаго обо всемъ объясненія побывать на нѣсколько дней у васъ (въ Рязани), подъ образомъ осмотра здѣшней губерніи, законами мнѣ дозволеннаго, то я сочту (это) за особливую себѣ милость» [1].

Но одного изъ исчисленныхъ здѣсь недостатковъ человѣколюбивый губернаторъ не могъ видѣть, не принявъ тотчасъ же мѣръ, чтобы хотя отчасти исправить его. «При обозрѣніи моемъ губернскихъ тюремъ», говоритъ онъ, «въ ужасъ меня привело гибельное состояніе несчастныхъ колодниковъ». И за этимъ слѣдуетъ описаніе, которое не лишено поэтической, хотя и мрачной, картинности и заслуживаетъ быть переданнымъ здѣсь вполнѣ: «Не только въ кроткое и человѣколюбивое нынѣшнее, но и въ самое жестокое правленіе, кажется, могла ли бы когда пріуго-

[1] V, 452—455.

товляться казнь равная ихъ содержанію, за ихъ преступленія, выведенная изъ законовъ нашихъ? Болѣе 150 человѣкъ, а бываетъ, какъ сказываютъ, нерѣдко и до 200, повержены и заперты безъ различія винъ, пола и состоянія въ смердящія и опустившіяся въ землю, безъ свѣта, безъ печей, избы, или, лучше сказать, скверные хлѣвы. Нары, подмощенныя отъ потолка не болѣе ¾ разстояніемъ, помѣщаютъ сіе число узниковъ, слѣдовательно согрѣваетъ ихъ одна только тѣснота, а освѣщаетъ между собою одно осязаніе. Изъ сей норы едва видны ихъ полумертвыя лица и высунутыя головы, произносящія жалобный стонъ, сопровождаемый звукомъ оковъ и цѣпей. Я осмѣлился, не дожидаясь отъ вашего превосх. резолюціи, отвратить сей безпорядокъ, приказавъ сломать, по недостатку здѣсь лѣсу и что скоро взять его не откуда, нѣсколько ветхихъ строеній, подъ вѣдомствомъ приказа общественнаго призрѣнія безъ всякаго употребленія находящихся, и, перебравъ ихъ, сдѣлать изъ нихъ пристройки къ кордегардѣ, имѣющейся близъ острога, гдѣ бы можно было содержать колодниковъ, различая полъ и состояніе, которые не въ тяжкихъ винахъ судятся, а для большихъ преступниковъ очистить и исправить въ острогѣ избы».—Тогда же сдѣлано было распоряженіе, чтобы производство дѣлъ о колодникахъ было ускорено и чтобы притомъ преступники, въ отношеніи къ мѣсту ихъ содержанія, распредѣлены были по степенямъ виновности, а нѣкоторые и отпущены на поруки. Одновременно Державинъ представилъ на усмотрѣніе намѣстника свой рапортъ въ сенатъ о несправедливомъ рѣшеніи одного дѣла въ уголовной палатѣ. «Судьи», говоритъ онъ, «признавъ свою ошибку, хотѣли перемѣнить свой приговоръ, но я не посмѣлъ сего, безъ позволенія вашего, сдѣлать, потому паче, что г. предсѣдатель Сабуровъ, крѣпившій оный, находится въ отпуску»[1]. Затѣмъ Державинъ входитъ въ слѣдующее замѣчательное разсужденіе: «Можетъ-быть, они полагаютъ, что я слишкомъ подробно вхожу въ обстоятельства; но я думаю, что въ уголовныхъ дѣлахъ наиболѣе отъ судьи требуется искуства, чтобъ обнару-

[1] V, 455.

жить дѣйствіе, подвесть оное подъ точный законъ; а потомъ уже третья посылка сама по себѣ выйдетъ. Ежели судить не лица а дѣйствія, то кажется, такъ должно; но вмѣсто того я примѣчаю, что обвиняются здѣсь всегда малые чины, а большіе, какъ изъ дѣлъ сихъ изволите увидѣть, оправдываются. По мнѣнію моему, закрывать въ изысканіи и въ приговорѣ виннаго, не есть человѣколюбіе, но, напротивъ, зло вредящее обществу. Гораздо бы болѣе призналъ я соболѣзновательныхъ къ преступнику чувствованій, ежелибы дѣло его рѣшилось скорѣе, и онъ бы подъ стражею содержался не жестокосердно. Признаюсь я вашему высокопрев., что господамъ уголовнымъ судьямъ, между разговорами, пріятельски совѣтовалъ я взять способъ къ скорѣйшему рѣшенію ихъ распри и разноголосицы тотъ, чтобъ они, хотя когда изъ любопытства, одинъ разъ заглянули въ тюрьму и увидѣли, какъ страждутъ тамъ люди».

Относительно улучшенія тюремъ комендантъ (полковникъ Булдаковъ) уже въ началѣ іюля доносилъ губернатору, что въ слѣдствіе указа правленія разныя ветхія строенія сломаны и вмѣстѣ съ имѣющеюся подлѣ острога кордегардіею перевезены; изъ этого матеріала построено девять покоевъ и при нихъ пять сѣней, а находившіяся внутри острога избы исправлены и очищены, печи передѣланы, окна утверждены желѣзными решетками.

Рѣшительныя мѣры были приняты также къ устраненію неисправности въ сборѣ податей. Въ примѣръ можно привести тотъ фактъ, что при выдачѣ жалованья спасскому городничему, у него вычиталось, по опредѣленію намѣстническаго правленія, по 5-ти руб. въ треть за медлительное взысканіе недоимокъ и недоставленіе о нихъ въ срочное время вѣдомостей.

Однимъ изъ важныхъ безпорядковъ управленія была неисправность въ поставкѣ рекрутъ: помѣщики подъ разными предлогами уклонялись отъ этой повинности. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ своего вступленія въ должность, Державинъ писалъ въ Петербургъ къ своему пріятелю, сенатскому оберъ-прокурору Неклюдову: «Относительно медленности рекрутскаго набора, такъ не я въ томъ виноватъ и не Иванъ Васильевичъ, а

прежніе хозяева, что у нихъ былъ безпорядокъ: ни очередей, ни вѣрнаго числа душъ до сихъ поръ добиться не можемъ, а потому можно ли и быть успѣшному набору? Можно бы было къ вамъ кое-что написать, чѣмъ бы вы насъ не токмо извинили, но и крайне удивились безпечности здѣшней. Ежели Алексѣй Ивановичъ (Васильевъ, управлявшій одною изъ экспедицій государственныхъ доходовъ) захочетъ, то онъ молвитъ кое-что, судя по посланнымъ къ нимъ счетамъ, но я оставлю въ молчаніи: авось либо Богъ поможетъ, и по малу справимся безъ дальнихъ каверзъ. Вы только, между тѣмъ, пощадите и не будьте къ намъ строги и не расшевелите насъ»[1]. Однакожъ, приведеніе этой части въ порядокъ представляло большія трудности и не могло вполнѣ удаться и позднѣе, какъ видно изъ письма Державина къ губернскому предводителю дворянства, въ концѣ 1788 года*.

Успѣшнѣе были старанія губернатора объ ускореніи производства дѣлъ. Объ этомъ можно судить по письму, въ которомъ лично незнакомый съ нимъ человѣкъ, нѣкто Кострицкій (уже въ іюлѣ 1786 года) горячо благодаритъ его за окончаніе своего дѣла съ однодворцами. «Оно», говоритъ онъ, «столько лѣтъ волочась, вѣрно никогда бы конца не получило, еслибы ваше прев., по правосудію своему и всегдашнему о благѣ ввѣреннаго вамъ бдѣнію, не обратили на него свое вниманіе. Сіе тѣмъ паче мнѣ чувствительно, что въ самое кратчайшее вступленія вашего въ Танбовъ время столь запутанное и много лѣтъ безъ всякаго попеченія брошенное дѣло рѣшить изволили, не зная еще и меня и не имѣя о томъ къ особѣ вашей отъ меня докуки. Правда, я хотя и искалъ еще случая прибѣгнуть о томъ чрезъ кого-либо съ просьбою; но не будучи, м. г., вами знаемъ, не смѣлъ самъ собою васъ безпокоить; а в. прев. благодѣяніемъ своимъ въ томъ меня упредили: повѣрьте, м. г., что я никогда не ожидалъ конца сему дѣлу; много разъ просилъ кого надлежитъ изъ бывшихъ въ правленіи судей, да и Бѣльскаго (совѣтника уголовной палаты) уже просилъ; однако и они просьбы моей не вняли. Вотъ какіе, м. г., были судьи, что не могли столько лѣтъ дѣло сіе рѣшить. Теперь

[1] V, 534.

мнѣ, по милости в-го пр., осталось просить, чтобъ благоволили приказать сдѣлать по опредѣленію исполненіе и меня ввести во владѣніе стяжанной еще дѣдомъ моимъ мельницы и тѣмъ довершить ваше ко мнѣ благодѣяніе, а соперниковъ моихъ прю кончить»[1].

Замѣчателенъ и отвѣтъ Державина на это письмо. Съ самаго переселенія въ Тамбовъ, его очень смущало обстоятельство, которое въ наше время можетъ казаться страннымъ и едва вѣроятнымъ: въ присутственныхъ мѣстахъ не было собранія указовъ и другихъ узаконеній; они давно были затеряны. Когда ихъ не нашлось и въ архивѣ бывшей воеводской канцеляріи, то Державинъ сталъ хлопотать о присылкѣ ему печатныхъ экземпляровъ или хотя копій изъ Москвы. Для этого воспользовался онъ случаемъ попросить о томъ Кострицкаго: «Въ здѣшней губерніи», писалъ онъ ему, «великой недостатокъ въ законахъ: безъизвѣстно, были ли они когда здѣсь въ употребленіи; въ такомъ случаѣ, не можно ли, м. г. мой, взять на себя трудъ, по приложенной при семъ запискѣ, печатные или же и списанные, особливо съ 765 года по сіе время, купить, чѣмъ чувствительно меня одолжить изволите, и я съ покорнѣйшею моею благодарностію издержанныя на то деньги къ вамъ доставить не премину. Что касается до произведенія въ самое дѣйствіе опредѣленія по дѣлу вашему, то извольте быть увѣрены, что я особливое приложу о томъ мое наблюденіе: потому паче, что такая здѣсь вкоренена была во исполненіи слабость, что указамъ почти ни у кого уваженія не было, что надобно было нѣсколько разъ писать объ одномъ дѣлѣ, дабы добиться какого успѣха. Словомъ, не похвально отзываться о комъ-либо съ осужденіемъ; но необходимость иногда извлекаетъ правду. Во осторожность свою, чтобъ не подвергнуться иногда за проволочку безъ вины отвѣту, лишь приказалъ я тронуть за дѣла прошлыхъ лѣтъ и, освидѣтельствовавъ ихъ, привесть въ порядокъ, то и увидѣлъ тысячу подобныхъ вашему, или, лучше сказать, беззаконія превзыдоша главу мою. Слѣдовательно, всепорнѣйшая моя просьба была бъ не не-

[1] V, 518.

справедлива, чтобъ нѣкоторое время до водворенія здѣсь порядка, грѣхи и беззаконія наши седмерицею прощаемы были, какъ то и по рекрутскимъ наборамъ какую справедливость спрашивать, когда все основывалось на *какъ-нибудь?* Въ будущее время, смѣю увѣрить господъ просителей, что не будутъ они имѣть причины утруждать объ обидахъ своихъ вышнее правительство»[1].

О присылкѣ законовъ Державинъ еще прежде просилъ своего московскаго пріятеля и родственника И. М. Арсеньева, который однакожъ могъ выслать ему только адмиралтейскій регламентъ и полковничью инструкцію, объясняя при этомъ, что другихъ законовъ въ продажѣ не отыскалось, а такъ какъ они болѣе не печатаются, то и впредь не предвидится надежды исполнить его желаніе. Поэтому Арсеньевъ совѣтовалъ Державину выписать нужные указы изъ Петербурга, черезъ Васильева, который, по пріязни съ нимъ, конечно найдетъ возможность собрать ихъ и доставить.

Кромѣ законовъ, Державинъ просилъ Арсеньева о прінсканіи въ Москвѣ приказныхъ служителей, которые согласились бы перейти на службу въ Тамбовъ, гдѣ и въ этомъ отношеніи ощущался большой недостатокъ. «Въ бытность мою въ Москвѣ», писалъ губернаторъ своему пріятелю, «проговаривали вы, что отъ уничтоженія Вотчинной коллегіи осталось довольно канцелярскихъ служителей: то не можете ли, батюшка, человѣка два-три хорошенькихъ секретарей и нѣсколько также получше пріискать копеистовъ? я бы имъ далъ тотчасъ сколь можно мѣста́ повыгоднѣе. Здѣсь крайняя въ сихъ людяхъ нужда; а особливо ежелибы были хорошаго состоянія, а болѣе не пьяницы, я бы чувствительно вамъ былъ обязанъ»[2].

При этомъ послѣднее желаніе такъ пояснялось (въ первоначальной, послѣ зачеркнутой редакціи письма): «чтобъ они были поведенія хорошаго, а больше всего чтобъ не были заняты тою игрою, которая называется пьянствомъ и которая, кажется, хуже всякаго порока, яко отдаляющая нужное и важное довѣріе по должности».

[1] V, 528.
[2] V, 509.

Въ отвѣтъ Арсеньевъ прислалъ прошенія нѣсколькихъ канцелярскихъ служителей, «людей порядочныхъ», какъ онъ свидѣтельствовалъ, но прибавляя, что «такъ какъ они все люди бѣдные и нѣсколько времени живутъ безъ жалованья», то «своимъ коштомъ» доѣхать до Тамбова не могутъ и просятъ назначить имъ пособіе[1]. Державинъ былъ не прочь исполнить это желаніе, только просилъ напередъ объявить этимъ лицамъ, что они на первый случай могутъ быть приняты не иначе какъ въ столоначальники, получающіе въ годъ по 180 р., или въ помощники столоначальниковъ, съ жалованьемъ по 100 р.; но такъ какъ въ Тамбовѣ крайній недостатокъ въ исправныхъ секретаряхъ, то по удостовѣреніи въ ихъ способности къ этой должности, они «съ великимъ удовольствіемъ помѣщены будутъ на секретарскія вакансіи и представлены къ производству въ чины конечно прежде года. Вдругъ дать имъ такія мѣста было бы обидно для тѣхъ, которые теперь занимаютъ тѣ же должности. Надобно, чтобъ они постыдили ихъ (т. е. нынѣшнихъ секретарей) какъ поведеніемъ своимъ, такъ трудами и знаніемъ: въ такомъ случаѣ можно уже не краснѣя́сь и по справедливости отличить ихъ достоинства»[2]. Переговоры длились до конца года; наконецъ въ ноябрѣ Державинъ просилъ Гудовича сдѣлать объ этихъ лицахъ сношеніе съ герольдіею.

Пополнить недостатокъ канцелярскихъ служителей было однакожъ легче нежели исправить или замѣнить тѣхъ изъ высшихъ чиновниковъ, которые своею медлительностью или недобросовѣстностью тормозили дѣла́. Таковъ былъ особенно совѣтникъ уголовной палаты Бѣльскій: на него въ первое же время подана была палатою жалоба, что «онъ медлитъ, не подписываетъ дѣлъ и не отзывается притомъ никакимъ голосомъ»[3]. Державинъ сдѣлалъ ему увѣщаніе и увѣдомилъ о томъ Гудовича. Какъ мы видѣли, и Кострицкій въ письмѣ къ губернатору упомянулъ, что онъ по своему дѣлу нѣсколько разъ напрасно обра-

[1] V, 526.
[2] V, 567.
[3] V, 455.

щался къ судьямъ, въ томъ числѣ и къ Бѣльскому. Объ этомъ послѣднемъ ходили по городу очень дурные слухи; разсказывали даже, что онъ былъ приговоренъ къ каторгѣ, но подошелъ подъ милостивый манифестъ; однакожъ не велѣно было опредѣлять его ни къ какимъ должностямъ.

Еще до пріѣзда новаго губернатора Гудовичъ посылалъ Бѣльскаго въ Козловъ съ какимъ-то порученіемъ: тогда этотъ чиновникъ собиралъ на имя намѣстника взятки. Въ слѣдствіе того Гудовичъ частнымъ образомъ черезъ другихъ велѣлъ ему подать въ отставку, а Державинъ предложилъ палатѣ сдѣлать ему выговоръ. Несмотря на то, Бѣльскій оставался на службѣ: тайна такого снисхожденія заключалась въ томъ, что онъ имѣлъ сильныхъ покровителей въ Петербургѣ и опредѣленъ былъ по просьбѣ княгини Вяземской. Когда Державинъ былъ въ Петербургѣ, то Васильевъ показывалъ ему письмо Бѣльскаго, просившаго ходатайствовать о переводѣ его въ намѣстническое правленіе. Убѣдившись въ негодности его, Державинъ теперь сообщилъ все, что зналъ о немъ, Васильеву, прося посовѣтовать ему, «чтобъ онъ унялся отъ своихъ дурныхъ дѣлъ и заслуживалъ бы лучшее о себѣ мнѣніе». Васильевъ благородно отвѣчалъ, что отрекается отъ него: «когда онъ столько дуренъ, то и не заслуживаетъ никакой помощи; вы знаете меня, что я не люблю никогда защищать то, что дурно, а и въ васъ я увѣренъ, что вы напрасно на человѣка не нападете; то и оставляю на волю съ нимъ поступать, какъ долгъ вашъ велитъ». Но Державинъ не рѣшился дѣйствовать по всей справедливости, т. е. «представить въ сенатъ объ отрѣшеніи его», какъ бы слѣдовало по собственному сознанію губернатора[1], и это конечно потому, что за Бѣльскаго были еще и другіе ходатаи: онъ исполнялъ порученія Л. А. Нарышкина по его имѣніямъ; Нарышкинъ за него просилъ, и Державинъ отвѣчалъ, что «поставитъ себѣ за особенное удовольствіе исполнить повелѣніе вельможи и оказывать въ чемъ можно свое уваженіе и отличность г. совѣтнику Бѣльскому»[2].

[1] V, 451 и 472.
[2] V, 462.

Надобно однакожъ замѣтить, что въ 1788 году имя Бѣльскаго совершенно изчезаетъ изъ списка служащихъ въ тамбовскихъ присутственныхъ мѣстахъ, и такимъ образомъ Державинъ повидимому принужденъ былъ отказаться отъ той уступки свѣтскимъ отношеніямъ, которую сдѣлалъ было. Изъ такихъ же внѣшнихъ соображеній онъ долженъ былъ пристроить у себя нѣсколько рекомендованныхъ ему лицъ; напр. по просьбѣ графа Воронцова и кн. Дашковой опредѣлилъ майора Верзилина въ уѣздные стряпчіе, а по просьбѣ Васильева далъ мѣсто совѣтника уголовной палаты Осипову, женатому на побочной дочери князя Урусова, родственника Вяземскихъ. Какъ человѣкъ ненадежнаго поведенія, Осиповъ порученъ былъ особенному попеченію губернатора, который и принялъ его ласково, но послѣ потерпѣлъ отъ него много непріятностей.

Между тѣмъ Державину не удалось перевести въ Тамбовъ двухъ любимыхъ петрозаводскихъ чиновниковъ: совѣтника Свистунова и состоявшаго прежде при Тутолминѣ, Поспѣлова. Сначала онъ совѣстился предлагать ихъ Гудовичу, «чтобъ не подать ему», писалъ онъ, «ни малѣйшаго подозрѣнія, что я желаю набрать сюда къ должностямъ людей мнѣ преданныхъ и тѣмъ составить какое-либо свое общество» [1]; позднѣе же обстоятельства такъ сложились, что оба лица, какъ увидимъ въ слѣдующихъ отдѣлахъ, получили должности въ Петербургѣ.

Здѣсь же кстати укажемъ на шуточное письмо, которымъ Державинъ приглашалъ какого-то петрозаводскаго купца (вѣроятно раскольника) перейти въ Моршанскъ на должность купеческаго маклера:

«Архимагиръ страны сей благосклоненъ ти есть, готовитъ ти мѣсто, мѣсто злачно, мѣсто покойно, отнюдуже отбѣже всякая болѣзнь и воздыханіе, а именно въ Тамбовской губерніи при рѣцѣ Цнѣ находится нѣкій новосозидаемый градъ Моршанскъ, идѣже съ нѣкихъ лѣтъ, а паче прошлый годъ стекалося изъ всего царства всероссійскаго великое множество купечества, купли ради хлѣбныя. — Богатство яко рѣка ліется и обращается злата въ тор-

[1] V, 438.

говлѣ ежегодно около полутора милліоновъ рублей, веліе сокровище! Въ семъ градѣ нуженъ мужъ съ твоими талантами, иже бы былъ свѣдущъ въ письмоводствѣ, въ законахъ искусенъ и трудолюбивъ, въ званіе мытаря, а иначе сказуется, въ должность купеческаго маклера. Аще ты восхощеши, можешь симъ мгновенно быти, для тебя бо единаго мѣсто сіе до отвѣтствія твоего на писаніе сіе оставляется праздно»[1]... и т. д.

Было ли принято это предложеніе, намъ неизвѣстно.

15. СТРОИТЕЛЬНАЯ ЧАСТЬ. ОПИСАНІЕ ГУБЕРНІИ. ЗАБОТЫ О СУДОХОДСТВѢ.

Одна изъ главныхъ заботъ Державина касалась строительной части. Поэтому онъ много хлопоталъ о прісканіи въ окрестностяхъ Тамбова мѣстъ для ломки камня и о доставленіи городу кирпича, лѣса и дровъ. Уже 18-го апрѣля онъ поручилъ коменданту отправить изъ рабочаго дома человѣкъ двадцать колодниковъ въ Кирсановскій уѣздъ для ломки камня; однакожъ на мѣстѣ встрѣтились затрудненія со стороны жителей, увѣрявшихъ, что камня болѣе нѣтъ или что его можно ломать только зимою. Вслѣдствіе того губернаторъ самъ ѣздилъ для осмотра бывшей каменоломни, но кажется никакого результата не добился. Замѣтимъ мимоходомъ, что при этомъ случаѣ онъ осмотрѣлъ въ Кирсановѣ присутственныя мѣста и, найдя въ уѣздномъ казначействѣ безпорядки, отдалъ казначея подъ судъ.

Съ самаго пріѣзда въ Тамбовъ Державинъ сталъ думать о подробномъ топографическомъ («камеральномъ») описаніи губерніи, что́, какъ мы видѣли (см. выше стр. 387) было поставлено губернаторамъ въ обязанность. 11-го іюля 1786 г. онъ разослалъ земскимъ исправникамъ всѣхъ уѣздовъ программу такого описанія, т. е. вопросы, по которымъ требовались свѣдѣнія, съ предписаніемъ доставлять отвѣты по частямъ, «дабы не вдругъ вамъ, оставя нужнѣйшія по должности вашей дѣла́, заняться симъ препорученіемъ. Сей трудъ сдѣлаетъ вамъ особливую

[1] V, 660. Моршанскъ былъ объявленъ городомъ только при открытіи губерніи, въ 1779 году, прежде же былъ дворцовымъ селомъ.

честь». Далѣе объясненъ былъ самый способъ собиранія свѣдѣній: «въ случаѣ же, когда изъ котораго селенія будутъ отвѣтствовать чтó темно, невразумительно или несоотвѣтственно прямой силѣ вопроса, то въ такомъ случаѣ можете кого-либо изъ засѣдателей вашихъ послать въ то селеніе, и на мѣстѣ, противъ каждаго вопроса, сдѣлать очистку». Въ слѣдствіе этого уже къ началу сентября доставлены были изъ всѣхъ уѣздовъ, кромѣ двухъ (Елатомскаго и Темниковскаго) требовавшіяся свѣдѣнія, по которымъ и было составлено описаніе губерніи.

Съ особеннымъ усердіемъ заботился новый губернаторъ о судоходствѣ рѣки Цны. Въ началѣ мая (1786) онъ командировалъ землемѣра описать берега ея и обстоятельно изслѣдовать, удобенъ ли по ней водяной ходъ отъ Тамбова до Моршы, отъ Моршы до Мокши и даже до самой Оки. Онъ надѣялся такимъ образомъ улучшить торговлю Тамбова и облегчить привозъ какъ строевого, такъ и дровяного лѣса, въ которомъ тамъ чувствовался великій недостатокъ, а равно и камня, находившагося, по слухамъ, въ большомъ количествѣ по берегамъ Цны ниже Моршы. Чтобы удостовѣриться въ этомъ лично, Державинъ, по желанію Гудовича, ѣздилъ въ Моршанскъ. Онъ уже мечталъ объ устройствѣ шлюзовъ на Цнѣ, и въ іюлѣ писалъ Гудовичу: «Вѣчную вы бы имени своему оставили славу открытіемъ судоходства до Тамбова, ибо тогда-то бы сей городъ выстройкою своею могъ бы скоро прійти въ цвѣтущее состояніе, и тѣ самые, которые теперь вымышляютъ крайнія препятствія, ощутили бы великую отъ онаго (судоходства) пользу» *.

Позднѣе Державинъ составилъ по этому предмету записку, для которой вызывалъ въ Тамбовъ елатомскаго мѣщанина. Къ концу года эта записка была готова и чрезъ генералъ-губернатора представлена въ Петербургъ, здѣсь же передана на разсмотрѣніе инженерной комиссіи. По просьбѣ Державина Васильевъ справлялся о ней; одинъ изъ членовъ комиссіи отозвался, «что описаніе весьма хорошо, планы однакожъ недостаточны, ибо сдѣланы не по правиламъ гидраулики и по нимъ никакъ нельзя рѣшиться, затѣмъ что ни паденія, ни быстроты теченія воды не видно, и необходимо надобно для съемки посылать на-

рочнаго. До возвращенія княжаго они однакожъ никакого исполненія дѣлать не будутъ. А разсмотря, будутъ дожидаться его; развѣ спроситъ государыня: тогда должны будутъ представить съ своимъ мнѣніемъ»[1]. Это было писано въ то время, когда Вяземскій ѣздилъ въ саратовскій край. Дѣло однакожъ кончилось ничѣмъ. Когда возникла вторая турецкая война, то генералъ-прокуроръ сослался на неимѣніе денегъ для приведенія предположеній тамбовскаго губернатора въ исполненіе.

Мы видимъ, что Державинъ съ величайшею энергіей и при самыхъ лучшихъ предзнаменованіяхъ приступилъ къ отправленію новой своей должности; по всѣмъ отраслямъ управленія закипѣла необыкновенная дѣятельность, которая могла бы привести къ самымъ полезнымъ для края результатамъ, еслибъ не встрѣтились вскорѣ неожиданныя препятствія. Виною были отчасти запальчивость и неосторожность самого губернатора; но нашлись и другія совершенно отъ него не зависѣвшія причины, заключавшіяся въ характерѣ и образѣ дѣйствій лицъ, съ которыми судьба привела его въ соприкосновеніе. Львовъ, хорошо знавшій своего друга, уже въ одномъ изъ первыхъ писемъ своихъ въ Тамбовъ съ плутовскою ироніей замѣтилъ: «Радъ я весьма, что ты Тамбовомъ доволенъ; потому только не очень я зарадовался, что ты и Олонцемъ былъ обрадованъ сначала»[2].

16. Вѣсти изъ Петрозаводска.

Самымъ близкимъ къ Державину человѣкомъ въ Петрозаводскѣ былъ старшій совѣтникъ правленія Свистуновъ: онъ искренно привязался къ губернатору, и, несмотря на перемѣну обстоятельствъ по удаленіи Державина, нисколько не измѣнился въ своихъ чувствахъ къ нему, не присталъ къ его противникамъ, даже не показалъ виду, что въ чемъ-нибудь раздѣляетъ ихъ образъ мыслей на его счетъ. За это, разумѣется, ему пришлось дорого поплатиться: его провозгласили главнымъ ви-

[1] V, 669.
[2] V, 447.

новникомъ ссоры между губернаторомъ и намѣстникомъ; утверждали, что онъ, пользуясь слабымъ характеромъ перваго, лестью вкрался въ его милость и водилъ его за носъ. По переселеніи Державина въ Тамбовъ, между нимъ и Свистуновымъ началась дѣятельная переписка.

При проѣздѣ черезъ Петербургъ, Державинъ усердно рекомендовалъ его своему преемнику Харитону Лукичу Зуеву, который, прибывъ въ Петрозаводскъ, дѣйствительно обласкалъ этого чиновника и выразилъ сожалѣніе, что онъ выходитъ изъ правленія; но это, конечно, еще болѣе возбудило противъ Свистунова злобу и зависть въ его недоброжелателяхъ. Вскорѣ Олонецкую губернію ревизовали сенаторы графъ Ал. Ром. Воронцовъ и А. В. Нарышкинъ. Свистуновъ подробно описалъ своему бывшему начальнику пребываніе ихъ въ Петрозаводскѣ [1]. Сдѣлавъ нѣсколько замѣчаній о разныхъ частностяхъ, ревизоры заявили вообще полное удовольствіе за скорое и правильное теченіе дѣлъ въ присутственныхъ мѣстахъ Олонецкой губерніи, и Свистуновъ восклицаетъ: «Теперь не ясно ли обличилась ложь Тимофея Ивановича, что губернія вся въ такомъ неустройствѣ, что гибнетъ?» Однакожъ Державину и его бывшему подчиненному не могло быть пріятно, что сенаторы остались особенно довольны вице-губернаторомъ и директоромъ экономіи, которые въ глазахъ ихъ вовсе того не заслуживали. Поэтому насчетъ перваго Свистуновъ замѣтилъ: «Скажите жъ мнѣ теперь, — при всемъ томъ, что онъ явно грабилъ, — что́ онъ проигралъ?» Вѣроятно, въ слѣдствіе отзывовъ Тутолмина, графъ Воронцовъ, несмотря на свое расположеніе къ Державину и на рекомендацію новаго губернатора, не оказалъ особеннаго вниманія Свистунову, который объ этомъ писалъ: «Онъ во все время первый самый вопросъ мнѣ сдѣлалъ; подошедъ ко мнѣ, при всѣхъ сказалъ: «вы были больны?» я отвѣчалъ, «такъ»; тѣмъ нашъ разговоръ и кончился, съ тѣмъ и разъѣхались. Хорошо тому на свѣтѣ жить, за кѣмъ само счастье гоняется. Лишь только сенаторы отъ насъ выѣхали, то на другой или на третій

[1] V, 457.

день Сергѣй Никитичъ (Зиновьевъ, вице-губернаторъ) получилъ копію съ именного указа, что онъ перемѣщенъ въ Петербургъ членомъ въ новоустроящуюся экспедицію строенія дорогъ съ произвожденіемъ жалованья 1875 рублевъ. Онъ теперь такъ радъ, что земли подъ собою не слышитъ. Да кто, полно, не обрадуется, выходя изъ здѣшняго ада?» [1]

Въ этомъ же письмѣ Свистуновъ увѣдомилъ, что онъ уже уволенъ сенатомъ и только ждетъ указа о томъ. Однакожъ ему пришлось вынести еще униженіе отъ Тутолмина, пріѣхавшаго въ Петрозаводскъ незадолго передъ Пасхой. Вотъ любопытное описаніе сдѣланнаго намѣстнику пріема. Свистуновъ пишетъ: «Сего апрѣля 9-го ч. Тимофей Ивановичъ къ намъ пріѣхалъ и былъ встрѣченъ совсею имъ желаемою почестію; т. е. за 500 верстъ, въ Каргополь, на встрѣтеніе его высланъ былъ совѣтникъ; потомъ, за 25 верстъ, на первую станцію высланъ былъ другой совѣтникъ, и къ нему жъ въ сотоварищество выпросился самъ волонтеромъ Дмитрій Ивановичъ [2], чтобы тѣмъ болѣе умножить его ассистенсію. При въѣздѣ въ городъ, на градской границѣ, встрѣченъ былъ комендантомъ съ конвоемъ и всѣмъ купечествомъ, и въ препровожденіи всей сей свиты, когда показался онъ въ виду города, то началась пушечная кононада и продолжалась во все шествіе его до самаго дворца, гдѣ при выходѣ изъ кареты онъ и съ супругою принятъ былъ передъ крыльцомъ губернаторомъ и первостепенными чиновниками, и отъ того такъ онъ веселъ былъ, что не оставилъ изъяснить своего удовольствія, что онъ сдѣланною ему почестію весьма доволенъ, и говорилъ очень много и благосклонно поодиначкѣ почти со всѣми здѣшними чиновниками, окромѣ меня; меня жъ старался и взглядомъ не удостоить. На другой день праздника, т. е. въ понедѣльникъ, званы были на обѣденной столъ предсѣдатели палатъ и всѣ совѣтники, а меня именно звать не велѣлъ, и такое свое ко мнѣ неблаговоленіе нарочно велѣлъ разславить по всему городу. Подумайте, какъ онъ золъ и малодушенъ, какою мелочью

[1] V, 460.

[2] Ставискій, другой совѣтникъ правленія.

мстить мнѣ вздумалъ, и тогда, когда со стороны моей во всѣхъ случаяхъ должная къ нему, какъ къ начальнику, почесть соблюдена была, какъ при встрѣчѣ, такъ и въ первый день праздника. Вотъ каково мое здѣсь положеніе: вся чувствуемая имъ къ вамъ ненависть обратилась на одного меня; ибо изо всего города одинъ только я остался таковъ же, каковъ былъ и при васъ. Но это только еще начало его злобы, а что̀ будетъ впередъ не знаю, а я, къ несчастію моему, и понынѣ не могу еще дождаться моего увольненія».

Затѣмъ Свистуновъ описываетъ поведеніе своего товарища, совѣтника Ставискаго; благодаря своему «перевертливому расположенію», онъ успѣлъ такъ понравиться Тутолмину и выставить передъ нимъ свои заслуги, что тотъ на обѣдѣ (къ которому Свистуновъ приглашенъ не былъ) успѣхъ ревизіи по намѣстническому правленію приписалъ одному Ставискому и объявилъ себя ему одному обязаннымъ, тѣмъ болѣе что «по соображенію службы нашей не надѣялся, чтобы правленіе въ состояніи было такъ отлично представить себя ревизорамъ» [1].

Позднѣе положеніе Свистунова сдѣлалось невыносимымъ, какъ видно изъ письма его отъ 25-го мая. Тутолминъ всячески гналъ его за приверженность къ Державину: «неоднократно при собраніи всѣхъ здѣшнихъ чиновниковъ», сказано въ этомъ письмѣ, «начиналъ онъ порочить васъ въ отправленіи вашей должности и въ томъ всю вину относилъ на одного меня» и т. д. «О, Боже мой, какъ злоба людская нагла!.. Еслибы я тогда, когда вы были здѣсь, старался только лестью вкрасться въ вашу благосклонность, не чувствуя въ душѣ моей истинной къ вамъ привязанности, то что̀ бы меня теперь оставляло такъ твердо и постоянно къ вамъ приверженнымъ и для чего бы я, такъ же какъ и прочіе, не могъ перевернуться и, согласясь съ злодѣями вашими, обще съ ними ругать и поносить васъ, какъ они поносятъ, еслибы я дѣйствительнаго въ душѣ моей не имѣлъ отвращенія отъ столь гнусной подлости? Потомъ г. Ставискій, желая болѣе угодить ему, началъ меня вездѣ ругать и, всячески зло-

[1] V, 468.

словя, всѣхъ уговаривать, чтобы никто со мною не знался и въ домъ ко мнѣ не ходилъ, если не хочетъ подвергнуть себя гнѣву его высокопревосходительства»... [1].

Въ то время Свистуновъ не подозрѣвалъ, что Тутолминъ придумалъ противъ него еще болѣе серіозное средство мщенія: подалъ на него жалобу въ сенатъ; въ сентябрѣ Державинъ благодарилъ графа А. П. Шувалова за покровительство Свистунову и «избавленіе его отъ уголовной палаты по неправедной жалобѣ, правительствующему сенату принесенной на него (говорилъ Державинъ) изъ недоброхотства ко мнѣ отъ Тимофея Ивановича» [2].

Между тѣмъ, въ ожиданіи своего увольненія, Свистуновъ взялъ отпускъ въ Петербургъ. Державинъ просилъ за него Воронцова и, упоминая о взведенныхъ на него клеветахъ, такъ между-прочимъ опровергалъ ходившіе толки: «Пусть я дуренъ, худое имѣю воспитаніе и бѣшеную голову, но только разсудка отъ меня, думаю, никто отнять не можетъ. Какъ же могъ Свистуновъ водить меня за носъ и дѣлать изъ меня чтó ему угодно, а особливо разстроивать съ генералъ-губернаторомъ противъ моей и своей пользы? Словомъ, поелику многимъ я извѣстенъ, то надобно было недоброжелателямъ моимъ, отвративъ отъ себя, взвесть на кого-нибудь причину нашего несогласія; а онъ былъ мнѣ преданъ и имѣетъ душу непремѣнчивую, то и устремились удары мести на него, безсильнаго и мало еще извѣстнаго, поелику со мною, по покровительству моихъ благодѣтелей, не могла злоба ничего сдѣлать. Будьте милостивы, в. с., и удостойте его вашего покровительства по благотворительному свойству души вашей: какъ вы многимъ въ несчастіяхъ и въ таковыхъ худыхъ обстоятельствахъ помогали, то заставьте и его быть вамъ благодарнымъ и прославлять ваши добродѣтели» [3].

Наконецъ, въ исходѣ іюля, Свистуновъ получилъ давно ожидаемое увольненіе отъ должности. Еще до того Державинъ намѣревался перевести его совѣтникомъ же въ Тамбовъ и пред-

[1] V, 482.

[2] V, 503 и 597.

[3] V, 471.

ставилъ о немъ Гудовичу записку. Эта бумага объясняетъ настоящую причину гоненія Свистунова Тутолминымъ. Во время объѣзда Державинымъ губерніи, намѣстникъ прислалъ изъ Архангельска предложеніе, чтобы прокуроръ, принимая на его предложенія резолюціи отъ вице-губернатора, сообщалъ ихъ совѣтнику. Свистуновъ, находя это противузаконнымъ, такъ какъ губернаторъ оставался въ губерніи, — донесъ объ этомъ Державину на разрѣшеніе. «Тимофей Ивановичъ», говоритъ Державинъ, «разгнѣвался, что по намѣренію его исполнить не удалось; а для того, не смогши противъ меня, обратилъ все мщеніе на Свистунова: писалъ въ сенатъ и просилъ объ отрѣшеніи и судѣ его, жалуяся, что онъ его не послушалъ и отнесъ его предложеніе якобы ко мнѣ на ревизію. Сенатъ, видя несообразное требованіе и ощутительную привязку, приказалъ Тимофею Ивановичу взять съ Свистунова противъ его жалобы объясненіе и доставить къ нему на разсмотрѣніе. Т. И. объясненія не взялъ, для того что оно по законамъ было бы не въ его пользу. А наконецъ, по просьбѣ Свистунова на 4 мѣсяца въ отпускъ, не представлялъ долго сенату, и притѣсняя его всячески, длилъ съ декабря по май. Свистуновъ, видя страшное гоненіе, долженъ былъ принимать мѣры, къ осторожности служащія, а для того, какъ онъ и въ самомъ дѣлѣ не здоровъ, репортуяся больнымъ, не выходилъ съ полгода съ квартеры по самый его въ Петербургъ отпускъ» [1].

Однакожъ перемѣщеніе Свистунова въ Тамбовъ не состоялось. Предвидя, что Державинъ и на этомъ мѣстѣ долго не останется, онъ предпочелъ искать службы въ Петербургѣ и принятъ былъ Дашковою въ совѣтники Академіи наукъ, гдѣ такимъ образомъ сдѣлался однимъ изъ преемниковъ Козодавлева. Хотя онъ и не получалъ довольно долго полнаго жалованья по этой должности, онъ все-таки дорожилъ ею и старался всѣми силами «сыскивать благоволеніе княгини Екатерины Романовны, дабы», писалъ онъ Державину, «не дать ей случаю сказать и обо мнѣ то же, что она говоритъ объ Эминѣ и Грибовскомъ, что вы, по

[1] V, 505.

доброй вашей душѣ, въ выборѣ людей ошибаетесь, и съ довѣренностью вашею часто попадаете на людей лѣнивыхъ, вѣтренныхъ и много о себѣ мыслящихъ» [1]. Любопытны совѣты, которые по этому поводу Державинъ даетъ своему бывшему подчиненному. Они показываютъ, какъ хорошо онъ понималъ и княгиню Дашкову, и житейскую мудрость извѣстнаго рода: «Стерегитесь, ради Бога, что-нибудь въ трудахъ вашихъ брать на себя, а относите все, а особливо публично, единственно къ ней, и не оставьте отдавать справедливость ея достоинствамъ, это ей пріятно. Шарпинскій (также служившій при Дашковой), я знаю, что опасенъ, но вы не преставайте у нея быть чаще и тѣмъ всѣ его интриги пресѣкайте. Впрочемъ, я знаю время, когда за васъ попросить, ежели паче чаянія продлится, что она вамъ долго полнаго жалованья давать не будетъ. Она конечно вамъ не оставитъ сдѣлать добро, ежели хорошенько узнáете вы ея нравъ и угодите. Козодавлевъ въ одинъ годъ чрезъ нее получилъ полковничій чинъ, полное жалованье и отъ государыни изрядную съ брильянтами табакерку» [2].

До переѣзда своего въ Петербургъ, Свистуновъ служилъ Державину посредникомъ въ сношеніяхъ его съ Петрозаводскомъ, гдѣ у поэта были кредиторы и должники, гдѣ еще оставалась значительная часть его имущества въ мебели и всякой домашней утвари. Мебель была запродана новому губернатору, который однакожъ долго не платилъ за нее, а Державинъ, несмотря на всегдашнее свое безденежье, не хотѣлъ его безпокоить. Въ одномъ изъ писемъ къ Свистунову онъ такъ выразился о своимъ преемникѣ: «Я васъ предувѣдомлялъ, что онъ честный и умный человѣкъ, и сверхъ того мнѣ объ немъ его физіономія много хорошаго изъяснила, а вы знаете, что я внутреннимъ моимъ предчувствіемъ не слишкомъ много въ заключеніи объ людяхъ ошибался» [3].

Въ то время, какъ Державина поносили враги его въ Пе-

[1] V, 530.
[2] V, 617.
[3] V, 439.

трозаводскѣ, многіе изъ тамошнихъ жителей жалѣли о его удаленіи; одинъ изъ прежнихъ его подчиненныхъ писалъ ему изъ Архангельска: «Сколько мнѣ извѣстно изъ писемъ моихъ пріятелей и пріѣзжающихъ сюда изъ Петербурга морскихъ офицеровъ, всѣ честные люди въ Петрозаводскѣ и цѣлой Олонецкой губерніи поселяне, лишась въ особѣ вашей милостиваго начальника, ихъ благодѣтельствовавшаго, чувствуютъ уронъ свой въ полной силѣ» [1]...

Подобно Свистунову, бывшіе подчиненные Державина Эминъ и Грибовскій вслѣдъ за нимъ оставили губернію. Въ началѣ 1786 года мы находимъ Эмина уже въ Петербургѣ, и 1-го февраля онъ былъ опредѣленъ Дашковою въ канцелярію Академіи наукъ; но не долго занималъ онъ эту должность и разстался съ своею начальницею не дружелюбно. Она поручила ему принять участіе въ занятіяхъ по составленію академическаго словаря, но ему это дѣло показалось недостойнымъ его: онъ пересталъ являться на службу и написалъ грубое письмо къ секретарю академіи Лепехину. Призванный къ княгинѣ, онъ въ оправданіе свое сказалъ, что «очень огорченъ былъ сею египетскою работою, за которою онъ себя потерять долженъ, и что онъ имѣетъ такія способности, что въ лучшее употребленъ быть можетъ, нежели эта бездѣлица. Княгиня ему желала лучшаго счастья въ другой службѣ; онъ очень скоро то и исполнилъ, и, пріѣхавъ къ ней (въ мундирѣ) на дачу, когда ея не было дома, велѣлъ сказать, что онъ перешелъ въ драгунскій полкъ и съ княгиней пріѣхалъ прощаться». Такъ со словъ Дашковой писала Державину жена Свистунова; вскорѣ и сама княгиня разсказала ему объ этомъ поступкѣ Эмина, приведя его отзывъ, что «должность его при Россійской академіи человѣку быстраго ума скучна и невмѣстна». Считая себя талантливымъ писателемъ, Эминъ въ это самое время напечаталъ свою комедію *Мнимый мудрецъ*, въ которой публика, зная отношенія автора къ Державину, приписывала послѣднему нѣкоторыя сцены. Пославъ ее своему покровителю въ Тамбовъ, Эминъ писалъ ему: «Колесо счастія я смазалъ дегтемъ

[1] V, 852.

случайности; я теперь квартермистръ казанскаго кирасирскаго полку и первый фаворитъ перваго фаворита большого фаворита. Вы меня конечно не поймете: я любимъ Львовымъ (Сергѣемъ Лаврентьевичемъ), который любимъ его свѣтлостію (Потемкинымъ). Сейчасъ ѣду съ нимъ въ Ригу». На письмо Дашковой Державинъ отвѣчалъ: «Весьма сожалѣю о дерзкомъ поступкѣ Эмина[1]: что дѣлать? когда люди не умѣютъ сохранять своего счастія и, мечтая выше мѣръ о своихъ достоинствахъ, стремятся на воздухъ, — ихъ обыкновенная участь паденіе; но я, кажется, чистосердечно вашему сіятельству доносилъ, что онъ имѣетъ остроту, но запрометчивъ и дерзокъ; никто его лучше не накажетъ, какъ онъ самъ себя, что отъ тихаго и спокойнаго пристанища пустился въ волненіе» [1].

Незадолго передъ тѣмъ въ Петербургѣ пріобрѣла большую извѣстность басня Эмина *Сильная рука владыка,* написанная на Тутолмина въ защиту Державина и на переводъ послѣдняго въ Тамбовъ. Разумѣется, что она тогда ходила въ рукописи; въ печати явилась она не прежде 1801 года (въ альманахѣ *Правдолюбецъ*). Здѣсь Тутолминъ представленъ волкомъ, Державинъ овечкою, сенаторы и во главѣ ихъ Вяземскій—медвѣдями, наконецъ императрица, подъ защиту которой овца прибѣгаетъ, выведена подъ именемъ льва. Въ этой баснѣ разсказывается, что волкъ не взлюбилъ овечку за то, что къ ней были благосклонны

«Самъ Левъ и ближніе его....
«Волкъ, у овцы отъѣвши хвостъ и уши,
«Предъ судъ медвѣдей самъ предсталъ»

и принесъ имъ жалобу:

«Овечка кроткая....
«Когда-то разъ
«Меня, взбѣсясь, боднула рогомъ въ глазъ,»

[1] V, 440, 488, 507, 530, 563.

почему волкъ и просилъ наказать ее:

«И какъ кто судъ держалъ весь въ лапѣ» (т. е. Вяземскій),
«Тотъ былъ ему и сватъ
«И братъ, —
«Вмигъ дѣло стало въ шляпѣ!...
«Тотчасъ
«Къ овцѣ указъ
«Наслали судьи знамениты:
«Безчестье, проѣсти и волокиты
«Овца чтобъ волку заплатила. —
«Овечку эта вѣсть сразила»...

Невинная между-прочимъ отвѣчаетъ:

«Теряюсь въ мысляхъ и не постигаю:
«Какъ я рогатой сочтена?...
«Или законы суть такая хитра сѣть,
«Въ которой лишь овца безсильна увязаетъ,
«А волкъ, ее прервавъ, свободно пролѣзаетъ?...
«Угодно ли овцѣ вамъ будетъ предложить
«Предъ судъ предстать
«И дать
«Овечкѣ съ волкомъ ставку?»—
«Плутяга волкъ, смекая дѣломъ,
«Что ежели оправится овца,
«Тогда доѣдутъ молодца»,...

собралъ звѣрей въ свидѣтели своей ссоры съ овцой

«И насулилъ всѣмъ золотыя горы».

Звѣри клялись всѣми богами, что овца дѣйствительно бодала ихъ, что имъ ужъ и самимъ плохо жить съ нею:

«Овца и ихъ рогами бьетъ и мучитъ...
«Овца, хотя и хлѣбосолка,
«Искуства въ свѣтѣ жить не знала
«И съ задняго крыльца къ медвѣдямъ не ѣзжала,

«А волкъ и такъ и сякъ
«Къ судьямъ ужъ забѣгалъ».

Сутяга, волчій сватъ, представилъ судьямъ:

«Понеже де въ обидѣ
«Овцы реченной вышесказанному волку,
«Свидѣтелей въ приказномъ видѣ
«Ужъ болѣе числа указнаго скопилось»,

то лучше истиннымъ признать рѣшеніе совѣта, дать овцѣ строгій выговоръ и требовать отъ нея подробнѣйшаго отвѣта.

«Тогда овца смекнула,
«Что истины вѣсы неправда пошатнула:
«Прибѣгнула къ престолу
«И съ сродной кротостью овечью полу
«Царя звѣрей просила».

Великій Левъ, узнавъ, что овца въ судѣ была признана рогатою, благоволилъ —

«Овечку перевесть на тихіе луга»,

т. е. перевести Державина въ другую губернію *.

Эту басню не разъ припоминали друзья Державина въ перепискѣ съ нимъ. Такъ Н. И. Ахвердовъ, впослѣдствіи бывшій кавалеромъ при великихъ князьяхъ Николаѣ и Михаилѣ, писалъ ему въ августѣ 1786 года: «Я васъ зналъ всегда любящимъ дѣлать добро и исполнять должности свои въ тишинѣ и безъ шума, и для того могу васъ поздравить съ нынѣшнимъ вашимъ положеніемъ. Овечка, на тихіе луга переведенная, кажется пасется съ врожденною ей скромностію и добросердіемъ въ мирѣ и добромъ союзѣ со всякаго рода звѣрьми и звѣрками. Сіе заключаю изъ того, что не слышно здѣсь ни реву волчьяго, ни пищанія крысъ, ниже ядовитыхъ и лукавыхъ змій шипѣнія. Сколь было бы спасительно для всѣхъ родовъ добрыхъ и невинныхъ звѣрей, еслибы между ими, судьбами и промысломъ Все-

вышняго, находилось побольше и почаще овечекъ съ рогами, которыя бы, въ защиту себѣ и другимъ выбадывая глаза волкамъ, оставляли хищнымъ звѣрямъ, надменнымъ силою своею, примѣры для содроганія:

«Пасись, овечка дорогая,
На жесткихъ правоты лугахъ
И, сердца пламень утоляя
Невинной честности въ струяхъ,
Ищи ты счастія въ себѣ;
Посѣй, примѣромъ научая,
Звѣрей танбовскихъ ты въ душахъ
Желанье слѣдовать тебѣ».

Нѣсколько позже другой пріятель поэта, Небольсинъ, такъ выражался въ письмѣ къ нему: «П. В. Неклюдовъ, яко любитель большого города образа жизни, выдержалъ бы съ вами сильный споръ, приведя въ примѣръ случай недавно на тихихъ лугахъ ставшійся, чрезъ который разнесено здѣсь, что тамъ при паствѣ смирненькихъ овечекъ есть видно собаки, которыхъ лай по вѣтру дошелъ до ушей звѣрей хищныхъ во вредъ добраго пастуха, будто онъ пристрастно овечекъ пасетъ: сгоняя однѣхъ съ нивъ, доставляетъ другимъ неправильно; хотя тотъ лай ложнымъ всѣ пріемлютъ, однако и то правда, что по отдаленности отъ селенія въ чистыхъ поляхъ пастуху нужна болѣе предосторожность, дабы волки и волченята не могли пастуху вредъ сдѣлать». Въ бумагахъ Державина сохранился любопытный черновой отвѣтъ на это увѣдомленіе, имъ самимъ однакожъ и зачеркнутый: «за дружеское ваше письмо», было тутъ сказано, «въ которомъ вы увѣдомляете о злорѣчіи насчетъ овцы, что будто она козловъ и ословъ выгоняетъ съ покойныхъ луговъ и отдаетъ оныя другимъ, покорнѣйше васъ отъ всего сердца моего благодарю» [1].

Слухи, на которые намекается въ этой перепискѣ, найдутъ разъясненіе въ послѣдующихъ разсказахъ.

[1] V, 544.

17. Дѣло по клеветѣ Сатина. Загряжскій.

Въ селѣ Конопляновкѣ, Кирсановскаго уѣзда, жилъ богатый помѣщикъ, капитанъ Михайла Ларіоновичъ Сатинъ, старикъ, извѣстный своею буйною и нетрезвою жизнью. Незадолго до пріѣзда Державина въ Тамбовъ, Сатинъ составилъ духовную въ пользу двухъ, прижитыхъ съ крѣпостною женщиной незаконныхъ дѣтей своихъ, по имени Марковыхъ[1]. При этомъ онъ показалъ, что родственникъ его, жившій также въ Тамбовской губерніи, генералъ-майоръ Іосифъ Сатинъ утвердилъ это распоряженіе своимъ согласіемъ и свидѣтельствомъ. Но по вступленіи Державина въ должность губернатора генералъ Сатинъ заявилъ намѣстническому правленію, что это показаніе—безстыдная ложь, и просилъ: тѣхъ незаконныхъ дѣтей въ родство Сатиныхъ не включать и «не безчестить тѣмъ фамилію»[2].

Законными наслѣдниками капитана Сатина были: племянникъ его, полковникъ Николай Никол. Кормилицынъ, стоявшій съ полкомъ своимъ въ Тамбовской же губерніи, и внукъ, подполковникъ Василій Алексѣевичъ Зайцовъ, числившійся капраломъ въ корпусѣ кавалергардовъ, и слѣдовательно сослуживецъ Мамонова, жившій въ Петербургѣ. Державинъ былъ уже прежде знакомъ съ обоими и обѣщалъ имъ свое содѣйствіе въ ихъ домогательствѣ наслѣдовать имѣніе капитана Сатина. Для этого онъ вызвалъ послѣдняго въ Тамбовъ и, опираясь на заявленіе родственника его, генерала, уговорилъ старика перемѣнить свое распоряженіе, объявивъ своими наслѣдниками племянника и внука. Михайла Сатинъ пригласилъ ихъ къ себѣ въ деревню и отдалъ одно имѣніе Кормилицыну, а другое Зайцову, при чемъ въ то же время отпустилъ всѣхъ своихъ дворовыхъ людей на волю.

[1] Подпоручика Емельяна и корнета Василья, какъ видно изъ подлиннаго дѣла, сохранившагося въ бумагахъ Державина.

[2] По поводу разницы нашего разсказа объ этомъ дѣлѣ съ изложеніемъ гр. Саліаса я вынужденъ замѣтить, что почтенный авторъ статей, помѣщенныхъ въ *Русск. Вѣстникѣ*, допустилъ въ нихъ, при этомъ случаѣ, нѣкоторое смѣшеніе лицъ и обстоятельствъ.

Но потомъ онъ раскаялся въ этомъ поступкѣ и вмѣстѣ съ Марковыми сталъ разглашать, что Державинъ бранью и угрозами вынудилъ у него новое распоряженіе, радѣя за Кормилицына по любовной связи съ его женою. Въ іюлѣ 1786 г. отправлена была къ государынѣ жалоба на Державина, въ которой между-прочимъ было сказано, что онъ для принужденія Сатина держалъ его подъ карауломъ и грозилъ какъ его самого, такъ и незаконныхъ его дѣтей посадить въ смирительный домъ. При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что жалоба эта писапа была въ Саратовѣ по порученію тамошняго губернатора Поливанова, которому хотѣлось за дешевую цѣну пріобрѣсти отъ Марковыхъ имѣніе Сатина. Для вѣрнѣйшаго успѣха жалобы одинъ изъ Марковыхъ поѣхалъ въ Петербургъ съ новыми подробностями гнусной клеветы; враги Державина старались «вытащить» туда и самого старика, но это имъ однакожъ не удалось. Императрица приказала Гудовичу произвести слѣдствіе. Капитанъ Сатинъ извѣстенъ былъ всей губерніи своимъ зазорнымъ поведеніемъ; сосѣди его хорошо знали, что онъ съ ранняго утра бывалъ «въ шумствѣ», нерѣдко выѣзжалъ въ такомъ видѣ на базаръ, многимъ «дѣлалъ привязки» и многихъ приказывалъ бить своимъ людямъ. Самъ генералъ Сатинъ не скрывалъ, что буйный родственникъ его заставлялъ свою дворню стрѣлять въ его домъ залпами дроби и, поймавъ на дорогѣ людей его, сѣкъ ихъ плетьми и приказывалъ выкалывать имъ глаза. Поэтому генералъ-губернаторъ, и безъ того считавшій капитана Сатина чуть не сумасшедшимъ, легко могъ убѣдиться въ истинѣ. По подробномъ изслѣдованіи всѣхъ обстоятельствъ, онъ нашелъ Державина не виновнымъ, и въ рапортѣ императрицѣ (отъ 18-го сент. 1786) не только вполнѣ оправдалъ своего губернатора, но и просилъ ему защиты, отдавая справедливость его заслугамъ и трудолюбію; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ представилъ объ утвержденіи за Кормилицынымъ и Зайцовымъ отданныхъ имъ деревень. Во время подачи Сатинымъ жалобы, Львовъ отсутствовалъ изъ Петербурга по командировкѣ, о которой будетъ сказано ниже. Узнавъ объ этомъ дѣлѣ изъ писемъ своего друга, онъ поспѣшилъ воротиться и, пріѣхавъ въ октябрѣ, писалъ Державину:

«Я тотчасъ старался узнать, чтó здѣсь толкуютъ, и мнѣ насказали Богъ знаетъ что въ твою невыгоду; побѣжалъ я съ изъясненіями къ графу Алекс. Романовичу (Воронцову) и имѣлъ наконецъ удовольствіе не разъ уже отъ него слышать обѣщаніе на просьбу мою, что сего ложнаго доносу безъ взысканія, а тебя безъ удовольствія конечно не оставятъ. Графъ А. Андр. (Безбородко) сегодня то же мнѣ сказалъ, говоря еще къ тому, что дѣло сіе сдѣлало тебѣ больше добра, нежели зла, въ слѣдствіе донесенія Ивана Васильевича государынѣ» [1].

Державинъ между тѣмъ чрезъ Безбородку просилъ удовлетворенія и обстоятельнаго изслѣдованія причины, побудившей Сатина къ такой клеветѣ, и затѣмъ «гласнаго передъ публикою оправданія» [2]. Просьба эта не имѣла послѣдствій.

Вскорѣ у капитана Сатина возникло новое дѣло, любопытное между-прочимъ по распоряженіямъ губернской администраціи и по высказанному о нихъ сужденію одного изъ петербургскихъ вельможъ. Неизвѣстно, по какому поводу, Сатинъ заманилъ къ себѣ въ домъ однодворца Свиридова и едва не до смерти высѣкъ его «ѣздовыми кнутьями». По рапорту кирсановскаго земскаго суда въ намѣстническое правленіе, Державинъ донесъ о томъ Гудовичу, объясняя, что онъ не принялъ никакихъ другихъ мѣръ, даже не поручилъ этого дѣла «въ особое замѣчаніе стряпчему», дабы не подать виду, что онъ притѣсняетъ Сатина за принесенную жалобу. Одновременно съ толками о новомъ подвигѣ этого стараго буяна, родственникъ жены его Леонтій Магницкій (отецъ извѣстнаго попечителя) принесъ генералъ-губернатору жалобу на дурное съ нею обращеніе мужа. Гудовичъ предложилъ намѣстническому правленію произвести изслѣдованіе, а правленіе передало это порученіе кирсановскому предводителю дворянства Сабурову, который вмѣстѣ съ сосѣдними дворянами и отправился въ домъ обвиняемаго для допроса жены его. Правленіе, недовольное такимъ распоряженіемъ, сдѣлало Сабурову выговоръ и поручило губернскому предводителю Панову о пове-

1 V, 606.
2 V, 604.

деніи Сатина «пристойнымъ образомъ, съ лучшею осторожностью, собрать отъ дворянъ яснѣйшія, сколько можно, извѣстія». Въ слѣдствіе этого губернскій и уѣздный предводители истребовали отъ дворянъ письменные отзывы. 11 человѣкъ подтвердили извѣстные отзывы о Сатинѣ, шестеро же, «хотя и не сдѣлали огласки о худомъ его поведеніи, но ничѣмъ его и не одобрили, а отозвались невѣдѣніемъ». Правленіе, имѣя въ виду, что по силѣ манифеста (21-го апрѣля 1787 г.), иногда молчаніе выражаетъ больше нежели всѣ разговоры, нашло, что сдержанность шести дворянъ не говоритъ въ пользу Сатина, и потому опредѣлило предписать дворянской опекѣ, выбравъ опекуновъ, взять имѣніе жены Сатина въ опеку. Однакожъ Державинъ, по извѣстной неприязни къ нему Сатина, предложилъ: не приводя этого приговора въ исполненіе, представить дѣло на усмотрѣніе намѣстника. Вслѣдъ затѣмъ онъ обратился къ графу А. Р. Воронцову, съ просьбою сказать объ этомъ опредѣленіи свое мнѣніе. Отвѣтъ Воронцова, стоившій ему много труда и передѣлывавшійся нѣсколько разъ (изъ чего видно, какое важное значеніе придавалъ ему просвѣщенный вельможа), такъ замѣчателенъ, что долженъ почти весь быть приведенъ здѣсь дословно: «Какъ вы желали знать мнѣніе мое о сдѣланномъ у васъ по дѣлу Сатина, то по обыкновенной моей чистосердечности, а особливо въ разсужденіи тѣхъ, съ коими я дружбою обязанъ, какъ съ вами, скажу откровенно, что въ семъ случаѣ, кто бы и не предувѣдомленъ былъ о дѣлѣ семъ по жалобамъ Сатина и Марковыхъ, но читавъ уже опредѣленіе намѣстническаго правленія, не могъ бы не сдѣлать заключенія о недоброжелательствѣ къ нему, а можно сказать, и о притѣсненіи, Сатину сдѣланномъ, какъ-то обыски и распросы о немъ и также женѣ его учиненные совсѣмъ не въ принадлежащемъ дѣлѣ до намѣстническаго правленія, а единственно по требованію одного изъ ея родственниковъ, умалчивая, что во внутренное хозяйство и подробности сожитія мужа съ женою естьли будутъ такимъ образомъ начальники губерній вмѣшиваться, то выдутъ произвольныя инквизиціи, отнюдь не сходныя съ образомъ мыслей Государыни, ни съ властію, данной намѣстническому правленію; да и законы въ опредѣленіи

сего правленія истолкованы совсѣмъ превратно, какъ то манифестъ 21-го апрѣля, что и молчаніе означаетъ болѣе вины преступника, нежели иного разговоры, а въ манифестѣ именно сіе сказано болѣе ко оправданію какого-либо преступника, а не къ обвиненію его. Мнѣ Сатинъ не подалъ никакого особаго случая заступаться за него, да онъ мнѣ и не знакомъ, а я вступаюсь здѣсь для того только, что трогается тутъ личная безопасность и спокойствіе каждаго, ибо содѣланное съ нимъ можетъ случиться и съ другими, а потому и жить никому нельзя будетъ въ своихъ деревняхъ. По симъ уваженіямъ, естьлибы означенный Сатинъ здѣсь о томъ просить сталъ, то я считалъ бы долгомъ за него по справедливости ходатайствовать, конечно не лично для него, но дабы упредить или воздержать, чтобъ впредь правленія, губернаторы или генералъ-губернаторы не присвоивали себѣ того, что имъ не дано. Я радуюсь, что сіе опредѣленіе, по приказу Ивана Васильевича, остановлено въ исполненіи своемъ, ибо оно упредитъ жалобу Сатина, которую здѣсь конечно бъ уважили. Примите сіе чистосердечное примѣчаніе знакомъ моей дружбы къ себѣ, а сверхъ того желанію моему, чтобъ установленіе, толь полезное для спокойствія общества, каково учрежденіе о губерніяхъ, въ прямомъ своемъ смыслѣ сохраняемо и исполняемо было» [1].

Въ то время, когда противъ Державина строились описанныя козни, была у него еще непріятная исторія, виновникомъ которой былъ человѣкъ почти въ томъ же родѣ, какъ капитанъ Сатинъ. Это былъ И. А. Загряжскій, командиръ одного изъ полковъ, стоявшихъ въ Тамбовской губерніи при предмѣстникахъ Державина. Онъ не только забиралъ у сельскихъ жителей безденежно все нужное для полка, не только дѣлалъ то, «что не позволено войскамъ даже и въ чужихъ земляхъ», но наряжалъ на работу въ свое село Куровщину (Кирсановскаго уѣзда) человѣкъ по тысячѣ и болѣе крестьянъ, требуя, чтобы они привозили съ собою на постройки свой лѣсъ и лучшія свои избы, при нихъ же или даже ими самими по его приказанію разобранныя. Бѣдные и безъ

[1] VII, 712.

того уже терпѣвшіе разореніе и обремененные недоимками поселяне прибѣгали толпами подъ защиту начальника, но отсылаемы были къ тому же Загряжскому для требованія себѣ удовлетворенія, «а онъ», по выраженію Державина, «довольствовалъ ихъ плетьми». Незадолго до пріѣзда Гаврилы Романовича полкъ этотъ переведенъ былъ на Кавказъ, но тамъ безпокойному командиру его не понравилось: онъ отпросился въ отпускъ, и теперь, уже въ чинѣ генералъ-майора, опять явился въ Тамбовскую губернію. Возобновивъ здѣсь свои прежнія проказы, онъ между прочимъ переманилъ къ себѣ губернскаго машиниста, держалъ его силой и заставлялъ работать въ своемъ селѣ. Но Державинъ не захотѣлъ по примѣру своихъ предшественниковъ мирволить буяну и сталъ энергически требовать возвращенія машиниста. Когда же Загряжскій все-таки не отпускалъ его, то губернаторъ отрядилъ въ село сперва капитана-исправника, а потомъ весь земскій судъ съ порученіемъ настоять на исполненіи требованія. Взбѣшенный генералъ нагрянулъ въ Тамбовъ, скакалъ по улицамъ съ заряженными пистолетами и обнаженной саблей, ругалъ и стращалъ Державина въ домахъ, куда ѣздилъ, и подстерегалъ его ночью, чтобы по-своему расправиться съ нимъ. Наконецъ, видя, что все это ни къ чему не ведетъ, онъ прислалъ къ губернатору офицера съ вызовомъ на дуэль. Но тотъ, считая все это «сумасброднымъ донкишотствомъ», а дуэль «дурачествомъ» несовмѣстнымъ съ его положеніемъ, велѣлъ сказать генералу, что если онъ имѣетъ до него надобность, то можетъ — по частному дѣлу — объясниться съ нимъ у него на дому, а по казенному — въ намѣстническомъ правленіи. Недовольный такимъ отвѣтомъ, Загряжскій поскакалъ въ Рязань къ генералъ-губернатору, но, и тамъ ничего не добившись, распустилъ слухъ, что ѣдетъ въ Кіевъ принести жалобу Потемкину. Чтобы предупредить его наговоры, Державинъ написалъ къ своему родственнику, бывшему екатеринославскому губернатору Синельникову, прося его обнаружить клевету и объясняя, какъ для этого слѣдуетъ дѣйствовать[1]. Года черезъ два, когда Державину опять угрожала бѣда,

[1] V, 858—860.

мы видимъ Загряжскаго въ союзѣ съ его врагомъ, вице-губернаторомъ Ушаковымъ, который на имя этого генерала отправляетъ въ Петербургъ 20,000 руб. Уѣзжая передъ тѣмъ изъ Тамбова, Загряжскій хвалился, «что добиваться будетъ возвратиться туда губернаторомъ».

18. Открытіе народнаго училища.

Время назначенія Державина тамбовскимъ губернаторомъ было знаменательною эпохой въ исторіи просвѣщенія Россіи. Екатерина II посвятила нѣсколько лѣтъ соображеніямъ по важному вопросу о введеніи общей системы народнаго образованія, и теперь предстояло осуществленіе придуманныхъ мѣръ. На долю Державина выпала честь быть однимъ изъ дѣятельныхъ участниковъ въ этомъ достопамятномъ дѣлѣ. Мысль о заведеніи въ Россіи, по примѣру западной Европы, училищъ разныхъ разрядовъ давно занимала императрицу. Въ 1773 и 1774 г. она часто бесѣдовала объ этомъ предметѣ съ пріѣхавшими въ Петербургъ французскими писателями Гриммомъ и Дидро и впослѣдствіи получила отъ нихъ составленныя ими, по ея желанію, записки о томъ [1].

Въ «учрежденіи о губерніяхъ», обнародованномъ 7-го ноября 1775 года, «попеченіе объ установленіи и прочномъ основаніи народныхъ школъ» возложено было на вновь образованные приказы общественнаго призрѣнія. Они обязаны были заводить училища сначала во всѣхъ городахъ, а потомъ и въ многолюдныхъ селеніяхъ для всѣхъ, кто добровольно пожелаетъ учиться. Но, при совершенномъ недостаткѣ и учителей и учебныхъ пособій, отъ названныхъ приказовъ въ первое время нельзя было ожидать успѣшной дѣятельности.

Учрежденіе школъ то въ томъ, то въ другомъ городѣ могло зависѣть только отъ случайныхъ обстоятельствъ. Въ Петербургѣ первая народная школа возникла подъ именемъ Исакіевскаго

[1] См. Письма Екатерины II къ Гримму въ XXIII т. *Сборника Истор. Общ.* и мою академическую рѣчь: *Заботы Екатерины II о народномъ образованіи* въ *Спб. Вѣдомостяхъ* 1879 г., №№ 19 и 20.

училища въ 1781 году на средства собственнаго Кабинета. «Нѣтъ сомнѣнія», сказано было въ указѣ, данномъ по этому случаю, «что въ прочихъ частяхъ города, обитатели, по мѣрѣ состоянія своего, не отрекутся содѣйствовать пользѣ согражданъ своихъ». Въ самомъ дѣлѣ, въ томъ же году появилось въ Петербургѣ еще шесть народныхъ училищъ. [1]

Рѣшительное вліяніе на ходъ этого дѣла имѣли бесѣды государыни съ Іосифомъ II, пріѣхавшимъ въ 1780 году въ Могилевъ на свиданіе съ нею. Онъ ознакомилъ ее съ образцовымъ устройствомъ народныхъ училищъ, незадолго до того основанныхъ въ австрійскихъ владѣніяхъ, и лично сообщилъ ей учебники, изданные предварительно-учрежденною тамъ комиссіею училищъ. Планъ организаціи учебныхъ заведеній, осуществленный Маріей Терезіей, съ нормальными школами во главѣ, такъ понравился Екатеринѣ, что она рѣшилась примѣнить его къ Россіи. — Въ 1782 году учреждена была въ Петербургѣ, по примѣру вѣнской, комиссія подъ предсѣдательствомъ П. В. Завадовскаго; членами ея были назначены академикъ Эпинусъ и состоявшій при Кабинетѣ П. И. Пастуховъ. Въ сотрудники ихъ приглашенъ былъ изъ Австріи уже опытный въ дѣлѣ организаціи учебной части, бывшій директоръ училищъ въ Темешварѣ Ф. И. Янковичъ де Миріево. Ему-то эта комиссія, въ первомъ же засѣданіи своемъ, и поручила все устройство будущихъ заведеній. По его мысли, сперва предположено было учредить школы трехъ разрядовъ: малыя (двуклассныя), среднія (трехклассныя) и главныя (съ четырьмя классами), но впослѣдствіи удержались только первый и послѣдній разряды; заведенныя кое-гдѣ среднія школы были обращены въ малыя. Въ первые два года возникли малыя народныя училища въ Петербургѣ и въ другихъ городахъ Петербургской губерніи; въ Петербургѣ же явились два главныя народныя училища: одно — русское, другое — нѣмецкое, образованное изъ училища Св. Петра, существовавшаго уже съ 1703 года. Эти два заведенія должны были служить нормальными, т. е. образцовыми для всѣхъ прочихъ. Въ 1786 году послѣдо-

[1] А. И. Воронова *Ф. И. Янковичъ де Миріево*, стр. 89 и д.

вало наконецъ открытiе главныхъ училищъ во многихъ губернскихъ городахъ имперiи. Показать, какъ происходило дѣло въ Тамбовской губернiи, и будетъ предметомъ послѣдующаго разсказа.

До означеннаго времени въ Тамбовѣ не было учебныхъ заведенiй, кромѣ жалкой гарнизонной или баталiонной школы и духовной семинарiи. Учрежденiе послѣдней было предписано еще до открытiя намѣстничества въ концѣ 1779 года, но за неимѣнiемъ помѣщенiя въ Тамбовѣ она первые годы находилась въ нижнеломовскомъ Казанскомъ монастырѣ [1]. Когда въ 1780 г. открытъ былъ въ Тамбовѣ приказъ общественнаго призрѣнiя и императрица пожаловала ему, между-прочимъ на заведенiе школъ, 15 т. руб., то зашла рѣчь объ основанiи въ этомъ городѣ гражданскаго училища. Письмомъ отъ 2-го ноября 1783 намѣстникъ Каменскiй напомнилъ губернатору Коновницыну о необходимости завести на первый случай хоть самую первоначальную школу. Коновницынъ немедленно собралъ всѣхъ членовъ приказа съ почетнѣйшими изъ дворянъ и предложилъ подписку на учрежденiе школы, но всѣ присутствовавшiе отъ участiя въ этой подпискѣ отказались. Единственнымъ учебнымъ заведенiемъ, куда по нуждѣ можно было отдавать дѣтей всѣхъ сословiй, кромѣ духовнаго, была попрежнему гарнизонная школа. Въ такомъ положенiи дѣло народнаго образованiя и оставалось въ Тамбовской губернiи до Державина. На его счастье, время осуществленiя плана комиссiи объ учрежденiи народныхъ учи-

[1] Въ статьѣ И. И. Дубасова: «Народное просвѣщенiе въ Тамбовской губернiи» (*Др. и Нов. Россiя* 1878, № 12, стр. 338) сказано, что семинарiя въ Тамбовѣ явилась не прежде 1790 года, но это показанiе не точно. Можетъ-быть въ этомъ году окончательно всѣ части семинарiи изъ Нижнеломова переведены въ Тамбовъ; но изъ *Историко-статист. описанiя Тамб. епархiи* священника Хитрово (Тамб. 1861, стр. 104) видно, что классъ риторики былъ переведенъ въ Тамбовъ еще въ 1787 г., а Державинъ въ перепискѣ своей съ преосв. Феодосiемъ уже во 2-й половинѣ 1786 г. говоритъ о здѣшней (т. е. Тамбовской) семинарiи. О недостаткѣ свѣдѣнiй за первое время существованiя ея см. *Тамбовскiя Епархiальныя Вѣдом.* 1879 г. № 1, *Списокъ воспитанниковъ* и пр., стр. 3.

лищъ совпало съ первымъ годомъ его управленія этою губерніей.[1]

Въ указѣ на имя Гудовича отъ 12-го августа, данномъ въ Царскомъ Селѣ, было сказано, что комиссія объ учрежденіи училищъ приготовилась къ открытію ихъ въ 25-ти губерніяхъ, къ числу которыхъ принадлежали также намѣстничества Рязанское и Тамбовское. Открытіе должно было происходить 22-го сентября, въ день коронаціи государыни. Гудовичъ поспѣшилъ передать это приказаніе губернатору, поручая ему приготовить въ Тамбовѣ училищный домъ и написать городничимъ въ Козловѣ и Лебедяни, чтобы и тамъ сдѣланы были надлежащія распоряженія *. Въ то же время генералъ-губернаторъ спрашивалъ, на какія средства всего удобнѣе могло быть отнесено содержаніе народныхъ училищъ. Около 25-го августа Державинъ получилъ о предстоявшемъ и частное увѣдомленіе отъ своего пріятеля Козодавлева, заранѣе облеченнаго въ званіе директора училищъ. Письмо его, съ которымъ послано было два учителя, содержало слѣдующее: «Вручители сего суть люди, имѣющіе подъ руководствомъ вашего превосходительства распространять просвѣщеніе въ Тамбовской губерніи; прошу ихъ принять въ ваше покровительство и ко мнѣ писать, что́ вамъ случится въ нихъ примѣчать добраго и худого. Ея императорское величество изволила уже писать къ И. В. Гудовичу обо всемъ, что до вашихъ училищъ касается, также и П. В. Завадовскій сообщилъ къ нему все нужное. Уставъ народнымъ училищамъ Россійской имперіи, сочиненный комиссіею, уже конфирмованъ и теперь печатается; по сему уставу положенъ попечитель народныхъ училищъ; сіе званіе присвояется губернаторамъ, яко предсѣдателямъ приказовъ общественнаго призрѣнія; директоръ опредѣляется генералъ-губернаторомъ и присутствуетъ въ приказѣ безсмѣнно по дѣламъ школьнымъ. Въ письмѣ къ Ивану Васильевичу государыня указать изволила училище открыть

[1] Этой случайности не имѣлъ въ виду г. Дубасовъ, приписавъ открытіе тамбовскихъ училищъ почину Державина и поставивъ ему это дѣло въ личную заслугу (см. тамъ же, стр. 334).

22-го сентября. Совѣтую, любезный другъ, все къ сему числу пріуготовить и краткій артикулъ объ открытіи прислать въ петербургскія и московскія газеты, также и нѣмецкій артикулъ пришлите ко мнѣ для отсылки въ Гамбургъ, а я имѣю туда переписку. Пространно же совѣтую написать съ разсужденіями отъ себя къ издателю Зеркала Свѣта». [1]

До дня, назначеннаго для открытія училища, оставалось только три недѣли съ небольшимъ, и въ этотъ-то короткій срокъ надо было успѣть сдѣлать всѣ распоряженія: пріискать и приготовить удобный для новаго заведенія домъ, собрать необходимыя денежныя средства и найти учениковъ. Къ счастью, Гудовичъ догадался отсрочить открытіе училищъ въ другихъ двухъ городахъ, о чемъ и увѣдомилъ Державина письмомъ отъ 1-го сентября, такъ что задача хоть сколько-нибудь облегчалась. Гудовичъ опасался, что ко дню открытія тамбовскаго училища въ скорости «не найдется желающихъ къ обученію», и въ такомъ случаѣ предлагалъ стараться набрать хоть «нѣсколько изъ школьниковъ и тому подобныхъ». Здѣсь Гудовичъ конечно разумѣлъ главнымъ образомъ учениковъ бывшей въ Тамбовѣ гарнизонной или баталіонной школы, при которой грамотѣ обучалъ неслужащій изъ дворянъ Севастьянъ Петровъ, получавшій на прокормленіе и одежду по 15 руб. въ годъ [2]. Его Державинъ велѣлъ представить въ новое училище ко дню его открытія «для преподаванія наукъ». Но, къ удивленію нашему, при открытіи училища, этотъ самый Петровъ, 20-ти лѣтъ отроду, является въ числѣ учениковъ его!

Не теряя времени, Державинъ съ обыкновенною энергіею принялся за дѣло; между Тамбовомъ и Рязанью стали скакать курьеры, закипѣла работа, и къ назначенному сроку все было готово. Для помѣщенія училища нанятъ былъ, за 300 руб. въ годъ, домъ купца Іоны Бородина; но домъ этотъ былъ въ такомъ плачевномъ состояніи, что походилъ на развалину, а между

[1] V, 545.

[2] Эта плата была назначена ему приказомъ общественнаго призрѣнія въ 1784 году, «дабы онъ въ содержаніи себя не претерпѣвалъ нужности».

тѣмъ матеріаловъ для исправленія его не было въ приказѣ, да и въ городѣ достать ихъ покупкою было невозможно. Изъ этого затрудненія губернатора выручила казенная палата, согласившись, по просьбѣ его, отпустить заимообразно изъ своего вѣдомства потребное количество досокъ, кирпича и извести. Разумѣется, что это жалкое помѣщеніе могло годиться только на первое время.

На содержаніе тамбовскаго училища въ уставѣ положено было 3,000 руб. Въ письмѣ отъ 1-го сентября Гудовичъ указывалъ, что такъ какъ «пособія», т. е. средства на училища, «какъ они ни малоцѣнны», могутъ иногда оказаться недостаточными «со стороны казенной», то слѣдуетъ, по примѣру С.-Петербургской губерніи, прибѣгнуть къ сбору добровольныхъ пожертвованій, при чемъ онъ однакожъ счелъ нужнымъ напомнить, что это «должно дѣлаться безъ наималѣйшаго принужденія». Для этого заказано было къ Липецкѣ 25 кружекъ изъ листового желѣза, которыя и разосланы по церквамъ; о производствѣ же сборовъ писано къ епископамъ: рязанскому Симеону и тамбовскому Феодосію. Кромѣ того, для призыва къ «доброхотнымъ подаяніямъ» Державинъ отнесся къ губернскому предводителю дворянства Бибикову и ко всѣмъ уѣзднымъ предводителямъ, прося ихъ вмѣстѣ съ тѣмъ пригласить всѣхъ мѣстныхъ дворянъ присутствовать на торжествѣ открытія тамбовскаго училища. Съ просьбою о сборѣ пожертвованій губернаторъ обратился также къ городскимъ головамъ, а гдѣ ихъ не было, — къ городничимъ. Въ Моршанскъ и Кирсановъ посланъ былъ приказъ городничимъ о приглашеніи тамошнихъ жителей вообще, «по недальнему разстоянію», прибыть въ Тамбовъ на открытіе училища. Сборъ денегъ шелъ довольно туго; однакожъ онъ доставилъ нѣсколько сотъ рублей, но присылались они большею частію уже послѣ открытія, во время котораго также были собираемы пожертвованія между присутствовавшими.

Для выполненія трудной задачи пріисканія учениковъ губернаторъ поручилъ коменданту Булдакову собрать свѣдѣнія, кто изъ жителей разнаго званія готовъ отдать своихъ дѣтей въ училище. Сперва будущихъ учениковъ нашлось только 8, потомъ

цыфра эта возросла до 35-ти. Ко дню открытія набралось ихъ 51; это были, большею частью, восьми- и девятилѣтніе мальчики; было нѣсколько дѣтей еще моложе, но между ними, какъ уже упомянуто, оказался одинъ и двадцатилѣтній дѣтина. Въ самый день открытія, когда уже началась «церемонія», явилось еще 22 человѣка, которыхъ отцы и матери, изъ самыхъ бѣдныхъ поселянъ, съ радостнымъ желаніемъ, какъ выражается Державинъ, привели въ училище: тогда всѣхъ учениковъ оказалось не менѣе 73-хъ [1].

По предписанію генералъ-губернатора, открытіе училища должно было совершиться торжественно, съ молебствіемъ и освященіемъ, для чего приказано было пригласить епископа Феодосія. Утромъ, 22-го сентября, въ соборную Казанскую церковь собрались всѣ служащіе въ Тамбовѣ, дворянство и множество народу. Обѣдню отслужилъ самъ архіерей, но слово произнесено было священникомъ Петромъ Ивановымъ. Что касается преосвященнаго Феодосія, занимавшаго тамбовскую каѳедру съ 1766 года, то онъ, при всемъ благочестіи и строгости въ исполненіи своихъ обязанностей, не отличался книжнымъ образованіемъ; за нѣсколько дней (16-го сентября) до торжества, онъ написалъ Державину, что, простудившись, не можетъ не только произнести слова, но и служить въ тотъ день молебна, развѣ почувствуетъ облегченіе, что́, видно, и послѣдовало*.

При возглашеніи многолѣтія государынѣ и всему императорскому дому производилась пушечная пальба. По окончаніи богослуженія, все собраніе, вслѣдъ за духовенствомъ, направилось въ училищный домъ, который, послѣ молебна, окропленъ былъ святою водою; ученики уже стояли за учебными столами. Здѣсь снова возглашено было многолѣтіе императрицѣ; возобно-

[1] Г. Дубасовъ говоритъ, что, по распоряженію Державина мальчиковъ набирали въ классы насильно, чрезъ полицію, и что «каждый годъ, съ 1786 года и до начала нынѣшняго столѣтія, по инціативѣ Г. Р. Державина, два раза — зимою и лѣтомъ — полиція собирала мѣщанскихъ и однодворческихъ дѣтей и пригоняла ихъ въ училище». (*Древн. и Нов. Россія* 1878, № 12, стр. 334 и 336). Откуда почерпнуты эти свѣдѣнія, мы не знаемъ; намъ они въ документахъ не встрѣчались.

вилась пушечная пальба, и народъ, собравшійся толпами вокругъ дома, заявилъ громкими *ура* о своемъ присутствіи при началѣ важнаго дѣла. Въ это время учитель Василій Роминскій сказалъ благодарственную рѣчь за оказанное народу благодѣяніе*. При выходѣ преосвященнаго изъ залы собранія, произошло, къ общему удивленію, неожиданное обстоятельство: у самой двери публика была остановлена рѣчью, которую началъ однодворецъ Захарьинъ.... Губернаторъ попросилъ присутствовавшихъ возвратиться въ домъ, и рѣчь произнесена была уже передъ портретомъ Екатерины II. При тѣхъ словахъ, которыми ораторъ отдавалъ своего маленькаго сына въ покровительство государыни, стоявшая за нимъ жена его вручила ему ребенка, а онъ, положивъ его передъ портретомъ, продолжалъ со слезами.... Растроганные слушатели щедро надѣлили витію деньгами.

По окончаніи церемоніи, губернаторъ (какъ самъ онъ говоритъ въ письмѣ къ Гудовичу) угощалъ какъ благородное общество, такъ и духовенство обѣденнымъ столомъ, а народъ на площади предъ намѣстническимъ домомъ «довольствованъ былъ питіемъ и обѣдомъ отъ купца Матвѣя Бородина». Ввечеру весь городъ былъ иллюминованъ, и у Державина балъ продолжался, въ многолюдномъ собраніи, большую часть ночи. «Словомъ, во весь этотъ день, какъ благородное и гражданское общество, такъ и самая черпь оказывали прямые знаки своей искренней радости и неизреченной благодарности за материнское попеченіе государыни о просвѣщеніи народа». Въ письмѣ упомянуты были и всѣ предшествовавшія обстоятельства, за исключеніемъ однакожъ рѣчи Захарьина, о которой Державинъ до времени счелъ нужнымъ умолчать, боясь, чтобы безъ предварительнаго объясненія этотъ эпизодъ не показался страннымъ и не былъ превратно истолкованъ.

19. Захарьинъ и сказанная имъ рѣчь.

Дѣло въ томъ, что авторомъ рѣчи, произнесенной Захарьинымъ, былъ самъ губернаторъ. За нѣсколько дней до открытія училища однодворецъ вызвался быть при этомъ случаѣ ора-

торомъ, и дѣйствительно написалъ было рѣчь, но она оказалась никуда негодною. Тогда Державинъ взялся за трудъ самъ и, велѣвъ Захарьину притти къ себѣ наканунѣ торжества рано утромъ, продиктовалъ ему рѣчь, которую сообщаемъ здѣсь въ извлеченіи:

«Дерзаю остановить тебя, почтенное собраніе, среди шествія твоего.... По воспитанію моему и по рожденію я человѣкъ грубый: я бѣдный однодворецъ и теперь только отъ сохи; но услыша, что государыня благоволила приказать въ здѣшнемъ городѣ открыть народное училище, почувствовалъ я восхитительное потрясеніе въ душѣ моей.... Прочихъ монарховъ проповѣдывали великіе риторы, — у Екатерины Великой занимаетъ простой поселянинъ ихъ мѣсто.... Чернь, разсѣянная по лицу земли, вездѣ себѣ подобна. Не имѣя расширеннаго свѣдѣніями разума, ни исправленнаго добрыми навыками сердца, весьма близко она подходитъ къ безсловеснымъ животнымъ».... Представивъ нѣкоторыя черты неразумныхъ дѣйствій черни, ораторъ упомянулъ о стараніяхъ друзей человѣчества просвѣщать ее. Потомъ исчислены главныя учрежденія русскихъ государей на пользу образованія. Нынѣ Екатерина Вторая основала «воспиталище женскаго пола, Россійскую академію и повелѣла особой комиссіи во многихъ губерніяхъ учредить университеты»; но понимая, что и этихъ училищъ для имперіи ея недостаточно, что они устроены почти только для дворянъ и духовныхъ, что простому народу неудобно и невозможно заимствовать просвѣщеніе въ академіяхъ, университетахъ и семинаріяхъ, что надобно имѣть разсадники первоначальныхъ знаній, «прозорливая монархиня обратила человѣколюбивый взоръ свой на простой народъ и, невзирая на адскую политику коварныхъ умовъ, что ни обогащать, ни научать черни не должно, повелѣла установить и открыть нынѣ народныя школы, въ которыхъ всякаго состоянія людямъ отверзты къ просвѣщенію двери и въ которыхъ, ежели мнѣ поздо уже получить украшеніе неочищенному моему разуму и неустроенному сердцу, то сынъ мой, принесенный теперь сюда на рукахъ матери его, будетъ невозбранно почерпать источникъ свѣта отъ сокровищъ Великой Екатерины.

«Проснитесь, въ Бозѣ почивающіе блаженные и человѣколюбивые Россійскіе монархи, вводившіе въ народъ сей просвѣщеніе! Проснитесь, царь Феодоръ Алексѣевичъ и ты, великій императоръ Петръ! проснитесь и воззрите на преемницу вашу, Екатерину Вторую.... Вы основали духовную и свѣтскую академіи, а она—народныя школы. Вы обучали дворянъ и духовенство, а она, усугубя ваши заведенія, просвѣщаетъ чернь! Кто изъ васъ болѣе? Предвѣчная Премудрость, для возстановленія падшаго человѣческаго естества, основала храмъ благовѣстія своего среди простыхъ сердецъ. Въ сей храмъ, въ сіе народное училище, исторгая изъ объятій матернихъ сына моего, съ радостнымъ восторгомъ предаю я, да будетъ онъ человѣкъ!

«Слушай, сынъ мой; услышь меня и ты, простой народъ: ты будешь человѣкомъ:... ибо Екатерина Великая желаетъ управлять людьми».... [1].

Рѣчь оканчивалась наставленіемъ сыну о благодарности, какую онъ долженъ весь свой вѣкъ питать къ своей «воспитательницѣ и просвѣтительницѣ» съ ежедневною молитвою о ея благоденствіи и славѣ.

При такомъ заключеніи, говоритъ Державинъ въ письмѣ къ Гудовичу, никто изъ слушателей не могъ удержаться отъ слезъ. Получивъ эту рѣчь, приписанную однодворцу, Гудовичъ нисколько не усомнился въ томъ, что онъ дѣйствительно ея авторъ, нашелъ ее въ высшей степени замѣчательною и тотчасъ же отправилъ въ Петербургъ къ Завадовскому, съ тѣмъ чтобъ тотъ представилъ ее императрицѣ. Увѣдомляя объ этомъ Державина, Гудовичъ просилъ свѣдѣній о такомъ самородномъ талантѣ и вмѣстѣ выразилъ желаніе «поправить его состояніе» [2].

Однодворецъ Петръ Михайловъ Захарьинъ, изъ Козловскаго уѣзда, сталъ ходить къ Державину мѣсяца за два до открытія училища. Марая и прозу, и стихи (большею частью на темы,

[1] VII, 129.

[2] Это письмо Гудовича, отъ 17-го октября, было получено Державинымъ 27-го; слѣдовательно, въ то время, по крайней мѣрѣ въ осеннюю пору, нужно было десять дней на переѣздъ изъ Рязани въ Тамбовъ или наоборотъ.

взятыя изъ св. писанія), онъ считалъ себя сочинителемъ и поспѣшилъ свести знакомство съ знатнымъ собратомъ по перу. Замѣтивъ въ немъ нѣкоторую живость и остроту ума, Державинъ приласкалъ его, хотѣлъ даже опредѣлить его въ канцелярскіе служители, но вскорѣ убѣдился, что никакого мѣста дать ему невозможно, по весьма обыкновенной у русскихъ людей этого званія привычкѣ: Захарьинъ пилъ горькую. Несмотря на то, нашъ добродушный губернаторъ продолжалъ принимать его ласково и, какъ мы видѣли, даже рѣшился, въ торжественномъ случаѣ, дать ему сыграть роль импровизованнаго оратора. Но не къ добру послужила Захарьину эта честь. Слишкомъ щедро награжденный слушателями за чужое краснорѣчіе, онъ тотчасъ послѣ торжества запилъ снова и мѣсяца два «обращался по деревнямъ у дворянъ, его пригласившихъ». «Насилу его отыскалъ», писалъ Державинъ, отвѣчая Гудовичу, «и теперь онъ въ Тамбовѣ; но при всемъ томъ не могъ я отъ него по сіе время добиться порядочной его исторіи. Страсть извѣстная наипаче имъ овладѣла, и воздержать его почти нѣтъ способу, развѣ заключить подъ караулъ, ибо уже и изъ-подъ присмотра нѣсколько разъ погружался въ оную.

«Чтожъ касается до поправленія его состоянія, то когда онъ, наслѣдовавъ послѣ отца своего, обращавшагося по Козлову въ торговыхъ промыслахъ и подрядахъ, какъ сказываютъ, около ста тысячъ капиталу, промоталъ оный безпутнымъ образомъ, то развѣ малолѣтному сыну его, ежелибъ сдѣлали милость, исходатайствовали сотъ до пяти рублей, которые могли бы быть отданы изъ приказа общественнаго призрѣнія до его возрасту въ проценты, сіе бы за наилучшее ему награжденіе, по моему мнѣнію, почесть было можно. Съ 24-го числа сего мѣсяца (ноября 1786 года) отправясь въ Рязань, буду имѣть честь представить в. высокопр. и привезть съ собой его сочиненія, по коимъ невозможно судить о талантахъ, въ рѣчи его признанныхъ. Слѣдовательно, кромѣ одного случая, гдѣ онъ показалъ свое усердіе, слишкомъ заботиться о его устроеніи большой нужды, по моему разсужденію, не предвидится. Можетъ-быть, удача или прославляющійся нынѣ чудесами своими магнетизмъ были

причиною краснорѣчія, которое, какъ я слышу, въ Петербургѣ почитается за Демосѳеново» [1].

Въ другомъ, болѣе раннемъ письмѣ къ Гудовичу же, Державинъ пишетъ о Захарьинѣ: «Сколь мнѣ, однако, о немъ теперь вкратцѣ извѣстно, то въ дѣтствѣ своемъ воспитывался онъ въ домѣ статскаго совѣтника Луки Никифоровича Волкова въ Саратовѣ вмѣстѣ съ сыномъ его Петромъ Лукичемъ, что нынѣ генералъ-майоромъ, учился нѣмецкому языку, ариѳметикѣ и правописанію и, имѣя натуральную способность къ словеснымъ наукамъ, упражнялся въ оныхъ съ самой своей молодости. Былъ отданъ въ военную службу, но получивъ развращеніе въ своемъ поведеніи и сильное пристрастіе къ пьянству, не сдѣлалъ въ оной своего счастія, а потому по отставкѣ или по исключеніи изъ службы препровождалъ жизнь свою на прежнемъ своемъ жилищѣ въ крайней бѣдности, обучая между-прочимъ дѣтей у бѣдныхъ дворянъ россійской грамотѣ и нѣмецкому языку» [2]....

Изъ сочиненій Захарьина особенною извѣстностью въ свое время пользовался его сказочный романъ въ шести частяхъ *Арфаксадъ, халдейская повѣсть,* будто бы переведенная съ татарскаго. Эта книга, въ первый разъ напечатанная въ Москвѣ, въ 1790-хъ годахъ, пришлась по вкусу тогдашнихъ читателей и была вскорѣ вторично издана въ Николаевѣ. Въ этотъ городъ Захарьинъ попалъ благодаря адмиралу Мордвинову, который былъ въ такомъ восторгѣ отъ Арфаксада, что, находясь проѣздомъ въ Москвѣ, отыскалъ тамъ автора, уговорилъ его ѣхать съ собою въ Николаевъ и здѣсь доставилъ ему сперва мѣсто учителя, а потомъ и офицерскій чинъ. Происхожденіе *Арфаксада* такъ объясняется преданіемъ. За рѣчь, прочитанную въ Тамбовѣ, Захарьину назначена была пенсія въ 300 руб. Когда, уже по выбытіи оттуда Державина, однодворецъ явился за полученіемъ ея, то на него будто бы посыпались насмѣшки, и онъ, чтобъ доказать свои авторскія способности, написалъ эту книгу. Есть свѣдѣніе, что рѣчь его, въ первый разъ изданная отдѣль-

[1] V, 638.
[2] V, 588.

но въ Тамбовѣ, позднѣе была перепечатана въ Николаевѣ[1]. Если такъ, то можно подозрѣвать его въ серіозномъ присвоеніи себѣ чужого сочиненія. Онъ умеръ около 1810 года.

Мы видѣли, что Гудовичъ отправилъ рѣчь Захарьина къ Завадовскому, какъ предсѣдателю комиссіи объ училищахъ. Завадовскій, не подозрѣвая мистификаціи, пришелъ также въ восторгъ и поспѣшилъ поднести чудо витійства императрицѣ, которая при чтеніи его была тронута до слезъ. Друзья Державина наперерывъ извѣщали его о впечатлѣніи, произведенномъ рѣчью въ петербургскомъ обществѣ: объ этомъ писали ему Львовъ, Козодавлевъ, Саблуковъ (въ то время государственный казначей), Терскій (рекетмейстеръ), Ахвердовъ; изъ Москвы Херасковъ отозвался, что рѣчь однодворца «и въ устахъ самого правителя заслужила бы похвалу и уваженіе»[2]. Пріятели сообщали ему, что по мнѣнію Завадовскаго другой подобной рѣчи еще не бывало на русскомъ языкѣ; что едва она явилась, какъ заставила забыть магнетизмъ, до нея занимавшій весь городъ, что она переходитъ изъ рукъ въ руки, что въ ней открываютъ такія мысли, какихъ и покойный Ломоносовъ нигдѣ не выражалъ. Находили даже, что Захарьинъ, по высказанному въ ней усердію, самъ годился бы въ намѣстники. При этомъ у многихъ конечно рождалось сомнѣніе, могъ ли темный однодворецъ имѣть не только такой талантъ, но и такія познанія, какія обнаруживались въ этой рѣчи: многіе догадывались, кто настоящій ея авторъ. «Я думаю», писалъ Саблуковъ, «что урожецъ рѣки Ра (см. выше, стр. 273) еще и не то напишетъ, проникая по привычкѣ и прозорливости своей во всѣ намѣренія, съ коими 25-е лѣто выходятъ здѣсь новыя установленія, къ благоденствію подданныхъ служащія». Скоро всѣ стали единогласно приписывать рѣчь Державину, особенно когда распространился слухъ, что императрица, прочитавъ ее, сказала: «Рѣчь прекрасная, каковую я еще не читывала. Я увѣрена въ достоинствахъ и благородныхъ чувствованіяхъ г. Державина»[3]. Но едва прошло нѣсколько

[1] Сопиковъ II, №№ 3146 и 3147.

[2] V, 635.

[3] V, 628.

дней, какъ безусловныя похвалы стали уступать мѣсто критикѣ. Нашлись люди, которые рады были воспользоваться случаемъ, чтобы повредить поэту. Первымъ между ними явился Тутолминъ, случившійся въ Петербургѣ при первыхъ толкахъ о рѣчи. Въ присутствіи Львова Завадовскій «въ жару риторическомъ»—такъ писалъ другу Николай Александровичъ—«благословилъ его (Тутолмина) новостью какъ полѣномъ.... Онъ лишь только открылъ ротъ, чтобы сказать, что: *это имитація, что сочинитель ея можетъ-быть*.... какъ я, безстыднымъ образомъ прервавъ, затрубилъ: «Зачѣмъ хотите вы отнять счастіе у бѣднаго однодворца? вамъ онъ неизвѣстенъ, а я объ немъ наслышался» и проч... Потомъ, оборотясь къ П. В. Завадовскому: «Вотъ Петръ Вас., теперь за то, что похвалили, станутъ говорить, вы увидите, что это не онъ сочинилъ, что ему написалъ или попъ, или учитель, а можетъ, и самого архіерея не пощадятъ». Тимофей Ивановичъ замолкъ, простился, попенялъ, что я его не люблю и забылъ, и, вышедъ изъ комнаты, вчера уѣхалъ въ Олонецъ, не предуспѣвъ распустить никакихъ вредныхъ слуховъ противъ автора [1].

Къ числу недовольныхъ рѣчью принадлежала, къ удивленію нашему, и княгиня Дашкова, гнѣвавшаяся на Державина за то, что онъ тотчасъ не прислалъ этой новинки ей особо. Сообщая объ этомъ своему бывшему начальнику, Свистуновъ также писалъ, что когда начали разыскивать истиннаго творца рѣчи, то «Тутолминъ не пропустилъ испустить своей желчи,—во многихъ домахъ увѣрялъ, что онъ точно знаетъ, что ее сочинялъ Державинъ; однако при его мнѣніи не остались, а почти вездѣ наконецъ заговорили, что будто она сочинена здѣсь въ Петербургѣ и отослана въ Тамбовъ тѣмъ самымъ творцомъ, который сочинялъ манифестъ о новомъ Заемномъ банкѣ (т. е. Завадовскимъ). Но почему жъ судъ публики остановился на семъ заключеніи? Потому только, что нашли какъ въ рѣчи сей, такъ и въ манифестѣ одинакія изреченія *о правилѣ адской политики, внушающей не обогащать народъ, а содержать въ недостаткѣ или*

[1] V, 612.

бѣдности. — Итакъ одно сіе слово родило для рѣчи однодворца тысячи опроверженій и насмѣшекъ; такъ что чрезъ нѣсколько времени княгиня (Дашкова), хваля издателя Московскихъ Вѣдомостей, что они рѣчи оной не напечатали, досадовала, что она поторопилась удовлетворить желаніе Завадовскаго и выпустила въ свѣтъ такую глупо сыгранную комедію посредствомъ однодворца. Вотъ какова участь вашего новаго шита»[1]. Тѣмъ не менѣе рѣчь была перепечатана также и въ *Новыхъ Ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ*, издававшихся Дашковою, и въ *Зеркалѣ Свѣта* Туманскаго.

Въ запискахъ Державина упомянуто, что Захарьина хотѣли видѣть въ столицѣ, что отъ Безбородки присланъ былъ въ Тамбовъ курьеръ и отъ имени императрицы приказано привезти однодворца въ Петербургъ, но мы уже знаемъ изъ письма губернатора къ Гудовичу, что захваленный ораторъ цѣлые два мѣсяца послѣ своего торжества пьянствовалъ въ гостяхъ у помѣщиковъ, и въ то время явиться на приглашеніе не могъ. Поэтому, когда въ одномъ письмѣ изъ Петербурга Львовъ говоритъ: «Однодворецъ пріѣхалъ съ своимъ мистицизмомъ», а въ другомъ Терскій пишетъ: «Я весьма радъ былъ видѣть усерднаго однодворца»[2], то едва ли не слѣдуетъ подъ этимъ названіемъ разумѣть только рѣчь ему приписанную, а не его самого, такъ какъ оба письма (отъ 1-го и 22-го ноября) принадлежатъ именно къ тому времени, къ которому Державинъ относитъ кочеванье Захарьина по тамбовскимъ помѣстьямъ.

На прощаніе съ мнимымъ ораторомъ припомнимъ разгульные стансы *Желаніе Зимы*[3], которые въ слѣдующемъ году посвятилъ ему поэтъ-губернаторъ, убѣдившись, что всѣ старанія вылѣчить его отъ несчастной страсти безполезны.

20. Открытіе театра въ память учрежденія училища.

Съ торжествомъ открытія училища тѣсно связано празднество, устроенное губернаторомъ въ память этого событія че-

[1] V, 653.
[2] V, 612 и 623.
[3] III, 343.

резъ два мѣсяца, именно въ день ангела императрицы, 24-го ноября. Это былъ спектакль, данный въ домѣ Державина (такъ какъ театръ еще не былъ отстроенъ) съ помощію любителей и доморощенныхъ артистовъ, при чемъ однакожъ изготовленіе декорацій и костюмовъ было уже на попеченіи штатнаго механика Барзанти, которому въ живописи помогали крѣпостные люди Ниловыхъ и Сабуровыхъ. Этимъ спектаклемъ совершилось и открытіе тамбовскаго театра. Съ нравоучительною цѣлью избрана была къ тому комедія *Такъ и должно*, какъ сочиненіе бывшаго директора Казанской гимназіи Веревкина, и притомъ пьеса, направленная противъ подьячихъ и крючкотворцевъ, которыхъ Державинъ засталъ не мало въ Тамбовѣ. Но передъ этою комедіей представленъ былъ прологъ, имѣвшій отношеніе къ главной идеѣ праздника и написанный самимъ губернаторомъ. Содержаніе его было аллегорическое: мало образованное тамбовское общество означалъ дремучій лѣсъ, просвѣщеніе являлось въ видѣ Генія, театръ олицетворяли Мельпомена и Талія. Прежде всего на сцену выходитъ Петръ Великій въ образѣ пустынника. Геній говоритъ, что

«... нѣкогда вертепъ сей дикій
Пустынникъ ревностный, могущій и великій,
Очистя, проложилъ дорогу въ немъ и слѣдъ
Неслыханнымъ трудомъ и попеченьемъ дивнымъ».

Но послѣ него еще долго лѣсъ

«Едва лишь освѣщеннымъ былъ,
Иль только просвѣщеннымъ слылъ;
Но наконецъ великое свѣтило,
Взошедъ на высоту небесъ,
Свой лучезарный блескъ спустило
На этотъ лѣсъ.

Отъ Бѣлыхъ водъ до Черныхъ,
Отъ тихихъ до сердитыхъ,
Бѣгутъ толпы угрюмыхъ тучъ;
Въ пещерахъ самыхъ темныхъ,
Въ норахъ, почти совсѣмъ забытыхъ,

Сверкаетъ свѣтозарный лучъ!
Препоны нѣтъ ему нигдѣ»...

Потомъ Геній приглашаетъ себѣ въ помощь Мельпомену и Талію, которымъ говоритъ между-прочимъ:

«Гдѣ грубы головы, сердца не смягчены,
Законы кроткіе тамъ тщетно изданы:
Вы умягчайте ихъ игрой своей и тономъ,
И просвѣщенію, наукамъ и законамъ
Подпорой будьте здѣсь».

Онъ подаетъ Мельпоменѣ кинжалъ, Таліи маску. Талія отвѣчаетъ:

«Я знаю, должность въ чемъ моя.
Подъ ней сокрывшись, я, какъ будто ненарочно,
Все то, что́ скаредно и гнусно и порочно,
И такъ и сякъ ни въ комъ никакъ не потерплю.
Не въ бровь, а въ самый глазъ я страсти уязвлю...
И буду только тѣхъ хвалою прославлять,
Кто будетъ нравами благими удивлять,
Себѣ и обществу окажется полезенъ...
Будь баринъ, будь слуга, но будетъ мнѣ любезенъ».

Въ послѣдней сценѣ лѣсъ исчезаетъ; на мѣсто его является народная площадь съ великолѣпной колоннадой, въ концѣ которой виденъ храмъ просвѣщенія, а по обѣ стороны его два обелиска, одинъ съ именемъ Петра Великаго, другой съ именемъ Екатерины II. Вдоль колоннады становятся мальчики и дѣвочки въ бѣлыхъ платьяхъ съ гирляндами; Геній занимаетъ тронъ, поставленный въ храмѣ; Талія и Мельпомена располагаются на ступеняхъ его. Прологъ кончается хорами въ честь Петра и Екатерины.

Пустынника представлялъ Беклемишевъ, Генія—дѣвица Бибикова, Мельпомену и Талію—дѣвицы же Орлова и Чичерина. Изъ прочихъ дѣвушекъ особенно отличалась своею образованностью и талантами Анна Николаевна Свѣчина, которая участвовала собственно въ музыкальной части представленія (IV, 7—18).

Мы должны теперь возвратиться къ учрежденію училищъ въ Тамбовской губерніи и упомянуть еще о нѣкоторыхъ связанныхъ съ этимъ событіемъ обстоятельствахъ.

21. Дальнѣйшія подробности учрежденія училищъ.

Заботу обнародованія въ газетахъ извѣстія объ открытіи училища въ Тамбовѣ Державинъ передалъ Гудовичу; самъ же онъ въ своей перепискѣ за это время слишкомъ былъ занятъ впечатлѣніемъ, которое производила въ Петербургѣ рѣчь Захарьина. Притомъ у него было еще множество практическихъ хлопотъ по учебному дѣлу. Свѣдѣнія объ открытіи народныхъ училищъ въ губернскихъ городахъ печатались въ *С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ*, отъ 9-го октября по 10-е ноября. Въ одномъ изъ нумеровъ газеты между этими числами (№ 87) сообщено вкратцѣ и о тамбовскомъ училищѣ, при чемъ замѣчено: «Въ уѣздныхъ городахъ Козловѣ и Шацкѣ въ скоромъ времени откроются малыя народныя училища».

При открытіи училища въ Тамбовѣ были собираемы пожертвованія. На другой день губернаторъ внесъ въ приказъ общественнаго призрѣнія книгу, въ которой «доброхотодатели, и между ними пріѣзжіе изъ уѣздовъ и городовъ» подписались на 662 руб., сумму, которая черезъ нѣсколько дней возросла до 775 руб. Въ числѣ жертвователей были самъ Державинъ и купецъ Бородинъ, подписавшіеся на сто руб. каждый [1]. Пановъ далъ 50 руб. Изъ остальныхъ лицъ кто подписался на 25 руб., кто на 10, на 5, и менѣе до 1 рубля. Коменданту сообщенъ списокъ жертвователей, съ тѣмъ чтобы онъ истребовалъ обѣщанныя «подаянія». Еще въ началѣ слѣдующаго года изъ этихъ денегъ собрано было менѣе половины (357 руб.), а къ концу апрѣля поступило въ дополненіе не болѣе 15 руб. Изъ полученныхъ денегъ было выдано учителямъ въ счетъ жалованья 175 руб.

Результатъ сбора по уѣздамъ былъ также не блистательный: кирсановскій городничій прислалъ 75 руб.; моршанскій

[1] По свѣдѣнію гр. Саліаса, Бородинъ этихъ денегъ не заплатилъ.

предводитель дворянства 52 руб., преосвященный Феодосій 50 руб., усманскій градской глава 25 руб. Другіе доставили отъ 10 до 20 руб. Нѣкоторые присылали, впрочемъ повторяя эти присылки нѣсколько разъ, отъ одного до 2-хъ руб. Отъ усманскаго городничаго получены собранныя имъ въ кружку 50 коп., отъ липецкаго (Бурцова) 1 руб. 23 коп. Нѣкоторыя лица жертвовали вещами; такъ одинъ армейскій корнетъ (Засединъ) принесъ въ даръ лошадь, которая была продана съ аукціона мѣщанину Спирину за 15 руб.

Въ первые уже дни по открытіи училища начинается дѣятельная переписка о покупкѣ необходимыхъ учебныхъ предметовъ и прісканіи учителей не только для тамбовскаго, но и для будущихъ малыхъ училищъ въ другихъ городахъ, что̀ представляло большія трудности. Еще труднѣе было найти свѣдущаго директора училищъ. Для этого губернаторъ испрашивалъ себѣ у Гудовича нѣкотораго срока, а покуда поручилъ управленіе училищами засѣдателю верхняго земскаго суда, секундъ-майору Якову Карамышеву, который и просилъ прежде всего распорядиться покупкою аспидныхъ досокъ, грифелей, карандашей, рисунковъ и т. п. На это приказъ общ. призрѣнія[1] отпустилъ смотрителю Степанову изъ пожертвованныхъ денегъ 25 руб., которые Державинъ и отправилъ въ Москву къ Хераскову (жившему тамъ въ качествѣ куратора университета) съ просьбою прислать сказанныя вещи. Онѣ были получены въ исходѣ ноября.

Нѣкоторыя учебныя книги были уже заранѣе присланы изъ Петербурга и отданы подъ присмотръ учителю Саввѣ Венедиктову вмѣстѣ съ разными таблицами, прописями, ландкартами и предметами, до геометріи и физики относящимися. Не явилось только означенное въ спискѣ увеличительное стекло, принадлежавшее къ камерѣ-обскурѣ, почему и велѣно его откуда

[1] Журналы приказа подписывали, кромѣ губернатора, засѣдатели: верхняго земскаго суда — Я. Карамышевъ и капитанъ Петръ Петровъ, губерн. магистрата—Илья Нестеровъ и Игнатій Мясниковъ, верхней расправы—Дмитрій Камаревъ и изъ поселянъ Иванъ Пишковъ. До опредѣленія Державина подписывалъ журналы одинъ только вице-губернаторъ Ушаковъ.

слѣдуетъ истребовать. Учебники доставлялись и позднѣе, постепенно. Руководства по исторіи и географіи еще не вышли изъ печати въ самомъ Петербургѣ. Въ ожиданіи ихъ Державинъ приказалъ учителямъ обучать этимъ предметамъ «по письменнымъ своимъ тетрадямъ». Впрочемъ уже 3-го октября онъ могъ передать въ приказъ полученныя отъ генералъ-губернатора «книги для обученія наукамъ».

Въ тамбовскомъ училищѣ, какъ Главномъ, было четыре класса. Первый (т. е. низшій) началъ свои занятія немедленно, а съ 1-го ноября открылся и второй. Въ четвертый классъ поступали только тѣ, которые готовились быть учителями въ малыхъ училищахъ по уѣзднымъ городамъ. Въ тамбовскомъ училищѣ преподавали въ первое время слѣдующія лица, присланныя изъ Петербурга отъ Главнаго правленія народныхъ училищъ:

1) Василій Роминскій (который произнесъ рѣчь 22-го сентября). Онъ обучалъ въ 3-мъ и 4-мъ классахъ математикѣ и физикѣ, русскому и латинскому языкамъ и рисованію; послѣднему предмету училъ онъ и во 2-мъ классѣ.

2) Савва Венедиктовъ — всеобщей и русской исторіи, географіи и естественной исторіи въ 3-мъ и 4-мъ классахъ.

3) Лукьянъ Антоновъ проходилъ пространный катихизисъ, священную исторію, книгу «о должностяхъ человѣка и гражданина» [1], руководство къ чистописанію, прописи и первую часть арифметики во 2-мъ классѣ, изъясненіе евангелія и пространный катихизисъ съ доказательствами въ 3-мъ; сверхъ того онъ преподавалъ рисованіе во всѣхъ классахъ, кромѣ 1-го.

4) Василій Смирновъ проходилъ въ 1-мъ классѣ: таблицы азбучныя, таблицы для складовъ, россійскій букварь [2], правила для учащихся, сокращенный катихизисъ, священную исторію, прописи и руководство къ чистописанію.

Роминскій, Венедиктовъ и Смирновъ происходили изъ ду-

[1] Эти книги были изданы въ двухъ видахъ: для учителей и для учащихся. Азбучныя таблицы были также двоякія особыя для церковной и для гражданской печати.

[2] 3-го декабря 1786 г. въ приказъ общ. призр. прислано отъ Гудовича 200 экз. учебнаго россійскаго букваря.

ховнаго званія, а Антоновъ былъ сынъ подпрапорщика. Всѣ они учились въ семинаріяхъ, откуда были истребованы указомъ въ Главное петербургское народное училище для приготовленія къ учительской должности. Они получали положенное въ штатѣ жалованье, именно: два учителя высшихъ классовъ по 400 руб., учитель 2-го класса 200 руб., а учитель 1-го кл. 150 руб. Сверхъ того за уроки рисованья обоимъ преподавателямъ производилось добавочныхъ 150 руб. Впрочемъ всѣмъ этимъ учителямъ жалованье въ первый разъ выдано было не прежде какъ въ исходѣ января слѣдующаго года по особенному требованію исправлявшаго должность директора училищъ.

Въ концѣ декабря 1786 года приказъ общ. призр. опредѣлилъ произвести ученикамъ экзаменъ, и коменданту предложено было пригласить въ училище на 30-е число городскихъ жителей, особенно родственниковъ учащихся.

Число учениковъ со дня открытія училища постепенно увеличивалось, и при этомъ испытаніи ихъ было уже 106 человѣкъ. Въ поданной Карамышевымъ, въ началѣ 87-го года, вѣдомости о состояніи училища было между-прочимъ сказано: «Жители города, будучи убѣждены правителемъ Тамбовской губерніи въ пользѣ и выгодахъ матернихъ Ея И. В. заведеній, начали добровольно и съ великою охотою отдавать дѣтей; посему, вѣроятно, впредь число учениковъ несравненно умножится» (къ сожалѣнію, однакожъ, надежда эта не осуществилась). «Ученики, всѣ родомъ Россіяне, состоянія разнаго, именно бѣдные дворяне, купеческіе, мѣщанскіе, однодворческіе, солдатскіе и господскіе люди; всѣ они возрастомъ отъ 7-ми до 15-ти и 17-ти лѣтъ. Съ самаго начатія учителямъ не безъ труда было дѣтей пріучать къ прилежному вниманію изъясненій учительскихъ, къ порядочнымъ отвѣтамъ; но вскорѣ исправились такъ, что публика, бывшая при открытомъ испытаніи, успѣхи учениковъ въ предписанныхъ наукахъ одобрила». Эта записка можетъ подать поводъ къ нѣкоторымъ комментаріямъ. Чтобы угодить губернатору, дѣйствительно, даже иные дворяне, особенно небогатые, отдавали въ новое училище дѣтей своихъ, хотя и не легко мирились съ мыслью, что благородные мальчики сидятъ рядомъ съ разночин-

цами и даже дворовыми. Зажиточные дворяне, по бо́льшей части, поручали воспитаніе своихъ дѣтей заѣзжимъ или нарочно выписаннымъ иностранцамъ, и въ этомъ отношеніи старались перещеголять другъ друга. Такъ, нѣкто Хвощинскій, въ началѣ 1780-хъ годовъ, выписалъ учителя Диксона прямо изъ Лондона. «Кромѣ того, дѣти чиновниковъ и мелкихъ дворянъ учились грамотѣ въ присутственныхъ мѣстахъ. Совершенно неграмотные и крайне юные, лѣтъ 13-ти или 14-и, эти молодые люди поступали на службу, даже получали жалованье, по нѣскольку копеекъ въ мѣсяцъ, и цѣлые годы учились читать и писать у разныхъ копеистовъ, подканцеляристовъ и канцеляристовъ, которые сами, въ свое время, проходили такой же курсъ ученія»[1]. На экзаменахъ Державинъ не только присутствовалъ, но любилъ и самъ задавать вопросы, приглашая къ тому и другихъ посѣтителей, чтобы не было никакого сомнѣнія относительно правильности испытанія.

Судя по приведенному отчету Карамышева и по нѣкоторымъ другимъ свѣдѣніямъ, сохранившимся въ архивѣ приказа общественнаго призрѣнія, Карамышевъ исправлялъ должность директора съ знаніемъ дѣла и добросовѣстно, но, согласившись принять ее только на время, онъ скоро удалился, и въ мартѣ на его мѣсто назначенъ былъ, по ордеру Гудовича, асессоръ тамбовской казенной палаты, капитанъ Жоховъ[2], съ жалованьемъ по 500 руб. въ годъ.

При училищѣ недоставало еще пѣвческаго класса, учрежденія котораго требовалъ училищный уставъ «для благолѣпія церквей и бо́льшаго прилѣпленія учениковъ къ молитвѣ». Въ 1788 году Державинъ, по званію попечителя училищъ, напомнилъ о томъ приказу, и классъ былъ открытъ: обучать пѣнію за 150 руб. въ годъ взялся секретарь нижней расправы Журавченко; въ помощники къ нему опредѣленъ былъ архіерейскій пѣвчій Антипъ Травинъ (80 руб.), но «какъ оный Травинъ, по своему нерадѣнію, не ходилъ въ классъ цѣлую треть года, то приказъ и отрѣшилъ его отъ сей должности».

[1] Дубасовъ въ *Древн. и Нов. Россіи*, 1878, № 12, стр. 332.

[2] Жоховъ былъ дальній родственникъ Державина и служилъ ему секретаремъ. Въ 1789 г. онъ женился на одной изъ дѣвицъ Свѣчиныхъ.

Домъ Бородина, купленный для помѣщенія училища, вскорѣ оказался слишкомъ тѣснымъ и вообще негоднымъ: печи дымили и не грѣли, полы были гнилы, штукатурка обваливалась, двери въ классахъ плотно не затворялись, въ окнахъ не доставало стеколъ, крыши лѣтомъ протекали [1]. Поэтому, уже въ январѣ слѣдующаго года купленъ былъ въ селѣ Куньи Липяги, въ 39-ти верстахъ отъ города, у братьевъ Ознобишиныхъ за 1,200 руб. другой (деревянный) домъ, который и перевезли въ Тамбовъ. На покупку употреблена была сумма въ 1,000 руб., завѣщанная умершимъ между тѣмъ преосвященнымъ Феодосіемъ, а 200 руб. взяты изъ процентной суммы прихода.

22. МАЛЫЯ УЧИЛИЩА ВЪ УѢЗДНЫХЪ ГОРОДАХЪ.

Тотчасъ по открытіи тамбовскаго училища приняты были мѣры для учрежденія малыхъ училищъ въ другихъ городахъ губерніи. Прежде всего Державинъ обратился къ архіерею съ просьбой прислать изъ семинаріи своей нѣсколько студентовъ, которые окончили уже, по крайней мѣрѣ, грамматику «для навыкновенія методѣ ученія народныхъ школъ, ибо», прибавлялъ онъ, «здѣсь другого состоянія людей способныхъ къ тому отыскать невозможно». Преосвященный Феодосій отозвался, что по недавнему существованію семинаріи онъ не можетъ прислать достаточнаго числа студентовъ, и дѣйствительно, въ ноябрѣ мѣсяцѣ прислалъ только четырехъ семинаристовъ, именно: Лунина, Федорова, Иванова и Акимова, которые, по распоряженію приказа, и были немедленно отправлены въ тамбовское главное училище для полученія надлежащей подготовки къ учительскимъ занятіямъ. Для пополненія числа будущихъ преподавателей Державинъ обращался и въ Рязань къ губернатору Волкову съ просьбою прислать изъ тамошней семинаріи отъ 12 до 15 человѣкъ, и въ слѣдствіе того въ концѣ года явилось оттуда 10 семинаристовъ. Кромѣ того, въ первое время имѣлись въ виду на званіе учителей: какой-то поручикъ Ло-

[1] Дубасовъ, стр. 334.

моносовъ и «вольный однодворецъ» Захарьинъ. Мы уже знаемъ, что по крайней мѣрѣ послѣдній не могъ оправдать такого предположенія.

Въ исходѣ декабря отправлены были въ уѣздные города шесть учителей: Половневскій и Мизеревскій (въ Козловъ), Михайловскій (въ Лебедянь) Протопоповъ (въ Шацкъ), Данковскій (въ Моршанскъ) и Куликовскій (въ Елатьму), и всѣмъ имъ дано на дорогу, въ счетъ жалованья, по 15 руб. Съ ними отпущено, сверхъ того, по экземпляру устава народныхъ училищъ на каждый городъ. Малыхъ народныхъ училищъ во всей Тамбовской губерніи предполагалось учредить одиннадцать. На основаніи городового положенія, суммы на нихъ должны были итти преимущественно изъ городскихъ доходовъ. На содержаніе училищныхъ домовъ, на жалованье директору и учителямъ по училищамъ всей губерніи (не исключая и главнаго въ самомъ Тамбовѣ) исчислено было въ годъ 7,904 рубля.

1-го января 1787 года открыты были съ обычною торжественностью народныя школы: въ Козловѣ съ 24-ю учениками, въ Лебедяни съ 9-ю и въ Елатьмѣ съ 8-ю; нѣсколько позже — въ Шацкѣ и въ Моршанскѣ; въ шацкую школу поступило 27 учениковъ, въ моршанскую 24. Объ открытіи школъ въ другихъ городахъ свѣдѣній не имѣется. Относительно Липецка извѣстно только, что тамошнему купечеству предложено было, не найдутся ли въ составѣ его желающіе, вдвоемъ или втроемъ, общими средствами построить въ городѣ домъ для народнаго училища. Тамошній городничій Бурцовъ отвѣчалъ, что охотниковъ не нашлось.

Наиболѣе извѣстій дошло до насъ о козловскомъ училищѣ. Въ день открытія, утромъ, смотритель училища [1], два учителя и 24 ученика отправились въ соборную церковь, откуда, послѣ литургіи, возвратились въ училище съ иконами и хоругвями. Здѣсь совершено было молебствіе и прочитанъ уставъ о малыхъ училищахъ. Учитель Половневскій произнесъ рѣчь о пользѣ ново-

[1] Купецъ Баженовъ. Смотритель надъ малыми училищами, по уставу, избирался попечителемъ (губернаторомъ) изъ мѣстныхъ жителей.

открытаго заведенія. На этомъ торжествѣ не присутствовалъ никто изъ обывателей города. Школа съ двумя учителями должна была получать отъ общества квартиру, содержаніе, учебныя пособія. Для училища отведены были двѣ комнаты въ одномъ домѣ, а для обоихъ учителей (оба были семейные люди съ дѣтьми) одна комната въ другомъ домѣ, и притомъ комната холодная, сырая и темная. Учителя, Половневскій и Мизеревскій, исполняли свои обязанности съ усердіемъ и успѣхомъ, такъ что число учениковъ постоянно увеличивалось; но, несмотря на то, и сами они бѣдствовали, и училище терпѣло во всемъ недостатокъ вслѣдствіе враждебнаго къ нему отношенія общества: какъ на торжествѣ открытія, такъ и послѣ на экзаменахъ не было никого изъ городскихъ жителей.

26-го сентября училище посѣтилъ Державинъ. Учениковъ въ то время было здѣсь уже 64. Въ продолженіе пяти часовъ губернаторъ-попечитель самъ экзаменовалъ ихъ и неоднократно благодарилъ учителей за успѣхи мальчиковъ. Но помѣщеніе училища нашелъ онъ крайне тѣснымъ и неудобнымъ и велѣлъ головѣ пріискать другое; учителя не получали жалованья за двѣ трети, и попечитель приказалъ удовлетворить ихъ, на счетъ городскихъ доходовъ, изъ суммъ приказа общественнаго призрѣнія. Узнавъ изъ поданной ему вѣдомости, что всѣ ученики были дѣти дворянъ, приказнослужителей и дворовыхъ людей, онъ собралъ купцовъ и мѣщанъ и объяснилъ имъ, что училище учреждено главнымъ образомъ для нихъ, какъ составляющихъ самую многочисленную часть населенія Козлова, и потому они не должны упорствомъ своимъ отдалять отъ себя доставляемыя имъ выгоды образованія. «Въ то же время онъ предложилъ имъ построить для училища домъ и настоятельно потребовалъ отъ каждаго посильныхъ пожертвованій. Въ присутствіи его собрано было 408 рублей. Онъ поручилъ головѣ хранить эти деньги, наказавъ заботиться объ умноженіи ихъ и объ изготовленіи исподволь матеріаловъ для постройки дома. Затѣмъ, подтвердивъ смотрителю училища и головѣ, чтобъ они не доводили учителей до крайности неисправностью въ выдачѣ имъ жалованья, онъ внушилъ имъ прилагать всевозможное стараніе о развитіи заведе-

нія на основаніи городового положенія». Однакожъ все это было напрасно: купцы и мѣщане попрежнему не отдавали своихъ дѣтей въ училище, учителя получали жалованье неправильно и недостатокъ въ учебныхъ пособіяхъ продолжался. Даже и посѣщеніе Козлова пріѣзжавшимъ изъ Петербурга на ревизію директоромъ училищъ Козодавлевымъ не помогло дѣлу, такъ какъ и въ тамбовскомъ главномъ училищѣ, откуда онъ наказалъ Жохову потребовать учебныхъ пособій, всѣ книги были распроданы [1].

Положеніе учебной части въ Козловѣ, какъ и во всей Тамбовской губерніи, еще значительно ухудшилось послѣ удаленія Державина въ концѣ 1788 года: онъ съ полнымъ вниманіемъ относился къ училищамъ и дѣлалъ для поддержанія ихъ все, что отъ него зависѣло. Подробности совершеннаго упадка ихъ и жалкаго положенія учителей по выбытіи Гаврилы Романовича изъ губерніи сюда не относятся [2]. Замѣтимъ только, что вскорѣ послѣ его отъѣзда городъ Козловъ положительно отказался отъ содержанія училища, а смотритель Баженовъ, нисколько не стѣсняясь, говорилъ въ обществѣ, что всѣ училища, въ томъ числѣ и козловское, вообще вредны. На этомъ основаніи онъ почти не являлся въ классы; когда же являлся, то всегда былъ пьянъ, учениковъ билъ палкой, а учителей публично ругалъ. «Когда Державинъ уѣхалъ навсегда изъ Тамбовскаго намѣстничества, то училищное дѣло въ городахъ этого намѣстничества сразу ослабѣло. А въ половинѣ 90-хъ годовъ большинство малыхъ народныхъ училищъ въ городахъ Тамбовской губерніи было и совсѣмъ закрыто. Такъ уничто-

[1] *Журналъ Мин. Народ. Просв.* CXVI (1862 ноябрь), Отд. IV, стр. 161, въ статьѣ Пискарева: «Объ отношеніяхъ мѣстнаго общества къ первому открытому въ Козловѣ уч. заведенію».

[2] См. статью тамбовскаго учителя И. И. Дубасова: «Народное просвѣщеніе въ Тамбовской губерніи» въ *Др. и Нов. Россіи* 1878, № 12. Но напрасно авторъ значительную часть вины слагаетъ на учителей козловскаго училища: положеніе ихъ было такъ невыносимо, что они наконецъ поневолѣ должны были отлучиться, чтобы искать средствъ къ облегченію судьбы своей. Этимъ-то и объясняется, почему они, по возвращеніи въ Козловъ, не лишились своего мѣста, чему удивляется г. Дубасовъ.

жены были училища въ Лебедяни, Шацкѣ, Липецкѣ, Спасскѣ и Темниковѣ» [1].

23. Прiисканiе директора училищъ.

Намъ остается еще, по этой отрасли дѣятельности Державина, обратить вниманiе на его заботы о прiисканiи директора тамбовскихъ училищъ. Поручивъ эту должность временно Карамышеву, онъ рекомендовалъ генералъ-губернатору, для замѣщенiя ея, находившагося въ Петербургѣ, уже извѣстнаго намъ (см. стр. 424) Поспѣлова, какъ человѣка, вполнѣ къ ней подготовленнаго. На случай же его несогласiя принять это назначенiе, губернаторъ предлагалъ либо какого-то Тимофеева, бывшаго въ Тамбовѣ по своимъ нуждамъ, либо Грибовскаго: «поелику всѣ сiи люди знаютъ латинскiй языкъ и прочiя науки, въ уставѣ обучать предписанныя, то и могутъ быть способны имѣть наблюденiе надъ учителями; но я бы желалъ, чтобъ заступилъ мѣсто директора кто-либо изъ первыхъ двухъ, а особливо г. Поспѣловъ, совершенно знаемый мною съ хорошей стороны» *.

Грибовскiй, оставивъ службу въ Петрозаводскѣ, переѣхалъ въ Петербургъ около середины мая и поселился сначала у Козодавлева. Ему очень хотѣлось перейти на директорскую должность въ Тамбовъ, и Козодавлевъ горячо рекомендовалъ его своему старому сослуживцу. Самъ Грибовскiй не скупился на изъявленiя чувствъ преданности и благодарности Державину, который, въ случаѣ неудачи плана опредѣлить его директоромъ училищъ, предлагалъ ему чрезъ Козодавлева мѣсто секретаря въ намѣстническомъ правленiи, а притомъ, прибавлялъ Державинъ, «онъ можетъ имѣть и тѣ здѣсь выгоды, что по знанiю его правописанiя и хорошему почерку охотно позволю ему въ учреждаемомъ здѣсь для благородныхъ дѣтей пансiонѣ преподавать

[1] П. Дубасовъ, стр. 336. Онъ же при другомъ случаѣ такъ выразился: «Разбирая документы, относящiеся къ исторiи основанiя школъ въ Тамбовскомъ краѣ, я убѣдился въ высокомъ характерѣ просвѣтительной дѣятельности Державина, какъ тамошняго губернатора».

означенныя свои знанія, за что можетъ имѣть по крайней мѣрѣ сотню излишняго доходу; но здѣсь 350 рублей лучше конечно петрозаводскихъ и петербургскихъ 700 рублей».

Но у Грибовскаго былъ сильный врагъ, именно Дашкова. «Княгиня Екатерина Романовна», писалъ Державину Свистуновъ отъ 17-го октября, «сегодня приказала мнѣ къ вамъ отписать, «что она слышала, будто Козодавлевъ хвалится, что онъ Грибовскому мѣсто доставитъ опять при васъ; то ежели вы это сдѣлаете, послушаете Козодавлева и возьмете его опять къ себѣ, то будетъ ужъ очень вѣтрено, и притомъ приказала приписать вамъ, что это будетъ ей весьма непріятно. Боже мой, какъ она не терпитъ Грибовскаго! Она и за то васъ много винила, для чего вы первый разъ, когда вы брали его къ себѣ, съ нею не посовѣтовалися; графъ Александръ Романовичъ хотѣлъ-было его взять къ себѣ и далъ ему ужъ обнадеженіе, но княгиня, узнавъ, такъ сильно наступила на графа, что тотъ принужденъ былъ, въ угодность ей, отказать ему» [1].

О томъ же, своимъ особеннымъ языкомъ, писала Державину его теща, поясняя въ вящшее предостереженіе: «Княгиня нынче такъ усилилась, что князь Вяземскій у ней руки цѣлуетъ; а о Грибовскомъ я наслышалась, что онъ Тимофея Ивановича возноситъ выше небесъ, а о тебѣ, когда дойдетъ, то: «Державинъ», а больше нѣтъ имя, да и то съ гримасами; сіе по пословицѣ: «не споя, не скормя, ворога не видать». Такъ и Грибовской чувствуетъ вашу хлѣбъ-соль [2]». Державинъ, слѣдуя совѣтамъ своихъ петрозаводскихъ друзей, рѣшился безпрекословно исполнить волю княгини. Узнавъ о такомъ исходѣ дѣла, Козодавлевъ писалъ Державину: «Сожалѣю сердечно о несчастіи Грибовскаго, который впрочемъ отъ сего несчастія не будетъ такъ несчастливъ, какъ себѣ особа, дышущая противу него злобою, представляетъ. — Господи отпусти ей, не вѣдаетъ бо что творитъ: вы не именуете сей особы, имѣющей во устахъ своихъ всегда добродѣтель, отъ кото-

[1] V, 601.
[2] V, 603.

рой сердце ея всегда далеко отстоитъ; да я думаю, что сія знаменитая особа не согласилась бы ни для чего, чтобъ Грибовскій, какъ онъ передъ нею ни малъ, о семъ ея поступкѣ свѣдалъ. Свѣтъ, освѣщающій дѣла ея, ей всеконечно весьма противенъ и зрѣнію ея несносенъ — и возлюбиша человѣци паче тму, нежели свѣтъ: бѣша бо ихъ дѣла зла» [1]. Не устроилось также перемѣщеніе Поспѣлова, который между тѣмъ получалъ и другія предложенія, и наконецъ, какъ кажется, остался въ Петербургѣ совѣтникомъ губернскаго правленія.

Мы уже видѣли, что директоромъ тамбовскихъ училищъ, послѣ кратковременнаго исправленія этой должности Карамышевымъ, сдѣлался Жоховъ. Онъ занималъ ее около десяти лѣтъ (до 29-го октября 1797 г.) и исполнялъ свое дѣло весьма усердно: часто объѣзжалъ училища, по мѣрѣ возможности снабжалъ ихъ всѣмъ нужнымъ и съ участіемъ входилъ въ тягостное положеніе учителей. Судя по архивнымъ источникамъ, это была личность чрезвычайно симпатичная. Человѣкъ повидимому довольно образованный, Жоховъ всею душою былъ преданъ дѣлу народнаго образованія. Вотъ, напр., свидѣтельство его заботливости о доставленіи училищамъ пособій: въ мартѣ 1788 г. онъ донесъ приказу общественнаго призрѣнія, что учитель Роминскій, ѣздившій для ревизіи малыхъ училищъ, а также и смотрители ихъ жалуются что они терпятъ великій недостатокъ въ книгахъ и, кромѣ присланныхъ при открытіи, больше никогда никакихъ не получали, а потому и просятъ послать въ каждое училище хотя по 20 экземпляровъ «правилъ для учащихся». Въ октябрѣ Жоховъ опять требовалъ разныхъ книгъ для первоначальнаго обученія, чтó и было исполнено отправкою однѣхъ по 25-ти экземпляровъ, другихъ по 10-ти и 15-ти. «Между-прочимъ Жоховъ велъ отлично и канцелярскія дѣла. Всѣ его предложенія и рапорты, адресованные въ приказъ общественнаго призрѣнія или къ намѣстникамъ, написаны очень складно, съ достоинствомъ и испещрены искусно подобранными указаніями на статьи закона» [2].

[1] V, 640.
[2] П. Дубасовъ. *Древ. и Нов. Россія* 1878, XII, с. 334.

24. Учрежденіе типографіи.

При открытіи училищъ Державинъ дѣйствовалъ только какъ просвѣщенный и усердный исполнитель правительственнаго распоряженія; учрежденіе же типографіи было въ полномъ смыслѣ собственнымъ его дѣломъ. Первоначально онъ при этомъ имѣлъ въ виду только устраненіе лишней переписки,—цѣль, для которой онъ и впослѣдствіи, будучи министромъ, завелъ при сенатѣ печатныя записки. Для сокращенія дѣлопроизводства по управленію Тамбовской губерніи онъ придумалъ разныя мѣры, подробно имъ самимъ изложенныя (VI, 598). Одною изъ нихъ было и учрежденіе типографіи.

Для осуществленія этой мысли онъ вступилъ въ переписку съ Москвою. Сперва онъ хотѣлъ было прибѣгнуть къ посредничеству Хераскова, но потомъ рѣшился прямо просить помощи людей, стоявшихъ у самаго дѣла, и обратился съ письмомъ къ князю Николаю Никитичу Трубецкому, главному сотруднику Новикова и одному изъ дѣятельнѣйшихъ членовъ типографской компаніи. «По обширности здѣшней губерніи и по множеству текущихъ дѣлъ», писалъ губернаторъ между-прочимъ, «весьма много такихъ бумагъ, которыя бы чрезъ типографію скорѣе теченіе свое имѣли: то ежели усмотрю я выгоду, что дешевле одинъ станъ, нежели множество пустокормовъ подьячихъ содержать, я бы рѣшился, единственно для канцелярскаго производства, завесть здѣсь типографію» [1].

Поэтому Державинъ просилъ кн. Трубецкаго переговорить съ Новиковымъ, нѣтъ ли у него въ типографіи продажнаго станка со всѣми принадлежностями, а также лишнихъ людей, которые согласились бы ѣхать въ Тамбовъ. На это письмо отвѣчалъ самъ Новиковъ [2] и сообщилъ смѣту расходовъ на заведеніе провинціальной типографіи. Онъ полагалъ, что для нея достаточно будетъ одного наборщика и одного тередорщика (печатника), которыхъ можно найти изъ Русскихъ, съ жалованьемъ, первому

[1] V, 548.
[2] V, 653.

по 100, а второму по 80 руб. въ годъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ онъ совѣтовалъ взять въ ученики солдатскихъ дѣтей, которыя въ годъ могутъ обучиться, такъ что впослѣдствіи содержаніе типографіи можетъ стоить еще дешевле. Что касается литеръ, то Новиковъ предлагалъ завестись подержанными, которыхъ могло стать лѣтъ на десять. По этой смѣтѣ всѣ издержки на первоначальное устройство и на жалованье двумъ мастерамъ исчислены были въ 1730 руб., а на содержаніе типографіи, не считая учениковъ, требовалось 280 руб. въ годъ. Переписка эта привела къ скорому соглашенію. Всѣ нужные предметы были присланы въ Тамбовъ зимнимъ путемъ, и въ началѣ 1788 года типографія открыла свою дѣятельность.

Письмо Новикова, показывающее, что онъ считалъ Державина однимъ изъ старыхъ пріятелей своихъ, любопытно еще и въ другомъ отношеніи: «именемъ всѣхъ членовъ типографской компаніи» онъ просилъ тамбовскаго губернатора содѣйствовать къ подпискѣ на газеты и книги, означенныя въ приложенныхъ къ письму объявленіяхъ. Тогда уже производилось дѣло о печатаніи Новиковымъ книгъ вреднаго содержанія, начавшееся еще въ концѣ 1785 года. Изъ письма его къ Державину видно, что несмотря на то, онъ продолжалъ свою торговлю, и догадка его біографа, что книжная лавка его въ Москвѣ тогда еще не была запечатана, оправдывается [1]. Въ ту пору Новиковъ обвинялся еще только въ качествѣ типографщика; преслѣдованіе его и близкихъ къ нему лицъ, какъ масоновъ и мартинистовъ, началось не прежде 1792 года.

Къ письму Новикова былъ также приложенъ счетъ книгамъ, высланнымъ Державину передъ отъѣздомъ его въ Петрозаводскъ и въ первое время пребыванія его въ этомъ городѣ. Въ счетѣ значится около 300 заглавій, и итогъ его — 555 рублей, а за вычетомъ 20%—444 р. Книги, отправленныя въ Петрозаводскъ, составляютъ цѣлую библіотеку самаго разнороднаго содержанія: тутъ есть и духовныя сочиненія, и историческія, и путешествія, и сказки, и поэзія. Очевидно, что губернаторъ, отпра-

[1] См. Лонгинова *Новиковъ*, стр. 253.

вляясь представителемъ власти въ провинцію и притомъ въ край, довольно еще мало развитый въ отношеніи къ гражданственности, хотѣлъ быть тамъ и представителемъ просвѣщенія, хотѣлъ имѣть въ рукахъ своихъ средства для распространенія образованности въ мѣстномъ обществѣ.

Въ новозаведенной тамбовской типографіи стали печататься сенатскіе указы, предписанія намѣстническаго правленія, требовавшія скораго исполненія, также разныя публикаціи, между прочимъ свѣдѣнія о цѣнахъ хлѣба (чѣмъ обуздывалась алчность провіантскихъ коммиссіонеровъ) и т. п. Для собиранія матеріаловъ къ этимъ публикаціямъ и для самаго составленія послѣднихъ учрежденъ былъ особый столъ. При соблюденіи извѣстнаго, придуманнаго Державинымъ порядка въ сдачѣ дѣлъ, статьи, предназначенныя для гласности, могли печататься каждую недѣлю по суботамъ и воскресеньямъ; потомъ онѣ разсылались къ городничимъ, а по оглашеніи ихъ во всемъ уѣздѣ черезъ нижній земскій судъ прибивались къ стѣнамъ въ церквахъ, на базарахъ и ярмаркахъ для всеобщаго свѣдѣнія. Этимъ способомъ вся губернія въ короткое время узнавала о всякихъ правительственныхъ распоряженіяхъ, о наложенныхъ на имѣнія запрещеніяхъ или снятіи ихъ, о подрядахъ и откупахъ, о бѣглыхъ рекрутахъ и проч., «о чемъ», замѣчаетъ Державинъ, «неточныя публикаціи производятъ въ дѣлахъ не токмо замѣшательство и затрудненіе, но и самыя злоупотребленія». Такимъ образомъ, Державину должно быть приписано первое начало изданія губернскихъ вѣдомостей, окончательно установленнаго въ царствованіе императора Николая. Впрочемъ, Державину не удалось дать своимъ публикаціямъ ту степень развитія, о которой онъ помышлялъ; препятствіе къ тому встрѣтилъ онъ со стороны боязливаго намѣстника. Получивъ отъ губернатора, въ началѣ 1788 года, офиціальное свѣдѣніе «о заведеніи въ Тамбовѣ вольной типографіи» и первыя напечатанныя въ ней извѣстія, Гудовичъ отвѣчалъ, правда, «что не нашелъ въ таковомъ заведеніи ничего съ законами несогласнаго, что извѣстія касательно подрядовъ, продажъ и прочія подобныя

[1] V, 717.

объявленія также ничего законопротивнаго въ себѣ не заключаютъ»; но за этимъ слѣдовала знаменательная оговорка: «Одну токмо статью сихъ извѣстій, сказывающую, что въ Шацкомъ и Елатомскомъ уѣздахъ разбойническая партія дѣлала многіе грабежи и что часть оной 24-го ч. декабря переловлена и главный атаманъ по поимкѣ, когда чинилъ супротивленіе, застрѣленъ изъ ружья, я считаю излишнею и ненужною, потому что заключающееся въ ней первое объявленіе о бывшихъ грабежахъ ничего пріятнаго публикѣ не приноситъ, а второе о поимкѣ ихъ еще не совсѣмъ достовѣрно, поколику и я по долгу званія моего ни откуда о томъ надлежащаго и порядочнаго свѣдѣнія еще не имѣю; а потому и желалъ бы я, чтобъ впредь таковыя статьи вносимы въ печать не были; а затѣмъ всѣ извѣстія, какія печататься будутъ, доставлялись бы впредь ко мнѣ въ копіяхъ для свѣдѣнія» [1]; т. е., другими словами, Гудовичъ желалъ видѣть въ печати только извѣстія о томъ, что все по губерніи обстоитъ благополучно, и присвоивалъ себѣ право цензуры надъ публикаціями губернатора.

Кромѣ офиціальныхъ бумагъ, въ тамбовской типографіи вскорѣ начали печататься и литературные труды; напримѣръ, изъ сочиненій самого Державина она напечатала: *Рѣчь, говоренную Захарьинымъ, Торжество восшествія на престолъ Екатерины II* (представленіе, данное въ честь Гудовича) [2], *Прологъ на открытіе въ Тамбовѣ народнаго училища* [3], а впослѣдствіи (въ 1792 году) и оду *на взятіе Измаила.* «Наша типографія», писалъ впослѣдствіи Ниловъ Державину въ Петербургъ, «снабдясь теперь щегольскими литерами, ожидаетъ съ нетерпѣливостію вашихъ сочиненій, дабы прославить себя ими» [4]. Сколько извѣстно, однакожъ, поэтъ не воспользовался этимъ предложе-

[1] V, 864.

[2] Оно напечатано въ 1788 году; подъ заглавіемъ означено: «съ указнаго дозволенія. Въ Тамбовѣ, въ вольной типографіи». Текстъ представляетъ разныя отличія отъ позднѣйшей редакціи.

[3] Съ прибавленіемъ въ заглавіи слова: «представленъ въ день тезоименитства Ея И. В. благороднымъ обществомъ», но безъ означенія времени и мѣста печатанія.

[4] V, 796.

ніемъ. Но въ этой типографіи были отпечатаны нѣкоторые переводы двухъ тамбовскихъ дамъ, Елис. Корн. Ниловой и зубриловской помѣщицы, княгини Варвары Васильевны Голицыной. Въ 1790 году Нилова издала въ Тамбовѣ *Приключенія англичанина Эдуарда Вальсона* (съ нѣмецкаго, 2 части), а Голицына напечатала въ тамбовской типографіи, также въ 1790 году, переводъ съ французскаго, *Заблужденія отъ любви*. Въ концѣ 1793 года она увѣдомляла изъ Тамбова Екатерину Яковлевну о своемъ переводѣ: *Графъ Вальмонтъ или заблужденіе разсудка*, и обѣщала прислать первую часть его, какъ скоро она будетъ напечатана [1].

Послѣ смерти преосвященнаго Феодосія (24-го декабря 1786 г.) тамбовская епископская каѳедра оставалась почти полтора года не замѣщенною. Наконецъ, 6-го мая 1788 года, назначенъ былъ на нее бывшій старорусскій епископъ *Феофилъ*, святитель совсѣмъ другого закала, чѣмъ предшественникъ его. Вскорѣ онъ явилъ себя достойнымъ ученикомъ своего бывшаго начальника, митрополита Гавріила, энергически принялся за улучшеніе всѣхъ отраслей запущеннаго управленія своей новой паствы и повсюду ввелъ строгій порядокъ: все подъ вліяніемъ его благотворной власти приняло новый видъ [2]. Къ счастію ввѣренной ему епархіи, онъ оставался въ главѣ ея 22 года. Недолго довелось Державину продолжать рядомъ съ нимъ свою дѣятельность, но губернаторъ на первыхъ же порахъ оцѣнилъ просвѣщеннаго архипастыря, и когда послѣдній, по его приглашенію, посѣтилъ недавно-основанную типографію, Державинъ привѣтствовалъ его прекраснымъ четырестишіемъ:

«На память твоего, Феофилъ, къ намъ прихода,
Безсмертью здѣсь твое мы имя предадимъ.
И должно ли молчать учителю народа?
Разсыпь твой бисеръ намъ: мы свѣтъ обогатимъ» [3].

[1] V, 831. Эта книга составила 7 частей, печатавшихся отъ 1794-го до 1796 года.

[2] Г. Хитрово. *Историко-статистическое описаніе тамбовской епархіи*. Тамбовъ, 1867 г. Стр. 110.

[3] I, 213.

25. РЕВИЗІЯ ГУБЕРНІИ. НАЧАЛО НЕУДОВОЛЬСТВІЙ.

Упомянувъ, по связи съ предыдущими обстоятельствами, объ учрежденіи въ Тамбовѣ типографіи и сближеніи Державина съ преосвященнымъ Феофиломъ, мы опередили ходъ событій и должны возвратиться къ прерванной нити разсказа.

Первый годъ своего управленія Тамбовскою губерніей Державинъ ознаменовалъ многими полезными дѣлами; другія онъ предполагалъ совершить въ будущемъ, и, не испытавъ по службѣ (если исключить дѣло Сатиныхъ) никакихъ особенныхъ непріятностей, могъ спокойно итти впередъ. Послѣдовавшая вскорѣ ревизія губерніи должна была еще болѣе ободрить его. Въ первыхъ числахъ 1787 года пришло отъ графа А. Р. Воронцова письмо съ любезнымъ извѣщеніемъ, что ему и сенатору А. В. Нарышкину поручено ревизовать нѣкоторыя губерніи, въ томъ числѣ и Тамбовскую. «Но какъ», писалъ графъ, «сей осмотръ намѣрены мы начать съ Рязанской губерніи, въ вашу жъ вступить полагаемъ около 20-го или 25-го числа будущаго января, то однакожъ я прошу васъ не дѣлать никакихъ пріуготовленій въ разсужденіи проѣзда нашего чрезъ губернію вашу, ибо изъ Рязани не оставлю васъ обо всемъ нужномъ для насъ увѣдомить, а извольте только приказать, чтобъ въ присутственныхъ мѣстахъ было все готово къ нашему освидѣтельствованію; сверхъ же того прикажите изготовить для меня и Алексѣя Васильевича по особливому дому и также квартеры для канцеляріи, которая при насъ находиться будетъ» [1].

Въ 20-хъ числахъ января оба сенатора дѣйствительно прибыли въ Тамбовъ и остались вполнѣ довольны всѣмъ, что видѣли. «Живо и сердечно порадовался я», писалъ Державину петербургскій пріятель Васильевъ, «что такъ удачно вы сенаторовъ спустили». Ревизоры представили императрицѣ рапортъ, въ которомъ между прочимъ говорили: «По окончаніи осмотра въ Рязанской губерніи, слѣдовали мы въ Тамбовскую, въ которой какъ въ губернскомъ, такъ и въ уѣздныхъ трехъ городахъ,

[1] V, 656.

Козловѣ, Усмани и Борисоглѣбскѣ, учиня всѣмъ учрежденнымъ въ оныхъ присутственнымъ мѣстамъ и заведеніямъ надлежащій осмотръ, нашли мы вообще во всѣхъ оныхъ также желаемый порядокъ и поспѣшное дѣлъ отправленіе; хотя жъ въ нѣкоторыхъ судахъ и есть неоконченныя дѣла, а особливо по тамбовскимъ уѣздному суду и городовому магистрату, но и тѣ остались или за недавнимъ вступленіемъ, или же за неполученіемъ изъ разныхъ мѣстъ требуемыхъ къ объясненію дѣлъ нужныхъ свѣдѣній. Въ намѣстническомъ правленіи нашли мы теченіе дѣлъ весьма порядочное и желаемую во всемъ исправность; попеченіе жъ и прилежаніе правителя губерніи, дѣйствительнаго статскаго совѣтника Державина, въ отправленіи его должности приноситъ ему истинную честь». [1]

Въ слѣдствіе такого отзыва императрица, въ рескриптѣ на имя Гудовича, изъявила ему удовольствіе за порядокъ и успѣшное производство дѣлъ въ Тамбовской губерніи. Выражая Воронцову свою благодарность, искательный губернаторъ просилъ исходатайствовать ему орденъ, ссылаясь на то, что всѣ его сослуживцы по экспедиціи государственныхъ доходовъ уже награждены, при чемъ нужнымъ счелъ исчислить свои труды и заслуги. Воронцовъ написалъ о томъ Безбородкѣ, но предупредилъ Державина, что безъ согласія Вяземскаго ничего нельзя сдѣлать, «а онъ, даромъ что въ деревнѣ сидитъ, вѣрьте, что съ нимъ бороться трудно, ибо онъ и изъ деревни сенатской канцеляріей распоряжаетъ, какъ бы былъ въ Петербургѣ» [2].

Гудовичъ, съ своей стороны, представляя Державина къ ордену, отозвался, что онъ, заставъ губернію разстроенною по болѣзни своего предшественника (Макарова), «всю ее привелъ въ порядокъ». Державинъ ожидалъ владимірской звѣзды 2-й степ., но получилъ только крестъ на шею. Воронцовъ такъ утѣшалъ его: «Не будьте въ претензіи противъ прочихъ товарищей своихъ, коимъ былъ данъ 2-й классъ; нынѣ другія правила: орденъ хотятъ поднять; я Николаю Александровичу поручилъ,

[1] V, 650.
[2] V, 677.

чтобъ онъ, для успокоенія вашего и что тутъ нѣтъ ничего личнаго, вамъ бы подробно объяснилъ»[1]. Державинъ отвѣчалъ: «Признаюсь откровенно вашему сіятельству: я было ласкался,— при ходатайствѣ знаменитыхъ и сильныхъ моихъ благодѣтелей и при справедливой рекомендаціи моего начальника, что я привелъ запущенную часть въ надлежащее дѣйствіе, а не содержалъ токмо въ порядкѣ, какъ въ высочайшемъ рескриптѣ написано, — имѣть благосклоннѣйшій жребій счастія; но что дѣлать, когда противное случилось? Богу такъ угодно; сердца́ царскія въ рукѣ его. А для того все принимаю съ терпѣніемъ и благодареніемъ»[2].

Между тѣмъ Державинъ испытывалъ уже и другія разочарованія: «знать, не мнѣ суждено совершеннымъ спокойствіемъ наслаждаться», писалъ онъ Васильеву еще осенью 1786 года. Одно дѣло Сатина уже доставило ему много огорченій. Оно же дало пищу злымъ языкамъ въ Петербургѣ. Противники распространяли о Державиныхъ разные неблагопріятные слухи. Вотъ напримѣръ, что сообщилъ ему Васильевъ около того же времени: «Поговариваютъ здѣсь про тебя, будто бы ты весьма строгенько на губернаторствѣ поступаешь, и досаждаешь тѣмъ многимъ, особливо недовольны будто поступкомъ Катерины Яковлевны; коротко сказать, будто вы оба очень даете чувствовать ваше губернаторство; я хотя не очень этому вѣрю, однакожъ въ предосторожность вашу не хотѣлъ промолчать»[3].

Это извѣстіе сильно встревожило Державина. Отвѣтъ его бросаетъ неожиданный свѣтъ на его служебныя отношенія, на начинавшійся у него раздоръ съ вице-губернаторомъ, раздоръ, который позднѣе совершенно отравилъ его жизнь въ Тамбовѣ. «Поелику»[4], говорилъ онъ между-прочимъ, «вы пишете глухо, что мы даемъ очень чувствовать наше губернаторство, то я сего, будучи въ совѣсти моей правымъ, не разумѣю; а потому и думаю, не разсѣяна ли сія молва отъ какого клеветника изъ за-

[1] V, 685.
[2] VII, 713.
[3] V, 581.
[4] V, 606.

висти, что онъ самъ не губернаторомъ; ибо мнѣ сіе потому паче думать можно, что здѣшнее общество, кажется, довольно къ намъ ласково и отзывается благодарнымъ. Итакъ, ежели въ Петербургѣ другія вѣсти, то стало, что спереди лижутъ, а сзади царапаютъ. Въ семъ же случаѣ нечего дѣлать какъ надобно терпѣть. Здѣсь подозрѣваютъ, будто такую молву некому другому въ Петербургѣ распустить, какъ Михаилу Ивановичу (Ушакову); я этому не вѣрю, но ежели онъ, то весьма удивительный человѣкъ» [1].

Въ это время вице-губернаторъ былъ въ Петербургѣ, и на него естественно падало подозрѣніе. Вся эта поѣздка очень не нравилась Державину. Непріятно было ему и то, что Ушаковъ принималъ тамъ отъ друзей губернатора порученія, исполнять которыя онъ считалъ своимъ исключительнымъ правомъ, напримѣръ закупку хлѣба для Васильева.

Въ то же время, однакожъ, Державинъ получилъ и радостную вѣсть о милостивомъ вниманіи къ нему императрицы. Свистуновъ писалъ ему: «Княгиня на ваше письмо теперь не отвѣчаетъ, потому что она не очень здорова, а просила меня приватно васъ увѣдомить, дабы никто, окромѣ васъ, о семъ не зналъ, что такъ какъ она нынче часто бываетъ у государыни наединѣ, то въ одинъ день зашелъ разговоръ объ васъ и вашихъ стихахъ, и она съ своей стороны сказала, что ежелибы вы продолжали упражняться въ нихъ, то бы со временемъ превзошли Михайлу Васильевича Ломоносова, на что государыня изволила спросить, *для чего жъ вы не упражняетесь въ нихъ;* княгиня отвѣчала, что вы теперь заняты должностію; то государыня спросила: *Каково ему въ этой губерніи?* на что княгиня сказала ей, что вы теперь какъ новымъ вашимъ намѣстникомъ, такъ и обществомъ отзываетесь очень довольными, почему она заключаетъ, что и вами тамъ всѣ довольны, а иначе бъ и вы довольны быть не могли, еслибы противу васъ что-либо дурно было. На сіе государыня изволила сказать: *Я этому рада»* [2].

[1] V, 599.

[2] 598.

Вѣроятно, этотъ отзывъ императрицы о знаменитомъ поэтѣ не остался тайной, по крайней мѣрѣ для высшаго столичнаго общества и, можетъ-быть, въ связи съ разнообразными толками о Державинѣ распространился въ Петербургѣ слухъ о его переводѣ туда губернаторомъ на мѣсто Коповницына. Слухъ этотъ однакожъ не имѣлъ никакого основанія.

26. Путешествіе императрицы и проѣздъ князя Вяземскаго.

Съ наступленіемъ 1787 года должно было наконецъ начаться давно задуманное путешествіе императрицы въ Крымъ. Въ мѣстахъ, близкихъ къ пути ея слѣдованія, еще съ предшествовавшей осени дѣлались распоряженія о поставкѣ лошадей. Они распространялись и на Тамбовскую губернію. Одинъ изъ тамошнихъ помѣщиковъ, Іоасафъ Іевлевичъ Арбеневъ (впослѣдствіи командиръ Измайловскаго полка) просилъ губернатора о какой-то льготѣ по означенной, общей для всѣхъ землевладѣльцевъ повинности. Державинъ отвѣчалъ ему, что намѣстническое правленіе въ распредѣленіе ея вовсе не вмѣшивается, а предоставляетъ эту заботу предводителямъ дворянства, которые опредѣлили не требовать поставки лошадей и при нихъ людей натурою, а для покупки лошадей и упряжки положили собирать отъ 19-ти до 24-хъ копеекъ съ души. Впрочемъ, людямъ всякаго состоянія дозволялось отбывать эту повинность какъ кто найдетъ для себя удобнымъ, либо натурою, либо по подряду, лишь бы при этомъ не переступали размѣровъ назначеннаго сбора. «Съ моей стороны», писалъ Державинъ Арбеневу, «сдѣлано было все, что возможно, къ выгодамъ общимъ и частнымъ, а ежелибы, паче чаянія, вышло что тому несоотвѣтственное, то должно отнести сіе на гг. предводителей дворянства» [1].

Любопытна бывшая по поводу предстоявшаго проѣзда государыни переписка губернатора съ засѣдателемъ верхняго земскаго суда Мордвиновымъ. Этотъ послѣдній, осенью 1786 г., подалъ въ названный судъ просьбу объ отставкѣ по болѣзни. Прось-

[1] V, 556.

ба передана была въ намѣстническое правленье, которое сдѣлало распоряженіе о медицинскомъ освидѣтельствованіи Мордвинова. Но прежде исполненія указа о томъ, судъ нарядилъ его къ проѣзду императрицы на подставу съ лошадьми. Мордвиновъ нашелъ это крайне несправедливымъ и обратился къ Державину съ жалобой, что «онъ командированъ безъ всякой очереди» и что председатель суда Ахлебининъ «дѣлаетъ ему тѣмъ крайнюю обиду и притѣсненіе». Весьма характеристическій отвѣтъ Державина, до сихъ поръ не напечатанный въ нашемъ изданіи, помѣщается здѣсь цѣликомъ [1]:

«Милостивый государь мой, Семенъ Михайловичъ! На вчерашнее письмо ваше имѣю честь служить вамъ моимъ отвѣтомъ. Хотя 1-й департаментъ верхняго земскаго суда и представилъ объ отставкѣ вашей въ намѣстническое правленіе; но какъ онъ же самый командировалъ теперь васъ и въ посылку ѣхать, для провожденія лошадей, подъ высочайшее шествіе наряженныхъ, слѣдовательно и подвергъ болѣзнь вашу сумнѣнію, которую однако и безъ сего намѣстническое правленіе долгъ имѣло приказать освидѣтельствовать, и по свидѣтельствѣ уже, а не прежде, отпустить васъ отъ должности вашей. А потому ничто другое какъ новое свидѣтельство и разрѣшитъ, дѣйствительно ли вы больны и посылать ли васъ въ командировку? Впрочемъ мнѣ весьма удивительно, что благородный человѣкъ, какъ вы въ письмѣ вашемъ изъясняетеся, ставитъ себѣ за обиду, что наряжаютъ его, якобы безъ очереди, къ такой должности, гдѣ онъ удостоится увидѣть лицо своей всемилостивѣйшей монархини! Позвольте, милостивый государь мой, мнѣ откровенно изъяснить вамъ образъ мыслей моихъ при семъ случаѣ. Предки ваши, то есть предки россійскаго дворянства, никогда не были таковы, каковыми вы себя рекомендовать хотите. Каждой бы изъ нихъ, лежа на смертной постелѣ, услыша себя выбраннымъ видѣть своего государя, столько обрадовался бы, чтобъ въ безпамят-

[1] Черновой отпускъ его, писанный рукою Державина, сохранился въ архивѣ губернскаго правленія, какъ и письмо Мордвинова, которое помѣщается нами въ приложеніяхъ.

ствѣ велѣлъ своему стремянному тотчасъ сѣдлать себѣ коня своего. Много бы должно было употребить усилія, чтобъ удержать его отъ неограниченной его ревности. Но никто не требуетъ отъ васъ службы сверхъ силъ вашихъ. Буде здоровье ваше позволитъ вамъ, вы конечно поѣдете въ путь, вамъ предлежащій. А когда вы больны, то останетеся покоиться въ домѣ вашемъ. Сожалѣнія только то достойно, что должно нынѣ и дворянъ въ болѣзняхъ ихъ свидѣтельствовать. Это истинно обидно. Но извините меня въ томъ, когда я исполняю законами повелѣнное. А для того и желаю строго отъ лѣкарей, что когда они свидѣтельствуютъ больного дворянина, наряженнаго на высочайшую службу, то, не взирая на сильную свою привычку многія и частыя дѣлать немощнымъ попущенія, приносили бы мнѣ рѣшительные рапорты: или умеръ, или здоровъ, чего вамъ отъ искренняго сердца желая, пребываю съ почтеніемъ».

«№ 1376.
Октября 25-го дня
1786 года».

При возвращеніи императрицы изъ Крыма Державинъ желалъ ей представиться и въ концѣ марта просилъ у Гудовича совѣта, гдѣ бы лучше ее встрѣтить. Намѣстникъ отвѣчалъ, что самъ сбирается въ Москву и что, по его мнѣнію, туда же всего удобнѣе ѣхать и Державину: «вашему намѣренію», писалъ онъ, «не могутъ помѣшать ни проѣздъ сенаторовъ, которые проѣдутъ только какъ гости (на обратномъ пути въ Петербургъ), ни проѣздъ князя Александра Алексѣевича, который, я думаю, не прежде Петрова дня возвратится» [1]. Въ Москвѣ Екатерина II на этотъ разъ останавливалась отъ 27-го іюня по 4-е іюля; слѣдовательно къ этому времени относится и пребываніе тамъ губернатора, получившаго отпускъ на 29 дней. О самомъ представленіи его до насъ не дошло никакихъ свѣдѣній.

По случаю путешествія императрицы и князь Вяземскій испросилъ себѣ на время ея отсутствія отпускъ, и вскорѣ послѣ ея отъѣзда отправился въ свою саратовскую деревню, съ тѣмъ чтобы на обратномъ пути побывать въ Сарептѣ, которая слави-

[1] V, 863.

лась открытыми тамъ въ 1773 году минеральными водами, похожими на пирмонтскія [1]. Узнавъ о предстоявшемъ путешествіи своего бывшаго начальника, Державинъ выразилъ Васильеву желаніе встрѣтить генералъ-прокурора въ Тамбовѣ, но тотъ отвѣчалъ, что Вяземскій теперь ѣдетъ черезъ Пензу, обратный же путь можетъ-быть возьметъ черезъ Тамбовъ. «Усердіе ваше и другихъ видѣть его въ Тамбовѣ», писалъ Васильевъ, «ему не непріятно было» [2].

Пребываніе генералъ-прокурора на югѣ Россіи продлилось долѣе чѣмъ думалъ Гудовичъ, ожидавшій его возвращенія уже къ Петрову дню. 5-го сентября (1787) Державинъ писалъ Вяземскому [3]: «Сіятельнѣйшій князь, м. г. Согласно соизволенію вашего сіятельства, дошедшему до меня чрезъ г. совѣтника Аничкова [4], чтобъ приготовить, для проѣзда вашего сіятельства въ Москву по Кирсановской округѣ къ 20-му числу сего мѣсяца сто лошадей, я приказалъ тотчасъ исполнить, и всемѣрно какъ лошади, такъ и дороги исправны будутъ. Но я осмѣлюсь представить, что не благоугодно ли будетъ принять лучшій и способнѣйшій путь изъ Моршанска до Тамбова и оттуда на Козловъ. Сверхъ сего присутствіемъ вашего сіятельства осчастливите вы такой городъ, въ которомъ есть преданные и сохраняющіе къ вамъ нелицемѣрное почтеніе, въ томъ числѣ и меня, съ чувствительнымъ огорченіемъ извѣстившагося, что вы намѣрены проѣхать Тамбовъ. Впрочемъ съ глубочайшимъ высокопочитаніемъ и таковою же всегдашнею преданностью пребываю Державинъ».

Дней черезъ десять послѣ отправленія этихъ строкъ нашъ губернаторъ получилъ отъ самого князя слѣдующее письмо, помѣченное: 10-го сентября, *Сарепта*: «Государь мой, Гаврило Романовичъ! Получа сейчасъ высочайшее ея императорскаго величества повелѣніе возвратиться наискорѣе въ С.-Петербургъ,

[1] Географ. и Статист. Словарь Щекатова.

[2] V, 662.

[3] Это и слѣдующее за симъ письмо помѣщаю здѣсь цѣликомъ, какъ ненапечатанныя до сихъ поръ въ нашемъ изданіи.

[4] Аничкову же писалъ о томъ совѣтникъ саратовскаго намѣстнич. правленія Цеттелеръ.

поспѣшаю выѣхать изъ Сарепты 12-го числа сего мѣсяца и намѣренъ ѣхать сколько возможно скорѣе, дабы тѣмъ поспѣшнѣе выполнить волю всемилостивѣйшей государыни, а потому и прошу покорно вашего превосходительства приказать заготовить для меня на каждой станціи чрезъ губернію вашу по 80-ти лошадей; трактъ же мой будетъ, не захватывая Тамбова, чрезъ Тамбовскую губернію на Моршу, Рязань, Коломну и Москву. Съ половины дороги думаю, оставя жену и всю свиту, ѣхать одному для скорѣйшаго въ ѣздѣ успѣху; однакожъ прошу покорно васъ, государя моего, дабы лошади, хотя и проѣду, не были распускаемы доколѣ жена моя не проѣдетъ. Я надѣюсь, что по одолженію ко мнѣ вашему не будетъ имѣть въ пути остановки пребывающій впрочемъ съ истиннымъ почтеніемъ всегда вашего превосходительства, государя моего, покорный слуга

князь А. Вяземскій».

Это письмо уже не могло застать Державина въ Тамбовѣ, такъ какъ онъ выѣхалъ оттуда 14-го числа для встрѣчи князя и распоряженій къ облегченію ему проѣзда. То же случилось и съ письмомъ Гудовича изъ Рязани, отъ 13-го сентября, которое, въ слѣдствіе того, было отвезено въ Козловъ. Интересно видѣть переполохъ, который произвело между начальствующими извѣстіе о скоромъ проѣздѣ генералъ-прокурора. Гудовичъ извѣщалъ Державина о приказаніяхъ, посланныхъ имъ чрезъ особаго курьера къ городничимъ и земскимъ исправникамъ, которымъ, писалъ онъ: «прошу подтвердить и съ вашей стороны, чтобъ сколько можно всѣ выгоды его сіятельству, при случаѣ его проѣзда, доставить постарались» [1]. Но Державинъ и безъ приказанія поспѣшилъ еще прежде (какъ видно изъ приведеннаго выше письма его къ Вяземскому) сдѣлать отъ себя всѣ нужныя распоряженія, именно: велѣлъ устроить станціи, поставить на каждой по 100 лошадей въ хомутахъ, исправить мосты и перевозы, изготовить лучшія квартиры; городничимъ приказано было дѣлать князю такую же точно встрѣчу, какую дѣлали сенаторамъ. Получивъ два разнорѣчивыя свѣдѣнія о маршрутѣ знатнаго пу-

[1] V, 680 и 681.

тешественника, который, по извѣщенію саратовскаго чиновника Цеттелера, сперва хотѣлъ ѣхать черезъ Моршанскъ прямо на Рязань, а потомъ соглашался своротить на Козловъ, городъ, котораго онъ почему-то тщательно избѣгалъ, — Державинъ вынужденъ былъ заготовить лошадей и все нужное по обоимъ трактамъ. По той же причинѣ онъ долженъ былъ принять мѣры для встрѣчи и угощенія князя въ двухъ разныхъ пунктахъ, именно въ Моршанскѣ и въ селѣ Гагаринѣ, имѣніи пріятеля своего П. Е. Пашкова съ просторнымъ господскимъ домомъ. На самомъ дѣлѣ встрѣча произошла въ Гагаринѣ (Моршанскаго уѣзда) и, къ удовольствію обѣихъ сторонъ, она вполнѣ удалась. Объ этомъ Державинъ подробно разсказывалъ Гудовичу въ письмѣ отъ 23-го сентября. Онъ не могъ нахвалиться расторопностью исправниковъ: нигдѣ не было никакихъ задержекъ; князь и княгиня нѣсколько разъ благодарили его и были тѣмъ болѣе довольны, что въ Саратовской губерніи они терпѣли недостатокъ въ лошадяхъ и князь, по необходимости, самъ приказывалъ собирать ихъ, такъ какъ нигдѣ ни исправники, ни засѣдатели его не провожали. Въ Тамбовской губерніи, напротивъ, онъ вездѣ былъ встрѣчаемъ и провожаемъ съ приличными конвоями и вообще съ тѣми же почестями, какъ сенаторы. Въ города губернаторъ заблаговременно разослалъ военнослужителей для содержанія карауловъ при квартирахъ, занимаемыхъ генералъ-прокуроромъ. «Я же самъ», доносилъ Державинъ намѣстнику, «не по долгу, но по особливому къ его сіятельству моему уваженію и знакомству, принялъ и угостилъ его и княгиню, сколько возможно, на дорогѣ въ селѣ Гагаринѣ» [1]. Въ Моршанскѣ чествовалъ знатную чету городничій съ тамошнимъ городскимъ обществомъ, а въ Козловѣ г. Дельвигъ далъ ужинъ княгинѣ, потому что князь тамъ ни на минуту не останавливался, да и проѣхать черезъ городъ согласился только по завѣренію Державина, что по другой (сапожковской) дорогѣ ему не избѣжать остановокъ у мостовъ и перевозовъ. «Словомъ»—такъ кончалъ Державинъ письмо: «кажется, доставлены были его сія-

[1] V, 684.

тельству и супругѣ его по Тамбовской губерніи всевозможныя выгоды. Впрочемъ, не могу я пропустить и не донесть вамъ достойнаго замѣчанія разговора его сіятельства, бывшаго въ Гагаринѣ при г. губернскомъ прокурорѣ Хвощинскомъ и двухъ воронежскихъ прокурорахъ, выѣзжавшихъ нарочно для свиданія съ его сіятельствомъ изъ своей губерніи, и при нѣкоторыхъ нашихъ дворянахъ. По поводу хорошо устроеннаго въ томъ селѣ г. Пашкова винокуреннаго завода, князь началъ свою рѣчь такимъ образомъ: «Да, нынѣ хороши вездѣ винные заводы и больше ихъ противъ прежняго; но непонятно, отчего винный доходъ по государству упалъ. Я моей государынѣ, до открытія губерній, оставилъ виннаго доходу десять милліоновъ; тогда было въ имперіи народу ревижскихъ душъ только семь милліоновъ; нынѣ народу прибыло почти вдвое и обращеніе денегъ свободнѣе, но доходу того великая часть упала. Я не знаю, отчего это. Знаютъ про то господа управляющіе. Мое—стороннее дѣло. Но какъ я, присягая государынѣ, ни въ какомъ случаѣ ее не продавалъ и не обманывалъ, то и нынѣ донесу все, что я видѣлъ. Видѣлъ я, проѣзжая многія губерніи, что гдѣ ведерочко, гдѣ метелочка на шестикахъ висятъ. Всѣ знаютъ, что, слава Богу, привилегію имѣютъ. Вотъ отъ того-то и хлѣба мало; гдѣ бы онъ и родился, да пашни не запаханы и не засѣяны. Въ гульбѣ крестьянамъ когда работать? Правда, было время, что стали было словъ слушать; а нынѣ нѣтъ никому нужды: видно, надобенъ опять топоръ, кнутъ и ссылка. Хотя Боже сохрани отъ топора, а кнута и ссылки не миновать.» Съ прискорбіемъ я былъ долженъ слышать такой жестокій разговоръ, хотя ни мало не принялъ и не принимаю на свой счетъ онаго, какъ я и его сіятельству донесъ: что̀ до насъ дойдетъ по бумагамъ, то не упускаемъ взыскивать того по законамъ, а подыскиваться подъ кѣмъ-либо самимъ собою безъ доносовъ и безъ увѣдомленія не почитаемъ за особую и къ намъ принадлежащую обязанность. При нынѣшнемъ положеніи, когда деньги весьма надобны, уповаю я, пріѣхавъ въ Петербургъ, не оставитъ его сіятельство таковыхъ справедливыхъ своихъ замѣчаній къ пользѣ употребить».—Позднѣе Державинъ слышалъ отъ подрядчиковъ, будто

князь Вяземскій, проѣзжая черезъ Тверь, велѣлъ, въ ожиданіи какихъ-то своихъ судовъ, задержать караванъ [1].

27. Купецъ Матвѣй Бородинъ. Откупное дѣло.

Однимъ изъ главныхъ виновниковъ непріятностей, сопровождавшихъ послѣдніе два года службы Державина въ Тамбовѣ, былъ купецъ Матвѣй Петровъ Бородинъ. Имя его уже встрѣтилось намъ, когда шла рѣчь о торжествѣ открытія училища; при этомъ случаѣ онъ, желая угодить губернатору, взялъ на себя угощеніе народа. Можетъ-быть изъ такого же побужденія братъ его, Іона, продалъ свой домъ подъ училище. Матвѣй Бородинъ игралъ въ Тамбовѣ роль перваго капиталиста и принадлежалъ къ тому разряду лицъ, который такъ хорошо охарактеризованъ графомъ Саліасомъ въ статьѣ его: «Поэтъ Державинъ, правитель намѣстничества» [2]. «Это», говоритъ онъ, «мужикъ съ милліономъ, постигшій своимъ неразвитымъ, но отъ природы сильнымъ умомъ, въ чемъ суть дѣла на землѣ. Въ жизни для него одинъ смыслъ, одна цѣль, одно дѣло — нажива.... Эта личность живетъ и теперь на Руси, и можетъ-быть еще долго будетъ жить и процвѣтать.» Въ скоромъ времени Державинъ по разнымъ признакамъ сталъ сомнѣваться въ честности Бородина и наконецъ увидѣлъ съ его стороны явное плутовство. Обстоятельствомъ, окончательно раскрывшимъ губернатору глаза на его счетъ, была поставка кирпича. Было уже замѣчено, что Тамбовъ вообще страдалъ недостаткомъ каменнаго строительнаго матеріала. Незадолго до прибытія Державина тамъ былъ устроенъ, въ вѣдѣніи приказа общественнаго призрѣнія, кирпичный заводъ, на которомъ работы производились колодниками, содержавшимися въ рабочемъ домѣ; но такъ какъ между ними не было опытныхъ въ этомъ дѣлѣ людей, то Державинъ посылалъ въ Кострому своего бывшаго секретаря Савинскаго для пріисканія кирпичныхъ мастеровъ. Эта мѣра однакожъ не привела къ желанному результату. Пробовали также выписывать кирпичъ изъ Москвы, для чего туда ѣздилъ смотритель тамбов-

[1] VII, 722.

[2] *Русск. Вѣстникъ* 1867, октябрь.

скаго кирпичнаго завода Степановъ. Бывшій тамъ въ то время проѣздомъ Гудовичъ вмѣстѣ съ нимъ смотрѣлъ кирпичъ, и велѣлъ закупить ящикъ этого матеріала для Тамбова. Позднѣе Державинъ хотѣлъ запасаться цокольнымъ камнемъ изъ находившихся около города каменоломенъ. Между-прочимъ онъ посылалъ колодниковъ ломать камень въ имѣніи Лунина. Но Лунину не нравилось видѣть у себя такихъ гостей: у него была машина для вырыванія камня и онъ надѣялся, что она и безъ нихъ можетъ оказывать ту же услугу. Державинъ приглашалъ его взять подрядъ на доставку камня въ Тамбовъ, но Лунинъ подъ разными предлогами уклонялся отъ этого. Между тѣмъ явилась надежда получать камень изъ имѣнія оберъ-шталмейстера Л. А. Нарышкина. Одинъ изъ пріѣхавшихъ оттуда земскихъ увѣрилъ Державина, что тамъ есть большая гора, «изъ которой всякаго рода люди пользуются камнемъ безденежно», и это еще служитъ къ выгодѣ владѣльца, такъ какъ земля тѣмъ очищается, камень же никакой прибыли ему не приноситъ, и потому можетъ быть добываемъ безъ всякой предварительной переписки съ Нарышкинымъ. Державинъ положился на эти слова и послалъ дворянскаго засѣдателя проситъ, чтобъ ему отвели мѣсто для ломки камня. Но другой земскій объявилъ, что безъ позволенія хозяина ломать камень нельзя. Самъ Нарышкинъ подтвердилъ это заявленіе; Державинъ объяснилъ, ка́къ было дѣло, и прибавилъ, что постарается обойтись безъ камня; «а ежели онъ непремѣнно нуженъ будетъ», то попроситъ увѣдомить, за какую цѣну съ сажени позволятъ ломать его. Состоялось ли послѣ, по этому предмету, какое-нибудь соглашеніе, неизвѣстно.

На выручку Тамбова изъ подобныхъ затрудненій явился Бородинъ. Онъ взялся ставить кирпичъ по подряду для казеннаго строенія и въ августѣ 1786 года объявилъ въ казенной палатѣ, что у него наготовѣ имѣется 1,145,000 кирпичей. Тогда же его кирпичъ былъ освидѣтельствованъ, относительно количества, асессоромъ строительной комиссіи Смирновымъ, а относительно доброты губернскимъ архитекторомъ Усачевымъ: первый показалъ, что кирпичъ весь на лицо, а второй, что онъ вполнѣ доброкачественъ. Бородинъ особою подпиской обязался хранить кир-

пичъ въ цѣлости и въ слѣдующую зиму перевезти его на мѣсто строенія. По опредѣленію казенной палаты подрядчику выдана была вся слѣдовавшая ему сумма, 3400 руб. Весною 1787 г. надо было, по назначенію намѣстника, изъ заготовленнаго кирпича построить обжигальныя печи. Между тѣмъ до Державина дошелъ слухъ, что купленный кирпичъ не только не привезенъ на мѣсто, «но и въ готовности въ сараяхъ не находится». Поэтому онъ приказалъ коменданту вмѣстѣ съ Смирновымъ и Усачевымъ вторично освидѣтельствовать кирпичъ. При осмотрѣ оказалось съ небольшимъ всего 500,000 кирпичей, отчасти не обожженныхъ, въ томъ числѣ около 137,000 прикупленныхъ у другихъ купцовъ, еще не получившихъ за это количество денегъ. Доставлено къ собору было только 60,000; остальное же количество оставалось на заводахъ частью Бородина, частью продавцовъ, которые до полученія денегъ не хотѣли отпускать своего кирпича; притомъ изъ наличнаго числа обожженнаго кирпича по крайней мѣрѣ четвертая доля оказывалась негодною, а не обожженный и весь никуда не годился. Между тѣмъ другого кирпича во всемъ городѣ ни за какія деньги достать было невозможно, и въ казенныхъ постройкахъ неминуемо должна была произойти остановка. Такимъ образомъ и Бородинъ, и оба лица, въ первый разъ свидѣтельствовавшія кирпичъ, подлежали отвѣтственности. Бородинъ позволилъ себѣ явный обманъ и не исполнилъ своего обязательства, получивъ сполна деньги за такое количество кирпича, котораго не только тогда, но и по прошествіи года поставить не могъ. Поэтому Державинъ предложилъ намѣстническому правленію купить недостающее количество кирпича на счетъ Бородина, а его самого отослать куда слѣдуетъ для отдачи подъ судъ. «И ежели», заканчивалъ губернаторъ свое письмо къ Гудовичу объ этомъ дѣлѣ, «сіе столь безстрашное, явное похищеніе казны въ основателѣ, можно сказать, по здѣшнему мѣсту многихъ плутовствъ, Бородинѣ, по законамъ строго не накажется, то я безнадеженъ произвесть здѣсь что-либо полезное: ибо одинъ худой или добрый корень бываетъ многимъ себѣ подобнымъ отраслямъ причиною» [1].

[1] V, 674.

Однакожъ это строгое отношеніе къ дѣлу не привело ни къ чему: Бородинъ остался на свободѣ и продолжалъ дѣйствовать попрежнему. Раздраженіе, выразившееся въ приведенныхъ строкахъ Державина, писанныхъ въ исходѣ апрѣля 1787 года, было тѣмъ сильнѣе, что въ концѣ предшествовавшаго года открылось еще другое плутовство Бородина. Въ это время въ казенныхъ палатахъ происходили торги на винный откупъ. Тамбовская палата, отдавъ его ненадежнымъ лицамъ, Бородину съ товарищами, допустила при этомъ уменьшеніе сложности количества вина на 20,000 ведеръ, отъ чего казна должна была, въ четырехлѣтіе откупа, понести убытку около полумилліона рублей. По закону, палата была обязана, до заключенія контракта, отправить условія и свѣдѣнія о предложенныхъ залогахъ на обсужденіе какъ генералъ-губернатора, такъ и намѣстническаго правленія. Вмѣсто того они были представлены только Гудовичу. При этомъ случаѣ Державинъ, въ своихъ запискахъ, не безъ основанія бросаетъ подозрѣніе на честность управлявшаго казенной палатой, вице-губернатора Ушакова, который былъ въ дружбѣ съ секретаремъ Гудовича, Лабою, державшимъ въ рукахъ своего начальника. Хотя Державинъ и напоминалъ Ушакову о соблюденіи помянутаго правила, но намѣстническое правленіе получило проектъ контракта только наканунѣ новаго года, когда уже некогда было заняться разсмотрѣніемъ условій и залоговъ. Чтобы отклонить отъ себя всякую отвѣтственность, Державинъ рѣшился не входить уже въ изслѣдованіе благонадежности залоговъ, а просто просить у намѣстника предписанія о введеніи контракта въ дѣйствіе, что̀ и было исполнено. Затѣмъ о ходѣ всего дѣла губернаторъ донесъ сенату.

Въ письмѣ своемъ къ Гудовичу Державинъ не умѣлъ однакожъ скрыть ни своего неудовольствія на образъ дѣйствій вице-губернатора, ни сомнѣній въ благонадежности Бородина, и прямо высказалъ, что откупъ, по волѣ намѣстника, отданъ «банкроту». Отвѣчая губернатору письмомъ отъ 16-го января 1787 года, Гудовичъ всячески старался оправдать и себя и казенную палату, указывалъ, «что всѣ способы, къ ненадежной отдачѣ питейныхъ сборовъ въ руки неисправныхъ откупщиковъ послу-

жить могущіе, теперь уже отняты», но прибавлялъ: «если намѣстническое правленіе, по дѣламъ, котораго-либо откупщика находитъ сомнительнымъ, то можетъ о томъ дать знать палатѣ, которая въ таковомъ случаѣ должна будетъ отъ отдачи откупа ему удержаться и меня тоже увѣдомить. А затѣмъ», говорилъ Гудовичъ, «не зная подлинно, кого вы разумѣете подъ именемъ банкрота, берущаго откупъ, — признаюсь вамъ чистосердечно, что ежели вы именуете таковымъ купца Бородина, содержавшаго въ прошедшее время откупъ исправно, то нельзя не удивляться, какимъ образомъ полагали вы сами, нѣсколько недѣль тому назадъ, возможнымъ поручить ему закупку хлѣба для с.-петербургскихъ запасныхъ магазиновъ на 70,000 руб. и по какимъ обстоятельствамъ сей купецъ, котораго я и всѣ въ Тамбовѣ считали вѣрнымъ капиталистомъ, могъ вдругъ перемѣнить свое состояніе и сдѣлаться ненадежнымъ. Я покорно прошу поспѣшить о семъ меня увѣдомить обстоятельно, желая, впрочемъ, чтобы какъ въ семъ дѣлѣ, такъ и въ другихъ соблюдено было всегда, вмѣстѣ съ нужной осторожностью, и миролюбіе» [1]. По поводу такого требованія Державинъ немедленно взялъ изъ городового магистрата справки, и въ письмѣ отъ 20-го января далъ полное объясненіе своихъ словъ. При описи имѣнія Бородина, писалъ онъ, оказалось капитала, вмѣсто объявленныхъ имъ 10,000, всего 1,176 руб. Что же касается намѣренія подрядить его для поставки провіанта, то это предположеніе не состоялось: въ слѣдствіе «взятой осторожности и свѣдѣній, отобранныхъ о Бородинѣ у магистратскихъ членовъ», Державинъ «на заключеніе съ нимъ условій не отважился, тѣмъ болѣе что и поступки, при семъ случаѣ имъ оказанные, не токмо были дерзостны, но и весьма непозволительные и наказанія достойные». Письмо кончалось слѣдующей мѣткой характеристикой Бородина и смѣлымъ возраженіемъ на совѣтъ Гудовича о миролюбіи: «А потому и почелъ я его болѣе за хитраго и совершеннаго плута, нежели за добросовѣстнаго и порядочнаго купца, съ которымъ по правиламъ чести дѣло имѣть можно, несмотря на то,

[1] Архивъ тамбовскаго губернскаго правленія.

что онъ минувшій откупъ содержалъ исправно и считается всѣми за капиталиста; ибо такого разбора люди до того времени только бываютъ вѣрны и исправны, пока предусматриваютъ свои пользы; а когда противное тому случится, то объявляютъ себя безсовѣстно банкротами и ввергаютъ въ несчастіе всѣхъ тѣхъ, кто имѣлъ съ ними какія-либо законныя обязательства. Словомъ, я подозрѣваю его въ здѣшней губерніи, по нынѣшнему моему развѣдыванію, за такого человѣка, который скрытнымъ образомъ, для какихъ-либо непозволенныхъ видовъ, имѣетъ въ рукахъ своихъ на все монополію и, употребляя большіе свои капиталы подъ именами своихъ родственниковъ и товарищей какъ въ казенные подряды и откупы, такъ и въ партикулярные торги и промыслы, вредитъ другимъ, а можетъ-быть и казнѣ, единственно же къ своей прибыли и своихъ сообщниковъ. Сіе можно по поводу тому тотчасъ изслѣдовать: какихъ ради причинъ, чувствуя себя не въ состояніи не весьма большіе долги своимъ кредиторамъ заплатить, обязывался на хлѣбную поставку на 80,000 руб., и тогда же вступалъ въ столь знатный откупъ? Но я сіе оставляю на тончайшее проницаніе и разсмотрѣніе вашего превосходительства. Относительно же наставленія вашего, чтобъ поступать въ семъ дѣлѣ и въ прочихъ миролюбивѣе, я поистинѣ недоумѣваю: нѣтъ ли какого противъ меня внушенія? Всепокорнѣйше прошу сдѣлать мнѣ милость въ семъ случаѣ не лишить меня изъяснительнѣйшаго вашего предписанія, по которому можетъ-быть въ состояніи я буду или исправиться, или донесть вамъ то, что по нѣкоторымъ обстоятельствамъ болѣе я миролюбивъ, нежели должно быть начальнику. Но такъ бываетъ со всѣми нами, что когда кому напомнишь объ исполненіи его должности, то тотчасъ родятся и неудовольствія, которымъ и даютъ совсѣмъ другіе виды и причины» [1].

Изъ переписки Державина видно, что дѣло это не было кончено еще и черезъ годъ послѣ отдачи откупа Бородину, который между тѣмъ дѣйствительно объявилъ себя банкротомъ. Въ декабрѣ 1787 года Державинъ сбирался въ Рязань для перегово-

[1] V, 663.

ровъ о томъ съ Гудовичемъ и писалъ графу А. Р. Воронцову: «Не знаю, что́ изъ сего выйдетъ, ибо ежели дойдетъ дѣло до переторжки, то хотя безъ сомнѣнія казна выиграетъ, но что будетъ съ палатою? А я, съ моей стороны, за дѣла ея въ нареканіи себя не оставлю. Я предостерегалъ, сколько моихъ силъ было, разными образами, но что́ дѣлать!» Затѣмъ онъ сѣтуетъ на то, что никакими стараніями не удалось ему избавиться отъ Ушакова, «чрезъ что часъ отъ часу дѣла запутываются» и придется наконецъ обличить палату письменнымъ порядкомъ[1]. Оказывается, что на Бородинѣ, еще по прежнимъ откупамъ и подрядамъ, однѣхъ штрафныхъ денегъ числилось около 25,000 руб., о которыхъ палата четыре года не показывала въ счетахъ своихъ и правленію не сообщала о взысканіи ихъ. Державинъ требовалъ переторжки, но на это нужно было разрѣшеніе сената.

Излагая въ письмѣ къ Гудовичу затрудненія, которыя повлекла за собою неправильная отдача откупа Бородину, Державинъ говоритъ между-прочимъ, что палата никакими извиненіями не защититъ себя отъ отвѣтственности; «а потому и можетъ она или Михайло Ивановичъ (Ушаковъ) вашему высокопревосходительству, буде какія бумаги изъ правленія кажутся непріятны, писать и представлять что угодно, но того я не опасаюсь.... Словомъ, я не отступлю отъ порядка и законовъ, здѣсь ли кончиться должно будетъ, согласно вашему предложенію, сіе дѣло, или пойдетъ къ высшему разсмотрѣнію сената»[2].

Таковъ былъ благородный языкъ, которымъ губернаторъ заявлялъ намѣстнику о своей твердой рѣшимости не терпѣть злоупотребленій. Но какъ ни правъ былъ Державинъ, какъ ни много значило покровительство Воронцова и Безбородки, однакожъ враги его, Гудовичъ и Ушаковъ, подъ защитою князя Вяземскаго, оказались сильнѣе, и сила одержала верхъ надъ правдой. Въ то время, когда Державину, въ слѣдствіе другого дѣла, о которомъ рѣчь еще впереди, — уже предстояло отрѣше-

[1] VII, 715.
[2] V, 687.

ніе отъ должности, сенатъ наложилъ на намѣстническое правленіе штрафъ въ 17,000 руб. за то, что оно, для удовлетворенія вексельныхъ претензій и разныхъ казенныхъ взысканій, по своей обязанности подвергло имѣніе Бородина аресту. По этому поводу Державинъ писалъ рекетмейстеру Терскому: «Неправосудія такого, ни по естественнымъ, ни по гражданскимъ законамъ, я вообразить себѣ не могъ. Я же предохранилъ ущербъ интереса императорскаго величества, могущій послѣдовать отъ объявленія Бородинымъ себя умышленно банкротомъ, да съ меня же, по его только однѣмъ сказкамъ, опредѣлено взыскать реченную сумму якобы претерпѣнныхъ имъ убытковъ, о коихъ онъ только въ сенатѣ объявилъ, а при изслѣдованіи въ судебныхъ здѣсь мѣстахъ нигдѣ не говорилъ о томъ ни слова. Могу сказать, что г. Полѣновъ столь наглымъ образомъ сразилъ меня въ угожденіе Бородина, и я въ свое время, какъ чрезвычайно угнетенный человѣкъ, по необходимости долженъ буду принесть всемилостивѣйшей государынѣ жалобу»[1]. Позднѣе увидимъ дальнѣйшій ходъ этого дѣла; а теперь возвратимся къ недоразумѣніямъ между Гудовичемъ и Державинымъ, возобновившимся вопреки совѣту гр. Воронцова, который писалъ послѣднему: «Дружески совѣтую стараться сохранить къ себѣ благосклонность Ивана Васильевича, котораго честность и кротость мнѣ очень извѣстны, а сверхъ того я знаю, что онъ къ вамъ хорошо расположенъ»[2]. Губернаторъ, съ позволенія намѣстника, ѣздилъ въ Рязань объясняться съ нимъ по откупному дѣлу въ надеждѣ, что онъ наконецъ открыто вступится за правую сторону, перестанетъ держать себя «политически». Выражаясь такимъ образомъ въ письмѣ къ Воронцову, Державинъ намекалъ на ту нейтральную роль, которую старался играть Гудовичъ въ борьбѣ между правителемъ намѣстничества и вице-губернаторомъ. Надо замѣтить, что какъ прежде въ Петрозаводскѣ, такъ теперь и въ Тамбовѣ служащіе раздѣлились на двѣ партіи. Къ Ушакову примкнули: Аничковъ, изъ совѣтниковъ правленія переведенный намѣстникомъ въ долж-

[1] V, 720.
[2] V, 677.

ность директора экономіи, и совѣтникъ Макшеевъ. На сторонѣ же Державина были совѣтники Савостьяновъ и недавно опредѣленный (на мѣсто Аничкова) Филоновъ, а также и комендантъ Булдаковъ. Поѣздка Державина въ Рязань не привела ни къ какому результату, а между тѣмъ и противники его стали ѣздить къ генералъ-губернатору. Державинъ, хотя и понималъ цѣль такихъ посѣщеній, однакожъ не считалъ себя въ правѣ отказывать этимъ лицамъ въ отпускѣ, и въ послѣднихъ числахъ декабря разрѣшилъ сперва Ушакову, а потомъ и Аничкову отправиться на нѣсколько дней въ Рязань. Незадолго передъ тѣмъ пропали какія-то казенныя деньги, хранившіяся подъ надзоромъ Аничкова, и Державинъ жаловался на него намѣстнику. Гудовичъ, какъ человѣкъ осторожный и сдержанный, старался успокоить взволнованнаго губернатора. «Весьма пріятно мнѣ», отвѣчалъ Державинъ, «видѣть въ особѣ вашей покровителя и слышать изъ устъ вашихъ апостольское слово: «да не зайдетъ солнце во гнѣвѣ вашемъ». Изъ сего я заключаю, что я не совсѣмъ виноватъ въ моей противъ него (Аничкова) досадѣ. А потому охотно и оставляю всѣ извѣстные мнѣ его противъ меня неблагорасположенные поступки. Сожалѣю только, что, не сдѣлавъ никому по сіе время какими-либо незаконными привязками несчастія, не могу удостовѣрить вашего высокопревосходительства, что ни на г. Аничкова и ни на кого личнаго гнѣва, проистекающаго изъ собственности, не имѣлъ и не имѣю. Елико же касается до взысканія утраченныхъ денегъ въ намѣстническомъ правленіи, бывшихъ у него въ надзираніи, то, согласно съ предписаніемъ вашего высокопревосходительства, они конечно съ виновнаго взысканы будутъ. Да и всѣ казенныя интересныя дѣла, вамъ чрезъ меня извѣстныя, не иначе какъ со всею строгостію закона произведены быть имѣютъ. Я воздамъ Божіе Богови и кесарево кесареви, да не услышу онаго страшнаго гласа: «вверзите неключимаго раба во тму кромѣшнюю, то будетъ плачъ и скрежетъ зубовъ», къ сохраненію которыхъ священныхъ истинъ я во всю мою жизнь расположенъ» [1].

[1] V, 689.

Нѣсколько позднѣе Державинъ, въ письмѣ къ Воронцову, обвинялъ Гудовича за то, что онъ, вопреки ходатайству этого вельможи о другомъ лицѣ, опредѣлилъ въ директоры экономіи «совершенно дурного человѣка—Аничкова, который», прибавлялъ онъ, «по согласію съ Ушаковымъ, былъ главнымъ инструментомъ произведенной между нами (т. е. между губернаторомъ и намѣстникомъ) остуды» [1].

28. Комиссіонеръ Потемкина Гарденинъ. Провіантское дѣло.

Въ августѣ 1787 года Турція объявила Россіи войну. Вскорѣ обѣ дѣйствующія арміи, Екатеринославская и Украинская, ввѣрены были верховному предводительству Потемкина, въ то время соединявшаго въ лицѣ своемъ званія: генералъ-фельдмаршала, президента военной коллегіи и генералъ-губернатора екатеринославскаго, таврическаго и харьковскаго. На продовольствіе арміи экспедиція о государственныхъ доходахъ въ Петербургѣ ассигновала казеннымъ палатамъ суммы, которыми онѣ должны были снабжать екатеринославскую провіантскую комиссію. Между тѣмъ армія терпѣла недостатокъ въ провіантѣ, тѣмъ болѣе чувствительный, что въ 1787 году почти по всей Россіи былъ неурожай, а мѣстами даже и голодъ. Въ слѣдствіе того Потемкинъ, въ началѣ 1788 г., отправилъ въ разныя губерніи комиссіонера съ открытымъ указомъ о содѣйствіи въ покупкѣ и доставкѣ провіанта для арміи. Это былъ воронежскій купецъ (или, какъ Державинъ называетъ его въ своихъ бумагахъ, «воронежскій гражданинъ» — конечно, мѣщанинъ) Иванъ Гарденинъ. 23-го марта онъ явился къ Державину и разсказалъ, что, закупивъ большое количество хлѣба въ Тамбовскомъ и Симбирскомъ намѣстничествахъ, въ задатокъ уплатилъ разнымъ помѣщикамъ уже до 50 тыс. рублей: екатеринославская комиссія ассигновала ему на доплату за этотъ хлѣбъ и отправку его 35 т. р. изъ тамбовской казенной палаты, куда онъ и поспѣшилъ явиться, ибо, говорилъ онъ, срокъ внесенія денегъ за

[1] VII, 721.

купленный провіантъ кончается въ послѣднихъ числахъ марта, и если онъ не исполнитъ обязательства, то провіантъ останется не отправленнымъ, такъ какъ съ одной стороны продавцы отъ выдачи ему хлѣба могутъ отказаться и уплаченные имъ 50 т. р. удержать въ своихъ рукахъ, а съ другой отправленіе судовъ по рѣкѣ Воронѣ возможно только тотчасъ по вскрытіи водъ въ началѣ апрѣля; одна недѣля промедленія можетъ остановить отправку хлѣба водою, и тогда необходимо будетъ перевезти его сухимъ путемъ, отъ чего для казны произойдетъ не малый убытокъ, а для арміи еще бо́льшая нужда въ продовольствіи.

Державинъ отправилъ Гарденина къ вице-губернатору, какъ предсѣдателю казенной палаты, но тотъ объявилъ, что ассигнованной суммы въ сборѣ еще нѣтъ и что палата комиссіонера удовлетворить не можетъ. Побывавъ опять у Державина, Гарденинъ вторично явился въ казенную палату, на этотъ разъ съ секретаремъ намѣстническаго правленія (Савинскимъ), и палата опредѣлила выдать ему 7,235 руб.; но такъ какъ этой суммы было недостаточно, то Державинъ, боясь бѣдственныхъ для арміи послѣдствій отъ неисполненія требованія Гарденина, просилъ удовлетворить его, хотя изъ другихъ суммъ палаты. Однакожъ Ушаковъ, въ надеждѣ на поддержку князя Вяземскаго и Гудовича, снова наотрѣзъ отказалъ, объявивъ притомъ, что онъ по указу сената долженъ отлучиться изъ Тамбова для осмотра Кутлинскаго винокуреннаго завода [1], куда и дѣйствительно уѣхалъ, несмотря на возобновленное требованіе губернатора.

Соображая, что намѣстникъ находится въ другой губерніи и посылать къ нему за его резолюціею въ такомъ важномъ и экстренномъ случаѣ некогда, Державинъ счелъ себя въ правѣ дѣйствовать самостоятельно на свой страхъ: онъ послалъ за губернскимъ казначеемъ и далъ ему офиціально запросъ о количествѣ и движеніи суммъ казенной палаты за 1787 и 88-й годы. Напрасно прождавъ отвѣта цѣлый день, губернаторъ ввечеру далъ стряпчему казенной палаты ордеръ вытребовать тѣ свѣдѣнія у губернскаго казначея. Тогда же онъ позвалъ къ себѣ гу-

[1] Кутля, казенное село въ Моршанскомъ уѣздѣ.

бернскаго прокурора и поручилъ ему настоять на доставленіи этихъ свѣдѣній не позже утра 25-го числа (Благовѣщенья). Но прокуроръ, явясь къ губернатору, увѣдомилъ его, что стряпчій боленъ, управляющій же палатою (за отсутствіемъ вице-губернатора) директоръ экономіи Аничковъ безъ присутствія палаты не рѣшается приказать доставить желаемую вѣдомость. Державинъ объявилъ, что по экстренности случая директоръ экономіи можетъ собрать палату, въ слѣдствіе чего вѣдомость дѣйствительно была доставлена. Но не находя въ ней свѣдѣнія о наличныхъ и остаточныхъ суммахъ, изъ которыхъ палата еще въ предшествовавшемъ году обязана была удовлетворить всѣ правительственныя мѣста, Державинъ рѣшился на крайнюю мѣру: «чтобы превозмочь сіе упорство и найти скрываемыя деньги», онъ велѣлъ освидѣтельствовать находившуюся въ вѣдѣніи палаты казну и поручилъ это коменданту съ однимъ совѣтникомъ правленія и секретаремъ. Можно представить себѣ, какъ такое необычайное распоряженіе поразило весь составъ палаты; но нечего было дѣлать: на другой же день произведена была ревизія. При этомъ наличныхъ остаточныхъ суммъ отъ 1787 года оказалось около 177,600 руб., и въ томъ числѣ 17,280 руб., которые по сообщенію въ означенномъ году экспедиціи о государственныхъ доходахъ были ассигнованы къ выдачѣ екатеринославской провіантской комиссіи, но отосланы ей не были. Получивъ это свѣдѣніе, Державинъ отнесся къ казенной палатѣ съ требованіемъ, чтобы она, «оставя свое сумнѣніе, помянутую задержанную ею сумму реченному его свѣтлости комиссіонеру безъ всякаго задержанія выдала и донесла о томъ генералъ-прокурору, отнеся точно сію выдачу на мой отвѣтъ, о чемъ и я куда слѣдуетъ донесть не оставлю» [1]. Кромѣ того Державинъ считалъ справедливымъ выдать Гарденину и прежде назначенные ему палатою 7,235 руб. Что же касается недостававшихъ къ слѣдовавшей ему суммѣ (всего въ 35 т.) денегъ, то на выдачѣ ихъ Державинъ не настаивалъ.

[1] Изъ подлиннаго обширнаго отношенія губернатора въ казенную палату отъ 27-го марта 1788 года, которое послужило мнѣ главнымъ источникомъ и для изложенія обстоятельствъ этого дѣла.

При ревизіи палаты, въ пей открылись въ значительномъ количествѣ и другія остаточныя суммы, не высланныя своевременно въ падлежащія мѣста; а вмѣстѣ съ тѣмъ обнаружились также разныя неправильности и неустройства въ храненіи казны. Они исчислены Державинымъ въ письмѣ къ гр. Воронцову, писанномъ нѣсколько дней спустя послѣ осмотра казначейства. «Обо всемъ этомъ», говоритъ онъ, «чрезъ намѣстническое правленіе въ скорости отправленъ будетъ въ сенатъ рапортъ»... Опасаясь однакожъ послѣдствій своего черезъ-чуръ смѣлаго распоряженія, онъ проситъ своего благодѣтеля о покровительствѣ и защитѣ въ сенатѣ. Далѣе онъ упоминаетъ о непріятностяхъ, испытанныхъ имъ отъ Гудовича, «сего снисходительнаго и мягкосердечнаго человѣка, къ ободренію явнымъ образомъ интригановъ». Подъ послѣдними онъ разумѣетъ преимущество вице-губернатора: «Я, съ моей стороны, Бога въ свидѣтели совѣсти моей поставляю, какія легчайшія средства употреблялъ я, чтобъ сколько-нибудь пришелъ въ чувство г. Ушаковъ; но когда ничто не успѣло, пусть теперь идутъ дѣла своимъ порядкомъ, ибо охраненіе казны точно по учрежденію на меня возложено, и были примѣры, что губернаторы за слабое смотрѣніе за казною заслужили нареканіе» [1]. Послѣднія слова показываютъ, въ чемъ именно Державинъ полагалъ главное оправданіе своихъ рѣшительныхъ мѣръ. Итакъ онъ отправилъ въ сенатъ два рапорта: одинъ — о выдачѣ комиссіонеру Потемкина денегъ, другой — о ревизіи казначейства и обнаруженныхъ при этомъ безпорядкахъ. Вскорѣ сдѣлалось извѣстнымъ, что и казенная палата, съ своей стороны, послала въ сенатъ рапортъ съ жалобою на какія-то бывшія при ревизіи «притѣсненія». Державинъ, случайно узнавъ о томъ, позвалъ къ себѣ губернскаго прокурора (Хвощинскаго) и сдѣлалъ ему выговоръ за то, что онъ, вопреки закону, не донесъ правленію о такомъ дѣйствіи казенной палаты. Прокуроръ поспѣшилъ подать рапортъ. Чтобы опровергнуть взведенную на ревизоровъ клевету, губернаторъ на другой же день, на Страстной недѣлѣ, пригласилъ въ правленіе предсѣда-

[1] VII, 722.

телей палатъ (вмѣсто Ушакова опять явился Аничковъ), и въ присутствіи ихъ всѣ находившіеся при освидѣтельствованіи казны были спрошены, какого рода притѣсненія или принужденія происходили при этомъ случаѣ. Казначей и присяжные заявили, что показанія ихъ были вынуждены комендантомъ, но въ чемъ состояло его насиліе, они объяснить не могли, кромѣ того, что приказывая одному присяжному открыть коробку съ деньгами, онъ задѣлъ его спину концомъ своей трости. Объ этомъ засѣданіи было опять донесено сенату и сообщено для свѣдѣнія генералъ-губернатору, который между тѣмъ и съ своей стороны вошелъ въ сенатъ съ жалобой на распоряженія Державина. Прежде того, однакожъ, Гудовичъ, подобно своему противнику, обратился къ Воронцову и отправилъ къ нему слѣдующее письмо:

«Рязань, 7-го апрѣля 1788. М. г. мой, графъ Александръ Романовичъ. Скрывая долгое время наносимое мнѣ безпокойство въ дѣлахъ и замѣшательство вмѣсто должной по службѣ помощи отъ губернатора Державина и стараясь, сколько мнѣ можно было, самыми дружескими способами приводить его къ умѣренности, вышелъ я однакоже наконецъ изъ терпѣнія; но, не вступая еще въ формальное на него представленіе, по милостивому вашему дозволенію осмѣливаюсь къ вамъ отнестись и прошу васъ покорнѣйше постараться, чтобы онъ былъ переведенъ въ другое мѣсто, и развести меня съ нимъ. Злость, властолюбіе неумѣренное, пристрастіе заводить по партикулярной злобѣ слѣдствія, угнетая почти всѣхъ живущихъ съ нимъ безъ изъятія, довели его до того, что онъ себя совсѣмъ и противъ начальника позабылъ, не ѣздя въ губернское правленіе и усиливаясь сдѣлать его своею канцеляріею, занимаясь не наблюденіемъ и порядкомъ теченія дѣлъ, но по большой части сочиненіемъ пустыхъ слѣдствій, газетъ и тому подобнаго, и, будучи удерживаемъ мною для общаго и его собственнаго добра, осмѣлился противъ узаконенія почесть меня, по надобности ему въ одномъ дѣлѣ, въ отлучкѣ отъ губерніи, для того что я на то время былъ не въ Тамбовѣ, а въ Рязани, вступилъ прямо съ репортами въ сенатъ мимо меня совсѣмъ не принадлежащими, переписывается съ другими губерніями и вошелъ въ мою должность, какъ бы меня и не было.

Вашему сіятельству извѣстенъ мой съ нимъ поступокъ, извѣстно и то, сколько я ему доброжелательствовалъ; но все то когда не помогало привести его въ резонъ, то, избавляя себя отъ непрестанныхъ хлопотъ, а его отъ неизбѣжнаго взысканія, покорнѣйше прошу постараться о его перемѣщеніи: вы сдѣлаете и мнѣ и ему милость и одолженіе. Ожидая благосклоннаго на сіе отвѣта, пребуду навсегда съ особеннѣйшимъ почтеніемъ и совершенною преданностію вашего сіятельства

покорнѣйшій слуга Иванъ Гудовичъ» [1].

Изъ этого письма ясно видно, что главное неудовольствіе намѣстника противъ губернатора заключалось въ томъ, что послѣдній осмѣливался дѣйствовать независимо, считая своего начальника отсутствующимъ изъ губерніи, тогда какъ на бумагѣ онъ, находясь въ Рязани, числился на лицо и въ Тамбовѣ. Какъ могъ губернаторъ позволить себѣ переписываться, помимо его, съ другими губерніями? Очевидно, что виною такого страннаго неудовольствія были неправильныя отношенія, которыя самый законъ установилъ между двумя властями. Не менѣе странно было обвиненіе Державина въ «сочиненіи пустыхъ слѣдствій и газетъ». Что разумѣлъ Гудовичъ подъ сочиненіемъ *газетъ*, мы уже знаемъ изъ другого, приведеннаго въ своемъ мѣстѣ (стр. 477) письма его, а выраженіе о слѣдствіяхъ относилось, быть можетъ, къ столкновеніямъ губернатора съ Сатинымъ и Загряжскимъ. Остальныя затѣмъ высказанныя тутъ обвиненія могли основываться только на заочныхъ отзывахъ, слышанныхъ намѣстникомъ отъ Ушакова, Аничкова и другихъ благопріятелей губернатора. Замѣтимъ, что въ то же время (см. выше стр. 502) Державинъ совсѣмъ иначе отзывался о Гудовичѣ, приписывая его дѣйствія недоразумѣніямъ, въ слѣдствіе наушничества своихъ враговъ. Обвиненія, изложенныя намѣстникомъ въ письмѣ къ Воронцову, были повторены и въ рапортахъ его сенату; но еще до полученія этихъ послѣднихъ сенатъ, на основаніи представленій правленія и палаты, нашелъ, что Державинъ самовластно

[1] VII, 723.

распоряжался такими доходами, которые безъ разрѣшенія генералъ-прокурора запрещено было употреблять въ расходъ, и за это въ указѣ сената, отъ 22-го іюня, Державину сдѣланъ былъ выговоръ, о чемъ тогда же сообщено генералъ-губернатору.

Всѣ эти обстоятельства отозвались очень тяжело на положеніи Державина въ остальное, до конца 1788 года продолжавшееся время его пребыванія въ Тамбовѣ. Повторилось, но еще въ несравненно большихъ размѣрахъ, пережитое имъ въ Петрозаводскѣ. Теперь обвиненія были еще серіознѣе, послѣдствія долженствовали быть рѣшительнѣе, а оттого и страсти были распалены сильнѣе, въ раздраженіи было болѣе горечи. Завязалась борьба партій, въ которой обѣ стороны не разбирали уже средствъ для одержанія побѣды. Друзья Державина въ Петербургѣ не одобряли его поведенія. Васильевъ, которому онъ сообщилъ копіи съ самыхъ документовъ, писалъ ему отъ 27-го апрѣля: «Привыкши всегда съ вами дружески и искренне обращаться, скажу вамъ и теперь откровенно, я поступка вашего не хвалю: 1) Не выдавала казенная палата деньги комиссіонеру, присланному изъ Екатеринославля; она бы за то и отвѣчала; положимъ, что сей комиссіонеръ къ вамъ адресованъ, но вы могли отъ себя отвести тѣмъ, чтобъ сообщить въ казенную палату, что время не терпитъ держать сего человѣка, а ежелибъ они и потому не сдѣлали, то и тогда бы оставалось на ихъ отчетѣ, и не было нужды настоять о выдачѣ; а тѣмъ меньше входить въ объясненіе предложеніемъ; тутъ можно сказать, что вы входите въ распоряженіе другого и до васъ не принадлежащаго дѣла. 2) Комиссія о освидѣтельствованіи казенной палаты еще больше можетъ вамъ нанести нареканія; ежели откроется что-либо по свидѣтельству, то скажутъ, что вы по ненависти и мщенію оное сдѣлали, ибо тутъ дѣло уже идетъ до чести; буде же ничего не откроется, то еще больше скажутъ, что придирка, и отнесть могутъ оную къ той же причинѣ; вѣдь всякая этакая ревизія не инако быть должна, какъ по какому-нибудь подозрѣнію, а когда его нѣтъ, то каково же цѣлую палату обезчестить?» [1]

[1] V, 693.

Огорченіе Державина было такъ велико, что онъ задумывалъ какой-то отчаянный поступокъ: кажется, намѣревался уѣхать навсегда изъ России. На эту мысль наводитъ одно мѣсто въ письмѣ его къ императрицѣ, писанномъ позднѣе, уже по оправданіи его: «Еслибъ не царствовала Екатерина II», говорилъ онъ, «то, какъ Богу, вашему величеству исповѣдую, долженъ бы я былъ давно оставить мое отечество» [1]. Объ этомъ планѣ недовольнаго поэта слышали мы также отъ покойнаго графа Д. Н. Блудова, считавшаго его своимъ дядей. И Львовъ, во время производства въ сенатѣ провіантскаго дѣла, едва ли не то же разумѣлъ, когда писалъ своему пріятелю: «Изъ послѣдняго письма твоего вижу твое героическое намѣреніе; но не очень его понимаю. Курціусу хорошо было одному въ яму прыгнуть: спасеніе отчизны его отъ того зависѣло! Но мнѣ и не можно, и не должно подавать совѣты такому человѣку, къ которому душевная моя преданность можетъ меня слѣпо руководствовать, который больше меня жилъ, а потому себя и людей знать лучше долженъ» [2].

По извѣстной поговоркѣ, что бѣда никогда не приходитъ одна, Державинъ въ то же время испыталъ неожиданныя неудачи по отправкѣ хлѣба въ Петербургъ. Надо замѣтить, что онъ принялъ на себя эту заботу не только по просьбамъ частныхъ лицъ, но и по порученію казны. Въ 1787 году онъ отправилъ изъ Моршанска съ купцомъ Кудиновымъ и Наставинымъ большой запасъ провіанта для петербургскихъ казенныхъ магазиновъ. Въ маѣ слѣдующаго года онъ получилъ увѣдомленіе, что туда пришло съ Кудиновымъ только 20 барокъ, изъ которыхъ одна уже по прибытіи на мѣсто затонула, и притомъ весь хлѣбъ на нихъ подмокъ и сгнилъ; остальныя же 13 барокъ остались въ Вышнемъ Волочкѣ, но бывшій при нихъ Наставинъ уѣхалъ неизвѣстно куда, въ слѣдствіе чего казенная палата распорядилась, чтобъ эти барки приведены были въ Петербургъ на его счетъ. Одновременно Васильевъ и Львовъ извѣщали Держа-

[1] V, 870.
[2] V, 699.

вина, что изъ посланнаго имъ хлѣба они получили только пятую часть. Много потеряли также Арбеневъ и Дьяковъ. Почти то же случилось и съ хлѣбомъ, отправленнымъ для графа Воронцова, и по увѣренію подрядчиковъ это произошло отъ крушенія въ пути барокъ. Изъявляя свое сожалѣніе о томъ въ письмѣ къ графу, Державинъ испрашиваетъ его согласія на взысканіе пропавшаго хлѣба съ подрядчиковъ. Между тѣмъ тогдашній провіантмейстеръ Новосильцовъ нашелъ способъ вознаградить частныхъ людей, потерпѣвшихъ при этомъ убытки. Недостававшіе въ казенныхъ магазинахъ 4,000 кулей какъ-то отыскались, но Новосильцовъ, вмѣсто того, чтобы принять ихъ, роздалъ это количество хлѣба пострадавшимъ частнымъ лицамъ, въ числѣ которыхъ былъ и самъ онъ, а для удовлетворенія казны обязалъ поставщиковъ доставить недостающій хлѣбъ на будущее лѣто. Державинъ, увѣренный что 4,000 назначенныхъ для казны кулей дѣйствительно были утрачены, заключилъ съ подрядчиками новое условіе, принявъ въ залогъ принадлежавшія одному помѣщику (князю Несвицкому) 250 душъ. Мы увидимъ, что послѣ оставленія Державинымъ тамбовскаго губернаторства, это распоряженіе чуть было не сдѣлалось для него источникомъ новыхъ затрудненій.

29. Ссора двухъ дамъ.

Взаимное озлобленіе враждебныхъ партій неожиданно разыгралось скандальной сценой въ обществѣ, и дѣйствующими лицами очутились жены двухъ высоко-поставленныхъ противниковъ. Въ маѣ мѣсяцѣ (1788) Катерина Яковлевна, принимавшая, какъ извѣстно, самое горячее участіе въ дѣлахъ и отношеніяхъ своего мужа, имѣла въ чужомъ домѣ прискорбное столкновеніе съ другою дамой, которое окончательно испортило положеніе Гаврилы Романовича въ Тамбовѣ. Была ли эта ссора умышленно вызвана врагами его, или естественно произошла сама собой, трудно сказать, но впечатлѣніе, произведенное ею на мѣстное общество, было такъ сильно, что еще спустя три четверти столѣтія (въ 1862 году, въ первое пребываніе наше въ Тамбовѣ)

преданіе о ней тамъ сохранялось. Къ сожалѣнію, она извѣстна намъ только въ самыхъ общихъ чертахъ, и притомъ почти исключительно изъ разсказа самого Державина (въ письмѣ къ Безбородкѣ); но, зная по многимъ современнымъ свидѣтельствамъ прекрасную личность жены поэта, мы не можемъ не вѣрить его показанію, что не она была первой виновницей столкновенія. Другою стороной была жена предсѣдателя гражданской палаты Василія Петровича Чичерина. По словамъ Державина, дѣла Чичериныхъ, при вступленіи его въ должность тамбовскаго губернатора, были очень разстроены, и онъ на первыхъ порахъ помогъ супругамъ поправиться, но они, забывъ сдѣланное имъ добро, перешли на сторону его враговъ, и г-жа Чичерина не щадила его своимъ языкомъ. По этому поводу Державинъ въ своемъ домѣ высказалъ ея мужу нѣсколько жесткихъ истинъ, прося унять ее, «не давать ей злорѣчить и лгать». Когда, спустя немного дней, обѣ дамы встрѣтились въ гостяхъ у помѣщика Арапова, на этотъ разъ въ отсутствіи Державина, то Чичерина обратилась къ Катеринѣ Яковлевнѣ съ какими-то придирчивыми вопросами, а та, въ отвѣтъ, повторила ей тѣ самыя горькія истины, какія незадолго передъ тѣмъ были высказаны мужу Чичериной. По слышанному нами въ Тамбовѣ преданію, губернаторша при этомъ задѣла (толкнула?) свою противницу опахаломъ, что̀, конечно, провинціальнымъ сплетнямъ легко было раздуть въ драку между дамами. Не иначе взглянулъ на это самъ Чичеринъ, и захотѣлъ воспользоваться случаемъ, чтобы нанести губернатору самый чувствительный ударъ: вмѣсто того, чтобы заявить свое неудовольствіе намѣстнику, въ то время находившемуся въ Тамбовѣ, онъ рѣшился обратиться съ жалобой прямо къ императрицѣ. До насъ дошло достовѣрное извѣстіе о томъ, чьими совокупными трудами и какъ написана была эта жалоба. Къ совѣтнику Макшееву пришелъ сынъ Чичериныхъ Петръ, предсѣдатель верхней расправы, и звалъ его къ вице-губернатору для сочиненія всеподданнѣйшаго прошенія, а въ то же время явились самъ Ушаковъ съ Аничковымъ, и начали вмѣстѣ сочинять ту просьбу, при чемъ каждый приправлялъ свои выраженія обидными для губернаторши и непочтительными словами; но, не дописавъ жа-

лобы, они пошли въ домъ къ Ушакову, и тамъ ее кончили. При сочиненіи письма присутствовалъ, смѣясь, и секретарь генералъ-губернатора Лаба [1].

Державинъ, узнавъ не только о подачѣ этой жалобы, но и о способѣ ея составленія, счелъ необходимымъ защитить себя отъ навѣтовъ врага и разомъ предупредить объ этомъ дѣлѣ своихъ петербургскихъ покровителей: Безбородку, Воронцова, Терскаго и Новосильцова. Извѣщая ихъ о поданной на него жалобѣ, онъ говорилъ: «Какого она точно содержанія, я не знаю; но ежели вѣрить разсѣянному слуху, то она состоитъ въ клеветѣ, что якобы жена моя его, Чичерина, жену въ компаніи у дворянина Арапова не токмо бранила, но даже била и выгнала вонъ. Я не буду въ защищеніе говорить того, что жена моя воспитана въ Петербургѣ; что поведеніе ея извѣстно многимъ знатнымъ особамъ, которое никогда мнѣ стыда не приносило; слѣдовательно и не могла она быть столько буйною, чтобъ еще и въ чужомъ домѣ браниться и драться. Не буду я также подробно изъяснять того, какое въ самомъ дѣлѣ случилось происшествіе съ женою моею въ домѣ Арапова и не была ли она болѣе обижена Чичериною, яко женщиною довольно многимъ по ея злоязычеству и наглости извѣстною, пріѣхавшею съ многою своею партіею въ домъ Арапова, гдѣ была жена моя одна, и принудившею ее своими придирчивыми вопросами къ разговору; изъ чего хотя и произошла между ними размолвка, но ничего однако непристойнаго не было, чтó могутъ хозяинъ и хозяйка и многіе тутъ бывшіе по присягѣ засвидѣтельствовать» [2].

Изложивъ дѣло, какъ оно нами со словъ его представлено, Державинъ разбираетъ, какимъ образомъ Чичеринъ, зная законы, могъ рѣшиться подать жалобу прямо императрицѣ, а не Гудовичу, который, въ случаѣ еслибъ его посредничество къ прекращенію ссоры не помогло, самъ могъ бы, — такъ продол-

[1] Изъ показаній служителя Макшеева Родіонова и полицейскаго смотрителя Ефаева, подавшаго о томъ рапортъ коменданту. Они были изложены во всеподданнѣйшемъ докладѣ 1-го департамента сената о жалобахъ Гудовича на Державина и отрѣшеніи послѣдняго отъ службы.

[2] V, 700.

жаетъ Державинъ, — «довести до свѣдѣнія престола мою строптивость, мой безпокойный и горячій нравъ, которымъ, будучи не въ состояніи ничего другого къ безславію моему сказать, меня упрекаютъ, что я далъ волю женѣ своей обидѣть благородную женщину, и яко начальникъ разрушилъ тѣмъ спокойствіе общества и т. п. Личную же обиду, предоставить бы Чичериной отыскивать гдѣ должно по законамъ, и мужа ея отъ таковой дерзновенности приносить прямо къ престолу жалобы воздержать; ибо, чаятельно, нигдѣ и въ непросвѣщенныхъ народахъ того не водится, чтобъ женскія сплетни разбирали императоры. Но я въ пользу Ивана Васильевича убѣждаю себя вѣрить, что столь неосновательная жалоба простерта къ ея императорскому величеству безъ его свѣдѣнія, хотя она и въ бытность его въ Тамбовѣ отправлена на почту и хотя при сочиненіи ея былъ его секретарь; но можетъ-быть, что онъ (Гудовичъ) про нее и не вѣдалъ, которую конечно, ежелибы отъ Чичерина о неудовольствіи его былъ я извѣщенъ, безъ возможнаго бъ удовлетворенія и безъ посредства Иванъ Васильевичъ не оставилъ. Про ссору же, между дамъ случившуюся, лично отъ меня и отъ хозяина Иванъ Васильевичъ зналъ, и какъ ничего уваженія достойнаго въ ней не заключалось, и я, имѣя болѣе права быть въ неудовольствіи за неуваженіе жены моей, но перенесъ сію исторію сколько можно холодно, посмѣявшись только насчетъ обѣихъ соперницъ, то и думалъ, что она дальнѣйшихъ слѣдствій имѣть не будетъ». Настоящею причиною вражды Чичерина Державинъ считаетъ озлобленіе его за ревизію казначейства, такъ какъ и онъ былъ не безучастенъ въ открытыхъ тамъ безпорядкахъ. Главнымъ же виновникомъ жалобы выставленъ Ушаковъ, которому давно хотѣлось «очистить себѣ мѣсто правителя, каковые скрытые козни и подборы извѣдали надъ собою и прежде бывшіе губернаторы». Мимоходомъ, въ томъ же письмѣ, Державинъ упоминаетъ, что враги его гласно бросаютъ на него подозрѣніе въ лихоимствѣ. Поводомъ къ этому замѣчанію была дошедшая до него сплетня, будто онъ, во время объѣзда губерніи, въ Темниковѣ взялъ съ тамошняго откупщика 2,000 руб. Это разсказывалъ дворовый человѣкъ Макшеева какъ слухъ, переданный ему женой быв-

шаго городничаго майоршей Канищевой, которая однакожъ, бывъ спрошена о томъ, письменно показала, что никогда ничего подобнаго не говорила, да и сама «совсѣмъ объ ономъ ни отъ кого не слыхала, да и откупщикъ кто именно, она его не знаетъ». Объ этомъ комендантъ довелъ до свѣдѣнія намѣстническаго правленія. При слушаніи его рапорта Державинъ отозвался, что онъ по этому, какъ лично до него самого касающемуся дѣлу, дать своего мнѣнія не можетъ, въ чемъ къ нему присоединились и совѣтники. Когда дѣло дошло до Гудовича, то онъ, къ чести своей, положилъ такую резолюцію: «Безъ яснаго и точнаго доказательства, слова́, которыя служитель Родіоновъ говорилъ можетъ-быть и въ пьянствѣ, не заключающія, какъ конечно надѣяться и можно и должно, никакой справедливости, не стóятъ уваженія и влечь за собою слѣдствія недостойны, тѣмъ болѣе что въ манифестѣ 1787 года сказано: «заочная брань ни во что да вмѣнится и да обратится въ поношеніе тому, кто ее произнесъ» [1].

Чтобы имѣть возможность лично оправдаться по всѣмъ поданнымъ на него жалобамъ, Державинъ испрашивалъ у императрицы дозволенія явиться въ Петербургъ, при чемъ цѣлію его было объяснить вообще причины неудовольствій генералъ-губернатора [2]. На это ему чрезъ генералъ-прокурора было объявлено, чтобъ онъ «просился по командѣ». Тогда онъ подалъ на высочайшее имя прошеніе чрезъ намѣстническое правленье, что̀ послѣ также вмѣнено ему было въ вину, такъ какъ онъ въ правленіи находился самъ «первенствующею особою».

Не получая отвѣта, онъ рѣшился дѣйствовать черезъ Потемкина и написалъ къ нему письмо, въ которомъ просилъ исходатайствовать себѣ позволеніе ѣхать въ Петербургъ для объясненія. Въ то же время онъ обратился съ письмомъ къ правителю канцеляріи князя В. С. Попову, давнишнему своему пріятелю: «васъ, м-ваго гдря», писалъ онъ, «дружбою Ивана Максимовича [3] и моею покор-

[1] Докладъ сената. *Матеріалы* П. Иванова, 17 — 20.

[2] VII, 137.

[3] Синельникова, родственника Державина, также служившаго подъ начальствомъ Потемкина. О немъ будетъ рѣчь ниже.

нѣйшею убѣждаю просьбою подать мнѣ въ семъ случаѣ вашу руку помощи и, если можно, исходатайствовать у его свѣтлости хотя одну черту, въ защищеніе моей невинности, къ ея императорскому величеству; ибо безъ того всѣ на меня возстали. Вотъ каково служить вѣрою и правдою! Не скрою также отъ васъ, м-й гдрь, и того, что повидимому Иванъ Васильевичъ, желая снисходить всѣмъ безпорядкамъ казенной палаты, весьма слегка исполнилъ сенатскій указъ и не сдѣлалъ въ точности по тому взысканія надъ виновными, а между тѣмъ, чтобъ оный оставить въ бездѣйствіи, старается меня отселѣ вытѣснить. — А какъ, по несчастію моему, отъ переводовъ изъ губерніи въ губернію, по небогатому моему состоянію, я уже довольно потерпѣлъ и разорился, то и опасаюсь я, чтобъ меня отсель опять куды не перевели; а для того и желательно бы мнѣ было, чтобъ я здѣсь былъ оставленъ: ибо, если я въ чемъ виноватъ, то пусть поступаютъ со мною по законамъ, а не играютъ какъ шашкою по прихотямъ генералъ-губернатора. Пусть докажутъ мою неспособность къ службѣ и спросятъ у здѣшняго дворянства, довольно ли оно мною, кромѣ казенной палаты, которой въ необходимости я былъ свидѣтельствомъ денегъ открыть безпорядки и утрату знатныхъ суммъ казны. Ежели меня не одобрятъ, то не токмо куды перейти, но и вовсе я готовъ оставить службу безъ малѣйшаго роптанія» [1].

Оба письма были отправлены въ очаковскій лагерь на имя генералъ-майора князя С. Ф. Голицына (женатаго на племянницѣ Потемкина, Варварѣ Васильевнѣ Энгельгардтъ), извѣстнаго владѣльца Зубриловки, гдѣ Державинъ не разъ бывалъ во время своихъ разъѣздовъ по губерніи. Исполнивъ его порученіе, Голицынъ доставилъ ему отвѣтъ свѣтлѣйшаго и при этомъ замѣтилъ, что князь къ нему «весьма благорасположенъ».

Одновременно (16-го сентября) и В. С. Поповъ писалъ: «Чувствительно меня трогаютъ непріятности, вамъ встрѣтившіяся, и по преданности моей къ вамъ, и потому, что ревностное испол-

[1] V, 711.

неніе требованія его свѣтлости послужило поводомъ къ онымъ. Князь изъ вашихъ писемъ видѣть изволилъ всѣ обстоятельства, и по окончаніи кампаніи, возвратясь въ Петербургъ, не преминетъ конечно отдать вамъ справедливость» [1]. Благосклонность Потемкина служитъ намъ лучшимъ объясненіемъ счастливаго исхода дѣла Державина послѣ тамбовскихъ невзгодъ.

30. Вины Державина и опредѣленія сената.

По рапортамъ Гудовича сенату отъ 17-го и 31-го іюля, вины Державина состояли въ слѣдующемъ: 1) онъ присвоивалъ себѣ власть не только генералъ-губернатора, но и генералъ-прокурора; созывалъ членовъ палатъ въ намѣстническое правленіе для слѣдствія и очныхъ ставокъ, для чего учреждена уголовная палата; затруднялъ собираніе, по секретному указу, заштатныхъ церковниковъ; занимался по пристрастію и недоброхотству выискиваніемъ слѣдствій частныхъ людей и утруждалъ ими сенатъ, представляя ему о многихъ ненужныхъ дѣлахъ прямо отъ намѣстническаго правленія, помимо генералъ-губернатора; замедлялъ теченіе дѣлъ, такъ что ихъ по послѣдней вѣдомости осталось 604 нерѣшеныхъ; не исполнялъ указовъ самого сената, не доставлялъ ему требуемыхъ свѣдѣній, дѣлалъ «напрасныя возраженія» генералъ-губернатору, «переписки съ нимъ, затрудненія и остановки» и, наконецъ, позволилъ себѣ «послѣдній больше еще прежнихъ противузаконный поступокъ». Именно: когда, послѣ 11-тидневнаго пребыванія въ Тамбовѣ, генералъ-губернаторъ 27-го іюля собрался ѣхать въ Рязань рано поутру въ 5-мъ часу и шелъ садиться въ повозку, то Державинъ вдругъ явился къ нему въ домъ. Гудовичъ, увидѣвъ его, изъ вѣжливости спросилъ: «Что такъ рано потрудились?» Державинъ ему отвѣчалъ: «Я слышалъ, что вы рано отъѣзжаете; не изволите ли въ правленіе?».—Гудовичъ, заключая по раннему его приходу, что случилось что-нибудь необыкновенное, спросилъ о причинѣ.—«Трактовать по дѣламъ!—По какимъ?—По разнымъ». Гудовичъ вы-

[1] V, 712.

разилъ удивленіе, почему Державинъ прежде не говорилъ ему объ этихъ дѣлахъ, тогда какъ онъ, генералъ-губернаторъ, ни одного дѣла безъ резолюціи своей не оставляетъ и не удерживаетъ у себя безъ отвѣта. Послѣ того Державинъ началъ вдругъ съ запальчивостію ему выговаривать: «Вы сами», сказалъ онъ, «не ходите въ правленіе, никакого дѣла не дѣлаете, а на насъ взыскиваете... Какія дѣлаете вы резолюціи!» — Ежели вы, отвѣчалъ Гудовичъ, моею резолюціею по своему дѣлу не довольны, то, не дѣлая мнѣ выговоровъ, можете просить на меня въ сенатѣ. — «И то стану просить», подтвердилъ Державинъ. Когда же Гудовичъ замѣтилъ ему, что служитъ государынѣ безпристрастно, со всею безпредѣльною ревностью, то губернаторъ съ насмѣшкою сказалъ: «Ну, и служите!» — Помните ли вы, спросилъ намѣстникъ, съ кѣмъ говорите? Какъ вы смѣете дѣлать неприличные выговоры и поношеніе своему начальнику и нарушать тѣмъ должное къ нему почтеніе»? На это Державинъ отвѣчалъ только, что «говорить можетъ». Затѣмъ генералъ-губернаторъ ему объяснялъ, что, имѣя въ своемъ вѣдѣніи два намѣстническія правленія, могъ онъ присутствовать только въ одномъ изъ нихъ, и что впрочемъ губернаторъ при немъ, наравнѣ съ совѣтниками, не болѣе какъ засѣдатель правленія, на что Державинъ отвѣчалъ, что этого нигдѣ не сказано, что онъ не засѣдатель, а правитель губерніи, и продолжалъ спорить съ намѣстникомъ при многихъ подчиненныхъ чиновникахъ, стоявшихъ тутъ же при открытыхъ дверяхъ. Все это Гудовичъ выставлялъ какъ оскорбленіе *«отъ подчиненнаго,* который, упуская самъ свою прямую должность и вмѣшавшись въ генералъ-губернаторскую, завелъ у себя съ особливымъ секретаремъ большую домовую канцелярію, ему по законамъ не положенную, и занимаясь дѣлами больше въ оной, по пристрастію и недоброхотству къ нѣкоторымъ подчиненнымъ мѣшаетъ тутъ и дѣла́, до намѣстническаго правленія не принадлежащія» и проч. Въ заключеніе Гудовичъ просилъ у сената, какъ обиженный начальникъ, суда на подчиненнаго, преступившаго между-прочимъ статью манифеста о спокойствіи и тишинѣ, а между тѣмъ «повелѣть ему не отправлять свою должность, дабы по таковому противузаконному

его Державина съ нимъ поведенію, не могли притти дѣла въ замѣшательство» [1].

Въ слѣдствіе этихъ жалобъ, сенатъ указомъ 24 августа предписалъ тамбовскому губернатору по всѣмъ пунктамъ обвиненія въ непродолжительномъ времени прислать отвѣтъ. Державинъ очень хорошо зналъ, что объясненія, не подкрѣпленныя справками, мало убѣдительны и что если, отлучивъ его отъ должности, передадутъ дѣло въ сенатъ, то тамъ справки будутъ собираться нѣсколько лѣтъ, и притомъ такія, какія угодны будутъ начальнику. Поэтому онъ принялъ свои мѣры, чтобы самому прежде всего собрать справки. Не объявляя указа въ правленіи, онъ созвалъ къ себѣ секретарей и приказалъ имъ, какъ будто по какой-нибудь другой надобности, доставить свѣдѣнія о всѣхъ обстоятельствахъ, по которымъ сенатъ требовалъ у него отвѣта, напр. «Не было ли со стороны моей какихъ упущеній въ собираніи доходовъ, въ сборѣ рекрутъ и церковниковъ?—Не было ли какихъ пристрастныхъ моихъ предложеній или резолюцій, относившихся къ слѣдствію частныхъ людей, въ которыхъ не заключалось бы пользы общей?—Не имѣется ли въ намѣстническомъ правленіи такихъ законовъ, которые бы воспрещали ему входить съ своими представленіями прямо отъ себя въ сенатъ, и не иначе какъ чрезъ генералъ-губернатора?—Не значится ли по правленію, что я входилъ въ такія дѣла, которыя бы относились собственно до должности генералъ-губернатора?—Не бывало ли въ правленіи съ моей стороны замѣшательства по дѣламъ, и отчего съ нынѣшняго года накопилось болѣе 600 неисполненныхъ дѣлъ? — Со времени моего назначенія присутствовалъ ли когда въ правленіи генералъ-губернаторъ, и если присутствовалъ, то

[1] П. И. Иванова *Матеріялы объ Г. Р. Державинѣ* (оттискъ изъ *Чт. Общества Исторіи и Древн.* 1863 г.), стр. 17. Въ запискахъ своихъ (VI, 594) Державинъ не совсѣмъ точно передаетъ жалобы Гудовича; между-прочимъ говоритъ, что въ донесеніи генералъ-губернатора было обвиненіе, будто первый за воротъ тащилъ его въ правленіе, и прибавляетъ, что «столь грубую ложь никакое безстыдное свидѣтельство подкрѣпить не могло, ибо надобно было, чтобъ кто-нибудь ихъ рознялъ». Но въ документахъ такой жалобы Гудовича вовсе не оказывается.

когда именно и осматривалъ ли когда порядокъ и производство дѣлъ въ правленіи?—Нѣтъ ли какихъ письменныхъ по званію моему отъ генералъ-губернатора приличныхъ наставленій, которыхъ бы я держаться былъ долженъ и о которыхъ онъ въ первомъ своемъ рапортѣ упоминаетъ?» и т. п. Справки были безъ замедленія представлены въ губернаторскую канцелярію. Совѣтники, не зная, съ какою цѣлію онѣ собраны, подписали ихъ, а губернскій прокуроръ пропустилъ безъ всякаго возраженія. Получивъ эти справки, Державинъ объявилъ правленію сенатскій указъ о доставленіи требуемаго отвѣта и, основываясь на нихъ, тотчасъ написалъ и отправилъ въ сенатъ свои объясненія. Губернскій прокуроръ счелъ долгомъ отправить съ увѣдомленіемъ о томъ нарочнаго въ Рязань. При этомъ извѣстіи Гудовичъ пуще разсвирѣпѣлъ и 2-го октября послалъ въ сенатъ новую жалобу на Державина. Здѣсь онъ говоритъ, что губернаторъ своимъ противозаконнымъ обращеніемъ за справками къ намѣстническому правленію оскорбилъ чинъ и званіе генералъ-губернатора, предалъ своего начальника разсмотрѣнію и слѣдствію правленія, «изъ чего сенатъ усмотритъ, укрощается ли правитель Державинъ, и послѣ сдѣланнаго ему отъ сената подтвержденія, въ своихъ противъ него противозаконныхъ поступкахъ»; а потому намѣстникъ вновь проситъ сенатъ «о повелѣніи не отправлять ему, правителю, своей должности» до рѣшенія дѣла по поданнымъ Гудовичемъ жалобамъ.

Между тѣмъ Державинъ все еще не терялъ надежды получить, чрезъ своихъ покровителей, разрѣшеніе отправиться въ Петербургъ для объясненій. Повѣривъ какому-то слуху, что тамъ ждутъ Потемкина, онъ отправилъ туда нарочнаго съ письмами къ Попову и Грибовскому: послѣдній, не получивъ въ Тамбовѣ мѣста директора училищъ, умѣлъ пріютиться подъ покровъ всесильнаго вельможи. Въ этихъ письмахъ Державинъ жалуется, что Гудовичъ запрещаетъ давать ему справки и стараніе получить ихъ называетъ возмущеніемъ. Въ то же время Гаврила Романовичъ написалъ еще письмо и къ самому Потемкину, объясняя, что̀ произошло послѣ высочайшаго повелѣнія проситься въ отпускъ «по командѣ», и возобновляя просьбу исходатай-

ствовать ему «увольненіе въ Петербургъ на самое краткое время. Я же съ собою», кончаетъ онъ, «могу и отвѣты мои правительствующему сенату доставить, и если найдуся виновнымъ, да подвергнуся строгости законовъ» [1].

Петербургскіе друзья Державина, смотря на его обстоятельства съ точки зрѣнія обыкновенной житейской философіи, не могли, разумѣется, одобрять его образа дѣйствій. Такъ Козодавлевъ 30-го октября писалъ ему: «Позвольте, любезный другъ, попенять вамъ, что вы не во всемъ слѣдовали правиламъ честнаго, позволительнаго или, лучше сказать, должнаго благоразумія. Напримѣръ, когда отъ васъ требуетъ отвѣта вышнее правительство, тогда приказываете вы отвѣчать мѣсту, въ коемъ вы предсѣдательствуете. Когда вамъ велятъ проситься въ отпускъ по командѣ, тогда вы относитесь къ тому же мѣсту, гдѣ вы законами посажены командовать, ибо совѣтники ваши суть вамъ совершенно подчинены. Сіе и сему подобное можно толковать на разные образы; а въ томъ-то и состоитъ *быть мудру яко змія*, чтобъ изъ отвѣтовъ вашихъ и изъ исполненія повелѣній вышнія власти ничего иного извлечь было не можно, какъ ваше оправданіе. Что сдѣлано, того уже не передѣлаешь. Богъ, видя ваше сердце, исторгнетъ васъ конечно изъ бездны безпокойствій. Отъ всего сердца желаю, чтобъ хлопоты ваши не повредили вашего здоровья, въ чемъ на твердость духа вашего полагаюсь совершенно. О Катеринѣ Яковлевнѣ я сожалѣю отъ всей души и предчувствовалъ, что она занеможетъ отъ своей чувствительности и воображенія. Поцѣлуйте у нея ручку и скажите ей мое совершенное почтеніе» [2].

Прежде нежели въ Петербургѣ получены были объясненія Державина, въ сенатѣ, по послѣдней жалобѣ Гудовича, состоялся указъ, которымъ отъ совѣтниковъ правленія требовалось отвѣта, на какомъ основаніи они давали губернатору справки, и вмѣстѣ съ тѣмъ объявлялось, что императрицѣ представленъ докладъ объ отрѣшеніи Державина отъ должности и преданіи его суду. Этотъ обширный докладъ, помѣщаемый цѣликомъ въ нашихъ приложеніяхъ, кончался слѣдующимъ образомъ:

[1] V, 716.
[2] V, 717.

«Всемилостивѣйшая Государыня! Сенатъ, разсматривая всѣ выше изъясненныя происшествія, поставляетъ долгомъ вашему императорскому величеству всеподданнѣйше донести, что хотя по поводу первовступившихъ донесеній о непорядкахъ тамбовскаго правителя Державина во отправленіи порученной ему должности, также въ несохраненіи должнаго къ начальнику своему повиновенія, и требовано отъ него отвѣта, но онъ, вмѣсто скорѣйшаго исполненія лично до него касающагося о томъ указа, не только вознамѣрился собраніемъ ненужныхъ справокъ отдалить требуемый отвѣтъ на долгое время, привлекая въ соучастіе своихъ непорядковъ служащихъ въ правленіи чиновниковъ, но въ то же самое время подвергъ къ нѣкоторому изслѣдованію и правящаго должность генералъ-губернатора, причиня тѣмъ явную обиду званію его и чину и не уважая предписанія сената, яко вышняго правительства, надъ нимъ поставленнаго, и хотя, по силѣ законовъ, безъ отвѣта и суда, никого винить не должно, но поступки онаго Державина въ послѣднемъ его предложеніи суть гласны и видимы сенатомъ, что онъ дерзновеніемъ и упорствомъ отвергаетъ должное повиновеніе, упослѣждая [1] тѣмъ власть начальства, установленную отъ вашего императорскаго величества, и развращаетъ дѣла службы. Чего ради, во отвращеніе дальнѣйшихъ изъ того послѣдствій, сенатъ и осмѣливается вашему императорскому величеству всеподданнѣйше представить свое мнѣніе, чтобъ помянутаго Державина отъ должности отрѣшить и во всѣхъ его противозаконныхъ дѣяніяхъ предать суду, гдѣ оный надъ нимъ произвесть благоугодно будетъ» [2].

Виновниками такого строгаго рѣшенія, какъ весьма правдоподобно утверждаетъ Державинъ, были князь Вяземскій и, еще болѣе, родственникъ Гудовича Завадовскій, который своею рукою написалъ весь докладъ и при этомъ «показалъ искуство свое въ словоизобрѣтеніи». Вмѣстѣ съ указомъ, гдѣ заявлено было объ этомъ рѣшеніи, присланъ былъ еще другой о наложеніи на

[1] Объ употребленіи этого слова Завадовскимъ, который, по увѣренію Державина, своею рукою написалъ весь этотъ докладъ, см. *Записки*, Т. VI, стр. 529 и 595.

[2] Иванова *Матеріялы*, стр. 25.

губернское правленіе, по дѣлу Бородина, штрафа въ 17,000 руб. (см. выше стр. 497). Мы уже видѣли, какое впечатлѣніе этотъ приговоръ произвелъ на Державина. Естественно, что слухъ о содержаніи обоихъ указовъ долженъ былъ совершенно уронить его въ глазахъ тамбовскаго общества, и онъ 11-го декабря писалъ Терскому (въ которомъ предполагалъ искреннее къ себѣ участіе, но, какъ послѣ оказалось, ошибался): «Таковые гостинцы отъ сената и тому подобныя о моемъ несчастіи разглашенія, какъ равно и пріѣздъ генералъ-губернатора, который, какъ всѣ здѣсь твердили, привезъ съ собою мое отрѣшеніе, отвергли отъ меня самыхъ близкихъ ко мнѣ людей и по должности, и по пріязни; даже и совѣтники правленія, бывшіе со мною всегда единогласными и всегда мною уважаемые, востали противъ меня въ самыхъ ничего не значущихъ дѣлахъ»[1].

Поводомъ къ пріѣзду Гудовича въ Тамбовъ были предстоявшіе въ началѣ декабря выборы, для которыхъ собиралось и дворянство. Державинъ старался сохранять наружное спокойствіе и, продолжая исполнять свои обязанности, представилъ генералъ-губернатору рапортъ о состояніи губерніи и списокъ съѣзжавшихся дворянъ.

Въ Николинъ день онъ явился къ своему начальнику на поклонъ съ другими представлявшимися лицами, но тотъ не удостоилъ его ни единымъ словомъ. Случайно Державинъ узналъ отъ постороннихъ, что выборы назначены 8-го числа; накапунѣ вечеромъ онъ позвалъ къ себѣ коменданта (исправлявшаго и должность городничаго) и отъ него услышалъ, что ему словесно велѣно повѣстить чрезъ полицію, чтобъ завтра въ девять часовъ утра дворянство собралось въ домъ намѣстника, а купечество въ магистратъ для выборовъ, на счетъ же губернатора не было никакого приказанія.

Въ недоумѣніи, не отрѣшенъ ли онъ уже отъ должности, Державинъ хотѣлъ было, сказавшись больнымъ, остаться дома; но, по совѣту случившихся у него «почтенныхъ людей» изъ другихъ губерній, рѣшился въ назначенное время явиться къ на-

[1] V, 724.

мѣстнику для принятія его повелѣній. Подошедъ къ нему при многихъ чиновникахъ и губернскомъ прокурорѣ, Державинъ сказалъ: «До свѣдѣнія моего дошло, что сегодня назначено открытіе выборовъ: то не угодно ли будетъ вашему превосходительству чего и мнѣ поручить?» — Гудовичъ отвѣчалъ, что всѣ нужныя приказанія отданы губернскому предводителю, а въ немъ, Державинѣ, нѣтъ никакой надобности. Губернаторъ поклонился и, не говоря ни слова, вышелъ. Затѣмъ, не имѣя никакого предписанія о времени производства городовыхъ выборовъ, для которыхъ сроки, по закону, долженъ былъ назначать намѣстникъ, Гаврила Романовичъ, письменнымъ рапортомъ, отнесся къ нему съ просьбою рѣшить этотъ вопросъ, и копію съ этого рапорта сообщилъ намѣстническому правленію. Совѣтники правленія, напуганные сенатскимъ указомъ, требовавшимъ отъ нихъ отвѣта за выдачу Державину справокъ, не приняли этой бумаги и подали генералъ-губернатору свое мнѣніе. Гудовичъ вошелъ въ сенатъ съ новымъ донесеніемъ на Державина, обвиняя его за неназначеніе своевременно сроковъ городовымъ выборамъ. Ожидая, что въ слѣдствіе этого «будетъ еще новая исторія и матерія для сужденія сената» и, уже не полагаясь на правосудіе его, Державинъ просилъ Терскаго, «гдѣ можно замолвить за него слово и внушить, что онъ поистинѣ не заслуживаетъ такого гоненія, которымъ безвинно всѣ на него возстали».

Дѣйствительно, положеніе Державина было невыносимо; вотъ какъ онъ въ томъ же письмѣ описывалъ его: «Губернаторъ больше уже здѣсь не существуетъ. Я съ каждымъ шагомъ опасаюсь, чтобъ не сдѣлали какой привязки. И даже до того загнанъ и презрѣнъ, что весь городъ до послѣдняго офицера приглашается въ домъ генералъ-губернатора на обѣды, на маскарады и на балы, бывающіе по случаю выборовъ; но я и Катерина Яковлевна ни въ какое публичное собраніе не призываемся, и хотя означенные пиры въ домѣ государевомъ и, можно сказать, отъ щедротъ великой Екатерины устроиваются; но губернаторъ оныхъ съ его женою лишенъ. Напротивъ того, въ торжественные дни, когда назначалъ я у себя публичное собраніе, какъ то и въ нынѣшній Екатерининъ день, то я даже самыхъ моихъ зло-

дѣевъ всѣхъ приглашалъ; ибо, по моимъ мыслямъ, въ таковые дни должно оставлять всякія личныя между собою неудовольствія и непріязни. Меня это ни мало не трогаетъ; но я удивляюся, что люди, носящіе великую довѣренность, славящіеся знатнымъ родствомъ и воспитаніемъ, забываются изъ злобы до такой крайности; ибо (намѣстникъ) не хотѣлъ сюда и въѣзжать до того времени, покуда меня не отрѣшатъ; но когда сталъ въ необходимости пріѣхать для выборовъ, то вотъ какія творитъ чудеса. Напротивъ того я, лишь бы приведены были подчиненные, всякій, къ исполненію своихъ должностей, ни мало не ужасаюся быть подъ его начальствомъ. Иногда не безнужно имѣть и враговъ, чтобы лучше не сбиваться съ пути законовъ. Пусть подыскивается: это мнѣ дѣлаетъ болѣе чести, что со всѣмъ своимъ домогательствомъ притѣснить меня, кромѣ пустяковъ, ничего не находитъ» [1].

Роковой докладъ сената долго оставался безъ конфирмаціи, и Державину пришлось жить недѣли три между страхомъ и надеждой. Въ Петербургѣ получены были между тѣмъ объясненія его; тамошніе друзья опальнаго губернатора спѣшили извѣстить его о ходѣ его дѣла или, по крайней мѣрѣ, о носившихся въ городѣ по поводу этого дѣла слухахъ. Жившій въ Петербургѣ отецъ моршанскаго городничаго, Михайла Титовъ, вмѣстѣ съ извѣстіемъ о взятіи Очакова, сообщалъ Державину 18-го декабря: «Поданный докладъ государыня изволила оставить у себя, который и понынѣ не вышелъ, да можетъ быть и не выйдетъ никогда. Причины (для отрѣшенія губернатора) весьма слабы, а полученное отъ васъ объясненіе у многихъ перемѣнило мысли». Въ тотъ же день писали Державину Львовъ и Терскій. Первый увѣдомлялъ его: «Третьяго дня, говорятъ, графъ Мамоновъ хорошо объ тебѣ отзывался; говорятъ, что будто онъ получилъ отъ тебя письма; я этого не знаю, и ты мнѣ не писалъ. Онъ говорилъ, что тебя несправедливо притѣсняютъ, что увѣдомленъ о тебѣ, какъ о человѣкѣ прямомъ и правомъ, что ты по поступкамъ своимъ ему таковымъ кажешься. Между тѣмъ по докладу ничего нѣтъ.... Отвѣты твои читаютъ;

[1] V, 724.

но тутъ ужъ такъ тайно, что ничего узнать и въ сенатѣ не можно».

Терскій столько же неутѣшительно писалъ: «О слухѣ вы пишете касательно доклада; то и здѣсь то же было, и что-нибудь съ правдою похоже. Однако, кажется теперь, будто все затихло; дай Богъ, чтобы такъ и осталось. Мой дружескій совѣтъ вамъ все забыть, держась моего правила: терпѣнія сколько можно!» Какъ обыкновенно бываетъ въ такихъ случаяхъ, друзья, на помощь которыхъ разсчитывалъ пострадавшій, отдѣлывались утѣшеніями и совѣтами..

Черезъ два дня (21-го декабря) опять полетѣли въ Тамбовъ вѣсти о дѣлѣ Державина. Львовъ писалъ: «Сегодня опять худые слухи.... Говорятъ, что московскому сенату приказано разсмотрѣть все дѣло; указа еще нѣтъ, а говорятъ, завтра выйдетъ. Не знаю, право, и боюсь, поможетъ ли что-нибудь и письмо твое; если писать станешь, то пожалуй будь остороженъ; я все не могу никого видѣть. Говорятъ, что князь (Таврическій) будто къ новому году будетъ сюда. Не знаемъ, не вѣдаемъ, какимъ страннымъ оборотомъ въ два дни дѣла такой видъ взяли, и узнать никакъ нѣтъ средства. Прости».

Удивительно, что на этотъ разъ Львовъ, служившій при Безбородкѣ, зналъ менѣе провіантмейстера Новосильцова, который такъ извѣщалъ своего пріятеля о рѣшеніи его участи:

«М. г. мой, Г. Р. Непостоянство счастія, играющаго нашею участью, измѣняя въ надеждѣ, которую имѣли мы изъ продолженія по поданному объ васъ отъ сената докладу, наконецъ, къ сердечному соболѣзнованію моему, опредѣляетъ вамъ явиться въ 6-й департаментъ для отчета въ принесенныхъ жалобахъ отъ генералъ-губернатора, и должность ваша поручается старшему по списку изъ назначенныхъ къ опредѣленію, генералъ-поручику Звѣреву. Я не въ состояніи изъяснить безмѣрнаго оскорбленія, которое причиняетъ сія неожидаемая превратность мнѣ и другимъ, васъ любящимъ. Но что дѣлать, когда все въ свѣтѣ подвержено перемѣнамъ и когда истина почасту представляется въ ложномъ видѣ? Прилагаю здѣсь копіи съ указовъ, всеискренно желая, чтобъ вы, м. г. мой, сію непріятность приняли съ свой-

ственнымъ вамъ благоразсужденіемъ и чтобъ справедливость доставила вамъ всесовершенное торжество и воздаяніе [1].

Именной указъ объ отдачѣ Державина подъ судъ [2] состоялся въ тотъ самый день, когда писаны были первыя изъ приведенныхъ здѣсь писемъ, именно 18-го декабря. Окончательное распоряженіе содержало еще одинъ важный пунктъ, о которомъ не упомянулъ Новосильцовъ: велѣно было обязать подсудимаго подпиской, что онъ до окончанія своего дѣла останется безвыѣздно въ Москвѣ.

Храповицкій, въ дневникѣ своемъ, еще 29-го ноября записалъ: «По докладу сената, приказано Державина отдать подъ судъ. Онъ стихотворецъ и легко его воображеніе можетъ быть управляемо женою». Затѣмъ слѣдовалъ приведенный уже выше (стр. 244) весьма нелестный отзывъ императрицы о тещѣ поэта.

Итакъ на этотъ разъ не помогла и благосклонность Безбородки, подогрѣваемая Львовымъ. Просьбы Державина о позволеніи ему пріѣхать въ Петербургъ были оставлены безъ вниманія. Воронцовъ хранилъ упорное молчаніе. Самъ поэтъ объясняетъ дурной исходъ дѣла тѣмъ, что Безбородко, по старинной дружбѣ съ землякомъ своимъ Завадовскимъ, принялъ сторону его родственника Гудовича, принадлежа притомъ къ сильной партіи князя Вяземскаго, ибо, по словамъ Державина, Потемкинъ, Безбородко и Вяземскій, «чтобъ не мѣшать другъ другу, составили между собой тріумвиратъ». Такъ ли дѣйствительно было, или Безбородко, получивъ отъ Гудовича частное письмо съ рѣзкой жалобой на Державина, не могъ ничего сдѣлать въ пользу поэта, или, видя его неосмотрительные поступки, рѣшился временно имъ пожертвовать, въ надеждѣ скоро поправить дѣло съ помощію Потемкина, — какъ бы ни было, онъ долженъ былъ доложить государынѣ письмо генералъ-губернатора, и тогда только Екатерина, которая до тѣхъ поръ держала у себя докладъ сената безъ движенія, рѣшилась утвердить его. Какъ между тѣмъ смотрѣлъ Потемкинъ на все это дѣло, раскрываетъ

[1] Всѣ эти письма см. V, 725—728.

[2] Текстъ его см. VI, 597, въ примѣчаніи.

письмо Грибовскаго къ Державину, писанное изъ Кременчуга, въ концѣ января 1789 года, по порученію Попова: «Его свѣтлость», говоритъ онъ, «никакъ не перемѣнилъ къ вамъ своего благорасположенія, но отлагалъ защитить васъ въ Петербургѣ самолично, не желая писать къ князю Александру Алексѣевичу (Вяземскому) и что пріѣхавши туда, конечно сдѣлаетъ въ вашу пользу все возможное [1].

31. Нѣкоторые частные случаи.

Разсматривая главныя стороны дѣятельности Державина по Тамбовской губерніи, мы не могли останавливаться на нѣкоторыхъ отдѣльныхъ чертахъ ея, также заслуживающихъ вниманія. Обращаемся къ нимъ теперь. Онѣ доставятъ намъ еще нѣсколько данныхъ для оцѣнки личности этого человѣка, въ которомъ было такое удивительное смѣшеніе самородныхъ элементовъ высокаго благородства съ послѣдствіями недостаточнаго образованія.

Вотъ напримѣръ случай, доказывающій его человѣколюбивое настроеніе:

Въ августѣ 1786 года, при выходѣ изъ присутствія намѣстническаго правленія, губернаторъ увидѣлъ на крыльцѣ мальчика лѣтъ семи или восьми, съ большою желѣзною цѣпью на шеѣ. Мальчикъ этотъ, по имени Матвѣй Петровъ, имѣлъ оторопѣлый видъ. При осмотрѣ, у него на лицѣ и на спинѣ оказались слѣды побоевъ. Державинъ возвратился съ нимъ въ присутствіе. Оказалось, что это былъ сынъ двороваго человѣка поручика Дулова изъ села Борщовки, что въ 15-ти верстахъ отъ Тамбова. Наканунѣ, когда мальчикъ, по своей должности, пасъ свиней, случилось, что одна изъ нихъ убѣжала на село. За это помѣщикъ высѣкъ его ѣзжалымъ кнутомъ и, надѣвъ ему цѣпь на шею, приковалъ къ стулу, стращая, что еще будетъ сѣчь его. Испуганный Матвѣй, замѣтивъ, что цѣпь была надломана, успѣлъ половину ея снять съ кольца и прибѣжалъ въ городъ искать у на-

[1] V, 745.

чальства защиты, такъ какъ помѣщикъ часто его сѣкъ; онъ не щадилъ и другихъ дворовыхъ людей и крестьянъ своихъ: привязывая ихъ къ колесу, билъ кнутьями и палками. Положено было разслѣдовать поведеніе этого помѣщика, а мальчика, снявъ съ него цѣпь, отправить между тѣмъ въ приказъ общественнаго призрѣнія на прокормленіе и излѣченье, при чемъ штабълѣкарю велѣно описать бывшіе на немъ боевые знаки. По указу, посланному на имя уѣзднаго предводителя дворянства, собраны были насчетъ Дулова свѣдѣнія отъ сосѣднихъ дворянъ. Нѣкоторые отозвались о немъ одобрительно, другіе показали, что совсѣмъ его не знаютъ. Уѣздный судъ заявилъ, что на него никто не подавалъ просьбъ и жалобъ, и только въ нижній земскій судъ представлены были въ 1784 году однодворческимъ старостой и помѣщичьими крестьянами два малолѣтные мальчика, найденные ими на гумнахъ въ соломѣ, да въ 1786 году комендантомъ присланъ былъ крестьянскій сынъ въ побѣгѣ — отъ причиняемыхъ господиномъ ихъ побоевъ; эти мальчики отданы были Дулову подъ расписку, и болѣе просьбъ на него ни отъ кого не поступало. Удовольствовавшись этими свѣдѣніями, правленіе опредѣлило: взятаго на прокормленіе мальчика отослать къ предводителю дворянства и велѣть отдать его Дулову, подтвердивъ, «чтобы онъ съ рабами своими столь жестокимъ образомъ не поступалъ, а имѣлъ къ онымъ человѣколюбіе; если же впредь въ такихъ поступкахъ замѣченъ будетъ, то съ нимъ поступлено быть имѣетъ по законамъ». Прибавимъ побочныя, но не лишенныя интереса подробности: на содержаніе мальчика въ приказѣ назначено было по 5 коп. въ сутки; всего же издержано 13 руб. 70 коп. Изъ этого слѣдуетъ, что мальчикъ просидѣлъ въ приказѣ ровно 9 мѣсяцевъ. Въ концѣ мая 1787 года правленіе опредѣлило: взыскать эти деньги съ поручика Дулова; послѣдняя же бумага по этому дѣлу, посланная изъ правленія въ приказъ, была отъ 14-го іюля означеннаго года, слѣдовательно на производство всего дѣла потребовалось не менѣе 11 мѣсяцевъ, за что, конечно, нельзя винить одного губернатора, такъ какъ задержка произошла главнымъ образомъ отъ медленности въ собираніи справокъ.

Вотъ еще одно распоряженіе Державина въ томъ же духѣ: оно состояло въ смягченіи строгаго приговора. Рядовой тамбовскаго баталіона Маркъ Григорьевъ, самовольно отлучившись отъ команды, женился на крѣпостной дѣвкѣ купца Бородина и обвинялся въ сносѣ вмѣстѣ съ нею разныхъ вещей, что однакожъ доказано не было. По произведенному слѣдствію комендантъ полагалъ прогнать виновнаго шпицъ-рутенами два раза сквозь строй пятисотъ человѣкъ. Но Державинъ, пользуясь предоставленнымъ губернаторамъ правомъ рѣшать дѣла по неважнымъ преступленіямъ военнослужителей, отвѣчалъ на увѣдомленіе о томъ Булдакова: что такъ какъ изъ допроса Григорьева и засвидѣтельствованія его командира подпоручика Зеньковича видно, что этотъ солдатъ отлучился изъ квартиры своей не для какого-либо злого умысла, а чтобы обвѣнчаться по взаимному согласію съ крестьянкой Акулиной, и пробылъ въ отсутствіи въ селѣ Лысыя Горы не болѣе 9-ти часовъ, по возвращеніи же въ Тамбовъ немедленно явился къ начальнику съ повинною, то губернаторъ опредѣлилъ, вмѣсто присужденной виновному жестокой кары, наказать его тѣлесно при собраніи команды и затѣмъ оставить при прежней должности.

Въ противоположность этому случаю слѣдуетъ разсказать другой, свидѣтельствующій, что Державинъ, въ служебныхъ отношеніяхъ, не всегда руководствовался чувствомъ человѣколюбія и, подчиняясь какому-нибудь стороннему вліянію, могъ во взысканіи за вину поступать съ крайнею строгостію. Сохранилось слѣдующее предложеніе губернатора намѣстническому правленію отъ 12-го іюня 1786 года:

«Усмотрѣно, что секретарь Даниловъ въ исправленіи своей должности весьма медлителенъ и неисправенъ, о чемъ неоднократно докладывано было мнѣ и отъ г. совѣтника сего правленія Аничкова [1], а потому и выговоры ему дѣланы были, но и затѣмъ не исправляется. Намѣстническому правленію предлагаю, не благоволитъ ли оное приказать его, Данилова, за таковую

[1] Мы уже знаемъ, какое значеніе этотъ Аничковъ позднѣе пріобрѣлъ для Державина.

его неисправность, содержать въ правленіи полмѣсяца на хлѣбѣ и водѣ, за которымъ имѣть наблюденіе стоящему на гауптвахтѣ ундеръ-офицеру, чтобъ онъ изъ правленія не отлучался и чтобъ ничего больше какъ хлѣбъ и вода ему въ пищу даваемы не были».

Къ сожалѣнію, нельзя отрицать, что Державинъ, по личнымъ своимъ отношеніямъ, иногда ошибался въ оцѣнкѣ людей и легко становился жертвою лести, обмана или пристрастія. Вотъ одинъ разительный тому примѣръ: спасскій капитанъ-исправникъ секундъ-майоръ Рогожинъ безсовѣстно грабилъ крестьянъ и, собирая подать, вмѣсто одного положеннаго закономъ рубля бралъ съ нихъ по десяти; а если кто-нибудь осмѣливался не удовлетворить его алчности, то онъ прибѣгалъ къ жестокимъ, едва вѣроятнымъ истязаніямъ. Такъ, когда разоренное имъ мѣстное начальство села Бокового Майдана отказалось платить налоги въ пользу Рогожина, то онъ надъ сотскимъ и головою этого села произвелъ страшную экзекуцію. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ имѣлъ обычай, утоливши въ какомъ-нибудь селѣ свое мщеніе за противодѣйствіе его жадности, требовать отъ крестьянъ письменнаго себѣ одобренія, въ чемъ конечно ему не смѣли отказывать. Въ селѣ Майданѣ проживалъ приказчикъ полковника Мельгунова, Ульяновскій. «Это былъ человѣкъ замѣчательно развитый для своей среды и своего времени», говоритъ г. Дубасовъ, которому мы обязаны свѣдѣніемъ о настоящемъ случаѣ [1]. Въ 1787 г., во время неурожая, Ульяновскій на свой счетъ скупалъ хлѣбъ и по дешевымъ цѣнамъ раздавалъ его бѣдному деревенскому люду. Узнавъ подвиги Рогожина, онъ написалъ о нихъ губернатору и другимъ тамбовскимъ властямъ. Внезапно въ село Майданъ нагрянулъ весь спасскій нижній земскій судъ и, настращавъ собранныхъ имъ сельскихъ стариковъ, заставилъ ихъ единогласно одобрить всѣ дѣйствія своего предсѣдателя, капитанъ-исправника. Ульяновскій же былъ обвиненъ Рогожинымъ въ томъ, что держалъ у себя въ работникахъ безпашпортныхъ, что бралъ у майданскихъ крестьянъ казенную землю и обраба-

[1] *Р. Архивъ* 1878, стр. 30 — 32.

тывалъ ее посредствомъ этихъ самыхъ крестьянъ какъ бы въ отплату за то, что давалъ имъ взаймы деньги, а они отъ того терпѣли разоренье и не могли платить государственныхъ податей. Все это по произведенному дознанію оказалось чистою ложью. Кромѣ того слѣдователи обнаружили, что у Рогожина были съ Ульяновскимъ личныя непріятности, при чемъ первый являлся въ самомъ невыгодномъ свѣтѣ. Однажды капитанъ-исправникъ послалъ полицейскихъ солдатъ наловить рыбы въ прудѣ Ульяновскаго; когда же тотъ воспротивился насилію, то ему было объявлено: «велѣно тебя въ воду посадить, если не дашь рыбы», — и онъ долженъ былъ уступить.

Во время судебнаго разбирательства по клеветѣ на Ульяновскаго, въ Спасскъ пріѣхалъ Державинъ. Здѣсь, по наущенію Рогожина, губернатора уже поджидала депутація изъ села Бокового Майдана. Восемь стариковъ подали ему просьбу на Ульяновскаго, выхваляя Рогожина, какъ примѣрнаго начальника. Но и противная сторона не дремала. Отставной сержантъ Кардаминъ принесъ Гудовичу жалобу, въ которой было изложено слѣдующее: Разъ Кардаминъ, по обязанности питейнаго повѣреннаго, конфисковалъ бочку корчемнаго вина, которую везли къ пріятелю Рогожина Самгину, и для заявленія объ этомъ отправился къ Рогожину же, какъ начальнику уѣзда. Тамъ встрѣтился онъ съ Самгинымъ, который, увидѣвъ его, закричалъ: «Я застрѣлю тебя изъ ружья 25-ю пулями», а самъ Рогожинъ прямо набросился на Кардамина и ударилъ его по лицу. Кардаминъ просилъ исправника засвидѣтельствовать угрозу Самгина, но тотъ отвѣчалъ новыми побоями, приговаривая: «Вотъ тебѣ свидѣтельство», а потомъ отослалъ его въ холодную.

Гудовичъ рѣшился поступить съ Рогожинымъ по всей строгости законовъ и отправить его въ уголовную палату подъ судъ. Но за подсудимаго вступился Державинъ, и Рогожинъ поплатился одною отставкой, да и то уже при слѣдующемъ губернаторѣ, Звѣревѣ. Г. Дубасовъ замѣчаетъ при этомъ, что Державинъ принялъ сторону виновнаго «по неизвѣстной причинѣ». Намъ причина эта очень ясна: Державинъ, по свойственному ему легковѣрію и простодушію, былъ введенъ въ заблужденіе не толь-

ко приверженцами Рогожина, но и тѣми одобрительными свидѣтельствами, которыя этотъ капитанъ-исправникъ, какъ мы видѣли, не разъ вымогалъ у крестьянъ.

Но что Державинъ непритворно стремился къ добру и справедливости, тому мы имѣемъ много доказательствъ. Между-прочимъ на это указываютъ нѣкоторыя до сихъ поръ живущія въ Тамбовской губерніи преданія. Еще лѣтъ двадцать тому назадъ въ Липецкѣ помнили, какъ онъ, пріѣхавъ въ этотъ городъ, ласково обращался съ жителями и бралъ сторону бѣдныхъ противъ богатыхъ [1]. Останавливался онъ тамъ у городничаго Петра Тимофеевича Бурцова, умершаго въ январѣ 1826 года, 115-ти лѣтъ отроду, отцомъ двадцати-четырехъ дѣтей. Изъ нихъ въ свое время извѣстенъ былъ гусарскій офицеръ Алексѣй Петровичъ, отчаянный гуляка и головорѣзъ, къ которому Денисъ Давыдовъ написалъ посланіе:

«Бурцовъ, ёра, забіяка,
Собутыльникъ дорогой»... [2]

Сохранился журналъ «бытности въ Липецкѣ его превосходительства», изъ котораго видно, что Державинъ, пріѣхавъ туда 15 декабря 1786 г., осматривалъ тамъ заводы и присутственныя мѣста. При освидѣтельствованіи уполномоченными чинами (въ числѣ которыхъ былъ и Бурцовъ), за два дня до того, денежной казны было замѣчено, что какъ скоро отворили двери въ кладовую, то присяжные Барановъ и Карповъ, вмѣстѣ съ уѣзднымъ казначеемъ Сальковымъ, бросились къ сундуку, и такъ какъ онъ не былъ замкнутъ, то они вложили въ него тысячу рублей ассигнаціями. Оба присяжные сознались въ томъ, а по пріѣздѣ губернатора Сальковъ повинился, что онъ прежде взялъ помянутую тысячу изъ сундука для своихъ надобностей; по случаю же предстоявшей ревизіи казначейства отдалъ эту сумму присяжнымъ, съ тѣмъ чтобы они непремѣнно положили ее въ сундукъ.

[1] VI, 602. Примѣч. П. И. Бартенева.

[2] Жихарева *Записки современника*, 118. *Сочиненія Давыдова*, стр. 11.

Имѣло ли это дѣло какія-нибудь послѣдствія, изъ документовъ не видно. При осмотрѣ городового магистрата, въ бумагахъ его также найденъ безпорядокъ.

Вотъ еще мѣстное преданіе о Державинѣ. Помѣщица Липецкаго уѣзда, вдова Редькина, разбитая параличемъ, имѣла тяжбу по полученному отъ отца наслѣдству. Дѣло тянулось очень долго и кончено было въ пользу ея противника. Тогда она отправилась въ Тамбовъ просить губернатора о пересмотрѣ этого дѣла, но сторонники выигравшаго процессъ долго не допускали ея до Державина. Наконецъ она приказала подвезти себя въ ручной телѣжкѣ къ окну губернаторскаго дома и оставалась тамъ до тѣхъ поръ, пока не увидѣла Державина. Объяснившись сперва на словахъ, она подала ему жалобу на неправильное рѣшеніе; губернаторъ потребовалъ къ себѣ все дѣло, внимательно прочиталъ его самъ и далъ ему другой оборотъ въ пользу Редькиной, которая умерла въ глубокой старости въ 90-хъ годахъ прошлаго столѣтія. [1]

Между частными случаями губернаторства Державина въ Тамбовѣ нельзя не упомянуть также о полученномъ имъ безыменномъ доносѣ на подчиненныхъ ему представителей власти. 25-го января 1788 года онъ предъявилъ въ намѣстническомъ правленіи письмо, поднятое въ его сѣняхъ и запечатанное въ конвертѣ съ надписью: «Его благородію Александру Яковлевичу» (Бастидону, шурину Державина). По распечатаніи оказалось, что оно было прислано изъ Козлова и обличало происходившія въ намѣстничествѣ злоупотребленія разныхъ должностныхъ лицъ и безпорядки въ производствѣ дѣлъ. Авторъ выражался почтительно и въ концѣ письма обѣщалъ принести со временемъ извиненіе въ причиняемомъ безпокойствѣ. Жалобы были направлены противъ помощника полиціи, частныхъ смотрителей, секретаря и церковниковъ. Вотъ напр. что́ говорилось о первомъ изъ означенныхъ лицъ: «Не доволенъ грабежемъ помощникъ полиціи, сокровища котораго во весь свой вѣкъ служа не удавалось

[1] Частное ко мнѣ письмо А. Колобова, офицера, управлявшаго Хрѣновскимъ заводомъ, отъ 12 іюля 1862 года.

столько получить, какъ бывши здѣсь въ Тамбовѣ на ста рубляхъ, коимъ жалованьемъ и въ продовольствіи семейства пищею, исключая имѣющихся лошадей и содержанія оныхъ фуражемъ, а равно чрезвычайнымъ нынѣ одѣяніемъ хорошаго платья и содержанія своего отличнаго и противъ тѣхъ, кои больше 500 рублей получаютъ и жалованья, содержать бы себя было нечѣмъ, какъ нынѣ всегда пиво и съ прочими напитки бутылки не перемежаются» и проч. По существовавшему въ то время закону, подлинное письмо, очевидно написанное полуграмотнымъ человѣкомъ, было сожжено на городской площади руками палача.

32. Тамбовская переписка и отношеніе губернатора къ литературѣ.

Изъ Тамбова Державинъ велъ обширную и самую разнообразную переписку, которая бросаетъ яркій свѣтъ на всѣ его тогдашнія отношенія и обстоятельства. Большая часть ея дошла до насъ, благодаря его привычкѣ не только сохранять получаемыя письма, но и оставлять у себя отпуски съ тѣхъ, которыя онъ отправлялъ въ разныя стороны. У него были корреспонденты во многихъ мѣстностяхъ Россіи: на родинѣ его, въ Казани (Ф. И. Васильевъ), въ Москвѣ (Арсеньевъ, графъ И. Л. Воронцовъ, Херасковъ), въ Малороссіи (Синельниковъ, Капнистъ), въ Бѣлоруссіи (Лунинъ), въ Вяткѣ, въ Саратовѣ. Съ Петрозаводскомъ его сношенія намъ уже знакомы. Всего дѣятельнѣе переписывался онъ съ Петербургомъ, гдѣ у него были многочисленныя связи и между высшими сановниками, и въ болѣе скромномъ, но также имѣвшемъ для него важное значеніе чиновномъ мірѣ, и наконецъ въ кругу родныхъ и знакомыхъ по женѣ. Къ числу знатныхъ его покровителей или, по крайней мѣрѣ, благожелателей за это время принадлежали: графы Безбородко, А. Р. Воронцовъ, А. П. Шуваловъ, И. Г. Чернышевъ, княгиня Дашкова, любимецъ Ермоловъ, Л. А. Нарышкинъ, князь С. Ф. Голицынъ, наконецъ самъ Потемкинъ съ своимъ фактотумомъ Поповымъ. Между переписывавшимися съ Державинымъ лицами находимъ также графиню Матюшкину и княжну Волкон-

скую. Хотя его отношенія къ Вяземскимъ, со времени бывшихъ непріятностей, охладѣли, но онъ не совсѣмъ отдалился отъ этого семейства. Въ слѣдствіе прежняго знакомства получилъ онъ портретъ князя, гравированный Скородумовымъ, и иногда обмѣнивался съ княгинею поклонами; по случаю же путешествія генералъ-прокурора въ Саратовскую губернію, переписывался даже и съ нимъ самимъ. Сношенія его съ нѣкоторыми вельможами поддерживались тѣмъ, что они имѣли помѣстья въ Тамбовской губерніи и поручали ему наблюденіе за своими дѣлами. Въ такомъ положеніи былъ одинъ изъ главныхъ покровителей его графъ Воронцовъ; по той же причинѣ обращались къ нему Чернышевъ, Нарышкинъ, Терскій, Домашневъ, графиня Матюшкина.

Изъ второстепенныхъ вліятельныхъ лицъ, находившихся въ перепискѣ съ Державинымъ, особеннаго вниманія заслуживаютъ, кромѣ друга его Львова, бывшіе сослуживцы его А. И. Васильевъ, Козодавлевъ, Кологривовъ, П. И. Новосильцовъ, затѣмъ кавалергардъ Зайцовъ, сенатскій оберъ-прокуроръ Неклюдовъ, Небольсинъ, Нелидовъ, Ахвердовъ (въ то время помощникъ экзекутора въ сенатѣ) и Полѣновъ (оберъ-секретарь). Наконецъ, особую категорію корреспондентовъ поэта составляли имѣвшіе болѣе или менѣе отношенія къ литературѣ Антоновскій, Грибовскій, Херасковъ и Новиковъ; къ этому же разряду принадлежали впрочемъ и ближайшіе друзья Державина, Львовъ и Капнистъ, съ которыми онъ, разумѣется, и переписывался всего прилежнѣе. Названные нами выше служаки и дѣльцы поддерживали въ Петербургѣ доброе мнѣніе о Державинѣ, подавали ему руку помощи, предостерегали его; когда же наконецъ надъ нимъ стряслась бѣда, они сообщали ему извѣстія о ходѣ его дѣла.

Н. А. Львовъ, хотя по своему шутливому характеру, и посмѣивался иногда надъ самообольщеніемъ своего друга, надъ розовыми ожиданіями его въ первое время сношеній съ Гудовичемъ, надъ его жизнью выше средствъ въ Тамбовѣ, однакожъ постоянно радѣлъ о его интересахъ, ходатайствовалъ за него и подогрѣвалъ благорасположеніе къ нему своего начальника Безбородки. Письма Львова отличаются отъ всѣхъ другихъ своимъ задушевнымъ, веселымъ, часто даже шутовскимъ тономъ, и оче-

видно, что онъ стремился къ оригинальности. Такъ, возвратясь изъ своей каменно-угольной командировки, онъ пишетъ: «Слава Богу, что по пріѣздѣ моемъ въ Петербургъ первое перо обмакнулъ я въ удовольствіе писать къ тебѣ, мой другъ-радость». Потомъ, находясь въ свитѣ императрицы во время крымскаго путешествія, онъ начинаетъ письмо свое изъ Кіева словами: «Не стыдно ли тебѣ, г. губернаторъ, что ты мнѣ уже на два письма не отвѣчаешь? Горой бы тя, проклятаго лѣнивца», и т. д. Безцеремонность Львова распространялась и на Катерину Яковлевну, къ которой онъ, напр., такъ обращался въ своихъ письмахъ: «Утѣшь тебя такъ сила небесная и земная, премилая наша губернаторша, какъ ты меня силуэтами» (своей работы). Иногда онъ называлъ ее неоцѣненной, дорогой или чернобровой губернаторшей. Переписка его съ Державинымъ важна какъ матеріалъ и для собственной его біографіи: мы видимъ тутъ его подвижную натуру то въ хлопотливой чиновнической дѣятельности при Безбородкѣ, то среди проектовъ и спекуляцій, которыми онъ вѣчно былъ занятъ въ надеждѣ поправить свое разстроенное состояніе. Между-прочимъ Львовъ, подобно многимъ другимъ, выписывалъ черезъ Державина хлѣбъ изъ Тамбовской губерніи. По его письмамъ можно также прослѣдить весь ходъ его поѣздки въ Новгородскую губернію для отысканія каменнаго угля въ Волдайскихъ горахъ [1].

Самыя дружескія чувства Державинъ питалъ, повидимому, къ Капнисту: по крайней мѣрѣ, ни къ кому онъ не писалъ такъ часто и въ такихъ сердечныхъ выраженіяхъ. Кажется, и Катерина Яковлевна съ привязанностью къ женѣ его соединяла такое же предпочтеніе къ другу своего мужа. Съ обѣихъ сторонъ мы встрѣчаемъ въ ихъ перепискѣ, говоря словами Пушкина, «ласковыхъ именъ младенческую нѣжность». Еще изъ Петрозаводска

[1] Съ этою цѣлью, въ іюлѣ 1786 года, Львовъ былъ командированъ въ Боровичи и пробылъ тамъ до сентября. Ему казалось, что дѣло идетъ прекрасно, и онъ съ восторгомъ увѣдомлялъ о томъ Державина, но результатъ экспедиціи не оправдалъ ожиданій. Перевезенный въ Петербургъ, валдайскій уголь долго лежалъ большою массой на какомъ-то дворѣ, но наконецъ, въ жаркое время, воспламенился, и весь пропалъ.

Державинъ такъ обращался къ Капнисту: «Васенька, любезный мой другъ, Христосъ воскресъ. Дожидаюсь нетерпѣливо, какъ самъ пріѣдешь; тогда душу къ тебѣ съ словами вьшущу и напою тебя моимъ открытымъ сердцемъ»[1]. Такимъ языкомъ онъ, сколько намъ извѣстно, ни съ кѣмъ другимъ не говорилъ. Катерина Яковлевна называла эту малороссійскую чету: «Милые наши Копиньки». Наскучивъ столичной суетой, Капнистъ, вопреки совѣтамъ друзей, рѣшился оставить службу въ петербургскомъ почтамтѣ и переселился на югъ, въ свою Обуховку, гдѣ и доживалъ вѣкъ, раздѣляя досуги отъ обязанностей предводителя дворянства между сельскимъ хозяйствомъ и литературой.

Получивъ извѣстіе о пріѣздѣ Державиныхъ въ Тамбовъ, онъ поспѣшилъ выразить имъ свою радость, что теперь только 500 верстъ отдѣляютъ его отъ нихъ. Еще болѣе Львова онъ былъ пламеннымъ обожателемъ Катерины Яковлевны и въ томъ же письмѣ говорилъ ей: «Благодарю васъ за жену и за себя, за прекрасный подарокъ корзинки и силуэтовъ. Неоцѣненный подарокъ, а наипаче когда воображу, что все то работали прекрасныя ваши ручки, которыя тысячу разъ мысленно цѣлую. Ахъ! ежелибъ удалося хоть сотую часть сей суммы въ самомъ дѣлѣ ихъ поцѣловать; а то въ мысляхъ такъ цѣлую, какъ голодный во снѣ ѣстъ. Только зубами воздухъ кусаетъ. Такъ-то и я. Но надѣюсь, что Богъ позволитъ мнѣ удовольствіе васъ, любезнѣйшихъ мнѣ людей, видѣть, а слѣдовательно и ручки ваши цѣловать; сирѣчь ваши, сударыня, а не ваши, господинъ кривой мизинецъ»[2]. Затѣмъ рѣчь идетъ о дѣтяхъ Капнистовъ, Ганюшкѣ и Катенькѣ, такъ названныхъ по имени дорогой четы.

«Здравствуйте, г-жа веселая губернаторша тамбовская и г. веселый губернаторъ тамбовскій», начиналъ въ другой разъ свое письмо Василій Васильевичъ по случаю пированій въ ихъ домѣ: «Боже мой! Какъ бы я полетѣлъ къ вамъ, ежелибъ были крылья! А то нѣтъ, привязанъ къ дому и женой, и дѣтьми, и эко-

[1] V, 408. Ср. въ стихотвореніи *Разлука* (I, 28):

«Иль изъ устъ твоихъ желаю
Выпить душу я твою».

[2] V, 445.

номіей, и должностью, и дѣлами. Сколько цѣпей! Но, право, думаю, что нетерпѣніе мое всѣхъ ихъ разорветъ и понесетъ меня къ вамъ на воскриліяхъ кибиточныхъ. Понесусь къ вамъ цѣловать, разцѣловать ваши ручки, Катерина Яковлевна, а тебя обнять, переобнять, дорогой губернаторъ. Видно, что я объ васъ съ великимъ рвеніемъ думаю, что часто вижу васъ во снѣ, но ни разу такъ пріятно не видѣлъ, какъ сегодня. Казалось, я пришелъ къ вамъ, встрѣтилъ Катерину Яковлевну, бросился къ ней, разцѣловалъ ея руки и обрадовался до слезъ и такъ до слезъ, что проснувшись, я дѣйствительно ощутилъ себя въ слезахъ»[1]. Далѣе Капнистъ еще разъ благодаритъ Катерину Яковлевну за подарки: «Я расцѣловалъ работу вашу, признаюсь. Мнѣ казалось, что, видя столь прекрасное ваше рукодѣлье, я васъ самоё вижу», и потомъ въ концѣ письма онъ говоритъ: «Катенька будетъ красавица, только не брюнетка и тѣмъ на васъ, сударыня, не похожа; я ее за это не столько люблю, но желаю, чтобъ она по крайней мѣрѣ душою и дарованіями на васъ похожа была, а всего больше любезностію. Цѣлую ваши руки, ваши прекрасныя руки, съ такимъ жаромъ, какъ сегодня во снѣ цѣловалъ, тысячу разъ и болѣе». Кажется, и Катерина Яковлевна была неравнодушна къ Капнисту. Приглашая супруговъ въ Тамбовъ, она прибавляла: «Ежели нельзя вмѣстѣ съ Александрой Алексѣевной, то хотя бы одинъ пріѣхалъ», и въ заключеніе опять: «Утѣшь, батюшка, пріѣзжай къ намъ ради Бога».

Между тѣмъ какъ наши тамбовскіе друзья въ радужныхъ краскахъ описывали свое новоселье при самыхъ пріятныхъ отношеніяхъ къ тамошнему обществу и къ генералъ-губернатору, украинскій помѣщикъ-поэтъ писалъ имъ: «Сказать вамъ мое житье-бытье? Вотъ оно: душевно отсталъ я отъ всякихъ великосвѣтскихъ замысловъ. Сыскиваю свое истинное счастіе въ уединеніи, въ содружествѣ Сашеньки, въ воспитаніи дѣтей, въ созерцаніи прекраснѣйшей дѣвственной природы, лелѣющей обитель мою, въ погруженіи себя иногда въ нѣдро души моей и въ воспареніи оттуда иногда къ Источнику ея и всей твари. Вотъ

[1] V, 512.

мои упражненія душевныя. Руками упражняюсь то въ очищеніи и украшеніи сада моего, какого прекраснѣе и рѣдкіе цари имѣютъ, въ обозрѣніи хозяйства, въ построеніи новаго домика, словомъ, во всѣхъ сельскихъ пріятныхъ и, можно сказать, покойныхъ трудахъ. Часто и, лучше сказать, каждый день мы ходимъ съ Сашенькой прогуливаться въ прекрасныхъ при рѣкѣ Пслѣ лежащихъ рощахъ, водимъ съ собою Ганюшку, на травкѣ ребячимся съ нимъ, то ляжемъ подъ густою и расширившею тѣнь и вѣтви грушею, читаемъ, бесѣдуемъ и прочая.... Прямо вамъ сказать, живемъ счастливо. Ежелибы вы могли оторваться отъ вашей цѣпи и пріѣхали видѣть насъ, то бы удивились и позавидовали вѣрно тишинѣ нашего пустынножитія. Но сего удовольствія ожидать намъ невозможно. Вы предопредѣлены жертвовать свѣту. Радуюсь теперь, что не тягостна стала нынѣ вамъ сія жертва, что вы жертвуете ему съ удовольствіемъ. Будьте благополучны, любезные друзья. Вы того достойны»[1].

Въ обмѣнъ за подарки, получаемые отъ Державиныхъ, Капнистъ, по порученіямъ супруговъ, высылалъ имъ большіе запасы кіевскаго варенья, также вино, транспорты воловъ и телѣгъ для возки кирпича, камня и другихъ строительныхъ матеріаловъ. Узнавъ о постигшей нашего губернатора катастрофѣ, Капнистъ выразилъ ему свое соболѣзнованіе замѣчательнымъ по искренности и горячности письмомъ, откуда выпишемъ слѣдующія строки: «Умирающіе тогда около меня сыны мои не занимали всей моей души: она была исполнена скорбію о васъ, скорбію, свойственною той дружбѣ, которою я съ вами связанъ и которая составляетъ великую часть моего благоденствія. Безсиленъ помогать, мнѣ оставалося лишь сострадать съ вами. Нѣсколько разъ принимался писать къ вамъ,—перо падало изъ рукъ; печаль моя не находила словъ. Я опасался, чтобъ изображеніемъ чувствъ моихъ я не растравилъ болѣе вашей горести. Рѣшился молчать и терпѣть и желать и молить Бога, чтобъ Онъ обратилъ ваши непріятности въ покой и удовольствіе. Не зная, гдѣ вы, навѣдывался о томъ отъ друзей моихъ. Нако-

[1] V, 512. Ср. объ Обуховкѣ II, 110, 528.

нецъ Николай Александровичъ увѣдомилъ меня, что Катерина Яковлевна въ Петербургѣ, а вы въ Москвѣ»[1].

Другимъ корреспондентомъ Державина въ Малороссіи былъ родственникъ его (свойственникъ, по словамъ самого поэта)[2] Иванъ Максимовичъ Синельниковъ. Какъ они доводились другъ другу, мы въ точности не знаемъ: видимъ только, что Синельниковъ въ своихъ письмахъ постоянно называетъ Гаврилу Романовича дядюшкой (однажды Ганюшкой), Катерину же Яковлевну матушкой-тетушкой; взаимно и Державинъ, величая его обыкновенно по имени и отчеству, иногда также называетъ его «любезный дядюшка», а однажды говоритъ: «М. г. мой, любезный дядюшка, племянничекъ, другъ и все то, что мнѣ драгоцѣнно». Въ концѣ 1770-хъ годовъ Синельниковъ занималъ мѣсто воеводы въ Славянскѣ (Екатеринославской губерніи), а позднѣе, въ чинѣ генералъ-майора, былъ губернаторомъ въ томъ же намѣстничествѣ и жилъ въ Кременчугѣ[3], откуда и переписывался довольно прилежно съ Державинымъ. Онъ былъ хорошо знакомъ съ дѣлопроизводителемъ Потемкина В. С. Поповымъ, и потому часто могъ быть полезенъ Гаврилѣ Романовичу, который между-прочимъ былъ обязанъ ему пріобрѣтеніемъ земли въ Малороссіи. Въ то время Потемкинъ, какъ намѣстникъ, а съ нимъ и подчиненные ему губернаторы распоряжались раздачею новоприсоединенныхъ по Днѣпру (какъ и на Таврическомъ полуостровѣ) земель: онѣ предоставлялись частнымъ лицамъ безденежно, подъ однимъ условіемъ заселенія. Изъ этихъ земель, въ 1779 году, Синельниковъ выхлопоталъ нашему поэту въ Херсонскомъ (въ то время Кизикерменскомъ) уѣздѣ 6,000 десятинъ съ поселенными на нихъ 130 Запорожцами. Главная изъ доставшихся ему при этомъ деревень, слобода Еремина (прежде Рождественка),

[1] V, 758.

[2] Повидимому, жена Синельникова, Авдотья Васильевна, была изъ рода Державиныхъ.

[3] Екатеринославское намѣстничество было открыто въ 1782 году, но пока губернскій городъ еще не былъ окончательно устроенъ, центромъ управленія служилъ уѣздный городъ Кременчугъ (*Географ. Словарь* Щекатова III, 850).

лежала въ 122 верстахъ отъ Херсона и по имени новаго своего владѣльца была переименована *Гавриловкою*.

Съ этимъ пріобрѣтеніемъ, по словамъ Державина, оказалось у него, при ревизіи 1782 года, около 1,200 душъ, чѣмъ уже и ограничивалась его недвижимая собственность до конца жизни. Услужливый Синельниковъ принялъ на себя надзоръ за хозяйствомъ Гавриловки и пересылалъ своему «дядюшкѣ» получавшіеся съ нея доходы. Когда Гаврила Романовичъ сдѣлался тамбовскимъ губернаторомъ, Синельниковъ, такъ же какъ и Капнистъ, выразилъ ему непритворную радость, что они приблизились другъ ко другу, и переписка между ними оживилась. Вскорѣ, по ходатайству Синельникова, Потемкинъ утвердилъ за новымъ помѣщикомъ отмежеванныя ему земли въ потомственное владѣніе, и въ Тамбовъ отправленъ былъ планъ ихъ съ межевыми книгами. Въ томъ же году Гавриловка была заложена подъ заемъ ссуды изъ государственнаго заемнаго банка [1]. По временамъ Державинъ посылалъ въ Малороссію нарочнаго за разными потребностями и за приготовленными тамъ по его порученіямъ запасами. Вмѣстѣ съ Капнистомъ Синельниковъ хлопоталъ о высылкѣ общему другу ихъ вареній и конфетъ цѣлыми пудами, винъ, телѣгъ и воловъ для возки кладей. Но годы Синельникова уже были сосчитаны: во время осады Очакова онъ былъ убитъ возлѣ Потемкина при рекогносцировкѣ, которую производилъ свѣтлѣйшій, посылая гребной флотъ подъ крѣпость. Графъ Самойловъ въ своихъ запискахъ о жизни Потемкина разсказываетъ, что эта смерть сухопутнаго генерала и гражданскаго губернатора подала поводъ къ насмѣшкамъ надъ могущественнымъ главнокомандующимъ, но поясняетъ въ защиту его, что Синельниковъ, находясь при арміи въ качествѣ провіант-

[1] Изъ журналовъ тамбовской казенной палаты видно, что въ августѣ 1786 года Державину выдано было въ ссуду на годъ 18,000 руб., изъ отложенной на казенныя строенія суммы, подъ залогъ Гавриловки. Въ іюнѣ 1787 года статное казначейство сообщило палатѣ, что по довѣренности Державина Васильевъ уплатилъ 18,000 руб. денегъ, изъ занятыхъ первымъ въ банкѣ, которыя и занесены въ число суммы, назначенной по расписанію за этотъ годъ отъ палаты.

мейстера, любилъ издавна военную службу, за которую получилъ георгіевскій крестъ, и участвовалъ въ морской рекогносцировкѣ добровольно [1].

Земляки поэта, братья Васильевы, одинъ въ Петербургѣ, другой въ Казани (тамошній вице-губернаторъ) исполняли для него хозяйственныя порученія. Особенно Алексѣй Ивановичъ (управлявшій контрольною экспедиціею) былъ неизмѣннымъ и неутомимымъ комиссіонеромъ по его запутаннымъ денежнымъ дѣламъ [2]. Искренно преданный Державину, онъ часто въ своихъ письмахъ обнаруживаетъ благородный образъ мыслей и, когда нужно, не щадитъ самолюбія своего пріятеля. Такъ, получивъ извѣстіе о распоряженіяхъ его въ слѣдствіе требованія Гарденина, Алексѣй Ивановичъ Васильевъ откровенно высказываетъ ему свое неодобреніе и, между-прочимъ, пишетъ: «Я бы желалъ очень, ежелибъ возможно было, сіе дѣло какъ-нибудь потушить; не подумайте, чтобъ я это писалъ для того только, что мнѣ Михайло Ивановичъ пріятель; нѣтъ! истинно для васъ больше, чтобъ не говорили, что вотъ человѣкъ нигдѣ не уживется; буде не съ начальникомъ, то съ подчиненными заводитъ разные раздоры. Впрочемъ не скрою отъ васъ, что и для Михайла Ивановича хотѣлось бы, чтобъ это дѣло какъ-нибудь безъ дальныхъ слѣдствій кончилось, ибо и онъ мнѣ пріятель; то жаль, ежели оно произведетъ ему хлопоты. Не подосадуй на меня, что я такъ откровенно къ тебѣ пишу; ежелибъ я тебя не любилъ, то конечно сего не сдѣлалъ бы, а то тутъ истинная дружба и привязанность моя къ тебѣ дѣйствуетъ» [3].

Козодавлевъ, служившій подъ начальствомъ Завадовскаго по управленію народныхъ училищъ, переписывался съ Державинымъ частью по своимъ хозяйственнымъ дѣламъ (у жены его, рожденной княжны Голицыной, было имѣніе въ Тамбовской губерніи), частью по служебнымъ и пріятельскимъ отношеніямъ. Мы видѣли въ своемъ мѣстѣ, что по поводу открытія школъ въ

[1] *Русскій Архивъ*, 1867 года, стр. 1248.

[2] См. выше, стр. 240, замѣтку о немъ, а его переписку съ Державинымъ въ томѣ V.

[3] V, 694.

Тамбовской губерніи онъ послалъ Державину училищный уставъ и двухъ учителей; позднѣе онъ старался опредѣлить Грибовскаго директоромъ тамбовскихъ училищъ (и тѣмъ, можетъ-быть, избавиться отъ лишняго домочадца: Грибовскій жилъ у него до пріисканія себѣ мѣста). Чѣмъ кончились эти старанія, намъ уже извѣстно. Козодавлевъ, самъ трудившійся какъ авторъ и переводчикъ, сообщалъ нашему поэту и литературныя извѣстія. То же дѣлалъ и Грибовскій. Изъ ихъ писемъ лѣтомъ 1786 года Державинъ узналъ, что въ Петербургѣ «никогда не было столько журналовъ, какъ теперь», именно тамъ издавались: *Новыя Ежемѣсячныя Сочиненія* княгинею Дашковой, *Зеркало Свѣта* и *Лѣкарство отъ скуки и заботъ* Туманскимъ, *Новый С.-Петербургскій Вѣстникъ* П. Ф. Богдановичемъ и *Растущій Виноградъ* петербургскимъ Главнымъ училищемъ. «Правда», говорилъ Грибовскій, «всѣ они посредственны; однако, какъ лучше имѣть что-нибудь, нежели ничего: то любители литературы желаютъ, чтобы они продолжались всѣ сколько возможно долговременнѣе» [1]. О *Новомъ С.-Петербургскомъ Вѣстникѣ* онъ прибавлялъ: «Сей журналъ издаетъ Богдановичъ единственно въ досаду Туманскому, съ которымъ онъ поссорился» [2]. Въ свою очередь Козодавлевъ писалъ: «Театръ русскій нынѣ въ такомъ состояніи, въ какомъ онъ никогда не бывалъ. Не пройдетъ мѣсяца, чтобъ не играли новой оригинальной комедіи или оперы». Этимъ оживленіемъ петербургская сцена, конечно, болѣе всего была обязана особенно-усилившейся въ то время дѣятельности императрицы для театра. Въ августѣ 1786 года Грибовскій отправилъ къ своему бывшему начальнику комическую оперу *Февей* и комедію *Тоисёковъ*. О послѣдней онъ говорилъ: «Она равномѣрно не избѣгла бы похвалъ журналистовъ, еслибы вышла изъ рукъ творца *Обманщика* и *Февея;* но сочинитель ея есть княгиня Е. Р. Дашкова», которая, какъ мы знаемъ, ненавидѣла Грибовскаго

[1] Ни одинъ изъ этихъ журналовъ, кромѣ академическаго, не продолжалъ своего существованія долѣе 1787 года: *Новыя Ежемѣсячныя Сочиненія* издавались до 1796 года.

[2] До тѣхъ поръ Богдановичъ былъ товарищемъ Туманскаго по изданію *Зеркала Свѣта*.

и, естественно, возбуждала въ немъ тѣ же чувства. По мнѣнію Козодавлева, лучшимъ изъ тогдашнихъ журналовъ было еженедѣльное *Зеркало Свѣта* Туманскаго, человѣка, по его словамъ, «весьма ученаго и умнаго».

По пріѣздѣ въ Тамбовъ Державинъ получилъ отъ «издателей Зеркала Свѣта» (такъ подписано было письмо) приглашеніе способствовать къ распространенію его и присылать въ редакцію извѣстія о всѣхъ происшествіяхъ, случаяхъ, новыхъ учрежденіяхъ и т. п., которыя будутъ заслуживать вниманія во ввѣренномъ ему краѣ [1]. Державинъ, благодаря за присланное ему извѣщеніе объ этомъ журналѣ, тотчасъ же подписался на него и обѣщалъ раздать остальные экземпляры объявленія. Вскорѣ послѣ того Козодавлевъ предлагалъ поэту свое посредничество для сношеній съ редакціею; но Державинъ этимъ предложеніемъ не воспользовался и черезъ нѣсколько мѣсяцевъ писалъ Козодавлеву: «Зеркало Свѣта, за бѣдныя наши употребленныя на его подписку денежки, по имени, кажется, только существуетъ» [2].

Литературнаго содержанія была отчасти и переписка Державина съ Антоновскимъ, къ которому онъ обратился какъ къ секретарю адмиралтейской коллегіи по дѣлу своего шурина. Мичманъ Александръ Бастидонъ, вслѣдствіе своего легкомысленнаго поведенія, долженъ былъ просить увольненія отъ службы во флотѣ, и теперь шла рѣчь о производствѣ его, при отставкѣ, въ слѣдующій чинъ. Вице-президентъ коллегіи, графъ Ив. Григ. Чернышевъ, по особенной благосклонности къ Державину, обѣщалъ постараться о томъ и дать молодому человѣку возможно лучшій аттестатъ. Антоновскій, получившій образованіе въ Московскомъ университетѣ, принадлежалъ къ числу ревностныхъ сотрудниковъ Шварца и Новикова, былъ одно время предсѣдателемъ основаннаго первымъ «собранія университетскихъ питомцевъ» и издавалъ вмѣстѣ съ товарищами журналъ *Вечернюю Зарю*, продолженіе новиковскаго *Утренняго Свѣта*. Какъ видно изъ одного письма Антоновскаго, онъ, по переселе-

[1] V, 422.
[2] V, 567.

ніи въ Петербургъ, сдѣлался членомъ «общества друзей словесныхъ наукъ», которое сбиралось предпринять рядъ изданій въ новиковскомъ духѣ, но его удержала отъ того «сумятица, въ цѣломъ государствѣ о цензурованіи книгъ отъ монаховъ происшедшая по случаю напечатанныхъ у г. Новикова, высочайше замѣченныхъ вредными и раскольническими книгъ... Однакожс», прибавлялъ Антоновскій, «мы нынѣ изыскиваемъ уже другія къ тому средства, и надѣемся вскорѣ пуститься въ море» [1].

Антоновскій въ одномъ изъ писемъ своихъ упоминаетъ о своемъ университетскомъ товарищѣ и впослѣдствіи сочленѣ по московскому обществу Поспѣловѣ, съ которымъ, какъ мы уже знаемъ, Державинъ также переписывался изъ Тамбова, особенно по предположенію перевести его туда на службу, что однакоже не удалось. Въ 90-хъ годахъ, рѣшившись издать собраніе своихъ сочиненій, поэтъ думалъ было поручить Поспѣлову надзоръ за ихъ печатаніемъ.

Любопытна часть переписки Державина съ княгинею Дашковой. Онъ находился въ особенныхъ къ ней отношеніяхъ не только по своей близости къ графу Воронцову, но и по сотрудничеству въ ея *Собесѣдникѣ*; ей онъ обязанъ былъ главнымъ своимъ литературнымъ успѣхомъ и милостью императрицы.

Послѣ его перевода изъ Петрозаводска, княгиня взяла подъ свое покровительство и начальство того изъ бывшихъ подчиненныхъ его, которымъ онъ наиболѣе дорожилъ (Свистунова); а что она удалила отъ себя Эмина и Грибовскаго, этого онъ не могъ принять къ сердцу, такъ какъ не особенно цѣнилъ ихъ. Мнѣніе его о характерѣ Дашковой видно изъ совѣта, который онъ давалъ Свистунову относительно поведенія съ нею (см. выше стр. 433). Сколько мы знаемъ ее, взглядъ этотъ былъ довольно вѣренъ. Мы увидимъ, что позднѣе Державинъ, въ слѣдствіе бывшихъ у него съ княгинею недоразумѣній, очень рѣзко отзывался о ней. Изъ Тамбова переписывался онъ съ нею обыкновенно по поводу ходатайствъ, съ которыми они другъ ко другу обращались, о разныхъ лицахъ; но изъ числа писемъ ихъ выдается особенно

[1] V, 476. Свѣдѣнія о дальнѣйшей судьбѣ Антоновскаго см. V, 437.

одно, написанное Державинымъ въ слѣдствіе извѣстія, сообщеннаго ему Свистуновымъ объ отзывѣ императрицы на счетъ ея пѣвца въ разговорѣ съ Дашковою.[1] Разумѣется, что Державинъ не замедлилъ поблагодарить княгиню «за полезные ему разговоры вверху». При этомъ онъ чрезвычайно ловко объяснилъ, отчего ему удаются стихи въ похвалу Екатерины. О томъ, чтобъ сравняться съ Ломоносовымъ, а не только превзойти его, онъ де не смѣетъ и помышлять, но въ одномъ онъ счастливѣе великаго своего учителя: тотъ, воспѣвая Елисавету, долженъ былъ прибѣгать къ вымысламъ, къ искуственнымъ прикрасамъ; Державину же нужно обращаться «къ одной натурѣ, къ одной той истинѣ, съ которою», говоритъ онъ, «и послѣ меня исторія будетъ согласна». Я чрезъ сіе разумѣю то, что Ломоносовъ былъ въ необходимости героиню свою прославлять чрезъ героя, родителя ея, а мнѣ, или намъ, къ нашей героинѣ не надобно присовокуплять ни боговъ, ни славныхъ предковъ, но указать только на однѣ дѣла ея; то всѣ блистательныя и божественныя титла и всѣ величества принадлежать будутъ собственно Фелицѣ. Я сіе мнѣніе подтвержу доказательствомъ. Славный нашъ поэтъ въ одной своей надписи, да и вездѣ почти, подобно нижеслѣдующему изъяснялся:

«Герой тебя родилъ, носила героиня.
«Какой быть долженъ плодъ? не иный, какъ богиня!»

Намъ же довольно—просто говорить, что она

«Проступки правитъ снисхожденьемъ;
«Какъ волкъ овецъ, людей не давитъ,»

великодушно прощаетъ враговъ своихъ и т. п., то есть, что мы можемъ хвалить вещь самою вещію, а не посторонними и чуждыми ей украшеніями. Страшная разница — родиться отъ бога или героя, или самому творить дѣла ихъ».

Далѣе Державинъ говоритъ, что онъ продолжалъ бы пѣть Фелицу, «еслибъ не былъ увѣренъ; что ей пріятнѣе дѣйствія

[1] См. выше стр. 482.

наши, отвѣчающія божественной волѣ ея, нежели слова», въ которыхъ часто скрывается лесть. При этомъ онъ приводитъ то мѣсто своего *Видѣнія мурзы*, гдѣ ему является Екатерина съ увѣщаніемъ не быть льстецомъ:

«Благотворителю прямому
Въ хвалѣ нѣтъ нужды никакой;
Хранящій мужъ благіе нравы,
Творящій должности дѣла,
Царю приноситъ больше славы,
Чѣмъ всѣхъ поэтовъ похвала».

При всемъ томъ, говоритъ онъ въ заключеніи, «ежелибъ я узналъ, что подлинно угодно будетъ мое иногда въ поэзіи упражненіе и не причтется сіе въ укоризну должности и званію моему, то, не взирая на ненависть моихъ недоброжелателей, не терпящихъ сильно стихотворства, я бы посвятилъ навсегда слабыя мои способности на прославленіе благодѣтельницы человѣческаго рода». [1] Отвѣчая такъ, Державинъ въ наивности своей, кажется, не подозрѣвалъ, что императрица и Дашкова только потому и интересовались имъ, что ожидали отъ него новыхъ хвалебныхъ одъ.

При дѣятельности его въ Тамбовѣ, сперва только напряженной, а потомъ исполненной тревогъ и огорченій, неудивительно, что онъ здѣсь, какъ и въ Петрозаводскѣ, не сдѣлалъ почти ничего для поддержанія своей литературной славы. Кромѣ немногихъ мелочей, къ этому времени относятся только двѣ новыя оды его: *На смерть графини Румянцовой* и *Осень во время осады Очакова*. [2] Первая вызвана была повидимому не только письмомъ о кончинѣ маститой статсъ-дамы, но и приложенными къ нему стансами какого-то Дарагана на это обстоятельство. Вторая ода написана въ утѣшеніе княгини Варвары Васильевны Голицыной (рожденной Энгельгардтъ), когда она долго не получала извѣстій о своемъ мужѣ, находившемся подъ Очаковомъ въ ар-

[1] V, 632.
[2] I, 214 и 222.

міи дяди ея. Съ Голицынымъ поэтъ сблизился вѣроятно уже послѣ своего переселенія въ Тамбовъ. Въ письмѣ, писанномъ осенью 1786 года, князь Сергѣй Федоровичъ, опровергая слухъ, будто Марковъ черезъ него доставилъ въ Петербургъ жалобу на Державина, выражаетъ послѣднему свою благодарность «за всѣ его благосклонности» [1]. Поэтъ вмѣстѣ съ Катериной Яковлевной посѣщалъ иногда прекрасное имѣніе Голицыныхъ Зубриловку, до котораго отъ Тамбова около 150 верстъ. Тамъ супруги находили самый радушный пріемъ въ богатой усадьбѣ, живописно расположенной на высокомъ берегу Хопра. Княгиня тѣмъ болѣе дорожила дружбою губернатора, что сама любила заниматься литературой.

Обѣ оды принадлежатъ къ числу наиболѣе удачныхъ произведеній Державина и отличаются тою оригинальностью, которая, несмотря на устарѣлый языкъ, придаетъ нѣкоторымъ стихотвореніямъ его какую-то особенную прелесть. Въ одѣ на смерть Румянцовой поэтъ обращается къ княгинѣ Дашковой, утѣшаетъ ее въ скорби, причиненной ей бракомъ сына, и намекаетъ на ея англоманію. Въ концѣ Державинъ, припоминая непріятности, претерпѣваемыя имъ въ борьбѣ съ врагами, въ гордомъ сознаніи своего литературнаго значенія, говоритъ:

«Меня ничто вредить не можетъ,
Я злобу твердостью сотру;
Враговъ моихъ червь кости сгложетъ,
А я піитъ — и не умру!»

Вторая ода стоитъ выше по обилію и красотѣ образовъ; въ послѣднихъ строфахъ замѣчательна поэтическая характеристика княгини Голицыной.

Ко времени тамбовскаго губернаторства Державина относится появленіе въ печати знаменитой оды его *Властителямъ и судьямъ*. Мы видѣли, что Туманскій, предпринимая изданіе *Зеркала Свѣта,* приглашалъ нашего лирика къ сотрудничеству въ

[1] V, 557.

этомъ журналѣ, но просилъ у него не стиховъ (вѣроятно, считая званіе губернатора несовмѣстнымъ съ поэзіею), а только извѣстій. Приглашеніе это осталось, со стороны Державина, безъ послѣдствій. Въ первой книжкѣ *Зеркала Свѣта* на 1787 годъ напечатана была названная ода, но, по словамъ автора, это произошло безъ его позволенія и даже безъ его вѣдома. Какъ бы ни было, значитъ, что въ 1787 году сдѣлалось возможнымъ то, что не удалось въ 1780-мъ. Кажется, однакожъ, что при появленіи своемъ эта ода осталась незамѣченною, чтó и понятно при равнодушіи, какое публика оказывала къ журналу Туманскаго и которое, въ концѣ того же года, заставило его прекратить это изданіе съ жалобою на «малое число подписателей, сей годъ бывшихъ, а и того меньше на будущій явившихся». Къ счастію Державина, смѣлая ода его была напечатана въ такое время, когда еще не разгорѣлась его борьба съ озлобленными врагами: иначе эти стихи могли бы имъ послужить новымъ противъ него оружіемъ. Вотъ все, что можно замѣтить о литературной дѣятельности Державина во время второго его губернаторства.

Въ ряду лицъ, съ которыми Державинъ переписывался изъ Тамбова, является наконецъ придворный банкиръ Сутерландъ. По тогдашнему значенію этой должности, въ кругъ ея входили отчасти обязанности министерства финансовъ. Поэтому Сутерландъ, преемникъ барона Фридрихса († 1779 г.), впослѣдствіи пожалованный также въ бароны, а позднѣе въ статскіе совѣтники, имѣлъ весьма почетное положеніе: между-прочимъ, онъ былъ посредникомъ правительства при заключеніи заграничныхъ займовъ и другихъ сдѣлокъ. Чрезъ его руки проходили огромныя суммы. Особенный вѣсъ умѣлъ онъ придать себѣ тѣмъ, что ему въ частныхъ письмахъ нерѣдко сообщались важныя политическія извѣстія, и онъ спѣшилъ съ ними либо во дворецъ, къ Храповицкому, либо къ кому-нибудь изъ другихъ высокопоставленныхъ лицъ. Изъ дневника Храповицкаго видно, что императрица не очень-то довѣряла этимъ извѣстіямъ, похожимъ, по ея замѣчанію, на биржевыя новости; тѣмъ не менѣе, однакожъ, доставленныя Сутерландомъ свѣдѣнія сообщались то Безбородкой, то Чернышевымъ Государственному совѣту, об-

суждались тамъ и служили основаніемъ для заключеній[1]. Но главною тайной значенія Сутерланда при дворѣ было то, что онъ, вмѣсто отсылки по назначенію суммъ, которыя повѣрялись ему для перевода въ чужіе края, выдавалъ ихъ въ ссуду вліятельнымъ людямъ. Открылись эти злоупотребленія, въ слѣдствіе донесенія нашего посла въ Лондонѣ, гр. Воронцова, что онъ не получилъ ассигнованныхъ ему на какое-то порученіе денегъ[2]. Сутерландъ оказался виновнымъ въ растратѣ огромныхъ суммъ: имъ роздано было въ ссуду разнымъ лицамъ (между-прочимъ, Потемкину и великому князю), а отчасти и употреблено на свои надобности до 2.500,000 руб. Нѣкоторыя изъ одолженныхъ имъ лицъ (напримѣръ, князь Вяземскій и Безбородко) немедленно внесли причитавшіяся на ихъ долю суммы; но Сутерландъ всетаки вынужденъ былъ объявить себя банкротомъ и, не дождавшитъ суда, отравился. Въ числѣ тѣхъ, которые пользовались легкостью занимать у него деньги, былъ и Державинъ, благодаря своимъ отношеніямъ къ Безбородкѣ. Еще до назначенія въ губернаторы онъ имѣлъ случай обращаться къ этому банкиру, и скоро послѣ переѣзда Державина въ Тамбовъ Васильевъ внесъ за него въ контору Сутерланда 1,000 руб. Послѣ того Сутерландъ молчалъ почти три года. Когда наконецъ положеніе Державина рѣшительно испортилось, то онъ около середины декабря 1788 года получилъ отъ придворнаго банкира письмо: Сутерландъ требовалъ, чтобы онъ къ новому году уплатилъ 2,000 руб. съ процентами по векселю, которому срокъ вышелъ уже въ концѣ октября; въ противномъ же случаѣ заимодавецъ грозилъ предъявить этотъ вексель ко взысканію. Державинъ поручилъ П. И. Новосильцову уплатить 1,000 руб., а на другую дать вексель на шесть мѣсяцевъ. Но на послѣднее Сутер-

[1] Такъ въ началѣ 1789 года графъ Чернышевъ предъявилъ въ совѣтѣ поданную Сутерландомъ записку о несчастіи, постигшемъ у береговъ Даніи русскую эскадру, и предложилъ, для покрытія расходовъ по этому поводу, отправить въ Копенгагенъ кредитивъ на 200,000 руб., что и было принято всѣми членами (*Архивъ Госуд. Совѣта*, ч. I, стр. 655 и 716).

[2] Такъ говоритъ Державинъ, но въ изданныхъ бумагахъ Воронцова мы не нашли подтвержденія этому показанію.

ландъ не согласился, и въ письмѣ, полученномъ Державинымъ уже въ Москвѣ, отвѣчалъ, между-прочимъ: «Сколько я прежде сего былъ расположенъ ко службѣ всякаго честнаго человѣка, столько же я и наказанъ за добрую мою волю неустойкою всѣхъ моихъ должниковъ; почему я и нашелся принужденнымъ сдѣлать завѣщаніе ниже ни отцу родному болѣе терпѣнія не давать, въ слѣдствіе чего вы, м. г., на мнѣ не взыщите, что я болѣе ни ждать, ниже посланные 1,000 руб. въ зачетъ взять не могу, да сверхъ того и безъ процентовъ. Я знаю, что всякому бы сходно было держать чужія деньги по году или болѣе безъ интереса, но мнѣ-то оно нѣсколько накладно. Въ разсужденіи сего и прошу васъ покорно немедленно мнѣ всѣ деньги и съ процентами на срокъ переслать; въ противномъ случаѣ принужденнымъ найдусь вексель вашъ протестовать, что мнѣ весьма будетъ жаль» [1].

Бумаги Державина не разъясняютъ намъ, какъ онъ вышелъ изъ этого затрудненія. Далѣе увидимъ, что ему, по смерти Сутерланда, пришлось играть немаловажную роль въ разборѣ запутанныхъ дѣлъ этого афериста.

33. Общій взглядъ на тамбовское губернаторство.

Державинъ занималъ мѣсто тамбовскаго губернатора нѣсколько менѣе трехъ лѣтъ (отъ марта 1786 до конца декабря 1788 года); но, просматривая все то, что онъ успѣлъ написать по этой должности, можно бы подумать, что онъ отправлялъ ее въ теченіе долгаго времени. Хотя въ Тамбовѣ, какъ и повсюду въ Россіи, съ 1840-хъ годовъ множество архивныхъ дѣлъ уничтожено, но въ архивахъ этого города сохранилась изумительная масса бумагъ, писанныхъ рукою Державина: на всемъ слѣды его непосредственнаго, личнаго участія; вездѣ отражается заботливость его о всѣхъ сторонахъ управленія. Жаль только, что вторая половина означеннаго трехлѣтія прошла для него въ треволненіяхъ, посреди которыхъ благотворная мирная дѣятельность была невозможна.

[1] V, 731.

При всемъ томъ очевидные факты не позволяютъ отвергать, что въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ онъ оказалъ краю дѣйствительную пользу, и мы должны отдать ему справедливость въ томъ, что въ краткое время своей администраціи онъ, между-прочимъ, ввелъ болѣе исправности въ сборѣ недоимокъ и въ отправленіи рекрутской повинности улучшилъ по возможности устройство тюремъ и содержаніе преступниковъ, открылъ во многихъ мѣстахъ безпорядки въ храненіи казны, умножилъ доходы приказа общественнаго призрѣнія, исправилъ отчасти казенныя зданія, дороги и мосты. О томъ, чтó въ послѣднемъ отношеніи сдѣлано имъ для Тамбова, приведемъ свидѣтельство жившаго на мѣстахъ современнаго намъ писателя: «Постройки Державина въ Тамбовѣ, всѣ каменныя, сохранились до сихъ поръ и въ томъ числѣ даже будки или караулки на главныхъ пунктахъ города, служащія и теперь для городовыхъ. Равно уцѣлѣлъ до сей поры и большой каменный мостъ на Астраханской дорогѣ при въѣздѣ въ городъ. Много, вѣроятно, съ того времени каменныхъ мостовъ выстроилось и провалилось на Руси за цѣлое почти столѣтіе, а мостъ Державина и теперь цѣлехонекъ»[1]. Старанія Державина объ оживленіи общества и о воспитаніи юношества въ Тамбовѣ, конечно, также не остались безъ благотворныхъ слѣдовъ въ жизни тамошняго дворянства. Мы уже знаемъ, что учебное дѣло въ губерніи было не только впервые устроено Державинымъ, но и составляло предметъ особенной его заботливости. Въ дѣлопроизводствѣ намѣстническаго правленія онъ ввелъ новый, упрощенный порядокъ, и для сокращенія переписки учредилъ типографію.

Для ознакомленія со многими подробностями его дѣятельности по тамбовскому губернаторству и уразумѣнія ссоръ его съ Гудовичемъ очень важенъ одинъ документъ, который, хотя и писанъ имъ уже послѣ его увольненія, однако значительно дополняетъ другіе источники. Это его «Объясненія о дѣлахъ Тамбовской губерніи и причинахъ неудовольствія генералъ-губернатора», напечатанныя въ VII томѣ нашего изданія. Объясненія эти нѣсколько сходны съ тѣми, которыя написаны имъ были

[1] Гр. Саліасъ. *Р. Вѣстникъ* за сентябрь 1876 г., стр. 107.

противъ Тутолмина, но отличаются отъ нихъ и своею обширностью, и болѣе серіознымъ содержаніемъ. Они составляютъ дополненіе къ тому офиціальному отвѣту, который Державинъ подалъ въ сенатъ на сдѣланные ему запросы. Здѣсь, въ этихъ дополнительныхъ объясненіяхъ, изложено имъ то, что́ онъ хотѣлъ высказать лично, когда просился въ Петербургъ. Отсюда мы еще болѣе убѣждаемся, что хотя Державинъ по своей запальчивости часто выходитъ изъ предѣловъ предоставленной ему власти и потому является неправымъ, но и Гудовичъ не можетъ быть освобожденъ отъ обвиненія во многихъ пристрастныхъ поступкахъ, какъ напр., въ потворствѣ Бородину, въ невниманіи къ нѣкоторымъ существеннымъ нуждамъ губерніи, въ недостаточной поддержкѣ тѣхъ распоряженій губернатора, которыя дѣйствительно клонились къ ея благу. Такъ напр. Державинъ представлялъ генералъ-губернатору объ ужасномъ положеніи колодниковъ въ острогѣ, но отъ Гудовича «никогда по сей части никакого никому предписанія не дѣлано»; напротивъ того: за распоряженіе губернатора, направленное къ улучшенію содержанія преступниковъ, Гудовичъ, возвратясь изъ Петербурга, показалъ ему «родъ нѣкотораго неудовольствія», какъ видно изъ донесеній его сенату, гдѣ замѣчено, «что якобы губернаторъ вмѣсто рабочаго дома построилъ бѣлыя тюрьмы». При самомъ своемъ вступленіи въ должность Державинъ, по поводу замѣченной имъ неисправности во взысканіи казенныхъ повинностей, представлялъ генералъ-губернатору объ упущеніяхъ со стороны казенной палаты, которая, «не имѣя у себя вѣрныхъ окладовъ доходамъ по неточному знанію ревизскихъ душъ и населеній, не присылала въ намѣстническое правленіе въ предписанные законами сроки вѣрныхъ о неисправныхъ плательщикахъ реестровъ». Состоявшееся объ этомъ опредѣленіе правленья было принято генералъ-губернаторомъ холодно; довольствуясь слабыми предложеніями, онъ «не сдѣлалъ палатѣ никакого строгаго побужденія»; когда же, по случаю предстоявшей ревизіи губерніи, Державинъ упомянулъ объ означенномъ обстоятельствѣ въ запискѣ, составленной имъ для сенаторовъ, то Гудовичъ это мѣсто «изъ записки исключилъ и прочіе извѣстные ему безпорядки казенной

палаты до свѣдѣнія гг. сенаторовъ не довелъ, выговоря губернатору, что сенаторы не для слѣдствія, а для осмотру только губерніи посланы». Еще хуже намѣстникъ отнесся къ распоряженію губернатора объ упущеніяхъ казенной палаты по рекрутскимъ наборамъ (за 6 лѣтъ не было дѣлано счетовъ и относившіеся къ нимъ документы были въ крайнемъ безпорядкѣ): когда, за отсутствіемъ Гудовича, Державинъ замѣтилъ въ рекрутскомъ департаментѣ эти упущенія, то предложилъ правленію потребовать отъ департамента ихъ устраненія и репортовалъ о томъ сенату, но намѣстникъ въ особомъ предложеніи (отъ 12-го августа 1788) выразилъ на то губернатору свое негодованіе. Неблагопріятно были встрѣчены также старанія Державина о снабженіи присутственныхъ мѣстъ экземплярами или списками законовъ и объ улучшеніи судоходства по р. Цнѣ: торговавшіе при Моршанскѣ иногородные купцы, болѣе 50 человѣкъ, подали губернатору прошеніе, чтобы на ихъ собственныя деньги позволено было означить фарватеръ бревенчатыми вѣхами, вслѣдствіе чего имъ и разрѣшена добровольная складчина, какъ допускаемая закономъ; но намѣстникъ эту складчину «вмѣнилъ яко бы въ нарядъ и сборъ съ народа, законами запрещенный, а устройство вѣхъ остановилъ потому де, что ставить вѣхи велѣно только по мелямъ, а не по разливу рѣкъ». Кромѣ того, намѣстникъ оказывалъ явное неуваженіе намѣстническому правленію, напр. въ противность законамъ представлялъ, безъ одобренія его, прямо въ сенатъ о замѣщеніи нѣкоторыхъ должностей.

По мнѣнію Державина, первоначальнымъ виновникомъ несогласій между намѣстникомъ и губернаторомъ былъ откупщикъ Бородинъ, которому первый оказывалъ особенное покровительство: несмотря на числившіеся на немъ казенные долги и неисправность его въ исполненіи обязательствъ передъ казною, несмотря на то, что имущество его было неоднократно описано и самъ онъ преданъ суду за лживые поступки, Гудовичъ настоялъ на признаніи его именитымъ гражданиномъ и утвержденіи выбора его въ должность городского головы. Къ такому нарушенію всякой справедливости много содѣйствовалъ любимецъ генералъ-губернатора, экономіи директоръ Аничковъ, который,

участвуя въ откупахъ и подрядахъ, состоялъ въ тѣсной связи съ Бородинымъ. Бывъ прежде совѣтникомъ правленія, онъ утратилъ какія-то находившіяся подъ наблюденіемъ его деньги, и Державинъ хотѣлъ за то произвести съ него взысканіе. Сильную поддержку Аничковъ и Бородинъ находили въ вице-губернаторѣ Ушаковѣ, который, вмѣстѣ со всею подчиненною ему казенной палатой, былъ послушнымъ въ рукахъ ихъ орудіемъ. Державинъ же энергически противодѣйствовалъ расхищенію казны и просился въ Петербургъ, чтобы раскрыть всѣ эти обстоятельства. Такъ представляетъ онъ положеніе дѣлъ въ своихъ объясненіяхъ о причинахъ несогласій, бывшихъ у него съ Гудовичемъ. Но въ старости незлобивый поэтъ забылъ свои неудовольствія съ Ушаковымъ, и въ одномъ письмѣ его (отъ 8-го ноября 1808 г.) мы читаемъ слѣдующій примирительный отзывъ о бывшемъ врагѣ: «Касательно Михайла Ивановича Ушакова, у насъ съ нимъ были непріятности, но не лично, а по дѣламъ. Я исполнялъ свой долгъ по моимъ чувствованіямъ, а онъ по своимъ, или въ чью-либо благоугодность; но когда все это прошло такъ какъ сонъ, то несправедливъ бы онъ былъ, ежелибы по сіе время злобился за сновидѣнія. Мы всѣ здѣсь на театрѣ, и когда съ него сойдемъ, тогда всѣмъ объяснится, кто какъ свои роли игралъ; можетъ-быть, и я дѣлалъ болѣе погрѣшностей нежели онъ: то и будетъ сіе зависѣть отъ рѣшенія всеобщаго Судьи, отъ Котораго никто ничего скрыть не можетъ».

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

СУДЪ. ОПРАВДАНІЕ И ВОЗВЫШЕНІЕ.

(1789 — 1796.)

1. ПРЕБЫВАНІЕ ВЪ МОСКВѢ.

При отрѣшеніи Державина отъ должности положеніе его могло казаться отчаяннымъ, и всякій на его мѣстѣ легко бы могъ предаться унынію; но въ немъ мы ничего подобнаго не видимъ, и въ этомъ отражается одно изъ отличительныхъ свойствъ его могучей натуры. Во всѣхъ постигающихъ его превратностяхъ онъ ни разу не обнаруживаетъ малодушія; въ первую минуту оглушенный ударомъ, онъ скоро оправляется и снова начинаетъ смѣлую борьбу. Въ настоящемъ случаѣ, впрочемъ, относительное спокойствіе его понятно: на его сторонѣ былъ сильнѣйшій изъ сильныхъ, окружавшихъ Екатерину, тотъ, за котораго онъ пострадалъ изъ усердія оказать ему въ трудныхъ обстоятельствахъ помощь.

Поэтому Державинъ, отправляясь изъ Тамбова въ Москву, чтобы тамъ предстать на судъ передъ сенатомъ, принялъ дѣятельныя мѣры для обезпеченія себѣ надежной опоры своего естественнаго защитника. Еще до отъѣзда своего онъ отправилъ курьера въ Кременчугъ, гдѣ тогда находился Потемкинъ, къ его двумъ приближеннымъ Попову и Грибовскому, а немедленно по пріѣздѣ въ Москву написалъ къ самому князю Таврическому. Изъ сохранившагося отрывка этого письма узнаёмъ, что главнымъ желаніемъ нашего подсудимаго, на первый случай, было попрежнему — лично явиться для своего оправданія въ Петербургъ. О томъ же безъ сомнѣнія онъ просилъ и императрицу въ недошедшемъ до насъ письмѣ, о которомъ упоминаетъ Катерина Яковлевна.

Письмо его къ Потемкину было помѣчено 14-мъ января; въ Москву пріѣхалъ онъ вѣроятно вскорѣ послѣ 10-го[1]. Такъ какъ въ то время стоялъ конечно хорошій зимній путь, то можно полагать, что Державинъ выѣхалъ изъ Тамбова въ первыхъ числахъ января. Жену онъ завезъ въ Зубриловку къ княгинѣ Голицыной, а самъ отправился оттуда въ Москву, гдѣ и остановился въ домѣ своего пріятеля А. А. Наумова, за Пречистенскими воротами, въ приходѣ Троицы въ Зубовѣ.

Указъ о немъ (со многими приложеніями) былъ уже полученъ въ 6-мъ департаментѣ сената и заслушанъ тамъ 8-го января, при чемъ положено, какъ скоро обвиненный явится, доложить дѣло немедленно. Въ журналѣ 16-го января 1789 года записано: «По докладу сенатскаго экзекутора впущенъ былъ предъ собраніе правительствующаго сената бывшій тамбовской губерніи правитель, дѣйствительный статскій совѣтникъ и кавалеръ Державинъ, коему именнымъ высочайшимъ ея императорскаго величества указомъ велѣно явиться къ отвѣту въ 6-мъ сената департаментѣ. — Разсуждено: означеннаго г-на дѣйствительнаго статскаго совѣтника и кавалера Державина въ несъѣздѣ изъ Москвы до рѣшенія объ немъ дѣла обязать подпискою, а присланныя изъ с.-петербургскихъ департаментовъ сената о немъ бумаги предложить къ слушанію». Дѣло тянулось однакожъ очень долго. Въ февралѣ было одно только засѣданіе (26-го), въ которомъ заявлено о полученіи трехъ новыхъ обвинительныхъ рапортовъ Гудовича; 5-го марта доложено о присылкѣ изъ петербургскихъ департаментовъ отвѣта Державина на позднѣйшее обвиненіе со стороны Гудовича, именно въ неисполненіи Державинымъ ордера о приготовленіи въ петербургскіе запасные магазины полнаго количества подряднаго хлѣба. Наконецъ, только 16-го апрѣля началось слушаніе самаго дѣла «о поступкахъ бывшаго въ Тамбовской губерніи правителя».

[1] Въ запискахъ своихъ онъ говоритъ: «Пріѣхавъ въ Москву, помнится, въ Рождественскій постъ» (1788 г.). Но память обманывала поэта: изъ его переписки ясно, что въ это время онъ находился еще въ Тамбовѣ. Письмо Катерины Яковлевны изъ Зубриловки отъ 17-го января показываетъ, что она тогда уже имѣла извѣстіе о его пріѣздѣ въ Москву.

Посмотримъ теперь, какія затрудненія онъ долженъ былъ испытать въ Москвѣ, какъ велось его дѣло, что между тѣмъ предпринималъ и съ кѣмъ переписывался Державинъ.

Самымъ вліятельнымъ между московскими сенаторами былъ князь П. М. Волконскій, какъ родственникъ генералъ-прокурора. Въ домѣ послѣдняго онъ лично познакомился съ Державинымъ, но теперь, по своимъ отношеніямъ, конечно не могъ быть на сторонѣ его, и — какъ подозрѣвалъ нашъ бывшій губернаторъ — съ намѣреніемъ тянулъ его дѣло, не посѣщая сената подъ предлогомъ болѣзни. Напрасно Державинъ обращался къ оберъ-прокурору князю Гаврилѣ Петровичу Гагарину: онъ не смѣлъ тревожить Волконскаго. Между тѣмъ и князь С. Ф. Голицынъ находился въ Москвѣ, но также не могъ подвинуть дѣла. Остававшаяся въ Зубриловкѣ Катерина Яковлевна, узнавъ изъ письма его къ княгинѣ о пріѣздѣ мужа въ Москву, писала къ Гаврилѣ Романовичу: «Пожалуй попроси князя Сергѣя Федоровича, чтобъ онъ съ тобою къ сенатору Маслову [1] съѣздилъ и попросилъ бы его хорошенько: на этого человѣка можно, какъ говоритъ княгиня, положиться; а Гагаринъ [2] не таковъ, и у него была нѣкогда связь съ Анною, и онъ Мамонову помогалъ, то и не то ли причиною поступка съ тобою сдѣланнаго [3]? Ты не вѣрь его наружнымъ разговорамъ, они бываютъ несправедливы. Будь остороженъ: свои дѣла всѣмъ говори, а расположеніевъ своихъ никому, кромѣ князя С. Ф.» [4].

Во второмъ письмѣ своемъ, отъ 25-го января, Катерина Яковлевна продолжаетъ наставлять мужа, какъ вести себя. Ме-

[1] Николай Ивановичъ, сенаторъ 6-го департамента.

[2] Князь Гаврила Петровичъ (род. 1745, ум. 1808), дѣйств. камергеръ, оберъ-прокуроръ въ томъ же департаментѣ, впослѣдствіи дѣйств. тайн. сов. и министръ коммерціи при императорѣ Павлѣ I. Сынъ его, князь Павелъ Гавр., генералъ-адъютантъ, женился въ царствованіе Павла на извѣстной княжнѣ Аннѣ Петровнѣ Лопухиной.

[3] Т. е. нельзя ли изъ этого заключить, что Мамоновъ, подстрекаемый Гагаринымъ, сталъ виною твоего осужденія? По пріѣздѣ въ Петербургъ К. Я. выразила подозрѣніе, что и Храповицкій содѣйствовалъ къ тому, что Мамоновъ былъ дурно расположенъ къ ея мужу (V, 752).

[4] V, 642.

жду-прочимъ она упрекаетъ его въ томъ, что онъ мало совѣтуется съ княземъ Голицынымъ, который «знаетъ всѣ связи», и что мало о себѣ пишетъ. «Не знаю, куда ты ѣздишь, гдѣ что съ тобою приключалось; я думаю, что не грѣшно бы было каждый вечеръ прибавить строчку или двѣ твоего похожденія; я бы была какъ будто не розно съ тобою, но теперь очень чувствую мое уединеніе... Я думаю, что ты лѣнишься твоими выѣздами, мой другъ: теперь надо быть не лѣниву и стараться быть тутъ, гдѣ тебѣ нужно. Я не знаю, для чего тебѣ хочется, чтобъ твое дѣло было продолжено; я бы лучше желала, чтобъ узнали гласнымъ образомъ о твоемъ дѣлѣ и твою невинность, а въ Петербургъ пошли экстрактъ коротенькой, но ясно изобрази всѣ клеветы, на тебя нанесенныя; чтó тебѣ менажировать сего злого и ужаснаго человѣка (*т. е. Гудовича*)? Онъ достоинъ теперь, чтобъ всѣ дѣла его были ясно обнаружены. Князь свѣтлѣйшій, будучи неизвѣстенъ о послѣднихъ представленіяхъ на тебя и на оные твое оправданіе, не можетъ такъ ясно ей (*императрицѣ*) объяснить твою невинность. Сдѣлай сіе, пошли какъ можно сіе къ нему поскорѣе, или ежели будешь самъ въ Петербургѣ, то подай ему этотъ экстрактъ. Я не живу праздно у княгини и прилежаніе мое за шитьемъ безпредѣльно, ибо я, работая, размышляю о тебѣ и не вижу, какъ отъ того поспѣшно идетъ моя работа; я почти вышила уже камзолъ князю Сергію Федоровичу, который, кажется, очень хорошъ вышился. Ежели твои дѣла пойдутъ лучше и ты поѣдешь въ Петербургъ, вели мнѣ за собою слѣдовать. Княгининъ курьеръ еще не бывалъ отъ свѣтлѣйшаго; она его ждетъ съ нетерпѣливостію, такъ какъ и я, вѣрной твой другъ, твоихъ писемъ и твоей къ себѣ довѣренности, и чтобы ты отнялъ отъ меня право себѣ пенять. Сего желаетъ твоя

Катюха».

(*Слѣдуетъ приписка княгини Голицыной:*) «Благодарю покорно за приписанное ваше мнѣ сухое почтеніе; желала бы лучше, чтобы вы намъ сказали что-нибудь о дѣлѣ вашемъ пріятное; перестаньте разъѣзжать по клобамъ; боюсь, чтобы вы тамъ не сгорѣли; право, мнѣ кажется, нарочно его зажигаютъ. К. Я. здорова, но не скрою отъ васъ того, что часто она грустить

какъ о васъ самихъ, такъ и отъ неизвѣстности, что̀ съ вами тамъ дѣлается»[1].

2. Хлопоты въ Петербургѣ.

Стремясь въ Петербургъ, Державинъ повидимому зналъ, что въ то же время туда сбирался Потемкинъ, въ дѣятельности котораго, послѣ взятія Очакова, наступилъ періодъ нѣкотораго отдыха: пріѣзда его въ столицу ожидали уже съ 15-го января. По этому поводу домашній секретарь Державина Савинскій около 20-го отправился въ Петербургъ. Въ ожиданіи свѣтлѣйшаго онъ обивалъ пороги у всѣхъ друзей Державина, который между тѣмъ и самъ прилежно съ ними переписывался. Савинскій былъ у Львова, Терскаго, Зайцова. О послѣднемъ, близкомъ къ Мамонову, писалъ онъ: «Василій Алексѣевичъ мнѣ сказывалъ, что Гарновскій[2] столько вашу сторону защищалъ и защищаетъ, что уповать должно, не оставитъ по̀ пріѣздѣ свѣтлѣйшаго князя объяснить ему все ваше дѣло, для чего обѣщался меня ему и Василью Степановичу (Попову) рекомендовать: то и не оставлю я употребить моихъ при томъ мѣръ»[3].

Изъ этого же письма видно, что Державинъ послалъ Мамонову черезъ Зайцова записку о своемъ дѣлѣ, составленную извѣстнымъ Михаиломъ Никитичемъ Муравьевымъ, на сестрѣ котораго былъ женатъ пріятель поэта, тамбовскій помѣщикъ Сергѣй Лунинъ, родной братъ служившаго при Бибиковѣ въ Пугачевщину Александра Михайловича. Записка еще не была доставлена фавориту, а между тѣмъ въ пользу Державина уже произошла какая-то благопріятная перемѣна, — въ расположеніи ли императрицы, или въ способѣ рѣшенія его участи: можетъ-быть прежде предполагалось формально отдать его подъ судъ или просто отрѣшить безъ суда. Державинъ думалъ, что причиной сравнительно благопріятнаго оборота дѣла было письмо его къ Мамонову, но Савинскій объяснялъ: «Сумнѣніе ваше, что не письмо ли содѣйствовало таковой съ вами перемѣнѣ, раз-

[1] V, 741.
[2] Извѣстный управляющій дѣлами Потемкина. См. I, 436 — 442.
[3] V, 736.

рѣшилось: совсѣмъ не оно, а радостное полученіе извѣстія о взятьѣ Очакова». Извѣстіе это привезено было въ Петербургъ полковникомъ Боуромъ 15-го декабря вечеромъ [1], а указъ о Державинѣ подписанъ 18-го числа.

Зайцовъ просилъ Савинскаго сообщить Державину, что просьба его Мамонову пригодится для переду и совѣтовалъ обо всемъ относиться прямо къ свѣтлѣйшему. «О письмѣ къ государынѣ», говорилъ далѣе Савинскій, «я уповаю, не неудобенъ совѣтъ Николая Александровича, и для того не угодно ли будетъ доставить другое, содержащее въ себѣ только одно дѣло безъ дальнихъ похвалъ, и чтобъ не включать просьбы о позволеніи избрать въ Москвѣ особъ, а только чтобъ позволено было прежде вамъ объясненіе здѣсь дать въ томъ, для чего просились вы прежде доносовъ, и тогда дѣлать что угодно, ибо сіе, кажется, сколько я ни судилъ, съ обстоятельствами мною здѣсь слышимыми будетъ можетъ-быть удобнѣе. Ежели экстрактъ готовъ, весьма бы не худо сюды доставить. Онъ не безнуженъ бы, уповаю, здѣсь былъ. Хотя всѣ здѣсь сильные вооружены противу васъ, но ежели малое согласіе къ вашему защищенію будетъ со стороны вамъ извѣстной, то, всѣ васъ любящіе увѣряютъ, ничто постоять не можетъ. Графъ Матвѣй Васильевичъ Мамоновъ завтра или послѣзавтряго отсель ѣдетъ въ Москву, слѣдовательно онъ тамъ будетъ скоро, то не разсудите ли у него побывать?»

Въ концѣ письма Савинскій, со словъ Терскаго, намекалъ на какія-то непріятности, ожидающія Гудовича по другимъ дѣламъ, и между-прочимъ, что по доносу на недостатокъ соли въ Тамбовской губерніи назначено слѣдствіе. Въ заключеніе онъ спрашивалъ: «Каково съ вами въ сенатѣ обошлись и трактуютъ, весьма, особливо любящимъ васъ, не безнужно знать: то хотя кратко ко мнѣ ли, или къ Николаю Ал. не разсудите ли писать? ибо нѣкоторые у меня любопытствуютъ: то что̀ я зналъ при мнѣ, то и отвѣчалъ, а именно что хорошо; но только не надежно о скоромъ окончаніи» [2].

[1] *Дневникъ Храпов.* 212.
[2] V, 735.

Въ другой разъ, нѣсколько позже, Савинскій увѣдомлялъ, что всѣ письма Державина онъ роздалъ. Разумѣется, что болѣе всѣхъ въ Петербургѣ хлопоталъ по дѣлу поэта Львовъ; 23-го января послѣдній писалъ своему другу въ Москву: «Тебѣ всего нужнѣе сюда пріѣхать; объ этомъ только и просить и молить станемъ. Сейчасъ зашелъ ко мнѣ человѣкъ и говоритъ, что князь еще будетъ не скоро: это вѣроподобно. Отправь въ запасъ въ Кременчугъ письмо, а меня увѣдомь. Теперь ты самъ видишь, что ты худо сдѣлалъ, что не сказалъ мнѣ про письмо къ Зайцову: оно еще и теперь не подано; хорошіе же отзывы произведены были моимъ однимъ пріятелемъ, котораго имя не для почты. Вчера и другой говорилъ, но безъ дальнаго успѣха»[1]. Подъ этими двумя лицами Львовъ конечно разумѣлъ графовъ Безбородку и Воронцова. Между тѣмъ Грибовскій, узнавъ о случившемся съ Державинымъ, обнадеживалъ его изъ Кременчуга защитою Потемкина. Онъ писалъ отъ 31-го января: «Прискорбные до насъ дошли слухи, поразившіе меня несказанно. Наконецъ сила превозмогла добродѣтель. Василій Степановичъ,— предъ которымъ я не могъ скрыть моихъ слезъ, объявляя, что вы смѣнены, — приказалъ отписать къ вамъ, что его свѣтлость никакъ не перемѣнилъ къ вамъ своего благорасположенія; но отлагалъ защитить васъ въ Петербургѣ самолично, не желая писать къ князю А. А. Вяземскому, и что, пріѣхавши туда, конечно сдѣлаетъ въ вашу пользу все возможное. Прискорбное участіе сопровождало его слова. Я просился самъ къ вамъ заѣхать; но какъ имѣю дѣла́ на рукахъ крайне нужныя и важныя, то онъ не захотѣлъ ихъ поручить другому. Курьеръ вашъ[2] продержанъ здѣсь затѣмъ единственно, чтобъ узнать, не вознамѣрится ли его свѣтлость писать объ васъ въ Петербургъ. Теперь оный къ вамъ возвращается. Мы сегодня сами спѣшимъ отправиться. Не пожалуете ли и вы къ намъ? Какъ бы я былъ обрадованъ, увидя васъ и получа случай устно изъ-

[1] V, 740.

[2] Губернской роты солдатъ Мельниковъ; онъ возвратился въ Тамбовъ 6-го февраля, какъ извѣстилъ о томъ Державина Булдаковъ.

явить вамъ мое глубокое почитаніе и неограниченную преданность» [1].

Наконецъ 4-го февраля Потемкинъ пріѣхалъ въ Петербургъ, и надежды друзей Державина оживились: «весь городъ», писалъ Савинскій, «былъ на поздравленіи его свѣтлости». Но Львовъ хотѣлъ повременить, «чтобъ дать пройти чаду» [2], тѣмъ болѣе что Потемкина еще не было въ самомъ городѣ. Между тѣмъ однакожъ Николай Александровичъ уже обѣщалъ, что будетъ написано въ Москву къ оберъ-прокурору, князю Гагарину. Теперь и Козодавлевъ собрался писать Державину, — добрый знакъ! За нѣсколько дней до Потемкина прибыла въ Петербургъ жена Державина съ княгиней Голицыной, которая уже на другой день по пріѣздѣ свѣтлѣйшаго обѣдала у него, но въ первое время, какъ писала Катерина Яковлевна своему мужу, «еще ничего не говорила, чтобъ не показать, что только за дѣлами и пріѣхала». Катерина Яковлевна, съ своей стороны, также не дремала: она сбиралась на поклонъ къ супругѣ оберъ-шталмейстера Нарышкиной (Маринѣ Осиповнѣ), считая ее въ большой силѣ: «Я ее себѣ приготовлю: она можетъ быть нужна, ежели уже отъ другихъ что́ не выйдетъ. Онъ (т. е. Потемкинъ) преданъ этому дому. Я знаю, что онѣ родня Гудовичу, но я возьмусь за это осторожно: буду хвалить Ивана Васильевича, но жаловаться на окружающихъ его». Къ этому она прибавляетъ: «Теперь спѣшу къ княгинѣ (Голицыной), но сказываютъ, что лучше, ежелибы она менѣе объ насъ старалась» [3]. Между тѣмъ комиссіонеръ Державина Савинскій каждый день ходилъ въ канцелярію Потемкина къ Грибовскому, гдѣ его видѣлъ и Поповъ. Послѣдній завѣрялъ, что не забылъ тамбовскаго дѣла, и приговаривалъ, что въ Кременчугѣ очистилось мѣсто оберъ-провіантмейстера, которое могъ бы получить Гаврила Романовичъ. Савинскій, упоминая о томъ въ письмѣ, увѣдомлялъ въ то же время, что умеръ казанскій губернаторъ, и намекалъ Державину на возможность сдѣлаться его преемникомъ; но друзья

[1] V, 745.
[2] V, 746.
[3] V, 751.

считали болѣе благоразумнымъ не хлопотать покуда ни о чемъ иномъ, какъ о позволеніи опальному лично явиться въ Петербургъ. «Однакожъ», прибавлялъ Савинскій, «при случаѣ о первомъ наиболѣе мѣстѣ, какъ и всѣ васъ любящіе совѣтуютъ, говорить и искать должно, *чтобъ только поступить въ службу къ князю*»[1]. И Катерина Яковлевна такъ разсуждала: «Увѣдомь меня, желаешь ли этого мѣста; кажется, это очень хорошо: тутъ можно безъ грѣха поправиться; оное же есть мѣсто полномочное, и ни отъ кого окромѣ свѣтлѣйшаго не зависитъ». Чтó отвѣчалъ Державинъ, мы не знаемъ; но кажется, его желанія устремлялись выше, и въ этомъ случаѣ онъ не ошибался, какъ показали послѣдствія.

3. Рѣшеніе судьбы Державина въ Москвѣ.

Несмотря на хлопоты петербургскихъ друзей и на ходатайство, съ которымъ Львовъ обратился къ Гагарину, дѣло Державина не подвигалось. Въ мартѣ онъ рѣшился еще разъ потревожить императрицу и черезъ Терскаго отправилъ на ея имя письмо, прося опять позволенія пріѣхать въ Петербургъ для объясненій. При этомъ онъ жаловался, что 1-й департаментъ сената, получивъ его отвѣты послѣ состоявшейся объ немъ резолюціи, не доложилъ объ нихъ государынѣ; «но ежелибы», говорилъ онъ, «вашему императорскому величеству было доложено о присылкѣ тѣхъ моихъ отвѣтовъ, то, уповаю, не изволили бы высочайше повелѣть явиться мнѣ въ 6-й департаментъ для отвѣтовъ, которые даны уже 1-му департаменту. А какъ между тѣмъ отлученъ уже я отъ должности моей и опредѣленъ на мѣсто мое другой, то и сталъ я, въ просвѣщенное и благосердое вашего величества царствованіе, не токмо безъ суда, но и безъ разсмотрѣнія моихъ отвѣтовъ наказанъ. ... А для того и осмѣливаюсь всеподданнѣйше просить позволить мнѣ для объясненія дѣлъ по губерніи лично предстать предъ ваше императорское величество; а особливо, когда мои отвѣты уже и въ 6-й депар-

[1] V, 752.

таментъ теперь болѣе трехъ мѣсяцевъ присланы и отъ меня какого-либо къ онымъ дополненія не требуютъ и нахожусь я празденъ, то между тѣмъ, покуда разсматриваются оныя, и имѣю я свободное время упасть къ освященнымъ стопамъ вашего величества и изъяснить связь происшествій, по коимъ я несчастливъ. Послѣ же сего, ежели мнѣ должно будетъ паки явиться за чѣмъ-либо въ 6-й департаментъ или я достоинъ явлюся быть подъ судомъ или безъ онаго за дерзновеніе, что напрасно обезпокоилъ священную особу вашего и. величества сими моими прошеніями, готовъ подвергнуть и честь и жизнь мою самой тягчайшей строгости законовъ. Одна моя надежда Богъ и ты, Государыня; да будетъ воля твоя со мною!»[1].

Письмо такого же содержанія, но въ сокращенномъ видѣ, отправилъ Державинъ нѣсколько позже и къ Потемкину[2], объясняя, что онъ «безмолвно ожидалъ бы разрѣшенія тягостной судьбы своей», ежелибъ не слухъ о скоромъ отъѣздѣ князя изъ Петербурга и не опасеніе, что въ отсутствіи его положеніе обвиняемаго еще ухудшится.

Наконецъ 16-го апрѣля, т. е. почти черезъ три съ половиной мѣсяца послѣ пріѣзда Державина въ Москву, въ сенатѣ началось слушаніе его дѣла. По собственному разсказу его, онъ достигъ этого тѣмъ, что посѣтилъ князя Волконскаго, съ которымъ былъ знакомъ еще въ Петербургѣ, и подѣйствовалъ на него угрозою, что если онъ еще будетъ медлить, то Державинъ вынужденъ будетъ принесть императрицѣ жалобу и раскрыть ей всѣ противузаконные поступки князя Вяземскаго: тогда будто бы князь Волконскій, давно не присутствовавшій въ сенатѣ, рѣшился выѣхать туда, и дѣло было кончено въ одно засѣданіе. Такъ ли было дѣйствительно, или поэтъ ошибался, во всякомъ случаѣ послѣднее показаніе его не вѣрно: 16-го апрѣля прочитанъ былъ только первый пунктъ губернаторскаго отвѣта. Затѣмъ слушаніе продолжалось четыре дня сряду: 17-го

[1] V, 864.

[2] Оно было получено Потемкинымъ 1-го мая, слѣдовательно еще въ Петербургѣ, откуда онъ выѣхалъ только 6-го мая. (См. *Дневникъ* Храповицкаго и *Письма* Ек. II къ Гримму, въ *Сб. И. О.* XXIII, 475.)

прочитаны были пункты 2-й и 3-й; 18-го — 4-й, 5-й и 6-й пункты; 19-го — 7-й, 8-й и 9-й. Послѣ перерыва, вѣроятно по случаю Пасхи, разсмотрѣніе дѣла возобновилось 23-го апрѣля: въ этотъ день слушаны переданные изъ 1-го департамента два новые рапорта Гудовича: 1-й, объ истребованіи Державинымъ справокъ отъ губернскаго правленія, 2-й, о неправильномъ будто бы неутвержденіи Бородина городскимъ головою. 24-го апрѣля слушаны еще четыре рапорта, также переданные изъ 1-го департамента: 1-й, о непризнаніи совѣтниками Державина выбора разныхъ лицъ отъ купечества и поселянъ въ должности; 2-й и 3-й, о неисправностяхъ въ доставкѣ въ петербургскіе запасные магазины подряднаго хлѣба, и 4-й, объ уклоненіи Державина отъ подписи журнала и подачи мнѣнія по указу сената о разрѣшеніи изъ-подъ ареста имѣнія купца Бородина. Въ это засѣданіе положено было: обо всѣхъ замѣчаніяхъ сената «сочиня со обстоятельствомъ, для поднесенія ея императорскому величеству всеподданнѣйшаго доклада, приговоръ, предложить правительствующему сенату на апробацію». Приговоръ и докладъ писались цѣлый мѣсяцъ: 24-го мая они были наконецъ слушаны, одобрены и подписаны. Вмѣстѣ съ тѣмъ опредѣлено было: до воспослѣдованія высочайшей на этотъ докладъ конфирмаціи «Державину объявить, что сенатъ теперь никакой до него надобности не имѣетъ». При слушаніи доклада нѣкоторыя выраженія, касавшіяся личныхъ пререканій между намѣстникомъ и губернаторомъ и взвѣшивавшія взаимную важность обѣихъ должностей, показались князю Волконскому неумѣстными, и потому было еще собраніе 31-го мая, въ которомъ, по совѣщаніи этого сенатора съ его сочленами, положено было исключить эти выраженія и, переписавъ приговоръ и докладъ, вновь подписать ихъ, что̀ и было исполнено 4-го іюня.

Всѣ разсужденія сената по отвѣтамъ Державина отличались особенною въ отношеніи къ нему мягкостью и снисходительностью, въ чемъ, независимо отъ правоты его дѣла, нельзя не видѣть вліянія Потемкина, прямо заинтересованнаго въ этомъ дѣлѣ. Всѣ заключенія сената были благопріятны Державину, всѣ оправдывали его. Не касаясь первой части этого обширнаго до-

клада (занимающаго въ копіи около 150 страницъ), гдѣ представлены сперва всѣ обвиненія Гудовича, потомъ опредѣленіе 1-го департамента и отвѣты Державина *, обратимся прямо ко второй части, содержащей самое опредѣленіе 6-го департамента, и сообщимъ его въ извлеченіи.

Въ началѣ этого отдѣла не забыли упомянуть съ особымъ удареніемъ, что департаментъ на разсмотрѣніе всѣхъ принадлежавшихъ къ дѣлу бумагъ *употребилъ цѣлые шесть дней*, и сейчасъ же прибавлено, что по всѣмъ пунктамъ сенатъ «ни Державина, ни совѣтниковъ правленія виновными и тяжкому осужденію подлежащими не находитъ». Преступленія перваго по существу своему — двоякаго рода: одни заключаются въ упущеніяхъ по должности, «въ непорядкахъ и противныхъ закону поступкахъ, а другія въ несоблюденіи должнаго повиновенія начальнику, въ неприличныхъ противъ него выраженіяхъ и укоризнѣ, и въ нанесенной чрезъ то званію и чину его обидѣ, въ чемъ главнѣйше и вся жалоба генералъ-губернатора состоитъ, и въ чемъ проситъ онъ на него, Державина, суда. Остается теперь, всемилостивѣйшая государыня! сдѣлать соображеніе для различія, въ чемъ заключаются и тѣ и другія, и какія именно обстоятельства Державина въ томъ и другомъ или совершенно оправдываютъ, или остаются подъ сумнѣніемъ; поелику сенатъ не слѣдствіе производилъ, на что и высочайшаго повелѣнія не имѣетъ, а разсматривалъ представленія генералъ-губернатора и отвѣты Державина по содержанію сдѣланныхъ ему отъ 1-го сената департамента вопросовъ, которые состоятъ въ томъ: 1-е) «Для чего со- «зывалъ онъ самъ собою, въ противность учрежденія, членовъ «палатъ въ намѣстническое правленіе для слѣдствія и очныхъ «ставокъ?» Противъ сего Державинъ отвѣтствуетъ и обстоятельства дѣла показываютъ, что приглашены имъ были въ правленіе не всѣ члены палатъ, а по одному изъ каждой, и не для слѣдствія и очныхъ ставокъ, но для предупрежденія слѣдствія, дабы узнать истину и защитить оклеветанныхъ, Державину нужно было вступиться за себя и за избранныхъ имъ, поелику свидѣтельство денежной казны, по силѣ учрежденій, непосредственно на губернатора возложено и сказано точно сими слова-

ми: «губернаторъ, яко хозяинъ губерніи, можетъ во всякое время «денежную казну въ губерніи ему ввѣренной освидѣтельствовать «самъ, или чрезъ уполномоченныхъ отъ него», слѣдовательно въ семъ случаѣ виновнымъ его, Державина, почесть сенатъ причины не находитъ. 2-е) «Вмѣсто наблюденія за подчиненными мѣстами «о точности исполненія по дѣламъ важнымъ, требующимъ по «нынѣшнимъ военнымъ обстоятельствамъ скорѣйшаго рѣшенія, «причиняетъ затрудненія и упущенія, отчего многіе церковники «не собраны». Противъ сего пункта отвѣты Державина, а не меньше и доставленныя къ нему отъ намѣстническаго правленія справки свидѣтельствуютъ, что со стороны его, Державина, по всѣмъ означеннымъ дѣламъ не только никакого упущенія и затрудненія не сдѣлано, но напротивъ того ясно видно, что въ собраніи государственныхъ доходовъ, рекрутъ и заштатныхъ церковниковъ всевозможное стараніе прилагалось и какъ лично отъ него, такъ и отъ правленія неослабныя и многократныя предписанія дѣланы, за неисполненіе же и медленность въ томъ съ виновныхъ учинено должное взысканіе, а что и за тѣмъ оставалось какъ денежныхъ суммъ въ недоимкѣ, такъ рекрутъ и церковниковъ въ недоборѣ, тому были особливыя причины, которыя означены именно въ его отвѣтѣ и которыхъ дальнѣйшее поправленіе зависѣло непосредственно отъ генералъ-губернатора; буде же бы Державинъ не исполнилъ въ семъ случаѣ въ чемъ-либо его предписаній, то слѣдовало бы на него представить сенату, но не иначе какъ въ свое время, со всѣми необходимо нужными объясненіями, и прежде нежели началъ производить на него личную жалобу. 3-е) «Занимается по пристрастію и недоброхотству выискиваніемъ частныхъ людей слѣдствій, отвлекающихъ отъ дѣлъ полезныхъ службѣ». Сей пунктъ не представляетъ ничего извѣстнаго. Изъ отвѣтовъ Державина и изъ справокъ правленія никакого пристрастія и недоброхотства его, Державина, выискиваніемъ слѣдствій частныхъ людей не видно, тѣмъ паче что и самъ генералъ-поручикъ Гудовичъ, въ донесеніи своемъ о томъ сенату, кому бъ отъ него, Державина, причинено было изъ пристрастія недоброхотство, никого лично не означаетъ; впрочемъ же и жалобъ въ томъ на него, Державина, ни отъ кого никакихъ нѣтъ. И для того

сенатъ признаетъ Державина въ обоихъ вышесказанныхъ случаяхъ невиннымъ. 4-е) «Миновавъ генералъ-губернатора, представлялъ о многихъ дѣлахъ въ сенатъ». Сіе обвиненіе само по себѣ ничего важнаго въ себѣ не заключаетъ, и Державинъ признается, что о нѣкоторыхъ дѣлахъ представленія отъ правленья, миновавъ генералъ-губернатора, прямо въ сенатъ подлинно были, но тѣмъ ни должности, ни закону противности Державинъ не сдѣлалъ, поелику всѣмъ правленіямъ вообще, по нѣкоторымъ случаямъ, силою учрежденій предписано то должностію. Въ чемъ же состоитъ вина Державина? Ибо онъ не больше сдѣлалъ, какъ то, что̀ въ должности правленія предписано, а по важнымъ дѣламъ всегда относился къ генералъ-губернатору и ожидалъ на то его согласія; иначе же, буде бы паче чаянія представлялъ онъ, Державинъ, въ сенатъ, какъ генералъ-губернаторъ пишетъ, о многомъ ненадобномъ, въ такомъ случаѣ сенатъ не оставилъ бы сего въ молчаніи и безъ его, генералъ-поручика, особеннаго о томъ представленія. 5) «Вмѣшавшись въ должность своего начальника и въ дѣла постороннія и оставляя свою собственную, накопилъ въ намѣстническомъ правленіи съ 1787 года и не исполнилъ болѣе 600 дѣлъ, въ числѣ коихъ и на сенатскіе указы многихъ исполнительныхъ репортовъ посылаемо не было, хотя о томъ отъ генералъ-губернатора неоднократно подтверждаемо было». Въ чемъ именно вмѣшивался Державинъ въ должность его, генералъ-поручика, и въ чемъ оставлялъ свою собственную, сенатъ не видитъ, и какъ по отвѣтамъ Державина, такъ и по учиненнымъ въ правленіи справкамъ, того не значится, а впрочемъ и упущенія въ дѣлахъ по правленію, въ разсужденіи ихъ количества, не примѣчается; ежели же когда и случилось, что не скоро указы сената или сообщенія другихъ мѣстъ исполнялись, то сіе происходило, какъ изъ отвѣтовъ Державина явствуетъ, отъ нижнихъ присутственныхъ мѣстъ, на которыя за то и взысканіе полагалось; а что собственно по правленію отправляемы были дѣла съ должною поспѣшностію, въ томъ свидѣтельствуется онъ, Державинъ, многими полученными лично отъ генералъ-поручика письмами и рекомендаціею о немъ бывшимъ въ Тамбовѣ при обозрѣніи губерніи сенаторамъ, и къ полученію

ордена. 6) «По приказу общественнаго призрѣнія, со времени «вступленія его, многихъ заведеній не сдѣлано». Державинъ объясняетъ, что причиною тому недостатокъ въ принадлежащихъ приказу денежныхъ суммахъ (около 30,000 рублей), и дѣлалъ онъ таковаго рода заведенія частно, смотря по нуждѣ и обстоятельствамъ, сколько польза и сумма того приказа дозволяла; при чемъ со вступленія его въ должность доставилъ онъ той суммѣ слишкомъ 20,000 рублей приращенія, и сверхъ того по казенной палатѣ открылъ не взысканныхъ съ неисправныхъ поставщиковъ штрафныхъ процентныхъ денегъ слишкомъ 60,000 рублей, да за невзносъ въ срокъ въ казну денегъ содержателями оброчныхъ статей безъ малаго 6,000 рублей таковыхъ же причитается, слѣдовательно и по всѣмъ симъ тремъ пунктамъ, виновнымъ его, Державина, сенатъ не находитъ. 7) Содержаніе этого пункта въ томъ состоитъ: «якобы завелъ у себя Дер«жавинъ домовую съ особливымъ секретаремъ канцелярію, по за«конамъ ему не положенную». При Державинѣ былъ секретарь, но не особо опредѣленный, а изъ штата губерніи, котораго употреблялъ онъ не съ канцеляріею домовою, какой у него не было, но единственно для отправленія дѣлъ по должности правителя и по возлагаемымъ лично на Державина особеннымъ коммиссіямъ, бравъ на то временно, для переписки, и канцелярскихъ служителей, безъ чего онъ, ведя отъ лица своего со многими мѣстами и лицами переписку, обойтись не могъ, слѣдовательно и въ семъ случаѣ также не виноватъ. 8) «Будучи извѣщенъ генералъ«прокуроромъ о высочайшемъ повелѣніи, чтобъ въ разсужденіи «позволенія предстать предъ престоломъ для донесенія по дѣламъ «Тамбовской губерніи, просился онъ, Державинъ, по командѣ, «дерзнулъ вопреки монаршему повелѣнію, миновавъ своего на«чальника, подать прошеніе на высочайшее имя въ намѣстниче«ское правленіе, гдѣ въ отсутствіи генералъ-губернатора на«ходился самъ первенствующею особою». Въ семъ случаѣ сказать можно подлинно, что не соблюлъ Державинъ надлежащей благопристойности и должнаго къ начальнику уваженія, и слѣдовательно не могъ бы въ томъ извиненъ быть; по послику изъ отвѣтовъ его явствуетъ, что все то произошло по причинѣ от-

крывшагося уже между ними неудовольствія, и что генералъ-губернаторъ неблагопріятно къ нему расположенъ былъ, отчего Державинъ въ пріѣздъ свой къ нему дней съ пять, подъ видомъ болѣзни генералъ-поручика, былъ не допускаемъ, хотя въ то же самое время члены казенной палаты почасту у него бывали, то если все сказанное Державинымъ справедливо, не можетъ сенатъ почесть и сего послѣдняго его поступка столь важною виною, а тѣмъ паче сдѣлать таковое заключеніе, якобы дерзнулъ онъ поступить на то вопреки монаршему повелѣнію, чего сенатъ и помыслить, всемилостивѣйшая государыня, страшится, чтобъ кто-либо, какъ и Державинъ, могъ вздумать, забывъ себя, пуститься на таковое, можно сказать, безпримѣрное безстрашіе. Преступленіе таковаго рода есть уголовное, и чѣмъ оно важнѣе, тѣмъ болѣе требуетъ основательныхъ доказательствъ къ обвиненію преступившаго, нежели одно донесеніе правящаго должность генералъ-губернатора, и потому, не осмѣливаясь сдѣлать въ столь важномъ дѣлѣ никакого заключенія, по причинамъ, достаточнаго основанія не имѣющимъ, поступокъ въ семъ случаѣ Державина, находя съ своей стороны невиннымъ, предаетъ впрочемъ прозорливому вашего императорскаго величества благоразсмотрѣнію.

«Что принадлежитъ особенно до другихъ генералъ-губернатора представленій, составляющихъ подобнымъ образомъ обвиненіе Державина и совѣтниковъ правленія, оныя сенатъ разсматривалъ также во всей ихъ подробности и каждое порознь, и потому находитъ: I, Что требовалъ и взялъ Державинъ отъ намѣстническаго правленія необходимо нужныя ему для принесенія оправданій, противъ учиненныхъ на него отъ генералъ-губернатора донесеній, справки, дабы доказать ими свою невинность. Въ семъ случаѣ винить Державина отнюдь было бы не можно, поелику требуетъ того справедливость, чтобъ обвиняемому предоставлены были всѣ способы къ его оправданію, какъ о семъ довольно пространно сказано въ наказѣ комиссіи о составленіи проекта новаго уложенія; но неосторожность Державина единственно въ томъ состоитъ, для чего требовалъ онъ сіи справки даннымъ правленію предложеніемъ, которыя могъ

бы онъ приказать сдѣлать и собрать нужныя свѣдѣнія чрезъ секретарей и другихъ канцелярскихъ служителей и безъ такихъ вопросовъ, каковые въ предложеніи его правленію означены, и которые показываютъ нѣкоторымъ образомъ видъ, якобы требовалъ онъ тѣмъ отчетъ и въ поведеніи генералъ-губернатора, а по поводу сего 1-й сената департаментъ, нашедъ въ дѣяніи семъ поступокъ Державина противъ персоны генералъ-губернатора оскорбительнымъ, и «во отвращеніе дальнѣйшихъ отъ «того послѣдствій всеподданнѣйше представлялъ, чтобъ его, Дер«жавина, отрѣшить отъ должности», по каковому случаю и удаленъ онъ наконецъ отъ должности, и лишился чрезъ то своего мѣста, слѣдовательно, соразмѣрно неосторожному его поступку, тѣмъ уже наказанъ, а генералъ-губернаторъ симъ самымъ удовлетворенъ: то и не почитаетъ сенатъ ничего болѣе въ штрафъ ему, Державину, прибавить. II, Относительно неутвержденія Державинымъ выбраннаго тамбовскимъ купечествомъ и мѣщанствомъ въ градскія головы именитаго гражданина Бородина, вмѣсто коего утвердилъ онъ слѣдующаго по немъ по порядку, по большинству балловъ, купца Толмачова, поелику дозволеніе засѣданія вновь выбраннымъ изъ купечества и мѣщанства въ городскіе головы и прочія званія зависитъ не отъ генералъ-губернатора, а отъ правителя губерніи: то въ неутвержденіи Державинымъ Бородина, по причинѣ изъясненныхъ въ репортѣ Державина пороковъ, виновнымъ его сенатъ не почитаетъ, тѣмъ паче что буде Бородинъ находилъ себя тѣмъ обиженнымъ и имѣлъ справедливыя и основательныя причины, то могъ на Державина принести надлежащую, на основаніи законовъ, жалобу. III, Что касается переписокъ, веденныхъ Державинымъ при началѣ возобновленія выборовъ, изъ чего, какъ генералъ-губернаторъ представляетъ, будто бы послѣдовало замѣшательство, поелику въ семъ случаѣ никакого замѣшательства со стороны Державина сенатъ не видитъ, а испрашивалъ онъ себѣ у него, генералъ-поручика, по дворянскимъ и мѣщанскимъ выборамъ предписанія, не получивъ никакого о томъ отъ него повелѣнія на словахъ, получивъ же потомъ ордеръ остался спокоенъ, и для того виновнымъ его, Державина, относительно сего проис-

шествія не поставляетъ, какъ и въ томъ, что внесъ онъ въ правленіе для свѣдѣнія съ репорта, поданнаго о томъ къ нему, генералъ-поручику, копію, въ чемъ никакой важности не заключается, а впрочемъ, что написалъ онъ Державинъ въ означенномъ репортѣ не тѣ точно слова, какія генералъ-поручикъ ему сказалъ, на вопросъ его, сего доискиваться сенатъ не почитаетъ за нужное, тѣмъ больше, что оныя хотя не точно такъ изображены, какъ въ репортѣ Державина означено, но тотъ однакожъ смыслъ имѣютъ и доказываютъ весьма явственно, что генералъ-губернаторъ отъ всякаго съ Державинымъ благопріятнаго обращенія удалялся и изъявлялъ чрезъ то видъ неудовольствія и раздраженія. IV, Въ разсужденіи не скорой присылки Державинымъ требуемыхъ, по предписанію генералъ-губернатора, съ заключенныхъ Державинымъ съ поставщиками изъ Тамбовской губерніи въ петербургскіе запасные магазины хлѣба контрактовъ и съ поручительствъ по нихъ копіи, какъ изъ репорта генералъ-поручика и изъ отвѣта Державина явствуетъ, что все требуемое въ надлежащее время потомъ исполнено и никакого чрезъ то казнѣ убытка не послѣдовало: то сіе обстоятельство само собою уже рѣшилось, а что прислалъ все оное Державинъ не въ такое время, какъ генералъ-губернатору желалось, за препятствіями, о коихъ онъ, генералъ-поручикъ, отъ Державина предварительно былъ извѣщенъ, то могъ онъ, генералъ-поручикъ, по силѣ указа 1766, буде требуемое имъ весьма скоро имѣть ему было нужно, учинить ему, Державину, вторичное о томъ по командѣ понужденіе, но когда бы и по сему послѣднему не исполнилъ, въ такомъ уже случаѣ о непослушаніи его представлять въ сенатъ, а не прежде.

«За всѣмъ симъ слѣдуетъ теперь, всемилостивѣйшая государыня, тотъ важный пунктъ жалобы генералъ-губернатора на Державина, по которому онъ, генералъ-поручикъ, какъ обиженный начальникъ, просилъ отъ сената къ вашему императорскому величеству предстательства и суда на подчиненнаго, сей пунктъ подверженъ, всемилостивѣйшая государыня, сомнѣнію по разнообразнымъ съ обѣихъ сторонъ показаніямъ. Поелику Державинъ въ отвѣтѣ своемъ противъ принесенной на него отъ генералъ-

губернатора жалобы ни въ чемъ не признается, объясняясь, что всегда обращался онъ съ нимъ, генералъ-поручикомъ, съ подобострастіемъ и должною къ начальнику вѣжливостію, какъ и при самомъ его, генералъ-поручика, изъ Тамбова отъѣздѣ, просилъ его въ правленіе также учтивымъ образомъ, не для собственнаго своего дѣла, а для трактованія о распоряженіи, въ разсужденіи представляемыхъ тогда отъ дворянъ изъ усердія къ благу отечества, по случаю шведской войны, рекрутъ, и для осмотрѣнія въ правленіи теченія дѣлъ, о коихъ онъ, генералъ-поручикъ, въ предложеніи своемъ въ правленіе наканунѣ того дня изъяснялъ, якобы ихъ много запущено, о собственномъ же своемъ дѣлѣ объяснялъ по случаю нечаянно зашедшей о томъ рѣчи, а что подлинно говорилъ онъ, Державинъ, ему, генералъ-поручику, въ то время съ великою учтивостію и благопристойностію, въ томъ ссылается на бывшихъ тогда въ передней генералъ-поручика чиновъ: но какъ сіе показаніе представленію генералъ-губернатора во всемъ противорѣчитъ и утвердиться ни на томъ, ни на другомъ не можно, для изысканія же въ семъ случаѣ истины завести о семъ слѣдствіе (по причинѣ, что именнымъ высочайшимъ указомъ повелѣно Державину явиться въ сенатъ для надлежащаго токмо въ томъ отвѣта, а не для слѣдствія) сенатъ самъ собою не смѣетъ, и для того по всѣмъ вышесказаннымъ обстоятельствамъ осмѣливается сенатъ всеподданнѣйше представить, не угодно ли вашему величеству будетъ высочайше повелѣть, для общаго обоихъ спокойствія, оставить все оное безъ дальнѣйшаго изысканія. Причины, побуждающія сенатъ къ таковому заключенію, всемилостивѣйшая государыня, суть слѣдующія: 1) Изъ всѣхъ приносимыхъ генералъ-губернаторомъ на Державина жалобъ и изъ отвѣтовъ сего послѣдняго, не меньше какъ и изъ обстоятельствъ самаго дѣла, ничего другого не усматривается, кромѣ личнаго ихъ одного противъ другого неудовольствія, чрезъ что Державинъ лишился своего мѣста, а тѣмъ самымъ и всѣ личныя неудовольствія между тѣмъ и другимъ кончились. 2) Что кромѣ личныхъ неудовольствій генералъ-губернатора, изъ всего вышеизъясненнаго, никакого впрочемъ злоупотребленія и какъ казенному интересу упущенія, такъ и

частнымъ людямъ со стороны Державина притѣсненія не послѣдовало и ни отъ кого никакихъ на то жалобъ не вышло, болѣе же все то предаетъ сенатъ всемилостивѣйшему вашего императорскаго величества благоволенію» [1].

Какъ ни благопріятно для Державина было рѣшеніе сената, однакожъ онъ остался не совсѣмъ доволенъ имъ; именно онъ сѣтовалъ на то, что съ него не взяли отвѣта по обвиненію въ истребованіи отъ намѣстническаго правленія справокъ, и хотѣлъ принести императрицѣ жалобу на такое «кривое и темное рѣшеніе». Но такъ какъ опредѣленіе сената долго оставалось необъявленнымъ, то онъ ничего не могъ предпринять. Тогда (по разсказу въ его запискахъ) онъ чрезъ одного стряпчаго далъ оберъ-секретарю 2,000 руб. за допущеніе снять копію съ приговора. Кромѣ того онъ просилъ князя Гагарина принять мѣры, чтобъ ему наконецъ было объявлено рѣшеніе сената и позволено выѣхать изъ Москвы. 4-го іюня, въ понедѣльникъ, ему дѣйствительно дано было знать о подписаніи сенатскаго доклада государынѣ и о томъ, что въ немъ, Державинѣ, нѣтъ болѣе надобности. Къ достиженію такого результата, — по его предположенію, высказанному въ запискахъ,—содѣйствовалъ графъ П. И. Панинъ, который доживалъ свой вѣкъ въ Москвѣ и, несмотря на бывшія у него прежде съ нашимъ поэтомъ недоразумѣнія, дружелюбно принималъ его, помогая ему своимъ ходатайствомъ у Гагарина и сенаторовъ. Замѣтимъ однакожъ, что съ Панинымъ Державинъ могъ видѣться развѣ только въ первые мѣсяцы своего пребыванія въ Москвѣ, такъ какъ графъ Петръ Ивановичъ скончался тамъ уже 15-го апрѣля, т. е. наканунѣ того самаго дня, въ который сенатъ приступилъ къ слушанію дѣла Державина.

12-го іюня нашъ бывшій тамбовскій губернаторъ былъ еще въ Москвѣ и писалъ къ Капнисту: «Дѣло мое здѣсь кончилось. Я, слава Богу, по всѣмъ клеветамъ Гудовича, взведеннымъ на меня, нашелся невиннымъ, о чемъ и поданъ докладъ; при всемъ

[1] Журналъ подписали: Иванъ Чернышевъ, Петръ Вырубовъ, Петръ Хитрово, князь Петръ Волконскій и Матвѣй Ржевскій.—Скрѣпилъ оберъ-секретарь Степанъ Ивановъ.

томъ, въ угодность сильныхъ моихъ гонителей не оставили завернуть ерихонскій крючокъ, который, сколько самъ собою ничего незначущъ, но при всемъ томъ мнѣ не можетъ быть пріятенъ. Если не конфирмованъ докладъ до пріѣзда моего въ Петербургъ, то постараюсь его отвратить; но да будетъ воля Всевышняго со мною, на Котораго одного надѣюсь» [1].

Что разумѣлось подъ «ерихонскимъ крючкомъ», мы уже знаемъ (ср. выше стр. 571). Къ устраненію его, просьба дѣйствительно была подана императрицѣ: оправданный просилъ, чтобъ у него было истребовано еще дополнительное объясненіе и чтобъ оно поднесено было, вслѣдъ за докладомъ сената, на высочайшую конфирмацію. Но, какъ мы скоро увидимъ, просьба эта опоздала; дѣло окончилось безъ нея.

Прежде однакожъ, нежели послѣдуемъ за Державинымъ въ Петербургъ, скажемъ нѣсколько словъ о стихахъ, написанныхъ имъ въ Москвѣ. Само собою разумѣется, что при тѣхъ обстоятельствахъ, въ какихъ онъ здѣсь прожилъ цѣлые полгода, нельзя ожидать отъ его музы, за это время, обильныхъ даровъ. Мы упомянули, что еще до выѣзда его изъ Тамбова Львовъ совѣтовалъ ему воспѣть взятіе Очакова. По поводу этого событія и написана, въ подражаніе 90 псалму, ода *Побѣдителю*, т. е. Потемкину. Понятно, что при тогдашнемъ настроеніи Державина въ этой одѣ не могло быть много вдохновенія и поэзіи: содержаніе ея натянуто и стихи тяжелы. Она была тогда же отправлена по адресу, однакожъ, какъ увѣряетъ поэтъ, безъ означенія имени автора, такъ что князь Таврическій будто бы никогда и не узналъ, кѣмъ она сочинена. Какъ бы ни было, при жизни Потемкина осталась она неизданною и явилась въ печати только въ 1798 году, причемъ, по извѣстному отношенію императора Павла къ памяти любимца Екатерины, цензура исключила послѣднюю строфу:

«Но кто ты, вождь, кѣмъ стѣны пали,
Кѣмъ твердь Очаковска взята?

[1] V, 760.

Чья вѣра, чьи уста взывали
Намъ Бога въ помощь и Христа?
Чей духъ, чья грудь весла монаршій ликъ?
Потемкинъ ты! Съ тобой, знать, Богъ великъ!» [1]

Положеніе Державина въ Москвѣ естественно влекло его къ духовной поэзіи; о томъ свидѣтельствуетъ болѣе счастливое переложеніе прекраснаго 103-го псалма *(Величество Божіе)*, за который принимался также Ломоносовъ, который перелагалъ и Сумароковъ. Самымъ же замѣчательнымъ произведеніемъ Державина за время его пребыванія въ Москвѣ была его своеобразная по шуточному тону и сатирическому характеру ода *на Счастье*, написанная будто бы, какъ онъ означилъ въ первомъ ея изданіи, на масляницѣ. Она полна намековъ на тогдашнія политическія событія, на черты современной общественной жизни и наконецъ на нѣкоторыхъ представителей высшей администраціи. Послѣ *Фелицы* это было первымъ значительнымъ стихотвореніемъ Державина въ томъ же юмористическомъ родѣ, и талантъ его здѣсь явился опять во всемъ блескѣ самобытной силы. Изъ пояснительныхъ примѣчаній къ одѣ *на Счастье* легко убѣдиться, какъ хорошо онъ былъ знакомъ съ политическими обстоятельствами эпохи, въ которую Россія вела двѣ войны и находилась въ щекотливыхъ отношеніяхъ къ другимъ державамъ. Строфы 9 — 12 содержатъ игривое изображеніе дѣятельности Екатерины. Затѣмъ поэтъ касается самого себя и, начиная съ 14-й строфы, ода получаетъ автобіографическое значеніе. Обращаясь потомъ къ Счастью съ просьбой о перемѣнѣ своей судьбы, онъ ловко задѣваетъ своихъ гонителей, Гудовича и Завадовскаго:

«Гудокъ гудитъ на тонъ скрипицы
И вьется локономъ хохолъ» [2].

Эти строфы, по живости содержанія и легкости стиха, принадлежатъ къ числу самыхъ удачныхъ, когда-либо написан-

[1] I, 235.
[2] I, 225.

ныхъ Державинымъ. Въ концѣ оды онъ хочетъ увѣрить себя и другихъ, что несмотря на испытываемыя имъ внѣшнія невзгоды, онъ остается совершенно спокоенъ въ душѣ. Мы выше замѣтили, что онъ и съ самыхъ тяжкихъ обстоятельствахъ не предавался отчаянію, но отъ этого состоянія до спокойствія еще далеко: изъ переписки его ясно видно, съ какою тревожною заботливостью онъ обращался во всѣ стороны, ища выхода изъ своего труднаго положенія. Когда потомъ онъ возвратился въ Петербургъ и снова занялъ почетное мѣсто, ода *на Счастье*,— хотя она и оставалась въ рукописи,— пріобрѣла большую извѣстность, или, какъ выразился Болотовъ, «носилась въ народѣ морганически» (т. е. втайнѣ) [1].

4. МИЛОСТЬ ИМПЕРАТРИЦЫ. ЖИЗНЬ ВЪ СТОЛИЦѢ.

Въ Петербургъ Державинъ пріѣхалъ во второй половинѣ іюня 1789 года,— въ какой именно день, намъ неизвѣстно. Въ дневникѣ Храповицкаго, подъ 27-мъ іюня, записано: «Читалъ докладъ о Державинѣ, 6-ымъ департаментомъ сената оправданномъ. Приказано отыскать оду Фелицѣ». Затѣмъ, 11-го іюля: «Читалъ просьбу Державина и поднесъ оду Фелицѣ. Въ ней», говоритъ Храповицкій, «прочтено при мнѣ:

«Еще же говорятъ не ложно,
Что будто завсегда возможно
Тебѣ и правду говорить.»

«Приказано сказать Державину, что докладъ и просьба его читаны, и что ея величеству трудно обвинить автора оды къ Фелицѣ: cela le consolera. Донесъ о благодарности Державина,— on peut lui trouver une place». Вмѣстѣ съ тѣмъ утвержденъ былъ докладъ сената съ означеніемъ такой же резолюціи на послѣдней просьбѣ Державина, и въ тотъ же день написано о томъ къ генералъ-прокурору.

[1] *Памятникъ претекшихъ временъ*, стр. 18.

Въ своихъ запискахъ поэтъ говоритъ, что Храповицкій тогда же «объявилъ ему высочайшее благоволеніе», и гофмаршалу велѣно было представить его государынѣ. Въ слѣдствіе того онъ, спустя нѣсколько дней, ѣздилъ въ Царское Село; императрица Екатерина приняла его очень милостиво, дала ему поцѣловать руку и оставила у себя къ обѣду [1]. У Храповицкаго объ этомъ представленіи вовсе не упомянуто: такое умолчаніе могло бы показаться очень страннымъ, еслибъ оно не объяснялось тѣмъ, что въ знаменитомъ «Дневникѣ» совсѣмъ пропущенъ цѣлый день, именно 16-е число [2], къ которому вѣроятно и слѣдуетъ отнести сообщаемыя Державинымъ обстоятельства. Въ достовѣрности его разсказа не позволяетъ сомнѣваться слѣдующее подлинное письмо его къ Капнисту, писанное 18-го іюля, въ которомъ онъ нѣсколько наивно и грубовато возвѣщаетъ другу свое торжество: «Спѣшу, мой любезный другъ Василій Васильевичъ, сообщить тебѣ наше удовольствіе. Дѣло мое кончено. Гудовичъ дуракъ, а я уменъ. Ея величество съ особливымъ вниманіемъ изволила разсмотрѣть докладъ 6-го департамента о моихъ проступкахъ, о которыхъ Гудовичъ доносилъ, и приказала мнѣ чрезъ статсъ-секретаря объявить свое благоволеніе, точно сими словами: «Когда и сенатъ уже его оправдалъ, то могу ли я чѣмъ обвинить автора Фелицы?» въ слѣдствіе чего дѣло повелѣла считать рѣшенымъ, а меня представить. Почему я въ Царскомъ Селѣ и былъ представленъ; оказано мнѣ отличное благоволеніе: когда пожаловала руку, то окружающимъ сказала: «Это мой собственный авторъ, котораго притѣсняли». А потомъ, какъ сказываютъ, чего я однакоже не утверждаю, во внутреннихъ покояхъ продолжать изволила, что она желала бы имѣть людей болѣе съ таковыми расположеніями, и оставленъ былъ я тотъ день обѣдать въ присутствіи ея величества. Политики предзнаменуютъ для меня нѣчто хорошее; но я все слушаю равнодушно, а повѣрю только тому, что дѣйствительно сбудется» [3].

[1] VI, 607.

[2] Вѣроятно, за отлучкою Храповицкаго по какому-нибудь порученію императрицы.

[3] V, 761.

Въ концѣ письма подпись: «Ея величества собственный авторъ». Итакъ Державинъ не только былъ оправданъ, но и удостоился особеннаго благоволенія императрицы.

Можно быть увѣреннымъ, что такое окончаніе дѣла было крайне непріятно князю Вяземскому и сторонникамъ его, особенно Завадовскому, не говоря уже о самомъ Гудовичѣ. Но дѣлать было нечего: непреоборимая сила Потемкина, при содѣйствіи Безбородки и Воронцова, ниспровергла всѣ ухищренія противниковъ, и генералъ-прокуроръ долженъ былъ чрезъ петербургскій сенатъ сообщить высочайшую резолюцію московскому: 23-го іюля 6-й департаментъ слушалъ указъ о томъ и въ журналъ его за этотъ день записано, что по докладу сената «ея императорское величества высочайше отозваться соизволила, что сіе дѣло почитаетъ ея величество совершенно оконченнымъ и помянутый докладъ пріемлетъ во извѣстіе».

Съ благопріятнымъ рѣшеніемъ дѣла Державина еще не кончились для него всѣ послѣдствія управленія Тамбовской губерніей, и взысканіе, которому онъ подвергался за неполную поставку хлѣба, должно было причинить ему еще много хлопотъ. Но и независимо отъ этого, онъ, какъ мы уже замѣтили, былъ не вполнѣ доволенъ высочайше утвержденнымъ рѣшеніемъ сената. Возвращаясь, послѣ своего представленія, изъ Царскаго въ Петербургъ, «размышлялъ онъ самъ въ себѣ, чтó онъ такое — виноватъ, или не виноватъ? въ службѣ, или не въ службѣ?». И потому онъ рѣшился написать къ императрицѣ еще письмо, въ которомъ, принося благодарность за правосудіе, просилъ, на основаніи указа 1726 года, повелѣть, чтобы ему выдано было и впредь производилось до опредѣленія его къ должности остановленное жалованье; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ испрашивалъ аудіенціи для личнаго объясненія по дѣламъ губерніи. Императрица была такъ милостива, что исполнила обѣ просьбы. Дня черезъ три послѣ подачи его письма (оно было читано 29-го іюля, въ воскресенье, но не сохранилось) онъ былъ вторично принятъ государынею въ Царскомъ Селѣ. Это было 1-го августа, въ среду, въ 9 часовъ утра. Объ этой любопытной аудіенціи мы имѣемъ не только двойной отчетъ самого Держа-

вина[1], но и сообщеніе Храповицкаго собственными словами Екатерины; оба свидѣтельства довольно согласны между собой.

Державинъ повезъ въ Царское Село всю офиціальную переписку, бывшую у него съ Гудовичемъ, которою онъ желалъ окончательно доказать императрицѣ свою невинность. Къ счастью однакожъ, онъ, входя въ кабинетъ Екатерины, догадался оставить этотъ грузъ въ сосѣдней комнатѣ. Государыня, давъ ему поцѣловать руку, спросила, «какую онъ имѣетъ до нея нужду». Онъ отвѣчалъ, что желаетъ благодарить ее за оказанное ему правосудіе и, съ документами въ рукахъ, объясниться по дѣламъ губерніи. Понятно, что это не могло понравиться императрицѣ, и она вслѣдъ за тѣмъ его спросила: отчего онъ не объяснилъ всего въ своихъ отвѣтахъ сенату, или особо на письмѣ. — «Я просился для объясненія въ Петербургъ», отвѣчалъ онъ: «но получилъ приказанье проситься чрезъ генералъ-губернатора, чего я не могъ сдѣлать по его непріязни ко мнѣ». — «Но», возразила Екатерина, «не имѣете ли вы въ нравѣ чего-нибудь строптиваго, что ни съ кѣмъ не уживаетесь? — «Я началъ службу свою простымъ солдатомъ и самъ собой возвысился до почетнаго чина и губернаторства; никто не жаловался на мое управленіе». — «Но отчего же вы не поладили съ Тутолминымъ?» — «Онъ издалъ свои законы, а я привыкъ исполнять только ваши». — «Отчего вы разошлись съ Вяземскимъ?» — «Ему не понравилась моя ода Фелицѣ: онъ началъ осмѣивать и притѣснять меня.» — «А какая была причина ссоры вашей съ Гудовичемъ?» — «Онъ не соблюдалъ вашихъ интересовъ; въ доказательство могу представить цѣлую книгу, которая со мною». — «Хорошо», сказала она, «послѣ». Тогда онъ подалъ ей краткую записку о случаяхъ нарушенія выгодъ казны по Тамбовской губерніи: императрица, принявъ эту записку, отпустила его съ обѣщаніемъ дать ему жалованье и опредѣлить къ мѣсту. По свидѣтельству Храповицкаго, Екатерина послѣ такъ отозвалась объ этомъ разговорѣ: «Я ему сказала, что чинъ чина почитаетъ. Въ третьемъ мѣстѣ не могъ ужиться; надобно искать причины въ себѣ самомъ. Онъ

[1] Въ *Объясненіяхъ* на его сочиненія, и въ *Запискахъ* (III, 644, и IV, 608).

горячился и при мнѣ. Пусть пишетъ стихи. Il ne doit pas être trop content de ma conversation». Затѣмъ въ дневникѣ Храповицкаго приписано: «Велѣно выдать не полученное имъ жалованье, а графъ Безбородко прибавилъ въ указѣ, чтобы и впредь производить оное до опредѣленія къ мѣсту.» Державинъ говоритъ, что этотъ указъ вышелъ уже на другой день, 2-го августа. Въ словахъ императрицы: *пусть пишетъ стихи* выразилось уже нѣкоторое разочарованіе въ административныхъ способностяхъ Державина, что́ однакожъ не помѣшало ей впослѣдствіи поручать ему опять важные посты по государственной службѣ.

Теперь, въ надеждѣ на новое назначеніе, онъ могъ спокойно жить въ Петербургѣ, но ему пришлось ждать довольно долго,— около двухъ лѣтъ съ половиной. Къ сожалѣнію, мы объ этомъ періодѣ его жизни находимъ мало свѣдѣній въ его запискахъ, посвященныхъ главнымъ образомъ разсказу объ обстоятельствахъ его службы. Сохранившаяся за это время переписка его также довольно скудна содержаніемъ. Тѣмъ не менѣе, принимая въ пособіе его стихотворенія и нѣкоторые сторонніе источники, особенно записки Дмитріева, мы можемъ представить нѣсколько любопытныхъ извѣстій о его жизни и за эту эпоху. Какъ самъ онъ смотрѣлъ на нее, видно изъ одного выраженія его о себѣ въ запискахъ: «шатался», говоритъ онъ «по площади, проживая въ Петербургѣ безъ всякаго дѣла [1]».

Время это однакожъ не прошло безплодно для его успѣховъ по службѣ и поэтической славы: мы видимъ, что онъ тогда составилъ себѣ новыя связи, упрочилъ прежнія, написалъ нѣсколько крупныхъ стихотвореній и пріобрѣлъ дружбу двухъ молодыхъ еще въ то время, но много обѣщавшихъ писателей — Карамзина и Дмитріева.

25. Сближеніе съ Зубовымъ. Изображеніе Фелицы.

Несмотря на давнишній разладъ съ княземъ Вяземскимъ, Державинъ возобновилъ сношенія съ его домомъ и былъ прини-

[1] VI, 624.

маемъ тамъ довольно ласково. Съ самимъ княземъ въ это время сдѣлался параличъ, и нашъ поэтъ, по сродному ему самообольщенію, приписалъ это дѣйствію, произведенному на князя благополучнымъ для Державина окончаніемъ дѣла съ Гудовичемъ. По своему чину, Гаврила Романовичъ имѣлъ право ѣздить на выходы во дворецъ, но такъ какъ императрица не удостоивала его особеннаго вниманія и оттого ему казалось, что она забыла свое обѣщаніе, то онъ рѣшился искать покровительства новаго любимца, который началъ входить въ милость почти одновременно съ возвращеніемъ Державина въ Петербургъ. Свое сближеніе съ Платономъ Зубовымъ онъ самъ разсказываетъ въ своихъ запискахъ съ простодушіемъ, которое дѣлаетъ честь его правдивости и вмѣстѣ доказываетъ, что по ходячимъ понятіямъ того времени (отъ которыхъ отрѣшиться могли только немногіе избранные) такой образъ дѣйствій не считался предосудительнымъ. Поэтъ безъ всякихъ околичностей сознается, что нѣсколько разъ придворные лакеи не допускали его до молодого счастливца и что не оставалось другого средства побѣдить препятствія, какъ «прибѣгнуть къ своему таланту». Онъ задумалъ сочинить опять родъ похвальной оды Екатеринѣ и написалъ самое длинное изъ всѣхъ, когда-либо вышедшихъ изъ-подъ пера его лирическихъ стихотвореній — *Изображеніе Фелицы* [1]. Средство оказалось вполнѣ дѣйствительнымъ. Рукопись новой оды, богатой яркими картинами, представлявшими важнѣйшія событія царствованія и черты мудрости великой монархини, была представлена Зубову ко дню коронаціи (22-го сентября 1789 года) черезъ близкаго къ нему человѣка, бывшаго сослуживца Державина, Н. Ф. Эмина. Государыня, прочитавъ оду, приказала любимцу своему на другой день «пригласить автора къ нему ужинать и всегда принимать въ свою бесѣду.» Съ этихъ поръ Державинъ сталъ вхожъ къ Зубову, бывалъ у него часто, по временамъ даже ежедневно, и хотя долго не получалъ никакого мѣста, но одно это приближеніе къ фавориту уже давало ему въ глазахъ двора и общества особенное значеніе. Отъ Зубова, въ то время еще

[1] I, 270.

очень молодого человѣка (ему было 22 года), получившаго в сьма поверхностное воспитаніе, нельзя было ожидать, чтобы онъ въ надлежащей мѣрѣ цѣнилъ талантъ и вообще всякаго рода умственное превосходство. Державину казалось даже, что его поэтическая слава была непріятна Зубову. Итакъ неудивительно, что этотъ послѣдній вовсе не отличалъ его отъ бездарнаго Эмина и напротивъ находилъ забаву въ томъ, чтобы ссорить ихъ. Какъ примѣръ такого обращенія съ ними молодого вельможи, поэтъ передаетъ обстоятельство, случившееся по поводу появленія его оды *На взятіе Измаила* въ началѣ 1791 года. Извѣстіе объ этомъ славномъ подвигѣ было привезено въ Петербургъ Валеріаномъ Александровичемъ Зубовымъ. Когда онъ пришелъ къ брату съ радостною вѣстью, Державинъ былъ у фаворита и подъ впечатлѣніемъ ея обѣщалъ написать оду. Когда ода была готова и заслужила общее одобреніе, Эминъ не могъ скрыть своей досады и въ присутствіи Зубова всячески охуждалъ ее, говоря, что она «груба, безъ смысла и безъ вкусу». Державинъ горячился, предлагалъ напечатать рядомъ съ одой критику Эмина и отдать ту и другую на судъ публики; но Эминъ на то не соглашался, а Зубовъ слушалъ споръ стихотворцевъ и молчалъ, улыбаясь.

Говоря объ отношеніяхъ Державина къ Платону Зубову, нельзя оставить безъ вниманія двухъ стихотвореній нашего поэта: *На умѣренность* и *Къ лирѣ*, хотя впрочемъ только второе прямо посвящено любимцу, первое же относится къ нему только отчасти и притомъ косвенно. Ода *На умѣренность* (I, 489) написана въ 1792 г., когда Державинъ былъ уже статсъ-секретаремъ. Не умѣвъ на этомъ мѣстѣ вполнѣ сохранить благосклонность императрицы, испытывая часто ея терпѣніе своими докучными докладами, онъ въ этой пьесѣ съ нѣкоторой ироніей философствуетъ о своемъ положеніи и въ послѣднихъ строфахъ читаетъ мораль Зубову, которымъ очевидно не совсѣмъ доволенъ, совѣтуя ему быть умѣреннымъ въ счастьи:

«Умѣй быть безъ обиды скроменъ,
Осанистъ, твердъ, но не гордецъ,

Рѣшимъ безъ скорости, спокоенъ,
Безъ хитрости ловецъ сердецъ;
Вздувъ въ ясномъ парусá лазурѣ,
Умѣй ихъ не сронить и въ бурѣ» [1].

Другое стихотвореніе — *Къ лирѣ* (I, 598) написано спустя три года послѣ предыдущаго, — когда Державинъ уже не служилъ при императрицѣ, — въ привѣтствіе Зубову по случаю его именинъ; оно содержитъ только похвалу музыкѣ и потомъ нѣсколько любезностей тому, кто ею занимается; это не что иное, какъ дань признательности за доброе расположеніе и гостепріимство. Отсюда ясно, какъ несправедливо авторъ напечатанной не такъ давно біографической статьи о Зубовѣ говоритъ по поводу этой пьесы: «Позолотивъ струны лиры Державина, Зубовъ былъ имъ воспѣтъ не менѣе восторженно, какъ незадолго передъ тѣмъ Потемкинъ» [2]. Сколько намъ извѣстно, для первой половины приведенной фразы нѣтъ никакого основанія, а послѣдняя прямо противорѣчитъ истинѣ, ибо легонькіе стансы *Къ лирѣ* ни въ какомъ отношеніи не идутъ въ сравненіе съ *Водопадомъ*. Воспѣвать Зубова какъ государственнаго мужа никогда не приходило на мысль Державину; но при всѣхъ недостаткахъ, при гордости и спеси, какими отличался этотъ временщикъ, особенно по смерти Потемкина, онъ конечно имѣлъ въ своей личности и нѣкоторыя привлекательныя стороны, и поэтъ, хваля его въ своемъ привѣтствіи, могъ быть искреннимъ. Нельзя, кажется, сомнѣваться, что краски, въ которыхъ изображаютъ Зубова Ростопчинъ и Масонъ, не безъ примѣси желчи. Едва ли Екатерина поставила бы его на такую высокую степень, еслибы не находила въ немъ никакихъ душевныхъ и умственныхъ достоинствъ.

Извѣстно, напримѣръ что онъ подъ ея руководствомъ пристрастился къ литературѣ и много читалъ для пополненія своего недостаточнаго образованія. Осенью 1790 года Екатерина писала Гримму: «Хотите ли знать, чѣмъ мы прошлое лѣто, въ часы досуга, занимались съ Зубовымъ въ Царскомъ Селѣ, при громѣ пу-

[1] I, 499.
[2] *Русск. Старина* XVI, 593.

шекъ? мы переводили по-русски томъ Плутарха. Это доставляло намъ счастіе и спокойствіе посреди шума: онъ, кромѣ того, читалъ Полибія»[1]. Есть еще свидѣтельство, показывающее, что Зубовъ умѣлъ внушить Державину уваженіе къ себѣ. Поэтъ находилъ въ немъ много природныхъ способностей. «Во время моего статсъ-секретарства», говорилъ онъ, «часто случалось мнѣ, передъ докладомъ императрицѣ, заходить къ Зубову и объясняться съ нимъ по дѣламъ: его заключенія были очень правильны»[2].

Къ чести Державина надо сказать, что онъ и впослѣдствіи, когда настали другія времена, не измѣнился въ отношеніи къ Зубову. Еще въ 1812 году они были пріятелями: во время нашествія Наполеона Зубовъ каждое утро рано приходилъ къ Державину; они вмѣстѣ читали новыя извѣстія съ театра войны и слѣдили за движеніями арміи по большой географической картѣ, разложенной передъ ними на столѣ.

Ода на взятіе Измаила имѣла большой успѣхъ: императрица пожаловала за нее автору осыпанную брильянтами табакерку въ 2,000 руб. и, увидѣвъ его во дворцѣ въ первый разъ послѣ ея напечатанія, сказала ему: «Я по сіе время не знала, что труба ваша такъ же громка, какъ и лира пріятна». Но всѣ подобные знаки вниманія нисколько не приближали Державина къ главной его цѣли. Княгиня Дашкова, которая попрежнему благоволила къ нему и старалась привлечь его къ сотрудничеству въ своемъ академическомъ журналѣ: *Новыя Ежемѣсячныя Сочиненія*, придумала было для него особое назначеніе и совѣтовала императрицѣ взять его къ себѣ «для описанія славныхъ дѣлъ ея царствованія». Но такъ какъ Екатерина Романовна сама хвастливо разглашала свою мысль, то это, по его мнѣнію, именно и помѣшало его опредѣленію.

Здѣсь мы должны на минуту возвратиться къ одѣ *Изображеніе Фелицы*, чтобы упомянуть объ одномъ обстоятельствѣ, уясняющемъ намъ положеніе Державина среди его литературныхъ друзей. А для этого необходимо напомнить и основную идею этого стихотворенія. Анакреонъ, въ одной изъ своихъ одъ,

[1] *Сб. Ист. Общ.* XXIII, 596.

[2] *Дневникъ чиновника. Отеч. Зап.* т. CI, стр. 397.

просилъ живописца написать ему изображеніе его возлюбленной. Ломоносовъ, воспользовавшись этою мыслью, приглашалъ «перваго въ живописи мастера» нарисовать ему Россію или, вѣрнѣе, императрицу Елисавету Петровну. Державинъ, по примѣру Ломоносова, обращается къ Рафаэлю съ просьбой начертить ему образъ его «богоподобной царевны», и затѣмъ объясняетъ ему, какъ, въ какихъ обстоятельствахъ и положеніяхъ желаетъ ее видѣть. Ода кончается строфою:

«Но что, Рафаэль, что ты пишешь?
Кого ты, гдѣ изобразилъ?
Не на холстѣ, не въ краскахъ дышишь,
И не металлъ ты оживилъ:
Я въ сердцѣ зрю алмазну гору;
На немъ божественны черты
Сіяютъ изступленну взору;
На немъ въ лучахъ, Фелица, ты!»[1]

Произведеніе Державина внушило Капнисту мысль написать въ стихахъ же шуточный «отвѣтъ Рафаэля пѣвцу Фелицы». Поэтъ воображаетъ, что Рафаэль отказывается отъ исполненія такого труднаго дѣла; въ послѣдней (16-й) строфѣ великій живописецъ говоритъ:

«Итакъ Фелицына портрета,
Ниже́ картины дѣлъ ея
Тебѣ доставить не намѣренъ.
Когда жъ ты въ способахъ увѣренъ
Тѣ чуда живо написать,
То кисть и краски предъ тобою:
Пиши волшебною рукою,
Что́ столь красно умѣлъ сказать»[2].

Написавъ свой «Отвѣтъ», Капнистъ поспѣшилъ отправить его изъ Малороссіи къ Державину подъ заглавіемъ: «Рапортъ лейбъ-автору отъ екатеринославскихъ музъ трубочиста Василія Капниста. Переводъ съ италіянскаго». Эта невинная шутка очень

[1] I, 299.
[2] *Сочиненія* Капниста, 306.

не понравилась нашему самолюбивому, уже сильно избалованному похвалами лирику. Крайне рѣзкій и грубый отвѣтъ его Капнисту доказываетъ, какимъ безусловнымъ авторитетомъ онъ пользовался въ кругу своихъ друзей и съ какимъ высокомѣріемъ, какъ непогрѣшимый учитель и оракулъ, онъ позволялъ себѣ относиться къ нимъ. «Скажу откровенно», изрекалъ онъ между-прочимъ, «мои мысли о твоихъ стихахъ: ежели они у васъ въ Малороссіи хороши, то у насъ въ Россіи весьма плоховаты.... Нѣтъ ни правильнаго языка, ни просодіи, слѣдовательно и чистоты. Мысли низки,... изображенія смѣшны и отвратительны,... шутки незабавны, а язвительны.... Словомъ, весь твой планъ неоснователенъ.... Ежели ты хочешь впередъ писать прямо по-русски, то пріѣзжай къ твоимъ друзьямъ и совѣтуй съ ними или оставляй, что̀ напишешь, про твоихъ земляковъ; а безъ того, не токмо читать или печатать, любя твою славу, стиховъ твоихъ, но и принимать ихъ не будемъ; ибо, кромѣ твоей оды *Надежды* и сатиры[1], здѣсь при твоихъ друзьяхъ написанныхъ, послѣдующія твои сочиненія никакого уваженія не заслуживаютъ. Ежели таковыми стихами подаришь ты потомство, то и въ самомъ дѣлѣ прослывешь парнасскимъ трубочистомъ, который хотѣлъ чистить стихи другихъ, а самъ нечистотою своихъ былъ замаранъ. Сіе не я одинъ, но и всѣ, прочтя твои присланные сюды стихи, сказали, и я ихъ рѣчи лишь положилъ на бумагу съ таковою же искренностію, съ каковою есмь навсегда» и пр.

Однакожъ Львовъ не подтвердилъ этихъ словъ и на рукописи Капниста написалъ: «Гаврила не правъ въ нѣкоторыхъ своихъ бурныхъ примѣчаніяхъ; я ему скажу; а если нѣкоторыя мною справленныя неровности ты простишь и помилуешь, то переписавъ, какъ должно печатать, пришли: я напечатаю».

Дѣйствительно, «отвѣтъ Рафаэля» вмѣстѣ съ *Изображеніемъ Фелицы* явился вскорѣ въ академическомъ журналѣ княгини Дашковой. Мы не знаемъ, какъ принялъ Капнистъ горькую пилюлю отъ своего пріятеля, но видимъ, что дружеская переписка

[1] Первоначально помѣщенной въ *С.-Петербургскомъ Вѣстникѣ*, а потомъ перепечатанной въ *Собесѣдникѣ*. См. *Сочиненія* Капниста, 335 и 491.

между ними еще долго не прерывалась. Вообще личность Капниста, въ сношеніяхъ его съ Державинымъ, является въ самомъ благопріятномъ свѣтѣ. Державинъ былъ также не злопамятенъ: несмотря на свой грозный приговоръ, онъ въ скоромъ времени сталъ опять совѣтоваться съ Капнистомъ насчетъ отдѣлки своихъ стиховъ и пользоваться нѣкоторыми изъ его поправокъ.

Между тѣмъ тяжкая забота удручала Державина: при отрѣшеніи его отъ должности губернатора, на тамбовское намѣстническое правленіе наложенъ былъ штрафъ въ 17,000 р. за то, что оно подвергло аресту имѣніе купца Бородина. На это несправедливое распоряженіе Державинъ, по переселеніи въ Петербургъ, принесъ черезъ генералъ-рекетмейстера Терскаго всеподданнѣйшую жалобу, которую императрица осенью 1790 года повелѣла разсмотрѣть въ общемъ собраніи сената. Гаврила Романовичъ, узнавъ, что просьба его цѣлый годъ не докладывалась, тогда какъ съ нею сопряженъ былъ казенный интересъ, подалъ императрицѣ чрезъ Безбородку новое прошеніе, въ которомъ представилъ, что такъ какъ сенатъ завѣдомо враждебно къ нему расположенъ, но «главная дирекція сенатской канцеляріи находится въ прежнихъ рукахъ», писалъ онъ, «тѣ же самые будутъ производить мое дѣло, которые прежде производили или, лучше сказать, угнетали и угнетаютъ меня до крайности, то чего я и какого удовлетворенія ожидать долженъ? Справки одни и выписки до послѣдняго моего издыханія меня задавятъ». Но ежели высочайшей резолюціи уже измѣнить нельзя, то онъ просилъ облегчить его судьбу хоть тѣмъ, что «препоруча въ особливое кому-либо изъ оберъ-прокуроровъ наблюденіе, сіе дѣло повелѣть прежде всѣхъ другихъ выслушать», а покуда наложеннаго штрафа съ него не взыскивать. Въ заключеніе онъ просилъ: «до опредѣленія къ мѣсту, которое высочайше мнѣ обѣщано, позволить мнѣ съ жалованьемъ моимъ отлучиться въ мои деревни. Проживая здѣсь время безъ должности, не приношу я ни обществу, ни себѣ никакой пользы». На другой день онъ просилъ однакожъ Безбородку, нельзя ли дѣло это, еще не отправленное въ сенатъ, разсмотрѣть въ совѣтѣ: «я надѣюсь на мою справедливость и прошу только, чтобъ съ меня взысканіе снято

было, чтобъ я съ сенатомъ никакого дѣла не имѣлъ». Въ то же время Державинъ старался оградить Терскаго отъ всякихъ непріятностей по жалобѣ на его медленность въ докладѣ дѣла. Но черезъ двѣ недѣли Державинъ, не дождавшись рѣшенія, подалъ императрицѣ новую, и на этотъ разъ странную, жалобу: такъ какъ въ сенатѣ дѣло будетъ докладываться по неизвѣстному ему экстракту, то, для наблюденія, всѣ ли обстоятельства въ немъ изложены, дозволить ему, Державину, присутствовать въ сенатѣ при слушаніи его, къ нему руку приложить, и повелѣть рѣшительное опредѣленіе ему объявить. На подлинной просьбѣ, сохранившейся въ Государственномъ архивѣ, отмѣчено коротко и ясно: «отказано 2-го ноября 1790»[1]. Объ окончаніи самаго дѣла мы свѣдѣній не отыскали, но изъ того что объ этомъ взысканіи позднѣе нѣтъ болѣе рѣчи, слѣдуетъ заключить, что оно было сложено.

6. Сближеніе съ Потемкинымъ. Праздникъ его. Водопадъ.

Потемкинъ пріѣхалъ въ Петербургъ 28-го февраля (1791 года), въ пятницу, на первой недѣлѣ поста. По извѣстнымъ отношеніямъ его къ Зубову, положеніе Державина становилось щекотливымъ. До сихъ поръ князь Таврическій зналъ поэта только по немногимъ встрѣчамъ, по нѣкоторымъ стихамъ его, но особенно по тамбовскому дѣлу, въ которомъ бывшій губернаторъ оказалъ такое усердіе въ угожденіи ему. Смѣлость Державина въ этомъ случаѣ, а потомъ энергія его въ борьбѣ съ Гудовичемъ и самая настойчивость, съ какою онъ прибѣгалъ къ защитѣ Потемкина, должны были обратить на него вниманіе сильнаго вельможи, тѣмъ болѣе что служившіе при послѣднемъ Поповъ и Грибовскій конечно не упускали случаевъ говорить въ пользу обвиненнаго. Пріѣхавъ въ Петербургъ, свѣтлѣйшій позволилъ ему явиться къ себѣ и принялъ его милостиво. Неудобство служить обоимъ соперникамъ вскорѣ дало себя почувствовать. Поэтъ очутился между двухъ огней по поводу дѣла, возникшаго между майоромъ Бехтѣевымъ и отцомъ Зубова, Але-

[1] V, 720, 869, 872, 873.

ксандромъ Николаевичемъ, занимавшимъ мѣсто оберъ-прокурора въ сенатѣ. Они были сосѣдями по своимъ помѣстьямъ во Владимірской губерніи. Отецъ фаворита оттягалъ у Бехтѣева часть имѣнія: «Крезъ завладѣлъ чужой деревней», какъ сказано въ одѣ *на умѣренность*. Однажды Бехтѣевъ неожиданно явился въ пріемной Потемкина и съ азартомъ принесъ ему жалобу на Александра Зубова. Этотъ обратился къ Державину съ просьбой быть его посредникомъ въ совѣстномъ судѣ. Весь городъ заговорилъ о происшедшемъ скандалѣ. Поэтъ не зналъ, какъ поступить, и поѣхалъ совѣтоваться съ Платономъ Зубовымъ, который, разумѣется, пожелалъ окончить дѣло полюбовно. Предложеніе о томъ было тотчасъ принято Бехтѣевымъ, но Зубовъ-отецъ соглашался итти на мировую только съ тѣмъ, чтобы истецъ заплатилъ ему 16,000 руб. въ вознагражденіе убытковъ. Бехтѣевъ уже готовъ былъ подать жалобу императрицѣ; наконецъ Державинъ успѣлъ однакожъ примирить тяжущихся.

Извѣстно преданіе, будто Потемкинъ, отправляясь изъ арміи, сказалъ своимъ приближеннымъ, что онъ ѣдетъ въ Петербургъ *зубы* дергать. Этотъ каламбуръ конечно дошелъ по адресу и не могъ быть пріятенъ императрицѣ, и безъ того уже охладѣвшей къ старому временщику. Съ своей стороны и Суворовъ, по словамъ Державина, «тайно шелъ противъ неискуснаго своего фельдмаршала, которому со всѣмъ своимъ искуствомъ долженъ былъ повиноваться». Въ подобномъ положеніи Потемкинъ, чтобы удостоиться вниманія Екатерины, могъ безъ сомнѣнія прибѣгать къ такимъ средствамъ, о которыхъ онъ прежде не помышлялъ. Но то, что Державинъ разсказываетъ о немъ по этому поводу, должно быть принимаемо съ осторожностью, такъ какъ самъ поэтъ, въ ожиданіи устройства своей участи, былъ въ напряженномъ состояніи и легко могъ видѣть то, чего на самомъ дѣлѣ не было. Мы напримѣръ не совсѣмъ увѣрены, чтобъ онъ правъ былъ въ предположеніи, будто Потемкинъ ласкалъ его съ тѣмъ, чтобы добиться отъ него похвальныхъ себѣ стиховъ. Болѣе вѣроятнымъ находимъ мы разсказъ, что Зубовъ, стараясь привлечь поэта на свою сторону, однажды сказалъ ему отъ имени государыни, «что онъ мо-

жетъ писать для князя все, что тотъ прикажетъ, но отнюдь бы отъ него ничего не принималъ и не просилъ, что онъ и безъ него все имѣть будетъ». Зубовъ прибавилъ, что императрица назначаетъ къ себѣ Державина секретаремъ по военной части. Но Екатерина, какъ полагалъ поэтъ, хотѣла сдѣлать это помимо Потемкина, и чтобы уколоть его, употребила будто бы слѣдующее средство: однажды на вечерѣ въ эрмитажѣ шопотомъ отозвала Державина, повела его въ другую комнату, и, остановившись передъ бюстомъ Чичагова, таинственно поручила ему написать стихи на извѣстный подвигъ этого адмирала [1]. Исполнить это приказаніе ему не удалось: какъ онъ ни старался, ничего порядочнаго не могъ написать; но цѣль государыни была достигнута: Потемкину нанесена досада. Довольно странна догадка Державина, что свѣтлѣйшій, въ слѣдствіе этого, «не вышелъ въ собраніе и, по обыкновенію его сказавшись больнымъ, перевязалъ себѣ голову платкомъ и легъ въ постель».

Вскорѣ послѣ того Потемкинъ, желая снова привлечь къ себѣ сердце императрицы, а можетъ-быть и отплатить Петербургу за то гостепріимство, которымъ его здѣсь почти ежедневно чествовали, далъ свой знаменитый праздникъ. Онъ хотѣлъ изумить Екатерину необычайнымъ доказательствомъ своей безпредѣльной приверженности, и пиршество должно было превзойти въ великолѣпіи все, что до тѣхъ поръ бывало въ этомъ родѣ. Днемъ его окончательно назначено было 28-е апрѣля 1791 года, приходившееся въ понедѣльникъ послѣ Фоминой недѣли, а мѣстомъ избранъ такъ называвшійся въ то время конногвардейскій домъ князя Таврическаго (нынѣшній Таврическій дворецъ). Державинъ былъ на этомъ праздникѣ, и, по желанію Потемкина, описалъ его, но такъ какъ его описаніе въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ неполно, то мы, пользуясь и другими источниками, постараемся представить здѣсь, съ возможною краткостью, самыя выдающіяся черты славнаго вечера. Конногвардейскій домъ,— по словамъ Державина, величественное, но простое безъ пышныхъ украшеній зданіе,— былъ еще не совсѣмъ достроенъ.

[1] III, 351.

Вдругъ появилось множество работниковъ и художниковъ для поспѣшнаго окончанія его. Отовсюду брались на прокатъ зеркала и люстры; припасали воскъ сотнями пудовъ, свѣчи тысячами, шкалики для иллюминаціи десятками тысячъ. Стеклянный заводъ заваленъ былъ заказами Потемкина. Ливрею шили на сто слишкомъ слугъ. Весь городъ былъ занятъ разсказами объ этихъ приготовленіяхъ. Слухи преувеличивали дѣйствительность до волшебныхъ размѣровъ. Много было догадокъ о настоящей цѣли празднества: толковали между-прочимъ, не миръ ли неожиданный будетъ на немъ объявленъ. По мѣрѣ того, какъ подвигались работы, планъ пира все расширялся: въ послѣдніе дни рѣшено было, сверхъ угощенія внутри дома, устроить народный праздникъ подъ открытымъ небомъ, и внезапно передъ зданіемъ, на мѣсто ветхихъ деревянныхъ строеній явилась площадь; противъ главнаго входа воздвигнуты были тріумфальныя ворота. На площади разставлены столы со съѣстными припасами, кадки съ медомъ, квасомъ и сбитнемъ. На нарочно сдѣланной деревянной стѣнѣ развѣшены принадлежности мужской одежды: кафтаны, кушаки, шляпы, сапоги, лапти. Народъ началъ собираться уже съ утра, но его смущалъ распущенный кѣмъ-то слухъ, что солдаты будутъ хватать всякаго, кто дотронется до разложенныхъ и развѣшенныхъ предметовъ. Гости, приглашенные по билетамъ, начали съѣзжаться въ 3 часа дня. Вскорѣ кареты потянулись въ нѣсколько рядовъ отъ самой Литейной до мѣста праздника. Позднѣе присоединившіеся къ нимъ императорскіе экипажи не могли подвигаться свободно. Народное угощеніе должно было начаться не прежде какъ когда звукъ трубы возвѣститъ прибытіе государыни, которой ожидали въ 5 часовъ; но уже кончался седьмой часъ, а ея все еще не было. Между тѣмъ народъ, вымокшій и иззябшій отъ стоявшей весь день ненастной погоды, терялъ терпѣніе. Наконецъ къ развязкѣ привелъ комическій случай. Выскочившая изъ толпы собака произвела суматоху, которую приняли за условленный знакъ: всѣ бросились на выставленные подарки, и въ одно мгновеніе все исчезло. Преслѣдуемая усердными казаками и полицейскими чернь устремилась во всѣ стороны, и многіе дорого поплатились за свою по-

спѣшность. Императрица сама разсказываетъ, что она, подъѣзжая, увидѣла только остатки (les débris) народнаго угощенія[1].

Потемкинъ давно дожидался Екатерины въ залахъ своего чертога. На немъ былъ малиновый фракъ и епанча изъ черныхъ кружевъ въ нѣсколько тысячъ рублей; брильянты сіяли вездѣ, гдѣ только можно было придумать имъ мѣсто. Унизанная ими шляпа была такъ тяжела, что онъ ее передалъ своему адъютанту (генералу Боуру) и велѣлъ вездѣ носить за собою. Всѣ гости, по словамъ Державина, были въ маскарадномъ платьѣ. При появленіи императрицы, которую Потемкинъ самъ высадилъ изъ кареты, «чистосердечное ура наполнило воздухъ».

Сначала царственные гости побыли нѣсколько времени въ огромной круглой залѣ или ротондѣ, которая, по словамъ государыни, послѣ храма св. Петра въ Римѣ считалась самою великолѣпною въ мірѣ постройкою; на хорахъ ея, поддерживаемыхъ колоннами, поставленъ былъ органъ. Промежутки между колоннами вели въ обширную галерею, которая съ обѣихъ сторонъ оканчивалась овальными углубленіями и могла вмѣстить до 5,000 человѣкъ. На лѣвомъ концѣ устроена была обитая зеленымъ сукномъ эстрада съ диваномъ и стульями для императорской фамиліи и ея свиты. Такое же возвышеніе на правомъ концѣ галереи было занято хоромъ пѣвчихъ и оркестромъ роговой музыки изъ 300 человѣкъ. Вдоль обѣихъ окраинъ галереи шли двѣ колоннады съ расположенными попарно колоннами. Задняя колоннада отдѣляла галерею отъ зимняго сада, — громаднаго зданія, въ которомъ для бóльшаго эффекта освѣщенія разставлены были колоссальныя зеркала, обвитыя зеленью и цвѣтами. Въ этомъ саду, противъ середины или выхода галереи, устроенъ былъ небольшой открытый храмъ съ жертвенникомъ, на которомъ высилась статуя Екатерины II изъ бѣлаго мрамора, въ античной мантіи[2]. Въ саду разсѣяны были небольшіе пригорки, густо обсаженные лимонными, померанцовыми и т. п. деревьями съ подѣланными изъ стекла плодами, внутри освѣщен-

[1] См. письма ея къ Гримму. *Сборн. Ист. Общ.* XXIII, 517.

[2] Работы Шубина. Нынѣ находится она въ Академіи художествъ.

ными на подобіе разноцвѣтныхъ фонарей. Въ глубинѣ сада, передъ оранжереею, красовался сдѣланный изъ зеркалъ, убранный зеленью и цвѣтами гротъ, а передъ нимъ стояла хрустальная пирамида съ вензелемъ Екатерины II. Зимній садъ окруженъ былъ другимъ, обширнымъ и роскошнымъ садомъ въ англійскомъ вкусѣ съ рѣчкой и водопроводомъ, съ мостиками и статуями; этотъ садъ былъ также великолѣпно освѣщенъ, а вóды въ немъ украшены гондолами.

Внутри дома, по обѣ стороны галереи, находились комнаты, назначенныя для маскарада. Онѣ раздѣлялись на двѣ половины; въ одну входъ былъ отъ царскаго дивана, въ другую — отъ оркестра, между колоннами. Половина, начинавшаяся отъ дивана, приготовлена была для пріема императорскаго семейства; эти покои блистали картинами, коврами, великолѣпными обоями и разными прихотливыми украшеніями, въ числѣ которыхъ особенное вниманіе обращалъ на себя золотой слонъ, носившій на спинѣ великолѣпные часы и во время игры курантовъ шевелившій глазами, ушами и хвостомъ: онъ былъ купленъ у герцогини Кингстонъ, такъ же какъ и многія находившіяся тутъ картины и часть мебели. По поводу роскошнаго убранства этихъ комнатъ Державинъ замѣчаетъ: «Казалось, что все богатство Азіи и Европы совокуплено тамъ было къ украшенію храма торжествъ великой Екатерины». Здѣсь императрица и великая княгиня Марія Федоровна провели часть вечера за картами.

Но самое лучшее украшеніе праздника составляли двѣ кадрили, которыя, при самомъ вступленіи государыни въ галерею, вышли на встрѣчу ей изъ зимняго сада промежду колоннъ. Въ ту же минуту воздухъ огласила знаменитая пѣсня Державина:

«Громъ побѣды раздавайся»,

первый стихъ которой, по замѣчанію Жуковскаго (присутствовавшаго мальчикомъ на этомъ вечерѣ), служилъ выраженіемъ всего вѣка Екатерины [1]. Вотъ какъ сама императрица, на

[1] *Русск. Архивъ* 1866, стр. 1635.

другой день послѣ праздника, описала эту часть его: «Мы увидѣли двѣ кадрили, розоваго и небесно-голубого цвѣта; въ первой былъ Александръ Павловичъ, во второй Константинъ. Каждая кадриль состояла изъ 24-хъ паръ; все это была самая красивая петербургская молодежь обоего пола, и все было покрыто, съ ногъ до головы, всѣми драгоцѣнными каменьями столицы и ея предмѣстій. Кадрили чудесно исполнили свои разнохарактерные танцы; нельзя представить себѣ ничего прекраснѣе, блистательнѣе и разнообразнѣе. Это продолжалось около трехъ четвертей часа»[1]. Прибавимъ, что одну кадриль велъ принцъ Александръ Виртемберскій (братъ великой княгини) съ фрейлиною Протасовою; а за ними слѣдовалъ Александръ Павловичъ со старшею Салтыковою. Впереди другой кадрили шелъ офицеръ конной гвардіи князь Голицынъ съ графинею Брюсъ; а за ними — Константинъ Павловичъ со старшею Голицыною. Кадрили устраивалъ знаменитый балетмейстеръ Пикъ; когда онѣ кончили свое дѣло, онъ протанцовалъ соло.

Послѣ танцевъ хозяинъ повелъ императрицу и все собраніе въ залу, устроенную для спектакля: тамъ увидѣли сперва балетъ, а потомъ комедію Мармонтеля Le Marchand de Smyrne. Когда Екатерина возвратилась въ покинутыя передъ тѣмъ покои, то, ослѣпленная свѣтомъ ста тысячъ огней, она спросила: «Неужели мы тамъ, гдѣ прежде были?» Между тѣмъ она посѣтила и зимній садъ во время происходившаго за нимъ фейерверка. Около полуночи начался ужинъ, накрытый въ театральной залѣ и въ амфитеатрѣ, что́, по словамъ государыни, производило восхитительный эффектъ. Потемкинъ стоялъ за креслами императрицы, пока она не приказала ему сѣсть. «Еще послѣ ужина», говоритъ императрица, «въ передней залѣ была вокальная и инструментальная музыка, послѣ которой я уѣхала въ два часа утра. Вотъ», прибавляетъ она, «какъ среди шума войны и угрозъ диктаторовъ ведутъ себя въ Петербургѣ». Въ продолженіе всего вечера, по временамъ, пѣлись хоры, сочиненные Державинымъ. По окончаніи послѣдняго изъ нихъ «хозяинъ»,

[1] *Сборн. Ист. Общ.* XXIII, 519.

какъ разсказываетъ поэтъ, «съ благоговѣніемъ палъ на колѣни передъ своею самодержицею и облобызалъ ея руку, принося усерднѣйшую благодарность за посѣщеніе».

Въ приготовленіяхъ къ этому небывалому празднику участвовалъ слѣдовательно и Державинъ сочиненіемъ «хоровъ», которые, какъ кажется, были заранѣе напечатаны [1] и раздавались гостямъ на самомъ вечерѣ. Довольный хорами, Потемкинъ, черезъ нѣсколько дней послѣ 28-го февраля, пригласилъ къ себѣ Державина обѣдать и поручилъ ему составить описаніе праздника. Но этимъ трудомъ поэту не удалось удовлетворить ожиданіямъ вельможи. Почему, будетъ объяснено ниже; а теперь посмотримъ, что́ представляла вообще поэзія Державина въ отношеніи къ Потемкину.

Еще Бѣлинскій замѣтилъ: «Судя по могуществу Потемкина, можно бы предположить, что большая часть стихотвореній Державина посвящена его прославленію; но Державинъ при жизни Потемкина очень мало писалъ въ честь его» [2]. Въ первый разъ онъ является у нашего поэта въ шуточныхъ намекахъ оды Фелицѣ, рядомъ съ другими вельможами, которыхъ Державинъ какъ будто критикуетъ, чтобы ярче выставить достоинства своей героини. Восхваливъ ея разумъ и трудолюбіе, онъ прямо переходитъ къ привычкамъ нѣги и мечтательнымъ планамъ главнаго изъ сотрудниковъ ея. Онъ боялся, что Потемкинъ оскорбится слишкомъ смѣло набросанными штрихами своего портрета; но вышло напротивъ, и въ запискахъ своихъ поэтъ не забылъ отмѣтить благодушіе, съ какимъ первенствующій сановникъ Екатерины встрѣтилъ его шутки на свой счетъ.

Цѣликомъ посвящена ему ода *Рѣшемыслу*, написанная для *Собесѣдника* по настоятельнымъ просьбамъ издательницы (см. выше стр. 346). Здѣсь поэтъ заявляетъ, что въ Рѣшемыслѣ онъ хотѣлъ изобразить идеалъ вельможи, и въ заключеніе, обращаясь къ Музѣ, говоритъ:

[1] См. I, 380.

[2] *Соч. Бѣлинскаго* VII, 143.

«Ты Рѣшемысловымъ лицомъ
Вельможей должность представляешь:
Конечно, ты своимъ перомъ
Хвалить достоинства лишь знаешь».

Послѣдними двумя стихами Державинъ какъ бы отклоняетъ отъ себя подозрѣніе въ лести, напоминая, что только истинныя заслуги могутъ вдохновлять его. Дѣйствительно, если внимательно разсмотрѣть кого пѣлъ Державинъ, то нельзя не согласиться, что почти всѣ имена, которыя возвеличивала его лира, сохранили свою славу навсегда, что его похвалы современникамъ по большей части скрѣплены исторіей. Алексѣй Орловъ, Румянцовъ, Суворовъ, Потемкинъ, Дашкова, Левъ Нарышкинъ, А. С. Строгановъ, Кутузовъ Смоленскій, Львовъ, Капнистъ, Храповицкій, — вотъ тѣ лица, съ которыми мы чаще всего встрѣчаемся въ его стихахъ, и всѣ эти лица являются у него съ общепризнанными за ними отличительными чертами ихъ духовной физіономіи. Правда, онъ по своимъ личнымъ отношеніямъ посвятилъ нѣсколько куплетовъ и Платону Зубову, но въ нихъ мы вовсе не находимъ похвалъ высшимъ достоинствамъ, какихъ у этого фаворита не было. Ода, которою Державинъ привѣтствовалъ императора Павла, написана въ первые дни его царствованія, когда качества, до тѣхъ поръ обнаруженныя новымъ монархомъ, внушали всѣмъ самыя отрадныя надежды. Въ большей части послѣдующихъ одъ, гдѣ о немъ упоминается, похвалы перемѣшаны съ наставленіями, намекающими на его недостатки.

Изъ всѣхъ стиховъ Державина, прославляющихъ Потемкина, наименѣе удачною была ода *Побѣдителю*, о которой мы недавно говорили. По возвращеніи въ Петербургъ, Державинъ 24-го августа 1789 г. былъ на праздникѣ, данномъ И. И. Шуваловымъ на дачѣ (по петергофской дорогѣ). Здѣсь въ числѣ гостей была Марья Львовна Нарышкина, вторая дочь оберъ-шталмейстера (впослѣдствіи княгиня Любомирская), въ которую былъ влюбленъ Потемкинъ. Во время своего трехмѣсячнаго пребыванія въ Петербургѣ, въ означенномъ году, онъ почти нигдѣ

не показывался, но посѣщалъ очень усердно домъ Льва Александровича. Онъ бывалъ у него каждый вечеръ, и въ городѣ всѣ были увѣрены, что онъ женится на Марьѣ Львовнѣ[1]. По свидѣтельству Сегюра, онъ очень настойчиво и странно ухаживалъ за Маріей Львовной и, не обращая вниманія на множество присутствовавшихъ, былъ какъ бы наединѣ съ нею. Поэтъ плѣненный на помянутомъ праздникѣ ея пѣніемъ и игрою на арфѣ, написалъ къ ней стансы; называя ее Евтерпой, онъ съ похвалами ея таланту связываетъ воспоминаніе о Потемкинѣ, въ которомъ видитъ сочетаніе сына нѣги и полководца:

«Съ сыномъ нѣги Марсъ заспоритъ
О любви твоей къ себѣ;
Сына нѣги онъ поборетъ
И понравится тебѣ.
Качества твои любезны
Всей душою полюбя,
Опершись на щитъ желѣзный,
Онъ воздремлетъ близъ тебя». (I, 303).

Около двухъ лѣтъ спустя, въ 1791 году, Потемкинъ снова пріѣхалъ въ Петербургъ. Въ это пятимѣсячное и послѣднее пребываніе свое въ столицѣ онъ превзошелъ самого себя въ расточительности и роскоши, въ легкомысленной спеси и праздной лѣни. Онъ жилъ съ такою пышностью, какой не позволялъ себѣ ни одинъ изъ европейскихъ дворовъ, и являлся въ публикѣ не иначе, какъ окруженный множествомъ генераловъ и плѣнныхъ пашей[2]. При встрѣчѣ съ нимъ народъ почтительно кланялся. Но вся эта пышность была ничто передъ великолѣпіемъ праздника, даннаго имъ императрицѣ. Историкомъ этого праздника онъ избралъ Державина. Исполнивъ его порученіе, поэтъ, въ концѣ мая или началѣ іюня, отвезъ свою рукопись Потемкину, жившему тогда въ Лѣтнемъ дворцѣ (деревянномъ, бывшемъ на мѣстѣ построеннаго при императорѣ Павлѣ Михайловскаго замка). Вель-

[1] Письмо Безбородки отъ 9-го марта 1791 г. къ В. П. Кочубею.
[2] Ср. донесеніе Гельбига въ *Р. Архивъ* 1868, стр. 824.

можа, въ знакъ благодарности, пригласилъ его отобѣдать съ собою въ тотъ же день. Но пока Державинъ сидѣлъ въ его канцеляріи, дожидаясь, не будетъ ли еще какого приказанія, князь, прочитавъ описаніе, остался имъ очень недоволенъ, съ гнѣвомъ вышелъ изъ своей спальни и, несмотря на ненастную погоду, куда-то уѣхалъ. «Всѣ пришли въ смятеніе», говоритъ Державинъ: «столы разобрали — и обѣдъ исчезъ». Такое неудовольствіе онъ объясняетъ тѣмъ, что въ описаніи его не было особенныхъ похвалъ учредителю праздника, и онъ былъ поставленъ наравнѣ съ Румянцовымъ и Орловымъ, тутъ же упоминаемыми. Можетъ-быть, это предположеніе было отчасти справедливо; но, кажется, непріятное впечатлѣніе происходило болѣе отъ другихъ причинъ: во-первыхъ, описаніе, хотя и отвѣчало блестящими картинами великолѣпію зрѣлища, было витіевато-напыщенно; во-вторыхъ, Потемкинъ являлся въ немъ какимъ-то смѣшнымъ селадономъ; напримѣръ въ стихахъ:

«Нѣжный, нѣжный воздыхатель»,

позднѣе напечатанныхъ подъ заглавіемъ: *Анакреонъ въ собраніи*, выставлялись «любовныя исканія» Потемкина во время праздника. Уже Дмитріевъ пораженъ былъ въ этомъ описаніи шутливою, хотя и довольно вѣрною характеристикой вельможи, и ей-то приписывалъ онъ неудовольствіе, съ которымъ оно было принято послѣднимъ. Въ стихахъ:

«Онъ мещетъ молнію и громы»

не забыта привычка Потемкина вертѣть («чистить», какъ выразился поэтъ) пальцами брильянты, и тутъ же говорится о немъ:

«То крылья вдругъ беретъ орлины,
Паритъ къ Лунѣ и смотритъ въ даль;
То рядитъ щеголей въ ботины[1],
«Любезныхъ дамъ въ прелестну шаль.

[1] «Мягкіе сапожки, которые ввелъ его свѣтлость въ употребленіе своимъ примѣромъ», сказано въ примѣчаніи самого поэта (I, 403—415).

И еслибъ онъ имѣлъ злодѣевъ,
Согласны бъ были всѣ они,
Что видятъ образъ въ немъ Протеевъ,
Который жилъ въ златые дни».

Къ числу неловкостей принадлежитъ также то, что, говоря объ изображеніи на стѣнахъ Амана и Мардохея, Державинъ, въ обращеніи послѣдняго къ Эсфири, какъ будто намекаетъ на положеніе Потемкина передъ Зубовымъ:

«И если я не милъ того вельможи оку»...

Впрочемъ, стихи въ описаніи праздника вообще гораздо выше прозы, и нѣкоторыя изъ вошедшихъ сюда пьесъ причисляются къ лучшимъ произведеніямъ Державина. Особенною картинностью отличается изображеніе самаго пира, начинающееся извѣстными стихами:

«Богатая Сибирь, наклоншись надъ столами,
Разсыпала по нимъ и злато и сребро»... (I, 417).

«Казалось», говоритъ поэтъ, «вся имперія пришла со всѣмъ своимъ великолѣпіемъ и изобиліемъ на угощеніе своей владычицы»...

Огорченный своею неудачею, Державинъ разсказалъ о ней Зубову, а въ слѣдующее воскресенье снова отправился на поклонъ къ Потемкину, только-что переѣхавшему въ Таврическій домъ. Князь принялъ его холодно, но не выразилъ неудовольствія. Въ это время онъ уже готовился къ отъѣзду въ армію; императрица давно желала побудить его къ тому, но онъ медлилъ, боясь удаленіемъ своимъ довершить торжество своего соперника; наконецъ, по современному свидѣтельству, Екатерина лично выразила ему свою положительную волю. Снарядясь въ путь, Потемкинъ перебрался сперва въ Царское Село. Державинъ поѣхалъ туда проститься съ нимъ. Поповъ спрашивалъ поэта, чего онъ желаетъ, увѣрялъ, что Потемкинъ все для него сдѣлаетъ, но Державинъ, помня совѣтъ Зубова, ничего не просилъ. Передъ своимъ отъѣздомъ князь «позвалъ его къ себѣ въ спальню, поса-

дилъ наединѣ съ собою на софу и, увѣривъ въ своемъ къ нему благорасположеніи, простился съ нимъ»: 24-го іюля онъ отправился «по бѣлорусской дорогѣ»[1], конечно не думая, что разстается съ своею государынею и Петербургомъ навѣки.

Но на берегахъ Прута его ожидала смерть. Вѣсть о его кончинѣ внушила Державину одно изъ самыхъ оригинальныхъ и величественныхъ по замыслу, смѣлыхъ по исполненію произведеній его. Еслибъ онъ не написалъ ничего другого, *Водопадъ* спасъ бы его имя отъ забвенія. Съ лихвой заплатилъ онъ долгъ благодарности своему покровителю, воздвигнувъ этотъ поэтическій памятникъ на могилѣ его въ то время, когда многіе безъ стыда поносили память падшаго кумира. *Водопадъ* есть блестящая апоѳеоза всего, чтó было въ духѣ и дѣлахъ Потемкина дѣйствительно достойнаго жить въ потомствѣ. Только даровитый поэтъ могъ такъ понять и начертить этотъ исполинскій историческій образъ Россіи 18-го вѣка. Воображенію поэта представляется въ облакахъ оссіановская тѣнь, и онъ спрашиваетъ:

«Но кто тамъ идетъ по холмамъ,
Глядясь, какъ мѣсяцъ, въ воды черны?»...

Характеризуя Потемкина въ отвѣтахъ своихъ, онъ между-прочимъ говоритъ:

«Не ты ль, который взвѣсить смѣлъ
Мощь Росса, духъ Екатерины,
И, опершись на нихъ, хотѣлъ
Вознесть твой громъ на тѣ стремнины,
На коихъ древній Римъ стоялъ
И всей вселенной колебалъ?...

«Се ты, отважнѣйшій изъ смертныхъ
Парящій замыслами умъ!
Не шелъ ты средь путей извѣстныхъ,
Но проложилъ ихъ самъ»... (I, 474—476).

[1] *Дневникъ Храповицкаго.*

Вотъ одна изъ самыхъ типическихъ чертъ изображенія. Бѣлинскій замѣтилъ, что *Водопадъ*—столько же благородный, какъ и поэтическій подвигъ. Но никто не опредѣлилъ такъ оригинально и мѣтко отличительнаго характера этой оды, какъ Гоголь, сказавъ: «Въ *Водопадѣ*, кажется, цѣлая эпопея слилась въ одну стремящуюся оду. Здѣсь передъ Державинымъ пигмеи другіе поэты. Природа тамъ какъ бы высшая намъ зримой природы, люди могучѣе намъ знакомыхъ людей, а наша обыкновенная жизнь, передъ величественною жизнію тамъ изображенною, точно муравейникъ, который гдѣ-то далеко копышется внизу.» [1].

7. Знакомство съ Дмитріевымъ и Карамзинымъ.

Державинъ, оправданный сенатомъ, отличаемый вниманіемъ самыхъ вліятельныхъ вельможъ и озаренный блескомъ литературной славы, какъ первый русскій поэтъ своего времени, не могъ не внушать особеннаго уваженія тогдашнимъ молодымъ писателямъ. Вскорѣ послѣ его переселенія въ Петербургъ, съ нимъ сблизились двое литераторовъ, только-что начинавшихъ поприще, на которомъ вскорѣ и они должны были пріобрѣсти громкую извѣстность. Мы видѣли, что Дмитріевъ уже въ Читалагайскихъ одахъ и первыхъ стихотвореніяхъ Державина, появившихся безъ подписи въ *С.-Петербургскомъ Вѣстникѣ*, узналъ ex ungue leonem и съ тѣхъ поръ высоко цѣнилъ талантливаго лирика. Въ своихъ запискахъ онъ самъ разсказываетъ намъ ходъ своего знакомства съ Державинымъ. «Кромѣ Фелицы», говоритъ онъ, «долго я не зналъ объ имени автора упомянутыхъ стихотвореній. Хотя самъ писалъ и худо, но по какому-то чутью находилъ въ нихъ болѣе силы, живописи, болѣе, такъ сказать, свѣжести, самобытности, нежели въ стихахъ извѣстныхъ мнѣ современныхъ нашихъ поэтовъ. Къ удивленію, должно замѣтить, что ни въ обществѣ, ни даже въ журналахъ того времени не говорено было ничего объ этихъ прекрасныхъ стихотвореніяхъ. Малое только число словесниковъ—друзей Держа-

[1] *Соч. и письма*, III, 441.

вина — чувствовали всю ихъ цѣну. Извѣстность его началась не прежде, какъ послѣ первой оды къ Фелицѣ. Наконецъ я узналъ объ имени прельстившаго меня поэта; узналъ и самого его лично, но только глядывалъ на него издали во дворцѣ, съ чувствомъ удовольствія и глубокаго уваженія. Вскорѣ потомъ посчастливилось мнѣ вступить съ нимъ и въ знакомство». Затѣмъ Дмитріевъ объясняетъ и поводъ къ этому знакомству, и хотя въ точности не опредѣляетъ времени разсказываемыхъ имъ обстоятельствъ, но изъ его словъ можно заключить, что это было въ первые мѣсяцы 1790 года. Во вторую шведскую кампанію (слѣдовательно, лѣтомъ 1789) Дмитріевъ ѣздилъ на границу Финляндіи, т. е. въ окрестности Фридрисхгама или Нейшлота, для свиданія съ старшимъ братомъ своимъ, Александромъ Ивановичемъ, который служилъ въ армейской пѣхотѣ. «Въ продолженіе дороги», говоритъ онъ, «я велъ поденную записку; описывая въ ней между-прочимъ красивое мѣстоположеніе, употребилъ я обращеніе въ стихахъ къ Державину, и назвалъ его единственнымъ у насъ живописцемъ природы. По возвращеніи моемъ, знакомецъ мой, Павелъ Юрьевичъ Львовъ, переписалъ эти стихи для себя и показалъ ихъ поэту. Онъ захотѣлъ узнать меня, нѣсколько разъ говорилъ о томъ Львову, но я совѣстился представиться знаменитому пѣвцу въ лицѣ мелкаго и еще никѣмъ не признаннаго стихотворца, долго не могъ рѣшиться, и все откладывалъ. Наконецъ, однимъ утромъ знакомецъ мой прислалъ собственноручную къ нему записку Державина. Онъ еще напоминалъ Львову о желаніи его сойтись со мною. Эта записка побѣдила мою застѣнчивость. Итакъ, въ сопровожденіи Львова, отправился я къ поэту, съ которымъ желалъ и робѣлъ познакомиться. Мы застали хозяина и хозяйку въ авторовомъ кабинетѣ: въ колпакѣ и въ атласномъ голубомъ халатѣ, онъ что-то писалъ на высокомъ налоѣ; а она, въ утреннемъ бѣломъ платьѣ, сидѣла въ креслахъ посреди комнаты, и парикмахеръ завивалъ ей волосы. Добросердечный видъ и привѣтливость обоихъ съ первыхъ словъ ободрили меня. Поговоря нѣсколько минутъ о словесности, о войнѣ и пр., я хотѣлъ, соблюдая приличіе, откланяться, но оба они стали унимать меня къ обѣду. Послѣ кофія я

опять поднялся, и еще упрошенъ былъ до чая. Такимъ образомъ, съ перваго посѣщенія я просидѣлъ у нихъ весь день, а чрезъ двѣ недѣли уже сдѣлался короткимъ знакомцемъ въ домѣ. И съ того времени рѣдко проходилъ день, чтобъ я не видѣлся съ этой любезной и незабвенной четой[1].»

Державину было въ то время 47 лѣтъ, а Дмитріеву только 29, и послѣдній всегда сознавалъ важность этого знакомства для своего литературнаго развитія. «Со входомъ въ домъ Державина», говоритъ онъ, «какъ будто мнѣ открылся путь и къ Парнассу. Дотолѣ бывъ знакомъ только съ двумя стихотворцами, Е. И. Костровымъ и Д. И. Хвостовымъ, я увидѣлъ въ обществѣ Державина вдругъ нѣсколько поэтовъ и прозаистовъ: Ип. Ф. Богдановича, И. С. Захарова, Н. А. и Ф. П. Львовыхъ, А. Н. Оленина». Въ его же домѣ Дмитріевъ встрѣтился и съ фонъ-Визинымъ, въ первый и послѣдній разъ, за нѣсколько часовъ до его смерти. Львовы, Оленинъ и Вельяминовъ, по словамъ Дмитріева, составляли почти ежедневное общество Державина. У него же, продолжаетъ Дмитріевъ, «познакомился я съ В. В. Капнистомъ. Онъ по нѣскольку мѣсяцевъ проживалъ въ Петербургѣ, пріѣзжая изъ Малороссіи, и веселымъ остроуміемъ, вопреки меланхолическому тону стиховъ своихъ, оживлялъ нашу бесѣду. Но я еще болѣе находилъ удовольствія быть одному съ хозяиномъ и хозяйкою». Затѣмъ Дмитріевъ съ большою любовію передаетъ черты изъ жизни обоихъ супруговъ (мы въ предыдущихъ разсказахъ уже воспользовались нѣкоторыми изъ его воспоминаній) и въ заключеніе восклицаетъ: «Почитатели Державина! я не въ силахъ былъ говорить вамъ объ его геніи: по крайней мѣрѣ въ двухъ или трехъ чертахъ показалъ его сердце»[2].

[1] *Взглядъ на мою жизнь*, стр. 53. Въ другомъ мѣстѣ Дмитріевъ впадаетъ въ хронологическую ошибку, говоря, что знакомство его съ Державинымъ началось въ то время, когда нашъ поэтъ занятъ былъ описаніемъ праздника, задуманнаго Потемкинымъ, будто бы послѣ взятія Очакова. Здѣсь очевидно перепутаны и эпохи и событія. Вѣрность первоначальнаго показанія подтвердается тѣмъ, что Дмитріевъ познакомилъ Державина съ Карамзинымъ, который былъ въ Петербургѣ въ сентябрѣ 1790 года.

[2] *Взглядъ*, 57, 61, 68.

Во всю жизнь, несмотря на случавшіяся между ними позднѣе недоразумѣнія, Дмитріевъ не переставалъ питать къ нашему лирику глубокаго уваженія. Такъ, получивъ извѣстіе о смерти Державина, онъ писалъ къ А. И. Тургеневу: «Онъ былъ геній, благонамѣренный гражданинъ и нѣкогда любилъ меня» [1]. Въ концѣ своихъ записокъ Дмитріевъ, вспоминая послѣднюю встрѣчу съ нимъ, говоритъ: «Я всегда былъ искреннимъ почитателемъ высокаго поэтическаго таланта и душевныхъ качествъ его. Увѣренъ, что и онъ любилъ меня, особенно въ первые годы нашего знакомства. Въ продолженіи же моего министерства (1810 — 1814), хотя онъ по временамъ и досадовалъ на меня; можетъ-быть, считалъ даже и непризнательнымъ, ибо я не всегда могъ исполнять его требованія объ опредѣленіи къ мѣсту или по тяжебнымъ дѣламъ тѣхъ или другихъ; но это ни мало не ослабляло нашего вниманія другъ къ другу» [2]. Разсказываютъ, что когда Дмитріевъ былъ министромъ юстиціи, то Державинъ просилъ его за кого-то. Ходатайства этого, по закону, невозможно было удовлетворить. По окончаніи дѣла Дмитріевъ сталъ объяснять Державину, почему оно рѣшено такъ, а не иначе, а тотъ, вспыливъ, отвѣчалъ только: «Ну что говорить, Иванъ Ивановичъ! покривилъ душой, покривилъ душой!» Произошла размолвка, и друзья нѣсколько времени не видались, но вскорѣ все было забыто [3]. Отношенія между обоими писателями были самыя короткія. По праву старшинства, Державинъ нѣкогда говорилъ своему собрату *ты* и иногда въ шутку называлъ его: «косой заяцъ» [4]. Изъ предыдущихъ томовъ на-

[1] *Русск. Архивъ* 1867, стр. 1085.

[2] *Взглядъ* и пр., 238.

[3] Замѣтка М. А Дмитріева (племянника Ивана Ивановича) въ *Моск. Вѣдом.* 1860 г., № 69.

[4] По словамъ Каменева, Дмитріевъ былъ «росту высокаго, волосовъ на головѣ мало, *косъ* и худощавъ» (*Вчера и Сегодня*, I, 50). Сообщенный анекдотъ разсказываютъ еще и такъ: Державинъ пріѣхалъ въ департаментъ и за кого-то просилъ въ присутствіи многихъ чиновниковъ. Когда Дмитріевъ отказалъ ему въ просьбѣ, то Державинъ будто бы сказалъ ему: «Какой же ты министръ, когда этого не можешь сдѣлать?». Въ одномъ письмѣ 1813 года Державинъ,

шего изданія читатели уже знаютъ, какъ часто Державинъ, довѣряя вкусу его, поправлялъ свои стихи по указаніямъ Дмитріева, который поэтому и говоритъ, что Гаврила Романовичъ «снисходительно выслушивалъ совѣты и замѣчанія и охотно принимался за передѣлку стиха». Извѣстно, что въ правильности языка и внѣшней отдѣлкѣ поэтическаго выраженія молодые друзья Державина далеко превосходили его.

Нельзя однакожъ умолчать, что Дмитріевъ, въ своихъ отзывахъ о Державинѣ, является гораздо въ лучшемъ свѣтѣ, нежели послѣдній, который въ запискахъ своихъ вообще равнодушно упоминаетъ о Дмитріевѣ и однажды, какъ будетъ видно ниже, позволяетъ себѣ даже неблагопріятный отзывъ о дѣятельности его, какъ министра, именно обвиняетъ его въ небрежномъ отношеніи къ консультаціямъ (VI, 824). Надо вспомнить, что записки Державина писались именно въ то время, когда Дмитріевъ былъ министромъ.

Когда Карамзинъ, возвращаясь изъ своего заграничнаго путешествія, три недѣли оставался въ Петербургѣ (въ сентябрѣ 1790 года), то Дмитріевъ ввелъ и его въ домъ Державина. Поэтъ пригласилъ пріѣзжаго писателя къ обѣду. За столомъ Карамзинъ сидѣлъ возлѣ любезной и прекрасной хозяйки. Между прочимъ рѣчь зашла о французской революціи; Карамзинъ, недавно бывшій свидѣтелемъ нѣкоторыхъ явленій ея, отзывался о ней довольно снисходительно. Во время этого разговора Катерина Яковлевна нѣсколько разъ толкала ногою своего сосѣда, который однакожъ никакъ не могъ догадаться, что бы это значило. Послѣ обѣда, отведя его въ сторону, она ему объяснила, что хотѣла предостеречь его, такъ какъ тутъ же сидѣлъ П. И. Новосильцовъ, петербургскій вице-губернаторъ (нѣкогда сослуживецъ Державина): жена его, рожденная Торсукова, была племянницей М. С. Перекусихиной, и неосторожныя рѣчи молодого

упоминая, что ждетъ въ *Бесѣду* Капниста, мимоходомъ замѣчаетъ, что Иванъ Ивановичъ загордился, и намекаетъ на нѣкоторое охлажденіе своихъ отношеній къ нему (VI, 261).

путешественника могли въ тотъ же день дойти до свѣдѣнія императрицы [1].

Карамзинъ, въ это время приближавшійся къ 25-тилѣтнему возрасту, ѣхалъ въ Москву съ обширными планами будущей дѣятельности на пользу молодой русской литературы. Для него это новое знакомство было чрезвычайно кстати. Возвратясь къ себѣ, онъ предпринялъ изданіе *Московскаго Журнала*, и въ объявленіи, напечатанномъ въ Московскихъ Вѣдомостяхъ 6-го ноября 1790 года, между-прочимъ такъ выразился: «Первый нашъ поэтъ — нужно ли именовать его? — обѣщалъ украшать листы мои плодами вдохновенной своей Музы. Кто не узнáетъ пѣвца мудрой Фелицы? Я получилъ отъ него нѣкоторыя новыя пѣсни». Черезъ нѣсколько дней, 12-го ноября, Карамзинъ писалъ къ Державину: «Въ бытность мою въ Петербургѣ былъ я столько обязанъ вашею ласкою, что всегда буду почитать себя должникомъ вашимъ. Я васъ сердечно почитаю, и всегда почитать буду, вмѣстѣ со всѣми тѣми, которые васъ знаютъ и которые умѣютъ чувствовать достоинства. — Черезъ Ивана Ивановича Дмитріева получилъ я окончаніе *Видѣнія Мурзы*, за которое васъ покорнѣйше благодарю. Могу ли сію въ своемъ родѣ прекрасную пьесу напечатать въ январѣ или въ февралѣ мѣсяцѣ? [2] Мнѣ очень хочется, чтобы вы отвѣчали *да*. Хотя и не много, однакожъ есть у насъ люди со вкусомъ, — люди, знающіе, чтó такое поэзія, знающіе, что мурза есть истинный поэтъ. Я приступаю къ исполненію своего намѣренія, вамъ извѣстнаго, и съ января начну издавать журналъ, который по крайней мѣрѣ хотя тѣмъ будетъ примѣчанія достоинъ, что въ немъ помѣстятся сочиненія пѣвца Фелицы. При семъ прилагаю публикованное мною объявленіе. Нельзя ли показать его въ Петербургѣ вашимъ знакомымъ, любящимъ литературу? Вы бы потрудились сообщить мнѣ имена охотниковъ съ ихъ адресомъ. За

[1] Слышано отъ графа Д. Н. Блудова. То же разсказываетъ Погодинъ со словъ Сербиновича: *Карамзинъ* I, 168.

[2] Она и появилась въ 1-й книжкѣ *Московскаго Журнала* 1791 года. См. Т. I нашего изданія, стр. 112.

вѣрность пересылки журнала ручаюсь. Въ первыхъ числахъ января могу прислать въ Петербургъ первую книжку. Весь годъ съ пересылкою будетъ стоить семь рублей. Но я боюсь васъ обезпокоить. Только прошу васъ не позабыть меня, и впредь присылать мнѣ, что́ вдохнетъ въ духъ вашъ Муза. Когда вы окончаете оду *Коварство*, то вспомните, что для нея бережется мѣсто въ моемъ журналѣ. Не оставьте меня въ сиротствѣ. Я бы осмѣлился спросить васъ, навсегда ли вы думаете остаться въ Петербургѣ или нѣтъ? Прошу засвидѣтельствовать мое почтеніе милостивой государынѣ Екатеринѣ Яковлевнѣ» [1].

Отвѣтъ Державина на эти привѣтливыя строки не сохранился (извѣстно, что Карамзинъ уничтожалъ всѣ письма, которыя получалъ), но о содержаніи его можно судить по слѣдующему, второму письму издателя *Московскаго Журнала* отъ 16-го декабря: «Нѣкоторые, пишете вы, не довольны тѣмъ, что я въ своемъ объявленіи превознесъ похвалами пѣвца Фелицы. Я сихъ господъ не понимаю. Развѣ пѣвецъ Фелицы не достоинъ похвалы? или развѣ я слишкомъ похвалилъ его? Правда, можно слишкомъ похвалить и Гомера и Оссіана и Шекспира и Клопштока; но въ чемъ же состояла излишняя похвала моя? Я сказалъ только: *Кто не знаетъ пѣвца мудрой Фелицы*? Правда, въ семъ вопросѣ есть похвала; я полагаю, что сей пѣвецъ извѣстенъ всѣмъ, читающимъ русскіе стихи; но кому же изъ сихъ людей онъ въ самомъ дѣлѣ неизвѣстенъ? Гдѣ тутъ излишняя похвала? И не такъ еще можно похвалить мурзу, не сказавъ никакой неправды.—Мнѣ сдѣлаютъ много чести, естьли и по выходѣ первой книжки моего журнала скажутъ, что вы его издаете. Между тѣмъ конечно нельзя вамъ собирать субскрибентовъ, когда такъ говорятъ. —Вы меня чувствительно одолжите, приславъ мнѣ оду *Коварство* [2].

[1] V, 775.

[2] Вѣроятно, желаніе Карамзина не было исполнено; по крайней мѣрѣ, ода не явилась въ *Моск. Журналѣ* и была напечатана только въ 1798 г., въ первомъ собраніи сочиненій Державина. И. И. Дмитріевъ говоритъ, что она нѣсколько лѣтъ оставалась неконченною, и это правдоподобно. Поэтъ началъ ее въ 1789 г. по поводу испытанныхъ имъ въ Тамбовѣ непріятностей, а потомъ далъ ей другое назначеніе, обративъ ее противъ французской революціи.

Можно ли будетъ ее напечатать или нѣтъ, одолженіе ваше останется въ равной цѣнѣ. Журналъ мой уже печатается. Въ сей первой книжкѣ помѣщено *Видѣніе Мурзы*. Пожалуйте не оставляйте меня и впредь. М. М. Херасковъ хочетъ писать для моего журнала и стихами и прозою. Я надѣюсь на васъ — надѣюсь на вашу ко мнѣ благосклонность и на вашу любовь къ литературѣ. — Какъ скоро первая книжка будетъ отпечатана, тотчасъ ее къ вамъ доставлю. Я осмѣлился не взять денегъ у г. офицера, который отдалъ мнѣ ваше письмо и хотѣлъ заплатить за вашъ экземпляръ журнала. Позвольте мнѣ имѣть удовольствіе доставлять его вамъ безъ семи рублей. Прошу васъ увѣрить милостивую государыню Екатерину Яковлевну въ моемъ почтеніи къ ея достоинствамъ»[1].

Изъ этого письма ясно, что похвалы Державину, высказанныя Карамзинымъ въ объявленіи о новомъ журналѣ, подали поводъ къ неблагопріятнымъ для нашего поэта сплетнямъ. Что́ значитъ, стали толковать завистники, что какой-то неизвѣстный журналистъ ставитъ его выше всѣхъ русскихъ стихотворцевъ? Стало-быть, настоящимъ издателемъ будетъ Державинъ: его именемъ хотятъ заманить подписчиковъ!

Начавшіяся такимъ образомъ дружескія отношенія между обоими писателями никогда уже не измѣнялись. Державинъ сдѣлался однимъ изъ усерднѣйшихъ вкладчиковъ *Московскаго Журнала:* рѣдкая книжка выходила безъ его стиховъ. Ода *на Коварство,* которою такъ интересовался Карамзинъ и начало которой онъ очевидно слышалъ въ домѣ поэта, была окончена только по прекращеніи *Московскаго Журнала*. Причиною заявляемаго въ перепискѣ сомнѣнія въ возможности напечатать ее, были высказанные въ ней намеки на высокопоставленныхъ враговъ Державина и на безвинно испытанныя имъ отъ нихъ гоненія. Но въ этомъ журналѣ впервые увидѣли свѣтъ многія изъ наиболѣе извѣстныхъ произведеній его, напр.: *Пѣснь дому, любящему науки* (гр. Строганову), *На смерть графини Румянцовой, Величество Божіе, Памятникъ герою* (кн. Репнину), *Прогулка въ Сар-*

[1] V, 775 и 776.

скомъ Селѣ (пьеса, посвященная Карамзину). Къ нѣкоторымъ изъ этихъ стихотвореній мы еще возвратимся. Карамзинъ навсегда остался почитателемъ Державина. Въ похвальномъ словѣ Екатеринѣ II (1801 г.) онъ такъ охарактеризовалъ славнаго лирика: «Державинъ въ русскихъ стихахъ оживилъ Горація и представилъ новыя, сильныя черты поэтической живописи» [1].

Какъ дорожилъ нашъ будущій исторіографъ пріязнью Державиныхъ, видно изъ его переписки съ Дмитріевымъ, въ которой онъ часто упоминаетъ о нихъ съ особеннымъ уваженіемъ и благодарностію. Въ концѣ 1791 или въ началѣ 1792 года другъ его Петровъ отправился въ Петербургъ совѣтоваться съ врачами и, разумѣется, былъ радушно принятъ въ домѣ поэта.

14-го іюня 1792-го Карамзинъ писалъ къ Дмитріеву: «Я очень радъ, что ты въ Державиныхъ повидимому не нашелъ перемѣны, и что они попрежнему любятъ своихъ пріятелей. Что принадлежитъ до Петрова, то мнѣ кажется, что они еще не знаютъ его, — кажется, что и ты вмѣстѣ съ ними его не знаешь... Наивнаго отвѣта его» (на зовъ Державиныхъ): «*я привыкъ дома обѣдать*, не должно принимать за грубость — онъ напоминаетъ отвѣты Руссовы». Черезъ мѣсяцъ читаемъ опять въ тѣхъ же письмахъ: «Я ни мало не сердился на тебя за то, что ты писалъ ко мнѣ объ Александрѣ Андреевичѣ (Петровѣ). Напротивъ того, еще благодарю тебя, потому что мнѣ очень хотѣлось знать, какъ думаютъ объ немъ Г. Р. и К. Я. (Державины)... Сколь ни люблю А. А., однакожъ соглашусь, что онъ можетъ показаться страннымъ тому, кто не хорошо знаетъ его — и особливо женщинѣ, даже самой любезной и самой почтенной, напримѣръ Катеринѣ Яковлевнѣ. И впередъ, мой милой другъ, прошу тебя писать ко мнѣ о ихъ расположеніи къ моему любезному нелюдиму».

Карамзинъ надѣялся украсить свой журналъ, между-прочимъ, *Водопадомъ*. Ходъ сочиненія этой оды очень занималъ обоихъ друзей-литераторовъ. Въ іюнѣ Карамзинъ писалъ Дмитріеву: «Дай мнѣ идею о *Водопадѣ* Державина, и скажи ему,

[1] *Соч. Карамзина*, Смирд. изд., I, 362.

что я дожидаюсь его съ нетерпѣніемъ — разумѣется, если это будетъ кстати сказать»; потомъ, 18-го іюня, онъ такъ разсуждалъ о нѣкоторыхъ мѣстахъ оды: «Мысль привести къ водопаду звѣрей кажется мнѣ піитическою; въ разсужденіи солдата и П**... не скажу ничего — надобно прочесть стихи. Положеніе умершаго, думаю, хорошо и трогательно описано. Полушекъ не понимаю. Когда піеса будетъ окончена, нельзя ли достать ее для прочтенія». Однакожъ ода не была кончена во все время изданія *Московскаго Журнала;* она была дописана только въ 1794 году, а напечатана не прежде 1798-го, въ собраніи сочиненій поэта, которое издавалось въ Москвѣ подъ наблюденіемъ Карамзина. До тѣхъ поръ эта знаменитая ода, по свидѣтельству Болотова, въ 1795 году, «носилась въ народѣ» рукописною[1].

Осенью 1795 Карамзинъ, сбираясь издать къ новому году первый русскій альманахъ (по образцу французскаго Almanach des Muses), пригласилъ и Державина, чрезъ посредство Дмитріева, принять въ немъ участіе[2]. Дѣйствительно, въ книжкѣ *Аонидъ*, вышедшей въ 1796 году, мы находимъ четыре пьесы Державина, а въ слѣдующихъ двухъ частяхъ этого изданія еще болѣе стихотвореній его.

8. Поправленіе обстоятельствъ. Приближеніе къ императрицѣ.

Отъ хлопотъ и непріятностей по тамбовскому губернаторству оставалась еще одна статья, тяжко отзывавшаяся на экономическомъ положеніи Державина. Это было запрещеніе, которому подвергнуто его имѣнье по взысканію, наложенному на него за убытки, причиненные казнѣ неисправною доставкой хлѣба въ петербургскіе запасные магазины (см. выше стр. 506). Сенатъ опредѣлилъ купить хлѣбъ на счетъ Державина. Отъ послѣдствій этого приговора онъ спасся только тѣмъ, что упросилъ се-

[1] *Памятникъ претекшихъ временъ Болотова.* Замѣтка 288, стр. 104.
[2] *Письма Карамзина къ Дмитріеву*, стр. 26, 27, 61.

натскаго секретаря прибавить въ заключеніи слова́: «и крѣпившихъ съ нимъ опредѣленіе въ намѣстническомъ правленіи». Этимъ часть взысканія обращалась на совѣтника Савостьянова, который, разумѣется, употребилъ всѣ усилія, чтобы деньги окончательно уплатилъ самъ поставщикъ. О неудовольствіи, возбужденномъ этимъ рѣшеніемъ въ Тамбовѣ, можно судить по письмамъ преданнаго Державину совѣтника Филонова. Изъ нихъ же мы узнаемъ, что́ вообще дѣлалось тамъ послѣ Державина. Преемникъ его въ должности губернатора, генералъ-поручикъ Звѣревъ, былъ человѣкъ слабый и болѣзненный, лишившійся на губернаторствѣ одного глаза, и очутился совершенно въ рукахъ Ушакова и Савостьянова. Послѣ того, какъ состоялось помянутое опредѣленіе сената, Филоновъ писалъ: «О разрѣшеніи имѣнія вашего по провіанту еще все ничего не сдѣлано; я уже разъ со сто говорилъ, но все откладываютъ день отъ дня. Савостьяновъ увѣрилъ, что онъ въ Петербургѣ все это дѣло передѣлаетъ и что будетъ просить на васъ государыню и гдѣ бъ то не было: хоша во дворцѣ, при всѣхъ министрахъ, не устыдится и не убоится всѣмъ говорить; ибо дескать и его тамъ не меньше знаютъ у двора, какъ и васъ; а начальникъ нашъ говоритъ такъ: «пожалуй, защити и меня», и такъ въ семъ дурачествѣ увѣренъ, что ни самимъ Христомъ уже теперь не увѣришь, чтобъ Савостьяновъ при дворѣ былъ не въ силахъ все по-своему передѣлать»[1].

Наконецъ деньги внесены были подрядчиками, и Державинъ вздохнулъ свободно. Вскорѣ обстоятельства его такъ поправились, что онъ купилъ себѣ домъ въ Петербургѣ, тотъ самый, о которомъ говорится въ одѣ *ко второму сосѣду* (Гарновскому) и гдѣ поэтъ съ тѣхъ поръ постоянно жилъ, — на Фонтанкѣ, близъ Измайловскаго моста. Онъ былъ купленъ у Захарова[2], и тогда же приступили къ перестройкѣ его. «Катерина Яковлевна», писалъ Державинъ Капнисту 7-го августа 1791 года, «въ превеликихъ хлопотахъ о строеніи дома, который мы купили». По переѣздѣ въ Петербургъ наша чета стала думать и о

[1] V, 772.

[2] Вѣроятно, у сенатора Ивана Семеновича. II, 656.

ДОМЪ ДЕРЖАВИНА БЛИЗЪ ИЗМАЙЛОВСКАГО МОСТА

(къ стр. 612)

Лит. К. Брезе, С.П.Б. Средняя-Подьяческая д. № 4.

прiобрѣтенiи, не слишкомъ далеко отъ столицы; имѣнiя для лѣтняго житья. Рѣчь шла о покупкѣ какой-то «деревеньки» близъ Черенчицъ Львова, въ Тверской губернiи; Катерина Яковлевна, приглашая и Капнистовъ переселиться туда же, мечтала, какъ друзья будутъ вмѣстѣ проводить время. «Что, кабы и вы также?» писала она: «вы бы иногда, поэты, и поссорились и помирились; вѣдь это у васъ чистилище ваше въ прежнiя времена бывало, и я увѣрена, что будутъ у васъ выходить рѣдкости въ разсужденiи вашихъ другъ къ другу строгостей; а мы бы, жены ваши, другого рода рѣдкости дѣлали, украшали бы жилища ваши своими трудами, забавляли бы васъ, а иногда и разнимали, когда далеко споры ваши зайдутъ» [1]. Однакожъ эти мечты не осуществились: впослѣдствiи, вторая жена Державина прiобрѣла Званку.

Послѣ отъѣзда Потемкина онъ еще нѣсколько мѣсяцевъ оставался въ прежнемъ неопредѣленномъ положенiи. Зубовъ обращалъ на него мало вниманiя, хотя иногда и давалъ ему особыя работы. Такъ онъ долженъ былъ изложить свои соображенiя о томъ, какъ бы безъ отягощенiя народа увеличить государственные доходы, предметъ, по которому и позднѣе, въ 1794 году, было истребовано мнѣнiе Державина, какъ видно изъ составленной имъ объ этомъ записки [2]. Мнѣнiе, поданное имъ Зубову, не сохранилось; мы знаемъ только изъ собственныхъ словъ его, что онъ предлагалъ учредить какой-то патрiотическiй банкъ для выдачи ссудъ подъ залогъ дворянскихъ имѣнiй.

Наконецъ на Державина возложено было порученiе, въ которомъ онъ могъ видѣть явный знакъ довѣрiя государыни. Во второй половинѣ августа на имя его данъ былъ рескриптъ съ повелѣнiемъ разсмотрѣть претензiю, предъявленную русскимъ повѣреннымъ въ дѣлахъ во Флоренцiи графомъ Мочениго на придворнаго банкира Сутерланда. Характеръ дѣятельности этого послѣдняго намъ уже достаточно извѣстенъ; скажемъ теперь нѣсколько словъ о Мочениго. Онъ принадлежалъ къ знаменитому

[1] V, 769.
[2] VII, 192.

венеціянскому роду, давшему республикѣ цѣлый рядъ дожей, именно къ той отрасли его, которая, переселившись въ Морею, присоединилась къ Восточной церкви. По матери своей, графъ Дмитрій Мочениго сдѣлался богатымъ землевладѣльцемъ на островѣ Занте, гдѣ и имѣлъ постоянное мѣстопребываніе. Побуждаемый сочувствіемъ къ единовѣрной Россіи, онъ, во время войны ея съ Турціей, имѣлъ случай спасти нашъ фрегатъ отъ крушенія: изъ благодарности графъ А. Г. Орловъ пригласилъ его въ русскую службу и прислалъ ему патентъ на чинъ подполковника. Съ тѣхъ поръ Мочениго сдѣлался усерднымъ исполнителемъ порученій нашихъ адмираловъ: снабжалъ флотъ продовольствіемъ и лоцманами, доставлялъ описанія и карты мѣстностей, ставилъ даже вооруженныхъ солдатъ. Между-прочимъ онъ, по желанію гр. Орлова, принималъ подъ свое покровительство тѣхъ несчастныхъ Морейцевъ, которые, спасаясь отъ турецкаго мщенія, искали убѣжища въ Занте. Тогда-то онъ подалъ первую мысль о томъ, чтобы брать дѣтей у этихъ несчастныхъ и отсылать ихъ въ Россію на воспитаніе, что̀ послужило поводомъ къ учрежденію извѣстнаго «греческаго корпуса». Но венеціянское правительство давно съ неудовольствіемъ смотрѣло на такую дѣятельность своего подданнаго, и подъ тѣмъ предлогомъ, что онъ ссоритъ республику съ Портою, гр. Мочениго былъ схваченъ въ своемъ домѣ, несмотря на протестъ мѣстныхъ жителей, отвезенъ на о. Корфу и тамъ посаженъ въ темницу. Однакожъ, благодаря заступничеству русскихъ властей, заточеніе его было непродолжительно. По окончаніи войны Мочениго обратился къ нашему правительству съ просьбой о вознагражденіи его за понесенные убытки и о доставленіи ему дипломатическаго поста въ Тосканѣ. Въ слѣдствіе этого-то и былъ онъ назначенъ, въ 1782 г., нашимъ повѣреннымъ въ дѣлахъ во Флоренціи [1]. Въ послѣдующіе годы Сутерландъ, для поправленія своихъ запутывавшихся дѣлъ, прибѣгнулъ къ торговымъ оборотамъ и, получая между-прочимъ отъ Мочениго това-

[1] Письмо графа С. Р. Воронцова въ *Русск. Архивѣ* 1878, стр. 413—425. Также VI, 642.

ры изъ Италіи, употреблялъ вырученныя съ нихъ деньги на свои спекуляціи. Черезъ нѣсколько лѣтъ Моцениго, потерпѣвъ отъ этого убытковъ на 120,000 р., просилъ петербургскія коллегіи помочь ему во взысканіи ихъ, но, не получивъ никакого удовлетворенія, обратился наконецъ къ императрицѣ съ просьбою поручить разсмотрѣніе дѣла Державину. Употребивъ нѣсколько мѣсяцевъ на справки, онъ лично докладывалъ государынѣ о собранныхъ имъ свѣдѣніяхъ, и хотя ясно было, что Моцениго правъ, но такъ какъ на сторонѣ Сутерланда были всѣ имѣвшіе въ немъ надобность, то доклады Державина и оставались безъ всякаго результата: императрица нѣсколько разъ отсылала его въ нерѣшимости. Между тѣмъ 12-го октября пришло извѣстіе о смерти Потемкина. Для окончанія начатыхъ съ Портою мирныхъ переговоровъ Безбородко, по выраженному имъ самимъ желанію, былъ отправленъ въ Яссы, а лежавшіе на его обязанности доклады переданы П. А. Зубову. Два мѣсяца спустя, 13-го декабря 1791 года, послѣдовалъ указъ сенату: «Всемилостивѣйше повелѣваемъ дѣйствительному статскому совѣтнику Гавріилу Державину быть при насъ у принятія прошеній». При этомъ назначеніи императрица между-прочимъ имѣла въ виду поручить своему новому секретарю просмотръ сенатскихъ меморій. Однажды Зубовъ спросилъ его, можно ли по какимъ-нибудь подозрѣніямъ переносить нерѣшенныя дѣла изъ одной губерніи въ другую. Державинъ объяснилъ, что это противно закону. Какъ послѣ оказалось, поводомъ къ вопросу Зубова было неудовольствіе императрицы, когда она изъ сенатской меморіи узнала, что такой переносъ дѣлъ производился по 2-му департаменту, гдѣ Колокольцовъ былъ оберъ-прокуроромъ. Колокольцовъ исправлялъ тогда должность генералъ-прокурора, замѣняя разбитаго параличемъ князя Вяземскаго, и при докладѣ долженъ былъ вынести гнѣвъ государыни за допущеніе подобнаго безпорядка въ веденіи дѣлъ. Очевидно, что Екатерина II, во все свое царствованіе стремившаяся къ ограниченію власти сената, хотѣла теперь воспользоваться обстоятельствами для подчиненія его ближайшему своему контролю. Только что Державинъ вступилъ въ должность, императрица поспѣшила передать ему рапортъ

Колокольцова (какъ оберъ-прокурора) съ выпискою изъ переведенныхъ въ другія губерніи дѣлъ, а въ слѣдующій разъ, выслушавъ его соображенія, повелѣла написать указъ сенату съ выговоромъ за отступленіе отъ закона. Державинъ, желая дать государынѣ время обдумать это распоряженіе, просилъ ее предварительно передать въ совѣтъ составленную имъ записку. По одобреніи совѣтомъ этой записки, онъ долженъ былъ написать уже не только проектъ выговора сенату, но еще и другой указъ, которымъ по этому дѣлу требовались объясненія отъ князя Вяземскаго, отъ Колокольцова и двухъ оберъ-секретарей. Полученные отъ нихъ отвѣты были опять препровождены въ совѣтъ, который, при возвращеніи ихъ, повергъ все дѣло на милостивое воззрѣніе императрицы. Указъ съ выговоромъ сенату былъ подписанъ; но между тѣмъ прошло много времени; гнѣвъ государыни успѣлъ поостыть, съ пріѣздомъ Безбородки многое въ положеніи дѣлъ измѣнилось, и указъ преданъ забвенію. Тѣмъ не менѣе, по случаю болѣзни князя Вяземскаго Державину было приказано на всѣ сенатскія меморіи дѣлать свои замѣчанія и обо всемъ, что̀ онъ найдетъ въ нихъ несогласнымъ съ законами, докладывать императрицѣ [1].

9. КАБИНЕТСКІЙ СЕКРЕТАРЬ.

Итакъ Державинъ сдѣлался близокъ къ престолу. Назначеніе его было конечно въ связи съ новыми обязанностями, возложенными на Зубова по отъѣздѣ Безбородки въ Яссы. Екатерина хотѣла доставить своему любимцу надежнаго помощника въ человѣкѣ, знавшемъ законы и строгомъ въ соблюденіи ихъ, и

[1] Что сообщаемое въ запискахъ Державина объ этомъ порученіи совершенно справедливо, доказываетя сохранившимся въ бумагахъ его «реестромъ замѣчаніямъ на меморіи сената для доклада». Здѣсь, кромѣ содержанія самыхъ замѣчаній его, отмѣчены вкратцѣ и резолюціи государыни съ означеніемъ времени докладовъ. Другой реестръ докладовъ по просьбамъ разныхъ лицъ начинается статьею: «Справки 2-го департамента сената о переведенныхъ дѣлахъ изъ одной губерніи въ другую», что̀ опять подтверждаетъ свидѣтельство Державина о поводѣ къ его опредѣленію въ секретари при государынѣ.

выборъ ея палъ на Державина, который смѣлымъ противоборствомъ всякой неправдѣ пріобрѣлъ почетную извѣстность. Это возвышеніе не обошлось для него безъ обыкновенныхъ послѣдствій: съ одной стороны прихожая его стала наполняться искателями мѣстъ и просителями всякаго рода; съ другой, противъ него зашевелились зависть и недоброжелательство. Черезъ нѣсколько дней послѣ его назначенія императрица спросила у него, какимъ образомъ въ иностранныхъ газетахъ явился слухъ, будто она во власть его отдала сенатъ. Послѣ открылось, говоритъ Державинъ, что сплетня вышла чрезъ служившаго при дворѣ Торсукова, которому Храповицкій неосторожно передалъ слова Державина, что ему поручено разсматривать сенатскія меморіи.

Казалось бы, приближеніе къ «Фелицѣ» восторженнаго пѣвца ея должно было сопровождаться самыми отрадными для обѣихъ сторонъ впечатлѣніями. Вышло совсѣмъ иное: Державинъ не умѣлъ угодить императрицѣ. Онъ самъ разсказываетъ, что когда онъ докладывалъ по дѣлу Мочениго, которое еще и при назначеніи его къ принятію прошеній не было кончено, то она разъ шесть отказывалась утвердить его мнѣніе, говоря, что онъ «въ дѣлахъ еще новъ». Что Екатерина дѣйствительно такъ смотрѣла на поэта, видно и изъ дневника Храповицкаго. 2-го марта, т. е. ровно черезъ два съ половиною мѣсяца послѣ вступленія Державина въ должность, въ этомъ дневникѣ записано: «Какъ-то не въ добрый часъ Державинъ докладывалъ по дѣлу графа Мочениго съ банкиромъ Сутерландомъ. По наклоненію его не захотѣли рѣшить на основаніи приговора, въ Пизѣ учиненнаго, и съ неудовольствіемъ Державина отпустили. Потомъ, тотчасъ призвавъ меня, разсказывали объ обстоятельствахъ дѣла. «Какъ мнѣ это рѣшить? Пусть разбираются межъ собой или помирятся. Онъ со всякимъ вздоромъ ко мнѣ лѣзетъ». Я отвѣчалъ, что какъ это дѣло заключается только въ купеческихъ расчетахъ, то могутъ выбрать посредниковъ, коммерцію знающихъ, и кончить расчетъ. Пошли къ прическѣ волосъ и скоро, кликнувъ Державина, при парикмахерахъ со словъ моихъ дали резолюцію. Послѣ и безъ него говорили: «Онъ *такъ новъ*, что ходитъ съ дѣлами, до меня не принадлежащими».

Однакожъ дѣло Мочениго и тутъ еще не было рѣшено окончательно. Черезъ нѣсколько времени Державинъ долженъ былъ опять напомнить о немъ. Императрица съ неудовольствіемъ отвѣчала: «Охъ, ужъ ты мнѣ съ твоимъ Моченигомъ! Ну, помири ихъ!» Дѣйствительно, въ апрѣлѣ 1792 года дѣло наконецъ приведено было къ полюбовной развязкѣ: Мочениго радъ былъ, что могъ получить хотя одну треть причитавшейся ему съ Сутерланда суммы[1].

Черезъ два дня послѣ того какъ записаны были приведенныя строки Храповицкаго, находимъ у него еще замѣтку, показывающую, какъ вредила поэту репутація старой тещи его: «Говорено мнѣ еще о Державинѣ (по случаю просьбы купца Милютина, по почтѣ изъ Софіи присланной, гдѣ ссылается онъ на просьбу, Державину поданную), что онъ принимаетъ всѣ прошенія о деньгахъ, готовъ принять на милліонъ; это работа его тещи; она самая негодница и доходила до кнута; но такъ оставлено за то только, что была кормилицею великаго князя. Говорено съ жаромъ». Еженедѣльные доклады Державина по сенатскимъ меморіямъ и частыя его замѣчанія на нихъ скоро наскучили императрицѣ, и она приказала ему объясняться по нимъ только съ оберъ-прокурорами и правящимъ должность генералъ-прокурора, съ тѣмъ чтобы они, ежели найдутъ его замѣчанія основательными, испрашивали у сенаторовъ новыя резолюціи и исправляли ошибки; въ случаѣ же, если сенаторы останутся при своихъ мнѣніяхъ, Державинъ долженъ былъ только вести записку своимъ замѣчаніямъ. Это продолжалось около года. По его словамъ, возраженія его бо́льшею ча-

[1] При разсмотрѣніи позднѣе злоупотребленій покойнаго Сутерланда оказалось, что изъ конторы этого банкира выдано было 15,000 руб. стряпчему по дѣлу Моченито. А такъ какъ это послѣднее было въ рукахъ одного Державина, то на него, естественно, падало подозрѣніе въ полученіи тѣхъ денегъ. Объясненіе, данное имъ по этому поводу въ запискахъ его (VI, 648), вполнѣ подтверждается подлинною бумагой, которая будетъ напечатана въ приложеніяхъ. Вообще обвиненія въ лихоимствѣ, не разъ голословно взводившіяся на Державина, оказываются совершенно ложными и вымышленными клеветою.

стію принимались во вниманіе оберъ-прокурорами и сенаторами.

Между тѣмъ доклады его у императрицы становились все рѣже и рѣже, такъ что иногда онъ не бывалъ у нея по цѣлымъ недѣлямъ. Самъ онъ приписывалъ это тому, что черезъ его руки проходили только дѣла непріятнаго свойства, какъ-то: жалобы на неправосудіе, награды за заслуги и прошенія о пособіяхъ, тогда какъ доклады о болѣе важныхъ и интересныхъ предметахъ относились къ обязанностямъ другихъ секретарей; но главною виною было очевидно то, что Державинъ не обладалъ тою ловкостью и уклончивою гибкостью, которыя необходимы для успѣха въ придворой сферѣ, что онъ вовсе не умѣлъ не только скрывать своихъ мыслей, но и выражать ихъ съ приличною осторожностью. Вскорѣ неудовольствіе государыни выразилось очень рѣзко. Подъ 30-мъ апрѣля читаемъ у Храповицкаго: «При отдачѣ мнѣ бумагъ для доклада, графъ Безбородко сказывалъ, что и съ нимъ говорили о шашняхъ Державина. Графъ внушилъ, что по меморіямъ именныхъ указовъ давать сенату нельзя». Безбородко хотѣлъ доложить императрицѣ о предположеніяхъ Потемкина, представленныхъ Поповымъ. «Давай ихъ сюда!» сказала она, думая найти какіе-нибудь проекты, но когда увидѣла вмѣсто того разныя незначительныя записки и въ томъ числѣ ходатайство о пожалованіи Державину Владиміра 2-го класса, — «все худо очень принято и особенно о Державинѣ отвѣчали: онъ долженъ быть мною доволенъ, что взятъ изъ-подъ суда въ секретари, а орденъ безъ заслугъ не дается» [1].

Неловкость Державина обнаруживалась между-прочимъ въ томъ, что по нѣкоторымъ порученнымъ ему дѣламъ онъ привозилъ съ собою въ комнаты государыни цѣлыя кипы бумагъ и обременялъ ее чтеніемъ ихъ. Мы уже упомянули, что онъ на одинъ изъ первыхъ докладовъ своихъ явился съ огромною массой документовъ по несогласіямъ съ Гудовичемъ. Особенно испытывалъ онъ терпѣніе императрицы своими докладами по дѣлу о бывшемъ иркутскомъ генералъ-губернаторѣ Якоби, обвиненномъ

[1] *Дневникъ*, стр. 397.

въ возбужденіи Китайцевъ къ войнѣ съ Россіей[1]. Когда Державинъ, употребивъ на разсмотрѣніе этого дѣла цѣлый годъ, наконецъ заявилъ, что оно готово, то въ кабинетъ государыни «цѣлая шеренга гайдуковъ и лакеевъ внесла превеликія кипы бумагъ». Испуганная императрица съ неудовольствіемъ велѣла принять эти тюки и потребовала, чтобы прочитана была только самая краткая изъ заготовленныхъ Державинымъ докладныхъ записокъ. По выслушаніи ея, Екатерина однакожъ усомнилась въ правильности заключенія, оправдывавшаго Якоби, и сочла необходимымъ ознакомиться съ дѣломъ подробно, а для этого приказала Державину являться каждый день послѣ обѣда часа на два. Во время этихъ чтеній она, потерявъ терпѣніе, нерѣдко отсылала его, и однажды, когда онъ, въ глухую осень, пріѣхалъ несмотря на страшную погоду, велѣла чрезъ камердинера Тюльпина сказать ему: «Удивляюсь, какъ такая стужа вамъ гортани не захватитъ». Подобные разсказы, свидѣтельствующіе о правдивости Державина и передъ потомствомъ, показываютъ, до какой степени онъ умѣлъ сдѣлаться при дворѣ непріятнымъ своей упорной прямотою. Впрочемъ въ запискахъ своихъ онъ приводитъ и случаи другого рода, доказывающіе, что императрица нерѣдко удостоивала его особенной милости[2].

Державину было поручено также разсмотрѣть дѣло о злоупотребленіяхъ придворнаго банкира Сутерланда[3]. Однажды государыня опять увидѣла у себя на столикѣ увязанную въ салфетку кипу бумагъ. Развернувъ ее, она въ гнѣвѣ приказала кликнуть Храповицкаго, и когда узнала, кто принесъ эти бумаги, то вскрикнула: «Державинъ! такъ онъ меня еще хочетъ столько же му-

[1] Въ 1783 году открыто было Иркутское намѣстничество, и первымъ генералъ-губернаторомъ его былъ генералъ-поручикъ Иванъ Варфоломеевичъ Якоби, не уступавшій Тутолмину въ пышности своего образа жизни. Почти десять лѣтъ онъ томился подъ судомъ. Оправдательный о немъ указъ начинался словами: «Читано передъ нами нѣсколько тысячъ листовъ, подъ названіемъ сибирскаго якобіевскаго дѣла, изъ коего мы ничего инаго не усмотрѣли, кромѣ ябеды, сплетенъ и кляузъ, а потому» и пр. (Записка о Сибири Штейнгеля).

[2] VI, 630—634.

[3] См. выше стр. 546.

чить, какъ и якобіевскимъ дѣломъ! Нѣтъ, я не дамъ ему водить себя за носъ. Пусть онъ придетъ сюда!» Когда онъ самъ явился для доклада, то императрица позвала дожидавшагося въ сосѣдней комнатѣ Попова и, противъ обыкновенія, велѣла въ его присутствіи докладывать Державину. «Онъ входитъ, видитъ государыню въ чрезвычайномъ гнѣвѣ, такъ что лицо пылаетъ, скулы трясутся. Тихимъ, но грознымъ голосомъ говоритъ: «Докладывай». Державинъ спрашиваетъ: по краткой или пространной запискѣ докладывать? — По краткой, отвѣчала. Онъ началъ читать, а она, почти не слушая, безпрестанно поглядывала на Попова. Державинъ, не понимая тому причины, спокойно кончилъ и вставъ со стула спросилъ, что̀ государыня приказать изволитъ. Она снисходительнѣе прежняго сказала: «Я ничего не поняла; приходи завтра и прочти мнѣ пространную записку». Послѣ она объяснила Попову, что Державинъ при докладахъ не только грубилъ ей, но и бранился, а потому-то она и сочла нужнымъ призвать свидѣтеля. Такъ разсказываетъ самъ Державинъ. Современники нѣсколько иначе передаютъ этотъ случай, именно прибавляютъ, будто Державинъ такъ забылся на докладѣ, что въ горячности объясненія осмѣлился схватить императрицу за конецъ мантильи; тогда государыня позвонила, велѣла позвать дожидавшагося въ смежной комнатѣ Попова, и когда онъ вошелъ, сказала ему: «Побудь здѣсь, Василій Степановичъ; а то этотъ господинъ много даетъ воли рукамъ своимъ»[1]. Однакожъ, какъ всегда великодушная и незлопамятная, Екатерина приказала Державину быть на другой день, приняла его милостиво и «даже извинилась, что вчера горячо поступила, промолвя: ты и самъ горячъ, все споришь со мною». Дѣло однакожъ и на этотъ разъ не обошлось безъ неудовольствія. Державинъ читалъ пространную за-

[1] Жихаревъ, *Дневникъ Чиновника* въ *От. Зап.* CI, 380. — По словамъ М. А. Дмитріева, Екатерина сказала вошедшему Попову: «Сядьте тутъ, да посидите во время доклада: этотъ господинъ, мнѣ кажется, меня прибить хочетъ» (*Мелочи изъ запаса моей памяти*, стр. 36). Почти въ томъ же видѣ слышалъ я этотъ анекдотъ отъ графа Д. Н. Блудова: по его разсказу государыня, позвавъ лакея, велѣла вывести Державина, который тотчасъ отправился къ Зубову и просилъ его о заступничествѣ.

писку и реестръ, «кѣмъ сколько казенныхъ денегъ изъ кассы у Сутерланда забрано». Здѣсь опять предоставимъ слово самому Державину. «Первый явился князь Потемкинъ, который взялъ 800,000 рублей. Извинивъ, что онъ многія надобности имѣлъ по службѣ и нерѣдко издерживалъ свои деньги, приказала принять на счетъ свой государственному казначейству. Иные приказала взыскать, другіе небольшіе простить долги; но когда дошло до великаго князя Павла Петровича, то, перемѣнивъ тонъ, зачала жаловаться, что онъ мотаетъ, строитъ такія безпрестанно строенія, въ которыхъ нужды нѣтъ: «Не знаю, чтó съ нимъ дѣлать,» и, продолжая съ неудовольствіемъ подобныя рѣчи, ждала какъ бы на нихъ согласія; но Державинъ, не умѣя играть роли хитраго царедворца, потупя глаза, не говорилъ ни слова. Она, видя то, спросила: «Чтó ты молчишь?» Тогда онъ ей тихо проговорилъ, что Наслѣдника съ Императрицею судить не можетъ, и закрылъ бумагу. Съ симъ словомъ она вспыхнула, закраснѣлась и закричала: «Поди вонъ!» Онъ вышелъ въ крайнемъ смущеніи, не зная, чтó дѣлать. Рѣшился зайти въ комнату къ фавориту. «Вступитесь хотя вы за меня, Платонъ Александровичъ», сказалъ онъ ему съ преисполненнымъ горести духомъ: «поручаютъ мнѣ непріятныя дѣла, и что я докладываю всю истину, какова она въ бумагахъ, то государыня гнѣвается, и теперь по Сутерландову банкротству такъ раздражена, что выгнала отъ себя вонъ. Я ли виноватъ, что ее обворовываютъ? да я и не напрашивался не токмо на это, но ни на какія дѣла; но мнѣ ихъ поручаютъ, а государыня на меня гнѣвается, будто я тому причиною.» Онъ его успокоилъ и, знать что тотъ же вечеръ говорилъ, что на другой день, выслушавъ порядочно всѣ бумаги, дали резолюцію чтобъ, какъ выше сказано, генералъ-прокуроръ и государственный казначей предложилъ сенату взыскать деньги съ кого слѣдуетъ по законамъ. Тѣмъ дѣло сіе и кончилось» [1].

При непріятностяхъ, какія испытывалъ Державинъ въ личныхъ сношеніяхъ съ императрицею, онъ конечно не могъ долго оставаться въ должности статсъ-секретаря. Первымъ поводомъ

[1] VI, 652. 653.

охлажденія къ себѣ императрицы онъ считалъ несчастный случай, бывшій съ нимъ лѣтомъ 1792 года, когда онъ, послѣ доклада, играя въ царскосельскомъ саду съ великими князьями въ горѣлки, упалъ и вывихнулъ себѣ руку.[1] Пока онъ шесть недѣль лежалъ безъ движенія, недоброжелатели (какъ онъ разсказываетъ) «умѣли такъ расположить противъ него императрицу, что когда онъ явился къ ней по выздоровленіи, то нашелъ ее уже совсѣмъ перемѣнившеюся». Въ этомъ объясненіи нѣтъ ничего неправдоподобнаго: люди, видѣвшіе въ Державинѣ лицо вовсе не подходившее къ ихъ понятіямъ и требованіямъ, легко могли воспользоваться его отсутствіемъ, чтобы очернить его или представить въ смѣшномъ видѣ. Но напрасно, кажется, Державинъ бросаетъ подозрѣніе на прямодушіе давнишняго своего благодѣтеля Безбородки, который будто бы не безъ умысла поручалъ ему непріятныя дѣла подъ тѣмъ предлогомъ, что онъ справедливѣе, дѣльнѣе и прилежнѣе прочихъ статсъ-секретарей, а въ самомъ дѣлѣ съ тѣмъ чтобы онъ, «будучи всѣмъ ревностью и правдою своею непріятенъ или, лучше сказать, опасенъ, наскучилъ императрицѣ и остудился въ ея мысляхъ». Естественно впрочемъ, что Безбородко нѣсколько свысока смотрѣлъ на Державина: по возвращеніи изъ Яссъ, скучая своимъ бездѣйствіемъ, когда доклады его были переданы Зубову, онъ писалъ С. Р. Воронцову 15-го мая 1792 года: «Кажется, (императрица) не прочь отъ того, чтобы вести меня съ Турчаниновымъ, Державинымъ и Храповицкимъ, у которыхъ еще и дѣла никакого нѣтъ»[2].

Еще при производствѣ дѣла банкира Сутерланда, рѣшено было пожаловать Державина въ сенаторы, съ опредѣленіемъ на мѣсто его въ секретари Трощинскаго. Рядомъ съ высказанными выше предположеніями, онъ приписывалъ свое удаленіе отъ двора внушеніямъ графа Н. И. Салтыкова (бывшаго воспитателя двухъ старшихъ великихъ князей) и княгини Даш-

[1] См. стихотв. *Горѣлки* I, 547.

[2] По всей вѣроятности Державинъ ошибался также, думая, что Безбородко, передъ отпускомъ своимъ въ Москву, хотѣлъ передать ему важныя бумаги о престолонаслѣдіи послѣ Екатерины (VI, 635).

ковой. По его подозрѣнію, Салтыковъ, въ то время президентъ военной коллегіи, мстилъ ему за то, что въ слѣдствіе доноса одного донского чиновника Державинъ потребовалъ изъ коллегіи справокъ, которыя обнаружили въ ней взяточничество при производствахъ въ чины; а княгиня Дашкова не могла простить ему, что онъ помимо ея выхлопоталъ прибавочное жалованье служившему при Академіи наукъ механику Кулибину, котораго она преслѣдовала за неисполненіе какого-то ея желанія. Что Дашкова дѣйствительно обидѣлась такимъ, какъ ей казалось, вмѣшательствомъ Державина въ ея дѣла, видно изъ ея письма къ Безбородкѣ [1], въ которомъ она негодуетъ, что поэтъ въ указѣ назвалъ пожалованные Кулибину 900 руб. не пенсіею, а прибавкою къ академическому жалованью, и такимъ образомъ будто бы «отдалъ ее подъ команду Стрекалова»; вмѣстѣ съ тѣмъ Дашкова сѣтуетъ, что Державинъ «за прежнее ея къ нему доброе расположеніе» наговорилъ ей много непріятнаго. Другая вина его передъ нею, по его словамъ, состояла еще въ томъ, что онъ не умѣлъ или не хотѣлъ черезъ Зубова испросить награды нѣкоторымъ изъ ея подчиненныхъ за поднесенныя ими вещицы. Когда онъ, вскорѣ послѣ того, однажды вмѣстѣ съ женою пріѣхалъ къ княгинѣ, то услышалъ отъ нея такъ много грубостей и даже насчетъ императрицы столько непочтительнаго (напримѣръ, будто она подписывала указы не читая ихъ), что онъ поспѣшилъ уѣхать и прекратилъ съ Екатериною Романовною знакомство. Замѣтимъ, что по другому его разсказу онъ, въ слѣдствіе такого же пріема, сдѣланнаго ему княгинею Вяземскою, окончательно пересталъ посѣщать домъ генералъ-прокурора.

Кромѣ того, по его догадкамъ, неблаговоленіе къ нему государыни происходило отъ того, что онъ не могъ болѣе хвалить ее въ стихахъ, хотя она часто выражала ему намеками желаніе, чтобы онъ писалъ оды въ родѣ «Фелицы». Онъ сознается, что высокій идеалъ, который прежде издали представлялся ему въ Екатеринѣ, помрачился, когда онъ вблизи увидѣлъ ея человѣческія слабости и не было никакихъ особенныхъ дѣлъ, которыя бы воспламеня-

[1] V, 836.

ли его. Много разъ онъ брался за перо, запирался по недѣлѣ дома, но не былъ въ состояніи ничего произвести, чѣмъ бы самъ могъ быть доволенъ: все выходило слабо, холодно, натянуто, «какъ у цеховыхъ стихотворцевъ, у коихъ только слышны слова, а не мысли и чувства». Свое охлажденіе приписываетъ онъ также безпрестаннымъ дворскимъ интригамъ и «толчкамъ», которыми его раздражали. Къ этому относится написанное имъ тогда четверостишіе:

«Поймали птичку голосисту,
И ну сжимать ее рукой:
Пищитъ бѣдняжка вмѣсто свисту, —
А ей твердятъ: Пой, птичка, пой!» (III, 482).

Больно было Державину на собственномъ опытѣ разувѣриться въ справедливости слуха, «что будто завсегда возможно Фелицѣ правду говорить», убѣдиться, что даже и при ея лицѣ трудно выполнить завѣтъ доблестнаго *вельможи:*

«Змѣей предъ трономъ не сгибаться,
Стоять — и правду говорить». (I, 655).

Очерчивая тогдашнее положеніе свое при дворѣ, онъ разсказываетъ нѣсколько случаевъ въ доказательство, что Екатерина II въ своихъ дѣйствіяхъ часто руководилась болѣе разными личными соображеніями, желаніемъ угодить тому или другому изъ своихъ приближенныхъ, нежели попеченіемъ объ истинномъ благѣ государства и строгимъ правосудіемъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ однакожъ онъ отдаетъ справедливость милосердію Екатерины, ея снисходительности къ людскимъ слабостямъ, ея заботливости о страждущихъ и угнетенныхъ, ея умѣнью привлекать къ себѣ сердца и удивительному самообладанію, въ подкрѣпленіе чего предлагаетъ опять нѣсколько фактовъ. «Часто случалось», говоритъ онъ, «что она разсердится и выгонитъ отъ себя Державина, а онъ надуется, дастъ себѣ слово быть осторожнымъ иничего съ ней не говорить; но на другой день, когда онъ войдетъ, то она тотчасъ примѣтитъ, что онъ сердитъ: зачнетъ спрашивать о женѣ, о домашнемъ его быту, не хочетъ ли

онъ пить, и тому подобное ласковое и милостивое, такъ что онъ позабудетъ всю свою досаду и сдѣлается попрежнему чистосердечнымъ. Въ одинъ разъ случилось, что онъ, не вытерпѣвъ, вскочилъ со стула и въ изступленіи сказалъ: «Боже мой! кто можетъ устоять противъ этой женщины? Государыня, вы не человѣкъ. Я сегодня наложилъ на себя клятву, чтобъ послѣ вчерашняго ничего съ вами не говорить; но вы противъ воли моей дѣлаете изъ меня, что̀ хотите». Она засмѣялась и сказала: «Неужто это правда?» (VI, 660). Въ должности статсъ-секретаря[1] Державинъ пробылъ менѣе двухъ лѣтъ: 2-го сентября 1793 г., при празднованіи ясскаго мира, онъ былъ назначенъ сенаторомъ, при чемъ ему пожалованъ орденъ св. Владиміра 2-й ст. Послѣ того онъ еще нѣсколько разъ докладывалъ императрицѣ, но только по такимъ дѣламъ, которыхъ не успѣлъ кончить ранѣе. Къ числу ихъ принадлежало возбудившее въ свое время много толковъ дѣло откупщика Логинова, который въ 1770-хъ годахъ содержалъ питейные сборы. Благодаря особенному покровительству Потемкина, онъ снялъ откупъ безъ представленія залоговъ и безъ переторжки и, не имѣя денегъ, склонилъ въ Москвѣ комиссаріатскаго казначея Руднева дать ему въ ссуду 400,000 руб. изъ казенныхъ суммъ. Возникшее отсюда дѣло тянулось около 20 лѣтъ и наконецъ передано было Державину, который, сперва въ званіи статсъ-секретаря, а потомъ сенатора, способствовалъ къ правильному рѣшенію его вопреки всему сенату и тогдашнему генералъ-прокурору Самойлову, племяннику Потемкина: Логиновъ присужденъ былъ уплатить въ казну болѣе двухъ милліоновъ рублей.—Объ опредѣленіи, на мѣсто Державина, въ секретари императрицы Трощинскаго сохранилось слѣдующее преданіе[2]. Императрица спросила Безбородку, не можетъ ли онъ рекомендовать ей кого-

[1] Называя такъ должность Державина при императрицѣ, я слѣдую примѣру его самого и общему обыкновенію, но считаю нужнымъ оговориться, что званіе статсъ-секретаря было собственно установлено только при Александрѣ I; современники поэта, въ томъ числѣ и Карамзинъ, употребляли выраженіе: кабинетскій секретарь.

[2] Слышано отъ покойнаго князя Н. А. Цертелева.

нибудь въ эту должность. Безбородко указалъ на своего земляка и подчиненнаго, уже извѣстнаго государынѣ со времени крымскаго путешествія. Въ день мирнаго торжества Трощинскій неожиданно получилъ указъ о своемъ новомъ назначеніи. На первомъ докладѣ его императрица прежде всего дала ему прочесть бумагу о пожалованіи ему 1,700 крестьянъ. Тронутый докладчикъ бросился къ ногамъ своей благодѣтельницы. На вопросъ его, чѣмъ онъ заслужилъ такую милость, Екатерина будто бы отвѣчала: «Я слышала о вашей честности; на новомъ мѣстѣ вы встрѣтите много искушеній, а я хочу, чтобы вы оставались честны». До тѣхъ поръ у Трощинскаго было де не болѣе 30-ти душъ крестьянъ[1].

10. Литературная дѣятельность.

Во время приближенія своего къ императрицѣ Державинъ не посвятилъ похвалѣ ея ни одного крупнаго стихотворенія. Чѣмъ же выразился въ эту пору его поэтическій талантъ? Мы должны начать съ самаго возвращенія его въ Петербургъ. Естественно, что въ слѣдствіе сильныхъ впечатлѣній, испытанныхъ имъ въ предыдущіе годы, первыя стихотворенія, написанныя имъ по пріѣздѣ изъ Москвы, должны были носить автобіографическій оттѣнокъ. Прежде всего онъ, въ подражаніяхъ двумъ псалмамъ (1-му и 100-му), какъ бы излагаетъ житейскія правила, которымъ отнынѣ намѣренъ слѣдовать:

«Я милость воспою и судъ,
И возглашу хвалу я Богу;
Законы, поученье, трудъ,
Премудрость, добродѣтель строгу
И непорочность возлюблю». (I, 265).

Въ одѣ на *Коварство*, такъ заинтересовавшей Карамзина, поэтъ сперва хотѣлъ изобразить дурныхъ вельможъ, къ которымъ причислялъ своихъ гонителей, и противопоставить имъ

[1] О томъ, какъ Трощинскій дѣйствительно былъ опредѣленъ въ кабинетскіе секретари, см. *Сборн. Ист. Общ.* III, 5, и *Арх. кн. Воронцова* XIII, 277.

честныхъ сановниковъ. Поэтому-то Карамзинъ выражалъ сомнѣніе въ возможности напечатать ее. Идеаломъ полководца и вельможи Державинъ въ заключеніи выставляетъ Пожарскаго, называя его «мужъ великій мой». Это былъ издавна любимый герой нашего лирика: еще до 1780 года онъ началъ въ честь Пожарскаго эпическую поэму, а впослѣдствіи написалъ драматическое сочиненіе такого же содержанія. Въ наброскѣ задуманной поэмы онъ такъ характеризуетъ спасителя Москвы: «образъ совершеннаго героя, любителя отечества: великодушенъ, терпѣливъ, безкорыстенъ, милосердъ, щедръ, скроменъ, богочтителенъ». Когда разыгрались событія французской революціи, то Державинъ рѣшился примѣнить къ нимъ неконченную оду на *Коварство* и такимъ образомъ сгладить слѣды первоначально приданнаго ей личнаго характера. Тѣмъ не менѣе во многихъ стихахъ ея всетаки слышится голосъ негодованія на тѣ несправедливости, которыя самъ поэтъ испытывалъ. Таковы напримѣръ строфы, вылившіяся у него вѣроятно еще во время производства его дѣла въ Москвѣ и содержащія въ себѣ ясные намеки:

«О ты, который властью, саномъ
Себя желаешь отличить
И изъ пигмея великаномъ
Безсмертно въ лѣтописяхъ жить!
Хотя дѣла твои днесь громки,
Но если поздніе потомки
Путей въ нихъ правыхъ не найдутъ,
Не будешь помѣщенъ ты въ боги:
Несправедливыя дороги
Въ храмъ вѣчный славы не ведутъ....
«Доколь сіяніе короны
Страстямъ мрачить не возбранишь,
Священну вѣру и законы
И правый судъ не сохранишь;
Доколь не удалишь безчинность,
Доколь не защитишь невинность
И съ лихвой мзду не пресѣчешь;

«Доколѣ роскошь и пороки,
Какъ быстрые съ горы потоки,
Своимъ примѣромъ не прервешь,. . . .
Дотоль, о смертный! сколь ни звученъ
И сколь ты ни благополученъ,
Хоть славой до небесъ возникъ,
Хоть сѣлъ на тропѣ превысокомъ, —
Предъ любомудрымъ, строгимъ окомъ
Еще, еще ты не великъ!» (I, 321 — 324).

Покупка Державинымъ дома вызвала посланіе *ко второму сосѣду*. Надо припомнить, что въ 1780 году онъ написалъ свои удачные стихи *къ первому сосѣду*, откупщику Голикову, который жилъ противъ него па Сѣнной и кончилъ тѣмъ, что разорился отъ непомѣрной роскоши и корысти. *Вторымъ сосѣдомъ* Державина, когда онъ купилъ себѣ домъ на Фонтанкѣ, былъ управитель или повѣренный Потемкина Гарновскій, завѣдывавшій, между - прочимъ, его Таврическимъ домомъ и нажившій огромное состояніе. Строя себѣ великолѣпное зданіе, походившее на дворецъ, онъ презрительно смотрѣлъ на скромныя постройки, предпринятыя въ то же время новымъ сосѣдомъ, который поэтически упрекаетъ его въ томъ, что онъ своимъ пышнымъ зданіемъ застѣняетъ ему свѣтъ солнца и тѣснитъ заборъ безграничнымъ дворомъ. Поэтъ кончаетъ пророческой догадкой о будущей судьбѣ роскошнаго зданія:

«Быть можетъ, что сіи чертоги,
Назначенны тобой царямъ,
Жестоки времена и строги
Во стойла конски обратятъ». (I, 440).

Предвѣщаніе сбылось: когда, при императорѣ Павлѣ, Гарновскій былъ посаженъ въ крѣпость, домъ, проданный съ публичнаго торга, поступилъ въ казну и превращенъ въ казармы. По другую сторону дома Державина былъ домъ одного изъ братьевъ Зубовыхъ съ обширнымъ садомъ.

Ода *на умѣренность*, написанная во время статсъ-секретарства Державина, полна намековъ на тогдашнее его положеніе,

на императрицу, на Зубова и на разныя современныя обстоятельства. Такъ объ отношеніяхъ своихъ къ императрицѣ онъ говоритъ между-прочимъ:

«А ежелибъ когда и скучно
Меня изволилъ царь принять,
Любя его, я равнодушно
И горесть сталъ бы ощущать,
И шелъ къ нему опять *со вздоромъ* [1]
Суда и милости просить.
Равно, когдабъ и свѣтлымъ взоромъ
Со мной онъ вздумалъ пошутить
И у меня просить прощенья:
Не заплясалъ бы съ восхищенья,
Но съ разсужденьемъ удивлялся
Великодушію его» (I, 495).

Пьеса *Горьлки*, въ которой поэтъ обращается съ нравоученіемъ къ молодымъ великимъ князьямъ, написана подъ впечатлѣніемъ несчастнаго паденія его въ царскосельскомъ саду.

Прогулка въ Сарскомъ Селѣ, куда поэтъ ѣздилъ весною 1792 года вмѣстѣ съ Катериной Яковлевной, посвящена Карамзину и въ заключеніи поэтъ отъ пѣсенъ соловья обращается къ молодому писателю съ неожиданнымъ привѣтствіемъ:

«Доколь сидишь при розѣ,
О ты, дней красныхъ сынъ!
Пой, соловей! — И въ прозѣ
Ты слышенъ, Карамзинъ» (I, 427).

Получивъ эти стихи безъ подписи автора и сбираясь напечатать ихъ въ *Московскомъ Журналѣ*, Карамзинъ писалъ Дмитріеву: «Прогулку въ Сарскомъ селѣ получилъ и тотчасъ узналъ сочинителя. Я напечатаю ее въ августѣ (разумѣется, что имени моего тутъ не будетъ).... Однакожъ, не сказывай Г. Р., что я знаю автора». По поводу этой пьесы Погодинъ замѣчаетъ: «Державинъ — надо отдать ему справедливость — прежде всѣхъ

[1] Возраженіе императрицы: см. выше стр. 617.

современниковъ его, оцѣнилъ достоинство Карамзина... Карамзинъ не остался неблагодарнымъ, и въ этой же книжкѣ за августъ напечаталъ *Сельмскія пѣсни*, изъ твореній Оссіановыхъ, съ надписью: «Гаврилу Романовичу Державину посвящаетъ переводчикъ». (*Карамзинъ*, стр. 188).

Стихотвореніе *Любителю художествъ,* первоначально напечатанное въ *Московскомъ Журналѣ*, подъ заглавіемъ *Новый годъ — пѣснь дому, любящему ученіе,* восхваляетъ просвѣщенное отношеніе графа А. С. Строганова къ наукамъ и искуствамъ. Еще Бѣлинскій обратилъ въ этой одѣ вниманіе на слѣдующее мѣсто:

«Боги взоръ свой отвращаютъ
Отъ нелюбящаго Музъ;
Фуріи ему влагаютъ
Въ сердце черство грубый вкусъ,
Жажду злата и сребра:
Врагъ онъ общаго добра!
«Ни слеза вдовицъ не тронетъ,
Ни сиротъ несчастныхъ стонъ;
Пусть въ крови вселенна тонетъ,
Былъ бы счастливъ только онъ,
Больше бъ собралъ серебра:
Врагъ онъ общаго добра!
«Напротивъ того, взираютъ
Боги на любимца Музъ;
Сердце нѣжное влагаютъ
И изящный, нѣжный вкусъ;
Всѣмъ душа его щедра:
Другъ онъ общаго добра!» (I, 366).

По замѣчанію Бѣлинскаго, эти стихи (если оставить въ сторонѣ ихъ шероховатость) легко бы принять за переводъ изъ какой-нибудь пьесы Шиллера [1].

Въ посланіи *Львову* поэтъ, по слѣдамъ Горація, воспѣваетъ счастье друга въ сельскомъ уединеніи и искренія отношенія

[1] *Соч. Бѣлинскаго.* VII, 144.

между своимъ и его семействомъ. Львовъ отвѣчалъ стихами же. Надобно припомнить, что въ 1792 году Безбородко, возвратясь изъ Яссъ, засталъ на своемъ мѣстѣ Зубова и лишился прежняго значенія. Вѣроятно, еще во время его отсутствія Львовъ вышелъ въ отставку и поселился въ деревнѣ. Къ этому-то обстоятельству и относится посланіе Державина. Черезъ него Львовъ также познакомился съ Карамзинымъ и сдѣлался однимъ изъ сотрудниковъ *Московскаго Журнала*.

Посланіе Державина къ *Храповицкому* служитъ отвѣтомъ на стихи, съ которыми къ нему обратился этотъ давнишній его пріятель и сослуживецъ. Въ статсъ-секретарской должности они опять сблизились и жили рядомъ въ царскосельскомъ дворцѣ. Храповицкій, желая угодить императрицѣ, совѣтовалъ поэту писать въ похвалу ея и менѣе заниматься непріятными ей дѣлами Якоби и Логинова. Отвѣтъ Державина написанъ въ шуточномъ же тонѣ. Ты, говоритъ онъ, даешь мнѣ умный и очень выгодный совѣтъ, но если суждено, чтобы не Аполлонъ меня вдохновлялъ,

«Но я экстракты бъ сочинялъ,
Былъ чтецъ и пономарь Фемиды,
И ей служилъ предъ алтаремъ. . . .
«То какъ Якобія оставить,
Котораго весь міръ тѣснитъ?
Какъ Логинова дать оправить,
Который золотомъ гремитъ?
Боговъ пѣвецъ
Не будетъ никогда подлецъ.
«Ты самъ со временемъ осудишь
Меня за мглистый фиміамъ;
За правду жъ чтить меня ты будешь:
Она любезна всѣмъ вѣкамъ;
Въ ея вѣнцѣ
Свѣтлѣетъ царское лице». [1]

Стихи *Буря*, написанные Державинымъ при пожалованіи его

[1] I, 545.

въ сенаторы, были уже приведены нами въ другомъ мѣстѣ по біографическому ихъ значенію.

Политическія событія, вызвавшія въ разсматриваемый періодъ творчество Державина, были: взятіе Измаила, побѣда Репнина при Мачинѣ, бракосочетаніе великаго князя Александра Павловича, французская революція и казнь Людовика XVI.

Ода *на взятіе Измаила* замѣчательна не столько по изображенію геройскихъ подвиговъ русской арміи, мѣстами слишкомъ витіеватому, сколько по высказываемымъ поэтомъ мыслямъ о предназначеніи Россіи въ Восточномъ вопросѣ и о враждебномъ противодѣйствіи ей другихъ европейскихъ государствъ, которыя «тщатся помочь врагу Христову и измѣнить своей вѣрѣ».

Хотя Потемкинъ, отъѣзжая въ Петербургъ послѣ взятія Измаила, и не желалъ, чтобы въ отсутствіи его происходили какія-нибудь рѣшительныя военныя дѣйствія, однакожъ Репнинъ, пользуясь случаемъ, напалъ близъ Мачина на 80-титысячный турецкій корпусъ, разбилъ его и при Галацѣ подписалъ съ турецкими уполномоченными предварительныя условія мира. По этому поводу Державинъ превознесъ Репнина въ одѣ *Памятникъ герою*, которая по тону и по формѣ напоминаетъ оду Рѣшемыслу, посвященную похвалѣ Потемкина. Ода въ честь Репнина написана подъ впечатлѣніемъ недавняго чтенія переведенной Верѳвкинымъ книги о Конфуціи, или, какъ въ ней названъ этотъ мудрецъ, Кунъ-тсеѣ. Обращаясь вначалѣ къ музѣ Конфуція, поэтъ спрашиваетъ: не служатъ ли и памятники въ честь побѣдителей знаками жестокости людской?

«Развалины, могилы, пепелъ,
Черепья, кости имъ подобныхъ,
Не суть ли ихъ вѣнецъ и слава?»

Нѣтъ, отвѣчаетъ онъ: герои — друзья человѣчества, они «соль земли, во мракѣ звѣзды»:

«Они — великія зерцала
Богоподобныхъ слабыхъ смертныхъ».

И затѣмъ поэтъ представляетъ идеалъ героя. Только въ послѣдней строфѣ онъ уже прямо называетъ Репнина:

«Строй, Муза, памятникъ герою,
Кто мужественъ и щедръ душою,
Кто больше разумомъ, чѣмъ силой
Разбилъ Юсуфа за Дунаемъ,
Далъ малой тратой много пользы.
Благословись, Репнинъ, потомствомъ!»[1]

Похвала, содержащаяся въ этихъ стихахъ, относится къ тому, что Репнинъ искуснымъ маневромъ, т. е. занятіемъ горы, быстро рѣшилъ исходъ сраженія.

Ода *Памятникъ герою* была написана конечно еще при жизни Потемкина и тогда же отправлена отъ имени неизвѣстнаго къ Карамзину, который и напечаталъ ее въ октябрьской книжкѣ *Московскаго Журнала* съ заявленіемъ, что авторъ пожелалъ остаться неизвѣстнымъ. Таковъ былъ вообще обычай Державина; но на этотъ разъ онъ могъ имѣть еще и особенную причину скрыть свое имя — опасеніе не угодить Потемкину, который, какъ мы знаемъ, былъ такъ недоволенъ побѣдою при Мачинѣ и начатыми въ слѣдствіе ея мирными переговорами, что Репнинъ принужденъ былъ уѣхать въ Москву. Репнинъ былъ масономъ и потому ода Державина, какъ увѣряютъ, встрѣчена была очень сочувственно приверженцами этой секты, которыхъ было очень много въ Москвѣ.

Вѣсть о казни Людовика XVI произвела сильное впечатлѣніе не только на императрицу и дворъ, но и на все петербургское общество. Чувство общей скорби и негодованія отразилось въ двухъ новыхъ одахъ Державина, изъ которыхъ въ поэтическомъ отношеніи особенно замѣчательна *Колесница*, по множеству мыслей и картинъ, набросанныхъ могучею кистью.

Въ первоначальной ея редакціи нѣкоторыя мѣста значительно отличались отъ напечатаннаго текста; между-прочимъ, въ заключеніи, позднѣе измѣненномъ, поэтъ такъ обращался къ вѣн-

[1] I, 428.

чиннымъ возницамъ и всѣмъ держащимъ въ рукахъ бразды правленія:

«Учитесь изъ сего примѣру
Царями, подданными быть,
Блюсти законы, нравы, вѣру
И мудрости стезей ходить.
Учитесь, знайте: бунтъ народный,
Какъ искра, чуть сперва горитъ,
Потомъ ліетъ пожара волны,
Которыхъ берегъ небомъ скрытъ». (I, 530).

Впрочемъ эта ода была окончена не ранѣе 1804 года. Ода же *на панихиду Людовика XVI* была напечатана отдѣльно вскорѣ послѣ полученія рокового извѣстія. Панихида была отслужена, въ исходѣ марта мѣсяца, въ католической церкви по случаю пріѣзда въ Петербургъ графа д'Артуа. Въ этой одѣ особенно выдаются тѣ строфы (6 — 8), въ которыхъ окровавленная тѣнь короля является на лобномъ мѣстѣ съ рѣчью къ народу.

По поводу бракосочетанія Александра Павловича со старшею изъ пріѣхавшихъ въ Петербургъ (въ 1792 году) баденскихъ принцессъ Державинъ написалъ нѣсколько стихотвореній. Въ одѣ къ *Калліопѣ*, «царицѣ пѣсней», онъ воспѣваетъ красоту и любовь царственной четы, припоминая свое привѣтствіе «порфирородному отроку» при его рожденіи:

«Гордись, моя, гордися, лира,
Пророчествомъ теперь твоимъ;
Уже оно почти сбылося» [1]....

10-го мая 1793 года былъ сговоръ великаго князя. По этому случаю явилась пьеска *Амуръ и Псиxея*, написанная на хороводъ, называемый *Заплетися плетень*, во время котораго женихъ и невѣста такъ опутались лентою, что пришлось разрѣзать ее:

«Ни крылышкомъ Амуръ не тронетъ,
Ни лукомъ, ни стрѣлой;

[1] I, 509.

Психея не бѣжитъ, не стонетъ:
Свились, какъ листъ съ травой.

«Такъ будь, чета, вѣкъ нераздѣльна,
Согласіемъ дыша:
Та цѣпь тверда, гдѣ сопряженна
Съ любовію душа»[1].

Напечатанные тогда же, эти стихи были положены на музыку и пѣты въ присутствіи императрицы.

Такой же чести удостоилась *пѣснь брачная четѣ порфирородной*, подражаніе псалму, написанная на совершившееся 28-го сентября бракосочетаніе; въ ней поэтъ удачно предрекаетъ характеръ царствованія Александра I, не исключая и ознаменовавшихъ эту эпоху европейскихъ войнъ:

«Самъ Богъ тебя благословляетъ,
Величествомъ въ тебѣ сіяетъ,
И при бедрѣ твой сильный мечъ:
Блеснешь ты имъ — и ополчишься,
Въ защиту правды устремишься
Невинныхъ стонъ и вопль пресѣчь.

«Ты бросишь громы изъ десницы,
Отъ запада къ вратамъ денницы
Покажешь чудеса, герой!
Разсыплешь изощренны стрѣлы,
Распространишь твои предѣлы,
Попрешь враговъ своей ногой.

«Престолъ твой Богомъ утвердится,
Щедротой скипетръ позлатится,
Явишься ты царемъ сердецъ»[2] и т. д.

Здѣсь мѣсто упомянуть и о двухъ стихотвореніяхъ въ честь Державина, напечатанныхъ въ *Московскомъ Журналѣ*. Одно изъ

[1] I, 538.
[2] I, 555.

нихъ (ч. V, стр. 175) озаглавлено: «*Къ честному человѣку*», другое (ч. VIII, 202): «*Доброму человѣку*». Первое принадлежитъ перу Дмитріева, какъ видно изъ подписи *И.*, которую находимъ подъ всѣми тогдашними его стихами[1]; авторъ другого неизвѣстенъ. Обѣ пьесы сочинены очевидно по поводу назначенія Державина въ должность секретаря императрицы. Дмитріевъ такъ привѣтствуетъ почитаемаго имъ поэта:

«Что слышу? О пріятна вѣсть!
Питомецъ Аонидъ любимый,
Порока врагъ непримиримый,
Стяжалъ заслугой нову честь!
Излейте, звуки скромной лиры,
Сердечну радость вы мою!
А вы несите ихъ, зефиры,
Къ тому, котораго пою».

Потомъ рѣчь идетъ о вдовицахъ и воинахъ, которымъ онъ оказываетъ помощь, о спасаемыхъ имъ юношахъ, которые, предавшись разврату и впавши въ нищету, уже готовы были поднять на себя руку; въ концѣ обращеніе къ Музамъ:

«Сойдите съ Пиндовой вершины
И предъ лицомъ Екатерины
Воспойте должну Ей хвалу:
Коварства посрамя хулу,
Она токъ милостей сугубитъ
Къ тому, кого самъ вождь вашъ любитъ
И кто симъ богомъ предызбранъ
Предать безсмертью въ пѣсняхъ лирныхъ
Владычицу морей обширныхъ,
Пяти державъ [2] и многихъ странъ».

[1] Около этого времени Карамзинъ писалъ къ Ивану Ивановичу: «Пожалуй скажи, знаетъ ли нашъ любезной Державинъ, что *И.* въ Московскомъ Журналѣ означаетъ И. И. Дмитріева» (*Письма къ Дм.*, стр. 21).

[2] Т. е. Россіи, Польши, Финляндіи, Крыма и Грузіи.

Стихи *Доброму человѣку*, какъ можно заключать уже по заглавію, написаны подъ вліяніемъ предыдущихъ. Вначалѣ говорится:

«Блаженъ, кто средь честей блестящихъ
Не принимаетъ ихъ цѣпей;
Кто въ царскомъ теремѣ богатомъ,
Не измѣняяся въ лицѣ,
Идетъ по золотымъ помостамъ
Затѣмъ лишь чтобъ творить добро!
. . . .
Пріявъ въ себя и стонъ вдовицы,
И слезы молодыхъ сиротъ,
Ты самъ несешь ихъ ко престолу,
Отъ коего склоня стезю,
Златую къ нимъ ты льешь струю.
Когда же, должности исполня,
Въ своемъ тулупѣ голубомъ
Ты сядешь на диванъ зеленый
И духъ свой, благомъ восхищенный,
Плѣняешь гласомъ лирныхъ струнъ:
Склоняешь ты съ небесъ перунъ!»

Какъ Дмитріевъ, въ своей пьесѣ, намекнулъ на оду *Коварство*, которая тогда занимала Державина, такъ неизвѣстный авторъ, въ заключеніи своего посланія, припоминаетъ *Водопадъ:*

«Когда жъ тебя поля и селы
Въ гостяхъ увидятъ у себя,
На посохѣ тогда покоясь
При *водопадѣ* въ лѣтній день,
Какъ солнца лучъ во всякой каплѣ[1],
Ты въ каждомъ мигѣ дней твоихъ
Увидишь память дѣлъ благихъ
И смерть съ улыбкою ты встрѣтишь!»

[1] Ср. стихъ оды Богъ: «Какъ солнце въ малой каплѣ водъ».

Все доказываетъ, что въ то время Державинъ пользовался громкою славой. Кромѣ поэтическаго таланта его, къ тому много способствовали и внѣшнія обстоятельства его жизни — шумъ, какого надѣлало въ обществѣ сперва отрѣшеніе, потомъ оправданіе его и приближеніе къ императрицѣ по званію ея статсъ-секретаря. Въ числѣ просителей, которыхъ разумѣется множество стало обращаться къ нему, были и писатели, между прочимъ старый его знакомый Херасковъ и бывшій его начальникъ по казанской гимназіи Веревкинъ. Хераскова обвиняли въ мартинизмѣ; Державинъ вступился за него передъ Зубовымъ, и авторъ *Россіяды* благодарилъ поэта за «доставленіе ему мецената». Веревкину Державинъ выхлопоталъ еще въ 1791 г. позволеніе (V, 830) печатать переводы его, до 300 листовъ ежегодно, на счетъ Кабинета, съ платою за каждый печатный листъ по 10 руб. Печатаніе, по соглашенію съ княгиней Дашковой, должно было производиться въ академической типографіи[1]. Въ слѣдующемъ году Веревкинъ уже хлопочетъ о томъ, чтобы Державинъ помогъ ему перевести печатаніе въ другую типографію. Въ іюнѣ 1792 онъ опять проситъ поэта исходатайствовать ему черезъ Салтыкова и Зубова средства продолжать переводъ многотомнаго сочиненія «Полная картина Оттоманской имперіи» и перевести всю Энциклопедію. Любопытна при этомъ оговорка его: «Возразятъ ли мнѣ: «Какой вздоръ! одному человѣку да и старику переводить такое море!...» Прошу только одного года сроку: кто перевелъ уже 168 томовъ, довольно вальяжныхъ, тотъ всеконечно переведетъ по одному, а можетъ-быть и по два тома Энциклопедіи на каждый годъ. Еще могутъ сказать: *Да какъ исполнить сіе? надобно имѣть переводчику универсальную ученость.* Отвѣчаю: совопрошался и наставляяся съ учеными людьми разныхъ профессій и возвѣщая имена таковыхъ примѣчаніями. Только бы высочайше повелѣла тридцатилѣтняя моя съ семействомъ Питательница, подобно же или инако, по ея единому святому благоизволенію, допропитывать меня немногіе годишки, жить мнѣ остающіеся».

Нѣсколько позже Веревкинъ доставилъ Державину списокъ

[1] V, 780, 783.

своихъ сочиненій и, называя себя его *взысканцемъ*, выражалъ желаніе получить пенсію [1].

11. Знакомство съ Коцебу и съ Мертваго.

Около этого времени съ Державинымъ сблизился переселившійся въ Россію съ 1782 года веймарскій уроженецъ Августъ Коцебу. Онъ рѣшился познакомить Германію съ замѣчательнѣйшимъ русскимъ поэтомъ и въ 1792 напечаталъ на нѣмецкомъ языкѣ отдѣльно сперва *Видѣніе мурзы* (Der Traum des Mursa), а потомъ *Изображеніе Фелицы* (Felizens Bild). Карамзинъ, заявляя въ своемъ журналѣ о выходѣ въ свѣтъ перваго перевода, похвалилъ его и отозвался о Коцебу, какъ объ одномъ изъ талантливыхъ представителей германской поэзіи, хорошо знающимъ русскій языкъ. Что касается перевода «Изображенія Фелицы», то въ *Московскомъ Журналѣ* было замѣчено: «Строгая нѣмецкая критика (въ Енскихъ Ученыхъ Вѣдомостяхъ) не весьма довольна переводомъ, находя въ немъ нѣкоторыя неисправности и слабые прозаическіе стихи.... Онъ (т. е. Коцебу), переведетъ можетъ-быть и другія сочиненія нашего поэта, которыя еще болѣе увѣрятъ нѣмецкую публику въ томъ, что воображеніе Русскихъ не хладѣетъ отъ жестокихъ морозовъ ихъ климата. Всѣ писатели должны конечно думать сперва о благоволеніи *своей* публики, но пріятно, когда имена ихъ сдѣлаются извѣстны и въ другихъ земляхъ» [2]. Около того же времени Карамзинъ писалъ къ Дмитріеву: «Увѣдомь, въ Петербургѣ ли Коцебу [3]? Гаврила Романовичъ можетъ поздравить себя съ такимъ хорошимъ переводчикомъ. Онъ имѣетъ *жени*, духъ и силу. Я желалъ бы знать его лично».

Въ 1793 году Коцебу напечаталъ въ Лейпцигѣ уже цѣлый сборникъ переведенныхъ имъ сочиненій Державина подъ заглавіемъ: «Gedichte des Herrn Staatsraths von Derschawin, über-

[1] V, 789, 797.
[2] *М. Ж.* VII, 256.
[3] Онъ былъ на службѣ въ Ревелѣ.

setzt von A. v. Kotzebue». Итакъ, по странной случайности, первое собраніе стихотвореній нашего поэта (не считая его раннихъ опытовъ, извѣстныхъ подъ именемъ Читалагайскихъ одъ) появилось на иностранномъ языкѣ. Экземпляръ этого томика, изданнаго съ портретомъ Державина, былъ посланъ имъ Карамзину, который, поздравляя его съ пожалованіемъ въ сенаторы, благодарилъ за подарокъ: «Съ великимъ удовольствіемъ», писалъ онъ, «читалъ я всѣ піесы и радовался, узнавая мысли россійскаго поэта въ нѣмецкихъ выраженіяхъ» [1].

Есть поводъ думать, что прежде того Державинъ, при опредѣленіи своемъ къ императрицѣ, приглашалъ Карамзина въ секретари къ себѣ. Карамзинъ, сначала колебавшійся, какъ поступить [2], скоро однакожъ принялъ рѣшеніе, отъ котораго никогда уже не отступалъ, — избѣгать всякихъ обязательныхъ занятій, чтобы имѣть возможность всецѣло посвящать себя литературѣ. Не получивъ его согласія, Державинъ повидимому обратился съ тѣмъ же предложеніемъ къ Коцебу. Что объ этомъ по крайней мѣрѣ говорили, видно изъ письма Петрова къ Карамзину: «Коцебу скоро будетъ въ Петербургѣ: онъ переводитъ сочиненія Гаврила Романовича; но что будетъ жить у Г. Р. въ домѣ, этого я не слыхалъ; напротивъ того я слышалъ, что П. А. Зубовъ беретъ его себѣ въ секретари» [3].

Изъ этого можно заключить, что Державинъ рекомендовалъ своего почитателя Зубову, но дѣло почему-то не устроилось [4].

[1] V, 820.

[2] Въ письмѣ къ Дмитріеву, относящемся очевидно къ самому концу 1791 года, Карамзинъ говорилъ: «Державинъ взятъ въ кабинетскіе секретари, пишетъ ко мнѣ и зоветъ меня въ Петербургъ. Пожалуйте, пріѣзжайте въ Симбирскъ; тамъ поговоримъ обо всемъ» (*Письма къ Дмитріеву*, стр. 16).

[3] *Р. Арх.* 1863, стр. 486.

[4] Старшимъ чиновникомъ при Державинѣ окончательно опредѣленъ былъ подполковникъ Николай Резановъ (см. о немъ въ Томахъ V и VI); кромѣ его, при Гаврилѣ Романовичѣ, въ бытность его кабинетскимъ секретаремъ, состояли: секундъ-майоръ Матвѣй Савинскій (бывшій при немъ и прежде); колл. секретарь Иванъ Маклаковъ; переводчикъ капитанъ Евграфъ Озеровъ; коллежскій переводчикъ Антонъ Рашетъ; регистраторъ Алексѣй Мукинъ; кабинетъ-курьеръ Иванъ Константиновскій (сверх-

Коцебу отправился на службу въ Ригу, куда Репнинъ, навлекшій на себя неудовольствіе Екатерины за участіе въ масонствѣ, былъ назначенъ генералъ-губернаторомъ и тѣмъ какъ бы удаленъ въ почетную ссылку.

Въ началѣ 1793 года Державинъ просилъ его доставить Коцебу мѣсто губернскаго прокурора. Репнинъ отвѣчалъ очень учтиво, что этому мѣшаетъ недостаточное знакомство Коцебу съ русскимъ языкомъ и русскими законами, такъ что «онъ неумышленно можетъ упущенія дѣлать въ порядкѣ надлежащемъ или запутать правительство.... Хотя же г. Коцебу и переводилъ съ русскаго на нѣмецкій языкъ разныя сочиненія, но оное можетъ дѣлаться съ помощію лексикона и совѣта другихъ людей, коей помощи въ должности прокурора употреблять нельзя, и времени къ тому не достанетъ. Вотъ, м. г. мой, резоны мои; а затѣмъ осмѣлюсь у васъ просить той дружеской довѣренности, чтобы вы мнѣ поручили жребій г. Коцебу. Я постараюсь ему въ иномъ случаѣ служить, и уповаю, что онъ отъ того ничего не потеряетъ» [1].

Изъ другого письма Репнина, писаннаго въ концѣ того же года, видно, что онъ предлагалъ Коцебу мѣсто совѣтника одной изъ палатъ, но что тотъ просился въ предсѣдатели земскаго суда, который, какъ выражался Репнинъ, «имѣетъ свой назначенный роспускъ» (вакантное время), почему Коцебу и надѣялся имѣть въ этой должности досугъ «упражняться въ наукахъ, коихъ однакожъ», прибавлялъ генералъ-губернаторъ, «имперія Россійская отъ него не требуетъ: каковаго неусерднаго расположенія хотя я отнюдь въ человѣкѣ служащемъ не апробую, но по искреннему желанію дѣлать вамъ угодность исполнилъ бы однакожъ и сіе требованіе, коли бы мнѣ возможно было; но поелику верхній земскій судъ есть точно судъ дворянства, почему заклю-

штатный). Затѣмъ при Державинѣ сверхъ комплекта служили безъ жалованья еще три канцелярскіе чиновника: Андрей Шмитъ, Христіанъ Виттъ и Егоръ Бергъ,—всего 12 человѣкъ. При пожалованіи Державина въ сенаторы, всѣмъ имъ надо было пріискать другія мѣста. Резановъ въ началѣ 1794 года уволенъ въ Иркутскъ.

[1] V, 806.

чите сами, что если въ немъ на мѣсто председателя поставленъ будетъ пусть хотя дворянинъ, какъ о себѣ г. Коцебу сказываетъ, но чужестранецъ, то симъ непремѣнно все эстляндское дворянство крайне обидится, тѣмъ болѣе что тотъ судъ точно замѣняетъ бывшій ихъ гофгерихтъ, который николи иначе, какъ изъ дворянства эстляндскаго, составлялся. Въ слѣдствіе чего я никого, кромѣ эстляндскаго дворянина, изъ пристойнаго уваженія къ дворянскому ихъ корпусу, на сіе мѣсто представить не могу; а сверхъ того не хочу, по участію, которое вы въ г. Коцебу берете, скрыть отъ вашего превосходительства, что онъ недавно писалъ ко мнѣ письмо весьма непристойное и крайне дерзкое въ его разсужденіяхъ о правительствѣ, говоря, что чины здѣсь за деньги покупаются, на которое я ему въ отвѣтъ сдѣлалъ строгой выговоръ: хотя сіе никому не извѣстно, но я счелъ обязанностію вамъ о томъ въ откровенности и по дружбѣ сообщить [1].

Любопытно, что и сама императрица въ письмахъ къ Гримму неблагосклонно отзывалась о Коцебу, жалуясь, что онъ недобросовѣстно исполнялъ свои служебныя обязанности, часто бывалъ въ отпуску и всѣхъ заставлялъ просить за себя. «У насъ», заключала она, «онъ слыветъ завзятымъ пруссакомъ и имѣлъ много сношеній съ королемъ Вильгельмомъ, который, въ качествѣ всемірнаго покровителя, вѣроятно чествовалъ его какъ талантливаго человѣка и литератора» [2].

Въ томъ же году, когда Коцебу знакомилъ Германію съ произведеніями новаго русскаго поэта, другой нѣмецъ, ученый Шторхъ, уроженецъ города Риги, бывшій на службѣ въ Петербургѣ, говоря о русской литературѣ въ своей книгѣ «Gemählde von St.-Petersburg» (II, 231), перепечаталъ переводъ *Видѣнія мурзы* и слѣдующимъ образомъ охарактеризовалъ Державина: «Между живущими нынѣ поэтами повидимому ни одинъ не можетъ такъ справедливо расчитывать на безсмертіе, какъ г. Державинъ, столько же уваженія заслуживающій государственный мужъ, патріотъ и другъ человѣчества, какъ и любви достойный

[1] V, 829.

[2] *Сборн Истор. Общ.* XXIII, 504 и 516.

писатель. При неутомимой дѣятельности на обширномъ и важномъ поприщѣ онъ еще находитъ возможность посвящать свободныя минуты музамъ и обогащать отечественную литературу произведеніями своего оригинальнаго, усовершенствованнаго высшимъ образованіемъ таланта. Своебытность, тонкость и изящество составляютъ отличительныя черты этого писателя; неподражаемы гармонія его дикціи и благозвучіе его легкаго стиха; онъ умѣлъ сочетать роскошнѣйшее воображеніе съ самымъ очищеннымъ вкусомъ. Такъ судятъ о немъ знатоки».

Какъ высоко тогда уже цѣнили въ Россіи поэзію Державина, доказывается между-прочимъ тѣмъ, что нѣкоторыя стихотворенія его, появившіяся либо отдѣльно (*Изображеніе Фелицы*, *На шведскій миръ*), либо въ «Московскомъ Журналѣ» (*Видѣніе мурзы*, *Хоры, пѣтые на праздникѣ Потемкина*, и др.), перепечатывались княгинею Дашковою въ *Новыхъ Ежемѣсячныхъ Сочиненіяхъ*.

Между тѣмъ его стихотворенія вновь издавались также то въ Москвѣ, то въ основанной имъ провинціальной типографіи. Тамбовскій пріятель его Ниловъ въ іюлѣ 1792 писалъ ему: «напечатанная въ нашей типографіи лирическая пѣснь Россу [1] перепечатана въ Москвѣ и выпущена въ продажу, почему нашихъ почти и не покупали. Съ первою оказіею пришлю къ вамъ одинъ экземпляръ московской, который я нарочно купилъ у книгопродавца на тамбовской ярмонкѣ. Видѣлъ я также и оду Богъ, напечатанную тамъ же особливою тетрадкою. Постарайтесь, батюшка, отвратить сіе злоупотребленіе» [2].

Въ то время, когда Державинъ занималъ мѣсто кабинетскаго секретаря, съ нимъ познакомился пріѣхавшій изъ отдаленной провинціи сравнительно еще молодой человѣкъ, который впослѣдствіи пріобрѣлъ на службѣ почетное имя, а не такъ давно сдѣлался и въ литературѣ извѣстенъ своими записками. Это былъ уроженецъ Оренбургскаго края, Дмитрій Борисовичъ Мертваго. Крест-

[1] *Ода на взятіе Измаила.*

[2] V, 796.

никъ его С. Т. Аксаковъ называетъ его «въ обширномъ и строгомъ смыслѣ честнѣйшимъ человѣкомъ, котораго вся жизнь была борьба правды и чести съ ложью и подлою корыстью»[1]. Мертваго служилъ въ Уфѣ совѣтникомъ губернскаго правленія и, имѣвъ тамъ разныя непріятности по службѣ, пріѣхалъ въ Петербургъ для оправданія себя передъ бывшимъ уфимскимъ генералъ-губернаторомъ, графомъ О. А. Игельстромомъ. Сблизившись здѣсь съ Державинымъ, онъ помѣстилъ въ своихъ запискахъ разсказъ объ этомъ знакомствѣ, составляющій важное свидѣтельство для оцѣнки нашего поэта, какъ человѣка. «Съ перваго же раза Державинъ обошелся со мною хорошо», говоритъ онъ, «и дозволилъ мнѣ имѣть свободный входъ въ его домъ. Вскорѣ случилось мнѣ разсуждать съ нимъ о дѣлахъ; понятія мои ему понравились; онъ откровенно мнѣ это высказалъ и изъявилъ желаніе быть чаще со мною. Пользуясь этимъ дозволеніемъ, я, часто бывая у него въ домѣ, познакомился съ нимъ коротко». Они сообщили другъ другу печальные опыты, вынесенные ими изъ своихъ служебныхъ отношеній, и Державинъ показалъ своему новому пріятелю «объясненія», которыя подавалъ сенату о дѣлахъ Тамбовской губерніи. Мертваго просилъ его совѣта, что̀ предпринять по своимъ обстоятельствамъ. «Если не желаете мщенія», отвѣчалъ Гаврила Романовичъ, «то бросьте все это, потому что дѣло пустое». Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ обѣщалъ постараться вывести Мертваго изъ Оренбургской губерніи. Записки послѣдняго продолжаютъ:

«День ото дня дѣлаясь знакомѣе съ этимъ человѣкомъ, достойнымъ всякаго почтенія и бывая съ нимъ часто по нѣскольку часовъ наединѣ, я наслаждался умными его разсужденіями, клонящимися къ добру, восхищался его довѣренностью и былъ счастливъ знаками его ко мнѣ дружества. Жена подобно ему не родилась обыкновенною въ свѣтѣ женщиною; пылкость ея разума и воображенія и обширныя познанія украшали прекрасное ея тѣло и давали блескъ валикодушному и щедролюбивому ея сердцу. Страстная ея любовь къ мужу, а еще болѣе къ славѣ воз-

[1] «Воспоминанія о Д. Б. Мертваго» въ *Р. Вѣст.* 1857 г., май, стр. 125.

вышала душу Державина, дѣлала разумъ его дѣятельнѣйшимъ къ добру» [1].

Въ то время Зубовъ искалъ письмоводителя, и ему предложили на эту должность Мертваго. Державинъ сталъ хлопотать о помѣщеніи его не только при Зубовѣ, но и въ какое-нибудь званіе при Кабинетѣ, чтобы дать болѣе прочности его положенію. Но это до того не понравилось новому правителю кабинетскихъ дѣлъ, что онъ не захотѣлъ принять Мертваго и въ письмоводители. Пріятель Державина возвратился въ Уфу къ прежней должности.

Дружескія отношенія къ Мертваго не охлаждались уже во всю жизнь Державина, который не разъ имѣлъ случай оказывать ему важныя услуги, и въ началѣ царствованія императора Александра Павловича доставилъ ему мѣсто главнаго надзирателя крымскихъ соляныхъ озеръ. Съ своей стороны Мертваго, пока оставался въ Оренбургскомъ краю, отплачивалъ Державину тѣмъ, что имѣлъ наблюденіе за дѣлами тамошней его деревни и устроеннаго въ ней винокуреннаго завода.

Извѣстно, что покойный С. Т. Аксаковъ былъ однимъ изъ самыхъ пламенныхъ почитателей Державина. Въ своемъ «воспоминаніи» о Мертваго онъ разсказываетъ, что однажды, въ 1808 году, когда послѣдній служилъ уже въ Петербургѣ генералъ-провіантмейстеромъ, онъ, Аксаковъ, увидѣлъ въ его кабинетѣ надъ письменнымъ столомъ видъ принадлежавшаго Державину сельца Званки, и между ними завязался разговоръ о знаменитомъ поэтѣ. Аксаковъ восторженно прочелъ наизусть нѣсколько одъ его, а Мертваго, посадивъ своего крестника па диванъ, «разсказалъ про свое знакомство съ Державинымъ, прибавя, что онъ не только великій стихотворецъ, приносящій честь и славу своему отечеству, но и честный сановникъ и добрѣйшій человѣкъ, и что все, что говорятъ про него дурного, — выдумка подлыхъ клеветниковъ и завистниковъ» [2].

[1] *Автобіографическія Записки Д. Б. Мертваго.* М. 1867. Стр. 67.

[2] *Русск. Вѣстн.* 1865, май, стр. 130.

12. Сенаторъ и президентъ коммерцъ-коллегіи.

Званіе сенатора (по межевому департаменту) съ чиномъ тайнаго совѣтника и пожалованіемъ одного изъ высшихъ орденовъ не удовлетворяло честолюбія Державина. Передъ тѣмъ императрица и Зубовъ разговаривали съ нимъ о предстоявшемъ назначеніи новаго генералъ-прокурора, и по ихъ пристальнымъ на него взглядамъ онъ заключилъ, что при этомъ именно его и имѣли въ виду. Послѣ того Зубовъ призывалъ его къ себѣ и отъ имени государыни совѣтовался съ нимъ, кого бы избрать въ эту должность: Державинъ отвѣчалъ, что это зависитъ отъ воли ея величества, но въ душѣ находилъ, что никто не имѣлъ па то такого права какъ онъ, почти цѣлый годъ уже дѣлавшій замѣчанія па меморіи сената[1]. Къ удивленію своему, однакожъ, онъ на слѣдующее утро услышалъ отъ Зубова, что преемникомъ князя Вяземскаго назначенъ племянникъ Потемкина, А. Н. Самойловъ. Вслѣдъ затѣмъ Державинъ былъ позванъ къ императрицѣ, и на вопросъ ея, записывалъ ли онъ свои примѣчанія на «сенатскія ошибки», какъ она приказывала, отвѣчалъ утвердительно.— «Принеси же ихъ завтра ко мнѣ». — Записки были представлены; черезъ нѣсколько дней государыня лично возвратила ихъ съ своимъ одобреніемъ, сказавъ: «Отдай ихъ новому генералъ-прокурору и объяви отъ меня, чтобъ онъ поступалъ по нимъ, и во всѣхъ бы дѣлахъ совѣтовался съ тобою». Вскорѣ она подтвердила это приказаніе самому Самойлову, который и заявилъ о томъ Державину. Въ слѣдствіе того Гаврила Романовичъ былъ нѣсколько разъ приглашаемъ на совѣтъ къ генералъ-прокурору, но такъ какъ они въ мнѣніяхъ своихъ часто не сходились, а притомъ Самойловъ совершенно подчинился вліянію правителя своей канцеляріи (П. А. Ермолова, отца извѣстнаго полководца), то разладъ между генералъ-прокуроромъ и Державинымъ сдѣлался неизбѣженъ. (III, 633).

[1] Предположенія Державина были не безъ основанія. Въ августѣ 1792 года Бантышъ-Каменскій писалъ Куракину, что въ преемники кн. Вяземскому избраны кандидаты: отъ совѣта — Васильевъ, *Державинъ* и Зубовъ старикъ, отъ государыни—Поповъ и *Державинъ*. *Р. Арх.* 1876 г. III, 273.

Къ этому присоединилось еще то обстоятельство, что при раздѣлѣ оставшихся послѣ Потемкина въ польскихъ губерніяхъ имѣній, Самойловъ, въ ущербъ другихъ племянниковъ и племянницъ покойнаго, хотѣлъ присвоить себѣ несоразмѣрно выгоднѣйшіе участки. Никто изъ сонаслѣдниковъ, не исключая даже и столь близкой къ Екатеринѣ графини Браницкой, не въ силахъ былъ противоборствовать генералъ-прокурору. Наконецъ, по желанію этой дамы, Державинъ отъ имени ея подалъ просьбу въ 3-й департаментъ сената; по происшедшему тамъ разногласію дѣло перенесено было въ общее собраніе и единогласно рѣшено въ пользу графини и ея соучастниковъ. По этому поводу Самойловъ имѣлъ съ Державинымъ весьма крупное объясненіе. Явные слѣды бывшей между ними розни можно найти и въ тогдашнихъ произведеніяхъ нашего поэта. Такъ, по собственному его объясненію, къ Самойлову относятся слѣдующіе стихи *Вельможи:*

«Какихъ ни вымышляй пружинъ,
Чтобъ мужу бую умудриться,
Не можно вѣкъ носить личинъ,
И истина должна открыться». (I, 626).

То же надобно сказать и о нѣкоторыхъ мѣстахъ оды *Афинейскому витязю*, гдѣ поэтъ примѣняетъ къ Самойлову мысль, что свѣтъ Кулибинскаго фонаря уменьшается по мѣрѣ приближенія къ нему, и въ примѣчаніи прямо говоритъ, что онъ мѣтилъ «на знатнаго человѣка или министра, который вдали гремитъ своимъ умомъ и своими способностями, но коль скоро короче его узнаешь, то увидишь, что онъ ничего собственнаго не имѣетъ, а умъ его и таланты заимствуются отъ окружающихъ его людей, т. е. секретарей и т. п.»

Хотя Державинъ и не совсѣмъ былъ доволенъ своимъ новымъ званіемъ, однакожъ онъ просилъ Зубова выразить императрицѣ свою благодарность за это назначеніе. Зубовъ, разсказываетъ онъ, очень удивился тому, такъ какъ сенатъ «приближенными къ государынѣ вельможами или, лучше сказать, ею самой доведенъ былъ до крайняго униженія или презрѣнія».—«Неужто доволенъ?» спросилъ Зубовъ. — «Какъ же», отвѣчалъ онъ,

«бѣдному дворянину, безъ всякаго покровительства служившему съ самаго солдатства, не быть довольну, что онъ посаженъ на стулъ сенатора Россійской имперіи? Ежели кто почитаетъ ихъ (т. е. сенаторовъ) ничтожными, то я сумѣю снискать себѣ уваженіе». Какъ онъ смотрѣлъ на нѣкоторыхъ изъ своихъ сочленовъ, видно изъ собственнаго его примѣчанія къ извѣстнымъ стихамъ оды *Вельможа*:

«Оселъ останется осломъ,
Хотя осыпь его звѣздами:
Гдѣ должно дѣйствовать умомъ,
Онъ только хлопаетъ ушами».

Въ запискахъ своихъ Державинъ говоритъ, что во все время служенія въ званіи сенатора онъ, не взирая ни на какія лица и обстоятельства, строго стоялъ за соблюденіе правды и законовъ и велъ постоянную борьбу то съ самими сенаторами и даже генералъ-прокурорами, когда они дѣйствовали вопреки своимъ обязанностямъ, то съ оберъ-прокурами и оберъ-секретарями. Неутомимое усердіе его къ исполненію долга простиралось до того, что онъ ѣздилъ въ сенатъ даже по воскресеньямъ и праздникамъ, и тамъ «наединѣ прочитывалъ кипы бумагъ, дѣлалъ на нихъ замѣчанія, сочинялъ записки или и самые голоса» [1]. Во всемъ этомъ нельзя не подтвердить собственнаго его свидѣтельства, хотя его правдолюбіе и выражалось вообще въ слишкомъ рѣзкихъ, а иногда и грубыхъ формахъ, и подавало поводъ къ бурнымъ сценамъ. Представимъ бѣглый очеркъ двухъ-трехъ дѣлъ, по которымъ онъ, во время своей дѣятельности въ сенатѣ, съ особенной энергіей отстаивалъ правую сторону.

Упорство его въ защитѣ своихъ мнѣній видно между-прочимъ изъ его переписки съ Зубовымъ и Самойловымъ по дѣлу о земляхъ, пожалованныхъ въ Саратовской губерніи Потемкину, а потомъ доставшихся покупкою капитану Шемякину. На этихъ земляхъ жило до 3,000 Малороссіянъ, которые, поселясь тамъ давно и получивъ въ собственность землю, считали себя свобод-

[1] VI, 678.

ными; Шемякинъ же доказывалъ свое право владѣть ими, какъ крѣпостными, на томъ основаніи, что они, послѣ бывшаго между ними возмущенія, военною силою приведены были въ покорность князю Потемкину и дали подписку повиноваться ему.

Въ сенатѣ произошло по этому дѣлу разногласіе. Державинъ и съ нимъ меньшинство сенаторовъ, противъ Завадовскаго и его партіи, находили, что помянутая подписка взята была у Малороссіянъ насильно «чрезъ многіе побои и истязанія», что зе́мли у нихъ были отобраны и отданы князю несправедливо подъ предлогомъ негодныхъ, и потому они должны быть признаны вольными, принадлежащими казнѣ, которая въ противномъ случаѣ лишалась болѣе 100,000 руб., числившихся на нихъ въ недоимкѣ.

При разсмотрѣніи этого дѣла въ сенатѣ оберъ-прокуроръ Башиловъ, подавъ предложеніе къ соглашенію мнѣній, присоединилъ къ тому послѣ еще свое особое объясненіе противъ мнѣнія Державина, разбирая его по частямъ. Державинъ находилъ этотъ способъ возраженія противнымъ закону, допускающему оговорку мнѣній только при докладѣ или запискѣ въ журналъ. Поэтому онъ пожелалъ, послѣ засѣданія, прочесть объясненіе оберъ-прокурора, но Башиловъ ему въ томъ отказалъ, ссылаясь также не законъ и обѣщая прочесть свою записку въ общемъ собраніи вмѣстѣ съ другими объясненіями. Державинъ, жалуясь генералъ-прокурору на Башилова, просилъ приказать ему «дать прочесть свое объясненіе, если не въ домѣ Державина, то по крайней мѣрѣ въ сенатѣ, дабы къ будущему общему собранію могъ онъ, Державинъ, основательнѣе вникнуть въ его мысли, согласиться съ нимъ или остаться при своемъ мнѣніи». Въ то же время онъ обратился къ Зубову съ письмомъ, въ которомъ смѣло и рѣзко жаловался не только на противника своего въ сенатѣ, Завадовскаго, но и на самого генералъ-прокурора. «Я еще не имѣю», говоритъ Державинъ, «никакого отзыва на свое письмо отъ генералъ-прокурора; но по обыкновенной моей участи ожидаю непріятностей. Прежде всего скажутъ: какой вздорный и неспокойный человѣкъ! вотъ опять новую завелъ исторію! Не оставятъ можетъ-быть внушить, согласно мнѣнію графа Петра Васильевича Завадовскаго, и того, что опасно дать

симъ Малороссіянамъ свободу, для того что будто всѣ Малороссіяне, утвержденные манифестомъ 1783 года къ землямъ помѣщиковъ, возмутятся и пожелаютъ въ казенное вѣдомство; но сія хитрая софизма, при здравомъ разсудкѣ и при усердіи къ прямому благу, весьма слаба» и проч. «Производство правосудія не стратажемъ воинскихъ требуетъ противъ непріятеля, не уловокъ и крючковъ стряпчихъ къ преодолѣнію соперниковъ (что̀ все Петръ Великій въ настольномъ указѣ называетъ *минами подъ фортецію правды*); но требуетъ оно усерднаго, чистосердечнаго и рачительнаго разбирательства дѣлъ; къ чему всѣ вообще и каждый служители правосудія совѣстью и присягою своею обязаны. Когда же мнѣнія сенаторовъ поданы, записаны, то объяснять ихъ или перетолковывать не токмо г. оберъ-прокурору, но и генералъ-прокурору уже поздо. Усмотрѣть неосновательность, оцѣнить ихъ и рѣшить уже ни въ чьей другой власти, какъ токмо монаршей. Вотъ куды забрелъ г. оберъ-прокуроръ, и вотъ, м. г., какъ производятся дѣла наши! Тѣ самые, которые должны споспѣшествовать правосудію, запутываютъ оное; то мѣсто, которое должно облегчать бремя правленія, отягчаетъ оное» [1].

На другой день послѣ этого письма Державинъ, получивъ отъ Самойлова отвѣтъ, вполнѣ оправдывавшій Башилова, снова написалъ къ Зубову. Прилагая свой отзывъ, онъ жалуется, что и генералъ-прокуроръ не позволилъ записать въ журналъ этого отзыва, въ которомъ онъ протестовалъ только противъ новой, по его мнѣнію, процедуры. Въ заключеніи онъ выражаетъ желаніе лично поднести свой отзывъ императрицѣ и считаетъ это тѣмъ болѣе своимъ долгомъ, что «ея величество, при отпускѣ его изъ прежней должности, позволила ему нужныя случайности въ сенатѣ доводить до ея свѣдѣнія»; почему онъ и проситъ Зубова исходатайствовать, чтобъ «соизволили безъ гнѣва и съ милостивымъ вниманіемъ его выслушать». Чѣмъ кончилось дѣло, намъ не удалось отыскать, но, по всей вѣроятности, оно было рѣшено противъ Державина, такъ какъ онъ въ запискахъ своихъ ничего объ этомъ дѣлѣ не упоминаетъ.

[1] VI, 41.

13. Дѣло Дмитріева съ Всеволожскимъ.

Другой, особенно ярко выдающійся примѣръ неуступчивости Державина въ томъ, что̀ онъ считалъ справедливымъ, мы видимъ въ дѣлѣ о наслѣдствѣ послѣ бывшаго астраханскаго губернатора Никиты Афанасьевича Бекетова, дяди поэта И. И. Дмитріева. Дѣло это производилось не въ сенатѣ, а въ совѣстномъ судѣ, но и тутъ противниками Державина были сенаторы.

Старикъ Бекетовъ умеръ въ 1794 году, въ своемъ селѣ *Отрада*, лежащемъ между Царицыномъ и Сарептой, и отказалъ почти все свое огромное имѣніе двумъ незаконнымъ дочерямъ своимъ, а Дмитріеву и сестрамъ его (ихъ мать была родная сестра покойнаго) завѣщалъ 40,000 руб. Мужъ одной изъ тѣхъ дочерей, Всеволодъ Андреевичъ Всеволожскій, не довольствуясь доставшимся ему богатствомъ (болѣе 100 т. руб. ежегоднаго дохода, да наличнаго капитала болѣе 200,000), сталъ оспаривать право племянника и племянницъ завѣщателя на отказанную имъ сумму, такъ какъ при составленіи духовной не были будто бы соблюдены какія-то формальности. Сначала Дмитріевъ, отправясь въ Астрахань, искалъ правосудія въ тамошнихъ присутственныхъ мѣстахъ, но испугавшись затрудненій, которыя встрѣчалъ на каждомъ шагу, рѣшился кончить тяжбу совѣстнымъ разбирательствомъ въ Петербургѣ. На это согласился и Всеволожскій, взявъ въ посредники сенаторовъ А. И. Васильева и Сушкова. Посредничество со стороны Дмитріева принялъ на себя Державинъ. Послѣ нѣсколькихъ съѣздовъ Всеволожскій, въ домѣ Васильева, обѣщалъ пойти на мировую и уплатить Дмитріеву завѣщанныя ему съ сестрами 40 т. руб. Каково же было удивленіе Державина, когда на другой день онъ получилъ отъ Васильева приглашеніе снова пріѣхать къ нему для обсужденія спорной бумаги, поданной Всеволожскимъ. Такъ какъ послѣ изъявленнаго отвѣтчикомъ согласія на миръ, посредники, по закону, могутъ безъ участія тяжущихся рѣшать дѣло полюбовно, то Державинъ нашелъ, что Васильевъ, принявъ протестъ Всеволожскаго, поступилъ неправильно. Поэтому Гаврила Романо-

вичъ въ негодованіи отвѣчалъ, что, значитъ, миръ не состоялся, и посредники должны подать свои мнѣнія въ совѣстный судъ. Это и было сдѣлано въ ноябрѣ 1795 года. Не прежде какъ въ слѣдующемъ февралѣ, на масляницѣ, и притомъ въ день торжества по случаю бракосочетанія великаго князя Константина Павловича, Державинъ получилъ приглашеніе явиться въ судъ для выслушанья опредѣленія. Несмотря на странный выборъ времени (когда ему слѣдовало бы находиться во дворцѣ), Державинъ, изъ любопытства, отправился на зовъ. Присутствующими оказались только совѣстный судья Ржевскій, посредники противной стороны и одинъ секретарь (подпоручикъ Куликовъ). Съ Ржевскимъ Державинъ былъ нѣкогда въ пріятельскихъ отношеніяхъ, о чемъ свидѣтельствуетъ его стихотвореніе 1780 года *Счастливое Семейство*[1]. При входѣ въ судъ, Гаврилѣ Романовичу показалось, что лица присутствовавшихъ выражали «нѣкоторое скрытое намѣреніе или, лучше сказать, стачку на что-либо ему противное». Когда же послѣ прочтенія мнѣній посредниковъ секретарь сталъ читать опредѣленіе суда, обвинявшее Дмитріева въ томъ, что онъ въ поданномъ императрицѣ прошеніи употребилъ колкія выраженія[2], то Державинъ, видя, что совѣстный судъ совершенно забываетъ свою роль примирителя, вышелъ изъ себя и потребовалъ учрежденіе. Произошелъ шумъ и крикъ. Кончилось тѣмъ, что когда, послѣ нѣкотораго колебанія, секретарь таки вынужденъ былъ подать учрежденіе, то Державинъ, не раскрывая его, всталъ и стремительно удалился. Въ подробномъ описаніи этого присутствія онъ оправдывается тѣмъ, что въ послѣднюю минуту ему ясно представилась безполезность всякихъ представленій: некого даже было попросить записать въ журналъ то, что онъ намѣревался сказать.

[1] I, 69. См. ниже, стр. 655.

[2] Это обвиненіе основывалось на томъ, что Дмитріевъ въ своемъ всеподданнѣйшемъ прошеніи назвалъ жену Всеволожскаго побочною дочерью Бекетова; Всеволожскій жаловался на это императрицѣ; Дмитріевъ въ оправданіе свое представилъ суду письмо Петра Афанасьевича Бекетова (брата завѣщателя), подтверждавшее выраженіе Дмитріева, но Васильевъ не довелъ объ этомъ до свѣдѣнія государыни. За это Державинъ написалъ къ Васильеву укорительное письмо.

Державинъ сбирался принести императрицѣ особую жалобу на дѣйствія совѣстнаго суда; но прежде нежели онъ успѣлъ исполнить это намѣреніе, Ржевскій подалъ петербургскому генералъ-губернатору Н. П. Архарову записку, въ которой описалъ поведеніе Державина на судѣ въ самыхъ темныхъ краскахъ. Архаровъ представилъ ее государынѣ и получилъ приказаніе истребовать отъ Державина письменное объясненіе. Отвѣтъ поэта, вполнѣ напечатанный нами въ VII томѣ его сочиненій (стр. 200), былъ доставленъ Архарову при письмѣ отъ 4-го марта 1796 года, въ которомъ онъ просилъ, какъ особенной милости къ Дмитріеву, исходатайствовать, чтобъ повелѣно было дѣло его со Всеволожскимъ пересмотрѣть въ полномъ присутствіи совѣстнаго суда, «принявъ съ обѣихъ сторонъ замѣчанія на противорѣчія, а потомъ уже да предложитъ судъ свое мнѣніе и средство, какъ примирить, а не обвинить тяжущихся».

Изъ послѣдующихъ обстоятельствъ видно однакожъ, что эта просьба Державина не была уважена. Что касается приложеннаго къ письму объясненія его, то оно представляетъ нѣкоторыя очень характеристическія черты. Въ немъ по пунктамъ кратко разбираются показанія Ржевскаго, съ простымъ обозначеніемъ, что̀ справедливо и что̀ невѣрно. Напримѣръ:

«Что онъ, г. Ржевскій, одинъ не составляетъ совѣстнаго суда, это правда, я говорилъ».

«Что будто указывалъ на него пальцемъ и говорилъ ему *ты*, это неправда».

«Что я вскочилъ со стула съ тѣлодвиженіемъ, это правда, для того что безъ тѣлодвиженія встать нельзя».

Ржевскій въ своей жалобѣ замѣтилъ между-прочимъ, что истину его показаній могутъ подтвердить не только секретарь и посредники, но и сами тяжущіеся, бывшіе въ комнатѣ возлѣ судейской камеры. На это Державинъ возражаетъ: «Если г. Ржевскій ссылается на Дмитріева, то пусть его спросятъ», и къ этому прибавляетъ слѣдующія любопытныя разсужденія: «Дмитріевъ долженъ по присягѣ сказать, что былъ у насъ разговоръ съ г. Ржевскимъ обоюдно горячій, но не непристойный или ему обидный, каковымъ онъ его въ жалобѣ своей на меня предста-

вляетъ, хотя впрочемъ не одинъ разъ имѣлъ я несчастіе, что въ подобныхъ случаяхъ противу меня согласившіеся, тонкіе и хладнокровные люди старались обратить въ предосужденіе мнѣ правоту мою и горячую любовь къ истинѣ, но и здѣсь въ томъ, кажется, не предуспѣли; потому что, основываясь на законахъ и истинѣ и защищая праваго, не вышелъ я нигдѣ изъ благопристойности. Множество чрезъ мои руки перешедшихъ совѣстныхъ разбирательствъ, въ здѣшней и другихъ губерніяхъ и даже по особымъ высочайшимъ повелѣніямъ моему одному лицу и посредству ввѣренныхъ, и не въ такихъ важныхъ дѣлахъ, мною кончены были, и никто изъ тяжущихся нигдѣ не приносилъ на меня жалобъ. Дѣлами свидѣтельствоваться я почитаю себѣ правиломъ, а слова употребить нахожусь принужденнымъ въ собственное мое защищеніе, имѣя при томъ утѣшительное въ душѣ моей оправданіе собственнаго суда совѣсти моей, по которой, нерѣдко выбираемый въ посредники, не отрекался никогда защищать невинность».

Во второй половинѣ своей записки Державинъ подробно излагаетъ весь ходъ дѣла и, выставивъ въ концѣ всѣ допущенныя въ немъ отступленія отъ справедливости, заключаетъ словами: «Послѣ всего того осмѣливаюсь спросить: гдѣ же по сему дѣлу былъ тотъ совѣстный, благотворный и святой судъ, который установленъ премудрою нашею законодательницею для защиты угнетаемаго человѣчества?»

Императрица, по поднесеніи ей всѣхъ этихъ бумагъ, приказала Трощинскому передать ихъ генералъ-прокурору, съ тѣмъ чтобы онъ представилъ ей свое по нимъ мнѣніе. Самойловъ въ отзывѣ своемъ только сопоставилъ главныя обвиненія Ржевскаго съ оправданіями Державина и затѣмъ вывелъ слѣдующее заключеніе: «Впрочемъ оказывается однакожъ изъ собственнаго г. Державина объясненія, что онъ не соблюлъ всей той умѣренности, какая въ судѣ сохранена быть должна; самъ онъ пишетъ: 1-е, что у него съ г. Ржевскимъ былъ разговоръ обоюдно горячій; 2-е, что онъ, почувствовавъ оказываемую Дмитріеву несправедливость, не могъ вытерпѣть, чтобъ не спросить высочайшаго учрежденія. Таковыя выраженія, въ собственномъ объясненіи

г. Державина написанныя, не показываютъ сохраненія всего должнаго суду уваженія, и посему, ежели отдать вѣроятность представленію совѣстнаго судьи, г. Ржевскаго, то выходитъ, что г. Державинъ противъ него собственно поступилъ обиднымъ, а для совѣстнаго суда несоотвѣтственнымъ, образомъ» [1].

Въ объясненіи Державина былъ намекъ на то, что онъ защищалъ сторону слабую и небогатую, тогда какъ противники его имѣли большія средства и пользовались сильною поддержкой. Въ запискахъ своихъ онъ выражается яснѣе, говоря прямо, что Всеволожскій «пронырствами и подарками» умѣлъ задобрить не только семейства Васильева и Ржевскаго, но и при дворѣ привлечь на свою сторону Торсукова, Трощинскаго и Перекусихину. Противники Державина, по словамъ его, всячески старались возбудить противъ него гнѣвъ императрицы, и дѣйствительно она «такъ была раздражена, что хотѣла примѣрно наказать пренебрегшаго ея законы». Внезапная смерть Екатерины остановила ходъ этого дѣла; по восшествіи на престолъ императора Павла, совѣстные суды были упразднены и дѣло это сдано въ архивъ [2]; а когда воцарился Александръ Павловичъ и Державинъ сдѣлался «генералъ-прокуроромъ», то Всеволожскій «безъ памяти прискакалъ изъ Москвы въ Петербургъ» и просилъ кончить дѣло полюбовно на томъ самомъ основаніи, какъ предполагалось прежде посредничествомъ со стороны Дмитріева, который такимъ образомъ наконецъ и получилъ справедливое удовлетвореніе.

Для личныхъ отношеній Державина дѣло это имѣло важныя послѣдствія: оно скрѣпило его дружбу съ Дмитріевымъ, но навсегда разссорило его съ Васильевымъ и Ржевскимъ. Послѣдняго онъ въ запискахъ своихъ изображаетъ «человѣкомъ весьма честнымъ, но слабымъ, худо знающимъ законы и удобопреклонпымъ на сторону сильныхъ». Извѣстно, что Ржевскій, по

[1] *Матеріалы* Иванова, стр. 47.

[2] Такъ говоритъ Державинъ въ своихъ запискахъ (VI, 648), однакожъ письма Маклакова, повѣреннаго Державина, изъ Астрахани, показываютъ, что это дѣло еще осенью 1797 года производилось въ тамошнихъ судебныхъ мѣстахъ: см. VI, 68, 69.

своимъ родственнымъ связямъ, принималъ нѣкоторое участіе въ обстоятельствахъ, предшествовавшихъ возведенію Екатерины II на престолъ. По этому поводу княгиня Дашкова упоминаетъ о немъ въ своихъ мемуарахъ (I, 126) и произноситъ о его характерѣ отзывъ, подтверждающій приговоръ Державина. Но лѣтъ за шестнадцать до разсказаннаго случая поэтъ, въ посвященныхъ Ржевскому стихахъ, съ видимымъ одушевленіемъ говорилъ:

«Благословится отъ Сіона,
Благая снидутъ вся тому,
Кто слезъ виновникомъ и стона
Въ сей жизни не былъ никому!

«Кто не вредитъ и не обидитъ,
И зломъ не воздаетъ за зло, —
Сыны сыновъ своихъ увидитъ
И въ жизни всякое добро.

«Миръ въ жизни сей и миръ въ дни оны,
Въ обители избранныхъ душъ,
Тебѣ, чувствительный, незлобный,
Благочестивый, добрый мужъ!»

Сдержаннѣе и осмотрительнѣе Державинъ велъ себя въ сенатѣ при возбужденномъ имъ разногласіи по дѣлу о сумасшествіи нѣкоего Жукова. Было два брата этого имени, и одинъ изъ нихъ держалъ въ опекѣ другого, какъ помѣшаннаго. Племянница ихъ, молодая дѣвушка Безобразова подала на это жалобу, утверждая, что содержимый подъ опекою дядя ея вовсе не страдаетъ разстройствомъ умственныхъ способностей. Дѣло поступило во 2-й департаментъ сената. Жуковъ, по словамъ Державина, подвергался помѣшательству періодически, особенно въ новолуніе или подъ ущербъ луны, въ остальное же время онъ былъ только пасмуренъ и тихъ. Въ такомъ именно положеніи онъ былъ представленъ сенату для освидѣтельствованія, и такъ какъ онъ спосно отвѣчалъ на предложенные ему незначительные вопросы, то его и признали здоровымъ. По несогласію оберъ-прокурора Кононова, дѣло было перенесено въ общее собраніе, которое од-

накожъ утвердило рѣшеніе департамента. Узнавъ о томъ, другой Жуковъ обратился къ Державину, объяснилъ ему подробно всѣ обстоятельства дѣла и показалъ отцовскія письма, въ которыхъ братъ его положительно признаваемъ былъ сумасшедшимъ, въ слѣдствіе чего и назначена опека. Соображая сверхъ того, что Жуковъ увезенъ былъ изъ Москвы восемнадцатилѣтнею своею племянницею и далъ ей принести за него просьбу императрицѣ, чего бы конечно не могло быть, еслибъ онъ былъ въ здравомъ умѣ, Державинъ рѣшился объявить въ сенатѣ, что онъ съ другими несогласенъ. Начались возраженія и споры; наконецъ, говоритъ онъ въ запискахъ, «возсталъ превеликій шумъ», среди котораго онъ не уступалъ и горячился, однакожъ не вышелъ изъ благопристойности и никого слишкомъ рѣзкими словами не обидѣлъ; затѣмъ онъ подалъ особое мнѣніе, при чтеніи котораго опять умѣлъ остеречься отъ всякихъ возраженій на задирательныя рѣчи сенаторовъ, очевидно желавшихъ будто бы вывести его изъ терпѣнія, чтобы донести государынѣ, что съ нимъ присутствовать невозможно[1]. Такимъ образомъ оставалось только, по тогдашнимъ законамъ, представить дѣло, за разногласіемъ, на высочайшее благоусмотрѣніе. Императрица, уже слышавшая о немъ отъ Самойлова, сказала докладывавшему ей оберъ-прокурору Башилову: «Посмотри, стóило ли это дѣло такого содому». Державинъ, противъ котораго Безобразова, по своимъ связямъ, умѣла возбудить приближенныхъ къ Екатеринѣ лицъ, могъ ожидать большихъ непріятностей, но, къ счастью его, сама судьба позаботилась объ оправданіи его мнѣнія: спустя недѣли двѣ, больной Жуковъ, въ припадкѣ сумасшествія, выбросился изъ окна и раздробилъ себѣ черепъ.

14. Президентъ коммерцъ-коллегіи.

Назначеніе Державина въ сенаторы, въ сентябрѣ 1793 года, было почетнымъ удаленіемъ его отъ службы при императрицѣ. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, 1-го января 1794, на него воз-

[1] VI, 670.

ложена была еще должность президента коммерцъ-коллегіи, очистившаяся послѣ увольненія графа А. Р. Воронцова. Самъ онъ приписывалъ это покровительству Зубова, желавшаго доставить ему вполнѣ обезпеченное положеніе; но можетъ-быть онъ еще болѣе обязанъ былъ въ этомъ случаѣ рекомендаціи благоволившаго къ нему Воронцова. Впрочемъ, новая должность не могла особенно льстить его честолюбію, такъ какъ Екатерина, давно уже приступившая къ уничтоженію коллегій [1], учрежденіемъ о губерніяхъ нанесла чувствительный ударъ и коммерцъ-коллегіи: она находила, что завѣдываніе торговлей должно входить въ кругъ дѣятельности намѣстниковъ; эта мысль была внушена ей Потемкинымъ, который въ подвластныхъ ему обширныхъ областяхъ хотѣлъ быть полнымъ хозяиномъ. По Петербургской губерніи Екатерина предоставила одной себѣ высшую административную власть, хотя для вида и назначала генералъ-губернатора; для надзора же за таможнею употребляла своимъ орудіемъ вице-губернатора Алексѣева, который, по словамъ Державина, имѣлъ притязаніе управлять и таможнями другихъ губерній. Въ преобразованныхъ губерніяхъ таможни переданы были въ вѣдѣніе казенныхъ палатъ. Въ зависимости отъ коммерцъ-коллегіи оставлены только дѣла англійскаго купечества до истеченія срока торговому трактату съ Великобританіей. Такимъ образомъ, остальные годы существованія этой коллегіи были уже сосчтены, и, дѣйствительно, незадолго до своей кончины Екатерина подписала указъ о ея упраздненіи. Слѣдовательно, послѣднее назначеніе Державина было только временное. Но онъ, повидимому, не зналъ новыхъ порядковъ и хотѣлъ быть президентомъ коллегіи въ прежнемъ значеніи этого званія, чѣмъ, разумѣется, на первыхъ же порахъ возстановилъ противъ себя и управлявшаго казенной палатой Алексѣева, и директора таможни Даева. По запискамъ Державина, первымъ поводомъ къ неудовольствіямъ было посѣщеніе имъ

[1] Оно рѣшено было указомъ 31-го декабря 1779 года, которымъ опредѣлено обязанности коллегій перенести на губернскія присутственныя мѣста.

анбаровъ на биржѣ, при осмотрѣ которыхъ таможенные чиновники оказали ему явное неуваженіе и непослушаніе. Вскорѣ случилась еще другая, болѣе чувствительная непріятность. Графъ Моцениго, въ знакъ признательности къ Державину, разсматривавшему его дѣло, прислалъ для жены его моремъ изъ Италіи кусокъ атласу. Такъ какъ ввозъ товаровъ этого рода былъ запрещенъ, то Державинъ приказалъ отправить присылку обратно; но Алексѣевъ и Даевъ представили императрицѣ, что онъ вопреки запретительному указу самъ выписалъ этотъ атласъ и велѣлъ ввезти его тайно. Слѣдствіемъ того была резолюція поступить по закону, т. е. публично при барабанномъ боѣ, на площади передъ коммерцъ-коллегіей, сжечь выписанную президентомъ ея контробанду и взыскать съ него штрафъ. Совершенно для него неожиданно первая часть приговора и была уже приведена въ исполненіе. Какъ громомъ пораженный этимъ позоромъ, онъ написалъ объяснительную записку, которую доставилъ Зубову для поднесенія императрицѣ, но, «сколько ни хлопоталъ», не могъ получить на нее никакого отвѣта, даже отъ фаворита.

Такъ разсказываетъ самъ Державинъ, но изъ другихъ документовъ открываются обстоятельства, полнѣе объясняющія причины новыхъ, испытанныхъ имъ неудовольствій. Въ 1782 году особымъ указомъ [1] разрѣшено было при петербургской таможнѣ содержать нѣсколькихъ сверхштатныхъ служителей для изученія таможенныхъ дѣлъ, т. е. для приготовленія къ занятію должностей по этому вѣдомству. На этомъ основаніи при здѣшней таможнѣ было сорокъ учениковъ. По праву, предоставленному президенту коммерцъ-коллегіи, Державинъ еще въ февралѣ мѣсяцѣ взялъ одного изъ этихъ учениковъ въ коллегію, но такъ какъ таможня уже не была въ ея вѣдѣніи, то вице-губернаторъ пожаловался на это распоряженіе императрицѣ, и совѣтникъ казенной палаты Беeръ потребовалъ ученика обратно подъ тѣмъ предлогомъ, что онъ командированъ уже въ Кронштадтъ. Державинъ сначала протестовалъ, но потомъ согласился отдать его.

[1] 27-го мая. *П. С. З.* XXI, № 15,409.

Нѣсколько позже встрѣтился еще другой поводъ къ пререканіямъ. Въ сенатъ поступили два дѣла о злоупотребленіяхъ по таможнямъ ревельской и астраханской. 1-го апрѣля 1794 года Державинъ доложилъ о томъ императрицѣ и ему дана была словесная резолюція, что эти дѣла должны быть рѣшены немедленно, безъ очереди, и что онъ, какъ сенаторъ, при слушаніи ихъ, «можетъ дѣлать по своей части свои замѣчанія». Изъ этого онъ вывелъ заключеніе, что ему по всѣмъ дѣламъ, касающимся таможенъ и торговли, разрѣшается присутствовать во всѣхъ департаментахъ сената, о чемъ онъ и извѣстилъ письменно генералъ-прокурора. Самойловъ поспѣшилъ представить письмо его императрицѣ и 4-го апрѣля, призвавъ его къ себѣ, объяснилъ, что императрица не такъ понимала данное ему разрѣшеніе. Но Державинъ этимъ не угомонился, и въ запискѣ, посланной къ Зубову, старался доказать, что президенту коллегіи, по закону Петра Великаго и по учрежденію о губерніяхъ, несомнѣнно принадлежитъ право присутствовать въ сенатѣ по дѣламъ своего вѣдомства, ему же, Державину, это право принадлежитъ тѣмъ болѣе, что онъ самъ сенаторъ. Результатомъ всѣхъ этихъ пререканій было то, что 12-го мая генералъ-прокуроръ объявилъ ему высочайшее повелѣніе «въ дѣла петербургской таможни не мѣшаться». Въ слѣдствіе того Державинъ обратился къ Зубову съ исполненнымъ горечи письмомъ, прося исходатайствовать повелѣніе императрицы, какъ ему въ подобныхъ случаяхъ поступать. Въ то же время онъ написалъ совѣтнику Бееру, что отказывается отъ ученика и возвращаетъ его. Тогда казенная палата, заднимъ числомъ, сдѣлала распоряженіе: взятаго ученика оставить у Державина и отрѣшить отъ должности. «Извольте видѣть», писалъ Зубову президентъ коллегіи: «когда я требую, тогда говорятъ: отпустить не можно, а когда отпускаю, тогда не принимаютъ и отрѣшаютъ. Меня бѣсятъ шиканами: зная мое вспыльчивое сложеніе, хотятъ меня вывесть совсѣмъ изъ пристойности». Очень характеристичны въ томъ же письмѣ слѣдующія размышленія поэта о самомъ себѣ: «Репутація моя извѣстна и я надежно всякому въ глаза скажу, что я не запустилъ нигдѣ рукъ ни въ частный карманъ, ни въ казенный. Не зальютъ мнѣ

глотки виномъ, не закормятъ фруктами, не задарятъ драгоцѣнностями и никакими алтынами не купятъ моей вѣрности къ моей монархинѣ, и никто меня не въ состояніи удалить отъ пользъ государя и своротить съ пути законовъ: то что за причина, что и здѣшняя таможня духу моего терпѣть не захотѣла? Я еще до нея и волосомъ не тронулся. Требованіе мое одного ученика по праву закона, хотя бы и безъ нужды, еще не могло причинить какого-либо важнаго безпорядка.... Чтó дѣлать? Ежели я выдался уродъ такой, дуракъ, который, ни на что не смотря, жертвовалъ жизнію, временемъ, здоровьемъ, имуществомъ службѣ и личной приверженности обожаемой мною государынѣ, животворился ея славою и полагалъ всю мою на нее надежду, а теперь тáкъ со мною поступаютъ, то пусть меня уволятъ въ уединеніи оплакивать мою глупость и ту суетную мечту, что будто какого-либо государя слово твердо, ежели Екатерина Великая, обнадеживъ меня, чтобъ я ничего не боялся, и не токмо не доказавъ меня въ винѣ моей, но и не объясня ея, благоволила снять съ меня покровительствующую свою руку. Имѣя столько враговъ за ея пользы, куда я гожуся, какую я отправлять въ состояніи должность? Я, кажется, со всѣхъ сторонъ слышу: погонимъ, Богъ его оставилъ; изслѣдую тысячу разъ себя и не нахожу, чтó бъ я сдѣлалъ. На всѣ случаи, которые я могу придумать, чѣмъ бы ея неблаговоленіе заслужилъ, какъ выше я донесъ вашему сіятельству, не оставлю поднесть мои объясненія. Тогда буду настоятельно просить или уволить меня, или возвратить мнѣ ея величества благоволеніе и законную довѣренность; или, когда достоинъ явлюсь, судить» [1].

Къ большему еще раздраженію вице-губернатора, Державинъ опредѣлилъ къ петербургской таможнѣ маклера, хотя по преобразованіи управленія этою частью маклеры переданы были въ вѣдѣніе казенныхъ палатъ. Въ оправданіе своего распоряженія онъ представилъ Зубову особую записку, въ которой сослался на цѣлый рядъ прежнихъ узаконеній; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ заявилъ, что вопреки устраненію его отъ дѣлъ таможни, она

[1] VI, 11.

не перестаетъ присылать ему свои рапорты и вѣдомости, — доказательство, что связь между нею и коммерцъ-коллегіею не легко можетъ рушиться. Для разъясненія вопроса объ опредѣленіи маклеровъ онъ просилъ исходатайствовать ему личный докладъ у императрицы; между тѣмъ Алексѣевъ сбирался принести на него жалобу.

Въ такихъ обстоятельствахъ Державинъ, въ іюнѣ 1794 года, рѣшился подать государынѣ просьбу объ увольненіи его отъ службы. Почти совершенно согласно съ собственнымъ его разсказомъ о томъ Н. Н. Бантышъ-Каменскій въ письмѣ отъ 21-го іюня сообщалъ князю Куракину: «Державинъ подавалъ просьбу объ увольненіи на два года, но ни гр. Зубовъ, ни гр. Безбородко не приняли на себя поднесть оную; вручена чрезъ камердинера. Сказано: отставить его не мудрено, но пусть прежде кончитъ новый тарифъ, сочиняемый коммерческою коллегіей. Паденіе его оттого, что онъ началъ присвоивать себѣ власть надъ таможнями, не ему, но казенной палатѣ принадлежащую» [1].

О составленіи имъ новаго тарифа ничего не упоминается въ запискахъ его, а потому свѣдѣніе это и лишено достовѣрности; вѣроятно оно основывается на томъ, что́ онъ разсказываетъ по поводу наблюденія, сдѣланнаго имъ относительно неблагопріятнаго положенія нашего торговаго баланса. Вскорѣ послѣ отказа императрицы, Державина постигло давно грозившее ему домашнее горе, — смерть Катерины Яковлевны, о чемъ скажемъ подробнѣе въ своемъ мѣстѣ. Вслѣдъ за тѣмъ онъ неожиданно испыталъ новое оскорбленіе отъ давнишняго непріятеля своего, Тутолмина, въ то время занимавшаго мѣсто генералъ-губернатора присоединенныхъ отъ Польши юго-западныхъ губерній. Въ этомъ званіи Тутолминъ вздумалъ опредѣлять таможенныхъ чиновниковъ безъ сношенія съ коммерцъ-коллегіею, и на запросъ о томъ президента ея прислалъ ему, безъ всякаго съ своей стороны объясненія и даже безъ своей подписи, одинъ списокъ чиновниковъ съ отмѣткою противъ каждаго имени, по чьей рекомендаціи кто опредѣленъ. Зубовъ, къ которому Державинъ и по

[1] VI, 681. *Русск. Арх.* 1876, стр. 391.

этому дѣлу обратился съ жалобой, взялъ сторону Тутолмина, ссылаясь на то, что Потемкинъ (предмѣстникъ Зубова въ управленіи Новороссійскимъ краемъ) всегда самъ по своему усмотрѣнію опредѣлялъ таможенныхъ чиновниковъ во ввѣренныхъ ему губерніяхъ. Державинъ, разгорячившись въ происшедшемъ при этомъ спорѣ, пошелъ прямо къ императрицѣ, былъ на этотъ разъ принятъ и представилъ присланный Тутолминымъ списокъ. Государыня обѣщала разсмотрѣть дѣло, но черезъ нѣсколько дней велѣла сказать Державину, чтобъ онъ не безпокоился по дѣламъ коммерцъ-коллегіи, которую она рѣшилась упразднить, и дѣйствительно 16-го сентября 1796 г. послѣдовалъ указъ о закрытіи этого учрежденія.

Въ исходѣ 1795 года Державину таки удалось лично испросить себѣ отпускъ для поправленія своего хозяйства въ оренбургскомъ имѣніи; по крайней мѣрѣ императрица обѣщала дать о томъ повелѣніе генералъ-прокурору. Но вмѣсто того, черезъ нѣсколько дней, послѣдовало совершенно другое распоряженіе: на Державина было возложено новое, крайне щекотливое дѣло; онъ былъ назначенъ членомъ особой комиссіи по поводу открытаго въ заемномъ банкѣ похищенія.

15. Комиссія о растратѣ денегъ въ заемномъ банкѣ.

13-го января 1796 года Болотовъ записалъ въ своей памятной книжкѣ: «Передъ Рождествомъ въ Петербургѣ случилась покража ассигнацій изъ Заемнаго банка однимъ кассиромъ» [1]. Похищенная сумма простиралась до 600,000 р. Членами комиссіи, учрежденной для разслѣдованія этого дѣла подъ предсѣдательствомъ главнаго директора банка, Завадовскаго, назначены были, вмѣстѣ съ Державинымъ, петербургскій генералъ-губернаторъ Н. П. Архаровъ и главный директоръ Ассигнаціоннаго банка сенаторъ Мятлевъ. Избраніе Державина доказывало, что императрица, несмотря на многія причины неудовольствія противъ него, не утратила довѣрія къ его

[1] *Памятникъ протекшихъ временъ*, стр. 10.

безпристрастію и опытности, ибо хотя онъ и былъ еще президентомъ коммерцъ-коллегіи, но такъ какъ изъ его вѣдѣнія уже были изъяты маклера и вообще онъ оставался въ названной должности только по имени, то легко было бы обойти его при учрежденіи слѣдственной комиссіи. Собиралась она въ домѣ Мятлева. Изъ допросовъ, произведенныхъ членамъ и чиновникамъ банка, а также имѣвшимъ съ ними дѣло маклерамъ и иностраннымъ купцамъ, оказалось, что въ теченіе долгаго времени, при освидѣтельствованіи банка, кассиръ Кельбергъ клалъ въ сундуки запечатанные пакеты съ надписью 10,000, въ которыхъ вмѣсто ассигнацій, однажды сосчитанныхъ, лежала бѣлая бумага. «Г. кассиръ», говоритъ Болотовъ, «поддѣлалъ казенную печать, всѣ деньги вынулъ и на мѣсто ихъ положилъ и запечаталъ мягкую бумагу, а самъ далъ было стречка, но Архаровъ не выпустилъ его изъ Петербурга». Жена его, — какъ разсказываетъ Державинъ, — чтобы приготовить средства къ пополненію дефицита, продавала ко двору, при праздновaніи шведскаго мира, брильянтовыя вещи, и вотъ что, еще въ 1790 году, подало императрицѣ поводъ заподозрѣть честность банковскихъ чиновниковъ, такъ что по ея повелѣнію директоры обоихъ банковъ тогда же произвели въ нихъ ревизію, но ничего не открыли [1]. Теперь Завадовскій поставилъ себя въ трудное положеніе: въ ночь послѣ открытія покражи онъ велѣлъ вывезти изъ банка къ себѣ на домъ два стоявшіе тамъ сундука; свѣдѣніе о томъ дошло до императрицы, и она приказала Архарову потребовать у Завадовскаго объясненія. Онъ отвѣчалъ, что въ этихъ сундукахъ хранились принадлежавшія ему старыя золотыя и серебряныя вещи и что когда пришлось запечатать банкъ, то онъ счелъ нужнымъ вывезти ихъ. Державинъ же въ запискахъ своихъ объясняетъ это тѣмъ, что Завадовскій, вопреки правиламъ банка, бралъ свое жалованье серебромъ и кромѣ того промѣнивалъ ассигнаціи на серебро безъ платежа лажа, а для прикрытія этого держалъ въ

[1] Такъ говоритъ Державинъ; Грибовскій (*Зап.* М. 1864, стр. 99) упоминаетъ о доносѣ, поданномъ на Завадовскаго какимъ-то Морозовымъ. Ср. *Архивъ кн. Воронцова* XV, 69 и 76.

одномъ сундукѣ серебряную монету, въ другомъ ассигнаціи, переводя деньги изъ одного въ другой, для пополненія же происходившаго при томъ дефицита стали брать съ заемщиковъ непомѣрные проценты.

Въ запискахъ своихъ Державинъ ничего не упоминаетъ о томъ, что къ слѣдствію по этому дѣлу привлеченъ былъ комиссіею и сенаторъ Алексѣевъ (петербургскій вице-губернаторъ), какъ одинъ изъ прежнихъ директоровъ банка, хотя и оставившій эту должность еще въ январѣ 1792 г. Но мы узнаемъ о томъ изъ любопытной переписки Алексѣева съ княземъ Н. В. Репнинымъ [1]. Услышавъ, что въ комиссіи зашла рѣчь и о времени его управленія банкомъ, Алексѣевъ изливаетъ свое негодованіе на Державина, который, говоритъ онъ, «имѣя злобу къ П. В. Завадовскому и ко мнѣ, усиливается распространить случившееся несчастіе, въ предосужденіе банковаго начальства, даже до времени моей въ немъ бытности. Но я ласкаюсь, что соблюденіе съ моей стороны законныхъ постановленій во всей предписанной точности и неприкосновенность къ какимъ-либо самомалѣйшимъ злоупотребленіямъ сохранятъ меня отъ преслѣдованія сего злобнаго человѣка, предъ которымъ я тѣмъ только виновенъ, что угодно было государынѣ отказать ему начальство надъ здѣшними таможнями, присвоиваемое имъ въ лицѣ президента коммерцъ-коллегіи, давно во всемъ почти уничтоженной. Въ главное преступленіе банковымъ членамъ приписываетъ онъ то, что деньги печатаемы были въ пакеты для избѣжанія ежемѣсячнаго всѣхъ ихъ пересчитыванія, которое подлинно введено было въ мою еще тамъ бытность по сущей необходимости; ибо находилось тогда въ банкѣ отъ 20-ти до 30-ти милліоновъ наличныхъ денегъ, и еслибы всѣхъ ихъ каждый мѣсяцъ пересчитывать, то надлежало бы всему банку безпрестанно тѣмъ только заниматься, ничего другого не дѣлая.... Съ того времени, по несчастію, сіе печатаніе продолжалось донынѣ, и злодѣй на семъ распорядкѣ, съ помощію фальшивой печати, основалъ свое хищеніе.... На сей матеріи случилось мнѣ быть съ государынею, и

[1] *Сборн. Историч. Общ.* XVI, 363.

я имѣлъ смѣлость ея величеству признаться, что если печатаніе денегъ въ пакеты есть преступленіе, то я нахожусь въ числѣ первыхъ преступниковъ, потому что оное печатаніе въ банкѣ заведено въ бытность мою тамъ первымъ директоромъ, по причинѣ необходимости, выше сего описанной. Всемилостивѣйшая государыня изволила принять оное со всею благотворною снисходительностію, примѣчая только, что надобно бы было, вмѣсто сплошныхъ пакетовъ, дѣлать такія перевязки, чтобы можно видѣть, деньги ли въ сихъ перевязкахъ лежатъ, или простыя бумаги, и совѣтуя какъ можно остерегаться подобныхъ подлоговъ, и прочее»[1]. Такъ писалъ Алексѣевъ 8-го января 1796 года. Вслѣдъ затѣмъ комиссія обратилась къ нему съ требованіемъ объясненія по нѣкоторымъ представившимся на слѣдствіи обстоятельствамъ. Изъ вопросовъ, предложенныхъ Алексѣеву, легко убѣдиться, что члены комиссіи имѣли полное основаніе отнестись къ нему за разъясненіями.

Управленіе банка состояло изъ главнаго директора (Завадскаго) и нѣсколькихъ другихъ подъ вѣдѣніемъ его находившихся директоровъ, изъ которыхъ одинъ, называвшійся первымъ, имѣлъ высшее наблюденіе за храненіемъ денегъ. По банковому уставу деньги должны были храниться въ сундукахъ въ кладовой, а внѣ кладовой въ особыхъ сундукахъ могло находиться не болѣе какъ по 10 т. въ каждомъ; все, что окажется свыше этой суммы, должно было всякій день относимо быть въ сундуки кладовой. Между тѣмъ, на дѣлѣ, внѣ кладовой находились гораздо бо́льшія суммы, изъ которыхъ директора́ временно брали деньги на свои надобности. Кромѣ того кассиръ Кельбергъ показалъ, что въ 1790 году первому директору, Алексѣеву, повѣрены были въ особый присмотръ главнымъ директоромъ Завадовскимъ 240,000, принадлежавшихъ послѣднему и находившемуся подъ опекой его камеръ-юнкеру кн. Голицыну. Эта сумма лежала въ особомъ сундукѣ безъ замка за печатью Алексѣева и изъ нея онъ по срокамъ производилъ платежи. Отсюда, съ согласія Алексѣева, Кельбергъ взялъ на покупку брильянтовъ 80 т. руб., а когда брильянты были куплены, всѣ

[1] *Сборн. Истор. Общ.* XVI, 363, 364.

же партикулярныя деньги между тѣмъ потребовались въ выдачу, то въ замѣнъ ихъ взято было, съ позволенія Алексѣева же, изъ казенныхъ денегъ 40,000, на мѣсто которыхъ положены четыре пакета съ пустыми бумагами за печатью Кельберга и въ залогъ коробочки съ брильянтами, что̀ и послужило началомъ расхищенія банка. По этому главный вопросъ Алексѣеву со стороны комиссіи состоялъ въ слѣдующемъ: «Не съ позволенія ли вашего сперва партикулярныя деньги браны, а потомъ Кельбергомъ казенными были замѣнены или, по крайней мѣрѣ, не вѣдали ли вы о томъ и о другомъ тогда и послѣ? а ежели не вѣдали и какъ по уставу о банкѣ не можно было входить въ кладовую безъ присутствія вашего, то какимъ образомъ безъ примѣчанія вашего и безъ взысканія все то могло случиться?» Алексѣевъ, ссылаясь на протекшее съ тѣхъ поръ значительное время, почему и не могъ онъ будто бы помнить всѣхъ обстоятельствъ, далъ уклончивый отвѣтъ, указавъ только на то, что *невѣроятно и не натурально*, чтобы показаніе Кельберга было дѣйствительно, но не могъ однакожъ не упомянуть, что запечатанные пакеты съ надписью 10 т., по рѣшенію совѣтниковъ банка, были заведены въ его время, и при этомъ замѣтилъ, что когда это разъ было сдѣлано и потомъ отъ времени до времени накоплявшіяся деньги опять были вкладываемы въ пакеты, то банкъ долженъ былъ свидѣтельствовать запечатанную казну по пакетамъ, «не имѣя ни причины, ни права усумниться въ вѣрномъ перечетѣ своихъ начальниковъ, и потому осмѣлиться открывать оные безъ новаго ихъ приказанія... Какимъ же образомъ, въ какое время и по чьему упущенію или оплошности послѣдовало въ банкѣ похищеніе знатной суммы, изысканіе сего зависитъ уже отъ прозорливости почтенной комиссіи»[1]. Полученными отъ комиссіи вопросами Алексѣевъ чрезвычайно оскорбился, что̀ и выразилъ какъ въ своемъ офиціальномъ объясненіи, такъ и въ письмѣ къ Репнину отъ 5-го марта 1796 г., тѣмъ болѣе любопытномъ, что въ немъ излагается взглядъ замѣшаннаго въ дѣлѣ лица на образъ дѣйствій всѣхъ членовъ комиссіи и особенно Державина.

[1] *Сборн. Истор. Общ.* XVI, 385.

Въ это время слѣдствіе было уже окончено комитетомъ и докладъ для поднесенія императрицы изготовленъ Державинымъ. При подписаніи этого доклада, говоритъ Алексѣевъ, «происходятъ теперь между членами комитета споры. Сей комитетъ явилъ себя здѣшнему городу совершенною инквизиціею. Одно ночное его засѣданіе всѣхъ призываемыхъ приводило въ ужасъ, а грубое и угрожательное съ ними обращеніе гг. Мятлева и Державина оный еще умножало.... Послѣдній всѣмъ членамъ банковымъ не усумнился сказать въ глаза, что не кассиръ воръ, а они, слабымъ, по его мнѣнію, исполненіемъ должностей своихъ подавшіе ему къ тому поводъ.... Н. П. Архаровъ, попавшись между ними, не радъ своей жизни. Онъ, зная, съ какой цѣпи оные псы спущены кусать и лаять, опасается имъ противорѣчить, чтобы не бросились и на него для уязвленія пристрастіемъ и потачкою. Между прочимъ, не пропустилъ случая г. Державинъ придраться и ко мнѣ съ вопросами».... Эти вопросы и объясненія Алексѣева были приложены къ письму его, и онъ продолжаетъ: «Ваше сіятельство изволите усмотрѣть, какимъ духомъ они составлены, изволите увидѣть, что г. Державинъ, не пріобрѣтя искомаго имъ противъ меня оружія изъ всѣхъ показаній преступника и ссылокъ банковыхъ членовъ, вознамѣрился напослѣдокъ оскорбить меня хотя одними обидными вопросами, которымъ никакого мѣста и ни малѣйшей пристойности совсѣмъ не было. О семъ Н. П. Архаровъ предварительно со мною объяснялся въ такомъ видѣ, что оное необходимо нужно для спасенія совѣтника Зайцова противъ клеветы преступнаго кассира въ разсужденіи денегъ графа П. В. Завадовскаго, подъ моимъ единственно береженіемъ находившихся, увѣривъ меня, что никакихъ другихъ вопросовъ мнѣ не будетъ. Я, согласившись дать объясненіе по истинной правдѣ, просилъ однакожъ его (Архарова), во-первыхъ, чтобы онъ доложилъ прежде государынѣ, будетъ ли на вопрошеніе меня ея воля, донеся при томъ ея величеству и о случаѣ, по какому хотятъ меня спрашивать; а во-вторыхъ, пожаловалъ бы, взялъ на себя, яко начальникъ здѣшней губерніи, вопросъ комитетскій самъ ко мнѣ препроводить, дабы я не имѣлъ съ оною инквизиціею никакого директнаго сно-

шенія. То и другое было съ его стороны исполнено, и когда государыня, по его словамъ, такъ изволила отозваться, что этотъ человѣкъ не сомнителенъ и можетъ быть спрашиваемъ безъ всякой для него опасности, въ то время принялъ я и вопросъ, при письмѣ его, Николая Петровича, ко мнѣ присланный. Но сколь удивился я, найдя въ немъ весьма много противъ объясненія Н. П. примѣси, и притомъ толико ядовитой! Первое мое движеніе было показать вопросы государынѣ съ жалобою на комитетъ, что онъ не объясненія отъ меня требуетъ, надобнаго къ производству дѣла, а ищетъ только оскорбить меня обидными вопросами, которые приличны однимъ открытымъ и уличеннымъ уже преступникамъ; но напослѣдокъ, чтобы не досадить Николаю Петровичу, который весьма ко мнѣ милостивъ, рѣшился я объясниться комитету безъ всякаго шуму, какъ ваше сіятельство изъ включенныхъ бумагъ усмотрѣть изволите».

Въ томъ же письмѣ, относительно предсѣдателя комитета и директора банка сказано: «Графъ П. В. Завадовскій такъ былъ пораженъ банковымъ дѣломъ, что не только упалъ духомъ, но наконецъ лежалъ въ постелѣ и даже жизнь его считали въ опасности. Во время предсѣдательствованія своего въ комитетѣ ничего онъ не дѣлалъ и не говорилъ почти ни слова, оставляя сочленамъ своимъ полную свободу терзать банковыхъ служителей и его самого безъ малѣйшей пощады и со всею натяжкою личнаго къ нему недоброхотства.... Не могу скрыть моего къ нему негодованія за малодушіе, которымъ онъ предалъ всѣхъ своихъ банковыхъ подчиненныхъ гоненію враговъ своихъ собственныхъ.... Дѣйствія банка и правленія, по точнымъ его изволеніямъ, но въ нѣкоторое отступленіе отъ банковаго устава, вмѣняются имъ въ преступленіе должности, и оттого люди гибнутъ, а графъ Петръ Васильевичъ молчитъ. Тѣмъ менѣе онъ въ семъ случаѣ извинителенъ, чѣмъ болѣе употреблялъ въ управленіи сего департамента собственную свою волю, которую надлежало бы ему теперь обнаружить и, оправдавъ своихъ подчиненныхъ, самому дать отчетъ государынѣ въ причинахъ, его къ тому руководствовавшихъ.... Кто бы подумалъ, что графъ П. В., весьма

строго поведенія человѣческія судящій, на первомъ опытѣ несчастія совершенно преткнется?»[1].

Какъ между тѣмъ оправдывался самъ Завадовскій? За нѣсколько дней до приведеннаго сейчасъ письма Алексѣева онъ писалъ объ этомъ дѣлѣ къ графу С. Р. Воронцову. Разсказавъ о своей болѣзни и о козняхъ враговъ, онъ такъ продолжаетъ: «Уставомъ банка главные директоры уволнены отъ свидѣтельства казны и ежедневнаго въ правленіи присутствія; слѣдственно я не подлежу отвѣту. Но не меньше стражду о чинахъ, которые ни въ чемъ не виноваты опричь оплошности по довѣрію къ мошеннику, что̀ маску носилъ превѣрнаго и преисправнаго.... Изъ украденныхъ денегъ половина въ безпутныхъ торгахъ промотана, другая разошлась по купцамъ на заплату великихъ процентовъ, чтобъ вносили капиталы въ банкъ, коихъ наличность, обращая въ теченіе вседневное, закрывалъ воръ свой подлогъ».

Болѣзнь Завадовскаго, поспѣшность, съ какою онъ вывезъ изъ банка свои сундуки, а наконецъ и его поведеніе въ комиссіи заставляютъ сомнѣваться, чтобы онъ былъ совершенно чистъ въ этомъ дѣлѣ. Весьма естественно, что Державинъ,—при томъ неуклонномъ стремленіи къ справедливости, которое всегда отличало его въ подобныхъ дѣлахъ, и, прибавимъ, при томъ нерасположеніи, какое ему оказывалъ Завадовскій,—не чувствовалъ никакого побужденія смягчать падавшую на послѣдняго тѣнь. По свидѣтельству Грибовскаго Екатерина, прочитавъ докладъ комиссіи, назвала Державина «слѣдователемъ жестокосердымъ»[2]. По повелѣнію ея, докладъ былъ переданъ въ сенатъ; тамъ генералъ-прокуроръ и другіе приверженцы Завадовскаго дали дѣлу такой оборотъ, что произведенное комиссіею слѣдствіе признано было недостаточнымъ и опредѣлено пополнить его. Пересмотръ порученъ былъ Зубову и Безбородкѣ, который во время дѣйствій комитета находился въ отпуску, въ Москвѣ, и только недавно былъ вызванъ оттуда. Пріѣздъ его

[1] *Сборн. Истор. Общ.* XVI, 401.

[2] *Зап.*, стр. 99. Въ томъ же смыслѣ надо принимать и слова Безбородки въ письмѣ къ Воронцову: «Наглость Державина не стоитъ никакого уваженія» (*Арх. кн. Воронцова* XIII, 333).

ободрилъ Завадовскаго. Результатомъ новаго слѣдствія было полное оправданіе принадлежавшихъ къ высшему управленію банка лицъ; осуждены были только кассиръ Кельбергъ съ женою и нѣсколько человѣкъ, признанныхъ его сообщниками: купцовъ, художниковъ и мастеровыхъ, а также второстепенныхъ чиновниковъ банка. Впрочемъ приговоръ былъ исполненъ не прежде какъ въ царствованіе императора Павла. Рѣшено: Кельберга лишить чиновъ и дворянства и сослать вмѣстѣ съ женою въ тяжкую работу. Изъ сообщниковъ его одни присуждены къ наказанію кнутомъ, другіе къ ссылкѣ равнымъ образомъ въ тяжкую работу, третьи къ денежнымъ взысканіямъ. Съ бывшаго директора банка Туманскаго положено взыскать 15,000, съ нотаріуса Кремпина 11,000 руб., совѣтниковъ же правленія и директоровъ — отрѣшить отъ должностей ихъ. На этотъ приговоръ 4 декабря 1796 г. послѣдовала высочайшая резолюція: 1) Кельберга выводить по три дня на площадь и ставить у столба съ привѣшенною на груди таблицею: *воръ государственной казны;* и 2) сообщниковъ его второй степени отъ наказанія кнутомъ освободить «изъ единственнаго человѣколюбія и милосердія нашего» [1].

Поводомъ къ такому частному смягченію приговора было то, что великій князь Александръ Павловичъ ходатайствовалъ за одного изъ главныхъ сообщниковъ. Императоръ Павелъ готовъ былъ допустить въ пользу этого преступника исключеніе и помиловать его; Безбородко поддерживалъ это намѣреніе, но И. В. Лопухинъ энергически противился подобной несправедливости и представлялъ, что въ такомъ случаѣ и всѣ виновные того же разряда должны воспользоваться облегченіемъ наказанія [2]. Въ приговорѣ всѣ осужденные поименованы; тотъ, за котораго просилъ великій князь, былъ, какъ оказывается, архитекторъ Каваліари [3], благодаря которому, такимъ образомъ, и всѣ въ равной

[1] *П. С. З.* XXIV, № 17,612.

[2] *Записки И. В. Лопухина.* Лондонъ 1860, стр. 77 — 79.

[3] Это вытекаетъ изъ сравненія разсказа Лопухина съ указомъ 4-го декабря, ибо въ словахъ императора Павла, приведенныхъ въ запискахъ Лопухина, упоминается между-прочимъ мнѣніе Безбородки, что преступника, о которомъ рѣчь идетъ, можно послать какъ *хорошаго художника*

съ нимъ мѣрѣ провинившіеся были освобождены отъ тѣлеснаго наказанія.

27-го марта 1796 года Державинъ писалъ къ Мертваго: «Банковая комиссія была трудная и щекотливая, которая меня безпрестанно занимала, а теперь, слава Богу, хотя кончилась, но на поднесенный докладъ конфирмація еще не вышла». Въ томъ же положеніи дѣло находилось еще и въ маѣ, какъ видно изъ письма Державина отъ 5-го этого мѣсяца; «однакожъ», говоритъ онъ тутъ, «Завадовскій смѣненъ Румянцовымъ» (Н. П.); при императорѣ же Павлѣ будущій министръ просвѣщенія, въ слѣдствіе другого подобнаго дѣла, былъ отставленъ отъ службы, чѣмъ вѣроятно обязанъ былъ Ростопчину [1].

Что касается поведенія Державина, какъ члена банковой комиссіи, то онъ самъ отдаетъ намъ отчетъ въ немъ. Завадовскаго, какъ предсѣдателя этой комиссіи, допрашивать было невозможно, трудно было и противорѣчить ему, а между тѣмъ слѣдствіе не достигло бы цѣли, еслибъ истина осталась не вполнѣ раскрытою; комиссія въ такомъ случаѣ заслужила бы упрекъ въ недобросовѣстности и криводушіи: поэтому Державинъ принялъ за правило обо всемъ, что́ будетъ обнаруживаться на слѣдствіи, сообщать Зубову, такъ какъ все ему извѣстное непремѣнно доходило и до свѣдѣнія императрицы. Весь образъ дѣйствій Державина въ комиссіи не могъ не усилить вражды къ нему Завадовскаго, которая съ тѣхъ поръ уже никогда не угасала: когда, при

въ Воскресенскъ, гдѣ онъ полезенъ будетъ для отдѣлки монастыря. Сообщниками же его были маклеръ Шпальдингъ и канцеляристъ Ермолай Кельбергъ (братъ кассира). Въ XII томѣ *Архива князя Воронцова* (стр. 161) выражено предположеніе, что преступникъ, которымъ интересовался великій князь, былъ самъ Клеберъ (т. е. Кельбергъ, кассиръ). Послѣ высказаннаго соображенія эта догадка сама собой падаетъ.

[1] *Архивъ князя Воронцова* XII, 241. Богдановичъ, *Ист. царств. Александра Перв.* I, 140. Вскорѣ послѣ назначенія банковаго комитета Ростопчинъ писалъ объ этомъ князю С. Р. Воронцову и распространялся объ отчаяніи Завадовскаго, говоря что онъ намѣренъ выйти въ отставку, что клевета не щадитъ его и что одинъ изъ членовъ комиссіи, Мятлевъ, пользующійся довѣріемъ Зубова, всячески старается очернить главнаго директора банка (*Архивъ кн. Вор.* VIII, 126. Ср. также XIII, 333 и 396).

императорѣ Александрѣ I, Державинъ занялъ постъ министра юстиціи, то Завадовскій въ письмѣ къ графу Воронцову весьма рѣзко отозвался о своемъ собратѣ: говорилъ о «природномъ ему сумасбродствѣ», о преобладаніи въ немъ воображенія надъ здравымъ разсудкомъ, и въ заключеніе замѣтилъ: «Открывается, что благодать сія намъ пришла отъ Зубовыхъ, и хотя не могу думать, чтобы комета пребыла долго, которой пища — розыски и доносы, но и въ малые дни слѣды колобродства не на поверхности останутся» [1].

Упоминая въ своихъ запискахъ о кончинѣ Екатерины, Державинъ не удержался отъ упрека ея памяти въ томъ, что онъ не получилъ отъ императрицы никакихъ особенныхъ наградъ, но въ то же время онъ помянулъ ее и добромъ, признавъ за самую безцѣнную награду, «что она, при всѣхъ гоненіяхъ сильныхъ и многихъ непріятелей, не лишала его своего покровительства и не давала такъ-сказать задушить его; однакожъ», прибавляетъ онъ, «не давала и торжествовать явно надъ ними огласкою его справедливости и вѣрной службы или особливою какою-либо довѣренностію, которую она прочимъ оказывала». Это объясняется тѣмъ, что въ самыхъ похвальныхъ поступкахъ Державина пріемы его были обыкновенно жестки и рѣзки: великую честь Екатеринѣ приноситъ то, что, несмотря на его часто черезчуръ смѣлыя выходки, она всетаки умѣла цѣнить въ немъ хорошее и продолжала давать ему порученія и возвышать его. И тутъ нельзя опять не отдать справедливости ея умѣнію пользоваться для своихъ цѣлей даже недостатками извѣстныхъ ей лицъ. Находя, что Екатерина не безусловно служила правдѣ, и потому сомнѣваясь, чтобы она въ отдаленномъ потомствѣ сохранила названіе Великой, обвиняя ее въ излишнемъ славолюбіи и даже въ завоевательномъ духѣ, особливо за послѣдніе годы ея царствованія, когда, по его словамъ, и въ администраціи размножились всякаго рода злоупотребленія, Державинъ кончаетъ однако желаніемъ: «Да благословенна будетъ память такой государыни, при которой Россія благоденствовала и которую долго не забудетъ»!

[1] *Арх. кн. Воронцова,* XII, 273.

16. ЧАСТНАЯ ЖИЗНЬ. СМЕРТЬ ЖЕНЫ.

Обозрѣвъ служебную дѣятельность Державина до кончины Екатерины II, взглянемъ теперь на другія стороны его жизни со времени назначенія въ кабинетскіе секретари. Здѣсь въ первый разъ представляются намъ его хозяйственныя заботы по деревенскимъ дѣламъ. Чтобы жить въ Петербургѣ сообразно съ своимъ положеніемъ, надо было подумать объ увеличеніи своихъ доходовъ, и для этого супруги занялись улучшеніемъ своего оренбургскаго имѣнія, къ которому еще прежде они прикупили земли́ у сосѣднихъ Башкирцевъ и куда перевели крестьянъ изъ рязанской деревни. Теперь въ имѣніи «Державинѣ» былъ новый управляющій. Въ концѣ 1790 года Гаврила Романовичъ взялъ въ эту должность по контракту, за 500 р. въ годъ, губернскаго секретаря Онисима Мих. Перфильева и вступилъ въ дѣятельную съ нимъ переписку. Рѣчь шла объ устроеніи въ деревнѣ винокуреннаго завода, но съ тѣмъ чтобы не отрывать крестьянъ отъ ихъ работъ, употребляя ихъ не иначе какъ по найму. Въ то же время предположено было завести тамъ полотняную и суконную фабрики, на которыхъ крестьяне выучились бы изъ своей собственной пряжи ткать для себя посредственныя полотна и для себя же дѣлать порядочныя сукна. При этомъ Державинъ объяснялъ, что его цѣль вовсе не личная прибыль и не заведеніе фабрикъ на широкую ногу: онъ желалъ такъ устроить ихъ, чтобы не только работники для себя и для своего господина ткали, но чтобъ и всякій крестьянинъ могъ ими пользоваться такъ, какъ пользуются мельницами, толчеями и т. п. Эта мысль, говорилъ онъ, «покажется многимъ странною, но со временемъ она, по своей пользѣ, лучшими экономами похулена не будетъ». Въ руководство онъ послалъ Перфильеву наставленіе извѣстнаго казанскаго заводчика Осокина и велѣлъ отправить на его фабрику въ ученье нѣсколько крестьянъ изъ своихъ казанскихъ деревень. Между тѣмъ въ оренбургскомъ имѣніи строилась также церковь; въ Петербургѣ писались для нея «самымъ лучшимъ мастерствомъ образа́». Державинъ вызывался накупить въ синодѣ

не только церковныхъ, но и другхъ поучительныхъ книгъ, обѣщалъ прислать нотъ для партеснаго пѣнія и благодарилъ Перфильева за исходатайствованіе у архіерея хорошаго священника, прося поддерживать послѣдняго въ обученіи крестьянскихъ мальчиковъ грамотѣ и пѣнію. Когда церковь была готова и въ ней началась служба, Державинъ писалъ между-прочимъ: «Священника нашего благодарите за проповѣди, я очень ими доволенъ: онъ имѣетъ и способности и знанія для сего дѣла нарочитыя; прошу, чтобъ продолжилъ; въ благодарность мою купите ему сукна на рясу и подарите, а книгъ ему для наставленія въ проповѣдяхъ прислать не умедлю» [1].

Столь же благопріятно въ пользу Державина свидѣтельствуютъ его заботы о крестьянахъ. Такъ, по поводу постройки винокуреннаго завода онъ пишетъ къ своему управляющему: «О казанскихъ крестьянахъ скажу: это не дурно, что ихъ употребили въ помощь уфимскимъ, но только, какъ они платятъ оброкъ, то не тягостно ли имъ будетъ? ибо уже вдвойнѣ отъ нихъ пóдать черезъ-то прійдетъ». Въ другой разъ онъ проситъ производить по настоящимъ цѣнамъ плату всѣмъ, при работахъ употребляемымъ, не только мастерамъ, присланнымъ отъ сосѣда (Столыпина), но и своимъ людямъ. И позднѣе онъ подтверждалъ, чтобы все дѣлалось наймомъ, позволяя брать крестьянъ только въ крайней необходимости, съ величайшею бережливостью, чтобы не удалять ихъ отъ настоящаго ихъ хозяйства и не угнетать лишнею работою [2]. Во всѣхъ своихъ предписаніяхъ по имѣніямъ онъ является истинно-просвѣщеннымъ помѣщикомъ.

За дѣлами оренбургской деревни Державина наблюдалъ издали и новый пріятель его Мертваго, который, живя въ Уфѣ, особенно заботился объ устройствѣ поставки съ его завода вина въ Уральскъ, Оренбургъ и другіе города тамошняго края. Между тѣмъ финансы Державина были въ очень дурномъ положеніи; въ Петербургѣ ему не удавалось сводить концы съ концами: онъ просилъ Перфильева присылать остающіяся за экономическими

[1] V, 794, 801, 818.
[2] V, 791, 793, 798, 816.

нуждами деревенскіе доходы, «ибо», говорилъ онъ, «здѣсь по дороговизнѣ почти безпрестанно занимаю». Въ другой разъ онъ сознавался, что кругомъ долженъ. Заводъ не приносилъ ожидаемой прибыли: вмѣсто 10,000 ведеръ вина, какъ надѣялись, выкуривалось въ зиму не болѣе половины того. Денегъ на устройство было истрачено уже до 15,000 руб. Мало по малу довѣріе къ Перфильеву поколебалось. Вмѣсто того, чтобы добросовѣстно заниматься на мѣстѣ управленіемъ имѣнія, онъ, вопреки совѣту Державина, пріѣзжалъ въ Петербургъ; воротившись же въ деревню, не присылалъ отчетовъ, которыхъ владѣлецъ настойчиво требовалъ. Наконецъ, въ покупкѣ для завода кубовъ, оказавшихся негодными, обнаружился несомнѣнный обманъ, а вскорѣ открылись и другія плутни, напр. утайка части вырученнаго дохода и выкуреннаго вина. Въ началѣ 1794 года родственникъ Державина, подполковникъ А. В. Страховъ, отправляясь по своимъ дѣламъ въ Оренбургскій край, обѣщалъ заняться и его деревенскими дѣлами,—потребовать у Перфильева отчета во всѣхъ его дѣйствіяхъ по управленію имѣніемъ и въ случаѣ надобности просить на него суда. Изъ дальнѣйшей переписки Державина видно, что Перфильевъ, избѣгая отвѣтственности, бросилъ всѣ дѣла его и тайно увезъ часть его имущества; когда же на имѣніе Перфильева было наложено запрещеніе, то онъ явился въ Петербургъ съ жалобой на Державина и на Мертваго. Требовали, чтобы онъ воротился къ мѣсту своей дѣятельности, но онъ разными каверзами такъ ловко повернулъ дѣло, что добродушный поэтъ самъ просилъ о снисхожденіи къ своему управляющему: «Перфильевъ», писалъ онъ къ Мертваго, «просьбою убѣдилъ меня, чтобъ не настоять о скорой его высылкѣ къ вамъ, въ слѣдствіе чего и просилъ я гг. сенаторовъ, чтобъ пріостановить его отселѣ отправленіе, доколѣ не разсмотрится отъ васъ присланное объясненіе, или паче пока лично не удостовѣрюсь я съ деревни, стóитъ ли того, чтобъ продолжать съ нимъ хлопоты» [1].

Между тѣмъ надежды на Страхова также рушились. Долго

[1] VI, 33.

не было объ немъ ни слуху, ни духу; Державинъ дивился, что около двухъ лѣтъ не имѣлъ о немъ извѣстій: «Поистинѣ», писалъ поэтъ, «грустно и вспомнить, что имѣешь деревни». Наконецъ пришелъ отчетъ, но вскорѣ опять получено неутѣшительное увѣдомленіе, что Страховъ изъ деревни выѣхалъ и заводъ оставленъ безъ всякаго попеченія. Державинъ убѣдился, что на родственника, занятаго своею службой, также надѣяться нельзя, и для приведенія дѣлъ оренбургскаго имѣнія въ порядокъ необходимо было бы самому туда съѣздить, но, какъ мы видѣли, служебныя обязанности не позволяли ему отлучиться. Тогда онъ рѣшился прибѣгнуть къ помощи зятя Мертваго, Петра Ив. Чичагова, также служившаго въ Уфѣ, и просить его принять на себя главное наблюденіе за хозяйствомъ села *Державина* и освященіемъ тамошней церкви. Дѣло устроилось, и въ іюлѣ 1796 года поэтъ писалъ къ Мертваго: «Спѣшу васъ благодарить за такого человѣка, котораго умъ и свѣдѣнія увѣряютъ меня въ полной мѣрѣ, что деревни мои будутъ имѣть не расхитителя, а устроителя и попечителя какъ о моемъ, такъ и о ихъ благѣ» [1]. Въ то же время Державинъ хлопоталъ о займѣ 12,000 рублей для уплаты долга графинѣ Браницкой, которая ссудила его этой суммой для внесенія въ банкъ по окончаніи срока займу. Мертваго обѣщалъ помочь ему занять эту сумму въ провинціи.

Къ непріятностямъ, которыя испытывалъ Державинъ и по службѣ, и по своимъ хозяйственнымъ дѣламъ, присоединилась тяжкая семейная скорбь: 15-го іюля 1794 года онъ лишился жены, такъ нѣжно любившей его и такъ умѣвшей облегчать ему житейскія невзгоды. Здоровье ея сильно поколебалось въ Тамбовѣ, гдѣ и теперь жалуются на климатъ, располагающій къ лихорадкамъ. Послѣ извѣстной злополучной ссоры, Катерина Яковлевна слегла на нѣсколько недѣль и уже никогда не могла вполнѣ оправиться. Въ концѣ 1793 года Елис. Корн. Нилова, въ письмѣ изъ Тамбова, выражала ей сожалѣніе, что она «все еще не освободилась отъ болѣзни, которою ее наградило *здѣшнее* губернаторство». 22-го апрѣля слѣдующаго года Гаврила Романо-

[1] VI, 50.

вичъ писалъ Дмитріеву: «Катерина Яковлевна моя насилу, насилу теперь только стала отдыхать и воскресать изъ мертвыхъ». Но эта надежда была непродолжительна: 24-го іюля поэтъ въ немногихъ строкахъ увѣдомилъ друга о кончинѣ «своей Плѣниры», которая, говорилъ онъ, «для меня только жила на свѣтѣ, которая все мнѣ въ немъ составляла».

Мы уже не разъ говорили о качествахъ Катерины Яковлевны. Она была не только отличною хозяйкой, вѣрною помощницей и утѣшительницей мужа, но умѣла также цѣнить и ободрять его поэтическій талантъ. По собственному его сознанію она «любила его сочиненія, съ жаромъ и мастерски нерѣдко читывала ихъ. Въ послѣднее время жизни она дала ему трогательное доказательство своей заботливости о его славѣ: тайкомъ отъ него собрала всѣ его стихотворенія и своей рукой переписала ихъ въ одну тетрадь. Такъ какъ ему не удавалось новыми стихотвореніями удовлетворить ожиданіямъ императрицы, то Катерина Яковлевна посовѣтовала ему поднести по крайней мѣрѣ собраніе прежнихъ произведеній своихъ, между которыми были и неизвѣстныя еще государынѣ. Высказавъ эту мысль, она, къ удивленію мужа, вручила ему переписанную ею тетрадь.

Мы не боимся возмутить прахъ Державина, упомянувъ объ оставшемся въ перепискѣ его свидѣтельствѣ, что по крайней мѣрѣ однажды между супругами произошло несогласіе, виною котораго была вѣроятно его вспыльчивость. Въ одной запискѣ изъ Царскаго Села, относящейся къ 1793 году, онъ упрекаетъ жену, что она къ нему не ѣдетъ по своенравію и гордости: «Не хочешь», говоритъ онъ, «по случившейся размолвкѣ унизиться предъ мужемъ... Гдѣ же та добродѣтель, которою ты отличаешься отъ прочихъ женщинъ и которою ты даже хвалишься?... Забудь, душа моя, прошедшую ссору; вспомни, что уже цѣлую недѣлю я тебя не видалъ и что въ середу Ганичка твой — именинникъ. Пріѣзжай въ объятія вѣрнаго твоего друга»[1].

Смерть Катерины Яковлевны составила чувствительную потерю и для друзей поэта: Дмитріевъ и Капнистъ оплакали ее въ

[1] V, 813.

стихахъ: первый написалъ по этому случаю посланіе «къ Державину»[1]; второй элегію «на смерть Плѣниры»[2] и кромѣ того «Годовое воспоминовеніе Плѣнириной кончины»[3]. Самъ Державинъ посвятилъ ея памяти прелестное элегическое стихотвореніе *Ласточка*[4] и набросалъ-было еще эскизъ другой пьесы, въ подражаніе Оссіану[5], имѣвшей то же назначеніе, но не совладалъ съ нею, какъ видно изъ его письма къ Дмитріеву отъ 17-го октября 1794 г. Изъявляя другу благодарность за стихи на смерть Катерины Яковлевны, онъ говоритъ, что они стоили ему много слезъ, что онъ и теперь еще не можетъ читать ихъ безъ рыданія, и прибавляетъ: «я хотѣлъ-было самъ писать, но или чувствуя чрезмѣрно мою горесть, не могу привесть въ порядокъ моихъ мыслей, или, какъ окаменѣлый, ничего и мыслить не въ состояніи бываю»[6]. Что Державинъ въ первое время по смерти жены дѣйствительно тяжко скорбѣлъ, это подтверждаютъ многія современныя свидѣтельства. Мертваго, около этого времени пріѣхавшій въ Петербургъ по своимъ дѣламъ, говоритъ: «Я нашелъ тамъ благодѣтеля своего въ самомъ грустномъ положеніи: жена его— больная при смерти, и черезъ нѣсколько дней при мнѣ скончалась; онъ — въ ссорѣ со всѣми знатными боярами; императрица была имъ недовольна. Разсказывая ему всѣ несчастныя мои обстоятельства, я просилъ добраго его совѣта, не ожидая отъ него никакой помощи; но онъ, придумывая разные способы, черезъ нѣсколько дней, несмотря на болѣзнь жены ему милой, поѣхалъ на праздникъ въ Царское Село, только для того, чтобы узнать получилъ ли генералъ-прокуроръ донесеніе губернатора, и что́ думаетъ онъ сдѣлать. Катерина Яковлевна, уже смерти ожидавшая, лежала въ постелѣ; я сидѣлъ возлѣ нея, держа ее за руку; мужъ, ходя близъ кровати, говоритъ: «Какъ мнѣ ѣхать въ Царское Село, и оставить ее на два дни»! Она, его подозвавъ, ска-

[1] См. *Стихотворенія И. И. Дмитріева*, стр. 91.
[2] *Сочиненія Капниста*, изд. Смирд., стр. 364.
[3] Тамъ же, стр. 355.
[4] I, 570.
[5] I, 576.
[6] I, 402. VI, 16.

зала: «Ты не имѣешь фавору, но есть къ тебѣ уваженіе; поѣзжай, мой другъ, ты можешь говорить за него; Богъ милостивъ: можетъ, я проживу столько, что дождусь съ тобой проститься». Гаврила Романовичъ страстно любилъ свою жену, но поступилъ великодушно..... Вскорѣ скончалась Катерина Яковлевна, женщина дѣйствительно отличныхъ достоинствъ. Онъ предался горьчайшей печали, и я не отходилъ отъ него» [1].

Со словъ Дмитріева, Жихаревъ разсказываетъ: «По кончинѣ первой жены своей Державинъ примѣтно измѣнился въ характерѣ и сталъ еще болѣе задумчивъ, и хотя въ скоромъ времени опять женился, но воспоминаніе о первой подругѣ, внушившей ему всѣ лучшія его стихотворенія, никогда его не оставляетъ. Часто за пріятельскими обѣдами, которые Гаврила Романовичъ очень любитъ, при самыхъ иногда интересныхъ разговорахъ или спорахъ, онъ вдругъ задумается и зачертитъ вилкою по тарелкѣ вензель покойной, драгоцѣнныя ему буквы К. Д. Вторая супруга его, замѣтивъ это несвоевременное рисованье, всегда выводитъ его изъ мечтанія строгимъ вопросомъ: Ганюшка, Ганюшка, чтó это ты дѣлаешь? — Такъ, ничего, матушка! обыкновенно съ торопливостью отвѣчаетъ онъ, потирая себѣ глаза и лобъ, какъ будто съ просонья». При передачѣ этого разсказа Жихаревъ повторяетъ слухи о Катеринѣ Яковлевнѣ, какъ «женщинѣ необыкновенной по уму, тонкому вкусу, чувству приличія и вмѣстѣ по своей миловидности» [2].

Тѣло ея погребено на Лазаревомъ кладбищѣ Александро-Невской лавры, невдалекѣ отъ могилы Ломоносова. На гробницѣ ея высѣчена эпитафія, сочиненная мужемъ:

«Гдѣ добродѣтель? гдѣ краса?
Кто мнѣ слѣды ея примѣтитъ?
Увы! здѣсь дверь на небеса....
Сокрылась въ ней — да солнце встрѣтитъ!» [3]

[1] *Автобіографич. Записки* Мертваго, стр. 78.

[2] *Записки современника. Ч. I. Дневникъ студента*, стр. 176.

[3] I, 580.

17. ВТОРОЙ БРАКЪ.

Ровно черезъ полгода послѣ такой тяжкой утраты, Державинъ вступилъ въ новый бракъ. Въ объясненіе этой странности близкія къ нему лица указывали на особенности его духовной природы, чувствовавшей неодолимую потребность въ общеніи, въ раздѣленіи вседневныхъ заботъ и тревогъ; болѣе же всего выставляли его безпомощность въ практической жизни, его совершенную неспособность вести самому свои хозяйственныя дѣла. Кромѣ того нельзя не принять во вниманіе, что второю женой его сдѣлалась дѣвица, которую онъ давно зналъ, которую любила Катерина Яковлевна и во взаимности которой онъ заранѣе былъ увѣренъ. Дарья Алексѣевна Дьякова была невѣсткою (сестрою женъ) двухъ друзей его, Львова и Капниста, и еще при жизни Катерины Яковлевны не скрывала своего добраго расположенія къ ея мужу, какъ видно изъ одного, разсказаннаго имъ въ запискахъ случая [1]. Отца ея, Алексѣя Афанасьевича Дьякова, въ это время уже не было въ живыхъ. Вотъ нѣсколько сохранившихся о немъ извѣстій. Онъ родился въ 1721 г., воспитывался въ Сухопутномъ шляхетномъ корпусѣ и долго служилъ потомъ оберъ-прокуроромъ въ сенатѣ. Для своего времени онъ былъ человѣкомъ довольно образованнымъ: зналъ четыре языка, любилъ чтеніе, особенно историческихъ книгъ и путешествій. Женатъ онъ былъ на княжнѣ Авдотьѣ Петровнѣ Мышецкой, сестра которой была замужемъ за Бакунинымъ, братомъ извѣстнаго дипломата. Это родство доставило Дьяковымъ нѣсколько знакомствъ въ высшемъ петербургскомъ обществѣ. Красавицы дочери его блистали на вечерахъ у Льва Александровича Нарышкина и составляли кадриль великаго князя Павла Петровича. По тогдашнему онѣ были воспитаны не дурно. Александра Алексѣевна, вышедшая за Капниста, получила образованіе въ Смольномъ монастырѣ; другія двѣ, Марія (жена Львова) и Дарья, были воспитаны дома: онѣ говорили по-французски, но, какъ вообще

[1] VI, 683.

водилось въ то время, очень неправильно писали по-русски [1]. У нихъ были еще двѣ сестры, изъ которыхъ Екатерина была за графомъ Стейнбокомъ [2]. Выйдя въ отставку, въ 1789 году, старикъ Дьяковъ гостилъ то у Стейнбоковъ, жившихъ въ Ревелѣ, то у Капнистовъ, въ Обуховкѣ. Въ этомъ имѣніи онъ и умеръ 7-го іюля 1791 года, и похороненъ въ тамошнемъ саду. Дарья Алексѣевна жила у графини Стейнбокъ. Въ концѣ 1794 г. обѣ пріѣхали на время въ Петербургъ. Державинъ пригласилъ ихъ къ себѣ на обѣдъ, а черезъ нѣсколько дней сдѣлалъ дѣвицѣ Дьяковой предложеніе, которое и было принято. Жениху шелъ 52-й годъ, а невѣстѣ 28-й: она родилась 8-го марта 1767 года. Это была красавица высокаго роста и крупныхъ формъ, величавая, но холодная; правильнымъ чертамъ лица ея недоставало одушевленія и живости. Портретъ ея приложенъ къ III-му тому нашего изданія.

Отъ времени, протекшаго между помолвкой и свадьбой, которая была 31-го января 1795 года, сохранился рядъ записокъ Державина къ невѣстѣ [3]. Въ нихъ онъ уже называетъ ее то Дашенькой, то Миленой, двумя именами, подъ которыми она съ тѣхъ поръ является и въ стихахъ его. Къ этому же промежутку времени относится замѣчательная его пьеса *Призываніе и явленіе Плѣниры*. Она состоитъ изъ двухъ строфъ; въ первой, призывая тѣнь умершей, онъ сѣтуетъ:

«Хоть острый серпъ судьбины
Моихъ не коситъ дней,

[1] Любопытенъ въ отношеніи къ женскому образованію того времени анекдотъ, что однажды на вечерѣ у Марьи Павловны Нарышкиной графъ Сегюръ съ восхищеніемъ разсказывалъ дамамъ объ aurore boréale — сѣверномъ сіяніи, которое онъ видѣлъ въ Петербургѣ, но ни одна изъ слушательницъ не поняла, о чемъ онъ говорилъ, кромѣ Марьи Алексѣевны Львовой: она, послѣ его ухода, объяснила прочимъ содержаніе разговора.

[2] Пятая, самая старшая и красивая изъ всѣхъ, Анна Алексѣевна, была за Березинымъ. Ихъ дочь Надежда вышла за Федора Петровича Львова, который въ 1810 г. женился вторымъ бракомъ на Елисаветѣ Николаевнѣ Львовой.

[3] VI, 24—26.

Но нѣтъ ужъ половины
Во мнѣ души моей!»

Во второй строфѣ поэтъ воображаетъ, что тѣнь Плѣниры, сойдя къ нему на этотъ зовъ, благословляетъ его на новый бракъ и говоритъ ему:

«Миленой половину
Займи души твоей».

Такимъ образомъ онъ какъ будто оправдывается передъ самимъ собой въ скоромъ рѣшеніи своемъ. Другое тогдашнее стихотвореніе его *Мечта* написано на сговоръ съ Дьяковою, и въ оригинальныхъ, граціозныхъ образахъ рисуетъ зарожденіе любви въ сердцѣ невѣсты. Въ сущности ни Дарья Алексѣевна, ни женихъ ея не были влюблены другъ въ друга; хотя она и была почти на четверть вѣка моложе его, но для нея пора первой молодости также ужъ миновала. Онъ самъ въ своихъ запискахъ сознается, что это супружество основывалось болѣе на чувствѣ давнишней дружбы и на благоразуміи, нежели на страсти[1]. Дарья Алексѣевна получила свѣтское воспитаніе, училась не многому, но имѣла талантъ къ музыкѣ и играла на арфѣ. По характеру она во многихъ отношеніяхъ составляла совершенную противоположность покойной Катеринѣ Яковлевнѣ: была сосредоточена въ самой себѣ, сдержана и суха въ обращеніи, даже съ близкими людьми, часто не любезна къ друзьямъ своего мужа, но вмѣстѣ съ тѣмъ однако добра, благотворительна, справедлива, великодушна, и потому, несмотря на свои недостатки, любима и уважаема жившими съ нею: она не терпѣла злословія и никогда не позволяла при себѣ дурно говорить объ отсутствующихъ. Въ ней были необъяснимыя противорѣчія: при видимой холодности, она иногда, среди разговора, вдругъ растрогается и отойдетъ въ сторону, чтобы никто не видѣлъ ея слезъ. Въ хозяйствѣ она была чрезвычайно расчетлива, когда дѣло шло о мелочахъ; но не жалѣла денегъ на крупные расходы и была щедра къ зависѣв-

[1] VI, 684 и 685.

шимъ отъ нея людямъ: такъ, послѣ смерти мужа, она до конца жизни не увеличивала оброка со своихъ крестьянъ, хотя ее и увѣряли, что напр. оренбургское имѣніе могло бы давать гораздо болѣе. Благодаря твердому характеру и экономическимъ способностямъ Дарьи Алексѣевны, матеріальная сторона жизни Державина скоро улучшилась; но вмѣстѣ съ тѣмъ, кажется, первенство власти въ его домѣ рѣшительно перешло въ руки новой хозяйки.

18. ЛИТЕРАТУРНАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ.

Какъ видно изъ переписки Державина съ Мертваго, ода *Водопадъ* была кончена вскорѣ послѣ смерти Катерины Яковлевны. Къ первой половинѣ того же года относятся два большія стихотворенія его *Мой истуканъ* и *Вельможа*. Первое написано по поводу сдѣланнаго Рашетомъ бюста его; второе передѣлано изъ пьесы *на знатность*, напечатанной имъ почти за двадцать передъ тѣмъ лѣтъ въ книжкѣ Читалагайскихъ одъ: изображая вообще величіе истиннаго достоинства, оно въ особенности посвящено похвалѣ Румянцова. По содержанію, обѣ оды въ близкомъ между собой соотношеніи. Въ первой нельзя не отмѣтить обращенія поэта къ самому себѣ и вызванныхъ тѣмъ опасеній за свою славу въ потомствѣ (строфы 19 и 20); вторая, о которой мы уже говорили при первоначальномъ ея появленіи, замѣчательна по сатирическимъ выходкамъ противъ недостойныхъ вельможъ, по живости образовъ и множеству счастливыхъ стиховъ [1].

Въ концѣ 1794 года написана ода *на взятіе Варшавы*. Съ появленіемъ ея связано довольно любопытное обстоятельство. И. И. Дмитріевъ находился на родинѣ, въ Сызрани. По одному изъ тѣхъ слуховъ, которые легко возникаютъ въ военное время, онъ, передъ отъѣздомъ своимъ въ Астрахань (гдѣ у него была

[1] 6 декабря 1794 года Бантышъ-Каменскій писалъ къ Куракину: «Появилось еще здѣсь ѣдкое сочиненіе *Вельможа*. Всѣ цѣлятъ на Державина, но онъ отпирается» (*Р. Арх.* 1876. III, 400).

извѣстная тяжба), написалъ оду на покореніе Варшавы, и хотя еще въ дорогѣ узналъ, что слухъ не вѣренъ, но по привычкѣ сообщать Державину всякое свое сочиненіе, всетаки отправилъ къ нему новую оду. Между тѣмъ въ Петербургѣ получено было извѣстіе о побѣдѣ, одержанной Ферзеномъ надъ Костюшкой, и Державинъ, по этому случаю, представилъ оду своего пріятеля Зубову. Она тогда же была напечатана на счетъ Кабинета подъ заглавіемъ *На разбитіе Костюшки гласъ патріота.* Весь городъ и сама императрица приписали ее Державину, хотя на ней и было выставлено имя настоящаго ея автора. «Невѣроятнымъ показалось», говоритъ Державинъ въ письмѣ къ Дмитріеву, «какъ въ Астрахани сочиненные стихи могли такъ скоро сюда перелетѣть» и явиться въ печати почти одновременно съ извѣстіемъ о побѣдѣ Ферзена. Чтобы отдать Дмитріеву принадлежавшую ему честь, Державинъ долженъ былъ показать Зубову полученное отъ Ивана Ивановича письмо. Съ своей стороны и Карамзинъ въ Москвѣ старался вывести любителей поэзіи изъ заблужденія [1].

Не такъ посчастливилось одѣ, написанной вскорѣ послѣ того Державинымъ. Исторія ея появленія также любопытна. При первомъ извѣстіи о взятіи Варшавы Суворовымъ, поэтъ написалъ только четверостишіе:

«Пошелъ — и гдѣ тристаты злобы?
Чему коснулся, все сразилъ!
Поля и грады стали гробы;
Шагнулъ — и царство покорилъ!» [2]

Эти стихи тогда же были отправлены авторомъ, при поздравительномъ письмѣ, къ Суворову, который, какъ читатели помнятъ, было давно съ нимъ знакомъ. Но затѣмъ Державинъ рѣшился распространить это четверостишіе и написалъ, по собственнымъ словамъ его, «въ одинъ присѣстъ», цѣлую оду. Черезъ нѣ-

[1] VI, 18. *Взглядъ*, 75. *Письма Карамз. къ Дмитріеву* 51.
[2] I, 636.

сколько времени (уже въ 1795 году) эта ода, прочитанная и одобренная императрицей, была напечатана, въ числѣ 3,000 экземпляровъ, въ пользу двухъ какихъ-то бѣдныхъ вдовъ. Но ей не суждено было тогда же явиться: въ печати она, какъ писалъ Державинъ къ Мертваго, «не полюбилась» государынѣ, и всѣ экземпляры были «заперты въ Кабинетѣ ея». Причину неудовольствія императрицы поэтъ объясняетъ слѣдующимъ образомъ. Поповъ, читая ей оду вслухъ, поставилъ не на мѣстѣ одно удареніе; именно прочелъ:

«Безсмертная Екатерина!
Куда и что еще? Ужъ пóлно»...

вмѣсто: «Уже полнá» (великихъ вашихъ дѣлъ вселенна).

Императрицѣ показалось, что поэтъ вздумалъ давать ей совѣты. Не понравились также слова, въ началѣ оды сказанныя на счетъ государыни и вмѣстѣ русскаго народа:

«Ужъ ваши имена
Тріумфъ, побѣды, трудъ не скроютъ времена!»

Всего же непріятнѣе подѣйствовали стихи, обращенные къ Суворову, въ которыхъ государыня увидѣла отраженіе мыслей Якобинцевъ:

«Тронъ подъ тобой, корона у ногъ,
Царь въ полону».

Такъ разсказывалъ Державину присутствовавшій при чтеніи графъ А. И. Мусинъ-Пушкинъ. Независимо отъ приведенныхъ мѣстъ, ода эта и въ художественномъ отношеніи не могла произвести на Екатерину особенно пріятнаго впечатлѣнія: при длиннотѣ своей она содержитъ довольно того, что Бѣлинскій называетъ реторикою, т. е. стиховъ, хотя и громкихъ, но не согрѣтыхъ жаромъ чувства или вдохновенія. Гиперболическіе образы, въ которые поэтъ облекаетъ подвиги Суворова, какъ героя напоминающаго сказочныхъ богатырей, были конечно согласны съ духомъ народной поэзіи, но едва ли могли быть вполнѣ оцѣнены императрицей или понравиться ей.

Въ послѣдніе два года жизни Екатерины II Державинъ, несмотря на встрѣчавшіяся ему непріятности, а можетъ-быть и въ слѣдствіе ихъ, обнаружилъ особенную производительность. Въ это время онъ написалъ нѣсколько замѣчательныхъ и отчасти обширныхъ стихотвореній въ разныхъ родахъ. Нѣкоторыя изъ нихъ, получившія форму посланій, имѣютъ прямое отношеніе къ его біографіи.

Въ *Приглашеніи къ обѣду* онъ обращается къ И. И. Шувалову, къ Безбородкѣ и Зубову. Это одна изъ тѣхъ пьесъ, гдѣ типически проявился талантъ Державина въ простотѣ и сердечности тона, въ народности языка, въ яркой живописи праздничной обстановки. Ода открывается блестящей картиной накрытаго для гостей стола:

«Шекснинска стерлядь золотая,
Каймакъ и борщъ уже стоятъ;
Въ графинахъ ви́на, пуншъ, блистая
То льдомъ, то искрами, манятъ;
Съ курильницъ благовонья льются,
Плоды среди корзинъ смѣются,
Не смѣютъ слуги и дохнуть.
Хозяйка статная, младая
Готова руку протянуть».

При исчисленіи того, что́ составляетъ богатство его дома, поэтъ отмѣчаетъ «и твердый свой, нельстивый нравъ».

Въ 3-й строфѣ говорится между прочимъ:

«На русскій мой простой обѣдъ
Я звалъ одну благопріятность;
А тотъ, кто дѣлаетъ мнѣ вредъ,
Пирушки сей не будетъ зритель....
И вражій духъ да отженется,
Моихъ пороговъ не коснется
Ни чей недоброхотный шагъ».

Въ послѣдующихъ двухъ строфахъ поэтъ философствуетъ, и мы находимъ тутъ нѣсколько оригинальныхъ выраженій:

«И знаю я, что вѣкъ нашъ тѣнь,
Что, лишь младенчество проводимъ,—
Уже ко старости приходимъ
И смерть къ намъ смотритъ чрезъ заборъ.
. . . .
Слыхалъ, слыхалъ я тайну эту,
Что иногда грустить и царь;
Ни день, ни ночь покоя нѣту,
Хотя имъ вся покойна тварь.
Хотя онъ громкой славой знатенъ,
Но ахъ! и тронъ всегда ль пріятенъ
Тому, кто вѣкъ свой въ хлопотахъ?
Тутъ зритъ обманъ, тамъ зритъ упадокъ:
Какъ бѣдный часовой тотъ жалокъ,
Который вѣчно на часахъ!» [1]

Эта-то строфа и выходка противъ враговъ Державина, вѣроятно, были причиною, что осторожный Карамзинъ, получивъ стихотвореніе для своихъ *Аонидъ*, не рѣшился напечатать его и въ письмѣ къ Дмитріеву заявилъ: «*Приглашеніе къ обѣду* останется между моими бумагами и не пойдетъ въ типографію» [2]. Кромѣ того, Карамзинъ могъ опасаться, что похвала Безбородкѣ не понравится первенствовавшему въ то время при дворѣ Зубову, на отсутствіе котораго намекала послѣдняя строфа: онъ обѣщалъ также быть, но передъ самымъ обѣдомъ прислалъ сказать, что его удержала государыня. Вотъ почему поэтъ въ заключеніи говоритъ:

«А если ты иль кто другіе
Изъ званыхъ, милыхъ мнѣ гостей,
Чертоги предпочтя златые
И яства сахарны царей,
Ко мнѣ не срядитесь откушать,—
Извольте вы мой толкъ прослушать:

[1] I, 668.
[2] *Письма къ Дмитріеву*, стр. 67.

Блаженство не въ лучахъ порфиръ,
Не въ вкусѣ яствъ, не въ нѣгѣ слуха,
Но въ здравьи и спокойствѣ духа:
Умѣренность есть лучшій пиръ».

Державина упрекали въ противорѣчіи, оказывающемся между этою похвалой умѣренности и описаніемъ довольно прихотливыхъ принадлежностей пира въ началѣ стихотворенія. Но уже Бѣлинскій, отдававшій справедливость красотамъ оды *Приглашеніе къ обѣду*, замѣтилъ, что понятіе объ умѣренности относительное: и въ самомъ дѣлѣ, Державинъ говоритъ здѣсь о своемъ столѣ по сравненію съ тою роскошью, которая ожидала гостей въ царственныхъ чертогахъ.

Двѣ маленькія пьесы: *Гостю* и *Другу* принадлежатъ къ антологическому роду, къ которому нашъ поэтъ болѣе и болѣе склонялся съ этого времени и въ которомъ онъ могъ бы создать много превосходнаго, еслибъ имѣлъ истинное понятіе о требованіяхъ художественности въ цѣломъ и въ отдѣлкѣ стиха. Но на той степени эстетическаго образованія, на какой стоялъ Державинъ, онъ могъ только инстинктивно и такъ-сказать случайно имѣть удачу въ стихотвореніяхъ этого рода. Первое изъ двухъ названныхъ особенно посчастливилось ему по затѣйливости образовъ и выраженій, такъ вѣрно передающихъ духъ вѣка. Въ этихъ стансахъ поэтъ предлагаетъ своему гостю уснуть послѣ обѣда въ его спальнѣ и, рисуя нѣгу этого отдыха, кончаетъ такъ:

«Хоть дѣвушки мои домашни
Рукой тебѣ махнутъ, я радъ:
Любовныя пріятны шашни,
И поцѣлуй въ сей жизни кладъ» [1].

Подъ гостемъ разумѣлъ онъ Вельяминова, одного изъ своихъ пріятелей, отличавшагося оригинальностью и часто упоминаемаго въ стихахъ его.

[1] I, 672. Ср. II, 527.

Другая пьеса, *Другу*, написана на прогулку въ саду принадлежавшей Н. А. Львову дачи близъ Невскаго монастыря. Это стихотвореніе, такъ же какъ и предыдущее, обращаетъ на себя вниманіе по новости оборота и нѣкоторой шаловливости содержанія. И здѣсь поэтъ не забываетъ домашнихъ дѣвушекъ, очерчиваетъ ихъ наружность и исполняемую ими передъ господами пляску. Даша и Лиза были двѣ цыганки, взятыя Львовымъ въ домъ его [1]. Въ заключеніе поэтъ предлагаетъ выпить за здоровье не друзей только, но и враговъ:

«... за тѣхъ, кто намъ злодѣи:
Съ одними намъ пріятно быть,
Другіе же, какъ скрыты змѣи,
Насъ учатъ осторожно жить» [2].

Мысль о пользѣ, приносимой человѣку и врагами его, выражена Державинымъ также въ извѣстномъ его четверостишіи о самомъ себѣ:

«Кто велъ его на Геликонъ
И управлялъ его шаги?
Не школъ витійственныхъ содомъ —
Природа, нужда и — враги» [3].

Враговъ у Державина было много при жизни; не мало, и по смерти его, людей, готовыхъ принять на вѣру всякое, какъ бы ни было голословно пущенное въ ходъ обвиненіе противъ него. Враги этого рода также полезны: они заставляютъ біографа пристальнѣе вглядываться во всѣ обстоятельства, чтобы добиться истины. Въ ряду взводимыхъ на Державина нареканій, къ послѣднимъ годамъ царствованія Екатерины относятся толки о той роли, какую онъ будто бы игралъ въ дѣлѣ Радищева. Здѣсь будетъ кстати разсмотрѣть эти толки.

[1] Преданіе говоритъ, что Львовъ умеръ на рукахъ одной изъ нихъ.
[2] I, 675.
[3] II, 403. VI, 170.

18. ОТНОШЕНІЕ КЪ ДѢЛУ РАДИЩЕВА.

Въ сборникѣ *Вчера и Сегодня*, изданномъ въ 1845 году гр. Соллогубомъ, напечатано (стр. 63) частное письмо изъ Москвы отъ 14-го іюня 1802 года, въ которомъ пишущій (Каменевъ), сбираясь въ Петербургъ, говоритъ между-прочимъ: «Поѣду по тѣмъ станціямъ, гдѣ идеально блуждалъ Радищевъ и мечталъ, перомъ своимъ, въ желчи обмокнутымъ, давать уроки властямъ. Сказываютъ, что сочинитель *Водопада* надписалъ еще на манускриптѣ его *Путешествія:*

«Ѣзда твоя въ Москву со истиною сходна,
Не кстати лишь смѣла, дерзка и сумасбродна;
Я слышу, на коней ямщикъ кричитъ: вирь, вирь!
Знать, русскій Мирабо, поѣхалъ ты — въ Сибирь».

Для полноты нашего изданія сочиненій Державина мы отвели въ III томѣ особый отдѣлъ стихотвореніямъ, бездоказательно ему *приписываемымъ:* тамъ помѣщено и это четверостишіе съ примѣчаніемъ, которое мы здѣсь разовьемъ подробнѣе. Приведенное мѣсто изъ письма Каменева даетъ знать, будто Радищевъ сообщалъ Державину свое «Путешествіе» въ рукописи; но обнародованныя въ истекшія два десятилѣтія довольно обильныя свѣдѣнія о дѣлѣ Радищева не позволяютъ ни на минуту усомниться въ ложности этого извѣстія. Остается принять, что записанные Каменевымъ стихи просто ходили по рукамъ подъ именемъ Державинскихъ. Приписывать какой-нибудь знаменитости то, что вышло довольно удачно изъ-подъ пера безыменнаго автора и распространилось въ публикѣ, — дѣло весьма обыкновенное: такъ и Державину легко могла быть приписана эпиграмма на Радищева; но чтобъ онъ дѣйствительно былъ авторомъ ея, ничѣмъ не подтверждается. Напротивъ, важнымъ доводомъ къ отрицанію этого является то обстоятельство, что ни въ чистыхъ, ни въ черновыхъ тетрадяхъ нашего поэта, куда онъ заносилъ все, что ни писалъ, нѣтъ никакихъ слѣдовъ этой эпиграммы, а одного посторонняго указанія конечно недоста-

точно, чтобы положительно признать ее за произведеніе «сочинителя *Водопада*».

Изъ дѣтей Радищева младшій сынъ его, Павелъ Александровичъ, достигъ глубокой старости и оставался въ живыхъ до 1870-тыхъ годовъ. Около того времени, когда въ нашей литературѣ началось почти общее гоненіе на Державина, въ *Русскомъ Вѣстникѣ* (1858 года, № 23) появилась статья г. Корсунова о Радищевѣ, при которой было между-прочимъ приведено сообщенное сыномъ послѣдняго свѣдѣніе, будто Державинъ поднесъ императрицѣ доставленный ему экземпляръ *Путешествія*, «отмѣтивъ карандашемъ всѣ важнѣйшія мѣста». Это разсказывалъ, по увѣренію Павла Радищева, самъ отецъ его. Въ 1868 году тотъ же Павелъ Александровичъ напечаталъ отдѣльно брошюру *Радищевъ и его книга*, и здѣсь (стр. 12) прежнее свѣдѣніе на счетъ Державина пополнилъ слѣдующимъ образомъ: «Онъ (т. е. Радищевъ отецъ) разослалъ свою книгу знакомымъ, чѣмъ, по мнѣнію Пушкина[1], поставилъ въ очень неловкое положеніе Державина. Надо однакожъ замѣтить, что если положеніе и было сколько-нибудь неловко, то Державинъ вывернулся изъ него чрезвычайно ловко: онъ представилъ императрицѣ сочиненіе Радищева съ подробнымъ доносомъ на автора». Такое усиленное обвиненіе сомнительно уже потому, что его не было при первоначальномъ показаніи того же лица, а кромѣ того, нельзя упустить изъ виду, что оно явилось тогда, когда поруганіе памяти Державина было одною изъ любимыхъ замашекъ нашей журналистики. Понятно, что вообще свидѣтельства Павла Радищева не могутъ внушать большого довѣрія: такъ какъ ему при задержаніи отца его было не болѣе 6-ти лѣтъ отроду[2], то онъ въ своихъ позднѣйшихъ показаніяхъ могъ основываться только на давнишнихъ разсказахъ отца (умершаго въ 1802 году); но этотъ послѣдній, взятый подъ стражу вскорѣ послѣ выпуска книги, самъ могъ узнать разныя подробности касательно преслѣдованія

[1] Въ статьѣ *Радищевъ*, Соч. Пушк., изд. Анн. VII, 54.

[2] По словамъ г. Корсунова, П. А. Радищевъ родился 27-го іюля 1783 г.; отецъ его, при производствѣ дѣла о знаменитой книгѣ, 11-го іюля 1790 г. показалъ, что мальчику тогда шелъ 7-й годъ. (*Арх. кн. Воронц.* V, 444).

ся только по случайно доходившимъ до него слухамъ, въ которыхъ, естественно, кое-что справедливое смѣшивалось со многимъ невѣрнымъ. Что сыну его не былъ въ точности извѣстенъ ходъ дѣла о книгѣ «Путешествіе», видно между-прочимъ и изъ разсказа его о цензированіи ея, по поводу чего г. Шугуровъ въ своей статьѣ о Радищевѣ (*Р. Арх.* 1872 года, стр. 947) замѣчаетъ: «Этотъ разсказъ положительно невѣренъ: Павелъ Александровичъ очевидно не зналъ обстоятельствъ дѣла, которое происходило иначе». Кто читалъ его книгу и вдобавокъ имѣлъ, такъ какъ мы, случай лично познакомиться съ нимъ, тому хорошо извѣстно, можно ли было ожидать отъ него самостоятельнаго сужденія въ занимающемъ насъ вопросѣ и былъ ли онъ способенъ устоять противъ господствовавшихъ въ тогдашней журналистикѣ теченій.

Молва о томъ, будто Державинъ представилъ со своими комментаріями книгу Радищева императрицѣ, опровергается свидѣтельствомъ Храповицкаго, записаннымъ въ его дневникѣ подъ 26-мъ іюня 1790 года: «Говорено о книгѣ Путешествіе отъ Петербурга до Москвы. Тутъ разсѣваніе заразы французской: отвращеніе отъ начальства; авторъ мартинистъ; я прочла 30 страницъ. Посылка за Рылѣевымъ. Открывается подозрѣніе на Радищева». Итакъ Екатерина, прочитавъ тридцать страницъ книги, еще не знаетъ, кто авторъ ея. Онъ неизвѣстенъ государынѣ еще и тогда, когда она дошла до 88-й страницы, ибо въ разборѣ своемъ она, по поводу этой страницы, говоритъ: «88 стр., упоминается *о знаніи, что имѣлъ случай по счастію моему узнать:* кажется, сіе знаніе въ Лейпцигѣ получено и доходитъ до подозрѣнія на господъ Радищева и Челищева, паче же буде у нихъ заведена типографія въ домѣ, какъ сказываютъ»[1]. Слухъ, переданный сыномъ Радищева, въ прямомъ противорѣчіи какъ съ этой замѣткой Екатерины II, такъ и съ несомнѣнными показаніями Храповицкаго, который не прежде какъ подъ 2-мъ іюля положительно называетъ Радищева какъ автора книги, уже сидящаго въ крѣпости. Еслибъ Державинъ представилъ

[1] *Архивъ кн. Воронцова*, V, 410.

императрицѣ свой экземпляръ «Путешествія», то конечно не утаилъ бы и имени сочинителя, отъ котораго получилъ его. Притомъ, по свидѣтельству Гельбига, объ этой книгѣ императрица узнала отъ Шешковскаго (Russische Günstlinge, стр. 459).

Но есть еще одно свѣдѣніе, представляющее въ неблагопріятномъ свѣтѣ отношеніе Державина къ дѣлу Радищева. По поводу запрещенія трагедіи Княжнина «Вадимъ», въ ноябрѣ 1793 года княгиня Дашкова въ письмѣ къ брату, графу А. Р. Воронцову, передаетъ свой разговоръ съ Поповымъ, пріѣхавшимъ къ ней прямо отъ императрицы. Въ этомъ разговорѣ рѣчь мало по малу дошла до книги Радищева, и Поповъ сообщилъ княгинѣ слова государыни, что она не хотѣла вѣрить клеветѣ, будто Дашкова и братъ ея участвовали въ сочиненіи этой книги. «Еслибы я другую душу имѣла, отвѣчала я» (продолжаетъ Дашкова въ письмѣ своемъ), «то бы я тѣмъ паче желала съ нею говорить о сей книгѣ, что когда Козодавлева посадили въ коммерцію, то Державинъ сказалъ при многихъ: «Вотъ какой я души человѣкъ, что я не сказалъ о Козодавлевѣ, что онъ участіе имѣлъ въ сочиненіи Радищева. Козодавлевъ противъ меня неблагодаренъ, меня злословитъ». Державинъ меня и брата злословитъ: «я имѣю де способъ изобличить обоихъ, и не хочу». Для чего, когда Державинъ, почувствовавъ ужасъ къ слѣдствіямъ преступнаго сочиненія и, зная прямыхъ сочинителей, маралъ и клеветалъ честныхъ людей? Вышеупомянутая рѣчь мнѣ пересказана отъ честнаго и нелживаго человѣка, отъ Богдановича, при которомъ онъ говорилъ».—Зная тогдашнія отношенія между Державинымъ и княгинею Дашковой (см. выше стр. 624), надо согласиться, что и на этой сплетнѣ, разсказанной черезъ три слишкомъ года послѣ исторіи съ книгой Радищева, трудно основаться для положительнаго обвиненія Державина въ приписываемомъ ему поступкѣ. Нѣтъ конечно никакого сомнѣнія, что по своему образу мыслей онъ не былъ расположенъ къ Радищеву и строго осуждалъ его сочиненія. Это становится еще яснѣе изъ другого мѣста того же письма: «Однажды, когда мы были въ Россійской академіи» (пишетъ кн. Дашкова), «Державинъ, говоря о томъ, что у насъ вообще плохо знаютъ русскій языкъ и не вполнѣ понима-

ютъ значеніе словъ, а всетаки хотятъ быть писателями, сказалъ мнѣ, что недавно прочелъ глупую книгу Радищева объ одномъ изъ умершихъ друзей его (Ушаковѣ) и спросилъ, читала ли я эту книгу. Когда я отвѣчала отрицательно, но замѣтила, что едва ли она глупа, такъ какъ авторъ не глупъ, то онъ послалъ за нею и далъ мнѣ ее. По прочтеніи книги, я увидѣла ясно, что авторъ старался подражать Стерну, сочинителю Чувствительнаго Путешествія, что онъ читалъ Клопштока и другихъ нѣмецкихъ писателей, но не понялъ ихъ, что онъ запутался въ метафизикѣ и сойдетъ съ ума»[1]. — Изъ этого мѣста ясно, что Державинъ былъ очень не высокаго мнѣнія о Радищевѣ, какъ писателѣ, но этого еще далеко не достаточно для вывода, что онъ участвовалъ въ усиленіи передъ верховною властью вины Радищева, особенно въ виду объясненныхъ выше обстоятельствъ, препятствующихъ такому выводу. Въ концѣ концовъ остается заключить, что относительно прикосновенности Державина къ дѣлу Радищева есть только одно достовѣрное, па документальномъ свидѣтельствѣ основанное извѣстіе, именно собственное показаніе автора «Путешествія» въ его оправдательной запискѣ: «Экземпляровъ я роздалъ очень мало, да и не имѣлъ намѣренія моего много отдавать, а хотѣлъ употребить ихъ въ продажу для прибытка. Одинъ экземпляръ г. Козодавлеву, ему же одинъ для г. Державина[2], одинъ прапорщику Дарагану. Если спросятъ, съ какимъ намѣреніемъ я ихъ раздавалъ, то только, чтобы читали, ибо всѣ они упражняются въ литературѣ; еще экземпляръ иностранцу Вицману, и г. Олсуфьеву». Чтобы кто-нибудь изъ этихъ лицъ

[1] *Арх. кн. Воронцова* V, 223. Разсказъ близкаго къ этому содержанія, помѣщенный и въ запискахъ княгини Дашковой (Mem. I, 358—360; *Р. Арх.* 1872, 932), значительно поясняется приведенными изъ письма ея строками. Съ своей стороны и записки пополняютъ это мѣсто письма, показывая, что Дашкова была совершенно согласна съ поэтомъ во взглядѣ на брошюру Радищева объ Ушаковѣ, которая, замѣтимъ мимоходомъ, была издана только за годъ до «Путешествія», а въ новѣйшее время перепечатана П. И. Бартеневымъ въ *Осмнадцатомъ Вѣкѣ*, т. II.

[2] *Арх. кн. Воронцова* V, 427. Уваженіе Радищева къ Державину, какъ поэту, выразилось въ слѣдующемъ отзывѣ его: «Преложи многія строфы

отплатилъ Радищеву употребленіемъ своего экземпляра для обвиненія автора, на это нѣтъ никакихъ заслуживающихъ довѣрія указаній.

19. ПОСЛѢДНІЯ ПѢСНИ ПРИ ЕКАТЕРИНѢ II.

Возвращаясь къ прерванному обзору литературной дѣятельности Державина за послѣдніе годы царствованія Екатерины, остановимся въ заключеніе на стихотвореніяхъ, которыми онъ принесъ поэтическую дань похвалы нѣкоторымъ высокопоставленнымъ лицамъ, частью живымъ, частью умершимъ.

Небольшое обращеніе къ Суворову написано было по случаю пріѣзда его въ Петербургъ и пріема, сдѣланнаго имъ Державину. Послѣ взятія Варшавы знаменитый полководецъ оставался тамъ цѣлый годъ. Вызвавъ его въ Петербургъ, императрица назначила для пребыванія его Таврическій дворецъ, гдѣ онъ и прожилъ три мѣсяца. Въ первые дни по пріѣздѣ онъ не хотѣлъ принимать никого, кромѣ немногихъ избранныхъ, и ранѣе всѣхъ оказалъ это отличіе Державину, которому не могъ не быть признательнымъ за его оду на взятіе Варшавы: изъ переписки поэта намъ извѣстно, что еще прежде нежели эта ода была написана, Державинъ отправилъ къ Суворову четверостишіе, послужившее началомъ ея, въ поздравительномъ письмѣ, на которое герой отвѣчалъ, отчасти въ стихахъ же [1]. Года за два передъ тѣмъ ему воздана была честь одою *на взятіе Измаила.* Такимъ-то образомъ укрѣпилась между полководцемъ и поэтомъ пріязнь, начавшаяся взаимнымъ сочувствіемъ и уваженіемъ еще во время Пугачевщины. Поселившись въ Таврическомъ дворцѣ, Суворовъ не только съ особенною лаской принялъ Державина, но и оставилъ его у себя обѣдать. Удерживая поэта, онъ какъ будто хотѣлъ доставить ему случай видѣть различные способы пріема посѣтителей. Въ стихахъ, которые дали намъ поводъ къ этому отступленію, Державинъ выхваляетъ особенно

изъ оды къ Фелицѣ, а особливо гдѣ Мурза описываетъ самъ себя.... безъ стиховъ останется почти та же поэзія. (*Сочиненія Радищева*, IV, 82).

[1] VI, 19 и 22.

суровый образъ жизни и воздержность героя «въ пышномъ царскомъ домѣ», восклицая между прочимъ:

«Суворовъ! страсти кто смирить свои рѣшился,
Легко тому страны и царства покорить,
Друзей и недруговъ себя заставить чтить» [1].

Суворовъ и Державинъ были оба въ полномъ смыслѣ русскіе люди, въ природѣ и въ воззрѣніяхъ которыхъ было много сходнаго. Они цѣнили другъ въ другѣ прямодушіе и благочестіе; Державинъ благоговѣлъ особенно передъ величіемъ Суворова, какъ полководца, и въ громозвучныхъ одахъ воспѣвалъ его побѣды. Въ простыхъ, но болѣе человѣчныхъ чертахъ онъ изобразилъ героя послѣ смерти его, какъ ниже увидимъ.

Посланіе къ Нарышкину (*На рожденіе царицы Гремиславы* [2]) содержитъ яркую, въ задушевномъ тонѣ начертанную характеристику то пышной, то простой жизни безпечнаго вельможи и гостепріимнаго, для всѣхъ открытаго дома его. Несмотря на нѣкоторыя устарѣлыя выраженія, эта пьеса и теперь не утратила вполнѣ своей прелести: она носитъ вѣрный отпечатокъ времени и блещетъ самороднымъ вдохновеніемъ. Въ этомъ именно родѣ, въ сочетаніи игривости русскаго ума съ простотою рѣчи, заключается торжество таланта Державина, и нельзя не пожалѣть, что онъ слишкомъ рѣдко настраивалъ на этотъ ладъ свою лиру. Стихотвореніе *на рожденіе Гремиславы* было послано Карамзину для помѣщенія въ *Аонидахъ*, но вѣроятно оно также показалось ему слишкомъ смѣлымъ, и изъ опасенія не угодить Зубову излишними похвалами покойному, а можетъ-быть и самой императрицѣ, осталось ненапечатаннымъ. Затѣмъ Мартыновъ сбирался помѣстить его въ своей *Музѣ*, но въ сентябрьскомъ нумерѣ этого сборника оно означено только въ оглавленіи, въ самую же книжку не попало и явилось въ печати только въ изданіи сочиненій Державина 1798 года.

[1] I, 709.
[2] I, 729.

Такою же смѣлою и оригинальною кистью поэтъ изобразилъ Алексѣя Орлова въ одѣ *Афинейскому витязю,* взявъ за образецъ Пиндара, съ героями котораго, побѣдителями на греческихъ играхъ, этотъ знаменитый атлетъ и любитель конскихъ ристалищъ представлялъ нѣкоторое сходство: къ нему, безъ всякихъ натяжекъ, могли быть примѣнены многія выраженія древняго лирика. Въ то время Орловъ жилъ въ Москвѣ «отставнымъ героемъ», по выраженію Державина. Поэтъ не забылъ, чѣмъ былъ обязанъ ему въ молодости, когда по его предстательству произведенъ былъ изъ рядовыхъ въ капралы (см. выше стр. 72), и вотъ теперь, изъ благодарности, онъ задумалъ воспѣть своего бывшаго начальника:

«Я славить мужа днесь избралъ,
Который сшелъ съ театра славы,
Который удержалъ тѣ нравы,
Какими древній вѣкъ блисталъ:
Не гордъ — и жизнь ведетъ простую,
Не лживъ — и истину святую,
Внимая, исполняетъ самъ;
Почтенъ отъ всѣхъ не по чинамъ;
Честь, въ службѣ снисканну, свободой
Не расточилъ, а пріобрѣлъ;
Онъ взглядомъ, мужествомъ, породой,
Заслугой, силою — орелъ» [1].

Естественно, что Державинъ, видя въ настоящемъ много безотраднаго, не разъ обращается въ этой одѣ къ воспоминаніямъ блестящей эпохи, съ которою совпала его молодость въ первые годы царствованія Екатерины. Объ этомъ времени онъ между-прочимъ такъ выражается:

«Тогда не прихоть чли, — законъ;
Лишь благу общему радѣли;
Той подлой мысли не имѣли,
Чтобъ только свой набить мамонъ.

[1] I, 761.

Вѣнцы стяжали, звуки славы,
А деньги берегли и нравы,
И всякую свою ступень
Не оцѣняли всякій день;
Хоть былъ и недругъ кто другъ другу, —
Усердіе вело, не месть:
Умѣли чтить въ врагахъ заслугу
И отдавать достойнымъ честь».

Къ этимъ стихамъ Державинъ, отчасти справедливо, отчасти подъ вліяніемъ свойственнаго пожилымъ людямъ сожалѣнія о прошломъ, присоединяетъ любопытныя поясненія въ прозѣ, напр. «Взятки тогда строго наказывались, а подъ конецъ царствованія такъ было послаблено сіе злоупотребленіе, что, можно сказать, на словахъ запрещалось, а на дѣлѣ поощрялось». По обыкновенію, Державинъ въ этой одѣ мѣшаетъ величественные образы съ чертами вседневной жизни; представивъ громкіе подвиги и исполинскую силу Орлова, онъ напоминаетъ его простой русскій бытъ, его любовь къ народнымъ увеселеніямъ, его доступность и радушіе къ друзьямъ. Въ концѣ, послѣ торжественнаго обращенія къ языческимъ богамъ древняго міра, онъ проситъ ихъ ниспослать герою всякія земныя блага и наслажденія. Само собою разумѣется, что эти стихи въ то время не могли быть напечатаны; они явились не прежде 1808 г. (въ которомъ умеръ чесменскій герой) во второмъ изданіи сочиненій нашего поэта.

Ода въ честь В. Зубова написана по поводу «покоренія Дербента»[1], перваго подвига его въ войнѣ, предпринятой по обширному плану, объ осуществленіи котораго мечталъ еще Потемкинъ. Смерть императрицы вскорѣ остановила отважное предпріятіе въ самомъ началѣ его. Ода эта принадлежитъ къ числу слабыхъ произведеній Державина. Вообще, изъ всѣхъ стихотвореній его торжественныя оды наименѣе удачны, хотя и въ нихъ, большею частію, нельзя отрицать того обилія мыслей, которое, рядомъ съ богатствомъ яркихъ и оригинальныхъ образовъ, составляетъ

[1] I, 743.

неотъемлемую черту поэзіи Державина. Изъ этого-то обилія мыслей проистекала плодовитость его музы и излишняя обширность многихъ изъ его стихотвореній. Весьма часто можно критиковать у него неправильность или неловкость выраженія, неизящный и шероховатый стихъ, но рѣдко онъ заслуживаетъ упрека въ отсутствіи мысли или праздномъ наборѣ словъ. Въ этомъ — его отличіе отъ бездарныхъ или посредственныхъ стихотворцевъ: даже въ неудачныхъ стихахъ Державина всетаки чувствуется талантливый и мыслящій писатель.

Въ августѣ 1795 года умеръ въ глубокой старости Бецкій, который во все царствованіе Екатерины II былъ однимъ изъ ближайшихъ ея сотрудниковъ: всѣмъ извѣстно его значеніе по основанію такъ называемыхъ Воспитательныхъ Домовъ, по управленію учебными и благотворительными заведеніями; въ то же время онъ завѣдывалъ Академіею художествъ и всею строительною частью въ Петербургѣ. Державинъ помянулъ и ту и другую сторону его дѣятельности одою *на кончину благотворителя.* «И камни о тебѣ гласятъ», говоритъ онъ, намекая на множество зданій и другихъ сооруженій, возникшихъ подъ его надзоромъ, къ числу которыхъ принадлежали между прочимъ домъ Академіи художествъ, памятникъ Петра Великаго, эрмитажный дворецъ, набережныя Невы и двухъ каналовъ, гранитные мосты и т. п. Сущность другой отрасли трудовъ Бецкаго выражена въ стихѣ: «Лучъ милости былъ, Бецкій, ты!» и при празднованіи въ 1863 году столѣтней годовщины основанія московскаго Воспитательнаго Дома этотъ стихъ былъ начертанъ золотыми буквами на подножіи мраморнаго бюста Бецкаго. Но, восхваляя мирные и скромные подвиги его, поэтъ напоминаетъ, какъ «неблагодаренъ смертныхъ родъ»: люди прославляютъ только громкія и блестящія дѣла, побѣды и завоеванія; рядъ стиховъ, посвященныхъ развитію этой истины, кончается хотя и преувеличеннымъ, но въ основаніи не лишеннымъ нѣкоторой справедливости размышленіемъ:

«Исторія есть цѣпь злодѣйствъ» [1].

[1] I, 708.

Въ художественномъ отношеніи гораздо замѣчательнѣе небольшое, всего изъ двухъ строфъ состоящее стихотвореніе, вылившееся у поэта по случаю кончины Федора Григ. Орлова, который при началѣ первой турецкой войны поступилъ въ военную службу, прославился дѣйствіями въ Мореѣ и участвовалъ въ чесменскомъ бою, гдѣ едва не погибъ со взорваннымъ на воздухъ кораблемъ Евстафій.

Эта ода въ свое время считалась образцовою даже между знатоками литературы, и потому мы здѣсь, по краткости пьесы, приведемъ ее цѣликомъ:

«Что слышу я? Орелъ изъ стаи той высокой,
Котора въ воздухѣ плыла
Впреди Минервы свѣтлоокой,
Когда она съ Олимпа шла, —
Орелъ, который надъ Чесмою
Предъ флотомъ Россіянъ леталъ,
Внезапно, роковой стрѣлою
Сраженный, съ высоты упалъ!

«Увы! гдѣ, гдѣ его подъ солнцемъ днесь паренье?
Гдѣ по морямъ его слѣды?
Гдѣ бурно громовъ устремленье
И пламенны межъ тучъ бразды?
Гдѣ быстрыя всезрящи очи
И грудь, отважности полна?
Все, все сокрылъ мракъ вѣчной ночи;
Осталась слава лишь одна!» [1]

По мнѣнію Плетнева, въ этой одѣ «нѣтъ ни одной черты недоконченной, и ни одной лишней,... нѣтъ ни одного стиха, который не заключалъ бы въ себѣ движенія» [2]. Въ началѣ употребленъ въ первый разъ образъ, которымъ впослѣдствіи воспользовался Пушкинъ, сказавъ про Кутузова:

[1] I, 740.

[2] *Сѣв. Цвѣты* 1825 г., стр. 16.

«Сей остальной, изъ *стаи славной*
Екатерининскихъ *орловъ*».

Въ числѣ стихотвореній, написанныхъ Державинымъ за это время на разные случаи дворской жизни, заслуживаетъ быть упомянутою пьеса *Хариты*, въ которой описаніе пляски великихъ княженъ особенно удалось поэту:

«Видѣлъ ли Харитъ предъ ними,
Какъ подъ звукъ пріятныхъ лиръ
Плясками онѣ своими
Восхищаютъ горній міръ;
Какъ съ протяжнымъ, тихимъ тономъ
Важно павами плывутъ;
Какъ съ веселымъ, быстрымъ звономъ
Голубками воздухъ вьютъ;
Какъ вокругъ онѣ спокойно
Величавый мещутъ взглядъ;
Какъ ихъ всѣ движенья стройно
Взору, сердцу говорятъ?» [1].

Написанные полугодомъ позже стансы на крещеніе великаго князя Николая Павловича приводились часто въ прошедшее царствованіе какъ одно изъ тѣхъ пророчествъ, которыхъ насчитываютъ нѣсколько у Державина.

Лебединою пѣснью его въ честь Екатерины можно назвать знаменитое *Приношеніе монархинѣ,* при которомъ онъ поднесъ ей рукописную тетрадь своихъ стихотвореній, вчернѣ приготовленную Катериной Яковлевной. Года два до того императрица, на одномъ изъ докладовъ его въ Царскомъ Селѣ, изъявила желаніе видѣть его сочиненія напечатанными. Извѣщая о томъ жену свою, онъ писалъ ей: «попроси Василія Васильевича (Капниста) и Ивана Ивановича (Дмитріева), чтобы они пожаловали взяли трудъ и пересмотрѣли мои сочиненія, замѣчая ошибки...

[1] I, 718.

Они могутъ у насъ сбираться и нѣсколько часовъ на сіе (каждый разъ) употребить». Далѣе онъ выражалъ намѣреніе поручить печатаніе своихъ сочиненій служившему нѣкогда подъ его начальствомъ Поспѣлову и украсить изданіе виньетами, которыя ему обѣщалъ Храповицкій. «Пусть выберутъ», заключалъ онъ, «теперь только тѣ стихотворенія, которыя получше, на одинъ томъ, и назовемъ: томъ первый собранныхъ сочиненій, а прочіе послѣ издадимъ»[1]. Изъ этого письма видно, какъ Державинъ въ то время сознавалъ недостатки своей поэзіи и болѣе нежели себѣ довѣрялъ друзьямъ своимъ въ дѣлѣ вкуса и внѣшней отдѣлки стиховъ.

Есть извѣстіе, что Дмитріевъ и Капнистъ дѣйствительно сходились нѣсколько разъ для пересмотра сочиненій своего друга; но что ихъ требованія окончательно показались поэту слишкомъ строгими. По возвращеніи его въ Петербургъ, они, вмѣстѣ съ нимъ разбирая его стихотворенія, совѣтовали ему передѣлывать то одно выраженіе, то другое. Сначала онъ соглашался, но потомъ разсердился и сказалъ: «Чтоже? вы хотите, чтобы я сталъ переживать свою жизнь по-вашему?» Можетъ-быть, что-нибудь подобное и было; но есть доказательство, что дѣло этимъ не кончилось: сохранилась писанная, кажется, писаремъ толстая тетрадь стихотвореній Державина, въ которой многіе стихи исправлены или передѣланы рукою то Дмитріева, то Капниста, и часть этихъ измѣненій явилась потомъ въ печати. По этой-то рукописи, конечно, составлена была чистая тетрадь или книга съ виньетами Оленина, лично поднесенная императрицѣ Державинымъ 6-го ноября 1795 года, а по кончинѣ ея возвращенная поэту и подаренная имъ Дубровскому, отъ котораго она досталась Императорской Публичной библіотекѣ[2].

[1] V 815.

[2] I, XIV; VI, 696, 856. Слова, сказанныя Державинымъ друзьямъ его, приведены мною по разсказу Погодина, на котораго этотъ анекдотъ, слышанный имъ въ молодости, произвелъ сильное впечатлѣніе: «возвысилъ», говоритъ онъ, «мое понятіе о Державинѣ, показалъ мнѣ въ какомъ отношеніи стихи Державина были къ его жизни, служа ей отраженіемъ» (*Р. Арх.* 1869 г., стр. 2095).

Поднесеніе рукописи императрицѣ, по разсказу Державина, имѣло для него непріятное послѣдствіе. Будучи при дворѣ недѣли черезъ три послѣ того, онъ замѣтилъ холодность къ себѣ государыни; всѣ приближенные къ ней чуждались его. Въ тотъ же день на обѣдѣ у графа А. И. Мусина-Пушкина оказалось, что причиною тому была одна изъ помѣщенныхъ въ рукописи одъ — *Властителямъ и судьямъ* (см. выше стр. 546), которая врагами поэта была истолкована какъ выраженіе якобинскаго вольнодумства. Узнавъ, что тетрадь его чрезъ Безбородку передана на разсмотрѣніе Трощинскому, Державинъ написалъ оправданіе (подъ заглавіемъ «Анекдотъ», I, 74) и разослалъ эту записку, въ трехъ экземплярахъ, Зубову, Безбородкѣ и Трощинскому. Въ слѣдствіе этого государыня сама прочитала оду, перемѣнила свой взглядъ на нее, и на слѣдующемъ выходѣ обошлась съ поэтомъ милостиво; всѣ придворные стали опять привѣтливо съ нимъ разговаривать.

Лирическое творчество Державина при Екатеринѣ II завершается его *Памятникомъ*, пьесой, въ которой онъ съ большимъ достоинствомъ выразилъ собственное сознаніе своего значенія, искусно передѣлавъ оду Горація и удачно выставивъ главныя черты своей поэзіи. Бѣлинскій справедливо замѣтилъ, что по оригинальности формы этого стихотворенія, можно приписать честь мысли его столько же Державину, какъ и римскому поэту. Многозначительна особенно вторая половина:

«Всякъ будетъ помнить то въ народахъ неисчетныхъ,
Какъ изъ безвѣстности я тѣмъ извѣстенъ сталъ,
Что первый я дерзнулъ въ *забавномъ русскомъ слогѣ*
О добродѣтеляхъ Фелицы возгласить,
Въ сердечной простотѣ бесѣдовать о Богѣ
И истину царямъ съ улыбкой говорить.
О муза! возгордись заслугой справедливой,
И презритъ кто тебя, сама тѣхъ презирай;
Непринужденною рукой, неторопливой
Чело твое зарей безсмертія вѣнчай» [1].

[1] I, 788.

Рядомъ съ этою пьесой должно быть поставлено упомянутое выше посвященіе его («Приношеніе монархинѣ»), какъ дополненіе къ *Памятнику*, очерчивающее опредѣлительнѣе отношеніе поэта къ государынѣ: тутъ съ неподдѣльнымъ жаромъ высказались благоговѣніе его и признательность къ той, которая своимъ вниманіемъ такъ много содѣйствовала къ усовершенствованію и успѣху его таланта. Нельзя отрицать справедливости словъ поэта къ Екатеринѣ о своей музѣ:

«Подъ именемъ твоимъ громка она пребудетъ;
Ты *славою*, твоимъ я *эхомъ* буду жить...
Въ могилѣ буду я, но буду говорить» [1].

Въ наше время эти слова получили видимое осуществленіе. На величественномъ памятникѣ Екатерины II Державинъ удостоенъ почетнаго мѣста среди знаменитѣйшихъ ея сподвижниковъ. Въ лицѣ его воздана честь не государственной дѣятельности, а литературной заслугѣ въ изображеніи дѣлъ и людей великой эпохи. Въ памяти потомства имя его осталось неразлучнымъ съ ея исторіею. Да будетъ намъ позволено повторить здѣсь нѣсколько словъ изъ заключенія рѣчи, произнесенной нами въ торжественномъ собраніи Историческаго Общества при открытіи памятника Екатерины 25-го ноября 1873 года: «Державинъ всего блистательнѣе выполнилъ ту сторону своего призванія, на которую ему указывало глубокое пониманіе духа Екатерины и восторженное сочувствіе славнымъ событіямъ ея царствованія. Величавые образы, въ которыхъ онъ начерталъ ее и главныхъ ея пособниковъ, такъ же безсмертны, какъ и самыя дѣла ихъ» [2]. По замѣчанію критика, на котораго мы уже нѣсколько разъ ссылались, «поэзія Державина въ лучшихъ ея проявленіяхъ есть прекрасный памятникъ царствованія Екатерины».

[1] I, 717.
[2] *Сборн. Истор. Общ.* XIII, стр. xxv.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ ПРИ ИМПЕРАТОРѢ ПАВЛѢ.

(1796 — 1801.)

1. ОПАЛА И ПРИМИРЕНІЕ.

Въ первые дни послѣ вступленія на престолъ, говоритъ Державинъ, императоръ Павелъ оказалъ большія милости: множество людей, а особливо содержавшихся за оскорбленіе величества, освободилъ изъ тюремъ; набранныхъ по указу Екатерины рекрутъ возвратилъ въ домы; хлѣбъ, взятый изъ сельскихъ магазиновъ для провіантскаго департамента, приказалъ отдать обратно. Вообще, онъ обнаруживалъ небывалую щедрость, разрѣшилъ всѣмъ доступъ къ себѣ, принялся за переустройство арміи, ввелъ въ войска строгую дисциплину, укомплектовалъ полки, и самъ подавалъ примѣръ изумительной дѣятельности[1]. Справедливость этого свидѣтельства подтверждается многими разсказами Болотова. Все это должно было производить благопріятное дѣйствіе въ народѣ: опасенія, возбужденныя нѣкоторыми свойствами Павла Петровича въ то время, когда онъ былъ великимъ княземъ, уступали мѣсто надеждѣ. Но вскорѣ стало ясно, что государь въ своихъ поступкахъ руководился только минутными увлеченіями и порывами, а не зрѣло обдуманными намѣреніями. Вспыльчивость, которой онъ предавался, легко могла сдѣлаться бѣдственною для человѣка съ необузданнымъ характеромъ Державина. Не надо забывать, что поэтъ, со времени первой женитьбы своей, сдѣлался извѣстенъ и въ нѣкоторомъ смыслѣ близокъ великому князю (см. выше стр. 244), считалъ его покровителемъ, отцомъ семьи своей, и

[1] III, 658 и 659.

кажется, въ своихъ денежныхъ затрудненіяхъ иногда пользовался отъ него пособіями. По крайней мѣрѣ, былъ слухъ, что во время отрѣшенія Державина отъ тамбовскаго губернаторства, Павелъ пожаловалъ Катеринѣ Яковлевнѣ тысячу рублей[1].

Вскорѣ по воцареніи своемъ онъ велѣлъ позвать къ себѣ Державина, обласкалъ его и обѣщалъ назначить правителемъ своего совѣта. Извѣстно, что это совѣщательное собраніе было учреждено Екатериною II въ 1768 году, собственно для обсужденія мѣръ по поводу вспыхнувшей тогда турецкой войны, по окончаніи же ея получило болѣе обширное значеніе: туда вносились всякія вообще государственныя дѣла, по которымъ императрица желала знать мнѣніе своихъ приближенныхъ. Членами этого совѣта были сановники, пользовавшіеся особеннымъ довѣріемъ монархини. При кончинѣ ея, въ немъ засѣдали: графы — Разумовскій, Румянцовъ-Задунайскій, И. Г. Чернышевъ, Н. И. Салтыковъ и др. Правителями дѣлъ совѣта[2] были послѣдовательно: Стрекаловъ (1768 — 1777), графъ Самойловъ (1777 — 1788) и Вейдемейеръ (съ 1788). Императоръ Павелъ, тотчасъ по вступленіи на престолъ, призвалъ въ совѣтъ новыхъ членовъ, въ числѣ которыхъ были оба князья Куракины, М. Ф. Соймоновъ, Васильевъ и графъ Я. Е. Сиверсъ[3]; Державина же онъ прочилъ на мѣсто Вейдемейера. Но поэтъ, принявъ слова государя въ буквальномъ смыслѣ, думалъ, что будетъ назначенъ правителемъ самаго совѣта, т. е. сдѣлается для этого учрежденія тѣмъ же, чѣмъ генералъ-прокуроръ былъ для сената, съ правомъ пропускать или останавливать опредѣленія. Такъ какъ однакожъ такой должности въ совѣтѣ никогда не было, то неудивительно, что состоявшимся вслѣдъ за тѣмъ указомъ Державинъ назначенъ былъ *правителемъ канцеляріи совѣта*. Это званіе показалось ему унизительнымъ для сенатора: крайне озадаченный неожиданнымъ оборотомъ дѣла, онъ рѣ-

[1] V, 757.

[2] Они назывались состоявшими «при совѣтѣ у исправленія дѣлъ».

[3] Соврем. списки чиновъ. Ср. Даневскаго *Исторія образованія Госуд. Совѣта*, стр. 42 и 43.

шился просить у государя *инструкціи* для своей новой должности. Такую инструкцію, какъ онъ слышалъ отъ Стрекалова, намѣревалась дать еще покойная императрица, но тому противился князь Вяземскій, а послѣ его удаленія отъ дѣлъ это предположеніе было забыто. Державинъ говоритъ, что въ мысли просить инструкціи его утвердили сами члены совѣта, которыхъ онъ объѣзжалъ, чтобы узнать ихъ мнѣніе. М. А. Дмитріевъ, разсказывая этотъ эпизодъ со словъ Ростопчина, замѣчаетъ, что вельможи, боясь возвышенія Державина, желали уронить его и для того нарочно настроили на этотъ шагъ: они стали разсуждать, что конечно новая должность — возвышеніе; однако что же это за званіе? выше ли оно сенаторскаго? стоять ли Державину или сидѣть въ присутствіи?[1]. Въ справедливости этого разсказа нѣтъ причины сомнѣваться: самъ же поэтъ сознается, что ему *присовѣтовали* просить инструкціи. Въ первомъ бывшемъ послѣ того засѣданіи совѣта онъ былъ дѣйствительно въ недоумѣніи, какъ ему держать себя, и оставался на ногахъ между столомъ членовъ и столомъ правителя канцеляріи, или ходилъ около присутствовавшихъ. Послѣ засѣданія князь Александръ Куракинъ потребовалъ, чтобы онъ привезъ къ нему на домъ протоколъ для поднесенія государю. Державинъ оскорбился этимъ: онъ имѣлъ личное дозволеніе Павла являться къ нему во всякое время и въ предыдущіе дни былъ приглашаем во дворецъ къ обѣду и ужину вмѣстѣ съ членами совѣта. Поэтому, на другой день послѣ засѣданія, т. е. въ пятницу, рано утромъ, онъ отправился къ государю для испрошенія себѣ инструкціи, но не былъ принятъ и долженъ былъ возвратиться въ суботу.

Послушаемъ здѣсь собственный разсказъ его. Императоръ спросилъ: «Что вы, Гаврила Романовичъ?» Онъ отвѣчалъ: «По волѣ вашей, Государь, былъ въ совѣтѣ; но не знаю, что́ мнѣ дѣлать.» — «Какъ, не знаете? дѣлайте, что́ Самойловъ дѣлалъ». — «Я не знаю, дѣлалъ ли онъ что-нибудь: въ совѣтѣ никакихъ его бумагъ нѣтъ, а сказываютъ, что онъ носилъ только

[1] *Мелочи изъ запаса моей памяти.* М., 1869, стр. 36.

государынѣ протоколы совѣта; потому осмѣливаюсь просить инструкціи». — «Хорошо, предоставьте мнѣ». Этимъ слѣдовало бы и кончить; «но Державинъ по той свободѣ, которую имѣлъ при докладахъ у покойной императрицы, продолживъ рѣчь, сказалъ: не знаетъ онъ, сидѣть ли ему въ совѣтѣ, или стоять, то есть быть ли присутствующимъ, или начальникомъ канцеляріи. Съ симъ словомъ вспыхнулъ императоръ; глаза его какъ молньи засверкали, и онъ, отворя двери, во весь голосъ закричалъ стоявшимъ предъ кабинетомъ Архарову, Трощинскому и прочимъ, изъ коихъ первый тогда былъ въ великомъ фаворѣ: *Слушайте: онъ почитаетъ быть въ совѣтѣ себя лишнимъ*; а оборотясь къ нему: *Поди назадъ въ сенатъ и сиди у меня тамъ смирно, а не то я тебя проучу!*»[1]. — Державинъ уѣхалъ въ великомъ огорченіи. Черезъ нѣсколько дней, 22-го ноября 1796 г., данъ былъ сенату такой указъ: «Тайный совѣтникъ Гаврила Державинъ, опредѣленный правителемъ канцеляріи совѣта нашего, за непристойный отвѣтъ, имъ предъ нами учиненный, отсылается къ прежнему его мѣсту»[2]. Легко представить себѣ, какого шума надѣлало въ Петербургѣ это посрамленіе, нанесенное знаменитому писателю и сановнику. Болотовъ, въ своемъ *Памятникѣ претекшихъ времянъ,* посвящаетъ этому случаю цѣлую главу подъ заглавіемъ: «Государь наказываетъ одного изъ ближнихъ своихъ вельможъ за необузданность языка». Здѣсь любопытны отзывы повѣствователя о Державинѣ, показывающіе, какъ вообще на него смотрѣли въ публикѣ. Болотовъ говоритъ о немъ, какъ «о великомъ стихотворцѣ и прославившемся въ особенности своимъ патріотизмомъ, неуступчивостью ни передъ кѣмъ и многими другими знаменитыми дѣяніями мужѣ. Всѣ пророчили ему въ новое царствованіе особенную милость не только по великимъ его способностямъ къ гражданской службѣ, по извѣстной его ревности ко всему справедливому и потому, что онъ покойною императрицею всегда защищаемъ былъ отъ всѣхъ его враговъ, но и по обстоятельству, что онъ прежде былъ

[1] VI, 705.

[2] Болотовъ. *Памятникъ претекшихъ времянъ*, стр. 107. Ср. *Р. Стар.* 1872, т. VI, стр. 89, Разсказъ Карабанова.

женатъ на дочери кормилицы государевой. Но, къ общему изумленію, вдругъ разнеслась крайне прискорбная и обидная для него молва: началъ летать и списываться вездѣ клочокъ бумажки, содержавшій въ себѣ копію съ именного и въ немногихъ только строкахъ состоявшаго государева указа». Съ сожалѣніемъ увидѣли, что «великій мужъ сей потерялъ себя и въ семъ случаѣ тою жъ своею слабостью, которая и до того была много разъ ему бѣдственна, а именно: излишнею своею смѣлостью и отважностью въ словахъ». Но особенно любопытны догадки, которыя ходили въ обществѣ на счетъ «непристойнаго отвѣта» Державина. Говорили, что государь, можетъ-быть, изъ любви къ нему сталъ ему напоминать, чтобъ былъ онъ скромнѣе и терпѣливѣе и не такъ дерзокъ на словахъ; а онъ будто бы, не перенеся этого напоминанія, отвѣчалъ, что онъ себя передѣлать не можетъ, а это и возбудило негодованіе государя. Многіе припоминали пословицу: «погибла птичка отъ своего язычка»; толковали, что жестокій указъ составитъ великому мужу вѣчное пятно и сдѣлаетъ ему всѣ чины и должности ненавистными, погаситъ въ немъ все прежнее его усердіе къ службѣ».

Послѣдствія показали однакожъ, что постигшая Державина опала не произвела на него такого дѣйствія. Онъ разсказываетъ, что когда его родные узнали о случившемся, то они собрались къ нему и, вмѣстѣ съ женой, «осыпавъ его со всѣхъ сторонъ журьбою, что онъ бранится съ царями и не можетъ ни съ кѣмъ ужиться, принудили его искать средствъ преклонить на милость монарха»[2]. Онъ рѣшился просить кого-нибудь изъ бывшихъ тогда въ случаѣ о предстательствѣ въ его пользу, и выборъ его палъ на князя Н. В. Репнина, какъ вельможу, который давно оказывалъ ему расположеніе и на покровительство котораго онъ, повидимому, могъ тѣмъ болѣе разсчитывать, что за нѣсколько лѣтъ назадъ воспѣлъ его заслуги въ особой одѣ (*Памятникъ герою*). Но, противъ всякаго чаянія, Репнинъ, по словамъ Державина,

[1] См. *Р. Архивъ*, 1864, стр. 784, или отдѣльное изданіе *Памятника*, М., 1875, стр. 107.

[2] VI, 706.

принялъ его очень грубо и на просьбу его сухо отвѣчалъ: «Не мое дѣло мирить васъ съ государемъ». Иначе представляетъ ихъ свиданіе тогдашній адъютантъ князя, Лубяновскій, доложившій ему о приходѣ Державина: онъ утверждаетъ, что генералъ принялъ поэта ласково, пробылъ съ нимъ въ кабинетѣ около часу, потомъ проводилъ его до третьей комнаты и, разставаясь съ нимъ, сказалъ: «Прощай, другъ мой, Гаврила Романовичъ». Замѣтимъ однакожъ, что Лубяновскій не присутствовалъ при разговорѣ ихъ[1], а слышалъ только, какъ Репнинъ прощался со своимъ просителемъ; нѣтъ слѣдовательно основанія вполнѣ отвергать показаніе Державина. Очень вѣроятно впрочемъ, что въ слѣдствіе полученнаго отказа пріемъ князя показался ему суровѣе, чѣмъ былъ на самомъ дѣлѣ. Зная достоинства этого государственнаго мужа, котораго высоко цѣнила Екатерина, и о которомъ дошло до насъ такъ много благопріятныхъ свидѣтельствъ, трудно повѣрить, чтобы онъ обошелся презрительно съ человѣкомъ, имѣвшимъ также свои несомнѣнныя заслуги, и нельзя не пожалѣть, что Державинъ, по внушенію оскорбленнаго самолюбія, отозвался съ такою горечью о вельможѣ, имъ же прежде превознесенномъ похвалами.

Однакожъ неудача не угомонила поэта: подстрекаемый «ропотомъ домашнихъ», онъ вспомнилъ какъ *Изображеніе Фелицы* открыло ему путь къ милости Екатерины и вздумалъ попытаться «возвратить себѣ благоволеніе монарха посредствомъ своего таланта», какъ онъ съ обычною своею наивностью самъ сознается. Плодомъ этой попытки была его ода *на новый 1797 годъ*, или, говоря точнѣе, на восшествіе на престолъ императора Павла. Она была въ рукописи представлена государю черезъ близкаго къ нему вице-адмирала С. И. Плещеева и произвела

[1] Объ этомъ обстоятельствѣ не упомянуто въ печатномъ текстѣ *Воспоминаній* покойнаго Ф. П. Лубяновскаго (*Р. Арх.* 1872 г., стр. 150), но въ рукописномъ отрывкѣ изъ нихъ, который онъ лично передалъ мнѣ за нѣсколько лѣтъ до своей смерти († 2-го февраля 1869 года), положительно сказано: «*Не слышалъ я разговора ихъ въ кабинетѣ;* но за то головой отвѣчаю, что отъ князя онъ не имѣлъ, да и не могъ имѣть иного отзыва, какъ самаго чистосердечнаго» и т. д., какъ въ изданныхъ запискахъ.

желанное дѣйствіе: государь потребовалъ къ себѣ автора, принялъ его милостиво и разрѣшилъ снова впускать его въ ту дворцовую залу, куда входъ ему былъ запрещенъ при постигшей его опалѣ. Державину сообщено было, за подписью генералъ-адъютанта Шаховского, слѣдующее высочайшее повелѣніе отъ 12-го января 1797 года: «Его императорское величество всемилостивѣйше указать соизволилъ: имѣть вамъ входъ за кавалергардовъ». 27-го января Державинъ писалъ своему пріятелю Гасвицкому: «Былъ государемъ сначала изо всѣхъ избранъ и въ милости; но одно слово не показалось, то прогнѣвалъ: однако по малу сходимся мировою, и уже былъ у него нѣсколько разъ предъ очами. Крутовато, братецъ, очень дѣло-то идетъ; ну, да какъ быть?»[1].

Названная ода, въ томъ же году напечатанная въ *Аонидахъ* Карамзина, часто служила противникамъ Державина обвинительнымъ противъ него актомъ. Правда, что побужденія къ написанію ея, даже и съ тогдашней точки зрѣнія, одобрить нельзя, но что касается самаго содержанія оды и недоумѣнія, какъ могъ пѣвецъ Фелицы привѣтствовать воцареніе ея преемника, то къ нѣкоторому извиненію Державина могутъ служить факты, указанные нами въ началѣ настоящей главы и подтверждаемые всѣми современными свидѣтельствами о первой порѣ царствованія Павла. Впослѣдствіи Державинъ самъ почувствовалъ несообразность этой оды съ дальнѣйшимъ ходомъ дѣлъ: онъ не рѣшился включить ее въ московское изданіе своихъ сочиненій, и ода, хотя уже набранная въ концѣ тома, не появилась въ немъ[2]. Тѣмъ не менѣе нельзя не признать поэтическаго достоинства, правды и живости многихъ чертъ, въ которыхъ здѣсь изображены первые дни царствованія Павла. Ка́къ самъ поэтъ въ позднѣйшее время смотрѣлъ на нѣкоторыя мѣста этой оды, видно изъ его любопытныхъ примѣчаній къ стихамъ ея.

[1] VI, 61.
[2] III, 729.

2. МОСКОВСКОЕ ИЗДАНІЕ СОЧИНЕНІЙ ДЕРЖАВИНА.

Екатерина II, просмотрѣвъ поднесенную ей Державинымъ тетрадь его стихотвореній, приказала, чрезъ графа Безбородку, напечатать ее на счетъ Кабинета; но графъ Платонъ Зубовъ, взявъ рукопись для прочтенія, продержалъ ее у себя до кончины императрицы. Впослѣдствіи она была возвращена поэту бывшимъ при императорѣ Павлѣ у принятія прошеній Нелединскимъ-Мелецкимъ.

Между тѣмъ И. И. Шуваловъ, имѣвшій въ рукахъ своихъ другой, болѣе полный, списокъ стихотвореній Державина, уговорилъ его дать свое согласіе на напечатаніе ихъ[1]. Что дѣйствительно такъ было, доказывается письмомъ поэта къ этому вельможѣ, помѣщеннымъ въ V томѣ нашего изданія (стр. 67). Выразивъ свое согласіе «повиноваться волѣ» своего покровителя, онъ проситъ И. И. «приказать напечатать труды свои въ типографіи Московскаго университета изъ той книги», говоритъ онъ, «которая находится у вашего превосходительства и которая составлять будетъ первую часть». Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ заявилъ желаніе, чтобы эта часть по содержанію совершенно соотвѣтствовала рукописи, поднесенной покойной императрицѣ, и потому приложилъ списокъ стихотвореній, которыя должны были войти въ этотъ томъ, съ устраненіемъ лишнихъ. Въ заключеніе онъ прибавилъ, что соглашеніе съ типографіей и чтеніе корректурныхъ листовъ поручено имъ «хорошему его пріятелю» Н. М. Карамзину.

Въ то же время Державинъ написалъ объ этомъ тогдашнему куратору Московскаго университета, племяннику Шувалова, князю Ф. Н. Голицыну, къ которому тетрадь стихотвореній тогда же и была отправлена дядей. Это было въ іюнѣ 1797 года. Къ декабрю мѣсяцу книга была отпечатана; но Шуваловъ не дожилъ до выхода ея въ свѣтъ: онъ умеръ 14-го ноября. Между тѣмъ университетскіе цензора́ не дали явиться

[1] См. предисловіе къ 1-му тому нашего изданія, стр. XVII.

изданію безъ искаженій: уже при разсмотрѣніи рукописи они потребовали исключенія нѣкоторыхъ пьесъ, особенно оды *Властителямъ и судьямъ,* и поэтъ долженъ былъ подчиниться тому; когда же началось печатаніе, «вздумали еще», говоритъ онъ въ письмѣ къ Куракину, «не пропускать нѣкоторыхъ мѣстъ, которыя уже нѣсколько разъ были печатаны»; сколько имъ ни было представляемо, «что препятствіе, чинимое ими, несправедливо, но они, ничему не внемля», не рѣшались снять своего запрещенія безъ согласія генералъ-прокурора. Всего болѣе затрудняли ихъ стихи:

«Да вѣкъ мой на дѣла полезны
И славу ихъ я посвящу,
Самодержавства скиптръ желѣзный
Моей щедротой позлащу»[1].

Державинъ жаловался князю Голицыну, бывшему въ концѣ года въ Петербургѣ, и выражалъ удивленіе, почему цензора́, разрѣшивъ печатаніе книги, теперь не выпускаютъ ея. «Зачѣмъ же?» спрашивалъ онъ: «за такой фразой, которая уже не одинъ разъ была напечатана, всѣмъ извѣстна и которая одна за многія истинную дѣлаетъ честь самодержавному нашему правленію. Ее при покойной государынѣ приняли всѣ съ чрезвычайной похвалою; почему же теперь нѣтъ? Развѣ теперешнее правленіе не столь щедро и великодушно, какъ прошедшее? Истинно, я боюсь подумать, чтобъ, выпустивъ двѣ строки, не сдѣлать сатиры оскорбительнѣйшей, нежели Ювеналъ на свое время»[2]. Поэтому Державинъ просилъ князя Голицына спасти честь покойнаго дяди и свою собственную, поговорить съ княземъ Алексѣемъ Куракинымъ и сообщить его разрѣшеніе директору университета или самимъ цензорамъ. Когда же князь Голицынъ уѣхалъ изъ Петербурга, ничего не сдѣлавъ по этой просьбѣ, то поэтъ, въ началѣ марта 1798 года, обратился къ самому Куракину, прося его приказать вразумить цензоровъ, что пугаю-

[1] I, 285.
[2] VI, 76.

щая ихъ фраза «ни божескому, ни гражданскому закону, ниже самой политикѣ не противна; тѣмъ болѣе, когда уже она нѣсколько разъ была напечатана, то, кажется, и не въ правѣ они воспрещать оной. Ваше сіятельство проницательнымъ своимъ и просвѣщеннымъ разумомъ согласитесь со мною, что самый ея строжайшій смыслъ состоитъ въ томъ, что похваляетъ она самодержавное правленіе, умягченное щедротами; то почему же нынѣ, или въ какое другое время, мысль сія, піитическимъ выраженіемъ сказанная, не можетъ быть позволена? почему она будетъ противна или опасна?». Оказалось однакожъ, что цензорá знали, чтó дѣлали. На письмѣ Державина Куракинъ написалъ резолюцію: «Государь императоръ приказать соизволилъ: внушить господину Державину, что по искуству его въ сочиненіи стиховъ подчеркнутые бы перемѣнилъ, чтобъ получить дозволеніе сочиненія его напечатать» [1].

Но Державинъ этого не сдѣлалъ, и вмѣсто послѣднихъ двухъ изъ приведенныхъ стиховъ въ книгѣ явился пробѣлъ. Около середины іюня она могла быть выпущена; но поэтъ такъ былъ недоволенъ изданіемъ, что рѣшился было не давать ему хода. Вотъ что онъ писалъ кн. Голицыну: «Сочиненія мои перепортили въ Москвѣ. Кромѣ того, что не по тому порядку напечатали, какъ я приказалъ, и не тѣ пьесы, коимъ въ 1-й части быть слѣдуетъ; но само по себѣ такъ скверно, что истинно въ руки взять не можно, и бумага и печать плоха, и ошибокъ премножество. Итакъ я разсудилъ, заплатя типографіи, весь заводъ истребить; а поелику симъ я огорчу Н. М. Карамзина, которому я поручилъ смотрѣніе надъ печатаніемъ и который мнѣ хорошій пріятель, то и хочется мнѣ это такъ сдѣлать, чтобъ онъ и не свѣдалъ». Поэтому Державинъ просилъ Голицына, призвавъ директора типографіи, заплатить ему деньги за печатаніе (какъ онъ полагалъ, отъ 400 до 500 руб.); потомъ взять всѣ экземпляры и сжечь ихъ. Вновь напечатать изданіе онъ хотѣлъ въ типографіи медицинской коллегіи [2].

[1] VI, 81.
[2] VI, 82.

Однакожъ это рѣшеніе, слѣдствіе минутной вспышки, скоро было отмѣнено: въ письмѣ, на другой же день посланномъ Голицыну, поэтъ взялъ назадъ свое порученіе. Книга появилась съ предувѣдомленіемъ, гдѣ между-прочимъ сказано: «По ошибкѣ дошелъ въ типографію невѣрный списокъ, бывшій у покойнаго И. И. Шувалова, въ которомъ безо всякаго разбора размѣщены были и внесены такія стихотворенія, которымъ въ 1-ой части или и совсѣмъ напечатанными быть не слѣдовало; притомъ съ такими неисправностями, что вовсе бы лучше не издавать». Карамзинъ объяснялъ дѣло иначе; въ декабрѣ 1798 г. онъ писалъ Дмитріеву: «Въ печатныхъ сочиненіяхъ Гаврила Романовича есть пропуски отъ того, что они были въ манускриптѣ. Какая безпечность, послать рукопись въ типографію, не взявъ на себя труда прочитать ее!»[1].

Томъ вышелъ подъ заглавіемъ: *Сочиненія Державина, часть I* (Москва, 1798). Къ нему приложена цѣлая страница *поправокъ;* но надо правду сказать, что опечатокъ, за которыя отвѣтственность падала бы на Карамзина, почти вовсе нѣтъ. Поправки, сдѣланныя по указаніямъ Капниста (какъ намъ извѣстно изъ рукописей), касались самой тетради, бывшей въ типографіи; невѣрности этого списка очевидно затрудняли Карамзина и заставляли его часто рѣшать дѣло по собственнымъ соображеніямъ. Вообще же изданіе много обязано ему въ отношеніи къ орфографіи и къ пунктуаціи, которыя въ рукописи были очень неудовлетворительны[2].

3. Участіе въ совѣстныхъ судахъ и опекахъ.

Совѣстный судъ, впервые введенный Екатериною II при новой организаціи губернскаго управленія, былъ однимъ изъ тѣхъ учрежденій, которыми она, какъ видно изъ ея собственныхъ отзывовъ, особенно гордилась, называя этотъ судъ моги-

[1] *Письма къ Дмитріеву* стр. 106.

[2] Болѣе подробныя свѣдѣнія объ этомъ московскомъ изданіи сочиненій Державина можно найти въ предисловіи къ І-му Тому нашему.

лою ябедничества [1]. На долю Державина выпалъ жребій сдѣлаться однимъ изъ видныхъ дѣятелей въ этомъ установленіи. Было уже упомянуто о той репутаціи честнаго человѣка и неумытнаго судьи, какою онъ пользовался, начиная особенно со времени своего возвращенія въ Петербургъ оправданнымъ послѣ тамбовскаго губернаторства. Суворовъ называлъ его Аристидомъ.

Пріобрѣтенное имъ общественное довѣріе имѣло слѣдствіемъ, что его чаще и чаще стали избирать въ совѣстные или третейскіе судьи и поручать ему опеки. Еще ранѣе, въ 1783 г., онъ, по желанію братьевъ Демидовыхъ, участвовалъ въ полюбовномъ рѣшеніи семейной тяжбы ихъ по имѣнію, цѣнностью болѣе милліона [2]; потомъ, въ бытность правителемъ намѣстничества въ Тамбовѣ, онъ такимъ же образомъ окончилъ дѣло дѣвицы Орловой (впослѣдствіи, по мужу, Мосоловой) со вдовою Яковлевою. Великодушный поступокъ первой для удовлетворенія противной стороны былъ по достоинству оцѣненъ просвѣщеннымъ губернаторомъ, и онъ такъ выразилъ Орловой свое одобреніе: «Не оставлю я совѣстному суду объявить снисходительнаго намѣренія вашего. Пріятно мнѣ быть посредникомъ между такими тяжущимися, какъ вы, что изъ малаго своего капитала, на часть вашу достающагося, удѣляете вы соперницѣ вашей 500 руб. и тѣмъ даете средства къ примиренію. Но то еще похвальнѣе, что сія щедрость ваша происходитъ изъ самаго благороднаго источника, т. е. изъ любви къ покойному вашему родителю, коею вы сохраняете память его отъ нареканія. Желательно бъ было, чтобъ и всѣ къ совѣстному суду прибѣгающіе были наполнены таковыми чувствованіями» [3].

[1] Письма къ Гримму въ *Сборн. Истор. Общ.* XXIII, 39.

[2] V, 371.

[3] V, 465. Марья Григ. Орлова, отличавшаяся красотою и величественнымъ ростомъ, участвовала съ блескомъ въ собраніяхъ и театральныхъ представленіяхъ, бывавшихъ въ Тамбовѣ у Державина: между-прочимъ въ прологѣ, разыгранномъ въ память открытія училища, она явилась на сценѣ Мельпоменою. Ее считали достойной ученицей поэта. Въ 1788 году она перевела съ французскаго и напечатала въ Тамбовѣ романъ *Аббатство или замокъ Барфордской.* (*Дамскій Журналъ* 1830, ч. XXIX, стр. 193.)

О дѣятельности Державина по тяжбѣ Дмитріева со Всеволожскимъ было уже говорено. Могутъ замѣтить, что въ этомъ случаѣ онъ не всегда велъ себя согласно съ основною идеей примирительнаго учрежденія. Но припомнимъ, что взрывъ его негодованія и ссора со Ржевскимъ (см. выше стр. 653) вызваны были даннымъ дѣлу неправильнымъ ходомъ и оказанною въ немъ явною несправедливостью, безъ чего конечно все обошлось бы мирно. Намъ уже извѣстно равнымъ образомъ успѣшное посредничество Державина по претензіи Мочениго на Сутерландѣ.

Особенно много тяжебныхъ дѣлъ прошло черезъ руки Гаврилы Романовича въ царствованіе Павла. Къ числу лицъ, поручавшихъ ему рѣшеніе своихъ споровъ, принадлежали: графиня Кат. Як. Мусина-Пушкина Брюсъ, И. И. Шуваловъ, графы Григорій Ив. Чернышевъ, А. Н. Самойловъ, Матвѣй Федор. Апраксинъ, Федоръ Григ. Орловъ, Соллогубъ, англійскій купецъ Джемсъ (Ямесъ), Анна Александр. Лопухина, сыновья Л. А. Нарышкина и мн. др. Всѣхъ такихъ дѣлъ посредничествомъ его было рѣшено до ста. Съ большою подробностью разсказываетъ онъ въ своихъ запискахъ, какъ ему удалось кончить третейскимъ судомъ тяжбу по иску, предъявленному Маркловскимъ (который при жизни Потемкина управлялъ имѣніемъ его, Дубровной, въ западномъ краѣ) на графа Самойлова и его сонаслѣдниковъ [1]. Маркловскій, чрезъ графовъ Кутайсова и Палена, успѣлъ склонить на свою сторону самого императора. Государь приказалъ немедленно рѣшить дѣло въ пользу истца, удовлетворивъ всю его претензію въ 120,000 руб., составлявшихъ итогъ неуплаченнаго ему покойнымъ вельможей жалованья и другого числившагося на немъ долга. Державинъ убѣдилъ наслѣдниковъ согласиться на выдачу по крайней мѣрѣ половины этой суммы. Маркловскій долго противился принятію такого предложенія, но Державинъ внезапно предъявилъ предосудительный для чести его документъ съ угрозою тотчасъ же представить его императору: побѣжденный истецъ поблѣднѣлъ, затрясся и, ни слова не говоря, подписалъ приговоръ. Державинъ гордился множествомъ оконченныхъ имъ

[1] VI, 712.

полюбовно спорныхъ дѣлъ. Въ старости, незадолго до смерти, показывая одному изъ молодыхъ почитателей своихъ[1] большую связку бумагъ въ своемъ кабинетѣ, онъ говорилъ: «Вотъ что болѣе всего меня утѣшаетъ: я окончилъ миромъ слишкомъ двадцать важныхъ запутанныхъ тяжбъ: мое посредничество прекратило не одну многолѣтнюю вражду между родственниками».

Кромѣ того, въ царствованіе Павла, на Державина возложено было не менѣе 8 опекъ и попечительствъ, именно: г-жъ Фурсовыхъ[2], названнаго уже гр. Чернышева, графинь Брюсъ и Матюшкиной, князей Гагарина (Ивана Алексѣевича) и Голицына, Семена Гавриловича Зорича и г-жи Колтовской. Скажемъ нѣсколько словъ по поводу нѣкоторыхъ изъ этихъ опекъ.

Григорій Ивановичъ Чернышевъ (впослѣдствіи оберъ-шенкъ, ум. 1830 г.) былъ сынъ извѣстнаго вице-президента адмиралтейской коллегіи, пожалованнаго императоромъ Павломъ въ небывалое до того званіе генералъ-фельдмаршала по флоту. Графъ Иванъ Григорьевичъ († 1797) былъ тамбовскимъ помѣщикомъ, и потому Державинъ еще въ бытность свою губернаторомъ того края имѣлъ особенное попеченіе о дѣлахъ его имѣнія[3]. Мотовствомъ сына они были приведены въ совершенное разстройство: онъ впалъ въ неоплатные долги и частнымъ людямъ и казнѣ. Назначивъ Державина опекуномъ его, государь принялъ особенное участіе въ положеніи Чернышева и предоставилъ ему разныя льготы въ уплатѣ долговъ. «Такимъ образомъ», замѣчаетъ Державинъ, «нерѣшимый узелъ ихъ вдругъ развязался»: большая часть кредиторовъ согласились на предложенныя посредничествомъ условія, и разсроченные долги были мало по малу уплачены. При всемъ томъ Чернышевъ, по привычкѣ къ роскоши и расточительности, пожелалъ освобо-

[1] В. И. Панаеву. См. отрывокъ изъ его «Воспоминаній» въ книгѣ *Братчина*. Спб. 1859 г., стр. 125.

[2] Изъ бумагъ Державина за время бытности его статсъ-секретаремъ видно, что генералъ-майорша Марья Фурсова, воспитанная въ Смольномъ монастырѣ, въ апрѣлѣ 1792 года подавала жалобу на жестокое обращеніе своего мужа и просила обезпечить ей содержаніе въ домѣ матери.

[3] V, 440, 619.

диться отъ попечительства, которое и было снято съ него въ 1806 году. Сохранилось подлинное письмо его отъ 4-го апрѣля: здѣсь онъ въ самыхъ теплыхъ выраженіяхъ приноситъ Державину свою признательность, называя его своимъ благодѣтелемъ и обѣщая заявить въ газетахъ, не только русскихъ, но и заграничныхъ, сколько считаетъ себя ему обязаннымъ. «Я не скрою въ нихъ», говоритъ онъ, «ни единаго изъ тѣхъ благотвореній вашихъ мнѣ, которыми вы успокоили жизнь мою и сохранили для потомства имѣніе, доставшееся мнѣ въ наслѣдство, уплативъ болѣе милліона долговъ и возвративъ чрезъ выкупъ родительскій домъ мой на немалозначащую сумму. Пусть всякій благомыслящій увидитъ, что вы изъ единаго побужденія къ содѣланію добра ближнему предавались толикимъ заботамъ и попеченіямъ для составленія счастія многимъ фамиліямъ, и опредѣлитъ въ сердцѣ своемъ достойное вамъ воздаяніе. Мнѣ остается, въ подкрѣпленіе чувствъ искренней моей вамъ благодарности, запечатлѣть въ душѣ моей на всю жизнь мою ваше имя и оставить оное дѣтямъ моимъ въ предбудущія времена незабвеннымъ памятникомъ»[1].

Другой примѣръ того, какъ лица, дѣлами которыхъ завѣдывалъ Державинъ, цѣнили его заботы о ихъ интересахъ, представляетъ письмо графини Мусиной-Пушкиной Брюсъ, написанное ею въ 1804 г., когда, по прекращеніи его опеки, она снова сама вступила въ управленіе своимъ имѣніемъ. «По возвращеніи моемъ въ Россію и по разсмотрѣніи въ подробности дѣлъ моихъ, въ попечительствѣ вашемъ состоявшихъ», писала графиня, «я съ живѣйшими чувствіями удовольствія нашла, что ни самая малость относительно моихъ интересовъ упущена не была, доходы противъ прежняго ощутительно умножены, а въ дополненіе къ тому, при всей разстроенности моего имѣнія, въ попечительство ваше поступившаго, я съ восхищеніемъ увидѣла, что заплачено до 165,000 рублей моихъ долговъ, и наконецъ имѣніе приведено въ толь лестное положеніе, что я за таковыя ваши ко мнѣ благодѣянія совершенно теряюсь въ

[1] VI, 177.

способахъ изъявить вамъ ту благодарность, которою я преисполнена»[1].

Иногда Державинъ, въ качествѣ опекуна, даже слишкомъ увлекался заботами о выгодахъ своихъ довѣрителей, не обращая должнаго вниманія на положеніе другой стороны. Изъ документовъ тамбовскихъ архивовъ видно, что по дѣламъ лицъ, имѣвшихъ собственность въ этой губерніи, Державинъ, пользуясь своимъ служебнымъ положеніемъ въ Петербургѣ, старался производить давленіе на мѣстныя власти, однажды стращалъ губернатора докладомъ государю и въ неурожайный 1801 годъ требовалъ полнаго оброка съ крестьянъ графини Матюшкиной[2], тогда какъ въ отношеніи къ собственнымъ своимъ крѣпостнымъ онъ всегда поступалъ человѣколюбиво. Нельзя также умолчать о жалобѣ, позднѣе поданной Неранчичемъ, братомъ и наслѣдникомъ Зорича, на опеку Державина съ просьбой устранить его отъ управленія шкловскимъ имѣніемъ. О ходѣ этого дѣла будетъ сказано въ своемъ мѣстѣ.

Въ назначеніи Державина опекуномъ и попечителемъ многихъ высокопоставленныхъ лицъ несомнѣнно выразилось довѣріе императора Павла къ его способностямъ и распорядительности въ подобныхъ дѣлахъ. О дѣятельности его на этомъ поприщѣ общественнаго служенія есть и постороннее весьма благопріятное для него свидѣтельство одного извѣстнаго современника. Это — писанная въ 1802 году записка А. М. Лунина[3] «о дворянскихъ опекахъ вообще и особливо управляемыхъ сенаторомъ Державинымъ». Послѣ изложенія мѣръ, принятыхъ послѣднимъ по порученнымъ ему опекамъ и попечительствамъ, въ этой запискѣ замѣчено: «Таковыми благоуспѣшными и согласными съ законами средствами не только недвижимыя имѣнія знатныхъ дворянскихъ родовъ отъ описи, разоренія и продажи сбереглись, но и правительство было избавлено отъ

[1] VI, 159.

[2] Изъ рукописныхъ свѣдѣній, доставленныхъ мнѣ И. И. Дубасовымъ.

[3] См. о немъ выше, стр. 91 и 197, также въ Т. V и VI. Въ 1780-хъ годахъ онъ былъ полоцкимъ губернаторомъ, въ началѣ царствованія Александра I находился въ отставкѣ, а потомъ былъ сенат. и поч. опекуномъ въ Москвѣ.

нѣсколькихъ сотъ продолжительныхъ и весьма трудныхъ къ развязкѣ тяжбъ и процессовъ».

Обремененіе Державина занятіями по опекамъ и попечительствамъ было причиною, что онъ весною 1800 года рѣшился завести при своемъ домѣ особую контору, «гдѣ бы нужные для тѣхъ опекъ служители жительствовать могли». По этому поводу онъ просилъ у военнаго губернатора, графа Палена, разрѣшенія сдѣлать къ своему дому нѣсколько деревянныхъ пристроекъ, такъ какъ онъ терялъ слишкомъ много времени, посылая въ разныя части города за домоправителями и писцами, когда въ нихъ встрѣчалась надобность по опекунскимъ дѣламъ[1]. Просьба эта была уважена. Впослѣдствіи эти самыя пристройки послужили къ расширенію помѣщеній, въ которыхъ добродушный поэтъ давалъ пріютъ многимъ изъ своихъ родныхъ.

4. ШКЛОВСКАЯ КОМАНДИРОВКА.

Въ іюнѣ 1799 года Державину поручено было ѣхать въ мѣстечко Шкловъ (Могилевской губерніи) для слѣдствія по жалобѣ тамошнихъ Евреевъ на притѣсненія владѣльца его, Зорича. Извѣстно, что Семенъ Гавриловичъ Зоричъ, родомъ сербъ, былъ любимцемъ Екатерины II съ іюня 1777 по май 1778 года. Къ числу милостей, съ безпримѣрною щедростью излитыхъ на него императрицей, относится и пожалованіе ему Шкловскаго имѣнія, которое при переходѣ Бѣлоруссіи подъ власть имперіи принадлежало Чарторыскимъ, а отъ нихъ потомъ было куплено въ казну. Зоричъ жилъ тамъ съ пышностью владѣтельнаго принца; чтобы угодить государынѣ, онъ основалъ въ Шкловѣ училище, впослѣдствіи принятое императоромъ Павломъ въ казенное вѣдомство. Въ 1780-хъ годахъ Зоричъ былъ замѣшанъ въ дѣло двухъ братьевъ своихъ, графовъ Зановичей, пріѣхавшихъ къ нему изъ Вѣны съ большимъ запасомъ фальшивыхъ ассигнацій и заподозрѣнныхъ въ самой поддѣлкѣ ихъ, въ слѣдствіе чего они и были заключены на пять лѣтъ въ нейшлотскую крѣ-

[1] VI, 113.

ность[1]. Что касается самого Зорича, то Храповицкій сохранилъ намъ весьма любопытный о немъ отзывъ императрицы: «Можно сказать, что двѣ души имѣлъ: любилъ доброе, но дѣлалъ дурное; былъ храбръ въ сраженіяхъ, но лично трусъ, и виноватъ по дѣлу графовъ Зановичей о фальшивыхъ ассигнаціяхъ»[2]. Надобно однакожъ замѣтить, что по произведенному строгому слѣдствію Зоричъ оказался непричастнымъ къ этому дѣлу и былъ совершенно оправданъ[3].

По мнѣнію самого Державина, главнымъ поводомъ къ командировкѣ его въ Шкловъ, — это мѣстечко съ жителями, «зрѣніемъ коихъ», какъ выразился митрополитъ Платонъ, «оскорблялся и взоръ и духъ»[4], — было желаніе государева любимца Кутайсова пріобрѣсти имѣніе Зорича по дешевой цѣнѣ. Въ этомъ Кутайсову радъ былъ содѣйствовать и тесть сына его, тогдашній генералъ-прокуроръ П. В. Лопухинъ, который, кромѣ того, имѣлъ еще и другую причину стараться объ удаленіи Державина изъ столицы. Тогда въ сенатѣ должно было окончательно рѣшиться дѣло о взысканіи съ тамбовскаго купца Бородина, по винному откупу, 300,000 руб.; а такъ какъ это дѣло возникло по жалобѣ Державина въ бытность его губернаторомъ, то противники его, Гудовичъ, Завадовскій и государственный казначей А. И. Васильевъ, охотно помогли Кутайсову, своимъ вліяніемъ на Лопухина, отправить нашего сенатора въ Бѣлоруссію. Справедливы ли были эти догадки о причинахъ его командировки, сказать трудно. Впрочемъ, нѣкоторое вѣроятіе придаетъ имъ то обстоятельство, что Кутайсовъ чрезъ своихъ пріятелей дѣйствительно намекалъ ему, чтобъ онъ, «утѣсняя Зорича, за дешевую цѣну доставилъ имѣніе его». Державинъ отправился въ Шкловъ, но дѣло кончилось ничѣмъ: Зоричъ съ своей стороны жаловался, что обвинявшіе его Евреи не исполняли принятыхъ ими на себя обязательствъ,

[1] См. статью А. П. Барсукова *Шкловскіе авантюристы* въ журналѣ *Заря* за январь 1871 года.

[2] *Дневн. Храпов.*, 435.

[3] *Записки Энгельгардта*, стр. 34, и *Р. Арх.* 1879, кн. II, стр. 60 (статья М. И. Мещерскаго о Зоричѣ).

[4] *Путешествіе въ Кіевъ*, 1804.

и потому невозможно было найти основательныхъ причинъ, чтобы подвергнуть его суду. Державинъ, пользуясь даннымъ ему передъ отъѣздомъ разрѣшеніемъ, нѣсколько разъ писалъ о ходѣ слѣдствія самому Павлу, но, какъ онъ думаетъ, эти письма скоро наскучили императору и назначенный между тѣмъ[1] новый генералъ-прокуроръ, Беклешовъ, сообщилъ ему высочайшее повелѣніе возвратиться въ Петербургъ.

Съ этою командировкой было связано еще другое порученіе, именно побывать въ деревнѣ Березятнѣ (Могилевской же губерніи) и произвести тамъ слѣдствіе объ оказанномъ крестьянами мѣстнымъ властямъ сопротивленіи. Дѣло заключалось въ томъ, что когда была просрочена запись графа Полье на Березятню, то губернское правленіе предписало отдать эту деревню другому помѣщику, имѣвшему запись; но приказчикъ прежняго владѣльца, зная только польскіе законы, не допустилъ нижній земскій судъ до исполненія указа, и при происшедшей отъ того дракѣ, въ которую вмѣшались поселяне, нанесены были побои капитану-исправнику и полицейскимъ служителямъ. Сдѣланное Державинымъ дознаніе привело его къ убѣжденію, что причиною противодѣйствія властямъ со стороны населенія было неустройство недавно присоединеннаго края при неизбѣжномъ смѣшеніи новыхъ порядковъ съ прежними. По возвращеніи въ Петербургъ, онъ донесъ о томъ сенату, но сознается, что еще и во время занятія имъ поста министра (въ 1803 году) ему не удалось поправить этого положенія дѣлъ въ пріобрѣтенныхъ отъ Польши губерніяхъ. Воспоминаніемъ первой поѣздки поэта въ Бѣлоруссію остались два его стихотворенія, *Горы* и *Горки*, написанныя по поводу посѣщенія лежащей близъ этихъ мѣстъ Березятни. Въ Горахъ онъ нашелъ гостепріимное пристанище у графа Соллогуба, женатаго на дочери Л. А. Нарышкина. Однажды возвращаясь туда ночью со слѣдствія, онъ былъ встрѣченъ молодою дочерью графа, которая, для шутки нарядясь жи-

[1] Въ іюлѣ 1799. — Авторъ статьи «С. Г. Зоричъ» въ *Р. Арх.* 1879 г. II, стр. 63, ошибочно относитъ эту командировку Державина къ 1797 году и полагаетъ, что въ 1798 году онъ вторично отправился въ Бѣлоруссію. См. Т. VI нашего изданія.

довкою, поднесла поэту нѣсколько застрѣленныхъ бекасовъ. Онъ отблагодарилъ ее пьеской *Горы*. Тогда же написано имъ небольшое стихотвореніе *Вишa*, посвященное могилевскому помѣщику Жуковскому[1], у котораго онъ также нашелъ радушный пріемъ.

5. ВТОРАЯ КОМАНДИРОВКА ВЪ БѢЛОРУССІЮ.

Въ слѣдующемъ 1800 году, весною, предполагалось отправить Державина въ Вятскую губернію для повѣрки результатовъ произведенной сенаторами И. В. Лопухинымъ и М. Г. Спиридовымъ ревизіи, которую представили государю въ неблагопріятномъ свѣтѣ. Гаврила Романовичъ готовился ѣхать туда вмѣстѣ съ женою, но между тѣмъ старался и дѣйствительно успѣлъ отклонить отъ себя это щекотливое порученіе. Затѣмъ на него возложена была опека надъ имѣніемъ Натальи Алексѣевны Колтовской, которая вела тяжбу съ мужемъ. По домогательству послѣдняго, Беклешовъ, державшій сторону его, назначилъ было опекунами ея Алябьева и Шнезе; но Павелъ, лично заинтересованный ходомъ дѣла Колтовской, плѣнившей его своею красотою, приказалъ передать опеку Державину. Однакожъ, едва послѣдній приступилъ къ собиранію справокъ по этому процессу, какъ ему вторично пришлось ѣхать въ Бѣлоруссію. На имя его данъ былъ слѣдующій высочайшій рескриптъ:

«Господинъ тайный совѣтникъ Державинъ!

«По дошедшему до насъ свѣдѣнію, что въ Бѣлорусской губерніи недостатокъ въ хлѣбѣ и нѣкоторые помѣщики изъ безмѣрнаго корыстолюбія оставляютъ крестьянъ своихъ безъ помощи къ прокормленію, поручаемъ вамъ изыскать о таковыхъ помѣщикахъ, гдѣ нуждающіеся въ пропитаніи крестьяне остаются безъ помощи отъ нихъ, и, оныхъ имѣнія отобравъ, отдать подъ опеку и распоряженіемъ оной снабжать крестьянъ изъ господскаго хлѣба, а въ случаѣ недостатка заимствовать оный для нихъ на счетъ помѣщиковъ изъ сельскихъ магазейновъ. Казенныя же имѣнія, состоящія во временномъ владѣніи, въ такомъ

[1] II, 260.

случаѣ изъ онаго тотчасъ обратить въ казенное вѣдомство и предоставить распоряженію казенной палаты, давая знать объ ономъ нашему генералу-прокурору съ точнымъ показаніемъ, кѣмъ какое чрезъ то гдѣ въ казенномъ имѣніи разстройство произведено. Пребываемъ вамъ благосклонны.

«Іюня 16 дня 1800 года. Павловскъ. Павелъ»[1].

Въ это время шелъ четвертый годъ царствованія этого государя и должность генералъ-прокурора занимало уже четвертое при немъ лицо, именно Петръ Хрисанфовичъ Обольяниновъ, бывшій въ пріятельскихъ отношеніяхъ съ Державинымъ. Это былъ человѣкъ добродушный, честный, набожный, отъ природы умный, но малообразованный, грубый и вспыльчивый: подчиненнымъ его и вообще людямъ, имѣвшимъ съ нимъ дѣло, нерѣдко приходилось выслушивать отъ него площадную брань. Судя по нѣкоторымъ разсказамъ современниковъ, онъ былъ даже способенъ на жестокіе поступки, когда, по его понятіямъ, того требовала служба или воля государя. Съ другой стороны утверждаютъ, что, бывъ назначенъ при воцареніи Павла генералъ-адъютантомъ, онъ не разъ способствовалъ къ смягченію крутости его и заботился о безпристрастіи въ судахъ. Зная характеръ императора, легко понять, что сановникъ съ такими свойствами долженъ былъ ему нравиться и снискать его довѣріе. Во все это царствованіе Обольяниновъ занималъ важныя должности: былъ генералъ-провіантмейстеромъ, сенаторомъ и наконецъ, возвысившись до званія генералъ-прокурора, сдѣлался едва ли не самымъ сильнымъ вельможею, вліяніе котораго распространялось отчасти и на военное вѣдомство: пріемная его каждое утро наполнялась знатными лицами; иногда между ними являлись и великіе князья. Въ эти часы передъ домомъ его (на углу больш. Морской и Почтамтской, гдѣ нынѣ домъ Карамзина) экипажи тянулись рядами[2]. Мертваго, стоявшій очень близко къ Обольянинову, сравниваетъ его съ великимъ визиремъ: чрезъ него вос-

[1] VI, 385.

[2] Корфъ. *Сперанскій* I, стр. 52. *Записки Мертваго*, стр. 104, 112 и д., *Р. Архивъ* 1869, стр. 1895.

ходили къ государю всѣ доклады, и неудивительно, что при скудости познаній такого посредника безпрестанно происходили недоразумѣнія, возбуждавшія неудовольствіе, тѣмъ болѣе, что съ усиленіемъ его власти, въ немъ росли также самолюбіе и гордость.

Въ одинъ день съ рескриптомъ государя Державинъ получилъ отъ Обольянинова офиціальное письмо съ увѣдомленіемъ, что на случай недостатка хлѣба у владѣльцевъ или въ запасныхъ магазинахъ, къ нему явится въ Витебскѣ находящійся тамъ провіантскій комиссіонеръ. Попросивъ Державина постоянно сообщать о своихъ наблюденіяхъ и принимаемыхъ имъ мѣрахъ, генералъ-прокуроръ прибавлялъ: «А какъ, по свѣдѣніямъ, немалою причиною истощенія бѣлорусскихъ крестьянъ суть жиды, по оборотамъ ихъ въ извлеченіи изъ нихъ своей корысти, то высочайшая воля есть, чтобы ваше превосходительство обратили особливое вниманіе и примѣчаніе на промыселъ ихъ въ томъ и, къ отвращенію такого общаго отъ нихъ вреда, подали свое мнѣніе по надлежащемъ всѣхъ мѣстныхъ обстоятельствъ соображеніи». Въ частномъ письмѣ отъ того же дня Обольяниновъ говорилъ: «Жалѣю, что на нѣсколько времени съ вами разлучимся, но не сумнюсь въ продолженіи дружбы вашей ко мнѣ». На другой день онъ препроводилъ къ Гаврилѣ Романовичу испрошенныя у государя и доставленныя Кутайсовымъ 2,000 руб. на путешествіе командируемаго сенатора.

Надо согласиться, что возложенное на Державина двойное порученіе было само по себѣ не легко и, кромѣ того, въ высшей степени щекотливо: ему казалось, что между строками рескрипта можно было прочесть тайное желаніе, чтобы голодъ и неисполненіе арендаторами во всей точности своихъ обязательствъ послужили предлогомъ для отобранія въ казну возможно бо́льшаго числа старостствъ: послѣ необдуманно щедрой «раздачи русскихъ казенныхъ дворцовыхъ крестьянъ и польскихъ арендъ при восшествіи на престолъ и коронаціи», говоритъ онъ, «нечѣмъ уже почти было награждать истинныхъ заслугъ»[1]. Изслѣдованіе по-

[1] VI, 729. См. въ III Томѣ нашего изданія, стр. 551, басню Державина *Хозяйка*, написанную на этотъ предметъ.

ложенія Евреевъ было также сопряжено съ немалыми трудностями. Дѣйствовать въ обоихъ отношеніяхъ по своему крайнему разумѣнію могло быть опасно; но Державинъ, скрѣпя сердце, рѣшился ѣхать, съ твердымъ намѣреніемъ, по всегдашнему своему правилу, не отступать и теперь отъ того, что ему предписывали долгъ и совѣсть.

Выѣхавъ изъ Петербурга 19-го іюня 1800 года съ однимъ канцелярскимъ служителемъ и двумя крѣпостными людьми, онъ пробылъ въ отсутствіи до середины октября. Въ началѣ путешествія онъ остановился въ Тоснѣ и тамъ ночевалъ въ ожиданіи Дарьи Алексѣевны, которая хотѣла также пріѣхать туда, чтобы еще разъ проститься съ мужемъ, однакожъ удовольствовалась присылкою записки. Съ дороги онъ писалъ ей изо всѣхъ мѣстъ, гдѣ были почтовыя конторы; по тогдашнему состоянію нашихъ путей сообщенія, карета его частехонько ломалась и онъ каждый разъ останавливался для починокъ.

Проведя нѣсколько дней въ Витебскѣ, потомъ посѣтивъ Дубровну, село, нѣкогда принадлежавшее Потемкину (въ 56-ти верстахъ отъ Шклова), и другія окрестныя селенія, Державинъ въ концѣ іюня отправилъ къ генералъ-прокурору первое свое донесеніе. Изъ его наблюденій оказывалось, что въ большей части Бѣлоруссіи жители отъ недостатка хлѣба не терпѣли изнуренія; правда, что они ѣли хлѣбъ, смѣшанный съ мякиною, но это бываетъ въ томъ краю и въ самые хлѣбородные годы, особливо весною до новой жатвы. Только въ нѣкоторыхъ округахъ, между-прочимъ въ имѣніяхъ Заранка и Гурки, крестьяне принуждены были, вмѣсто хлѣба, употреблять въ пищу то щавель, то лебеду и коренья, отчего «они не только стали слабы и тощи, но у нѣкоторыхъ показывалась уже и опухоль на лицахъ и на грудяхъ. Помѣщики не оставляютъ снабжать ихъ своимъ хлѣбомъ и раздаютъ послѣдній запасъ, объясняя при томъ, что и крестьяне не пекутся о себѣ: иные данный имъ хлѣбъ пропиваютъ, а нѣкоторые, имѣя значительныя денежныя суммы, изъ скупости ѣдятъ какъ бѣдные. Въ корчмахъ у всѣхъ жидовъ найденъ порядочный запасъ, кромѣ другого съѣстного, въ ржаной мукѣ. Въ продолженіе пути встрѣтилъ онъ около ста повозокъ

со ржаною мукой, закупленною Евреями въ Кричевѣ, Мстиславлѣ и другихъ мѣстечкахъ по 5-ти, 6-ти и 8-ми рублей и везомою въ Витебскъ, какъ они объявляли, для отправленія Двиною въ Ригу и Минскъ къ отпуску за границу». Видя въ этомъ прямое нарушеніе закона, Державинъ приказалъ остановить хлѣбъ, предназначенный къ вывозу, и въ округахъ, наиболѣе нуждавшихся, снабдить имъ крестьянъ на счетъ владѣльцевъ. Губернскимъ начальствамъ предписано было привозить хлѣбъ изъ обильныхъ уѣздовъ въ округи, терпящіе недостатокъ; на случай, еслибъ это распоряженіе осталось безуспѣшнымъ, Державинъ предложилъ, на основаніи петровскаго указа 1723 года, описывать хлѣбъ, какой у кого есть, и раздавать его заимообразно нуждающимся.

Доводя объ этихъ мѣрахъ и предположеніяхъ до свѣдѣнія государя, Обольяниновъ испрашивалъ высочайшаго повелѣнія на приведеніе ихъ въ дѣйствіе, и кромѣ того представлялъ, чтобы въ казенныхъ селеніяхъ хлѣбъ раздаваемъ былъ на счетъ казны, «для чего и ассигновать сумму тысячъ до десяти рублей». Этотъ докладъ былъ очень милостиво принятъ императоромъ, и на имя Державина немедленно послѣдовалъ собственноручный рескриптъ:

«Петергофъ. Іюля 7 1800.

«Весьма апробую, Гаврила Романовичъ, распоряженіе ваше, по которому и исполните въ точности. Вамъ благосклонный

Павелъ».

«А для казенныхъ селеній взять деньгами изъ казенной палаты».

Въ письмѣ Обольянинова, сопровождавшемъ этотъ рескриптъ, было между-прочимъ сказано: «Къ мѣстнымъ познаніямъ, какія ваше превосходительство о краѣ семъ по личному вашему опыту имѣете, я считаю нужнымъ для соображенія вашего присовокупить, что нѣкоторые временные казенныхъ имѣній владѣльцы посылаютъ крестьянъ въ отдаленныя мѣста для земляныхъ работъ по принятымъ ими подрядамъ: а какъ они никакого не имѣютъ права крестьянъ казенныхъ, въ собственность имъ не принадлежащихъ, отлучать отъ земли; то без-

порядокъ сей, для надлежащаго прекращенія, и поставляю я во вниманіе ваше»[1].

Въ новомъ донесеніи своемъ Державинъ извѣщалъ генералъ-прокурора о двухъ принятыхъ имъ рѣшительныхъ и строгихъ мѣрахъ:

Во-первыхъ, онъ узналъ, что въ мѣстечкѣ Лёзнѣ (въ нынѣшней Могилевской губерніи), въ 40-ка верстахъ отъ Витебска, Евреи, выманивая у крестьянъ хлѣбъ попойками, обращаютъ его въ вино. Тотчасъ отправясь на мѣсто и еще заставъ тамъ слѣды винокуренія, Державинъ запечаталъ заводъ и запретилъ продолжать работы; припасенный же на вино хлѣбъ приказалъ задержать впредь до рѣшенія дѣла.

Во-вторыхъ, слѣдуя къ мѣстечку Лёзнѣ и проѣзжая деревни великаго кухмистра князя Яна Огинскаго[2], подъ Витебскомъ онъ заходилъ въ крестьянскія хаты и видѣлъ, что жители ѣдятъ весьма дурной, смѣшанный съ мякиною хлѣбъ. Спрошенный о томъ приказчикъ предъявилъ письменное повелѣніе господина этихъ крестьянъ взыскивать съ хаты по три рубля сер. за то, что они въ томъ году не давали подводъ для привоза соли изъ Риги. Такое жестокое распоряженіе во время голода побудило Державина, въ примѣръ и страхъ другимъ, воспользоваться предоставленнымъ ему полномочіемъ: онъ предписалъ взять бѣлорусское имѣніе Огинскаго въ опеку и, немедленно закупивъ на его счетъ нужное количество хлѣба, приказалъ раздать его угнетеннымъ крестьянамъ. По увѣренію Державина, эти двѣ мѣры много способствовали къ прекращенію голода въ Бѣлоруссіи. Что онъ въ своихъ распоряженіяхъ по этой командировкѣ не руководился угодливостью, видно уже изъ перваго его донесенія, въ которомъ онъ далеко не подтвердилъ предположеній правительства о степени существовавшаго въ Бѣлоруссіи голода. Все, что онъ видѣлъ и слышалъ въ деревнѣ Огинскаго, достаточно свидѣтельствовало объ отношеніяхъ владѣльца къ подвластнымъ

[1] VI, 387 и 388.

[2] Державинъ ошибочно называетъ его графомъ (VI, 723). Изъ дѣла видно настоящее его званіе. (См. также *Родосл. книгу* князя П. Долгорукаго. IV, 23 и 24.)

ему крестьянамъ. Доказательствомъ, что Державинъ въ тогдашнихъ своихъ дѣйствіяхъ соблюдалъ умѣренность, можетъ служить то, что онъ въ имѣніи другого помѣщика (Дроздовскаго) въ той же мѣстности удовлетворился заявленіемъ, что крестьяне получили небольшое количество ржи отъ своего господина и на нѣкоторое время кое-какъ обезпечены.

Обольяниновъ, одобривъ его дѣйствія, съ своей стороны испросилъ вдобавокъ разрѣшеніе государя предать суду какъ курившихъ вино въ Лёзнѣ Евреевъ, такъ и лицъ, допустившихъ это своимъ слабымъ надзоромъ; хлѣбъ же, взятый у первыхъ, считать безвозвратно конфискованнымъ въ казну [1]. Павелъ былъ такъ доволенъ этими распоряженіями, что, надписавъ на докладѣ генералъ-прокурора резолюцію: *Быть по сему*, пожаловалъ Державину двѣ награды разомъ, — чинъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника и почетный командорскій крестъ св. Іоанна Іерусалимскаго [2].

Въ письмѣ къ Гаврилѣ Романовичу, поздравляя его и увѣдомляя о результатахъ своего доклада, Обольяниновъ коснулся еще другого предмета. Отъ бѣлорусскаго губернскаго прокурора поступила на губернатора П. И. Северина жалоба, что онъ,

[1] Съ этимъ хлѣбомъ случилось куріозное обстоятельство: указомъ сената велѣно было конфискованный хлѣбъ обратить на прокормленіе лезнинскихъ крестьянъ; но вмѣсто того, онъ попалъ въ провіантскую экспедицію. Мертваго, въ то время служившій въ этомъ учрежденіи подъ начальствомъ Обольянинова, послалъ мѣшечекъ этого хлѣба Державину. Гаврила Романовичъ, возвращая мѣшечекъ, писалъ: «Съ чего правленіе обратило конфискованный хлѣбъ въ провіантское вѣдомство, мнѣ неизвѣстно: то какъ вы хотите съ нимъ. Ежели хотите, возьмите, несмотря что дуренъ: даровому коню въ зубы не глядятъ; а когда не хотите, не берите: пусть правленіе обратитъ его хоть въ приказъ общественнаго призрѣнія, или какъ хочетъ». (VI, 353).

[2] Объ этихъ наградахъ Обольяниновъ увѣдомилъ Державина письмомъ отъ 14-го іюля 1800 года изъ Петергофа, а грамоту на Мальтійскій орденъ и самый крестъ отправилъ къ нему 19-го того же мѣсяца изъ Царскаго-Села. Державинъ получилъ ихъ 29-го числа въ Крессавкѣ, мѣстечкѣ Витебской губерніи. Въ сохранившемся формулярномъ спискѣ его это пожалованіе Мальтійскаго ордена выпущено. Въ *С.-Петербургскомъ Адресъ-календарѣ на 1801 годъ* онъ поименованъ въ спискѣ *почетныхъ командоровъ* ордена.

принимая на свое имя прошенія, дѣлаетъ предписанія, противныя резолюціямъ губернскаго правленія, самимъ имъ подписанныя, и т. п. Въ слѣдствіе того генералъ-прокуроръ просилъ Державина разсмотрѣть эту жалобу и сообщить свое мнѣніе о томъ, чтó окажется. Державинъ не побоялся поступить вопреки явному желанію генералъ-прокурора, и оправдалъ Северина. «Соглашаясь», отвѣчалъ Обольяниновъ, «съ отзывомъ вашимъ о бѣлорусскомъ губернаторѣ, не могу однакоже не признать слабости его управленія, и хотя новость, а паче увѣренность, что сіе не отъ недостатка усердія его произошло, извиняетъ его: тѣмъ не менѣе въ осторожность съ сею же почтою даю я ему мой совѣтъ, чтобъ, смотря на ваши распоряженія, учился онъ, какимъ образомъ въ рѣшительныхъ случаяхъ должно распоряжаться и заставлять исполнять свои распоряженія. Я увѣренъ, что ваше в-превосходительство съ своей стороны изволите ему сдѣлать того же рода внушенія и наставленія»[1]. Затѣмъ Державинъ, разъѣзжая по Бѣлоруссіи, повѣрялъ съ большою строгостію контракты, по которымъ староства отданы были казною въ аренду; посѣтилъ Шкловъ для принятія этого имѣнія, по особому повелѣнію, въ попечительство послѣ умершаго въ 1799 году Зорича[2] и собиралъ подробныя свѣдѣнія о бытѣ и промыслахъ Евреевъ. Остановясь потомъ въ Витебскѣ, онъ составилъ объ арендахъ обстоятельную табель, свѣдѣнія же, доставленныя ему относительно еврейскаго населенія, разработалъ въ обширной запискѣ, извѣстной подъ именемъ *Мнѣнія* его *о Евреяхъ*[3].

Между тѣмъ, учрежденная надъ имѣніемъ Огинскаго опека и строгія предостереженія, данныя по этому поводу другимъ землевладѣльцамъ, возбудили въ бѣлорусской шляхтѣ большое неудовольствіе. Мѣстные дворяне стали между собой придумывать средства, какъ бы отомстить строгому слѣдователю, обвиняли

[1] VI, 390.

[2] Онъ умеръ ровно черезъ три года послѣ императрицы Екатерины II, 6-го ноября 1799 года (*Р. Архивъ* 1879, II, 64). Прежде Державина, опекунами надъ шкловскимъ имѣніемъ были гр. Толстой и племянникъ Зорича генералъ-майоръ Марковъ.

[3] VII, 229.

его въ потворствѣ простому народу и отправили въ Петербургъ доносъ на него, стараясь встревожить правительство опасностью бунта крестьянъ, какъ неизбѣжнаго послѣдствія принятыхъ мѣръ. Главнымъ руководителемъ этой агитаціи является бывшій предсѣдатель могилевскаго губернскаго магистрата, статскій совѣтникъ Іосифъ Заранекъ (ошибочно названный въ запискахъ Державина предводителемъ дворянства *Зарянкою*). Разославъ циркулярныя письма дворянамъ, онъ убѣдилъ хорунжаго Микошу взять на себя въ этомъ случаѣ роль предводителя дворянства: Микоша подписалъ прошеніе на имя императора и письмо къ генералъ-прокурору, наполненныя жалобами на Державина. Особенно поставляли ему въ вину то, что онъ, видѣвъ только одну деревушку Огинскаго, отдалъ въ опеку все разбросанное въ разныхъ повѣтахъ Бѣлорусской губерніи имѣніе его или, какъ Заранекъ выразился въ одномъ частномъ письмѣ, — *всѣ имѣнія* Огинскаго, что̀ было однакожъ невѣрно [1].

По полученіи въ Петербургѣ жалобъ Микоши первымъ распоряженіемъ было «отрѣшить его, яко вмѣшавшагося не въ свое дѣло, отъ должности», а затѣмъ, по докладу Обольянинова, повелѣно: какъ Заранка, такъ и Микошу привезти въ Петербургъ съ посланнымъ за ними нарочнымъ и судить — перваго за циркулярное письмо, а второго за вступленіе его въ должность маршала и за внушенія, направленыя противъ принятыхъ Державинымъ мѣръ. Оба подсудимые въ началѣ августа (1800 года) были привезены, посажены подъ арестъ на сенатской гауптвахтѣ и подвергнуты обстоятельному допросу въ уголовной палатѣ [2]. Дѣло кончилось тѣмъ, что Заранекъ сосланъ былъ въ Тобольскъ, гдѣ и оставался до начала царствованія Александра Павловича, когда былъ возвращенъ по ходатайству Державина.

[1] Но не точно и выраженіе Державина въ запискахъ его, что онъ «приказалъ *сію деревню* Огинскаго взять въ опеку» (VI, 723). Въ чемъ состояло дѣйствительное распоряженіе, видно изъ указа бѣлорусскаго губернскаго правленія.

[2] Предложенные имъ вопросы и писанные по-польски отвѣты ихъ сохранились.

6. НОВЫЯ НАЗНАЧЕНІЯ.

Во время своего отсутствія Державинъ, въ августѣ 1800 года, получилъ совершенно неожиданно еще новое назначеніе, или, вѣрнѣе, прежнее званіе президента коммерцъ-коллегіи. Извѣстно, что императоръ Павелъ съ самаго воцаренія своего задумалъ возвратиться къ отмѣненному Екатериною коллегіальному управленію и вскорѣ дѣйствительно возстановилъ бергъ-, мануфактуръ- и коммерцъ-коллегіи. Но при этомъ могла быть возстановлена собственно только форма этихъ учрежденій, такъ какъ, въ слѣдствіе переустройства губерній съ 1775 года, въ новыхъ учрежденіяхъ (палатахъ и губернскихъ правленіяхъ) возникли мѣстныя коллегіи, столичныя же съ тѣмъ вмѣстѣ дѣлались излишними, и потому при возстановленіи коллегій нѣкоторое значеніе могли получить не сами онѣ, а развѣ президенты ихъ. Такимъ образомъ на дѣлѣ единоличное начало, пріобрѣтавшее въ администраціи болѣе и болѣе силы еще при Екатеринѣ II, продолжало развиваться и при сынѣ ея. Впрочемъ, и президенты коллегій получили только номинальную власть: надъ ними посажены еще *главные директоры*, которые должны были служить посредниками между верховною властью и коллегіями[1]. Вскорѣ однакожъ и эта новая должность оказалась не довольно обширною или важною, и императоръ Павелъ началъ раздавать званіе *министра.* Но сперва оно введено было только по одной отрасли управленія: одновременно съ «учрежденіемъ объ Императорской Фамиліи» (1797 г.) назначается, въ лицѣ князя Алексѣя Куракина, министръ департамента удѣльныхъ имѣній. Черезъ три года, въ 1800, новое званіе является по вѣдомству коммерціи:[2] бывшій до тѣхъ поръ президентомъ коммерцъ-кол-

[1] «Чтобы поддержать ничтожность ихъ», — т. е. возстановленныхъ коллегій,—«найдено было нужнымъ къ каждой приставить главнаго директора, коего сношеніями и дѣйствіями дѣла получили нѣкоторое движеніе». (Докладъ Кочубея. См. *Исторію Министерства Внутреннихъ Дѣлъ*, I, 25).

[2] Подъ конецъ своего царствованія императоръ Павелъ, какъ видно будетъ ниже, предполагалъ учредить еще, подъ должностью государствен-

легіи князь Гаврила Петровичъ Гагаринъ переименованъ министромъ коммерціи, а Державину указомъ 30-го августа велѣно занять мѣсто президента коллегіи.

Легко было предвидѣть затрудненія, неизбѣжно сопряженныя съ такимъ раздѣленіемъ власти по одному и тому же вѣдомству. Оставаясь еще въ Витебскѣ, чтобы отъ маршаловъ и комиссаровъ дождаться рапортовъ по повѣркѣ казенныхъ имѣній и чтобы вчернѣ окончить свою записку о Евреяхъ, Державинъ писалъ женѣ отъ 10-го сентября:

«Я знаю, что надобно поспѣшить мнѣ къ новой должности, которой ты радуешься, но я не очень. Часть преобширная; а я, право, такъ какъ прежде, работать не могу: и отъ здѣшней комиссіи не разъ голова вертѣлась.... Въ Шкловъ сегодня поѣду дни на четыре, между тѣмъ какъ моя канцелярія теперь день и ночь трудится и обработываетъ мои приказанія. Вѣдь 50,000, душа моя, казенныхъ крестьянъ не такъ-то легко повѣрить и сказать, въ разстройкѣ они, или не въ разстройкѣ? а также и жидовъ преобразовать въ новый родъ жизни и какими средствами доставить имъ пропитаніе, — вещь не бездѣльная, чтобъ дать о томъ мнѣніе.... А вы все кричите: что такъ долго? что тамъ дѣлать?»[1].

Около 15-го октября Державинъ возвратился въ Петербургъ. Въ Гатчинѣ онъ видѣлся съ Обольяниновымъ и даже остановился у него во дворцѣ, но тутъ испортилъ свои дѣла, не умѣвъ скрыть отъ генералъ-прокурора своего неудовольствія по поводу недавняго назначенія. «Гдѣ же», сказалъ онъ, «полная ко мнѣ довѣренность? я не что иное, какъ рогожная чучела, которую будутъ набивать бумагами, а голова, руки и ноги, дѣйствующія коммерціею, — князь Гагаринъ». — Такъ угодно было Государю, отвѣчалъ Обольяниновъ, измѣнясь въ лицѣ. Едва ли не этой откровенности Державина надо приписать, что онъ, по возвращеніи изъ командировки, не былъ лично принятъ государемъ, который, по словамъ генералъ-прокурора, отклонилъ это,

наго казначея, постъ министра финансовъ съ такою же неопредѣленною властью, какою отличались прежніе два министра, но онъ не успѣлъ привести въ дѣйствіе этой мѣры. Ср. *Р. Арх.* 1868, стр. 1580.

[1] VI, 123.

сказавъ: «Онъ горячъ, да и я; такъ мы, пожалуй, опять поссоримся: пусть доклады его ко мнѣ идутъ черезъ тебя».

Этимъ путемъ и были представлены императору донесенія Державина объ исполненіи возложенныхъ на него порученій и мнѣніе его о Евреяхъ: то и другое велѣно было передать на разсмотрѣніе сената. Державинъ прибавляетъ, что хотя ему въ рескриптѣ и было объявлено монаршее благоволеніе, однакожъ онъ замѣчалъ въ обращеніи съ собою нѣкоторую сухость, и приписывалъ ее тому, что не отобралъ въ казну ни одного староства, тогда какъ этого явно желали. Можетъ-быть, такое предположеніе отчасти и справедливо, но болѣе повредилъ ему, конечно, неосторожный разговоръ съ Обольяниновымъ въ Гатчинѣ о своемъ пожалованіи въ президенты коммерцъ-коллегіи. Учрежденіе званія министра по той же части онъ объяснялъ себѣ особенными отношеніями государя къ князю Гагарину. Мы не станемъ повторять здѣсь его соображеній о своемъ назначеніи [1]; довольно замѣтить, что министру ввѣрялось все главное завѣдываніе торговыми дѣлами, а коллегіи предоставлялась одна исполнительная часть. Коллегія была подчинена министру, который одинъ имѣлъ право личнаго доклада государю съ полномочіемъ сообщать ей высочайшія повелѣнія и сноситься съ другими вѣдомствами, однакожъ не могъ измѣнять ея опредѣленій, и, въ случаѣ несогласія съ нею, долженъ былъ предлагать на ея обсужденіе свои замѣчанія; если же она не приметъ ихъ, — представлять дѣло на рѣшеніе императора. Чтобы предупредить послѣдствія такого страннаго порядка вещей и неизбѣжной при немъ неопредѣленности отношеній между двумя властями, Державинъ, по возвращеніи въ Петербургъ, условился съ княземъ Гагаринымъ, что ни тотъ, ни другой не будутъ по своей должности предпринимать ничего безъ предварительнаго между собой соглашенія.

Кутайсовъ все еще не отказывался отъ мысли получить, при посредствѣ Державина, шкловское имѣніе покойнаго Зорича (вѣроятно въ этой надеждѣ и отданное подъ попечительство Гаврилы Романовича): просилъ его о томъ лично и подсылалъ къ нему съ

[1] VI, 727 и 729.

тою же цѣлію евреевъ, обѣщая денежныя и другія награды. Но Державинъ постоянно отвѣчалъ, что это можетъ устроиться не иначе, какъ покупкою имѣнія при продажѣ его съ публичнаго торга за неплатежъ лежавшихъ на немъ непомѣрныхъ долговъ; а такъ какъ для такого распоряженія необходимо напередъ собрать всѣхъ кредиторовъ, то оно и не можетъ скоро состояться[1]. Раздраженный такимъ упорствомъ, Кутайсовъ охотно оказалъ поддержку одной еврейкѣ, которая, по внушенію своихъ соплеменниковъ, враждебно расположенныхъ къ Державину, подала на него государю жалобу. Она обвиняла его въ томъ, что онъ, въ бытность свою на лезненскомъ заводѣ, будто бы билъ ее палкою, отчего она, будучи беременна, вскорѣ выкинула мертваго младенца. По словамъ Державина, это была чистая клевета, такъ какъ онъ на томъ заводѣ пробылъ всего четверть часа и никакой жидовки даже въ глаза не видалъ. Жалобу эту особымъ указомъ велѣно было разсмотрѣть въ сенатѣ. Мысль судиться съ презрѣнной жидовкой, выдумавшей такую небылицу, когда всѣ его дѣйствія въ Бѣлоруссіи были уже одобрены императоромъ, до того возмутила Державина, что онъ въ собраніи сената совершенно вышелъ изъ себя и рѣшился тотчасъ же ѣхать къ государю. Оленинъ, бывшій тогда оберъ-прокуроромъ, и другія принимавшія въ немъ участіе лица съ трудомъ удержали его силой. Опомнившись, онъ хотѣлъ отправиться къ генералъ-прокурору, но, чувствуя себя еще слишкомъ взволнованнымъ, просилъ повстрѣчавшагося ему на сенатскомъ подъѣздѣ сенатора Захарова сѣсть съ нимъ въ карету и проѣхаться вмѣстѣ по городу. Обольяниновъ, котораго они навѣстили послѣ продолжительной прогулки, такъ былъ встревоженъ отчаяньемъ Державина, что всячески старался его успокоить, даже (какъ увѣряетъ поэтъ) цѣловалъ его руки, доказывая, что объявленный сенату указъ не заключалъ въ себѣ никакой важности. Державинъ приглашалъ генералъ-прокурора ѣхать вмѣстѣ съ нимъ во дворецъ;

[1] Опредѣленіе о продажѣ шкловскаго имѣнія состоялось не прежде, какъ когда Державинъ былъ министромъ юстиціи (1803); самая же продажа еще нѣсколькими годами позднѣе, о чемъ ниже.

но тотъ отклонилъ это. Стали придумывать другія средства уладить дѣло, и наконецъ, по предложенію Державина, остановились на томъ, чтобы высочайшія повелѣнія и рескриптъ, изъявлявшіе Державину монаршее удовольствіе за его бѣлорусскую командировку, но до тѣхъ поръ еще не записанные въ сенатѣ, были предъявлены общему собранію и тѣмъ опровергнута клевета жидовки. Такъ и было сдѣлано; еврей же, писавшій лживую жалобу, посаженъ былъ на годъ въ смирительный домъ. По вступленіи на престолъ Александра Павловича, Державинъ испросилъ ему прощеніе.

Не прошло еще и трехъ мѣсяцевъ со времени вступленія Державина въ должность президента коммерцъ-коллегіи, какъ ему повелѣно было, 21-го ноября 1800 года, «быть *вторымъ министромъ* при государственномъ казначействѣ и управлять дѣлами обще съ государственнымъ казначеемъ»[1]. Въ этомъ послѣднемъ званіи находился тогда извѣстный намъ А. И. Васильевъ (при короновавіи императора Павла пожалованный въ бароны). Тутъ повторилась та же несообразность, какая произошла при назначеніи Державина въ президенты коммерцъ-коллегіи, т. е. управленіе одной и той же части ввѣрено было двумъ лицамъ. На этотъ разъ ему удалось выйти съ полнымъ успѣхомъ изъ затрудненія. Онъ объяснилъ Обольянинову неудобство такого двоевластія, и по докладу генералъ-прокурора послѣдовало на другой же день, 22-го ноября, въ отмѣну вчерашняго назначенія, новое распоряженіе: Державину быть государственнымъ казначеемъ, а Васильевъ, хотя старшій изъ двухъ и по чину и по службѣ, вовсе отставленъ. При этомъ естественно является мысль, что такимъ образомъ Державинъ смѣстилъ своего старинпаго пріятеля, что́ и было уже выражено въ печати[2]. Но Державинъ слагаетъ съ себя такое обвиненіе, объясняя, что вне-

[1] Изъ формулярнаго о службѣ Державина списка и печатнаго указа. Тогда же президентомъ коммерцъ-коллегіи велѣно быть графу Головкину, а князь Юсуповъ назначенъ министромъ удѣльнаго департамента, съ тѣмъ чтобъ онъ управлялъ и мануфактуръ-коллегіею: какая путаница вѣдомствъ и званій!

[2] Въ статьѣ Ф. М. Дмитріева *Сперанскій* (*Русск. Арх.* 1868, стр. 150).

зашая опала Васильева была слѣдствіемъ наговоровъ Кутайсова, который хотѣлъ отомстить ему за невыдачу какихъ-то денегъ и представилъ, что онъ постоянно утаиваетъ наличныя въ казначействѣ суммы, не уплачивая всего положеннаго даже военному вѣдомству. Отсюда слѣдовало бы, что заявленіе Державина генералъ-прокурору послужило только поводомъ къ подготовленному уже прежде устраненію Васильева. Любопытно, что въ это время почти пять дней сряду слѣдовали одно за другимъ высочайшія повелѣнія о Державинѣ: кромѣ упомянутыхъ уже назначеній 21-го и 22-го ноября, ему 20-го числа повелѣно было засѣдать въ совѣтахъ Смольнаго монастыря и Екатерининскаго института; 23-го — присутствовать въ императорскомъ совѣтѣ, а 25-го — въ 1-мъ департаментѣ сената (до тѣхъ поръ онъ былъ въ межевомъ); наконецъ, 27-го ноября, Державину пожаловано 6,000 руб. столовыхъ ежегодно.

Кратковременная дѣятельность его по званію государственнаго казначея состояла главнымъ образомъ въ контролѣ счетовъ по всему государству за многіе годы и во введеніи лучшей отчетности, такъ какъ его вниманіе издавна, съ самаго времени службы въ экспедиціи о государственныхъ доходахъ, было обращено на недостатки и неправильности этой части. Излагая употребленныя имъ къ устраненію ихъ средства, Державинъ между-прочимъ разсказываетъ, что въ возвращенной отъ императора вѣдомости, представленной Васильевымъ за время его управленія, оказались несходства съ государственною росписью и что отъ него зависѣло бы подвергнуть Васильева и всѣхъ его совѣтниковъ тяжкой отвѣтственности, но онъ этого не сдѣлалъ и далъ имъ время объяснить и оправдать такія невѣрности, за что Васильевъ, пріѣхавъ къ нему, со слезами благодарилъ его. При этомъ Державинъ хвалится тѣмъ, что, забывъ непріятности, нѣкогда испытанныя имъ въ Тамбовѣ по вліянію будто бы Васильева на Вяземскаго, онъ спасъ отъ гибели бывшаго государственнаго казначея, котораго Кутайсовъ, а въ угожденіе ему и Обольяниновъ, жестоко преслѣдовали. Ихъ неудовольствію за покровительство, оказанное Державинымъ Васильеву, приписываетъ онъ то, что для надзора за дѣ-

лами финансовой экспедиціи назначенъ былъ оберъ-прокуроръ, при посредствѣ котораго властолюбивый Обольяниновъ желалъ и эту часть подчинить себѣ. Между тѣмъ «объясненіе несходствъ въ вѣдомостяхъ продолжалось болѣе мѣсяца, такъ что Кутайсовъ и Обольяниновъ зачали о томъ громко поговаривать, и Державинъ боялся, чтобы, снисходя Васильеву, себя самого вмѣсто его не управить въ крѣпость». Наконецъ въ мартѣ мѣсяцѣ трудъ былъ оконченъ, и Державинъ, на основаніи всѣхъ объясненій въ собраніи экспедицій и оберъ-прокурора, поднесъ императору рапортъ, въ которомъ, не скрывая недостатковъ отчетности за прежнее время, показалъ однакожъ, что счеты Васильева, по повѣркѣ ихъ, оказались между собою согласными. Рапортъ этотъ доложенъ былъ въ совѣтѣ, въ присутствіи великаго князя Александра Павловича, въ послѣдній день царствованія родителя его. При разсмотрѣніи этого доклада наслѣдникъ престола горячо вступался за предшественника Державина, а Обольяниновъ, желая угодить Кутайсову, съ явнымъ пристрастіемъ старался выставить неисправность Васильева. Что касается Державина, то онъ, какъ самъ сознается, «балансировалъ на ту и другую сторону», прикрывая, сколько можно было, невинныя ошибки и поддерживая справедливость. Дѣло кончилось тѣмъ, что когда, по вступленіи на престолъ Александра, въ засѣданіи совѣта 15-го апрѣля разсматривались отчеты Васильева вмѣстѣ съ замѣчаніями на нихъ Державина, то совѣтъ нашелъ всѣ дѣйствія Васильева вполнѣ согласными съ государственной пользой и оцѣнилъ съ одной стороны его «усердное стараніе къ исполненію порученной ему должности», а съ другой «соединенныя съ оною затрудненія»[1]. Еще до того, уже въ самый день воцаренія Александра I, особымъ указомъ повелѣно барону Васильеву вступить во всѣ прежнія его должности, а Державину «остаться въ сенатѣ». Въ цѣломъ разсказѣ Гаврилы Романовича объ этомъ эпизодѣ его службы ясно проглядываетъ усиліе выставить свое великодушіе

[1] Подлинная записка Державина въ архивѣ Государственнаго совѣта. См. изданіе *Архивъ Г. С.*, т. III, ч. II, стр. 613. Ср. т. VI нашего изданія, стр. 737 и 738.

къ человѣку, въ отношеніи къ которому онъ считалъ нужнымъ оправдать себя: въ послѣднихъ, быстро слѣдовавшихъ одно за другимъ, назначеніяхъ Державина нельзя не видѣть дѣйствія интриги, въ которой онъ является орудіемъ Кутайсова и Обольянинова.

7. ОТДѢЛЬНЫЕ СЛУЧАИ.

Изъ частныхъ случаевъ, имѣвшихъ отношеніе къ службѣ Державина при Павлѣ, вниманія заслуживаетъ дѣло шацкаго помѣщика Свищова, начавшееся еще при Екатеринѣ II. Оно состояло въ томъ, что овдовѣвшій Свищовъ предъявилъ подложную дарственную запись покойной жены своей на ея имѣніе, а шуринъ его Енгалычевъ оспаривалъ достовѣрность этой записи. Державинъ честно сознается, что онъ по этому дѣлу два раза поддался вліянію заступниковъ неправой стороны, именно сперва Зубовыхъ, а потомъ Кутайсова. Вначалѣ Енгалычевъ или, вѣрнѣе, его покровитель, графъ Мусинъ-Пушкинъ, устроилъ, что дѣло внесено было въ совѣстный судъ, и просилъ Державина быть посредникомъ. По настоянію сильныхъ временщиковъ, Державинъ отказался отъ этого подъ предлогомъ болѣзни, хотя по учрежденію о губерніяхъ никто не имѣлъ права уклоняться отъ посредничества. Впослѣдствіи дѣло это поступило въ сенатъ; Кутайсовъ грозилъ Державину враждою, если онъ подастъ свой голосъ въ пользу Енгалычева. Тотъ обѣщалъ присоединиться къ большинству голосовъ, и дѣйствительно, когда дѣло слушалось въ сенатѣ, то онъ исполнилъ это обѣщаніе и принялъ сторону Свищова, успокоивъ свою совѣсть тѣмъ, что Енгалычевъ не представилъ доказательствъ, «чтобы вѣрющее письмо завѣщательницы, данное человѣку мужа ея, было подписано точно не ея рукою». Это дѣло, заключаетъ Державинъ, «можетъ служить образцомъ, что въ правленіи, гдѣ обладаютъ любимцы, со всею честностію и правотою души и при всемъ желаніи послѣдовать законамъ, не всегда можно устоять въ правдѣ»[1].

Не забудемъ, что Державинъ имѣлъ полную возможность

[1] VI, 741.

въ своихъ запискахъ умолчать объ этомъ случаѣ, и отмѣтимъ еще разъ его добросовѣстность. Въ противоположность тому, примѣромъ честнаго отношенія къ своимъ обязанностямъ можетъ служить его поведеніе въ дѣлѣ князя Юрія Владиміровича Долгорукаго, разсматривавшемся въ сенатѣ, о чемъ однакожъ онъ самъ не упоминаетъ. На просьбу князя взять его сторону Державинъ отвѣчалъ: «Я не могу изъяснить того высокопочитанія, которое, какъ къ давнему моему начальнику, лично къ особѣ вашего сіятельства имѣю; но сожалѣю, что въ качествѣ судіи по дѣлу вашему, въ общемъ собраніи правительствующаго сената находящемуся, не могу мыслить согласно съ пользами вашими. Признаюсь, я уже и подалъ противу васъ мое мнѣніе. Извините въ семъ случаѣ мое безпристрастіе, которымъ я Богу и государю обязанъ. Впрочемъ, ваше сіятельство извольте быть несумнѣнно увѣрены, что вы сію тяжбу вашу выиграете, для того что большинство голосовъ на вашей сторонѣ»[1]. Такимъ же образомъ онъ, въ концѣ 1798 года, увѣдомлялъ своего старинпаго пріятеля Гасвицкаго, что по его ходатайству ничего сдѣлать не можетъ, ибо «когда въ тонкость разсматривать, то обстоятельства болѣе противную сторону оправдываютъ... Я же», прибавляетъ онъ, «люблю защищать ясное дѣло, а попустому, въ чемъ самъ не увѣренъ, не хочу ссориться, то и извини въ неудачѣ»[2].

Естественно, что Державинъ, въ слѣдствіе прежней службы своей при князѣ Вяземскомъ и въ качествѣ президента коммерцъ-коллегіи, слылъ опытнымъ финансистомъ, и потому онъ долженъ былъ, по волѣ Павла, участвовать въ составленіи банкротскаго устава, цѣлью котораго было собственно затруднить дворянству возможность отдавать свои имѣнія въ залогъ и дѣлать долги выше цѣнности ихъ; однакожъ въ скоромъ времени этотъ уставъ, говоритъ Державинъ, «разными толкованіями и каверзами ослабленъ, такъ что ни довѣрія, ни скораго взы-

[1] VI, 65. Начальникомъ своимъ Державинъ называетъ князя Долгорукаго по службѣ въ Преображенскомъ полку.

[2] VI, 83.

скапія кредиторамъ не доставлялъ»[1]. По званію государственнаго казначея, на обязанности Державина лежало между-прочимъ каждое воскресенье посылать государю краткія «репортицы» о состояніи казны, т. е. отчетъ о приходахъ и расходахъ въ теченіе недѣли. По его свидѣтельству, въ этомъ случаѣ имѣющему значеніе источника, казна безмѣрными издержками такъ истощена была и безпрестанно истощалась, что не только не было въ ней никакихъ остаточныхъ суммъ, но она была обременена давними недоимками и долгами, для покрытія коихъ принуждены были печатать новыя ассигнаціи и только этимъ способомъ удовлетворяли императора, который не хотѣлъ вѣрить, что казна его въ такомъ жалкомъ состояніи»[2].

Къ этому способствовали и два извѣстныя распоряженія: наложеніе эмбарго на англійскія суда во всѣхъ русскихъ портахъ (1800 ноября 18-го и 1801 января 8-го) и запрещеніе вывоза русскихъ товаровъ въ Пруссію (1801 февраля 24-го). Такъ какъ въ слѣдствіе этого прекратился и пошлинный доходъ, то для исправленія финансовъ Державинъ придумалъ такую мѣру: «напечатавъ милліоновъ на сорокъ ассигнацій, скупить ими находившіеся на биржѣ купеческіе товары и тѣмъ ожививъ внутреннюю торговлю, сколько-нибудь воспользоваться отъ нихъ пошлинами». Докладъ объ этомъ проектѣ поданъ былъ императору наканунѣ кончины его. Съ царствованіемъ Павла окончилась, какъ мы видѣли, и финансовая дѣятельность Державина.

Съ тѣхъ поръ какъ съ нашего поэта снята была опала, онъ во все это царствованіе, за исключеніемъ краткихъ перерывовъ, пользовался царскою милостью, а со времени назначенія государственнымъ казначеемъ получилъ и право личныхъ докладовъ. Нѣкоторые изъ пріемовъ его у императора разсказаны имъ съ типическими подробностями. Такъ онъ пишетъ, что, когда въ 1799

[1] VI, 754. Составленіе банкротскаго устава, утвержденнаго 19-го ноября 1800 года, началось еще въ 1764 году, потомъ переходило изъ рукъ въ руки и было окончено особымъ комитетомъ изъ нѣсколькихъ государственныхъ сановниковъ и четырехъ коммерціи совѣтниковъ. (*Жизнь графа Сперанскаго.* I, 66).

[2] VI, 752.

г., при общей раздачѣ наградъ, онъ былъ обойденъ и объ этомъ стали говорить при дворѣ, то государь захотѣлъ пожаловать ему звѣзду учрежденнаго незадолго передъ тѣмъ Аннинскаго ордена[1] и послалъ за нимъ, чтобы лично надѣть на него ленту. Это было вечеромъ 8-го ноября, въ день ангела великаго князя Михаила Павловича, когда во дворцѣ былъ балъ. Державинъ, котораго не случилось дома, когда за нимъ пріѣзжалъ ѣздовой, на этотъ разъ опоздалъ, но тогдашній генералъ-прокуроръ князь Лопухинъ, увидѣвъ его во дворцѣ, предложилъ ему ѣхать на другое утро вмѣстѣ къ государю. Державинъ принялъ предложеніе. Дорогой Лопухинъ, посадившій его въ свою карету, говорилъ ему: «Государь хотѣлъ было вчера надѣть на васъ ленту вмѣстѣ съ прочими, но поусумнился, что вы все колкіе какіе-то стихи пишете[2], но я ужъ его упросилъ: итакъ онъ приказалъ представить васъ сегодня». Державинъ поблагодарилъ, хотя и зналъ очень хорошо, что Лопухинъ не только не рекомендовалъ его, но скорѣе отговаривалъ государя. Поэтъ былъ позванъ въ императорскій кабинетъ; Павелъ своими руками набросилъ на него ленту и, произнеся какіе-то невнятные звуки, въ ту же минуту удалился.

ЧАСТНАЯ ЖИЗНЬ.

Изъ писемъ Державина, сохранившихся въ довольно значительномъ числѣ за это время, мы узнаемъ между-прочимъ нѣкоторыя любопытныя черты царствованія Павла. Такъ на просьбу родственника своего Ивана Яковлевича Блудова о принятіи участія въ его дѣлѣ, поступившемъ въ общее собраніе сената, онъ отвѣчалъ (въ мартѣ 1800 года): «Надлежитъ вамъ объяснить, что только по указамъ нынѣшняго государя докладываютъ, а тѣ

[1] Этотъ орденъ первоначально учрежденъ былъ въ Голштиніи, въ 1736 году, герцогомъ Карломъ Фридрихомъ, (отцомъ Петра III). Уже Екатерина II иногда жаловала звѣзду его; съ 12-го же ноября 1796 Павелъ сталъ давать аннинскій крестъ унтеръ-офицерамъ и рядовымъ, а указомъ 5-го апрѣля 1797 года причислилъ его къ русскимъ орденамъ и установилъ три степени его. (*П. С. З.* XXIV, №№ 17,547 и 17,908).

[2] Дѣло шло особенно о небольшой пьесѣ: *Самому себѣ*; о ней будетъ упомянуто ниже.

дѣла, кои по указамъ покойной государыни, остаются безъ всякаго движенія; а какъ указы его величества безпрестанно прибавляются, то само по себѣ выходитъ, что старыя въ одинакомъ пребываютъ положеніи. Сіе распоряженіе сдѣлалъ бывшій генералъ-прокуроръ князь Куракинъ, а потому, думаю я, необходимо будетъ должно вамъ просить государя императора письмомъ, чтобъ благоволилъ приказать установить справедливую очередь, чтобъ по тѣмъ и другимъ указамъ дѣла́ теченіе имѣли; а то и во вѣки вѣковъ очереди дождаться не можно будетъ, ибо хотя нынѣ дѣла́ скоро рѣшаются, а именно каждую недѣлю два дѣла; но какъ непрестанно новыя вступаютъ, слѣдовательно до указовъ покойной государыни никогда очередь дойти не можетъ»[1].

Въ началѣ 1797 года Державинъ, вмѣстѣ со всѣми разъѣзжавшими въ своихъ экипажахъ, былъ озабоченъ заведеніемъ новой упряжи: «Приказано здѣсь ѣздить въ шорахъ: не знаю, гдѣ лошадей къ тому годныхъ достать», писалъ онъ къ своему пріятелю Гасвицкому въ Курскъ, прося его похлопотать, чтобъ одинъ изъ тамошнихъ заводчиковъ уступилъ ему шестерку или хоть пару «хорошенькихъ лошадокъ».

Въ іюнѣ поэтъ благодаритъ Капниста за обѣщанныхъ лошадей: «По описанію», говоритъ онъ, «вижу, что лошади очень добры, но только трогается нѣсколько мое самолюбіе тѣмъ, что для Дарьи Алексѣевны живъ и горячъ аргамакъ, а для меня меринъ гнѣдой, смирный, спокойный: то неужто ты ее мужчиной, а меня бабой почитаешь? Ну, да такъ и быть; только лошадей-то пришли»[2]. Наконецъ, въ послѣднихъ числахъ декабря, опять напоминаніе Гасвицкому: «Лошадей Ильинскій мнѣ не присылаетъ, а мнѣ бы въ нихъ крайняя нужда, ибо нынѣ отъ государя императора подтверждено, чтобъ непремѣнно къ святой недѣлѣ ѣздили въ шорахъ. Хорошо, какъ бы сѣрыхъ прислалъ, ибо я жду изъ Оренбургской губерніи также пару сѣрыхъ, то бы какъ-нибудь и скропалъ цугъ».

[1] VI, 94. О медленномъ теченіи дѣлъ въ сенатѣ при императорѣ Павлѣ см. записки Болотова, *Русск. Архивъ* 1864 года, стр. 795.

[2] VI, 69.

ПЛАНЪ

НИЖНЯГО ЭТАЖА ДОМА ДЕРЖАВИНА НА ФОНТАНКѢ.

(къ стр. 749.)

А.
Домъ, гдѣ жили иногда родные, въ другое время онъ отдавался внаймы.

Б.
Домъ, гдѣ жили сначала племянники Дьяковы, а потомъ Капнисты и другие.

В.
Флигель, выстроенный для племянницъ Львовыхъ, потомъ жили здѣсь Кожевниковъ и Ярцова.

Г.
Садъ.

Прим.: Домъ, купленный при Катеринѣ Яковлевнѣ, занималъ только пространство, означенное буквами: а.б.д.е.л.м.

а. *Подъѣздъ.*
б. *Аванзала.*
в. *Галерея въ два свѣта (Бесѣда).*
г. *Театръ.*
д. *Гостиная (съ соломенными обоями).*
е. *Диванная.*
ж. *Столовая; тутъ же и танцовали.*
з. *Буфетъ.*
и. і. к. л. *Комнаты для пріѣзжихъ.*
м. *Офиціантская.*
н. *Швейцарская.*
о. *Прачечная.*
п. *Кухни.*
р. *Дворницкая.*
с. *Заднiй дворъ.*
т. *Конюшни.*
у. *Сараи.*
ф. *Чистый дворъ.*
х. *Дровяной дворъ.*
ц. *Ледникъ.*
ч. *Коровникъ.*
ш. *Особые флигеля, отдававшіеся внаймы.*

Лит. Н. Брезе, С.П.Б. Средн. Подьяческая, № 4.

Въ этомъ же письмѣ любопытное указаніе на другой заведенный императоромъ порядокъ: «О дѣтяхъ вашихъ (т. е. Гасвицкаго), съ человѣкомъ вашимъ я не писалъ ничего, для того что словесно ему наказывалъ вамъ пересказать, что надобно отъ вашего имени положить письмо въ ящикъ государя и просить его прямо, какъ служивый человѣкъ, чтобъ принялъ въ службу дѣтей его, по недостатку его, въ корпусъ и сдѣлалъ бы ихъ достойными быть въ его службѣ. Протекція же въ семъ случаѣ никакая не поможетъ, а можетъ-быть и будутъ счастливы, что принять прикажетъ; а ежели не примутся, то другихъ дорогъ искать будемъ» [1].

Подобно большинству русскихъ баръ и чиновныхъ людей, Державинъ жилъ выше своихъ средствъ, и въ денежныхъ дѣлахъ его покуда продолжалась прежняя неурядица. У него съ женой было два каменные дома. Въ томъ изъ нихъ, который былъ купленъ въ 90-хъ годахъ близъ Измайловскаго моста, они жили сами; другой же, на Сѣнной площади, принадлежавшій собственно Дарьѣ Алексѣевнѣ, отдавался внаймы подъ съѣзжую; но полиція неисправно вносила за него плату и Державинъ долженъ былъ переписываться о томъ съ военнымъ губернаторомъ, гр. Паленомъ.

Первый изъ этихъ домовъ, какъ можно и теперь видѣть — его занимаетъ Римско-католическая коллегія — былъ довольно обширенъ, такъ что въ немъ, кромѣ просторнаго помѣщенія для супруговъ, оставалось еще мѣсто и для нѣкоторыхъ родныхъ и близкихъ лицъ обоего пола. Въ то время изъ камня построенъ былъ только главный корпусъ зданія, и надъ фасадомъ его высились сохранявшіяся долгое время статуи четырехъ богинь. Съ обѣихъ сторонъ были деревянныя пристройки, первоначально назначенныя, какъ было выше упомянуто, для помѣщенія опекунской канцеляріи Державина; впослѣдствіи ихъ занимали также родные. Каменные флигеля построены были позднѣе, еще при жизни поэта (1809), и отдавались внаймы. Главное зданіе находится въ глубинѣ большого двора; со стороны фасада были какъ

[1] VI, 77.

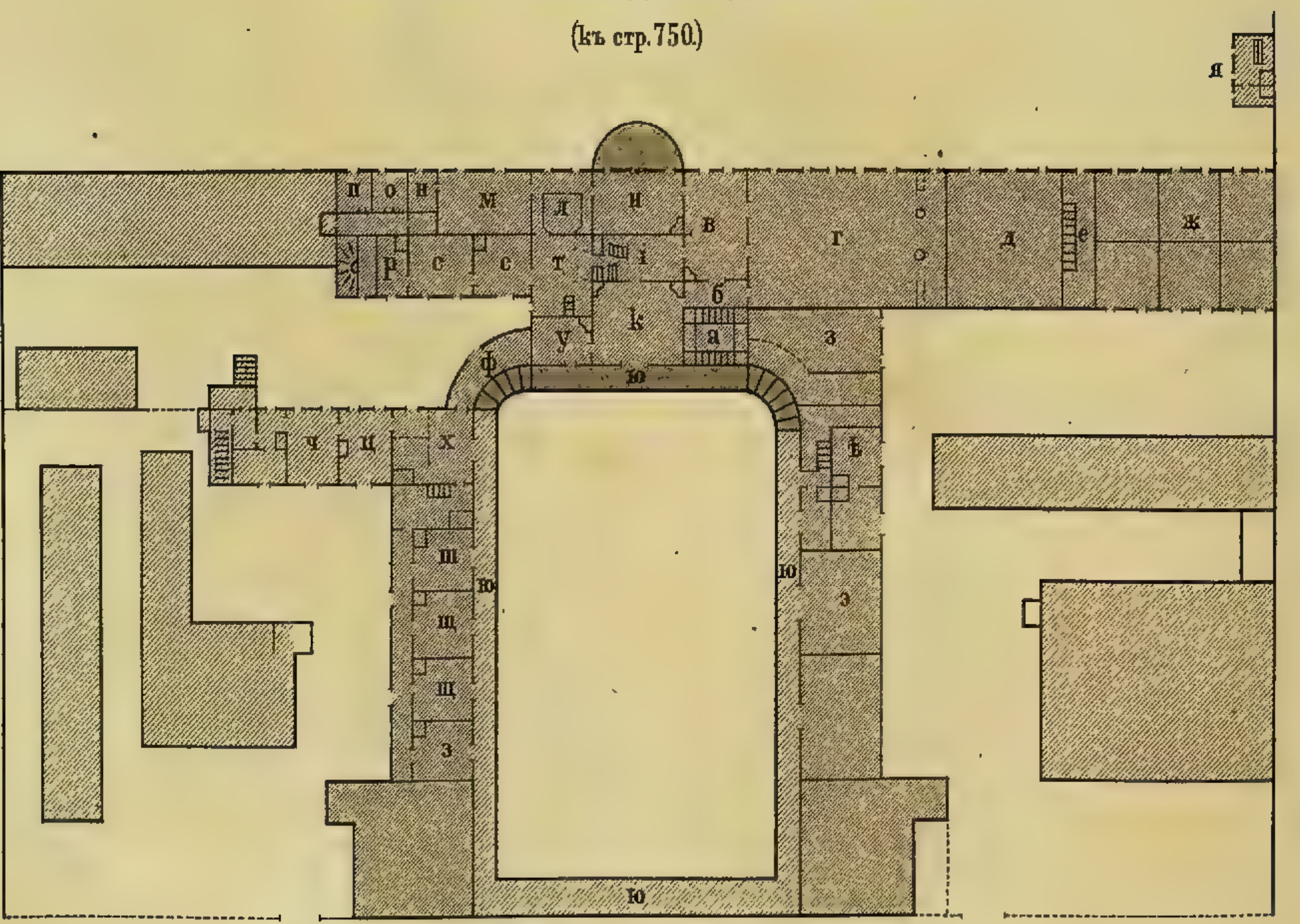
и теперь, два боковые подъѣзда, а третій выходъ позади дома велъ въ садъ, разведенный стараніями Дарьи Алексѣевны. Отъ фасада по обоимъ краямъ двора шли колонны, которыя потомъ продолжались и вдоль улицы, параллельно съ Фонтанкой. Домъ состоялъ изъ двухъ этажей. Кабинетъ поэта былъ наверху съ большимъ венеціанскимъ окномъ, обращеннымъ на дворъ[1]; за кабинетомъ находилась небольшая гостиная (главная же — внизу); рядомъ съ верхней гостиной, влѣво, былъ такъ называемый *диванчикъ*, а далѣе столовая; другая большая столовая, служившая и залою для танцевъ, была въ нижнемъ этажѣ. Прямо съ подъѣзда входили въ аванзалу, а вправо отъ нея была большая галерея въ два свѣта, гдѣ впослѣдствіи происходили засѣданія пресловутой шишковской Бесѣды; еще далѣе вправо былъ театръ, также въ два свѣта. Во второмъ этажѣ находились между-прочимъ комнаты для пріѣзжихъ, особая комната для секретаря и особая же для доктора.

Не имѣя дѣтей, Державины, какъ значительнѣйшіе по своему положенію представители обширнаго родства (со стороны Дарьи Алексѣевны), радушно открывали свой домъ всѣмъ близкимъ и даже давали многимъ изъ нихъ убѣжище подъ гостепріимнымъ кровомъ своимъ. Въ письмахъ къ женѣ изъ бѣлорусской поѣздки Гаврила Романовичъ является не только нѣжнымъ супругомъ, но и вообще добрымъ человѣкомъ. Посылая почти въ каждомъ письмѣ поклоны «всѣмъ домашнимъ, роднымъ и дѣтямъ своимъ богоданнымъ», онъ пишетъ изъ Витебска: «Отъ тебя, душа моя, зависитъ отдать нищимъ сколько ты хочешь. Но только, ежели находишь состояніе наше лучшимъ, то сдѣлай лучшимъ и людское. Прибавь имъ харчевыхъ денегъ и жалованья — по соразмѣрности. Я не знаю, какъ ты услугой довольна, а я очень: особливо Кондратьемъ.... У меня бы еще и остались деньги, да я двѣсти отдалъ тоже бѣднымъ, а двѣсти въ

[1] Въ концѣ 1859 года я посѣтилъ этотъ домъ; главныя комнаты верхняго этажа занималъ тогда епископъ Станѣсскій. Кабинетъ поэта служилъ столовою; надъ венеціанскимъ окномъ была прибита дощечка изъ бѣлаго мрамора, съ надписью: *Здѣсь былъ кабинетъ Державина.*

ПЛАНЪ
ВЕРХНЯГО ЭТАЖА ДОМА ДЕРЖАВИНА.

(къ стр. 750)

а. *Лѣстница.*
б. *Прихожая.*
в. *Бильярдная.*
г. *Второй свѣтъ галереи.*
д. *Второй свѣтъ театра.*
е. *Проходъ въ садъ.*
ж. *Людская.*
з. *Людская.*
и. *Гостиная.*
i. *Входъ въ кабинетъ.*
k. *Кабинетъ Державина.*
л. *Диванчикъ.*
м. *Столовая.*
н. *Буфетъ.*
о. *Кофешенкская.*
п. *Комната Прасковьи Никол.*
р. *Дѣвичья.*
с. *Спальня Дарьи Ал. по смерти мужа.*
т. *Спальня супруговъ.*
у. *Кабин. Дарьи Ал.*
ф. } *Коридоръ къ племянницамъ.*
х. }
ц. *Комн. А. П. Кожевниковой.*
ч. „ *Л. А. Ярцовой.*
ш. „ *секретаря Абрамова.*
щ. „ *доктора.*
ѣ. „ *управителя.*
э. *Сѣновалы.*
ю. *Галерея кругомъ двора.*
я. *Бойня въ саду.*

Лит. Н. Брезе, С.П.Б. Средн. Подьяческая, № 4.

долгъ Неранжичу» и т. д.[1]. Вообще замѣчательно, съ какимъ радушіемъ Державины готовы были принимать на свое попеченіе чужихъ дѣтей и сиротъ; такъ Гаврила Романовичъ въ 1800 году писалъ въ отвѣтъ старинному пріятелю своему И. Я. Блудову: «Относительно птенцовъ вашихъ, я желаю, чтобъ вы сами подолѣе пожили, были здоровы и были въ состояніи воспитывать ихъ и составить ихъ счастіе. Но ежели на нечаянный смертный случай, чему всѣ мы сами подвержены, угодно вамъ мое о нихъ попеченіе, то ежели я живъ и здоровъ буду, отъ сего не отрицаюся; но надобно, о семъ размысля, согласно законамъ сдѣлать такое заблаговременно распоряженіе, по которому бы я имѣлъ право войти въ ихъ пользы и защищать ихъ въ случаѣ быть могущихъ притѣсненій и обидъ отъ дальнихъ и ближнихъ вашихъ, безъ чего я быть имъ ничѣмъ полезнымъ не могу; для сего, я думаю, вамъ нужно хотя на короткое время сюды самимъ пріѣхать»[2]. Несмотря на извѣстную расчетливость Дарьи Алексѣевны, домъ Державиныхъ всегда отличался хлѣбосольствомъ. Сохранилось нѣсколько записокъ, которыми поэтъ приглашаетъ къ себѣ на обѣдъ или на вечеръ. Одною изъ нихъ онъ звалъ отобѣдать Обольянинова съ Мертваго, служившимъ подъ начальствомъ перваго, какъ провіантмейстера, и съ М. М. Бакунинымъ, позднѣе петербургскимъ губернаторомъ.

Оба принадлежавшіе Державинымъ дома были заложены въ Опекунскомъ совѣтѣ; въ началѣ 1798 года наступалъ срокъ платежа, но за неимѣніемъ денегъ поэтъ желалъ перевести долгъ, подъ залогъ недвижимыхъ своихъ имѣній, въ учреждавшійся тогда Вспомогательный банкъ, о чемъ и просилъ попечителя Воспитательнаго дома, извѣстнаго Якова Ефимовича Сиверса[3]. Имѣнія, о которыхъ шла рѣчь при этомъ случаѣ, уже извѣстны намъ: это были бѣлорусскія деревни (въ Себежскомъ уѣздѣ), Гавриловка (въ Херсонскомъ) и новопріобрѣтенная на

[1] VI, 123, Кондратій былъ камердинеръ Державина. Въ домѣ было еще два Кондратья: садовникъ и музыкантъ. По этому поводу поэтъ написалъ шуточную комедію *Кутерьма отъ Кондратьевъ*. См. Т. IV.

[2] VI, 90.

[3] VI, 73.

Волховѣ Званка, вскорѣ такъ прославленная поэтомъ и съ этихъ поръ играющая важную роль въ его жизни. Она куплена была на деньги, полученныя Дарьей Алексѣевной въ приданое, у ея матери (за 10,000 р. асс.). Это сельцо (нынѣ село) съ плохою землей, отчасти покрытою каменьями, лежитъ на лѣвомъ берегу Волхова, водою въ 55-ти верстахъ отъ Новгорода, сухимъ путемъ болѣе 70-ти[1]. Въ тогдашнихъ актахъ Званка показана принадлежащею къ Гру́зинскому погосту, и пріобрѣтя ее, Державинъ сдѣлался сосѣдомъ Аракчеева, съ которымъ однакожъ отношенія у него всегда были довольно холодныя. Въ числѣ сосѣдей Державина замѣтимъ еще: Тыркова (въ имѣніи Вергежи), Путятина (въ Пшеничищѣ), Яхонтова (въ Антоньевѣ, по другую сторону Волхова), Кожевникова (въ имѣніи Змѣйско, съ усадьбою Пристань, также на другомъ берегу, верстахъ въ тридцати отъ Званки).

О новой собственности Державина въ первый разъ упоминается въ письмѣ его къ Капнисту отъ 9-го августа 1797 года: «Мы ѣдемъ сегодня на Званку, которую купили». Вскорѣ послѣ того рѣшено было построить тамъ усадьбу, и для этого изъ бѣлорусскаго имѣнія перевели туда часть крестьянъ. Тогда же Державинъ сталъ помышлять о заведеніи на Званкѣ разныхъ фабричныхъ производствъ и готовить къ тому людей: такъ, побывавъ на Александровской мануфактурѣ въ началѣ 1800 года, онъ, съ согласія директора ея (Брусилова), рѣшился отдать двухъ деревенскихъ мальчиковъ для обученія на ней ткацкому ремеслу. Нѣсколько позже онъ писалъ И. Я. Блудову: «Прошу мнѣ сдѣлать одолженіе, на Новотроицкой суконной вашей фабрикѣ выучить моихъ нѣсколько бабъ прясть шерсть, которыхъ я тотчасъ прикажу туда изъ Оренбургской губерніи отправить: а между тѣмъ прошу одолжить приказать вашимъ пряхамъ нѣсколько шерсти перепрясть для присылки ко мнѣ; ибо я завелъ въ ново-

[1] Въ 120 верстахъ отъ Петербурга, въ 5-ти отъ Волховской станціи Николаевской желѣзной дороги, близъ такъ называемой Сосницкой пристани. Къ Званкѣ принадлежали еще деревни: Антушова (по другую сторону Волхова), Дыменко, За́лозье и Почивалова.

городской деревнишкѣ маленькую фабрику. Что будетъ стоить, я пряхамъ вашимъ за работу заплачу».

Для предполагавшихся пристроекъ къ петербургскому дому онъ хлопоталъ о привозѣ теса и камня изъ новгородскаго помѣстья, гдѣ вскорѣ и началъ ежегодно проводить лѣтніе мѣсяца. Званка сдѣлалась любимымъ его мѣстопребываніемъ; по временамъ, особенно въ іюлѣ мѣсяцѣ, ко днямъ рожденія и именинъ гостепріимнаго хозяина (3-го и 13-го числа), туда съѣзжалось множество гостей, не только изъ сосѣднихъ имѣній, но и изъ Петербурга. Между тѣмъ онъ не переставалъ придумывать разныя мѣры для улучшенія хозяйства и въ другихъ принадлежавшихъ ему имѣніяхъ. Въ Гавриловкѣ онъ хотѣлъ завести овцеводство и поручалъ тамошнему управляющему, Заозерскому, послать къ Николаю Алексѣевичу Дьякову (брату жены) въ харьковскую деревню за тонкошерстными овцами лучшей породы, а до пригона ихъ изготовить «на двѣ тысячи хорошія и теплыя кошары». Пользуясь случаемъ, онъ велѣлъ отправить къ другому помѣщику, сосѣду Дьякова, нѣсколько мальчиковъ для обученія музыкѣ. Въ оренбургскомъ имѣніи, которымъ попрежнему управлялъ Чичаговъ, былъ устроенъ, кромѣ винокуреннаго, еще и конскій заводъ. Но вотъ пожаръ истребилъ первый изъ этихъ заводовъ вмѣстѣ съ частью деревни. Замѣчательно, съ какимъ спокойствіемъ извѣстіе о томъ было принято Державинымъ: «Крайне сожалѣю», писалъ онъ Чичагову, «о таковомъ непріятномъ случаѣ. Но что дѣлать? Да будетъ во всемъ воля Божія! Видно, намъ не судьба поправить свое состояніе. Но вы не огорчайтесь. Я охотно раздѣляю съ вами убытокъ, какъ слѣдуетъ, и въ томъ полагаюсь на вашу видимую честность. Пришлите только обстоятельную мнѣ вѣдомость, по исчисленіи всего сгорѣвшаго, до какой суммы по тамошнимъ цѣнамъ вся утрата простирается, и отъ какой именно причины и гдѣ сперва пожаръ начался. На первый случай оставьте у себя изъ наличныхъ, слѣдующихъ къ полученію за вино денегъ, 2,066 рублей, а остальные 5,000 вышлите ко мнѣ. Я и сей суммою на нынѣшній годъ буду доволенъ. — Весьма хорошо вы сдѣлали, что не ослабѣли и принялись тотчасъ за рубку лѣса для постройки новаго заводу, кото-

рымъ и прошу въ сентябрѣ поспѣшить» . . . . «Осенью крестьянскіе сгорѣвшіе дворы всѣми вообще деревнями построить должно, какъ и впредь (чего Боже сохрани!) въ таковыхъ несчастіяхъ всѣмъ міромъ помогать слѣдуетъ и погорѣвшихъ обстроивать. Я не только не отказываю вамъ отъ правленія деревень моихъ, но всеусердно прошу васъ продолжать оное, и увѣренъ въ томъ, что вы честностію, искуствомъ, расторопностію и прилежаніемъ вашимъ не токмо вознаградите мою и вашу потерю, но и доставите впредь себѣ и мнѣ желаемыя выгоды; а для того я не токмо не хочу отъ васъ какого-либо наполненія въ убыткѣ, но желаю, чтобъ вы вознаградили свой и не потерпѣли разоренія, стараясь при томъ и о моихъ пользахъ» [1].

Съ такимъ же благодушіемъ Державинъ писалъ и къ управляющему въ казанскихъ деревняхъ, Иванову, по поводу жалобъ тамошнихъ крестьянъ на его распоряженія: «Вы отъ меня поставлены управлять деревнями; то и просить должно было прежде у васъ милости, буде работы и поборы тягостны, и я надѣюсь на вашу справедливость и хорошее устройство, что вы съ одной стороны не отяготите ихъ и не приведете въ разореніе, а съ другой не оставите пещися о приращеніи моихъ доходовъ, держася умѣренности, по пословицѣ, чтобъ волки были сыты и овцы цѣлы, о чемъ васъ и прошу усерднѣйше» [2].

Между тѣмъ однакожъ, лица, завѣдывавшія имѣніями Державина, большею частью не оправдывали его довѣрія. Такъ Заозерскій въ Гавриловкѣ отклонялъ отъ себя всякую отчетность. Долго терпѣлъ Державинъ; наконецъ написалъ ему строгое письмо, настоятельно требовалъ отчета и вызывалъ его самого въ Петербургъ, даже просилъ губернатора прислать его, но ничто не помогало. Пришлось смѣнить Заозерскаго и отдать Гавриловку подъ надзоръ одного изъ сосѣднихъ помѣщиковъ. Естественно, что при такихъ управляющихъ доходы съ имѣній не могли поступать исправно; поэтъ часто нуждался, и потому неудивительно, что онъ рѣшился продать двѣ табакерки, пожало-

[1] VI, 106.
[2] VI, 103.

ванныя ему императоромъ Павломъ за оды: на рожденіе великаго князя Михаила и на Мальтійскій орденъ.

9. Литературная дѣятельность въ Павлово время.

Давно замѣчено, что въ нашей литературѣ, какъ и вообще въ жизни русскаго общества, всегда отражались тѣ направленія, которыя нѣсколькими годами, иногда нѣсколькими десятилѣтіями ранѣе, господствовали въ западной Европѣ. Такъ въ 90-хъ годахъ прошлаго вѣка у нашихъ стихотворцевъ стали чаще и чаще слышаться отголоски анакреонтической и древней скандинавской поэзіи: это было результатомъ знакомства съ иностранной литературой, отчасти въ подлинникахъ, болѣе же въ русскихъ переводахъ. Эти два новыя направленія начали около того же времени являться и въ поэзіи Державина. Въ нѣкоторыхъ стихотвореніяхъ его, напримѣръ: въ *Водопадѣ*, въ одахъ *на взятіе Измаила* и *Варшавы*, мы встрѣчаемся съ образами и именами, заимствованными то изъ Оссіана, то изъ скандинавскаго языческаго міра. Въ древнюю германскую мифологію Державинъ былъ издавна посвященъ Клопштокомъ, у котораго нерѣдко упоминаются и священные дубы и барды и Валгалла. Въ примѣчаніяхъ къ *Водопаду* мы показали, какъ много чертъ доставила нашему поэту переводная книжка А. И. Дмитріева *Поэмы древнихъ бардовъ* (1788); послѣ нея напечатаны были въ *Московскомъ Журналѣ* переведенныя Карамзинымъ и посвященныя Державину *Сельмскія пѣсни*, а въ 1792 году Костровъ издалъ свой переводъ шотландскаго барда.

Еще прежде всего этого, именно въ 1785, вышелъ переводъ французскаго сочиненія Маллета *Введеніе въ исторію датскую*, содержащаго обзоръ всей скандинавской древности. Намъ становится такимъ образомъ понятно, откуда Державинъ почерпалъ свои свѣдѣнія о сѣверной поэзіи, отражающіяся въ его одахъ 90-хъ годовъ, между-прочимъ и въ тѣхъ, которыя относятся къ занимающей насъ эпохѣ, особенно въ одахъ *на побѣды Суворова въ Италіи* и *на переходъ Альпійскихъ горъ*. Въ послѣдней онъ знаменательно называетъ Оссіана «пѣвцомъ тумановъ и морей»,

какъ позднѣе Пушкинъ назвалъ Байрона пѣвцомъ моря. Тѣ же литературныя вліянія мы находимъ у Львова, который около того же времени перевелъ пѣснь норвежскаго короля Гаральда[1]. Друзья-литераторы безпрестанно встрѣчались на тѣхъ же предметахъ изученія и творчества, хотя и въ разныхъ родахъ поэзіи. Особенно Львовъ дѣйствовалъ своимъ примѣромъ и познаніями на Державина. Это обнаружилось всего болѣе въ анакреонтическихъ пѣсняхъ нашего поэта.

Въ германской поэзіи переводы и передѣлки изъ Анакреона появляются обильнѣе прежняго со второй половины 18-го вѣка. Въ русской литературѣ попытки этого рода мы находимъ уже у Ломоносова (Кантемиръ не успѣлъ издать своихъ «Анакреоновыхъ одъ»); далѣе у Сумарокова, Хераскова и др. У Державина, начиная съ самыхъ раннихъ опытовъ его, попадаются стихи эротическаго содержанія; таковы, напримѣръ, его пьесы: *Объявленіе любви*, *Пламидъ*, *Нинъ*, *Разлука*, а позднѣе *Мечта*, *Хариты*, *Пчелка*[2]. Въ 90-хъ годахъ два русскіе перевода подстрекнули Державина къ усиленію своей производительности въ этой области поэзіи. Въ 1794 году Львовъ издалъ, подъ заглавіемъ *Анакреонъ*, стихотворный переводъ теосскаго пѣвца вмѣстѣ съ греческимъ текстомъ. Самъ онъ не зналъ языка подлинника, и переводилъ такъ же, какъ въ наше время Жуковскій Гомера,—по чужому подстрочному переложенію. Львову оказалъ такую услугу извѣстный грекъ, переселившійся въ Россію, архіерей Евгеній Булгаръ, который составилъ и примѣчанія къ его изданію. Спустя годъ, бывшій подчиненный Державина, Н. Эминъ, напечаталъ, также въ стихахъ, книжечку *Подражанія древнимъ*, посвященную Валеріану Зубову. Это были переводы съ французскаго, отчасти изъ Анакреона. Встрѣчая пьесы того же содержанія у Державина, написанныя позднѣе, и помня его препирательство съ Эминымъ у Платона Зубова по поводу *Изображенія Фелицы*, невольно приходишь къ мысли, что Державинъ, возвращаясь весьма часто къ анакреонтическимъ пѣснямъ, имѣлъ между-про-

[1] I, 655. Самый переводъ см. VII, 627.

[2] Полное указаніе стихотвореній Державина въ этомъ родѣ см. II, 70.

чимъ въ виду доказать въ этомъ дѣлѣ свое превосходство надъ Эминымъ. Но анакреонтическій родъ былъ и вообще во вкусѣ тогдашней эпохи. Въ пьесѣ *Вѣнецъ безсмертія*, отнесенной нами къ 1798 году, поэтъ говоритъ объ Анакреонѣ:

«Цари къ себѣ его просили
Поѣсть, попить и погостить;
Таланты злата подносили, —
Хотѣли съ нимъ друзьями быть.
Но онъ покой, любовь, свободу
Чинамъ, богатству предпочелъ:
Средь игръ, веселій, хороводу
Съ красавицами вѣкъ провелъ;
Бесѣдовалъ, рѣзвился съ ними,
Шутилъ, пѣлъ пѣсни и вздыхалъ,
И шутками себѣ такими
Вѣнецъ безсмертія снискалъ».

Затѣмъ авторъ переходитъ къ самому себѣ:

«Посмѣйтесь, красоты россійски,
Что я въ морозъ, у камелька,
Такъ вами, какъ пѣвецъ тіискій,
Дерзнулъ себѣ искать вѣнка» [1].

Съ этихъ поръ у Державина въ довольно значительномъ обиліи являются эротическія пьесы трехъ родовъ. Однѣ, самыя многочисленныя, почерпнуты прямо изъ переводовъ Анакреона, при чемъ онъ держится большею частью Львовскаго перевода, часто заимствуя изъ него цѣлые стихи безъ измѣненія. Другія пьесы подобнаго содержанія (*Горючій ключъ, Геркулесъ*) составляютъ подражанія греческой *Антологіи* по разнымъ нѣмецкимъ переводамъ и передѣлкамъ; наконецъ третьи — оригинальныя произведенія, каковы напримѣръ: *Цѣпи, Стрѣлокъ, Птицеловъ, Мельникъ*. Почти всѣ эти стихотворенія отличаются лег-

[1] II, 375.

костью стиха и простымъ, отчасти народнымъ языкомъ; но въ нѣкоторыхъ шуточное содержаніе имѣетъ циническій характеръ. Нельзя не замѣтить, что иногда къ этимъ поэтическимъ шалостямъ приводили Державина служебныя неудачи и неудовлетворенное честолюбіе. Мѣсто Фелицы, замѣтили мы при другомъ случаѣ[1], опустѣло въ храмѣ его поэзіи; ему нужны были теперь другіе источники вдохновенія, и однимъ изъ любимцевъ его старческой музы становится Анакреонъ. Объ этомъ отдѣлѣ его произведеній высказывались въ нашей литературѣ большею частью благопріятныя сужденія. Батюшковъ, въ своей рѣчи о вліяніи легкой поэзіи на языкъ, говоря объ анакреонтическомъ родѣ, ограничился въ отношеніи къ нашему поэту только слѣдующимъ отзывомъ: «У насъ преемникъ лиры Ломоносова, Державинъ, котораго одно имя истинный талантъ произноситъ съ благоговѣніемъ, — Державинъ, вдохновенный пѣвецъ высокихъ истинъ, и въ зиму дней своихъ любилъ отдыхать со старцемъ теосскимъ»[2]. Пушкинъ, защищая своего *Графа Нулина* противъ нападковъ журнальной критики на безнравственность содержанія и приводя многія знаменитыя имена писавшихъ въ томъ же родѣ, какъ у другихъ народовъ, такъ и у насъ, кончаетъ восклицаніемъ: «А эротическія стихотворенія Державина, невиннаго, великаго Державина? Но, отстранивъ неравенство поэтическаго достоинства, графъ Нулинъ долженъ имъ уступить и въ вольности и въ живости шутокъ»[3]. Авторъ статьи о греческой эпиграммѣ въ *Современникѣ* 1840 года (т. XII) говоритъ: «Державинъ такъ удачно умѣлъ передать намъ на отечественномъ языкѣ всю прелесть одъ Анакреона». Напротивъ, С. Т. Аксаковъ, при

[1] II, 71.

[2] *Соч. Батюшкова* I, 36. Любопытно выраженное тутъ же мнѣніе о самомъ анакреонтическомъ родѣ и русскомъ языкѣ: «Множество писателей отличились въ этомъ родѣ, повидимому столь легкомъ, но въ самомъ дѣлѣ имѣющемъ великія трудности и преткновенія, особенно у насъ: ибо языкъ русскій, громкій, сильный и выразительный, сохранилъ еще нѣкоторую суровость и упрямство, не совершенно исчезающія даже подъ перомъ опытнаго таланта, поддержаннаго наукою и терпѣніемъ».

[3] *Соч. Пушкина* (изд. Анн.) V, 31.

всемъ своемъ благоговѣніи къ таланту Державина, находилъ, что его анакреонтическія стихотворенія, «лишенныя прежняго огня, замѣненнаго иногда нескромностью картинъ, производили непріятное впечатлѣніе» [1]. Наконецъ вотъ что замѣтилъ Бѣлинскій: «Первый началъ у насъ писать въ антологическомъ родѣ Державинъ. Въ своихъ, такъ называемыхъ анакреонтическихъ стихотвореніяхъ онъ является тѣмъ же, чѣмъ и въ одѣ, — человѣкомъ, одареннымъ большими поэтическими силами, но не умѣвшимъ управляться съ ними по недостатку вкуса и художественнаго такта». Затѣмъ, выписавъ цѣлую пьесу *Рожденіе Красоты*, «замѣчательную по мысли и отличающуюся необыкновенными красотами», критикъ продолжаетъ: «Вотъ ужъ подлинно глыба грубой руды съ яркими блестками чистаго, самороднаго золота! И таковы-то всѣ анакреонтическія стихотворенія Державина: они, больше нежели все прочее, служатъ ручательствомъ его громаднаго таланта, а вмѣстѣ съ тѣмъ и того, что онъ былъ только поэтъ, а отнюдь не художникъ» [2]. Выше мы высказали свой взглядъ на этотъ отдѣлъ поэзіи Державина. Прибавимъ, что при всѣхъ недостаткахъ или, вѣрнѣе, неровностяхъ антологическихъ его стихотвореній, справедливость требуетъ признать, что хотя и до него были попытки въ этомъ родѣ, но онъ первый представилъ на русскомъ языкѣ вполнѣ удовлетворявшіе современниковъ образцы этой поэзіи, которые и утвердили ее въ нашей литературѣ.

Въ ряду произведеній его съ этимъ характеромъ слѣдуетъ еще отмѣтить блещущія картинами природы, маленькія пьесы: *къ Музѣ*, *Пришествіе Феба* и *Возвращеніе весны*, имѣющія, какъ видно изъ объясненій поэта, косвенное отношеніе къ современнымъ обстоятельствамъ при дворѣ. Пьеса *къ самому себѣ* можетъ служить подтвержденіемъ сказаннаго выше, что заходить въ эту область поэзіи Державина побуждало отчасти разочарованіе, въ слѣдствіе испытываемыхъ имъ огорченій. Въ за-

[1] *Сем. Хрон. и Воспом.*, стр. 583.

[2] *Соч. Бѣл.* IV, 469—471. Въ то же время Бѣлинскій сознавалъ, что въ Державинѣ были глубоко-художественные элементы, и доказательство тому онъ видѣлъ именно въ его анакреонтическихъ стихотвореніяхъ (*Бѣл.* VII, 90).

пискахъ своихъ онъ самъ подробно объясняетъ происхожденіе этой пьесы. Здѣсь достаточно замѣтить, что Лопухинъ, въ бытность свою генералъ-прокуроромъ, отказалъ ему въ обмѣнѣ нѣкоторой части званской земли на излишекъ, остававшійся отъ надѣла, полученнаго казенными крестьянами на противоположномъ берегу Волхова. Видя, какъ люди, стоявшіе у кормила правленія, въ то же самое время безстыдно обогащались на счетъ казны, Державинъ часто спорилъ съ ними въ сенатѣ; но, убѣдившись, что они не обращали никакого вниманія на его упреки, онъ излилъ свое негодованіе въ названной пьесѣ, начинающейся стихами:

«Что мнѣ, что мнѣ суетиться,
Вьючить бремя должностей,
Если свѣтъ за то бранится,
Что иду прямой стезей?
. . . .
Но коль тѣмъ я безполезенъ,
Что горячъ и въ правдѣ чортъ, —
Музамъ, женщинамъ любезенъ
Можетъ пылкій быть Эротъ.
Стану нынѣ съ нимъ водиться,
Сладко ѣсть и пить и спать:
Лучше, лучше мнѣ лѣниться,
Чѣмъ злодѣевъ наживать»[1] и т. д.

Въ грустномъ расположеніи другого рода поэтъ, скорбя о кончинѣ Румянцова и опалѣ Суворова, говорилъ въ подражаніе Анакреону:

«Такъ не надо звучныхъ строевъ:
Переладимъ струны вновь;
Пѣть откажемся героевъ,
А начнемъ мы пѣть любовь»[2].

Впрочемъ, къ этому роду поэзіи влекла Державина главнымъ образомъ влюбчивость, которою онъ отличался, несмотря на лѣта

[1] II, 376.
[2] *Къ Лирѣ*. II, 137.

свои, до конца жизни. Имена молодыхъ дѣвушекъ или женщинъ, внушавшихъ ему нѣжныя чувства, стоятъ то̀ въ главѣ посвященныхъ имъ стиховъ, то въ его объясненіяхъ. Это были, напримѣръ, Параша и Варя Бакунины, Люси Штернберъ, графиня Соллогубъ, Жегулина, Колтовская. Въ одномъ примѣчаніи къ своимъ *Анакреонтическимъ пѣснямъ*, изданнымъ отдѣльно въ 1804 году, Державинъ шутя говоритъ, что поводомъ къ сочиненію ихъ былъ недостатокъ денегъ на отдѣлку сада при петербургскомъ домѣ его. Когда Дарья Алексѣевна тужила о томъ, то онъ смѣясь отвѣчалъ ей, что музы дадутъ ему деньги, и принялся писать стихи во вкусѣ Анакреона. Мы не можемъ оставить этого отдѣла поэзіи Державина, не упомянувъ о его извѣстной пьесѣ *Русскія дѣвушки*, поразительной по граціи образовъ и выраженій въ описаніи русской пляски:

«Зрѣлъ ли ты, пѣвецъ тіискій,
Какъ въ лугу весной бычка
Пляшутъ дѣвушки россійски
Подъ свирѣлью пастушка;
Какъ, склонясь главами, ходятъ,
Башмачками въ ладъ стучатъ,
Тихо руки, взоръ поводятъ
И плечами говорятъ» и т. д. (II, 245.)

Оды съ элегическою основой издавна удавались Державину. Въ этомъ родѣ на первомъ мѣстѣ стоятъ его оды *на смерть князя Мещерскаго* и *Водопадъ*. На кончину Екатерины онъ долго не откликался; наконецъ запустѣніе любимаго ею Царскаго Села при императорѣ Павлѣ внушило ему пьесу *Развалины*, въ которой онъ, подъ вліяніемъ непритворной грусти, связываетъ воспоминанія о Екатеринѣ, о ея занятіяхъ и развлеченіяхъ, съ описаніемъ мѣстъ, нѣкогда освященныхъ ея присутствіемъ и славою. Жаль только, что онъ, по обычаю времени, не умѣлъ при этомъ обойтись безъ помощи греческой миѳологіи, безъ Киприды, Нимфъ, Сиренъ и Купидоновъ. Любопытно сообщаемое самимъ поэтомъ свѣдѣніе, что стихи эти въ первый разъ были на-

печатаны за границей Орловымъ-Чесменскимъ, жившимъ тамъ въ изгнаніи[1]. Но никакихъ данныхъ для подтвержденія этого извѣстія мы не имѣемъ.

Въ четырехлѣтнее царствованіе Павла окончили свое земное поприще: И. И. Шуваловъ, Румянцовъ-Задунайскій, Л. А. Нарышкинъ, Безбородко и Суворовъ. Оды, посвященныя Державинымъ памяти Шувалова (*Урна*) и Нарышкина (*На смерть* его), не возвышаются надъ уровнемъ посредственности; кончина Румянцова, уже неоднократно вызывавшаго его похвалы при жизни своей, не внушила поэту новыхъ стиховъ въ честь его; Безбородку помянулъ онъ только двумя надписями, изъ которыхъ одна, къ сожалѣнію, не отвѣчаетъ той благодарности, съ какою Державинъ нѣкогда говорилъ о своихъ отношеніяхъ къ этому человѣку. Она начинается словами:

«Онъ мнѣ творилъ добро,—
Быть можетъ, что и лихо». (III, 378).

Для объясненія этихъ словъ припомнимъ, что Державинъ въ послѣдніе годы царствованія Екатерины считалъ Безбородку однимъ изъ тайныхъ враговъ своихъ. Отъ сердца оплакалъ онъ только Суворова въ оригинальной пьескѣ *Снигирь*, гдѣ довольно граціозное въ нѣкоторыхъ чертахъ изображеніе личности героя согрѣто неподдѣльною грустью[2]. Къ этому же періоду относится одно изъ самыхъ удачныхъ элегическихъ стихотвореній его: *Арфа* (см. выше стр. 25), написанное на Званкѣ и посвященное дѣвицѣ Бакуниной, которая играла на арфѣ. Меланхолически настроенный ея игрою, поэтъ переносится мыслью на родину и въ правильныхъ, звучныхъ стихахъ выражаетъ тоску по ней.

Отдѣлъ духовныхъ и дидактическихъ стихотвореній Державина за разсматриваемое время получилъ довольно значительное приращеніе. Его подражанія псалмамъ—весьма различнаго достоинства. Изъ прежнихъ его произведеній въ этомъ родѣ осо-

[1] О пребываніи его въ Лейпцигѣ см. *Записки Шишкова*, I, 53—54.

[2] О присутствіи Державина на похоронахъ Суворова см. письмо преосв. Евгенія въ *Р. Арх.* 1870, стр. 779.

бенно выдаются оды *Властителямъ и судьямъ* и *Величество Божіе*. Самая обширная изъ оригинальныхъ его пьесъ духовнаго содержанія, относящаяся еще къ концу царствованія Екатерины—*Безсмертіе души* (которую такъ высоко цѣнилъ Мицкевичъ), по нашему мнѣнію, содержитъ много возвышенныхъ мыслей, но походитъ болѣе на метафизическое разсужденіе, нежели на оду. Къ разряду дидактическихъ его стихотвореній можно причислитъ нѣкоторыя подражанія древнимъ, напримѣръ: Архилоху (*Правосудіе*), Клеанту (*Гимнъ Богу*), Пиндару и Сафо, особенно же Горацію. Древнихъ языковъ нашъ поэтъ не зналъ, и потому у него въ подобныхъ стихотвореніяхъ конечно нельзя искать достоинства вѣрности; но въ Державинѣ было «живое сочувствіе къ древнему міру, какъ свидѣтельство глубоко-художественнаго элемента въ натурѣ поэта»[1]. Въ этомъ отношеніи насъ поражаютъ своею красотою нѣкоторыя оригинальныя его стихотворенія, по идеѣ заимствованныя изъ классической древности, напримѣръ *Рожденіе Красоты*, о которомъ мы недавно упомянули уже, и *Побѣда Красоты*. Въ переложеніяхъ же его изъ греческихъ поэтовъ болѣе замѣчательны тѣ мѣста, въ которыхъ онъ, удаляясь отъ подлинника, самостоятельно рисуетъ природу или русскую жизнь, напримѣръ въ *Похвалѣ сельской жизни*. Какъ введеніе къ знаменитому гимну Клеанта, онъ написалъ особое большое стихотвореніе *Утро*, содержащее цѣлый рядъ величественныхъ, смѣлою кистью набросанныхъ картинъ въ свободно льющихся, звучныхъ стихахъ [2].

Къ дидактическому роду примыкаютъ посланія. Обращеніе къ лицу было издавна однимъ изъ любимыхъ пріемовъ поэзіи Державина: многія оды его, начиная съ *Фелицы*, по формѣ своей подходятъ къ посланіямъ. Но въ собственномъ смыслѣ сюда относятся въ данную эпоху только двѣ пьесы, въ которыхъ онъ обращается къ старинnымъ пріятелямъ своимъ: *Капнисту* и *Храповицкому*. Первая — довольно удачное подражаніе Горацію; укажемъ въ ней особенно на строфы отъ 2-й до 6-й включительно. Еще болѣе вни-

[1] *Соч. Бѣлинскаго* VII, 91.
[2] II, 316.

нія заслуживаетъ посланіе къ Храповицкому, съ которымъ Державинъ велъ въ то время поэтическую переписку. Въ этомъ посланіи любопытны особенно послѣдніе куплеты, подавшіе поводъ къ различнымъ толкованіямъ:

«Страха связаннымъ цѣпями
И рожденнымъ подъ жезломъ,
Можно ль орлими крылами
Къ солнцу намъ парить умомъ?
А хотя бъ и возлетали, —
Чувствуемъ ярмо свое.
«Должны мы всегда стараться,
Чтобы сильнымъ угождать,
Ихъ любимцамъ поклоняться,
Словомъ, взглядомъ ихъ ласкать.
Рабъ и похвалить не можетъ,—
Онъ лишь можетъ только льстить.
«Извини жъ, мой другъ, коль лестно
Я кого гдѣ воспѣвалъ:
Днесь скрывать мнѣ тѣхъ безчестно,
Разъ кого я похвалялъ.
За слова — меня пусть гложетъ,
За дѣла — сатирикъ чтитъ».

Извѣстно возраженіе Пушкина, что «слова поэта суть уже дѣла его». Гоголь подтвердилъ это замѣчаніе. Жуковскій находилъ мысль Державина неясною, указывая, что «ошибки писателя не извиняются его человѣческими добродѣтелями»[1]. Князь Вяземскій въ одномъ письмѣ къ Плетневу справедливо замѣтилъ, что есть дурные стихи, за которые можно осудить поэта, а никакъ не человѣка, но вслѣдъ за тѣмъ дополнилъ, что съ Пушкинымъ согласиться можно, если имѣть въ виду два предыдущіе стиха:

«Днесь скрывать мнѣ тѣхъ безчестно,
Разъ кого я похвалялъ»,

[1] II, 46 и 47.

къ которымъ послѣдующіе относятся, какъ оправданіе. Иначе говоря: двухъ заключительныхъ стиховъ Державина нельзя отдѣлять отъ предшествующихъ. «Впрочемъ», прибавляетъ покойный Вяземскій, «гдѣ найти опредѣленіе, сужденіе, со всѣхъ сторонъ безошибочное и безспорное? Всякая человѣческая истина, всякое и здравое мнѣніе имѣетъ, какъ Ахиллесъ, свою незастрахованную пятку, въ которую уязвить ихъ можно».

Кажется, два стиха, о которыхъ такъ много разсуждали названные писатели, становятся намъ вполнѣ понятными только теперь, когда мы точнѣе узнали поступки, отношенія и образъ мыслей Державина. Въ послѣдней строфѣ онъ сознается, что въ стихахъ своихъ иногда позволялъ себѣ лесть и тѣмъ заслужилъ упрекъ строгаго критика («сатирика»), но въ дѣлахъ своихъ остался безукоризненъ, т. е. не кривилъ душой изъ угодливости, не измѣнялъ своимъ обязанностямъ и убѣжденіямъ. Въ опроверженіе этого, порицатели Державина могутъ указать на средство, которое онъ употребилъ, чтобы возвратить себѣ милость Екатерины II и императора Павла, «прибѣгнувъ къ своему таланту»; но мы уже замѣтили, что онъ, по недостаточному образованію своему, по вліянію среды, въ которой вращался полжизни, не всегда вѣрно понималъ нравственное достоинство. Изъ откровенныхъ разсказовъ въ его запискахъ ясно, что онъ въ поступкахъ этого рода не видѣлъ ничего унизительнаго.

Интересно еще остановиться на выраженіи:

«Днесь скрывать мнѣ тѣхъ безчестно,
Разъ кого я похвалялъ».

Чтобы понять, кого именно здѣсь разумѣетъ поэтъ, надо припомнить, что посланіе его написано въ отвѣтъ на стихи, въ которыхъ Храповицкій между-прочимъ говорилъ ему:

«Люблю твои я стихотворства:
Въ нихъ мало лести и притворства,
Но иногда — *полы лощишь*[1] ....

[1] См. строфу 2-ую оды *На умѣренность* (I, 491).

Я твой же стихъ напоминаю
И самъ поистинѣ не знаю,
Зачѣмъ ты такъ, мой другъ, грѣшишь.
«Достойны громкой славы звуковъ
Пожарскій, Мининъ, Долгоруковъ
И за Дунаемъ храбрый Петръ;
Но Зубовыхъ дѣла не громки,
И спрячь Потемкиныхъ въ потемки:
Какъ пузырей, ихъ свѣетъ вѣтръ....
И Зубовъ, ставши размундиренъ,
Для всѣхъ Россіянъ только смѣхъ.
«Твоею творческой рукою
И пылкою стиховъ красою
Достойныхъ должно прославлять,
Великихъ, мудрыхъ, справедливыхъ,
Но случаемъ слѣпымъ счастливыхъ
Въ забвеньи вѣчномъ оставлять»[1].

Итакъ Храповицкій, поставивъ на одну доску Платона Зубова и Потемкина, упрекаетъ Державина въ томъ, что онъ хвалилъ послѣдняго наравнѣ съ первымъ, и поэтъ принимаетъ упрекъ безъ возраженія. Это можно объяснить развѣ тѣмъ только, что дѣло происходило въ царствованіе Павла, когда Потемкинъ естественно казался такимъ же померкнувшимъ свѣтиломъ, какъ и Зубовъ.

Но что Державинъ и въ это время (когда, употребляя выраженіе Карамзина, музы ходили подъ черными облаками) способенъ былъ независимо отъ обстоятельствъ хвалить тѣхъ, кого считалъ достойными того, это онъ доказалъ своею одой *на возвращеніе* (Валеріана) *Зубова изъ Персіи*. Поводомъ къ сочиненію этой оды былъ разговоръ его при дворѣ съ княземъ С. Ф. Голицынымъ, который, упрекнувъ Державина одой на взятіе Дербента, замѣтилъ, что ужъ теперь герой его не Александръ и льстить нѣтъ никакой выгоды. Державинъ, въ нѣкоторомъ противорѣчіи съ признаніемъ, которое вскорѣ послѣ того вырва-

[1] I, 50.

лось у него въ минуту откровенности, отвѣчалъ, что въ разсужденіи достоинства онъ никогда не перемѣняетъ мыслей и никому не льститъ, а пишетъ по внушенію своего сердца. — «Это неправда», возразилъ Голицынъ: «нынче ему не напишешь». — «Вы увидите», сказалъ Державинъ — и, пріѣхавъ домой, сочинилъ эту оду. Хотя она и не была тогда же напечатана, но въ спискахъ находилась у многихъ, несмотря на то, что Зубовъ былъ въ совершенной опалѣ. Извѣстно, какъ поступилъ съ нимъ императоръ Павелъ по вступленіи на престолъ, когда Зубовъ съ дѣйствующей арміей находился за Кавказомъ: полковымъ командирамъ посланы были отдѣльныя приказанія немедленно возвратиться съ своими полками. Зубову приходилось оставаться въ лагерѣ одному: онъ отправился вслѣдъ за своей арміей въ предѣлы Россіи; по прибытіи же въ Петербургъ подалъ въ отставку, и получилъ приказаніе жить подъ присмотромъ въ своихъ курляндскихъ деревняхъ.

Современники восхищались этимъ стихотвореніемъ. Жихаревъ называетъ его одною изъ прекраснѣйшихъ одъ Державина и приводитъ 10-ую строфу, въ которой нельзя не отмѣтить удачнаго выраженія:

«Какъ счастіе къ тебѣ хребетъ
Свой съ грознымъ смѣхомъ повернуло»...[1]

Попрежнему, Державинъ продолжалъ какъ бы вести поэтическую хронику важнѣйшихъ современныхъ событій. Въ одѣ *на новый 1798 годъ*, написанной вскорѣ послѣ заключенія мира въ Кампоформіо, въ первый разъ является у него Наполеонъ, съ которымъ мы съ этихъ поръ такъ часто встрѣчаемся въ стихахъ его. Назвавъ завоевателя «гальскимъ витяземъ», поэтъ пророчески спрашиваетъ: кто знаетъ, не придетъ ли пора, когда онъ —

«Гордыней обуявъ,
Еще на шагъ рѣшится смѣлый
И, какъ Сампсонъ, столпы дебелы
Сломивъ, падетъ подъ ними самъ?

[1] II, 35.

«Мы видимъ троны сокрушенны
И падшихъ съ нихъ земныхъ боговъ:
На ихъ развалинахъ рожденны,
Не разцвѣтутъ ли царства вновь?» [1]

По случаю рожденія великаго князя Михаила Павловича, въ январѣ 1798 года, во дворцѣ былъ выходъ. Завадовскій и Козодавлевъ совѣтовали Державину увѣковѣчить это событіе стихами. Въ первый затѣмъ съѣздъ при дворѣ онъ привезъ новую оду и передалъ обоимъ по списку ея. Въ ней, между-прочимъ, ангелъ новорожденнаго—

«Ищи», твердитъ ему, «въ незлобьи
Ты образца дѣламъ своимъ:
Престола хищнику, тирану
Прилично устрашать рабовъ;
Но Богомъ на престолъ воззванну
Любить ихъ должно, какъ сыновъ».[2] —

Ода сдѣлалась извѣстна всему городу. Нѣкоторые изъ стиховъ ея, особенно сейчасъ приведенные нами, возбуждали много толковъ и заставляли опасаться за участь автора. По его словамъ, осторожные люди, какъ напримѣръ Козодавлевъ, стали избѣгать его, боясь, чтобъ ихъ не заподозрили въ сочувствіи къ нему. Но императоръ, къ общему удивленію, совсѣмъ иначе взглянулъ на содержаніе многихъ смѣлыхъ стиховъ. На первой недѣлѣ Великаго поста поэтъ вмѣстѣ съ женою былъ у обѣдни; вдругъ въ церковь входитъ фельдъегерь и подаетъ ему толстый пакетъ. Жена обмерла отъ испуга; но Державинъ, распечатавъ конвертъ, нашелъ въ немъ золотую табакерку съ брильянтами, при письмѣ Нелединскаго-Мелецкаго, увѣдомлявшаго, что это подарокъ, жалуемый ему за оду.

Великолѣпное торжество, бывшее при дворѣ въ концѣ 1798 года, по случаю принятія Павломъ званія великаго магистра Мальтійскаго ордена, внушило Державину обширную оду на

[1] II, 147.
[2] II, 155.

этотъ орденъ или, вѣрнѣе, на покровительство, какое императоръ оказывалъ ему. Ода *Орелъ* была какъ бы поэтическимъ комментаріемъ на извѣстныя слова, сказанныя Павломъ Суворову при отправленіи его въ Вѣну: «Иди спасать царей!» Знаменитые подвиги этого полководца послужили предметомъ двухъ новыхъ обширныхъ одъ *на побѣды въ Италіи* и *на переходъ Альпійскихъ горъ*, изъ которыхъ особенно прославилась послѣдняя.

Между тѣмъ московское изданіе сочиненій Державина много способствовало къ распространенію извѣстности его стиховъ, до той поры разсѣянныхъ въ журналахъ или вовсе не напечатанныхъ. Пріятнымъ для него свидѣтельствомъ признанія его таланта въ молодомъ поколѣніи было неожиданно полученное имъ приношеніе двухъ воспитанниковъ Московскаго университетскаго пансіона. Одинъ былъ будущій славный поэтъ, Жуковскій, другой — Семенъ Родзянко, котораго не должно смѣшивать съ однофамильцемъ его (Аркадіемъ), впослѣдствіи довольно извѣстнымъ поэтомъ. Они перевели на французскій языкъ оду *Богъ*, и прислали свой переводъ знаменитому автору при слѣдующемъ письмѣ:

«Милостивый государь! Творенія ваши можетъ-быть столько жъ дѣлаютъ чести Россіи, сколько побѣды Румянцовыхъ. Читая съ восхищеніемъ *Фелицу, Памятникъ Герою, Водопадъ* и проч., сколь часто обращаемся мы въ мысляхъ къ безсмертному творцу ихъ, и говоримъ: *онъ Россіянинъ, онъ нашъ соотечественникъ.* Плѣненные рѣдкими, неподражаемыми красотами оды вашей *Богъ,* мы осмѣлились перевести ее на французской языкъ, и вамъ на судъ представляемъ переводъ свой. Простите, м. г., если грубая кисть копистовъ обезобразила превосходную картину великаго мастера. Чтобы удержать всю силу, всю возвышенность подлинника, надобно имѣть великій духъ вашъ, надобно имѣть пламенное ваше перо. Именемъ всѣхъ своихъ товарищей, мы просимъ васъ, милостивый государь, снисходительно принять сей плодъ трудовъ нашихъ, увѣряя, что мы почтемъ себя весьма

[1] II, 225.

счастливыми, если онъ удостоится благосклоннаго вашего вниманія.

«Съ совершеннымъ высокопочитаніемъ имѣемъ честь быть вашего превосходительства, милостиваго государя, всепокорнѣйшіе слуги

Василій Жуковскій.
Семенъ Родзянка».

«Генваря дня 1799 года. Москва» [1].

Поэтъ отвѣчалъ молодымъ людямъ четверостишіемъ, въ которомъ, едва ли искренно, совѣтовалъ имъ итти лучше по слѣдамъ русскаго Пиндара и Гомера, т. е. Ломоносова [2].

Очеркъ поэтическаго творчества Державина за Павлово время показываетъ, что хотя талантъ его еще и вспыхивалъ нерѣдко прежнимъ огнемъ и во многихъ изъ тогдашнихъ стихотвореній встрѣчаются мѣста, достойныя славы пѣвца Фелицы, но лучшая пора его поэзіи уже навсегда миновала.

[1] VI, 83.
[2] III, 378.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

СЛУЖБА ПРИ АЛЕКСАНДРѢ I.

(1801—1803.)

1. ВОЦАРЕНІЕ НОВАГО ИМПЕРАТОРА.

«Вѣкъ новый! Царь младой, прекрасный
Пришелъ къ намъ днесь весны стезей»...

Такъ началъ Державинъ свое привѣтствіе внуку Екатерины. Извѣстно, съ какимъ восторгомъ было встрѣчено, не только въ столицѣ, но и во всей Россіи, вступленіе на престолъ Александра I. Оно привело въ движеніе перья стихотворцевъ. Оды, появившіяся по этому случаю, считаются десятками: никакое событіе еще не вызывало такого обилія стиховъ. Запѣли Херасковъ, Мерзляковъ, Карамзинъ, Измайловъ, Озеровъ; запѣли старые и молодые.[1] Какъ было смолчать Державину? Его громкій голосъ заглушилъ всѣ прочіе; ода его переписывалась и выучивалась наизусть. Но она не могла быть напечатана: новый генералъ-прокуроръ, Беклешовъ, назначенный на мѣсто уволеннаго Обольянинова, запретилъ ее, находя въ ней ясные намеки на совершившуюся катастрофу. Напрасно Державинъ увѣрялъ, что стихи:

«Умолкъ ревъ Норда сиповатый,
Закрылся грозный, страшный взглядъ»

относятся ко времени года, когда воцарился новый монархъ, такъ же какъ въ одѣ на его рожденіе въ декабрѣ мѣсяцѣ гово-

[1] Исчисленіе этихъ одъ въ *Р. Архивѣ* 1867, стр. 987, и въ *Р. Старинѣ* 1877, XX, 569.—Ода Державина въ нашемъ изд. II, 355.

рилось о Бореѣ и зимѣ: никто ему не вѣрилъ, тѣмъ болѣе что такое же отношеніе къ недавней дѣйствительности представляли тутъ и цѣлыя строфы (8—10).

Оправдывался Державинъ особенно въ виду неудовольствія, которое онъ этими стихами навлекъ на себя со стороны вдовствующей императрицы Маріи Феодоровны; толкованіе же ихъ въ превратномъ смыслѣ приписывалъ онъ своимъ недоброжелателямъ. Между тѣмъ въ намекахъ его нельзя не видѣть отголоска общаго настроенія. Но замѣчательно, что оно въ такихъ рѣзкихъ чертахъ отразилось у одного Державина и что только *его* ода подверглась запрещенію.

Особенно поражала всѣхъ своею смѣлостью строфа, представляющая Екатерину въ облакахъ:

Стоитъ въ порфирѣ и вѣщаетъ,
Сквозь дверь небесну долу зря:
«Се небо нынѣ посылаетъ
Вамъ внука моего въ царя.
Внимать вы прежде не хотѣли
И презрѣли мою любовь;
Вы сами отъ себя терпѣли,
Я нынѣ васъ спасаю вновь».
Рекла, — и тѣнь ея во блескѣ,
Какъ радуга, сокрылась въ свѣтъ[1].

Здѣсь поэтъ какъ будто «ставитъ обществу въ вину, что оно прежде не позаботилось о возведеніи Александра на престолъ, какъ этого желала Екатерина; что ему должно было бы не допускать Павла до престола: оно этого не сдѣлало, и потому терпѣло само отъ себя».[2] На это можно однакожъ замѣтить, что едва ли самъ поэтъ придавалъ именно такой смыслъ своимъ словамъ; въ нихъ кажется слѣдуетъ видѣть не болѣе какъ поэтическій оборотъ, такой же какъ и въ стихѣ:

«*Я* нынѣ васъ спасаю вновь»,

[1] II, 359.

[2] *Общественное движеніе при Александрѣ I*, соч. А. Пыпина, стр. 52.

изъ котораго конечно нельзя заключить, чтобы Державинъ въ самомъ дѣлѣ приписывалъ Екатеринѣ вступленіе на престолъ внука ея. Обращаясь къ Русскимъ вообще, императрица могла употребить извѣстную риторическую фигуру и разумѣть вмѣсто цѣлаго только часть, т. е. тѣхъ или того, кто, по преданію, скрылъ приписываемое ей завѣщаніе объ устраненіи сына ея отъ престола.

Александръ не только не прогнѣвался на Державина за эту оду, но еще пожаловалъ ему брильянтовый перстень въ 5000 р. (Карамзинъ получилъ такой же подарокъ въ 2000 р.). Есть извѣстіе, что вмѣстѣ съ тѣмъ однакожъ самъ государь изъявилъ желаніе, чтобы ода Державина осталась не напечатанною. Разсказывали, что Трощинскій, занявшій важный постъ докладчика при Александрѣ, во время присутствія въ сенатѣ отозвалъ поэта въ сторону и передалъ ему волю императора, чтобъ онъ не только не печаталъ оды, но и не давалъ съ нея списковъ. Державинъ съ огорченіемъ возразилъ, что едва ли государь приказалъ сообщить ему это повелѣніе въ сенатѣ.—«Да», отвѣчалъ будто бы Трощинскій: «ежели бы существовала *Тайная*, то вы тамъ услышали бы это; но мнѣ не было назначено ни время, ни мѣсто». По другому преданію, Александръ, получивъ оду Державина, сказалъ: «Пусть онъ вспомнитъ, что̀ писалъ при восшествіи на престолъ моего отца». Se non è vero, è ben trovato.

При коронаціи, бывшей 15-го сентября, опять зазвучали досужія лиры. Стихи посыпались еще въ бо̀льшемъ количествѣ; снова заговорили давно замолкшіе пѣвцы; явились и новые. Державинъ, бывшій также въ Москвѣ, не отсталъ отъ другихъ и написалъ (не считая Пѣснь и Хоры на этотъ случай) цѣлыя два стихотворенія: *Вѣнчаніе Леля* и *Гимнъ Кротости*; но такъ какъ вступившіе въ состязаніе пѣвцы получали подарки, то онъ, не желая подать мысли, что также ищетъ награды, издалъ свои два стихотворенія нѣсколько позже.

2. Дѣятельность въ первое время.

Пользуясь большимъ почетомъ какъ поэтъ и сановникъ, Державинъ, въ первое время царствованія Александра Павло-

вича, увидѣлъ себя въ весьма невыгодномъ служебномъ положеніи. Хотя государя еще окружали люди стараго поколѣнія, — Беклешовъ, Трощинскій и вызванный изъ деревни графъ А. Р. Воронцовъ, но Державинъ, принадлежа къ той же категоріи «служивцевъ», не ладилъ вполнѣ ни съ однимъ изъ нихъ.

Мы уже видѣли, какъ самъ государь выразилъ свой взглядъ на финансовую дѣятельность Державина, возвративъ должность государственнаго казначея, порученную ему Павломъ, Васильеву. Затѣмъ, когда въ первые же дни царствованія (марта 26) упраздненъ былъ прежній совѣтъ, какъ временное установленіе «безъ ощутительнаго вліянія на дѣла общественныя», а черезъ четыре дня учрежденъ былъ для разсмотрѣнія государственныхъ дѣлъ новый «непремѣнный» совѣтъ (вскорѣ названный Государственнымъ), то Державинъ не былъ включенъ въ число лицъ, назначенныхъ въ его члены, «почтенныхъ довѣренностью государя и общею».[1] Въ прежній совѣтъ Державинъ былъ посаженъ императоромъ Павломъ на другой день послѣ назначенія государственнымъ казначеемъ (въ ноябрѣ 1800 г.). На устраненіе его изъ новаго совѣта кто-то написалъ двустишіе:

«Тебя въ совѣтѣ намъ не надо:
Паршивая овца все перепортитъ стадо».

Такъ разсказываетъ самъ Державинъ; по другому извѣстію, этотъ пасквиль былъ отвѣтомъ на сочиненную имъ надпись къ портрету Александра:

[1] Подлинныя слова указа 30 марта 1801 г. Эти лица были: графъ Н. И. Салтыковъ, князь П. А. Зубовъ, гр. В. А. Зубовъ, вице-канцлеръ кн. А-дръ Б. Куракинъ, вице-президентъ Военной коллегіи Ламбъ, генералъ-прокуроръ Беклешовъ, государственный казначей баронъ Васильевъ, с.-петербургскій военный губернаторъ графъ фонъ-деръ Паленъ, князь Лопухинъ, министръ коммерціи кн. Гагаринъ, вице-президентъ Адм. коллегіи графъ Кушелевъ и тайный совѣтникъ Трощинскій (вмѣстѣ производитель дѣлъ въ совѣтѣ). См. *П. С. З.* XXVI, №№ 19.805 и 19 806.

«Се образъ ангельскій любезныя души:[1]
Ахъ, еслибъ вкругъ него всѣ были хороши»! (II, 363).

Но ежели бы дѣйствительно это послѣднее двустишіе вызвало пасквиль, то Державинъ конечно не упустилъ бы упомянуть о томъ въ своихъ запискахъ. Автора пасквиля онъ называетъ подлымъ стиходѣемъ. Не правдоподобно показаніе Греча, будто этимъ авторомъ былъ князь Платонъ Зубовъ, который, какъ мы знаемъ, постоянно сохранялъ доброе расположеніе къ Державину.

Виновниками новыхъ служебныхъ невзгодъ Гаврилы Романовича были, по его предположенію, Беклешовъ, Трощинскій и графъ А. Воронцовъ (нѣкогда благодѣтель его), которые впрочемъ сами вскорѣ разошлись въ своихъ интересахъ. По его словамъ, Трощинскій и Беклешовъ поссорились и, противоборствуя другъ другу, ослабили довѣренность къ себѣ государя, такъ что онъ не зналъ кому изъ нихъ вѣрить. Призванный по внушенію Трощинскаго, Воронцовъ пошелъ вмѣстѣ съ нимъ противъ Беклешова, который и дѣйствительно только полтора года оставался генералъ-прокуроромъ. Въ этой борьбѣ и Державинъ присоединился къ нимъ. Трощинскій въ первое время былъ правою рукою государя: ему поручено было завѣдываніе канцеляріею новаго совѣта, и такимъ образомъ онъ сдѣлался докладчикомъ и редакторомъ при лицѣ Александра.

Въ предыдущее царствованіе обширная власть генералъ-прокурора еще усилилась; въ сенатѣ онъ часто рѣшалъ дѣла по своему произволу и сенаторы въ угоду ему безпрестанно позволяли себѣ нарушенія закона. Теперь явилось еще новое побужденіе къ отступленіямъ отъ справедливости: «охуждая правленіе императора Павла, зачали», говоритъ Державинъ, «такъ-сказать

[1] Или по Гречу: «Се видъ величія и ангельской души». (*Р. Арх.* 1873 г., с. 722). — Не на тогдашній ли пасквиль отвѣчалъ Державинъ въ концѣ оды *Къ царевичу Хлору*:

«Когда же подлая и даже подкупная,
Прищуря мрачный взоръ, гдѣ зависть или злость
На насъ прольетъ свой ядъ,—простимъ имъ грѣхъ, вздыхая:
Не прейдутъ бѣдные чрезъ Ариманов мостъ». (II, 411).

коверкать все, что имъ сдѣлано». Незадолго до перемѣны правленія сенатъ отдалъ доставку соли изъ крымскихъ озеръ на откупъ коммерціи совѣтнику Перетцу и херсонскому купцу Штиглицу; по контракту, утвержденному покойнымъ императоромъ, они обязались, вмѣсто привозной изъ-за границы соли, доставлять соль крымскую въ Западный край съ 1801 г. на восемь лѣтъ, и такимъ образомъ имъ продолженъ срокъ содержанія крымскихъ соляныхъ озеръ. Теперь этотъ контрактъ былъ внезапно объявленъ недѣйствительнымъ, въ общемъ собраніи сената, въ которомъ присутствовало около сорока человѣкъ. Хотя въ принципѣ Державинъ былъ также того мнѣнія, что соляной откупъ для государства вреденъ и долженъ быть отмѣненъ, но въ данномъ случаѣ онъ находилъ, что на время правительство связано заключеннымъ контрактомъ. По этому поводу онъ написалъ довольно обширную записку, въ которой, ссылаясь на законъ, предписывающій свято соблюдать контракты, хотя бы и въ ущербъ казнѣ, напомнилъ, что государь, при вступленіи на престолъ, обѣщалъ строго держаться законовъ. На это мнѣніе Беклешовъ предложилъ замѣчанія, которыя вызвали новыя энергическія возраженія со стороны Державина. За болѣзнію послѣдняго, окончательное опредѣленіе сената было принесено ему на домъ, но онъ не подписалъ его, а на другой день отправилъ къ Трощинскому, для поднесенія государю, свои возраженія на записку Беклешова.[1] Несмотря на то, высочайше утверждено было мнѣніе сената объ уничтоженіи контракта.

Вскорѣ генералъ-прокурору представился новый случай высказать свою силу. Это было по дѣлу Колтовской, опекуномъ которой, по волѣ императора Павла, назначенъ былъ Державинъ взамѣнъ другихъ лицъ, бывшихъ на сторонѣ ея мужа и потому устраненныхъ. Беклешовъ требовалъ возстановленія прежней опеки, какъ утвержденной письменнымъ указомъ покойнаго государя, тогда какъ замѣщеніе ея Державинымъ состоялось по словесному высочайшему повелѣнію. Державинъ, соглашаясь, что письменный указъ дѣйствительнѣе, доказывалъ однакожъ, что въ

[1] VII, 404—419.

этомъ случаѣ словесное повелѣніе не можетъ быть отмѣнено, такъ какъ оно уже принято сенатомъ къ исполненію и притомъ письменный указъ, въ противность кореннымъ законамъ, лишалъ Колтовскую всего ея имѣнья безъ разсмотрѣнія дѣла въ нижнихъ инстанціяхъ. Поэтому онъ настоялъ, чтобы государю поднесенъ былъ докладъ съ прописаніемъ всѣхъ обстоятельствъ и хотѣлъ подать особое мнѣніе; но, къ удивленію его, черезъ нѣсколько дней дали ему въ сенатѣ прочесть высочайше конфирмованный докладъ, въ которомъ не только было скрыто его мнѣніе, но даже и имя его не было упомянуто. Приведенный въ негодованіе такимъ презрѣніемъ къ правамъ сенаторовъ и къ закону Петра и Екатерины, по которому каждый отдѣльный голосъ наравнѣ съ прочими долженъ былъ восходить на рѣшеніе верховной власти, Державинъ тотчасъ же написалъ письмо къ статсъ-секретарю Михаилу Никитичу Муравьеву съ просьбою исходатайствовать ему аудіенцію у императора, и, удостоясь пріема, довелъ до высочайшаго свѣдѣнія о поступкѣ Беклешова. Дѣло Колтовской имѣло важное вліяніе на устройство всего государственнаго состава относительно производства дѣлъ: такъ говоритъ Державинъ въ своихъ запискахъ, полагая, что преобразованіе сената и учрежденіе министерствъ были отчасти послѣдствіемъ его жалобы на самовластіе Беклешова.

Не безъ связи съ дѣломъ Колтовской было также изданіе указа 21-го мая 1801 года объ опекунахъ и попечителяхъ[1]. Опеки и попечительства, было сказано въ этомъ указѣ, выходятъ изъ предѣловъ своей обязанности, присвоиваютъ себѣ власть судебныхъ мѣстъ и, самовольно рѣшая силу обязательствъ, удовлетворяютъ ихъ или отвергаютъ по частнымъ своимъ побужденіямъ. Въ слѣдствіе того повелѣно, чтобы опекуны и попечители немедленно отдали правительству отчетъ о всѣхъ своихъ распоряженіяхъ по ввѣреннымъ имъ имѣніямъ, представивъ свои донесенія въ тѣ губернскія правленія и дворянскія опеки, въ вѣдомствѣ коихъ они состоятъ. Такой отчетъ долженъ былъ подать и Державинъ. Но онъ представилъ его прямо въ сенатъ, ссылаясь

[1] *П. С. З.* XXVI, 19,881.

на то, что имѣнія порученныхъ его опекѣ и попечительству лицъ находятся въ разныхъ губерніяхъ. Въ то же время онъ особымъ письмомъ донесъ государю объ этомъ дѣйствіи своемъ и, изъявляя надежду, что всѣ его распоряженія по ввѣреннымъ ему опекамъ будутъ признаны согласными съ закономъ, представилъ записку объ опекахъ вообще и объ управляемыхъ имъ въ частности. Это была та самая, составленная Лунинымъ, записка, о которой нами при другомъ случаѣ уже упомянуто (см. выше стр. 724).

Вслѣдъ за этимъ, по нѣкоторымъ изъ возложенныхъ на Державина опекъ состоялись какія-то распоряженія, которыми онъ остался недоволенъ. Это видно изъ сохранившейся въ его бумагахъ небольшой записки, читанной имъ лично государю, какъ на ней отмѣчено рукой Державина, въ ноябрѣ 1801 г. Вотъ ея содержаніе: «Кроткая и справедливая душа побуждаетъ предъ нею быть во всемъ откровенну. Всемилостивѣйшій Государь великодушно выслушаетъ мое сердечное сокрушеніе. Изъ многихъ указовъ касательно опекъ, мною управляемыхъ, вижу я гнѣвъ монаршій, и даже въ одномъ лично на меня устремленный. Не находя въ совѣсти моей упрековъ, покушаюсь думать, не очерненъ ли я какими хитрыми клеветами моихъ недоброжелателей: ибо что дѣлаетъ мнѣ общую довѣренность, то не можетъ, кажется, быть непріятно Монарху. Всеподданнѣйше прошу, благоволите приказать кому, въ присутствіи только моемъ, спросить тѣхъ, чьими я имѣніями управляю, не корыстуюсь ли я ихъ добромъ или ихъ доходами, также ихъ кредиторовъ, не дѣлано ли мною имъ какихъ притѣсненій, кромѣ миролюбивыхъ соглашеній на добровольныя уступки и разсрочки по правиламъ кураторскимъ и кромѣ отсылки къ суду для рѣшенія сомнительныхъ претензій? Наконецъ, хотя занимался я сими дѣлами безъ всякихъ своихъ пользъ, а единственно изъ христіанскаго подвига дѣлать добро ближнему, и хотя безъ моего посредства и пособія могутъ погибнуть фамиліи, ввѣрившія мнѣ свои участи, ибо ихъ кредитъ зависитъ отъ моего кредита; но когда угодно Вашему Величеству, я тотчасъ отъ нихъ публично откажусь: ибо я, сколько ихъ ни просилъ, но они дѣлъ своихъ отъ меня не принимаютъ, да и самые благо-

дарные кредиторы, я думаю, на сiе не согласятся». Записка эта подѣйствовала: бывшiя въ завѣдываніи Державина опеки остались въ его рукахъ. Изъявленiя благодарности, полученныя имъ отъ графини Мусиной-Пушкиной Брюсъ и отъ графа Чернышева, были уже приведены нами.

Въ 1802 году въ сенатѣ разсматривалось дѣло объ отмѣнѣ монополiи на астраханскiя рыбныя ловли, отданныя Павломъ въ вѣчное владѣнiе Куракинымъ[1] съ платежемъ въ казну суммы, которую прежде вносило пользовавшееся ими купечество. Вопросъ возникъ по поводу представленiя астраханскаго землевладѣльца кн. Долгорукаго объ уничтоженiи учуговъ и другихъ рыболовныхъ орудiй, препятствовавшихъ рыбѣ входить въ устье Волги ко вреду промышленности прибрежныхъ жителей. Несмотря на старанiя князя Александра Куракина, который разослалъ сенаторамъ записку, отрицавшую эти жалобы, дѣло было рѣшено противъ него, и 27 августа состоялся указъ о предоставленiи всѣхъ каспiйскихъ рыбныхъ ловель въ общее употребленiе. Къ этому результату много способствовало поданное Державинымъ мнѣнiе[2].

О тогдашнемъ дѣятельномъ участiи его въ рѣшенiи разныхъ правительственныхъ вопросовъ можно судить по слѣдующимъ строкамъ изъ письма его къ Капнисту отъ 28 августа 1802 г.: «Не такъ мнѣ досужно, какъ ты думаешь, чтобъ я могъ стихами заниматься. Вмѣсто того я отягощенъ безпрестанно бумагами, поручаемыми кромѣ моей настоящей должности. Изъ числа ихъ увидишь и печатные указы моей фабрики, какъ то: по должности губернаторовъ, по выборамъ дворянства, по разнорѣчащимъ предписанiямъ сената, и тому подобныя»[3]. Въ слѣдствiе возвращенiя крымскихъ соляныхъ озеръ въ вѣдѣнiе казны, сенатъ около того же времени поручилъ Державину составить проектъ правилъ о содержанiи этихъ озеръ. Узнавъ о томъ, Александръ Павловичъ въ iюлѣ 1802 года приказалъ Новосильцову препроводить къ

[1] Въ русскихъ извлеченiяхъ изъ журналовъ неофицiальнаго комитета обладателемъ монополiи названъ Кутайсовъ (Богдановича *Исторiя царствов. имп. Александра I.* Т. I. Прилож. стр. 76.).

[2] VII, 379.

[3] VI, 138.

Державину всѣ бывшія у государя по этому дѣлу бумаги и послать къ нему для объясненія чиновника, долгое время занимавшагося по управленію озерами (Сафонова). Уже 2-го августа обширный проектъ Державина былъ готовъ[1]. Въ немъ между прочимъ предполагалось поставить надъ крымскими озерами особаго главнаго надзирателя, избравъ къ тому человѣка, извѣстнаго честностью, расторопностью и усердіемъ къ общему благу. Сенатъ, въ главныхъ чертахъ одобривъ проектъ, съ тѣмъ чтобы ввести его въ видѣ опыта, сдѣлалъ на нѣкоторыя статьи свои замѣчанія. Державинъ отвѣчалъ, что такъ какъ его проектъ весь основывается на добытыхъ имъ практическихъ свѣдѣніяхъ и утвержденіе его будетъ зависѣть отъ испытанія правилъ на дѣлѣ, то онъ не можетъ согласиться на измѣненіе ни единой статьи. Представленныя имъ при этомъ объясненія могутъ служить намъ образчикомъ того тона, въ какомъ онъ вообще спорилъ со своими сочленами по сенату, не щадя ихъ самолюбія; напр., указавъ на противорѣчіе между двумя замѣчаніями ихъ, онъ восклицаетъ: «Тамъ сенатъ боится тягостной процедуры, а здѣсь сокращенія!» или въ другомъ мѣстѣ: «Удивительно, что сенатъ благоволитъ давать откупщикамъ милліоны, а народу — ничего!».

Докладъ сената, представленный вмѣстѣ съ проектомъ Державина и объясненіями его, былъ утвержденъ государемъ, и указъ о томъ состоялся 23 сентября 1802 года[2]. По рекомендаціи Гаврилы Романовича, «главнымъ надзирателемъ крымскихъ озеръ и всей соляной операціи» назначенъ былъ отсутствовавшій въ то время «отставной генералъ-майоръ» Мертваго. Тогда Державинъ былъ уже, съ недавняго времени, министромъ юстиціи, и приведеніе въ дѣйствіе принятой мѣры было предоставлено сенату подъ главнымъ его наблюденіемъ; по окончаніи же всѣхъ приготовительныхъ распоряженій вся эта часть должна была отойти въ вѣдѣніе министра внутреннихъ дѣлъ, чтó и совершилось при преемникѣ Державина по министерству юстиціи, князѣ Лопухинѣ.

[1] VII, 420.
[2] *П.С.З.* XXVI, 20,248.

3. Калужское слѣдствіе.

Уже въ бытность государя въ Москвѣ по случаю коронаціи, до него доходили слухи о противозаконныхъ поступкахъ и злоупотребленіяхъ калужскаго губернатора Лопухина (Дм. Ардаліон.), назначеннаго въ эту должность еще при Павлѣ. Онъ былъ женатъ на Шереметевой, находился въ родствѣ съ княземъ Лопухинымъ, имѣлъ и другія связи при дворѣ (съ Беклешовымъ, Трощинскимъ, Торсуковымъ) и потому, надѣясь на безнаказанность, позволялъ себѣ то возмутительныя дѣла, то неприличныя шалости къ соблазну всей губерніи. Государь получилъ нѣсколько доносовъ на него отъ мѣстныхъ дворянъ, частью черезъ извѣстнаго Каразина, умѣвшаго стать въ близкія отношенія къ Александру, и въ это время жившаго въ Москвѣ. Для производства слѣдствія по этому дѣлу государь избралъ Державина, сохраняя полное довѣріе къ его правдолюбію и безпристрастію и понимая, что по отношеніямъ обвиняемаго трудно было бы добиться истины при неудачномъ выборѣ слѣдователя.

23-го ноября 1801 года, вскорѣ по возвращеніи изъ Москвы, Александръ, призвавъ къ себѣ Державина, объявилъ ему свое рѣшеніе послать его въ Калугу, и при этомъ передалъ ему полученные доносы. Державинъ старался было отклонить отъ себя это щекотливое порученіе, но видя, что государь съ неудовольствіемъ принимаетъ его возраженія, обѣщалъ повиноваться и просилъ только защиты отъ сильныхъ людей, напоминая, что онъ получалъ много порученій отъ Екатерины и Павла, но вельможи безпрестанно обманывали ихъ и правда оставалась въ затменіи. Государь, говоритъ Державинъ, поклялся поступить какъ должно. Ка́къ польщенъ былъ поэтъ этимъ порученіемъ, видно изъ его стиховъ *Бесѣда съ Геніемъ*, написанныхъ по возвращеніи изъ дворца[1]. Положено было, что онъ сперва отправится въ Калугу негласно, подъ видомъ отпуска въ имѣніе графини Брюсъ, состоявшее подъ его опекой, и прежде всего будетъ подъ рукою прислушиваться къ общей молвѣ о губернаторѣ и его подчинен-

[1] II, 389.

ныхъ, а потомъ, если окажется нужнымъ, произведетъ ревизію присутственныхъ мѣстъ. Въ такомъ смыслѣ былъ составленъ Державинымъ проектъ секретнаго указа, подписанный государемъ 25-го декабря 1801 года[1].

Пріѣхавъ въ Калугу, Державинъ съ обыкновенною своей энергіей приступилъ къ дѣлу и, развѣдавъ о поступкахъ Лопухина, пригласилъ его въ губернское правленіе, гдѣ тотчасъ же велѣлъ представить себѣ дѣла́ и чиновниковъ, которые ихъ производили. Здѣсь онъ показалъ себя тѣмъ же строгимъ слѣдователемъ, какимъ нашла его Екатерина въ дѣлѣ о растратѣ суммъ Заемнаго банка. На разставленныхъ въ комнатѣ столахъ обвиняемые должны были, въ его присутствіи, дать письменные отвѣты. Открылось, что Лопухинъ занялъ у фабриканта, подполковника Гончарова, 20,000 руб. и потомъ угрозою ссылки въ Сибирь за мнимое преступленіе принудилъ его возвратить вексель; въ дѣлѣ объ убіеніи помѣщикомъ Хитрово родного брата онъ потворствовалъ преступнику, взявъ у него 5,000 руб., и т. п. Кромѣ большого числа важныхъ дѣлъ этого рода, было еще множество другихъ, по которымъ губернаторъ оказывался виновнымъ въ буйствѣ и неблагопристойныхъ поступкахъ; напримѣръ, онъ въ пьяномъ видѣ разбивалъ по улицамъ окна, или въ губернскомъ правленіи «ѣздилъ верхомъ на раздьяконѣ». Съ донесеніемъ о результатѣ слѣдствія Державинъ отправилъ въ Петербургъ нарочнаго курьера, который и привезъ ему 15-го февраля 1802 года состоявшійся, по его представленію, собственноручный высочайшій указъ отъ 8-го числа: «Гаврила Романовичъ! объявите губернатору Лопухину, чтобы онъ сдалъ должность свою впредь до указу вицъ-губернатору» (Козачковскому). Вмѣстѣ съ этимъ Державинъ удостоился получить отъ государя слѣдующій собственноручный же рескриптъ, доказывающій какимъ неограниченнымъ довѣріемъ онъ въ то время пользовался:

«Гаврила Романовичъ. Получилъ я донесенія ваши, съ нарочнымъ присланныя, и по желанію вашему прилагаю здѣсь объ вступленіи въ начальство губерніею вицъ-губернатору. Прила-

[1] VI, 131.

гаю также здѣсь просьбу помѣщицы Домогацкой, жалующейся на губернатора Лопухина; взойдите въ разсмотрѣніе по сему дѣлу и присовокупите оное къ прочему производству комиссіи вашей. Здѣсь также прилагаю просьбу губернатора на васъ, чего бы мнѣ и не должно было дѣлать, но зная вашу честность и что у васъ личностей нѣту, я увѣренъ, что оное не послужитъ ни къ какой перемѣнѣ въ вашемъ поведеніи съ Лопухинымъ. Увѣренъ также, что умѣренностію вашею вы отнимите способы у него на столь нелѣпыя притязанія на вашъ счетъ. Касательно до Каразина, согласно съ его желаніемъ писалъ я ему, что онъ можетъ остаться въ Москвѣ. Пребываю навсегда съ искреннимъ уваженіемъ вамъ доброжелательный Александръ»[1].

«Февраля 8, 1802 года».

Жалобу Лопухина вмѣстѣ съ письмами къ его покровителямъ привезъ въ Петербургъ отправленный имъ тайно особый курьеръ. На Державина взведены были разныя небылицы, напр. будто онъ завелъ у себя тайную канцелярію и пытками вынуждалъ наговоры на губернатора. Во время слѣдствія случилось крайне неблагопріятное для Державина обстоятельство: Гончаровъ, привезя къ нему формальное прошеніе на губернатора и дожидаясь въ пріемной, внезапно почувствовалъ себя дурно и, вышедъ въ сѣни, былъ пораженъ параличемъ, отъ котораго скоро и умеръ. Лопухинъ не преминулъ воспользоваться этимъ случаемъ для обвиненія Державина въ смерти Гончарова, послѣдовавшей будто бы отъ жестокаго съ нимъ обращенія при допросахъ. Чтобы опровергнуть клевету, Державинъ поручилъ вице-губернатору собрать обвиняемыхъ въ губернское правленіе и въ присутствіи предсѣдателей палатъ спросить ихъ, какъ происходили допросы. Сначала вице-губернаторъ, подъ вліяніемъ внушеній, полученныхъ изъ Петербурга отъ сторонниковъ Лопухина, сдѣлалъ не то: обвиняемые были только подвергнуты новому допросу, и дополнили прежнія свои показанія. Но Дер-

[1] VI, 133.

жавинъ настоялъ на своемъ требованіи, и всѣ показанія послужили къ совершенному опроверженію напраслины. Тогда онъ оставилъ Калугу и на обратномъ пути опять пробылъ нѣколько времени въ Москвѣ. Въ мартѣ 1802 года князь А. И. Вяземскій (отецъ поэта) писалъ оттуда къ гр. Воронцову: «Державинъ пріѣхалъ сюда нѣсколько дней тому назадъ. Я очень друженъ съ однимъ изъ его самыхъ короткихъ пріятелей, которому онъ сказалъ, что ждетъ возвращенія курьера, посланнаго имъ къ государю. Онъ везетъ массу бумагъ, относящихся ко множеству полученныхъ имъ жалобъ» [1].

Возвратясь въ Петербургъ послѣ трехмѣсячнаго отсутствія, Державинъ поспѣшилъ къ императору, но не былъ принятъ и получилъ приказаніе явиться на другой день. Встрѣченный суровыми словами: «на васъ есть жалобы», онъ успокоилъ государя, представивъ ему противорѣчіе между двумя рапортами губернатора, писанными въ одинъ и тотъ же день: именно, въ одномъ изъ нихъ — всеподданнѣйшемъ — сказано было, что вся губернія встревожена жестокими поступками Державина и надо ожидать народныхъ волненій, а въ другомъ—на имя его самого,—что въ губерніи все обстоитъ благополучно. Удостовѣрясь изъ этого въ недобросовѣстности Лопухина, государь приказалъ Державину написать проектъ указа объ отдачѣ виновнаго подъ судъ. Но Державинъ отвѣчалъ, что по поводу сомнѣнія, выраженнаго въ его справедливости, онъ проситъ пересмотра слѣдствія. Государь немедленно назначилъ комитетъ изъ гр. А. Воронцова, В. Зубова, Н. П. Румянцова, Вязмитинова и самого Державина. Этотъ комитетъ, послѣ тщательной повѣрки каждой бумаги съ подлинными показаніями подсудимыхъ, нашелъ какъ всѣ дѣйствія, такъ и заключенія своего сочлена правильными. Важныхъ дѣлъ по всѣмъ обвиненіямъ Лопухина оказалось 34, а признанныхъ неважными 12; къ числу послѣднихъ, по просьбѣ Державина, отнесенъ былъ и ложный о немъ рапортъ губернатора. Въ производствѣ всего слѣдствія не усмотрѣно никакихъ притѣсненій или домогательствъ, а тѣмъ менѣе истязаній подсуди-

[1] *Арх. кн. Воронц.* XIV, 396.

мыхъ. По докладу о томъ Воронцова, какъ старшаго изъ членовъ комитета, состоялся 16 августа указъ, которымъ велѣно Лопухина съ соучастниками въ его преступленіяхъ предать суду [1]. Въ концѣ концовъ однакожъ Лопухинъ вышелъ сухъ изъ воды: въ «Полномъ собраніи Законовъ» мы не нашли ничего, что бы указывало на его осужденіе, а между тѣмъ, въ маѣ 1803 г. (стало быть черезъ годъ послѣ упомянутаго сейчасъ указа) Ростопчинъ писалъ кн. Циціанову по поводу какого-то другого дѣла: «Ты увидишь, что изъ этого дѣла выйдетъ самая слабая переписка, и останется все попрежнему, по примѣру калужской исторіи, коей конца до сихъ поръ нѣтъ. Лопухинъ, бывшій губернаторъ, живетъ очень весело въ Петербургѣ; сообщники же его уголовною палатою осуждены по всей строгости законовъ, и мнѣ кажется, что весьма пріятное и безопасное мѣсто быть атаманомъ разбойниковъ» [2]. Нѣсколько позже, именно въ концѣ 1804 года, мы находимъ въ той же перепискѣ Ростопчина слѣдующее относящееся сюда мѣсто: «Московскій сенатъ нашелъ Лопухина правымъ; и я не знаю, чтó теперь его защитникъ *(т.-е. кн. Лопухинъ)* сдѣлаетъ съ тѣмъ указомъ, при коемъ сей шельма губернаторъ отосланъ былъ къ суду» [3].

Докладъ сената по этому дѣлу въ началѣ 1806 года разсматривался въ Государственномъ совѣтѣ. Въ засѣданіи 6 февраля совѣтъ успѣлъ выслушать только часть дѣла и не постановилъ ничего, но любопытна записанная въ журналъ этого засѣданія оговорка двухъ членовъ: «Министръ юстиціи *(т.-е. кн. Лопухинъ)* и дѣйствительный тайный совѣтникъ Трощинскій отозвались, что они при сужденіи сего дѣла быть не могутъ по причинѣ, что отъ нѣкоторыхъ участвующихъ въ ономъ лицъ изъявлены были на нихъ неудовольствія и подозрѣнія въ покровительствѣ яко бы ими губернатора Лопухина». Въ слѣдующемъ

[1] *П. С. З.* XXVII, 20. 374.

[2] *Девятнадцатый Вѣкъ* II, 12. Около того же времени гр. Ростопчинъ писалъ къ Д. М. Полторацкому: «Я не думаю, чтобъ вы заправду удивлялись послѣдствіямъ слѣдствія Державина«. (Тихонравовъ. *Гр. Растопчинъ и литература въ 1812 году.* Стр. 25).

[3] *Девятнадц. Вѣкъ* II, 78.

затѣмъ засѣданіи прочитано было между-прочимъ слѣдствіе Державина. Въ журналѣ 19-го февраля отмѣчено только, что при подписаніи журнала предыдущаго собранія, министры коммерціи и военный *(Румянцовъ и Вязмитиновъ)* объявили, что такъ какъ ихъ мнѣніе уже извѣстно его величеству, то они ссылаются на изъясненія, въ немъ содержащіяся. Въ засѣданіи 26 февраля совѣтъ слушалъ обстоятельства, касающіяся самыхъ тяжкихъ обвиненій Лопухина, но отложилъ разсмотрѣніе оныхъ до слѣдующаго собранія. Затѣмъ было еще только одно засѣданіе, 14-го мая, но въ журналѣ его назначены легкія наказанія только нѣкоторымъ изъ прикосновенныхъ къ дѣлу лицъ, да братоубійца Хитрово присужденъ къ ссылкѣ въ Нерчинскъ на каторжныя работы, о самомъ же Лопухинѣ упоминается только мимоходомъ и никакого приговора о немъ не постановлено; а въ заключеніи сказано, что «Совѣтъ, по разсмотрѣніи всѣхъ обстоятельствъ, положенія правительствующаго сената находитъ правильными и съ законами согласными» [1]. Лопухинъ не понесъ никакого наказанія.

4. Участіе въ проектѣ преобразованія сената.

Сенатъ давно утратилъ свое первоначальное значеніе. Дмитріевъ, бывшій оберъ-прокуроромъ при Павлѣ, говоритъ, что особенно въ бытность Куракина генералъ-прокуроромъ сенатъ былъ потрясенъ въ своемъ основаніи; вниманіе правительства всего болѣе обращено было на скорость въ производствѣ дѣлъ, для чего, по словамъ Сперанскаго, положено было перемѣнить прежнее правило единогласныхъ рѣшеній и ввести новое, на простомъ большинствѣ голосовъ основанное [2]. Кромѣ того, сенатъ былъ униженъ преобладаніемъ генералъ-прокурорской власти, что̀ Завадовскій называлъ «его порабощеніемъ». Выше было уже упомянуто, какъ поступилъ Беклешовъ съ мнѣніемъ

[1] *Архивъ Государств. Совѣта*, т. IV, ч. I, стр. 58.

[2] Дмитр. *Взглядъ*, стр. 138.—*Архивъ ист. и практ. свѣд.* Калачева, 1859 года, стр. 34.—*Арх. кн. Воронц.* XII, 456.—*Чтенія въ общ. Ист. и Древн.* 1864. кн. 1. Смѣсь, стр. 103.

Державина по дѣлу объ опекѣ Колтовской. Державинъ, лично принеся на то государю жалобу, спросилъ, на какомъ основаніи угодно его величеству оставить сенатъ: «Ежели», прибавилъ онъ, «генералъ-прокуроръ будетъ такъ самовластно поступать, то нечего сенаторамъ дѣлать, и я всеподданнѣйше прошу меня изъ службы уволить». Александръ обѣщалъ вникнуть въ дѣло, и черезъ нѣсколько дней послѣдовалъ указъ (5-го іюня 1801 г.), которымъ сенату повелѣно подать мнѣніе объ опредѣленіи его правъ и обязанностей.

Вскорѣ послѣ этого указа, встрѣченнаго обществомъ съ большимъ сочувствіемъ, возникъ неофиціальный комитетъ, состоявшій, подъ предсѣдательствомъ императора, изъ четырехъ приближенныхъ къ нему лицъ: графа Кочубея, Н. Н. Новосильцова, графовъ Строганова и Чарторыскаго [1]. Изъ протоколовъ этого комитета, веденныхъ Строгановымъ, видно, что уже въ первомъ засѣданіи его, бывшемъ 24-го іюня, государь «выразилъ нетерпѣніе перейти прямо къ административному отдѣлу и началъ говорить о сенатѣ». На первый случай опредѣлено было составить настоящую картину сената и поручить эту работу графу Завадовскому, который въ самомъ началѣ царствованія вызванъ былъ изъ деревни послѣ полуторагодового отсутствія и тотчасъ же посаженъ въ совѣтъ и въ сенатъ [2]. Во все продолженіе второй половины 1801 года вниманіе неофиціальнаго комитета раздѣлялось главнымъ образомъ между предположеніями о преобразованіи сената и крестьянскимъ вопросомъ. Въ засѣданіи 5-го августа уже разсматривался докладъ сената о возстановле-

[1] Существованіе этого комитета, насколько можно судить по его протоколамъ, продолжалось отъ исхода іюня 1801 до конца 1803 года. Изъ членовъ его всѣхъ ближе къ государю былъ Кочубей. Въ концѣ 1801 Завадовскій такъ выражался о степени вліянія этого вельможи, въ письмѣ къ гр. С. Р. Воронцову: «Одинъ (т. е. Трощинскій) есть преградою стремящемуся сдѣлаться всемогущимъ (Кочубею). Сей уже бушуетъ властительно, преклонивъ въ свою сторону помогающія лица. Хлещетъ и тебя, и меня, какъ презираемую имъ шайку. Нельзя не жалѣть, если сломитъ плотину, которая еще сколько-нибудь удерживаетъ абсолютность». (*Арх. кн. Воронц.* XII, 268.)

[2] *Арх. кн. Воронц.* XII, 264—265.

ніи его правъ, основанный преимущественно на мнѣніи Завадовскаго[1].

На этотъ проектъ «Начертанія правъ и обязанностей сената» поручено было всѣмъ сенаторамъ представить свои замѣчанія. Эти замѣчанія, а въ числѣ ихъ и записка Державина, внесены были въ неофиціальный комитетъ. Въ докладѣ о томъ Новосильцовъ, выбравъ изъ отдѣльныхъ мнѣній что̀ было въ нихъ лучшаго, предложилъ слить все это вмѣстѣ, чтобы составить общее законоположеніе. При этомъ Новосильцовъ держался той основной мысли, что, руководствуясь началами Петра Великаго, не слѣдуетъ обращать сенатъ въ законодательное учрежденіе, а достаточно предоставить ему власть судебную. Въ заключеніе онъ находилъ, что государь могъ утвердить докладъ, пополнивъ его изъ мнѣній гр. Воронцова и Державина.

Сущность мнѣнія Державина состояла въ томъ, что онъ считалъ нужнымъ согласить организацію сената съ учрежденіемъ о губерніяхъ, и такъ какъ въ основаніе этого послѣдняго положено было раздѣленіе власти на четыре отрасли: 1) законодательную; 2) судебную; 3) исполнительную и 4) оберегательную (прокурорскую), то онъ полагалъ и въ сенатѣ разграничить эти четыре власти, съ тѣмъ «чтобы лица, которымъ онѣ присвоены будутъ, имѣли свободный доступъ къ монарху по дѣламъ, управленію ихъ ввѣреннымъ»[2]...

«Петръ Великій, по частымъ своимъ отлучкамъ и великимъ занятіямъ, не имѣлъ времени въ точности опредѣлить права сената, а, по тогдашнимъ простымъ нравамъ будучи со всѣми въ свободномъ и личномъ обращеніи, не имѣлъ, можетъ-быть, и нужды раздѣлить эти власти и назначить для каждой особые къ себѣ пути, кромѣ одной власти оберегательной (въ лицѣ генералъ-прокурора). Послѣ Петра эта власть, по праву начальства своего надъ канцеляріею сената, имѣя въ періодъ императрицъ исключительный доступъ къ престолу, вмѣстила въ себѣ всѣ другія власти». На ошибочность этого взгляда, какъ и на другія слабыя

[1] Оно напечатано въ *Чт. Общ. Ист. и др.* 1864 г., кн. I.
[2] VII, 341.

стороны проекта Державина, въ юридической литературѣ уже обращено было вниманіе: во время кабинета и верховнаго тайнаго совѣта никакъ не могла усилиться власть генералъ-прокурора [1]. Изъ предыдущаго мы уже знаемъ, что чрезвычайное расширеніе этой власти началось только при Екатеринѣ II. При обсужденіи проекта Державина не надо, однакожъ, терять изъ виду, что излагаемыя имъ мысли о раздѣленіи властей и пріуроченіи устройства сената къ губернскому управленію первоначально принадлежатъ этой геніальной монархинѣ. Въ черновомъ письмѣ своемъ къ Сперанскому о новомъ преобразованіи сената Державинъ говоритъ: «Императрица видѣла, что организація Петра Великаго, на которой сенатъ былъ основанъ, не соотвѣтствуетъ ея организаціи среднихъ и нижнихъ мѣстъ.... Много разъ изволила говорить о желаніи ея образовать сенатъ согласно ея учрежденію о губерніяхъ; но вѳйны и прочія политическія обстоятельства препятствовали ей приняться за сей важный трудъ. Наконецъ, въ послѣдніе годы своей жизни принялась было, но смерть великія ея намѣренія пресѣкла» [2]. Эти слова Державина вполнѣ подтверждаются свидѣтельствомъ Сперанскаго въ его запискѣ о нашихъ государственныхъ установленіяхъ: «Изъ оставшихся послѣ императрицы Екатерины бумагъ», говоритъ онъ, «видно, что около 1781 года, т. е. пять лѣтъ спустя послѣ введенія учрежденія о губерніяхъ, ея величество помышляла уже о преобразованіи сената. Трудъ сей, занимавшій вниманіе ея много лѣтъ, доведенъ былъ почти до совершенія. Мысль государыни состояла, кратко, въ слѣдующемъ: устроить сенатъ на тѣхъ же главныхъ началахъ и съ тѣмъ же въ родѣ дѣлъ раздѣленіемъ, какъ устроено губернское управленіе: 1-й департаментъ сената долженъ былъ соотвѣтствовать губернскому правленію; 2-й казенной палатѣ; прочіе—палатамъ уголовной и гражданской. Для дѣлъ важнѣйшихъ полагаемо было

[1] *Высшая администрація Россіи XVIII ст. и генералъ-прокуроры*, соч. А. Градовскаго, стр. 270. См. также рѣзкій отзывъ о проектѣ Державина въ статьѣ Ф. М. Дмитріева *Сперанскій*, *Р. Арх.* 1868, стр. 1584.

[2] VI, 221.

устроить въ сенатѣ верховный уголовный и верховный совѣстный судъ»[1].

Потому ли, что императору Александру извѣстенъ былъ источникъ мыслей Державина, или по самому существу своему,— но мнѣніе его болѣе всѣхъ другихъ понравилось государю, и ему приказано было составить на этомъ основаніи проектъ организаціи сената. 5-го августа 1801 г. въ протоколѣ неофиціальнаго комитета между-прочимъ записано: «По прочтеніи донесенія Новосильцова, его величество спросилъ: не лучше ли отложить рѣшеніе этого дѣла, пока Державинъ представитъ обѣщанное имъ объясненіе относительно организаціи сената.—Мы думали иначе», продолжаетъ Строгановъ: «послѣ мнѣнія Державина, представленнаго письменно въ сенатъ имъ самимъ, гдѣ онъ предлагаетъ весьма ошибочно раздѣленіе властей, нельзя ничего ожидать отъ его ложныхъ идей. Новосильцовъ былъ принужденъ распространиться объ истинныхъ началахъ раздѣла властей, которыя Державинъ думалъ соединить въ сенатѣ. Впрочемъ, какъ составленіе указа на основаніи доклада требовало нѣкотораго времени, то предложили императору, чтобы Трощинскій занялся этимъ дѣломъ, а между тѣмъ могла явиться и работа Державина»[2]. Что она дѣйствительно была вскорѣ представлена, видно изъ дальнѣйшихъ протоколовъ комитета. Но до насъ этотъ окончательный проектъ Державина въ полномъ видѣ своемъ не дошелъ: содержаніе его извѣстно намъ частью изъ поданнаго прежде «мнѣнія» Державина, частью изъ его записокъ, въ которыхъ впрочемъ сущность проекта изложена довольно сбивчиво. «Составъ сей организаціи», говоритъ Державинъ, «былъ самый простой»; сенатъ долженъ былъ состоять изъ двухъ частей: правительствующаго и судебнаго сената. Первый въ проектѣ назывался еще имперскимъ правленіемъ. Въ обѣихъ частяхъ предполагалось по 3 отдѣла, именно:

въ I-й части: исполнительный департаментъ, или благочинія (отвѣчалъ бы губ. правленію);

[1] Калачева *Архивъ* и проч. 1859, кн. III, стр. 32.

[2] Богд. *Ист. царствов. имп. Ал. I*, Прилож. I, 46.

далѣе въ той же части: хозяйственный департаментъ или казенное управленіе, финансы (отвѣчалъ бы каз. палатѣ); и призрѣніе, или воспитаніе народное (отвѣчалъ бы приказамъ общественнаго призрѣнія).
во II-й части: гражданскій, уголовный и межевой департаменты.

Каждый изъ департаментовъ долженъ былъ состоять подъ надзоромъ особаго министра: первый—подъ надзоромъ министра внутреннихъ дѣлъ, второй — министра финансовъ; третій — министра просвѣщенія; три остальные—министра юстиціи или генералъ-прокурора. На каждомъ министрѣ лежала бы обязанность пещись объ исправности и усовершенствованіи своей части при содѣйствіи сената, и всѣ власти изъ министерствъ стекались бы къ общему ихъ центру — государю, при посредствѣ генералъ-прокурора. Въ случаѣ разногласія, каждые три департамента составляли бы изъ себя общее собраніе и единогласныя рѣшенія ихъ были бы равносильны.

Этотъ проектъ Державина, возбудившій въ свое время разные толки, сдѣлался извѣстенъ подъ именемъ его конституціи или кортесовъ [1]. На оберткѣ перваго мнѣнія Державина, рукою неизвѣстнаго, въ архивѣ сената написана была слѣдующая замѣтка: «Трое ходили тогда съ конституціями въ карманѣ: Державинъ, кн. Платонъ Зубовъ, съ своимъ изобрѣтеніемъ, и гр. Никита Петровичъ Панинъ [2], съ конституціею англійскою, передѣланной на русскіе нравы и обычаи. Новосильцову стоило большого труда наблюдать за царемъ, чтобы онъ не подписалъ котораго либо изъ проектовъ». Есть извѣстіе, что съ подобнымъ планомъ въ то время носился также адмиралъ Мордвиновъ [3].

Кромѣ Державина, князь Пл. Зубовъ представилъ особый

[1] Не *картоновъ*, какъ напечатано VII, 341, по ошибкѣ, вкравшейся въ доставленную намъ копію. О конституціонномъ характерѣ проекта Державина см. замѣчаніе г. Пыпина въ его книгѣ *Обществ. Движеніе*, стр. 84.

[2] Не по ошибкѣ ли здѣсь названъ Панинъ вмѣсто Палена, о которомъ сохранилось такое же преданіе?

[3] См. сочиненіе проф. Иконникова, стр. 442. Въ самомъ началѣ царствованія были еще проекты Трощинскаго и Новосильцова.

проектъ преобразованія сената, отличавшійся тѣмъ, что въ немъ предполагалось обратить сенатъ въ законодательное собраніе. Государь, сочувствуя идеямъ обоихъ, приказалъ Трощинскому, при составленіи новаго доклада, принять и ихъ въ соображеніе. Но молодые сотрудники Александра представили ему, что они считаютъ нужнымъ отступить отъ этихъ двухъ проектовъ. Однакожъ во время послѣдующихъ разсужденій государь не разъ возвращался къ этимъ проектамъ [1]. Когда зашла рѣчь о способѣ замѣщенія должностей по герольдіи, то императоръ прочелъ проектъ Державина, по мнѣнію, котораго надлежало избирать для этого кандидатовъ изъ лицъ первыхъ четырехъ классовъ и предоставлять въ каждомъ уѣздѣ выборъ дворянамъ первыхъ восьми классовъ, а потомъ уже назначать сенаторовъ изъ общаго списка кандидатовъ. Но это предположеніе было отвергнуто, во-первыхъ, потому что лица первыхъ четырехъ классовъ не могутъ быть достаточно извѣстны избирателямъ, а во-вторыхъ, дворянскіе выборы у насъ всегда много зависятъ отъ губернаторовъ. Замѣтимъ однакожъ, что первоначально самъ государь склонялся въ пользу такого способа избранія сенаторовъ, и что его предлагалъ также Мордвиновъ въ написанномъ имъ мнѣніи [2]. Въ одномъ изъ первыхъ засѣданій комитета Александръ высказалъ мысль, что каждый губернаторъ долженъ бы отъ себя представлять двухъ кандидатовъ для составленія общаго списка лицъ достойныхъ избранія въ сенаторы [3].

Наконецъ, послѣ долгихъ преній въ неофиціальномъ комитетѣ, составленные Новосильцовомъ проекты указовъ о правахъ и обязанностяхъ сената переданы были въ совѣтъ; тамъ нѣкоторыми изъ членовъ были поданы особыя мнѣнія, по соображеніи которыхъ и изданъ указъ 8 сентября 1802 года [4]. На основаніи этого указа сенатъ долженъ былъ составлять верховное

[1] Отсюда видно, что замѣчаніе г. Богдановича: «Государь не одобрилъ составленнаго Державинымъ мнѣнія» (*Ист. Царст. Ал. I*, ч. I, стр. 92) не можетъ быть принято безъ оговорки.

[2] В. С. Иконникова *Графъ Н. С. Мордвиновъ*, стр. 58—59.

[3] Богдановичъ, I, Прилож. стр. 34—40.

[4] *П. С. З.* XXVII, № 20. 405. Ср. *Арх. Госуд. Сов.*, т. III, ч. I, стр. 15—50.

въ имперіи мѣсто, которому подчинялись всѣ другія присутственныя мѣста. Какъ хранитель законовъ, онъ обязанъ пещись о повсемѣстномъ соблюденіи правосудія, для чего и сами министры представляютъ ему свои отчеты (постановленіе, не совсѣмъ нравившееся государю[1]). Еслибъ по общимъ государственнымъ дѣламъ существовалъ указъ, сопряженный съ великими неудобствами въ исполненіи, то сенатъ имѣетъ право представлять о томъ императору. По всѣмъ судебнымъ дѣламъ сенатъ становится послѣднею инстанціею. Генералъ-прокуроръ и прокуроры сохраняютъ прежнія свои права и обязанности, и въ случаѣ несогласія генералъ-прокурора съ общимъ собраніемъ, отъ сената можетъ являться къ государю депутація. Такимъ образомъ въ главныхъ частяхъ утверждено было составленное самимъ сенатомъ начертаніе его правъ и обязанностей. Одинъ изъ современныхъ намъ писателей[2] замѣтилъ, что мнѣніе Державина не вошло въ представленіе сената, но это было естественнымъ послѣдствіемъ того, что первое, какъ видно изъ самаго начала его, составлено послѣ проекта *начертанія*, на который, говоритъ Державинъ, «каждому изъ насъ поручено представить свои замѣчанія». Напротивъ того, сравненіе указа съ предположеніями, высказанными въ мнѣніи Державина, показываетъ, что нѣкоторыя изъ нихъ приняты были въ соображеніе. Такъ онъ предлагалъ, «чтобы приговоры общаго собранія печатались во всеобщее свѣдѣніе, съ одной стороны для того, чтобы пріобрѣсть ими въ государствѣ болѣе довѣренности, а съ другой, чтобы они были средствомъ для пріученія молодыхъ людей къ познанію законовъ и примѣненію ихъ, между тѣмъ какъ теперь гніютъ таковые приговоры въ архивахъ, не принося никакой пользы обществу. Бояться пересудовъ, если дѣла рѣшены справедливо, было бы малодушіемъ или гордостью; надобно только сенату быть сенатомъ. Мечта ужаса отъ просвѣщенія народнаго тотчасъ исчезнетъ». Въ указѣ (пунктъ 22) читаемъ: «публиковать ежемѣсячно о дѣлахъ рѣшенныхъ, означая вкратцѣ, въ чью пользу или какимъ образомъ рѣ-

[1] Богдановичъ I, Приложенія, *Протоколы*, 67, 82.
[2] А. Д. Градовскій. *Высшая администрація*, стр. 267.

шены». Припомнимъ, что Державинъ и въ бытность свою губернаторомъ въ Тамбовѣ, первый ввелъ тамъ обнародованіе правительственныхъ распоряженій путемъ печати.

Далѣе, постановленія (въ пунктахъ 21, 23 и 24 указа) о введеніи открытыхъ настольныхъ реестровъ и краткихъ записокъ изъ дѣлъ, а также о томъ, чтобы самыя дѣла лежали на столахъ до ихъ слушанія,—эти постановленія состоялись также согласно съ положительно выраженными требованіями въ мнѣніи Державина[1]. Свою благодарность за составленный имъ проектъ государь выразилъ пожалованіемъ ему при коронаціи ордена Александра Невскаго.

5. Учрежденіе министерствъ.

Въ одинъ день съ указомъ о сенатѣ, 8-го сентября 1802 года, обнародованъ былъ и манифестъ объ учрежденіи министерствъ[2]. Въ сущности это преобразованіе было естественнымъ послѣдствіемъ тѣхъ перемѣнъ въ государственномъ управленіи, которыя происходили одна за другой отъ начала царствованія Екатерины II. По свидѣтельству Сперанскаго[3], коллегіи уже со времени изданія губернаторскаго наказа (1764) остались почти безъ дѣйствія, по введеніи же новаго губернскаго учрежденія сдѣлались и совсѣмъ излишними: власть ихъ перешла на палаты и губернскія правленія и приведена была, какъ замѣтилъ кн. Кочубей, въ тѣ же почти предѣлы, какъ и власть палатъ. Такимъ образомъ, продолжаетъ онъ же, коллегіи, по безполезности ихъ, мало по малу и почти сами собой погасли. Впрочемъ сама Екатерина очень хорошо понимала упадокъ ихъ значенія и вскорѣ приступила къ постепенному упраздненію коллегій. Императоръ Павелъ хотѣлъ было возстановить ихъ, но, по общей системѣ государственнаго управленія, это было уже невозможно: въ 1797 году явилась только тѣнь ихъ, и чтобы

[1] VII, 346 и 347.
[2] *П. С. З.* XXVII, 20,406.
[3] *Арх.* Калачева 1859. III, 33.

поддержать мнимое ихъ существованіе, найдено было нужнымъ приставить къ каждой коллегіи главнаго директора [1]. Вмѣстѣ съ тѣмъ при Павлѣ назначаются уже и министры; и хотя это дѣлалось не систематически, какъ бы случайно, но единоличный характеръ высшаго управленія уже опредѣлился и необходимо было дать этому получившему перевѣсъ элементу правильныя формы. Въ одномъ изъ собраній неофиціальнаго комитета, Кочубей читалъ свою записку о министерствахъ; въ ней между прочимъ упоминалось, что всѣ преемники Петра чувствовали необходимость реформъ, такъ какъ онъ не успѣлъ надлежащимъ образомъ организовать государственное управленіе; сама Екатерина имѣла уже намѣреніе преобразовать его, и графъ Панинъ представилъ ей планъ, въ который входило устройство нѣсколькихъ министерствъ. То же свидѣтельствовалъ и графъ А. Р. Воронцовъ [2]. Вообще въ неофиціальномъ комитетѣ часто возобновлялся этотъ важный вопросъ. Большое вліяніе на рѣшеніе государя имѣлъ бывшій его наставникъ, Лагарпъ. Впослѣдствіи графъ Кочубей говорилъ, что мысль Александра при этомъ преобразованіи главнымъ образомъ состояла въ томъ, чтобы дать всѣмъ частямъ управленія связь, какой онѣ прежде не имѣли, усилить дѣйствіе правительства и поставить Россію въ нѣкоторое равенство съ другими державами, сообразно съ требованіями современнаго просвѣщенія, при чемъ имѣлись въ виду особенно Австрія и Пруссія [3].

Иначе смотрѣло на эту реформу большинство людей стараго поколѣнія: обширный трактатъ Трощинскаго о превосходствѣ коллегіальнаго порядка дѣлопроизводства извѣстенъ [4]; въ томъ же смыслѣ отзывался объ учрежденіи министерствъ и знаменитый своимъ государственнымъ умомъ гр. Семенъ Ром. Воронцовъ. Уже въ 1803 г. онъ называлъ новое управленіе жалкимъ (cette misérable administration) и совѣтовалъ брату не ѣздить

[1] См. выше, стр. 737.

[2] Богдановичъ. *Ист. Имп. Алекс. I.*, т. I. Прилож. 73 и 84.

[3] *Арх. кн. Воронц.* XI, 450.

[4] *Сборн. Ист. Общ.* III, 23 — 162.

въ комитеты, чтобы не поддерживать своимъ участіемъ и авторитетомъ того, что заслуживаетъ общее порицаніе. При томъ же мнѣніи остался графъ Семенъ Воронцовъ и впослѣдствіи: въ 1814 году, въ письмѣ къ гр. Ростопчину, онъ рѣзко осуждаетъ бывшихъ молодыхъ сотрудниковъ государя за поспѣшность ихъ нововведеній и «опытовъ надъ бѣдной Россіей»: «одинъ только сенатъ и установленіе коллегій, основанныхъ Петромъ Великимъ», говоритъ онъ, «могутъ поправить вредъ, который причинили и всегда будутъ причинять министры, работающіе съ государемъ съ глазу на глазъ и могущіе вводить его въ заблужденіе намѣренно или невольно, по невѣдѣнію или будучи сами обмануты другими» [1]. По тѣмъ же соображеніямъ и Державинъ сдѣлался однимъ изъ самыхъ строгихъ критиковъ того характера, какой приняло преобразованіе, хотя онъ при учрежденіи министерствъ и былъ поставленъ во главу одного изъ нихъ.

Замѣчательно, что въ министры избраны были государемъ почти исключительно старые дѣльцы: гр. А. Р. Воронцовъ (государственный канцлеръ), Вязмитиновъ (м. военныхъ и сухопутныхъ силъ), Мордвиновъ (морскихъ силъ), Васильевъ (финансовъ), Завадовскій (просвѣщенія), гр. Н. П. Румянцовъ (коммерціи) и Державинъ (юстиціи) [2]. Изъ молодыхъ любимцевъ Александра одинъ Кочубей получилъ министерство (внутреннихъ дѣлъ); остальные должны были удовольствоваться званіемъ товарищей министровъ: Строгановъ (при Кочубеѣ), Чарторыскій (при Воронцовѣ), Новосильцовъ (позднѣе при мин. юстиціи). Кромѣ того товарищами министровъ назначены были: Гурьевъ (по финансамъ) и М. Н. Муравьевъ (по народн. просвѣщенію). Въ назначеніи Державина нельзя не видѣть самостоятельнаго проявленія воли государя, вопреки большинству окружавшихъ его лицъ. Противниками Державина были не только молодые сотрудники

[1] *Арх. кн. Воронц.* VIII, 520, и X, 202.

[2] Министръ юстиціи долго еще назывался генералъ-прокуроромъ, и въ самомъ манифестѣ сказано, что онъ остается на прежнемъ основаніи. Вообще надо помнить, что при назначеніи первыхъ министровъ коллегіи еще не были уничтожены и окончательно упразднились только при преобразованіи министерствъ въ 1810 году.

Александра, но и многіе изъ старыхъ «служивцевъ», особенно: графъ Завадовскій, Трощинскій и гр. А. Р. Воронцовъ. Отношенія къ нему молодыхъ сановниковъ видны наприм. изъ того, что когда, въ концѣ 1801 года, послѣ кн. Гагарина открылась вакансія директора банка и государь въ числѣ кандидатовъ назвалъ Державина, то члены неофиціальнаго комитета, отдавая справедливость уму Румянцова и Державина, признали ихъ за людей путающихъ дѣла (des brouillons) и отклонили этотъ выборъ [1].

О своемъ назначеніи въ министры Державинъ разсказываетъ слѣдующее: 8-го сентября 1802 года, вечеромъ, когда у него были гости, пріѣхалъ къ нему статсъ-секретарь Новосильцовъ съ новымъ манифестомъ и, прочитавъ его, предложилъ отъ имени государя принять министерство юстиціи. При этомъ Новосильцовъ сообщилъ, что сперва предполагалось дать ему министерство финансовъ, а Васильева сдѣлать генералъ-прокуроромъ, но такъ какъ послѣдній не пожелалъ принять это званіе, то оно предоставляется Державину; Васильеву же ввѣрены финансы. Державинъ рѣшился принять возлагаемый на него довѣріемъ монарха высокій постъ. Въ манифестѣ говорилось, между-прочимъ, что предѣлы власти каждаго министра будутъ впослѣдствіи опредѣлены особыми инструкціями; что въ случаѣ, если какой-либо министръ встрѣтитъ по своей части неудобство или затрудненіе, онъ можетъ войти о томъ съ докладомъ къ государю, сообщивъ его напередъ прочимъ министрамъ на обсужденіе; для этого учреждается комитетъ министровъ, разсматривающій, кромѣ того, «дѣла обыкновенныя». Министры суть также члены совѣта и присутствуютъ въ сенатѣ, отъ котораго они находятся въ нѣкоторой зависимости: чрезъ сенатъ они представляютъ государю ежегодные письменные отчеты, каждый по своей части; сенатъ разсматриваетъ отчетъ въ присутствіи самого министра, въ случаѣ надобности требуетъ отъ него объясненій, сравниваетъ его показанія съ рапортами, прямо отъ мѣстъ сенату доставленными, и наконецъ подноситъ отчетъ государю вмѣстѣ съ мнѣніемъ своимъ объ управленіи и состояніи

[1] Богдан. I, Прилож., 56.

дѣлъ каждаго министерства. Уже 10-го сентября было собраніе комитета министровъ у графа Воронцова, какъ старшаго изъ нихъ; оно, по словамъ Державина, было, такъ-сказать, для пробы, какимъ образомъ комитету заниматься производствомъ дѣлъ въ личномъ присутствіи государя.

Затѣмъ Державинъ, въ своихъ запискахъ, представляетъ въ весьма непривлекательномъ свѣтѣ ходъ новоучрежденнаго управленія, жалуясь особенно на затруднительность отношеній между комитетомъ министровъ и сенатомъ и на произволъ, съ которымъ министры начали, съ утвержденія государя, располагать милліонами, «тащить казну всякій по своему желанію», «заключать контракты сверхъ власти, имъ данной, на превосходныя суммы безъ уваженія сената»; «стали дѣлать, что̀ кому захотѣлось» и «потянули всѣ дѣла ко вреду государства, а не къ пользѣ».

Конечно, читая записки Державина, мы не должны забывать что такъ говоритъ, лѣтъ черезъ девять послѣ невольнаго оставленія своего поста, эксминистръ, недовольный правительствомъ и отзывающійся не безъ ожесточенія о своихъ бывшихъ противникахъ. Но, устраняя нѣкоторыя лжеобвиненія и преувеличенія его, мы, на основаніи многихъ другихъ свидѣтельствъ, должны согласиться, что хотя краски его картины безъ сомнѣнія слишкомъ густы, однакожъ въ основаніи ея много правды. Кромѣ произвола въ дѣйствіяхъ министровъ, легко представить себѣ неизбѣжную путаницу въ производствѣ дѣлъ, при переходѣ отъ стараго порядка къ новому, до переустройства прежнихъ коллегій въ департаменты и канцеляріи, сообразно съ новымъ распредѣленіемъ вѣдомствъ. Главную причину неправильности министерскихъ распоряженій Державинъ видѣлъ въ отсутствіи инструкцій, обѣщанныхъ въ манифестѣ.

6. НАЧАЛО УПРАВЛЕНІЯ МИНИСТЕРСТВОМЪ ЮСТИЦІИ.

Мы не имѣемъ повода сомнѣваться въ справедливости разсказа Державина, что уже въ первомъ собраніи комитета министровъ, бывшемъ у Воронцова, онъ настойчиво высказалъ мнѣніе о необходимости инструкцій. При лаконической краткости, съ какою въ пер-

вое время составлялись журналы комитета, нельзя удивляться, что въ протоколѣ этого засѣданія ничего не упомянуто о заявленіи Державина, который и въ запискахъ своихъ замѣчаетъ, что дѣла тамъ «докладывались безъ справокъ и соображеній». Одинъ изъ современныхъ намъ критиковъ посмѣивается надъ его любовью къ инструкціямъ (припомнимъ его требованіе отъ императора Павла); но въ сущности эта особенность его вовсе не заслуживаетъ порицанія и свидѣтельствуетъ напротивъ о похвальномъ стремленіи къ законности. Въ самомъ манифестѣ объ учрежденіи министерствъ обѣщаны были инструкціи, и изъ журналовъ неофиціальнаго комитета видно, что въ немъ неоднократно разсуждали объ этомъ вопросѣ[1]: самъ государь признавалъ важность, но вмѣстѣ и трудность рѣшенія его. Графъ Строгановъ замѣтилъ, что слѣдовало бы опредѣлить предметъ инструкцій; императоръ отвѣчалъ, что въ нихъ надлежитъ выяснить механизмъ занятій и обязанности каждаго министра. Сотрудники Александра полагали, что эта работа не потребуетъ много времени, но самъ онъ былъ другого мнѣнія. Въ проектѣ министерствъ, читанномъ Новосильцовымъ, было положительно выражено, что каждый изъ министровъ долженъ будетъ руководиться инструкціей, которая въ точности опредѣлитъ его права и обязанности. Воронцовъ считалъ нужнымъ снабдить каждаго министра двумя инструкціями, изъ которыхъ одна, съ изложеніемъ всей системы преобразованія, была бы секретною. Сходно съ Державинымъ смотрѣлъ на необходимость инструкцій Трощинскій: въ одной изъ главъ упомянутаго нами труда его онъ, разсуждая о намѣреніяхъ государя при учрежденіи министерствъ, одну изъ цѣлей видитъ въ томъ, чтобъ отвратить злоупотребленіе власти, а въ числѣ средствъ къ тому ставитъ: возложеніе на сенатъ верховнаго наблюденія за всѣми министрами и опредѣленіе точныхъ предѣловъ власти ихъ *особенными инструкціями.* Другую важную цѣль преобразованія Трощинскій полагалъ въ томъ, «чтобы удержать отъ отмѣны старыхъ и введенія новыхъ уза-

[1] Богд. I. Прилож. 78, 82, 87.

коненій, исключая чрезвычайныхъ случаевъ», и въ заключеніе говорилъ: «Всякому очевидно, что еслибы предположенныя въ манифестѣ *инструкціи* послѣдовали немедленно за учрежденіемъ самихъ министровъ и составлены были *на основаніи главныхъ правилъ и въ духѣ обоихъ высочайшихъ манифестовъ*, то благотворная воля его императорскаго величества была бы исполнена непремѣнно» [1].

Впрочемъ государь, уступая настояніямъ Державина, приступилъ было къ исполненію этой мысли и приказалъ каждому министру представить свои соображенія, какимъ образомъ могутъ быть составлены предполагаемыя инструкціи и что̀ онѣ должны содержать. Но почти всѣ прочіе министры смотрѣли на этотъ вопросъ очень легко, и это было первымъ поводомъ къ несогласію между ними и Державинымъ. Каковъ былъ дѣйствительно образъ мыслей первыхъ министровъ въ этомъ отношеніи, видно напр. изъ записки, представленной, въ слѣдствіе помянутаго высочайшаго повелѣнія, Кочубеемъ 27-го марта 1803 года. Достаточнымъ ручательствомъ, что министры не будутъ злоупотреблять своею властью, служитъ, по мнѣнію его, то что въ этотъ санъ обыкновенно избираются люди, облеченные полною довѣренностью своего монарха, люди государственные, которые должны имѣть одну только страсть — благо общественное, и чтить выше всего судъ публики; «а потому опасеніе деспотизма министерскаго, о коемъ иногда я слышалъ, не что иное есть какъ химера, тѣмъ менѣе доказательствъ требующая, что правила, манифестомъ 8-го сентября начертанныя, поставляютъ всѣхъ министровъ въ обязанность другъ съ другомъ по дѣламъ своей части сноситься и все доводить до высочайшаго свѣдѣнія». Затѣмъ Кочубей особенную важность полагаетъ въ предоставленіи сенату обязанности наблюденія надъ министрами, и видитъ въ этомъ «сугубую безпечность» (т. е. гарантію) противъ «мнимаго самовластія министровъ». Поэтому главною задачею общей для нихъ инструкціи онъ считаетъ разграниченіе обязанностей сената и обязанностей министерства; изложивъ свои

[1] *Сб. Ист. Общ.* III, 35.

соображенія объ этомъ предметѣ, онъ въ заключеніе переходитъ къ разсмотрѣнію отношеній и дѣятельности собственно министерства внутреннихъ дѣлъ [1]. Что касается инструкціи для министра юстиціи, то Державинъ заявилъ, что такъ какъ по манифесту 8-го сентября онъ остается на прежнемъ основаніи генералъ-прокуроромъ, то онъ имѣетъ уже инструкцію и можетъ ограничиться ордерами прокурорамъ, которые и были разосланы въ октябрѣ мѣсяцѣ того же года.

Примѣромъ того, что Державинъ въ собраніяхъ комитета министровъ не молчалъ насчетъ недоразумѣній, встрѣчавшихся въ исполненіи манифеста о министерствахъ и указа о сенатѣ, можетъ служить то, что уже въ засѣданіи 16-го сентября онъ, въ присутствіи императора, читалъ «свои замѣчанія» по этому предмету. Между-прочимъ онъ представилъ, «что какъ 1-й департаментъ сената состоитъ весь почти изъ министровъ, то и письменные отчеты по окончаніи года, по силѣ манифеста министрами представляемые чрезъ сенатъ, будутъ подлежать собственному ихъ же разсмотрѣнію: комитетъ единогласно положилъ, что какъ по силѣ манифеста отчеты долженствуютъ поступать чрезъ правительствующій сенатъ, то сіе означаетъ общее собраніе сената, а не 1-й департаментъ, и потому сужденіе производимо будетъ цѣлымъ сенатомъ» [2].

По словамъ самого Державина, онъ сначала тѣмъ вооружилъ противъ себя прочихъ министровъ, что по званію генералъ-прокурора настаивалъ на правильной со стороны ихъ отчетности и требовалъ, чтобы они уже за первый годъ представили свои отчеты. Основываясь на слухахъ и сплетняхъ, которые въ слѣдствіе того ходили въ обществѣ, княгиня Дашкова говоритъ, что онъ хотѣлъ играть роль Катона и своими настояніями и выходками разссорился со всѣми сенаторами и министрами [3]. Онъ самъ сознается, что смѣло противорѣча и возражая даже на своихъ докладахъ, «сталъ приходить часъ отъ часу у императора въ остуду, а у министровъ во вражду».

[1] *Арх. кн. Воронц.* XI, 450—464.

[2] Журналы комитета министровъ.

[3] *Арх. кн. Воронц.* XII, 353.

При этомъ Державинъ, по обыкновенію своему, обнаруживалъ изумительную дѣятельность. До насъ дошелъ листокъ [1], на которомъ слѣдующимъ образомъ распредѣлены на каждый день занятія и выѣзды его, какъ министра юстиціи:

«Воскр. Поутру въ 10 часовъ во дворецъ къ императору съ меморіями и докладомъ сената.

Понед. Поутру въ 11 часовъ во дворецъ въ совѣтъ.

Вторн. Поутру въ 9 часовъ во дворецъ къ императору съ разными докладами, а послѣ обѣда въ 6 часовъ въ комитетъ министерства.

Среда. Поутру въ 7 часовъ до 10-ти говорить съ гг. оберъ-прокурорами и объясняться по важнѣйшимъ меморіямъ, а съ 10-ти часовъ ѣздить въ сенатъ по разнымъ департаментамъ по случаю какихъ-либо надобностей.

Четв. Поутру въ 8 часовъ и до 12-ти дома принимать, выслушивать просителей и дѣлать имъ отзывы.

Пятн. Поутру съ 7-ми до 10-ти часовъ другой разъ въ недѣлю заниматься съ оберъ-прокурорами объясненіемъ по меморіямъ, а съ 10-ти часовъ ѣздить въ сенатъ въ общее собраніе и въ тотъ же день послѣ обѣда въ 6 часовъ во дворецъ въ комитетъ министерства.

Субота. Поутру отъ 8-ми до 12-ти часовъ принимать, выслушивать и отзывы дѣлать просителямъ.

«Затѣмъ, послѣ обѣда въ воскресенье, понедѣльникъ, среду, четвергъ и суботу съ 6-ти до 10-го часа вечера заниматься съ гг. секретарями прочтеніемъ почты, выслушаніемъ и подписаніемъ заготовленныхъ ими бумагъ для взнесенія въ комитетъ и иногда въ сенатъ, а также и прочитываніемъ откуда-либо полученныхъ постороннихъ бумагъ, кромѣ почты.

«Наконецъ, каждый день поутру съ 5-ти до 7-ми часовъ заниматься домашними и опекунскими дѣлами и ввечеру съ 10-ти до 11 часовъ бесѣдою пріятелей, и въ сей послѣдній часъ запирать вороты и никого уже не принимать, развѣ по экстренной

[1] Изъ бумагъ Анастасевича, доставленныхъ покойнымъ А. Б. Ивановскимъ; листокъ помѣченъ 9-мъ декабря 1802 года.

какой нуждѣ или по присылкѣ отъ императора, для чего въ какое бы то ни было время камердинеръ долженъ меня разбудить».

Замѣтимъ, что въ бытность министромъ Державинъ нѣсколько позднѣе переѣхалъ въ казенный домъ, нѣкогда принадлежавшій кн. Вяземскому, на Малой Садовой, гдѣ и нынѣ живетъ министръ юстиціи.

Уже вскорѣ послѣ вступленія въ эту должность Державинъ ввелъ два новыя распорядка, которые до сихъ поръ остаются памятниками его кратковременнаго управленія министерствомъ. 21-го октября 1802 года государь утвердилъ доклады его: 1) объ учрежденіи оберъ-прокурорской консультаціи, и 2) о составленіи записокъ изъ дѣлъ и о сокращеніи канцелярскаго дѣлопроизводства.

Примѣняясь къ учрежденію о губерніяхъ, въ которомъ сказано: «прокуроръ съ помощниками своими говоритъ едиными устами», Державинъ призналъ полезнымъ, чтобы министръ юстиціи, при затрудненіяхъ въ окончаніи важныхъ дѣлъ, вступалъ въ совѣщанія съ оберъ-прокурорами, и когда въ дѣлѣ, перенесенномъ за разногласіемъ въ общее собраніе, произойдутъ разныя мнѣнія, то эти послѣднія, вмѣстѣ съ представленіями оберъ-прокурора, предлагаются министромъ на совѣтъ всѣхъ оберъ-прокуроровъ для составленія общаго заключенія, на основаніи котораго министръ уже и соглашаетъ разныя мнѣнія общаго собранія (*П. С. З.* XXVII, 20. 477).

Любопытны отзывы нѣкоторыхъ современниковъ Державина объ этомъ нововведеніи. Извѣстный своимъ благороднымъ характеромъ Ив. Вл. Лопухинъ замѣтилъ, что оно дѣлаетъ ему честь [1]. Напротивъ, Воронцовъ и Кочубей осуждали державинскую консультацію, видя въ ней родъ новой инстанціи. «Пускай», говорилъ Кочубей во французскомъ письмѣ къ гр. А. Р. Воронцову, «генералъ-прокуроръ желаетъ совѣтоваться съ юрисконсультами, и жаль, что онъ слишкомъ мало съ ними совѣтовался. Но ежеминутно выставлять консультацію и ссылаться на нее, это похоже на уловку. Генералъ-прокуроръ самъ за себя несетъ отвѣтствен-

[1] *Записки И. В. Лопухина.* Лондонъ 1860, стр. 165.

ность, какъ и всѣ мы. У насъ нѣтъ консультаціи и ради чего же онъ будетъ вѣшать бѣдныхъ юрисконсультовъ за глупости, которыя самъ дѣлаетъ?»[1]

Время оправдало однакожъ мѣру Державина, хотя вскорѣ и измѣнился нѣсколько ея характеръ. Сдѣлавшись правильно организованнымъ учрежденіемъ, консультація стала составляться изъ опредѣленнаго числа членовъ, обязанныхъ вести журналъ своихъ засѣданій и излагать письменно свое заключеніе, а отдѣльныя мнѣнія представлять особо. Преемникъ Державина князь П. В. Лопухинъ не всегда уже присутствовалъ на консультаціи, такъ что она изъ совѣщанія министра съ лицами, ее составляющими, обратилась въ совѣщаніе этихъ лицъ между собою[2]. И. И. Дмитріевъ, занимавшій постъ министра отъ 1810 по 1814 годъ, говоритъ объ этомъ учрежденіи: «При моихъ предмѣстникахъ засѣданіе консультаціи, состоящей изъ оберъ-прокуроровъ и трехъ юрисконсультовъ, всегда (?) происходило въ министерскомъ домѣ, подъ предсѣдательствомъ самого министра; но я предоставилъ ей слушать заключеніе очередного юрисконсульта и судить о предложенномъ дѣлѣ въ моемъ отсутствіи, дабы не стѣснять свободы каждаго въ изложеніи своего мнѣнія и не давать ему ни малѣйшаго направленія. Послѣ консультаціи составлялся журналъ, и за подписаніемъ всѣхъ присутствующихъ представляемъ былъ на мое разсмотрѣніе. Я утверждалъ общее или частное мнѣніе, или соглашалъ сенаторовъ на основаніи собственнаго моего заключенія» (*Взглядъ*, 188). Мы сочли нужнымъ привести эти строки, чтобы сопоставить ихъ съ обвиненіемъ въ лѣности и нерадѣніи объ истинѣ, которое Державинъ взводитъ на своихъ преемниковъ: по его замѣчанію, кн. Лопухинъ и особенно Дмитріевъ, рѣдко присутствуя на консультаціяхъ, подали поводъ къ такому накопленію дѣлъ, что министръ долженъ былъ довѣряться своей канцеляріи, а она не уважала оберъ-прокурорскихъ и консультантскихъ мнѣній; консультаціи послужили къ обидѣ сенаторовъ

[1] *Арх. кн. Воронц.* XIV, 179.

[2] *Замѣтка* М. А. Дмитріева въ *Москов. Вѣдом.* 1860, № 69.

и т. п.[1] Хотя и нельзя отрицать справедливости этихъ замѣчаній, но строгость Державина въ его отзывахъ о старинномъ его пріятелѣ Дмитріевѣ можетъ показаться странною. Мы уже прежде объяснили ее тѣмъ, что онъ писалъ свои записки во время министерства послѣдняго, вскорѣ послѣ бывшаго между ними недоразумѣнія. Дмитріевъ, съ своей стороны, писавшій свои воспоминанія спустя много лѣтъ по смерти нашего поэта, говоритъ о немъ совсѣмъ въ другомъ духѣ. Замѣчателенъ между-прочимъ, какъ прекрасное доказательство незлопамятности Дмитріева, отзывъ его о бывшихъ между нимъ и Державинымъ ссорахъ, относящихся впрочемъ еще къ тѣмъ годамъ, когда оба они были сенаторами. «Я имѣлъ неудовольствіе», пишетъ Дмитріевъ, «два раза быть хотя и въ легкой, но для меня чувствительной размолвкѣ съ тѣмъ, котораго любилъ и уважалъ отъ всего сердца, съ Г. Р. Державинымъ. Благородная душа его конечно была чужда корысти и эгоизма; но пылкость ума увлекала его иногда къ рѣшеніямъ, требовавшимъ, для большей осторожности, другихъ мѣръ, нѣкоторыхъ изъятій или дополненій. Та же пылкость его оскорблялась противорѣчіемъ,—однакожъ не на долгое время: чистая совѣсть его скоро брала верхъ, и онъ соглашался съ замѣчаніемъ прокурора»[2].

Изъ описанія дѣятельности Державина по управленію Тамбовской губерніей намъ извѣстно, что онъ уже и тогда заботился о сокращеніи дѣлопроизводства. Мы видѣли также, что въ указѣ о правахъ и обязанностяхъ сената, по мысли Гаврилы Романовича предписано было держать открыто настольные реестры дѣламъ, ежемѣсячно публиковать въ газетахъ объ очереди дѣлъ и составлять краткія по дѣламъ записки. Теперь, занявъ постъ министра, онъ пошелъ еще далѣе: онъ представилъ государю докладъ о сокращеніи дѣлопроизводства сообщеніемъ краткихъ записокъ тяжущимся для прочтенія и рукоприкладства; записки эти, скрѣпленныя дѣлопроизводителями и самими тяжущимися, должны были, за недѣлю или за двѣ до представленія дѣла къ слушанію, раздаваться въ департаментахъ сенаторамъ, а въ общемъ собраніи на каждый де-

[1] VI, 825. Ср. въ настоящемъ томѣ стр. 606.

[2] *Взглядъ на мою жизнь*, стр. 145.

партаментъ экземпляра по три; такимъ образомъ сенаторы имѣли возможность прочитывать ихъ на досугѣ дома и, сообразясь съ дѣломъ, на столѣ, въ присутствіи находящемся, заранѣе изготовлять письменно краткія резолюціи. «Таковое сокращеніе производства и основательность рѣшеній», сказано было въ концѣ доклада, «приближатъ конечно къ той священнѣйшей цѣли, чтобы сенатъ, какъ верховное судилище, былъ примѣромъ всему государству праваго суда, дѣятельности и скораго удовлетворенія тяжущимся»[1]. Докладъ этотъ былъ утвержденъ и въ слѣдствіе введеннаго такимъ образомъ новаго порядка, Державинъ, какъ самъ онъ разсказываетъ, имѣлъ удовольствіе видѣть, что иногда въ одно засѣданіе общаго собранія рѣшаемо было не менѣе четырехъ дѣлъ.

Сенаторъ И. В. Лопухинъ, хотя и находилъ, что со времени введенія Державинымъ краткихъ записокъ разсмотрѣніе дѣлъ стало поверхностнѣе и мнѣнія, заранѣе составленныя, сдѣлались менѣе основательными; однакожъ онъ признавалъ «учрежденіе этихъ записокъ весьма полезнымъ, лишь бы всегда сохранялась прямая цѣль его», и соглашался «что, оно, какъ и учрежденіе консультаціи, дѣлаетъ честь предпріимчивому, къ общему благу усердному министру и большому генію-поэту, который представлялъ о сихъ учрежденіяхъ»[2].

7. Борьба противъ мнѣнія гр. Потоцкаго.

Вскорѣ случилось обстоятельство, которое окончательно испортило отношенія Державина не только къ другимъ министрамъ, но и къ самому государю. Въ грамотѣ о вольности дворянства и въ жалованной грамотѣ 1785 года было правило, по которому дворяне, поступившіе нижними чинами въ военную службу и не выслужившіе офицерскаго чина, не могли выходить въ отставку до истеченія 12-ти лѣтъ дѣйствительной службы (исключеніе допускалось только для одержимыхъ болѣзнями). Но съ теченіемъ времени это постановленіе было забыто: унтеръ-офицеры

[1] VII, 389. *П. С. З.* XXVII, 20. 478.
[2] *Записки И. В. Лопухина*, стр. 165.

изъ дворянъ, особливо изъ Поляковъ, всячески уклонялись отъ службы и, едва поступивъ въ полкъ, уже просились въ отставку. Поэтому военный министръ счелъ нужнымъ возстановить старый законъ: докладъ его, въ который между прочимъ вошла и эта статья, былъ высочайше утвержденъ 5 декабря 1802 года; состоявшійся затѣмъ указъ прошелъ въ общемъ собраніи сената безъ всякаго замѣчанія и отосланъ въ Военную коллегію для исполненія (*П. С. З.* XXVII, 20. 542).

Вдругъ, черезъ нѣсколько времени, одинъ изъ сенаторовъ, гр. Северинъ Потоцкій, — полякъ, по словамъ Завадовскаго, еще не обрусѣвшій (членъ правленія училищъ, впослѣдствіи попечитель Харьковскаго округа, а еще позднѣе членъ Государственнаго совѣта),—нашелъ, что этимъ постановленіемъ унижено русское дворянство, и, чтобы спасти честь его, вздумалъ воспользоваться недавно дарованнымъ сенату правомъ входить къ государю съ представленіемъ въ случаяхъ, когда какой-либо указъ окажется сопряженнымъ «съ великими неудобствами въ исполненіи».

Составленная Потоцкимъ обширная записка прочитана была въ общемъ собраніи сената 16-го января 1803 года. Послѣ общей критики всего доклада Военной коллегіи, авторъ останавливается на главномъ пунктѣ и утверждаетъ, что изъ самой редакціи его, изъ слова *нынѣ*, употребленнаго въ грамотѣ о вольности дворянства, видно, что это правило было первоначально установлено только на время бывшей тогда войны. Затѣмъ развиваются неудобства, какія произведетъ 12-ти лѣтнее принужденное служеніе. «Выгодное, напр., супружество съ особою, не могущею рѣшиться сопутствовать мужу въ мѣста службы воинской, его жилище, равно и другія обстоятельства невольно могутъ заставить благонамѣреннаго дворянина желать отставки. Одно опасеніе таковыхъ препонъ и врожденное отвращеніе отъ принужденія не произведутъ ли дѣйствій, совсѣмъ противныхъ тѣмъ, какія, кажется, имѣла въ виду коллегія? Вмѣсто ограниченнаго числа людей, которые удержаны будутъ на нѣсколько лѣтъ въ службѣ насильно (печальное прибѣжище полководцу), сколько тысячъ другихъ и вступить въ оную побоятся! Не прискорбно ли будетъ столь извѣстную россійскаго юношества ревность къ

воинской службѣ видѣть погасающую, ревность, которая разительнѣе нежели когда-либо окажется въ нынѣшнее благословенное царствованіе многочисленностію дворянъ, ежедневно ищущихъ опредѣляться? Не жестоко ли столь чувствительнымъ образомъ опечалить дворянство цѣлой имперіи поврежденіемъ силы драгоцѣннѣйшаго для него постановленія, которое Петръ III называетъ «непоколебимымъ утвержденіемъ самодержавнаго всероссійскаго престола», которое безсмертная Екатерина столько уважила, распространила,—постановленія, напослѣдокъ, которое обожаемый Александръ торжественно наименовалъ и удостовѣрилъ «кореннымъ и непрелагаемымъ закономъ»? Въ заключеніе гр. Потоцкій обращается къ своимъ сотоварищамъ сенаторамъ съ увѣщаніемъ не бояться злобы сильныхъ и не колебаться, «когда священный гласъ должности взываетъ». Онъ напоминаетъ, что докладъ военнаго министра коснулся почти единственнаго кореннаго закона, которымъ Россія справедливо можетъ гордиться. «Не обязаны ли мы говорить, когда общее мнѣніе, кажется, насъ уже предварило? Не должны ли мы слѣдовать духу царствованія сего, вѣроятно единственнаго въ вѣкахъ, чтобы намъ, движимымъ благоволеніемъ монарха-благотворителя, возвратить верховному сословію имперіи, хранилищу законовъ, первобытную его силу, достоинство и славу? Ежели нерадѣніемъ нашимъ упустить такое время, то не понесемъ ли праведной укоризны позднѣйшаго потомства? Въ слѣдствіе сего, мнѣніе мое—чтобы прав. сенатъ, на основаніи указа сентября 8-го дня 1802 года, вошелъ къ его величеству со всеподданнѣйшимъ докладомъ: не благоугодно ли будетъ повелѣть министрамъ разсмотрѣть вновь столь важное узаконеніе?»

Въ день общаго собранія (пятницу) оберъ-секретарь представилъ генералъ-прокурору мнѣніе Потоцкаго, самъ не рѣшаясь его принять какъ по содержанію его, такъ и потому, что дѣло это въ общемъ собраніи уже кончено. Державинъ, приведенный такимъ мнѣніемъ въ негодованіе, счелъ нужнымъ испросить высочайшую волю, вносить ли его въ сенатъ. При докладѣ, ему показалось, что государю оно было уже извѣстно и написано съ его позволенія. Императоръ отвѣчалъ рѣзко: «Чтоже? мнѣ не запретить мыслить, кто какъ хочетъ... Пусть его подастъ, сенатъ пусть

разсуждаетъ». Державинъ заговорилъ о вредѣ такихъ мнѣній, особенно когда они подаются несвоевременно. Государь отвѣчалъ: «Сенатъ это и разсудитъ, а я не мѣшаюсь». При слушаніи записки, въ сенатѣ произошло смятеніе: большинство присоединилось къ Потоцкому и положило войти къ государю съ представленіемъ о пересмотрѣ доклада Вязмитинова министрами. Засѣданіе это возбудило много толковъ. Ростопчинъ писалъ Ціанову, что «въ сенатѣ явная война, что почти всѣ сенаторы въ оппозиціи, какъ-то: Трощинскій, Васильевъ и, о чудо! Строгановъ. Они входятъ отъ сената съ докладомъ къ государю, дабы положеніе сіе отмѣнено было, а притомъ и съ жалобою на Державина, оскорбившаго сенатъ языкомъ своимъ»[1].

Министръ юстиціи долженъ былъ написать согласительное мнѣніе, но занемогъ, такъ что прошло довольно много времени, пока могло состояться новое по этому дѣлу засѣданіе. Между тѣмъ къ нему заѣхалъ, по порученію государя, Валеріанъ Зубовъ и потребовалъ его записку для предварительнаго представленія его величеству. Она оказалась написанною въ такихъ сильныхъ выраженіяхъ, что государь призналъ нужнымъ зачеркнуть нѣкоторыя строки; при возвращеніи ея, Державину была объявлена высочайшая воля, чтобы предложеніе сенату дано было скорѣе, для прекращенія ложныхъ слуховъ.

Въ этомъ предложеніи обращалось особенное вниманіе на то, что въ докладѣ военнаго министра новаго ничего нѣтъ, и никакихъ неудобствъ въ исполненіи указа быть не можетъ, такъ какъ, при соблюденіи тѣхъ же правилъ въ теченіе сорока лѣтъ, въ нижнихъ чинахъ изъ дворянъ недостатка не было, да и сами тѣ нижніе чины никакого неудовольствія не изъявляли и отъ службы не уклонялись. Затѣмъ Державинъ старался доказать, что цѣлью дворянской грамоты было дать льготы только дворянамъ, пріобрѣтшимъ на то право службой и образованіемъ. «Порода», говорилъ онъ, «есть только путь къ преимуществамъ; запечатлѣвается же благородное происхожденіе воспитаніемъ и заслугою». Далѣе, онъ опровергаетъ ложное толкованіе слова

[1] *Девятн. Вѣкъ.* II, 4.

нынѣ въ дворянской грамотѣ, и наконецъ спрашиваетъ: «Почему и чѣмъ дворянство опечалено? Подтвержденіемъ того, что̀ оно нѣсколько лѣтъ столь ревностно исполняло? Почему удаляться оно будетъ отъ службы при напоминовеніи столь давно извѣстныхъ ему обязанностей, когда, принимаясь нынѣ прямо унтеръ-офицерами, весьма противъ прежняго облегчено? Словомъ, таковымъ неправильнымъ о дворянствѣ заключеніемъ не можетъ оно не оскорбиться. Сколько примѣровъ въ прошедшихъ царствованіяхъ видимо было, что дворяне съ лона роскоши, изъ среды великолѣпія двора, изъ страстнѣйшихъ объятій любви, при единомъ звукѣ оружія, летѣли на поприще славы! Никогда имъ въ мысль не входило ни выгодное супружество, ни разстройка ихъ состоянія, но они изъ единой ревности своей всѣмъ жертвовали общему благу, пользамъ любезнаго своего отечества, и, презирая самую жизнь свою, стяжали вѣнцы славныхъ побѣдъ... Развѣ, нынѣшними иноплеменными развратами и несоотвѣтственными нашимъ законамъ внушеніями бывъ развлечены, дворяне охладѣютъ въ своей преданности къ отечеству и престолу? Но нѣтъ, я сему повѣрить не могу! Кому учителемъ былъ Петръ Великій, преходившій самъ всѣ нижнія степени службы и всѣ трудности оной переносившій и показавшій примѣры терпѣнія, мужества и повиновенія; то тѣ ли воины, тѣ ли россійскіе дворяне, которымъ воля монарха есть собственная ихъ воля, обольстятся гласомъ мечтательной, буйной вольности, бывшей единственною причиною погибели многихъ царствъ? Нѣтъ, я сего не думаю, и смѣю поручиться за благородное дворянство»[1].

За болѣзнію Державина, внесеніе этого предложенія поручено было оберъ-прокурору князю А. Н. Голицыну. «По неопытности своей», жалуется Державинъ, молодой оберъ-прокуроръ далъ прежде разсужденій высказаться Трощинскому, въ слѣдствіе чего большинство осталось на сторонѣ Потоцкаго, къ которому не примкнули только Шепелевъ, Ананьевскій и Гурьевъ. Всѣ министры, хотя прежде представленіе Вязмитинова было ими одобрено, молчали «изъ политическихъ видовъ»:

[1] VII, 395.

мнѣніе Потоцкаго было имъ по душѣ, потому что, какъ думаетъ Державинъ, согласовалось съ ихъ стремленіемъ усилить сенатъ на счетъ верховной власти. Когда Гаврила Романовичъ, выздоровѣвъ, въ слѣдующую пятницу присутствовалъ въ сенатѣ при подписаніи журнала, то произошли опять шумныя пренія и пререканія. По закону, мнѣніе сената и вмѣстѣ съ нимъ согласительное предложеніе генералъ-прокурора надлежало поднести государю безъ приговора, но многіе сенаторы настаивали, чтобъ въ журналѣ записано было и заключеніе, о чемъ съ крикомъ даже приказывали оберъ-секретарю. Засѣданіе приняло такой бурный характеръ, что генералъ-прокуроръ, выйдя изъ себя, рѣшился пустить въ ходъ петровскій молотокъ, чѣмъ, разумѣется, онъ навлекъ на себя новыя нареканія; однакожъ, отважная мѣра достигла цѣли: мгновенно все смолкло, сенаторы заняли чинно мѣста свои и законъ не былъ нарушенъ. Но поведеніе Державина въ этомъ дѣлѣ сильно вооружило противъ него заинтересованныхъ лицъ. Въ маѣ 1803 года Семенъ Ром. Воронцовъ писалъ брату: «Не сомнѣваюсь, что вы болѣе никогда не поѣдете въ сенатъ послѣ того обращенія, какое съ нимъ позволилъ себѣ Державинъ»[1].

Какъ смотрѣлъ государь на ходъ этого дѣла? По разсказу Державина, онъ сперва былъ сильно встревоженъ оборотомъ, какой оно приняло, и обѣщалъ генералъ-прокурору свою поддержку противъ несогласныхъ съ нимъ сенаторовъ; но потомъ окружавшія Александра лица, особенно поляки и польки, мало по малу измѣнили его образъ мыслей. Когда дѣло поступило на высочайшее разрѣшеніе, то государь долго держалъ его у себя, не упоминая о немъ ни слова даже на докладахъ министра юстиціи. Наконецъ, на Ѳоминой недѣлѣ, позволено было, чтобы, на основаніи даннаго сенату новаго права, отъ него явилась къ императору депутація. Ее составляли, со стороны большинства, гр. А. С. Строгановъ и Трощинскій, единственнымъ же представителемъ противнаго мнѣнія былъ сопровождавшій ихъ генералъ-прокуроръ. Послѣ прочтенія Трощинскимъ какъ записки Потоцкаго, такъ и заявленныхъ въ сенатѣ мнѣній, государь отпустилъ

[1] *Арх. кн. Воронц.* X, 203.

депутацію, сказавъ, что дастъ указъ, который и дѣйствительно послѣдовалъ 21-го марта 1803 года[1]. Въ немъ особенно важно поясненіе, что дарованное сенату право входить съ представленіями противъ того или другого указа не касается вновь издаваемыхъ или подтверждаемыхъ верховною властью законовъ, и потому сенатъ не имѣлъ основанія къ своему представленію. Затѣмъ замѣчено, что въ силу манифеста о министерствахъ сенатъ можетъ во всякое время представлять о такихъ распоряженіяхъ министровъ, которыя онъ найдетъ несогласными съ настоящимъ положеніемъ дѣлъ. Но военная коллегія, въ докладѣ своемъ о срокѣ службы дворянъ въ нижнихъ чинахъ, руководствовалась правилами, которыя дѣйствовали уже сорокъ лѣтъ и не были уничтожены никакимъ новымъ узаконеніемъ. При этомъ, среди громкихъ фразъ о достоинствѣ сената, довольно ясно выражено, что онъ вмѣшался не въ свое дѣло, коснувшись вопроса, относящагося собственно къ военной службѣ, — «частнаго распоряженія, единственно до арміи принадлежащаго». Итакъ мнѣніе Потоцкаго оставлено безъ послѣдствій, и въ сущности утверждено предложеніе Державина, который однакожъ весьма темно говоритъ о томъ въ своихъ запискахъ.

Дѣло это произвело много шуму не только въ Петербургѣ, но въ и провинціи. Въ Москвѣ, по словамъ самого Державина, мнѣніе Потоцкаго было принято дворянствомъ съ такимъ восторгомъ, что въ многолюдныхъ собраніяхъ клали списки съ него на голову и пили за здоровье автора, провозглашая его покровителемъ и защитникомъ русскаго дворянства. Державинъ и Вязмитиновъ, напротивъ, были преданы публичному поруганію: какой-то озлобленный врагъ выставилъ на перекресткахъ загаженные бюсты ихъ. Если это правда, то подозрѣніе въ томъ естественно падаетъ на кого-нибудь изъ соотечественниковъ Потоцкаго. Доказательствомъ, какъ сильно слухи объ этомъ дѣлѣ занимали умы, можетъ служить ода неизвѣстнаго лица въ честь графа Потоцкаго, написанная, по одному указанію, въ Орлѣ и цѣликомъ напечатанная въ VII томѣ нашего

[1] *П. С. З.* XXVII, 20. 676.

изданія. Въ ней также Потоцкій представляется героемъ правды, подобнымъ Долгорукому, и защитникомъ дворянства, который обезсмертилъ себя своимъ подвигомъ. Въ противникахъ же его стихотворецъ видитъ льстецовъ изъ среды приказнаго рода («крапивное, вредное сѣмя»), который онъ противополагаетъ дворянству:

«А вы, что́ противъ насъ возстали,
Приказный родъ, въ корню гнилой?
Не вы Россію защищали,
Не ваша кровь текла рѣкой:
Не ваше мужество и сила
Низвергли стѣны Измаила,
Стамбулъ надменный потрясли;
Не вы прямые Россіяне;
Но, жизнью жертвуя, дворяне
Россіи славу вознесли.
«Тебѣ ль, изъ праха извлеченну,
Тебѣ ль, писецъ, чернильный вранъ,
Забывъ породу униженну,
Судить о жребіи дворянъ, —
Дворянъ, отечеству подпоры!
Страшись теперь возвесть къ намъ взоры!
Падешь съ наружной высоты,
Презрѣньемъ общимъ наградишься,
Съ толпою подлою смѣсишься
И будешь червь ползущій ты!»

Повидимому, автору оды вовсе было неизвѣстно, какое участіе въ дѣлѣ принималъ Державинъ; иначе онъ едва ли бы привелъ въ слѣдующей строфѣ два стиха изъ оды *Вельможа* съ похвалою самому поэту. Обращаясь опять къ Потоцкому, онъ говоритъ:

«Нельзя, нельзя не восхищаться,
Что дѣломъ ты умѣлъ явить:
Змѣей предъ трономъ не сгибаться,
Стоять — и правду говорить.

Слова великія, священны,
Безсмертнымъ бардомъ изреченны,
Твоимъ водили днесь перомъ,
И ты, стремяся быть полезнымъ,
Какъ братъ дворянамъ всѣмъ любезный,
Дышалъ и правдой и добромъ»[1].

Какъ смотрѣлъ самъ Державинъ на поступокъ гр. Потоцкаго, вполнѣ высказано имъ въ его запискахъ: онъ называетъ его врагомъ отечества, а мысли его революціонными, и полагаетъ, что въ его мнѣніи выразилось польское стремленіе разстроить нашу военную силу. Любопытенъ съ другой стороны взглядъ одного изъ остальныхъ министровъ, именно Завадовскаго, на обоихъ противниковъ. Вотъ что онъ писалъ, кажется, въ мартѣ 1803 года, гр. С. Р. Воронцову: «Въ сенатѣ, который считаютъ поднятымъ, въ первый разъ послѣ дерзкаго поступка князя Долгорукаго въ царство Петра Великаго, произошло великогласное преніе. Указъ состоялся, чтобы дворянъ изъ унтеръ-офицерскихъ чиновъ военной службы не отставлять, не выслужившихъ 12-ти лѣтъ. Сенаторъ, г. Потоцкій, еще не обрусѣвшій, подалъ въ сенатъ свой голосъ, что сей указъ противенъ привилегіи дворянской, по которой дворянинъ воленъ служить, сколько хочетъ. Большинство сената согласилось на голосъ его, чтобы войтить съ представленіемъ государю объ отмѣнѣ такого указа, основываясь на правѣ то чинить, изображенномъ въ изданныхъ преимуществахъ сената. Генералъ-прокуроръ по сему дѣлу внесъ свое нелѣпое предложеніе, въ которомъ столько ругаетъ, какъ и пугаетъ сенатъ за дерзновеніе, якобы онъ выходитъ изъ границъ повиновенія указамъ[2]. Таковая бумага и вящше побудила сенатъ изложить предъ государемъ и свое право, и чувствуемую обиду. По сумасбродству министра,

[1] VII, 400.

[2] Ничего подобнаго нѣтъ въ запискѣ Державина, написанной въ весьма умѣренномъ тонѣ: вѣроятно Завадовскій при чтеніи ея въ сенатѣ не присутствовалъ и зналъ о ней только по слухамъ.

которое природно ему, дѣло сіе столько коверкано противъ коренныхъ обрядовъ сенатскихъ, что трудно предузнать, чѣмъ оно рѣшится»[1]. За тѣмъ слѣдуетъ уже извѣстный намъ отчасти (см. выше стр. 674) отзывъ Завадовскаго о Державинѣ; вотъ и опущенное тамъ начало его: «Вовсе голова министра не по мѣсту: школа Аполлона требуетъ воображенія, вѣсы Фемисы держатся здравымъ разсудкомъ».

Въ здравомъ умѣ у Державина не было недостатка, но бѣда была въ томъ, что онъ въ критическія минуты легко уступалъ страстнымъ порывамъ своего пылкаго нрава. Никогда еще эти увлеченія не были такъ сильны, какъ теперь, когда ему на каждомъ шагу приходилось сталкиваться съ новымъ духомъ, охватившимъ высшія правительственныя сферы и крайне ему не сочувственнымъ. Plus royaliste que le roi, онъ считалъ своею обязанностью охранять неприкосновенность неограниченной власти противъ самого императора и досаждалъ ему своими противорѣчіями. Хотя въ рѣшеніи дѣла Потоцкаго Александръ и поступилъ согласно съ желаніемъ Державина, однакожъ явно охладѣлъ къ нему. Дѣло это окончательно разссорило Державина и со всѣми министрами и сенаторами, къ какому бы лагерю ни принадлежали они. Чувства гнѣва и негодованія, волновавшія душу поэта среди тогдашнихъ обстоятельствъ, рѣзко отпечатлѣлись въ его запискахъ, хотя и писанныхъ почти черезъ десять лѣтъ послѣ того. Вообще не отличаясь объективностью, онѣ особенно за это время заслуживаютъ упрека въ пристрастіи. Пробывъ очень недолго на достигнутой имъ высотѣ, онъ сохранилъ на остальные годы жизни враждебное отношеніе къ эпохѣ Александра, и оттого-то чтеніе послѣдней части записокъ его производитъ тяжелое впечатлѣніе. Обо всѣхъ дѣятеляхъ этой эпохи онъ отзывается неблагопріятно: съ одной стороны онъ изливаетъ свою желчь на нововводителей, Кочубея и Сперанскаго; съ другой — не щадитъ сторонника прежнихъ порядковъ, Трощинскаго, бранитъ молодого Новосильцова

[1] Судя по этому выраженію, письмо Завадовскаго (*Арх. кн. Воронц.* XII, 272) невѣрно отнесено къ 11-му апрѣля, ибо указъ, рѣшившій дѣло, подписанъ былъ уже 21-го марта.

и почтенныхъ лѣтами Воронцова и Строганова, наконецъ расточаетъ обвиненія всѣмъ сенаторамъ и министрамъ.

Несмотря, однакожъ, на всѣ эти крайности и увлеченія, нельзя не согласиться, что онъ въ основаніи вѣрно судилъ о многомъ, понималъ сущность многихъ вопросовъ, зналъ потребности Россіи и ясно видѣлъ начинавшіеся происки польско-еврейской интриги. Если онъ вдавался въ излишества, то нельзя отъ этого упрека освободить и его противниковъ; нельзя не отдать ему справедливости, что по крайней мѣрѣ онъ всегда дѣйствовалъ честно и открыто, безъ ухищреній и козней; дорого приходилось ему платить за свою откровенность и прямоту, и онъ, по человѣческой слабости, не умѣлъ равнодушно сносить устремленныхъ на него ударовъ.

Не надо впрочемъ забывать, что записки Державина не суть сочиненіе обдуманное и сколько-нибудь отдѣланное: это не болѣе какъ бѣглый разсказъ, поспѣшно и небрежно набросанный подъ впечатлѣніемъ минуты и къ которому авторъ никогда болѣе не возвращался. Мы не можемъ тѣмъ не менѣе оставить безъ порицанія, что въ воспоминаніяхъ, назначенныхъ для потомства, онъ не умѣлъ быть сдержаннѣе и по личнымъ своимъ отношеніямъ позволилъ себѣ взводить самыя тяжкія обвиненія на людей, имѣвшихъ свои несомнѣнныя достоинства и заслуги. Для неприкосновенности славы Державина было бы желательно, чтобы онъ послѣ первой редакціи своихъ записокъ успѣлъ тщательно пересмотрѣть ихъ и очистить отъ пристрастныхъ нареканій на своихъ современниковъ.

8. Другія столкновенія по управленію министерствомъ.

Неудовольствіе государя Державинъ навлекалъ на себя не только упорствомъ въ проведеніи своихъ мыслей, несогласныхъ съ господствовавшими взглядами, но и многими крайне неловкими поступками. Таково было, въ началѣ его министерства, вмѣшательство въ непріятности, происшедшія между министромъ финансовъ Васильевымъ и его племянникомъ, государственнымъ казначеемъ Голубцовымъ. Послѣдній обратился къ генералъ-прокурору съ

жалобой на разстройство казны подъ управленіемъ дяди, и вмѣстѣ съ тѣмъ просилъ исходатайствовать чинъ одному казначею. Державинъ, вопреки всякому благоразумію, согласился доложить о томъ государю и объявилъ указъ о производствѣ казначея. Это, разумѣется, сильно раздражило Васильева какъ противъ Державина, такъ и противъ Голубцова, который, въ оправданіе свое, сложилъ всю вину на перваго. Васильевъ жаловался государю. Когда же, въ слѣдствіе новаго объясненія генералъ-прокурора, Голубцову повелѣно было присутствовать въ комитетѣ министровъ, и между нимъ и министромъ финансовъ водворилось полное согласіе, то Державину представилось, что вся эта исторія была интригою, умышленно затѣянною противъ него, чтобы ослабить довѣріе къ нему государя.

Ему вообще казалось, что съ самаго начала всѣ министры старались очернить его разными навѣтами и что особенно подкапывался подъ него графъ Кочубей, такъ какъ, по своему отношенію къ судебнымъ мѣстамъ, министръ внутреннихъ дѣлъ безпрестанно сталкивался съ генералъ-прокуроромъ[1]. Были и другіе поводы къ препреканіямъ между этими двумя сановниками. Такъ, Кочубей предложилъ дозволить іезуитамъ чрезъ миссіонеровъ обращать въ католическую вѣру некрещеныхъ инородцевъ въ Астраханской, Оренбургской и сибирскихъ губерніяхъ. Державинъ возразилъ, что это значило бы простирать вѣротерпимость слишкомъ далеко и было бы несогласно съ достоинствомъ господствующей церкви, а кромѣ того могло бы со временемъ сдѣлаться источникомъ религіозныхъ смутъ и междоусобій, какія нѣкогда бывали на Западѣ. Поэтому онъ полагалъ, что полезнѣе было бы отправить въ названныя губерніи русскихъ миссіонеровъ для распространенія православія и введенія тамъ хлѣбопашества и русскаго гражданскаго быта, чтó конечно способствовало бы къ усиленію государства. Къ министру юстиціи присоединился графъ Н. П. Румянцовъ, и предложеніе Кочубея не было принято.

[1] «Кочубей съ Державинымъ въ явной ссорѣ», писалъ Ростопчинъ къ Цыціанову 25 марта 1803 г. (*Девятнадц. Вѣкъ*, II, 7).

По словамъ Державина, Сперанскій водилъ Кочубея за носъ и дѣлалъ изъ него все, что хотѣлъ. По порученію своего министра, онъ составилъ проектъ образованія министерства внутреннихъ дѣлъ. Въ іюлѣ 1803 г. этотъ проектъ читался въ засѣданіяхъ комитета министровъ у государя на Каменномъ острову. Чтобы ближе ознакомиться съ нимъ, министры пожелали прочесть его у себя на дому. Пока онъ былъ у генералъ-прокурора, Кочубею понадобилось просмотрѣть проектъ. Державинъ, посылая его при письмѣ, не удержался, чтобъ снова не заговорить о необходимости инструкцій. Недѣли черезъ двѣ частное письмо это было читано въ комитетѣ министровъ, въ присутствіи Александра. Его величество замѣтилъ Державину, что онъ не имѣетъ права торопить составленіемъ инструкцій, когда сами министры въ полгода не собрались подать свои мнѣнія о томъ, что̀ по части каждаго нужно изложить. При этомъ однакожъ государь повторилъ, что намѣренъ дать инструкціи.

Другою любимою мыслію Державина во время его министерства было доставить силу закона выработанному имъ въ 1801 г. проекту правилъ третейскаго суда; однакожъ этотъ проектъ не былъ утвержденъ государемъ. Списки его Державинъ разсылалъ на просмотръ многимъ лицамъ, въ Москву, въ Малороссію, въ Бѣлоруссію, въ Остзейскія губерніи; кромѣ того, сообщалъ его и въ Петербургѣ законовѣдамъ. Въ числѣ этихъ лицъ были: Капнистъ, А. М. Лунинъ, В. С. Поповъ,—и Державинъ воспользовался полученными отъ нѣкоторыхъ изъ нихъ замѣчаніями. Самъ онъ былъ чрезвычайно высокаго мнѣнія объ этомъ трудѣ, «основательнѣе и осторожнѣе котораго не могло быть, ибо никто не могъ» (писалъ онъ къ Гасвицкому) «имѣть такихъ способовъ, сколько по практикѣ моей во многихъ третейскихъ судахъ, столько и по посту, который я занималъ»[1]. Въ другой разъ онъ говорилъ Капнисту: «Богъ знаетъ, какое лучшее усердіе можно было показать отечеству въ посту моемъ, чтобы отправлялося скорое и безпристрастное правосудіе, какъ не симъ способомъ;

[1] VI, 151 и 161. Редакцію третейскаго суда приписывалъ себѣ Тимковскій (*Москвит.* 1852, № 20, стр. 161).

но, видно, Богу не угодно было излѣчить насъ отъ ябеды». Оба письма, откуда мы заимствовали эти строки, писаны Державинымъ уже въ отставкѣ, въ 1804 г.; но проектъ устава третейскаго суда занималъ его еще и до назначенія его въ министры. Тогда же, прося Капниста сообщить свое мнѣніе объ этомъ трудѣ, онъ упоминалъ загадочно о какомъ-то другомъ планѣ: «Я и по сію пору не могу не досадовать на тебя за трусливый твой совѣтъ, коимъ меня отвратилъ ты отъ исполненія извѣстнаго плана, при началѣ нынѣшняго царствованія мною сдѣланнаго, которымъ можно было отвратить всѣ вздоры, и теперь продолжающіеся, и водворить тишину. Онъ даже одобренъ былъ нынѣ, когда я его переписалъ, тѣмъ, для котораго былъ дѣланъ. Но что дѣлать? Пролитое полно́ не живетъ»[1].

Не успѣвъ достигнуть утвержденія своего проекта, Державинъ всетаки надѣялся, что въ частныхъ случаяхъ, по желанію тяжущихся или по условію, между ними заключенному записью, правила его могутъ быть принимаемы въ руководство. Это ясно выражено имъ въ письмѣ къ Гасвицкому[2]. Его проектъ третейскаго суда дошелъ до насъ. Основною его мыслію было соединить третейскіе суды съ совѣстными. Главный недостатокъ его проекта, по мнѣнію одного уважаемаго юриста, заключается въ слишкомъ сложныхъ, на практикѣ не совсѣмъ удобныхъ формахъ, тогда какъ этотъ родъ суда преимущественно предъ всякимъ другимъ долженъ отличаться простотою и предоставлять тяжущимся большую свободу. Третейскій судъ, какъ обычай, составляетъ въ Россіи очень древнее явленіе: есть много записей съ подробнымъ указаніемъ условій третейскаго суда; но Державинъ стремился сдѣлать изъ него судъ обязательный, а посредниковъ обратить въ судей отъ правительства. Во всякомъ случаѣ проектъ его замѣчателенъ какъ выраженіе мыслей дѣлового человѣка по вопросу, заслуживающему вниманія законодателей. «На этотъ проектъ можно смотрѣть, какъ на образецъ сокращеннаго порядка судопроизводства, при которомъ

[1] VI, 138.
[2] VI, 151.

Державинъ, еще въ 1801 году, полагалъ допускать въ судъ постороннія лица, печатать приговоры суда, даже дозволить постороннимъ лицамъ печатать, слѣдовательно и публиковать, свои замѣчанія на рѣшенія суда» [1].

Не соглашаясь во многихъ случаяхъ со взглядами и распоряженіями господствовавшей правительственной партіи, Державинъ съ особенною настойчивостью противился любимой мысли императора приготовить мало по малу отмѣну крѣпостного состоянія. Первоначальный ходъ дѣла, возникшаго по прошенію графа С. П. Румянцова, изложенъ въ запискахъ Державина не совсѣмъ точно. Румянцовъ сначала испрашивалъ, чтобы помѣщикамъ даровано было право заключать съ крестьянами условія и укрѣплять имъ въ собственность участки земли, каждому особенно или цѣлымъ обществамъ: изъ уволенныхъ такимъ образомъ крестьянъ должно было образоваться новое въ государствѣ сословіе. Румянцовъ надѣялся, что многіе помѣщики найдутъ существенную пользу въ томъ, чтобы крестьянъ, вмѣсто продажи ихъ, отпускать цѣлыми селеніями на волю. При этомъ онъ представилъ и предположенія свои о подробностяхъ исполненія новаго закона. Совѣтъ, одобривъ общую мысль проекта, какъ согласную и съ прежними узаконеніями, сдѣлалъ нѣсколько возраженій противъ общаго приведенія ея въ дѣйствіе. Любопытно особенно первое изъ этихъ замѣчаній: «Мнѣніе объ освобожденіи крестьянъ», разсуждалъ совѣтъ, «разными обстоятельствами столь усилилось въ умахъ, что малѣйшій поводъ и прикосновеніе къ сему предмету можетъ произвесть опасныя заблужденія. Примѣры ослушаній доказываютъ ясно, сколь много народъ расположенъ къ новостямъ сего рода и сколь легко предается онъ всѣмъ слухамъ о перемѣнѣ его состоянія. При таковомъ расположеніи умовъ изданіе общаго закона объ освобожденіи крестьянъ по условіямъ можетъ произвесть превратные толки, и вмѣсто того, чтобъ видѣть въ немъ установленіе, на прежнихъ законахъ и на взаимной пользѣ осно-

[1] Слова записки, составленной при II-мъ Отдѣленіи Собственной Его Величества канцеляріи. См. VII, 249, гдѣ напечатанъ и весь державинскій проектъ устава третейскаго суда.

ванное, многіе помѣщики, пораженные слухами, усмотрятъ въ немъ первое потрясеніе ихъ собственности, а крестьяне возмечтаютъ о неограниченной свободѣ». Державинъ съ своей стороны разсказываетъ: «Всѣ гг. члены совѣта, хотя находили сей проектъ неполезнымъ, перешептывали между собою о томъ, но согласно всѣ одобрили, какъ и указъ, заготовленный о томъ, апробовали». Затѣмъ изложеніе особаго его мнѣнія должно быть слѣдующимъ образомъ исправлено по журналу Государственнаго совѣта: «Генералъ-прокуроръ къ сему присоединилъ, что хотя по древнимъ законамъ права владѣльцевъ на рабство крестьянъ нѣтъ, но политическіе виды, укрѣпивъ крестьянъ землѣ, тѣмъ самымъ ввели рабство въ обычай. Обычай сей, утвержденный временемъ, содѣлался столько священнымъ, что прикоснуться къ нему безъ вредныхъ послѣдствій великая потребна осторожность»[1].

Результатомъ бывшихъ въ совѣтѣ, отчасти въ присутствіи самого Румянцова, разсужденій было изданіе извѣстнаго указа о свободныхъ хлѣбопашцахъ[2]. Встревоженный тѣмъ, Державинъ поѣхалъ во дворецъ для откровеннаго объясненія съ государемъ. Доводы, представленные имъ противъ освобожденія крестьянъ, были почти тѣ же самые, какіе и мы слышали отъ многихъ нашихъ современниковъ въ приснопамятную эпоху окончательной отмѣны крѣпостного состоянія. Для удовлетворенія жалобъ на частные случаи притѣсненій со стороны помѣщиковъ онъ совѣтовалъ созвать, не вдругъ изо всей имперіи, а по частямъ, изъ нѣсколькихъ губерній разомъ, предводителей дворянства, съ тѣмъ чтобы они опредѣлили размѣръ податей и повинностей, какія могутъ быть заочно требуемы землевладѣльцами въ разныхъ мѣстностяхъ, а также и взысканія, которыя должны быть налагаемы за проступки и неисполненіе обязанностей. Государь повидимому уступилъ этимъ убѣжденіямъ и приказалъ пересмотрѣть въ совѣтѣ указъ о вольныхъ хлѣбопашцахъ. Но на другой день къ Державину пріѣзжаетъ Новосильцовъ и объявляетъ высочайшее повелѣніе немедленно препроводить указъ въ сенатъ къ ис-

[1] *Арх. Госуд. Совѣта*, III, ч. 1, стр. 784.
[2] *П. С. З.* XXVII, 20.620 (указъ 20 февраля 1803 г.).

полненію. Однакожъ Державинъ не успокоился и задумалъ устроить, чтобы сенатъ, пользуясь дарованнымъ ему правомъ, вошелъ къ государю съ представленіемъ о неудобоисполнимости помянутаго указа. Онъ и уговорилъ было престарѣлаго сенатора Колокольцова сдѣлать въ этомъ смыслѣ предложеніе; но передъ общимъ собраніемъ сената Колокольцовъ сказался больнымъ. Государь, узнавъ обо всемъ чрезъ оберъ-прокурора князя А. Н. Голицына, обѣдавшаго у него каждый день, призвалъ Державина и сказалъ ему: «Какъ это вы, Гаврила Романовичъ, идете въ сенатѣ противъ моихъ указовъ и критикуете ихъ, тогда какъ ваша обязанность ихъ поддерживать и настаивать на непремѣнномъ ихъ исполненіи?» Между тѣмъ указъ изъ общаго собранія переданъ былъ въ первый департаментъ для исполненія. Государь повелѣлъ, за разногласіемъ въ департаментѣ, указа этого въ общее собраніе не обращать, а исполнить его непосредственно.

Взглядъ Державина на крестьянскій вопросъ отразился и въ одномъ изъ тогдашнихъ его стихотвореній, именно въ пьесѣ *Голубка*, заимствованной имъ изъ Анакреона, но получившей у него согласный съ этимъ взглядомъ тенденціозный оттѣнокъ[1].

Мы не находимъ нужнымъ, въ извиненіе такого образа мыслей, приводить сходныя съ нимъ мнѣнія многихъ изъ лучшихъ людей того времени: это отчасти уже сдѣлано нами при запискахъ Державина (VI, 816). Притомъ въ послѣднія два десятилѣтія уже не разъ было писано о томъ: считаемъ достаточнымъ сослаться на обзоръ подобныхъ мнѣній въ сочиненіи проф. Иконникова *Графъ Н. С. Мордвиновъ*, поправляющемъ между-прочимъ ошибку тѣхъ, которые безъ оговорки ставятъ этого государственнаго мужа на ряду съ защитниками крѣпостного права. Впрочемъ, хотя графъ Мордвиновъ въ принципѣ и признавалъ необходимость освобожденія крестьянъ, но и онъ находилъ эту мѣру преждевременною, считалъ ее зависящею отъ нѣкоторыхъ предварительныхъ условій политической свободы и улучшенія хозяйственнаго быта, и потому стоялъ за постепенность[2].

[1] II, 391.
[2] *Графъ Н. С. Мордвиновъ*, стр. 209.

Обзоръ г. Иконникова можетъ быть дополненъ еще мнѣніями замѣчательнаго по своему человѣколюбію И. В. Лопухина и княгини Дашковой: оба лица высказались по этому предмету въ своихъ запискахъ. Лопухинъ, горячо желая уничтоженія рабства и стыдясь даже произносить слово *холопъ*, говоритъ однако также, что «въ Россіи ослабленіе связей подчиненности крестьянъ помѣщикамъ опаснѣе самаго нашествія непріятельскаго» и что «ничего не можетъ быть пагубнѣе для внутренней твердости и общаго спокойствія Россіи, какъ разслабленіе тѣхъ связей». При разсмотрѣніи въ сенатѣ крестьянскихъ просьбъ «о вольности отъ помѣщиковъ» Лопухинъ часто спорилъ противъ тѣхъ, которые, по его словамъ, «вдругъ приняли за правило всячески натягивать въ пользу таковыхъ ищущихъ, и это не по сердечному расположенію и не по законной справедливости, а для того, что угождать думаютъ тѣмъ государю». «Для сохраненія общаго благоустройства», говоритъ онъ же, «нѣтъ надежнѣе полиціи, какъ управленіе помѣщиковъ»[1]. Почти тѣ же мысли выражаетъ и княгиня Дашкова, передавая свой разговоръ съ Дидро о рабствѣ въ Россіи. Въ защиту крѣпостного состоянія она употребляла между прочимъ такой силлогизмъ: «Отъ богатства и счастья нашихъ крестьянъ исключительно зависитъ наше собственное благосостояніе, увеличеніе нашихъ доходовъ, а такъ какъ это аксіома, то надо быть безумнымъ, чтобы дѣйствовать къ обѣдненію источника нашихъ личныхъ интересовъ. Дворянство — посредствующая власть между казеннымъ управленіемъ и крѣпостными людьми: итакъ наша выгода требуетъ охранять послѣднихъ отъ хищничества губернаторовъ и мелкихъ чиновниковъ» и т. д.[2].

На основаніи подобныхъ соображеній и Державинъ былъ однимъ изъ самыхъ крайнихъ консерваторовъ въ крестьянскомъ вопросѣ. При обвиненіи его, потомство должно конечно принимать во вниманіе смягчающія обстоятельства, но нельзя не скорбѣть, что пѣвецъ Фелицы, такъ хорошо оцѣнившій человѣколюбивыя стремленія Екатерины, ея кроткіе законы и учрежде-

[1] *Записки И. В. Лопухина*, стр. 171, 194—198.

[2] Memoirs of the princess of Daschkaw I, 164.

нія, не умѣлъ стать выше понятій своего времени, и вмѣсто того, чтобы всѣми средствами своего характера и положенія поддерживать одинъ изъ самыхъ великодушныхъ плановъ Александра, настойчиво противодѣйствовалъ его намѣренію «освободить народъ отъ рабства» и называлъ эту мысль предразсудкомъ.

9. Участіе въ еврейскомъ комитетѣ.

Мы видѣли, что Державинъ во время своей командировки въ Бѣлоруссію составилъ свое знаменитое «Мнѣніе о Евреяхъ». Сущность этой обширной записки состояла въ томъ, что для прекращенія вреднаго вліянія, производимаго мелкими промыслами и оборотами еврейскаго населенія на весь экономическій бытъ Западнаго края, необходимо разселить обывателей этого племени. Императоръ Павелъ повелѣлъ передать записку Державина на обсужденіе сената. Вскорѣ по учрежденіи министерствъ, указомъ 9-го ноября 1802 года назначенъ былъ для разсмотрѣнія еврейскаго вопроса особый комитетъ изъ слѣдующихъ членовъ: Валеріана Зубова, Державина, Кочубея, Чарторыскаго и Потоцкаго. Уже по противоположнымъ элементамъ этого состава можно было предвидѣть, что дѣло ничѣмъ не кончится: Державинъ былъ назначенъ какъ человѣкъ, давшій рѣшительный толчокъ всему вопросу, Кочубей какъ министръ внутреннихъ дѣлъ, а затѣмъ остальные три члена были связаны между собой одинаковымъ отношеніемъ къ дѣлу, — двое какъ люди польской національности, а третій какъ владѣлецъ обширныхъ помѣстьевъ въ польскомъ краѣ, раздѣлявшій сочувствія Чарторыскаго и Потоцкаго, чему вскорѣ и далъ онъ ясное доказательство, женившись на полькѣ. «Назначеніе особаго *еврейскаго комитета* (говоритъ одинъ русскій писатель, изучившій на мѣстахъ еврейскій и польскій вопросы [1]) грозною вѣстью пробѣжало по всему еврейскому населенію Западной Россіи. Тьма покрывала еврейскія дѣла; но Евреи знали проницательность Державина по его бѣлорусской поѣздкѣ 1800 года. Обстоятельство, что еврей-

[1] Покойный В. Ф. Рачъ въ неизданной III-й части книги: *Свѣдѣнія о польскомъ мятежѣ 1863 года въ Сѣверо-Западной Россіи.*

скій комитетъ учрежденъ въ слѣдствіе записки Державина и что самъ авторъ ея назначенъ въ его составъ, показалось особенно опаснымъ. Въ еврейскомъ мірѣ начались экстраординарныя собранія, начались складки денегъ»...

Между тѣмъ въ комитетъ повелѣно было пригласить еврейскихъ депутатовъ отъ всѣхъ губернскихъ кагаловъ (общинъ); такія лица, большею частью купцы 1-й гильдіи, и были присланы изъ губерній: Могилевской, Минской, Подольской и Кіевской. Кромѣ того, членамъ комитета дано право изъ извѣстныхъ имъ просвѣщенныхъ и благонамѣренныхъ Евреевъ избрать нѣсколько человѣкъ для объясненій въ комитетѣ. Почти всю зиму продолжались явки и представленія съѣзжавшихся лицъ. Разумѣется, все что они видѣли и слышали, тщательно сообщалось въ мѣста ихъ жительства, гдѣ и образовалось немедленно энергическое противодѣйствіе мѣрамъ, которыя предлагалъ Державинъ; главною изъ нихъ было запрещеніе Евреямъ продавать вино по деревенскимъ корчмамъ, чтобы спаивать и разорять крестьянъ. При всей таинственности распоряженій, которыя предпринимались кагалами, слухи объ ихъ дѣятельности доходили до землевладѣльцевъ, а вскорѣ стали подтверждаться и несомнѣнными доказательствами. Такъ въ руки могилевскаго помѣщика Гурко попало письмо одного изъ бѣлорусскихъ Евреевъ къ повѣренному ихъ въ Петербургѣ о томъ, что они по всѣмъ кагаламъ наложили на своего гонителя, Державина, херемъ или проклятіе, что на подарки по этому дѣлу собрали они и уже отправили въ Петербургъ милліонъ и просятъ всячески стараться о смѣщеніи генералъ-прокурора, а если это невозможно, то хоть извести его, на что дается сроку до трехъ лѣтъ. Это перехваченное письмо было отправлено къ Державину.

Справедливость этого разсказа, помѣщеннаго въ запискахъ его, вполнѣ подтверждается изданными въ Вильнѣ лѣтъ десять тому назадъ документами [1]. Здѣсь впервые раскрылась передъ

[1] *Книга кагала*, изд. Яковомъ Брафманомъ. Вильно 1870. Стр. 152—156. Въ 1875 году часть этой книги, значительно пополненная, вышла вторымъ изданіемъ въ Петербургѣ. Авторъ готовилъ къ печати и другую часть этого труда въ новомъ видѣ, но умеръ въ концѣ 1879 года, не успѣвъ исполнить своего намѣренія.

русскимъ обществомъ твердо-сплоченная организація кагала. Нѣкоторые изъ этихъ актовъ прямо направлены противъ дѣятельности Державина въ еврейскомъ комитетѣ. Это рядъ постановленій общаго собранія представителей кагаловъ объ обложеніи Евреевъ денежными сборами на издержки для сопротивленія мѣрамъ правительства. Въ чрезвычайномъ общемъ собраніи, въ присутствіи многихъ почетныхъ членовъ кагала, представителей города, состоялось слѣдующее опредѣленіе: «Въ слѣдствіе неблагопріятныхъ вѣстей изъ столицы о томъ, что судьба всѣхъ Евреевъ перешла нынѣ въ руки пяти сановниковъ, которымъ дана полная власть распоряжаться ими по своему усмотрѣнію, мы принуждены отправиться въ Петербургъ съ цѣлію просить государя, да возвысится его слава, чтобы у насъ никакихъ нововведеній не дѣлали. А такъ какъ это дѣло требуетъ много расходовъ, то съ общаго согласія рѣшено: установить временной процентный сборъ», и затѣмъ подробно изложенъ порядокъ взиманія этого сбора. Съ тою же цѣлію въ Минской губерніи постановлено собирать по 1 рублю съ каждаго уѣзднаго жителя, созвать въ губернскій городъ повѣренныхъ отъ кагаловъ всѣхъ уѣздовъ и произвести выборъ уполномоченныхъ для отправленія въ Петербургъ. Нѣсколько дней спустя опредѣлены штрафы, которымъ должны подвергнуться неисправные плательщики. Наконецъ, на Евреевъ обоего пола наложенъ строжайшій трехдневный постъ съ обязательнымъ посѣщеніемъ большой синагоги для усиленной молитвы и при томъ объявлено, что кто въ дни поста не уплатитъ всего числящагося на немъ долга по процентному сбору, тотъ, кромѣ другихъ штрафовъ, навлечетъ на себя отлученіе отъ своего народа.

Съ самаго начала въ еврейскомъ комитетѣ обнаружилось неизбѣжное разногласіе, которое поддерживалось множествомъ различныхъ записокъ и мнѣній, присылавшихся посторонними лицами не только изъ разныхъ мѣстностей Россіи, но и изъ другихъ государствъ, гдѣ польскіе Евреи умѣли найти себѣ защитниковъ. Между тѣмъ бѣлорусская партія, рѣшившаяся на борьбу съ Державинымъ, вздумала прибѣгнуть къ новому, еще не испытанному ею средству, чтобы заставить его перемѣнить свой

образъ дѣйствій. Однажды къ нему является вкравшійся въ его довѣренность еврей Нотко и подъ видомъ желанія ему добра совѣтуетъ не противиться мнѣнію другихъ членовъ комитета, которые всѣ на сторонѣ Евреевъ: въ случаѣ согласія на эту просьбу онъ обѣщаетъ 100,000 или даже 200,000 рублей. Державинъ не далъ ему положительнаго отвѣта, довелъ о подкупѣ до свѣдѣнія государя, показалъ ему письмо полученное отъ Гурко и спрашивалъ какъ поступить. Государь, удержавъ письмо у себя, обѣщалъ сказать рѣшеніе черезъ нѣсколько дней. Державинъ сообщилъ все это Вал. Зубову, къ которому питалъ большое довѣріе, и ожидалъ отъ него поддержки; но въ первое послѣ того засѣданіе комитета Зубовъ, по своимъ близкимъ отношеніямъ къ Сперанскому, а чрезъ него и къ министерству внутреннихъ дѣлъ, не явился; остальные же члены, кромѣ Державина, подали голосъ за оставленіе винной продажи попрежнему въ рукахъ Евреевъ. За этимъ разногласіемъ и отсутствіемъ Зубова дѣло осталось не рѣшеннымъ. Положеніе о Евреяхъ, основанное на работахъ комитета, издано было не прежде конца 1804 года [1], когда Державинъ, находясь въ отставкѣ, уже не былъ членомъ его.

На разсмотрѣніе еврейскаго комитета было передано еще другое дѣло, относившееся къ польскому населенію Западнаго края, именно дѣло о такъ называемыхъ *панцырныхъ боярахъ* [2], составлявшихъ особый разрядъ сельскихъ обывателей и домогавшихся возвращенія старинныхъ правъ на пожалованныя ихъ предкамъ земли и освобожденія ихъ отъ всякихъ повинностей. Законодательство наше различало двѣ категоріи панцырныхъ бояръ: однихъ, собственниковъ по древнему праву, другихъ—безземельныхъ, попавшихъ съ теченіемъ времени на владѣльческія земли и платившихъ оброкъ своимъ помѣщикамъ. Державинъ въ своихъ запискахъ говоритъ собственно только объ этомъ второмъ классѣ. По его словамъ, эти панцырные бояре, при выборахъ на сеймахъ,

[1] *П. С. З.*, XXVIII, № 21,547. Ср. Ф. Леонтовича *Историческій обзоръ постановленій о Евреяхъ въ Россіи* въ журналѣ *Сіонъ* 1861 г. № 24.

[2] Такъ назывался первоначально родъ военныхъ людей, издревле поселенныхъ въ Бѣлоруссіи (Витебской губ.) на казенныхъ земляхъ для защиты литовской границы отъ московскаго царя.

служили послушнымъ орудіемъ землевладѣльцевъ, отъ которыхъ зависѣли и которые за то брали съ нихъ лишь самый ничтожный оброкъ. Зная, что Екатерина II намѣревалась выселить этихъ обывателей въ южныя губерніи, Державинъ подалъ проектъ о томъ же: онъ считалъ такую мѣру очень важною съ политической точки зрѣнія, что́ и оправдалось впослѣдствіи, когда изъ этого класса людей формировались полки, которые литовскіе магнаты выставляли для Наполеона. Государь, выслушавъ проектъ Державина очень сочувственно, повелѣлъ внести его въ еврейскій комитетъ [1], но о дальнѣйшемъ ходѣ этого дѣла ничего не извѣстно: Державинъ приписываетъ неуспѣхъ его тому, что въ немъ были сильно заинтересованы не только Чарторыскій съ Потоцкимъ, но и Зубовъ, какъ владѣлецъ жалованнаго имѣнія въ Шавельскомъ уѣздѣ.

10. Окончательная немилость.

Между тѣмъ неудовольствіе государя противъ Державина становилось все замѣтнѣе. По словамъ поэта, главною виною въ томъ были наговоры приближенныхъ Александра, особенно Новосильцова и Чарторыскаго, сопровождавшихъ его, когда онъ ѣздилъ въ Лифляндію въ маѣ 1803 года. На время этого путешествія Державинъ былъ отпущенъ въ Званку; когда же, по возвращеніи императора, князь Голицынъ, исполняя порученіе министра, доложилъ, что нездоровье удерживаетъ его въ деревнѣ, государь отвѣчалъ, что не имѣетъ въ немъ никакой надобности, что онъ можетъ и вовсе не пріѣзжать. Подозрѣніе Державина можно допустить, съ оговоркою, что враги его находили себѣ большую помощь въ его собственномъ неуклончивомъ характерѣ, въ твер-

[1] Въ рѣшеніи Государственнаго совѣта 13 марта 1805 года по дѣламъ панцырныхъ бояръ, внесеннымъ отъ министра юстиціи (кн. Лопухина), ничего не упоминается о проектѣ Державина. (См. *Архивъ Госуд. Совѣта* т. III, ч. I, стр. 758). Вопросъ о панцырныхъ боярахъ окончательно рѣшенъ только въ наше время: въ 1873 году послѣдовало высочайшее повелѣніе о введеніи ихъ въ общій составъ городскихъ или сельскихъ обывателей съ отмѣною самаго наименованія ихъ и всѣхъ прежнихъ постановленій (2-е *П. С. З.* № 52,061). Для исторіи панцырныхъ бояръ см. статью о нихъ В. П. Вешнякова въ *Архивѣ истор. и практ. свѣд.* 1860—1861, кн. IV.

дости, съ какою онъ безстрашно отстаивалъ свои убѣжденія. Самъ же онъ свидѣтельствуетъ, что не контрасигновалъ нѣсколькихъ указовъ, между прочимъ указа о вольныхъ хлѣбопашцахъ. Наконецъ государь прямо выразилъ ему свое неудовольствіе, повѣривъ слухамъ о неисправностяхъ въ дѣлопроизводствѣ по министерству юстиціи, и именно: 1, что дѣла́ въ немъ идутъ медленно; это основывалось на томъ, что одно частное письмо залежалось у министра; но Державинъ въ оправданіе свое объяснилъ, что доклады по частнымъ письмамъ должны итти чрезъ статсъ-секретарей, а не чрезъ министра юстиціи. Однакожъ объясненіе это кончилось тѣмъ, что Александръ сказалъ ему: «Ты меня всегда хочешь учить; я самодержавный государь, и такъ хочу». 2, Что канцелярія министра юстиціи не знаетъ о нѣкоторыхъ дѣлахъ, исполняемыхъ по министерству. Оказалось, что такое обвиненіе возникло по поводу нѣкоторыхъ секретныхъ дѣлъ, по коимъ исполненіе съ намѣреніемъ сдѣлано было помимо канцеляріи, для избѣжанія преждевременной огласки. 3, Что нѣкоторыя бумаги, находившіяся въ канцеляріи министра, извѣстны были въ другихъ вѣдомствахъ прежде исполненія ихъ. Державинъ объясняетъ это тѣмъ, что у Сперанскаго были вездѣ агенты или шпіоны, особенно изъ бывшихъ семинаристовъ, которые и доносили ему обо всемъ, что происходило въ разныхъ канцеляріяхъ, а черезъ него узнавали о дѣлахъ молодые совѣтники государя и могли заранѣе подготовлять рѣшеніе. Изъ канцеляріи министра юстиціи бумаги даже выкрадывались, или пропадали по винѣ чиновниковъ; такъ по винѣ директора канцеляріи Колосова пропалъ именной указъ, въ подлинникѣ сообщенный Трощинскимъ, о производствѣ одного служившаго подъ его начальствомъ въ почтовомъ департаментѣ чиновника. О поведеніи Колосова, рекомендованнаго графомъ Валеріаномъ Зубовымъ и поддерживаемаго самимъ государемъ, Державинъ доводилъ до высочайшаго свѣдѣнія, но императоръ не обратилъ вниманія на эту жалобу и велѣлъ только сдѣлать Колосову выговоръ, подписавъ о немъ другой указъ вмѣсто приготовленнаго Державинымъ объ удаленіи его.

По всѣмъ этимъ обстоятельствамъ, подробнѣе изложеннымъ въ запискахъ Державина, легко судить о степени неблаговоленія къ

нему Александра. Увольненіе министра юстиціи было рѣшено. Когда въ началѣ октября 1803 года онъ пріѣхалъ во дворецъ съ докладомъ, государь не принялъ его, а на другой день прислалъ ему рескриптъ, въ которомъ, похваливъ его за отправленіе должности, объявилъ, что для пресѣченія жалобъ на неисправность его канцеляріи проситъ его очистить постъ министра, продолжая присутствовать въ совѣтѣ и въ сенатѣ. Къ сожалѣнію, этотъ рескриптъ до насъ не дошелъ, равно какъ и вызванная имъ переписка опальнаго министра съ монархомъ. На аудіенціи, которой за тѣмъ удостоился Державинъ, государь знаменательно замѣтилъ ему, что онъ слишкомъ ревностно служитъ. При этомъ Александръ лично повторилъ Державину предложеніе остаться въ совѣтѣ и въ сенатѣ, подавъ просьбу только объ увольненіи отъ должности министра. Потомъ ему дано было знать, что если онъ приметъ такое положеніе, то ему сохранено будетъ все министерское жалованье, 16,000 руб., и онъ получитъ Андреевскую ленту; но Державинъ, чувствуя себя оскорбленнымъ, отказался отъ этихъ милостей и написалъ по формѣ краткую просьбу объ увольненіи его вовсе отъ службы. Слѣдствіемъ была полная отставка съ позволеніемъ носить сенаторскій мундиръ. 7-го октября 1803 года, ровно черезъ тринадцать мѣсяцевъ послѣ назначенія первыхъ министровъ, данъ былъ сенату слѣдующій именной указъ: «Снисходя на прошеніе дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Державина, всемилостивѣйше увольняемъ его отъ всѣхъ дѣлъ съ оставленіемъ ему полнаго жалованья и 6000 рублей столовыхъ денегъ ежегодно». Министромъ юстиціи назначенъ былъ князь Лопухинъ.

О службѣ и паденіи Державина при императорѣ Александрѣ авторъ *Свѣдѣній о польскомъ мятежѣ*[1] высказываетъ слѣдующее мнѣніе: «Съ конца 1802 года начались проявленія польской партіи, которая образовалась подъ сѣнью русскихъ англомановъ и которой князь Чарторыскій сталъ главою и руководителемъ. Эта партія польскихъ патріотовъ съ первыхъ шаговъ руковод-

[1] Въ III-й части этого сочиненія; относящаяся сюда глава прежде была напечатана въ *Виленскомъ Вѣстникѣ* за 1866 г., № 59.

ствовалась правиломъ, котораго потомъ постоянно держались всѣ нисходящія отъ нея генераціи: работать въ тѣни и умѣть находить вліятельныхъ людей изъ Русскихъ, которые легко убѣждались, что проводимая Поляками мысль принадлежитъ собственно имъ и потому они добровольно выступили на сцену ревностными ея представителями. Болѣе прозорливые доходили до источника настаиванія или отстаиванія узаконеній, болѣе или менѣе касавшихся до Поляковъ. Поляки эти личности назвали *людьми русской партіи*. Опаснѣйшимъ противникомъ польской партіи явился министръ юстиціи Г. Р. Державинъ. Его паденіе черезъ годъ борьбы было рѣшительною побѣдою этой партіи. Державинъ оцѣненъ какъ замѣчательный поэтъ, но потомство еще не оцѣнило его дѣла́, какъ государственнаго человѣка, которыя до званія министра довели пѣвца Фелицы, сановника проницательнаго, практическаго, который понималъ Россію, ея значеніе и требованія, а вмѣстѣ съ тѣмъ разгадывалъ Поляковъ, ихъ домогательства и ихъ интриги.... Менѣе чѣмъ въ годъ времени», говоритъ тотъ же авторъ, «Державинъ остановилъ миссіонерство іезуитовъ и пропаганду латинства въ имперіи, содѣйствовалъ къ задержанію попытки помилованныхъ польскихъ мятежниковъ—за службу, замѣнявшую штрафъ, быть награждаемыми чиномъ, отстоялъ права самодержавной власти противъ первой попытки Потоцкаго ввести въ самодержавную Россію чуждые обычаи Рѣчи Посполитой, поднялъ вопросъ о Евреяхъ, противный панскимъ выгодамъ, и наконецъ поднялъ вопросъ о выселеніи безземельной шляхты изъ Западнаго края. Державинъ ясно показалъ польской партіи, что, проникая ея замыслы, онъ стоитъ противъ нихъ самымъ бдительнымъ стражемъ. Польскіе магнаты видѣли всю необходимость отъ него избавиться, и они скоро достигли цѣли».

Дѣйствительно, нѣтъ никакого сомнѣнія, что польская интрига главнымъ образомъ способствовала къ окончательной опалѣ Державина, но приписать его паденіе исключительно стараніямъ партіи Чарторыскаго можно бы только въ такомъ случаѣ, еслибы онъ, противоборствуя ей, не раздражалъ въ то же время самого императора своими противорѣчіями и настойчивостью; еслибъ, кро-

мѣ того, онъ не возстановилъ противъ себя, какъ самъ онъ сознается, всѣхъ министровъ и сенаторовъ, напр. Завадовскаго, Воронцова и Трощинскаго, которыхъ едва ли можно подозрѣвать въ единомысліи съ польской партіей. Оглядываясь безпристрастно на всю его служебную дѣятельность въ царствованіе Александра I, нельзя отрицать, что самъ онъ въ значительной мѣрѣ былъ виною своихъ неудачъ въ борьбѣ съ мнѣніями, которыя оспаривалъ; что хотя онъ большею частью и правъ былъ въ своихъ взглядахъ и требованіяхъ, но своими слишкомъ рѣзкими пріемами, неловкостями и заносчивостью портилъ дѣло и подавалъ врагамъ оружіе противъ себя. Близкій къ Державину по службѣ въ министерствѣ юстиціи, сенатскій оберъ-прокуроръ князь А. Н. Голицынъ оставилъ въ своихъ неизданныхъ запискахъ слѣдующую любопытную характеристику Гаврилы Романовича за это время: «Въ минуту желчи геній блисталъ въ его глазахъ; тогда съ необыкновенною проницательностью онъ охватывалъ предметъ; умъ его былъ вообще положителенъ, но тяжелъ; память и изученіе законовъ рѣдкія; но онъ облекалъ ихъ въ формальности до педантизма, которымъ онъ всѣмъ надоѣдалъ. Олицетворенную честность и правдивость его мало оцѣнивали, потому что о житейскомъ тактѣ онъ и не догадывался, хотя всю службу почти былъ близокъ ко двору»[1].

Въ доказательство, какъ различно современники смотрѣли на Державина, приведемъ тутъ же то, что другой знаменитый сановникъ того времени, гр. Семенъ Романовичъ Воронцовъ, въ письмѣ къ своему брату отъ 28-го октября 1803 года, высказываетъ объ отношеніяхъ автора предыдущей характеристики къ своему министру: «Вы удивляете меня, говоря, что Державинъ успѣлъ привязать къ себѣ нашего маленькаго Голицына. Какъ могъ этотъ молодой человѣкъ, у котораго такъ много ума и нѣтъ недостатка въ разсудительности, дать ослѣпить себя человѣку, нисколько не прикрывающему лицемѣріемъ того, что

[1] Рачъ. *Свѣдѣнія* III, 19. По свидѣтельству Мерзлякова Державинъ самъ говорилъ: «Природу наблюдалъ я у себя, а человѣка я узналъ въ Эрмитажѣ» (*Словарь профессоровъ Моск. унив.* II, 91).

онъ дѣлаетъ, и всѣми своими дѣйствіями выставляющему на показъ свой неуживчивый, бѣшеный и мстительный характеръ. Еслибъ я узналъ это отъ кого-нибудь другого, а не отъ васъ, то никогда бы тому не повѣрилъ»[1].

Вражда, которую навлекъ на себя Державинъ въ высшихъ сферахъ, выразилась во многихъ современныхъ отзывахъ того же рода. Мы уже видѣли, что́ говорили о немъ Завадовскій и Ростопчинъ въ бытность его министромъ. Такъ и кн. Дашкова, вскорѣ послѣ его назначенія, въ ноябрѣ 1802 года, писала изъ Москвы къ брату своему, гр. А. Р. Воронцову: «Здѣсь очень смѣются надъ нападками, съ которыми Державинъ выступилъ противъ министровъ и сенаторовъ своими лживыми докладами». Около того же времени она въ другомъ письмѣ къ тому же лицу говорила: «Здѣсь иначе понимаютъ организацію министерствъ, и уморительно слышать разсужденія по этому предмету. Доклады Державина непріятно поразили всѣхъ московскихъ сенаторовъ»[2].

Съ другой стороны Ростопчинъ, въ началѣ іюня 1803 года, писалъ къ Циціанову изъ Воронова, откуда онъ, благодаря своимъ петербургскимъ корреспондентамъ, могъ внимательно слѣдить за ходомъ дѣлъ въ столицѣ: «Мнѣ разсказывали очень смѣшное про Державина, что онъ бранитъ просителей за дурной слогъ ихъ прошеній и иногда вмѣсто отвѣта по дѣлу доказываетъ имъ ошибки противъ грамматики»[3]. Можетъ-быть, что-нибудь подобное разъ-другой и было, но ужъ навѣрное Державинъ занимался не грамматическими поправками. Извѣстно, что онъ всегда откровенно сознавался въ незнаніи грамматики[4].

Читая отзывы современниковъ, необходимо вообще помнить, что ихъ нельзя принимать безъ исторической критики: кому неизвѣстно, что такіе приговоры часто зависятъ отъ личныхъ отноше-

[1] *Арх. кн. Воронц.* X, 221.

[2] *Арх. кн. Воронц.* XII, 347.

[3] *Девятнадц. Вѣкъ.* II, 16.

[4] Такъ однажды онъ говорилъ о томъ А. С. Норову, когда этотъ, бывши еще молодымъ человѣкомъ, представилъ ему какіе-то стихи свои и извинялся, что въ нихъ не всегда соблюденъ размѣръ. (Слыш. отъ самого А. С.)

ній, отъ разныхъ временныхъ и случайныхъ обстоятельствъ? Но особенно важно имѣть это въ виду при чтеніи отзывовъ гр. Ростопчина, которые, какъ замѣтилъ еще издатель части его переписки, отличаются крайнимъ пристрастіемъ и обилуютъ противорѣчіями: иногда онъ оцѣниваетъ различно одно и то же лицо, «смотря по тому, въ какую минуту подвернулось оно подъ желчное перо его»[1]. Тѣмъ менѣе мы можемъ удивляться, когда Ростопчинъ, вообще съ видимымъ удовольствіемъ сообщающій неблагопріятныя вѣсти о Державинѣ, въ то же время обращается къ нему самому съ лестными привѣтствіями. Въ письмѣ отъ 14-го января 1803 года, ходатайствуя за Болотова, у котораго былъ процессъ въ сенатѣ, онъ между-прочимъ говоритъ Державину: «ободрите страждущихъ и погибающихъ отъ ябеды находить въ васъ защитника предъ лицомъ правосудія, съ коимъ вы съ молодыхъ лѣтъ самыхъ жили какъ любовникъ съ любовницею».

11. Пасквили на Державина.

Съ отставкою Державина особенно зашевелились перья враговъ его. Невольно припоминается тутъ извѣстная басня Крылова о состарѣвшемся и обезсилѣвшемъ львѣ:

Не только онъ теперь не страшенъ для звѣрей,
Но всякъ, за старыя обиды льва въ отмщенье,
Наперерывъ ему наноситъ оскорбленье:
То гордый конь его копытомъ крѣпкимъ бьетъ,
То зубомъ волкъ рванетъ,
То острымъ рогомъ волъ боднетъ.

«Всѣ бранятъ Державина, и вотъ между прочимъ стихи на него сдѣланные», сообщалъ Циціанову Ростопчинъ въ письмѣ, при которомъ однакожъ стиховъ не сохранилось[2]. Съ явнымъ злорадствомъ давнишній врагъ нашего эксминистра, Завадовскій, писалъ къ С. Р. Воронцову 16 ноября 1803 г.: «Общее

[1] П. И. Бартеневъ. *Девятнадц. Вѣкъ.* II, 113.
[2] *Девятн. Вѣкъ.* II, 29.

возрадованіе, что князь Лопухинъ перемѣнилъ Державина! Не дай Богъ, чтобъ когда-нибудь въ министерствѣ очутился подобный поэтъ»[1].

20-го января 1804 года Ростопчинъ опять писалъ Циціанову:

«Стихи на Державина прекрасны: въ нихъ его портретъ, картина паденія, и ничего счастливѣе нѣтъ послѣдняго стиха, который столь ясно изображаетъ выдачу пенсіона и шумъ, который привлечетъ вниманіе на министра-поэта:

Tête de lion,
Coeur de mouton.

«Про него можно сказать, что онъ утромъ ругаетъ и кричитъ, вечеромъ же гнется и молчитъ»[2].

Какіе стихи здѣсь разумѣетъ Ростопчинъ, намъ неизвѣстно, но конечно не слѣдующій пасквиль, тогда же написанный изъ мести неумѣлымъ рифмачемъ и долго ходившій въ спискахъ. Печатаемъ его по современной копіи, найденной нами въ бумагахъ покойнаго П. А. Плетнева, подъ заглавіемъ:

Посланіе къ его в.-пр. Г. Р. Державину, эксминистру юстиціи[3].

Ну-ка, братъ, пѣвецъ Фелицы,
На свободѣ[а] отъ трудовъ
И въ отставкѣ отъ юстицы
Наполняй бюро стиховъ.

Для поэзьи ты способенъ,
Мастеръ въ ней играть умомъ,
Но за то[б] сталъ неугоденъ
Ты министерскимъ перомъ.

[1] *Арх. кн. Воронц.* XII, 277.

[2] *Девятн. В.* II, 35.

[3] Варіанты по двумъ другимъ спискамъ, изъ которыхъ одинъ былъ отчасти продиктованъ мнѣ наизусть покойнымъ А. В. Никитенко, а другой находится въ рукописномъ сборникѣ А. А. Куника.

[а] На досугѣ....

[б] Но за что....

Иль въ приказномъ дѣлѣ хватка[в]
Стихотворцамъ есть урокъ?
Иль, скажи, была нападка[г],
Иль ты изгнанъ за порокъ?

Не причиной ли доносы?
Ты протекторъ онымъ былъ[д]
И чрезъ вредны ихъ наносы
Тьму несчастныхъ погубилъ.

Не затѣи ли пустыя
Быть счастливѣй въ свѣтѣ всѣхъ
Помрачили дни златые
Вмѣсто чаемыхъ утѣхъ?

Не коварство ль то лихое,
Коимъ жадно ты дышалъ,
Повернуло жало злое
И чтобъ ты подъ нимъ упалъ?

Не стремленье ль твое дерзко
Людей добрыхъ затмевать
Укусило тебя ѣдко
И заставило хромать?

Не жена ль еще виною,
Умъ которой съ волосокъ,
Къ взяткамъ долгою рукою
Задала тебѣ щелчокъ?

Разскажи мнѣ откровенно
Напасть, съѣвшую тебя,
И тогда я совершенно
Дамъ узнать тебѣ себя.

[в] ... хватки.
[г] Иль то сдѣлали нападки....
[д] Иль тому виной доносы,
Ты протекторъ коимъ былъ....

Покажи и тѣ примѣры,
Какъ намъ въ свѣтѣ надо жить,
На какой и вѣсъ и мѣры [*]
Намъ разсудокъ положить;

Какъ съ фортуной обращаться,
Ея благомъ управлять,
Прямо смертнымъ называться,
Честь и совѣсть сберегать.

А коль плохо въ неудачѣ,
То теперь ты испыталъ:
Изъ коня залѣзъ во клячи,
Не бывъ знатный Буцефалъ [**].

Значеніе этихъ стиховъ вполнѣ объясняется ихъ происхожденіемъ: по свидѣтельству Жихарева, они написаны секретаремъ бывшаго калужскаго губернатора Лопухина, отрѣшеннаго отъ должности на основаніи произведеннаго Державинымъ слѣдствія. Обоихъ сослуживцевъ Жихаревъ видѣлъ въ Москвѣ въ 1805 г. По его словамъ, Лопухинъ, сдѣлавшись непримиримымъ врагомъ Державина, не могъ слышать о немъ равнодушно, а бывшій губернаторскій секретарь, великій говорунъ Николай Ив. Кондратьевъ, раздѣлившій участь своего начальника и оставшійся вѣрнымъ его наперсникомъ, приходилъ даже въ бѣшенство, когда заговорятъ о Державинѣ и особенно если его похвалятъ. «Этотъ Кондратьевъ», прибавляетъ Жихаревъ, «пописываетъ стишки, разумѣется для своего круга, и, по выходѣ Державина въ отставку, *спустилъ*, по выраженію, кажется, Сумарокова, *свою своевольную музу, какъ цѣпную собаку*, на отставного министра».... Приведя часть его «стихотворнаго бреда», Жихаревъ далѣе замѣчаетъ: «Кромѣ неудовольствія слышать эти гадкіе, кабачные стихи, грустно видѣть въ нихъ усиліе мелочной души уколоть геніальнаго человѣка, который, вѣроятно, никогда

[*] На какой вѣсъ и на мѣры....
[**] А былъ славный Буцефалъ (Никит.)

и не узнаетъ объ этихъ виршахъ»[1]. Послѣднее предположеніе едва ли было справедливо: невѣроятно, чтобы въ теченіе 12-ти лѣтъ, прожитыхъ еще Державинымъ, кто-нибудь изъ его многочисленныхъ пріятелей и родныхъ не познакомилъ его съ довольно распространенными въ публикѣ куплетами.

На этотъ пасквиль появилось и возраженіе, неизвѣстно кѣмъ сочиненное. Литература, вызванная на свѣтъ паденіемъ высокопоставленнаго человѣка, имѣвшаго много враговъ, не лишена своего интереса, а потому приводимъ и этотъ *Отвѣтъ на запросъ:*

Не въ моей, друзья, то волѣ,
Что свободенъ сталъ отъ дѣлъ;
Не министръ теперь я болѣ:
Знать, такой мнѣ въ томъ удѣлъ.

Что мнѣ нужды издѣваться,
Брязги, вздоръ пустой болтать?
Я умѣю самъ смѣяться,
Только стóитъ лишь начать.

Кто глупецъ, о томъ ни слова:
Мой законъ такимъ прощать.
Муза пѣть моя готова,
Ядъ злодѣевъ отражать.

Сидя дома, отъ досуга
Долженъ съ лиры пыль стереть;
Ну-ка, милая подруга,
Что бы намъ теперь запѣть?

Иль помедлить, до случаю
Дать смѣяться шалунамъ?
Я симъ вздоромъ не скучаю;
Будетъ праздникъ скоро намъ.

[1] *Записки современника*, ч. I Дневникъ студента. Стр. 197.

Ну! зачешется затылокъ,
Какъ Пегасъ нашъ полетитъ,
И отъ шуточныхъ посылокъ
Носъ лукавцевъ засвербитъ.

Лягъ же, Муза, успокойся,
Ты безъ дѣлъ теперь, какъ я;
Какъ проснешься, такъ умойся
И воспой, душа моя [1].

Въ одномъ изъ писемъ Ростопчина къ Циціанову, въ концѣ 1804 года, читаемъ: «Державинъ сочинилъ прекрасные философическіе стихи, уподобляя жизнь дежурству, и видно, что прямо изъ генералъ-прокурорскаго дома взлѣзъ опять на Парнассъ. Опасно, чтобъ тамъ не прибилъ Аполлона и не обругалъ Музъ» [2].

Упоминаемая здѣсь пьеса, озаглавленная *Дежурство,* напечатана въ III-мъ томѣ нашего изданія, въ отдѣлѣ приписываемыхъ Державину стихотвореній (стр. 583). Дѣйствительно ли она принадлежитъ его перу, остается и теперь сомнительнымъ; но въ пользу этого предположенія служитъ однакожъ то, что въ тетрадяхъ поэта мы въ позднѣйшее время нашли отвѣтное посланіе, которое обращено къ Державину, какъ несомнѣнному автору *Дежурства,* и въ которомъ черезъ-чуръ плохіе стихи исправлены рукою его. Оно подписано: *Рожанскій.* Для образца приведемъ изъ этого посланія отрывокъ, начиная съ первыхъ стиховъ:

Это правда, мужъ священный:
Всѣмъ намъ должно угасать...
Обща всѣмъ та часть жестока —
Отдежурить и итти...
Но когда *твое* дежурство
Было правды караулъ...
Для чего скорбѣть и духомъ,
Что прошла твоя чреда?...

[1] Эти стихи получены мною отъ покойнаго М. П. Полуденскаго.

[2] *Девятн. В.* II, 68.

Кончилъ ты свое дежурство,—
Нашъ, не твой сіе уронъ.
Память, слава, сердца чувство
Есть твой вѣчный пансіонъ.

Сравнивая послѣдніе два стиха съ приведенными выше (стр. 837) словами Ростопчина, можно бы подумать, что онъ разумѣлъ именно это стихотвореніе, которое могло дойти до него прежде самаго *Дежурства*, еслибъ только было вѣроятіе, чтобъ онъ признавалъ стихи Рожанскаго и вообще стихи благопріятные для Державина «прекрасными».

Кромѣ этого посланія, по рукамъ ходилъ еще другой отвѣтъ на *Дежурство*, но написанный совершенно въ противоположномъ смыслѣ, т. е. противъ Державина, и уже сообщенный нами въ своемъ мѣстѣ (III, 585).

Въ началѣ 1804 года бывшій до учрежденія министерствъ генералъ-прокуроромъ Беклешовъ назначенъ былъ главнокомандующимъ въ Москву. По этому поводу Завадовскій писалъ графу С. Р. Воронцову: «Теперь и Державинъ не можетъ отчаяваться чтобъ его головѣ и сердцу не возвратили прежней цѣны; весьма естественно видѣть на вертящемся шару и внизу и вверху тѣ же предметы» [1].

По тому же случаю кѣмъ-то написаны были, подъ заглавіемъ *Бостонъ*, слѣдующіе стихи на главныхъ дѣятелей того времени, между которыми является и Державинъ [2]:

Игра Бостонъ явилась снова,
Ее Совѣтъ апробовалъ.
Въ Москву послали *Беклешова*:
Играть въ нее не пожелалъ,
И *Воронцовъ*, король бубновый,
Доволенъ сей премѣной новой.

[1] *Арх. кн. Воронц.* XII, 277.

[2] Стихотвореніе это доставлено мнѣ въ современномъ спискѣ Н. Н. Галкинымъ-Врасскимъ.

Съ тѣмъ *Чарторыскій* князь подъ масть;
Товарищъ сей не помогаетъ,
Онъ вѣчно на свои играетъ;
То вѣдь его охота, страсть.

А grand souverain въ рукахъ имѣя,
Весь *Кочубей* объемлетъ свѣтъ,
Но разыграть его не смѣя,
Поставить можетъ онъ лабетъ,
Не кстати козыря подложить,
Ренонсъ онъ также сдѣлать можетъ
И станетъ масти подводить.
Съ нимъ, правда, *Строгановъ* играетъ,
Но козырей сей графъ не знаетъ,
Съ чего, не знаетъ, подходить.

Бостона правила извѣстны:
Державинъ! самъ ты написалъ,
И какъ въ игрѣ должны быть честны,
Стихами, прозой объявлялъ;
А карты въ руки — и забылся,
Ремизы ставить ты пустился,
Чужія фишки подбирать,
И доказалъ тѣмъ очень ясно,
Что можно говорить прекрасно,
Но дѣло трудно исполнять.

Расклавши карты на удѣлы,
Трощинскій сюры подхватилъ;
Когда бъ не бабы престарѣлы,
Игрокъ большихъ онъ былъ бы силъ.
Но люди созданы всѣ слабы:
Имъ овладѣли дѣвки, бабы,
Тащатъ все у него изъ рукъ;
Безъ нихъ-то былъ бы безъ лабету,
На пользу былъ бы всему свѣту,
Но чтожъ? кто бабушкѣ не внукъ?

Румянцовъ носится съ мизеромъ,
Платя за все двойной платёжъ,
И хочетъ собственнымъ примѣромъ
Рубли ходить заставить въ грошъ.
Давно по свѣту слухъ промчался,
Что женщинъ онъ всегда боялся
И для того относитъ *дамъ*:
Игру онъ худо разумѣетъ
И карты лишь въ рукахъ имѣетъ:
Играть велитъ секретарямъ.

А ты, холопъ винновой масти,
Вязмитиновъ! Какой судьбой,
Забывши прежнія напасти,
Ты этой занялся игрой?
Ты — человѣкъ, сударь, не бойкой,
Тебя всегда мы знали двойкой;
Теперь — уже фигура ты,
Но не дивись тому ни мало:
Всегда такъ будетъ какъ бывало,
Что въ гору лѣзутъ и кроты.

Наконецъ, по случаю отставки Державина, на него написана была слѣдующая эпиграмма:

Когда тебѣ вѣсы Фемида поручала,
Заплакала она, какъ будто предвѣщала,
Что вѣрности вовѣкъ другимъ въ нихъ не видать:
Ты всѣ ихъ искривилъ, стараясь поправлять.

12. Два непріятныя дѣла.

Итакъ въ концѣ 1803 года служебное поприще Державина навсегда кончилось. Но прежде нежели мы займемся его положеніемъ въ отставкѣ, намъ предстоитъ поговорить еще о двухъ дѣлахъ, которыя возникли въ послѣдній періодъ его службы и продолжались отчасти еще и послѣ того какъ онъ оставилъ ее.

Припомнимъ, что когда, во время второй бѣлорусской командировки его, Зоричъ умеръ, то Державину поручена была опека надъ Шкловскимъ именіемъ, которое наслѣдовалъ братъ Зорича по матери, генералъ-майоръ Давидъ Гавриловичъ Неранчичъ, бывшій флигель-адъютантъ Екатерины II. Сначала послѣдній былъ чрезвычайно доволенъ этимъ распоряженіемъ, благодарилъ за него императора Павла и просилъ какъ милости поручить Державину же пещись не только объ уплатѣ долговъ покойнаго, но и войти въ полное и непосредственное управленіе всѣми оставшимися послѣ него именіями, на что государь и изъявилъ свое согласіе. Въ это время Неранчичъ, по словамъ Державина, прежними опекунами доведенъ былъ до того, что у него отъ 200,000 р. не оставалось ни полушки, и онъ выпросилъ у своего новаго попечителя 200 р. взаймы [1]. Незадолго до своего увольненія Державинъ представилъ планъ уплаты долговъ, лежавшихъ на имѣніи Зорича: онъ считалъ нужнымъ продать это имѣніе съ публичнаго торга въ пользу Воспитательнаго дома и Заемнаго банка, какъ учрежденій, въ которыхъ оно было заложено. Но Неранчичъ подалъ на это распоряженіе жалобу, обвиняя Державина въ томъ, что онъ неправильными дѣйствіями и невыгодными сдѣлками разорилъ имѣніе и растратилъ до 400,000 руб. дохода, а сверхъ того не сложилъ съ себя попечительства послѣ указа 21 мая 1801 года, которымъ уничтожены всѣ установленныя правительствомъ опеки, кромѣ учрежденныхъ надъ малолѣтными и сумасшедшими. По поводу жалобы Неранчича государь назначилъ особый комитетъ для разсмотрѣнія дѣлъ Шкловскаго имѣнія. Этотъ комитетъ нашелъ всѣ дѣйствія Державина правильными: всѣ злоупотребленія, какія только доходили до его свѣдѣнія, онъ предавалъ гласности и сообщалъ мѣстнымъ властямъ; вообще никто не могъ бы даже о собственномъ своемъ имѣніи прилагать болѣе попеченій и трудовъ, чѣмъ сколько Державинъ имѣлъ объ интересахъ Неранчича. Многіе частные кредиторы формальнымъ актомъ дали Державину полную довѣренность и согласились на сдѣлки и отсрочку платежа единственно съ тѣмъ, чтобы Неран-

[1] VI, 129 и 677.

чичъ самъ въ управленіе не мѣшался и долговъ болѣе не дѣлалъ. Впрочемъ, сказано было въ журналѣ комитета, если Неранчичъ испроситъ себѣ позволеніе управлять имѣніемъ самому, то Державинъ во всякое время готовъ отказаться отъ дѣлъ его.

Новая всеподданнѣйшая жалоба Неранчича передана была въ Государственный совѣтъ. По мнѣнію совѣта, послѣ выраженнаго просителемъ желанія выйти изъ-подъ опеки Державина послѣднему нѣтъ основанія долѣе управлять имѣніемъ; что же касается претензій наслѣдника, то онѣ по существу своему относятся къ разряду дѣлъ, подлежащихъ разсмотрѣнію низшихъ присутственныхъ мѣстъ, къ которымъ Неранчичъ и можетъ обратиться со своимъ искомъ.

Державинъ, напротивъ того, настаивалъ, чтобы дѣло разсмотрѣно было въ совѣтѣ и чтобъ ему въ нареканіяхъ и клеветѣ Неранчича дано было справедливое удовлетвореніе. Но большинство членовъ совѣта (Завадовскій, Васильевъ, Кочубей и Трощинскій) находило, что это было бы неудобно и съ ходомъ всего дѣла несогласно, такъ какъ рѣшенію подлежитъ не что иное какъ тяжебное дѣло между помѣщикомъ и опекуномъ, требующее изслѣдованія всѣхъ обстоятельствъ на мѣстахъ, что̀ несовмѣстно съ образомъ производства дѣлъ въ совѣтѣ. Жалобѣ Неранчича совѣтъ не даетъ вѣры и не винитъ опекуна; сложить опеку опредѣлилъ онъ потому, что несогласно было бы съ общимъ порядкомъ, чтобы послѣ указа, уничтожающаго всѣ опеки, существовала одна изъ нихъ вопреки волѣ помѣщика.

Противъ этого В. Зубовъ и Н. Румянцовъ подали особыя мнѣнія, находя что справедливость, приличіе и уваженіе къ званію Державина, наконецъ честь и самое достоинство Государственнаго совѣта предписываютъ войти въ разсмотрѣніе бумагъ, представленныхъ министромъ юстиціи: опредѣленіе спеціально учрежденнаго по этому дѣлу комитета, чтобы Державину состоять на правѣ куратора, было совѣтомъ одобрено и утверждено государемъ. Гр. Румянцовъ присовокупилъ, что такъ какъ жалоба Неранчича разъ дошла до совѣта и касается лица общественнаго, то она уже не можетъ слѣдовать стезею дѣлъ обыкновенныхъ. «Не касаясь лично человѣка, о которомъ идетъ

рѣчь», заключилъ Румянцовъ, «хотя и почитаю его всякаго уваженія достойнымъ, вступаюсь я за званіе, которое въ семъ случаѣ г. Неранчичемъ оскорблено явно. Министръ юстиціи тогда только полезенъ государству быть можетъ, когда убѣдятся, что онъ вѣдаетъ законы и болѣе иного радѣетъ о правдѣ. Когда сей министръ будетъ отлученъ отъ опеки безъ разсмотрѣнія дѣлъ его, въ глазахъ публики будетъ онъ только въ половину оправданъ. Если удостоенное сего званія лицо полуоправданнымъ останется, я осмѣливаюсь спросить: не вопреки ли то будетъ государственному благоустройству? ибо потеряется тогда довѣренность и должное уваженіе, сему министерству принадлежащее».

Самъ Державинъ представилъ объяснительную записку, въ которой изложилъ, что управлявшій на мѣстѣ Шкловскимъ имѣніемъ поручикъ Гарденинъ находился въ этой должности по контракту, утвержденному правительствомъ, и что кромѣ того были мѣстные опекуны, которыхъ онъ, главный попечитель, нѣсколько разъ поручалъ наблюденію губернатора, и слѣдовательно онъ, по управленію имѣніемъ изъ Петербурга, не сдѣлалъ никакого упущенія. Когда же онъ замѣтилъ въ имѣніи безпорядки и неисправность въ уплатѣ казенныхъ долговъ по винѣ самого Неранчича, то немедленно представилъ государю о продажѣ имѣнія съ публичнаго торга. Указъ 1801 года объ уничтоженіи опекъ не могъ служить основаніемъ для снятія опеки съ Шкловскаго имѣнія, такъ какъ она не частная, учрежденная по одной волѣ помѣщика, но наложена по особому высочайшему повелѣнію за казенные долги. Доказывая затѣмъ, что жалоба Неранчича въ сущности есть жалоба на особый комитетъ, а вмѣстѣ и на совѣтъ, и потому должна быть разсмотрѣна въ совѣтѣ, а не въ низшихъ присутственныхъ мѣстахъ, Державинъ такъ кончаетъ свою записку: «Должнаго уваженія по всему вышесказанному ожидаю и отъ государственнаго совѣта, не яко опекунъ, но яко сочленъ онаго, и на тотъ единственно конецъ, дабы государю императору дѣло сіе представлено было въ настоящемъ его видѣ и дабы клевета Неранчича, по разсмотрѣніи комитетомъ признанная не имѣющею никакого основанія, не могла оставить въ мысляхъ

государя и тѣни даже подозрѣнія въ правотѣ моей, что̀ для меня всего дороже».

Эта записка помѣчена 24-мъ августа 1803 года, слѣдовательно подана, когда Державинъ былъ еще министромъ; заключеніе же совѣта послѣдовало не прежде, какъ черезъ двѣнадцать дней послѣ его увольненія. Это заключеніе было неблагопріятно для Державина и, что̀ замѣчательно, противно предложенію государя, очевидно желавшаго оказать вниманіе заслуженному сановнику, изъ чего ясно обнаруживается нерасположеніе большинства членовъ совѣта къ эксминистру. Въ журналѣ совѣта сказано, что государь, разсмотрѣвъ опредѣленіе его о снятіи опеки съ Державина и обращеніи дѣла въ губернскія присутственныя мѣста, «изволилъ отозваться, что съ одной стороны неприлично было бы оставить министра юстиціи въ подозрѣніи и не принять отъ него оправданія, а съ другой и Неранчичъ не можетъ ожидать въ жалобахъ своихъ удовлетворенія отъ разбора ихъ въ тѣхъ самыхъ присутственныхъ мѣстахъ, которыя, по показанію его, дѣйствуютъ подъ вліяніемъ министра юстиціи; а потому его величеству благоугодно было повелѣть: предложить на уваженіе совѣта избрать удобнѣйшій способъ къ разсмотрѣнію претензіи Неранчича, собраніемъ ли всѣхъ свѣдѣній къ тому относящихся въ совѣтѣ, или составленіемъ особливой мѣстной комиссіи, какъ того самъ Неранчичъ желаетъ».

Совѣтъ разсуждалъ, что съ увольненіемъ Державина отъ должности, обстоятельства дѣла приняли другой видъ; что теперь не можетъ быть достаточной причины устранять дѣло это отъ обыкновеннаго теченія разсмотрѣніемъ его въ совѣтѣ или учрежденіемъ особой комиссіи; что Неранчичъ, предъявя притязанія свои на опекуна, какъ на частнаго человѣка, въ присутственныхъ мѣстахъ, можетъ получить надлежащее удовлетвореніе обыкновеннымъ законнымъ путемъ, который для всѣхъ лицъ по имѣніямъ вообще установленъ. Поэтому совѣтъ находилъ, что заключеніе его, въ журналахъ іюля 6 и 27 изображенное, «нынѣ со всею удобностію приведено быть можетъ въ дѣйствіе». Вслѣдствіе этого попечительство Державина было снято, и имѣніе оставлено подъ надзоромъ мѣстныхъ опекуновъ.

При чтеніи приведеннаго опредѣленія совѣта нельзя не чувствовать въ словахъ его нѣкотораго злорадства въ отношеніи къ падшему министру-поэту, который своею настойчивостью въ проведеніи того, что считалъ справедливымъ, очевидно вооружилъ противъ себя всѣхъ своихъ сочленовъ. Къ сожалѣнію, съ этимъ послѣднимъ актомъ Государственнаго совѣта противъ Державина теряются всѣ нити производства его дѣла. Въ 1804 году министръ финансовъ внесъ въ совѣтъ записку о покупкѣ въ казну Шкловскаго имѣнія, и совѣтъ предоставилъ ему совершить ее на предлагаемыхъ Неранчичемъ условіяхъ, при чемъ цѣна имѣнія (съ 10,000 жителей) назначена въ 1 мил. руб. и обывателямъ Шклова вмѣнено въ обязанность выплатить сумму, какая употреблена будетъ на покупку, взнося ежегодно по 60,000 р.

Дальнѣйшій ходъ дѣла о продажѣ Шкловскаго имѣнія сюда не относится [1]. Нельзя не пожалѣть, что Державинъ въ запискахъ своихъ вовсе не упомянулъ о непріятностяхъ, испытанныхъ имъ по опекѣ надъ Неранчичемъ. Лишь слабый слѣдъ ихъ мы находимъ и въ частной его перепискѣ, когда онъ, лѣтомъ 1804 г., въ письмѣ къ Капнисту объясняетъ, что не можетъ ѣхать въ Малороссію въ слѣдствіе «нѣкоторыхъ шиканъ, которыя открылись со стороны его недоброжелателей по опекѣ покойнаго Зорича» (VI,156). Тогда же онъ упоминаетъ о какихъ-то другихъ внушеніяхъ противъ него, и ихъ же можетъ-быть разумѣетъ въ слѣдующихъ строкахъ письма своего къ г-жѣ Горихвостовой отъ 3 августа 1806 года: «Вельможи, мои пріятели, такую было сколбали мастерскую штуку и бѣду на меня, что удивленія до-

[1] При жизни Неранчича продажа не осуществилась. Онъ вскорѣ умеръ, и тогда возникли споры о наслѣдствѣ послѣ него. Въ 1808 г. дѣло опять поступило въ совѣтъ и состоялся указъ о продажѣ съ публичнаго торга въ пользу Воспитательнаго дома той части имѣнія, которая заложена была въ Опекунскомъ совѣтѣ. Въ 1809 году продажа все еще не состоялась, и шкловское еврейское общество возобновило вопросъ о покупкѣ имѣнія въ казну на прежнемъ условіи, но совѣтъ никакого заключенія по этой просьбѣ не постановилъ (*Арх. Гос. сов.* т. III, ч. I, 640—647). Съ тѣхъ поръ въ имѣющихся у насъ актахъ исчезаетъ всякій слѣдъ этого дѣла.

стойно! Однако мой добрый государь, спасибо ему, прислалъ ко мнѣ и позволилъ объясниться: то теперь, съ помощію Божіею, надѣюся, что въ яму, которую на меня копали, сами попадутъ и провалятся, — развѣ государь по милосердію своему помилуетъ. Итакъ теперь около уже мѣсяца занимаюсь этимъ дѣломъ и работаю денно и нощно, такъ что, въ жаркіе дни особливо, голова кружилась: то не до гостей мнѣ, м-выя мои г-ни; извините, что за этимъ проклятымъ дѣломъ у васъ быть не могу. Коль скоро отдѣлаюсь, то долженъ буду ѣхать въ Петербургъ и представить мои объясненія. Какъ увидимся, то я перескажу вамъ чудеса, со мною совершившіяся въ хвалу Всемогущаго Бога, какъ Онъ, лоскуткомъ ничего незначущей, брошенной бумаги, спасаетъ невинность. Какіе я сны видѣлъ — и вы помолитесь за меня Богоматери»[1]. Объ интригѣ, которую здѣсь разумѣетъ Державинъ, онъ также совершенно умолчалъ въ своихъ запискахъ.

Довольно загадочно еще и другое письмо этого рода, писанное имъ къ В. В. Капнисту черезъ мѣсяцъ послѣ своего увольненія, именно 4 ноября 1803 года: «Увѣдомленіе твое о каверзахъ противъ меня мнѣ не могло служить къ пользѣ и отвратить интриги, возымѣвшія уже давно дѣйствіе свое. Какъ бы я ни оправдался, все должно было уступить домогательству и желанію самого государя; но какъ уволенъ, слава Богу, безъ оскорбленія, по моей просьбѣ и съ милостью, то и дѣло тѣмъ кончилось, что я остаюсь здоровъ, спокоенъ и веселъ; а будучи въ той должности, три болѣзни долженъ былъ перенесть и одну весьма опасную. Касательно обвиненія меня, то оно неосновательно и неуспѣшно бы было, ежелибы и придраться захотѣли; ибо опредѣленіе сената подписано всемогущимъ Строгановымъ, вездѣсущимъ Козодавлевымъ и велемудрымъ Неплюевымъ, которые никакихъ болѣе замѣчаній по дѣламъ не принимали; но какъ дѣло сіе основано и на законахъ, то и опасаться мнѣ нечего, тѣмъ паче что указъ 1783 г. гласитъ только о переходѣ, разумѣется, посполитыхъ подданныхъ, а не о казакахъ, которыхъ

[1] VI, 180.

права утверждены грамотами древнихъ царей и новыхъ императоровъ, а потому, кажется, и депутація ваша будетъ въ дуракахъ; но я это сужу по собственному своему уму, а какъ сдѣлаютъ, не знаю» (VI, 143).

О какомъ дѣлѣ здѣсь рѣчь идетъ? Кажется, это письмо имѣетъ отношеніе къ слѣдующему мѣсту протоколовъ неофиціальнаго комитета, гдѣ говорится о засѣданіи 3 ноября 1803 года: «Императоръ сообщилъ членамъ, что ему случилось видѣть письмо изъ Малороссіи насчетъ тамошнихъ дѣлъ, въ коемъ приписывали указъ, надѣлавшій столько шума, интригамъ Трощинскаго и князя Куракина, которые будто бы желали взволновать крестьянъ и повредить Державину» (какъ генералъ-прокурору, допустившему такое опредѣленіе сената)... «Хотя нельзя было подозрѣвать въ чемъ-либо Державина, однакоже быть-можетъ ему и другимъ не было непріятно небольшое волненіе между крестьянами, которое оправдало бы предсказанія, что послѣ такого указа и шести мѣсяцевъ не пройдетъ спокойно» [1].

Эти строки протокола и письмо Державина писаны почти въ одинъ и тотъ же день. Государь разумѣлъ, кажется, указъ 28 іюля 1803 года [2], которымъ Малороссійскимъ казакамъ предоставлено было распоряжаться недвижимыми имѣніями на основаніи старинныхъ правъ и привилегій, жалованныхъ Малороссіи. Докладъ сената по этому предмету состоялся въ слѣдствіе представленія малороссійскаго генералъ-губернатора князя Алексѣя Куракина. Въ своей запискѣ онъ объяснилъ, что эти казаки, съ самыхъ древнихъ временъ и даже находясь подъ властію Польши, имѣли, каждый, недвижимую собственность въ полномъ распоряженіи своемъ. Поэтому Куракинъ считалъ справедливымъ и полезнымъ возстановить права казаковъ на владѣніе землею. Сенатъ находилъ тѣмъ менѣе препятствій къ удовлетворенію такого ходатайства, что предлагаемая мѣра сходствовала съ незадолго

[1] Богдан. I. Прилож. 91. Едва ли можно допустить подозрѣніе, въ протоколѣ голословно брошенное на Державина. Не истекало ли оно естественно изъ того же нерасположенія къ нему членовъ комитета, которому мы видѣли столько явныхъ доказательствъ?

[2] *П. С. З.* XXVII, № 20,823.

передъ тѣмъ изданными постановленіями о дозволеніи казеннымъ крестьянамъ пріобрѣтать земли и о вольныхъ хлѣбопашцахъ, такъ какъ казаки должны быть причисляемы къ разряду казенныхъ крестьянъ [1]. Между тѣмъ эта мѣра, какъ оказывается, произвела нѣкоторое волненіе въ Малороссіи.

ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ ГЛАВѢ XIV.

(Къ стр. 793).

Недавно намъ доставленъ И. А. Чистовичемъ еще списокъ Мнѣнія Державина о правахъ и обязанностяхъ сената. Къ этому списку также приложена напечатанная нами замѣтка неизвѣстнаго лица о второмъ проектѣ Державина; но теперь она является полнѣе, почему и воспроизводимъ ее здѣсь въ этомъ болѣе точномъ видѣ:

«Мнѣніе сенатора и поэта Г. Р. Державина, въ 1801 году поданное и извѣстное подъ названіемъ: Предисловіе къ конституціи Державина.

«Трое ходили тогда съ конституціями въ карманѣ: реченный Державинъ, князь Платонъ Зубовъ съ своимъ изобрѣтеніемъ и графъ Никита Петровичъ Панинъ (отецъ нынѣшняго министра юстиціи) съ конституціей англійской, передѣланной на россійскіе нравы и обычаи.

«Николаю Николаевичу Новосильцову, жившему тогда во дворцѣ и всѣмъ управлявшему, стоило въ то время большого труда наблюдать за царемъ, чтобы онъ не подписалъ котораго-либо изъ проектовъ. Который же изъ проектовъ былъ глупѣе, трудно было рѣшить. Всѣ три были равно безтолковы. Жалѣю очень, что теперь, въ бытность мою въ С.-Петербургѣ, я не нашелъ второго мнѣнія Державина, извѣстнаго подъ именемъ его «Кортесовъ». Видно, что покойный дядюшка мой, у котораго оставались многія бумаги мои, испугавшись въ 1826 году взятія меня до *Karmelitów*, изволилъ истребить все, что было у меня любопытнѣйшаго и что могло показаться ему слишкомъ смѣло написаннымъ, а потому подозрительнымъ. То, что изъ числа бумагъ моихъ хранилось въ комиссаріатѣ, нашелъ я все въ цѣлости».

Въ концѣ доставленной намъ новой копіи «Мнѣнія Державина» находится еще примѣчаніе, которое стóитъ также воспроизвести, какъ дополненіе къ стр. 773-й настоящаго тома: «Надо знать, что Державинъ тогда былъ въ ссорѣ съ генералъ-прокуроромъ Беклешовымъ и постоянно съ нимъ вздорилъ. Ссора же произошла отъ того, что Беклешовъ, коему тогда поручена была цензура, представилъ императору мнѣніе, что оду Державина на восшествіе его величества на престолъ, въ которой замѣчались дерзкіе намеки на Павла I, можно дозволить ему напечатать вмѣстѣ съ одами, кои онъ писалъ въ похвалу Павла при жизни его».

---

[1] См. указъ 18-го дек. 1783 г. (*П. С. З.* XXI, № 15,896).

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

ПОЛОЖЕНІЕ ВЪ ОТСТАВКѢ.

(1803—1816).

1. ОТНОШЕНІЯ КО ДВОРУ.

Съ увольненіемъ отъ службы не вполнѣ прекратились прежнія отношенія Державина къ государю и императорскому семейству. Самъ онъ нисколько не измѣнился въ своемъ благоговѣніи къ высокимъ свойствамъ Александра и въ приверженности къ лицу его, какъ видно изъ многихъ позднѣйшихъ отзывовъ и стиховъ поэта. Нѣсколько разъ подавалъ онъ императору записки по государственнымъ вопросамъ, особенно же о мѣрахъ къ оборонѣ имперіи отъ Наполеона: сперва представлялъ онъ о томъ письменно и словесно въ концѣ 1806 и въ началѣ 1807 года, а потомъ въ 1812 году. Обѣ записки его по этому предмету напечатаны въ нашемъ изданіи; послѣдняя изъ нихъ была передана имъ лично принцу Ольденбургскому въ Новгородѣ, куда поэтъ ѣздилъ на дворянское собраніе по поводу манифеста о всеобщемъ ополченіи и пожертвованіяхъ[1]. Но, кажется, государь мало обратилъ вниманія на представленія своего бывшаго министра, который, посылая В. С. Попову копію со второй изъ упомянутыхъ записокъ, сообщалъ о пріемѣ первой: «Меня обѣщали призвать и выслушать мой планъ, но послѣ пренебрегли и презрѣли какъ стихотворческую горячую голову; но теперь, къ несчастію, все чт̀о я говорилъ сбывается».

Въ частныхъ своихъ отношеніяхъ ко двору онъ продолжалъ

[1] См. VI, 234, и VII, 465, 470.

пользоваться милостью царской фамиліи, и въ началѣ 1804 года писалъ Капнисту: «При дворѣ мнѣ кажутъ довольно уваженія, зовутъ на обѣды, на балы, и вчерась былъ у вдовствующей императрицы, а сегодня къ императору званъ на ужинъ, да и каждую недѣлю удостоиваюсь сей чести отъ государыни» [1].

Въ Екатерининъ день 1804 года императоръ Александръ во дворцѣ подошелъ къ Державину и спросилъ, былъ ли онъ наканунѣ въ театрѣ на первомъ представленіи трагедіи Озерова *Эдипъ въ Афинахъ* и какъ ему эта трагедія понравилась: «Я и прочіе», говоритъ Державинъ въ запискѣ къ Оленину, «отвѣтствовали, что очень хороша, а онъ отозвался, что непремѣнно поѣдетъ ее смотрѣть. Мы отвѣтствовали, что ваше величество ободрите своимъ благоволеніемъ, которому подобнаго въ Россіи прежде не видали. —Я радъ, сказалъ онъ» [2].

Въ началѣ 1812 года, когда Державинъ ѣздилъ къ императрицѣ Маріи Феодоровнѣ въ Гатчину, она просила его написать стихи въ альбомъ ея, и онъ доставилъ графу Головкину заимствованную изъ скандинавской древности, странную по вымыслу «балладу» *Жилище богини Фриги* [3], разумѣя подъ этимъ именемъ государыню. Когда ожидали возвращенія Александра изъ арміи въ іюнѣ 1814 года, дворянство Новгородскаго уѣзда избрало Державина своимъ депутатомъ при встрѣчѣ государя. Говоря объ отношеніяхъ поэта къ императору, нельзя не упомянуть о его посланіи *къ царевичу Хлору*, написанномъ еще въ 1802 году (лѣтомъ, въ Званкѣ), вскорѣ послѣ калужскаго слѣдствія и за нѣсколько мѣсяцевъ до назначенія въ министры. Читатели конечно помнятъ, что царевичемъ Хлоромъ названъ Александръ въ сказкѣ, написанной Екатериною II для своего малолѣтнаго внука и подавшей поводъ къ сочиненію *Фелицы*. Посланіе *къ Хлору* — явное подражаніе этой послѣдней одѣ; оно гораздо слабѣе ея, но содержитъ нѣсколько стиховъ, удачно характеризующихъ молодого императора (II, 405).

[1] VI, 144.
[2] VI, 164.
[3] III, 108.

Послѣднимъ знакомъ вниманія Александра къ Державину былъ рескриптъ отъ 16 мая 1816 г., данный слѣдовательно менѣе чѣмъ за два мѣсяца до смерти поэта. Родственникъ его Ф. П. Львовъ, оставшись безъ мѣста по случаю изданія новыхъ штатовъ для комиссіи законовъ, гдѣ онъ служилъ, обратился къ государю со всеподданнѣйшимъ прошеніемъ о назначеніи ему другой должности, и Державинъ писалъ о томъ статсъ-секретарю Кикину. Государь, не находя возможнымъ удовлетворить это ходатайство, счелъ нужнымъ объяснить причины того въ рескриптѣ Державину: «Видя сомнѣніе ваше насчетъ присланной ко мнѣ Львовымъ просьбы, извѣщаю васъ, что просьба сія мною не забыта, но оставлена мною безъ вниманія, потому что» и проч.[1].

Несмотря на сохраненіе лестной связи со дворомъ и вообще почетное положеніе свое, Державинъ, лишившись прежняго своего вліянія и чувствуя себя уединеннымъ, тяготился иногда своею отставкою. Когда въ 1806 году Поповъ, поздравляя его съ новымъ годомъ, прислалъ ему какихъ-то гостинцевъ съ Решетиловской ярмарки, онъ отвѣчалъ: «Я принимаю ихъ (*т. е. поздравленіе и подарокъ*) тѣмъ въ наибольшей цѣнѣ, что оказываете вы мнѣ въ такое время дружеское расположеніе, когда другіе, имѣвшіе опыты бо́льшаго лично къ нимъ доброжелательства, меня совсѣмъ позабыли»[2].

2. Литературныя связи и предпріятія.

21-го декабря 1803 года умеръ Н. А. Львовъ, который въ послѣдніе годы жизни сталъ очень болѣзненъ, часто отсутствовалъ изъ Петербурга и потому не могъ уже имѣть для Державина прежняго значенія. Въ послѣднее время онъ ѣздилъ лѣчиться къ кавказскимъ минеральнымъ водамъ и составилъ ихъ описаніе. При кончинѣ ему было не болѣе 52-хъ лѣтъ отроду. По случаю этой потери Державинъ писалъ Капнисту: «Поистинѣ сіе насъ поразило. Вотъ, братецъ, уже двое изъ стихотворческаго круга нашего на томъ свѣтѣ. Я говорю о Хемницерѣ и

[1] VI, 852.
[2] VI, 360.

Николаѣ Александровичѣ»[1]. На смерть послѣдняго онъ написалъ стихи *Память другу* (II, 459), которые, съ нѣкоторыми поправками Дмитріева, и были напечатаны въ *Вѣстникѣ Европы*. Жена Львова прожила еще до 1807 года и также была оплакана Державинымъ (въ пьесѣ *Поминки*, II, 666). Оба супруга похоронены въ своемъ Никольскомъ, при посѣщеніи котораго въ 1810 году поэтъ опять написалъ стихи (*На гробъ переводчика Анакреона*, III, 444). Свою вѣрность давнишней дружбѣ и уваженіе къ памяти Львова онъ, однакожъ, лучше всего доказалъ тѣмъ, что трехъ осиротѣвшихъ дочерей его пріютилъ у себя. Двѣ старшія, Елисавета и Вѣра, еще при жизни Державина вышли замужъ (первая въ 1810 г., за Ф. П. Львова; вторая въ 1812-мъ, за генерала Воейкова); меньшая же, Прасковья Николаевна, оставалась при немъ до самой смерти его, любила и лелѣяла его какъ отца, услаждала досуги его чтеніями вслухъ и подробно описала послѣднее время его жизни. Позднѣе она вышла за извѣстнаго Конст. Матв. Бороздина.

Въ концѣ прошлаго и въ началѣ нынѣшняго столѣтія была мода издавать поэтическіе труды съ виньетами. Такъ въ Германіи изготовлялись рисунки къ стихотвореніямъ Рамлера[2]. По примѣру изданія драматическаго произведенія Екатерины II: *Начальное правленіе Олега*, Капнистъ въ 1796 году напечаталъ свои сочиненія съ гравюрами, а въ 1799-мъ такимъ же образомъ изданы были Оленинымъ и Львовымъ басни Хемницера. Изъ переписки Державина видно, что и онъ еще въ 90-хъ годахъ 18-го столѣтія намѣревался издать свои стихотворенія съ рисунками, и для этого, при посредствѣ Оленина, договаривался съ художникомъ Майромъ, который гравировалъ портретъ Катерины Яковлевны; однакожъ это предположеніе тогда не осуществилось. Такъ какъ, между тѣмъ, московское изданіе сочиненій его разошлось довольно быстро, такъ что въ концѣ 1800 года уже шла рѣчь о немногихъ остававшихся еще экземплярахъ этой книги, то онъ, по выходѣ въ отставку, снова задумалъ рос-

[1] VI, 144.
[2] См. предисловіе къ изданію Рамлера, Берлинъ, 1800.

кошно напечатать свои стихотворенія и заказать виньетки для нихъ за границей. Для этого онъ посылалъ въ Англію поднесенную Екатеринѣ II рукопись, съ рисунками работы Оленина; но британскіе художники потребовали за награвированіе ихъ такую сумму (12 т. руб.), что и этотъ планъ разстроился. Тетрадь была возвращена въ Петербургъ, при чемъ одинъ рисунокъ, именно изображавшій русскаго солдата, дошедшаго до Геркулесовыхъ столбовъ, оказался вырѣзаннымъ. Оленинъ обѣщалъ замѣнить его новымъ, что̀ и вызвало посланіе Державина къ этому извѣстному археологу и любителю искуствъ, котораго поэтъ называетъ: «моей поэзьи изографъ» и между-прочимъ говоритъ ему:

«Оленинъ милый! вспомяни
Твое мнѣ слово и черкни....
Услуги вѣрной ждать не должно
Отъ иностранныхъ слабыхъ рукъ.
И впрямь, огромность Исполина
Кто облечетъ, окромѣ сына
Его, и тѣломъ и душой?
Намъ тѣсенъ всѣхъ другихъ покрой» (II, 492).

Съ заказомъ гравюръ Державинъ обратился тогда къ находившемуся въ Петербургѣ англійскому граверу Сандерсу, и рѣшено было для пробы напечатать отдѣльно, въ небольшомъ форматѣ, *Анакреонтическія пѣсни*. Съ самаго начала столѣтія Державинъ думалъ объ изданіи особой книжкой тѣхъ изъ своихъ стихотвореній, которыя относились къ эротическому роду и почти всѣ были написаны въ послѣднія десять лѣтъ. Исполненіе этого плана было пріостановлено назначеніемъ его въ министры; по выходѣ же его изъ службы, книжка была напечатана въ 1804 г. Но и это изданіе было не вполнѣ удовлетворительно. При посылкѣ экземпляра его Капнисту, Державинъ, жалуясь на опечатки, говорилъ, что съ ними стыдно въ люди показаться; «Что дѣлать», прибавлялъ онъ, «съ такими бестіями, каковы наши художники?»[1]. Со стороны своего внутренняго достоинства книжка вызвала также

[1] VI, 152.

далеко не общія похвалы. Выше было уже показано, какія различныя сужденія произносились объ этомъ отдѣлѣ творчества Державина. Тогдашній корифей нашей критики, Мерзляковъ, писалъ къ Жуковскому: «Державинъ выдалъ анакреонтическія пѣсни. Пьесы многія — старыя, напр. Хариты, На рожденіе порфиророднаго отрока, Граціи и проч. Новаго не много, и почти все не хорошо. Этотъ Анакреонъ пѣлъ при Павловомъ дворѣ, и Павла самого, иногда подъ именемъ Феба, иногда Амура, иногда...[1] Языка нѣтъ. Золота и серебра кучи; остроты не видно; неблагопристойности много, а naïf, которое должно быть душою такого рода твореній, не найдешь почти нигдѣ. Вотъ тебѣ критика послѣ перваго моего чтенія. Прошу тебя ей не вѣрить. Въ другой разъ покажется безъ сомнѣнія мнѣ все лучше, и я буду имѣть удовольствіе поздравить тебя съ новымъ пріобрѣтеніемъ нашего Парнасса»[2]. Разнорѣчіе въ мнѣніяхъ объ анакреонтическихъ стихотвореніяхъ Державина главнымъ образомъ происходило, конечно, отъ неровности ихъ. При повѣркѣ отзыва Мерзлякова надо помнить, что большое число стихотвореній Державина въ этомъ родѣ написано послѣ 1804 года.

Для будущаго изданія своихъ сочиненій онъ имѣлъ въ виду то Капниста, то давнишняго сослуживца и пріятеля своего, Поспѣлова. Для гравюръ хотѣлъ онъ обратиться въ Лейпцигъ. Въ послѣдующіе годы онъ и готовилъ великолѣпное изданіе своихъ сочиненій съ виньетами, въ шести частяхъ; въ то же время Дарья Алексѣевна, которая сама играла на арфѣ, собирала ноты къ тѣмъ изъ его пьесъ, которыя были положены на музыку капельмейстерами: Трутовскимъ, Сарти, Бортнянскимъ, Козловскимъ, Нейкомомъ и др. Тщательно переписанное набѣло собраніе стихотвореній Державина въ тетрадяхъ листового формата, украшенныхъ рисунками лучшихъ русскихъ художниковъ, было тогда же прочитано императрицей Елисаветой Алексѣевной, которая пожелала ознакомиться съ ними. Вскорѣ послѣ того, въ

[1] Пропускъ въ подлинникѣ.

[2] Письмо къ Жуковскому, отъ 7-го іюля 1804 года. *Р. Арх.* 1871 февр. стр. 0147, 0148.

1807 году, приступлено было къ новому изданію, подъ наблюденіемъ А. Ф. Лабзина, бывшаго въ то время директоромъ департамента морскаго министра и конференцъ - секретаремъ Академіи художествъ. Печатаніе производилось въ типографіи Шнора, помѣщавшейся на Невскомъ проспектѣ, въ домѣ лютеранской Петропавловской церкви. Началось оно въ августѣ мѣсяцѣ, а въ февралѣ 1808 года все изданіе въ четырехъ томахъ было готово и пущено въ продажу. Виньеты явились только въ началѣ и въ концѣ каждаго тома. Державинъ и этимъ изданіемъ остался не совсѣмъ доволенъ; замѣтимъ, однакожъ, что за исключеніемъ нѣкоторыхъ невѣрностей, по бóльшей части находившихся въ текстѣ самыхъ рукописей, изданіе 1808 года вообще очень исправно. Въ предисловіи заслуживаютъ вниманія слова: «Со временемъ все, касающееся до моихъ письменъ, объяснено будетъ, если не мною самимъ, то по оставленнымъ мною запискамъ другимъ кѣмъ-либо». Сочиненія въ прозѣ и стихотворныя мелочи, какъ-то: эпиграммы, эпитафіи и т. п. не вошли еще въ это изданіе.

Въ началѣ 1804 года Державинъ проситъ Дмитріева подписаться за него на всѣ выходящіе въ Москвѣ журналы. Въ числѣ ихъ былъ и *Другъ просвѣщенія*, который съ этого года предприняли издавать графъ Григ. Серг. Салтыковъ, Д. И. Хвостовъ и П. И. Голенищевъ-Кутузовъ. Для этого журнала Хвостовъ выпросилъ у поэта два стихотворенія, незадолго передъ тѣмъ отдѣльно напечатанныя: *Колесница* и *Фонарь*. О первомъ мы уже говорили въ своемъ мѣстѣ, второе было внушено Державину тѣми размышленіями о суетѣ мірской, съ какими онъ не могъ не оглядываться на недавно оконченное имъ служебное поприще. По поводу размноженія журналовъ онъ между-прочимъ писалъ Дмитріеву: «Куда какъ *зажурналилось*, и по привычкѣ къ рифмѣ хочется сказать: *затуманилось* вмѣсто свѣта, котораго ожидали»[1]. Въ журналѣ *Патріотъ* Вл. Измайловъ разбранилъ Ильина за то, что онъ въ своей драмѣ *Великодушіе или Рекрутскій наборъ* изображаетъ людей низкаго званія и заставляетъ ихъ говорить

[1] II, 168.

простонароднымъ языкомъ, чтó, по мнѣнію критика, опасно для слога самого автора. Державинъ, въ томъ же письмѣ, осуждаетъ Измайлова за рѣзкость его приговора. И въ слѣдующіе годы онъ продолжаетъ выписывать московскіе журналы черезъ Дмитріева; однакожъ, въ концѣ 1805 уже проситъ сдѣлать выборъ изъ множества періодическихъ изданій, которыя, по обилію ихъ, уподобляетъ грибамъ. На это излишество онъ нѣсколько позднѣе написалъ стихи, подъ заглавіемъ: *Разноцвѣтные журналы*[1]. Къ числу этихъ журналовъ принадлежали въ Москвѣ: *Вѣстникъ Европы* (Каченовскаго), *Ученыя Вѣдомости* (проф. Буле), *Другъ просвѣщенія, Новости русской литературы* (Сохацкаго и Побѣдоносцева) и *Московскій Курьеръ* (Павла Львова). На 1807 годъ Державинъ пожелалъ имѣть только три первыя изданія.

Въ это время онъ уже былъ въ пріятельскихъ отношеніяхъ къ Шишкову. Сблизились они, конечно, какъ сочлены по Россійской академіи, къ которой Шишковъ, будучи гораздо моложе, принадлежалъ только съ 1796 года[2]. Въ 1802 онъ издалъ свое знаменитое *Разсужденіе о старомъ и новомъ слогѣ*. Въ 1804 году Державинъ пишетъ къ Дмитріеву: «Шишковъ вызывалъ меня въ разговорахъ на похвалу своей критики, сдѣланной имъ насчетъ новыхъ писателей и, какъ кажется, болѣе Николая Михайловича. Я ему отвѣчалъ, что я не грамматикъ, о всѣхъ тонкостяхъ языка судить не могу, но мнѣ кажется, что слишкомъ пристрастны его разсужденія. Онъ отошелъ съ неудовольствіемъ. Я желаю Николаю Михайловичу такого же успѣха въ исторіи, какъ въ изданныхъ имъ твореніяхъ; но боюсь подражателей его, что они, выказывая свои таланты, силятся слишкомъ проповѣдывать тѣ правила, которыхъ слѣдствія опасны. Мы видимъ тому примѣры. Не бывъ въ дѣлахъ, они все легко принимаютъ и ищутъ только блестящаго. Но мудрость заключается въ срединѣ крайностей»[3]. Намъ разсказывали, что Шишковъ, вскорѣ

[1] III, 391.

[2] Онъ избранъ былъ въ академики 16-го декабря 1796 года: повидимому это избраніе было въ связи съ его служебнымъ возвышеніемъ по воцареніи императора Павла.

[3] VI, 148.

послѣ изданія своей книги, пріѣхалъ къ Державину съ жалобой на «мальчишекъ», которые нападаютъ на него подъ знаменемъ Карамзина. «Что же вы думаете сдѣлать?» спросилъ его поэтъ. — Написать возраженіе и жестоко отдѣлать ихъ! — «Не совѣтую», отвѣчалъ Державинъ и прибавилъ словами Іисуса Сираха: «дунь на искру, — разгорится, а плюнь, такъ погаснетъ». Этотъ анекдотъ очень правдоподобенъ, тѣмъ болѣе, что то же самое поэтъ писалъ Дмитріеву по поводу полемики, возникшей между Херасковымъ и Николевымъ [1].

Мы уже знаемъ, съ какимъ уваженіемъ Державинъ смотрѣлъ на Карамзина: слѣдовательно, Шишковъ напрасно искалъ въ немъ ревностнаго союзника противъ этого писателя. Въ 1807 году Жихаревъ, посѣщая въ Петербургѣ шишковскій литературный кругъ и удивляясь презрительному отношенію его къ московскимъ писателямъ, замѣтилъ между прочимъ: «Карамзинымъ восхищается одинъ только Гаврила Романовичъ, и стоитъ за него горою». Хотя Державинъ впослѣдствіи и далъ сдѣлать изъ себя орудіе въ борьбѣ противъ карамзинской школы, принявъ подъ свое покровительство *Бесѣду* и подчинившись вліянію Шишкова въ языкѣ, но онъ никогда не предавался этой партіи вполнѣ и не разрывалъ связей съ противниками ея. Иногда однакожъ онъ, еще и въ прежнее время, позволялъ себѣ подшучивать надъ слабыми сторонами Карамзина, напр. въ письмѣ къ Дмитріеву онъ поднялъ на смѣхъ конецъ посланія *Къ женщинамъ*, напечатаннаго въ *Аонидахъ*, и замѣтилъ,

«Что съ таковыми женъ друзьями
Мужья съ рогами»,

а потомъ написалъ по этому поводу особую эпиграмму подъ заглавіемъ *Другу женщинъ* [2].

Позднѣе, когда Дашковъ издалъ свою книгу «О легкомъ способѣ возражать на критику», Державинъ обнаружилъ даже

[1] VI, 55. Ср. *Кн. премудр. Іис. Сир.* 28, 14.
[2] III, 363.

шишковскую нетерпимость, и, получивъ это сочиненіе отъ автора, возвратилъ ему присланный экземпляръ. Въ концѣ 1813 года Дашковъ писалъ кн. Вяземскому: «Кстати о нашемъ Гораціи. Онъ вздумалъ формально разсердиться на меня и даже жаловаться на то, что я кой-кому показывалъ его замѣчанія на возвращенной мнѣ книжкѣ» [1].

Въ перепискѣ съ Дмитріевымъ Державинъ высказывалъ иногда здравые критическіе взгляды. Дурныхъ писателей онъ бичевалъ эпиграммами, не щадилъ и преданныхъ Шишкову Павла Львова, Павла Кутузова и гр. Хвостова, хотя, высказывая имъ самимъ свои мысли о ихъ твореніяхъ, старался золотить пилюлю. «Хотя я и люблю правду», объяснялъ онъ Дмитріеву, «но говорю ее гдѣ только по должности отъ меня требуется; а между нашими братьями авторами самое лучше дѣло, ежели и при запахѣ стервы носъ залегаетъ. По сей-то самой правдѣ и маленькій Львовъ [2], но великій надутымъ самолюбіемъ, позабывъ всѣ благодѣянія мною ему сдѣланныя, болѣе уже ко мнѣ не ходитъ. И правду сказать, какъ не возмѣриться и не поднимать носу, когда (какъ слышу здѣсь) московская публика превозноситъ его «Храмъ великихъ мужей». Послѣ сего совѣтовалъ бы я умолкнуть и всякой лучшей рецензіи. Почто глухимъ пѣть и дуть па вѣтеръ! Но какъ бы то ни было, предвижу я между Москвою и Петербургомъ великую литературную бурю. Твердятъ уже здѣсь на театрѣ русскаго Стерна [3]; тутъ-то полетятъ громы и молніи; штыки новаго и стараго штиля засверкаютъ» [4]... Предвидѣніе поэта вполнѣ оправдалось: *Новый Стернъ* не только породилъ предсказанную имъ бурю, но и послужилъ однимъ изъ поводовъ къ появленію впослѣдствіи Арзамасскаго общества.

Съ гр. Хвостовымъ, какъ давнишнимъ сослуживцемъ сво-

[1] *Русск. Арх.* 1866, стр. 494.

[2] Павелъ Юрьевичъ; см. о немъ и его сочиненіяхъ V, 817.

[3] *Новый Стернъ*, комедія кн. Шаховскаго, направленная противъ Карамзина и напечатанная въ 1807 году.

[4] VI, 166.

имъ по сенату и племянникомъ Суворова, Державинъ уже нѣсколько лѣтъ былъ въ пріятельскихъ отношеніяхъ и, переписываясь съ нимъ, старался тонкимъ образомъ высказывать ему правду насчетъ его метроманіи. Такъ, когда тотъ въ своемъ *Другѣ просвѣщенія*, въ 1805 году, напечаталъ оду въ честь Державина, нашъ лирикъ писалъ ему: «Не нахожу ни мыслей, ни словъ довольно возблагодарить васъ за ваше ко мнѣ дружеское расположеніе, а по этому самому, что заплатить хочу вамъ истиннымъ и душевнымъ чистосердечіемъ, прошу послушать моего безпристрастнаго совѣту и не торопиться писать скоро стиховъ вашихъ, а паче не предавать ихъ скоро въ печать. Чтó прибыли отдавать себя безъ строгой осмотрительности суду критиковъ? Вы знаете, что не количество, а качество парнасскихъ произведеній вѣнчаетъ авторовъ. Итакъ заключу тѣмъ, чтó бывало мнѣ друзья мои говаривали:

«Писанія свои прилежно вычищай:
Вѣдь изъ чистилища лишь идутъ въ рай».

Между тѣмъ гр. Хвостовъ въ своихъ письмахъ къ Державину восторженно хвалилъ его, а послѣдователей Карамзина презрительно называлъ *элегантами*. Отвѣчая ему, Державинъ выразилъ любопытный взглядъ на «признаки истиннаго достоинства поэтовъ». Оно, по его мнѣнію, безспорно: 1) когда стихи ихъ затверживаются наизусть и передаются въ потомство; 2) когда апофтегмы изъ нихъ въ заглавія другихъ сочиненій вносятся, и 3) когда они переводятся на другіе просвѣщенные языки [1].

По желанію Каченовскаго, Державинъ въ началѣ 1806 года послалъ въ *Вѣстникъ Европы* два стихотворенія. Это были, противъ его обыкновенія, переводы: *Цирцея*, одна изъ знаменитѣйшихъ въ свое время одъ Жанъ-Батиста Руссо, и *Дѣва за клавесиномъ*, пьеса Шиллера. Изъ-за нихъ чуть не произошло ссоры между поэтомъ и журналистомъ. Поводомъ къ недоразумѣнію послужило то, что Каченовскій, не совсѣмъ довольный

[1] I, 174 и 175.

этими переводами, передъ напечатаніемъ *Цирцеи* сдѣлалъ въ ней нѣсколько измѣненій. Державинъ оскорбился и написалъ о томъ Дмитріеву. Чтобы оправдаться, Каченовскій сложилъ вину на послѣдняго, который и дѣйствительно принялъ ее на себя. Державинъ, привыкшій къ поправкамъ своего пріятеля, успокоился. Серіознѣе было дѣло съ переводомъ изъ Шиллера. Каченовскій вовсе не хотѣлъ печатать его и, чтобъ имѣть къ тому предлогъ, просилъ Мерзлякова перевести ту же пьесу точнѣе. Между тѣмъ Державинъ, не видя своего перевода въ *Вѣстникѣ Европы*, приписалъ это тому, что онъ сдѣланъ бѣлыми стихами, которыхъ не любилъ Дмитріевъ, и потому потребовалъ *Дѣву за клавесиномъ* обратно. Каченовскій просилъ Дмитріева еще разъ послужить козломъ отпущенія, но Иванъ Ивановичъ не согласился и вдобавокъ выразился неуважительно о самомъ «Вѣстникѣ Европы»; для отвращенія непріятностей, пьеса тѣмъ временемъ явилась въ этомъ журналѣ, но между обоими московскими литераторами, въ слѣдствіе этого случая, произошло охлажденіе, которое еще усилилось, когда вслѣдъ за тѣмъ Каченовскій напечаталъ придирчивый разборъ басенъ Дмитріева. Здѣсь кстати упомянуть, что Державинъ вообще не сочувствовалъ Шиллеру; отъ природы чуждый всякой мечтательности и романтизма, почитатель Горація, Пиндара и нѣмецкихъ поэтовъ классической школы, онъ не могъ увлекаться красотами новаго свѣтила германской поэзіи и находилъ, что въ немъ недостаетъ «Пиндарова огня, который, подхвативъ, съ собою возноситъ, или пріятнаго нектара Горація, который вмѣстѣ щекочетъ, учитъ и услаждаетъ»; ему не нравились «писанія, не приправленныя аттическою солью нравоученія или сатиры» [1].

3. ЭПИГРАММЫ И БАСНИ ДЕРЖАВИНА.

Въ 1805 году графъ Хвостовъ, печатавшій въ своемъ *Другѣ просвѣщенія* хвалебные стихи въ честь Державина, просилъ его дать въ этотъ журналъ что-нибудь изъ своихъ произведеній.

[1] II, 540, III, 494 и 741.

Уклоняясь отъ появленія въ журналѣ, издававшемся очень небрежно и не пользовавшемся уваженіемъ публики, поэтъ отвѣчалъ, что такъ какъ онъ готовитъ полное изданіе своихъ «кропаній», то боится набить читателямъ оскомину. При этомъ онъ упомянулъ, что не могъ отдѣлаться отъ одного петербургскаго журналиста и передалъ ему «нѣкоторую мелочь, по лоскуткамъ у него валявшуюся», т. е. надписи на разные случаи и нѣсколько басенъ; въ письмѣ къ гр. Хвостову онъ прибавилъ, что считаетъ себя въ этомъ родѣ весьма неискуснымъ и тяжелымъ [1].

Хотя дѣйствительно этотъ отдѣлъ его стихотвореній не представляетъ, вообще говоря, особенныхъ достоинствъ, но такъ какъ онъ довольно общиренъ и притомъ не лишенъ историческаго интереса, то мы должны нѣсколько остановиться и на немъ. Въ своемъ мѣстѣ было уже замѣчено (стр. 267 и д.), что Державинъ съ самаго начала своей литературной дѣятельности писалъ иногда эпиграммы и басни. Въ позднѣйшее время, готовя полное собраніе своихъ сочиненій, онъ намѣренъ былъ отвести цѣлый томъ этому роду стиховъ, но не успѣлъ выполнить своего плана. Между рукописями его мы нашли двѣ тетради, изъ которыхъ одна содержала до 25-ти басенъ, а другая около 200 разныхъ мелкихъ сочиненій, какъ-то: эпиграммъ, надписей къ портретамъ, эпитафій и т. п. Они знакомятъ насъ съ разными подробностями тогдашней литературы, а также со взглядами поэта на нѣкоторыя современныя лица и событія. Изъ раннихъ стихотвореній его въ этомъ родѣ мы имѣли уже случай узнать его отношенія къ Сумарокову. Есть у него нѣсколько эпиграммъ и на другихъ современныхъ писателей. Особенно любилъ онъ потѣшаться насчетъ Николева, Струйскаго, графа Хвостова и бывшаго сослуживца своего Эмина. Съ послѣднимъ соперничалъ онъ когда-то въ анакреонтической поэзіи. Одну изъ такихъ пьесъ Эминъ началъ стихами:

«Недавно въ темну ночь,
Окончивъ день пристойно,
Прогнавъ заботы прочь,
Я спалъ себѣ спокойно».

[1] VI, 168.

По этому поводу Державинъ, сочинивъ впослѣдствіи эпиграмму на комедію Эмина, кончилъ стихомъ:

«Лишь день одинъ въ свой вѣкъ умѣлъ провесть пристойно»[1].

Николевъ, авторъ знаменитой въ свое время трагедіи *Сорена*, издавшій свои творенія въ пяти томахъ, напечаталъ въ *Аонидахъ* Карамзина въ честь Петра Великаго рондо, въ которомъ каждый куплетъ начинался и оканчивался восклицаніемъ *Петръ великъ*! Державинъ осмѣялъ автора подъ именемъ *кулика*.

Двустишіе:

«По имени струя,
А по стихамъ болото»

относится къ пензинскому помѣщику и литератору Струйскому, защитнику Сумарокова, заведшему въ своемъ имѣніи типографію для печатанія собственныхъ своихъ сочиненій.

Переписываясь съ графомъ Хвостовымъ, Державинъ сначала говорилъ ему любезности насчетъ его неутомимой и плодовитой музы, но вскорѣ, какъ мы видѣли, нашелъ нужнымъ сдерживать его Пегаса, а позднѣе написалъ на него даже нѣсколько эпиграммъ. Племянникъ Суворова и, благодаря этому родству, камеръ-юнкеръ, а потомъ и графъ, Хвостовъ еще съ 90-хъ годовъ прошлаго столѣтія началъ предаваться метроманіи, печатал свои стихи въ *Новыхъ Ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ* княгини Дашковой. Въ своихъ одахъ онъ тщился и, какъ ему самому казалось, успѣвалъ не уступать знаменитому лирику. Между прочимъ онъ также написалъ *оду Богъ* и спрашивалъ Державина:

«Какъ нравится тебѣ моя о Богѣ ода?»

Въ эпиграммѣ, послужившей отвѣтомъ на этотъ вопросъ, Самохваловъ хвастаетъ, что хотя онъ не срисовывалъ описаннаго Гораціемъ коня, а всетаки, —

«Гдѣ быть бы головѣ, намалевалъ тамъ хвостъ».

Какъ смотрѣлъ Державинъ на журналъ *Другъ просвѣщенія*, гдѣ ему такъ усердно курили ѳиміамъ, видно изъ эпиграммы его

[1] III, 369.

по случаю перемѣны въ 1806 г. цвѣта обертки на книжкахъ этого изданія:

«Въ одеждѣ красной былъ въ годъ прошлый сей журналъ,
И просвѣщеніе намъ сурикомъ блистало;
Но нынѣ голубымъ онъ сталъ:
Неужель намъ вранье пріятнѣе въ немъ стало?»[1].

Особенною картинностью и изобрѣтательностью въ описаніи разныхъ неизящныхъ образовъ и звуковъ отличается эпиграмма на Скрыплева (Хвостова), начинающаяся такъ:

«Скрипитъ немазанна телѣга
Въ степи песчанистой безъ брега
И съ золотомъ везетъ навозъ»...

Рядомъ съ этой эпиграммой можетъ быть поставлена другая *На рифмоплета,* также замѣчательная пластичностью выраженій:

«Видалъ ли, рифмоплетъ, на рынкѣ ты блины
Изъ гречневой муки, холодные, сухіе,
Безъ соли, безъ дрождей, безъ масла спечены,
И словомъ, черствые и жесткіе такіе,
Что въ горло могутъ быть пестомъ лишь втолчены?
Не трудно ль — разсуди — блины такіе кушать,
Не казнь ли смертная за тяжкіе грѣхи?
Вотъ такъ-то, рифмоплетъ, легко читать и слушать
Увы! твои стихи»[2].

Во время пріятельскихъ сношеній съ Державинымъ Хвостовъ успѣлъ вовлечь его даже въ поэтическую съ собой переписку, въ которой лирика представляетъ Волховъ, а собесѣдникъ его является подъ именемъ рѣчки Кубры, омывавшей имѣніе его во Владимірской губерніи. Въ отвѣтъ на привѣтствія сіятельнаго стихотворца, въ *Другѣ просвѣщенія* было напечатано посланіе *Волхова къ Кубрѣ:*

[1] III, 391.
[2] III, 498 и 500.

«Напрасно, Кубра дорогая,
Поешь о славѣ ты моей;
Прелестна дѣвушка младая!
Мнѣ пѣть бы о красѣ твоей.
Хотя угрюмъ и важенъ взоромъ
И сѣдина на волосахъ,
Но рѣдко бурями и громомъ
Въ моихъ бушую я лѣсахъ.
Я мирный гражданинъ, торговый,
И безпрестанно въ хлопотахъ;
За старымъ караваномъ новый
Ношу лѣниво на плечахъ;
Наполненъ барками, судами,
На парусахъ и бичевой,
Я русскихъ пѣсенъ голосами
Увеселяю слухъ лишь свой» и т. д. [1].

Такимъ образомъ мы видимъ, что литературныя отношенія Державина къ гр. Хвостову были въ разное время не одинаковы; по взаимной личной пріязни обоихъ, эти отношенія были для перваго довольно затруднительны и потому со стороны его не всегда искренни. Его эпиграммы на бездарнаго пріятеля оставались, разумѣется, въ рукописи. Гораздо прямѣе были его отношенія къ двоюродному брату пѣвца Кубры, Александру Семеновичу Хвостову, нѣкогда сослуживцу Державина при князѣ Вяземскомъ. Онъ принадлежалъ къ одному литературному кружку со Львовымъ и Хемницеромъ, самъ писалъ очень немного, но слылъ человѣкомъ съ талантомъ и вкусомъ, и былъ извѣстенъ какъ остресловъ и эпикуреецъ. Когда однажды гр. Хвостовъ упрекнулъ его за лѣность, то онъ отвѣчалъ:

«Лѣниться жребій мой, и жребій неизбѣженъ:
Скажи, любезный другъ, что̀ въ томъ, что ты прилеженъ?»

Иногда однофамильцы не на шутку ссорились, какъ увидимъ ниже, когда рѣчь будетъ о Бесѣдѣ; теперь упомянемъ только о

[1] II, 483.

другомъ менѣе серіозномъ случаѣ. Однажды между ними завязался споръ о томъ, позволительно ли въ русскихъ стихахъ, рядомъ съ ямбомъ и хореемъ, вставлять пиррихій, стопу, состоящую изъ двухъ слоговъ безъ ударенія. Графъ Хвостовъ, обвиняемый въ употребленіи его, справедливо приводилъ, что пиррихій неизбѣженъ и часто встрѣчается у всѣхъ нашихъ поэтовъ, начиная съ Ломоносова. Находя что онъ правъ, Державинъ написалъ его противнику нѣсколько шуточныхъ стиховъ, въ которыхъ замѣтилъ, что графъ,

«Гордясь побѣдою своей,
Пиррихьемъ вновь звучитъ, какъ скриплою телѣгой».

Александръ Семеновичъ Хвостовъ отвѣчалъ стихами же, хотя и плохими, но любопытными по выраженному въ нихъ взгляду на стихотворство его родственника; они кончаются такъ:

«Желалъ бы только я, чтобъ графъ за сто красотъ
И Ломоносова и вашихъ
Одинъ хоть путненькій далъ мыслямъ оборотъ
Во все теченіе своихъ лѣтъ и лѣтъ нашихъ» [2].

Державинъ очень дорожилъ совѣтами Александра Семеновича и между прочимъ сообщилъ ему на просмотръ, въ 1808 году, свою трагедію *Иродъ и Маріамна* при особомъ посланіи, на которое тотъ отвѣчалъ:

«Державина пріявъ велѣнье,
Отнынь я критикъ и піитъ;
Пѣвца Фелицы одобренье
Кого, кого не возгордитъ?» и проч. (III, 418).

Въ другой разъ онъ такъ защищалъ нашего поэта отъ нападеній критиковъ:

«Удары волнъ бываютъ ли ужасны?
Пигмеевъ замыслы Ираклу не опасны;
Дымъ Этны пламенной Олимпъ безпечно зритъ;
Зоиловъ слабый крикъ Омира не страшитъ.

[1] III, 439.

Пѣвца Фелицы лавръ средь дерзка врановъ гласа
Растетъ и высится въ честь росскаго Парнасса» [1].

Есть у Державина между прочимъ эпиграммы на Кострова («Хмельнина»), какъ переводчика Гомера, на Каченовскаго («надутаго и хромоногаго историка») и на Воейкова. Послѣдній провинился тѣмъ, что вмѣстѣ съ Каченовскимъ очень рѣзко напалъ въ *Вѣстникѣ Европы* на сочиненіе Станевича, одного изъ самыхъ усердныхъ поклонниковъ Шишкова. Нельзя также оставить безъ вниманія эпиграммъ Державина на Карамзина (о чемъ уже было упомянуто) и на Жуковскаго (по поводу ссоры, о которой будемъ говорить позднѣе), а рядомъ съ ними — и саркастическаго отвѣта его на слѣдующій отзывъ Сергѣя Глинки, напечатанный въ *Русскомъ Вѣстникѣ* 1809 г. по поводу новаго изданія сочиненій нашего поэта: «Въ *третьей части* находятся анакреонтическія оды, бывшія уже въ печати, съ прибавленіемъ нѣкоторыхъ новыхъ въ семъ родѣ сочиненій. Анакреонъ и Сафо полюбовались бы многими изъ сихъ пѣсенъ. Должно однако признаться, что *есть между ими и такія, на которыя бы Граціи желали накинуть покровъ...»*

Въ отвѣтѣ своемъ Державинъ обращается къ защитѣ *Русскихъ Грацій*:

«Велитъ вамъ, Граціи, надернуть покрывало
На пѣсенки мои шутливыя мудрецъ.

«Знать, его не прельщало яблоко Эдема, его мать не изъ ребра Адама, отецъ его не изъ глины:

«Не любопытенъ онъ, какъ дѣды его были.

«Но вы, Граціи, идете конечно по стопамъ своей прабабушки:

«Сквозною дымкой вы тѣ пѣсенки закрыли
И улыбнулися на запрещенный плодъ» [2].

Вотъ, стало-быть, оправданіе самого поэта противъ того обвиненія, которое, какъ мы видѣли, взводилъ на него не одинъ Глинка за нѣкоторыя изъ его анакреонтическихъ пѣсенъ.

[1] III, 438.

[2] III, 8 (Нѣкоторые неотдѣланные стихи мы замѣнили прозой).

Въ *Журналѣ Россійской словесности* (въ майской книжкѣ 1805 г.) издатель его Н. И. Брусиловъ помѣстилъ слѣдующую эпиграмму на Державина[1]:

«Проходитъ слава царствъ, и царства исчезаютъ!
Пальмира гордая, гдѣ ты?.. Увы! не знаютъ!
И Александровъ гробъ и городъ разрушенъ,
Въ которомъ сильный царь земли былъ погребенъ.
Героевъ градъ забытъ, забытъ и съ ихъ дѣлами —
А ты жить въ вѣчности съ великими мужами,
Тромпетинъ! захотѣлъ стихами!»

Въ *Другѣ просвѣщенія* явился вскорѣ отвѣтъ Державина, впослѣдствіи нѣсколько имъ измѣненный:

«Трубитъ Тромпетинъ во тромпету:
Его гласъ вторятъ холмъ и долъ;
Булавкинъ колетъ жаломъ въ мѣту,
Но чуть слышна булавки боль.
Блистали царства — и ихъ нѣту;
Живетъ въ стихахъ своихъ Пиндаръ;
Толпятся мошки солнца къ свѣту;
Но дунетъ вѣтръ — и гдѣ комаръ?»

Въ связи съ этими стихами находится написанная, вѣроятно, нѣсколько позже и не изданная при жизни Державина пьеса *Лирикъ,* гдѣ изображеніе имъ своего величія какъ поэта достигаетъ уже гиперболическихъ размѣровъ[2].

Къ одному роду поэзіи съ эпиграммами можно отнести тѣ стихи Державина, въ которыхъ онъ высказываетъ свои размышленія о вынесенныхъ имъ урокахъ жизни или разочарованіяхъ. Напр.

[1] Что было причиною неудовольствія Брусилова? Не его ли разумѣетъ Державинъ (см. выше стр. 867) подъ журналистомъ, которому онъ отдалъ «нѣкоторую свою мелочь?» Можетъ-быть Брусиловъ почувствовалъ себя обиженнымъ и, не захотѣвъ печатать этой мелочи, вздумалъ отомстить поэту своей эпиграммой. Прежде они были пріятелями (VI, 93 и 99).

[2] III, 514 и 523. *Тромпетинымъ* назвалъ Княжнинъ одно изъ лицъ въ своей комедіи *Чудаки.*

Доказательство талантовъ.

«Надлежитъ всякое полезно сочиненье
Вельможамъ доказать чрезъ вистъ и рокамболь;
А безъ того царю, отечеству раченье
У насъ предъ ними — ноль» [1].

Или вотъ какъ онъ обращается *къ правдѣ:*

«Слуга, сударыня, покорный!
Пускай ты божеская дочь, —
Я сталъ ужъ человѣкъ придворный
И различу, чтó день, чтó ночь.
Лѣтъ шестьдесятъ съ тобой водился,
Лбомъ за тебя о стѣны бился,
Чтобъ въ вѣрныхъ слыть твоихъ слугахъ;
Но вижу, Неба дщерь прекрасна,
Что вѣрность та моя напрасна:
Съ тобой я въ чистыхъ дуракахъ!» [2]

Мысль о своихъ заслугахъ и неудачахъ сильно занимала престарѣлаго поэта. Объ этомъ свидѣтельствуютъ двѣ его *эпитафіи самому себѣ:*

1.

«Сребра и злата не далъ въ лихву
И съ неповинныхъ не бралъ мзды,
Коварствомъ не вводилъ въ ловитву
И не ковалъ ни чьей бѣды;
Но, вѣрой, правдой вержа злобу,
Въ долгу оставилъ трехъ царей.
Приди вздохнуть, прохожій, къ гробу,
Покоищу его костей».

2.

«Здѣсь лежитъ Державинъ,
который поддерживалъ правосудіе;

[1] III, 519.
[2] IV, 525.

но, подавленъ неправдами,
палъ, защищая законы» (III, 504).

Таково же содержаніе отрывка, сохранившагося въ его рукописяхъ подъ заглавіемъ: *Кубокъ*, пѣсни, которую онъ, по собственному его выраженію, «подноситъ молодому дворянству». Приводимъ оттуда нѣсколько стиховъ:

«Возстань со креселъ куріальныхъ,
Неопытный боярскій сынъ,
И пышнымъ древомъ предковъ дальныхъ
Не дмись, случайный властелинъ!
Но слушай старика сѣдого,
Что́ съ дѣтства, съ нижнихъ степеней
Шелъ, безъ подпоръ и безъ покрова,
Лишь правды, мужества стезей,
Былъ щитъ отчизны, руль законовъ,
Стоялъ предъ трономъ трехъ царей» (III, 526).

Здѣсь поэтъ обращается конечно къ молодымъ сотрудникамъ Александра I, и преимущественно къ Кочубею. Въ послѣднемъ куплетѣ отрывка они названы юными патриціями.

Эти же лица, съ придачею къ нимъ еще Аракчеева, Сперанскаго и молодого полководца, Каменскаго, доставили пищу позднѣйшимъ *баснямъ* Державина[1]. Въ первую эпоху его литературной дѣятельности, встрѣчающіяся у него стихотворенія этого рода еще не имѣютъ никакого примѣненія къ современнымъ обстоятельствамъ и лицамъ, и сюжеты ихъ заимствованы просто изъ Езоповскаго и Федрова апполога. Позднѣе, и особенно въ царствованіе Павла, въ басняхъ Державина замѣтна уже историческая основа, намѣреніе представить иносказательно какую-нибудь черту времени или особенность лица. Таковы напр. басни *Корабль и игла*, *Струя и домъ*, *Хозяйка*. Всѣ басни, написанныя имъ въ царствованіе Александра I, имѣютъ сатирическое значеніе: *Аистъ* представляетъ Аракчеева; *Жмурки* —

[1] III, 537 — 571.

молодого государя съ его сотрудниками; тутъ ясно и нравоученіе: «не надо допускать класть на себя повязку»; басня *Лашманы* доказываетъ необходимость единства власти; *Выборъ министровъ* имѣтъ предметомъ избраніе, хотя и шумливой, но горячей въ заботѣ объ общемъ благѣ, трудолюбивой пчелы (самого Державина) помимо паука и муравья; *Паукъ* мѣтитъ на Кочубея или Сперанскаго. Въ баснѣ *Старые и молодые голуби* выставляется вообще ненадежность молодыхъ дѣятелей и въ особенности произносится порицаніе молодымъ военачальникамъ, кажется, по поводу битвы при Аустерлицѣ или неудачъ въ турецкую кампанію 1810 года. На это указываетъ нравоученіе басни:

«Безъ стариковъ вождей, да не узнавъ и броду
Соваться въ воду,—
Опасно по одной теорьи воевать».

Въ баснѣ *Бойница и водопадъ* русскіе солдаты, подъ начальствомъ стараго полководца, хотя и «простого человѣка, не мудреца и не героя», оказываютъ чудеса храбрости:

«Какой бы намъ извлечь изъ притчи сей совѣтъ?
Умъ опытный лишь зритъ и отвращаетъ вредъ».

Своими баснями въ царствованіе Александра Державинъ оправдалъ поговорку: «что у кого болитъ, тотъ о томъ и говоритъ». Въ литературномъ отношеніи, всѣмъ имъ недостаетъ отдѣлки; хотя въ нихъ и замѣтно стремленіе къ простотѣ и народности, но языкъ басенъ Державина вообще небреженъ и неправиленъ. Крыловъ тогда еще не являлся на сцену. Идеаломъ нашего поэта въ этомъ родѣ былъ старый его пріятель Хемницеръ, какъ показываетъ позднѣйшее четверостишіе Державина: *Судъ о басельникахъ*:

«Эзопъ, Хемницера зря, Дмитрева, Крылова,
Послѣднему сказалъ: ты тонокъ и уменъ;
Второму: ты хорошъ для модныхъ, нѣжныхъ женъ;
Съ усмѣшкой первому сжалъ руку — и ни слова» [1].

[1] III, 520.

4. ДРАМАТИЧЕСКІЯ СОЧИНЕНІЯ.

Вступленіе Державина на поприще драматической поэзіи было конечно заблужденіемъ, но такъ какъ она въ послѣдній періодъ его жизни болѣе всего занимала его и онъ обнаружилъ въ ней изумительную производительность, то мы, по обязанности біографа, должны разсмотрѣть, хотя въ главныхъ чертахъ, и эту отрасль его дѣятельности вмѣстѣ съ побужденіями, обратившими его къ ней, и степенью достигнутаго имъ успѣха.

Мы знаемъ, что онъ, еще бывъ тамбовскимъ губернаторомъ, а потомъ и поселившись опять въ Петербургѣ, написалъ по разнымъ случаямъ нѣсколько сочиненій для представленія на театрѣ. Но особенно предался онъ этому роду поэзіи съ 1804 года. Успѣхъ въ лирикѣ казался ему слишкомъ легкимъ и дешево пріобрѣтеннымъ. Къ новому направленію его могло способствовать и жалкое состояніе, въ какомъ находился тогда русскій театръ. Въ послѣднее время только и явилось на немъ одно замѣчательное произведеніе, именно *Ябеда* Капниста; но, запрещенная послѣ первыхъ представленій въ царствованіе Павла, эта комедія еще и при Александрѣ долго не могла быть играна, и разрѣшена была только въ продажѣ[1]. Шаховской еще не начиналъ своего авторскаго поприща; русская сцена, за рѣдкими исключеніями, которыми обязана была Ильину и Крылову, пробавлялась либо старинными пьесами Княжнина и Фонъ-Визина, либо плохими переводами и передѣлками. Между послѣдними особенно посчастливилось волшебно-комической оперѣ *Русалка*, заимствованной изъ нѣмецкой пьесы Das Donauweibchen, производившей фуроръ въ Вѣнѣ и Берлинѣ. Одинъ изъ усердныхъ переводчиковъ для тогдашняго театра нашего, Краснопольскій, переложилъ ее на русскіе нравы, съ превращеніемъ Дуная въ Донъ. Эта передѣлка въ первый разъ явилась на сценѣ осенью 1803 года въ великолѣпной обстановкѣ и при участіи лучшихъ артистовъ. Несмотря на нелѣпость своего содержанія, Русалка сдѣлалась надолго любимою пьесой петербургской публики и дава-

[1] VI, 156, 162.

лась черезъ день. Вездѣ слышались изъ нея аріи, напр. «Мужчины на свѣтѣ какъ мухи къ намъ льнутъ». Незадолго передъ тѣмъ дебютировавшая Катерина Семеновна Семенова приводила слушателей въ восторгъ.

Въ іюлѣ 1804 года Державинъ писалъ Капнисту: «Теперь вкусъ здѣсь на шуточныя оперы, которыя украшены волшебными декораціями, и утѣшаютъ болѣе глаза и музыкою слухъ, нежели умъ. Изъ нихъ одну, *Русалкой* называемую, представляли почти всю зиму безпрерывно и теперь представляютъ, но не такъ, какъ прежде, въ единствѣ времени и никогда не менѣе 5 актовъ, напротивъ того по частямъ. Первую часть давали зимой, нынѣ зачали вторую, а тамъ третью, четвертую и такъ далѣе, дондеже вострубитъ труба Ангела и декорація свѣта сего, перемѣнясь, представитъ намъ другое зрѣлище. Вы спросите меня, какъ это дѣлается? ибо гдѣ есть связь, тамъ долженъ быть планъ, начало и конецъ. Но вы ошибаетесь. Представьте себѣ сонныя грезы. Безъ всякаго соображенія и послѣдствія, что̀ видятъ, то и бредятъ. Вотъ въ короткихъ словахъ описаніе нынѣшняго театра»[1].

Увѣренный въ многосторонности своего поэтическаго таланта, уже и прежде пробовавъ его въ сочиненіяхъ драматической формы, Державинъ захотѣлъ принять участіе въ возвышеніи русской сцены своими собственными трудами. За полгода передъ письмомъ, откуда заимствованы только что приведенныя строки, именно 30-го января 1804 года, онъ писалъ къ А. М. Бакунину: «Теперь хочу попытаться въ драматическомъ полѣ и вы бы меня обязали, еслибы изъ Метастазіевыхъ оперъ нѣкоторыя выписки или планы ихъ вкратцѣ сообщили, дабы я, съ расположеніемъ и духомъ его познакомясь, могъ надежнѣе пуститься въ сіе поприще, ибо таковыя важныя лирическія пьесы, кажется, мнѣ болѣе другихъ свойственны».

Изъ этихъ словъ намъ становится понятно, подъ какимъ вліяніемъ написаны Державинымъ два большія драматическія сочиненія его съ музыкой, хорами и речитативами: *Добрыня* (въ пяти

[1] VI, 156. Ср. Арапова *Лѣтопись русск. театра*, стр. 164.

актахъ) и *Пожарскій* (въ четырехъ). Оттуда и сходство ихъ, по характеру и составу, съ подобными же произведеніями Екатерины II, которая равнымъ образомъ прилежно вчитывалась въ Метастазія.

Заимствованіе какъ ею, такъ и Державинымъ сюжетовъ изъ сказочнаго міра и отечественной исторіи было согласно съ общимъ направленіемъ, которое тогда изъ западной литературы стало переходить и къ намъ. Въ первой изъ названныхъ пьесъ Державина видно старапіе обильно пользоваться элементомъ народной поэзіи, хотя вмѣстѣ съ тѣмъ обнаруживается, на какомъ низкомъ уровнѣ тогда еще находилось у насъ изученіе старины и древней словесности. Однимъ изъ главныхъ источниковъ служили Державину только что изданныя Ключаревымъ *древнія русскія стихотворенія* (былины), а также собранія сказокъ Попова и Чулкова, давно ему знакомыя. Четвертое дѣйствіе *Добрыни* открывается хоромъ дѣвушекъ:

«Что по гриднѣ князь,
Что по свѣтлой князь,
Наше солнышко Владиміръ князь похаживаетъ;
Что соколій глазъ,
Молодецкій глазъ,
Какъ на пташечекъ, младыхъ дѣвицъ посматриваетъ,
Что у ласточки,
У касаточки,
Алу бѣлу грудь, сизы крылья потрогиваетъ.
Парчевой кафтанъ,
Сапоги сафьянъ,
Золоту казну и соболи показываетъ;
Веселымъ лицомъ,
Въ обинякъ словцомъ
Мысли дѣвичьи и думу ихъ извѣдываетъ.
Не мани насъ, князь!
Не гадай насъ, князь!
Красно солнышко! ему боярышни возговорятъ.
Не златой казнѣ,
Не твоей красѣ
Очи и сердца свои давно всѣ продали.

Ты взгляни на насъ,
Ты вздохни хоть разъ,
Дай въ залогъ перстень любой тебѣ, ту выбери»[1].

Между тѣмъ однакожъ пьеса на каждомъ шагу представляетъ несообразности: рядомъ съ заимствованіями изъ русскихъ былинъ безпрестанно упоминаются рыцари, и Добрыня на самой сценѣ посвящается въ это званіе. Героиня оперы, Прелѣпа, по образцу французской комедіи, имѣетъ наперсницу Способу, съ которою любезничаетъ плутоватый слуга Добрыни, Торопъ. Прелѣпа росла въ Холмоградѣ, священномъ для всего Сѣвера мѣстѣ, куда, по словамъ Татищева, ѣздили на богомолье сѣверные короли. Тамъ-то Прелѣпа воспитывалась вмѣстѣ съ Добрынею въ училищѣ волшебницы Добрады. Когда же Владиміръ захотѣлъ жениться, то она привезена была въ Кіевъ со многими другими дѣвицами, и на нее палъ выборъ князя. Но вотъ въ лицѣ Тугарина является змѣй Горыничъ и утверждаетъ, что былъ въ связи съ нею. Владиміръ вызываетъ его на поединокъ и побѣждаетъ клеветника, но Тугаринъ, помощію какого-то письма, успѣваетъ подкрѣпить свое обвиненіе и судъ произноситъ надъ Прелѣпою приговоръ. Наконецъ однакожъ открывается ея невинность, и Владиміръ, узнавъ исторію ея дѣтства, благословляетъ ее на бракъ съ Добрынею; въ то же время и Торопъ женится на Способѣ. Дѣйствіе безпрестанно прерывается хорами, дуэтами и пляскою. Мѣстами только талантъ автора проявляется въ удачныхъ стихахъ.

Такія же странности замѣчаются и въ *Пожарскомъ*, «героическомъ представленіи», оконченномъ въ 1806 году, слѣдовательно за годъ до появленія на сценѣ извѣстной трагедіи Крюковского на тотъ же сюжетъ, имѣвшей огромный успѣхъ. При тогдашнемъ положеніи Россіи естественно было, что писатели считали своею задачей возбуждать въ обществѣ патріотическое настроеніе. Намъ уже извѣстно, съ какимъ благоговѣніемъ Державинъ смотрѣлъ на Пожарскаго, «великаго», по его словамъ, «каковыхъ исторія мало представляетъ». Форму оперы избралъ онъ потому, что согласно съ господствовавшимъ въ то время взглядомъ видѣлъ

[1] IV, 98.

въ ней высшій родъ драматическаго творчества, соединявшій въ себѣ всѣ отрасли искуства и потому способный, сильнѣе всякаго другого представленія, дѣйствовать на зрителей. Среди козней, направленныхъ противъ Пожарскаго Трубецкимъ и Заруцкимъ, Марина, сходно съ народнымъ повѣрьемъ, является у Державина чародѣйкой и хочетъ завлечь въ свои сѣти Пожарскаго, который въ самомъ дѣлѣ колеблется, но наконецъ выходитъ побѣдителемъ изъ борьбы съ своею страстью. И тутъ передъ глазами зрителей дѣйствуетъ волшебство, являются амуры, сильфы, нимфы, сатиры.

Скоро однакожъ Державинъ захотѣлъ испытать свои силы и въ трагедіи. На это поприще увлекъ его успѣхъ Озерова: онъ считалъ для себя возможнымъ достигнуть первенства во всѣхъ отрасляхъ поэзіи. 23-го ноября 1804 года была въ первый разъ представлена трагедія *Эдипъ въ Афинахъ*, и публика, отвыкшая посѣщать русскій театръ, приняла ее съ такимъ восторгомъ, какому давно не было примѣра. Здѣсь Кат. Сем. Семенова дебютировала въ трагедіи. По окончаніи пьесы, зрители единодушно требовали автора, но онъ уклонился отъ этой чести. Высшее общество стало ѣздить на представленія Эдипа. Напечатавъ пьесу, Озеровъ посвятилъ ее Державину при письмѣ, написанномъ въ непомѣрно хвалебныхъ выраженіяхъ; никто еще такъ не превозносилъ Державина, какъ Озеровъ, «желая принести дань удивленія и восторга тому великому генію, который явилъ себя единственнымъ соперникомъ Ломоносова»[1]. «Вдохновеннымъ пѣснямъ вашей музы», говоритъ трагикъ, «я обязанъ живѣйшими наслажденіями въ жизни». Это посвященіе вызвало со стороны Державина не менѣе напыщенное посланіе[2]; въ приложенномъ письмѣ объяснено, что онъ замедлилъ отвѣтомъ, потому что хотѣлъ присоединить къ нему и замѣчанія «нѣкотораго общества пріятелей, которое, предпріявъ разсмотрѣть сіе тво-

[1] Озеровъ давно былъ почитателемъ Державина: между стихотвореніями его есть одно подъ заглавіемъ: *Г. Р. Державину на случай полученія имъ ордена св. Анны* (1800). Оно наполнено такими же гиперболическими похвалами, какъ и посвященіе *Эдипа*. (См. *Соч. Озерова*, изд. Смирд., стр. 407).

[2] *Озерову на приписаніе Эдипа*. II, 580.

реніе, думало примѣтить несравненныя красоты его и нѣкоторыя погрѣшности». Упоминаемое здѣсь общество пріятелей состояло конечно изъ послѣдователей Шишкова, сдѣлавшихся нѣсколько лѣтъ спустя членами извѣстной *Бесѣды*. Естественно, что многое у Озерова не могло имъ нравиться. Еще болѣе недостатковъ находили они въ его *Димитріи Донскомъ*, представленномъ въ первый разъ въ началѣ 1807 года. Свои замѣчанія объ этой трагедіи Державинъ открыто высказалъ при дворѣ. Онъ находилъ между прочимъ, что этой трагедіи недостаетъ исторической вѣрности, и былъ недоволенъ тѣмъ, что тутъ безъ всякаго основанія Дмитрій Донской выставленъ влюбленнымъ въ небывалую княжну, которая одна одинешенька прибыла въ станъ и, вопреки всѣмъ обычаямъ тогдашняго времени, шатается по шатрамъ княжескимъ, да разсказываетъ о любви своей къ Дмитрію [1]. Это дошло до Озерова. Уже и прежде оскорбленный нападками на Эдипа, онъ сталъ громко приписывать зависти критику поэта, говорилъ о томъ даже императрицѣ и прекратилъ знакомство съ Державинымъ. Тогда-то лирикъ рѣшился проучить молодого трагика и самъ принялся сочинять трагедіи. Первая изъ нихъ носила заглавіе *Иродъ и Маріамна*. Она была предпринята въ слѣдствіе вызова, съ которымъ Россійская академія, въ концѣ 1806 года, обратилась къ русскимъ писателямъ, приглашая желающихъ написать трагедію въ стихахъ. Премію составляла сумма въ 500 руб., присланная въ академію неизвѣстнымъ. Она присуждена была Хераскову за трагедію *Зореида и Ростиславъ*. Что касается Державина, то онъ не представилъ своего труда на конкурсъ, а напечаталъ его отъ себя, съ посвященіемъ Россійской Академіи. Предварительно онъ сообщалъ свою трагедію на просмотръ А. С. Хвостову, къ которому обратился по этому поводу съ посланіемъ [2].

Вольтеръ, при изданіи своей *Маріамны*, замѣтилъ, что богатый сюжетъ этой трагедіи заслуживалъ бы разработки по болѣе обширному плану, и вотъ что руководило Державина въ

[1] Жихарева *Дневникъ чиновника. Отеч. Зап.* т. С, 179.
[2] III, 413.

избраніи имъ предмета для своего труда. Входить въ разборъ какъ этого, такъ и остальныхъ драматическихъ сочиненій его мы не считаемъ нужнымъ; судъ о нихъ уже произнесенъ и современниками и потомствомъ. Мерзляковъ остроумно называлъ ихъ «развалинами Державина». Разумѣется, что въ каждомъ изъ нихъ встрѣчаются отдѣльныя мѣста, замѣчательныя то по лирической силѣ своей, то по счастливой мысли, но вообще они страдаютъ недостаткомъ живости дѣйствія, скроены по мѣркѣ такъ называемой ложно-классической драмы; кромѣ того языкъ діалога въ нихъ большею частью тяжелъ и неправиленъ.

Съ тѣхъ поръ какъ явилась трагедія *Иродъ и Маріамна*, драматическая производительность Державина становится изумительною. Вслѣдъ затѣмъ онъ написалъ трагедіи: *Евпраксія*, *Темный* и *Атабалибо, или разрушеніе Перуанской имперіи*. Дѣйствіе *Евпраксіи* вращается около героическаго поступка рязанской княгини, бросившейся изъ терема съ ребенкомъ на рукахъ при видѣ приближавшагося Батыева войска. Вѣроятно, поводомъ къ сочиненію этой трагедіи послужило также приглашеніе Россійской академіи, напечатанное въ началѣ 1808 года, въ теченіе котораго она была написана. Преосвященный Евгеній, получивъ ее на просмотръ и сбираясь переписать ее для себя, далъ о ней такой отзывъ въ письмѣ къ поэту: «Монологи Евпраксіи весьма характерны, и патріотизмъ разлитъ во всей трагедіи разительнѣйшими чертами, которыя могутъ пристыдить насъ въ нынѣшнее время». При традегіи *Темный*, Державинъ излагаетъ условія, признаваемыя имъ необходимыми въ этомъ родѣ сочиненій; таковы: соблюденіе единствъ, любопытная завязка, естественность въ ходѣ дѣйствія, нечаянный и поразительный конецъ. Особенную важность придавалъ онъ сохраненію исторической истины. «Всѣ дѣйствующія лица», говоритъ онъ, «суть не вымышленныя, а подлинныя историческія и имѣютъ, каждое, приличныя имъ свойства». Вообще онъ хвалился соблюденіемъ исторической вѣрности въ своихъ трагедіяхъ. *Атабалибо*, вѣроятно плодъ чтенія *Инковъ* Мармонтеля и *Гишпанцевъ въ Перу* Коцебу, писалась въ послѣднее время жизни Державина и осталась неконченною. По словамъ Аксакова, который читалъ ее вслухъ въ его домѣ, «эта

трагедія съ хорами и великолѣпнымъ, неисполнимымъ на сценѣ спектаклемъ, была любимымъ произведеніемъ Державина».

Послѣ четырехъ названныхъ трагедій онъ успѣлъ въ немногіе годы написать еще оперы: *Іоаннъ Грозный, или покореніе Казани*, *Дурочка умнѣе умныхъ* и *Рудокопы*, послѣднія двѣ въ народномъ вкусѣ. Возвращеніе его отъ трагедіи къ оперѣ объясняется тѣмъ высокимъ понятіемъ, какое онъ имѣлъ объ этомъ послѣднемъ родѣ, какъ вѣнцѣ искуства. Онъ мечталъ о возможности придать исторической оперѣ такое же значеніе, какое у древнихъ Грековъ имѣла трагедія съ хорами, и дѣйствовать посредствомъ ея на возбужденіе патріотизма. Екатерина II, по его мнѣнію, вполнѣ понимала превосходство оперы и ея воспитательное значеніе. «Мы видѣли и слышали», говоритъ онъ, «какое дѣйствіе имѣло героическое музыкальное представленіе, сочиненное ею въ военное время подъ названіемъ *Начальное правленіе Олега*». Въ этихъ-то мысляхъ онъ написалъ въ 1814 году оперу *Грозный*. Зрѣлище покоренія Казанскаго царства, казалось ему, подходило къ обстоятельствамъ Россіи послѣ торжества надъ Наполеономъ; Французовъ сравнивалъ онъ съ кровожадными татарскими ордами, а вождя ихъ уподоблялъ волшебнику, который болѣе обманомъ и обаяніемъ, нежели истиннымъ искуствомъ, хотѣлъ устрашить своихъ соперниковъ.

Но и этимъ еще не ограничивалась дѣятельность Державина въ области драматической поэзіи; въ то же время онъ успѣлъ перевесть въ стихахъ *Федру* Расина, также нѣсколько оперъ изъ *Метастазія*, одну изъ *Де-Беллуа* и проч. Въ заключеніе упомянемъ и о маленькой комедіи-шуткѣ, *Кутерьма отъ Кондратьевъ*, написанной имъ для своего домашняго театра и основанной на томъ, что у него было три служителя этого имени, отчего нерѣдко происходили забавныя недоразумѣнія. Многіе подозрѣвали въ этой пьесѣ затаенный намекъ на тогдашнихъ министровъ, которые, по замѣчанію Державина, не знали своихъ должностей и кто изъ нихъ первый.

Въ примѣръ выдающихся мыслей и мѣткихъ наблюденій, разсѣянныхъ въ драмахъ нашего поэта, приведемъ изъ *Евпраксіи* нѣсколько стиховъ, показывающихъ какъ вѣрно онъ уже понималъ

одну всѣми сознанную въ наше время черту русскаго народнаго характера. Батый говоритъ своему приближенному, Бурундаю:

«О русской храбрости твоя хвала мнѣ тщетна.
Ихъ каменная грудь народамъ всѣмъ примѣтна;
Россіянъ побѣдить оружіемъ не можно,
А хитростью, — и я берусь за то не ложно:
Примѣры многіе я разсказать бы могъ.
И самый Святославъ погибъ въ стану въ расплохъ.
Пройдетъ лишь грозна брань, — веселіе ихъ свойство,
Безпечность стихія, пиры и хлѣбосольство.
Средь мира брань ковать у нихъ заботы нѣтъ.
Сколь кратъ незапно имъ нанесъ союзникъ вредъ!» (IV, 316).

Къ сожалѣнію, этотъ же отрывокъ можетъ служить образчикомъ дурного языка и однообразнаго размѣра трагедій Державина[1]. О томъ, ка́къ самъ онъ между тѣмъ высоко цѣнилъ свои драматическія сочиненія, намъ достаточно извѣстно изъ разсказовъ С. Т. Аксакова. Изъ переписки поэта мы знаемъ также, что онъ любилъ разсылать ихъ въ рукописи своимъ друзьямъ и почитателямъ: Дмитріеву, Карамзину, Капнисту, А. С. Хвостову, Евгенію Болховитинову. Особенно дорожа совѣтами знаменитаго актера И. А. Дмитревскаго, онъ и ему сообщалъ на просмотръ свои тетради. При чтеніи ихъ тотъ отмѣчалъ на поляхъ мѣста́, требовавшія объясненій. Эти замѣтки очень тревожили Державина, и когда Дмитревскій, возвращая ему рукопись, въ присутствіи его перевертывалъ листы, то поэтъ съ безпокойствомъ заглядывалъ впередъ и пробѣгалъ глазами страницы. Видя это, уклончивый старикъ говорилъ ему: «Ваше высокопревосходительство, будьте совершенно спокойны: эти замѣчанія дѣлаю я не для васъ; но, вы знаете, на театрѣ всегда бываютъ прощелыги, готовые придираться къ авторамъ: отъ нихъ-то я хочу предосте-

[1] Жуковскій любилъ подшучивать надъ двумя стихами *Ирода и Маріамны* (IV, 240). «Но въ блескѣ солнечномъ не видны ль черны пятны?» спрашиваетъ Маріамна. Иродъ отвѣчаетъ: «Какой вопросъ! Есть. Нѣтъ, они невѣроятны». (Слыш. отъ кн. Вяземскаго).

речь васъ»[1]. Къ числу литераторовъ, къ которымъ Державинъ обращался со своими драматическими трудами, принадлежали еще молодые въ то время люди, Гнѣдичъ и П. А. Корсаковъ (впослѣдствiи издатель *Маяка* и переводчикъ съ голландскаго). Первый, въ 1810 г., читалъ у Державина, передъ собранiемъ гостей, его переводъ Расиновой *Федры*, а послѣднiй, по его порученiю, позднѣе (1813) сличалъ этотъ переводъ съ подлинникомъ и указалъ ему мѣста, требовавшiя измѣненiй[2]. Вскорѣ послѣ изданiя четырехъ томовъ своихъ стихотворенiй, Державинъ думалъ уже и о напечатанiи трагедiй *Ирода и Марiамны*, *Евпраксiи* и *Федры*. Выше мы видѣли, что первая была дѣйствительно издана при жизни поэта; другiя же остались не напечатанными. Объ изданiи ихъ переписывался онъ въ 1809 г. съ извѣстнымъ московскимъ издателемъ, Бекетовымъ, который отвѣчалъ ему, что «поставитъ себѣ за честь и удовольствiе напечатать ихъ въ своей типографiи» и просилъ заказать хорошiе рисунки для награвированiя заглавныхъ листовъ. Дѣло однакожъ на томъ и остановилось.

Желанiе Державина видѣть свои трагедiи поставленными на сцену далеко не осуществилось. Единственная его пьеса, игранная на петербургскомъ театрѣ, была *Иродъ и Марiамна*. Сомнѣваясь чтобъ она могла имѣть успѣхъ, князь Шаховской, тогдашнiй директоръ театра, долго не соглашался принять ее, отзываясь автору недостаткомъ денегъ для постановки его произведенiя съ надлежащимъ блескомъ. Наконецъ однакожъ онъ согласился, и 23 ноября 1808 года трагедiя Державина была представлена съ хорами, положенными на музыку Давыдовымъ. Главныя роли, Ирода и Марiамны, были исполнены Яковлевымъ и Каратыгиною. Благодаря этимъ двумъ талантамъ, успѣхъ превзошелъ всѣ ожиданiя и представленiе повторено нѣсколько разъ. Кн. Шаховской былъ тѣмъ болѣе доволенъ, что ученица его Валберхова, игравшая Соломiю, была хорошо принята публикою[3].

По разсказу Жихарева, Державину очень хотѣлось видѣть

[1] Слышано отъ Плетнева, которому разсказывалъ это П. С. Молчановъ.

[2] VI, 377.

[3] *Лѣтопись р. театра*, Арапова, стр. 189, и *Сем. Хр. и Воспом.* Аксакова, стр. 378.

на сценѣ и *Евпраксію*: чтобы заставить князя Шаховского принять пьесу, онъ вызывался даже взять на себя издержки ея постановки. Шаховской, боясь неудачи, упорствовалъ, но наконецъ уступилъ убѣжденіямъ Дмитревскаго, съ тѣмъ однакожъ, чтобы въ трагедіи сдѣланы были нѣкоторыя измѣненія и сокращенія. Державинъ соглашался на это; но Дмитревскій, опасаясь, что пьеса всетаки не будетъ имѣть успѣха на театрѣ, объяснилъ автору, что ему выгоднѣе поставить ее у себя дома, такъ какъ тогда декораціи и костюмы останутся въ его рукахъ. Державинъ послушался этого совѣта [1].

У него въ домѣ была зала, устроенная для домашняго театра, гдѣ конечно и игрались нѣкоторыя изъ его пьесъ. Слѣды того мы находимъ въ его перепискѣ: такъ въ августѣ 1815 года онъ изъ Званки сносился съ родными, бывшими въ Петербургѣ, о приготовленіяхъ къ представленію на домашнемъ его театрѣ оперы Метастазія *Титово милосердіе* въ сдѣланномъ имъ русскомъ переводѣ [2]. Въ томъ же году молодые любители изъ круга его знакомыхъ готовились сыграть *Евпраксію* у Н. И. Ахвердова, жившаго въ Михайловскомъ замкѣ, но спектакль почему-то не состоялся [3].

5. Переписка съ преосв. Евгеніемъ и автобіографія.

Говоря о литературныхъ связяхъ Державина въ разсматриваемое время, мы не коснулись его знакомства съ преосвященнымъ Евгеніемъ Болховитиновымъ, потому что оно имѣло совершенно особенный характеръ и подало поводъ къ перепискѣ, которая заслуживаетъ отдѣльнаго очерка. Въ началѣ 1804 года Евгеній, назначенный старорусскимъ епископомъ и новгородскимъ викаріемъ, переселился изъ Петербурга въ Хутынскій монастырь, лежащій на Волховѣ верстахъ въ 10-ти отъ Новгорода, и такимъ образомъ сдѣлался сосѣдомъ Званскаго помѣщика; они

[1] *Воспоминанія стараго театрала* въ *Отеч. Зап.* 1854, т. XCVI, стр. 105 и 106.

[2] VI, 319.

[3] Изъ рукописныхъ воспоминаній Кузминскаго, сообщенныхъ мнѣ покойнымъ Д. А. Кропотовымъ.

познакомились въ слѣдующемъ году. Поводомъ къ ихъ сближенію было то, что ученый святитель, интересуясь особенно исторіею литературы, занимался составленіемъ словаря писателей, и имѣя надобность въ свѣдѣніяхъ о Державинѣ, пожелалъ лично съ нимъ познакомиться. Посредникомъ въ этомъ дѣлѣ послужилъ ему графъ Хвостовъ, который съ 1799 до начала 1803 г. былъ оберъ-прокуроромъ св. синода, слѣдовательно давно пользовался знакомствомъ Евгенія, и притомъ самъ также собиралъ матеріалы для словаря писателей[1].

Въ маѣ 1805 года онъ получилъ отъ преосвященнаго письмо, содержавшее между прочимъ слѣдующія строки: «Вамъ коротко знакомъ Г. Р. Державинъ. А у меня нѣтъ ни малѣйшихъ чертъ его жизни. Буква же Д близко. Напишите, сдѣлайте милость, къ нему и попросите его именемъ всѣхъ литераторовъ, почитающихъ его, чтобы вамъ сообщилъ записки: 1) котораго года, мѣсяца и числа онъ родился и гдѣ, а также нѣчто хотя о родителяхъ его, 2) гдѣ воспитывался и чему учился, 3) хотя самое краткое начертаніе его службы, 4) съ котораго года началъ писать и издавать сочиненія свои и которое изъ нихъ было самое первое. 5) Не сообщитъ ли какихъ о себѣ и анекдотовъ, до литературы касающихся? Онъ живетъ теперь отъ Новгорода верстахъ въ тридцати[2]), но никогда сюда не ѣздитъ и мнѣ не знакомъ».

О томъ, что поэтъ живетъ въ сосѣдствѣ его, Евгеній незадолго передъ тѣмъ узналъ отъ Хвостова же, который писалъ къ нему: «Заѣзжайте къ барду». Не догадываясь, кого подъ этимъ именемъ должно разумѣть, преосвященный отвѣчалъ, что въ тамошнихъ лѣсахъ только кукушки и филины, а барда нѣтъ. Когда же дѣло разъяснилось, и Евгеній изъявилъ желаніе сблизиться съ поэтомъ, то Хвостовъ тотчасъ же послалъ ученому святителю рекомендательное письмо къ Державину, котораго оно должно было предупредить о новомъ знакомствѣ. 24-го мая Евгеній

[1] Подлинная переписка Евгенія съ графомъ Хвостовымъ напечатана мною въ *Сборникѣ Отдѣленія русск. яз. и словесности*, т. V, вып. I.

[2] Этотъ расчетъ не вѣренъ: отъ Званки до Новгорода кратчайшее разстояніе сухимъ путемъ составляетъ 71 версту; водою же 55.

отвѣчалъ: «Письмо къ Державину еще не успѣлъ я доставить. Ищу вѣрнѣе случаевъ». Наконецъ это письмо дошло по назначенію. Гаврила Романовичъ отвѣчалъ гр. Хвостову: «Сейчасъ получилъ письмо вашего сіят. отъ 15 текущаго мѣсяца. Усерднѣйше за оное благодарю. Изъ него я вижу, что преосв. Евгеній Новогородскій требуетъ моей біографіи. Охотно желаю познакомиться съ симъ почтеннымъ архипастыремъ. Буду къ нему писать и попрошу его къ себѣ. Чрезъ 30 верстъ, можетъ-быть, и удостоитъ посѣтить меня въ моей хижинѣ. Тогда переговорю съ нимъ о сей матеріи лично; ибо не весьма ловко самому о себѣ класть на бумагу, а особливо нѣкоторые анекдоты, въ жизни моей случившіеся»[1].

Вскорѣ послѣ того преосвященный началъ посѣщать Званку. «На прошедшей недѣлѣ», писалъ онъ 29 іюня 1805 г., «ѣздилъ къ Гавріилѣ Романовичу, но не засталъ его дома. Онъ былъ въ Петербургѣ». Потомъ, 20 іюля: «Къ Гаврилѣ Романовичу я на сихъ дняхъ опять ѣду». Наконецъ, письмо Евгенія къ гр. Хвостову отъ 22 августа почти все наполнено воспоминаніями о первомъ знакомствѣ съ поэтомъ. Выписываемъ здѣсь все это письмо: «На прошедшей почтѣ я писалъ къ вамъ, а теперь пишу для того только, чтобы увѣдомить васъ, что я ѣздилъ къ Гаврилѣ Романовичу въ другой разъ и, заставъ дома, препроводилъ съ отмѣннымъ удовольствіемъ время, цѣлые сутки. Начитался, наговорился и получилъ еще надежду впредь пользоваться знакомствомъ нашего Горація; слышалъ собственными ушами тысячи эхъ, около его живущихъ, и теперь только понялъ, что такое въ его сочиненіяхъ значитъ *грохочетъ эхо*[2]. Подлинно, можетъ

[1] Далѣе въ этомъ же письмѣ помѣщено четверостишіе Державина, уже приведенное нами выше на стр. 691: «Кто велъ его на Геликонъ?» и проч. Къ нему присоединено замѣчаніе поэта: «Объясненіе четырехъ сихъ строкъ составитъ исторію моего стихотворства, причины онаго и необходимость».

[2] Вѣроятно, отъ такого обилія отголосковъ, которыми эта мѣстность нѣкогда отличалась, *Званка* и получила свое имя, подобно тому, какъ и *Звенигородъ* названъ такъ по замѣчательному эху, существующему близъ этого города.

быть, изъ всей Россіи въ одной его только деревнѣ этотъ чудной феноменъ натуры, которому, не слыхавъ, трудно повѣрить. Почтенный піитъ на сихъ дняхъ обѣщался и меня посѣтить въ Хутынѣ; и всѣмъ этимъ я обязанъ — вамъ, любезный графъ! Итакъ благодарю отъ чувствительнаго сердца. Не съ пустыми также руками выѣхалъ я отъ новаго моего знакомца. Онъ препоручилъ мнѣ переслать къ вашему сіят. прилагаемую при семъ его эпиграмму въ отвѣтъ зоилу Брусилову, напечатавшему въ маѣ мѣсяцѣ *Журнала Россійской Словесности*, презрительную на него эпиграмму [1]. Но не велѣлъ Гаврила Ром. подписывать подъ симъ отвѣтомъ имени его. Всякъ узнаетъ сочинителя».

Съ своей стороны и Евгеній произвелъ на Державина самое благопріятное впечатлѣніе. Польщенный его желаніемъ, поэтъ поспѣшилъ доставить ему свою біографію и въ концѣ августа лично отдалъ ему визитъ. 30 сентября преосвященный писалъ къ гр. Хвостову: «Я убѣдилъ Гаврилу Романовича (который былъ у меня въ Хутынѣ 24 августа и ночевалъ), чтобы онъ написалъ хотя краткую поэму о Новѣгородѣ, и онъ обѣщалъ это исполнить въ Петербургѣ, гдѣ онъ теперь уже и находится. Похвалюсь вамъ, что онъ прислалъ мнѣ самую обстоятельнѣйшую свою біографію и пространныя примѣчанія на случаи и на всѣ намеки своихъ одъ. Это драгоцѣннѣйшее сокровище для русской литературы. Но теперь еще и на свѣтъ показать ихъ нельзя. Ибо много живыхъ витязей его намековъ. Я также присовѣтовалъ ему напечатать самое дешевое изданіе своихъ одъ. А онъ кромѣ того готовитъ самое великолѣпнѣйшее изданіе въ 6 частяхъ съ виньетами всѣхъ своихъ сочиненій» [2].

Приспособивъ автобіографическую записку Державина къ своему словарю, Евгеній передалъ ее на просмотръ автору, какъ видно изъ слѣдующихъ словъ его письма къ Хвостову отъ 17 января 1806 г.: «Въ дополненіе къ Марту пришлю статью о Державинѣ, которому самому отдалъ я ее на разсмотрѣніе, но отъ

[1] См. выше стр. 873.
[2] I, стр. XXI.

него не получалъ». Наконецъ, 13-го февраля, преосвященный такъ увѣдомлялъ издателя *Друга просвѣщенія* о скорой присылкѣ этой статьи: «На слѣдующей почтѣ отправлю къ Бантышъ-Каменскому *Біографію Державина*, у него самого въ кабинетѣ правленную и всѣми мелочами распространенную. Но онъ требуетъ, чтобы все это напечатано было. Сдѣлаемъ удовольствіе почтенному нашему Горацію. Эпиктитова и глиняная лампадка у потомства сдѣлалась въ великой цѣнѣ. А біографія не исторія, и терпитъ всякія мелочи описываемыхъ лицъ» [1].

Такъ начались дружескія сношенія между Евгеніемъ и Державинымъ. Въ послѣдующіе годы поэтъ посвятилъ іерарху нѣсколько стихотвореній. Изъ нихъ самое замѣчательное и обширное—*Жизнь Званская*, написанное въ 1807 г.; здѣсь старѣющій уже лирикъ явился не безъ отблесковъ прежняго таланта въ оригинальной картинѣ своего любимаго мѣстопребыванія, тамошнихъ удовольствій, занятій и размышленій. Въ глубинѣ свѣтлыхъ образовъ сельскаго быта лежитъ, въ пьесѣ Державина, тихая грусть, вынесенная имъ изъ долгаго опыта жизни и выражающаяся то мрачнымъ міровоззрѣніемъ, то унылымъ воспоминаніемъ или предчувствіемъ. Въ позднюю осень того же года, печально ознаменованнаго тильзитскимъ миромъ, Евгеній въ письмѣ къ Державину приводитъ одно мѣсто изъ этой пьесы, говоря: «Декларація о разрывѣ съ Англіею дошла и до насъ. Тутъ припоминаю я вашъ стихъ:

«Иль въ зеркало временъ, качая головой,
На страсти, на дѣла зрю древнихъ, новыхъ вѣковъ,
Не видя ничего, кромѣ любви одной
Къ себѣ—и драки человѣковъ». (*Жизнь Зв.*, строфа 19.)

Вскорѣ послѣ того какъ написано было это элегическое стихотвореніе, Евгеній въ іюлѣ 1807 года опять посѣтилъ сельскую обитель гостепріимнаго поэта, и въ домѣ Державина нарисованъ

[1] Біографія Державина напечатана въ № III *Д. П.* 1806 г. и оттуда, почти безъ всякихъ измѣненій, перешла въ изданіе Словаря свѣтскихъ писателей.

былъ для ученаго друга его видъ Званки. Этотъ рисунокъ, посланный въ Хутынь съ написаннымъ на немъ четверостишіемъ вызвалъ поэтическое привѣтствіе и со стороны преосвященнаго[1].

Первое извѣстное намъ письмо Евгенія къ Державину относится къ осени 1805 года. Оно писано 4-го октября изъ Новгорода въ Петербургъ. Оба писателя только что возвратились на зиму въ городъ. Какъ въ этомъ, такъ и въ слѣдующихъ своихъ письмахъ ученый является наставникомъ поэта въ исторіи и литературѣ. Здѣсь онъ отвѣчаетъ на письмо, къ которому поэтъ приложилъ *Марфу Посадницу* Карамзина. Преосвященный уясняетъ его свѣдѣнія о двухъ новгородскихъ побоищахъ, въ 1471 и въ 1570 г., и предлагаетъ прислать ему описаніе ихъ изъ печатавшейся въ то время Исторіи русской церкви, соч. Платона. Изъ этого можно заключить, что Державинъ, по совѣту Евгенія, дѣйствительно задумалъ было поэму изъ новгородской исторіи. Послѣ онъ отказался однакожъ отъ этой мысли и удовольствовался тѣмъ, что написалъ «балладу» *Новгородскій волхвъ Злогоръ*[2].

Другое, дошедшее до насъ письмо святителя къ поэту писано ровно черезъ два года послѣ перваго, именно 4 октября 1807 г. Державинъ около этого времени опять предпринялъ большой стихотворный трудъ. Это было посланіе къ великой княжнѣ Екатеринѣ Павловнѣ «о покровительствѣ отечественному слову»[3]. Изъ отдѣланнаго имъ начала этого посланія видно, что онъ намѣревался написать въ такой формѣ родъ дидактической поэмы, которая должна была изобразить значеніе словесности, поэзіи и покровительства имъ со стороны сильныхъ. Державинъ, приступивъ къ историческому изученію своего предмета, просилъ Евгенія помочь ему въ этомъ. Преосвященный составилъ для него двѣ записки, одну объ ученыхъ и о покровителяхъ ихъ какъ въ Европѣ, такъ и въ Аравіи, а другую о русскихъ меценатахъ отъ Владиміра Св. до боярина Ртищева. Кромѣ того, онъ указалъ поэту на *Историческій словарь*, изданный въ русскомъ переводѣ, въ Мо-

[1] II, 633.
[2] III, 181.
[3] III, 527.

сквѣ, въ концѣ прошлаго и въ началѣ нынѣшняго столѣтія и приложилъ, въ переводѣ же, книжку Баррохія о римскихъ писателяхъ разныхъ эпохъ [1]. Эту книжку послалъ отъ въ подарокъ Державину для его библіотеки, «ибо», говорилъ онъ, «она у меня лишняя»... «Если что и за симъ нужно», прибавлялъ Евгеній, «то извольте требовать отъ меня. Я готовъ дѣлать все въ угоду вашу».

Вскорѣ Державинъ доставилъ ему уже готовое начало своего новаго труда. «Начало эпистолы вашей», отвѣчалъ Евгеній, «я съ отмѣннымъ удовольствіемъ прочиталъ. Матерія обширна и достанетъ на цѣлую поэму. По моему мнѣнію, болѣе надобно распространиться надъ отечественною словесностію, а иностранщину зацѣпить вскользь, яко общій только примѣръ. Простите еще откровенности моей — стихи въ эпистолѣ должны быть сколько можно простѣе, плавнѣе и безъ затруднительной для смысла перестановки словъ. Въ одѣ фразеологическій слогъ производится пареніемъ мыслей, а эпистола есть дружеская, откровенная бесѣда. Впрочемъ не испортятъ эпистолы и такіе высокіе, разительные стихи, каковъ напримѣръ:

«Коснулся тмѣ — и тма бысть образъ всей вселенной».

Въ первой запискѣ Евгенія были упомянуты цвѣточныя игры (jeux floraux). Вѣроятно, Державинъ, получивъ ее, просилъ объясненія этого названія, потому что, вмѣстѣ съ приведеннымъ отзывомъ объ эпистолѣ, преосвященный послалъ ему записку о цвѣточныхъ играхъ. «Тутъ», говоритъ онъ, «о происхожденіи оныхъ два мнѣнія, и хотя первое достовѣрнѣе, но для эпистолы вашей второе приличнѣе кажется. А стихотворцу нѣтъ нужды строго держаться исторической истины. Описаніе сихъ игръ будетъ прекрасною картиною подъ вашимъ перомъ, и этотъ примѣръ покровительства и одобренія поэзіи можно выставить разительнѣе всѣхъ прочихъ».

[1] «Созерцаніе превосходнѣйшихъ письменъ латинскаго языка» и пр. Перев. Гавр. Данковъ. Спб. 1783 г. и «Словарь Истор. или Сокращ. библіотека» и пр., М. 1790—1802, 14 томовъ.

Прошло болѣе полутора года. 8-го іюля 1809 Евгеній пишетъ изъ Вологды, куда онъ за годъ передъ тѣмъ переведенъ былъ: «Почтеннѣйшее письмо вашего высокопревосходительства отъ 6 іюня изъ достопамятной Званки получилъ я. Вы опять въ сосѣдствѣ съ безсмертнымъ эхомъ, которое вѣрно въ первый день вашего пріѣзда проснулось отъ зимняго сна». Евгеній, гоговоритъ Державинъ, любилъ слушать на Званкѣ эхо отъ пушечныхъ выстрѣловъ, нѣсколько разъ отдававшееся по лѣсамъ волховскихъ береговъ. Въ письмѣ, котораго начало мы сейчасъ сообщили, Евгеній приводитъ далѣе описаніе эха изъ Овидіевыхъ превращеній, и прибавляетъ: «Званское эхо также можетъ упрекать своего любимаго барда, не пропѣвшаго ему ни одного привѣтливаго стишка. Нарциссъ у Овидія былъ по крайней мѣрѣ привѣтливѣе». Слѣдствіемъ этого вызова было новое стихотвореніе Державина *Эхо* (1811 г.), опять посвященное Евгенію, къ которому онъ здѣсь обращается съ словами:

«О мой Евгеній! Коль Нарциссомъ
Тобой я чтусь, — скалой мнѣ будь,
И какъ покроюсь кипарисомъ,
О мнѣ твердить не позабудь.
Пусть лирой я, а ты трубою
Играя, будемъ жить съ тобою» и проч. (III, 93).

Между тѣмъ поэтъ, во время пребыванія преосвященнаго въ Вологдѣ, въ 1809 г., сообщилъ ему въ рукописи свою недавно оконченную трагедію Евпраксію. Отзывъ Евгенія объ этомъ трудѣ уже приведенъ нами выше. «Желательно», говорилъ онъ тутъ же, «со временемъ прочитать бы и Василія Темнаго, трагедію. Вашему высокопревосходительству отъ всѣхъ предоставлено титло россійскаго Горація. Для чего же не подражать ему и во всемъ, т. е. попытаться бы и въ эпистолахъ, и въ сатирѣ, дабы и въ семъ не уступить римскому пѣвцу? Въ надеждѣ вашего в-пр. милостиваго ко мнѣ расположенія пишу я столь откровенно. А притомъ я усерднѣйшій желатель распространенія славы вашей». Замѣтимъ впрочемъ, что черезъ нѣсколько лѣтъ

преосвященный отступилъ отъ выраженнаго тутъ взгляда. Разбирая одно мѣсто *Разсужденія* Державина *о лирической поэзіи*, онъ въ 1815 году говорилъ ему: «Когда читатели приравниваютъ новыхъ писателей къ древнимъ классикамъ, то не всегда справедливо. Такъ наприм., очень опрометчиво поспѣшили назвать Сумарокова Расиномъ, а Хераскова Виргиліемъ, хотя и никто не споритъ, что первый состоитъ въ классѣ трагиковъ, а послѣдній въ классѣ эпиковъ. Можно даже быть и лирикомъ, и эпикомъ, и трагикомъ превосходнымъ съ другимъ геніемъ, не похожимъ ни на Пиндара и проч., ни на Расина, ни на Виргилія. Можетъ быть, и изъ похожихъ на нихъ явятся гораздо лучшіе ихъ»... Мысль совершенно справедливая, но за нею слѣдуетъ другая, о которой нельзя сказать того же: «такъ какъ Виргилій, подражая Гомеру, превзошелъ его, ибо совершенство безпредѣльно».

За 1810, 11 и 12 годы не осталось ничего изъ переписки обоихъ писателей. Но отъ 1813 сохранилось письмо Державина, касающееся извѣстнаго изслѣдованія преосвященнаго о такъ называемой Юрьевской грамотѣ 12-го вѣка[1]. Послѣдующія письма Евгенія относятся къ 1815 году, когда онъ былъ епископомъ калужскимъ; здѣсь разсматривается уже *Разсужденіе* Державина *о лирической поэзіи*, читанное авторомъ въ собраніяхъ Бесѣды любителей русскаго слова. Отказавшись отъ мысли продолжать свое большое посланіе, маститый поэтъ воспользовался нѣкоторыми изъ полученныхъ отъ Евгенія свѣдѣній для новаго, теоретическаго труда своего. Разсужденіе о лирической поэзіи было сообщаемо ученому епископу какъ въ рукописи, такъ и въ печати, и вызывало съ его стороны цѣлыя тетради замѣтокъ, которыя составляютъ любопытное дополненіе къ труду Державина. Здѣсь мы знакомимся со многими литературными взглядами Евгенія. Такъ напримѣръ Державинъ съ пренебреженіемъ отозвался о раздѣленіи лирической поэзіи на разные виды. На это Евгеній возразилъ ему: «Совѣтую вамъ не вооружаться противъ сего раздѣленія поэзіи. Оно не школярное, а коренное греческое, какъ увидите изъ при-

[1] VI, 258.

лагаемой при семъ выписки изъ Руссова музыкальнаго словаря. Сie раздѣленie по пѣснопѣвцамъ вовсе не годится, потому что 1) всѣ авторы писали въ разныхъ родахъ и во многихъ примѣрно; 2) ни одинъ авторъ не былъ всесовершенъ и не выполнилъ всѣхъ тѣхъ правилъ, какiя могутъ быть предписаны въ классификацiи стихотворенiй по матерiямъ. Горацiй говоритъ и о Гомерѣ, что *онъ иногда дремлетъ*. А по вашему раздѣленiю и дремота Гомерова, и частыя отступленiя Пиндаровы, и срамословiе Горацiево будутъ образцами» и т. д.[1] Надо согласиться что въ этомъ случаѣ болѣе вѣрное пониманiе дѣла было на сторонѣ Державина, который и прежде не любилъ школьныхъ правилъ и произвольныхъ разграниченiй, а теперь тѣмъ болѣе не признавалъ ихъ въ области поэзiи, что уже чувствовалъ въ ней присутствiе новыхъ вѣянiй.

Въ февралѣ 1816 года Евгенiй переведенъ былъ во Псковъ и пожалованъ въ санъ архiепископа. Литературная переписка обоихъ друзей не прекращалась до самой смерти Державина.

Хотя и не всѣ замѣчанiя ученаго корреспондента его, иногда довольно рѣзкiя, нравились поэту, какъ самъ онъ откровенно сознавался въ своихъ письмахъ, однакожъ онъ принималъ ихъ съ съ благодарностiю, и Евгенiй, посылая ему замѣтку о славяно-русскихъ лирикахъ[2], говорилъ: «Изъ письма вашего я вижу, что для васъ прiятнѣе критика, нежели похвалы льстивыя. Горацiй и Боало совѣтовали также слушать больше первыхъ, нежели послѣднихъ. Еще скажу вамъ, что въ сочиненiи вашемъ часто слогъ слишкомъ отрывенъ и индѣ нѣтъ связи мыслей и замѣчанiй. Нужно сiи мѣста посвязать, а линеечки (тиреты) многiя выключить».

Ка́къ безкорыстно Евгенiй помогалъ Державину въ его трудѣ, о томъ свидѣтельствуетъ слѣдующее замѣчанiе преосвященнаго на одно мѣсто рукописи Разсужденiя о лирической поэзiи: «Ссылку на меня покорно прошу выключить. Вы сами въ числѣ знаменитѣйшихъ классическихъ нашихъ писателей, на коихъ намъ должно ссылаться. Притомъ русскiя матерiи должны быть извѣст-

[1] Продолженiе письма см. VI, 314.
[2] Изъ Калуги, при письмѣ отъ 15 августа 1815 г. (VI, 321).

ны всякому русскому писателю самому, а не по ссылкѣ на соотечественниковъ. Въ иностранныхъ матеріяхъ только это простительно». Впрочемъ, могла быть и другая причина видимой скромности Евгенія: можетъ-быть, онъ не желалъ брать на себя доли отвѣтственности въ сочиненіи, которое не имѣло вполнѣ ученаго характера и гдѣ онъ могъ не сочувствовать многому.

Несмотря на нѣкоторое разномысліе въ литературныхъ вопросахъ, дружба обоихъ писателей съ годами принимала все болѣе задушевный характеръ. Незадолго передъ своею смертію, Державинъ отправилъ къ Евгенію только что отпечатанный 5-й томъ своихъ сочиненій и другіе подарки. Преосвященный благодарилъ письмомъ изъ Пскова отъ 2 іюля 1816 г., дошедшимъ до Державина едва ли не наканунѣ смерти его [1].

«На прошлой недѣлѣ», писалъ онъ, «съ новогородскою почтою получилъ я посылку безъ письма [2] съ 5-ою частію вашихъ сочиненій, теплыми сапогами и штукою ткани. По книгѣ заключаю, что это отъ вашего высокопревосходительства, и потому покорнѣйше благодарю. Вы согрѣваете меня и благосклонностію вашею и подарками. Въ фигурныхъ сапогахъ и я буду подобенъ киргизъ-кайсацкому мурзѣ. Но въ новоизданной вашей части я не нахожу еще многихъ мнѣ знакомыхъ вашихъ стихотвореній и прекраснаго опыта о лирической поэзіи. Развѣ готовится еще 6-ая часть. Хорошо, что вы сами при жизни издаете. Послѣ насъ издатели иногда портятъ сочиненія, всякъ по-своему».

Таковы были дружескія сношенія между двумя разнородными во всѣхъ отношеніяхъ представителями тогдашней литературы. Въ приведенныхъ отрывкахъ изъ ихъ переписки отрадно видѣть, какъ оба они искренно уважаютъ и цѣнятъ другъ друга: ученый архипастырь благоговѣетъ передъ оригинальнымъ талантомъ знаменитаго лирика, а этотъ, сознавая его превосходство въ наукѣ и образованіи, съ довѣріемъ и благодарностью принимаетъ

[1] VI, 345.

[2] Письмо Державина, сопровождавшее подарки, получено Евгеніемъ только 4-го іюля вечеромъ, уже послѣ отправленія этого благодарственнаго отвѣта. Тогда Евгеній написалъ еще письмо.

его наставленія и пользуется ими. Это были двѣ высоко развитыя личности, вполнѣ русскіе люди, сошедшіеся совершенно различными путями въ любви къ литературѣ, но тѣмъ не менѣе взаимно признававшіе заслуги другъ въ другѣ, съ любовью дѣлившіеся пріобрѣтеніями труда и опыта жизни.

Изъ переписки Державина и изъ предисловій его къ своимъ сочиненіямъ извѣстно, что онъ, для объясненія въ нихъ множества намековъ на современныя лица и событія, давно признавалъ необходимымъ составить къ нимъ историческія примѣчанія. Примѣръ тому онъ видѣлъ въ изданіяхъ нѣкоторыхъ нѣмецкихъ писателей, напр. Гагедорна. Серіозное начало осуществленію этой мысли онъ положилъ въ 1805 году въ слѣдствіе просьбы преосвященнаго Евгенія. Спустя четыре года, онъ, по поводу вышедшаго передъ тѣмъ новаго изданія своихъ сочиненій, продиктовалъ другой, болѣе подробный комментарій къ своимъ стихотвореніямъ въ томъ порядкѣ, какъ они были тогда напечатаны. Это происходило на Званкѣ въ теченіе лѣтнихъ мѣсяцевъ 1809 и 1810 годовъ. Секретаремъ ему при этомъ служила двадцатилѣтняя въ то время племянница его, Елисавета Николаевна Львова, вскорѣ послѣ того вышедшая замужъ за родственника своего, Федора Петровича Львова.

Такимъ образомъ составились два комментарія къ сочиненіямъ Державина. Первая редакція, оставшаяся въ рукахъ Евгенія, была передана имъ, по смерти поэта, Остолопову, служившему подъ начальствомъ Державина, когда онъ былъ министромъ, а потомъ находившемуся на службѣ въ Вологдѣ, гдѣ Евгеній занималъ тогда епископскую каѳедру. Въ 1821 году Остолоповъ, сдѣлавъ въ этомъ комментаріи разныя измѣненія, издалъ его отъ своего имени подъ заглавіемъ *Ключъ къ сочиненіямъ Державина*. Евгеній былъ недоволенъ этимъ изданіемъ, какъ свидѣтельствуетъ о томъ Анастасевичъ, которому преосвященный позволилъ снять точную копію съ подлинной рукописи поэта [1].

Вторая редакція комментарія, названная *Объясненія къ сочи-*

[1] Эта копія была передана мнѣ въ 1869 году покойнымъ А. Б. Ивановскимъ, получившимъ ее вмѣстѣ съ другими бумагами отъ Анастасевича.

неніямъ Державина и писанная г-жою Львовою, была издана въ 1834 году, также съ измѣненіями какъ въ расположеніи ея, такъ и въ содержаніи, мужемъ этой дамы, въ примѣненіи къ Смирдинскому изданію сочиненій Державина. Во всей точности она возстановлена нами въ концѣ III-го тома академическаго изданія. На этотъ комментарій самъ поэтъ смотрѣлъ какъ на нѣкоторый отчетъ въ своей литературной дѣятельности.

Послѣ выхода Державина въ отставку Капнистъ совѣтовалъ ему приняться за составленіе своей автобіографіи. Поэтъ тѣмъ охотнѣе ухватился за эту мысль, что въ исполненіи ея видѣлъ способъ оправдаться передъ потомствомъ въ тѣхъ невзгодахъ, которыя часто постигали его во все предолженіе его службы и особенно въ послѣдній періодъ ея. Находя, что онъ въ своихъ *Объясненіяхъ* уже достаточно коснулся одной стороны своей жизни, онъ хотѣлъ отдѣльно описать другую, т. е. служебную, и изложенію ея посвятилъ въ 1812 году свои *Записки*.

Эти записки, какъ уже было нами замѣчено, дошли до насъ въ томъ самомъ видѣ, какъ онѣ вылились изъ-подъ пера Державина при поспѣшной черновой редакціи, со всѣми погрѣшностями и неисправностями горячей первоначальной работы. Вотъ что̀ необходимо имѣть въ виду при оцѣнкѣ его записокъ и что̀ не было принято въ соображеніе нашею критикой при появленіи ихъ въ 1859 году, въ московскомъ журналѣ *Русская Бесѣда*. Писавъ ихъ подъ впечатлѣніемъ еще довольно свѣжихъ воспоминаній объ испытанныхъ имъ неудачахъ и непріятностяхъ, Державинъ часто пристрастенъ въ оцѣнкѣ людей и событій, и не только не хвалитъ почти никого изъ тѣхъ, съ кѣмъ имѣлъ дѣло, но напротивъ произноситъ имъ весьма строгіе и не всегда справедливые приговоры. Но зато онъ передаетъ съ большою искренностью и откровенностію все, что̀ припоминаетъ. Правда, что у него пропущены нѣкоторыя обстоятельства, по которымъ желательно было бы имѣть разъясненіе, но этого нельзя приписывать намѣренію: онъ писалъ свои воспоминанія прямо набѣло, безъ всякихъ приготовленій и справокъ, и потому касался только того, что оставило въ немъ наиболѣе сильныя впечатлѣнія. Но, ошибаясь въ своихъ сужденіяхъ о людяхъ и дѣлахъ, онъ замѣчательно

правдивъ въ изложеніи фактовъ, и съ этой стороны записки его составляютъ весьма важный и цѣнный матеріалъ для исторіи его времени. Повѣрка по архивнымъ документамъ множества упоминаемыхъ имъ случаевъ и обстоятельствъ вполнѣ убѣдила насъ въ достовѣрности его разсказовъ. Но Державинъ внезапно явился въ нихъ среди русскаго общества второй половины истекающаго столѣтія человѣкомъ другого времени, съ понятіями и взглядами, часто совершенно противоположными тѣмъ, которыя именно въ ту минуту пробудились съ особенною силой, — явился притомъ съ рѣчью устарѣлою, тяжелою. Поэтому онъ своими записками естественно произвелъ на нашихъ современниковъ впечатлѣніе неблагопріятное. Чтобы оцѣнить хорошія стороны этихъ записокъ, необходимо было отрѣшиться отъ злобы дня, стать твердо на исключительно историческую точку зрѣнія и простить автору многое ради великихъ заслугъ, которыхъ нельзя отрицать въ его жизни и дѣятельности.

Черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ записокъ Державина вышли въ свѣтъ (въ 1866 г.) записки столь близкаго къ нему нѣкогда Дмитріева. Онѣ во многихъ отношеніяхъ представляютъ рѣзкую противоположность съ первыми; но и имъ не посчастливилось: по крайней мѣрѣ журнальная критика встрѣтила ихъ съ холодною строгостью. Дмитріевъ писалъ ихъ чрезвычайно осторожно, обдуманно, нѣсколько разъ передѣлывалъ и сокращалъ, боялся оскорбить своими сужденіями чью-либо память. Оттого его записки слишкомъ коротки, слишкомъ многаго не догавариваютъ и нѣсколько сухи. По остроумному замѣчанію князя Вяземскаго, Дмитріевъ писалъ ихъ въ мундирѣ. Если такъ, то про Державина можно сказать, что онъ въ своихъ запискахъ является нараспашку. Этимъ характеризуются конечно ихъ недостатки, но съ другой стороны составленныя такимъ образомъ записки имѣютъ, для разъясненія событій, свои неотъемлемыя преимущества.

6. Бесѣда любителей русскаго слова и Арзамасъ.

По смерти Н. А. Львова въ концѣ 1803 года, около Державина образуется мало по малу новый литературный кружокъ. Уже

черезъ годъ онъ въ письмѣ къ Озерову упоминаетъ объ обществѣ пріятелей, которое намѣревалось разсмотрѣть трагедію Эдипъ въ Афинахъ. Въ концѣ 1805 года онъ пишетъ Дмитріеву, что похвальное слово Павла Львова Пожарскому и Минину читано было «въ собраніи авторовъ», которое одной серединой этого сочиненія занималось отъ 7-и часовъ вечера до часу за полночь. Шишковъ въ своихъ запискахъ (I, 93) также упоминаетъ о подобныхъ собраніяхъ, начавшихся повидимому еще ранѣе; въ нихъ, кромѣ его самого, принимали участіе Державинъ, М Н. Муравьевъ, А. С. Хвостовъ и другіе любители литературы.

Въ январѣ 1807 года молодой Жихаревъ, недавно пріѣхавшій въ Петербургъ и посѣщавшій этотъ кружокъ, записалъ въ своемъ дневникѣ [1], что когда Державинъ представилъ его Шишкову, то этотъ «очень долго толковалъ о пользѣ, какую бы принесли русской словесности собранія, въ которыя бы допускались и приглашались молодые литераторы для чтенія своихъ произведеній, и предлагалъ Гаврилѣ Романовичу назначить вмѣстѣ съ нимъ попеременно, хотя по одному разу въ недѣлю, литературные вечера, обѣщая склонить къ тому же А. С. Хвостова и сенатора И. С. Захарова, которыхъ домы и образъ жизни представляли наиболѣе къ тому удобствъ. Державинъ чрезвычайно обрадовался этой идеѣ и просилъ Шишкова какъ можно скорѣе устроить это дѣло».

Литературные вечера тогда же назначены были по суботамъ и должны были происходить поочередно у названныхъ лицъ; первая субота и была у Шишкова 2 февраля 1807 года. Вотъ собственно отдаленное начало будущей *Бесѣды*. Всѣ литераторы, представленные хозяину дома, имѣли право на этихъ вечерахъ читать свои труды, но кромѣ того положено было приглашать тѣхъ, которые какимъ-нибудь сочиненіемъ уже обратили на себя вниманіе, такъ какъ одною изъ главныхъ цѣлей этихъ собраній было приводить въ извѣстность наиболѣе замѣчательныя произведенія текущей литературы.

Начавшіяся съ этихъ поръ собранія описаны подробно Жи-

[1] См. его *Дневникъ Чиновника* въ *Отеч. Зап.* 1855, C, CI, и CII.

харевымъ, который находился подъ особымъ покровительствомъ Державина и иногда пріѣзжалъ вмѣстѣ съ нимъ. На первомъ вечерѣ, у Шишкова, собралось около 20-и человѣкъ; тутъ были: Державинъ, Захаровъ, А. С. Хвостовъ, Карабановъ, кн. Шихматовъ, Крыловъ, кн. Горчаковъ, флигель-адъютантъ Кикинъ, полковникъ Писаревъ, Лабзинъ, Тимковскій, Павелъ Львовъ, молодой Корсаковъ, Язвицкій и Галинковскій. Сначала долго разсуждали о кровопролитномъ сраженіи при Прейсишъ-Эйлау, о которомъ извѣстіе пришло наканунѣ. Наконецъ Державинъ, задумчиво ходившій взадъ и впередъ по гостиной, напомнилъ, что пора бы и къ дѣлу приступить, и всѣ усѣлись по мѣстамъ. Между прочимъ прослушанъ былъ привезенный Державинымъ *Гимнъ Кротости*. Читалъ его Жихаревъ; похваламъ не было конца. Тутъ же Крыловъ прочиталъ свою басню *Крестьянинъ и смерть*.

Второй вечеръ былъ у Державина, и по его желанію Жихаревъ прочелъ его новые стихи *на выступленіе въ походъ гвардіи*, хотя и очень не полюбившіеся чтецу. Поэма князя Шихматова *Пожарскій, Мининъ и Гермогенъ*, читанная Шишковымъ, поражала слушателей множествомъ прекрасныхъ стиховъ и богатствомъ рифмъ, въ которыхъ авторъ тщательно избѣгалъ употребленія глаголовъ. Чтенія закончилъ послѣ ужина извѣстный своимъ остроуміемъ флигель-адъютантъ Маринъ, только что пріѣхавшій съ извѣстіемъ, что государь скоро отправляется въ армію: онъ прочелъ стоя свои стихи на современныя событія. Крыловъ, который передъ тѣмъ съ лукавой улыбкой прислушивался къ спору о томъ, чтó лучше: *драгая* или *дорогая*, не прочелъ ничего, кáкъ его ни просили, — извиняясь, что новаго не написалъ, а старое читать не стóитъ.

Вечеръ у Захарова не похожъ былъ на литературный: тутъ были сенаторы, оберъ-прокуроры, камергеры и даже самъ главнокомандующій столицы Вязмитиновъ, приглашенный впрочемъ какъ авторъ изданной имъ когда-то оперетки и отличавшійся необыкновенной любезностью. Державинъ долго и съ жаромъ разговаривалъ съ двумя сенаторами и потомъ, живо обратясь къ оберъ-прокурору Политковскому, вдругъ спросилъ его: «Да за чтожъ, Гаврила Герасимовичъ, вы мучите человѣка? Вотъ я

сейчасъ просилъ Дмитрія Ивановича (*Хвостова*) и князя (*Салагова*) поскорѣе кончить дѣло этого несчастнаго Ананьевскаго: они ссылаются на васъ, что вы предложили потребовать еще какія-то новыя отъ палатъ справки, но вѣдь справки были давно собраны всѣ; если же нѣтъ, то зачѣмъ не потребовали ихъ въ свое время?» Политковскій извинялся, увѣряя, что дѣло Ананьевскаго скоро кончено будетъ. — «Кончено будетъ!» возразилъ Гаврила Романовичъ: «но покамѣстъ онъ и съ дѣтьми можетъ умереть съ голоду». — «Мнѣ стало понятно», заключаетъ Жихаревъ, «отчего многіе не любятъ Державина».

Во время одного изъ чтеній нѣкоторые стихи подали поводъ къ замѣчаніямъ о словахъ, въ родѣ того, что нельзя сказать: *деревня милая,* такъ какъ этотъ эпитетъ будто бы можетъ прилагаться только къ одушевленнымъ предметамъ. Слушая такія умныя разсужденія, Державинъ на какой-то вопросъ одного изъ своихъ сосѣдей отвѣчалъ: «Такъ себѣ, переливаютъ изъ пустого въ порожнее».

У графа Хвостова Гнѣдичъ, явившійся въ первый разъ на такомъ вечерѣ, читалъ свой переводъ александрійскими стихами 7-й пѣсни Иліады и всѣхъ привелъ въ восхищеніе. Въ числѣ слушателей былъ и Оленинъ. Черезъ недѣлю Гнѣдичъ же прочелъ у Шишкова 8-ю пѣснь Иліады. При этомъ онъ такъ напрягалъ свой голосъ, что можно было бояться за его грудь: «еще нѣсколько такихъ вечеровъ», говоритъ Жихаревъ:—«и онъ, того и гляди, начитаетъ себѣ чахотку».

На второмъ вечерѣ Державина, 23 марта, былъ между гостями министръ народнаго просвѣщенія, гр. Завадовскій. Онъ говорилъ о войнѣ и о намѣреніяхъ государя достигнуть общаго мира; но самъ мало надѣялся на осуществленіе этихъ плановъ, по ненависти, какую къ намъ питаютъ западныя державы, и ихъ постоянному старанію мѣшать Россіи въ ея внутреннемъ развитіи. Въ то время много толковъ возбуждалъ извѣстный своими поддѣлками древнихъ рукописей Селакадзевъ. Державинъ очень интересовался его коллекціями рѣдкостей, и, несмотря на завѣренія Оленина о ихъ подложности, выражалъ желаніе ознакомиться съ ними. Это желаніе было дѣйствительно исполнено имъ,

но гораздо позже, именно въ 1810 году. Селакадзевъ жилъ въ Семеновскомъ полку. Однажды Державинъ, послѣ бывшаго у него обѣда, отправился туда вмѣстѣ со своими гостями: Шишковымъ, Мордвиновымъ, Дмитріевымъ и Оленинымъ; впередъ поѣхали молодые люди Жихаревъ и Корсаковъ, чтобы предупредить мнимаго антикварія о пріѣздѣ важныхъ посѣтителей. Вниманіе Державина особенно привлекали такъ называемыя новгородскія руны: онъ сдѣлалъ изъ нихъ нѣсколько выписокъ, которыя послѣ и включилъ въ свое *Разсужденіе о лирической поэзіи*[1].

Послѣдній литературный вечеръ въ эту весну былъ 4 мая у А. С. Хвостова; тутъ былъ между-прочимъ столь извѣстный своими остротами и шутками Сергѣй Лавр. Львовъ, нѣкогда адъютантъ Потемкина; онъ разсказалъ много забавнаго изъ своихъ воспоминаній: Шишковъ и Державинъ хохотали до упаду. Тутъ же Крыловъ увлекъ всѣхъ чтеніемъ своей новой басни: *Пустынникъ и Медвѣдь*. Державинъ уже собирался въ свою Званку и выражалъ Жихареву намѣреніе заняться на досугѣ описаніемъ сельской своей жизни, что онъ потомъ и исполнилъ въ стихотвореніи, посвященномъ Евгенію. «Лира мнѣ больше не по силамъ», говорилъ онъ: «хочу приняться за цѣвницу». Черезъ нѣсколько дней Жихаревъ записалъ въ своемъ дневникѣ: «Г. Р. уѣзжаетъ завтра и что-то очень не веселъ; впрочемъ говорили, что онъ и всегда таковъ передъ отъѣздомъ, потому что не любитъ суеты, неразлучной со сборами въ дорогу».

Жихаревъ вскорѣ уѣхалъ изъ Петербурга, и мы не имѣемъ свѣдѣній о дальнѣйшихъ собраніяхъ этого литературнаго круга. Но что они продолжались, видно какъ изъ переписки Державина, такъ и изъ свидѣтельства Аксакова въ его «Воспоминаніяхъ о Шишковѣ», у котораго, по его словамъ, въ 1809 и 1810 годахъ собирались литераторы и кое-что читали[2]; кромѣ названныхъ прежде лицъ, тутъ сталъ являться съ 1810 Дмитріевъ, назначенный министромъ; тутъ бывали и простые любители, какъ напр. Н. С. Мордвиновъ, М. М. Бакунинъ и графъ А. С. Стро-

[1] *Отеч. Зап.* CI, 386. См. наше изданіе VII, 586 и 587.

[2] *Семейная хроника и воспоминанія.* стр. 556.

гановъ. Иногда собирались и у Державина: въ одномъ письмѣ къ Гнѣдичу онъ приглашаетъ его на обѣдъ, чтобы прочесть «охотникамъ» переводъ Расиновой Федры, а также «что-нибудь изъ Иліады».

Изъ этихъ-то чтеній передъ небольшимъ обществомъ гостей возникла идея *публичныхъ* литературныхъ собраній, которая и привела къ основанію *Бесѣды*. По собственному сознанію Шишкова (*Записки* его, I, 115) первую мысль обратить домашнія собранія въ общественныя подалъ «пріѣхавшій изъ Москвы князь Голицынъ, разумѣвшій болѣе по-французски нежели по-русски»[1]. «Предложеніе сіе намъ понравилось», говоритъ Шишковъ. Борьба изъ-за стараго и новаго слога продолжалась: понятно, что онъ радъ былъ создать себѣ новое орудіе противъ своихъ противниковъ, становившихся болѣе и болѣе опасными. Главнаго пособника нашелъ онъ въ податливомъ Державинѣ, который для этой цѣли радушно открылъ залу въ своемъ домѣ. «Домъ Державина», по замѣчанію Уварова, «сдѣлался важнымъ двигателемъ тогдашней литературной дѣятельности»[2]. О постепенномъ развитіи плана учрежденія такого литературнаго общества мы читаемъ любопытное извѣстіе въ одномъ письмѣ Гнѣдича, который сначала игралъ въ этомъ кругу какую-то нерѣшительную роль. Вотъ что онъ писалъ 2-го января 1811 года Капнисту, издѣваясь надъ возникавшимъ обществомъ: «У насъ заводится названное сначала Ликей, потомъ Атеней, и наконецъ Бесѣда— или общество любителей Россійской словесности[3]. Это старая Россійская академія, переходящая въ новое строеніе; оно есть истинно прекрасная зала, выстроенная Гавриломъ Романовичемъ при домѣ. Уже купленъ имъ и органъ и поставленъ на хорахъ; уже и стулья разставлены, гдѣ кому сидѣть, и для васъ есть стулъ; только вы не будете сначала понимать языка гг. чле-

[1] Князь Борисъ Владиміровичъ. См. о немъ VI, 377.

[2] *Современникъ* 1851, XXVII, 39.

[3] Казанское «общество любителей отечественной словесности» названо было первоначально, при основаніи своемъ въ 1806 году, *Бесѣдой любителей отечественнаго слова* (*Прибавленія къ Казанскому Вѣстнику* 1828 г., № 33, стр. 342).

новъ. Чтобы въ случаѣ пріѣзда вашего и посѣщенія Бесѣды не прійти вамъ въ конфузію, предувѣдомляю васъ, что слово проза называется у нихъ: *говоръ*, билетъ — *значокъ*, номеръ, — *число*, швейцаръ — *вѣстникъ;* другихъ словъ еще не вытвердилъ, ибо и самъ новичокъ. Въ залѣ Бесѣды будутъ публичныя чтенія, гдѣ будутъ *совокупляться знатныя особы обоего пола* — подлинное выраженіе одной статьи устава Бесѣды»[1].

Право читать въ публичныхъ собраніяхъ предоставлялось каждому, хотя бы онъ и не былъ членомъ Бесѣды. Державинъ не только предложилъ для чтеній свой домъ («затѣйливый и своеобразный», по выраженію Стурдзы), но и принялъ на себя всѣ расходы, какіе по обществу могли понадобиться; для заведенія же при немъ библіотеки онъ пожертвовалъ книгъ на 3,600 руб. Собранія должны были происходить въ осеннее и зимнее время по одному разу въ мѣсяцъ, и кромѣ того предполагалось основать повременное изданіе, въ которомъ печатались бы и труды постороннихъ лицъ. Бесѣда должна была состоять изъ 24-хъ дѣйствительныхъ членовъ и изъ членовъ-сотрудниковъ. Для соблюденія порядка въ чтеніяхъ она раздѣлялась на четыре разряда, каждый съ шестью членами, считая и предсѣдателя: разряды должны были собираться по очереди. Въ каждомъ торжественномъ засѣданіи, предсѣдателю очередного разряда вмѣнялось въ обязанность прочесть написанную имъ главную статью, послѣ чего могли читать и другіе, но не иначе какъ съ предварительнаго одобренія всего общества, и притомъ съ тѣмъ, чтобъ каждый разъ чтенія продолжались не болѣе двухъ или двухъ съ половиною часовъ. Составленный Шишковымъ на этихъ основаніяхъ уставъ Бесѣды представленъ былъ чрезъ министра народнаго просвѣщенія, графа Разумовскаго, на высочайшее утвержденіе и одобренъ государемъ, при чемъ повелѣно объявить обществу монаршее благоволеніе «за сіе полезное намѣреніе». Открытіе Бесѣды и первое чтеніе послѣдовали 14-го марта 1811 года; присутствовало до двухсотъ лицъ обоего пола. Ждали государя и Державинъ приготовилъ на этотъ случай особый гимнъ

[1] VI, 374.

(*Срѣтеніе Орфеемъ Солнца*), положенный на музыку Бортнянскимъ, но императоръ не пріѣхалъ.

Составъ Бесѣды, при ея основаніи, былъ слѣдующій:

I-й разрядъ. Предсѣдатель: Шишковъ. Члены: Оленинъ, Кикинъ, князь Д. П. Горчаковъ, князь С. А. Шихматовъ и Крыловъ.

II-й разрядъ. Предсѣдатель: Державинъ. Члены: И. М. Муравьевъ-Апостолъ, графъ Хвостовъ, Лабзинъ, Д. О. Барановъ и Ф. П. Львовъ.

III-й разрядъ. Предсѣдатель: А. С. Хвостовъ. Члены: князь Б. Вл. Голицынъ, кн. Шаховской, Филатовъ, Маринъ и П. И. Соколовъ (секретарь Россійской академіи).

IV-й разрядъ. Предсѣдатель: Захаровъ. Члены: Г. Г. Политковскій, Дружининъ, Карабановъ, Писаревъ и П. Ю. Львовъ.

Надъ предсѣдателями, въ главѣ каждаго разряда были поставлены еще попечители, именно: 1) гр. Завадовскій; 2) Н. С. Мордвиновъ; 3) гр. А. К. Разумовскій, и 4) И. И. Дмитріевъ, все министры: три настоящіе (2, 3, 4) и одинъ — бывшій (1).

Въ члены-сотрудники избраны были молодые литераторы, подававшіе надежды или умѣвшіе снискать расположеніе старшихъ. Между ними находились: В. Ф. Тимковскій, А. Е. Ермолаевъ, Станкевичъ, Н. И. Ильинъ, Судовщиковъ и Корсаковъ. Князь Вяземскій, принадлежавшій къ противоположному лагерю, презрительно видитъ въ нихъ «родъ служекъ и послушниковъ въ этомъ литературномъ монастырѣ». Наконецъ Бесѣда имѣла и почетныхъ членовъ; къ числу ихъ принадлежали: преосвященные Евгеній и Амвросій; графъ А. С. Строгановъ, Ростопчинъ, Козодавлевъ, Сперанскій, Магницкій, Уваровъ и др. высокопоставленныя лица; литераторы: Озеровъ, Капнистъ, Карамзинъ, Николевъ (какое смѣшеніе!), актеръ Дмитревскій и три дѣвицы: княжна Урусова, А. П. Бунина и Волкова.

Черезъ два года составъ Бесѣды представлялся уже въ нѣсколько измѣненномъ видѣ. Завадовскій умеръ въ 1812 году и мѣсто его занялъ В. С. Поповъ; изъ почетныхъ членовъ выбылъ

удаленный изъ Петербурга Сперанскій, замѣнилъ его Новосильцовъ; прибавились имена: Сестренцевича и архимандрита Фотія. Между сотрудниками явились также новыя лица: Жихаревъ (впослѣдствіи перешедшій изъ Бесѣды въ Арзамасъ), Гречъ, Востоковъ и др.

Страннымъ можетъ показаться, что не только между дѣйствительными членами, но и между сотрудниками Бесѣды не встрѣчается имени Гнѣдича. Изъ переписки его съ Державинымъ оказывается, что это было слѣдствіемъ происшедшаго между ними недоразумѣнія. Въ декабрѣ 1810 года Державинъ, думая что Гнѣдичъ уже приглашенъ Шишковымъ къ участію въ Бесѣдѣ, просилъ его къ себѣ. Гнѣдичъ отговорился нездоровьемъ; Державинъ повторилъ свою просьбу, приглашалъ его въ свой *разрядъ* и совѣтовалъ не отказываться. Гнѣдичъ отвѣчалъ, что «нездоровье лишаетъ его удовольствія пріѣхать для переговоровъ по словесности, ему неизвѣстныхъ, которые, производясь такимъ количествомъ приглашаемыхъ особъ, ни его отсутствіемъ не разстроятся, ни его присутствіемъ не получатъ лучшаго успѣха». Державинъ продолжалъ уговаривать его, представлялъ, что участвовать въ Бесѣдѣ ему будетъ не трудно: «Черезъ три мѣсяца разъ прочесть что-либо, не токмо свое сочиненіе, но и чужое, кажется не трудно. Вы спознакомитесь съ первыми людьми въ имперіи и нигдѣ лучше талантовъ своихъ открыть не можете какъ тутъ. Когда повыздоровѣете, пожалуете ко мнѣ; то объяснится вамъ весь порядокъ, какъ *Атеней* нашъ будетъ дѣйствовать. Если вы согласны, то подпишите на приложенной бумагѣ при 9-мъ № свое имя, и возвратите мнѣ оную съ симъ же посланнымъ» [1].

Любопытенъ колкій отвѣтъ оскорбленнаго въ своемъ самолюбіи молодого литератора: «Изъ записки о занятіяхъ второго разряда вижу», писалъ Гнѣдичъ, «что всѣ гг. составляющіе отдѣленіе именуются членами; на пакетной надписи наименованъ я просто: сотрудникомъ. — Всякій членъ общества есть сотрудникъ онаго; но не всякой сотрудникъ можетъ почесться чле-

[1] VI, 201.

номъ. — Когда общество составляется не по жребію, не по чинамъ, но по избранію; то и натурально, что всякой избранный смотритъ на достоинство мѣста, какое дается ему. Изъ порядка, какимъ написаны имена гг. членовъ 2-го разряда, я заключаю, что они разставляются по чинамъ. Отдавая всю справедливость и уваженіе заслугамъ по службѣ, я тогда только позволю себѣ видѣть имя свое ниже нѣкоторыхъ господъ, послѣ какихъ внесенъ я въ списокъ, когда дѣло будетъ итти о чинахъ. Такъ какъ ваше в-пр. позволили мнѣ имѣть честь именоваться вашимъ сотрудникомъ, то я, умѣя цѣнить честь сію, и прошу позволенія видѣть себя какъ въ спискѣ гг. членовъ, такъ и въ другихъ случаяхъ по бумагамъ Атенея, подъ именемъ: *членъ-сотрудникъ его высокопревосходительства Державина.* Когда жъ сіе покажется непристойною отличительностію, то я пріиму на себя обязанности Атенея просто подъ именемъ члена, но не сотрудника. — Если жъ на это или не дадутъ согласія гг. члены, или не буду я въ правѣ по моему чину; то въ обоихъ случаяхъ мнѣ ничего не остается, кромѣ заслуживать еще и лучшее о себѣ мнѣніе и большій чинъ» [1].

До какой степени такая смѣлость раздражила запальчиваго поэта, видно изъ слѣдующихъ строкъ Гнѣдича, писанныхъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ того къ Капнисту: «Здѣшняя Бесѣда доблестно подвизается; о нѣкоторыхъ ея подвигахъ можете читать въ Вѣстникѣ Европы, а о прочихъ перомъ не написать: Гаврила Романовичъ, съѣхавшись одинъ разъ со мною у князя Бор. Голиц., выгналъ меня изъ дому за то, что я изъявилъ нежеланіе быть сотрудникомъ общества. Не подумайте, что сказка, — существенное приключеніе, заставившее въ ту минуту думать, что я зашелъ въ кибитку Скифа». Позднѣе однакожъ Гнѣдичъ помирился съ Бесѣдой, какъ показываютъ напечатанные въ ся *Чтеніи* отрывки изъ его переводовъ Иліады и переписка его съ Уваровымъ о греческомъ экзаметрѣ. Къ Арзамасу онъ также не примкнулъ и остался внѣ обоихъ обществъ.

Мѣсто, приготовленное для Гнѣдича въ ряду сотрудниковъ

[1] VI, 202.

Бесѣды, занялъ авторъ комедій Ильинъ, человѣкъ совсѣмъ другого закала. На предложеніе вступить въ это званіе онъ отвѣчалъ, что глубочайшее почтеніе побуждаетъ его совершенно «вручить себя» Державину: «членомъ ли сотрудникомъ быть мнѣ въ Бесѣдѣ», писалъ онъ поэту, «или чѣмъ инымъ, лишь бы только согласно съ волею вашего высокопревосходительства; я все то вмѣняю себѣ въ особливую честь»[1].

Составъ Бесѣды показываетъ, что въ дѣйствительные члены ея принимались только люди извѣстнаго положенія и возраста; общій характеръ ея былъ бюрократическій; кажется, въ самомъ устройствѣ ея взятъ былъ за образецъ Государственный совѣтъ, съ 1810 года состоявшій изъ четырехъ департаментовъ, отчего и басню Крылова *Квартетъ* примѣняютъ къ обоимъ учрежденіямъ. Вѣроятнѣе однакожъ, что она написана на *Бесѣду*, которую баснописецъ зналъ не издалека и надъ которой любилъ подтрунивать такъ же какъ и надъ родною ея сестрой, *Россійской академіей*, осмѣянной имъ въ баснѣ *Парнассъ*. Выше, въ описаніи дома Державина (стр. 750), мы упомянули, что для собраній Бесѣды въ немъ отведена была зала или галерея въ два свѣта: по словамъ очевидца, это была «зала средней величины, обставленная желтыми, расписанными подъ мраморъ, красивыми колоннами и казавшаяся еще изящнѣе при блескѣ роскошнаго освѣщенія»[2]. Посерединѣ ея стоялъ длинный, покрытый зеленымъ сукномъ столъ, вокругъ котораго на креслахъ располагались члены Бесѣды и участвовавшія въ чтеніяхъ лица. Вдоль стѣнъ были разставлены уступами, для постороннихъ посѣтителей, кресла меньшаго размѣра, — «ряды хорошо придуманныхъ сѣдалищъ», говоритъ Стурдза. Посѣтители впускались по разосланнымъ напередъ билетамъ. Не только члены, но и гости собирались въ мундирахъ и орденахъ, дамы же въ бальныхъ платьяхъ. Въ особенныхъ случаяхъ бывала и музыка съ хорами, которые сочинялъ Бортнянскій нарочно для Бесѣды. Въ

[1] VI, 211.

[2] См. статью Стурдзы о Бесѣдѣ и Арзамасѣ въ *Москвитянинѣ* 1851 года, № 21, кн. 1, стр. 5.

концѣ января 1812 года въ одномъ изъ публичныхъ собраній общества присутствовали всѣ члены синода, кромѣ митрополита (Амвросія Подобѣдова), который не могъ быть по болѣзни и заранѣе предупредилъ о томъ Державина чрезъ синодальнаго оберъ-прокурора князя А. Н. Голицына. Въ числѣ этихъ духовныхъ лицъ былъ и священникъ Державинъ, извѣстный стихотворною полемикой со своимъ знаменитымъ однофамильцемъ[1]. По свидѣтельству В. И. Панаева, посѣщавшаго Бесѣду въ Великомъ посту 1816 года, ея торжественныя собранія «въ полномъ смыслѣ могли назваться блестящими. Многочисленная публика наполняла ярко освѣщенную залу. Между государственными сановниками и первенствующими генералами были тутъ: графъ Витгенштейнъ, гр. Сакенъ, гр. Платовъ, котораго маститый хозяинъ встрѣтилъ съ какимъ-то особеннымъ радушіемъ. На послѣднюю бесѣду ждали государя. Но когда всѣ заняли свои мѣста, вышелъ въ залу с. петербургскій главнокомандующій, гр. Вязмитиновъ, и объявилъ Державину, что государь, занятый полученными изъ-за границы важными депешами, къ сожалѣнію пріѣхать не можетъ.

[1] Едва ли вполнѣ точенъ разсказъ г. Стогова въ *Русск. Старинѣ* 1878 г. (т. XXIII, стр. 118), что когда онъ однажды присутствовалъ въ публичномъ собраніи Бесѣды, то «Державинъ вышелъ черезъ маленькую дверь къ предсѣдательскому креслу въ собольемъ опашнѣ, въ собольей высокой татарской шапкѣ; по лѣвую его сторону сидѣлъ графъ Д. Хвостовъ. Говорятъ, тогда Державинъ переводилъ Пиндара. Хвостовъ (сказалъ) скрипучимъ голосомъ (наклонясь) къ Державину, который сѣлъ полуоборотомъ къ нему: «Пиндаръ Романовичъ!» Державинъ не обернулся. Хвостовъ повторилъ; Державинъ нараспѣвъ отвѣчалъ: «Хвосты есть у лисицъ, хвосты есть у волковъ, хвосты есть у кнутовъ — такъ берегись, Хвостовъ!» По залѣ прошелъ шопотъ и одна изъ присутствовавшихъ записала изреченіе маститаго поэта». Кажется, г. Стоговъ считаетъ этотъ отвѣтъ экспромтомъ Державина, тогда какъ давно извѣстнымъ стихамъ этимъ приписываютъ гораздо болѣе раннее происхожденіе; авторомъ ихъ считаютъ С. Л. Львова и объясняютъ ихъ различно. Державинъ могъ при сообщаемомъ случаѣ (впрочемъ едва ли въ торжественномъ собраніи) повторить ихъ, но они были сочинены не имъ. (См. въ нашемъ изданіи III, 752). Сомнительно также, чтобы онъ явился передъ публикою въ одеждѣ, описываемой авторомъ разсказа. Притомъ въ это время Державинъ уже не переводилъ Пиндара.

Тогда началось чтенiе, и всѣ вскорѣ поняли истинную причину отсутствiи государя: членъ бесѣды, Политковскiй, произнесъ ему похвальное слово! Не говоря уже о томъ, что оно было плохимъ подражанiемъ Плинiева слова Траяну, возможно ли было ожидать, чтобы тотъ, кто постоянно уклонялся отъ похвалъ цѣлаго свѣта, согласился выслушать ихъ лицомъ къ лицу отъ доморощеннаго оратора, говорившаго битый часъ?»[1].

Публичнымъ собранiямъ, бывавшимъ разъ въ мѣсяцъ, предшествовали предварительныя, частныя или домашнiя засѣданiя. Вотъ образчикъ повѣстокъ, разсылавшихся къ членамъ передъ собранiями. Это черновая своеручная записка Державина: «Бесѣдѣ публичной любителей россiйской словесности положено быть въ будущiй четвергъ, т. е. сего марта 30 дня, въ обычномъ часу; а передъ тѣмъ во вторникъ, т. е. 28 числа въ 7 часовъ послѣ обѣда, благоволятъ гг. предсѣдатели и члены собраться въ домъ Державина для экономическаго распоряженiя: 1) о издержкахъ; 2) какiя пьесы кому читать и проч.»

Высокопоставленныя лица приглашались иногда особыми именными повѣстками. Такъ В. С. Попову, 3 января 1814 года, послана была слѣдующая записка: «Державинъ честь имѣетъ извѣстить его в-пр. В. С. Попова, что назначенное чтенiе публичное въ Бесѣдѣ любителей русскаго слова 27 числа минувшаго декабря и отмѣненное по жестокой стужѣ, нынѣ вновь назначается въ наступающую среду, т. е. сего января 7 числа, въ обыкновенномъ часу послѣ обѣда, если стужа не превзойдетъ выше 17 градусовъ».

Въ маѣ того же года Оленинъ просилъ у Державина позволенiя имѣть на другой день въ домѣ его предварительное собранiе 1-го разряда для прочтенiя заготовленныхъ пьесъ, а черезъ недѣлю сообщилъ ему такую же просьбу отъ имени князя Шихматова.

[1] *Братчина*, Спб. 1859. Стр. 124. Этотъ случай напоминаетъ, что когда при открытiи Царскосельскаго Лицея въ 1811 году профессоръ Куницынъ произнесъ рѣчь, въ которой не было ни единаго слова въ похвалу основателя новаго заведенiя, то присутствовавшiй на этомъ торжествѣ государь наградилъ оратора.

Статьи и стихи, присылавшiеся въ Бесѣду для публичнаго чтенiя, предварительно сообщались членамъ ея на разсмотрѣнiе и съ этою цѣлiю передавались изъ одного разряда въ другой. Въ бумагахъ Державина сохранились замѣчанiя, сдѣланныя разными лицами по поводу проходившихъ черезъ руки ихъ сочиненiй.

Съ учрежденiемъ Бесѣды связана была мысль издавать ея чтенiя за каждое публичное собранiе, присоединяя къ нимъ иногда и труды, не читанные въ засѣданiяхъ [1]. *Чтенiе въ Бесѣдѣ любителей Рускаго слова* выходило въ неопредѣленные сроки книжками, содержавшими отъ 5-ти до 9-ти листовъ. Первая вышла весной 1811 года, послѣдняя — 19-ая — въ апрѣлѣ 1815-го. Печатанiемъ *Чтенiя* завѣдывалъ Шишковъ, въ отсутствiи же его, когда онъ въ качествѣ статсъ-секретаря сопровождалъ государя въ его путешествiяхъ, А. С. Хвостовъ [2]. Печаталось изданiе тщательно, но весьма неизящно, — на плохой, то желтоватой, то синей бумагѣ. Въ 1814 году не вышло ни одной книжки его. Когда Шишковъ въ 1813, возвратясь изъ-за границы, занялъ мѣсто президента Россiйской академiи, то Д. В. Дашковъ писалъ князю Вяземскому: «Шишковъ, сдѣлавшись президентомъ Академiи, хочетъ соединить съ нею Бесѣду, а Державину это очень непрiятно» [3]. Извѣстно, что Бесѣда еще нѣсколько лѣтъ продолжала свое отдѣльное существованiе. Замѣтимъ мимоходомъ, что передъ тѣмъ, по случаю смерти прежняго президента Нартова, тогдашнiй министръ народнаго просвѣщенiя, графъ А. К. Разумовскiй, предлагалъ Державину принять на себя временное управленiе Россiйскою академiей; но Державинъ отказался, ссылаясь на свою старость и привычку проводить лѣтнiе мѣсяцы въ деревнѣ. Послѣ взятiя Парижа и возвращенiя императора Александра въ Петербургъ торжественныя собранiя Бесѣды утратили большую долю своего прежняго интереса и значенiя, потому что тогда ихъ уже не оживляло патрiотическое чувство, ко-

[1] Для критическихъ статей предназначалось отдѣльное изданiе, но оно не состоялось.

[2] *Записки Шишкова* I, 324.

[3] *Русск. Архивъ* 1866, стр. 494.

торому Бесѣда была обязана нѣкоторымъ блескомъ въ началѣ своего существованія. По словамъ Вигеля, Шишковъ утверждалъ, что самое учрежденіе ея было дѣломъ патріотическимъ, вызваннымъ необходимостью противодѣйствовать наплыву чужеземныхъ элементовъ, уже достигшему неблаговидныхъ размѣровъ [1].

Это-то направленіе придало нѣкоторую занимательность и первымъ книжкамъ *Чтенія въ Бесѣдѣ*, вообще отличающагося скудостью и безцвѣтностью содержанія. Большинство статей и стиховъ, входившихъ въ составъ ихъ, доказываетъ только бездарность авторовъ и ребяческое отношеніе къ наукѣ и искуству. Патріотическимъ настроеніемъ отличались особенно чтенія Шишкова. Первое собраніе Бесѣды открылось его рѣчью о богатствѣ русскаго языка и литературы, о любви къ отечественному языку, какъ необходимомъ условіи успѣховъ его; способствовать къ развитію этой любви — цѣль учрежденія Бесѣды. Основная мысль рѣчи выражена въ слѣдующихъ словахъ: «Похвально знать чужіе языки, но непохвально оставлять для нихъ свой собственный. Языкъ есть первѣйшее достоинство человѣка, слѣдовательно свой языкъ есть первѣйшее достоинство народа. Безъ него нѣтъ словесности, нѣтъ наукъ, нѣтъ просвѣщенія. Но какимъ средствомъ можетъ процвѣтать и возвышаться словесность? единственнымъ: когда всѣ вообще любятъ свой языкъ, говорятъ имъ, читаютъ на немъ книги; тогда только рождается въ писателяхъ ревность посвящать жизнь свою трудамъ и ученію» [2]. Жаль только, что члены Бесѣды доставили публикѣ слишкомъ мало такихъ трудовъ, которые бы могли дѣйствительно возбуждать любовь къ родному языку и къ чтенію писанныхъ на немъ книгъ.

Еще сильнѣе выразилось патріотическое одушевленіе Шишкова въ его *Разсужденіи о любви къ отечеству*, читанномъ въ Бесѣдѣ осенью 1811 года. Замѣчательно собственное его сознаніе, что онъ, написавъ эту рѣчь, сперва не смѣлъ прочесть ее; наслышавшись о преобладаніи надъ нами Французскаго двора и грубомъ чванствѣ Наполеонова посла Коленкура, а притомъ зная

[1] *Воспоминанія Вигеля*, М. 1864, III, стр. 150—160 и д., также VI, стр. 27.
[2] *Чт.*, кн. I, стр. 41.

и неблаговоленіе къ себѣ государя, онъ опасался, чтобъ ему «не поставили въ какое-нибудь смѣлое покушеніе—безъ воли правительства возбуждать гордость народную», или чтобъ толки по поводу этого чтенія не увеличили еще царскаго гнѣва противъ автора. «Въ семъ страхѣ», говоритъ онъ, «потребовалъ я, чтобъ чтеніе опредѣлено было согласіемъ всѣхъ четырехъ разрядовъ Бесѣды. Всѣ согласились подписать. День насталъ. Собраніе было многолюдное. Я старался читать вразумительно, ясно» [1]. Чтеніе произвело сильное впечатлѣніе; слухъ о немъ дошелъ до государя и послужилъ поводомъ къ тому, что Александръ, призвавъ Шишкова къ себѣ, поручилъ ему написать манифестъ о рекрутскомъ наборѣ, и затѣмъ, назначивъ его государственнымъ секретаремъ, взялъ съ собою въ путешествіе для составленія и другихъ подобныхъ воззваній, которыя поднимали бы народный духъ своимъ патріотическимъ тономъ и краснорѣчіемъ. Во второй рѣчи своей Шишковъ говоритъ между-прочимъ о необходямости національнаго воспитанія, — «отечественнаго, а не чужеземнаго». Къ тому же разряду трудовъ можно отнести чтенія Шишкова о Феофанѣ и Кантемирѣ, и статью нѣкоего Филатова «о несправедливыхъ сужденіяхъ иноплеменныхъ писателей касательно Россіи». Въ этой статьѣ авторъ, приведя неблагопріятные отзывы о Россіи Кондильяка и Миллота, старается доказать, что она издревле имѣла законы и словесность, и для этого ссылается на Левека, Болтина и Шлёцера. Наконецъ, въ этомъ отдѣлѣ чтеній (кн. XIII) особенное вниманіе обращаетъ на себя письмо архимандрита (впослѣдствіи московскаго митрополита) Филарета къ Оленину «о нравственныхъ причинахъ успѣховъ нашихъ въ отечественной войнѣ». Изложивъ свои мысли объ этихъ причинахъ, знаменитый святитель восклицаетъ: «Нынѣ, благословенная Богомъ Россія, познай твое величіе, и не воздремли, сохраняя основанія, на которыхъ оно воздвигнуто» (стр. 37).

Вскорѣ послѣ окончанія войнъ съ Наполеономъ Гречъ въ основанномъ имъ *Сынѣ Отечества* замѣтилъ, что во второй половинѣ 1812 и первой 1813 года не только не вышло въ свѣтъ,

[1] *Записки Шишкова* I, 117.

но и не написано ни одной страницы, которая не имѣла бы предметомъ тогдашнихъ происшествій [1]. Говоря это, онъ конечно упустилъ изъ виду собранія Бесѣды, на которыхъ читались по большой части бездѣлки, не имѣвшія ни малѣйшаго отношенія къ современности. Въ той же статьѣ, однакожъ, Гречъ признаетъ заслугу Бесѣды въ томъ, что во время застоя нашей литературы, продолжавшагося отъ 1808 до 1812 г., основатели этого общества позаботились о сближеніи, посредствомъ его, отечественной литературы съ публикою.

«Въ 1814 году», замѣчаетъ онъ далѣе, «нашихъ литераторовъ занималъ важный филологическій вопросъ — о переводѣ древнихъ поэтовъ размѣромъ подлинника». Разработка этого вопроса происходила въ собраніяхъ Бесѣды и принадлежитъ къ другому направленію, отличающему цѣлый рядъ трудовъ, напечатанныхъ въ ея изданіи. Это направленіе состояло въ изученіи древней классической литературы: И. М. Муравьевъ-Апостолъ переводилъ съ комментаріями Горація, А. С. Хвостовъ — Саллюстія, Галинковскій — Виргилія и Овидія, наконецъ Гнѣдичъ — Гомера.

Въ «Чтеніи Бесѣды» появилось знаменитое письмо Уварова къ Гнѣдичу о переводѣ Иліады размѣромъ подлинника, и Бесѣда же служила посредницею въ ученомъ спорѣ, возникшемъ, вслѣдствіе этого письма, между Уваровымъ и Капнистомъ. Тутъ же находимъ любопытное доказательство, что гораздо ранѣе Гнѣдича другой, менѣе извѣстный писатель употребилъ экзаметръ въ переводѣ изъ древнихъ: именно Галинковскій въ переводѣ Виргилія, при чемъ онъ въ пояснительномъ вступленіи высказалъ тѣ же мысли, какія мы находимъ въ письмѣ Уварова [2].

Наконецъ, особый отдѣлъ въ Чтеніи Бесѣды могутъ составить басни Крылова, которыхъ въ восьми книжкахъ помѣ-

[1] *Сынъ Отеч.* 1815 г., № 1, стр. 66.

[2] Галинковскій умеръ 16-го іюня 1815 г., какъ видно изъ некролога его, помѣщеннаго въ тогдашнемъ журналѣ *Кабинетъ Аспазіи* (кн. V, стр. 10); согласно съ этимъ должна быть сдѣлана поправка въ VI Томѣ нашего изданія, и письмо, напечатанное тамъ на стр. 346, слѣдуетъ отнести къ 1815, а не къ 1816 году.

щено не менѣе 22-хъ. Онѣ особенно оживляли собранія въ домѣ Державина и всегда принимались публикою съ восторгомъ. Тутъ въ первый разъ читаны были многія изъ самыхъ знаменитыхъ басенъ Крылова, напримѣръ: *Оселъ и Соловей*, *Лжецъ*, *Котъ и Поваръ*, *Демьянова уха*, *Щука и Котъ*. Басня *Квартетъ*, написанная вскорѣ послѣ основанія Бесѣды, въ собраніяхъ ея читана не была: тѣмъ вѣроятнѣе становится догадка о настоящемъ ея значеніи. Одна изъ читанныхъ въ Бесѣдѣ, *Вельможа и Философъ*, очевидно мѣтила въ особенности на гр. Хвостова [1]. Вельможа (не Оленинъ ли?) между-прочимъ говоритъ мудрецу:

«Какъ это? Что мы ни начнемъ
Суды ли, общества ль учены заведемъ,
Ну, не успѣемъ оглянуться,
Какъ первые невѣжи тутъ вотрутся.
Неужли ужъ отъ нихъ совсѣмъ лѣкарства нѣтъ? —
Не думаю, сказалъ мудрецъ въ отвѣтъ;
И съ обществами та жъ судьба, сказать межъ нами,
Какъ съ деревянными домами:
Какъ? — Такъ же! Я вотъ свой достроилъ сими днями:
Хозяева еще въ него не вобрались,
А ужъ сверчки давно въ немъ завелись».

Зная отношенія между Крыловымъ и графомъ Хвостовымъ, трудно усомниться въ вѣрности нашего предположенія, хотя впрочемъ въ Бесѣдѣ было и нѣсколько другихъ членовъ того же сорта. Извѣстно, что Хвостовъ, считая себя по таланту ничѣмъ не ниже Крылова, не могъ равнодушно переносить успѣховъ его и не пропускалъ случаевъ мстить ему за колкія на-

[1] Комментаторъ Крылова, покойный Кеневичъ, считаетъ эту басню, напечатанную въ XVI книжкѣ Бесѣды, сатирою на какое-то незадолго передъ тѣмъ открытое коллегіальное учрежденіе, но прибавляетъ, что онъ ни въ Полномъ собраніи Законовъ, ни въ газетахъ не отыскалъ никакихъ данныхъ для предположенія, какое именно общество тутъ разумѣется. Странно, что г. Кеневичу не пришло на мысль, что это было не другое какое-либо общество, какъ самая Бесѣда.

смѣшки. Уже вскорѣ послѣ учрежденія Бесѣды, онъ просилъ у Державина позволенія прочесть въ предварительномъ собраніи какое-то стихотвореніе свое на *Обжоркина*, безъ сомнѣнія разумѣя подъ этимъ именемъ Крылова. Это было, вѣроятно, посланіе къ Гнѣдичу, впослѣдствіи напечатанное въ собраніи сочиненій гр. Хвостова. Здѣсь есть тирада, такъ начинающаяся:

«Обжоркинъ каждый день для всѣхъ твердитъ одно,
Что вкусный былъ обѣдъ и вкусное вино»[1].

Крыловъ въ кругу литераторовъ извѣстенъ былъ, между прочимъ, своею слабостью къ хорошему столу, почему и Батюшковъ сказалъ о немъ:

«Крыловъ, забывъ житейско море,
Пошелъ обѣдать прямо въ рай»[2].

Басня *Вельможа и Философъ*, какъ кажется, и была отвѣтомъ на пасквиль графа Хвостова.

Другой членъ Бесѣды, съ которымъ графъ Хвостовъ жилъ не въ ладахъ, былъ родственникъ и однофамилецъ его, Александръ Семеновичъ, предсѣдатель 3-го разряда. Чтобы свести съ нимъ литературные счеты, неутомимый стихотворецъ написалъ для чтенія въ Бесѣдѣ посланіе къ *Стамбулову* (А. С. былъ нѣкогда нашимъ повѣреннымъ въ дѣлахъ при Оттоманской Портѣ). Но Державинъ, получивъ эти стихи, возвратилъ ихъ автору отъ имени своего разряда съ просьбой «уволить его (Державина) отъ такихъ сочиненій, гдѣ чья-либо уязвляется честь». Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ выразилъ сожалѣніе, что по неосторожности принялъ и первую его сатирическую пьесу — на Обжоркина; друзьямъ же своимъ объяснялъ онъ, что посланіе къ Стамбулову «было возвращено не съ инымъ чѣмъ, какъ только чтобъ не раздувать больше вражды между однофамильныхъ стихотворцевъ.» Графъ

[1] VI, 215.
[2] *Библіогр. Зап.* 1861 г., стр. 643.

Хвостовъ такъ обидѣлся, что нѣсколько мѣсяцевъ былъ въ ссорѣ съ Державнымъ и даже намѣревался выйти изъ Бесѣды[1].

Нѣкоторые литераторы, уже пользовавшіеся почетнымъ именемъ, какъ напр., названный А. С. Хвостовъ, также Маринъ и кн. Горчаковъ, ничего не прибавили къ своей репутаціи тѣми немногими статейками и стихами, которыя помѣстили въ Чтеніи. Въ посланіи Марина къ *М. М.* стóитъ отмѣтить очень ясную выходку противъ Карамзина:

. . . . «Займусь наукою знать самого себя,
И впрямь, что нужды мнѣ въ дѣла другихъ мѣшаться?
На свѣтѣ можетъ всякъ, чѣмъ хочетъ, заниматься.
Пускай нашъ Ахалкинъ стремится въ новый путь
И, вздохами свою наполня томну грудь,
Опишетъ, свойства плаксъ давъ Игорю и Кію,
И добренькихъ Славянъ и милую Россію»[2].

Между стихотвореніями самого Державина, читанными въ Бесѣдѣ, нѣтъ ни одного особенно выдающагося; все это лишь слабые отголоски прежней его лиры. Въ это время онъ занимался преимущественно своимъ *Разсужденіемъ о лирической поэзіи*, которое и печаталось постепенно въ Чтеніи, но осталось неконченнымъ. Знаменитый лирикъ, на склонѣ дней, какъ будто захотѣлъ раскрыть современникамъ и потомству тайну своего творчества, объяснить правила, которымъ слѣдовалъ въ поэзіи. Подобные труды по теоріи литературы и вообще искуства были въ духѣ того времени. Это была эпоха господства эстетики, наступившая передъ началомъ новаго періода поэзіи. Самъ Державинъ имѣлъ какъ бы предчувствіе этого періода, ознаменованнаго освобожденіемъ отъ школьныхъ формъ. Въ этомъ-то настроеніи и онъ уже говорилъ въ письмѣ къ Евгенію: «Педантскіе раздѣлы лириче-

[1] VI, 215, 254, 266. — По полученіи обратно своихъ стиховъ, графъ Хвостовъ отправилъ ихъ къ самому Александру Семеновичу, давъ имъ заглавіе *къ Расилову*, подъ которымъ они и напечатаны въ собраніи сочиненій перваго.

[2] *Чтеніе въ Бесѣдѣ* III, 121.

скихъ стихотвореній я не очень уважаю, но чтобы не поднять всю араву школъ на себя, нѣсколько только касаюсь». Мы уже прежде упомянули о его мысли дѣлить поэзію по особенностямъ ея представителей: «у каждаго генія есть своя собственность», замѣчалъ онъ; мы привели также возраженіе Евгенія противъ этой мысли[1]. Пріемы, какіе престарѣлый поэтъ употреблялъ при составленіи своего *Разсужденія,* собирая предварительно матеріалы для него и обработывая ихъ, доказываютъ, что онъ еще и теперь умѣлъ съ энергіей вести даже непривычный для него трудъ. Между-прочимъ онъ перечиталъ всего Ломоносова, дѣлая на поляхъ замѣтки о тѣхъ достоинствахъ, примѣрами которыхъ могли служить поражавшіе его стихи. Справляясь съ другими писателями, онъ хотѣлъ быть самостоятельнымъ въ своей теоріи и издѣвался надъ «правилами нынѣшней модной эстетики». По мѣрѣ того, какъ писалось его Разсужденіе, онъ посылалъ свою рукопись на просмотръ Евгенію, и по его замѣчаніямъ исправлялъ или дополнялъ ее, не всегда однакожъ безусловно принимая его указанія. Такъ однажды онъ отвѣчалъ на критику Евгенія: «скажу по правдѣ, что иныя замѣтки ваши мнѣ не очень нравятся, ибо, кажется, вы не такъ-то справедливо судили»[2]. По совѣту Евгенія, онъ собирался издать свое Разсужденіе отдѣльною книжкой, но не успѣлъ этого сдѣлать. Послѣдняя, 19-я, книжка *Чтенія* Бесѣды была одобрена цензоромъ 26-го марта 1815 года, но собранія Бесѣды продолжались еще и въ слѣдующемъ году, почти до отъѣзда Державина въ деревню, какъ можно было видѣть изъ приведеннаго выше разсказа Панаева, посѣщавшаго ихъ въ Великомъ посту этого года, послѣдняго въ жизни поэта.

Можно сказать, что Бесѣда только и держалась блескомъ нѣсколькихъ крупныхъ именъ, особенно же Державина, Шишкова и Крылова. Второстепенною извѣстностью изъ числа ея членовъ пользовались Маринъ, А. Хвостовъ, Оленинъ, Муравьевъ-Апостолъ, князь Шаховской и Милоновъ. Одна изъ главныхъ

[1] VI, 314 и 340.
[2] VI, 340.

цѣлей Бесѣды—посредствомъ публичныхъ чтеній обращать общее вниманіе на возникающіе таланты осталась, разумѣется, не достигнутою, по той простой причинѣ, что таковыхъ въ рядахъ *бесѣдниковъ* (какъ Карамзинъ называлъ членовъ Бесѣды) не явилось. То, что было въ тогдашней литературѣ болѣе свѣжаго и даровитаго, держалось Карамзина и конечно не могло сочувствовать партіи, которая необыкновенный успѣхъ его объясняла тѣмъ, что «временная слава возрастаетъ отъ нѣкотораго стеченія обстоятельствъ, отъ случайнаго расположенія умовъ и часто отъ размноженія пустыхъ голосовъ, повторяющихъ одинъ другого»[1]. Шишковъ и его приверженцы были такъ слѣпы, что не придавали серіознаго значенія дѣйствію, произведенному на все образованное общество *Письмами русскаго путешественника* еще въ концѣ прошлаго вѣка и *Вѣстникомъ Европы* въ началѣ нынѣшняго. Тѣмъ не менѣе слава Карамзина, какъ самаго даровитаго и увлекательнаго писателя, была такъ велика, что учредители Бесѣды не могли не выразить своего уваженія къ нему, и, несмотря на его отсутствіе, какъ московскаго жителя, избрали его въ почетные члены своего общества. Дмитріевъ, тогда уже министръ, получилъ въ немъ званіе попечителя. Но еще за нѣсколько лѣтъ до того Жихаревъ, посѣщая Шишковскіе вечера и удивляясь равнодушію, съ какимъ участники ихъ смотрѣли на московскихъ литераторовъ, говорилъ: «Изъ москвичей одинъ И. И. Дмитріевъ здѣсь въ почетѣ, да и то развѣ потому, что онъ сенаторъ и кавалеръ, а Карамзинымъ восхищается одинъ только Гаврила Романовичъ и стоитъ за него горою». О Мерзляковѣ, Жуковскомъ и Василіи Пушкинѣ эти господа едва слыхали. Захаровъ, толковавшій безпрестанно о грамматикѣ, отзывался объ нихъ какъ объ ученикахъ, а между тѣмъ покровительствовалъ разнымъ Станевичамъ, Львовымъ, Щулепниковымъ и т. п. Литературный кружокъ Шишкова не читалъ даже сочиненій Жуковскаго. За ужиномъ у Державина, Шишковъ разсказывалъ, что Логинъ Ив. Кутузовъ читалъ ему въ удачномъ переводѣ своего брата (Павла Ив.) Грееву элегію «Сельское

[1] *Чтеніе* I, стр. II предисловія.

кладбище». Присутствовавшіе не хотѣли вѣрить Жихареву, когда онъ замѣтилъ, что эту самую элегію гораздо ранѣе и лучше перевелъ Жуковскій. Въ доказательство онъ вызвался прочесть этотъ переводъ наизусть. «Такъ пожалуста нельзя ли тотчасъ же?» подхватилъ нетерпѣливый Державинъ. По окончаніи чтенія всѣ смотрѣли на Жихарева какъ на человѣка, сдѣлавшаго любопытное открытіе: мелодическіе стихи московскаго поэта не могли не произвести впечатлѣнія.

Одинъ Карамзинъ былъ слишкомъ хорошо извѣстенъ почитателямъ Шишкова, которые потому и старались уронить его своими насмѣшками. Съ этою цѣлью Шаховской еще въ 1807 г. вывелъ его на сцену въ комедіи *Новый Стернъ* подъ именемъ князя Пронскаго. Когда возникла Бесѣда, Дмитріевъ писалъ ему о выходкахъ, которыя въ ней позволяли себѣ противъ него. «О Бесѣдѣ Шишковской слышалъ я», отвѣчалъ Карамзинъ: «желаю ей успѣха, но только въ добрѣ. Для чего сіи господа не хотятъ оставить меня въ покоѣ? Впрочемъ мое правило не злиться»[1].

В. Л. Пушкинъ, горячо преданный Карамзину, написалъ къ Жуковскому посланіе, направленное противъ Шишкова и его партіи (*Цвѣтникъ* 1810 г., № 12). Тутъ онъ между прочимъ говоритъ:

«Не ставлю я нигдѣ ни *сѣмо*, ни *овамо*.
Я, признаюсь, люблю Карамзина читать,
И въ слогѣ Дмитреву стараюсь подражать»...

Кончается пьеса стихами:

«Въ Славянскомъ языкѣ и самъ я пользу вижу,
Но вкусъ я варварскій гоню и ненавижу.
Въ душѣ своей ношу къ изящному любовь;
Творенье безъ идей мою волнуетъ кровь.
Словъ много затвердить не есть еще ученье;
Намъ нужны не слова, намъ нужно просвѣщенье».

Князь Шаховской рѣшился отплатить автору за своихъ друзей, но вмѣсто прямого отвѣта пародировалъ эти стихи въ своей комической поэмѣ *Расхищенныя шубы*, которая печаталась въ

[1] *Письма Карамзина къ Дмитріеву*, стр. 139.

Чтеніи Бесѣды[1]; въ ней много намековъ и на другихъ литераторовъ противнаго лагеря, на Карамзина, на Блудова. Кромѣ того Шаховской въ 1815 году написалъ комедію *Липецкія воды*[2], въ которой осмѣялъ Жуковскаго въ лицѣ балладника Фіалкина. Все это произвело жаркую полемику въ журналахъ и послужило поводомъ къ тому, что когда въ этомъ самомъ году Жуковскій переселился въ Петербургъ, то литературные друзья его на своихъ сходкахъ завели обычай потѣшаться насчетъ Бесѣды, поражать ее оружіемъ шутки и насмѣшки. Таково было начало знаменитаго общества, получившаго названіе Арзамасскаго. Въ этомъ кругу видную роль играли будущіе министры: Блудовъ, Дашковъ и Уваровъ. Первый, несмотря на родство съ Державинымъ и на старинную пріязнь отца своего и дяди съ поэтомъ, сдѣлался однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ членовъ новаго союза противъ Бесѣды. Дашковъ давно уже заявилъ себя талантливымъ борцомъ въ защиту новаго слога. Уваровъ, хотя и почетный членъ Бесѣды, охотно измѣнилъ ей, тѣмъ болѣе что также задѣтъ былъ Шаховскимъ въ комедіи *Урокъ волокитамъ*; по своему положенію въ свѣтѣ и въ служебной іерархіи онъ пріобрѣлъ большое значеніе въ Арзамасѣ. Карамзинъ, пріѣхавъ въ Петербургъ со своей Исторіей въ началѣ 1816 г., съ восторгомъ былъ принятъ въ это общество какъ почетный членъ его, и въ письмахъ своихъ къ женѣ съ любовью и уваженіемъ отзывался объ «Арзамасцахъ». Въ то же время онъ говорилъ Державину: «Гаврила Романовичъ! Не вѣрьте бесѣдникамъ».

Но мы должны возвратиться нѣсколько къ предшествовавшему времени, чтобы взглянуть на постепенное развитіе Арзамаса. По поводу полемическихъ статей въ прозѣ и эпиграммъ на Шаховского, являвшихся въ журналахъ 1815[3], Жуковскій осенью этого года писалъ къ роднымъ въ Бѣлевъ: «Теперь страш-

[1] См. кн. VII-ая, стр. 77, и *Соврем.* 1856, № 5, Зап. Лонгинова, стр. 9.

[2] *Урокъ кокеткамъ или Липецкія воды*, въ 5-ти дѣйствіяхъ, въ стихахъ.

[3] См. *Сынъ Отеч.* № 42 («Письмо къ новѣйшему Аристофану», Дашкова); *Росс. Музеумъ* № 12 («Письмо съ Липецкихъ водъ», кн. Вяземскаго), и въ разныхъ книжкахъ этихъ же журналовъ эпиграммы кн. Вяземскаго противъ Шутовского и Гашпара.

ная война на Парнассѣ. Около меня дерутся за меня, а я молчу, да лучше было бы когда бы и всѣ молчали»[1]. Особеннаго рода выходку противъ автора *Расхищенныхъ шубъ* придумалъ Блудовъ. Онъ написалъ отъ лица Шаховского юмористически-напыщенное *Видѣніе въ нѣкоторой оградѣ, изданное обществомъ ученыхъ людей*[2], разумѣя подъ оградою *Бесѣду*. Съ этой пародіей онъ соединилъ воспоминаніе изъ недавняго путешествія своего въ Арзамасъ, близъ котораго находилось его имѣніе. Сочиненіе сопровождалось письмомъ якобы отъ одного арзамасскаго литератора. Въ письмѣ разсказывалось, что въ арзамасскомъ трактирѣ собралось нѣсколько мѣстныхъ литераторовъ. Узнавъ отъ трактирщика, что въ сосѣдней комнатѣ остановился какой-то проѣзжій, они подошли къ дверямъ и слышали какъ онъ, лежа въ постели, декламировалъ свое *Видѣніе*. Онъ повторялъ его столько разъ, что они заучили твореніе наизусть. Въ немъ Шаховской разсказывалъ, какъ онъ, послѣ одного засѣданія Бесѣды, оставшись въ опустѣвшей и уже темной залѣ дома Державина, подошелъ къ окну, за которымъ бушевалъ вѣтеръ, и сталъ исповѣдывать тайные грѣхи свои (отношенія къ актрисѣ Ежовой). Разумѣется, что и Видѣніе и письмо остались ненапечатанными; друзья позаботились однако, чтобъ это произведеніе дошло до Шаховского. Такъ образовалось Арзамасское общество; полное первоначальное названіе его было: «Общество арзамасскихъ безвѣстныхъ литераторовъ». Вигель говоритъ, что первое собраніе было у С. С. Уварова 14 октября 1815 года по циркулярному приглашенію, которое онъ разослалъ къ друзьямъ своимъ. Впослѣдствіи собранія бывали иногда и у Блудова. Секретарскую должность исполняли то Блудовъ, то Жуковскій, отличавшійся своимъ юморомъ и изобрѣтательностью на затѣйливыя шутки; изъ его балладъ были почерпнуты шутливыя имена, присвоенныя каждому члену, какъ то: *Свѣтлана* былъ самъ онъ; *Ахиллъ* — Батюшковъ; *Кассандра* — Блудовъ, *Асмодей* —

[1] *Русск. Арх.* 1864, 460.

[2] Это полное заглавіе, записанное мною со словъ самого графа Блудова, доказываетъ, что слѣдуетъ читать не *Видѣніе во градѣ*, а *Видѣніе въ оградѣ*.

Вяземскій; *Реинъ* — М. Ф. Орловъ; *Громобой* — Жихаревъ; *Чу* — Дашковъ; *Вотъ* — Вас. Пушкинъ; *Сверчокъ* — А. С. Пушкинъ; *Старушка* — Уваровъ; *Эолова арфа* — А. И. Тургеневъ; *Варвикъ* — Н. И. Тургеневъ; *Пустынникъ* —Д. А. Кавелинъ и т. д.[1].

Впрочемъ Арзамасъ рѣзко отличался отъ Бесѣды тѣмъ, что, по словамъ гр. Уварова[2], онъ не представлялъ собственно никакой опредѣленной формы, никѣмъ не былъ утвержденъ, не имѣлъ ни устава, ни публичныхъ собраній, и ничего отъ общества не издавалъ. Вмѣсто закона онъ руководствовался обычаемъ: каждый новопринимаемый членъ долженъ былъ, по примѣру того что дѣлалось во Французской академіи, произнести похвальное слово умершему; но такъ какъ въ Арзамасѣ всѣ безсмертны, то вступающій выбираетъ для первой рѣчи своей одного изъ живыхъ покойниковъ Бесѣды или Академіи *заимообразно* и *на прокатъ*. Основатели общества должны были равнымъ образомъ, каждый въ свою очередь, играть роль вступающихъ. Такъ Блудовъ сказалъ похвальное слово Захарову. «До сихъ поръ», писалъ Дашковъ къ кн. Вяземскому въ концѣ ноября 1815 года, «такихъ мертвецовъ отпѣто у насъ пять, и Свѣтлана (Жуковскій) превзошла сама себя, отпѣвая пѣтаго и перепѣтаго Хлыстова (т. е. Хвостова). То-то была рѣчь! То-то протоколы!.. Очередной предсѣдатель у насъ каждую недѣлю новый, и по именному указу, какъ въ Академіи, отвѣчаетъ оратору пристойнымъ привѣтствіемъ, въ которомъ искусно мѣшаетъ похвалы ему съ похвалами усопшему»[3]. При пріемѣ Василія Пушкина соблюденъ былъ еще особенный обрядъ: новичка покрыли шубами, и онъ, лежа подъ ними, долженъ былъ выслушать нѣсколько тирадъ изъ поэмы *Расхищенныя шубы*. Дашковъ сочинилъ на этотъ случай кантату, которую пѣли хоромъ всѣ Арзамасцы.

Съ каждымъ собраніемъ общество болѣе и болѣе оживлялось. Вечеръ начинался тѣмъ, что прочитывали протоколъ предъ-

[1] Полное исчисленіе членовъ съ этими шутливыми прозвищами см. въ статьѣ Лонгинова «Арзамасъ» въ *Энциклопедич. словарь* 1862 года (т. V).

[2] *Современникъ* 1851, № 6, статья «Литерат. Воспоминанія».

[3] *Русск. Арх.* 1866, стр. 499.

идущаго засѣданія, иногда написанный Жуковскимъ въ экзаметрахъ; потомъ шутили, смѣялись надъ противниками, или по поводу явленій текущей литературы, и кончали вечеръ ужиномъ, рѣдко безъ арзамасскаго гуся, изображеніемъ котораго Жуковскій хотѣлъ украсить гербъ общества. Однакожъ и Арзамасъ существовалъ, недолго—по свидѣтельству Блудова, года три, т. е. до 1818 года. Послѣ бракосочетанія великаго князя Николая Павловича, въ серединѣ 1817, Жуковскій, назначенный преподавателемъ русскаго языка къ великой княгинѣ, вмѣстѣ съ дворомъ отправился осенью въ Москву, и прерванныя этимъ собранія Арзамаса впослѣдствіи почти уже не возобновлялись. Блудовъ скоро уѣхалъ совѣтникомъ посольства въ Лондонъ, Дашковъ въ Константинополь. Незадолго до отъѣзда Жуковскаго было одно изъ послѣднихъ собраній Арзамаса (20-е) у С. С. Уварова на Карповкѣ (стало-быть, лѣтомъ). Изъ сохранившагося стихотворнаго протокола его видно, что шутка и праздное глумленіе начинали уже надоѣдать Арзамасцамъ и что они задумывали придать болѣе серіозный характеръ своему обществу, приняться за какое-нибудь дѣло. Въ уста Кассандры (Блудова) влагаются между прочимъ слѣдующія слова:

«Полно тебѣ, Арзамасъ, слоняться бездѣльникомъ! Полно
Намъ, какъ портнымъ, сидѣть на каткѣ и шить на Халдеевъ,
Сгорбясь, дурацкія шапки изъ пестрыхъ лоскутьевъ Бесѣдныхъ:
Время проснуться!..
.....Насъ доселѣ сбирала безпечная шутка.
...Но чтоже? Она ужъ устала, иль скоро устанетъ!
Смѣхъ безъ веселости только кривлянье! Старыя шутки —
Старыя дѣвки!..
Бойся же ты, Арзамасъ, чтобъ не сдѣлаться старою дѣвкой».

Поэтому Блудовъ приглашалъ товарищей тѣсно соединиться для какого-нибудь дѣльнаго предпріятія. М. Ф. Орловъ въ томъ же собраніи предложилъ издавать Арзамасскій журналъ съ политическимъ оттѣнкомъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ сознался, что программа его еще не составлена. Вслѣдъ за нимъ такую программу

развилъ кн. Вяземскій. Продолженіе засѣданія и вмѣстѣ характеристика собраній Арзамаса изображаются въ послѣднихъ стихахъ протокола:

. . .«Совѣщанье
Начали члены. Пріятно было послушать, какъ вмѣстѣ
Всѣ голоса слилися въ одну безтолковщину. Бѣгло
Своимъ язычкомъ работала Кассандра. Реинъ
Громко шумѣлъ; Асмодей воевалъ на Свѣтлану; Свѣтлана
Бѣгала взадъ и впередъ съ протоколомъ; впившись въ Старушку,
Крикомъ кричалъ Громобой, упрямясь родить анекдотецъ.
Арфа мурлыкала пѣсни, Пустынникъ возился съ Варвикомъ.
Чѣмъ же сумятица кончилась? Дѣломъ: журналъ состоялся»[1].

Въ томъ то и дѣло, что не состоялся. Года черезъ два-три Уваровъ попробовалъ было возобновить Арзамасъ и однажды пригласилъ къ себѣ остававшихся въ Петербургѣ членовъ его, но и это не удалось: время его навсегда миновало[2].

Поэтически остроумный характеръ этого общества, даровитость и слава бо́льшей части членовъ его придали ему въ глазахъ потомства какое-то особенное обаяніе, которое еще увеличивается тѣнью, падающею на побѣжденную Бесѣду. Но едва ли можно принимать въ точномъ смыслѣ свидѣтельство Уварова, что «лица, составлявшія Арзамасъ, занимались (въ собраніяхъ его) строгимъ разборомъ литературныхъ произведеній, примѣненіемъ къ языку и словесности отечественной всѣхъ источниковъ древней и иностранныхъ литературъ, изысканіемъ началъ, служащихъ основаніемъ твердой, самостоятельной теоріи языка и проч.» Не говорилъ ли самъ Жуковскій: «Арзамасская критика должна ѣхать верхомъ на галиматьѣ»? Нельзя конечно отрицать, что общій духъ «арзамасскихъ шалостей» и тѣсный дружескій союзъ столькихъ талантовъ оказывали благотворное вліяніе на дѣятельность самихъ членовъ этого общества, а чрезъ нихъ отчасти и на современную литературу, но въ собраніяхъ его исключительно господствовалъ, кажется, шуточный характеръ, какъ видно между-прочимъ изъ

[1] *Русск. Арх.* 1868, стр. 830—836.
[2] Слышано отъ графа Блудова.

приведенныхъ выше стиховъ Жуковскаго, изъ разсказовъ гр. Блудова, кн. Вяземскаго и изъ писемъ Дашкова. Память объ Арзамасѣ сохранилась только въ преданіи; существовалъ онъ короткое время, собирался рѣдко, а потому и не слѣдуетъ преувеличивать его значенія [1].

7. Послѣдній періодъ поэзіи Державина.

Новыя теченія въ русской литературѣ начала 19-го столѣтія не могли, хотя въ нѣкоторой мѣрѣ, не отразиться и на поэзіи Державина. Борьба за старый и новый слогъ имѣла на него двоякое вліяніе. Съ одной стороны, подчиняясь ученію своего сочлена по Россійской академіи, Шишкова, онъ въ своихъ торжественныхъ одахъ, и особенно въ переводахъ изъ Пиндара, болѣе прежняго пользовался церковно-славянскимъ элементомъ и въ доказательство самостоятельнаго обращенія съ языкомъ, иногда непомѣрно насиловалъ его или, по остроумному выраженію Стурдзы, «обходился съ орудіемъ мысли какъ обходится исполинъ съ недорослемъ» [2]. Но съ другой стороны, не будучи, подобно Шишкову, заклятымъ врагомъ реформы Карамзина, уважая этого писателя и будучи издавна въ пріязни съ Дмитріевымъ, Державинъ не оставался вполнѣ чуждъ и новому направленію современной литературы. Въ первомъ отношеніи, именно при переводахъ изъ Пиндара, онъ пріобрѣлъ ученаго наставника въ Евгеніи, который, будучи знатокомъ древнихъ языковъ, переводилъ ему этого лирика слово въ слово. Въ 1805 году преосвященный писалъ: «Я не виню Нѣмцевъ и Французовъ за недостаточные переводы Пиндара. Признаюсь, труднѣе и непонятнѣе всѣхъ греческихъ стихотворцевъ этотъ авторъ. У него, кромѣ того, что особенный дикій какой-то ходъ мыслей, самыя слова и фразы необыкновенны и прибраны изъ разныхъ провинціальныхъ греческихъ діалектовъ. Сіе крайне затрудняетъ

[1] Въ приложеніяхъ мы помѣстимъ сатиру Батюшкова на Бесѣду по списку, найденному въ бумагахъ Державина.

[2] *Москвит.* 1851, № 21.

переводчика и съ самыми лучшими пособіями, а буквально перевести его можно развѣ только на русскій языкъ. Прочихъ же языковъ обороты неспособны слѣдовать ему слово за словомъ, а особливо въ сложныхъ словахъ, которыя онъ отмѣнно любитъ. Да и русскій языкъ подъ его многословнымъ напряженіемъ иногда щетинится и корчится. Посему-то я часто принужденъ былъ и въ моемъ переводѣ, для приведенія смысла словъ въ натуральный порядокъ, размѣчивать слова цифрами, а въ строфѣ не могъ не отступить и отъ оригинальнаго порядка стиховъ, потому что выходила въ переводѣ путаница, для русскаго читателя совсѣмъ непонятная. Сводилъ я съ оригиналомъ и переводъ вашъ первой пифической оды, а перевода другой оды у меня нѣтъ. Вы, къ удивленію моему, чрезвычайно близко напали на оригиналъ» [1].

Этимъ письмомъ Евгенія объясняется та неестественность въ словорасположеніи, тѣ неловкія, большею частію сложныя слова, которыя за это время часто встрѣчаются у Державина и особенно поражаютъ насъ въ его переводахъ. Въ примѣръ его сочувствія взглядамъ Шишкова можно привести изъ его стихотворенія *Обитель Добрады* (II, 693) выраженіе: «Домъ благодатныя, неблазныя Добрады», какъ названъ имъ павловскій дворецъ императрицы Маріи Феодоровны. Здѣсь употреблены два церковно-славянскія прилагательныя, въ пользу допущенія которыхъ въ русскомъ языкѣ Шишковъ ратовалъ противъ одного изъ духовныхъ сочленовъ своихъ [2].

Во второмъ отношеніи Державинъ, слѣдуя духу времени, болѣе и болѣе удовлетворялъ своей любви къ народному языку, и пользуясь пріобрѣтеннымъ съ дѣтства глубокимъ знаніемъ его, нисходилъ къ тѣмъ родамъ поэзіи, въ которыхъ умѣстно употребленіе народной рѣчи. Такъ въ 1805 г., по полученіи извѣстія о подвигѣ Багратіона подъ Шэнграбеномъ, онъ написалъ народную пѣсню, откуда приведемъ отрывокъ:

[1] VI, 171.

[2] Объ этомъ любопытномъ спорѣ, въ которомъ справедливость была отчасти на сторонѣ Шишкова, см. IV, 780.

«Французовъ Русскіе побили:
Здоровье храбрыхъ воиновъ пьемъ;
Но не шампанскимъ пьемъ, какъ пили:
Друзья! мы русскимъ пьемъ виномъ.
Подай намъ доброй штофъ сивухи,
Дай пива русскаго кулганъ.
Мы, братцы, не нѣмецки шлюхи,
Безъ боя не покинемъ станъ.
Ура! здоровье Русскихъ пьемъ....
«Хоть отступалъ назадъ Кутузовъ,
Противъ обычья Русаковъ, —
Велѣлъ такъ царь, — но онъ Французовъ
Пугнулъ, какъ тьму тетеревовъ.
Подай намъ доброй штофъ сивухи, *и проч.*
«Кто русскихъ войскъ царю вѣрнѣе?
Гдѣ есть подобные полки?
На брань и дѣти пламенѣя,
Знамена вражьи рвутъ въ куски.
Подай намъ доброй штофъ сивухи», *и проч.*

Въ такомъ же духѣ описанъ имъ въ деревнѣ *Крестьянскій праздникъ:*

«Горшки не боги обжигаютъ,
Не все пьютъ пиво богачи:
Пусть, Муза! насъ хоть осуждаютъ;
Но ты днесь въ кобасъ пробренчи
И, всшедъ на холмъ высокій званскій,
Прогаркни праздникъ сей крестьянскій»[2]...

Тогда же, сознавая ослабленіе своего лирическаго таланта, онъ сочинялъ разнаго рода шуточныя посланія и другія стихотворенія въ этомъ родѣ. Вотъ нѣкоторыя изъ нихъ:

Милорду, моему пуделю (это былъ прекрасный бѣлый пудель, который происходилъ отъ собакъ Екатерины II):

[1] III, 385.
[2] III, 398.

«Сіятельнѣйшій твой отецъ
Покоится въ саду прекрасномъ
И тамъ, чувствительныхъ сердецъ
Къ отрадѣ, въ плачѣ ихъ ужасномъ,
Надъ нимъ поставленъ монументъ;
То мнѣ ли быть неблагодарнымъ?..
Нѣтъ! гробъ твой освѣчу лучами,
Вкругъ прахъ обмою весь слезами»[1].

Похвала комару, черезъ-чуръ длинное стихотвореніе, къ которому подало поводъ обиліе комаровъ надъ болотистыми берегами Волхова («Царство комарье, царица въ немъ Дарья»):

«Пиндаръ воспѣвалъ орла,
Митрофановъ сокола,
А Гомеръ, хоть для игрушекъ,
Прославлялъ въ грязи лягушекъ;
Попе — женскихъ клокъ власовъ.
И Вольтеръ, я мню, въ издѣвку
Величалъ простую дѣвку;
Ломоносовъ — честь усовъ.
Я, въ деревнѣ, для забавы,
Въ подражаніе ихъ славы,
Проворчу тара-бара...
Я пою днесь Комара!»[2].

Посланіе молодому Злобину, сыну того извѣстнаго откупщика, которому такъ много былъ обязанъ родной его городъ Вольскъ (прежде село Малыковка, столь знакомое Державину). По словамъ Гаврилы Романовича, молодой Злобинъ былъ

«Поэтъ душой, купецъ породой».

Замѣчая въ немъ борьбу двухъ направленій, Державинъ совѣтуетъ ему:

«Итакъ ты выбрось рознь изъ мозгу,
Двухъ зайцовъ вдругъ не поимать;

[1] III, 393.
[2] III, 401.

Чтобъ быть и всѣ и вся, ужъ розгу
Волшебну днесь нельзя сыскать.
Барышникъ, стиходѣй, суть двое:
Ты выбери добро любое»[1].

И, разумѣется, поэтъ совѣтуетъ Злобину предаться вполнѣ Аполлону. Это было въ 1808 году.

Къ тому же разряду стихотвореній долженъ быть отнесенъ знаменитый *Приказъ моему привратнику*, вызванный въ этомъ же году тѣмъ, что однажды швейцаръ его принялъ пакетъ, адресованный на имя другого Державина, оберъ-священника Ивана Семеновича. На это посланіе явился длинный и язвительный отвѣтъ, который естественно приписали тому, кто былъ предметомъ ошибки, хотя, вѣроятно, онъ принадлежалъ перу другого священника (Пакатскаго). Оба стихотворенія вмѣстѣ надѣлали много шуму и распространились во множествѣ списковъ. Какъ подѣйствовалъ на Державина отвѣтъ, который конечно многимъ полюбился, лучше всего видно изъ нѣсколькихъ стиховъ, найденныхъ нами въ его рукописяхъ:

Отзывъ на пасквиль.

Ужель мнѣ отвѣчать
На то, что такъ меня за шутку злобно колютъ?
Благоразумнѣе молчать:
Избыткомъ лишь сердецъ уста у насъ глаголютъ[2].

Изданіе Ключаревымъ въ 1804 году древнихъ былинъ не осталось безъ вліянія на поэзію Державина. Любопытно, какое впечатлѣніе эти стихотворенія произвели на него: «въ нихъ нѣтъ почти поэзіи», говоритъ онъ въ своемъ Разсужденіи о лирической поэзіи: «онѣ одноцвѣтны и однотонны. Въ нихъ только господствуетъ гигантескъ, или богатырское хвастовство, какъ въ хлѣбосольствѣ, такъ и въ сраженіяхъ, безъ всякаго вкуса. Выпи-

[1] III, 445. Служа подъ начальствомъ Державина, когда онъ былъ министромъ юстиціи, Злобинъ ѣздилъ съ какимъ-то порученіемъ на Волгу и въ перепискѣ съ начальникомъ перемѣшивалъ прозу стихами.

[2] III, 426 и 430.

ваютъ однимъ духомъ по ушату вина, побиваютъ тысячи бусурмановъ трупомъ одного, схваченнаго за ноги, и тому подобная нелѣпица, варварство и грубое неуваженіе женскому полу изъявляющая» (VII, 607).

Можно подивиться, что Державину не понравился именно тотъ элементъ нашей народной поэзіи, который самъ онъ любилъ вводить въ свои оды, именно — гиперболизмъ образовъ. Между тѣмъ очевидно, что появленіе былинъ пробудило въ немъ желаніе обработать въ стихахъ какой-нибудь предметъ, заимствованный изъ русской старины. Сперва, по совѣту Евгенія, онъ думалъ было предпринять поэму о Новгородѣ, и по этому поводу они переписывались о Марфѣ Посадницѣ и о новгородскихъ войнахъ; но потомъ Державинъ предпочелъ область героической и сказочной древности. Въ 1812 году, слѣдовательно уже во время существованія Бесѣды, онъ написалъ родъ баллады: *Царь-дѣвица,* собирая въ этой сказочной личности черты характера и образа жизни императрицы Елисаветы Петровны. Здѣсь онъ былъ явно подъ вліяніемъ новаго въ русской литературѣ рода поэтическихъ произведеній, образцы котораго далъ Жуковскій въ *Людмилѣ* (1808) и *Свѣтланѣ* (1811). Здѣсь есть игриво-граціозные образы:

«Царь жила-была Дѣвица,
Шепчетъ русска старина:
Будто солнце свѣтлолица,
Будто тихая весна.
«Очи свѣтло-голубыя,
Брови черныя дугой,
Огнь — уста, власы — златые,
Грудь — какъ лебедь бѣлизной.
«Въ жилахъ рукъ ея пуховыхъ,
Какъ эфиръ, струилась кровь;
Между розъ, зубовъ перловыхъ,
Усмѣхалася Любовь.
«Родилась она въ сорочкѣ
Самой счастливой порой,

Ни въ полудни, ни въ полночкѣ, —
Алой, утренней зарей» и т. д.[1].

Это писано въ 1812 году, а къ 13-му относится *Новгородскій волхвъ Злогоръ*, пьеса, заимствованнная изъ того же міра преданій, съ примѣсью новѣйшаго вымысла и скандинавскихъ мифовъ. Тутъ являются рядомъ Боянъ и Скальдъ, Одинъ и Велесъ. Волхвъ Злогоръ обратился нѣкогда въ рѣку Волховъ; по приглашенію хора, скальдъ поетъ:

«Злогора душу взяли черти;
Но слухъ такъ страшенъ былъ о немъ,
Что люди добрые, по смерти
Въ гробъ положивши ницъ лицомъ,
Такъ спрятали его въ могилу,
Чтобъ имъ не вреденъ былъ тиранъ;
Осиновъ колъ ему вбивъ съ тылу,
Надъ нимъ насыпали курганъ.
«Но онъ и по свой кончинѣ
Творилъ премножество проказъ»[2]. . . .

Злогоръ былъ виною всѣхъ бѣдъ, посѣщавшихъ Новгородъ въ послѣдующія времена: онъ поднялъ Вадима на Гостомысла, ссорилъ Славянъ съ Варягами, мѣшалъ Добрынѣ крестить народъ, противился введенію Русской Правды въ судъ и велѣлъ возить на вѣче Марфу посадницу, злую бабу Ягу, на колымагѣ съ желѣзнымъ пестомъ.

«И днесь на Званкѣ онъ проказитъ,
Тьмы ночью дѣлая чудесъ:
Златой луной на Волховъ слазитъ,
Лучемъ въ немъ пишетъ горы, лѣсъ
И, лоснясь съ колкунами длинной
Какъ снѣгъ брадой, склонясь челомъ,
Дрожитъ въ струяхъ, — иль, въ холмъ могильной
Залегши, въ мракъ храпитъ какъ громъ».

[1] III, 122.
[2] III, 181.

По преданію, подъ холмомъ возлѣ господской усадьбы на Званкѣ былъ погребенъ какой-то волхвъ, который, превращаясь въ крокодила и въ разныхъ чудовищъ, пожиралъ людей, плававшихъ по Ильменю и по Волхову, отчего эта рѣка будто бы и получила названіе. Это-то преданіе и внушило поэту мысль написать *Злогора*. Оба указанныя стихотворенія, рядомъ съ посланіемъ къ Платову, принадлежатъ къ числу самыхъ удачныхъ произведеній Державина въ этомъ родѣ.

Пьесу *Царь-дѣвица* назвалъ онъ романсомъ, а *Злогора* балладой. Это сдѣлается намъ понятнымъ, когда мы припомнимъ, что Евгеній, возражая на замѣчаніе Державина о былинахъ, писалъ ему: «Напрасно вы относите къ пѣснямъ *древнія русскія стихотворенія* Ключарева. Они суть не что иное, какъ сѣверныя *баллады* или *романсы,* какъ и сами вы прежде сказали.... Самая дикость и грубость нравовъ, изображенныхъ въ сихъ стихотвореніяхъ, доказываетъ древность сей поэзіи, хотя вы и вѣроятно заключаете, что стихотворенія сіи въ татарскомъ вѣкѣ уже писаны, по крайней мѣрѣ духомъ древнѣйшихъ сихъ временъ. Въ нашихъ лѣтописяхъ видно, что праотцы наши были піяки и забіяки. Древнія наши русскія сказки прозаическія такого же вкуса. А потому какъ сказки сіи, такъ и стихотворенія Ключарева почитаю я драгоцѣнными для насъ, хотя и испорченными остатками нашей древности».

Естественно предположить что Державинъ, недовольный былинами, захотѣлъ попытаться написать по-своему что-нибудь въ томъ же родѣ. Такъ какъ онъ о *романсѣ*, въ своемъ «Разсужденіи», упомянулъ только мимоходомъ и выразилъ намѣреніе посвятить особое сочиненіе разсмотрѣнію новѣйшихъ видовъ лирики, то очень возможно, что *романсъ Царь-дѣвица* былъ имъ заранѣе приготовленъ, какъ примѣръ къ теоріи этого вида. Поэтическая разработка древнихъ народныхъ сказаній не была чужда уже и тогдашней литературѣ. Мы не говоримъ здѣсь о *способѣ*, какъ она производилась; довольно того, что идея ея существовала. Въ этомъ еще Екатерина II подавала примѣръ другимъ писателямъ. Самъ Державинъ, можетъ-быть, подъ вліяніемъ *Добрыни* Львова (II, 462), написалъ въ 1804 г. свое дра-

матическое сочиненіе въ родѣ оперы, названное имъ также *Добрыня.* Изъ подобной мысли проистекла и *Царь-дѣвица,* довольно выдержанная въ основномъ своемъ характерѣ, хотя и въ ней встрѣчаются нимфы вмѣстѣ съ Полканами. Извѣстный эстетикъ того времени Эшенбургъ не полагалъ разницы между романсомъ и балладою, которые по содержанію относилъ онъ къ повѣствовательному, а по формѣ къ лирическому роду, но романсъ долженъ былъ имѣть содержаніе комическое, а баллада — трагическое. Этого различія очевидно держался и Державинъ. Еще подъ 1807 годомъ мы находимъ у него небольшую пьесу *Лучъ,* заимствованную изъ баснословныхъ сказаній и названную также романсомъ (II, 656).

Самымъ удачнымъ стихотвореніемъ его въ духѣ народнаго эпоса надо признать извѣстную пьесу *Атаману и войску Донскому*, написанную также въ 1807 году, на подвиги Платова въ окрестностяхъ Кенигсберга послѣ Эйлаускаго сраженія. Оно замѣчательно по чисто-народному тону и складу, будучи отъ начала до конца основано на образахъ родной старины, переданныхъ игривымъ, бойкимъ и легкимъ стихомъ. До этого стихотворенія Державинъ ничего подобнаго не создавалъ въ такомъ объемѣ и съ такою выдержкою; здѣсь онъ является мастеромъ въ этомъ родѣ поэзіи, знатокомъ народныхъ сказаній, народнаго духа и языка.

Посланіе къ Платову рѣзко выдѣляется изъ ряда тѣхъ стихотвореній, которыми Державинъ, свободный отъ службы, считалъ своимъ долгомъ, какъ присяжный пѣвецъ русской славы, увѣковѣчивать всякое достопамятное событіе во время нашихъ войнъ съ Наполеономъ, — всякую побѣду, всякій отъѣздъ и возвращеніе государя и т. п. Таковы его стихотворенія: *Походъ Озирида, Гласъ С.-петербургскаго общества, На отправленіе гр. Каменскаго, Персей и Андромеда* и мн. др., по которымъ можно прослѣдить весь ходъ событій и настроеній общества въ ту славную эпоху. Два стихотворенія, написанныя по поводу тильзитскаго мира — одно подъ заглавіемъ *На миръ 1807 года*, представленное до возвращенія государя императрицамъ, и другое, *Сѣтованіе* (псаломъ Давида), поднесенное государю по пріѣздѣ его—не

понравились Александру: на напечатаніе перваго онъ не далъ своего согласія, а по прочтеніи второго замѣтилъ съ нѣкоторымъ неудовольствіемъ: *Россія не бѣдствуетъ.* По замѣчанію П. И. Бартенева, эти двѣ пьесы не были голосомъ брюзгливаго и удаленнаго отъ дѣлъ старика, а выраженіемъ чувствъ всей Россіи, уже испытавшей тяжесть континентальной системы.

Паденіе Наполеона, которое Державинъ нѣсколько разъ предсказывалъ, сильно возбуждало дѣятельность его угасавшаго таланта. Не довольствуясь стихотвореніями, написанными имъ по этому поводу въ духѣ торжественной лирики, поэтъ видѣлъ въ этомъ событіи богатый предметъ для разгула народнаго юмора, которымъ самъ онъ обладалъ въ значительной степени. Подъ вліяніемъ этой идеи онъ нѣсколько разъ принимался создать какое-нибудь шуточное произведеніе на низверженіе грознаго властителя. Объ этомъ свидѣтельствуетъ цѣлый рядъ черновыхъ автографовъ, собранныхъ нами изъ его бумагъ и представляющихъ подобныя попытки подъ разными заглавіями и въ разныхъ формахъ. Онѣ не отдѣланы, но интересны по намѣренію передать художественно тѣ образы, въ которыхъ рисовался падшій исполинъ въ русской народной фантазіи. Въ III томѣ нашего изданія напечатаны отрывки изъ этихъ набросковъ поэта [1]. Въ примѣръ того, какъ Наполеонъ своими неслыханными успѣхами вообще поражалъ воображеніе современниковъ, можно привести нѣсколько словъ изъ письма Платова, весною 1815 года, къ Державину: «Запертая хищная птица изъ Эльбы улетѣла въ стадо, подобное себѣ, которое, встрѣтивъ ее съ радостію, снова является послушнымъ злобнымъ велѣніямъ ея. Теперь новое потребно единодушіе, дабы стереть съ лица земли это безпокойное твореніе» (VI, 306).

На возвращеніе Александра изъ-за границы въ 1814 году Державинъ сочинилъ кантату, начинающуюся словами:

«Ты возвратился, благодатный,
Нашъ кроткій ангелъ, лучъ сердецъ» [2].

[1] См. тамъ стр. 531.
[2] III, 214.

Эти стихи положены были на музыку для пѣнія на праздникѣ, данномъ въ Павловскѣ императрицей Маріей Феодоровной; они пріобрѣли большую извѣстность и долго пѣлись по всей Россіи.

Нельзя не упомянуть также объ обширномъ *Лиро-эпическомъ гимнѣ на прогнаніе Французовъ,* въ которомъ выразилось между-прочимъ мистическое направленіе, въ послѣдніе годы жизни Державина болѣе и болѣе овладѣвавшее имъ [1]. Оно проявляется и въ нѣкоторыхъ изъ относящихся къ этому времени духовныхъ стихотвореній его, для которыхъ онъ съ большимъ тщаніемъ собиралъ матеріалы и дѣлалъ выписки изъ св. писанія и сочиненій по исторіи церкви. Въ томъ же духѣ переводилъ онъ изъ Клопштока и Козегартена. Самымъ сильнымъ проявленіемъ этого настроенія была его духовная ода *Христосъ*, въ которой онъ подражалъ своей одѣ *Богъ*, такъ же какъ въ посланіи *Хлору* подражалъ *Фелицѣ*. Въ своемъ мѣстѣ было нами показано, какъ высоко цѣнилъ оду *Христосъ* Мицкевичъ, мистикъ ближайшаго къ намъ времени. «Начало оды» говорилъ онъ, «очень слабо. Державинъ все смотритъ на Христа, какъ на царя; эта идея державной власти у него господствуетъ. Онъ восхищается особенно происхожденіемъ Христа, его внѣшнимъ могуществомъ, блескомъ его славы. Но около середины оды поэтъ становится достоинъ себя: онъ развиваетъ свою систему, весьма философическую, и, основываясь на нѣкоторыхъ религіозныхъ преданіяхъ, признаетъ человѣка созданнымъ безъ матеріи и матеріализованнымъ по собственной своей винѣ. Іисусъ, божественный свѣтъ, является къ нему на помощь. Есть стихи изумительные по простотѣ и чистосердечности; ничего подобнаго не нахожу въ другихъ сочиненіяхъ Державина». Дѣйствительно, въ этой одѣ выражены высокія и святыя истины, но это не поэзія, тѣмъ болѣе что онѣ облечены въ тяжелый, неизящный стихъ.

[1] III, 137. Въ послѣднихъ стихахъ этого гимна замѣчательно сознаніе поэта:

«И мой ужъ гаснетъ жаръ,
Екатерины муза дремлетъ.
....Младымъ пѣвцамъ гремѣть
Мои ввѣряю ветхи струны» (III, 164).

На всѣ замѣчательныя обстоятельства въ царскомъ семействѣ попрежнему откликалась лира Державина. Между стихотвореніями этого рода вниманіе на себя обращаетъ *Эродій надъ гробомъ праведницы*, гдѣ поэтъ оплакиваетъ преждевременную кончину несчастной, угасшей одиноко на чужбинѣ великой княгини Александры Павловны, бывшей въ замужствѣ за палатиномъ Венгерскимъ, Іосифомъ. Замѣчательно выразившееся въ этой пьесѣ, хотя и не вполнѣ правильное, сознаніе отношеній Россіи къ западно-славянскому міру:

«Текитеже къ праведницы гробу,
О Влахъ и Сербъ, близнецъ Славянъ!
И, презря сокровенну злобу,
Ея лобзайте истуканъ,
Клянясь предъ всемогущимъ Богомъ
Симъ намъ и вамъ святымъ залогомъ,
Что нѣкогда предъ нимъ вашъ мечъ
Въ защиту вѣры обнажится,
Чрезъ рвы и горы устремится
Васъ къ стаду нашему привлечь.
Однимъ бы солнцемъ грѣться намъ!
«Не раздѣляетъ тѣхъ пространство,
Въ комъ кровь и умъ и духъ одинъ:
Славяно-русско-сербско царство —
Одинъ со Венгромъ исполинъ;
И праведны ли тѣ уставы,
Чтобъ насъ лишать одной державы?
Межъ братьевъ нерушимъ союзъ:
Гробъ Александры вкругъ цвѣтами
Осыпавъ и оплакавъ съ нами,
Еще ли вы средь чуждыхъ узъ?»[1].

8. Отношенія къ Жуковскому, Карамзину и Вяземскому.

По весьма обыкновенной человѣческой слабости Державинъ иногда поддавался чужимъ вліяніямъ, когда умѣли воспользовать-

[1] II, 583.

ся его довѣрчивостью. Эта черта обнаружилась особенно въ его столкновеніи съ Жуковскимъ. Въ 1810 году авторъ Свѣтланы вздумалъ издать родъ поэтической хрестоматіи (*Собраніе русскихъ стихотвореній*) и черезъ А. И. Тургенева выпросилъ у Державина позволеніе напечатать въ этой книгѣ, между-прочимъ, нѣсколько одъ его. Когда вышли два первые тома и въ нихъ оказалось довольно большое число стихотвореній пѣвца Фелицы, то книгопродавецъ Глазуновъ представилъ ему, что послѣ этого никто не станетъ покупать отдѣльно-изданныхъ сочиненій его, тѣмъ болѣе что Жуковскій намѣренъ напечатать еще нѣсколько томовъ этого собранія. Подъ впечатлѣніемъ внушеннаго Глазуновымъ опасенія, Державинъ, за нѣсколько дней до открытія Бесѣды, написалъ къ Тургеневу очень рѣзкое письмо, наполненное оскорбительными обвиненіями и угрозами. «Согласитесь со мной, м. г. мой», писалъ поэтъ, «что таковой поступокъ не совсѣмъ совѣстенъ. Нигдѣ не позволяется похищать чужіе труды и обогащаться на счетъ ближняго. Въ разсужденіи чего прошу покорно отписать къ нему, чтобъ онъ, окромя уже напечатанныхъ въ двухъ частяхъ, не изволилъ впредь моихъ сочиненій печатать и выдавать въ свѣтъ совмѣстно съ другими. Ежели не благоугодно будетъ ему принять сего моего совѣта, то я принужденнымъ найдусь просить правительство, чтобъ и напечатанныя отобраны были и проданы въ пользу казенныхъ ученыхъ институтовъ. Я думаю, м. г. мой, что и вы такую мысль не похулите, дабы наказать того, кто, не хотя самъ трудиться, вознамѣрился пользоваться чужими произведеніями, которыхъ собрать немудрено и нѣсколько десятковъ томовъ безъ всякаго таланта, труда и усердія къ благу общему. А когда такимъ образомъ, какъ я сказалъ, они проданы будутъ, то по крайней мѣрѣ воспользуется общество»[1].

Графъ Блудовъ разсказывалъ намъ, что къ возбужденію гнѣва Державина много способствовало то обстоятельство, что ему еще не было доставлено издателемъ экземпляра напечатанныхъ томовъ, которыхъ не успѣли во-время переплести. Такимъ обра-

[1] VI, 210.

зомъ, говорилъ шутя графъ Блудовъ, настоящимъ виновникомъ этого неудовольствія былъ московскій переплетчикъ. Вѣрность факта подтверждается тѣмъ, что во второмъ письмѣ своемъ, написанномъ по поводу отвѣта Тургенева, Державинъ говоритъ: «Предисловія я не читалъ и читать его не могу, потому что я ихъ (т. е. изданныхъ двухъ томовъ) не имѣю, а покупать ихъ не хочу»[1]. Отвѣтъ Тургенева, написанный имъ при значительномъ участіи Блудова (которому принадлежатъ тутъ всѣ колкости) не менѣе любопытенъ. Въ немъ говорится, что Державину заранѣе былъ сообщенъ и имъ одобренъ подробный планъ изданія: «Я не знаю, почему ваше в-пр. могли подумать, что г. Жуковскій помѣститъ въ своемъ собраніи однѣ только *выписки нѣкоторыхъ куплетовъ*, а не цѣлыя пьесы. Примите на себя трудъ взглянуть на подобныя собранія, сдѣланныя Французами, Англичанами, Итальянцами и даже Нѣмцами, которые любятъ обогащать книги свои *примѣчаніями*, и вы нигдѣ не найдете *комментарій*» (на отсутствіе которыхъ, между-прочимъ, жаловался Державинъ). Поэтъ нашъ былъ еще недоволенъ тѣмъ, что стихи его помѣщены на ряду съ произведеніями плохихъ стихотворцевъ. На это Тургеневъ не безъ нѣкоторой ироніи возражаетъ: «Теряютъ ли сочиненія вашего в-прев. отъ того только, что подлѣ ихъ другія посредственныя, или слабыя, или, когда вамъ угодно, дурныя? Я думаю, напротивъ: и (позвольте бѣдному прозаисту употребить піитическое сравненіе), не свойственно ли мелкимъ деревамъ цвѣсти подъ тѣнію дубовъ, красоты лѣса?» Дерзкія и противныя логикѣ увѣренія Глазунова опровергаются тѣмъ, что выбранныя Жуковскимъ оды уже нѣсколько разъ были напечатаны въ разныхъ сборникахъ и это не мѣшало покупать новое отдѣльное изданіе сочиненій Державина. «Но», говорится далѣе, «вамъ, м. г., угодно, чтобы вашихъ сочиненій болѣе не было въ собраніи Русскихъ Стихотвореній:—издатель конечно исполнитъ ваше желаніе, не для того, чтобы онъ страшился угрозъ вашего в-прев. и обѣщаемаго вами *наказанія* (въ Россіи, въ наше время можетъ ли человѣкъ благонамѣренный

[1] VI, 849.

чего-либо страшиться?) — но единственно для того, что ему и мнѣ пріятно во всемъ угождать вамъ, славнѣйшему изъ нашихъ лирическихъ поэтовъ. Впрочемъ, взглянувъ на приложенный планъ, вы увидите, что это пожертвованіе не будетъ дорого стоить ни ему, ни читателямъ его. Между тѣмъ, я поставлю себѣ пріятнѣйшимъ долгомъ увѣрить ваше в-прев. въ чувствахъ моего пріятеля, увѣрить, что его пламенная привязанность къ великимъ произведеніямъ вашего генія никогда и ничѣмъ не уменьшится. Можетъ-быть даже, что его скромность признáетъ справедливымъ строгій приговоръ, произнесенный труду его и ему самому. Но другъ его, который не долженъ участвовать въ этомъ смиреніи, осмѣливается изъявить вашему в-прев., сколько этотъ приговоръ ему кажется оскорбителенъ. Не отрицая того, что можно безъ отличнаго дарованія и обширныхъ свѣдѣній составить такую книгу, какъ это собраніе Русскихъ Стихотвореній, я думаю, что надобно предполагать въ издателѣ по крайней мѣрѣ знаніе отечественной словесности, хорошій вкусъ, образованный чтеніемъ хорошихъ авторовъ, трудолюбіе и усердіе ко благу общему, въ которыхъ вы, м. г., столь рѣшительно ему отказываете. Осмѣливаюсь еще прибавить, что Жуковскому 28-й годъ; многіе изъ нашихъ поэтовъ, которые послѣ сдѣлались украшеніемъ Парнасса, не написали въ эти лѣта ничего даже изряднаго, а нѣкоторыя стихотворенія Жуковскаго и теперь уже заслуживаютъ лестное вниманіе. Ихъ немного, но всѣ они ознаменованы печатью истиннаго таланта и не могутъ не быть извѣстны вашему высокопревосходительству»[1].

Державинъ не удовлетворился этимъ объясненіемъ и отвѣчалъ Тургеневу въ прежнемъ тонѣ: «Дарованій г. Жуковскаго», говорилъ онъ, «не отрицаю, но онъ нимало тѣмъ не приведетъ ихъ въ совершенство, когда соберетъ кипы чужихъ сочиненій и будетъ печатать ихъ». Тургеневъ не продолжалъ переписки; Державинъ же, не довольствуясь ею, написалъ еще и эпиграмму, которая однакожъ не пошла далѣе черновой тетради его, — «На издателя чужихъ стихотвореній»:

[1] VI, 212—214.

«О рѣдкій, славный умъ, изящный изъ умовъ,
Умъ прямо Аполлоновъ,
Который въ годъ одинъ пять томовъ
Прекрасныхъ написалъ, но лишь чужихъ стиховъ!».

Однакожъ, это недоразумѣніе скоро было забыто. Державинъ, отдавая полную справедливость высокому таланту «пѣвца въ станѣ русскихъ воиновъ» (стихотвореніе это сперва ходило по рукамъ въ спискахъ подъ заглавіемъ: «Кубокъ воина»), набросалъ на одной изъ своихъ рукописей четверостишіе:

«Тебѣ въ наслѣдіе, Жуковскій,
Я ветху лиру отдаю;
А я надъ бездной гроба скользкой
Ужъ преклоня чело стою» [1].

Съ своей стороны и Жуковскій не сохранилъ въ сердцѣ ни малѣйшаго неудовольствія на старшаго собрата, и въ одной изъ строфъ названной патріотической пьесы помянулъ его, въ числѣ другихъ пѣвцовъ, добрымъ словомъ:

«О Камскія дубравы,
Гордитесь: вашъ Державинъ сынъ!
Готовь свои перуны,
Суворовъ, чудо-исполинъ:
Державинъ грянетъ въ струны».

Въ это время слава пѣвца Фелицы была такъ велика и имя его пользовалось такимъ безусловнымъ уваженіемъ, что слабыя произведенія послѣднихъ лѣтъ его жизни принимались публикою съ прежнимъ вниманіемъ. Всѣ курили ему фиміамъ. Превознесенные имъ знаменитые полководцы выражали ему свою признательность. Кутузовъ благодарилъ его «за того орла, который, при Бородинѣ воскриленный великимъ бардомъ нашимъ, парилъ надъ главою Россіянина, придавая блескъ скромнымъ его заслугамъ». Герой не забылъ благодарить поэта и за присланный ему *Лиро-*

[1] III, 449.

эпическій гимнъ, жалѣя, что получилъ только одинъ экземпляръ этого сочиненія[1]. Такимъ же образомъ и Платовъ изъявлялъ Державину свою благодарность за привѣтствіе *Атаману и войску Донскому*. Между близкими къ поэту людьми нашелся однакожъ одинъ, который рѣшился высказать ему нѣсколько критическихъ замѣчаній о его произведеніяхъ. Это былъ молодой человѣкъ, нѣкто Евграфъ Озеровъ, которому Державинъ, занимаясь своимъ *Разсужденіемъ о лирической поэзіи*, поручалъ подготовлять матеріалы для этого труда. При этомъ случаѣ Озеровъ перечиталъ всѣ прежнія сочиненія Державина и въ одномъ письмѣ къ нему позволилъ себѣ такъ выразиться: «Желая быть вамъ полезнымъ, посылаю вамъ выписанныя изъ первой части вашихъ сочиненій рифмы, которыя требуютъ поправки; и еще нѣкія цѣлыя піесы замѣтилъ, которыя лучше бы вамъ изъ будущаго изданія выкинуть; о чемъ мои замѣчанія, дочитавши всѣ части, сообщу вамъ. Не знаю, не будете ли бранить: я писалъ въ надеждѣ, что до сѣхъ поръ, какъ прежде, правдѣ къ вамъ двери отворены»[2]. Ка́къ было принято письмо, намъ неизвѣстно, но едва ли избалованный похвалами поэтъ былъ доволенъ такою откровенностью.

Не прежде какъ весною 1816 года, т. е. мѣсяца за три до смерти Державина, Жуковскій лично съ нимъ познакомился. Поводомъ къ тому послужилъ пріѣздъ Карамзина въ Петербургъ: исторіографъ прибылъ туда 2-го февраля съ восемью рукописными томами своей Исторіи. Съ нимъ былъ и молодой шуринъ его, князь Вяземскій. Карамзинъ, поѣхавъ съ визитомъ къ маститому поэту, представилъ ему при этомъ случаѣ Жуковскаго и Вяземскаго. Разговоръ коснулся между-прочимъ полемики Дашкова противъ главы защитниковъ стараго слога. Державинъ, по своему обыкновенію, замѣтилъ, что не надо раздувать огня. При разставаньи онъ пригласилъ къ себѣ Карамзина обѣдать въ одинъ изъ слѣдующихъ дней, прибавивъ довольно пренебрежительно просьбу привезти съ собой кстати и спутниковъ своихъ. Между

[1] Письма Кутузова къ Державину: VI, 249 и 259.
[2] VI, 306.

тѣмъ въ назначенный день Карамзинъ былъ отозванъ къ императрицѣ Маріи Феодоровнѣ, и наши два арзамасца одни отправились къ Державину. Онъ принялъ ихъ въ халатѣ и колпакѣ, и обошелся съ ними нѣсколько сухо, повидимому разстроенный отсутствіемъ Карамзина. Никакихъ другихъ гостей у него на этотъ разъ не было. Послѣ обѣда онъ повелъ обоихъ литераторовъ въ свой кабинетъ и сталъ показывать имъ тетради своихъ стихотвореній, приготовленныхъ къ изданію съ рисунками. Пропустивъ безъ вниманія лучшія свои произведенія, онъ остановился на одѣ *На Коварство* и замѣтилъ, что теперь ему уже такъ не написать. Вскорѣ друзья простились съ нимъ, унося не слишкомъ пріятное впечатлѣніе отъ его пріема. Разсказывая намъ объ этомъ, князь Вяземскій замѣтилъ, что впрочемъ по такому обращенію Державина съ ними несправедливо было бы заключать вообще о несочувствіи его къ молодому поколѣнію писателей: Жуковскій и Вяземскій были извѣстными противниками школы Шишкова; тогда уже возникъ Арзамасъ, и они не скрывали своей принадлежности къ этому обществу. Несмотря на то, оба навсегда сохранили глубокое уваженіе къ таланту Державина. Уѣхавъ вскорѣ послѣ этого посѣщенія въ Дерптъ, Жуковскій прислалъ ему сдѣланный тамъ студентомъ Боргомъ нѣмецкій переводъ оды *Вельможа* и при этомъ выразилъ Державину «сердечную благодарность за нѣсколько часовъ, проведенныхъ въ бесѣдѣ съ нимъ. Видѣть великаго поэта Екатерины и Россіи», говорилъ онъ въ этомъ письмѣ, «было для меня счастіемъ. Смѣю надѣяться, что ваше высокопревосход. иногда удостоите своего воспоминанія человѣка, привязаннаго къ вамъ искренно, хотя и весьма недолго имѣвшаго счастіе пользоваться вашимъ знакомствомъ» (VI, 335). Такова была незлопамятность благороднаго поэта.

Что касается кн. Вяземскаго, то онъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ доказалъ, какъ цѣнилъ Державина, некрологомъ его, напечатаннымъ въ *Вѣстникѣ Европы* и въ *Сынѣ Отечества* [1]. Это дало Дмитріеву поводъ замѣтить, что Державинъ конечно ласковѣе принялъ бы молодыхъ писателей, еслибъ могъ предвидѣть, что

[1] См. *Сочиненія кн. Вяземскаго*, I, 15—21.

одинъ изъ нихъ вскорѣ напишетъ первое теплое слово надъ его прахомъ. Вяземскій до конца жизни не переставалъ признавать достоинство екатерининскаго пѣвца и находилъ, что вниманія заслуживаютъ не одни лучшія его сочиненія, но и многія второстепенныя, замѣчательныя не только по историческому своему значенію, но и по вспышкамъ оригинальнаго таланта и содержанію, несмотря на свои неровности и внезапныя паденія поэта (въ примѣръ чего онъ приводилъ оду на возвращеніе Зубова [1]). Наиболѣе выдержанными стихотвореніями Державина Вяземскій считалъ оды *на смерть кн. Мещерскаго* и *къ первому сосѣду*.

Шишковъ нерѣдко посѣщалъ Державина и по привычкѣ критиковалъ Карамзина. Однажды, когда при этомъ присутствовали дочери покойнаго Н. А. Львова, Гаврила Романовичъ шутя просилъ Шишкова не обижать при нихъ писателя, отъ котораго онѣ въ восторгѣ. Тогда Шишковъ пуще напалъ на него и въ доказательство своихъ словъ, потребовавъ сочиненія Карамзина, сталъ отыскивать въ нихъ галлицизмы и несообразности; но дѣвицы продолжали горячо защищать своего любимаго автора [2]. На одинъ изъ своихъ обѣдовъ, въ серединѣ февраля 1816 года, Державинъ опять пригласилъ къ себѣ Карамзина, на этотъ разъ вмѣстѣ съ Шишковымъ, воображая, что они лично еще не знакомы между собой. Но онъ ошибался: уже 8-го февраля, стало-быть менѣе чѣмъ черезъ недѣлю послѣ своего пріѣзда въ Петербургъ, Николай Михайловичъ писалъ женѣ: «Знай, что я видѣлъ и Шишкова: бесѣдовалъ съ нимъ втроемъ около трехъ часовъ. Сперва онъ чинился, а послѣ свободно разсуждалъ со мною о происхожденіи . . . славянскихъ словъ» [3]. Жаль, что Карамзинъ не упомя-

[1] Эту самую мысль, высказанную мнѣ княземъ П. А. Вяземскимъ въ разговорѣ, я прочелъ потомъ въ его *Старой записной книжкѣ*. Къ числу второстепенныхъ стихотвореній, заслуживающихъ оставаться въ памяти читателей, онъ тутъ относитъ еще пьесы: «Къ Храповицкому», «Ко второму сосѣду», «Мужество», и замѣчаетъ: «Читая ихъ, не скажешь, что Державинъ первый нашъ лирикъ, но признаешь въ немъ мыслящаго поэта и поэта-философа» (*Девятнадцатый Вѣкъ* II, 221).

[2] Слышано отъ покойной Вѣры Николаевны Воейковой.

[3] *Неизд. Сочиненія Карамзина*, стр. 144.

нулъ, гдѣ это было. По разсказу, слышанному отъ него самого Гречемъ, онъ въ первый разъ встрѣтился съ Шишковымъ у великой княгини Екатерины Павловны. Услышавъ имя Карамзина, Александръ Семеновичъ нѣсколько смутился, но тотъ успокоилъ его, увѣривъ, что никогда не чувствовалъ къ нему вражды, что считаетъ себя не врагомъ а ученикомъ его. Извѣстно, что Карамзинъ и передъ другими не разъ признавалъ въ разсужденіяхъ Шишкова много правды [1]. 14-го февраля онъ писалъ женѣ: «Нынѣшній день буду у Державина обѣдать со всѣми моими смѣшными непріятелями и скажу имъ: *есмь единъ посредѣ васъ и не устрашуся*». Дѣвицы Львовы, которыя также были на этомъ обѣдѣ, разсказывали впослѣдствіи, что Державинъ посадилъ возлѣ себя по одну сторону Карамзина, а по другую Шишкова; первый, когда пили его здоровье, выразилъ свою благодарность Александру Семеновичу за умѣнье писать, которымъ ему обязанъ. Шишковъ сидѣлъ угрюмо, наклонясь надъ своей тарелкой, и нѣсколько разъ повторялъ сквозь зубы: «Я ничего не сдѣлалъ». Карамзинъ въ томъ же письмѣ къ женѣ, откуда заимствованы только что приведенныя строки, произнесъ такой приговоръ своему противнику: «Шишковъ честенъ и учтивъ, но тупъ» [2]. Черезъ нѣсколько дней онъ писалъ: «Славный мой обѣдъ *съ непріятелями* не былъ для нихъ веселъ: всѣ сидѣли нахмурясь, хотя я и старался забавить ихъ грамматикою, синтаксисомъ, этимологіею. Добрый старикъ Державинъ вздумалъ было произвести меня въ члены Россійской шишковской академіи; но я сказалъ ему, что до конца моей жизни *не назовусь* членомъ никакой академіи, и не буду ни въ какомъ такъ называемомъ ученомъ обществѣ» [3]. Прибавимъ однакожъ, что Карамзинъ не могъ остаться вѣрнымъ этому зароку: черезъ два года онъ былъ избранъ почетнымъ членомъ Академіи наукъ, а нѣсколькими мѣсяцами позже попалъ и въ дѣйствительные члены Россійской академіи, президенту которой выразилъ свою благодарность за эту честь.

[1] Погодина *Карамзинъ* II, 137.
[2] *Неизд. Соч.* 148.
[3] Тамъ же, 150.

Позднѣе онъ произнесъ рѣчь въ торжественномъ собраніи Академіи[1].

Послѣ описанной встрѣчи съ Шишковымъ въ домѣ Державина, Карамзинъ обѣдалъ тамъ еще разъ. Но столъ гостепріимнаго поэта ему не понравился: онъ разсказывалъ князю Вяземскому, что хотѣлъ поправить дѣло горчицей, но горчица оказалась всего хуже. Между тѣмъ извѣстно, что Державинъ очень дорожилъ изящнымъ убранствомъ своего стола, симметрическимъ размѣщеніемъ блюдъ и даже красивой формой кушаньевъ, напр. подборомъ красокъ на узорчатомъ десертѣ.

10-го марта Карамзинъ опять писалъ Катеринѣ Андреевнѣ: «Я обѣщалъ нынѣ въ 7 часовъ къ Державину для чтенія, но получилъ зовъ къ великой княгинѣ Маріи Павловнѣ»[2]. С. Т. Аксаковъ, бывшій на этомъ вечерѣ у Державина, описалъ намъ, съ какимъ нетерпѣніемъ поэтъ ждалъ почетнаго гостя и какъ былъ огорченъ внезапно полученнымъ отъ Карамзина письмомъ о причинѣ его отсутствія. Тутъ были: Шишковъ, оба Хвостова, Ф. П. Львовъ, Кикинъ, Гнѣдичъ и др. Когда пробило семь часовъ, нетерпѣніе Державина стало усиливаться съ каждой минутой. Спустя полчаса оно перешло въ безпокойство и волненіе: онъ не могъ сидѣть на одномъ мѣстѣ и безпрестанно ходилъ взадъ и впередъ по своему длинному кабинету, между сидѣвшими по обѣимъ сторонамъ гостями. Нѣсколько разъ порывался онъ послать къ Карамзину спросить, будетъ ли онъ или нѣтъ, но Дарья Алексѣевна его удерживала. Наконецъ бьетъ восемь часовъ, и Державинъ въ досадѣ садится писать записку: при этомъ онъ безпрестанно перемарывалъ слова, вычеркивалъ цѣлыя строки, рвалъ бумагу и начиналъ писать снова. Къ счастію, въ самое это время принесли письмо отъ Карамзина. Несмотря на искренность, простоту и спокойствіе, съ какими въ этихъ строкахъ было выражено сожалѣніе Карамзина съ просьбой назначить другой день для чтенія, Державинъ не скоро могъ совладѣть съ собой,

[1] Первое избраніе было 28 января 1818 года, второе — 10 іюля. Рѣчь произнесена 5 декабря того же года.

[2] *Неизд. Соч.*, 175.

ни съ кѣмъ не говорилъ, безпрестанно вскакивалъ, и многіе гости поспѣшили разъѣхаться. Наконецъ Дарья Алексѣвна, стараясь поправить впечатлѣніе, произведенное всею этою сценой на остававшихся еще посѣтителей, попросила Аксакова прочесть что-нибудь, и онъ исполнилъ это желаніе: мало по малу Державинъ успокоился и даже развеселился [1].

9. ПУТЕШЕСТВІЕ ВЪ МАЛОРОССІЮ.

Какъ только Державинъ освободился отъ заботъ службы, онъ сталъ мечтать о путешествіи въ Малороссію, куда его давно звалъ Капнистъ и влекло желаніе взглянуть на свою Гавриловку. Еще въ мартѣ 1804 года онъ писалъ въ Обуховку: «Сбираемся весной ѣхать на Званку, а около іюня къ вамъ, и думаю, цѣлой колоніей»; но когда настало лѣто, онъ извѣстилъ своего друга, что былъ удержанъ неожиданными непріятностями по опекѣ Зорича. Потомъ наступило время войнъ съ Наполеономъ и наконецъ друзей раздѣлила ссора, продолжавшаяся нѣсколько лѣтъ. Причина ея — семейная тайна, съ которой мы не считаемъ себя въ правѣ, да и не имѣемъ вполнѣ возможности поднять завѣсу [2].

Въ письмѣ отъ 18-го іюля 1812 года В. В. Капнистъ съ рѣдкимъ благородствомъ протягиваетъ обоимъ супругамъ руку примиренія: «Любезный другъ, Г. Р. Я увѣренъ, что мы другъ друга любимъ: зачѣмъ же слишкомъ долго представлять противныя сердечнымъ чувствамъ роли? Вы стары; я весьма старѣюсь; не пора ли кончить такъ, какъ начали? У меня мало столь искренно любимыхъ друзей, какъ вы: есть ли у васъ хоть одинъ, такъ прямо васъ любящій, какъ я?—По совѣсти скажу: сомнѣваюсь; въ столицѣ есть много, — но столичныхъ же друзей. Не лучше ли опять присвоить одного, не престававшаго любить васъ чистосердечно? Если я былъ въ чемъ-нибудь виноватъ передъ вами, то прошу прощенія. Всякъ человѣкъ есть ложь: я могъ погрѣшить, только не противъ дружества: оно было, есть и будетъ

[1] *Сем. Хроника и Восп.* С. Т. Аксакова. М. 1870, стр. 588 — 590.

[2] Намекъ, выраженный въ примѣчаніи VI, 237, еще не разъясняетъ дѣла.

истинною стихіею моего сердца; оно заставляетъ меня къ примиренію нашему сдѣлать еще новый—и не первый шагъ. Обнимемъ мысленно другъ друга, и позабудемъ все прошедшее, кромѣ чувства, болѣе тридцати лѣтъ соединявшаго наши души. Да соединитъ оно ихъ опять, прежде чѣмъ зароется въ землю» (VI, 237).

Въ такомъ же тонѣ обратился Капнистъ и къ Дарьѣ Алексѣевнѣ. Державинъ отвѣчалъ дружелюбно: «Я готовъ всегда тебя обнять и возобновить прежнюю нашу связь». Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ выразилъ надежду «въ будущемъ году, ежели Богъ успокоитъ военныя, весьма мудреныя обстоятельства», навѣрно быть въ Малороссіи. Дѣйствительно, лѣтомъ 1813 года супруги собрались въ путешествіе, съ которымъ теперь соединялось и исполненіе обѣта, даннаго ими во время непріятельскаго нашествія, — отправиться въ Кіевъ на богомолье, въ случаѣ благополучнаго исхода войны. Взявъ съ собою меньшую племянницу, Прасковью Николаевну Львову, и домашняго доктора, Державины выѣхали изъ Званки 15-го іюня и прибыли въ Москву 24-го. Тамъ они увидѣли свѣжіе еще слѣды пребыванія Французовъ. Поэтъ ходилъ въ Кремль и возвратился въ смущеніи отъ всего, что представилось тамъ его взорамъ[1]. 28-го, въ Лопаснѣ, имъ пришлось дожидаться лошадей, но эта задержка послужила къ спасенію утопленника, благодаря помощи, которую ему оказалъ сопровождавшій путешественниковъ докторъ. Въ Мценскѣ, 2-го іюля, встрѣтило ихъ, въ нѣсколькихъ экипажахъ, семейство Хлоповыхъ, считавшее себя обязаннымъ Гаврилѣ Романовичу за правое рѣшеніе когда-то ихъ дѣла. Въ сопровожденіи этой вереницы экипажей онъ прибылъ въ Орелъ, и въ домѣ Хлоповыхъ пріятно проведенъ былъ день его рожденія. Путешествіе шло медленно, такъ какъ вездѣ являлись къ нему то почитатели его таланта, то чиновники въ мундирахъ, воображавшіе, что онъ ѣдетъ въ качествѣ ревизора. Въ Батуринѣ онъ много разсказывалъ своимъ о Разумовскихъ, о томъ какъ ловко Екатерина II умѣла привлечь

[1] Въ Москвѣ Державинъ остановился близъ Нескучнаго въ домѣ Полторацкаго. Между прочимъ онъ, въ сопровожденіи В. Л. Пушкина, посѣтилъ Голицынскую больницу. (*Москвит.* 1844, № 9, статья Н. Горчакова: «Панорама Москвы», стр. 178).

ихъ къ своему двору, осыпала ихъ богатствами и почестями, но лишила гетманскаго сана. Въ Обуховку прибыли 7-го іюля.

Эти подробности заимствованы нами изъ тетради, въ которую Прасковья Николаевна Львова, живя на Званкѣ, заносила свои воспоминанія. Въ запискахъ же, веденныхъ дочерью Капниста, Софьею Васильевной (впослѣдствіи г-жою Скалонъ), и обязательно сообщенныхъ ею намъ, о посѣщеніи Державинымъ Обуховки разсказано слѣдующее:

«Въ 1813 году, 7-го іюля, мы неожиданно испытали такую радость, какая рѣдко случается въ жизни. Въ то время, когда мать моя обыкновенно отдыхала послѣ обѣда, пришли мнѣ сказать, что какая-то бѣдная женщина желаетъ ее видѣть. Я спѣшила передать это матери моей; она вышла къ женщинѣ и, посадивъ ее подлѣ себя на диванѣ, начала спрашивать, откуда она и что ей нужно? Та отвѣчала, что она изъ Москвы, разоренной Французами, всего лишилась и проситъ помощи... При этомъ она засмѣялась. Мать моя, испугавшись и полагая, что это какая-нибудь сумасшедшая, поспѣшно встала и хотѣла уйти; но та, снявъ поспѣшно съ головы капишонъ салопа, схватила ее за руку и сказала: «Другъ мой Сашенька! неужели ты меня не узнаёшь?» Мать моя, узнавъ въ ней сестру свою, Дарью Алексѣевну Державину, которую болѣе двадцати лѣтъ не видала, до того обрадовалась, что съ нею сдѣлалось дурно... Услышавъ, что и дядя нашъ, Гаврила Романовичъ, тоже пріѣхалъ и остановился на горѣ въ экипажѣ съ племянницей своей, Прасковьей Николаевной Львовой, мы всѣ поспѣшили на встрѣчу къ нему. Какъ описать общую радость нашу?... Пришедши въ домъ, добрые родные поражены были чуднымъ мѣстоположеніемъ, представившимся ихъ глазамъ, и еще болѣе обществомъ, котораго вовсе не предполагали найти въ Обуховкѣ. Для насъ особенно интересна была встрѣча Трощинскаго и Державина, двухъ сановниковъ въ царствованіе Екатерины II, впрочемъ не совсѣмъ дружелюбныхъ въ то время. Съ какимъ взаимнымъ уваженіемъ они раскланивались! какъ величали другъ друга «ваше высокопревосходительство» и не хотѣли сѣсть одинъ прежде другого... Сначала въ ихъ отношеніяхъ замѣтна была нѣкоторая холодность, но,

проживъ нѣсколько дней вмѣстѣ, они сошлись, и можно себѣ представить, какъ для отца нашего и для насъ всѣхъ интересны и поучительны были бесѣды и сужденія такихъ опытныхъ, благомыслящихъ и умныхъ людей!

«Гаврила Романовичъ былъ въ восхищеніи отъ Обуховки и нѣсколько разъ повторялъ, что онъ былъ бы счастливъ, еслибъ могъ доживать свой вѣкъ въ такомъ мѣстѣ, гдѣ все дышитъ поэтическимъ вдохновеніемъ. Покрытый сѣдинами, онъ былъ чрезвычайно пріятной наружности; въ хорошемъ расположеніи духа онъ обыкновенно припѣвалъ или присвистывалъ что-нибудь, или обращался стишками то къ птичкамъ, которыхъ было такъ много въ комнатахъ, то къ собачкѣ своей Тайкѣ, которую обыкновенно носилъ онъ за пазухой. Отдавая всегда полную справедливость красотѣ, онъ очень полюбилъ двухъ дѣвицъ, проживавшихъ въ то время у насъ, прехорошенькихъ блондинку и брюнетку, съ которыми обыкновенно гулялъ подъ руку и много шутилъ.

«Тетка наша, Дарья Алексѣевна, и въ то время была еще хороша собою, большого росту, чрезвычайно стройна, и съ величественнымъ видомъ соединяла много пріятности. Кузина наша, Прасковья Николаевна Львова, красивая брюнетка, была очень мила, удивительно какъ скромна и привѣтлива. Она впослѣдствіи созналась намъ, что не совсѣмъ съ пріятными чувствами ѣхала въ Малороссію, какъ въ дикій край, гдѣ и въ насъ всѣхъ думала встрѣтить полудикихъ, необразованныхъ людей, и какъ для нея было неожиданно увидѣть во всемъ совершенную противоположность. Проживъ у насъ около двухъ недѣль, дорогіе гости уѣхали и оставили намъ самыя отрадныя воспоминанія. Мы проводили ихъ за 70 верстъ къ дядѣ нашему, Петру Васильевичу, откуда они и пустились въ обратный путь черезъ Кіевъ въ Петербургъ». Въ Обуховкѣ посѣтилъ Державина покойный князь Николай Андреевичъ Цертелевъ, жившій верстахъ въ 60-и оттуда въ своемъ имѣніи. Престарѣлый поэтъ былъ очень польщенъ вниманіемъ этого въ то время еще молодого человѣка, съ которымъ прежде не былъ знакомъ. Читая вслухъ его стихотворенія, Цертелевъ въ одномъ изъ нихъ обратилъ вниманіе на какое-то звукоподражаніе. При этомъ Державинъ замѣтилъ, что люди часто нахо-

дятъ у поэта то, о чемъ онъ самъ никогда и не думалъ: «здѣсь звукоподражаніе», сказалъ онъ, «явилось совершенно случайно»[1].

19-го іюля Державины поѣхали въ Кіевъ. Верстахъ въ 10-и отъ Трубайцъ (имѣнія П. В. Капниста) ихъ застигла ужасная гроза, такъ что путешественники вынуждены были искать убѣжища и проночевать въ пустынномъ домѣ какого-то Галицкаго. Гаврила Романовичъ шутилъ надъ этой неудачей, говорилъ, что напишетъ поэму и въ ней представитъ двухъ волшебницъ, добрую и злую, которыя попеременно управляютъ ихъ путешествіемъ. 25 іюля супруги прибыли въ Кіевъ и три дня осматривали все примѣчательное. Гаврила Романовичъ обѣщалъ графинѣ Браницкой побывать въ ея прекрасномъ имѣніи, Александріи, въ 73-хъ верстахъ отъ Кіева. Благодаря распоряженіямъ кіевскаго губернатора, графа Санти, они перенеслись туда въ нѣсколько часовъ. Здѣсь главнымъ предметомъ разговоровъ былъ естественно Потемкинъ. Графиня повела ихъ въ зданіе, составлявшее родъ пантеона и воздвигнутое въ честь князя Таврическаго. Тамъ стоялъ бюстъ его посреди многихъ другихъ, въ числѣ которыхъ былъ и бюстъ Державина. Налюбовавшись чудными садами Александріи и осмотрѣвъ близлежащее мѣстечко Бѣлую Церковь, возвратились въ Кіевъ и пробыли тамъ еще нѣсколько дней. Пріѣхавъ 13 августа въ Москву[2], они удивились перемѣнѣ, происшедшей въ ней во время ихъ краткаго отсутствія: многіе каменные домá, которыхъ только стѣны уцѣлѣли отъ пожара, не только были исправлены, но уже и снова сдѣлались обитаемы. Вездѣ кипѣла работа; шумъ топора и молотка сливался съ веселыми пѣснями каменщиковъ, составлявшими странную противоположность съ поражавшими взоры остатками разрушенія.

На обратномъ пути изъ Москвы, откуда выѣхали 17-го августа, племянница Державина читала ему вслухъ новую въ то время книгу: *Матильда, или записки изъ крестовыхъ походовъ*,

[1] Слышано отъ самого князя Цертелева.

[2] Въ Москвѣ они рѣшились пробыть нѣсколько дней, чтобы дать просохнуть дорогамъ, испорченнымъ проливными дождями.

соч. г-жи Коттенъ, переводъ Д. Бантышъ-Каменскаго (6 частей). Самъ же Гаврила Романовичъ много разсказывалъ своимъ спутницамъ про Екатерину II, про ея восшествiе на престолъ, говорилъ также о Наполеонѣ и особенно о его попыткѣ вступить въ русскую службу, чтобы скорѣе «сдѣлать карьеру».

Въ Званку путешественники воротились 26-го августа, въ годовщину бородинской битвы, ровно черезъ годъ послѣ этого славнаго дня. Нѣсколько дней спустя они получили отъ Капниста письмо, въ которомъ онъ говорилъ: «Не повѣрите, какую пустоту поселили вы въ Обуховкѣ: все хочется иттить въ вашъ домикъ; все кажется, вы изъ него выйдете. Я уже и мимо его не хожу. — Грустно! Долго не видѣлись, увидѣлись на короткое время, и долго не увидимся! Очень грустно».

Въ Гавриловку Державинъ не заѣзжалъ. Можетъ-быть причиною тому были дурныя вѣсти о тамошнемъ управленiи. На совѣтъ Капниста опредѣлить туда честнаго приказчика съ большимъ жалованьемъ, хотя бы въ 1000 р., онъ отвѣчалъ: «Но гдѣ найдешь такого человѣка? Кого я ни опредѣлялъ въ теченiе 30-и лѣтъ, то только разоряли и обкрадывали: даже поручалъ благороднымъ людямъ и свойственникамъ своимъ, — но и тѣхъ приказчики обманывали, то мнѣ было все не прибыльно». Наконецъ, по рекомендацiи Капниста (уже послѣ путешествiя Державина) взятъ былъ въ управляющiе нѣкто Сулецкiй, обѣщавшiй давать до 10.000 р. доходу. Но уже года черезъ два онъ былъ отрѣшенъ по доносу гавриловскаго писаря, и управленiе имѣнiемъ поручено предложившему свои услуги сосѣду Морозову. По этому поводу Державинъ въ письмѣ къ Сулецкому исчислилъ всѣ плутни послѣдняго и просилъ его изъ имѣнiя выѣхать. Къ чести поэта служатъ тутъ слѣдующiя строки: «Что же касается до того безпокойства вашего, чтобъ я не сталъ мстить сыну вашему, то этимъ вы меня чувствительно обижаете: я никогда никому не мстилъ. Но Богъ съ вами: Иванъ Григорьевичъ (Морозовъ) и по прочимъ взысканiямъ можетъ вамъ сдѣлать снисхожденiе, ибо я все ему предоставилъ и готовъ вамъ служить, ежели гдѣ и что могу» [1].

[1] VI, 333.

Сынъ Сулецкаго воспитывался въ Петербургѣ, въ какомъ-то корпусѣ, куда былъ помѣщенъ стараніями Державина, и посѣщалъ его домъ. По смерти Гаврилы Романовича, эта деревня досталась женѣ его, а отъ нея по духовному завѣщанію перешла въ собственность любимаго ея племянника, Семена Васильевича Капниста.

Кстати скажемъ нѣсколько словъ и объ оренбургскомъ имѣніи. Мы оставили его подъ управленіемъ Чичагова послѣ бывшаго тамъ въ 1800 году пожара. Въ 1802 Державинъ жалуется, что Чичаговъ ему вовсе не пишетъ и никакихъ доходовъ не высылаетъ, вѣроятно потому, что, будучи занятъ службой и откупомъ, не имѣетъ времени заботиться о постороннихъ дѣлахъ. Въ 1809 году онъ пишетъ тогдашнему управителю (кажется, сыну Чичагова) и выражаетъ удивленіе, что не получаетъ отъ него отвѣтовъ на свои письма, особенно на то, при которомъ посланы были его брильянтовые перстни: «Получили вы ихъ, и довольны ли вы ими? Не приняли ли вы на сердце, что я препроводилъ къ вамъ дошедшія ко мнѣ свѣдѣнія о безпорядкахъ моихъ сельскихъ управителей? Но то, повѣрьте, м. г. мой, отнюдь къ вамъ не относится, а только къ замѣчанію съ одной стороны тѣхъ, которые, можетъ-быть, желаютъ насъ помутить и охолодить мою къ вамъ довѣренность, а съ другой къ осторожности начальниковъ сельскихъ, дабы они не ослабѣвали въ отправленіи ихъ должности» [1].

Такимъ-то образомъ нашъ добродушный землевладѣлецъ щадилъ своихъ управителей, все еще не проученный опытомъ и продолжая вѣрить имъ. Наконецъ, въ послѣднее время жизни, ему удалось поручить свой винокуренный заводъ (въ оренбургскомъ имѣніи) болѣе надежному человѣку, крестьянину Разуваеву, котораго онъ и благодаритъ за хорошій доходъ, объявляя, что въ знакъ признательности освобождаетъ «дочерей его и невѣстокъ отъ господскихъ работъ. Служите только вѣрно: я и всѣмъ крестьянамъ и людямъ сдѣлаю такую милостивую льготу, что они послѣ меня вѣчно будутъ меня благодарить». Въ другой разъ онъ

[1] VI, 193.

говоритъ, что имъ написана духовная, исполненіе которой наслѣдниками доставитъ всѣмъ подвластнымъ ему облегченіе[1]. Въ то же время онъ принимаетъ мѣры, чтобы «отвязаться отъ прежняго надзирателя за своими (оренбургскими) деревнями» и заявляетъ намѣреніе передать ихъ управленіе Ф. М. Карамзину (брату исторіографа), какъ одному изъ ближайшихъ сосѣдей своихъ, и для этого ожидаетъ его прибытія въ Петербургъ. Письмо о томъ было послано за нѣсколько мѣсяцевъ до смерти Державина. Оренбургское имѣніе, какъ будетъ видно ниже, было завѣщано имъ родственнику его Миллеру.

10. ЧЕРТЫ ДОМАШНЕЙ ЖИЗНИ ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ.

Мы еще не говорили вообще объ образѣ жизни Державина. Онъ вставалъ рано, въ пять или шесть часовъ утра, и, вставши, пилъ чай; въ два часа обѣдалъ, ужиналъ въ десять; вина почти совсѣмъ не пилъ, кофею не любилъ. Уже со времени первой женитьбы онъ не увлекался картами и игралъ умѣренно, но всетаки проигрывалъ въ годъ до тысячи или полуторы тысячи рублей, которые Дарья Алексѣевна и выдавала ему на его «маленькіе проигрыши». При ежегодномъ доходѣ отъ 60 до 70,000 руб. она охотно допускала эту трату. Всѣ деньги были въ ея рукахъ; она распоряжалась безотчетно всѣми хозяйственными дѣлами и расходами, не исключая покупки и продажи земель и т. п. Разъ въ недѣлю у Державиныхъ собирались гости къ обѣду, который тогда бывалъ въ 3 или 4 часа, а вечеромъ устраивались для молодежи танцы, продолжавшіеся далеко за полночь. Но самъ Гаврила Романовичъ, по крайней мѣрѣ въ послѣдніе годы жизни, удалялся уже часовъ въ одиннадцать. Дарья Алексѣевна провожала его наверхъ и, уложивъ, возвращалась къ гостямъ. Онъ любилъ музыку, особенно Баха и Крамера; часто, слушая ее, ходилъ по комнатѣ и ударялъ тактъ; если онъ при этомъ все ускорялъ шаги и наконецъ исчезалъ въ кабинетъ, то всѣ знали, что надо ожидать новыхъ стиховъ. Почти до конца жизни онъ сберегъ хо-

[1] VI, 383 и 384. Ср. ниже, въ отдѣлѣ *Завѣщанія*, свѣдѣніе объ этомъ распоряженіи Державина.

рошее зрѣніе и только для самаго мелкаго шрифта иногда употреблялъ лупу.

Кромѣ обоихъ супруговъ и трехъ племянницъ ихъ, дѣвицъ Львовыхъ, въ домѣ Державина, въ послѣднее время, жили еще: Вѣра Петровна Лазарева, дочь знаменитаго впослѣдствіи адмирала; старшій сынъ Петра Никитича Миллера; родственникъ его, молодой Фокъ (оба позднѣе замѣшаны были въ исторію 14-го декабря); далѣе, сыновья В. В. Капниста, и долѣе другихъ Семенъ Васильевичъ (съ 1813 по 1822 г.)[1]. По мѣсту жительства Державины принадлежали къ приходу церкви бывшаго Дворянскаго полка (нынѣ Константиновскаго училища), что на Обуховскомъ (нынѣ Забалканскомъ) проспектѣ. По смерти мужа, Дарья Алексѣевна пожертвовала въ эту церковь 2400 рублей.

Молодыя дамы вышивали Гаврилѣ Романовичу кушаки, которыми онъ подпоясывалъ свой халатъ. Дома, когда не было гостей, онъ обыкновенно носилъ шелковый шлафрокъ, подбитый бѣличьимъ мѣхомъ, и колпакъ. Въ этомъ костюмѣ описываютъ его молодые люди, оставившіе намъ свои воспоминанія о немъ. Одинъ изъ посѣтившихъ его въ 1813 году (нѣкто Кузминскій) видѣлъ его въ халатѣ, опушенномъ соболями, во фланелевой плотно застегнутой фуфайкѣ; на шеѣ былъ у него бѣлый кисейный платокъ, а на головѣ бѣлый же вязаный колпакъ. Онъ давно былъ лысъ и, одѣвшись, являлся въ парикѣ съ мѣшкомъ; выѣзжалъ во фракѣ, въ коротенькихъ панталонахъ и гусарскихъ сапожкахъ, надъ которыми видны были чулки.

Любопытныя подробности о бытѣ и привычкахъ Державина въ послѣдніе годы его жизни сообщили намъ пріѣзжавшіе на время въ Петербургъ: Жихаревъ, Панаевъ и С. Т. Аксаковъ.

С. П. Жихаревъ былъ внукъ тамбовскаго помѣщика, съ которымъ Державинъ сблизился во время своего губернаторства въ тамошнемъ краю. Молодой Жихаревъ, воспитанный въ благоговѣніи къ пѣвцу Фелицы, самъ мечталъ о славѣ поэта и, написавъ

[1] Прежде въ домѣ Державиныхъ жили, между-прочимъ, дѣвицы Бакунины, и одна изъ сестеръ, по выходѣ въ замужство, — съ мужемъ своимъ П. А. Ниловымъ: см. II, 185.

трагедію «Артабанъ», хотѣлъ показать ее знаменитому писателю. Пріѣхавъ въ Петербургъ въ концѣ 1806 года, онъ поспѣшилъ представиться ему, и 5-го декабря записалъ въ своемъ дневникѣ: «Былъ у Державина и до сихъ поръ не могу прійти въ себя отъ сердечнаго восхищенія. Съ именемъ Державина было соединено въ моемъ понятіи все, что составляетъ достоинство человѣка: вѣра въ Бога, честь, правда, любовь къ ближнему, преданность къ государю и отечеству, высокій талантъ и трудъ безкорыстный.... И вотъ я увидѣлъ мужа,

«Кто, строя лиру,
Язы́комъ сердца говорилъ» [1].

Въ большомъ волненіи, съ трепетомъ и нетвердою поступью молодой человѣкъ, по указанію дремавшаго въ прихожей лакея, поднялся по деревянной лѣстницѣ. Взойдя наверхъ, онъ остановился передъ стеклянною дверью, завѣшенной зеленою тафтою. Случившаяся тутъ прелестная дѣвушка лѣтъ 18-ти (старшая дочь Львова), видя его смущеніе, растворила передъ нимъ дверь. Онъ засталъ Державина за письменнымъ столомъ, стоявшимъ посрединѣ кабинета; поэтъ сидѣлъ въ описанномъ выше домашнемъ костюмѣ; изъ-за пазухи его торчала головка бѣлой собачки.

Державинъ принялъ юношу очень радушно и тотчасъ предложилъ ему свои услуги для опредѣленія его въ службу, но тотъ отвѣчалъ, что уже имѣетъ мѣсто, и объяснилъ безкорыстную цѣль своего посѣщенія. Затѣмъ поэтъ, увидѣвъ у него подъ мышкой тетрадь и узнавъ, что это его сочиненіе, попросилъ прочесть отрывокъ изъ «Артабана». Прослушавъ чтеніе съ видимымъ удовольствіемъ, онъ выразилъ желаніе удержать на время рукопись. Предложенія остаться обѣдать Жихаревъ не могъ принять, обѣщавъ быть въ другомъ домѣ. «Ну, такъ милости просимъ послѣзавтра», сказалъ поэтъ, «но у насъ это день невеселый: память по Н. А. Львовѣ». По назначенію, Жихаревъ явился въ 3 часа. Домашніе уже были собраны въ большой го-

[1] Изъ стихотворенія *Лебедь* II, 501. «Дневникъ» Жихарева см. въ *Отеч. Зап.* XCIX (1855 г.), стр. 394, и слѣдующіе за тѣмъ томы.

стиной, въ нижнемъ этажѣ, и сидѣли у камина; а самъ поэтъ, въ томъ же синемъ шелковомъ тулупѣ, но на этотъ разъ въ парикѣ, задумчиво расхаживалъ по комнатѣ и по временамъ гладилъ головку собачки, которая высовывалась у него изъ-за пазухи. Онъ тотчасъ представилъ гостя Дарьѣ Алексѣевнѣ, а потомъ, обратившись къ племянницамъ, продолжалъ: «Вамъ рекомендовать его нечего: сами познакомитесь». И тутъ же съ большою живостью сталъ говорить объ «Артабанѣ»: «Читалъ я, братецъ твою трагедію и, признаюсь, оторваться отъ нея не могъ: ну, право, прекрасно! Да откуда у тебя талантъ такой? Все такъ громко, высоко; стихи такіе плавные и звучные, какіе рѣдко встрѣчалъ я даже у Шихматова». Жихаревъ отвѣчалъ, что съ малолѣтства напитанъ былъ чтеніемъ св. писанія и его сочиненій; что едва только выучился лепетать, какъ зналъ уже наизусть оду *Богъ*, *Вельможу*, *Мой истуканъ*, *На смерть князя Мещерскаго*, и что эти стихотворенія служили для него лучшимъ воспитательнымъ средствомъ. За обѣдомъ пріѣзжаго посадили возлѣ хозяйки; которая была къ нему чрезвычайно ласкова и просила посѣщать ихъ запросто, какъ родныхъ. Самъ Державинъ прималчивалъ; напротивъ, прелестныя племянницы его говорили много, умно и мило. Послѣ обѣда Гаврила Романовичъ сѣлъ въ кресла за дверью гостиной и тотчасъ же задремалъ. Жихаревъ спросилъ у Вѣры Николаевны, что́ это за собачка за пазухой у него. «Это воспоминаніе добраго дѣла», отвѣчала она». Къ Державину ходила по временамъ за пособіемъ одна бѣдная старушка съ этой собачкой на рукахъ. Однажды зимою бѣдняжка притащилась, окоченѣвшая отъ холода, и, получивъ обыкновенное пособіе, со слезами умоляла своего благодѣтеля взять себѣ эту собачку, которая всегда къ нему такъ ласкалась, какъ будто чувствовала доброе дѣло. Онъ согласился, но съ тѣмъ чтобы старушка по смерть получала отъ него свою пенсію. Съ тѣхъ поръ собачка не оставляетъ своего господина ни на минуту, и если она у него не за пазухой, или не вмѣстѣ съ нимъ на диванѣ, то лаетъ, визжитъ и мечется по цѣлому дому. За пенсіею старушка уже не въ силахъ была приходить; Державинъ самъ заносилъ ей деньги всякій мѣсяцъ.

«Покамѣстъ нашъ бардъ дремалъ въ своемъ креслѣ», продолжаетъ Жихаревъ, «я разсматривалъ извѣстный портретъ его, писанный Тончи[1]. Какая идея! какъ написанъ и какое до сихъ поръ сходство! Мнѣ хотѣлось видѣть его бюстъ, изваянный Рашетомъ и такъ имъ прославленный въ стихотвореніи *Мой истуканъ*, но онъ, по желанію поэта, находился наверху, въ диванной его супруги. Еще при жизни Катерины Яковлевны, Державинъ писалъ о немъ:

«А ты, любезная супруга,
Межъ тѣмъ возьми сей истуканъ;
Спрячь для себя, родни и друга
Его въ серпяный твой диванъ» (I, 620).

«Проснувшись, Гаврила Романовичъ опять, между-прочимъ, повторилъ предложеніе дать мнѣ на всякій случай рекомендательныя письма къ князю Лопухину и къ графу Румянцову и даже настоялъ на томъ, чтобы я къ нимъ представился. Князь Лопухинъ», сказалъ мнѣ Гаврила Романовичъ,—«человѣкъ стариннаго покроя и не тяготится принять и приласкать молодого человѣка, у котораго нѣтъ связей; да и Румянцовъ человѣкъ обходительный и покровительствуетъ людямъ талантливымъ и ученымъ. Правду молвить, и всѣ-то они (разумѣя министровъ) большею частью люди добрые; вотъ хоть бы и графъ Петръ Васильичъ (Завадовскій), хотя и не можетъ до сихъ поръ забыть моего Беатуса[2]. Да какъ быть!» Жихаревъ рѣшился воспользоваться рекомендаціями Державина и не имѣлъ причины раскаяться въ томъ: министры приняли его крайне радушно и безцеремонно. Позднѣе Державинъ представилъ своего молодого почитателя также Оленину и Козодавлеву.

11-го декабря Жихаревъ опять записалъ въ своемъ дневникѣ: «Обѣдалъ у Гаврилы Романовича; это не человѣкъ, а воплощенная доброта; ходитъ себѣ въ своемъ тулупѣ съ Бибиш-

[1] Картина, изображающая поэта посреди снѣговъ, сидящаго у водопада въ медвѣжьей шубѣ и бобровой шапкѣ. См. гравюру въ началѣ I-го Тома нашего изданія.

[2] Въ одѣ *На Счастье* I, 256.

кой[1] за пазухой, насупившись и отвѣся губы, думая и мечтая, и, повидимому, не занимаясь ничѣмъ, что̀ вокругъ его происходитъ. Но чуть его слуха коснется какая-нибудь несправедливость или оказанное кому претѣсненіе, или, напротивъ, какой-нибудь подвигъ человѣколюбія и доброе дѣло, — тотчасъ колпакъ на бекрень, оживится, глаза засверкаютъ, и поэтъ превращается въ оратора, поборника правды, хотя, надо сказать, ораторство его не очень краснорѣчиво, потому что онъ не достаточно владѣетъ собою: слишкомъ горячится, путается въ словахъ и голосъ имѣетъ довольно грубый, но со всѣмъ тѣмъ въ эти минуты онъ очень увлекателенъ и живописенъ. Кажется, мое чтеніе ему понравилось, потому что онъ заставлялъ меня читать нѣкоторыя прежнія свои стихотворенія и слушалъ ихъ съ такимъ вниманіемъ, какъ будто бы они были для него новостью и не его сочиненія. Меня поразило въ немъ то, что онъ не чувствовалъ настоящихъ красотъ въ своихъ стихотвореніяхъ, и ему нравились въ нихъ именно тѣ мѣста, которыя менѣе того заслуживали».

Нѣсколькими годами позднѣе посѣтилъ поэта молодой Панаевъ[2], дальній родственникъ и землякъ его, въ то время еще студентъ. Давно бредилъ онъ стихами Державина и горѣлъ нетерпѣніемъ увидѣть его. Собравшись въ Петербургъ, въ 1815 году, онъ получилъ отъ Казанскаго Общества любителей россійской словесности порученіе выпросить у знаменитаго лирика копію съ его портрета и экземпляръ его сочиненій. «Копію?» сказалъ Державинъ: «да вѣдь это денегъ стоитъ». — «Зато», возразилъ Панаевъ, «съ какою благодарностью приметъ Общество изображеніе великаго поэта, своего почетнаго члена! Да и гдѣ приличнѣе, какъ не тамъ, стоять вашему портрету?» — «Ну, хорошо. Но съ котораго же списать копію? Съ Тончіева, что у

[1] Можетъ-быть, это имя придумано самимъ разсказчикомъ. Въ другихъ свидѣтельствахъ, да и въ сочиненіяхъ самого Державина, собачка эта является подъ именемъ Тайки (сокращ. изъ Горностайки). См. III, 513, надпись: *На могилу милой собачки.*

[2] Владиміръ Ивановичъ, извѣстный своими идилліями и записками; отрывки изъ послѣднихъ были напечатаны въ сборникѣ *Братчина*, Спб. 1859, и въ *Вѣстникѣ Европы* 1867 г., №№ 3 и 4.

меня внизу? Да онъ очень великъ, во весь ростъ». — «А съ того, что былъ на нынѣшней академической выставкѣ?» подхватилъ Панаевъ, разумѣя недавно сдѣланный художникомъ Васильевскимъ портретъ его; но вдругъ замѣтилъ свою неловкость и замолчалъ. — «Какъ это можно?» возразилъ Державинъ: «тамъ написанъ я въ колпакѣ и въ тулупѣ! Нѣтъ, лучше съ того, который въ Россійской академіи, писанный отличнымъ художникомъ Боровиковскимъ. Тамъ изображенъ я въ сенаторскомъ мундирѣ и въ лентѣ. Когда будетъ готовъ, я пришлю его къ тебѣ для отправленія, а сочиненія можешь, пожалуй, взять и теперь. Ихъ вышло четыре тома; пятый отпечатается лѣтомъ: его пошлемъ тогда особо». Въ этотъ разъ Панаевъ, при входѣ въ кабинетъ Державина, засталъ его сидящимъ у окна за маленькимъ столикомъ, съ аспидною доскою, на которой онъ набрасывалъ или исправлялъ стихи свои, и опять съ собачкою за пазухой. Такъ большею частію онъ заставалъ его и въ послѣдующія утреннія посѣщенія. Въ продолженіе же разговора о портретѣ они очутились на диванѣ, который имѣлъ особенное устройство: былъ гораздо шире и выше обыкновенныхъ, со ступеньками отъ полу и съ двумя по бокамъ шкапиками, верхнія доски которыхъ замѣняли собою столики. Въ этихъ шкапикахъ были ящики, гдѣ хранились рукописные труды поэта. Кликнувъ человѣка, онъ велѣлъ принести 4 тома своихъ сочиненій и, по просьбѣ Панаева сдѣлавъ на первомъ томѣ надпись, передалъ ихъ молодому человѣку [1].

Это свиданіе происходило дней за пять до Рождества. Прощаясь, любезный старецъ потребовалъ, чтобы Панаевъ, какъ родной, 25-го непремѣнно у него обѣдалъ, при чемъ обѣщалъ познакомить его и съ женою. При этихъ словахъ Панаевъ вспомнилъ, что когда онъ отъѣзжалъ въ Петербургъ, то дядя его выразилъ ему сомнѣніе, чтобы Дарья Алексѣевна приняла его такъ же благосклонно, какъ Гаврила Романовичъ: былъ слухъ, что

[1] Посылка отправлена была въ мартѣ мѣсяцѣ, но на бѣду во время перевозки ея сдѣлалась ранняя ростепель: книги и портретъ подмокли; портретъ можно было реставрировать снятіемъ образовавшейся на одномъ краю его плѣсени. (*Братчина*, 119).

она старалась отклонить мужа отъ казанскихъ родныхъ его и вообще отъ старыхъ друзей и окружала своими родственниками. Дѣйствительно, опасеніе это вполнѣ подтвердилось. Когда Панаевъ явился къ Державинымъ въ день Рождества, хозяйка обошлась съ нимъ очень сухо. Въ этотъ разъ Державина трудно было узнать: онъ былъ въ коричневомъ фракѣ, съ двумя звѣздами, въ хорошо причесанномъ парикѣ. Гостей было человѣкъ тридцать, большею частью пожилыхъ. Въ числѣ ихъ особенное вниманіе своими разсказами и даромъ слова возбуждалъ Лабзинъ. О святкахъ молодой казанскій пріѣзжій былъ у Державина раза два на танцовальныхъ воскресныхъ вечерахъ; упоминая о нихъ, онъ опять жалуется на нелюбезность хозяйки. Въ эти два вечера, его наиболѣе занимали два предмета: во-первыхъ нѣжное обращеніе хозяина съ тогдашней красавицей Колтовскою, женщиной лѣтъ 35-ти, бойкою, умною: Гаврила Романовичъ почти не отходилъ отъ нея и казался бодрѣе обыкновеннаго; во-вторыхъ — очаровательная граціозность въ танцахъ меньшой племянницы Державиныхъ, Прасковьи Николаевны Львовой.

Во время пребыванія Панаева въ Петербургѣ, 19-го марта 1816 года, праздновалась тамъ годовщина взятія Парижа: въ этотъ день былъ великолѣпный парадъ на дворцовой площади. Столица была въ восторгѣ отъ давно невиданнаго зрѣлища. Державинъ написалъ сонетъ. Несмотря на несомнѣнное ослабленіе его таланта, всякіе новые стихи его обращали на себя общее вниманіе: о нихъ говорили, ихъ переписывали и сообщали другъ другу въ спискахъ. Узнавъ объ этой поэтической новинкѣ, Панаевъ отправился къ поэту. Это было въ воскресенье послѣ обѣдни. Онъ сидѣлъ за большимъ письменнымъ столомъ, а отъ него полукругомъ пятеро гостей (въ томъ числѣ Ф. П. Львовъ и Н. Г. Политковскій, члены Бесѣды), критиковавшихъ какое-то стихотвореніе Жуковскаго. Когда Панаевъ, пользуясь минутою молчанія, попросилъ у хозяина вновь написанныхъ имъ стиховъ, чтобы взять ихъ съ собою и списать, то онъ отвѣчалъ: «У меня только и есть одинъ экземпляръ; между тѣмъ пріѣзжаютъ, спрашиваютъ. Лучше сядь сюда къ столу и спиши здѣсь».

Послѣдній разъ Панаевъ былъ у него во вторникъ на Фоми-

ной недѣлѣ и засталъ его въ кабинетѣ уже убирающимъ свои бумаги для отъѣзда черезъ недѣлю на Званку. По приглашенію Державина онъ принялся помогать ему. Увидѣвъ большую связку съ надписью: *Трагедіи и оперы*, онъ выразилъ свое удивленіе и спросилъ, играли ли ихъ на театрѣ. «Куда тебѣ?» отвѣчалъ поэтъ: «теперь играютъ только сочиненія кн. Шаховского, потому что онъ всѣмъ тамъ распоряжаетъ». При этомъ Державинъ предложилъ Панаеву взять на домъ для прочтенія трагедію *Василій Темный* и оперу *Эсфирь* и возвратить ихъ въ слѣдующую суботу съ отзывомъ, какъ онѣ ему понравятся. Панаевъ, очень недовольный ими, не рѣшился итти къ Державину въ назначенный день, и когда вечеромъ къ нему явился швейцаръ поэта звать его, то онъ притворился больнымъ и возвратилъ тетради черезъ посланнаго. Вскорѣ Державинъ дѣйствительно уѣхалъ въ деревню, и Панаевъ болѣе не видалъ его.

Всѣхъ подробнѣе и живѣе описалъ свое знакомство съ нашимъ поэтомъ покойный С. Т. Аксаковъ, сблизившійся съ нимъ также незадолго до его смерти, въ началѣ 1816 г.[1]. Аксаковы считали себя сосѣдями Державина по оренбургскому имѣнію и были давно нѣсколько знакомы съ нимъ: младшій братъ Сергѣя Тимофеевича, подпрапорщикъ Измайловскаго полка, жившій поэтому въ домѣ Гарновскаго, былъ уже прежде вхожъ къ нему. Наслышавшись отъ этого молодого человѣка объ искусномъ чтеніи Сергѣя Тимофеевича, Державинъ нетерпѣливо желалъ познакомиться съ нимъ, чтобы заставить его читать вслухъ свои трагедіи. Когда этотъ, въ то время двадцатитрехлѣтній юноша, пріѣхалъ въ Петербургъ, то Гаврила Романовичъ не могъ дождаться его посѣщенія и часовъ въ 10 утра, на другой день по пріѣздѣ его, посылалъ за нимъ. Аксаковъ былъ однимъ изъ самыхъ восторженныхъ почитателей поэта, зналъ множество стиховъ его наизусть и потому считалъ знакомство съ нимъ счастливѣйшимъ событіемъ своей жизни. Въ величайшемъ волненіи, съ робостью вступилъ онъ въ домъ его, но, разъ уже будучи тамъ, совер-

[1] *Семейная Хроника и Воспоминанія.* М. 1870 г., стр. 571—592: «Знакомство съ Державинымъ».

шенно оправился. Изъ залы налѣво была дверь въ кабинетъ Державина; онъ благоговѣйно, но смѣло вошелъ въ это «святилище русской поэзіи». Гаврила Романовичъ сидѣлъ на знакомомъ уже намъ диванѣ съ аспидной доской и грифелемъ въ рукахъ. Встрѣча была съ обѣихъ сторонъ сердечная. «Державинъ былъ довольно высокаго роста, довольно широкаго, но сухощаваго сложенія; на немъ былъ колпакъ, остатки сѣдыхъ волосъ небрежно изъ подъ него висѣли; онъ былъ безъ галстука, въ шелковомъ зеленомъ шлафрокѣ, подпоясанъ такого же цвѣта шнуркомъ съ большими кистями; на ногахъ у него были туфли; портретъ Тончи походилъ на оригиналъ какъ двѣ капли воды». Во время разговора объ интересныхъ для обоихъ предметахъ, объ оренбургскомъ краѣ, о Казани, о гимназіи и университетѣ, молодой гость съ одушевленіемъ прочелъ нѣсколько стиховъ изъ пьесы *Арфа*, гдѣ поэтъ обращается къ Казани. Лицо Державина оживилось, глаза вспыхнули: «Вы хотите мнѣ что-нибудь прочесть», и въ глазахъ его засвѣтился тотъ святой огонь, который внушилъ ему многія безсмертныя строфы. Видя непритворное волненіе Аксакова, онъ просилъ его успокоиться, а между тѣмъ всталъ и началъ выдвигать ящики, которыхъ находилось множество по бокамъ и надъ спинкой дивана. Вытащивъ двѣ листовыя тетради, переплетенныя въ зеленый сафьянъ: «Въ одной книгѣ мои мелочи», сказалъ онъ, «а объ другой поговоримъ послѣ. Вы что хотите мнѣ читать? Вѣрно оды Богъ, Фелицу или Видѣніе мурзы?» — Нѣтъ, отвѣчалъ Аксаковъ: ихъ читали вамъ многіе, особенно актеръ Яковлевъ. Я желаю прочесть вамъ оду на смерть князя Мещерскаго и Водопадъ. — «А я хотѣлъ вамъ предложить прочесть мою трагедію» . . . — Сердечно радъ, но позвольте мнѣ начать этими двумя стихотвореніями. — «Извольте». — Я знаю наизусть почти всѣ ваши стихи, но на всякій случай желалъ бы имѣть въ рукахъ ваши сочиненія; вѣрно они есть у васъ. — «Какъ не быть?» улыбнувшись сказалъ Державинъ: «какъ сапожнику не имѣть шильевъ?» (сравненіе довольно странное, замѣчаетъ Аксаковъ), и онъ досталъ изъ ящика свои стихотворенія, богато переплетенныя въ красный сафьянъ. Чтеніе оды на смерть князя Мещерскаго произвело на самого поэта потря-

сающее впечатлѣнiе: онъ обнялъ чтеца со слезами на глазахъ. «Я услышалъ себя въ первый разъ», сказалъ онъ послѣ нѣкотораго молчанiя и сталъ хвалить чтенiе; но Аксаковъ скоро замѣтилъ, что у него что-то совсѣмъ другое на умѣ. Онъ понялъ, что дѣло шло о чтенiи трагедiи. «Скрѣпя сердце», говоритъ Аксаковъ, «я пожертвовалъ на этотъ разъ Водопадомъ, и хорошо сдѣлалъ: Державинъ сталъ бы слушать меня разсѣянно. Впослѣдствiи я нашелъ минуту, когда онъ свободно могъ устремить все свое вниманiе на это чудное стихотворенiе, дико составленное, но богатос первокласными красотами: выраженiе этихъ красотъ было имъ тогда почувствовано вполнѣ». Разговоръ о чтенiи трагедiи привелъ къ тому, что Державинъ велѣлъ слугѣ собрать экземпляръ *Ирода и Марiамны* изъ печатныхъ листовъ, лежавшихъ большимъ тюкомъ въ нижнемъ ящикѣ того же дивана. Позваны были: жена Державина, племянница ея (Прасковья Николаевна Львова) и племянникъ, сынъ Капниста. Аксаковъ прочелъ всю трагедiю въ одинъ присѣстъ почти безъ отдыховъ, и съ такою восторженностью, которая конечно можетъ быть объяснена не содержанiемъ трагедiи, а наэлектризованнымъ настроенiемъ читавшаго. Онъ сознается, что для него самого это чтенiе было психологическимъ, весьма замѣчательнымъ явленiемъ: «Чтенiе было въ то же время, мало сказать, невѣрно, несообразно съ характерами и словами дѣйствующихъ лицъ, но даже нелѣпо и безсмысленно. Я чувствовалъ это, хотя неясно, въ самое то время какъ читалъ. Тѣмъ не менѣе чтенiе и на другихъ и на меня произвело магическое слѣдствiе. Можно себѣ представить, что было съ Державинымъ: онъ рѣшительно былъ похожъ на человѣка, одержимаго корчами. Всѣ мои сердечныя ноты, каждый переходъ изъ тона въ тонъ, каждый одушевленный звукъ — перечувствовала его воспрiимчивая, страстная душа! Онъ не могъ сидѣть, часто вскакивалъ, руки его дѣлали безпрестанные жесты, голова, все тѣло было въ движенiи. Восхищенiямъ, восторженнымъ похваламъ, объятiямъ не было конца, а моему счастiю не было мѣры. Державинъ черезъ нѣсколько минутъ схватился за аспидную доску и сталъ писать грифелемъ. Всѣ присутствовавшiе кромѣ меня вышли. Державинъ писалъ стихи на мое чтенiе. Торопливо пи-

сала его дрожащая рука и безпрестанно стирала написанное. Наконецъ Гаврила Романовичъ взялъ читанную мною трагедію и на первомъ листѣ вверху заглавія написалъ четыре стиха». Впослѣдствіи книга эта какъ-то затерялась, и Аксаковъ помнилъ только, что стихи оканчивались словами: «Себя услышалъ въ первый разъ», тѣми самыми, которыя вырвались у него послѣ чтенія оды на смерть Мещерскаго.

Естественно, что послѣ этого молодой Аксаковъ сдѣлался частымъ и любимымъ гостемъ пѣвца Фелицы. Чего не перечиталъ онъ Державину: и переведенную поэтомъ Федру Расина, и собственныя его трагедіи — Евпраксію, Темнаго, Атабалибо, и сверхъ того двѣ большія тетради въ листъ разныхъ мелкихъ его стихотвореній, состоявшихъ изъ басенъ, картинъ, нравственныхъ изреченій, надписей, эпитафій, эпиграммъ, мадригаловъ и проч. [1]. «Въ этой громадѣ стиховъ, лишенныхъ иногда всякаго достоин-

[1] При этихъ чтеніяхъ Аксаковъ, какъ онъ разсказываетъ, нерѣдко сожалѣлъ, что по смерти Державина все это будетъ напечатано «для удовлетворенія празднаго любопытства публики». Еслибъ съ такою цѣлію были изданы полныя сочиненія Державина, то сожалѣнія Аксакова были бы справедливы. Но Академія наукъ, при изданіи ихъ, имѣла въ виду историческое изученіе всей эпохи, для чего даже и слабыя произведенія Державина часто представляютъ цѣнный матеріалъ: чтобы въ полной мѣрѣ доставить имъ это значеніе, мы обставили ихъ разнородными примѣчаніями и такимъ образомъ старались удовлетворить не праздному любопытству, а серіозной любознательности читателей. Многіе уважаемые критики были въ этомъ отношеніи одного съ нами мнѣнія. Назовемъ Николая Полевого и Бѣлинскаго. Въ первой главѣ настоящей біографіи мы привели уже часть слѣдующаго отзыва Бѣлинскаго: «Не съ легкою ношею, а *весь* дойдетъ Державинъ до позднѣйшаго потомства какъ явленіе великой поэтической силы... Державинъ весь будетъ всегда, какъ онъ уже есть и теперь, интереснымъ фактомъ исторіи русской литературы» (*Соч. Бѣлинскаго* X, 15). Такимъ же образомъ Н. А. Полевой говорилъ: «Мы желали бы видѣть напечатаннымъ *все, что еще не напечатано* изъ сочиненій Державина. Конечно, славы Державину тѣмъ не прибавится, но можетъ прибавиться матеріалъ для исторіи русской литературы и *исторіи человѣка*, а такой прибавки уже слишкомъ много», и проч. Далѣе Полевой набрасываетъ, въ видѣ pium desiderium, и планъ изданія сочиненій поэта, сходный съ тѣмъ, какой положенъ въ въ основаніе академическаго (см. I, XXVII).

ства (рѣчь идетъ о драматическихъ сочиненіяхъ), изрѣдка встрѣчались стихи очень сильные и блестящіе лиризмомъ, впрочемъ по большой части несвойственные лицу ихъ произносившему. Въ мелкихъ стихотвореніяхъ также изрѣдка мелькалъ, можетъ-быть не строго вѣрный, но оригинальный взглядъ и, если не цѣльный, то односторонне-живой и поэтическій образъ. Волканъ потухалъ, но между грудами камней, угля и пепла мелькали иногда свѣтлыя искры прежняго огня. Дарованія драматическаго Державинъ рѣшительно не имѣлъ; у него не было разговора,—все была пѣснь; но увы! онъ думалъ, что его имѣетъ; часто онъ говорилъ мнѣ съ неуваженіемъ о своихъ одахъ, и жалѣлъ, что въ самомъ началѣ литературнаго своего поприща не посвятилъ себя исключительно трагедіи и вообще драмѣ».

Бывая у Державина, Аксаковъ почти всякій разъ упрашивалъ его выслушать что-нибудь изъ его прежнихъ стиховъ, на что онъ не всегда охотно соглашался. По окончаніи чтенія онъ обыкновенно съ улыбкой говаривалъ: «Ну да, это не дурно, есть огонь, да вѣдь все пустяки; все это такъ, около себя, и важнаго значенія для потомства не имѣетъ: все это скоро забудутъ; но мои трагедіи, но мои антологическія пьесы будутъ оцѣнены и будутъ жить». Эротическія стихотворенія Державина, какъ уже было показано, также не нравились Аксакову [1].

Эти чтенія кончились тѣмъ, что Державинъ отъ излишняго напряженія нервовъ прихворнулъ и Дарья Алексѣевна вынуждена была тайно отъ мужа просить Аксакова прекратить на время свои посѣщенія, что́ впрочемъ было исполнено ею очень деликатно. По этому поводу было много шутокъ и смѣха въ домѣ Гарновскаго, гдѣ Аксаковъ былъ знакомъ почти со всѣми офицерами, и въ родственномъ кругу Державина. Говорили, что пріѣзжій *зачиталъ* старика и самъ *зачитался* и что оба принуждены были не шутя лѣчиться. Молва подхватила это простое событіе и распустила по городу съ обычными украшеніями. Разсказывали, что какой-то пріѣзжій сумасшедшій декламаторъ и сочинитель едва не умо-

[1] То, что Аксаковъ къ этому прибавляетъ о чтеніи пьесы *Аристиппова баня*, см. III, 86.

рилъ старика Державина чтеніемъ *своихъ* сочиненій и что наконецъ принуждены были чрезъ полицію вывести этого чтеца сочинителя изъ дома Державина и отдать на излѣченіе частному лѣкарю. Когда Державинъ поправился, Аксаковъ опять сталъ посѣщать его, но уже болѣе не читали. О чтеніи его въ тотъ памятный вечеръ, когда напрасное ожиданіе Карамзина такъ взволновало поэта, было уже говорено. Прибавимъ только, что при этомъ случаѣ Аксаковъ упоминаетъ о холодности, которую онъ въ послѣднее время, подобно Панаеву, постоянно испытывалъ со стороны Дарьи Алексѣевны.

19-го марта должно было происходить одно изъ торжественныхъ засѣданій Бесѣды. Желая, чтобы и Аксаковъ въ этотъ вечеръ прочелъ что-нибудь, Державинъ назначилъ ему для этого разсказъ изъ трагедіи Атабалибо и стихотвореніе «Развалины Греціи», Аркадія Родзянки, молодого человѣка, служившаго въ лейбъ-егерскомъ полку. Аксаковъ согласился, но по стеченію обстоятельствъ долженъ былъ, за нѣсколько дней до собранія Бесѣды, уѣхать въ Москву. Наканунѣ своего отъѣзда онъ провелъ вечеръ наединѣ съ Державинымъ и, вспоминая о томъ, говоритъ: «Сколько простосердечія, теплоты, живости и благодушія сохранялось еще въ этомъ 73-лѣтнемъ старцѣ, въ этомъ геніальномъ талантѣ! Много добрыхъ совѣтовъ сказалъ онъ мнѣ на прощанье, искренно благодарилъ, много предсказывалъ мнѣ въ будущемъ.. Самый послѣдній совѣтъ состоялъ въ слѣдующемъ: Не переводите, а пишите свое, что́ въ голову войдетъ; въ молодости переводить вредно: сейчасъ заразишься подражательностію; въ старости переводите, сколько угодно».

Вниманія заслуживаетъ общее сужденіе Аксакова о личности Державина. «Благородный и прямой характеръ Державина былъ такъ открытъ, такъ опредѣленъ, такъ извѣстенъ, что въ немъ никто не ошибался. Можно представить себѣ, что въ молодости его горячность и вспыльчивость были еще сильнѣе и что живость вовлекала его часто въ опрометчивыя рѣчи и неосторожные поступки. Сколько я могъ замѣтить, онъ не научился еще, несмотря на всю свою опытность, владѣть своими чувствами и скрывать отъ другихъ сердечное волненіе. Нетерпѣливость, какъ мнѣ

кажется, была главнымъ свойствомъ его нрава, и я думаю, что она много надѣлала ему непріятныхъ хлопотъ въ житейскомъ быту и даже мѣшала вырабатывать гладкость и правильность языка въ стихахъ»[1].

Къ молодымъ начинающимъ писателямъ Державинъ вообще относился очень снисходительно, готовъ былъ поощрять всякій трудъ и часто видѣлъ дарованіе тамъ, гдѣ его вовсе не было. Этимъ объясняется, почему въ числѣ лицъ, которыя въ послѣдніе годы его жизни имѣли легкій къ нему доступъ и находили у него самый радушный пріемъ, мы встрѣчаемъ такихъ литераторовъ, какъ Станевичъ, Павелъ Львовъ, Борисъ Федоровъ и др.

Въ 1815 году онъ отдалъ въ печать рукопись V тома своихъ стихотвореній, въ который вошла часть того, что было имъ написано послѣ изданія первыхъ четырехъ томовъ. Печатаніе происходило подъ надзоромъ секретаря Россійской академіи, П. И. Соколова. Вышелъ этотъ томъ въ маѣ того же года, т. е. только мѣсяца за полтора до кончины поэта. Тогда же Соколовъ, по его порученію, приступилъ къ изданію VI тома, который долженъ былъ заключать въ себѣ его драматическія сочиненія и начинался трагедіей *Иродъ и Маріамна*. Но V томъ расходился такъ туго (частью можетъ-быть отъ глухой поры, въ которую онъ былъ выпущенъ), что Державинъ за недѣлю до своей смерти писалъ С. В. Капнисту: «Лучше нѣсколько повременить печатаніемъ тѣхъ драмъ, а о продажѣ V-й части еще сдѣлать публикацію въ газетахъ, и когда станутъ покупать, тогда и приступить къ печатанію новыхъ пьесъ. Видно, что послѣдняя часть худо нравится, что такъ мало расходится. Я это предвѣщалъ, зная что мало вкусу имѣетъ публика для такого рода книгъ»[2]. Между тѣмъ Евгеній, получивъ присланный ему поэтомъ V-й томъ, выражалъ сожалѣніе, что не находилъ въ немъ «многихъ ему знакомыхъ стихотвореній и прекраснаго опыта о лирической поэзіи»[3].

[1] *См. Хр.* 588.
[2] VI, 344.
[3] VI, 345.

Незадолго до того Державинъ возвратился къ мысли, много разъ его занимавшей, сдѣлать роскошное иллюстрированное изданіе своихъ сочиненій, къ которому рисунки въ его рукописяхъ давно были готовы. Послѣ неудачныхъ попытокъ найти къ тому гравёровъ за границей, онъ рѣшился обратиться къ извѣстному уже въ то время русскому художнику Н. И. Уткину, и въ началѣ 1816 года пригласилъ его къ себѣ. Въ продолженіе переговоровъ по этому предмету Уткинъ однажды обѣдалъ у Державина. Послѣ супа поэтъ удалился въ свой кабинетъ, гдѣ Уткинъ, по окончаніи обѣда, и засталъ его раскладывающимъ пасіансъ, по обыкновенію въ халатѣ, съ собачкой за пазухой. Пока они разсматривали рисунки въ тетрадяхъ его и толковали о задачѣ художника, Дарья Алексѣевна подходила къ дверямъ и заглядывала въ кабинетъ, какъ будто съ тѣмъ чтобы удержать мужа отъ какой-нибудь невыгодной сдѣлки. Однакожъ на этотъ разъ совѣщаніе кончилось только тѣмъ, что Уткинъ обѣщалъ составить смѣту издержекъ и занести ее лично, когда она будетъ готова. Но между тѣмъ Державинъ успѣлъ уѣхать въ Званку и Уткинъ отправилъ ему свою смѣту по почтѣ. Всѣхъ виньетокъ предполагалось 515 большихъ и малыхъ; цѣна за каждую перваго разряда назначалась во 100 руб., второго — въ 50 руб.; вся сумма составляла 39,000 руб. Случившаяся вскорѣ смерть Державина разстроила это предпріятіе[1].

11. Экзаменъ въ Царскосельскомъ лицеѣ.

Въ послѣдніе годы жизни Державинъ, какъ высокопоставленное лицо и литературная знаменитость, часто приглашаемъ былъ на разные торжественные случаи. Въ бумагахъ его остались печатныя приглашенія за нѣсколько лѣтъ на выпускные экзамены въ губернскую гимназію; а въ началѣ 1815 года онъ получилъ изъ Царскосельскаго лицея такое же приглашеніе присутствовать на публичномъ испытаніи воспитанниковъ, переходившихъ изъ младшаго курса въ старшій. Это были тѣ мо-

[1] VI, 338. Разсказъ объ этихъ переговорахъ слышанъ мною отъ самого Н. И. Уткина (онъ умеръ въ мартѣ 1863 г., 83-хъ лѣтъ отроду).

лодые люди, которые поступили въ это заведеніе при открытіи его 19-го октября 1811 г. и изъ которыхъ многіе пріобрѣли впослѣдствіи всеобщую извѣстность, а нѣкоторые и громкую славу. Въ спискѣ 28 юношей были между-прочимъ еще ничего не говорившія имена: Вальховскаго, кн. Горчакова, Дельвига, Илличевскаго, барона Корфа, Кюхельбекера, Матюшкина, Пущина и др. Не называемъ Пушкина, такъ какъ онъ уже обратилъ на себя вниманіе и внѣ стѣнъ лицея. Первый директоръ этого заведенія, Малиновскій, умеръ около года передъ тѣмъ, и преемника ему еще не было назначено. Шелъ такъ называемый въ лѣтописяхъ лицея періодъ междуцарствія; управленіе училищемъ ввѣрено было инспектору его по учебной части Фролову подъ главнымъ наблюденіемъ директора лицейскаго пансіона Гауэншильда[1]. Для помянутаго переходнаго экзамена назначено было два дня: 4-е и 8-е января, и въ разосланной предварительно печатной программѣ предметы испытанія были распредѣлены слѣдующимъ образомъ: на 1-й день — законъ Божій, логика, географія, исторія, нѣмецкій языкъ и нравоученіе, а на 2-й—латынь, французскій языкъ, математика, физика и «россійскій языкъ», поставленный послѣднимъ конечно въ томъ соображеніи, что экзаменъ по этому предмету обѣщалъ быть самымъ интереснымъ и блестящимъ[2]. Подробная программа всѣхъ испытаній оканчивалась заявленіемъ, что воспитанники могутъ быть спрашиваемы и посѣтителями. «Въ заключеніе (сказано въ ней) показаны будутъ опыты воспитанниковъ въ рисованіи, чистописаніи, фехтованіи и танцованіи». Спеціальную программу экзамена изъ русскаго языка составляли:

1) Разные роды слоговъ и украшеніе рѣчи.
2) Краткая литература краснорѣчія въ Россіи.
3) Славянская грамматика.
4) Чтеніе собственныхъ сочиненій.

Для этого-то экзамена преимущественно и отправился Дер-

[1] И. Селезнева *Историческій очеркъ Лицея.*

[2] Впослѣдствіи въ томъ же соображеніи обыкновенно назначался экзаменъ изъ физики по причинѣ сопровождавшихъ его эффектныхъ опытовъ.

жавинъ 8-го января въ Царское Село. Конечно онъ не могъ не знать о необыкновенномъ талантѣ Пушкина, уже являвшагося въ печати, и хотѣлъ послушать геніальнаго юношу. Въ исторіи русской литературы навсегда останется достопамятнымъ день, когда славнѣйшій изъ отживавшихъ представителей поэзіи встрѣтился съ новымъ, еще болѣе яркимъ свѣтиломъ ея. Пушкинъ самъ и описалъ для потомства эту незабвенную встрѣчу. Вотъ его слова, которыя должны найти мѣсто въ біографіи обоихъ писателей: «Державина видѣлъ я только однажды въ жизни, но никогда того не забуду. Это было въ 1815 году, на публичномъ экзаменѣ въ лицеѣ. Какъ узнали мы, что Державинъ будетъ къ намъ, всѣ мы взволновались. Дельвигъ вышелъ на лѣсницу, чтобъ дождаться его и поцѣловать руку, написавшую Водопадъ[1]. Державинъ пріѣхалъ. Онъ вошелъ въ сѣни, и Дельвигъ услышалъ, какъ онъ спросилъ у швейцара: гдѣ, братецъ, здѣсь вытти? Этотъ прозаическій вопросъ разочаровалъ Дельвига, который отмѣнилъ свое намѣреніе и возвратился въ залу. Дельвигъ это разсказывалъ мнѣ съ удивительнымъ простодушіемъ и веселостію. Державинъ былъ очень старъ. Онъ былъ въ мундирѣ и въ плисовыхъ сапогахъ. Экзаменъ нашъ очень его утомилъ: онъ сидѣлъ поджавши голову рукою; лицо его было безсмысленно, глаза мутны, губы отвислы. Портретъ его (гдѣ представленъ онъ въ колпакѣ и халатѣ)[2] очень похожъ. Онъ дремалъ до тѣхъ поръ, пока не начался экзаменъ русской словесности. Тутъ онъ оживился: глаза заблистали, онъ преобразился весь. Разумѣется, читаны были его стихи, разбирались его стихи, поминутно хвалили его стихи. Державинъ слушалъ съ живостью необыкновенной. Наконецъ вызвали меня. Я прочелъ мои *Воспоминанія въ Царскомъ Селѣ*, стоя въ двухъ шагахъ отъ Державина. Я не въ силахъ описать состоянія души моей: когда дошелъ я до стиха, гдѣ упоминаю имя Державина, голосъ мой отроческій зазвенѣлъ, а сердце забилось упоительнымъ восторгомъ... Не помню, какъ

[1] По словамъ Пушкина, Дельвигъ въ лицеѣ «не разставался съ Державинымъ». *Соч. Пуш.* V, 15. Печатаемый нами отрывокъ см. тамъ же, стр. 9.

[2] Писанный Васильевскимъ и приложенный къ настоящему тому.

я кончилъ свое чтеніе; не помню, куда убѣжалъ. Державинъ былъ въ восхищеніи: онъ меня требовалъ, хотѣлъ меня обнять... Меня искали, но не нашли».

Въ одной изъ тетрадей, содержащихъ рукописныя сочиненія и брошюры, которыя подносились Державину, нашелся между-прочимъ тщательно написанный рукою самого Пушкина списокъ этого стихотворенія, конечно тотъ самый, который представленъ былъ ветерану русской поэзіи на лицейскомъ экзаменѣ. Замѣтимъ, что оно рѣзко отличается отъ другихъ произведеній Пушкина своимъ торжественнымъ тономъ и вообще пріемами ломоносовской оды; нѣкоторыя мѣста отзываются явнымъ подражаніемъ Державину; слова къ нему относящіяся читаются въ концѣ 8-ой строфы:

«О громкій вѣкъ военныхъ споровъ,
    Свидѣтель славы Россіянъ!
Ты видѣлъ, какъ Орловъ, Румянцовъ и Суворовъ,
    Потомки грозные Славянъ,
Перуномъ Зевсовымъ побѣду похищали.
Ихъ смѣлымъ подвигамъ, страшась, дивился міръ;
Державинъ и Петровъ героямъ пѣснь бряцали
    Струнами громозвучныхъ лиръ».

Это чтеніе было конечно торжествомъ и для лицейскаго профессора Галича, который въ то время замѣнялъ больного Кошанскаго и «заставилъ»[1] Пушкина написать къ экзамену «Воспоминанія въ Царскомъ Селѣ». На Державина произвело оно сильное впечатлѣніе: онъ вполнѣ оцѣнилъ талантъ Пушкина и понялъ, чего можно ожидать отъ него въ будущемъ. Въ самый день экзамена былъ большой обѣдъ у министра народнаго просвѣщенія, графа А. К. Разумовскаго. Тутъ въ числѣ гостей были между-прочимъ отецъ поэта и Державинъ. За столомъ хозяинъ-вельможа, обращаясь къ Сергѣю Львовичу, замѣтилъ: «Я бы желалъ однакожъ образовать сына вашего къ прозѣ». — «Ваше сіятельство», съ пророческимъ жаромъ возразилъ Державинъ, «оставьте его поэтомъ». При первомъ свиданіи съ

[1] Такъ выразился самъ поэтъ въ своихъ запискахъ, только недавно сдѣлавшихся извѣстными по отрывкамъ изъ нихъ, напечатаннымъ въ *Русской Мысли* (1880, іюль) и *Русскомъ Архивѣ* (1880, II).

Аксаковымъ онъ вспомнилъ даровитаго юношу. «Мое время прошло», сказалъ онъ: «теперь ваше время. Теперь многіе пишутъ славные стихи, такіе гладкіе, что относительно версификаціи ужъ ничего не остается желать. Скоро явится свѣту второй Державинъ: это Пушкинъ, который уже въ лицеѣ перещеголялъ всѣхъ писателей»[1].

Пушкинъ и въ стихахъ своихъ два раза вспомнилъ о сценѣ на лицейскомъ экзаменѣ. Въ годъ выпуска изъ лицея (1817, слѣдовательно уже по смерти Державина) онъ въ посланіи къ Жуковскому говорилъ:

«И славный старецъ нашъ, царей пѣвецъ избранный,
Крылатымъ Геніемъ и Граціей вѣнчанный,
Въ слезахъ обнялъ меня дрожащею рукой
И счастье мнѣ предрекъ, незнаемое мной».

Потомъ, въ началѣ VIII-й главы *Евгенія Онѣгина* (декабрь 1829 г.), возвращаясь въ воображеніи къ своей юности, онъ сказалъ:

«И свѣтъ ее (т. е. его музу) съ улыбкой встрѣтилъ:
Успѣхъ насъ первый окрылилъ:
Старикъ Державинъ насъ замѣтилъ
И, въ гробъ сходя, благословилъ»[2].

Вообще Пушкинъ до конца жизни не переставалъ уважать талантъ и память знаменитаго лирика. Только однажды (1825 г.) онъ, очевидно утомленный предпринятымъ трудомъ перечитать его, въ письмѣ къ Дельвигу произнесъ строгій о немъ приговоръ: «По твоемъ отъѣздѣ перечелъ я Державина всего — и вотъ мое окончательное мнѣніе. Этотъ чудакъ не зналъ ни русской грамоты, ни духа русскаго языка (вотъ почему онъ ниже Ломоносова). Онъ не имѣлъ понятія ни о слогѣ, ни о гармоніи, ни даже о правилахъ стихосложенія: вотъ почему онъ и долженъ бѣсить всякое разборчивое ухо. Онъ не только не выдерживаетъ *оды*, но не можетъ выдержать и строфы (исключая чего — знаешь). Что же въ немъ? *Мысли, картины и движенія*

[1] *Сем. Хрон.* М. 1870, стр. 575. *Словарь* Бант.-Кам. 1847, ч. II.
[2] *Соч. Пушкина*, изд. Анненкова, II, 157 — 158, и IV, 175 и 176.

*

истинно-поэтическія. Читая его, кажется, читаешь дурной, вольный переводъ съ какого-то чудеснаго подлинника. Ей Богу, его геній думалъ по-татарски, а русской грамоты не зналъ за недосугомъ. Державинъ, со временемъ переведенный, изумитъ Европу, а мы изъ гордости народной не скажемъ всего, что мы знаемъ объ немъ (не говоря ужъ о его министерствѣ). У Державина должно сохранить будетъ одъ восемь, да нѣсколько отрывковъ, а прочее сжечь. Геній его можно сравнить съ геніемъ Суворова: жаль, что нашъ поэтъ слишкомъ часто кричалъ пѣтухомъ»[1].

Замѣтимъ, что въ этомъ отзывѣ осуждается исключительно внѣшняя сторона поэзіи Державина. Пушкинъ вполнѣ оставляетъ за нимъ достоинство содержанія и судитъ только съ эстетической точки зрѣнія. Нѣтъ сомнѣнія, что еслибъ ему пришлось говорить о Державинѣ не въ дружескомъ письмѣ, а для печати, то онъ отозвался бы обстоятельнѣе и принялъ бы во вниманіе историческое значеніе произведеній нашего поэта. Пушкинъ очень хорошо понималъ, что оцѣнка старыхъ писателей не можетъ быть вѣрною, если упускать изъ виду эту сторону. Въ томъ же году, когда писано приведенное письмо, онъ высказалъ о Ломоносовѣ мнѣніе, которое съ полною справедливостію можетъ быть отнесено и къ Державину: «Странно жаловаться, что свѣтскіе люди не читаютъ Ломоносова, и требовать, чтобъ человѣкъ, умершій семдесятъ лѣтъ тому назадъ, оставался и нынѣ любимцемъ публики». Ясно сознавая недостатки поэзіи Державина, онъ однакожъ высоко ставилъ его, какъ видно изъ разныхъ отзывовъ, произнесенныхъ имъ около того же времени вмѣстѣ съ жалобами на печальное положеніе нашей критики. Такъ въ замѣчаніяхъ на обзоръ русской литературы въ *Полярной звѣздѣ* 1825 г. онъ говоритъ: «Кумиръ Державина[2], ¼ золотой, ¾ свинцовый, донынѣ еще не оцѣненъ. Ода къ Фелицѣ стоитъ на ряду съ Вельможей, ода Богъ съ одой на смерть Мещерскаго, ода къ Зубову недавно открыта (?)... Мы не имѣемъ ни единаго комментарія, ни единой критической книги. Мы не знаемъ, что такое Крыловъ, Крыловъ,

[1] *Современникъ* 1863, XCVII, 371: Гаевскаго *Пушкинъ въ Лицеѣ.*

[2] Т. е. ода его *Мой истуканъ* (I, 608).

который стоитъ выше Лафонтена, какъ Державинъ выше Ж. Б. Руссо». На вопросъ Бестужева: «отчего у насъ нѣтъ геніевъ и мало талантовъ»? Пушкинъ отвѣчаетъ: «во-первыхъ у насъ Державинъ и Крыловъ; во-вторыхъ, гдѣ же бываетъ много талантовъ?»[1]. Наконецъ, по поводу отзывовъ о *Графѣ Нулинѣ* въ 1829 году, поэтъ, ссылаясь на Анакреонтическія оды Державина, назвалъ его *великимъ* (см. выше стр. 758). Вотъ еще одинъ, болѣе ранній о немъ отзывъ Пушкина:

«Державинъ, бичъ вельможъ, при звукѣ грозной лиры
Ихъ горделивые разоблачилъ кумиры»[2].

12. ЧЕРТЫ ДЕРЕВЕНСКОЙ ЖИЗНИ ВЪ ЗВАНКѢ.

Во II томѣ нашего изданія сочиненій Державина, къ стихотворенію *Жизнь Званская* (стр. 632) приложенъ рисунокъ, изображающій видъ тамошней усадьбы съ Волхова.

Въ 1863 году, посѣтивъ Званку, мы сказали въ статьѣ, которая тогда же была напечатана[3]: «Плывя по Волхову, вы тщетно стали бы искать на возвышенномъ его берегу жилище поэта, двухъэтажный домъ съ мезаниномъ (представленный на помянутомъ рисункѣ). Берега́ Волхова отъ самаго Новгорода вообще низки и ровны; но здѣсь земля подымается довольно длиннымъ овальнымъ холмомъ. Посрединѣ его возвышалась усадьба: передъ фасадомъ ея, обращеннымъ къ рѣкѣ, находился балконъ на столбахъ, съ каменною лѣсницей, передъ которою билъ фонтанъ; снизу по уступамъ холма былъ устроенъ покойный всходъ. Теперь ничего этого уже нѣтъ; видны только остатки крыльца, на мѣстѣ же самаго дома лежатъ разбросанные кирпичи и сложена груда камней. Рано исполнилось предвѣщаніе поэта, выраженное имъ въ названномъ стихотвореніи:

«Разрушится сей домъ, заглохнетъ боръ и садъ».

[1] *Соч. Пушкина* I, 158—161.

[2] Изъ *Перваго посланія къ аристарху* (1824). *Соч. Пушкина*, VII, 30.

[3] Въ *Современной Лѣтописи* 1863 г., № 33. Нынче Званка лежитъ верстахъ въ 6-ти отъ Волховской станціи Николаевской желѣзной дороги, близъ которой на Волховѣ село Сосницкая пристань.

«Зато не оправдался слѣдующій за этимъ стихъ:

«Не воспомянется нигдѣ и имя Званки».

Оно извѣстно всякому образованному Русскому.

«Влѣво отъ дома (если стоять передъ нимъ, лицомъ къ рѣкѣ) былъ садъ, теперь совершенно заросшій: только на стоящемъ отдѣльно крутомъ холмѣ видны деревянные столбы находившейся тутъ бесѣдки, около которой еще и теперь особенно густо растетъ зелень съ одичалыми цвѣтами. Здѣсь поэтъ любилъ сидѣть и обдумывать новыя стихотворенія; здѣсь, любуясь Волховомъ, онъ заставлялъ его говорить:

«Я мирный гражданинъ, торговый» и т. д. [1].

«Уцѣлѣли только немногія строенія: баня, гдѣ отводилось иногда помѣщеніе нѣкоторымъ изъ гостей, съѣзжавшихся на Званку; каретный сарай и часовня. Стоявшая внизу, вправо отъ усадьбы, ткацкая, гдѣ приготовлялись сукна и полотна, совершенно исчезла. Но сзади мѣста, гдѣ былъ господскій домъ, виденъ теперь навѣсъ, подъ которымъ сложены разобранныя бревна и доски его; тамъ же стоятъ два каменные небѣленые флигеля, построенные, по смерти Державина, его вдовою для келій предполагавшагося монастыря. Все здѣсь тихо, пустынно, мрачно; а было время, когда въ этихъ мѣстахъ кипѣла жизнь привольная и шумная».

Бытъ и хозяйство Званки, несмотря на извѣстную расчетливость Дарьи Алексѣевны, были устроены на широкую ногу; домъ и садъ часто оглашались веселымъ говоромъ многочисленнаго общества, громомъ домашней музыки и даже пушекъ [2]. Къ такимъ-то днямъ относится то, что поэтъ говоритъ о своей усадьбѣ:

«Стеклъ заревомъ горитъ мой храмовидный домъ,
На гору желтый всходъ межъ розъ осіявая,
Гдѣ встрѣчу водометъ шумитъ лучей дождемъ,
Звучитъ музыка духовая.

[1] См. выше стр. 870.

[2] На балконѣ было шесть небольшихъ чугунныхъ пушекъ. Тутъ же стоялъ телескопъ.

«Изъ жерлъ чугунныхъ громъ по праздникамъ реветъ;
Подъ звѣздной молніей, подъ свѣтлыми древами
Толпа крестьянъ, ихъ женъ вино и пиво пьетъ,
Поетъ и пляшетъ подъ гудками».

или описываемый имъ тутъ же обѣдъ, состоявшій изъ блюдъ, которыя —

«Прекрасны потому, что взоръ манятъ мой, вкусъ,
Но не обиліемъ иль чуждыхъ странъ приправой,
А что опрятно все и представляетъ Русь:
Припасъ домашній, свѣжій, здравой.
«Когда же мы донскихъ и крымскихъ кубки винъ,
И липца, воронка и чернопѣнна пива
Запустимъ нѣсколько въ румяный лобъ хмелинъ, —
Бесѣда за сластьми шутлива.
«Но молча вдругъ встаемъ: бьетъ, искрами горя,
Древъ русскихъ сладкій сокъ до подвѣнечныхъ бревенъ:
За здравье съ громомъ пьемъ любезнаго Царя,
Царицъ, царевичей, царевенъ.
«Тутъ кофе два глотка; схрапну минутъ пятокъ;
Тамъ въ шахматы, въ шары иль изъ лука стрѣлами,
Пернатый къ потолку лаптой мечу летокъ
И тѣшусь разными играми»[1].

Но въ обыкновенные дни —

«Возможно ли сравнять что съ вольностью златой,
Съ уединеніемъ и тишиной на Званкѣ?»

Поэтъ тутъ же описываетъ намъ, какъ онъ проводитъ одинъ изъ такихъ дней то въ полѣ, то въ «свѣтлицѣ», гдѣ онъ, читая Вѣстникъ Европы или газеты, дивится подвигамъ русской арміи; куда приходитъ къ нему врачъ сельской больницы;

«Гдѣ также иногда по палкамъ, по костямъ,
Усастый староста, иль скопидомъ брюхатый

[1] II, 638 и т. д.

Даютъ отчетъ казнѣ и хлѣбу и вещамъ,
Съ улыбкой часто плутоватой» — и т. д.

Это стихотворенiе до мельчайшихъ подробностей представляетъ вѣрный и точный очеркъ жизни Державина въ деревнѣ. Многiя черты его подтверждаются какъ сохраняющимися тамъ до сихъ поръ въ средѣ сельскихъ жителей преданiями, такъ и записками, которыя вела въ Званкѣ молодая племянница его, Праск. Ник. Львова. Такъ 14 августа 1811 года она записала: «Поутру, послѣ завтрака, дядя мой обыкновенно уходитъ въ свой кабинетъ, гдѣ собирается множество дѣтей, которымъ онъ раздаетъ по буднямъ крендели, а по воскресеньямъ пряники. И тутъ, какъ во всемъ, онъ любитъ соблюдать строжайшую справедливость. Если случится, что которому-нибудь изъ мальчиковъ недостанетъ кренделя, дядя посылаетъ искать его по всему дому и успокоится не прежде, какъ когда всѣмъ достанется поровну. Тогда они расходятся довольные, съ тѣмъ чтобъ воротиться на другой день. Я часто присутствую при этомъ дѣлежѣ и любуюсь почтеннымъ лицомъ дядюшки; въ каждомъ словѣ его отражается ангельская доброта. Иногда онъ беретъ на себя роль судьи, выслушиваетъ жалобы ребятъ другъ на друга и при себѣ заставляетъ ихъ мириться». Немногiе крестьяне, еще помнившiе его, говорили намъ, что онъ былъ для нихъ истиннымъ отцомъ: бѣднымъ покупалъ лошадей, коровъ, давалъ хлѣбъ и строилъ избы. Въ послѣднiе годы жизни онъ вставалъ часовъ въ 6 утра, выходилъ на крыльцо, гдѣ его каждое утро ожидали до тридцати мальчиковъ и дѣвочекъ, садился среди ихъ, заставлялъ читать молитвы и раздавалъ имъ гостинцы. Часовъ въ 11 уходилъ онъ въ кабинетъ или въ упомянутую бесѣдку (на холмѣ) и занимался, съ небольшими перерывами, всю остальную часть дня, нерѣдко подъ звуки игравшей въ саду музыки [1], или хора пѣвчихъ изъ своихъ крестьянъ. Въ праздничные дни поселяне и поселянки собирались около барскаго дома, составляли хороводы и веселились до поздняго вечера. Изъ своихъ рукъ поэтъ потчевалъ мужичковъ водкою,

[1] Еще въ 1800 году Державинъ посылалъ въ Харьковскую губ. крестьянскихъ мальчиковъ для обученiя музыкѣ (VI, 116, 217).

бабамъ и дѣвушкамъ раздавалъ ленты, платки и лакомства. Когда въ саду поспѣвали яблоки, то почти каждый праздникъ, въ заключеніе гулянья, выносили наполненные ими мѣшки, высыпали яблоки подъ гору и крестьяне съ шумомъ бросались подбирать ихъ. Хозяйствомъ Державинъ вовсе не занимался и, прогуливаясь въ полѣ, не обращалъ никакого вниманія на работы, тогда какъ появленіе колоссальнаго образа Дарьи Алексѣевны уже издали выводило лѣнивыхъ изъ бездѣйствія.

Отношенія между супругами были вообще дружелюбныя, но у Гаврилы Романовича были двѣ слабости, дававшія иногда поводъ къ размолвкамъ: это была во-первыхъ его слабость къ прекрасному полу, возбуждавшая ревность въ Дарьѣ Алексѣевнѣ, а во-вторыхъ его неумѣренность въ пищѣ.

За аппетитомъ мужа Дарья Алексѣевна зорко слѣдила и часто безъ церемоніи конфисковала у него то или другое кушанье. Однажды она не положила ему рыбы въ уху, и раздосадованный этимъ Гаврила Романовичъ, вставъ тотчасъ изъ-за стола, отправился въ кабинетъ раскладывать пасіансъ. Въ доказательство его добродушія разсказываютъ, что когда послѣ обѣда жена, придя къ нему съ другими домашними, стала уговаривать его не сердиться, то онъ, совершенно успокоенный, спросилъ: «за что?» и прибавилъ, что давно забылъ причину неудовольствія.

Когда не было гостей, столъ у Державина былъ простой, но вообще сытный. Плодовъ, которые подавались въ видѣ десерта, онъ самъ никогда не ѣлъ, кромѣ арбузовъ. Въ жаркое время онъ снималъ свой халатъ, надѣвалъ бѣлый пикеевый сертукъ и, вооружась палкой, отправлялся съ барышнями гулять по берегу Волхова. Но большую часть дня онъ проводилъ либо на балконѣ, внизу, передъ домомъ, либо по привычкѣ въ своемъ кабинетѣ. Съ балкона онъ любилъ наслаждаться обширнымъ и оживленнымъ видомъ на Волховъ съ плывущими по немъ судами. На берегу стояла сельская флотилія Державина: просторная лодка съ домикомъ, названная *Гавріиломъ*, и маленькая шлюпка или ботикъ, всегда ее сопровождавшій и окрещенный *Тайкой* по имени любимой его собачки. На «Гавріилѣ» Державинъ отправлялся къ своимъ сосѣдямъ.

Прямо съ балкона входили въ гостиную, гдѣ обыкновенное мѣсто его было на большомъ диванѣ, передъ которымъ онъ раскладывалъ свой пасіансъ — «блокаду» и «пирамиду». Вечеромъ, когда становилось темно, всѣ садились тутъ кругомъ стола, говорили о полученныхъ въ теченіе дня письмахъ и газетахъ, о томъ и семъ, что́ поэтъ въ шутку называлъ *тара́-бара́ про комара*. Въ кабинетѣ его была простая мебель и между-прочимъ массивный диванъ, на которомъ онъ въ послѣднее время часто отдыхалъ. Стѣна надъ диваномъ убрана была охотничьими ружьями; тутъ же висѣли лукъ и колчанъ, вывезенные имъ изъ Оренбургскаго края. Сидя на балконѣ, онъ иногда заставлялъ слугу своего метать изъ лука стрѣлы съ горы на рѣку, на что есть намекъ и въ его стихотвореніи *Жизнь Званская* (см. выше). Въ углу кабинета находился, въ видѣ печи, шкапъ съ потаенною дверью, чрезъ которую на зовъ Державина приходилъ сверху домашній секретарь его, знаменитый въ обширномъ кругу родныхъ и знакомыхъ поэта Евстафій Михайловичъ Абрамовъ. Несмотря на свою страсть къ рюмочкѣ, онъ былъ неоцѣненнымъ человѣкомъ, особенно въ деревнѣ: вмѣстѣ съ С. В. Капнистомъ принималъ главное участіе въ устроеніи всякихъ празднествъ и фейерверковъ, а въ случаѣ надобности исправлялъ даже должность архитектора и живописца. Подлинный акварельный рисунокъ вида Званки, подаренный Евгенію, былъ сдѣланъ имъ, чѣмъ и объясняются замѣченныя въ этомъ рисункѣ ошибки. Абрамовъ всегда обѣдалъ съ господами. Когда отъ него слишкомъ пахло виномъ, Дарья Алексѣевна просила мужа не пускать его за столъ при гостяхъ, но добродушный поэтъ отвѣчалъ: «Ничего, душенька: дѣлай, какъ будто ничего не замѣчаешь». Тѣсная дружба связывала Абрамова съ барской барыней Анисьей Сидоровной, которая часто угощала его кофеемъ и водочкой. Эта почти 70-ти лѣтняя дѣва была нѣкогда получена Дарьей Алексѣевной въ приданое. Бывало, когда Анисья Сидоровна стоитъ на плоту и занимается уженіемъ рыбы, Дарья Алексѣевна съ лѣсницы закричитъ ей по старинному обычаю: «Дѣвчонка, дѣвчонка!» а старуха, подымаясь по лѣсницѣ, отвѣчаетъ: «Сейчасъ, сударыня!»

Первоначально только самое сельцо Званка и деревушка

За́лозье составляли помѣстье Дарьи Алексѣевны; постепенно прикуплены были еще деревни: Дымна, Антушово, Авадны и Подшивалово, такъ что занимаемое этими имѣніями протяженіе вдо́ль Волхова, начиная отъ большой московской дороги, составляло верстъ девять и число душъ доходило въ нихъ до четырехсотъ. Обширный двухъэтажный (деревянный) домъ, службы для многочисленной дворни, фабрики и всѣ прочія принадлежности выстроены были уже Дарьей Алексѣевной. Для снабженія сельца водою и особенно для дѣйствія фабрикъ устроена была подъ горой, близъ рѣки, паровая водоподъемная машина, которая поддерживала и фонтанъ, находившійся передъ домомъ на горѣ. Благодаря живописному мѣстоположенію, большой рѣкѣ, протекавшей мимо самой усадьбы, и относительной близости столицы, Званка составляла весьма пріятное сельское мѣстопребываніе. Недоставало только церкви, и молиться ѣздили оттуда за пять верстъ въ приходскую церковь близъ Соснинской пристани. По какому-то суевѣрію Дарья Алексѣевна не рѣшалась строить церковь у себя, пока живъ былъ ея мужъ; но въ первый же годъ послѣ его смерти храмъ былъ заложенъ и въ 1826 году освященъ архіереемъ вмѣстѣ съ архимандритомъ Фотіемъ.

Изъ родныхъ и близкихъ жили съ Державиными въ Званкѣ дѣвицы: три племянницы Львовы, изъ которыхъ однакожъ только младшая, Прасковья Николаевна, оставалась при нихъ послѣ 1812 года, племянница же Александра Николаевна Дьякова, Любовь Аникитична Ярцова и Вѣра Петровна Лазарева. Кромѣ того гостила въ Званкѣ Александра Павловна Кожевникова. Изъ Петербурга пріѣзжали часто братья Львовы, Дьяковы и Капнисты. Семенъ Вас. Капнистъ, въ городѣ исполнявшій отчасти роль секретаря при поэтѣ, въ деревнѣ былъ душою праздниковъ, на которые онъ иногда привозилъ съ собою фейерферки. Онъ благоговѣлъ къ Державину, зналъ множество одъ его наизусть, любилъ декламировать ихъ, и самъ писалъ стихи; зато и дядя души въ немъ не слышалъ. Живя въ Званкѣ, Державинъ къ нему обыкновенно обращался съ своими порученіями; напр. когда имѣлъ надобность въ какой-нибудь книгѣ или рукописи изъ Петербурга, то просилъ его прислать ихъ «съ телятниками». Особенно ожи-

влялась Званка въ іюлѣ мѣсяцѣ, по случаю рожденія и именинъ Гаврилы Романовича. Изъ числа постороннихъ лицъ, съѣзжавшихся здѣсь около этого времени, и вообще посѣщавшихъ Званку, самыми обычными гостями были: Ф. П. Львовъ, Вельяминовъ, Яхонтовъ и Кожевниковы. Послѣдніе жили верстахъ въ 30-ти въ своемъ имѣніи Пристань, также лежавшемъ на берегу Волхова. Мужъ и жена пользовались особеннымъ расположеніемъ Гаврилы Романовича, который и самъ бывалъ у нихъ и всячески дѣлалъ добро ихъ семейству [1]. Почти въ такомъ же разстояніи отъ Званки жили и Яхонтовы.

Изъ остальныхъ сосѣдей долженъ быть названъ графъ Аракчеевъ, владѣлецъ лежавшаго въ 18-ти верстахъ отъ Званки села Грýзина. Державинъ, находясь уже въ отставкѣ въ эпоху наибóльшей силы этого временщика, могъ держать себя въ отношеніи къ нему независимо. По смежности зарѣчной деревни Антушевой съ Грузиномъ, между обоими помѣщиками возникла тяжба о размежеваніи земель, продолжавшаяся много лѣтъ, пока не была рѣшена оригинальнымъ способомъ уже послѣ смерти Гаврилы Романовича. Въ 40 верстахъ отъ Званки жилъ тогда въ своей деревушкѣ Теремцѣ Иванъ Григорьевичъ Воеводскій, отставной сержантъ екатерининскаго корпуса кавалергардовъ, богатырь ростомъ и видомъ. Во время Пугачевщины онъ былъ сослуживцемъ Державина. Будучи во всемъ околоткѣ извѣстенъ своею правдивостью, онъ пользовался общимъ довѣріемъ и въ спорахъ не разъ избираемъ былъ посредникомъ. Не видя конца своей тяжбѣ, къ нему же обратились вдова Державина и Аракчеевъ. Воеводскій явился на мѣсто съ землемѣромъ, и рѣшилъ дѣло, не поѣхавъ ни къ тому, ни къ другому изъ тягавшихся лицъ. Оба безпрекословно подписали его опредѣленіе, выразили

[1] Я имѣлъ еще возможность лично узнать сына и дочь Павла Александровича Кожевникова, достигшихъ уже преклонныхъ лѣтъ въ 1860-хъ годахъ, и обязанъ имъ сообщеніемъ многихъ любопытныхъ свѣдѣній. Ихъ мать Екатерина Петровна, рожденная Яхонтова, была двоюродная сестра Дарьи Алексѣевны. Въ селѣ Пристани (Змѣйскомъ) былъ впослѣдствіи штабъ 2-го округа военныхъ поселеній. О Яхонтовыхъ см. II, 427; о Ярцовыхъ—II, 555.

ему письменно свою благодарность и сверхъ того прислали ему по подарку: Дарья Алексѣевна рысака съ своего оренбургскаго завода, а Аракчеевъ медвѣжью шубу, такъ что подарки обошлись дороже земли, изъ-за которой былъ процессъ.

Этого Воеводскаго Державинъ, послѣ Пугачевщины, совсѣмъ потерялъ было изъ виду, пока не встрѣтилъ его случайно во Псковѣ, когда ѣздилъ туда лѣтомъ 1812 г. по случаю продажи бѣлорусскаго имѣнія Левенгагена. Объ этой поѣздкѣ мы уже упоминали мимоходомъ въ примѣчаніи къ надписи на мечъ великаго князя Гавріила, написанной поэтомъ послѣ посѣщенія имъ тамошняго Троицкаго собора[1]. Однажды, когда онъ во время своего пребыванія во Псковѣ возвращался домой, у подъѣзда дожидался его старый сослуживецъ. Обрадованный Державинъ принялъ его чрезвычайно ласково, привелъ съ собой въ гостиную, усадилъ на почтномъ мѣстѣ и до того заговорился съ нимъ, что едва замѣчалъ другихъ гостей, которые между тѣмъ наѣзжали. Эта встрѣча и была вѣроятно поводомъ къ переселенію Воеводскаго въ окрестности Званки. Воротясь изъ Пскова, Державинъ ѣздилъ въ Новгородъ, куда мѣстные дворяне были созваны въ слѣдствіе извѣстнаго манифеста объ ополченіи. Туда прибылъ въ то время и принцъ Ольденбургскій Георгій, чтобы, по порученію государя, склонять дворянство къ пожертвованіямъ. «Съ 13-го іюля», писалъ Державинъ В. С. Попову, «живу тутъ. Принцъ, великая княгиня были здѣсь, вчерась отправились въ Тверь, гдѣ ихъ государь ожидаетъ, и слухъ носится, что будто будетъ сюды и на короткое время въ Петербургъ. Мы въ дворянскомъ собраніи, по случаю экстреннаго требованія хлѣба, муки, овса и крупъ въ Торопецъ, положили оной купить и доставить болѣе 150,000 четвертей, да войска представить 10,000 человѣкъ одѣтаго и на нашемъ содержаніи. Принцъ симъ былъ очень доволенъ. Только мы просимъ оружія и артиллеріи». Тогда же Державинъ подалъ принцу, для представленія государю, свою записку объ оборонѣ Россіи отъ Наполеона. Между тѣмъ въ Новгородѣ, къ общему соблазну, происходили

[1] III, 131.

ссоры и неприличныя сцены между губернаторомъ и прокуроромъ. Въ негодованіи Державинъ сбирался уѣхать, не дождавшись окончательнаго опредѣленія. «Надобно бы», писалъ онъ, «единодушное и скорое исполненіе, на самомъ дѣлѣ, полагаемаго ополченія; вмѣсто того у нихъ распри и вздоры, чѣмъ они единственно занимаются. Вотъ вамъ сказки. Боже избави: ежели по всему государству таковое несогласіе и медленность произойдетъ въ защитѣ отечества, то мы неминуемо погибли!» [1]

О послѣднихъ годахъ жизни Державина въ Званкѣ любопытныя подробности сохранила намъ Прасковья Николаевна Львова. Этимъ мы обязаны ея наставницѣ Леблэръ-Лебэфъ, которая заставляла ее, въ видѣ упражненія, исподволь записывать по-французски свои воспоминанія и впечатлѣнія. Такъ составилась объемистая тетрадь ея руки, переданная намъ покойною сестрой ея Елисаветой Николаевной Львовой. Мы представимъ изъ этихъ записокъ, въ переводѣ, нѣсколько извлеченій [2].

Тетрадь начинается 1812 годомъ. Разсказавъ о поѣздкѣ Державина во Псковъ и Новгородъ, племянница его продолжаетъ: «По пріѣздѣ въ Петербургъ, мы нашли весь городъ въ уныніи. Смоленскъ только что былъ взятъ и всѣ готовились къ отъѣзду; многіе жители уже удалились поспѣшно въ Вытегру; всѣ присутственныя мѣста были закрыты; говорили даже, что часть казны и имущества многихъ вельможъ уже перевезена въ Або. Но особенно возмущало жителей то, что посреди всѣхъ приготовленій къ отъѣзду Опекунскій совѣтъ отказывалъ частнымъ людямъ въ выдачѣ отданныхъ ему на храненіе денегъ, подъ тѣмъ предлогомъ, что онъ не имѣлъ возможности всѣхъ удовлетворить. Всѣ хлопоты моихъ братьевъ были напрасны; тогда добрый мой дядя, видя общее затрудненіе, рѣшился написать письмо къ вдовствующей императрицѣ, въ которомъ, изложивъ обстоятельства, представилъ, что въ случаѣ продленія отказа правительство лишится довѣрія общества и кредитъ ломбар-

[1] VI, 234—236.

[2] Слова Державина и другихъ приводятся у самой Прасковьи Николаевны по-русски.

да упадетъ. Благодаря Богу, это письмо подѣйствовало, и на другой же день г. Саблуковъ, почетный опекунъ, пріѣзжалъ отъ имени всей публики благодарить дядю за эту услугу[1]. Мы получили свои капиталы, и съ этой минуты дядя и тетушка стали хлопотать о приготовленіяхъ къ нашему отъѣзду. Насъ хотѣли отправить съ моимъ зятемъ Ф. П. Львовымъ въ Каргополь; что касается дяди, то онъ съ первыхъ же извѣстій объ опасности объявилъ, что не тронется и ничего не отправитъ изъ Петербурга, пока непріятель не будетъ въ нѣсколькихъ верстахъ оттуда [2]. Тетушка также твердо рѣшилась не покидать мужа, и наши дорожныя приготовленія, ежеминутно напоминавшія намъ скорую съ ними разлуку, съ каждымъ днемъ становились намъ тяжеле. Наконецъ въ одинъ вечеръ мы собрались на семейный совѣтъ и просили ихъ позволить намъ оставаться съ ними до послѣдней крайности»...

Далѣе слѣдуетъ описаніе путешествія въ Малороссію, 1813 года, которое мы въ своемъ мѣстѣ уже сообщили.

Къ 1814 году относится только одна замѣтка отъ 18-го іюня: «Все это время дядя заставлялъ меня читать ему вслухъ похвальныя слова разнымъ великимъ людямъ, говоря, что онъ намѣренъ написать такое слово императору Александру по поводу цѣлаго ряда одержанныхъ имъ блистательныхъ побѣдъ, и что, будучи вовсе не знакомъ съ этимъ родомъ сочиненій, онъ желаетъ узнать, чтó написано подобнаго другими. Всего болѣе ему понравилась похвала Марку Аврелію, хотя онъ находитъ, что она написана не совсѣмъ согласно съ правилами, такъ какъ въ ней дѣйствіе смѣшано съ повѣствованіемъ. Другія похвальныя слова иногда усыпляли дядю, и наконецъ онъ объявилъ мнѣ, что имъ овладѣла лѣнь и что онъ отъ своего намѣренія отказывается. «Я на своемъ вѣку написалъ много», сказалъ онъ мнѣ:

[1] Объ этомъ обстоятельствѣ Державинъ упоминаетъ въ самомъ концѣ своихъ записокъ, говоря, что «черезъ г-жу Оленину довелъ ропотъ народный до императрицы» (VI, 829).

[2] Что Державинъ однакожъ на всякій случай принималъ мѣры къ отправкѣ болѣе цѣнныхъ вещей и бумагъ, видно изъ его письма къ Леон. Н. Львову отъ 12-го августа 1812 г. изъ Званки, VI, 239.

«теперь состарѣлся, и мое литературное поприще кончено; предоставляю молодымъ поэтамъ занять мое мѣсто». По временамъ онъ любилъ вспоминать моего покойнаго отца Н. А. Львова, говорилъ, какъ много въ своихъ сочиненіяхъ былъ обязанъ его совѣтамъ и заставлялъ меня перечитывать вслухъ тѣ изъ своихъ стихотвореній, которыми особенно дорожилъ, а также стихи, написанные имъ на смерть батюшки».

13. Послѣднее лѣто въ деревнѣ. Болѣзнь и смерть.

Большая часть дневника г-жи Львовой посвящена воспоминаніямъ о послѣднихъ недѣляхъ, проведенныхъ Державинымъ въ Званкѣ, описанію кончины и погребенія его. Эти страницы начала́ она писать черезъ три недѣли послѣ его смерти, случившейся такъ неожиданно, что первое время домашніе не могли опомниться отъ отчаянія и вполнѣ сознать свою потерю. «Начну», пишетъ Прасковья Николаевна, «съ минуты нашего пріѣзда на Званку. Мы прибыли 30-го мая, въ самую чудную погоду, въ 5 часовъ утра. Едва взобрались мы на гору, какъ насъ обрадовалъ видъ цвѣтущихъ сиреней, особенно тѣхъ деревьевъ, которыя стояли вправо отъ дома и подъ окнами дядина кабинета. Восхищаясь всегда красотами природы, онъ вмѣстѣ съ нами какъ будто помолодѣлъ при этомъ видѣ и нѣсколько разъ подходилъ къ деревцамъ, дивясь необыкновенной величинѣ цвѣтовъ и свѣжести темнозеленыхъ листьевъ въ сравненіи съ деревьями, оставленными нами въ петербургскомъ нашемъ саду. Побывъ недолго въ комнатѣ, мы опять вернулись на воздухъ наслаждаться великолѣпнымъ утромъ. Но каково же было наше удивленіе, когда ни одного изъ поразившихъ насъ цвѣтовъ уже не было видно: цѣлая туча крупныхъ жуковъ вдругъ спустилась на милыя наши сирени и въ одну минуту уничтожила весь пышный цвѣтъ, а листья потеряли свѣжесть и приняли красный оттѣнокъ. «Видно сглазили!» сказалъ дядюшка, и мы съ грустью воротились въ комнату. За завтракомъ много говорили мы объ этомъ странномъ явленіи: Александра Николаевна [1] увидѣла въ немъ

[1] Дьякова, дочь брата Державиной.

дурное предзнаменованіе, а я пожурила ее за суевѣріе. Дядя и тетушка пошли отдохнуть до обѣда. Только что откушали и люди едва успѣли убрать со стола, какъ поднялся ужасный вѣтеръ. Волховъ страшно надулся, началась гроза, молнія ежеминутно сверкала. Въ 5 часовъ управляющій пришелъ сказать, что возлѣ Вѣрочкина вяза четырехъ женщинъ свалило съ ногъ ударомъ молніи: одну совсѣмъ почернѣвшую принесли въ домъ, безъ признаковъ жизни, другія двѣ лежали безъ движенія, а у четвертой опалило ноги и руки и отшибло слухъ. «Какъ нынѣшній годъ нашъ пріѣздъ несчастливъ!» сказала Дарья Алексѣевна; во всѣхъ насъ случившееся пробуждало самыя печальныя мысли. Между тѣмъ гроза прошла, явилось солнышко, ступени крыльца обсохли, и дядя, сѣвши на нихъ, вмѣстѣ съ нами наслаждался видомъ, который дѣйствуетъ такъ успокоительно на душу. «Какъ здѣсь хорошо!» повторялъ онъ, глядя на проходившія мимо дома парусныя суда: «не налюбуюсь на твою Званку, Дарья Алексѣевна: прекрасна, прекрасна!» Говоря это, онъ иногда въ полголоса припѣвалъ любимый имъ маршъ Безбородки.

«Наша жизнь потекла безмятежно обыкновеннымъ порядкомъ. Каждый день я читала вслухъ дядѣ — часъ поутру, и часъ же или два подъ вечеръ. Послѣ обѣда онъ немного отдыхалъ, потомъ мы читали до бостона, который смѣнялся ужиномъ, и этимъ оканчивался спокойно-проведенный день. Часто дядя, разставаясь съ нами, повторялъ свой стихъ:

«Блаженъ кто поутру проснется
Такъ счастливымъ, какъ былъ вчера» [1].

Читали мы то газеты и журналы, то Исторію Ролленя въ переводѣ Тредьяковскаго; слушая его ужасную прозу, дядя смѣялся или пожималъ плечами и предсказывалъ мнѣ, что я надъ этимъ слогомъ вывихну себѣ челюсти. Для разнообразія мы иногда послѣ обѣда читали Бахаріяну Хераскова [2], эту смѣсь всякой всячины изъ русскихъ сказокъ, съ привидѣніями, превращеніями и раз-

[1] *Къ первому сосѣду*, строфа 4: I, 105.

[2] *Бахаріяна или Неизвѣстный. Волшебная повѣсть, почерпнутая изъ русскихъ сказокъ.* Москва 1803.

нымъ тому подобнымъ вздоромъ. Изъ этой книги мы впрочемъ читали не болѣе одной пѣсни въ день. «Экой бредъ!» говорилъ дядя: «однако забавно; стихи гладки, описанія природы хороши, и къ тому же такъ хитра завязка, что все хочется конца до-знаться». Иногда онъ отъ души смѣялся. Мнѣ кажется, я и теперь вижу передъ собой его доброе, улыбающееся лицо, когда онъ сидѣлъ на этомъ красномъ диванѣ съ Тайкой за пазухой, то слушая мое чтеніе, то раскладывая гранъ-пасіансъ. Часто я представляю себѣ, какъ онъ расхаживалъ взадъ и впередъ по комнатѣ или объяснялъ намъ разныя мѣста изъ священнаго писанія, упоминая о самыхъ замѣчательныхъ толкователяхъ его. Тогда глаза его сіяли яркимъ блескомъ; огонь души возвращалъ ему прежнюю силу; цвѣтъ лица оживлялся; онъ говорилъ краснорѣчиво и убѣдительно. Особенно я замѣчала это, когда рѣчь шла о Богѣ, о правдѣ или о поэзіи. Любилъ онъ также говорить о времени Екатерины II, когда еще молодое воображеніе его было во всей своей силѣ и расцвѣчивало жизнь обольстительными мечтами. Онъ говорилъ мнѣ о славѣ Россіи въ это царствованіе, о великихъ людяхъ украшавшихъ его, о первыхъ своихъ одахъ, которыя безъ его вѣдома были представлены государынѣ и внушили ей желаніе увидѣть его; вспоминалъ, какъ милостиво онъ былъ принятъ ею, какимъ взоромъ она окинула съ головы до ногъ того, кто, какъ она выразилась, «такъ хорошо знаетъ меня». «Я вѣкъ этого взгляда не забуду», говорилъ добрый дядя: «я былъ молодъ; ея появленіе, величіе ее окружавшее, этотъ царственный взглядъ, все меня такъ поразило, что она мнѣ показалась существомъ сверхъестественнымъ. Но теперь, какъ все это поразмыслю, долженъ сознаться, что она... мастерски играла свою роль и знала, какъ людямъ пыль въ глаза бросать».

«Желая продолжать *Объясненія*, которыя онъ продиктовалъ старшей сестрѣ моей на первые четыре тома своихъ сочиненій, онъ велѣлъ мнѣ читать вслухъ недавно отпечатанный V-й томъ; но черезъ нѣсколько времени сказалъ мнѣ: «Эта часть какъ-то скукой пахнетъ и напоминаетъ то время, въ которое она писана была, или, попросту сказать, оттого что я старъ сталъ». Зять

мой Воейковъ, пріѣхавъ изъ Тамбова, привезъ съ собой книгу, которую очень хвалилъ,—объясненіе литургіи [1]. Державинъ уже прежде читалъ ее, но, позабывъ содержаніе, захотѣлъ снова перечитать и взялъ свою лупу (зрѣніе его въ это время стало ослабѣвать); но черезъ нѣсколько минутъ сказалъ мнѣ: «Паша, почитай мнѣ вслухъ, но не торопись: ты плохо договариваешь окончательныя слова, а я и совсѣмъ плохо слышу». Часто, прельстясь хорошей погодой, мы прерывали чтеніе и онъ садился на ступени крыльца. Зная, что онъ любитъ слушать наше пѣніе, я принималась играть на арфѣ, и мы съ Александрой Николаевной (Дьяковой) пѣли его стихи: «Вошедъ въ шалашъ мой торопливо» [2]. А онъ между тѣмъ любовался картинами природы, особливо тихимъ Волховомъ, въ которомъ какъ въ зеркалѣ отражались красивые берега. Разъ утромъ, когда я (кажется, 1-го іюля) читала то мѣсто объясненія литургіи, гдѣ рѣчь идетъ о благоговѣніи, съ какимъ присутствующіе должны все свое вниманіе сосредоточивать на священнодѣйствіи: «Какъ это трудно!» сказалъ дядя: «какъ часто во время службы о молитвѣ и не думаешь. Правда, иной разъ сердце разогрѣется, слезы брызнутъ отъ восторга; кажется, какъ бы искра Господня заронится въ душу, вспыхнетъ; но потомъ суета мірская опять займетъ собою, и искра эта божественная совсѣмъ потухнетъ. Я въ такомъ восторгѣ, стоя у заутрени на Свѣтлый праздникъ, написалъ первую строфу оды Богъ; слезы катились градомъ, и съ чувствомъ, исполненнымъ благодарности, я написалъ то, что сердце мнѣ сказало». Послѣ этихъ словъ, сильно на меня подѣйствовавшихъ, дядя сталъ прохаживаться по комнатѣ. Я сѣла за фортепіано и взяла andante аріи принца Людвига Прусскаго; эта тихая, меланхолическая музыка понравилась дядѣ. Подойдя ко мнѣ, онъ спросилъ: «Что это ты играешь?.. какъ это мнѣ нравится!.. Вѣрно, принцъ Людвигъ былъ меланхоликъ». Я разсказала ему подробно, какъ этотъ принцъ умеръ

[1] Краткое объясненіе церковнаго устава. Спб. 1809?—Генералъ Воейковъ женился въ 1812 году на Вѣрѣ Николаевнѣ Львовой, сестрѣ пишущей (VI, 244).

[2] *Мечта*. I, 588.

молодъ, какъ о немъ жалѣли лучшie знатоки музыки[1]. Выслушавъ меня, онъ попросилъ повторить пассажъ; я сыграла его нѣсколько разъ еще и послѣ обѣда, пока дяденька раскладывалъ пасiансъ. «Прекрасно, прекрасно!» твердилъ онъ, проходя мимо въ свой кабинетъ, чтобы тамъ отдохнуть немного. Мы пошли наверхъ, читали и работали, пока онъ проснется. Услышавъ, что онъ всталъ, мы сошли внизъ, чтобы съ нимъ и съ тетушкой провести остальной вечеръ. Только что онъ меня увидѣлъ: «Представь себѣ», сказалъ онъ, «твоя музыка такъ мнѣ понравилась, что я сейчасъ видѣлъ во снѣ твоего принца Людвига и съ нимъ объ ней говорилъ». Желая развлечь дядюшку, который показался мнѣ не веселъ, я предложила ему прочесть что-нибудь изъ его V-го тома. Онъ выбралъ небольшую оду въ греческомъ вкусѣ, подъ заглавiемъ *Полигимнiи*[2], имя вымышленное для означенiя дѣвицы Стурдзы, которая однажды очаровала его на вечерѣ у г-жи Свѣчиной, прочитавъ ему въ совершенствѣ всю оду Богъ. Мы вышли изъ комнаты, такъ какъ онъ пожелалъ прогуляться по саду, и, взойдя на тотъ холмъ, что стоитъ влѣво отъ дома, встрѣтили тамъ тетушку. Она указала ему, какъ всѣ посаженныя ими обоими деревья хорошо принялись, такъ что и любимой его бани стало невидно. «Все это хорошо, прекрасно», отвѣтилъ онъ: «но все это меня что-то не веселитъ!» Когда же черезъ минуту тетушка насъ оставила, то онъ сказалъ: «Я старъ сталъ и кое-какъ остальные деньки дотаскиваю». Это меня очень огорчило. Я поцѣловала у него руку и замѣтила, что такое унылое расположенie происходитъ можетъ-быть отъ состоянiя его здоровья, «Нѣтъ», возразилъ онъ: «благодаря Бога, я сегодня здоровъ». Съ этимъ словомъ онъ воротился въ комнату и опять принялся за пасiансъ.

«Наступало 3-е iюля, день его рожденiя. Наканунѣ прiѣхалъ Семенъ Васильевичъ Капнистъ, чтобы провести этотъ день съ нами; это порадовало дядю: онъ сталъ его разспрашивать о поли-

[1] Людвигъ Фердинандъ, племянникъ Фридриха Великаго, род. 1772, убитъ 1806 г. въ сраженiи съ Французами при Саальфельдѣ.

[2] III, 233.

тическихъ новостяхъ, о томъ чтó говорятъ въ Петербургѣ, и услышавъ, какъ много недовольныхъ и ропщущихъ, выразилъ удовольствіе, что его тамъ нѣтъ. «Живемъ мы здѣсь спокойно», сказалъ онъ, «и долго меня въ Петербургъ не заманятъ». Тетушка послала за священникомъ, чтобы отслужить вечерню и молебенъ.

«Дядя былъ совершенно здоровъ, и намъ оставалось только молиться, чтобъ Богъ сохранилъ намъ его такимъ же. Самъ онъ, стоя у двери, ведущей въ гостиную, молился съ тѣмъ выраженіемъ спокойствія и покорности, какое мы всегда привыкли въ немъ видѣть въ подобныя минуты. Тайка лежала смирно на подушкѣ, съ которой пріучена была не сходить, пока въ комнатѣ находился священникъ. По окончаніи молебна дядюшка пригласилъ священника напиться съ нами чаю, говорилъ о хлѣбáхъ, объ ожидаемой хорошей уборкѣ, и спросилъ, когда графъ Аракчеевъ ожидаетъ къ себѣ государя. «8-го или 9-го этого мѣсяца», было отвѣтомъ. Время пребыванія у насъ моего двоюроднаго брата Семена протекло очень пріятно: онъ смѣнялъ меня въ чтеніи, а въ промежуткахъ мы предпринимали прелестныя прогулки.

«Однажды (это было 4-го іюля) Семенъ Васильевичъ предложилъ намъ отправиться въ Дымну. Погода была прекрасная, и такъ какъ онъ все утро былъ занятъ съ дядей, то мы воспользовались для этой прогулки послѣобѣденнымъ временемъ. Мы уже весело шли вдоль Волхова, когда вдругъ насъ догоняетъ посланный и объявляетъ, что дядюшка насъ зоветъ, проситъ вернуться. Дѣлать было нечего, пришлось отложить прогулку. «Куда это вы собрались?» спросилъ меня Гаврила Романовичъ, когда мы вошли въ домъ. — «Въ Дымну, дяденька: братъ Семенъ тамъ не бывалъ». — «Такъ и быть: другой разъ тамъ побываетъ, а теперь, Семенъ Васильевичъ, возьми-ка ты книжку, да почитай мнѣ, а вы, мои голубушки, садитесь». Вотъ мы и расcѣлись, повѣся носъ, вокругъ стола. Черезъ минуту разыгралась страшная гроза съ проливнымъ дождемъ, и дядя улыбаясь замѣтилъ: «Хорошо же, что я васъ вернулъ; посмотрите, какая погода; вы бы всѣ перемокли, распростудились, занемогли бы; чего? перемерли, можетъ-быть. Смотрите, отъ сколькихъ бѣдъ я васъ избавилъ!»— Мы отъ всего сердца смѣялись при этомъ перечисленіи внезап-

ныхъ несчастій, которыя его предусмотрительность отвратила отъ насъ. Вечеръ самымъ пріятнымъ образомъ закончилъ тихій и счастливый день. Въ среду, 5-го іюля, дядя съ утра не совсѣмъ хорошо себя чувствовалъ и за завтракомъ сказалъ намъ, что ночью имѣлъ легкіе спазмы въ груди, послѣ которыхъ у него сдѣлался жаръ и пульсъ поднялся: «вотъ тутъ, забилось», прибавилъ онъ, приложивъ пальцы къ виску. Это встревожило тетеньку, такъ какъ онъ рѣдко жаловался на спазмы, и она стала уговаривать его ѣхать въ Петербургъ: «И! вздоръ какой, матушка! къ чему мнѣ ѣхать въ Петербургъ? стóитъ ли того?» отвѣчалъ онъ и, обратившись къ Капнисту, рѣшительно объявилъ, что не поѣдетъ. День былъ чудесный. Дарья Алексѣевна, стоя у подъѣзда и любуясь гладкою какъ зеркало рѣкой, закричала мужу, сидѣвшему въ гостиной: «Мамичка, поди-ка ты къ намъ; посмотри, какъ здѣсь хорошо». Онъ тихо всталъ и побрелъ было къ намъ, но, почувствовавъ сырость вечерняго воздуха, поспѣшно воротился и опять сѣлъ къ столу за пасіансъ. Вдругъ я замѣтила сквозь окно быструю перемѣну въ лицѣ его; онъ легъ на спину и сталъ тереть себѣ грудь; Дарья Алексѣевна побѣжала за докторомъ [1]. Съ этой минуты начались страданія Гаврилы Романо-

[1] Это былъ Максимъ Фомичъ (фамиліи мнѣ не умѣли сказать), находившійся при Державинѣ только послѣдніе два года его жизни. Гораздо долѣе домашнимъ врачемъ его былъ Карлъ Григорьевичъ Бейтель (Beutel), пруссакъ родомъ, умный и веселый человѣкъ. Онъ, еще въ Павлово время, ѣздилъ съ Державинымъ въ Бѣлоруссію. Съ этимъ обстоятельствомъ связано воспоминаніе объ одномъ случаѣ, про который Державинъ часто разсказывалъ. Въ Витебскѣ онъ остановился въ квартирѣ какого-то доктора, котораго сбирались хоронить. Вдова была въ отчаяніи и все кричала, что мужъ ея живъ, что во снѣ къ ней явились два ея сына (какихъ у нея вовсе не было) и сказали, что отецъ ихъ не умеръ. Бейтель взялся освидѣтельствовать покойнаго и въ доказательство дѣйствительной его смерти сталъ рѣзать ему подошву ноги. Каково же было удивленіе всѣхъ, когда считавшійся мертвымъ при этомъ согнулъ ногу! Его стали оттирать и онъ ожилъ. Послѣ того онъ здравствовалъ еще много лѣтъ, прижилъ со своею спасительницей двухъ сыновей и умеръ когда они достигли того возраста, въ которомъ мать видѣла ихъ во снѣ. Еще прежде Бейтеля домовымъ докторомъ Державина былъ Илья Ивановичъ Трофимовъ, впослѣдствіи мелкопомѣстный землевладѣлецъ въ Новоторжскомъ уѣздѣ, сосѣдъ Львовыхъ.

вича; онъ стоналъ и даже кричалъ, но потомъ, успокоясь немного, удалился въ кабинетъ и уснулъ. Мы между тѣмъ оставались на крыльцѣ; разстроенная Дарья Алексѣевна съ необычайнымъ выраженіемъ печали на лицѣ проговорила: «Какой на насъ на всѣхъ черный годъ! Куда ни обернись, вездѣ горе: Лиза Ганичку [1] схоронила, Ниловъ въ петлю лѣзетъ, Бакунины разорены; вотъ, Боже мой, и у насъ горе». Когда подъ вечеръ Державинъ проснулся и, чувствуя себя лучше, позвалъ своихъ на партію бостона, всѣ стали уговаривать его ѣхать въ Петербургъ совѣтоваться съ докторами, но онъ категорически отвѣчалъ, что ни за что не поѣдетъ и вмѣсто того пошлетъ къ доктору Симпсону подробное описаніе своихъ недуговъ. За бостономъ онъ много смѣялся, особливо тому, что мы ѣли такое множество плодовъ. По окончаніи игры онъ послалъ за Абрамовымъ и, гуляя по комнатѣ, продиктовалъ ему письмо къ Симпсону. Мы были такъ успокоены на его счетъ, что вмѣстѣ съ нимъ шутили надъ подробностями, которыя онъ въ письмѣ сообщалъ доктору. Разстались мы совершенно веселые, видя доброе расположеніе дяди, который увѣрялъ, что послѣ принятого лѣкарства онъ «встрепенется молодцомъ». На другой день, 6 іюля, Семенъ Васильевичъ уѣхалъ въ Петербургъ. Передъ тѣмъ онъ показалъ мнѣ хорошенькое четверостишіе Вольтера, которое кончалось стихомъ:

«Il est grand, il est beau de faire des ingrats» [2].

Дядя вошелъ къ намъ въ эту самую минуту и я была очень удивлена, услышавъ, что онъ читалъ наизусть эти самые четыре стиха. Никогда еще онъ не произносилъ при мнѣ французскихъ стиховъ, и я не могла воздержаться отъ улыбки. Онъ сказалъ мнѣ, что зналъ ихъ давно [3], и прибавилъ: «Тутъ очень тонкая философія». Желая поправить наше, по его мнѣнію, оши-

[1] Т.-е. Елисавета Николаевна Львова — своего сына Гаврилу.

[2] Изъ Précis de l'Ecclésiaste. Oeuvres de Voltaire. Beuchot, XII, 223.

[3] Доказательствомъ тому можетъ служить стихъ его въ пьесѣ: *Въ Альбомъ Ек. Дм. Балашевой* (III, 509):

«Блаженъ, кто могъ творить всякъ день неблагодарныхъ».

бочное произношеніе стиха, онъ прочиталъ: «Il est beau, il est gras de faire des ingrats»; ему казалось, что тутъ непремѣнно должна быть рифма.

«7-го іюля онъ чувствовалъ себя бодрымъ и велѣлъ мнѣ взять томъ *Всемірнаго путешественника* [1], книги, къ которой мы всегда прибѣгали за неимѣніемъ другого чтенія, почему я и называла ее Вѣчный путешественникъ. «Ну, какъ же ты можешь не любить этой книги?», говорилъ онъ мнѣ: «сколько тутъ любопытнаго, и у кого память хороша, сколько пользы прочесть ее! но я что прочелъ, то и забылъ; опять за новое читаю». При этомъ чтеніи случилось незначительное обстоятельство, которое чуть не сдѣлало меня суевѣрной, напомнивъ мнѣ и попорченныя сирени и четырехъ женщинъ, разбитыхъ грозою въ самый день нашего пріѣзда. Читая, я слышала какъ полъ нѣсколько разъ трещалъ, и мнѣ невольно вспомнилось, что народъ считаетъ это дурной примѣтой: значитъ, говорятъ, хозяевъ выживаетъ. Я старалась не обращать на это вниманія и стала читать громче прежняго, но звукъ повторился, и дядя, замѣтивъ это, сказалъ: «Слышишь ли, Паша, какъ полъ трещитъ?» Для успокоенія самой себя и особенно дяди я объяснила это тѣмъ, что бюсты государя и императрицы недавно переставлены были изъ угловъ комнаты къ дивану. «Нѣтъ, мой другъ», возразилъ онъ: «это трещитъ не по угламъ, а подлѣ самыхъ мраморныхъ столбиковъ; мы сегодня передъ обѣдомъ слышали все это съ Дарьей Алексѣевной; она и причины тому искала». Онъ не добавилъ, была ли найдена причина.

«Настало 8-е іюля, послѣдній день его жизни. Вставъ по обыкновенію рано, онъ за чаемъ сказалъ намъ: «Ну, слава Богу, мнѣ стало гораздо легче». Обрадованная этимъ извѣстіемъ, я поспѣшила написать о томъ моимъ сестрамъ. Между тѣмъ меня позвали назадъ: я думала, что это для чтенія; но дядя, видя что я готовлюсь приняться за *Всемірнаго Путешественника*, ска-

[1] Переводъ французскаго сочиненія аббата Де ла Портъ, сдѣланный извѣстнымъ Я. И. Булгаковымъ, отчасти во время заключенія его въ Семибашенномъ замкѣ въ Константинополѣ, и напечатанный въ 27-и томахъ: 1-е изданіе 1778—1794; 2-е изд. 1803—1816.

залъ мнѣ: «Совсѣмъ не я тебя звалъ, и не для того, чтобъ читать; а вотъ кто изволитъ тебя спрашивать», и при этомъ указалъ на двухъ птичекъ, которыхъ съ мѣсяцъ тому назадъ тетушка взяла изъ гнѣзда и которыя сдѣлались до того ручными, что прилетали клевать кормъ изъ рукъ моихъ. Эти двѣ проказницы обыкновенно садятся на самый верхъ люстры; но какъ скоро я лягу на полъ, онѣ тотчасъ спускаются, чтобы получить приготовленный для нихъ хлѣбъ съ молокомъ. Это очень тѣшило дядю. Полюбовавшись на нихъ и въ этотъ разъ, онъ сказалъ мнѣ: «Впрочемъ, мой другъ, ежели тебѣ не скучно, то почитай мнѣ».—«Я съ удовольствіемъ читать стану, милый дяденька», отвѣчала я, и тотчасъ взяла книгу. Тетушка, бывшая при этомъ, поцѣловала его нѣсколько разъ и пошла заниматься своимъ дѣломъ. Я читала до самаго обѣда. Дядѣ захотѣлось кушать, но по совѣту врача онъ согласился потерпѣть до ужина и заказалъ себѣ къ 8-ми часамъ вечера уху, замѣтивъ однакожъ доктору: «Хорошо тебѣ, братецъ, съ полнымъ брюхомъ мнѣ ѣсть запрещать; мой-то желудокъ вѣдь пустъ и ѣсть проситъ». Между тѣмъ спазмы въ груди возвращались нѣсколько разъ; но онъ продолжалъ сидѣть за бостономъ. Вечеромъ въ восьмомъ часу пріѣхали къ намъ сосѣди, князь Шихматовъ и его зять, молодой Тырковъ[1], и дядя разговаривалъ съ ними, жалуясь въ шутку, что его морятъ голодомъ, что противъ него заговоръ. Послѣ отъѣзда гостей онъ расположился ужинать, но едва съѣлъ двѣ тарелки ухи, какъ ему сдѣлалось очень дурно. Побѣжали за докторомъ. Онъ прописалъ шалфей; а я совѣтовала лучше напиться чаю съ ромомъ. Гаврила Романовичъ шутилъ надъ людскимъ самолюбіемъ, которое заставляетъ всякаго настаивать на своемъ мнѣніи. Однакожъ больной долженъ былъ перейти въ спальню и лечь въ постель. Пока дѣвицы ужинали, Дарья Алексѣевна оставалась у него; но вскорѣ вышла совершенно разстроенная его стонами

[1] Алексѣй Дм. Тырковъ, владѣлецъ имѣнія Вергежи, нѣкогда военный, потомъ служившій по выборамъ, а теперь управлявшій Грузиномъ. За нимъ была въ замужствѣ дочь другого сосѣда, Анна Ефимовна Путятина. — Князь Владиміръ Александровичъ Шихматовъ женатъ былъ на сестрѣ Тыркова, Варварѣ Дмитріевнѣ.

и бредомъ. Я смѣнила ее; онъ очнулся, но страданія продолжались. «Охъ, тяжело! охъ, тошно!» вскрикивалъ онъ по временамъ: «Господи, помоги мнѣ, грѣшному... Не зналъ, что будетъ такъ тяжело; такъ надо! Господи, помилуй меня, прости меня!.. Такъ надо, такъ надо! не послушалъ», повторялъ онъ, разумѣя вѣроятно, что поѣлъ слишкомъ много ухи противъ запрещенія жены. Наконецъ однакожъ онъ успокоился, и его кроткое расположеніе духа возвратилось. «Вы отужинали?» спросилъ онъ: «больно мнѣ, что всѣхъ васъ такъ взбудоражилъ; безъ меня давно бы спали». Вошла Дарья Алексѣевна и стала уговаривать его ѣхать на другое утро въ Петербургъ. Сначала онъ противился, но потомъ обѣщалъ. Скоро страданія и стоны возобновились. Докторъ потерялъ голову, и послалъ за совѣтомъ къ Дарьѣ Алексѣевнѣ, которая не въ силахъ была оставаться свидѣтельницею мученій мужа. Вдругъ больной захрапѣлъ, и потомъ все смолкло»...

Прасковья Николаевна одна не отходила отъ него и молилась. Не переводя духа, она прислушивалась, не издастъ ли онъ еще хоть одного вздоха. И вотъ онъ, приподнявшись немного, вздохнулъ глубокимъ и долгимъ вздохомъ. И опять воцарилось молчаніе. При видѣ смутившагося доктора, Прасковья Николаевна съ безпокойствомъ спросила: «Дышитъ ли онъ еще»? — «Посмотрите сами», отвѣчалъ докторъ и протянулъ ей руку больного; рука была еще тепла, но біеніе пульса прекратилось. Она приблизила губы свои къ его губамъ, но уже не почувствовала его дыханья. Все было кончено [1]. Черезъ минуту за ней прислала Дарья Алексѣевна и, несмотря на старанія племянницы скрыть въ первыя минуты истину, она все поняла и воскликнула: «Его на свѣтѣ нѣтъ! Господи, онъ скончался, пріобщиться не успѣлъ!» Невозможно описать ея отчаянья, говоритъ молодая Львова. Послѣдняя приняла на себя всѣ печальныя заботы, вызываемыя кончиною близкаго человѣка. Трогательно описываетъ она впечатлѣнія, испытанныя ею въ первыя минуты: «Я воротилась въ скорбную комнату, гдѣ такъ недавно еще всего надѣялась. Ка-

[1] Державину было тогда 73 года и 5 дней.

кая ужасная перемѣна! шумъ, рыданія, говоръ нѣсколькихъ голосовъ разомъ, открытыя окна, столъ посрединѣ комнаты, а онъ! онъ лежалъ въ постели какъ будто спящій глубокимъ и тихимъ сномъ. Лицо его сохраняло всю свою ясность, никакого отпечатка страданія; казалось, ему снились пріятные сны... Я послала нарочнаго въ Петербургъ къ С. В. Капнисту съ просьбою скорѣе пріѣхать. Вскорѣ явились Тырковъ и князь Шихматовъ, которыхъ мы видѣли наканунѣ; но тогда они оставили насъ спокойными и счастливыми, а теперь... Какъ все измѣнила одна минута!... Какъ описать отчаяніе всѣхъ, меня окружавшихъ, и собственное горе мое при мысли, что я болѣе не увижу того, кто замѣнялъ мнѣ отца, кого я не покидала цѣлыхъ тринадцать лѣтъ [1], кто любилъ меня какъ родную дочь. Между тѣмъ по моему приглашенію пришелъ священникъ и сталъ читать отходную. Дядя уже лежалъ на столѣ со сложенными руками; въ головахъ былъ образъ, кругомъ горѣли свѣчи... Горячо помолившись за него и за бѣдную тетеньку, я не въ состояніи была оставаться долѣе въ комнатѣ, и отворивъ дверь, которая вела изъ гостиной въ садъ, я стала бродить по горѣ. Было три часа утра; солнце вставало во всемъ своемъ величіи; ни облачка на небѣ, вездѣ глубокая тишина, легкій туманъ покрывалъ еще поля, Волховъ какъ будто остановился въ своемъ теченіи, со всѣхъ сторонъ пѣли и щебетали птички. Но я ничѣмъ не могла наслаждаться: мнѣ бы хотѣлось, чтобъ все отвѣчало моей скорби. Увидѣвъ за окномъ тетеньку, я воротилась въ комнату; мы вошли въ кабинетъ покойнаго. Тамъ все еще дышало его присутствіемъ: еще горѣла свѣчка, которую самъ онъ зажегъ; молитвенникъ былъ раскрытъ на той страницѣ, гдѣ остановилось его чтеніе; тутъ лежало еще платье, которое онъ недавно скинулъ. Мы увидѣли аспидную доску, на которой онъ за два дня передъ смертью (6-го іюля) началъ оду о быстротѣ времени; первая строфа была ясно написана, и онъ самъ читалъ ее Семену Васильевичу. За нею слѣдовали два стиха второй строфы, которую смерть помѣшала ему кончить... Мы ушли наверхъ, чтобы дать перенести

[1] Со смерти отца своего, Н. А. Львова, въ 1803 году.

тѣло въ столовую. Потомъ, сойдя опять внизъ, я просила священника остаться съ нами, чтобы отслужить панихиду вечеромъ и на другой день рано утромъ. Этотъ добрый старикъ, горько плакавшій вмѣстѣ съ нами, не могъ исполнить моего желанія. «Государь», сказалъ онъ, «въ Грузинѣ. Онъ завтра въ 7 часовъ утра проѣдетъ близехонько отъ моей церкви и, можетъ-быть, пожалуетъ ко мнѣ». Тогда я вспомнила разговоръ дядюшки съ этимъ самымъ священникомъ о времени проѣзда государя. «А что», спросилъ молодой Тырковъ, «если государь, будучи только въ 5-ти верстахъ отсюда, узнáетъ о кончинѣ Гаврилы Романовича и пожелаетъ заѣхать, чтобы въ послѣдній разъ проститься съ нимъ? Какъ вы примете его?» — Этотъ вопросъ былъ сдѣланъ потому, что печальному зрѣлищу совершенно недоставало того благолѣпія, которое бы сколько-нибудь отвѣчало положенію и средствамъ дяденьки. Ни въ одной изъ церквей въ окрестностяхъ нельзя было достать даже приличнаго покрова, такъ что я принуждена была прикрыть тѣло простой кисеей, чтобы защитить его отъ мухъ. Занятая однимъ горемъ своимъ, я едва слышала то, что говорилъ Тырковъ: онъ повторилъ, что государь такъ уважалъ моего дядю, что конечно захочетъ почтить его память своимъ посѣщеніемъ. — «Онъ не пріѣдетъ», сказала я: «я въ томъ увѣрена». И правду сказать, по всему, что я тогда чувствовала и что происходило вокругъ меня, я желала въ душѣ, чтобы предположеніе Тыркова не осуществилось. Такъ было на самомъ дѣлѣ. Священникъ воротился въ восемь часовъ утра; государь проѣздомъ входилъ въ его церковь, и, поцѣловавъ крестъ, много говорилъ со священникомъ, по повидимому вовсе не зналъ о смерти моего дяди. Вѣроятно, графъ Аракчеевъ, радуясь чести видѣть императора въ своемъ имѣніи, не пожелалъ возмущать его удовольствія горестнымъ извѣстіемъ, а можетъ-быть и самъ онъ еще не зналъ объ этой потерѣ [1].

[1] О любопытномъ совпаденіи времени смерти Державина съ поѣздкою Александра I въ Грузино свидѣтельствуетъ также слѣдующій разсказъ самого Аракчеева изъ замѣтокъ его, найденныхъ въ принадлежавшей ему библіи: «Іюля 8-го числа 1816 г., чтó было субота, Государь Императоръ Александръ I изволилъ нарочно пріѣхать изъ Царскаго Села въ Грузино

«Въ понедѣльникъ, 10-го іюля, пріѣхали въ Званку Александръ Николаевичъ Львовъ и Семенъ Васильевичъ Капнистъ, но ничего не привезли съ собой для похоронъ. Тогда только Прасковья Николаевна поручила брату закупить все нужное въ Новгородѣ, а по желанію Дарьи Алексѣевны онъ долженъ былъ выхлопотать тамъ разрѣшеніе похоронить останки Гаврила Романовича въ Хутынскомъ монастырѣ, мѣстоположеніе котораго всегда ему нравилось и гдѣ онъ часто бывалъ у преосвященнаго Евгенія [1]. Между тѣмъ домашняя челядь, не видя надъ собой твердой власти хозяина, позволяла себѣ разные безпорядки; разсылаемые туда и сюда по разнымъ надобностямъ, люди возвращались съ цѣлыми боченками водки и приходили въ пьяномъ видѣ спрашивать приказаній или толковать о своемъ освобожденіи. Не одни мужчины, но и женщины напивались, какъ онѣ говорили, съ горя. Съ 10-го по 11-е, въ три часа ночи, меня вызвали въ прихожую. «Сударыня», сказалъ Савка, «извольте пожаловать еще водки: у пономаря въ горлѣ пересохло». Я сошла съ лѣсницы, и какъ болѣзненно сжалось мое сердце, когда я услышала съ одной стороны молитвы надъ прахомъ дяди, а съ другой на дворѣ пѣсни и пляски безпутной прислуги! Разумѣется, я заставила замолчать эту челядь; изнуренная отъ всѣхъ напряженій, такъ какъ съ памятнаго вечера я еще ни на минуту не смыкала глазъ и горѣла въ безпрерывномъ жару, я чувствовала себя такъ дурно, выдавая водку этому пьяницѣ, что непремѣнно упала бы, еслибъ онъ же не поддержалъ меня.

посѣтить гр. Аракчеева; прибылъ 8-го числа въ 10½ часовъ по полудни съ генералъ-адъютантомъ Волконскимъ, изволилъ лечь почивать, а поутру 9-го числа въ 7½ часовъ, одѣвшись, изволилъ гулять въ саду, и, пройдя чрезъ большой мостъ въ деревню до магазина, гдѣ изволилъ сѣсть въ ялботъ, заѣхалъ въ бесѣдку, посвященную генералу Мелиссино, которая очень понравилась; оттуда переѣхалъ на большую пристань садовую и прошелъ въ палатку, гдѣ готовъ былъ фрыштыкъ, и изволилъ кушать, и потомъ возвратился въ домъ, уже въ 10 часовъ утра, въ которое время начали благовѣстить къ обѣднѣ». (*Русск. Архивъ* 1866, стр. 927).

[1] Разсказываютъ, что сидя на балконѣ у преосвященнаго, онъ говорилъ: «Какъ хорошо! желалъ бы я навсегда остаться здѣсь!»

«11-го іюля все было доставлено изъ Новгорода, и Дарья Алексѣевна рѣшила въ слѣдующую ночь отвезти тѣло. Я сошла внизъ, чтобы присутствовать при послѣдней службѣ. Покойникъ былъ уже въ гробу; нѣсколько священниковъ окружили его и начали тихимъ голосомъ пѣть вѣчную память. Въ комнатѣ раздавались рыданія; ставъ на колѣни, я про себя повторяла: «Вѣчная память и въ сердцахъ нашихъ милому дяденькѣ!». Сколько сиротъ, которымъ онъ такъ же какъ и мнѣ заступалъ мѣсто отца, будутъ вѣчно благословлять его; сколько людей, несправедливо гонимыхъ и нашедшихъ въ немъ защитника, будутъ молиться за эту праведную душу! Какая въ немъ была поспѣшность, какое нетерпѣніе дѣлать добро! Какой въ немъ являлся юношескій жаръ, когда дѣло шло о томъ, чтобы помочь ближнему! Какъ онъ тогда не любилъ откладывать!—Я желала проводить печальную процессію хоть до лодки, которая повезетъ тѣло въ Хутынь, но мнѣ пришли сказать, что тетушка обо мнѣ тревожится. Я поспѣшила ее успокоить; она взяла съ меня обѣщаніе остаться съ нею. Тяжело мнѣ было согласиться; я пожелала по крайней мѣрѣ въ послѣдній разъ проститься съ дядюшкой. Двоюродный братъ Семенъ проводилъ меня къ нему: ужасная минута!...

«Было двѣнадцать часовъ ночи, когда я воротилась къ тетушкѣ: она была въ угловой комнатѣ. Боясь, чтобы она не увидѣла изъ оконъ, какъ будутъ переносить гробъ на лодку, я попросила ее перейти во внутренніе покои: — она послушалась и легла въ постель. Кузины и я расположились въ угловой комнатѣ. Долго царствовало вокругъ насъ тяжелое молчаніе. Но ка́къ были мы потрясены, когда вдругъ раздалось погребальное пѣніе! Гробъ только что понесли, и это пѣніе въ полголоса походило скорѣе на протяжные стоны, которыхъ мы можетъ-быть и не разслышали бы, еслибъ въ комнатѣ не было такъ тихо. Я бросилась запирать всѣ двери, и войдя въ комнату, обращенную окнами во дворъ, увидѣла толпу людей, которые, неся гробъ на головахъ, стали медленно спускаться съ горы. Величественно было это зрѣлище въ тихую, темную ночь; различать предметы можно было только при свѣтѣ фонарей: сквозь тьму ясно свѣтились ши-

рокіе серебряные галуны на гробѣ, который безпрерывно удалялся и наконецъ поставленъ былъ на лодку.

«Братъ мой Александръ вернулся только въ четвергъ, 13-го іюля, день именинъ покойнаго дяди. Отъ него мы узнали, что погребеніе совершено было наканунѣ съ такимъ благолѣпіемъ и порядкомъ, какихъ онъ и не ожидалъ. Офицеры конно-егерскаго полка, въ которомъ братъ мой прежде служилъ, пожелали сами нести гробъ въ церковь. Скудный Новгородъ, гдѣ обыкновенно ничего нельзя найти, на этотъ разъ доставилъ все нужное, и благодаря помощи доброй г-жи Путятиной, все обошлось вполнѣ прилично. Службу отправлялъ самъ архіерей [1].

«Какъ я узнала, обычай требовалъ, чтобы послѣ погребальнаго обряда сдѣлано было два угощенія, одно священникамъ сосѣднихъ селеній, а другое бѣднымъ. Я выбрала для этого 13-е число, день собора Гавріила. Надо было накормить болѣе 500 человѣкъ. Въ день пріѣзда Александра вся эта толпа собралась на большой полянѣ вправо отъ господскаго дома, подъ горой. Тамъ мы прежде всегда устраивали праздникъ крестьянамъ, а теперь тутъ должны были пировать священники, хоронившіе дядю моего! Итакъ вотъ гости, которыхъ онъ намъ обѣщалъ на этотъ день! вотъ какое пѣніе суждено намъ было слушать въ день его ангела! Вотъ для чего, за нѣсколько времени передъ тѣмъ, онъ просилъ тетушку припрятать настрѣлянную дичь и благодарилъ ее за испеченныя булки.

«Приближалось окончаніе шестинедѣльнаго срока, и Дарья Алексѣевна рѣшилась провести наступавшіе дни въ монастырѣ. Мы отправились изъ Званки 15-го августа водою. Сперва остановились мы у Кожевниковыхъ, а 16-го, около 7-и часовъ вечера, увидѣли монастырь. Онъ возвышался надъ горою и заходящее солнце прощальными лучами позлащало его колокольни. Архіерей былъ предваренъ о пріѣздѣ тетушки, и когда изъ Хутыня завидѣли ея лодку, то по его приказанію зазвонили къ вечернѣ, въ предположеніи, что вдова отправится прямо въ церковь. Но она только на другое утро присутствовала на заупокойной

[1] Мефодій Пишнячевскій, епископъ старорусскій съ 1813 года.

обѣднѣ и панихидѣ по своемъ мужѣ; молясь на колѣняхъ, рядомъ со мною, она заливалась слезами, и скоро при имени бояріна Гавріила вся церковь огласилась рыданіемъ, какъ будто ее наполняли дѣти, оплакивавшіе своего отца».

Этимъ кончаемъ мы извлеченія изъ разсказовъ П. Н. Львовой. Вотъ еще нѣсколько подробностей, относящихся къ погребенію Державина и слышанныхъ нами отъ другихъ его родственниковъ. Гробъ былъ малиновый; онъ былъ поставленъ на устроенный въ лодкѣ катафалкъ съ балдахиномъ и четырьмя массивными свѣчами, которыя возвышались съ обѣихъ сторонъ на церковныхъ подсвѣчникахъ. Ночь была такъ тиха, что онѣ горѣли во все время плаванія. На переднемъ концѣ лодки помѣстились пѣвчіе; на кормѣ передъ налоемъ псаломщикъ читалъ молитвы. Лодка шла бечевою; позади слѣдовала другая лодка съ провожавшими первую родственниками.

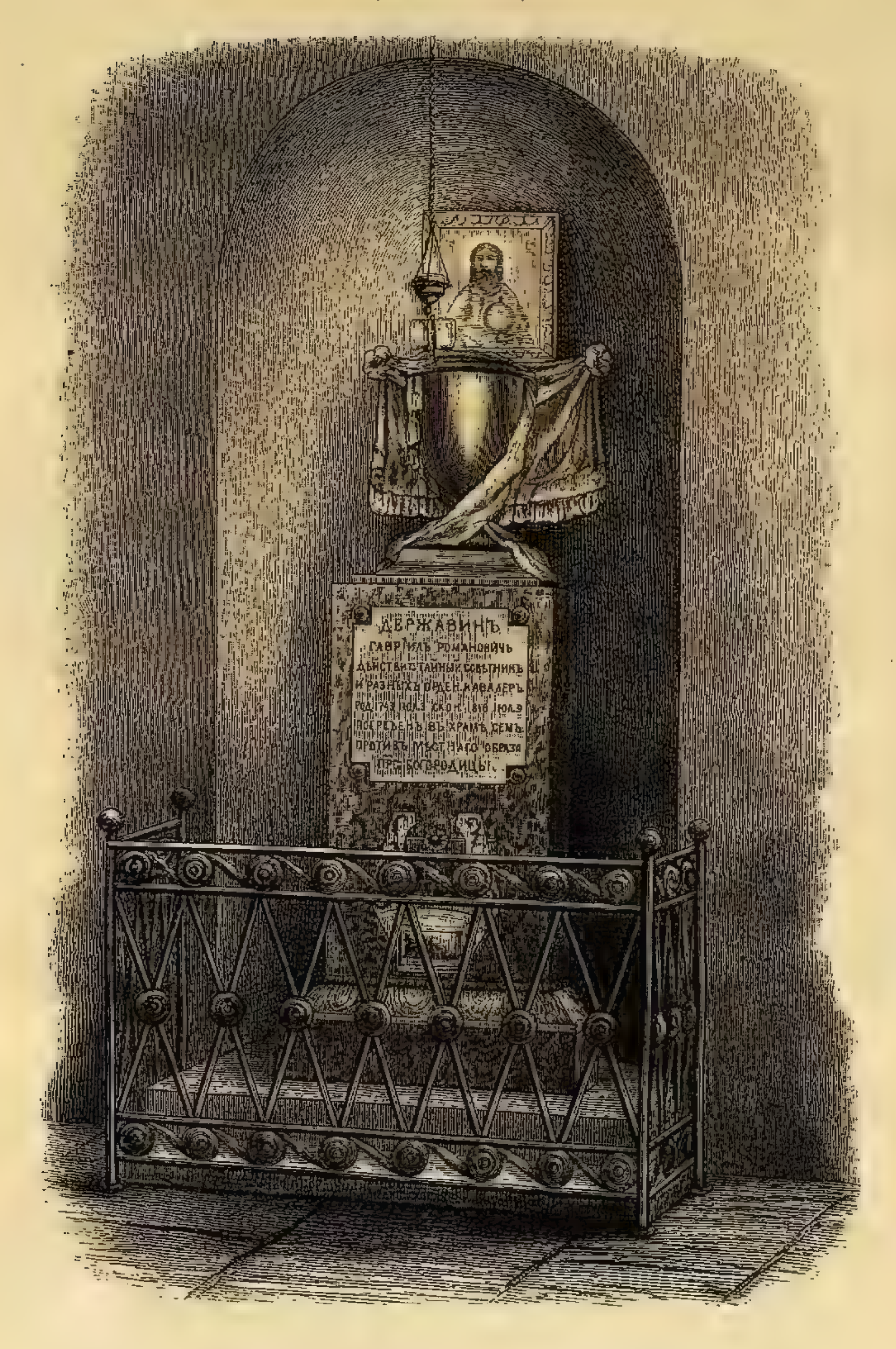
Тѣло погребено въ придѣлѣ соборной церкви монастыря, противъ мѣстнаго образа Пресвятой Богородицы; надъ гробомъ на каменномъ полу высѣчена надпись. Въ сторонѣ противъ стѣнной ниши, за чугунною рѣшеткой, стоитъ мраморный памятникъ: надъ высокимъ четвероугольнымъ пьедесталомъ, передняя сторона котораго покрыта мѣдной доской съ надписью, возвышается мраморная же урна, а у подошвы, надъ ступенями, мѣдная лира. Вверху ниши, передъ образомъ Спасителя, горитъ неугасимая лампада (только зимой не выдерживающая холода и сырости). На содержаніе этой лампады и на поминовеніе Гаврилы Романовича вдова назначила проценты съ пожертвованныхъ ею на этотъ предметъ 3,000 руб. Въ сооруженіи надгробнаго памятника приняла участіе, въ 1833 году, Россійская академія, удѣливъ на него изъ своихъ суммъ 5,000 руб. [1].

По смерти, въ 1842 году, Дарьи Алексѣевны повторилось погребальное шествіе по Волхову, но на этотъ разъ ладью буксировалъ пароходъ, на которомъ находились ближайшіе родные съ священникомъ; прахъ вдовы похороненъ здѣсь же, при чемъ склепъ увеличенъ.

[1] *Труды Росс. Акад.* I, 89.

ПАМЯТНИКЪ НАДЪ ГРОБНИЦЕЙ ДЕРЖАВИНА

(къ стр. 1004).

14. ЗАВѢЩАНІЯ. ДАРЬЯ АЛЕКСѢЕВНА, АРАКЧЕЕВЪ И ФОТІЙ.

Въ нашихъ рукахъ находятся списки завѣщаній какъ самого Державина, такъ и пережившей его Дарьи Алексѣевны. По интересу, который представляютъ подобные документы для характеристики составителей ихъ, мы познакомимъ читателя съ сущностью обоихъ, а также и съ нѣкоторыми поясняющими эти документы обстоятельствами.

Первоначально Державинъ написалъ духовную вскорѣ по выходѣ въ отставку. Черновая редакція ея подписана имъ 1-го января 1804 года. Но въ этой редакціи была статья, которую позднѣе пришлось исключить, такъ какъ для нея не отыскалось исполнителя. Извѣстно, что у Державина отъ Катерины Яковлевны не было дѣтей. Потерявъ и во второмъ бракѣ надежду оставить по себѣ потомство, онъ возымѣлъ странную мысль передать свою фамилію одному изъ своихъ родственниковъ съ правомъ сдѣлаться, по смерти обоихъ супруговъ, единственнымъ наслѣдникомъ всего ихъ имѣнія. Выборъ его палъ на младшаго племянника, Александра Николаевича Львова, и мысль эта была изложена въ одномъ изъ послѣднихъ пунктовъ завѣщанія: предполагалось испросить Львову высочайшее позволеніе «присовокупить къ своей и Державина фамилію, какъ тому многіе примѣры бывали»[1]. Но Львовъ отъ этого отказался, говоря, что чувствуетъ себя недостойнымъ такой чести и не будетъ знать куда дѣваться отъ стыда. «Не такія нужны плечи», говорилъ онъ, «чтобъ вынести на себѣ славное имя Державина», и вслѣдъ затѣмъ уѣхалъ за границу. Тогда Гаврила Романовичъ обратилъ вниманіе на другого родственника и земляка своего, полковника конной гвардіи Дятлова, предназначая ему, вмѣстѣ со своей фамиліей, и руку старшей племянницы, Елисаветы Николаевны Львовой; но она объявила, что не желаетъ выйти

[1] Жихаревъ разсказываетъ, что онъ, по порученію Державина, относилъ статсъ-секретарю Молчанову всеподданнѣйшее письмо объ усыновленіи Львова и что Молчановъ тотчасъ же доложилъ о томъ государю, но высочайшаго соизволенія на то не послѣдовало. (*Отеч. Зап.* CI, стр. 154.)

за человѣка, котораго не только не любитъ, но и не знаетъ [1]. Есть извѣстiе, что послѣ того Державинъ предлагалъ свою фамилiю другому казанцу, Ивану Васильевичу Бутлерову (дядѣ нашего академика), но также безуспѣшно. Наконецъ Д. Н. Блудовъ разсказывалъ намъ, что прежде всего поэтъ имѣлъ въ виду *его* для передачи своей фамилiи, но по настоянiю жены отдалъ предпочтенiе ея родному племяннику, Львову [2]. При этомъ покойный графъ припоминалъ холодность, съ какою его принимала Дарья Алексѣевна, въ слѣдствiе чего онъ, какъ молодой человѣкъ съ благородною гордостью, пересталъ посѣщать домъ Державиныхъ; позднѣе же, когда шла полемическая переписка между поэтомъ и А. И. Тургеневымъ о хрестоматiи Жуковскаго, Блудовъ доставилъ себѣ удовольствiе подбавить соли въ отвѣтъ Тургенева. Изъ своихъ сношенiй съ Державинымъ графъ Блудовъ еще разсказывалъ, что однажды въ день Новаго года Гаврила Романовичъ возилъ его къ Бакунину, отцу извѣстнаго выходца.

Послѣ неудачи, испытанной Державинымъ въ одномъ изъ пунктовъ своего завѣщанiя, онъ долженъ былъ измѣнить его редакцiю, и въ окончательномъ видѣ подписалъ его 30-го мая 1813-го, за три года до своей смерти. По этой духовной, Дарьѣ Алексѣевнѣ досталась вся его благопрiобрѣтенная собственность, въ томъ числѣ бѣлорусскiя деревни и Гавриловка; родовыя же имѣнiя свои въ Казанской губернiи (194 души мужского пола) и пожалованное отцу его въ Оренбургской село Державино (214 душъ) отказалъ онъ двоюродному племяннику своему, Петру Никитичу Миллеру [3], кромѣ винокуреннаго завода, также предо-

[1] Въ 1810 году она вышла, противъ воли родственниковъ и самого Державина, за своего двоюроднаго дядю, вдовца, имѣвшаго десятерыхъ дѣтей отъ перваго брака, Федора Петровича Львова, и сдѣлалась удивительною по высокимъ качествамъ матерью и женою. (Род. 1788, ум. 1864).

[2] Дмитрiй Николаевичъ слышалъ это отъ трагика Озерова.

[3] По смерти Державина Миллеръ пожелалъ осуществить на себѣ идею усыновленiя, предположеннаго въ первональномъ завѣщанiи дяди его, и просилъ сенатъ о дозволенiи вмѣстѣ съ имѣнiемъ принять и фамилiю Державина. Но сенатъ, не находя въ законѣ, чтобы самимъ родственникамъ разрѣшено было просить о присвоенiи имъ фамилiи умершаго лица, остававшагося послѣднимъ въ родѣ, отказалъ въ просьбѣ Миллера.

ставленнаго Дарьѣ Алексѣевнѣ. Сенатъ встрѣтилъ было препятствіе въ утвержденіи родового имѣнія за Миллеромъ, на томъ основаніи, что законъ дозволяетъ бездѣтному отдавать родовое свое имѣніе только лицу *своей фамиліи*, Миллеръ же къ фамиліи Державина не принадлежалъ, какъ племянникъ его по женскому колѣну; но государственный совѣтъ отвергъ такое толкованіе [1].

Не касаясь распоряженій завѣщателя относительно уплаты долговъ его и т. п., упомянемъ еще объ одномъ пунктѣ, который содержится только въ первоначальномъ проектѣ его духовной: тамъ была выражена имъ воля, чтобы по смерти Дарьи Алексѣевны всѣ подвластные ему крѣпостные люди и крестьяне, на основаніи указа 1803 года, обращены были въ свободные хлѣбопашцы. Въ окончательномъ завѣщаніи, этого пункта нѣтъ. Объясненіе такого на первый взглядъ страннаго измѣненія мы находимъ въ запискахъ Державина. Видя, сказано тамъ, что указъ о вольныхъ хлѣбопашцахъ не исполняется и исполниться не можетъ, онъ въ своемъ завѣщаніи сдѣлалъ относительно освобожденія принадлежавшихъ ему крестьянъ распоряженіе, которымъ съ одной стороны ограничилъ самовластіе своихъ наслѣдниковъ, а съ другой не далъ и крестьянамъ никакого повода къ своеволію или переходу въ другія мѣста. Вотъ конечно та льгота, которую онъ за нѣсколько лѣтъ передъ смертью сулилъ въ будущемъ одному изъ своихъ приказчиковъ. Но желаніе Державина не могло осуществиться: когда онъ въ 1808 или 1809 году просилъ черезъ Молчанова объ утвержденіи государемъ этого распоряженія, то Александръ не изъявилъ на то своего соизволенія, «а сказано было, чтобъ Державинъ просилъ о томъ въ судебныхъ мѣстахъ по законамъ, чего безъ воли монаршей никому не можно сдѣлать» [2]. Въ позднѣйшей духовной онъ завѣщалъ только отпустить на волю, послѣ своей смерти, нѣсколькихъ дворовыхъ людей и въ томъ числѣ своего камердинера Кондратія Тимофеева, съ выдачею ему 500 руб. въ награжденіе.

[1] *П. С. З.* XXXV, № 27,468.
[2] VI, 828—829.

Овдовѣвъ, Дарья Алексѣевна отказалась отъ пенсiи въ 10,000 руб., которую государь великодушно предложилъ ей. Впослѣдствiи, когда утихло первое горе, она жалѣла о томъ, говоря, что этими деньгами могла бы сдѣлать не мало добра. Впрочемъ она и изъ своихъ собственныхъ средствъ многимъ помогала, напр. всѣмъ ненужнымъ ей болѣе служителямъ и служительницамъ дала у себя помѣщенiе и содержанiе по 15 руб. въ мѣсяцъ до тѣхъ поръ пока они пристроятся. Распоряжаясь своею собственностью съ величайшимъ умѣнiемъ и благоразумiемъ, она къ концу жизни успѣла довести свое состоянiе до весьма обширныхъ размѣровъ, какъ видно изъ ея завѣщанiя. Проживъ во вдовствѣ еще 26 лѣтъ, она умерла также въ Званкѣ (гдѣ по прежнему проводила лѣто) 16-го iюня 1842 года на 76-мъ году отъ рожденiя и похоронена, согласно ея волѣ, въ Хутынскомъ же монастырѣ, въ одномъ склепѣ съ мужемъ.

Во время пребыванiя Дарьи Алексѣевны въ деревнѣ выдаются ея отношенiя къ Аракчееву и къ архимандриту Фотiю.

По смерти Державина Аракчеевъ возымѣлъ виды на Званку, прiобрѣтенiемъ которой ему хотѣлось распространить предѣлы своихъ грузинскихъ владѣнiй. Но для исполненiя такого плана онъ придумалъ довольно странный и, какъ на дѣлѣ оказалось, не совсѣмъ удачный способъ. Однажды ко вдовѣ является отъ его имени генералъ фонъ-Фрикенъ и требуетъ, чтобъ она продала Званку въ казну. Удивленная неожиданнымъ предложенiемъ, она отвѣчала очень рѣшительно, что никогда не продастъ этого имѣнiя: «Здѣсь жилъ и умеръ Державинъ; это мое вдовье убѣжище». — Но я долженъ объявить вамъ, возразилъ генералъ, что это положительная воля государя императора.—«Въ такомъ случаѣ я прошу васъ доложить его величеству, что онъ можетъ взять у меня Званку, но продать ее я не согласна». — Съ этимъ отвѣтомъ фонъ-Фрикенъ уѣхалъ; дѣло тѣмъ и кончилось.

Послѣ смерти Александра Павловича Аракчеевъ рѣшился наконецъ сблизиться съ владѣтельницею Званки. Поводомъ къ тому послужилъ переданный ему кѣмъ-то благопрiятный отзывъ о немъ Дарьи Алексѣевны, выразившей въ разговорѣ увѣренность, что онъ непритворно любилъ государя и долженъ теперь глубоко скор-

бѣть объ утратѣ благодѣтеля. Вскорѣ послѣ того Аракчеевъ пріѣхалъ въ Званку и съ низкимъ поклономъ, касаясь пола рукою, просилъ извиненія въ томъ, что ранѣе не искалъ знакомства достойной сосѣдки. Съ тѣхъ поръ между ними начались добрыя отношенія, и они стали посѣщать другъ друга. Аракчеевъ читалъ Державиной и ея племянницамъ письма, нѣкогда полученныя имъ отъ императора Александра и замѣчательныя по тону задушевной дружбы, который въ нихъ господствовалъ; они были разложены въ витринахъ отдѣльными связками по годамъ. Посѣтительницы изъ Званки видѣли у Аракчеева также часы особаго, придуманнаго имъ устройства: въ минуту смерти Александра Павловича являлся на нихъ гробъ и раздавалась мелодія «Вѣчной памяти».

Съ 1820 года настоятелемъ Деревяницкаго монастыря въ Новгородѣ сдѣлался знаменитый архимандритъ Фотій, и вскорѣ установились извѣстныя всѣмъ отношенія между нимъ и графиней Анной Алексѣевной Орловой: признавъ его отцомъ своимъ, она предалась ему въ полное порабощеніе, и онъ сталъ полновластнымъ хозяиномъ не только въ душѣ, но и въ домѣ «дѣвицы», какъ онъ называлъ ее. По словамъ самого Фотія (въ рукописной автобіографіи его) примѣру графини Анны послѣдовала и также «дщерію его учинилась вдовица благочестивая Державина»[1]. Не надо однакожъ думать, чтобы Дарья Алексѣевна дѣйствительно съ такимъ же изувѣрствомъ подчинилась его вліянію. По своему холодному и разсудительному характеру она вовсе не была способна къ подобному увлеченію, и хотя оказывала Фотію подобающее почтеніе, но всегда сохраняла надлежащую долю самостоятельности и достоинства. Случалось даже, что она ссорилась съ Фотіемъ. Однажды, когда онъ вмѣстѣ съ графиней Орловой былъ въ Званкѣ, Дарья Алексѣевна упрекала его въ слишкомъ грубомъ обращеніи съ княземъ Голицынымъ и другими сановниками. Чтобы выразить ей свое неудовольствіе за такую смѣлость, архимандритъ въ ея присутствіи позволилъ себѣ лечь на диванъ, отворотясь отъ нея лицомъ къ стѣнѣ. Дѣло

[1] *Вѣстникъ Европы* 1878, дек. Статья С. Миропольскаго «Фотій Спасскій, юрьевскій архимандритъ», стр. 597.

чуть не дошло до разрыва. Споръ между Фотіемъ и кн. Голицынымъ въ домѣ Державиной дошелъ разъ до того, что послѣдній, выйдя изъ себя, началъ говорить архимандриту *ты*. — «А знаешь ли», спросилъ Фотій, «кто ты такой? Ты — волкъ въ овечьей шкурѣ»![1]. На отношенія Фотія къ Голицыну указываетъ между-прочимъ письмо перваго къ Дарьѣ Алексѣевнѣ, писанное около 1823 года: въ этомъ письмѣ онъ изливаетъ свою злобу на А. И. Тургенева, который въ то время управлялъ канцеляріею князя Голицына, какъ министра духовныхъ дѣлъ, и пользовался большимъ вліяніемъ. Архимандритъ, сказавъ, что надменный комаръ Тургеневъ надѣлалъ ему много пакостей, кончаетъ словами: «Вотъ эпитафія и панегирикъ Тургеневу, о которомъ ты вопросила и написала»[2]. Окончательно Фотій восторжествовалъ надъ Голицынымъ, успѣвъ вытѣснить его изъ духовнаго вѣдомства.

Извѣстно, что Дарья Алексѣевна завѣщала между-прочимъ, чтобы въ Званкѣ послѣ ея смерти учреждено было нѣчто въ родѣ женскаго монастыря. Обыкновенно думаютъ, что эта мысль была внушена ей Фотіемъ; но родные покойной свидѣтельствовали, что такое распоряженіе было придумано, совершенно независимо отъ него, ею самой съ цѣлію болѣе надежнымъ образомъ упрочить на вѣчныя времена существованіе Званки, какъ достопамятнаго и дорогого потомству жилища Державина. Еслибъ, разсуждали родные, Дарья Алексѣевна дѣйствовала подъ вліяніемъ Фотія и Орловой, то она вѣроятно завѣщала бы на богоугодную цѣль не нѣкоторую только часть своихъ капиталовъ, а все свое значительное состояніе.

[1] Разсказываютъ, что между ними была въ этомъ же родѣ сцена во дворцѣ у государя. Извѣстно, что Голицынъ былъ сторонникомъ протестантскаго пастора Госнера, котораго преслѣдовалъ Фотій. Императоръ, призвавъ къ себѣ вельможу вмѣстѣ съ святителемъ, просилъ Фотія разъяснить князю свой взглядъ на дѣло. Во время происшедшаго между ними спора Фотій замѣтилъ, что на нововведенія Госнера церковь никогда не согласится. — Но церковь въ насъ самихъ, возразилъ Голицынъ. — Да, отвѣчалъ Фотій: въ его величествѣ и во мнѣ церковь, въ васъ же, князь, не церковь, а колокольня».

[2] *Русск. Арх.* 1863, стр. 345 — 347.

Къ этому распоряженію вдовы поэта мы еще возвратимся; а теперь упомянемъ о нѣкоторыхъ других статьяхъ ея завѣщанія, подписаннаго 30-го мая 1839 и потомъ еще дополненнаго 15-го іюня того же года. Раздѣляя большую часть своихъ имѣній между родными и близкими ей людьми, она не забыла никого изъ тѣхъ, которые ей такъ или иначе служили: назначила кому тысячи, кому сотни, кому десятки рублей, нѣкоторыхъ же изъ крѣпостныхъ отпустила на волю. Слѣдующія два распоряженія ея имѣютъ общественное значеніе: 1) Въ знакъ благодарности казанскому дворянству, проценты съ капитала въ 30,000 руб. опредѣлены ею на воспитаніе въ казанскомъ университетѣ двухъ или трехъ бѣдныхъ дворянъ тамошняго края. 2) Ею завѣщанъ капиталъ на учрежденіе пріюта для освобожденныхъ изъ-подъ стражи. Этого послѣдняго распоряженія мы не нашли въ ея духовной, но знаемъ изъ газетъ, что изъ процентовъ оставленной ею суммы 11-го октября 1865 года такой пріютъ открытъ былъ въ Москвѣ съ панихидою по Державиной[1]. Изъ недвижимой собственности своей она отказала бѣлорусское имѣніе племянникамъ своимъ по брату Дьяковымъ, а Гавриловку, какъ выше было уже упомянуто, Семену Васильевичу Капнисту.

Изъ собственности, лично принадлежавшей Гаврилѣ Романовичу,—такъ-сказать, кабинетной его собственности, библіотека его, вмѣстѣ съ книгами Дарьи Алексѣевны, отдана была Бороздину, главному душеприказчику покойной. Эта библіотека не отличалась богатствомъ. Въ ней оказалось между-прочимъ много мистическихъ сочиненій и переводовъ, доставшихся вдовѣ Державина по смерти брата ея, Николая Алексѣевича Дьякова. Поэтому разбиравшіе эту библіотеку, А. А. Воейковъ (сынъ Вѣры Николаевны) и Д. В. Полѣновъ (женатый на сестрѣ его), рѣшили сбыть большую часть книгъ Державиныхъ букинистамъ. Полѣновъ удержалъ у себя лишь нѣсколько книгъ, въ томъ числѣ экземпляръ стариннаго изданія сочиненій Ломоносова, съ замѣтками, сдѣланными на поляхъ его рукой Державина при составленіи имъ «Разсужденія о лирической поэзіи».

[1] *Москов. Вѣдом.* 14-го октября 1865 г., № 224.

Бумаги Державина раздѣлены были между тѣми изъ родственниковъ, которые ими наиболѣе дорожили. По завѣщанію вдовы, рукописи стихотвореній, какъ изданныхъ, такъ и неизданныхъ, между-прочимъ и украшенныя виньетами, достались старшему племяннику ея, Леониду Николаевичу Львову (а послѣ него сыну его Леониду Леонидовичу, который передалъ ихъ намъ). Тетрадь Записокъ поэта была предоставлена Бороздину вмѣстѣ съ маленькой черновой тетрадью Анакреонтическихъ стихотвореній, писанныхъ рукой Державина. Послѣднюю рукопись Бороздинъ въ 1847 г. принесъ въ даръ казанскому университету. Тетрадь Записокъ составляетъ нынѣ собственность Императорской Публичной Библіотеки.

Два портрета обоихъ супруговъ во весь ростъ (одинъ работы Тончи, другой Боровиковскаго) получилъ Александръ Николаевичъ Львовъ, жившій въ Москвѣ. Страдая слабостью зрѣнія, онъ не особенно доволенъ былъ этимъ подаркомъ. Поясные портреты супруговъ были отказаны Семену Васильевичу Капнисту. Наконецъ, маленькій портретъ Державина, писанный Боровиковскимъ, наслѣдовала внучки Львова (дочь Елисаветы Николаевны) Марья Федоровна Ростовская [1]. Изъ принадлежавшихъ Державину вещей письменный столъ его, чернильница и кресла пожертвованы были Бороздинымъ въ 1845 году Казанскому университету, въ библіотекѣ котораго они и сохраняются [2].

Относительно Званки, въ дополненіи къ завѣщанію Дарьи Алексѣевны выражена была положительная воля ея: устроить въ этомъ селѣ женскій монастырь во имя Знаменія Божіей Ма-

[1] Почти всѣ эти портреты воспроизведены въ разныхъ томахъ нашего изданія.

[2] Чернильница состоитъ изъ двухъ стеклянныхъ четырехугольныхъ посудинъ въ деревянномъ поставцѣ, надъ которымъ устроенъ весьма простой мѣдный подсвѣчникъ для двухъ свѣчъ. Кресло — вольтеровское безъ ножекъ, обитое синимъ сукномъ, съ карманами по бокамъ и съ подпорками для головы съ обѣихъ сторонъ. Столъ также безъ ножекъ. Изъ столешницы, утвержденной на шкапикахъ съ ящиками, можно съ одного края устраивать пюльпетъ, чтобы заниматься стоя. Рисунки этого стола, чернильницы и креселъ приложены къ статьѣ Лайбова (Добролюбова) «Державинъ» въ *Русскомъ Иллюстрированномъ Альманахѣ* (С.-Петербургъ, 1858).

тери съ употребленіемъ на то 50,000 руб. асс., а на содержаніе этого монастыря внести въ Опекунскій совѣтъ 100,000 руб. асс. Въ случаѣ же, еслибъ встрѣтились какія-либо препятствія къ осуществленію этой мысли, завѣщательница опредѣлила село Званку продать и проценты съ вырученной за это имѣніе суммы употреблять на ежегодную раздачу во всѣ женскіе монастыри Новгородской губерніи[1].

По засвидѣтельствованіи духовной и исполненіи прочихъ формальностей, главный душеприказчикъ Дарьи Алексѣевны сенаторъ Бороздинъ, въ 1844 году, просилъ св. синодъ исходатайствовать дозволеніе на учрежденіе въ Званкѣ не только женскаго монастыря, но и духовнаго при немъ училища для бѣдныхъ дѣвицъ духовнаго званія, такъ какъ онъ, по смыслу предоставленнаго ему вдовою Державиной полномочія, считалъ себя въ правѣ не держаться одной буквы ея завѣщанія, но дать этому распоряженію болѣе полное развитіе въ духѣ изъявленной ею воли. При этомъ Бороздинъ обязался внести капиталъ въ 150,000 р., какъ скоро каменный домъ у Измайловскаго моста будетъ проданъ.

Въ слѣдствіе того, по докладу синода, состоялся 11 августа 1851 года указъ о принятіи въ духовное вѣдомство съ помянутою цѣлью угодьевъ и земель села Званки, при чемъ крестьянъ его повелѣно обратить въ казенное вѣдомство. По исполненіи указа, синодомъ назначена была[2] комиссія для предварительнаго осмотра господскаго дома и другихъ строеній помѣстья. Эта комиссія состояла изъ членовъ Новгородской консисторіи: архимандрита Юрьевскаго монастыря Варлаама и протоіерея Софійскаго собора Богословскаго.

Обозрѣвъ зданія, они, вмѣстѣ съ архитекторомъ духовно-учебнаго управленія Кудиновымъ, 15 мая 1858 года положили: 1) на мѣстѣ господскаго дома, пришедшаго въ совершенный упа-

[1] Подробности слѣдующаго за симъ изложенія заимствуются изъ подлиннаго дѣла, которое было въ свое время обязательно сообщаемо мнѣ бывшимъ директоромъ канцеляріи оберъ-прокурора Св. Синода П. И. Соломономъ, а нынѣ директоромъ синодальнаго архива Н. И. Григоровичемъ.

[2] По представленію митрополита Григорія отъ 26 сентября 1857 г.

докъ, воздвигнуть новый каменный корпусъ для училища дѣвицъ духовнаго званія, и 2) два каменныя флигеля возобновить для помѣщенія монастырскихъ келлій; изъ прочихъ же деревянныхъ строеній одни, какъ негодныя, разобрать, а другія перенести въ болѣе удобныя мѣста. По предложенію архитектора Кудинова, тогда же было приступлено къ разборкѣ зданія, чтобы сберечь матеріалы еще не поврежденные, ибо строенія, по совершенной негодности крыши, подвергались гніенію отъ повсемѣстной течи. Это-то распоряженіе и было причиною того разрушенія, въ какомъ мы застали усадьбу Званки при посѣщеніи ея въ 1863 году.

На основаніи составленнаго комиссіей акта, въ духовно-учебномъ управленіи изготовлены были проекты на возведеніе въ Званкѣ новыхъ зданій для помѣщенія женскаго монастыря и училища, и въ 1860 году проекты эти препровождены къ митрополиту Новгородскому и С.-Петербургскому. Но по разсмотрѣніи ихъ высокопреосвященный Исидоръ находилъ: 1) что пожертвованныхъ суммъ и имѣющихся въ виду доходовъ едва ли будетъ достаточно для устройства помѣщеній и на содержаніе монахинь и воспитанницъ, и 2) что при заведеніи училища въ монастырѣ, удаленномъ отъ города, всегда могутъ встрѣчаться затрудненія въ добываніи свѣжихъ припасовъ и, еще болѣе, въ пріисканіи учителей. Поэтому владыка полагалъ: 1, согласно съ находящеюся въ завѣщаніи оговоркой, имѣніе Званку продать; 2, во вниманіи къ мысли Державиной, мужской Деревяницкій монастырь, лежащій только въ трехъ верстахъ отъ Новгорода, преобразовать въ женскій и при немъ устроить училище для дѣвицъ духовнаго званія.

Но на эти предположенія не изъявили согласія остававшіеся въ живыхъ наслѣдники Дарьи Алексѣевны (Бороздинъ умеръ еще въ 1848 году): Елисавета Николаевна Львова, Вѣра Николаевна Воейкова и племянникъ ихъ Алексѣй Васильевичъ Капнистъ: они ссылались на положительную волю завѣщательницы, дорожившей тѣмъ, чтобы придуманнымъ ею распоряженіемъ почтить память знаменитаго супруга своего.

Въ слѣдствіе того указомъ синода отъ 19 іюля 1865 года, Новгородскому епархіальному начальству разрѣшено было при-

ступить къ устройству въ Званкѣ каменнаго зданія для женскаго монастыря съ училищемъ. Черезъ два года зданіе было выстроено по контракту, заключенному съ штабсъ-капитаномъ Пороховщиковымъ, и затѣмъ, по представленію митрополита Исидора, оберъ-прокуроръ святѣйшаго синода графъ Д. А. Толстой испросилъ высочайшее разрѣшеніе открыть въ селѣ Званкѣ женскій монастырь подъ названіемъ «Знаменскаго» съ 10-ю монахинями и учредить при немъ «Державинское» трехклассное училище для 30-и бѣдныхъ дѣвицъ духовнаго званія. Докладъ объ этомъ утвержденъ 23 марта 1869 года, и такимъ образомъ предположеніе Дарьи Алексѣевны приведено въ исполненіе черезъ 25 лѣтъ послѣ того какъ душеприказчикъ ея началъ это дѣло [1].

По свѣдѣніямъ, опубликованнымъ въ 1879 году архимандритомъ Іосифомъ [2], «первою игуменьею монастыря и начальницею училища была монахиня Поликсенія, вызванная изъ тверскаго Христорождественскаго монастыря, дочь генералъ-лейтенанта Н. А. Ушакова. Подъ ея личнымъ надзоромъ устроился двухъэтажный каменный домъ посреди двухъ каменныхъ флигелей и приспособленъ для трехъ классовъ въ верхнемъ этажѣ и для рекреаціонной залы, столовой и спальныхъ комнатъ въ нижнемъ этажѣ... Монастырскія келья деревянныя; монахинь и указныхъ послушницъ 9 и кромѣ того 15 послушницъ живутъ по паспортамъ. Одна изъ послушницъ состоитъ преподавательницею пѣнія въ училищѣ.

«Нынѣшняя начальница училища и монастыря, игуменья Софія, служила при первой игуменьѣ, съ самаго основанія этихъ учрежденій въ селѣ Званкѣ, въ званіи ея помощницы; съ февраля же 1877 года, по смерти игуменьи Поликсены, она заняла ея мѣсто. Помощницей по училищу и казначеей по монастырю состоитъ нынѣ монахиня Аркадія, окончившая курсъ въ С.-Петербургскомъ Екатерининскомъ институтѣ.

«Учащій персоналъ состоитъ изъ трехъ учителей семинарскаго образованія и трехъ воспитательницъ, окончившихъ курсъ

[1] См. подлинные документы въ архивѣ св. Синода.

[2] Въ *Церковно-Общественномъ Вѣстникѣ*, № 94.

въ мѣстномъ училищѣ. Всѣхъ воспитанницъ — 46; изъ нихъ въ первомъ классѣ 20, въ среднемъ 14, а въ высшемъ 12. Можно пожелать», говоритъ архимандритъ Іосифъ, «чтобы епархіальное духовенство придумало средства для удержанія учителей по крайней мѣрѣ на 6 лѣтъ и для привлеченія сюда особаго законоучителя съ высшимъ образованіемъ, кромѣ священника мѣстнаго», отвлекаемаго отъ преподаванія обязанностями исполнять требы для сосѣднихъ поселянъ и совершать службы для монашествующихъ.

Такъ осуществилась и продолжаетъ жить мысль завѣщательницы. Нѣтъ сомнѣнія, что еслибъ поэтъ нашъ, столь расположенный къ благочестію и благотворительности, при жизни своей могъ предвидѣть назначеніе, данное супругою его любимой ихъ Званкѣ, то онъ благословилъ бы ея предпріятіе.

15. ЧЕСТВОВАНІЕ ПАМЯТИ ДЕРЖАВИНА.

Уже въ августѣ 1816 г. между членами Бесѣды шла рѣчь о торжественномъ собраніи въ память поэта: 2-й разрядъ, въ которомъ покойный былъ предсѣдателемъ, обращался къ Ф. П. Львову съ просьбой испросить позволеніе Дарьи Алексѣевны собраться съ этою цѣлью въ ея домѣ. Но Львовъ отвѣчалъ, что, видя глубокую скорбь вдовы, онъ не можетъ рѣшиться говорить съ ней объ этомъ, и что по его мнѣнію удобнѣе было бы устроить такое собраніе въ залѣ Россійской академіи, при которой, по слухамъ, предполагалось возобновить Бесѣду. О мысли Львова было заявляемо Шишкову еще и въ 1818 г., но, неизвѣстно почему, эти переговоры остались безъ послѣдствій.

Есть рукописное извѣстіе, что въ память Державина было какое-то собраніе въ Москвѣ; но достовѣрное свѣдѣніе мы имѣемъ только о состоявшемся въ Казани торжественномъ засѣданіи тамошняго «Общества любителей отечественной словесности», къ которому поэтъ съ 1815 года принадлежалъ въ качествѣ почетнаго члена. Это засѣданіе происходило 24-го сентября 1816 года въ празднично-убранной залѣ, гдѣ висѣвшій на стѣнѣ портретъ поэта подъ лавровымъ вѣнкомъ покрытъ былъ чернымъ кре-

помъ и перевязанъ бѣлыми лентами; передъ нимъ на столѣ находились символическія изображенія[1]. Собраніе было открыто рѣчью предсѣдателя общества, профессора И. Ф. Яковкина; послѣ того секретарь Кондыревъ прочелъ очеркъ біографіи Державина. Были и другія чтенія. Читались между-прочимъ нѣкоторыя стихотворенія чествуемаго. Въ заключеніе принято было предложеніе предсѣдателя написать похвальное слово покойному и біографію его, и поставить ему урну или памятникъ. Состоялось еще странное опредѣленіе: испросить позволеніе ежегодно означать въ адресъ-календарѣ: «Былъ Гавріилъ Романовичъ Державинъ». На всеподданнѣйшій докладъ объ этомъ управлявшій министерствомъ народнаго просвѣщенія, въ мартѣ 1817 года, объявилъ высочайшее повелѣніе, что «ежели Общество пожелаетъ поставить у себя портретъ или бюстъ Державина, то сіе дозволяется, но въ адресъ-календарь имена умершихъ не вносятся»[2].

Естественная мысль воздвигнуть Державину въ Казани памятникъ по примѣру поставленнаго въ Архангельскѣ Ломоносову, была, уже въ первые годы по смерти поэта, высказываема нѣсколько разъ. Въ 1825 году она была возобновлена на публичномъ актѣ 1-й казанской гимназіи (гдѣ воспитывался Державинъ) директоромъ заведенія Лажечниковымъ въ присутствіи попечителя учебнаго округа Магницкаго и губернатора Жмакина, которые и обѣщали свою поддержку этому дѣлу. Но къ исполненію его приступлено было не ранѣе 1828 года, когда новый секретарь Общества Суровцовъ опять поднялъ вопросъ

[1] Внизу, передъ портретомъ, на возвышеніи поставленъ былъ столъ покрытый висѣвшимъ до полу чернымъ сукномъ. Среди стола стоялъ съ поникшею главой скорбящій Геній передъ жертвенникомъ, внизу котораго изображено было восходящее солнце, а вверху была надпись: *Безсмертному*. На жертвенникѣ являлась буква Д въ лучахъ славы и т. д. Подробное описаніе это собранія можно найти въ особой тогда же изданной брошюрѣ, также въ *Вѣстникѣ Европы* 1816 г., декабрь, въ статьѣ *Изъ Казани*, стр. 302—307.

[2] См. «Отчетъ о сооруженіи памятника Державину» въ *Ученыхъ Запискахъ Казанскаго университета* 1847 года, кн. I, стр. 129.

о томъ. Тогда попечитель округа М. Н. Мусинъ-Пушкинъ поручилъ Обществу составить проектъ памятника и въ маѣ 1830 г. препроводилъ его къ министру народнаго просвѣщенія, князю Ливену. Но Академія художествъ, на разсмотрѣніе которой онъ былъ переданъ, его не одобрила. Составленный по ея порученію академикомъ Мельниковымъ новый проектъ утвержденъ былъ императоромъ Николаемъ: 5-го декабря 1831 года послѣдовало чрезъ комитетъ министровъ высочайшее разрѣшеніе открыть по всей имперіи подписку на сооруженіе памятника Державину, и всѣ распоряженія по этому дѣлу возложены на попечителя Казанскаго учебнаго округа. По успѣшному сбору пожертвованій тогдашній министръ внутреннихъ дѣлъ Д. Н. Блудовъ увидѣлъ возможность «соорудить памятникъ въ такомъ видѣ, который бы по изяществу рисунка и размѣрамъ соотвѣтствовалъ цѣли изъявить уваженіе Россіи къ одному изъ первѣйшихъ ея поэтовъ и съ тѣмъ вмѣстѣ служилъ бы украшеніемъ довольно важнаго въ имперіи города, какова Казань». Поэтому министръ испросилъ дозволеніе государя, не стѣсняясь смѣтою академика Мельникова, открыть чрезъ Академію художествъ конкурсъ для составленія проектовъ памятника. Конкурсъ объявленъ былъ въ апрѣлѣ 1832 года. Поступило довольно большое число проектовъ; изъ нихъ совѣтъ академіи остановилъ свое вниманіе на трехъ. Въ маѣ 1875 императоръ Николай, по представленію Блудова, утвердилъ проектъ профессора Тона съ примѣненіемъ къ нему статуи и барельефовъ, проектированныхъ академикомъ Гальбергомъ. Предполагалось поставить памятникъ на городской площади, но государь, во время пребыванія своего въ Казани 20-го августа 1836 года, лично указалъ мѣсто для сооруженія его на внутреннемъ университетскомъ дворѣ.

Въ 1842 году поступившія на этотъ предметъ пожертвованія составляли наличными деньгами 12.048 руб. и билетами Московской Сохранной казны 6.705 руб. Весь сборъ препровожденъ былъ къ министру внутреннихъ дѣлъ. Затѣмъ сооруженіе памятника возложено было на казанскую строительную коммиссію подъ наблюденіемъ Академіи художествъ. Закладка происходила 15 сентября 1844 года въ присутствіи военнаго губер-

натора Шипова, архитекторовъ Крампа и Коринфскаго и ректора университета Лобачевскаго [1].

Касательно перевозки на мѣсто камня, доставленнаго водою къ Казани, до насъ дошелъ слѣдующій разсказъ очевидца. Чтобы пріискать лучшій къ тому способъ, университетское начальство созвало архитекторовъ, которые, разумѣется, и указали на употребительныя въ такихъ случаяхъ сложныя и не дешево стоящія приспособленія. Но приказчикъ судна рѣшилъ вопросъ гораздо проще. У стараго канала бываетъ биржа или родъ ярмарки, на которую стекается множество народа. Къ этому-то сборищу и обратился онъ съ такою рѣчью: «Народъ православный! Вотъ пріѣхала Держава, и перевезти ее надо, а какъ это сдѣлать, если ты не поможешь? Народъ православный! Помоги перевезти Державу!» Толпа, не задумываясь, выразила свою готовность исполнить просьбу: тотчасъ устроены были салазки, и весь матеріалъ дружно перевезенъ съ берега къ университету. Торжественное открытіе памятника послѣдовало 23 августа 1847 года. По мѣсту его сооруженія это было университетскимъ празднествомъ, но конечно весь городъ принялъ въ немъ живое участіе. Передъ памятникомъ устроенъ былъ амвонъ; парадное крыльцо и лѣстницы университетскаго зданія убраны были рѣдкими растеніями, устланы красивыми коврами, уставлены бюстами знаменитыхъ людей. Въ комнатахъ, также украшенныхъ зеленью и цвѣтами, приготовлены были столы для завтрака; на одной изъ стѣнъ висѣлъ портретъ Державина, на другой красовался вензель его, сдѣланный изъ цвѣтовъ.

Съ ранняго утра толпы любопытныхъ спѣшили на обширный университетскій дворъ; ближайшее къ памятнику мѣсто занимали студенты; за ними слѣдовали воспитанники двухъ казанскихъ гимназій. Въ числѣ присутствовавшихъ находились всѣ городскія власти. Послѣ обѣдни въ университетской церкви, архіепископъ Владиміръ и городское духовенство съ крестами и хоругвями, въ сопровожденіи множества народа, отправились къ па-

[1] См. дѣло о памятникѣ Державина въ архивѣ Казанскаго университета. I, стр. 1396. и д.

мятнику, еще завѣшенному полотномъ, и тамъ отслужили панихиду по Державинѣ. Зрѣлище было величественное; университетскій дворъ едва могъ вмѣстить массу собравшихся; во всѣхъ окнахъ главнаго зданія виднѣлись люди; многіе взобрались на кровлю; были зрители даже на Вознесенской колокольнѣ и на полицейской башнѣ. По провозглашеніи «вѣчной памяти» упала завѣса и преосвященный окропилъ монументъ водою. Тогда на возвышеніе, придѣланное къ памятнику, взошелъ казанскій витія архимандритъ Гавріилъ и произнесъ глубоко-прочувствованное слово.

По окончаніи церемоніи университетская актовая зала быстро наполнилась слушателями. Передъ кафедрою поставлены были столъ и кресла, нѣкогда принадлежавшіе чествуемому поэту и принесенные въ даръ университету; на столѣ находились письменный его приборъ и томъ его сочиненій, а возлѣ кафедры возвышался бюстъ его. На кафедру взошелъ профессоръ русской литературы К. К. Фойхтъ и прочелъ одушевленную рѣчь, которая произвела сильное впечатлѣніе. Въ заключеніе секретарь Общества любителей отечественной словесности Суровцовъ прочиталъ исторію сооруженія памятника и заявилъ между-прочимъ, что это Общество опредѣлило ежегодно имѣть свое публичное собраніе въ годовщину открытія памятника Державина. По окончаніи чтеній ректоръ университета И. М. Симоновъ передалъ профессору Фойхту, какъ университетскому библіотекарю, присланный Бороздинымъ автографъ «Анакреонтическихъ пѣсней» Державина. Утреннее празднество окончилось завтракомъ, который сопровождался обычными тостами, рѣчью ректора и музыкой народнаго гимна. Вечеромъ иллюминація снова привлекла на университетскій дворъ толпы жителей Казани.

Мысль художника, осуществленная памятникомъ, объясняется въ академической запискѣ слѣдующимъ образомъ:

Статуя. Поэтъ сидитъ на камнѣ, на скалистой почвѣ; углубленный въ размышленіе, онъ вдругъ почувствовалъ себя вдохновеннымъ; голова его поднялась, чтобы уловить мысль, въ ней сверкнувшую; правая рука осталась въ томъ же положеніи, какъ она поддерживала голову; лѣвая берется за лиру.

ПАМЯТНИКЪ ДЕРЖАВИНА ВЪ КАЗАНИ

(къ стр. 1020).

Лит. Н.Брезе, С.П.Б Средняя-Подьяческая д. № 4.

Пьедесталъ. На лицевой сторонѣ его надпись: «Г. Р. Державину 1846». Барельефы: На лѣвой сторонѣ Минерва, карающая мятежъ, и Державинъ слѣдуетъ за нею (намекъ на дѣятельность его во время Пугачевскаго бунта). Вмѣстѣ съ Аполлономъ видна Фемида, приглашающая поэта къ своему служенію. На правой сторонѣ Державинъ въ сопровожденіи Грацій, поставя лиру на алтарь посвященный отечеству, поетъ свои гимны; ему внимаетъ Фелица, готовая увѣнчать его. Нева, сказано въ оффиціальномъ описаніи, восплещетъ его пѣснямъ. На задней сторонѣ Ночь и День, какъ эмблема непрерывныхъ трудовъ поэта, осыпаютъ цвѣтами его пѣсни [1].

Въ началѣ 1867 года казанское губернское земское собраніе постановило ходатайствовать о разрѣшеніи перенести памятникъ Державина на театральную площадь, противъ дворянскаго собранія. Въ подкрѣпленіе этого ходатайства приведено было слѣдующее: «Находясь на университетскомъ дворѣ, окруженномъ со всѣхъ сторонъ высокими зданіями и каменными стѣнами, этотъ памятникъ мало доступенъ для публики, многимъ и совершенно неизвѣстенъ, не можетъ способствовать ни украшенію города, ни поддержанію въ обществѣ воспоминанія о трудахъ покойнаго поэта, и получаетъ отъ мѣстоположенія своего значеніе какого-то частнаго монумента, почти излишняго». По всеподданнѣйшемъ докладѣ о томъ, Государь Императоръ 9-го февраля 1868 года высочайше соизволилъ на приведеніе въ дѣйствіе ходатайства губернскаго собранія. Вмѣстѣ съ тѣмъ было дозволено открыть при казанской земской управѣ подписку на добровольныя пожертвованія для расходовъ по перенесенію памятника, которые тогда же исчислены были приблизительно въ 2000 руб. Въ 1870 году памятникъ былъ дѣствительно перенесенъ на предположен-

[1] Подробное описаніе открытія памятника см. въ *Казанскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ* 1847 г., №№ 34—37. Рисунокъ памятника Державина приложенъ былъ: къ *Журналу Министерства Народнаго Просвѣщенія*, т. LVII, къ Штукинскому изданію сочиненій Державина, къ статьѣ Лайбова (Добролюбова) въ *Русскомъ Иллюстрированномъ Альманахѣ* (Спб. 1858), къ *Всемірной Иллюстраціи* 1871, № 131, и можетъ быть еще къ какимъ-нибудь изъ прежнихъ иллюстрированныхъ изданій.

ное мѣсто, а въ 1871 г., по опредѣленію губернскаго собранія, вокругъ него устроенъ садъ съ рѣшеткой, составляющій нынче такъ называемый Державинскій скверъ. Такимъ образомъ, по мѣстному народному разсказу, «чугунный генералъ изъ *наверститута*, гдѣ студентовъ обучаютъ, поѣхалъ къ тіатру, и поставили его тутъ на площади потому-де, что монументу эдакаго человѣка, вельможнаго и генерала, стоять на дворѣ наверститута не пригоже[1]. По другому воззрѣнію, однакожъ, стоящіе у памятника казанскіе извозчики, бранясь между собою, говорятъ другъ другу: «Эхъ ты, идолъ! Державинъ ты эдакой!» Отъ великаго до смѣшного только одинъ шагъ.

Высокая честь оказана памяти Державина въ новѣйшее время помѣщеніемъ его изображенія на двухъ величественныхъ монументахъ, воздвигнутыхъ въ царствованіе Императора Александра Николаевича: на памятникѣ, поставленномъ въ Новгородѣ въ ознаменованіе годовщины тысячелѣтія Русскаго государства, и на памятникѣ Екатерины II, сооруженномъ въ Петербургѣ на площади Александринскаго театра.

16. Заключеніе.

Намъ остается собрать разбросанныя въ трудѣ нашемъ черты личности и таланта Державина, чтобы представить по возможности цѣльный образъ его, какъ человѣка, общественнаго дѣятеля и поэта.

Если принять въ соображеніе время, когда онъ родился, и обстоятельства, посреди которыхъ развивался, то нельзя не признать его замѣчательнымъ и необыкновеннымъ явленіемъ въ исторіи русскаго общества. Послѣ глубокаго нравственнаго паденія въ той растлѣвающей средѣ, гдѣ ему пришлось прожить большую часть молодости, онъ внезапно возстаетъ изъ грязи порока съ твердымъ намѣреніемъ вступить на путь правды и че-

[1] *Путевой очеркъ* графа Сальяса въ *Бесѣдѣ* 1872 г., кн. I, Внутр. Обозр., стр. 84.

сти[1], и этотъ важный шагъ дѣлается началомъ всѣхъ послѣдующихъ успѣховъ его. Припоминая его семейныя, служебныя и общественныя отношенія, всякій безпристрастный наблюдатель отдастъ ему справедливость какъ доброму сыну и родственнику, какъ человѣколюбивому начальнику и помѣщику, вообще какъ христіанину, всегда расположенному дѣлать добро; при чемъ излишняя довѣрчивость и необыкновенное добродушіе часто бывали причиною, что самъ онъ становился жертвой обмана.

Къ государственной службѣ Державинъ имѣлъ несомнѣнныя способности. Объ этомъ достаточно свидѣтельствуютъ быстрота и легкость, съ какими онъ, перейдя съ военнаго поприща на гражданское, усвоилъ себѣ основательное знакомство съ законами и дѣлопроизводствомъ. Но для вполнѣ успѣшной дѣятельности въ этой сферѣ ему недоставало многаго: прежде всего недоставало ему спокойствія духа, самообладанія и терпѣнія; не было у него также благоразумнаго умѣнья уживаться съ людьми, примѣняться къ обстоятельствамъ, къ характеру, взглядамъ и поведенію другихъ, быть ловкимъ и гибкимъ, хотя бы для вѣрнѣйшаго достиженія своихъ цѣлей. Оттого-то онъ ни въ одной должности не могъ утвердиться прочно и отовсюду принужденъ былъ удаляться въ слѣдствіе ссоръ съ поставленными надъ нимъ властями или съ сослуживцами. Но эти ссоры происходили не отъ строптивости въ его характерѣ, какъ думала Екатерина II, и не отъ сварливости, а отъ крайне строгаго, даже педантическаго уваженія къ закону и долгу, отъ смѣлой откровенности и неуклонной прямоты въ выраженіи своихъ убѣжденій и примѣненіи къ нимъ своего образа дѣйствій; наконецъ, отъ необыкновеннаго горячаго и нетерпѣливаго нрава его. Главною причиною всѣхъ его столкновеній было стремленіе во что бы ни стало доставить побѣду правдѣ или тому, что онъ считалъ справедливымъ. Еслибъ онъ болѣе дорожилъ внѣшними выгодами, то конечно сумѣлъ бы удержаться по крайней мѣрѣ въ милости Екатерины II и императора Александра, къ которымъ былъ близокъ.

[1] Кромѣ собственнаго сознанія поэта, мы имѣемъ свидѣтельство Болотова: «Державинъ былъ страшный безбожникъ, но послѣ покаялся» (*Памятникъ претекшихъ времянъ*, стр. 14).

Ему ставятъ въ упрекъ, что онъ, желая поправить свое положенiе при дворѣ, два раза употреблялъ на то свой талантъ, но при этомъ забываютъ, что къ бывшему питомцу новоучрежденной провинцiальной гимназiи временъ Елисаветы Петровны нельзя прилагать мѣрки нынѣшнихъ требованiй. По той же причинѣ несправедливо было бы строго относиться къ Державину и за то, что онъ, естественно придавая большую цѣну чинамъ и вообще служебнымъ отличiямъ, хлопоталъ о полученiи наградъ, когда считалъ себя обойденнымъ въ сравненiи со своими сослуживцами. По полученному имъ воспитанiю надо еще удивляться, какой высокой степени развитiя онъ успѣлъ достигнуть, благодаря плодотворной школѣ жизни, своимъ дарованiямъ, любознательности и обширной начитанности. Конечно, выражавшаяся въ его дѣлахъ и сочиненiяхъ благородная человѣчность была отчасти плодомъ того духа, который проникалъ вообще учрежденiя и все царствованiе Екатерины II, но необходимое условiе къ тому лежало въ собственной природѣ его. За время тамбовскаго губернаторства особенную честь приносятъ Державину заботы его о народномъ образованiи: во всѣхъ своихъ распоряженiяхъ по этой части онъ показалъ себя въ полномъ смыслѣ просвѣщеннымъ правителемъ.

Немногiе государственные люди знали Россiю какъ Державинъ, изучившiй ее лицомъ къ лицу отъ Казани до Бѣлоруссiи, отъ низовьевъ Волги до Сѣвернаго океана, отъ крестьянской хаты и солдатской казармы до царскихъ чертоговъ; немногiе такъ хорошо понимали ея историческiя судьбы и призванiе. Самъ отличаясь рѣдкою энергiею и дѣятельностью, онъ велъ неутомимую борьбу противъ нѣкоторыхъ коренныхъ недостатковъ русскаго человѣка,—противъ его слабости воли и безпечности, противъ равнодушнаго отношенiя его къ закону, и легкости, съ какою онъ даетъ употреблять себя орудiемъ враждебныхъ козней. Въ служебной дѣятельности своей Державинъ всегда руководился болѣе опытомъ жизни и практикою, нежели теорiею, часто основанною на непригодныхъ для Россiи началахъ; онъ не дорожилъ канцелярскими формальностями и бюрократическою рутиной, любилъ быстроту производства и гласность, во все вносилъ духъ жизни и правды.

Эта послѣдняя черта составляетъ существенное отличіе и поэзіи его. Въ Державинѣ жила кипучая сила, ознаменовавшаяся въ его литературномъ творчествѣ между-прочимъ чрезвычайною производительностью. Это одинъ изъ самыхъ плодовитыхъ русскихъ писателей. Вотъ первая трудность полнаго изученія и вѣрной оцѣнки Державина. Другая причина, почему критикѣ не легко установить свой взглядъ на него, заключается въ разнородности содержанія его сочиненій и неравенствѣ ихъ достоинства. Превосходное смѣшано у него не только съ посредственнымъ, но и съ дурнымъ. Естественно, что въ сужденія о такомъ писателѣ должно входить много субъективнаго: каждый судитъ о немъ по тѣмъ впечатлѣніямъ, которыя оказываются сильнѣе; одинъ болѣе поражается красотами его поэзіи, другой ея недостатками, и на этомъ основаніи въ приговорахъ о немъ преобладаетъ то похвала, то порицаніе. Не отъ того ли происходитъ и различіе между взглядомъ на Державина современниковъ его и большинства нынѣшнихъ его читателей? Не этимъ ли объясняется и то противорѣчіе, на которое мы указали въ разновременныхъ сужденіяхъ о немъ Пушкина? Старики видѣли въ немъ одно хорошее; внуки склонны замѣчать преимущественно дурное. И это очень понятно: справедливость требуетъ прямо допустить, что поэзія Державина представляетъ много такого, что несогласно съ понятіями и вкусомъ нашего времени. Въ сущности ода, какъ выраженіе высшаго лиризма, составляетъ совершенно законный и всѣмъ временамъ свойственный родъ поэзіи. Но естественно, что характеръ и форма ея не могутъ не видоизмѣняться по требованіямъ каждой эпохи. Оду 18-го столѣтія обыкновенно представляютъ себѣ хвалебною, льстивою по содержанію и напыщенною по формѣ. Но этими чертами обозначается собственно только весьма распространенное въ 18-мъ вѣкѣ злоупотребленіе оды, а не самая ода. Съ тѣхъ поръ литература, вмѣстѣ съ жизнью, постоянно стремилась къ упрощенію формъ, отвергая все изысканное и принужденное, всякую ложь и притворство. Свобода и простота во всѣхъ проявленіяхъ общественной жизни, такова была одна изъ главныхъ задачъ позднѣйшаго времени. Подъ условіемъ этихъ двухъ ка-

чествъ и ода могла продолжать свое существованiе, хотя уже и отказавшись отъ своего громкаго имени. Еще и подъ перомъ Пушкина она иногда воскресала, но не иначе, какъ въ чертахъ простой и мужественной красоты, какъ напр. въ его стихотворенiяхъ: *Наполеонъ*, *Бородинская годовщина*, *Клеветникамъ Россiи*.

Но первый шагъ къ измѣненiю у насъ характера оды 18-го столѣтiя, введенной Ломоносовымъ, а вмѣстѣ и первый шагъ къ переходу русской поэзiи въ новый перiодъ былъ сдѣланъ Державинымъ. Въ *Фелицѣ* и въ примыкающихъ къ ней стихотворенiяхъ онъ создалъ новый родъ оды, который можно назвать русской народной одой. Но найдя въ ней настоящую сферу для своего поэтическаго призванiя, Державинъ не могъ вполнѣ отречься и отъ торжественной лирики, въ которой съ неменьшимъ блескомъ являлся его талантъ къ изображенiю великихъ дѣлъ и помысловъ человѣка или картинъ природы. Жаль только, что богатству воображенiя и высокому настроенiю духа не вполнѣ соотвѣтствовало у него умѣнье владѣть языкомъ и художественное чувство. Конечно, и торжественныя оды его, по оригинальности замысла и достоинству подробностей, не похожи на другiя стихотворенiя этого рода; но нельзя отрицать, что рядомъ съ первоклассными красотами поэзiи у него встрѣчается реторическiй пафосъ и иногда, послѣ поразительнаго возвышенiя, поэтъ вдругъ падаетъ, а въ то же время и языкъ его мѣстами становится въ высшей степени небрежнымъ и неправильнымъ. И вотъ эти-то недостатки мѣшаютъ многимъ справедливо оцѣнивать Державина какъ поэта.

Неровность языка составляетъ въ немъ одно изъ загадочныхъ на первый взглядъ явленiй. Съ одной стороны, кажется страннымъ, какъ человѣкъ, не знающiй основательно ни грамматики, ни орѳографiи, часто достигаетъ такой пластичности выраженiя, такого плавнаго и легкаго стиха, такой ловкой и звучной поэтической фразы, какiя свойственны только мастеру дѣла. Съ другой стороны, насъ поражаетъ его тяжелая, запутанная, неуклюжая проза; наконецъ, рядомъ съ совершеннымъ невѣдѣнiемъ теорiи слова у него является удивительное богатство

матеріала изо всѣхъ сферъ языка: изъ церковно-славянскаго, изъ русскаго книжнаго, изъ простонароднаго, и даже изъ областныхъ нарѣчій. Такимъ образомъ онъ представляетъ блистательное исключеніе изъ высказаннаго Сумароковымъ правила:

«Нельзя, чтобъ тотъ себя письмомъ своимъ прославилъ,
Кто грамматическихъ не знаетъ свойствъ и правилъ».

Но противорѣчія, замѣчаемыя въ стихотворномъ языкѣ Державина, объясняются тѣмъ, что онъ, обладая изумительнымъ природнымъ чутьемъ, вообще отличающимъ талантъ, могъ удачно побѣждать трудности версификаціи только тогда, когда былъ окрыленъ вдохновеніемъ, но, никогда не вникавъ въ разнообразныя формы и законы языка, не умѣлъ совладать съ нимъ въ обыкновенномъ, какъ бы будничномъ настроеніи духа. Точно такъ же онъ вовсе не имѣлъ понятія о законахъ художественной стройности произведенія, и отъ того-то проистекаетъ господствующее въ его одахъ отсутствіе выдержанности. Эти два существенные недостатка его стихотвореній, неровность языка и слабость художественнаго элемента, всегда останутся тѣнями въ его поэтической славѣ. Естественно, что послѣ совершенства, достигнутаго позднѣйшими поэтами не только въ формѣ, но и въ художественной разработкѣ содержанія, недостатки поэзіи Державина должны сильно чувствоваться въ настоящее время.

Но нашъ взглядъ на писателя другой эпохи никогда не будетъ вѣренъ, если мы, увлекаясь только требованіями настоящаго, не будемъ умѣть стать твердо на почву исторической критики. Посмотримъ теперь, чѣмъ Державинъ былъ для своихъ современниковъ.

Конечно, тогдашнее общество сознавало живую его связь съ собою: иначе оно не могло бы такъ горячо сочувствовать его поэзіи. Потомкамъ трудно представить себѣ неимовѣрную славу, какою Державинъ пользовался въ свое время. Послѣ Ломоносова въ русской литературѣ только и было два писателя, къ которымъ такъ чутко и восторженно прислушивалось общество: Державинъ и Пушкинъ. Всякое новое произведеніе ихъ переписывалось сотнями рукъ, быстро разносилось въ отдаленнѣй-

65*

шіе концы Россіи и выучивалось наизусть; часто даже и напечатанные стихи ихъ продолжали распространяться въ спискахъ. Державинъ еще и при императорѣ Александрѣ I сохранялъ прежнее обаяніе. Когда въ 1804 году онъ переслалъ въ Москву извѣстному графу А. И. Мусину-Пушкину оттискъ своей только-что отпечатанной *Колесницы*, тотъ писалъ къ нему: «Напрасно не поставили вы своего имени; всѣ тѣ, которые у меня оную читали, единогласно сказали, что это вашего пера. Копій столько писецъ мой писалъ по требованіямъ желающихъ, что думаю, онъ знаетъ ее теперь наизусть». Въ современныхъ поэту періодическихъ изданіяхъ и рукописныхъ сборникахъ встрѣчается множество стиховъ, которыхъ предметомъ онъ, его талантъ, его громкая слава, наконецъ его достоинства и заслуги: справедливость, любовь къ добру и къ человѣчеству, преслѣдованіе лжи и порока.

Поэтому любопытно изслѣдовать, чтó именно въ такой степени влекло къ нему современниковъ, почему они такъ понимали и цѣнили его. Необходимо всмотрѣться, дѣйствовали ли на нихъ вѣчные, не старѣющіеся элементы поэзіи, или только случайные интересы минуты, теряющіе цѣну для потомства.

Когда началась литературная извѣстность Державина, прошло уже около двадцати лѣтъ съ воцаренія Екатерины: уже давно славился ея *Наказъ*, учреждены были банки и Воспитательные домы, присоединена Бѣлоруссія, заключенъ миръ въ Кучукъ-Кайнарджи, устраивались намѣстничества. Государыня успѣла уже поразить воображеніе своихъ подданныхъ блескомъ славныхъ дѣлъ и внушить имъ довѣріе къ ея мудрости и величію; уже всѣ сознавали кроткій и благотворный духъ ея царствованія. Много было попытокъ воздать ей стихами заслуженную хвалу; но всѣ эти напыщенныя оды, не имѣвшія никакого отношенія къ жизни, оставались незамѣченными. Тогда-то раздался голосъ поэта, который облекъ въ живое, игривое слово то, что многіе чувствовали, но не умѣли выразить. Въ *Фелицѣ* воплотилась геніальная Екатерина не только со всѣмъ своимъ величіемъ, но и со всею своей глубокою человѣчностью, съ своими либеральными воззрѣніями и цѣлями, съ своею снисходительной привѣт-

ливостью, съ своими литературными занятіями въ тиши царственнаго кабинета. Притомъ она явилась тутъ не одна, но во всемъ блестящемъ своемъ окруженіи, въ средѣ своихъ пышныхъ и прихотливыхъ вельможъ. Въ описаніи ея и ихъ образа жизни, въ тонѣ обращенія поэта къ сильнымъ міра, обитающимъ на высотахъ, считавшихся недосягаемыми, было столько новаго и смѣлаго, что образованное общество съ восторгомъ привѣтствовало появленіе необыкновеннаго таланта.

Но *Фелица* имѣла еще и другое, чисто-литературное значеніе. Незадолго передъ тѣмъ начали слышаться выходки противъ тяжелыхъ, бездушныхъ одъ, которыя наводняли литературу; уже ощущалась потребность чего-нибудь болѣе живого, и *Фелица* явилась неожиданнымъ отвѣтомъ на эту потребность. Шуточно-сатирическій тонъ этой оды, простой языкъ ея и легкій, естественный стихъ были такъ поразительны, что произведенное ею впечатлѣніе можетъ быть сравнено развѣ только съ тѣмъ, какое ода Ломоносова на взятіе Хотина произвела на его современниковъ своимъ новымъ размѣромъ и складомъ.

Но самымъ существеннымъ условіемъ успѣха *Фелицы* была та искренность, которую въ ней почувствовали, и это свойство, безъ котораго немыслимо полное торжество таланта, сдѣлалось одною изъ отличительныхъ принадлежностей поэзіи Державина. Безъ искренняго чувства онъ не могъ воодушевляться; тогда ни одинъ писатель не становился такъ безсиленъ, какъ Державинъ. Однихъ житейскихъ побужденій было недостаточно, чтобы дать крылья его таланту; оды *Изображеніе Фелицы* и *На восшествіе на престолъ императора Павла*, хотя и предпринятыя имъ по внѣшнему побужденію, удались ему потому, что онъ дѣйствительно чувствовалъ все въ нихъ высказанное. Напротивъ, когда императрица приблизила его къ себѣ, сдѣлавъ его своимъ секретаремъ, когда для него была бы особенно выгодна роль придворнаго пѣвца, тѣмъ болѣе, что сама Екатерина не разъ вызывала его писать стихи въ родѣ *Фелицы*, онъ не въ состояніи былъ создать ничего подобнаго, потому что, какъ самъ говоритъ, приближеніе ко двору, гдѣ онъ увидѣлъ передъ собой игру человѣческихъ страстей, охладило его и онъ уже «почти ничего не

могъ написать горячимъ, чистымъ сердцемъ въ похвалу государыни».

Придворнымъ стихотворцемъ Державинъ никогда не былъ и не могъ быть. Правда, что духъ современной ему литературы и самыя обстоятельства сильно влекли его въ сферу подобной дѣятельности; но тому противились, съ одной стороны, сила и самобытность его таланта, а съ другой — энергическій его характеръ. Хвалебное стихотворство, какимъ оно является при разныхъ европейскихъ дворахъ прошлаго столѣтія, отличается холодною высокопарностью и бездушною сухостью. Поэзія Державина остается чуждою этого характера, и если нѣкоторыя изъ его одъ по направленію дѣйствительно подходятъ подъ этотъ разрядъ стихотворства, то по разсѣяннымъ въ нихъ красотамъ онѣ носятъ однакожъ печать истинно поэтическихъ созданій. Слѣдуетъ замѣтить, что въ отношеніи почти ко всѣмъ фаворитамъ Екатерины Державинъ хранилъ молчаніе. Даже Потемкина, при жизни его, онъ хвалилъ мало; въ Платонѣ Зубовѣ онъ похвалилъ его музыкальный талантъ, и привѣтствовалъ этого вельможу за ласковый пріемъ въ его домѣ. Валеріанъ Зубовъ внушилъ ему стихи своимъ несчастіемъ въ Польшѣ и подвигомъ въ Персіи: Державинъ искренно уважалъ его, какъ человѣка. О другихъ любимцахъ нѣтъ и помину въ его стихахъ. Нельзя также забыть, что Суворова и Валеріана Зубова онъ продолжалъ воспѣвать въ то время, когда они были въ немилости, и въ какую же пору? въ царствованіе императора Павла[1].

Главная ода Державина въ честь Потемкина написана была по смерти его. *Водопадомъ* онъ воплотилъ въ величественный и вѣчный образъ свое глубоко-поэтическое пониманіе этого необыкновеннаго человѣка, который еще далеко не разъясненъ исторіей,

[1] Въ этомъ отношеніи, кромѣ Бѣлинскаго (см. выше стр. 596), Державину отдаютъ справедливость и нѣкоторые другіе строгіе судьи его: такъ напр. Добролюбовъ («Лайбовъ») въ *Русскомъ Иллюстрированномъ Альманахѣ* (стр. 120) очень тепло выражается о безкорыстіи поэта въ похвалахъ его: «Прославляя славныхъ людей своего времени, Державинъ дѣлалъ это съ величайшимъ благородствомъ, слѣдуя только влеченію своего сердца, умѣвшаго цѣнить добро» и т. д.

но конечно не даромъ сохранилъ до конца полную довѣренность Екатерины и оставался во всѣхъ обстоятельствахъ ея совѣтникомъ—«рѣшитель думъ въ войнѣ и мирѣ, могущъ, хотя и не въ порфирѣ». Въ этой удивительной одѣ Державинъ проявилъ во всей полнотѣ именно ту сторону своего духа, въ которой главнымъ образомъ заключалась тайна его могущественнаго дѣйствія на современниковъ. *Пѣвцомъ величія* назвалъ его Гоголь, и это слово чрезвычайно мѣтко. Такимъ является Державинъ въ двухъ отношеніяхъ: какъ выразитель великихъ обще-человѣческихъ идей и какъ пѣвецъ величія Россіи и Русскаго народа.

Если обратимся къ общимъ направленіямъ 18-го столѣтія, то найдемъ, что важная дума о человѣкѣ, о его отношеніи къ высшему міру и положеніи въ здѣшнемъ составляла вездѣ одну изъ господствующихъ темъ литературы и искуства. Это настроеніе проникло и къ намъ; но тогда какъ у другихъ русскихъ писателей оно порождало только скучное прозаическое нравоученіе, оно же у Державина становилось основою сильнаго и глубокаго лиризма. Даже и изъ лириковъ другихъ націй не было ни одного, который бы такими рѣзкими чертами, въ такихъ потрясающихъ картинахъ умѣлъ выставлять противоположность между роскошью земныхъ наслажденій и ихъ непрочностью, и вмѣстѣ такъ осязательно изображать высоту духовной нашей природы.

Насъ не должно поражать, что Державинъ въ дѣйствительной жизни самъ не всегда удовлетворяетъ требованіямъ высшаго нравственнаго закона. Въ немъ живутъ какъ бы *два человѣка:* одинъ въ минуты творчества, съ величавымъ, недосягаемымъ идеаломъ человѣческаго достоинства, другой—въ треволненіяхъ житейской суеты, со всѣми страстями человѣческой природы. Эту двойственность поэта прекрасно выразилъ Пушкинъ, сознавшій ее въ самомъ себѣ; и къ Державину, столько же какъ къ нему самому, примѣняется сказанное имъ о поэтѣ, поглощаемомъ прозою жизни:

«Молчитъ его святая лира,
Душа вкушаетъ хладный сонъ,

И межъ дѣтей ничтожныхъ міра,
Быть можетъ, всѣхъ ничтожнѣй онъ.»

Зная исторію дѣтства и юности Державина, мы недоумѣваемъ, какъ могъ развиться такой высокій идеалъ въ человѣкѣ, который не получилъ почти никакого воспитанія и провелъ лучшій возрастъ въ самомъ дурномъ обществѣ,—сперва рядовымъ, въ низшей полковой сферѣ, а потомъ офицеромъ, въ омутѣ разврата, въ праздности, карточной игрѣ и разгулѣ всякаго рода. Но здѣсь мы находимъ и разгадку явленія. Изъ гибельной борьбы страстей эта сильная натура вышла съ торжествомъ, благодаря глубоко запечатлѣннымъ въ молодой душѣ воспоминаніямъ дѣтства и опытамъ жизни.

Дорого-купленное нравственное перерожденіе отразилось въ поэзіи Державина религіознымъ ея направленіемъ въ послѣдующее время. Самымъ рѣшительнымъ выраженіемъ этого направленія была его ода *Успокоенное невѣріе*, которая, по собственнымъ его словамъ, первая обратила на него вниманіе любителей литературы, вѣроятно переработанная имъ черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ перваго ея зарожденія. Такимъ образомъ, и въ области духовной лирики, въ которой вѣнцомъ его славы сдѣлалась впослѣдствіи ода *Богъ*, Державинъ собственнымъ опытомъ выстрадалъ свое творчество, и здѣсь мы опять встрѣчаемся съ тою искренностью, на которую уже было указано, какъ на одно изъ существенныхъ свойствъ его духа, съ тѣмъ чистосердечіемъ, о которомъ самъ онъ говоритъ въ своемъ *Признаніи*.

Объ одѣ *Богъ* въ наше время судили различно. Съ своей стороны замѣчу только, что причины ея безпримѣрнаго успѣха должно искать въ силѣ ея лирическаго полета, глубинѣ религіознаго убѣжденія и величіи начертанныхъ въ ней образовъ. Сравнивъ оду *Богъ* съ лучшими произведеніями другихъ европейскихъ литературъ въ томъ же родѣ, мы будемъ невольно поражены ея превосходствомъ со стороны быстроты движенія, высоты лиризма и поражающей картинности. Въ отношеніи къ его духовной поэзіи вообще, можно прибавить, что въ ней, по замѣчанію покойнаго

митрополита Кіевскаго Арсенія, обнаруживается большое знаніе церковнаго богословія [1].

Потрясая своихъ современниковъ какъ защитникъ Божіей правды на землѣ, Державинъ не менѣе возбуждалъ ихъ сочувствіе пламеннымъ изображеніемъ величія судебъ Россіи, ея исполинской силы и обширности, ея грознаго торжества надъ всѣми врагами. То была пора гордаго юношескаго самосознанія русскаго общества, и Державинъ сдѣлался óрганомъ этого сознанія, или вѣрнѣе, самочувствія. Какъ глубоко и твердо вѣритъ онъ въ несокрушимость Россіи, въ высокое назначеніе русскаго народа, и особенно, — чтó весьма замѣчательно, — въ призваніе его дать миръ Европѣ (*Афету*):

Аѳету миръ? О трудъ избранный,
Достойнѣйшій его дѣтей,
Великими людьми желанный!
Свершишься ль ты средь нашихъ дней?

Такъ восклицаетъ поэтъ во время второй турецкой войны, въ 1790 году.

Доколь, Европа просвѣщенна,
Съ перуномъ будешь устремленна
На кровныхъ братіевъ своихъ?
Не лучше ль внутрь раздоръ оставить
И съ Россомъ грудь одну составить
На общихъ супостатъ твоихъ?

Рѣчь идетъ о Турціи. Тогдашнимъ фазисомъ Восточнаго вопроса былъ *Греческій проектъ*, любимая мечта Потемкина:

За нимъ златая колесница
По розовымъ летитъ зарямъ;
Сѣдящая на ней царица,
Великимъ равная мужамъ,

[1] Это замѣчаніе было лично сообщено мнѣ архипастыремъ въ Академіи наукъ, когда (въ 1865 году) онъ присутствовалъ въ торжественномъ ея собраніи при моемъ чтеніи *характеристики Державина какъ поэта*, откуда большею частью и заимствовано содержаніе настоящей главы.

Рукою держитъ крестъ одною,
Возжженный пламенникъ другою
И сыплетъ блески на Босфоръ:
Уже отъ сѣвернаго свѣта
Лицо блѣднѣетъ Магомета
И мрачный отвратилъ онъ взоръ....

Пусть только умъ Екатерины,
Какъ Архимедъ, создастъ машины,
А Россъ вселенной потрясетъ! —

Чего не можетъ родъ сей славный,
Любя царей своихъ, свершить?
Умѣйте лишь, главы вѣнчанны,
Его безцѣнну кровь щадить.
Умѣйте дать ему вы льготу,
Къ дѣламъ великимъ духъ, охоту
И правотой сердца плѣнить.
Вы можете его рукою
Всегда, войной и не войною,
Весь мiръ себя заставить чтить [1].

Для таланта Державина было особеннымъ счастьемъ, что пора полнаго его развитiя совпала съ царствованiемъ Екатерины. Въ этотъ героическiй вѣкъ русской исторiи событiя и люди своими исполинскими размѣрами именно соотвѣтствовали смѣлости этой оригинальной фантазiи, размаху этой широкой, своенравной кисти. Въ тогдашней Россiи на всѣхъ поприщахъ дѣятельности встрѣчаются лица, которыя, при всемъ разнообразiи своихъ физiономiй, представляютъ одну черту общаго сходства: это — ихъ рѣзкiя особенности, дающiя имъ какъ бы типическiй характеръ. Орловы, Потемкинъ, Суворовъ, Безбородко и другiе, — все это чрезвычайно оригинальныя, своенравно обозначившiяся личности, въ которыхъ слабости такъ же рѣзки, какъ и достоинства: во всѣхъ ихъ много поразительнаго, страннаго, за-

[1] I, 357—359.

гадочнаго для насъ, людей 19-го вѣка. Всѣ эти своеобразныя лица, вмѣстѣ съ громадными событіями, въ которыхъ они участвовали, прошли сквозь призму поэзіи Державина, и мысль, не разъ уже выраженная, что въ созданіяхъ его живетъ цѣлая эпопея чудной эпохи, совершенно справедлива. Если для таланта Державина было счастіемъ жить въ вѣкъ Екатерины, то съ другой стороны и время это могло гордиться появленіемъ поэта, призваннаго увѣковѣчить его въ образахъ. Но не одни герои встаютъ у него, какъ живые: онъ сохранилъ намъ очертанія и многихъ лицъ совершенно другого характера. Возьмемъ хоть графа А. С. Строганова и Льва Нарышкина: какъ выразительны у него ихъ фигуры, особенно дышащее веселостью изображеніе послѣдняго, безъ котораго картина двора Екатерины была бы неполна.

Левъ именемъ — звѣриный царь,
Ты родомъ — богатырь, сынъ барскій;
Ты сердцемъ — стольникъ, хлѣбодарь;
Ты должностью — конюшій царскій;
Твой домъ утѣхой расцвѣтаетъ,
И всякъ подъ тѣнь его идетъ.

Идутъ прохладой насладиться,
Музыкой душу напитать;
То тѣмъ, то сѣмъ повеселиться,
Въ бостонъ и въ шашки поиграть;
И словомъ, радость всю, забаву
Столицы ты къ себѣ вмѣстилъ....

Что нужды мнѣ, кто, все зефиромъ
Съ цвѣтка лишь на цвѣтокъ летя,
Доволенъ былъ собою, міромъ,
Шутилъ, рѣзвился какъ дитя;
Но если онъ съ столь легкимъ нравомъ
Всегда былъ добрый человѣкъ, —

Хвалю тебя: ты въ смыслѣ здравомъ
Пресчастливо провелъ свой вѣкъ [1]....

[1] I, 735.

И въ противоположность этому беззаботному баловню счастья выступаетъ И. И. Шуваловъ, этотъ остатокъ другого времени, этотъ идеалъ просвѣщеннаго и благодушнаго вельможи-покровителя, о которомъ Державинъ всегда говоритъ съ такимъ теплымъ чувствомъ, какъ о своемъ благодѣтелѣ съ дѣтства. Съ равнымъ уваженіемъ за гражданскіе подвиги, хотя и съ меньшимъ сочувствіемъ, изображаетъ онъ Безбородку. И надъ всѣми этими лицами сподвижниковъ или приближенныхъ Екатерины господствуетъ собственный ея образъ, самый разительный и величавый изъ всѣхъ не по одному мѣсту, которое она занимаетъ, но по истинному величію и генію. Никто не понималъ ее такъ высоко, никто не изображалъ ея съ такимъ одушевленіемъ, съ такою поэтическою истиною и наглядностью, какъ Державинъ. Тѣ созданія его, которыя рисуютъ Екатерину, лучше исторіи сохранятъ для потомства прекраснѣйшія стороны ея существа и дѣятельности. Какъ понималъ онъ ее, можно между-прочимъ видѣть изъ слѣдующихъ строфъ *Изображенія Фелицы*. Поэтъ проникаетъ въ самыя сокровенныя мысли монархини и слагаетъ «молитву Екатерины Великой», какъ назвалъ это мѣсто Карамзинъ [1].

О Ты, Всесильный и Превѣчный,
Который волею Своей
Колеса движешь быстротечны
Вратящейся природы всей!

Когда ты есть душа едина
Движенью сихъ огромныхъ тѣлъ,
То Ты жъ конечно и причина
И нравственныхъ народныхъ дѣлъ:
Тобою царства возрастаютъ,
Твое орудіе — цари;
Тобой они и померцаютъ,
Какъ блескъ вечернія зари.

[1] Карамзинъ выписалъ это мѣсто въ альбомъ избранныхъ отрывковъ, поднесенный имъ великой княгинѣ Екатеринѣ Павловнѣ.

Наставь меня, міровъ Содѣтель,
Да, волѣ слѣдуя Твоей,
Тебя люблю и *добродѣтель*,
И зижду счастіе людей:
Да вѣкъ мой на дѣла полезны
И счастье ихъ я посвящу,
Самодержавства скиптръ желѣзный
Моей щедротой позлащу!

Да, удостоенна любви,
Надзрѣнія Твоихъ очесъ,
Чтобъ я за кажду каплю крови,
За всякую бы каплю слезъ
Народа моего пролитыхъ,
Тебѣ отвѣтствовать могла
И чувствъ души моей открытыхъ
Тебя свидѣтелемъ звала![1].

По мнѣнію нѣкоторыхъ критиковъ, Державинъ изображалъ только внѣшнія событія; но, вникнувъ глубже въ содержаніе его поэзіи, съ этимъ нельзя будетъ согласиться. Внѣшнія событія дѣйствительно доставляли поводъ къ его стихотвореніямъ и служили имъ рамкою; но достаточно прослѣдить ходъ его мыслей въ одахъ, посвященныхъ Фелицѣ, Шувалову и Строганову, въ *Вельможѣ*, въ *Монументѣ милосердія*, чтобы убѣдиться, что самое глубокое сочувствіе питалъ онъ къ гражданской доблести, къ духу царствованія Екатерины, къ возникшимъ съ нею либеральнымъ и гуманнымъ идеямъ, которыхъ первымъ изъяснителемъ онъ и явился, какъ одинъ изъ передовыхъ людей *своего* времени.

Замѣчательно, что Державинъ былъ свидѣтелемъ и пѣвцомъ *двухъ* изъ величайшихъ эпохъ славы Россіи. Онъ видѣлъ дѣла и торжества Екатерины, видѣлъ ужасы и усмиреніе Пугачевщины, славилъ подвиги Румянцова и Суворова, пѣлъ Елисаветинскаго министра Шувалова, — и на его же вѣку совершилось

[1] 284—286.

нашествiе и паденiе Наполеона, прославился Александръ съ своими полководцами и молодыми министрами. Какiе два различные вѣка, — одинъ съ своимъ грознымъ концомъ, другой съ своимъ свѣтлымъ началомъ, — встрѣтились на глазахъ Державина! При воцаренiи Александра талантъ поэта еще не утратилъ всей своей силы, и въ его привѣтствiяхъ молодому царю слышались величавые отголоски лиры, славившей Фелицу. Достойно Екатерины обрисованъ имъ и внукъ ея, котораго Державинъ, уже при рожденiи его, въ поэтическомъ предчувствiи нарекъ *человѣкомъ на тронѣ* и котораго роль, какъ примирителя Европы, была имъ предначертана уже при самомъ началѣ войнъ съ Наполеономъ. Но любопытно, что изъ всѣхъ героевъ Александра типически представленъ имъ только одинъ, Платовъ; кисть его, начертавъ исполинскiе образы Екатерининскихъ орловъ, уже не чувствовала силы для новыхъ созданiй этого рода. Самъ сознавая это, Державинъ въ 1812-мъ году смотрѣлъ на Жуковскаго, какъ на своего преемника.

И дѣйствительно, передъ «Пѣвцомъ въ станѣ русскихъ воиновъ» авторъ «Лиро-эпическаго гимна на прогнанiе Французовъ» являлся какъ бы окаменѣлымъ организмомъ отжившаго мiра. Устарѣлый пѣвецъ Фелицы не могъ переродиться: не могъ усвоить себѣ новыхъ, болѣе свободныхъ и изящныхъ формъ, въ которыя постепенно облекалась поэзiя. Но такъ живуча была эта лира, что и посреди слабѣвшихъ ея тоновъ иногда раздавались звуки, отзывавшiеся прежнею силой и величiемъ. Живой памятникъ другого вѣка, старецъ встрѣчалъ съ недовѣрiемъ явленiя новой жизни и рядомъ съ *одой*, посвященной громкимъ событiямъ царствованiя Александра, является у него *басня*, родъ поэзiи, который онъ разрабатывалъ уже и прежде, но полюбилъ особенно теперь, находя въ немъ удобную форму для протеста противъ того, что видѣлъ вокругъ себя.

Такимъ образомъ разнородныя явленiя двухъ великихъ эпохъ отразились различно въ поэзiи Державина, и не безъ основанiя нѣкоторые писатели давно называли его поэтомъ-лѣтописцемъ своего времени. Теперь, когда литературное наслѣдiе его сдѣлалось извѣстнымъ во всемъ своемъ объемѣ, историческая сторона

его стихотвореній выдается еще полнѣе и разительнѣе. Обставленныя собственными его объясненіями, они становятся живою хроникой эпохи. При совершенномъ почти отсутствіи политическаго элемента въ тогдашнихъ нашихъ періодическихъ листахъ, при малочисленности у насъ мемуаровъ и сравнительной бѣдности анекдотической исторіи, сочиненія Державина, богатыя примѣненіями къ обстоятельствамъ и лицамъ, пріобрѣтаютъ еще не довольно оцѣненное значеніе. Въ этомъ отношеніи особеннаго вниманія заслуживаютъ его посмертныя мелочи, какъ-то: эпиграммы, надписи и т. п., которыя уже имъ самимъ приготовлены были къ печати. Изъ нихъ мы въ первый разъ почерпаемъ разныя историко-литературныя подробности, видимъ отношенія между тогдашними дѣятелями, узнаемъ тогдашніе взгляды на событія и лица, знакомимся короче и съ тѣми вліяніями, подъ которыми находился самъ поэтъ. Съ этой стороны, его сочиненія всегда будутъ представлять обильный запасъ историческихъ данныхъ для ближайшаго изученія его времени. Передъ нами проходитъ въ его стихахъ цѣлая жизнь даровитаго русскаго писателя, тысячами нитей связанная съ жизнью всей эпохи.

И посреди всѣхъ лицъ, ярко начертанныхъ его кистью, съ особенною выпуклостью выступаетъ его собственной образъ, эта характерная физіономія сына Россіи 18-го вѣка. Державинъ неоспоримо принадлежитъ къ разряду тѣхъ типическихъ лицъ царствованія Екатерины, на которыя мы указывали; къ нему самому, какъ поэту, можно отнести слова, сказанныя имъ въ *Водопадѣ* Потемкину:

Не шелъ ты средь путей извѣстныхъ,
Но пролагалъ ихъ самъ...

Оставляя за нимъ всѣ его слабости и темныя стороны, мы всетаки должны признать въ немъ необыкновеннаго человѣка, который, силою природныхъ способностей и энергической воли возвысившись изъ ничтожества, достигъ вліянія, почестей и славы. Какъ ни полонъ онъ противорѣчій, мы не можемъ не видѣть въ немъ въ высшей степени замѣчательнаго коренного Русскаго по воспитанію, быту, уму и нраву. Несмотря на раннее,

случайное знакомство его съ нѣмецкимъ языкомъ, ни его молодость, ни дальнѣйшая жизнь не могли привить къ нему ничего иностраннаго. Онъ родился и выросъ въ провинціи, въ приволжскихъ низовыхъ губерніяхъ; обстановка, среди которой онъ развивался, была довольно сходна съ тою, которую въ наше время такъ искусно и вѣрно изобразилъ намъ покойный авторъ *Семейной хроники*. Во всѣхъ сочиненіяхъ Державина явственно проглядываетъ его глубокое знакомство съ жизнью и языкомъ народа, его давнее сліяніе съ Церковью, его совершенное знаніе славянской Библіи и богослужебныхъ пѣсенъ. Первоначальная основа воспитанія была у него общая съ Ломоносовымъ; но какъ расходятся за тѣмъ пути ихъ развитія! Классическое образованіе едва коснулось Державина скудными уроками латыни въ казанской гимназіи; ему не удалось побывать въ чужихъ краяхъ. Довольно обширныя историческія и литературныя знанія, которыми онъ насъ нерѣдко удивляетъ въ своихъ сочиненіяхъ, были плодомъ собственныхъ его трудовъ и большой начитанности. Въ Россіи, сравнительно съ другими странами богатой самоучками, Державинъ является однимъ изъ самыхъ блестящихъ явленій этого рода. Въ слѣдствіе того образованіе его представляло конечно много пробѣловъ, но съ тѣмъ вмѣстѣ онъ легче могъ сохранить полную самостоятельность и сдѣлаться оригинальнымъ. У Русскихъ не было другого писателя, который бы представлялъ такія отличительныя черты творчества. Своенравное воображеніе его давно уже оцѣнено; но въ его умѣ было одно свойство, на которое, кажется, еще не обращалось довольно вниманія: это какая-то насмѣшливость или, какъ ее тогда называли, *издѣвка*, которая иногда прорывалась у него посреди самаго торжественнаго настроенія и за которую Екатерина въ душѣ не любила его. Слѣдуя современнымъ литературнымъ обычаямъ, Державинъ хвалилъ; но посреди похвалы онъ готовъ былъ какъ будто невзначай разразиться («брякнуть въ слухъ») какимъ-нибудь смѣлымъ словомъ истины [1]. Этимъ Державинъ

[1] См. напр. 19-ю строфу оды *На Мальтійскій орденъ* и разныя мѣста въ одѣ *На миръ 1807 года*, которая въ первоначальномъ видѣ не могла быть напечатана.

особенно гордился, какъ выраженіемъ своего правдолюбія. По ходу всего его развитія, рѣзкія противоположности были неизбѣжны въ существѣ его, и съ исканіемъ милости сильныхъ, какъ чертою тогдашнихъ нравовъ, въ немъ дѣйствительно соединялась прямота, выработанная собственнымъ его характеромъ,— источникъ множества невзгодъ, постигшихъ его въ жизни. Итакъ чисто-русская натура, выразившаяся въ поэзіи Державина, хотя со всѣми недостатками вѣка, его ясный сатирическій умъ, его пылкій нравъ, его здравый смыслъ, чуждый всякой болѣзненной сентиментальности и холодной отвлеченности, наконецъ его изумительно-могучее и яркое воображеніе, — вотъ что составляетъ сущность его таланта и всегда останется достойнымъ изученія.

Все это придало поэзіи Державина оригинальный характеръ. Справедливо было замѣчено, что онъ изъ предѣловъ какой-то безпочвенной области витіеватыхъ возгласовъ свелъ поэзію въ міръ осязательной дѣйствительности и жизни. Ломоносовскіе земные боги еще остались попрежнему на сценѣ, но они явились теперь съ людскими страстями и заговорили языкомъ человѣческимъ. Удаленіе Державина отъ школы, его влеченіе къ непосредственной жизни, его практическій смыслъ были первымъ началомъ всего возрожденія русской литературы. Отсюда уже ясно, какъ односторонне мнѣніе, будто онъ не имѣлъ никакого вліянія на дальнѣйшія судьбы нашей поэзіи. Правда, что онъ не создалъ школы: хотя въ подражателяхъ ему и не было недостатка, но такъ какъ они не имѣли его таланта, то ихъ произведенія, нося на себѣ чуждый и искуственный отпечатокъ, не могли занять мѣста въ исторіи литературы [1]. Но Державинъ не только подалъ примѣръ сближенія поэзіи съ жизнью: онъ же первый, въ свое время, сталъ вводить въ русскую поэзію народность, которой начатки мы встрѣчаемъ только у Ломоносова. Народность явилась у Державина частью въ характерѣ его воз-

[1] Въ числѣ подражателей Державина были Крыловъ и Клушинъ: лирическіе труды Крылова забыты, а Клушинъ написалъ между-прочимъ оду *Человѣкъ*, которую долго считали произведеніемъ Державина, такъ авторъ умѣлъ усвоить себѣ пріемы и тонъ его оды.

зрѣній на природу, человѣка, общество, церковь, въ духѣ его сатиры и шутки, частью въ изображеніи имъ разныхъ сторонъ русскаго быта, наприм. въ *Кружкѣ*, въ *Фелицѣ*, въ одѣ *на Счастье*, въ *Похвалѣ сельской жизни*, въ посланіи къ Платову. Народность выразилась также въ языкѣ Державина. Несмотря на частую неточность и даже неправильность его оборотовъ, на встрѣчающееся нерѣдко небрежное обращеніе его съ формами языка, рѣчь его замѣчательна, во-первыхъ, своимъ поэтическимъ благородствомъ, во-вторыхъ, чисто-русскимъ складомъ, обиліемъ выраженій и словъ, почерпнутыхъ изъ простонароднаго быта, наконецъ умѣстнымъ употребленіемъ пословицъ и поговорокъ и заимствованіями изъ русской сказочной и пѣсенной литературы.

Но что̀ еще болѣе обѣщаетъ прочности его славѣ, это тотъ великій нравственный и общественный идеалъ, который онъ постоянно стремится выставлять предъ своими согражданами. Его ода *Властителямъ и судьямъ*, циклъ одъ, изображающихъ *Фелицу*, *Вельможа*, ода *на возвращеніе графа Валеріана Зубова* (бывшаго тогда въ опалѣ) и нѣкоторыя другія поражали современниковъ своею смѣлостью. Въ одѣ *Властителямъ и судьямъ* онъ именемъ совѣсти и Бога взываетъ ко всѣмъ земнымъ властямъ вообще. Въ *Фелицѣ* уяснилъ онъ самой Екатеринѣ идеалъ, къ которому она стремилась. Какъ ей, такъ и двумъ ея преемникамъ, онъ, въ видѣ похвалъ, часто давалъ совѣты, выражалъ общественныя желанія, начертывалъ какъ бы программу достойной монарха дѣятельности. Въ *Вельможѣ* онъ противополагаетъ могущественнымъ въ то время Зубову и Самойлову бывшаго долго въ немилости Румянцова и ставитъ его всѣмъ власть имѣющимъ въ примѣръ скромной доблести. Но трудно было бы исчислить всѣ тѣ оды, въ которыхъ онъ, по словамъ Гоголя, усиливается начертать образъ крѣпкаго мужа правды, закаленнаго въ дѣлѣ жизни и борьбѣ, и этому идеалу умѣетъ онъ всегда придать черты того величія, о которомъ мы уже говорили. Что намъ нужды до того, что самъ онъ на дѣлѣ не вполнѣ осуществилъ этотъ идеалъ? Довольно, что въ минуты творчества онъ служилъ великимъ идеямъ человѣчества съ такимъ жаромъ, какого мы не замѣчаемъ

ни у кого изъ другихъ поэтовъ. Силою своего пламеннаго воображенія, своей здравой мысли и рѣзкаго слова онъ переноситъ насъ въ тотъ высшій нравственный міръ, гдѣ умолкаютъ страсти, гдѣ мы невольно сознаемъ ничтожество всего житейскаго и преклоняемся предъ духовнымъ величіемъ. Таково содержаніе главныхъ одъ Державина: несмотря ни на какія измѣненія временъ, ни на какіе успѣхи просвѣщенія и языка, образы имъ начертанные сохранятъ навсегда свою яркость, и до тѣхъ поръ пока идеи Бога, безсмертія души, правды, закона и долга будутъ жить не пустыми звуками на языкѣ Русскаго народа, до тѣхъ поръ имя Державина, какъ общественнаго дѣятеля и поэта, не утратитъ въ потомствѣ своего значенія.

ВАЖНѢЙШІЯ ОПЕЧАТКИ.

Стран.	Строка.	Напечатано:	Должно быть:
96	сн. 1.	приказывалъ	приказалъ
108	сн. 3—4 въ прим.	До Саратова отсюда 138 верстъ. Такъ по крайней мѣрѣ гласитъ достовѣрное преданіе.	Такъ по крайней мѣрѣ гласитъ достовѣрное преданіе. До Саратова отсюда 138 верстъ.
153	св. 14.	Мюфелю	Муфелю
174	сн. 5.	Баритаевъ	Баратаевъ
180	сн. 18.	Пундапи	Пундани
349	сн. 14.	журналахъ	журналовъ
406	сн. 5.	отзывы; такъ Вигель	отзывы; Вигель
581	сн. 4.	25	5
647	св. 1.	Сенаторъ и президентъ коммерцъ-коллегіи.	Сенаторъ.
650	сн. 16.	не	на
692	св. 1.	18	19
697	св. 4.	19	20
746	сн. 7.	1799	1798
796	сн. 11.	кн. Кочубей	гр. Кочубей
877	сн. 6.	Донъ	Днѣпръ
1018	сн. 14.	1875	1835

Сверхъ того на планахъ: къ стр. 749 напечатано: *чр. Зубова* вмѣсто: *гр. Зубова*, а къ стр. 750, подъ буквою *я*: *въ садъ* вм. *въ саду*, и притомъ строеніе подъ этою буквою слѣдовало означить на первомъ планѣ.

